Науково-
документальна
серія книг
«Реабілітовані історією»

ПОМОЛІМОСЯ ЗА ВСІХ

***Тож помолімося за всіх, кому
Вже не судилося узріти світла,
Що їх я думкою не обійму;
За всіх, кому зруйновано їх житла,
Кого безжально кинули в тюрму,
Щоб радість їм ніколи не розквітла.
О, тільки дотиком легеньких рук
Позбав їх, Господи, страждань і мук!***

***Помолимось за тих, що у розлуці
Помруть, відірвані від рідних хат;
Помолимось за тих, що у розпуці
Вночі гризуть залізні штаби ґрат,
Що душать жаль у невимовній муці,
За тих, кого веде на страту кат.
Над ними, Господи, в небеснім тверді
Простри свої долоні милосердні!***

Юрій Клен

Національна академія наук України
Інститут історії України НАН України
Головна редакційна колегія науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією»
Служба безпеки України
Національна спілка краєзнавців України
Українське культурно-просвітницьке товариство «Меморіал» імені В. Стуса
Львівська обласна рада
Львівська обласна державна адміністрація

РЕАБІЛІТОВАНІ ІСТОРІЄЮ

У ДВАДЦЯТИ СЕМИ ТОМАХ

КИЇВ–ЛЬВІВ
2009

Національна академія наук України
Інститут історії України НАН України
Головна редакційна колегія науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією»
Служба безпеки України
Національна спілка краєзнавців України
Українське культурно-просвітницьке товариство «Меморіал» імені В. Стуса
Львівська обласна рада
Львівська обласна державна адміністрація

РЕАБІЛІТОВАНІ ІСТОРІЄЮ

ЛЬВІВСЬКА ОБЛАСТЬ

КНИГА ПЕРША

ВИДАВНИЦТВО «АСТРОЛЯБІЯ»
ЛЬВІВ 2009

УДК 94:323.281.(477.83)"1939/1980"
ББК Т3(4УКР-4ЛЬВ)62-49

**Видання здійснюється згідно з постановою
Президії Верховної Ради України № 2256-ХІІ від 6 квітня 1992 р.
і постановою Кабінету Міністрів України № 530 від 11 вересня 1992 р.**

**РЕАБІЛІТОВАНІ ІСТОРІЄЮ
ЛЬВІВСЬКА ОБЛАСТЬ
Книга перша**

Рецензенти:
КОКІН С. А., заступник начальника Державного архіву Служби безпеки України, кандидат історичних наук
ПАТЕР І. Г., завідувач відділу новітньої історії Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, доктор історичних наук
СУХИЙ О. М., професор кафедри новітньої історії Львівського національного університету ім. І. Франка, доктор історичних наук

Упорядкування, наукова редакція та передмова: САВЧАК В. М.

Науковий консультант: кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту історії України НАН України доцент МАНЬКОВСЬКА Р. В.

Видання, яке є складовою частиною багатотомної науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією», розповідає про політичні репресії радянської влади у Львівській області впродовж 1939–1980-х рр. Архівні документи, публіцистичні та наукові статті і нариси розкривають політичну та соціально-психологічну атмосферу тих років, механізми терору і насильства комуністичної тоталітарної системи. Спогади жертв репресій відтворюють картини їх каторжного життя у таборах ГУЛАГу, нескореність людського духу, подвижництво і жертовність у боротьбі за незалежність Української держави.

ISBN 978-966-8657-11-5 (Заг.)
ISBN 978-966-8657-31-3 (Книга перша)

Від редакційної колегії

КНИГА ПРО НЕЗНИЩЕННІСТЬ НАРОДУ

Шановний читачу!

Сьогодні ти розгортаєш книгу, яка писалася впродовж п'ятдесяти років новітньої історії Львівщини і має чіткі хронологічні рамки: 1939–1980-і рр. Це – книга мужності, книга-документ про боротьбу за незалежність України і книга пам'яті жертв комуністичного режиму, який, попри всю свою антилюдяну суть, так і не зміг підкорити незламний дух української нації. Водночас – це і своєрідна книга-трибунал: уперше – в конкретних документах, цифрах, фактах, іменах – вона розкриває перед українською і світовою громадськістю страшну картину панування тоталітарного комуністичного режиму в Україні та на Львівщині зокрема. Жертв цієї, однієї із найжорстокіших політичних систем в історії людства, не можемо порахувати ще й досі…

Підготовка багатотомної науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією» – один з напрямів реалізації державної програми щодо реального відтворення історії України у трагічному двадцятому сторіччі, яке стало для українського народу суцільною Голгофою. Архівна, пошукова, дослідницька і науково-редакційна робота над виданням здійснюється відповідно до постанов Президії Верховної Ради України від 6 квітня 1992 р. № 2256-XII та Кабінету Міністрів України від 11 вересня 1992 р. № 530 про увічнення пам'яті жертв комуністичного режиму. Як підкреслено в цих документах, видання покликане служити відновленню історичної справедливості, ґрунтовному висвітленню трагічних подій в історії України, поверненню їй незаслужено забутих імен тих, хто в умовах тоталітарного суспільства відстоював національні права і громадянську свободу, боровся за незалежність України, зазнав політичних репресій – від розстрілів до тюремного ув'язнення, заслання, депортації, позбавлення громадянських прав, інших форм дискримінації. Разом з тим серія книг вводить в інформаційний обіг матеріали, документи, свідчення про діяльність політичного керівництва, органів державної влади, репресивних та правоохоронних служб колишнього СРСР, які розкривають антигуманну суть тоталітарної держави. Головним же змістом видання є публікація біографічних довідок (біограм) про кожну людину, яка пройшла крізь жорна репресивної машини.

Засновниками видання є Національна академія наук України, Інститут історії України НАН України, Головна редакційна колегія науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією», Служба безпеки України, Національна спілка краєзнавців України, Українське культурно-просвітницьке товариство «Меморіал» імені В. Стуса,

обласні ради та обласні державні адміністрації. Відповідно до сучасного адміністративного поділу України видання складається із 27 томів, кожен з яких, у свою чергу, міститиме таку кількість книг, які зможуть відтворити наслідки політичних репресій у тому чи іншому регіоні. За попередніми підрахунками (робота над виданням триває), львівський том складатиметься щонайменше з десяти книг.

…На західноукраїнських землях, у тому числі і на Львівщині, трагічний рахунок жертв комуністичного режиму розпочався восени 1939-го р. з вибухом Другої світової війни, коли під лицемірною завісою «порятунку єдинокровних братів» СРСР переніс свої кордони зі Збруча до Західного Бугу і Сяну. Упродовж двадцяти років до цих подій «могутній Совєтський Союз» чомусь «не зауважував» справді тяжкого, колоніального становища своїх «братів-українців» у Західній Україні. Зауважив їх аж після сумнозвісної таємної «угоди Молотова-Ріббентропа» про розподіл Європи між двома імперіалістичними хижаками. Безумовно, возз'єднання українських земель стало історичною подією у долі народу. Однак в умовах тоталітарного режиму той «золотий вересень» засіявся жорстоким полем болю і винищення для галицьких українців на всі п'ятдесят років радянської влади: розстріли, заслання у концтабори, депортації, нищення національних святинь (зокрема права на свободу віросповідань), дискримінація людей за так званою «класовою приналежністю» і навіть за місцем проживання.

Упродовж реалізації у Львівській області державної програми «Реабілітовані історією» відкрилася страшна статистика репресій комуністичної системи супроти місцевого населення. На підставі вивчення і опрацювання архівних документів колишніх радянських спецслужб, свідчень жертв політичних репресій, наукових досліджень останнього часу встановлено: упродовж 1939–1941 та 1944–1989 рр. через репресивну машину пройшло понад 400 тисяч осіб, тобто – кожен четвертий мешканець тогочасних Львівської і Дрогобицької областей (Дрогобицька область увійшла до складу Львівської області у 1959 р.). Такої «питомої ваги» винищення не зазнала ні одна область України. Серед репресованих – і дев'яностолітній дідусь, і його одномісячна правнучка, і навіть ненароджені, яких у холодних і голодних «товарняках» везли у Сибір чи Казахстан вагітні матері... Навіть до місць заслання чи депортації доїхали не всі: якби обабіч залізничних колій зі Львова до Магадана чи Джезказгана поставити хрести усім мертвим, кого енкаведисти повикидали із вагонів-товарняків, то уздовж тих скорботних шляхів повиростали б суцільні чорні і сумні ліси...

А скільки могил наших земляків заростають травами і мерзнуть під снігами на безмежних просторах колишнього ГУЛАГу! А скільки сіл чи хуторів Львівщини на нинішній карті області значаться як «колишні», бо їх змела з лиця землі так звана «червона мітла» (так репресивні органи називали свої військові операції щодо «зачистки» населених пунктів від «ворожого елементу»). Документи, факти, цифри, спогади репресованих, вміщені у цьому томі, статті відомих науковців відтворюють до деталей страшні картини людської трагедії, яку посеред Європи, посеред двадцятого сторіччя розігрувала супроти власного народу тоталітарна комуністична імперія...

У вступній статті до першої книги львівського тому серії «Реабілітовані історією» відомий дослідник тоталітарного режиму доктор історичних наук професор Микола Литвин детально характеризує історичне і політичне тло 1939–1980-х рр. минулого сторіччя, на якому малювала свої страшні картини комуністична держава на західних землях України і на Львівщині зокрема. Власне, і саме «тло», і жахливе мальовидло системи постануть перед читачем у розділі «Мовою документів». Упорядковуючи

розділ, редакція ставила за мету якомога ширше передати політичну атмосферу тих років – атмосферу лицемірства, облуди, репресій і страху. Читач, безумовно, сам розбереться у тих документах, однак хочемо звернути його увагу уже на перших з них. Вони напрочуд яскраво відтворюють обставини, без обізнаності з якими важко буде зрозуміти «специфіку» перебування галичан у комуністичній імперії.

А починалося все так. Невдовзі після сумнозвісного пакту двох диктаторів, 3 вересня 1939 р., міністр закордонних справ Німеччини Ріббентроп телеграфує своєму послу в Москві: «Ми точно розраховуємо остаточно розбити польську армію через кілька тижнів… Будь ласка, обміркуйте це відразу з Молотовим і дізнайтеся, чи не вважає Радянський Союз бажаним, щоб російські війська у потрібний момент вирушили проти польських військ у російській сфері впливу і, зі свого боку, окупували цю територію. Вважаємо, що це не тільки було б полегшенням для нас (!? – *Авт.*), але, у світлі московських домовленостей, це було б також і в радянських інтересах». Через кілька вельми цікавих документів, які розкривають братання двох монстрів, читаємо відповідь посла від 16 вересня: «Я бачився з Молотовим сьогодні о 18 годині і виконав доручення. Молотов заявив, що воєнна інтервенція Радянського Союзу неминуча, можливо, навіть завтра або днем пізніше… Радянський уряд має намір мотивувати свою операцію таким чином: польська держава розпалася і більше не існує, отже, всі угоди з Польщею уже не дійсні. Радянський Союз вважає своїм обов'язком втрутитися, щоб захистити своїх українських і білоруських братів і створити умови мирної праці для цих знедолених народів». І ось – документ третій – промова по радіо голови Раднаркому СРСР В. Молотова: «Товариші! Громадяни і громадянки нашої великої країни! Події, викликані польсько-німецькою (не німецько-польською! – *Авт.*) війною, показали внутрішню неспроможність і явну недієздатність польської держави… Від Радянського уряду не можна… вимагати байдужого ставлення до долі єдинокровних українців і білорусів, які проживають у Польщі, перебуваючи на становищі безправних націй, і які тепер зовсім кинуті на волю випадку. Радянський Союз вважає своїм священним обов'язком подати руку допомоги своїм братам-українцям і братам-білорусам…» Чи потрібні коментарі? Хіба що такий факт: після того, як делегація поважних громадян Львова на чолі з колишнім прем'єром Західноукраїнської Народної Республіки 80-річним Костем Левицьким відвідала чільників нової влади, щоб висловити свою лояльність, членів делегації через кілька днів заарештували і відправили до Москви, в тюрму НКДБ. Так почалося славнозвісне «возз'єднання»…

Розділ містить понад 200 документів, і за кожним – трагедія народу, якому, як цитувалося вище, впродовж п'ятдесяти років створювалися «умови мирної праці».

Під час підготовки видання колектив Львівського видавничого центру «Пам'ять» і його редакція серії «Реабілітовані історією», крім науково-архівної та пошукової роботи, постійно співпрацювали з тими, хто пройшов крізь пекло ГУЛАГу, крізь тюрми, заслання, депортації. Спільно із Львівським обласним товариством політв'язнів і репресованих зібрано сотні спогадів жертв тоталітарного режиму. За допомогу у створенні цього тому ми щиро вдячні члену обласної редколегії, голові товариства Петру Франкові, членам громадських районних і міських комісій сприяння підготовці видання. Результатом такої співпраці став другий розділ книги: «Спогади і публікації».

Науковці і редактори – люди, здавалося б, мужні. Але хай повірить читач: і записувати, і готувати до друку спогади колишніх репресованих не завжди можна було без глибокої схвильованості, а нерідко і не без сліз.

Бо хіба можна без щему в серці вислухати драму матері, у якої в «пересильному пункті» по дорозі на Сибір від холоду серед сирих мурів померло дитя, яке везла із собою в колисці. Але це ще не вся драма. Енкаведисти не дозволили поховати дитини, аж поки не набереться дещо більше небіжчиків, щоб уже – всіх разом… Тиждень промучилася жінка, і тільки після погрози, що позбавить життя і себе, їй великодушно дозволили цей сумний обряд, заявивши при тому, що «трун малих нема, а з великими – також дефіцит». І тоді батько змайстрував труну із колиски…

Або історія про втечу з Сибіру матері з двома доньками-підлітками. Вже добралися були крізь незліченні сибірські версти до Челябінська, коли на вокзалі їх все-таки зловили переслідувачі. Але і тут це тільки початок драми. Виявилось, що мати була хвора на тиф, через кілька днів вона померла в інфекційному бараку. «Пішли ми з сестрою в морг, відшукали тіло мами, одягнули в одяг, який принесли з собою. Чорні від горя, сидимо, плачемо в тому моргу. Питаємо, як можна маму поховати, а чергова з адміністрації відповіла, що ховатимуть аж через тиждень, коли набереться більше трупів. Ми й самі хотіли тоді повмирати…» Гадаєте, що цих нещасних дітей відпустили додому? «Нас заарештували і розлучили. Сестру (вона була старша) посадили в тюрму, а мене в приймальник для безпритульних». І все-таки авторка спогадів ще двічі втікала з Сибіру!..

Урал, Архангельськ, Воркута, Магадан, півострів Таймир, степи Казахстану – скорботні адреси вивезених з рідних місць галичан. Дві третини репресованих чи депортованих – старики, жінки і діти. Працювали у шахтах, на лісоповалах і лісосплавах, на будівництві залізниць і доріг посеред боліт і тайги… Про пережите ними говорять уже самі заголовки спогадів, які публікуються в книзі: «Втікай, дитино, бо по тебе прийшли!», «На межі болю», «До стін вагона примерзало волосся», «Із студентської лави – на Воркуту», «Воркута будувалась на наших кістках», «Хто не підвівся, той загинув на місці», «Дитинство за колючим дротом»… Але читаємо далі: «Ми сміялись ворогу в лице!», «Я тричі втікала з Сибіру», «Людського духу не зламати», «Ми не корились і повставали!»… Так, вони відбували каторгу, але їх дух був незламний, вони тужили за Україною, за мамою, за полишеними на чужі руки дітьми, але не корились і повставали! Десятки повстань сколихнули понуре склепіння ГУЛАГу, коли його переповнили в'язнями і «спецпоселенцями» із західних областей України. Про боротьбу людини за життя, за людську гідність, за невпокірне прагнення повернутися до рідних місць говорять автори спогадів, які пройшли незліченні кола мук, тяжкої каторги і страждань.

Не всім, що були відірвані від рідних місць і родин, судилося повернутися додому. Але і ті, яким доля подарувала такий шанс, не вельми втішалися волею: їхні домівки були або зруйновані, або зайняті чужими людьми; їх не прописували у рідному селі чи місті, а це позбавляло можливості влаштуватися хоч на якусь роботу; їхніх дітей не допускали до вищих шкіл або виганяли з них під різними надуманими приводами… Про це теж читаємо у спогадах.

Але найбільше їх і досі пече біль за роками, втраченими у неволі. Віру-Марію Франко, внучку Івана Франка, заарештувало гестапо у вересні 1941 р. Чотири роки провела вона за колючими дротами концтабору Равенсбрюк, де також перебували вдова Юлія Фучика – Густа Фучик, дружина Тельмана – Роза Тельман, Жерув Перванш де Голль (небога генерала де Голля). Онука Івана Франка вижила і повернулася до рідного Львова. Через три місяці енкаведисти її заарештували і відправили в Бутирську тюрму у Москві, а звідти – на шахти у Воркуту, на відкатку вугілля. До Львова повернулася

аж через вісім років, і то за неймовірними стараннями її дядька Тараса, сина Івана Франка. (Як відомо, батька Віри, Петра Франка, забрали із собою у червні 1941 року енкаведисти, більше його ніхто не бачив). Віра Франко пише у своїх спогадах: «Мені повернули свободу, однак ніхто не зможе повернути молодості, проведеної у таборах і в'язницях, ніхто ніколи не поверне втраченого здоров'я, не дасть спокою безсонним ночам, коли будишся з жахом, що тебе викликають на страту»…

Третій розділ книги – «Статті та нариси» – можна було б назвати: «Історія очима істориків». Науковці досліджують політичну атмосферу тоталітарної доби, форми і методи діяльності репресивних органів, аналізують долю різних верств населення Львівщини під час масових репресій. Зокрема, на основі архівних матеріалів, у тому числі недавно відкритих, досліджуються дії комуністичної влади щодо духовенства, творчої інтелігенції, студентства і навіть малолітніх в'язнів сталінських концтаборів та спецпоселень. Широко розкривається також тема дисидентського руху впродовж 1960–1980-х рр. Сподіваємося, що ці аналітичні матеріали стануть певним внеском у вивчення нашої історії, яка лише зараз відкривається перед нами усіма її героїчними і драматичними сторінками.

У четвертому розділі вміщено фотодокументи тих часів; в основному – це знімки з архіву Львівського обласного товариства політв'язнів і репресованих.

Редакційна колегія продовжує роботу над наступними книгами серії «Реабілітовані історією». Основну частину їх складатимуть біографічні довідки про всіх уродженців Львівщини, які зазнали політичних репресій, віддавши кращі роки свого життя, свій нескорений дух боротьбі за утвердження незалежної Української держави.

Авторський колектив складає подяку Головній редакційній колегії і особисто – її голові – Герою України, академіку НАН України П. Т. Троньку за підтримку і допомогу в реалізації державної програми щодо створення багатотомної серії книг «Реабілітовані історією». Щиро дякуємо усім, хто допомагає нам у підготовці видання, і зокрема: відділу регіональних проблем історії України Інституту історії України НАН України, науковцям Інституту українознавства імені І. Крип'якевича НАН України, працівникам Львівського обласного державного архіву, архівів УСБУ та УМВС у Львівській області, управлінню у справах поліграфії і телерадіопростору Львівської обласної державної адміністрації, громадським організаціям, учасникам національно-визвольних змагань та їх родичам. З вдячністю чекаємо від читачів зауважень, доповнень, уточнень, які допоможуть редакційному колективу у роботі над наступними книгами видання.

Василь САВЧАК,
заступник голови обласної редакційної колегії,
головний редактор Львівського видання науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією»

Вступ

ЛЬВІВЩИНА У 1939–1991 РОКАХ: ПРОТИСТОЯННЯ ВЛАДИ І ОПОЗИЦІЇ

Друга світова війна спростувала живучість не лише гітлеризму, але й сталінізму, прискоривши колапс радянського тоталітарного устрою[1]. Приєднання Західної України (1939), Північної Буковини (1940) і Закарпаття (1945) до СРСР–УРСР, насильницька політика радянізації цих теренів – уніфікація виробництва і банківської системи, колективізація села, ідеологізація культури, репресивно-депортаційні акції проти опозиції – поставили перед комуністичною владою нові складні питання, почасти підготовляючи також їх вирішення або відкладення на невизначений термін.

Політичну волю тоталітарної комуністичної імперії проводили створені центральними органами партійні, радянські, профспілкові, комсомольські організації, силові структури, кістяк яких становили надіслані зі сходу України або Росії кадри. Водночас прибуло чимало спеціалістів промисловості, сільського господарства, лікарів і вчителів, які, безумовно, сприяли відбудові Львівщини, переймаючи у місцевого населення національно-патріотичний запал, історичну пам'ять про визвольні змагання на Україні в першій половині ХХ ст.

Утвердження радянської політичної системи в Західній Україні і на Львівщині, зокрема уже в 1939–1941 рр., тобто відразу ж із приєднанням краю до СРСР–УРСР, викликало активний політичний і морально-психологічний спротив місцевого населення, насамперед українців і поляків. Цей спротив виник передусім як реакція на масові репресії, які нова влада розгорнула проти населення буквально в перші ж дні після так званого «золотого вересня» 1939-го. Надзвичайного загострення протистояння комуністичного режиму і національно свідомих сил (та й більшості населення загалом) набуло після другого приходу Червоної армії на західноукраїнські землі влітку 1944 р. Ситуацію загострювало масове виселення поляків зі Львова, Дрогобича, Стрия та інших міст і містечок області, а також приїзд у 1944–1951 рр. десятків тисяч депортованих українців із Надсяння, Лемківщини, Холмщини і Підляшшя. Всіх, хто не виявив лояльність до радянської влади (спершу українських повстанців, а згодом політичну опозицію), ув'язнювали або відправляли цілими родинами на спецпоселення до Сибіру, Далекого Сходу і Казахстану. Лише горбачовська перебудова у другій половині 80-х рр. призупинила цей процес, започаткувавши політичний плюралізм і відродження повноцінного національно-культурного життя місцевих українців, поляків, євреїв, легалізувала репресовані церкви.

Пропонована серія книг «Реабілітовані історією» мовою архівних документів і спогадів, коротких біограм про жертви репресій та наукових досліджень відтворює цілісну картину національно-визвольної боротьби населення Львівщини проти тоталітарного режиму і його силових структур упродовж 1939–1941 рр. та у післявоєнний період. Висвітлено форми і методи боротьби радянської карально-репресивної машини проти збройної і політичної опозиції 40–80-х рр.

Книги мають стати також пам'ятником тим краянам – українцям, полякам, євреям, німцям, вірменам, представникам інших народів, які відстоювали людську гідність і честь, правду, демократичні свободи, наближаючи крах тоталітаризму не лише в Україні та Росії, але й у всій Східній Європі.

Історіографія та археографія проблеми

Як відомо, радянська історіографія до кінця 80-х рр. уникала об'єктивного розгляду проблеми входження західних теренів України до сталінської імперії. Правляча Компартія розглядала гуманітарні науки як інструмент державної політики: вважалося, що політична доцільність є вагомішою, ніж історична правда про трагедію радянізації приєднаного краю. Тому праці більшості тогочасних істориків і правників, присвячені повоєнним суспільно-політичним трансформаціям на Львівщині, усіляко приховували безпрецедентний за тривалістю і масштабом, широкою участю населення національно-визвольний рух або брутально його фальсифікували. Компартійні ідеологи і літописці безапеляційно представляли ОУН «зграєю українсько-німецьких націоналістів», агентурою західних спецслужб, а Українську повстанську армію як антинародне збройне формування, яке нібито служило нацистській Німеччині, а отже, воювало не за Україну та її народ. Друга радянська міфологема: УПА не воювало проти гітлерівців, а лише проти Червоної армії. Третє завдання влади та радянської історіографії: обґрунтувати антинародний характер повстанського руху. Метод показу «обґрунтувань» був теж підступний: збройні акції загонів УПА і підпілля ОУН проти партійних і владних функціонерів, бійців самоохорони і винищувальних батальйонів з місцевого населення представлялися як злочини проти мирних жителів. Відділам УПА і збройному підпіллю приписували дії сотень чекістських спецгруп, які під виглядом українських повстанців мордували невинних людей – українців і поляків, колгоспників, родини вчителів і військових. Тож не дивно, що на XI Міжнародному конгресі істориків у Швеції (серпень 1960 р.) було зауважено: «Україна знаходиться в Совєтському Союзі, але її історія – поза межами батьківщини»[2]. Власне, українці Канади на початку 80-х рр. започаткували унікальне документальне видання «Літопис УПА», де подано чимало фактів про протистояння радянських силовиків і українських повстанців на Львівщині. Вказану тему в діаспорі активно розробляли Василь Косик, Петро Мірчук, Василь Верига, Юрій Борець, Зіновій Книш, Євген Штендера, Лев Шанковський, Петро Содоль та ін.

Лише після 1991 р., у добу незалежності, національно-визвольний рух середини XX ст. почав розглядатися в Україні з наукових позицій, а доступ до великого масиву документів державних і відомчих архівів НКВС–МВС і НКДБ–МДБ України і Росії дав можливість висвітлювати репресії влади проти власного народу об'єктивно, без політичної цензури. Зокрема, у двотомнику уродженця Львівщини, генерала МВС Івана Біласа «Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953» (Київ, 1994) на основі архівів НКДБ–МДБ України і Росії вперше відтворено механізм утвердження тоталітарного режиму в західному регіоні, показано форми і методи придушення українського опору

у Львівській і колишній Дрогобицькій областях. Вказана тема також проаналізована у колективній праці Інституту історії України НАН України «Політичний терор і тероризм в Україні XIX–XX ст. Історичні нариси» (Київ, 2002), де відповідний параграф, присвячений західноукраїнському регіону післявоєнної доби, написали Дмитро Вєденєєв і Олександр Лисенко.

Збройне протистояння між українським підпіллям і радянським режимом проаналізовано у книгах доцента Львівського національного університету імені І. Франка Юрія Киричука «Історія УПА» (Тернопіль, 1991), «Нариси з історії українського національно-визвольного руху 40–50-х років XX століття» (Львів, 2000), «Український національний рух 40–50-х років XX століття: ідеологія та практика» (Львів, 2003). Автор висвітлив суспільно-політичні передумови і воєнні обставини формування УПА, її боротьбу проти німецьких окупантів, польських загонів Армії Крайової, силових структур радянської влади, а також узагальнив найтиповіші форми і підступні методи діяльності карально-репресивної машини проти руху Опору в регіоні, зокрема на польсько-українському пограниччі. Остання із зазначених монографій містить добре упорядковану бібліографію проблеми, подає джерельні публікації, документальні колекції з архівів України, Росії, Білорусії, Польщі, Чехії.

У роботах досвідченого київського археографа Анатолія Кентія «Українська Повстанська Армія в 1944–1945 рр.» (Київ, 1999) і «Нарис боротьби ОУН–УПА в Україні (1946–1956 рр.)» (Київ, 1999) показано утвердження тоталітарної системи на Львівщині наприкінці радянсько-німецької війни і повоєнне десятиліття. Автор реконструював структуру ОУН і УПА на західному пограниччі, при цьому досить критично проаналізував діяльність її служби безпеки, що репрезентувала не лише супротивників, але й власні кадри підпільників, представників цивільного населення. Втім, ця неоднозначна сторінка історії вимагає, на нашу думку, нових джерельних пошуків, зокрема з урахуванням підступних акцій органів НКДБ–МДБ. На цьому шляху чималих здобутків досяг Володимир Сергійчук, видавши збірники «Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–1953 рр.: нові документи і матеріали» (Київ, 1998), «ОУН–УПА в роки війни: Нові документи і матеріали (Київ, 1996) та ін. Серед новітніх археографічних публікацій, які вийшли під його загальною редакцією, збірник «Ліквідація УГКЦ (1939–1946). Документи радянських органів державної безпеки» (Т. 1–2. Упор. Сергій Кокін, Наталія Сердюк, Станіслав Сердюк. – Київ, 2006). У ньому представлено документи з Державного архіву Служби безпеки України, що показують політичні репресії органів НКВС–НКДБ проти патріотично налаштованого кліру і вірних Української греко-католицької церкви в 1939–1941 і 1944–1946 рр. Вони, як свідчать архівні документи, проходили під гаслом її «возз'єднання з Російською православною церквою». Вказану тематику розробляли також Богдан Боцюрків, Василь Марчук, Ігор Андрухів, Ярослав Стоцький [3].

Близько трьох десятків книг із вказаної проблеми, зокрема авторства Сергія Кокіна, Юрія Шаповала, Ігоря Ільюшина, Олександра Лисенка, Івана Патриляка, Григорія Касьянова, видала у 1998–2005 рр. робоча група істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА під керівництвом заступника директора Інституту історії України НАН України Станіслава Кульчицького. У підсумковій праці робочої групи «Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія» (Київ, 2005) показано боротьбу ОУН і УПА на протинімецькому, протибільшовицькому і антипольському фронтах, проаналізовано проблеми радянізації регіону, зокрема кадрову політику влади, мобілізаційні акції до Радянської армії у Львівській і Дрогобицькій областях у 1944–1945 рр.

Суспільно-політичні проблеми регіону повоєнної доби також вивчали історики Володимир Баран, Володимир Литвин, Леонід Зашкільняк, Олександр Луцький, Кім Науменко, Юрій Сливка, Володимир Трофимович, Анатолій Русначенко, Костянтин Кондратюк, Степан Макарчук, Андрій Боляновський, Іван Патер, Іван Козловський.

Чималу пошуково-експедиційну і науково-видавничу роботу проводить Центр досліджень визвольного руху (керівник Володимир В'ятрович, згодом Руслан Забілий) при Інституті українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. Зокрема, у його збірниках «Український визвольний рух» (видається у Львові з 2003 р.) публікуються нововіднайдені в архівах та криївках документи ОУН і УПА, матеріали в'язничних ексгумацій жертв НКВС у Львові, Дрогобичі, Жовкві, спогади очевидців тих подій, наукові студії про повстанську боротьбу 40-х рр. Неоцінений матеріал для дослідників повоєнної доби міститься у збірниках документів і матеріалів, що упорядкували науковці відділу новітньої історії Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України: «Депортації. Західні землі України кінця 30-х – початку 50-х рр.» (Т. 1–3. – Львів, 1996–2003), «Культурне життя в Україні. Західні землі» (Т. 1. – Київ, 1995; Т. 2. – Львів, 1996; Т. 3. – Львів, 2006).

Велику пошукову роботу в 90-і рр. провела активістка львівського «Меморіалу» і товариства «Пошук» Інна Федущак, яка встановила сотні прізвищ загиблих українців, поляків, євреїв, що стали жертвами сталінського режиму в 1940–1945 рр. Зокрема, вона стала співупорядником збірника «Західноукраїнська трагедія 1941» (Львів –Нью-Йорк, 2002), який видало Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. В ньому опубліковано списки розстріляних у стаціонарних в'язницях Львівської і Дрогобицької областей, які не були втрачені під час відступу «червоних» влітку 1941 р.[4] Зрозуміло, що до 1991 р. вони зберігалися під грифом «цілком таємно». Аналогічні історико-мемуарні матеріали регулярно публікувалися в 90-і рр. у львівських газетах «Поклик сумління», «За вільну Україну», «Просвіта», «Молода Галичина», «Високий Замок» та ін.

Завдяки ініціативі львівського історика Ярослава Ляльки у 90-і роки започатковано серію документальних збірників «Літопис нескореної України», де публікуються архівні документи влади і опозиції 40–50-х рр., спогади і світлини репресованих підпільників ОУН, вояків УПА, представників катакомбної в 1946–1988 рр. Греко-католицької церкви.

Аудіоспогади священиків і вірних репресованої церкви зібрав Інститут історії Церкви Українського католицького університету у Львові. Матеріали вказаної тематики регулярно друкувалися у наукових збірниках цього університету «Ковчег». Церковно-релігійне життя на польсько-українському пограниччі неодноразово розглядалося у збірниках Південно-Східного наукового інституту в Перемишлі (директор – Станіслав Стемпень) «Україна–Польща. 1000 років сусідства» (у 1990–2000 рр. опубліковано за участю українських колег п'ять випусків).

Складні етнодемографічні та політично-конфесійні трансформації в регіоні відображає тритомник «Депортації. Західні землі України кінця 30-х – початку 50-х рр. Документи, матеріали, спогади», який упорядкували науковці Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України Юрій Сливка, Микола Литвин, Олександр Луцький, Іван Патер, Кім Науменко, Олександра Стасюк та ін.[5] Перші два томи – це здебільшого документи тогочасної влади, яка готувала і проводила злочинні депортації українців, поляків і євреїв у 1939–1951 рр. Заключний том – спогади переселенців з Лемківщини, Надсяння, Холмщини і Підляшшя, які відтворюють етнополітичні передумови та соціальні наслідки депортацій, організованих комуністичними владами СРСР–УРСР і ПНР.

Літопис опозиційного руху післясталінського періоду відтворив старший науковий співробітник Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України Юрій Зайцев. Зокрема, він показав механізм фабрикування кримінальних справ щодо політичної опозиції (Ігоря та Ірини Калинців, В'ячеслава Чорновола та ін.), а також упорядкував документи і матеріали про Український Національний Фронт (1964–1967), опублікував його програмні документи, статті з позацензурного часопису «Воля і Батьківщина», судові вироки і витяги із судових справ членів УНФ і його продовження УНФ-2 (1961–1991)[6]. Аналогічні процеси стали також об'єктом комплексного дослідження Олега Бажана, Юрія Данилюка, Григорія Касьянова (Інститут історії України НАН України)[7] і Володимира Барана (Волинський державний університет, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України)[8] та ін.

Водночас хотілося би згадати монографічну роботу Олександра Рубльова (Інститут історії України НАН України), яка дає змогу краще зрозуміти підґрунтя так званого галицького сепаратизму тоталітарній владі до і після Другої світової війни[9]. Київський історик показав участь галицької інтелігенції у здійсненні політики українізації в УРСР, а також репресивні дії тоталітарного режиму проти уродженців західноукраїнських земель під час сфабрикованих у 30-і рр. «справ» так званого «Українського національного центру», «Української військової організації», «Польської військової організації».

Суспільно-політичне тло загальнодержавних і місцевих подій рельєфно показано у багатотомному виданні «Україна: хроніка ХХ століття», який готує Інститут історії України НАН України[10].

І, насамкінець, слід зазначити, що велику роль у розкритті злочинів тоталітарного режиму зіграла українська діаспора США, Канади, Великобританії, Німеччини та інших країн. Заповнення інформаційного вакууму, що існував в УРСР, тривалий час здійснювався нелегально за допомогою надходження різних еміграційних книг і часописів, написаних за доби «холодної війни». Лише після 1991 р. започатковано спільні наукові проекти вітчизняних і діаспорних учених, насамперед у виданні нової серії та бібліотеки «Літопису УПА», інших збірників документів і матеріалів. Зокрема, чималу інформаційну цінність мають довідкові видання про тисячі учасників визвольної боротьби на Львівщині та Дрогобиччині у 1939–1950 рр., видані у серійних томах і бібліотеці «Літопису Української повстанської армії»[11].

Джерельною основою цього мартирологічного літопису є архівні матеріали, насамперед неопубліковані та опубліковані різновидові документи з державних і відомчих архівів нашої держави. Зокрема, чимало цінних матеріалів виявлено у Центральному державному архіві громадських об'єднань України (ЦДАГОУ; колишній архів Інституту історії партії при ЦК КП України), що, власне, й закономірно, оскільки саме компартійні органи – Центральний комітет, Львівський і Дрогобицький обкоми, міськкоми та райкоми партії були організаторами широкомасштабної збройної та ідеологічної боротьби з національно-визвольним рухом; саме під їх керівництвом здійснювалися репресивні заходи структур НКВС–НКДБ, МВС–МДБ щодо ліквідації опору ОУН і УПА. В колишніх центральному і обласному партійних архівах віднайдено звіти, інформації командування Червоної армії, радянських партизан, органів НКВС і НКДБ, які широко відтворюють насадження тоталітарного режиму у Львівській і Дрогобицькій областях. Незважаючи на ідеологічну заангажованість, документи влади містять значну інформацію щодо організації, форм і методів боротьби супротивних сил.

Важливу інформацію почерпнуто також з доповідних записок і звітів обкомів партії, органів НКВС–НКДБ, політвідділів об'єднань 1-го і 4-го Українських фронтів, командування радянських партизан не лише про хід боротьби з ОУН і УПА, але й про кількісний стан УПА й оунівського підпілля, масштаби й характер їх діяльності проти радянського режиму. У таємних звітах військових прокурорів міститься широка інформація про злочинні дії органів радянської влади, структуру НКВС і НКДБ, зокрема сумнозвісних спецгруп, а також Червоної армії проти мирного населення, нищення сіл та безпідставні розстріли людей.

Чимало документів з означеної проблематики міститься у фондах Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України. Насамперед, це матеріали Крайового проводу ОУН на українських землях (ф. 3833), З'єднання західних груп Української повстанської армії УПА-Захід (ф. 3836), окремих міністерств і відомств УРСР.

Оригінальні документи виявлено в Архіві Служби безпеки України, які дають можливість дослідникам ознайомитися зі «Збіркою документів про структуру і характер антирадянської діяльності ОУН–УПА» (173 томи), а також кримінальними справами українських повстанців і дисидентів, репресованих діячів катакомбної Греко-католицької церкви. Опрацьовано також тисячі особових справ у Архіві Управління СБУ у Львівській області, Архівно-інформаційному бюро Головного управління Міністерства внутрішніх справ України у Львівській області.

Використано опубліковані та неопубліковані документи московських архівів – колишніх партійних, а тепер Російського державного архіву суспільно-політичної історії, зокрема фонди ЦК КПРС та Управління пропаганди і агітації ЦК КПРС. Залучено статистичні матеріали, періодику.

Окремий пласт видань становить історико-мемуарна література про галицьку інтелігенцію у сталінських таборах 30-х рр. Це, зокрема, спогади Віталія Юрченка (Юрія Карася-Голинського), Семена Підгайного, Йосипа Гірняка, Григорія Костюка та інших, в яких розкривається трагічна доля істориків Матвія Яворського, Михайла Лозинського, економіста Михайла Ящука, письменників Мирослава Ірчана та Антона Крушельницького, географа Степана Рудницького та інших соловецьких в'язнів [12]. Власне перелічені спогади спонукали співробітників СБУ та істориків академічних установ підготувати тритомник «Остання адреса», де вміщено документи КДБ СРСР про побут і трагічну долю соловецьких бранців, зокрема уродженців заходу України [13]. В останні роки видано низку спогадів учасників збройного підпілля Львівщини (Василя Левковича, Миколи Тарабана, Івана Василевського та ін.)[14].

Але, незважаючи на численні наукові студії і документальні публікації, вказана проблема потребує нових архівних пошуків та археографічних узагальнень. Особливу увагу слід приділити відомчим архівам та запису спогадів учасників і очевидців подій нашої драматичної минувшини. Історія таки не повинна розчинятися в індивідуальній пам'яті сучасників і їх нащадків [15]. Бо саме в поєднанні офіційних документів і спогадів полягає осмислення й осягнення всієї трагедії і величі національної історії.

Перші галицькі маршрути ГУЛАГу

Галичани завжди з великим зацікавленням спостерігали за подіями на Великій Україні. Тисячі львів'ян, вояків австро-угорської армії, в роки Першої світової війни перебували там у полоні. Крім бранців, на Наддніпрянщину потрапили ще й вигнанці, закладники і біженці з західноукраїнських земель, значна частина яких підтримала

Українську революцію 1917–1921 рр. До речі, українці Києва, Полтави та інших міст опікувалися вигнанцями-галичанами, яких царська влада етапувала у тилові губернії Романівської імперії [16].

У 1917 р. галичанами опікувався Комітет допомоги українцям-виселенцям при Українській Центральній раді, Галицько-Буковинський комітет допомоги жертвам війни. За неповними підрахунками, на початку 1918 р. лише у Києві перебувало 2,65 тис. біженців з Галичини, не рахуючи адміністративно виселених закладників, військовополонених. Галицькі українці працювали учителями українських гімназій, інженерами, техніками, кооператорами, журналістами, зміцнюючи фаховими знаннями і патріотизмом нечисленну місцеву національну інтелігенцію [17]. Після падіння УНР чимало галичан повернулося в рідні краї. У 1920 р. десятки старшин і стрільців Червоної української галицької армії відкрили новий, уже радянський список жертв Кожухівського (під Москвою) і Соловецького концтаборів [18].

У 20-і рр. започатковано рух за повернення еміграції в УСРР, уряд якої оголосив помилування численним категоріям «ворогів» і персонально багатьом політичним і військовим провідникам антибільшовизму. Про свої симпатії до політики українізації заявили Михайло Грушевський, Степан Рудницький, Семен Вітик, Матвій Яворський, Антін Крушельницький та інші діячі УНР–ЗУНР. Разом з ними в радянську Україну переїхали командир легіону УСС і головнокомандувач Галицької армії Гриць Коссак, а також більше двох тисяч стрільців і старшин Галицької армії, що були інтерновані у 1920–1922 рр. у таборах Чехословаччини [19]. Практично всі вони у 30-і роки потрапили під каток сталінських репресій в ході розслідування сфабрикованих «справ» Українського національного центру, Української військової організації та ін. В УРСР відкликано навіть радянофільське керівництво Компартії Західної України, яке було звинувачене в «контрреволюційній» діяльності й теж репресоване [20].

У відповідь на голодомор і репресії на Наддніпрянщині 3 серпня 1933 р. наклав на себе руки секретар Генерального консульства СРСР у Львові галичанин Микола Стронський [21]. Політичні мотиви цього акту викрив у газеті «Діло» його побратим по легіону УСС (1914–1918) Роман Купчинський: «Ми розуміємо Тебе! Все, в що Ти вірив, – розвіялось, як серпанок ранішньої мряки, а на місці, де Ти в уяві сонячні палати будував, – побачив 10 міліонів жертв голодової смерті і 30 міліонів кандидатів на смерть. А над тим усім – зловіщу тінь Петра Великого» [22].

Уже після приєднання Західної України до СРСР–УРСР восени 1939 р. група галичан, бранців сталінських таборів, адресувала лист голові Народних Зборів Західної України, академіку АН УРСР Кирилу Студинському: «Шановні земляки! К. Студинський, Ф. Колесса, М. Возняк, М. Панчишин, П. Франко і всі-всі. Невже і Ви забули про нас? Невже часи так змінили Вас? Ми тут мучимося по лагерях зовсім невинні, нам нав'язували чудовищні злочини. Коли ще нас зосталось в живих тисяч три, то це дуже добре, а не забувайте, що нас тут було після 19–20 років більше шістдесяти тисяч...» [23]

На жаль, мартиролог усіх 60 тис. репресованих у 30-і рр. галичан в УРСР ще не складено. Їхні табірні справи, як правило, перебувають у відомчих архівах репресивно-пенітенціарної системи Росії і потребують довготривалих пошуків і узагальнень. Втім, нові археографічні пошуки істориків Олександра Рубльова, Кіма Науменка, Володимира Сергійчука, Юрія Шаповала та молодших дослідників додають наснаги і віри у завершення цієї суспільно важливої справи.

Соціально-політичне становище після відновлення радянської влади на Львівщині

Подані у книзі документи влади і опозиції відтворюють ситуацію у 1944–1945 рр., коли разом із військами Червоної армії в західні області прибув апарат управління тоталітарної системи – так звані оперативні групи партійних, радянських і господарських працівників, які зайняли керівні посади в обласних центрах та містах регіону.

Саме на 1944 р. припадав період найвищого організаційного і кількісного стану та боєздатності УПА, яка мала 60–80 тис. вояків. Бойовою діяльністю армії керували Головний командир, уродженець Львівщини Роман Шухевич та Головний військовий штаб на чолі з полковником Дмитром Грицаєм. Повстанську армію складали три сильні бойові групи, що ділилися на військові округи. Зокрема група УПА–Захід мала шість округ: «Лисоня», «Говерла», «Буг» та ін. Зокрема, на території сучасної Львівської області були розташовані територіальні об'єднання ВО-2 «Буг» (на правах дивізії) і Тактичний відтинок ТВ-24 «Маківка» (на правах полку). Кожне з них складалося з шести–семи куренів. Своєю чисельністю і боєздатністю УПА значно переважала тогочасні формування радянських партизан в Україні.

Спільно з репресивними органами партійні комітети приступили до нової радянізації краю, а головне – до організації боротьби з формуваннями УПА і підпіллям ОУН, які очолили впертий опір українського народу комуністичному тоталітаризму. Як свідчать численні архівні документи та пресові кореспонденції, влада організувала широкомасштабні заходи: тотальну військову мобілізацію 1944–1945 рр., перепис населення 1945 р., масові депортації сімей «бандпосібників» у віддалені райони СРСР, розгром на Львівському псевдособорі 1946 р. Греко-католицької церкви, розгортання силами Червоної армії, військ НКДБ і НКВС боротьби проти УПА. Як відомо, у травні 1953 р. тодішній міністр внутрішніх справ Л. Берія доповів Президії ЦК КПРС, що за 1944–1952 рр. у західних областях України репресивно-каральними органами СРСР вбито 153 тис., заарештовано й ув'язнено 134 тис., довічно вислано у віддалені райони понад 203 тис. осіб. Ці дані, які увійшли у постанову Президії ЦК КПРС «Про становище в західних областях УРСР», були надійно і надовго приховані від громадськості [24]. А робота над науково-документальною серією книг «Реабілітовані історією» засвідчує: реальна кількість жертв репресій значно перевищує наведені цифри.

Як свідчать нечисленні спеціальні студії і матеріали цього збірника, залишається актуальною проблема остарбайтерів – сотень тисяч робітників-каторжан, які стали жертвами двох диктатур – гітлерівської та сталінської. Їх шлях повернення з неволі на Україну проходив через численні фільтраційні табори, де на підставі допитів визначалася доля бранців: повернення додому, арешт за «зраду Батьківщини» чи за «відсутність довіри» – поселення на 7–10 років у таборах ГУЛАГу.

Розподіляли репатрійованих у шести збірно-переселенських пунктах прикордонної зони СРСР-УРСР, зокрема у Львові, Раві-Руській, Самборі. Хто повернувся додому і намагався уникнути цих таборів, змушений був звертатися до відділів НКВС – без їхніх санкцій неможливо було легально влаштуватися на роботу, зареєструвати одруження, вступити до вузу. До того ж радянське керівництво позбавило вчорашніх в'язнів, полонених і остарбайтерів грошової компенсації за моральну і фізичну шкоду, яку, за рішенням Нюрнберзького міжнародного трибуналу, мала виплачувати Німеччина (першу одноразову допомогу вона надала громадянам незалежної України лише в 1993 р.) [25]. Зауважимо, що поверненням радянських громадян на Батьківщину

керував спеціально створений апарат уповноваженого Раднаркому СРСР у справах репатрійованих на чолі з генералом П. Голиковим, недавнім начальником розвідувального управління Генерального штабу Червоної армії, учасником «визвольного походу» у Західну Україну 1939 р.

Зазнавали утисків у таборах і військовополонені німці, працю яких до початку 50-х рр. переважно використовували на будівництві[26], зокрема у Львові, Золочеві та інших містах. У с. Дорнфельді, опустілій німецькій колонії неподалік Львова (нині с. Тернопілля Миколаївського району), існував табір німецьких військовополонених (400 осіб), яких використовували на сільськогосподарських роботах[27].

Тактика і стратегія, форми і методи боротьби радянських репресивних органів з національно-визвольним рухом 40–50-х років

Документи книги, а також подані в ній наукові статті та нариси дають можливість проаналізувати головні етапи протиповстанської боротьби влади в хронологічних рамках, що мають характерні відмінності у тактиці, формах і методах дій.

Перший етап (лютий–жовтень 1944 р.) охоплює період зайняття території Західної України Червоною армією. Його характерними рисами було розгортання збройного протистояння між прибулими частинами НКВС, військами 1-го і 4-го Українських фронтів (перш за все їх органами СМЕРШ), з'єднаннями радянських партизан і відділами групи УПА-Захід. Тоді ж розпочато процес формування структур органів радянської влади, зокрема партійних і радянських, НКВС і НКДБ, утворення мережі військових гарнізонів і винищувальних батальйонів, розгортання чекістсько-військових операцій проти УПА та оунівського підпілля, масових репресій проти українського і польського населення.

На другому етапі (листопад 1944 – травень 1945 рр.), виконуючи наказ Сталіна ліквідувати національно-визвольний рух у Західній Україні до кінця війни, на боротьбу проти ОУН і УПА кинуто всі наявні в УРСР формування НКВС і НКДБ, партизанські частини, винищувальні батальйони. Відтак розгорнуто широкомасштабні заходи режиму, скеровані на придушення опору українського народу: мобілізацію сотень тисяч людей до війська, перепис населення, масове виселення сімей вояків УПА і підпільників ОУН у віддалені райони СРСР. Безумовно, це частково підривало моральний дух повстанців, суттєво обмежувало матеріальну допомогу і демографічну базу їхнього резерву. Зокрема, на початку 1945 р. голова уряду і секретар ЦК партії М. Хрущов провів у Львові кілька нарад з місцевим активом влади, керівниками репресивних структур, на яких вимагав привселюдно вішати бандерівців, запровадити систему заложників, масово репресувати родини повстанців[28]. До речі, бандерівці також були нещадними до ворогів.

Упродовж третього етапу (червень 1945 – травень 1947 рр.) розгорнуто широкий наступ на визвольний рух із залученням великих мілітарних сил, які уряд СРСР і Генеральний штаб Червоної армії після закінчення радянсько-німецької війни зосередили на території західних областей України. Зокрема, до проведення військово-політичних акцій проти бандерівців залучено потужні сили Львівського та Прикарпатського військових округів. Крім того, навесні 1947 р. у Львівській і Дрогобицькій областях було розміщено по 36 гарнізонів внутрішніх військ МДБ СРСР, де служило відповідно 3,2 тис. і 3,8 тис. вояків[29]. У цій ситуації командування УПА здійснило реорганізацію своїх формувань, перейшовши до збройних дій малими відділами. Відтак радянські репресивно-каральні органи водночас з великими блокадами (взимку 1946 р.) перейшли до тактики дій маневреними групами. У свою чергу влада широко застосовувала так звані спецгрупи, які діяли під виглядом

загонів УПА, чинили злочини проти мирних мешканців для компрометації визвольного руху. Лише на Львівщині в 1947 р. створено 78 лжебоївок [30].

Документи архівів силових структур підтверджують, що в той час у селах різко зросла кількість енкаведистської агентури. Не секрет, що уряд УРСР у повоєнні роки виступив із шістьма звертаннями до населення західних областей, пропонуючи повстанцям скласти зброю і обіцяючи амністію. Відтак окремі підпільники не витримували важких психологічних випробувань, каялися, але, як правило, не уникали репресій. За офіційними даними, у грудні 1944 – січні 1945 рр. у Львівській області склали зброю 1,5 тис. осіб, у тому числі в Рава-Руському районі – 331 особа, Жовківському – 222, Львівському – 115. Як зазначалося в інформації Львівського обкому партії до Москви, деякі підпільники заявляли: «Краще йти в Червону армію, ніж знати, що наші сім'ї будуть репресовані» [31].

У 1945–1946 рр. досяг піку депортаційно-переселенський процес. Спільними силами СРСР і Польщі здійснено депортацію майже 0,5 млн. українців з тогочасної Польщі в УРСР, ліквідовано діяльність військової округи УПА «Сян» на польсько-українському пограниччі [32]. Командування УПА провело часткову мобілізацію особового складу, деякі загони здійснили рейди на Захід і донесли до світового співтовариства правду про антикомуністичний визвольний рух в Україні. Насильно переселено на захід десятки тисяч місцевих поляків, зазнали репресій влади й родини вояків Армії Крайової.

Висвітлюючи події четвертого етапу (червень 1947 – середина 1950-х рр.), матеріали книги відтворюють заходи радянської влади з ліквідації повстанського руху і примусової колективізації західноукраїнського села. Як відомо, селянство було головною соціальною базою визвольного руху і найактивніше підтримувало ОУН і УПА. 1948 р. лише у селах колишньої Дрогобицької області карателі викрили 106 повстанських бункерів і криївок. Загалом до кінця року у Дрогобицькій і Львівській областях було колективізовано лише третину селянських господарств [33]. Щоб примусити селян вступати в колгоспи, енкаведисти заганяли їх у льохи, підвали, у крижану воду, виривали волосся і зуби, ламали руки, саджали на розпечене залізо, нерідко знищували хутори. До речі, масово відмовлялися вступати в колгоспи і селяни-переселенці із Закерзоння [34]. В умовах продовження інтенсивних чекістсько-військових операцій, активізації діяльності спецгруп і ворожої агентури, особливо після передачі Москвою керівництва боротьбою з рухом Опору виняткового органам держбезпеки, командування УПА в 1949 р. передало свої кадри збройному підпіллю ОУН і перейшло до тактики індивідуального терору проти функціонерів радянської влади, ворожої агентури та диверсійних акцій. У цей час значно посилилася пропагандистська діяльність ідеологічних структур ОУН. За особистим завданням Сталіна – ліквідувати керівництво українського визвольного руху – в Україну скеровано потужні сили фахівців МДБ. У березні 1950 р. їм таки вдалося знищити у селі Білогорщі під Львовом Головного командира УПА Романа Шухевича, а в травні 1954 р. захопити його наступника – Василя Кука [35]. Відтак спротив збройного підпілля пішов на спад. Щоправда, зросла активність ув'язнених оунівців у таборах Сибіру і Далекого Сходу.

Отже, архівні документи і подані у книзі спогади дають підстави реконструювати всі силові складові карально-репресивної системи, яка охоплювала: частини регулярної армії, розквартировані у містах і великих селах; внутрішні війська НКВС-МВС; спецгрупи НКВС-МВС; оперативники ГРУ; оперативники НКДБ-МДБ; агенти СМЕРШу; міліція, вартові групи; «стрибки» з місцевих українців і поляків; сільські самооборонні групи; диверсійні загони з колишніх членів ОУН і УПА.

Матеріали книги показують також підступну пропаганду партійних органів, систему творення партійних і комсомольських організацій, залучення населення до ідеологічної боротьби в усіх сферах духовного життя: культури, науки, освіти. Як відомо, політична довіра до «місцевих» була вкрай низькою. Наприклад, у 1949 р. із 1238 секретарів первинних партійних організацій Львівської області налічувалося тільки 27 осіб з місцевого населення, у Дрогобицькій з 655 лише 9 осіб[36]. Утім, місцеві люди й не дуже рвалися до офіційної ідеологічної роботи, а тим більше атеїстичної пропаганди.

Шестидесятники. Політична опозиція 70–80-х років

Військово-політичний спротив українського підпілля 40–50-х років суттєво загальмував утвердження тоталітаризму в західному регіоні України, що позитивно відбилося на наступних етапах боротьби за незалежність, яка увінчалася відродженням суверенної Української держави. Саме національно-визвольний рух у його різних проявах сприяв розвалу СРСР.

Традиції національно-визвольної боротьби повстанців першого повоєнного десятиліття у роки хрущовської відлиги продовжили шестидесятники – борці за духовність нації, її культуру та мову Ігор та Ірина Калинці, Михайло Осадчий, В'ячеслав Чорновіл, Іван Гель, Богдан і Михайло Горині та інші львів'яни. Приїзд до Львова 1962 р. літераторів Івана Дзюби, Миколи Вінграновського та Івана Драча започаткував створення у місті Клубу творчої молоді «Пролісок», президентом якого обрали літературознавця Михайла Косіва.

Не згасав підпільний рух опозиції. За ініціативою молодих львівських робітників у 1957–1962 рр. діяв Український національний комітет на чолі з Богданом Грициною та Іваном Ковалем. 20 його членів засуджені на ув'язнення від 5 до 15 років. У 1962 р. відбувся судовий процес над членами Українського робітничо-селянського сектора, який очолював робітник Ходорівського цукрового заводу, недавній вояк УПА Федір Проців.

У січні 1959 р. заарештовано членів Української робітничо-селянської спілки, яка порушила питання про ненасильницький, конституційний шлях здобуття державної незалежності України. Її керівника працівника Радехівського райкому партії юриста Левка Лук'яненка засуджено до розстрілу (Верховний Суд УРСР замінив вирок на 15 років ув'язнення). Львів'яни були також співтворцями Українського національного фронту (1964–1967), що видавав у Моршині (згодом у Карпатах) машинописний журнал «Воля і Батьківщина», а також УНФ-2, що проіснував до 1991 р.

Навесні 1966 р. у Львові засудили велику групу опозиціонерів, а серед них студента університету Івана Геля, співробітника музею українського мистецтва Богдана Гориня, психолога заводу автонавантажувачів Михайла Гориня та ін.

За участю В'ячеслава Чорновола, Атени Пашко, Людмили Шереметьєвої, Ярослава Кендзьора, Михайла Косіва у 70-і роки виходив антикомуністичний часопис «Український вісник». У серпні 1971 р. влада порушила кримінальну справу проти його редактора і видавців. 1972 р. арештовано Ірину та Ігоря Калинців.

За створення таємного Українського національно-визвольного фронту (Самбір–Львів, 1968–1973) і видання нелегального журналу «Поступ» ув'язнено Зоряна Попадюка і Яромира Микитку. У травні 1979 р. у лісі під Львовом несподівано знайшли повішеним популярного українського композитора Володимира Івасюка.

Правозахисну течію репрезентувала Українська гельсінська спілка, у складі якої діяли львів'яни Мирослав Маринович, Левко Лук'яненко, Ірина Сеник, Юрій

Шухевич, В'ячеслав Чорновіл, Зіновій Красівський та ін. Останній у 1990 р. став співзасновником правозахисної організації «Гельсінкі-90», обраний головою проводу ОУН на Україні. 20 вересня 1991 р. багатолітній (26 років!) в'язень тюрем, таборів, «психушок» і заслань помер від інсульту, похований у Моршині Львівської області[37]. Він, як і сотні інших дисидентів, став для сучасників і нащадків символом нескореності нації у боротьбі за свободу.

За активної участі політичної опозиції в часи горбачовської перебудови створено низку нових громадських організацій, перші некомуністичні партії, засновано демократичні часописи, започатковано відновлення меморіалів і окремих могил вояків легіону УСС, Української галицької армії, УПА. Діяльність ОУН і УПА в повоєнне десятиліття і рух Опору 60–80-х років ще раз підтвердили прагнення народу жити в демократичній суверенній соборній Українській державі[38]. А вільний національно-державний поступ потребує осмислення й осягнення всієї трагедії і величі національної історії.

Микола ЛИТВИН,
доктор історичних наук, професор

[1] Детальніше див.: Граціозі А. Війна і революція в Європі, 1905–1956 рр. – Київ, 2005. – 350 с.

[2] Цит. за: Киричук Ю. Український національний рух 40–50-х років ХХ століття: ідеологія та практика. – Львів, 2003. – С. 41.

[3] Боцюрків Б. Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939–1950). – Львів, 2005. – 268 с.; Марчук В. Церква, духовність, нація. Українська греко-католицька церква в суспільному житті України ХХ ст. – Івано-Франківськ, 2004. – 464 с.; ін.

[4] Львівський архів НКВС евакуйовано до Воркути, а після Другої світової війни повернуто до Львова.

[5] Депортації. Західні землі України кінця 30-х – початку 50-х рр. Документи, матеріали, спогади. У трьох томах / Відп. ред. Ю. Сливка. Т. 1. – Львів, 1996. – 749 с.; Т. 2. – Львів, 1998. – 536 с.; Т. 3. – Львів, 2000. – 513 с.

[6] Український національний фронт. Дослідження, документи, матеріали / Упор. М. Дубас, Ю. Зайцев. – Львів, 2000. – 680 с.; Українська загальнонародна організація (УНФ-2). Дослідження, документи, матеріали. У 2-х т. Т. 1 / Упор. і відп. ред. Ю. Зайцев. – Львів, 2005. – 704 с.; Українська поезія під судом КГБ: кримінальні справи Ірини та Ігоря Калинців / Упор. Ю. Зайцев. – Львів, 2003. – 572 с.

[7] Данилюк Ю. З., Бажан О. Г. Опозиція в Україні (друга половина 50-х–80-ті рр. ХХ ст.). – Київ, 2000. – 616 с.; Касьянов Г. Незгодні. Українська інтелігенція в русі Опору 1960–80-х років. – Київ, 1995. – 224 с.

[8] Баран В. Україна: новітня історія (1945–1991 рр.). – Львів, 2003. – 670 с.; його ж. Історія України 1945–1953 рр. – Львів, 2005. – 184 с.

[9] Рубльов О. Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939). – Київ, 2004. – 648 с.

[10] Україна: хроніка ХХ століття. Довідкове видання. Роки 1944–1945. – Київ, 2005. – 280 с.; Роки 1961–1975. Ч. 1. 1961–1965. – Київ, 2005. – 294 с.; ін.

[11] Горбаль М. Довідник-пошуківець. Реєстр осіб, пов'язаних з визвольною боротьбою на теренах Дрогобиччини 1939–1950 (за архівними документами) / Відп. ред. П. Потічний. – Торонто; Львів, 2005. – 1312 с.; Горбаль М. Довідник-пошуківець. Реєстр осіб, пов'язаних з визвольною боротьбою на теренах Львівщини (без Дрогобиччини). 1944–1947 (за архівними документами). – Львів, 2003. – 416 с.; Літопис УПА. Т. 36. Книга полеглих членів ОУН і вояків УПА Львівщини. – Львів, 2002. – 1058 с.

[12] Юрченко В. Шляхами Соловків: Із записок засланця. – Львів, 1931. – 231 с.; його ж. Пекло на землі: В Усевлоні ОГПУ та втеча звідтіль. – Львів, 1931. – 211 с.; його ж. Зі соловецького

пекла на волю. – Львів, 1931. – 287 с.; Підгайний С. Українська інтелігенція на Соловках: Спогади. 1933–1941. – [Б.м.], 1947. – 93 с.; Гірняк Й. Спомини. – Нью-Йорк, 1982. – С. 375–438; Костюк Г. Зустрічі і прощання: Спогади. – Едмонтон, 1987. – Кн. 1. – С. 487–660.

[13] Остання адреса: До 60-річчя соловецької трагедії. – Київ, 1997. – Т. 1. – 325 с.; Київ, 1998. – Т. 2. – 286 с.; Київ, 1999. – Т. 3. – 394 с.

[14] Спогади вояків УПА та учасників збройного підпілля Львівщини і Любачівщини. – Львів, 2003. – 448 с.; Літопис УПА. Т. 31. УПА на Львівщині і Ярославщині. Спогади і документи вояків УПА ТВ «Розточчя», 1943–1947. – Львів, 2000. – 324 с.

[15] Див.: Лисенко О. Є. Підсумки Другої світової війни та Україна: методологічні завваги // Сторінки воєнної історії України. Вип. 10. Ч. 1. – Київ, 2006. – С. 7–13.

[16] Рубльов О. Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних і культурних процесах. – С. 43–52; Золоті ворота: Історія Січових стрільців 1917–1919. – Львів, 1937. – С. 17–18.

[17] Рубльов О. Згадана праця. – С. 66–70.

[18] Литвин М., Науменко К. Військова еліта Галичини. – Львів, 2004. – С. 80–81.

[19] Литвин М., Науменко К. Історія ЗУНР. – Львів, 1995. – С. 340–344.

[20] Панчук М. «Білі плями» героїчного літопису: Із історії Комуністичної партії Західної України. – Київ, 1989. – С. 25–40; Рубльов О. Названа праця. – С. 86–433.

[21] Борці за возз’єднання: Біографічний довідник. – Львів, 1989. – С. 302.

[22] Діло. – 1933. – 6 серпня.

[23] У півстолітніх змаганнях: Вибрані листи до Кирила Студинського (1891–1941) / Упор. О. Гайова, У. Єдлінська, Г. Сварник. – Київ, 1993. – С. 674–675.

[24] Див.: Лаврентий Берия. 1953. Документы. – Москва, 1999. – С. 46–49.

[25] Детальніше див.: Довгополий Я. Українці на примусових роботах в третьому Рейху // Всесвіт. – 2001. – № 3–4. – С. 125–129; Коваль М. «Остарбайтери» України: раби Гітлера, ізгої Сталіна // Політика і час. – 1998. – № 9. – С. 74–80; Забродець О. В. Волинські остарбайтери (1941–1945 рр.) // Волинь у Другій світовій війні. – Луцьк, 2004. – С. 107–126.

[26] Проблема лише почала розроблятися. Див.: Чайковский А. С. Плен. За чужие и свои грехи (военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.). – Киев, 2002. – С. 452–453; Левінін В. Про процес репатріації німецьких військовополонених з СРСР у 1945–1956 роках // Сторінки воєнної історії України. Вип. 7. – Ч. 2. – Київ, 2003. – С. 190–199.

[27] Спогади К. Науменка // Архів Інституту українознавства ім. І. Крип’якевича НАН України.

[28] Киричук Ю. Український національний рух 40–50 років ХХ століття… – С. 274.

[29] Політичний терор і тероризм в Україні XIX–XX ст. Історичні нариси. – Київ, 2002. – С. 754–755, 761. До речі, солдату внутрішніх військ для отримання десятиденної відпустки необхідно було особисто знищити трьох або захопити одного підпільника.

[30] Киричук Ю. Український національний рух 40–50 років ХХ століття… – С. 274.

[31] Баран В. Історія України 1945–1953 рр. – С. 36.

[32] Детальніше див.: Депортації українців та поляків: кінець 1939– початок 50-х років (до 50-річчя операції «Вісла») / Упор. Ю. Сливка. – Львів, 1998. – 132 с.

[33] Киричук Ю. Український національний рух 40–50 років ХХ століття. – С. 280.

[34] Сеньків М. Західноукраїнське село: насильницька колективізація – 40– поч. 50-х рр. ХХ ст. – Львів, 2002. – С. 134–145, 152.

[35] Детальніше див.: Дашкевич Я., Кук В., Бойко В., Посівнич М. Про генерала Тараса Чупринку (Романа Шухевича). – Львів, 2006. – 32 с.

[36] Баран В. Історія України. 1945–1953 рр. – С. 24.

[37] Красівський Зіновій. Невольницькі плачі / Передмова Ю. Зайцева. – Львів, 1995. – С. 3–10.

[38] Див.: Зайцев Ю. Політична опозиція // Історія України. Вид. 3-є, пер. і доп. / Відп. ред. Ю. Сливка. – Львів, 2002. – С. 365–386.

Розділ перший

МОВОЮ ДОКУМЕНТІВ

№ 1*

1927. – Лютого 25. – Витяг із Карного кодексу УРСР, введеного в дію з часу набуття чинності Положення про державні злочини, прийнятого на 3-й сесії III скликання Центрального Виконавчого Комітету СРСР 25 лютого 1927 р.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

Глава 1

Контрреволюционные преступления

[…] 54[1]. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

54[1а]. За измену родине, т. е. за действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, –

высшая мера социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества. (В редакции 20 июля 1934 г. – СЗ УССР 1934 г. № 28, ст. 239).

54[1б]. За те же преступления, совершенные военнослужащими, –

высшая мера социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества. (В редакции 20 июля 1934 г. – СЗ УССР 1934 г. № 28, ст. 239).

54[1в]. В случае побега или перелета за границу военнослужащего к совершеннолетним членам его семьи, если они чем-нибудь способствовали готовящейся или совершенной измене или, хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, применяется –

лишение свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

---

* Документи подаються мовою оригіналу із збереженням орфографії і пунктуації. – *Ред.*

Ко всем прочим совершеннолетним членам семьи изменника, жившим совместно с ним или находившимся на его иждивении к моменту совершения преступления, применяется – лишение избирательных прав и ссылка в отдаленные районы Сибири на пять лет. (В редакции 20 июля 1934 г. – СЗ УССР 1934 г. № 28, ст. 239).

$54^{1г}$. За недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене –

лишение свободы на десять лет.

За недонесение со стороны прочих граждан (не военнослужащих) –

лишение свободы на срок не менее шести месяцев. (В редакции 20 июля 1934 г. – СЗ УССР 1934 г. № 28, ст. 239).

54^{2}. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры влекут за собою –

высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества.

54^{3}. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в ст. 54^{2}.

54^{4}. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности, влечет за собою –

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела или объявления врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и с изгнанием из пределов Союза ССР навсегда.

54^{5}. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., влечет за собою –

меры социальной защиты, указанные в ст. 54^{2}.

54^{6}. Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной

тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам влечет за собою –

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества,

а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР, –

высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и с изгнанием из пределов Союза ССР навсегда.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно организациям и лицам, указанным выше, влекут за собою –

лишение свободы на срок до трех лет.

Примечание 1. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, – утверждаемом Советом Народных Комиссаров Союза ССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и опубликовываемом во всеобщее сведение.

Примечание 2. В отношении шпионажа лиц, упомянутых в ст. 206^{1}, сохраняет силу ст. 206^{24}. (В редакции 25 января 1928 г. – СУ СССР 1928 г. № 11. ст. 104).

$54^{6а}$. За разглашение сведений, составляющих государственную тайну, совершенное лицами, которым были доверены эти сведения или которые могли получить эти сведения в силу своего служебного положения, поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж, –

заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок от восьми до двенадцати лет.

За разглашение частными лицами сведений, составляющих государственную тайну, поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж, –

заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок от пяти до десяти лет.

За заявку или передачу за границу изобретений, открытий и технических усовершенствований, составляющих государственную тайну, сделанных в пределах СССР, а также сделанных за границей гражданами СССР, командированными государством, если эти преступления не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж, –

заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок от десяти до пятнадцати лет.

Примечание. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечень которых установлен Советом Министров СССР в его постановлении от 8 июня 1947 г. (В редакции Указа Президиума Верховного Совета УССР от 23 февраля 1948 г.– «Ведомости Верховного Совета УССР» 1948 г. № 3, стр. 4–5).

$54^{6б}$. За утрату должностными лицами материалов, документов и изданий, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, если эти действия по своему характеру не влекут за собой по закону более тяжкого наказания, –

заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок от четырех до шести лет.

За то же преступление, если оно повлекло за собой тяжелые последствия,– заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок от шести до десяти лет. (В редакции Указа Президиума Верховного Совета УССР от 23 февраля 1948 г. – «Ведомости Верховного Совета УССР» – 1948 г. № 3, стр. 5).

54^{7}. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий и противодействие их деятельности, совершенное в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собою –

применение мер социальной защиты, указанных в ст. 54^{2}.

54^{8}. Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций и участие в выполнении таких актов хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в ст. 54^{2}.

54^{9}. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечет за собою –

меры социальной защиты, указанные в ст. 54^{2}.

54^{10}. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской пласти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. 54^{2}–54^{9}), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания, влекут за собою –

лишение слободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в ст. 54^{2}.

54^{11}. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

54^{12}. Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собою –

лишение свободы не ниже шести месяцев.

54^{13}. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в ст. 54^{2}, 54^{14}.

Контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной

целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собою –

лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества. […]

Сборник законов СССР. – 1927. – № 12.

№ 2

1939. – Серпня 23. – Таємний додатковий протокол до Пакту про ненапад між Німеччиною та Радянським Союзом щодо поділу сфер впливу

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

По случаю подписания пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических республик нижеподписавшиеся полномочные представители обеих сторон обсудили в строго конфиденциальной беседе вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. В результате обсуждения эти беседы привели к соглашению в нижеследующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи обе стороны признают заинтересованность Литвы в районе Вильно.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих польскому государству, граница между сферами влияния Германии и СССР будет проходить приблизительно по линии рек Нарва, Висла и Сан.

Вопрос о том, в интересах ли обеих сторон сохранить Польшу как самостоятельное государство и каковы будут границы такого государства, может быть окончательно решён лишь в ходе дальнейшего развития политических событий.

В любом случае оба правительства обязуются разрешать эти вопросы путём дружеского соглашения.

3. Что касается Юго-Восточной Европы, советская сторона обратила внимание на свою заинтересованность в Бессарабии. Немецкая сторона заявила о своей абсолютной незаинтересованности в этих территориях.

4. Настоящий протокол должен держаться в строгом секрете обеими сторонами.

Москва. 23 августа 1939 года

За правительство Германского Рейха — И. Риббентроп
Полномочный представитель правительства СССР — В. Молотов

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг. Документы. – Париж–Нью-Йорк. – 1983. – С. 79–80;

Депортації. Західні землі України кінця 30-х – початку 50-х рр. Документи, матеріали, спогади. У трьох томах. Т. 1. – Львів, 1996. – С. 45.

№ 3

1939. – Вересня 3. – Телеграма міністра закордонних справ Німеччини послу в Радянському Союзі про спільні дії німецької і радянської армій проти Польщі

Министр иностранных дел Германии
послу Германии в Советском Союзе

ТЕЛЕГРАММА
№ 253 от 3 сентября

Берлин 3 сентября 1939 г. – 18:50

Очень срочно!

Совершенно секретно!

Получено в Москве 4 сентября 1939 г. – 12:30

Лично послу.
Должно быть расшифровано лично им.

Мы точно рассчитываем окончательно разбить польскую армию через несколько недель. Затем мы будем держать под военной оккупацией территорию, которая была обозначена в Москве как сфера германских интересов. Однако в силу военных соображений мы, естественно, должны будем продолжать действовать против польских войск, которые окажутся к тому времени на территории, входящей в сферу русских интересов.

Пожалуйста, обсудите это сразу с Молотовым и узнайте, не считает ли Советский Союз желательным, чтобы русские войска в нужный момент двинулись против польских войск в русской сфере влияния, и, со своей стороны, оккупировали эту территорию. Мы считаем, что это не только было бы облегчением для нас, но в свете московских соглашений, это было бы также и в советских интересах.

В этой связи, пожалуйста, выясните, можем ли мы обсудить это дело с советскими офицерами, которые только что прибыли сюда, и какую позицию собирается занять советское правительство.

Риббентроп

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг... – С. 91–92; Депортації… Т. 1. – С. 46.

№ 4

1939. – Вересня 5. – Телеграма німецького посла в Радянському Союзі міністру закордонних справ Німеччини про спільні радянсько-німецькі військові операції проти Польщі

Посол Германии в Советском Союзе
министру иностранных дел Германии

ТЕЛЕГРАММА

№ 264 от 5 сентября
Очень срочно!
Москва, 5 сентября 1939 г. – 14:30

Строго секретно!

Ссылаясь на мою телеграмму № 261 от 4 сентября.

Молотов просил меня прийти к нему сегодня в 12.30 и передал мне следующий ответ Советского Союза:

«Мы согласны с Вами, что в подходящий момент для нас было бы совершенно необходимо начать конкретные действия. Однако, по нашему мнению, время ещё не подошло. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что слишком большой поспешностью мы можем повредить нашему делу и содействовать объединению наших противников. Мы понимаем, что когда разворачиваются операции, одна из сторон или обе стороны могут оказаться вынужденными временно пересечь линию разграничения сфер влияния каждой из двух стран, но подобные случаи не должны помешать точной реализации принятого плана».

Шуленбург

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг... – С. 92;
Депортації… Т. 1. – С. 47.

№ 5

1939. – Вересня 15. – Телеграма міністра закордонних справ Німеччини послу в Москві з приводу визначення Радянським Союзом мотивів військових дій проти Польщі і приєднання Західної України до СРСР

Министр иностранных дел Рейха
послу Германии в Советском Союзе.

ТЕЛЕГРАММА

№ 360 от 15 сентября
Очень срочно!
Берлин, 15 сентября 1939 г. – 20:20
Получено в Москве 16 сентября 1939 г. – 07:15

Секретно!

Послу лично.

Прошу Вас немедленно сообщить господину Молотову следующее:

1. Разгром польской армии подходит к завершению, как это вытекает из обзора военного положения от 14 сентября, который был уже Вам передан. Мы рассчитываем занять Варшаву в ближайшие несколько дней.

2. Мы уже заявили советскому правительству, что совершенно независимо от чисто военных операций мы считаем себя связанными разграничением сфер влияния, о котором мы договорились в Москве, и это, конечно, относится также и к будущему.

3. Из сообщения, сделанного Вам Молотовым 14 сентября, мы заключаем, что советское правительство намерено выступить уже теперь. Мы приветствуем это. Таким образом, советское правительство избавляет нас от необходимости полностью уничтожить остатки польской армии, преследуя их вплоть до советской границы. Помимо этого, в том случае, если не состоится советская интервенция, может возникнуть вопрос о том, не образуется ли политический вакуум в областях, лежащих к востоку от немецкой зоны влияния. Поскольку мы с нашей стороны не собираемся проводить какую бы то ни было политическую или административную деятельность, кроме мероприятий, к которым нас вынуждают военные операции, то без интервенции Советского Союза могут создаться условия для возникновения там новых государств.

4. Для политического оправдания факта продвижения Красной армии мы предлагаем опубликовать совместное коммюнике следующего содержания: «Ввиду полного распада старых форм правления в Польше, правительство Рейха и правительство СССР считают необходимым положить конец невыносимым политическим условиям, существующим на этих территориях. Они считают своим обоюдным долгом восстановить мир и порядок в этих областях, естественно представляющих для них интерес, и создать новый порядок путём установления естественных границ и создания жизнеспособных экономических структур».

5. Предлагая такое коммюнике, мы полагаем, что советское правительство уже отказалось от мысли, высказанной Молотовым в одной из предыдущих бесед с Вами о том, чтобы использовать в качестве предлога советской акции угрозу, нависшую над украинским и белорусским населением. О выдвижении подобной мотивировки не может быть и речи. Выставлять оба государства врагами перед всем миром прямо противоречило бы действительным намерениям Германии, которые ограничиваются исключительно хорошо известными сферами германского влияния. Это также противоречило бы договоренности, достигнутой в Москве и, наконец, было бы в противоречии со стремлением к дружеским отношениям, высказанным обеими сторонами.

6. Поскольку военные операции должны быть завершены как можно скорее из-за приближения распутицы, мы были бы признательны, если бы советское правительство назначило день и час выступления своей армии так, чтобы мы, со своей стороны, могли соответственно сдержать свои действия. Чтобы осуществить необходимую координацию военных операций каждой стороны, необходимо также, чтобы представители обоих правительств, а также немецкие и русские офицеры

встретились и приняли нужные меры; мы предлагаем для такой встречи прилететь в Белосток.

Прошу Вас тут же телеграфировать мне ответ.

Риббентроп

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг... – С. 98–99; Депортації… Т. 1. – С. 48–49.

№ 6

1939. – Вересня 16. – Телеграма німецького посла в Москві Міністерству закордонних справ Німеччини з приводу мотивування Радянським Союзом початку воєнних дій проти Польщі

Посол Германии в Советском Союзе
в Министерство иностранных дел Германии

ТЕЛЕГРАММА

№ 371
Очень срочно!
Москва, 16 сентября 1939 г.

Строго секретно!

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 360 от 15 сентября.

Я виделся с Молотовым сегодня в 18 часов и выполнил поручение. Молотов заявил, что военная интервенция Советского Союза неминуема, возможно, даже завтра или днём позже. Сталин присутствовал на совещании военных руководителей и сегодня же ночью в присутствии Молотова назовёт мне день и час советского выступления.

Молотов добавил, что он представит мне сообщение своему правительству, но что, по его мнению, совместного коммюнике не требуется.

Советское правительство намерено мотивировать свою операцию следующим образом: Польское государство распалось и больше не существует, следовательно, все соглашения, заключённые с Польшей, больше не действительны. Советский Союз считает своим долгом вмешаться, чтобы защитить своих украинских и белорусских братьев и создать условия мирного труда для этих обездоленных народов.

Советское правительство намерено обнародовать упомянутую мотивировку по радио, через прессу и т. п. немедленно после того, как Красная Армия пересечёт границу, и одновременно оно сообщит об этом в официальной ноте польскому послу и всем дипломатическим миссиям здесь.

Молотов признал, что выдвигаемая аргументация содержит нотку, задевающую чувства немцев, но ввиду затруднительного положения советского правительства просит не допустить, чтобы такой пустяк встал между нами. К сожалению, советское правительство не видит никакой другой возможной мотивировки, так как до сих пор оно не проявляло никакой заботы о своих национальных меньшинствах в Польше,

и Советский Союз должен тем или иным образом оправдать свою интервенцию в глазах мира.

В заключение Молотов просил срочного разъяснения по поводу дальнейшей судьбы Вильно. Советское правительство хочет полностью избежать столкновения с Литвой и поэтому желает знать, было ли достигнуто какое-нибудь соглашение с Литвой относительно района Вильно и, в частности, о том, кто должен будет занять город.

Шуленбург

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг... – С. 100–101; Депортації… Т. 1. – С. 49–50.

№ 7

1939. – Вересня 17. – Промова по радіо Голови Ради Народних Комісарів СРСР В. М. Молотова

Товариші! Громадяни і громадянки нашої Великої Країни!

Події, викликані польсько-німецькою війною, показали внутрішню неспроможність і явну недієздатність польської держави. Польські правлячі кола збанкрутували. Все це сталося за найкоротший строк.

Минуло яких-небудь два тижні, а Польща вже втратила всі свої промислові райони, втратила більшу частину крупних міст і культурних центрів. Немає більше й Варшави, як столиці польської держави. Ніхто не знає про місцеперебування польського уряду. Населення Польщі покинуте його незадачливими керівниками напризволяще. Польська держава і її уряд фактично перестали існувати. В силу такого становища укладені між Радянським Союзом і Польщею договори припинили свою дію.

В Польщі створилося становище, яке вимагає з боку Радянського уряду особливого піклування щодо безпеки своєї держави. Польща стала зручним полем для всяких випадковостей і несподіванок, які можуть створити загрозу для СРСР. Радянський уряд до останнього часу лишався нейтральним. Але він у силу вказаних обставин не може більше нейтрально ставитися до становища, яке створилося.

Від Радянського уряду не можна також вимагати байдужого ставлення до долі єдинокровних українців і білорусів, які проживають у Польщі, перебуваючи на становищі безправних націй, і які тепер зовсім кинуті на волю випадку. Радянський уряд вважає своїм священним обов’язком подати руку допомоги своїм братам-українцям і братам-білорусам, які населяють Польщу.

Зважаючи на все це, уряд СРСР вручив сьогодні вранці ноту польському послові в Москві, в якій заявив, що Радянський уряд дав розпорядження Головному командуванню Червоної Армії дати наказ військам перейти кордон і взяти під свій захист життя і майно населення Західної України і Західної Білорусії.

Радянський уряд заявив також у цій ноті, що одночасно він має намір вжити всіх заходів до того, щоб визволити польський народ із злополучної війни, в яку він був ввергнутий його нерозумними керівниками, і дати йому можливість зажити мирним життям.

В перших числах вересня, коли провадився частковий призов запасних у Червону Армію на Україні, в Білорусії і ще в чотирьох військових округах, становище в Польщі було неясним і цей призов провадився, як захід перестороги. Ніхто не міг думати, що польська держава виявить таке безсилля і такий швидкий розвал, який тепер уже має місце в усій Польщі. Оскільки, однак, цей розвал в наявності, а польські діячі повністю збанкрутували і нездатні змінити становища в Польщі, наша Червона Армія, одержавши велике поповнення за останнім призовом запасних, повинна з честю виконати поставлене перед нею почесне завдання.

Уряд висловлює тверду впевненість, що наша Робітничо-Селянська Червона Армія покаже і на цей раз свою бойову могутність, свідомість і дисципліну, що виконання свого великого визвольного завдання вона вкриє новими подвигами, героїзмом і славою.

Разом з тим, Радянський уряд копію своєї ноти на ім'я польського посла надіслав усім урядам, з якими СРСР має дипломатичні відносини, і при цьому заявив, що Радянський Союз проводитиме політику нейтралітету щодо всіх цих країн.

Цим визначаються наші останні заходи по лінії зовнішньої політики.

Уряд звертається також до громадян Радянського Союзу з таким роз'ясненням. В зв'язку з призовом запасних серед наших громадян намітилося прагнення нагромадити побільше продовольства та інших товарів, через побоювання, що буде введена карткова система в галузі постачання. Уряд вважає потрібним заявити, що він не має наміру вводити карткову систему на продукти і промтовари, навіть, якщо викликані зовнішніми подіями державні заходи затягнуться на деякий час. Боюсь, що від надмірних закупок продовольства і товарів потерплять лише ті, хто цим займатиметься і нагромаджуватиме непотрібні запаси, піддаючи їх небезпеці псування. Наша країна забезпечена всім необхідним і може обійтися без карткової системи в постачанні.

Наше завдання тепер, завдання кожного робітника і селянина, завдання кожного службовця і інтелігента полягає в тому, щоб чесно й самовіддано трудитись на своєму посту і тим подати допомогу Червоній Армії.

Щодо бійців нашої славної Червоної Армії, то я не сумніваюсь, що вони виконають свій обов'язок перед Батьківщиною з честю і з славою.

Народи Радянського Союзу, всі громадяни і громадянки нашої країни, бійці Червоної Армії і Військово-Морського Флоту згуртовані, як ніколи, навколо Радянського уряду, навколо нашої більшовицької партії, навколо свого великого вождя, навколо мудрого товариша Сталіна, для нових і ще небачених успіхів праці в промисловості і в колгоспах, для нових славних перемог Червоної Армії на бойових фронтах.

Опубл.: Комуніст. – 1939. – № 215 (6092). – 18 верес.

№ 8

1939. – Вересня 17. – Телеграма німецького посла в Москві Міністерству закордонних справ Німеччини щодо пропозицій Сталіна координувати радянсько-німецькі військові дії на сході Польщі

Посол Германии в Советском Союзе
в Министерство иностранных дел Германии

ТЕЛЕГРАММА

№ 372 от 17 сентября
Москва, 17 сентября 1939 г.

Секретно!

Очень срочно!
Ссылаясь на мою телеграмму № 371 от 16 сентября.

Сталин принял меня в 2 часа ночи в присутствии Молотова и Ворошилова и объявил, что Красная Армия пересечёт советскую границу сегодня, в 6 часов утра, на всём ее протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска.

Для того, чтобы избежать инцидентов, Сталин срочно просит нас проследить за тем, чтобы немецкие самолёты, начиная с сегодняшнего дня не залетали на восток от линии Белосток–Брест-Литовск–Лемберг (Львов). Советские самолёты сегодня начнут бомбардировку восточнее Лемберга.

Я обещал сделать всё возможное, чтобы информировать немецкие военно-воздушные силы, но попросил, учитывая, что времени осталось очень мало, чтобы советские самолёты не приближались слишком близко к вышеназванной линии.

Советская комиссия прибудет в Белосток завтра, самое позднее – послезавтра.

Сталин зачитал мне ноту, которая должна быть вручена сегодня ночью польскому послу; копии ноты будут в течение дня разосланы всем миссиям, а затем она будет опубликована. В ноте содержится мотивировка советской акции. Зачитанный проект ноты содержит три неприемлемых для нас пункта. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью внёс изменения, так что теперь нота выглядит для нас удовлетворительной. Сталин сказал, что вопрос о публикации германо-советского коммюнике не может рассматриваться раньше, чем через два или три дня.

В дальнейшем по всем возникающим военным вопросам дела должен вести непосредственно с Ворошиловым генерал-полковник Кёстринг.

Шуленбург

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг... – С. 101–102; Депортації… Т. 1. – С. 50–51.

№ 9

1929. – Вересня 18. – Меморандум радника дипломатичної місії німецького посольства в Москві з приводу публікації радянсько-німецького комюніке про спільні воєнні дії Німеччини і Радянського Союзу проти Польщі

МЕМОРАНДУМ СОВЕТНИКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ ПОСОЛЬСТВА ГЕРМАНИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

По поводу публикации советско-германского коммюнике.

17 сентября, в 15 часов был передан по телефону проект совместного германо-советского коммюнике вместе с указанием получить одобрение советского правительства на его опубликование 18 сентября. Текст проекта прилагается (приложение 1).

17 сентября, в 23.30 посол передал господину Молотову проект на одобрение. Последний сказал, что он должен проконсультироваться по этому вопросу с господином Сталиным. Господин Сталин, которому господин Молотов сразу же позвонил, заявил, что, по его мнению, выпустить совместное коммюнике нужно, но что он не может полностью принять предложенный текст, так как он излагает факты слишком откровенно. После этого господин Сталин набросал собственной рукой новый проект и попросил, чтобы германское правительство дало на него свое одобрение, (см. приложение 2).

18 сентября, в 12.00 я передал помощнику статс-секретаря Гаусу текст советского проекта. Господин Гаус сам лично не может высказаться по этому вопросу, а должен обратиться за решением к министру иностранных дел Рейха.

18 сентября, в 12 часов дня начальник канцелярии министра, господин Кордт позвонил мне и передал следующее:

«Мы согласны с предложением русских относительно коммюнике и выпустим его в такой форме во вторник, в утренних газетах. Риббентроп».

Я немедленно передал по телефону это сообщение секретарю господина Молотова.

Через два часа текст коммюнике появился на телетайпе и также был передан всем коротковолновым станциям Германии.

18 сентября в 14.05 господин Кордт снова позвонил и сообщил:

«Коммюнике будет напечатано в некоторых вечерних газетах. Пожалуйста, информируйте заинтересованные учреждения».

Примите, господин посол и советник посольства, уверения в моём глубоком почтении.

Хильгер
Москва, 18 сентября 1939 года

P/S 18 сентября, в 19.15 господин Гаус позвонил и спросил, было ли сегодня опубликовано коммюнике в русских вечерних газетах. Если нет, его должны сегодня передать по советскому радио. Министр иностранных дел Рейха очень беспокоится, было ли это сделано. Я сказал господину Гаусу, что как сегодня у русских выходной, то вечерние газеты не выходили, и что я позже сообщу о передачах по радио. В 20.00 я смог сообщить господину Гаусу, что, начиная с 16.00, советское радио уже не раз передало коммюнике.

Хильгер
18 сентября

Приложение 1

Ввиду внутренней недееспособности Польского государства и его распада, правительство Германии и правительство СССР считают необходимым положить конец невыносимым политическим и экономическим условиям, существующим на этих территориях. Они считают своим совместным долгом восстановить спокойствие и порядок в этих областях, которые естественно представляют для них интерес, и создать новый порядок путём установления естественных границ и создания жизнеспособных экономических структур.

Приложение 2

(В записке Шуленбурга от руки: «Сталинский проект»)

Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчёт задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют никакой цели, идущей в разрез интересам Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключённого между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства и помочь населению Польши перестроить условия своего государственного существования.

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг... – С. 104–105; Депортації… Т. 1. – С. 51–53.

№ 10

1939. – Вересня 19. – З передової статті газети «Правда»

ІСТОРИЧНЕ РІШЕННЯ

17 вересня війська доблесної Червоної Армії за розпорядженням Радянського уряду перейшли кордон, щоб взяти під свій захист життя і майно населення Західної України і Західної Білорусії. Думки і почуття всього радянського народу – з палко любимою, рідною, непереможною Червоною Армією. Славні бійці йдуть на військові подвиги під героїчним прапором партії Леніна – Сталіна, спираючись на міць і силу всієї радянської країни. Вона посилає їм свій полум’яний більшовицький привіт. Вона пишається своїми синами, які виконують високий, священний обов’язок – захист єдинокровних наших братів українців і білорусів, що мучились довго в тяжкій неволі у польських панів.

Весь багатомільйонний радянський народ з найглибшою увагою слухав історичну промову по радіо Голови Ради Народних Комісарів СРСР тов. В. М. Молотова. В цій чудовій промові, в ноті уряду СРСР, врученій польському послу в Москві, показані зміни в міжнародній обстановці, в силу яких Радянський уряд віддав розпорядження Головному командуванню Червоної Армії дати наказ військам перейти кордон.

«Польсько-німецька війна виявила внутрішню неспроможність польської держави. Протягом десяти днів воєнних операцій Польща втратила всі свої промислові райони і культурні центри. Варшава, як столиця Польщі, не існує більше. Польський уряд розпався і не проявляє ознак життя. Це значить, що польська держава і її уряд фактично перестали існувати. Тим самим припинили свою дію договори, укладені між СРСР і Польщею», – вказується в ноті уряду СРСР, врученій польському послові в Москві.

Польська клаптева держава, побудована на пригнобленні, на грабежі національних меншостей, показала всю свою нежиттєздатність, свою внутрішню неспроможність, розвалилась, як картковий будиночок. У найкоротший строк польські правлячі кола збанкрутували. Жалюгідний уряд Польщі втік, кинувши народ напризволяще. Армія не мала ні одного оперативного успіху. Значна її частина навербована насильно з національних меншостей, які ненавидять панську Польщу – тюрму народів. Ясно, що така армія не здатна успішно воювати.

Становище, яке створилося в Польщі, розпад польської держави, анархія і безладдя, що запанували в Польщі, зробили Польщу зручним полем для всяких випадковостей і несподіванок, які можуть створити загрозу для СРСР. В силу зазначених обставин Радянський уряд не міг більше нейтрально ставитись до становища, яке створилось. Радянський уряд не міг також байдуже ставитись до долі єдинокровних українців і білорусів, які проживають у Польщі, не міг залишити їх беззахисними.

«Радянський уряд вважає своїм священним обов'язком подати руку допомоги своїм братам-українцям і братам-білорусам, які населяють Польщу». З швидкістю блискавки облетіли ці хвилюючі слова товариша В. М. Молотова всю нашу країну. Скрізь вони викликали величезне піднесення. Всіх запалили ентузіазмом боротьби і перемоги. Ці слова повторені в тисячах резолюцій мітингів і зборів. Їх виголошують при зустрічах радянські громадяни.

Вчора опубліковано повідомлення про втечу польського уряду в Румунію. Це ще раз підтверджує факт повного розпаду польської держави. Скрізь у Західній Білорусії і Західній Україні радянські війська швидко просуваються вперед, не зустрічаючи анітрохи серйозного опору. Це також говорить ще раз про повний розвал і розклад польської держави, польської армії.

З захопленням і радістю зустрічають наші брати західні українці і білоруси доблесну Червону Армію, яка визволяє їх від національного гноблення, від гноблення польських панів-поміщиків. З сльозами радості кидаються трудящі Західної України і Західної Білорусії в обійми до командирів і червоноармійців, проявляють зворушливе піклування про Червону Армію. Жителі виходять назустріч, одягнуті по-святковому, приносять квіти, частують бійців яблуками, молоком.

Жителі Західної України і Західної Білорусії зустрічають Червону Армію, як армію-визвольницю, як армію братського народу, який хоче допомогти їм зажити щасливим і мирним життям. Хвиля любові до братів з Західної України і Західної Білорусії несеться вслід нашій Червоній Армії. Ця любов окрилює наших бійців. Цю дружбу і любов відчуває кожний українець, кожний білорус в убогих, розорених панами хатинах на території колишньої польської держави.

З спокійною і величавою силою виконує радянська країна своє священне завдання. Як одна людина, відгукнулась вона з величезною міццю на промову глави Радянського уряду. Нерозривне єднання всього радянського народу з своїм урядом, з своєю рідною більшовицькою партією, з своїм великим вождем товаришем Сталіним.

Велике патріотичне піднесення охопило нашу країну. Схвильовані промови звучать на мітингах. В цих промовах, в резолюціях мітингів – повне схвалення мудрої зовнішньої політики Радянського уряду і готовність віддати всі сили для блага нашої Батьківщини.

Робітники і службовці Кіровського заводу (Ленінград) в резолюції мітингу говорять:

«Рішення уряду про зайняття частинами Червоної Армії Західної України і Західної Білорусії є вияв волі всього 170-мільйонного радянського народу... Схвалюючи політику нашого уряду, колектив кіровців запевняє партію, уряд і вождя народів товариша Сталіна, що ми докладемо всіх своїх сил і енергії до дальшого підвищення продуктивності праці, збільшення випуску продукції для укріплення військової моці нашої любимої Батьківщини».

Робітники, службовці, інженерно-технічні працівники заводу «Укркабель» звертаються до єдинокровних народів:

«Ми з вами, дорогі брати Західної України і Західної Білорусії! Ми не залишимось байдужими до вашої долі. Ми готові за першим закликом нашого радянського уряду, нашої партії, рідного Сталіна стати в ряди РСЧА і допомогти вам розгромити польських панів і звільнитися від гноблення і експлуатації».

Наша Червона Армія з честю виконує свій обов'язок. Вона приєднає нові перемоги до славних перемог, вписаних у героїчну історію радянської країни. Хай з честю виконує свій обов'язок кожний громадянин на своєму посту – за верстатом на заводі, за плугом на колгоспних полях, в установі, за прилавком, на кафедрі, в лабораторії. Кожний робочий пост у нашій країні – це бойовий пост.

«Народи Радянського Союзу, всі громадяни і громадянки нашої країни, бійці Червоної Армії і Військово-Морського Флоту згуртовані, як ніколи, навколо Радянського уряду, навколо нашої більшовицької партії, навколо свого великого вождя, навколо мудрого товариша Сталіна, для нових і ще небачених успіхів праці в промисловості і в колгоспах, для нових славних перемог Червоної Армії на бойових фронтах» (Молотов).

Опубл.: Комуніст. – 1939. – № 216 (6093). – 20 верес.

№ 11

1939. – Вересня 28. – Німецько-радянський договір про дружбу і кордони між СРСР і Німеччиною

ГЕРМАНСКО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривает исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья 1.

Правительство СССР и Германское правительство устанавливают в качестве границ между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сём карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья 2.

Обе стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья 3.

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии – правительство СССР.

Статья 4.

Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведённое переустройство как надёжный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между народами.

Статья 5.

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине. Договор вступает в силу с момента его подписания. Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию правительства СРСР В. Молотов
За правительство Германии И. Риббентроп

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг... – С. 110–111; Депортації… Т. 1. – С. 53–54.

№ 12

1939. – Вересня 28. – Таємний протокол до німецько-радянського договору про дружбу і кордони щодо депортації українців з прикордонної смуги

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сфере его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского Правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права переселенцев.

Соответствующее обязательство принимает на себя Германское Правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах его интересов.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию Правительства СРСР В. Молотов
За Германское Правительство Риббентроп

Опубл.: Советско-нацистские отношения. 1939–1941 гг... – С. 111; Депортації… Т. 1. – С. 54.

№ 13

1939. – Жовтня 4. – Відозва Львівського тимчасового управління до Станіславського, Тернопільського та Луцького тимчасових управлінь про утворення Комітету для організації виборів до Українських Народних Зборів

Шановні товариші!

Над нашими землями, над землями Західної України, зійшло світло нового життя. Віками пригноблений польськими панами, поміщиками та капіталістами народ Західної України навіки визволився від національного та соціального гніту.

Розпалася штучно утворена, побудована на свавіллі та гнобленні народів польська держава.

Її нікчемні керівники, втягнувши країну в кровопролитну і безглузду війну, кинули народ напризволяще і ганебно втекли, рятуючи свою шкуру, вкравши народне добро.

І в цей грізний час, коли самому життю нашого народу загрожувала смертельна небезпека, кровні, рідні брати наші, вільні народи Радянського Союзу, простягнули могутню руку допомоги і послали свою славетну героїчну Червону Армію, щоб визволити нас від гніту польських панів, щоб звільнити нас від загрози руйнування та знищення ворогами. Непереможна Червона Армія принесла народам Західної України і Західної Білорусії давно сподівану волю, братерство і дружбу. Непереможна Червона Армія навіки врятувала нас від кривавого жаху дикунської влади польського панства, від пацифікацій та екзекуцій, мордування, тортур, приниження і знущання.

Відкрито перед нами осяяний шлях до щасливого, квітучого та радісного життя, де немає страшної примари голоду, страждань, безробіття, злиднів та мук колишнього чорного життя. Свистів над нами проклятий канчук пана та його посіпак, в темряві, злиднях, неписьменності животіли ми і наші діти, нам забороняли говорити рідною мовою, закривали українські школи. Українців не допускали до жодної державної роботи. Нас вважали за бидло, нас звали глузливим словом «хлоп» і знущалися з нас.

Та прийшов цьому край.

Славна визволителька наша, Червона Армія, утворила для нас цілковиту можливість уперше вільно самим встановити свою долю. Для цього ми пропонуємо скликати Українські Народні Збори, які повинні вирішити питання, найістотніші для устрою нашого життя.

Нехай загальним, рівним, прямим і таємним голосуванням обере на народних зборах своїх представників увесь наш народ, громадяни, чоловіки і жінки, незалежно від їхньої расової та національної приналежності та віросповідання, освітнього цензу, соціального походження, майнового стану і минулої діяльності.

Нехай зберуться ці обранці народу в українському древньому місті Львові на Народні Збори Західної України, щоб вирішити питання про приєднання до великого Радянського Союзу, про з'єднання земель українських, про злиття з єдинокровним братом нашим – народом Радянської України в єдину вільну і квітучу Українську Радянську Соціалістичну Республіку, щоб затвердити передачу селянам поміщицьких земель селянськими комітетами, щоб вирішити питання про націоналізацію банків і великої промисловості.

Львівське тимчасове управління звертається до Станіславського, Тернопільського та Луцького тимчасових управлінь з пропозицією виділити своїх представників, щоб утворити Комітет для організації виборів до Українських Народних Зборів.

Ми певні, що зуміємо достойно і старанно підготувати і провести вибори найкращих синів нашого народу, які вільними голосами своїми скажуть на Народних Зборах про глибоку, незламну волю народу нашого, вільного, єдиного, нерозривного з усім українським народом, в могутній сім’ї Радянського Союзу будувати своє вільне, щасливе, заможне життя.

Ми певні, що здійсниться гаряча воля і сподівання народу, його давня мрія – радянська влада буде встановлена на нашій землі. Під проводом Комуністичної партії (більшовиків), під проводом мудрого вождя народів, великого батька і друга трудящих усього світу Йосифа Сталіна, ми підемо вперед до вершин людського життя.

Львівське тимчасове управління (підписи).

Опубл.: Вільна Україна. – Львів. – 1939. – № 11. – 6 жовт.

№ 14

1939. – Жовтня 6. – Постанова Військової Ради Українського фронту про день виборів до Народних Зборів та день скликання Народних Зборів Західної України

1. Встановити день виборів до Українських Народних Зборів – неділя 22 жовтня 1939 року.
2. Скликати Народні Збори Західної України в місті Львові 26 жовтня 1939 року.

Командуючий Українським фронтом
Командарм 1-го рангу С. ТИМОШЕНКО

Член Військової Ради Українського фронту
М. ХРУЩОВ

м. Львів, 6 жовтня 1939 року.

Опубл.: Червоний Прапор. – Коломия. – 1939. – № 6. – 10 жовт.

№ 15

1939. – Жовтня 6. – Постанова Військової Ради Українського фронту про затвердження «Положення про вибори до Українських Народних Зборів Західної України»

Військова Рада Українського фронту постановляє: Затвердити «Положення про вибори до Українських Народних Зборів Західної України».

Командуючий Українським фронтом
Командарм 1-го рангу С. ТИМОШЕНКО

Член Військової Ради Українського фронту
М. ХРУЩОВ

м. Львів, 6 жовтня 1939 року.

Опубл.: Червоний Прапор. – Коломия. – 1939. – № 6. – 10 жовт.

№ 16

1939. – Жовтня 18. – Звернення Комітету з організації виборів в Українські Народні Збори до всіх виборців, робітників, робітниць, селян і селянок, до трудової інтелігенції

Товариші! Громадяни!

22 жовтня 1939 року трудящі Західної України обиратимуть своїх представників в Українські Народні Збори. Вибори провадитимуться на основі загального, рівного і прямого виборчого права при таємному голосуванні. Всі громадяни Західної України, які досягли 18-річного віку, – незалежно від їх расової і національної приналежності, віросповідання, освітнього цензу, соціального походження, майнового стану і минулої діяльності, – мають право обирати і бути обраними в Українські Народні Збори. Це будуть перші справді вільні демократичні вибори на Західній Україні.

Згадайте, яким було ще так недавно життя трудового народу Західної України. Проклята влада польських панів, поміщиків і капіталістів зухвало зневажала всі наші права і знущалася з нас. Українцям забороняли говорити рідною мовою, переслідували живе українське слово. Непольські школи закривались, дітей наших залишали в темряві і неписьменності. Українця, білоруса, єврея, росіянина не допускали до роботи в державних установах. Вони були відсторонені від політичного життя країни. Безправ'я і пригноблення, темрява і безкультур'я, голод, злидні і безробіття були нашою долею.

Багато років ждав український народ щасливого дня, коли він покінчить з цим гнітом і кабалою і сам вирішатиме свою долю. Багато крові найкращих синів нашого народу пролито в боротьбі проти насильств і знущань польських панів. Ми знали, що по той бік рубежу великий радянський народ збудував вільне, радісне, щасливе життя. Ми були впевнені, що прийде і для нас час визволення. І от прийшов цей день свободи і щастя. 17 вересня 1939 року непереможна Робітничо-Селянська Червона Армія, за наказом уряду Радянського Союзу, вступила на землю Західної України і визволила нас від тяжкого рабства, принесла нам мир, визволила з злополучної війни, в яку втягнув нас уряд польських поміщиків і капіталістів. Червона Армія врятувала нас від розорення і загибелі, захистила наше життя і майно. Червона Армія дала нам можливість почати будувати своє життя в наших власних народних інтересах.

Кінчилась непроглядна чорна ніч, повалена гнила, ворожа народові влада польських панів. Зійшло сонце над землями Західної України. Поміщики, капіталісти і їх слуги, жандарми і поліцейські, вже не панують над нами. Віднині свою долю вирішатиме сам народ Західної України.

Ми маємо тепер змогу вільно, по своїй народній волі визначити основи нового державного і суспільного устрою життя народів Західної України з тим, щоб розв'язати

це історичної ваги завдання в інтересах щасливого і вільного життя для нас, трудящих Західної України, і для наших дітей.

Розв'язати ці найважливіші і найжиттєвіші для нас питання покликані наступні Українські Народні Збори.

Корінне питання, яке повинні вирішити Українські Народні Збори, – це питання про характер майбутньої влади на Західній Україні. Чи буде вона радянською, чи буржуазною?

На численних мітингах, зборах, вічах народ Західної України вже висловив свою волю: Західна Україна повинна бути радянською. Народ твердо впевнений, що Українські Народні Збори законодавчо закріплять цю волю народу. Трудящі Західної України знають, що своє визволення від гніту польських панів, своє визволення від загроз розорення і винищення з боку ворогів, мир для народів Західної України вони дістали завдяки братській допомозі великого Радянського Союзу, його героїчної Червоної Армії.

У час тяжких знегод у житті нашого народу тільки в лиці радянської влади ми знайшли свого визволителя, свого вірного і могутнього захисника.

Великий історичний досвід народів Радянського Союзу, які створили першу в світі радянську державу, соціалістичну державу робітників і селян, вчить нас того, що тільки радянська влада – дійсно народна влада, влада, де країною управляє сам народ, без поміщиків і капіталістів.

Радянська влада перетворила колишню царську Росію в квітучу країну соціалізму, де на фабриках і заводах працюють без капіталістів, на полях працюють трудівники землі без поміщиків, де керують роботою люди з народу.

Радянська влада забезпечила кожному громадянинові право на працю, на освіту, на відпочинок, на матеріальне забезпечення в старості, а також в разі хвороби і втрати працездатності. Жінці в СРСР надані рівні права з чоловіком в усіх галузях господарського, державного, культурного і громадсько-політичного життя. В Радянському Союзі всі громадяни, незалежно від їх національності і раси, рівноправні.

В Радянському Союзі за громадянами законом забезпечені свобода слова, друку, зборів. Радянська влада добилась справжнього розквіту культури, науки, літератури і мистецтва.

На варті соціалістичних завоювань мирної праці народів СРСР стоїть могутня Червона Армія.

Хто прагне до того, щоб народи Західної України зажили новим, щасливим і вільним життям, життям без криз і безробіття, без злиднів і голоду, той голосуватиме за радянську владу на Західній Україні.

Товариші виборці! Обирайте депутатів, які в Народних Зборах подадуть свої голоси за встановлення на території Західної України радянської влади.

Друге питання, яке повинні вирішити Українські Народні Збори, це питання про входження областей Західної України в склад Української Радянської Соціалістичної Республіки і, отже, в склад Союзу Радянських Соціалістичних Республік. 17 вересня 1939 року Червона Армія Радянського Союзу переступила кордони, які штучно розділяли єдину землю і єдинокровний народ України. Тим самим був назавжди покладений край насильницькому роз'єднанню народів Західної України і Української Радянської Соціалістичної Республіки. Назавжди минули чорні роки пригнічення українського народу під ігом польських панів, які зневажали права і національну гідність україн-

ського народу, які проводили гоніння на все українське, які намагалися шляхом насильницького ополячування зігнути в дугу український народ.

Трудящі Західної України завжди вважали себе зв'язаними нерозривними узами з своїми кровними братами, які побудували могутню, квітучу Соціалістичну Радянську Україну.

Трудящі Західної України рішуче вимагають з'єднання насильницьки розірваних імперіалістами двох частин єдиного українського народу, єдиної української землі. Тільки в складі єдиної Радянської України народи Західної України – українці, поляки, євреї, росіяни – стануть рівноправними членами братської сім'ї народів, вільними від якої б то не було національної нерівності і гніту.

Товариші виборці! Всі, як один, ідіть до виборчих урн і одностайно віддайте свої голоси за депутатів, які в Народних Зборах відстоюватимуть входження областей Західної України в склад Української Радянської Соціалістичної Республіки і, тим самим, в склад Союзу РСР.

Українські Народні Збори повинні вирішити найважливіше для трудових селян, які становлять більшість населення Західної України, питання про землю.

Як тільки Червона Армія переступила кордон Західної України, польські поміщики – всі ці сапєги, чарторійські, любомирські і подібні до них – втекли, знаючи добре, що визволені трудящі Західної України не дозволять їм більше панствувати, не дозволять знущатися з селян, з батраків. Селяни створили селянські комітети, які взяли на облік маєтки поміщиків, монастирів і крупних державних чиновників. Багато земель уже поділені селянами. Широкі маси безземельних і малоземельних селян дістали землю, награбовану поміщиками, монастирями і крупними державними чиновниками. Цим самим зроблено великий крок до знищення голоду і злиднів на селі. Нема більше поміщиків, нема більше права монастирських дармоїдів і панських прислужників, крупних чиновників і панських прихвоснів-осадників володіти народною землею. Землею повинен користуватися тільки той, хто працює на ній, хто сам обробляє землю.

Товариші виборці! Обирайте депутатів, які на Народних Зборах схвалять конфіскацію всіх поміщицьких, монастирських земель і земель крупних державних чиновників і передачу цих земель в користування самих трудящих.

Четверте питання, яке повинні вирішити Українські Народні Збори, це питання про націоналізацію банків і крупної промисловості. Банки в руках польських магнатів, поміщиків і капіталістів служили для того, щоб укріплювати панування експлуататорів, давати їм наживатися коштом праці робітників і селян. Вони допомагали перекачувати народні кошти в кишені капіталістів, поміщиків і спекулянтів. Вони були найважливішою ланкою в тому устрої насильства, безправ'я і пригноблення трудящих класів, який панував у панській Польщі. Фабриканти і заводчики нелюдськи експлуатували робітників, розоряли ремісників, викачували за безцінь сировину в селян Західної України. Наживаючи величезні багатства, фабриканти і заводчики тримали в кабалі і злиднях робітничий клас. Безробіття і зв'язана з ним незабезпеченість і невпевненість у завтрашньому дні були постійною долею робітників і ремісників Західної України.

Щоб знищити експлуатацію людини людиною, щоб позбавити паразитів – фабрикантів, заводчиків, банкірів, спекулянтів їх влади над трудовим народом, необхідно націоналізувати банки і крупну промисловість. Необхідно перетворити всі цінності банків, всі великі фабрики, заводи, рудники і залізниці у всенародне добро, оголосивши

їх державною власністю, і тим самим дати в руки робітників і всіх трудящих Західної України могутній засіб для піднесення промисловості і сільського господарства, який буде забезпечений вільною працею робітників на самих себе, на суспільство.

Товариші виборці! Обирайте депутатів, які відстоюватимуть в Українських Народних Зборах націоналізацію банків і крупної промисловості Західної України.

Товариші виборці! Наша боротьба за соціалістичний переустрій Західної України ще тільки починається. Ми повинні зміцнити революційний порядок, берегти й охороняти народне добро, множити народне багатство, піднести культуру народу, розвинути промисловість і сільське господарство. Ми повинні бути зіркі і пильні щодо ворогів трудящих. Ми повинні рішуче викривати прислужників поміщиків і капіталістів з рядів усіх партій і організацій, які допомагали польським панам, поміщикам, фабрикантам, заводчикам, банкірам, панським чиновникам душити народ. Не давайте їм змоги в новій обстановці продовжувати їх мерзенну, підривну роботу.

Товариші виборці! 22 жовтня 1939 року – день виборів в Українські Народні Збори. Всі, як один, підемо до виборчих урн і віддамо свої голоси тим, хто стоїть за встановлення радянської влади на Західній Україні, за входження Західної України в склад Української Радянської Соціалістичної Республіки, за схвалення конфіскації і передачі селянам землі поміщиків, монастирів і крупних державних чиновників, за націоналізацію банків і крупної промисловості.

Хай живе визволений народ Західної України!

Хай живе радянська влада!

Слава українському народові, слава Українській Радянській Соціалістичній Республіці!

Хай живуть народи Радянського Союзу, які прийшли до нас на допомогу і принесли нам свободу!

Хай живе наша рідна Червона Армія!

Хай живе Всесоюзна Комуністична партія (більшовиків), яка веде народи до вершин людського щастя!

Хай живе мудрий вождь народів – великий Сталін!

Комітет по організації виборів Українських Народних Зборів.
м. Львів.

Опубл.: Комуніст. – 1939. – № 241 (6118). – 20 жовт.

№ 17

1939. – Жовтня 25. – Повідомлення Комітету з організації виборів до Народних Зборів Західної України про наслідки голосування

22 жовтня 1939 року по всій Західній Україні відбувалися вибори депутатів в Українські Народні Збори.

Вибори відбувалися на основі загального, рівного і прямого виборчого права при таємному голосуванні.

Вибори почалися рівно о 6 годині ранку. За повідомленням окружних виборчих комісій по виборах в Українські Народні Збори, по всіх містах, селах та селищах

Західної України до 5 години дня 22 жовтня проголосувала переважна більшість виборців. О 12 годині ночі 22 жовтня вибори закінчились.

Всього по Західній Україні є 5858 виборчих дільниць і 1495 виборчих округів.

За даними виборчих округів зареєстровано обрання 1484 депутатів із загальної кількості 1495 депутатів, які мали бути обрані відповідно до кількості утворених виборчих округів. Кандидати, які голосувались в депутати по округах №№ 433, 326, 173, 172, 131, 354, 365, 345 – Луцької області і по округах №№ 252, 380 і 381 –Львівської області, одержали, кожний окремо, менше половини всіх голосів, поданих по округу і визнаних дійсними. Відповідно до ст. 45 «Положення про вибори в Українські Народні Збори» кандидати в депутати по цих 11 округах, як такі, що не одержали абсолютної більшості голосів, тобто більше половини всіх голосів, поданих по округу і визнаних дійсними, вважаються необраними. В цих округах призначені нові вибори для обрання депутатів в Українські Народні Збори від цих округів.

За даними виборчих округів з загальної кількості 4776 275 виборців Західної України брало участь у голосуванні 4433997 чоловік, що становить 92,83% від загальної кількості виборців.

Бюлетенів, що визнані дільничними виборчими комісіями недійсними на підставі ст. 35 «Положення про вибори в Українські Народні Збори», виявилося 75925. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 325918. У всіх виборчих округах Західної України по виборах в Українські Народні Збори голосувало за кандидатів, що виставлені селянськими комітетами, тимчасовими управліннями, зборами робітників по підприємствах, зборами робітничої гвардії, зборами інтелігенції, – 4032154 чоловіка, що становить 90,93% до числа тих, що голосували.

За даними окружних виборчих комісій по Львівській області (колишнє воєводство) з 1345561 виборців брало участь у голосуванні 1232466 чоловік, або 91,59% всіх виборців. За виставлених кандидатів голосувало 1088371 чоловік, або 88,30% тих, що брали участь у голосуванні. Бюлетенів, що визнані недійсними, виявилося 14631. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 129464.

По м. Львову з 268 382 виборців брало участь у голосуванні 256 802 чоловіка, або 95,68% всіх виборців. За виставлених кандидатів голосувало 240068 чоловік, або 93,48% тих, що брали участь у голосуванні. Бюлетенів, що визнані недійсними, виявилося 1631. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 15103.

По Тернопільській області (колишнє воєводство) з 1074387 виборців брало участь у голосуванні 945 748 чоловік, або 88,03% всіх виборців. За виставлених кандидатів голосувало 875169 чоловік, або 92,53% тих, що брали участь у голосуванні. Бюлетенів, що визнані недійсними, виявилося 33566. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 37013.

По м. Тернополю з 27317 виборців брало участь у голосуванні 25493 чоловіка, або 93,32% всіх виборців. За виставлених кандидатів голосувало 24567 чоловік, або 96,36% тих, що брали участь у голосуванні. Бюлетенів, що визнані недійсними, виявилося 382. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 544.

По Станіславській області (колишнє воєводство) з 979735 виборців брало участь у голосуванні 941 830 чоловік, або 96,13% всіх виборців. За виставлених кандидатів голосувало 877851 чоловік, або 93,2% тих, що брали участь у голосуванні. Бюлетенів, що визнані недійсними, виявилося 6045. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 57934.

По м. Station Станіславу з 49990 виборців брало участь у голосуванні 46353 чоловіка, або 92,72% всіх виборців. За виставлених кандидатів голосувало 43 671 чоловік, або 94,21% тих, що брали участь у голосуванні. Бюлетенів, що визнані недійсними, виявилося 42. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 2 640.

По Луцькій області (колишнє воєводство) з 1376592 виборців брало участь у голосуванні 1313953 чоловіка, або 95,44% всіх виборців. За виставлених кандидатів голосувало 1190763 чоловіка, або 90,62% тих, що брали участь у голосуванні. Бюлетенів, що визнані недійсними, виявилося 21683. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 101507.

По м. Луцьку з 31075 виборців брало участь у голосуванні 28431 чоловік, або 91,49% всіх виборців. За виставлених кандидатів голосувало 26308 чоловік, або 92,53% тих, що брали участь у голосуванні. Бюлетенів, що визнані недійсними, виявилося 170. Бюлетенів, в яких закреслені прізвища кандидатів, – 1953.

Червоноармійці, командири і політпрацівники частин Українського фронту, які розташовані на території Західної України, участі у голосуванні не брали.

З 1484 обраних депутатів 1245 депутатів – чоловіки, жінок – 239.

Вибори в Українські Народні Збори, що проходили під лозунгами, які висунуті у зверненні Комітету по організації виборів в Українські Народні Збори, показали велику політичну активність, одностайність і єдність волі населення Західної України, яке з радістю віддало свої голоси за кандидатів, що виставлені народом.

Опубл.: Комуніст. – 1939. – № 246 (6123). – 26 жовт.

№ 18

1939. – Жовтня 27. – Декларація Українських Народних Зборів про встановлення радянської влади в Західній Україні

Панська Польща, яка трималась на пригнобленні мільйонів українців, білорусів і польського трудового народу, впала.

Червона Армія, виконуючи волю великого радянського народу, простягла трудящим Західної України руку братської допомоги, визволила їх від гніту польських поміщиків і капіталістів.

Перед трудящими Західної України відкритий вільний шлях – до нового щасливого життя. Визволений народ дістав можливість вільно, як справжній господар своєї долі, вирішувати питання про те, яку державну владу встановити на своїй землі. На досвіді всіх революцій, на досвіді братських народів Радянського Союзу доведено, що тільки радянська влада є справжнім виразником і захисником інтересів трудящих. Всією багатовіковою історією людства доведено, що всяка інша влада являє собою неприховане панування і нестримну волю купки експлуататорів.

Так звані буржуазно-демократичні держави не раз проголошували рівноправність усіх громадян. Однак, всілякими викрутами і хитрощами вони усувають трудящих від активного політичного життя, від управління державою, позбавляють їх усіх прав і свобод. Влада залишається в руках тих, хто пригноблює і поневолює переважну більшість населення, в руках купки багатіїв і паразитів. Долею ж чесних трудівників є злидні й голод, канчук і тюрма, животіння і безправ’я.

Не може бути справжньої волі і рівноправності там, де є експлуататори і експлуатовані. Відстояти інтереси визволеного народу Західної України, визволити його раз і назавжди від капіталістичного рабства, від панування і сваволі поміщиків і фабрикантів, заводчиків і банкірів – це значить встановити владу Рад депутатів трудящих – радянську владу. Тільки Ради забезпечують владу більшості народу – трудящих над меншістю – купкою тунеядців і експлуататорів. Ради – це влада робітників і селян. Тільки Ради – найдемократичніша державна влада, тільки через Ради весь трудовий народ дійсно бере участь в управлінні державою, в будівництві свого вільного і щасливого життя.

У Радах здійснюється союз робітників і селян, союз, який зробив радянську державу непереможною силою. Через Ради робітничий клас і його авангард – Комуністична партія (більшовиків) – керують будівництвом соціалізму. Тільки радянська влада створює умови для розквіту народних талантів, для висування з народу керівників і організаторів різних галузей державного, господарського і громадського життя. Тільки радянська влада здатна знищити всякий національний гніт, міжнаціональні незгоди і ворожнечу і забезпечити співробітництво і дружбу трудящих усіх національностей.

Виражаючи одностайну волю визволеного народу Західної України, наслідуючи приклад народів Радянського Союзу, Українські Народні Збори проголошують встановлення радянської влади на всій території Західної України. Віднині вся влада в Західній Україні належить трудящим міста і села в особі Рад депутатів трудящих.

Українські Народні Збори заявляють про непохитну волю народу Західної України захищати і відстоювати владу Рад від усіх нападів, звідки б вони не виходили.

Українські Народні Збори висловлюють непохитну впевненість у тому, що встановлення радянської влади, керованої Комуністичною партією (більшовиків), приведе до розквіту продуктивних сил, народного добробуту і культури народу Західної України.

Хай живе радянська влада – найдемократичніша влада в світі – влада трудящих!

Хай живе СРСР – соціалістична держава робітників і селян, надія і Вітчизна трудящих усього світу!

Хай живе організатор перемоги Рад – Комуністична партія (більшовиків)!

Опубл.: Комуніст. – 1939. – № 248. – 28 жовт.

№ 19

1939. – Жовтня 27. – Декларація Українських Народних Зборів про прийняття Західної України до складу Союзу Радянських Соціалістичних Республік і включення її до складу Української Радянської Соціалістичної Республіки

Український народ у колишній польській державі був приречений на вимирання, його долею було пригноблення, знищення і грабіж. Польські пани зробили все, щоб ополячити українське населення, навіть слово «українець», замінивши його словом «бидло» і «хлоп».

Українських селян позбавляли землі. Робітникам і службовцям українцям не давали працювати на фабриках, заводах і в установах. Українців не приймали в на-

вчальні заклади. Викорінювали рідну українську мову. Прагнули знищити українську культуру. Все це не раз викликало бурю протесту, селянські повстання проти колоніального режиму правлячих кіл панської Польщі.

Але скінчився час пригноблення і безправ'я. Волею всього багатонаціонального радянського народу, за указом Радянського уряду, Червона Армія визволила навіки народ Західної України від влади польських поміщиків і капіталістів.

На вічах, зборах, мітингах народ одностайно висловлює непохитну волю злитися в братську сім'ю народів великого Радянського Союзу і ввійти до складу Української Радянської Соціалістичної Республіки. Бо тільки в Радянському Союзі, де коло влади стоять робітники і селяни, знищена експлуатація людини людиною, здійснена взаємна допомога народів в усіх галузях господарського і громадського життя. Бо тільки в Радянському Союзі можливий для кожного народу повний розквіт національної культури – в повному розумінні народної культури. Бо тільки в Радянському Союзі зникло почуття взаємного недовір'я між народами і замість національного розбрату, культивованого буржуазією, зросла і зміцніла дружба народів.

В Радянському Союзі розквітає Українська Радянська Соціалістична Республіка. Збудовані сотні потужних заводів і фабрик, на яких працює робітничий клас, що не знає експлуатації. Виросло і економічно зміцніло українське селянство, яке володіє всією землею і обробляє її новішою технікою. Радянська влада і комуністична партія створили всі умови для розквіту справжньої народної української радянської культури.

Українська мова – державна мова. Сини і дочки народів Радянської України займають керівні пости в усіх галузях політичного, господарського, культурного і громадського життя. Молоді Радянської України забезпечена повна можливість вчитись, оволодівати висотами науки своєю рідною мовою.

Народ Західної України знає це. Українські Народні Збори, будучи виразником непохитної волі і сподівань народу Західної України, постановляють:

Просити Верховну Раду Союзу РСР прийняти Західну Україну до складу Союзу Радянських Соціалістичних Республік, включити Західну Україну до складу Української Радянської Соціалістичної Республіки з тим, щоб з'єднати український народ в єдиній державі, покласти край віковому роз'єднанню українського народу.

Народні Збори висловлюють тверду впевненість у тому, що Верховна Рада Союзу Радянських Соціалістичних Республік задовольнить цю просьбу народу Західної України, щоб він в єдиній і дружній сім'ї народів Союзу Радянських Соціалістичних Республік, під керівництвом Комуністичної партії (більшовиків), ішов шляхом нового і щасливого життя.

Хай живе вільна Радянська Україна!

Хай живе братство народів!

Хай живе Союз Радянських Соціалістичних Республік – Вітчизна трудящих усього світу!

Опубл.: Комуніст. – 1939. – № 248. – 28 жовт.

№ 20

1939. – Жовтня 28. – Декларація Українських Народних Зборів про націоналізацію банків та великої промисловості Західної України

Польські пани – поміщики та капіталісти – з метою пригнічення і визискування робітників і селян захопили в свої руки банки і велику промисловість.

Визволений народ Західної України, прагнучи знищити назавжди визиск людини людиною, сказав своє слово про банки та велику промисловість. На мітингах і зборах трудящі Західної України одностайно заявили про необхідність націоналізації банків і великої промисловості.

З метою нещадного подавлення експлуататорів і знищення всякої експлуатації людини людиною, виявляючи одностайну волю всього народу Західної України, ідучи за прикладом Союзу Радянських Соціалістичних Республік, Українські Народні Збори проголошують націоналізацію банків і великої промисловості на Західній Україні.

Віднині всі цінності банків, всі великі фабрики, заводи, всі копальні та залізниці оголошуються всенародним добром, тобто державною власністю.

Віднині на нашій визволеній землі нема і не буде місця паразитам – фабрикантам, заводчикам та банкірам.

Українські Народні Збори, проголошуючи націоналізацію банків та великої промисловості Західної України, закликають усіх трудящих до залізної революційної дисципліни, до пильної охорони всенародного добра – державної власності, закликають зміцнювати нашу перемогу, кувати наше щастя.

Опубл.: Комуніст. – 1939. – № 249. – 29 жовт.

№ 21

1939. – Жовтня 28. – Декларація Народних Зборів Західної України про конфіскацію земель поміщицьких, монастирських та великих державних урядовців

На визволеній від поміщиків і капіталістів землі Західної України єдиним законним її господарем є трудовий народ: робітники, селяни і трудова інтелігенція.

Немає більше поміщиків, які захопили були в свої жадібні лапи майже всю землю Західної України. Віднині немає того державного апарату примусу, який канчуками, тортурами, розстрілами та пацифікаціями примушував селянина віддавати всі плоди його тяжкої праці паразитові-поміщику, урядовцю, монастирю. Закінчилось голодне животіння трудових селянських мас, що їх грабували і гнітили польські пани.

Віднині земля належить народові! Українські Народні Збори, висловлюючи волю народу, вважають за єдино можливе для добра і щастя трудящих мас так вирішити питання про землю, як його вирішили наші брати – народи Радянського Союзу.

Після перемоги Великої Жовтневої соціалістичної революції в Росії Радянський уряд оголосив землю народним добром, одібрав її у поміщиків і передав трудящим селянам, тим, хто на ній робив віками, хто віками зрошував її своїм потом та кров'ю. Так більшовики здійснили віковічну мрію селянства про визволення з-під поміщицької кормиги, мрію про землю.

Радянські робітники і селяни, керовані більшовиками, збудували нове суспільство, де нема визискувачів і визискуваних, де нема паразитів – поміщиків, капіталістів, банкірів. У радянському суспільстві сам народ – коваль свого щастя.

Народ Західної України знає, що передача поміщицьких земель селянам є однією з найважливіших умов для того, щоб успішно перебудувати життя трудящих Західної України по-новому, так, як живуть щасливо радянські народи, так, як учить партія більшовиків.

У цілковитій відповідності до одностайної волі і прагнень трудящих Західної України, захищаючи їхні кровні та життєві інтереси, слідуючи за прикладом народів Радянського Союзу, Українські Народні Збори проголошують на території Західної України конфіскацію земель поміщицьких, монастирських та великих державних урядовців зі всім їхнім живим та мертвим інвентарем та їх садибними будівлями.

Народні збори затверджують відібрання поміщицьких земель без викупу, через селянські комітети, під керівництвом тимчасових управлінь, і передачу їх у користування трудовому селянству. Питання про землі осадників вирішують селянські комітети.

Віднині вся земля Західної України з її надрами, всі ліси та ріки оголошуються всенародним добром, тобто державною власністю.

Віднині на нашій вільній землі нема і не буде місця паразитам-поміщикам та їхнім посібникам.

Українські Народні Збори закликають усіх трудівників землі, селянські комітети до залізної революційної дисципліни, до охорони від розтягання колишніх поміщицьких маєтків, будівель і інвентаря, що є віднині священним і недоторканним добром народу.

Тільки селянські комітети мають право розподіляти поміщицькі землі. Тільки селянські комітети мають право порядкувати майном, яке належало поміщикам.

Хай живе розкріпачена праця селянина на визволеній землі Західної України!

Хай живе союз робітників і селян!

Хай живе Всесоюзна Комуністична партія (більшовиків) – вождь і організатор боротьби трудящих проти гнобителів, поміщиків і капіталістів!

Опубл.: Комуніст. – 1939. – № 249. – 29 жовт.

№ 22

1939. – Листопада 1. – Закон про включення Західної України до складу Союзу Радянських Соціалістичних Республік і з'єднання її з Українською Радянською Соціалістичною Республікою

Верховна Рада Союзу Радянських Соціалістичних Республік, заслухавши заяву Повноважної Комісії Народних Зборів Західної України, постановляє:

1. Задовольнити просьбу Народних Зборів Західної України і включити Західну Україну до складу Союзу Радянських Соціалістичних Республік із з'єднанням її з Українською Радянською Соціалістичною Республікою.

2. Доручити Президії Верховної Ради призначити день виборів депутатів у Верховну Раду СРСР від Західної України.

3. Запропонувати Верховній Раді Української Радянської Соціалістичної Республіки прийняти Західну Україну до складу Української Радянської Соціалістичної Республіки.

4. Просити Верховну Раду Української Радянської Соціалістичної Республіки подати на розгляд Верховної Ради СРСР проект розмежування районів і областей між Українською Радянською Соціалістичною Республікою і Білоруською Радянською Соціалістичною Республікою.

Голова Президії Верховної Ради СРСР М. КАЛІНІН
Секретар Президії Верховної Ради СРСР О. ГОРКІН
Москва, Кремль.
1 листопада 1939 року.

Позачергова П’ята Сесія Верховної Ради СРСР. Стенографічний звіт, 1939, стор. 99.

№ 23

1939. – Листопада 10. – Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про вирішення долі біженців з території Польщі, окупованої німецькими військами

О БЕЖЕНЦАХ С ТЕРРИТОРИИ, НЫНЕ ЗАНЯТОЙ НЕМЦАМИ

1. Для решения вопросов, связанных с использованием рабочей силы беженцев, а также вопросов об эвакуации части беженцев обратно, образовать комиссию в составе тт. Берия, Булганина, Шверника и Корниец. Созыв комиссии за т. Берия.

2. Поручить этой комиссии точно учесть количество беженцев и организовать работу по целесообразному использованию части беженцев как рабочей силы, а также рассмотреть вопрос об обратной эвакуации остальной части их. Свои предложения внести на утверждение ЦК.

И. Сталин

Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 55.

№ 24

1939. – Листопада 15. – Закон про прийняття Західної України до складу Української Радянської Соціалістичної Республіки

Верховна Рада Української Радянської Соціалістичної Республіки, заслухавши заяву Повноважної Комісії Народних Зборів Західної України, постановляє:

1. Вітати всемірно історичну постанову Верховної Ради СРСР від 1 листопада 1939 року про включення Західної України до складу Радянського Союзу.

2. Прийняти Західну Україну до складу Української Радянської Соціалістичної Республіки і возз’єднати тим самим великий український народ в єдиній українській державі.

3. Доручити Президії Верховної Ради УРСР призначити день виборів депутатів у Верховну Раду УРСР від Західної України.

4. Доручити Президії Верховної Ради УРСР визначити адміністративний поділ областей і районів Західної України і, у відповідності з пунктами «в» і «г» статті 19 Конституції УРСР, подати на затвердження Верховної Ради СРСР проект про утворення нових областей та проект розмежування районів і областей між Українською Радянською Соціалістичною Республікою і Білоруською Радянською Соціалістичною Республікою.

Голова Президії Верховної Ради УРСР М. Гречуха
Секретар Президії Верховної Ради УРСР О. Межжерін

м. Київ, 15 листопада 1939 року.

Позачергова Третя Сесія Верховної Ради УРСР.
Стенографічний звіт, 1940, стор. 72.

№ 25

1939. – Грудня 29. – Постанова Ради народних комісарів СРСР про насильницьку депортацію населення із західних областей України і Білорусії

Совершенно секретно

В соответствии с Постановлением СНК Союза ССР от 5 декабря 1939 г. № 2001–558 сс Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить инструкцию Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР о порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР.

2. Утвердить представленное НКВД СССР Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР.

3. Обязать Наркомлес СССР обеспечить подготовку и приемку, размещение, устройство и трудовое использование переселенцев-осадников, направляемых на работу в лесную промышленность.

Поручить НКВД СССР совместно с Наркомлесом СССР в 5-тидневный срок определить пункты расселения осадников и порядок трудового использования их в соответствии с Положением о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР.

4. Обязать НКПС обеспечить перевозку спецпереселенцев-осадников отдельными эшелонами в сроки, устанавливаемые НКВД СССР.

Предложить Наркомздраву СССР обеспечить спецпереселенцев-осадников в пути их следования медицинским персоналом, необходимыми медикаментами и медико-санитарным инвентарем по заявке НКВД СССР, не позднее чем за 5 дней до отправки эшелонов. Возложить на Наркомздрав СССР организацию медико-санитарного обслуживания спецпереселенцев-осадников в спецпоселках.

6. Обязать Наркомторг СССР организовать питание спецпереселенцев-осадников в пути их следования в пунктах, определяемых НКВД СССР.

7. Организацию перевозки переселенцев-осадников от станции прибытия до спецпоселков возложить на НКВД СССР. Обязать Наркомлес СССР предоставить в распоряжение НКВД СССР для указаной цели автогужевой транспорт и продовольствие в количествах, обеспечивающих одновременную переброску прибывающих эшелонов.

8. Предложить Кировскому, Пермскому, Вологодскому, Архангельскому, Ивановскому, Ярославскому, Новосибирскому, Свердловскому и Омскому облисполкомам и СНК Коми АССР оказать практическую помощь НКВД и Наркомлесу СССР в деле перевозки и размещения спецпереселенцев-осадников и в случае необходимости предоставить в распоряжение НКВД СССР недостающий автогрузтранспорт для перевозки переселенцев путем привлечения местных организаций и колхозов.

9. Обязать Наркомторг СССР выделить Наркомлесу СССР дополнительно продовольствие и промтоварные фонды на 21.000 семей спецпереселенцев-осадников.

10. Предложить Наркомпросу РСФСР организовать школьное обучение детей спецпереселенцев-осадников в спецпоселках.

11. Утвердить типовые штаты и ставки заработной платы работников районных и поселковых комендатур НКВД СССР в спецпоселках, согласно Приложению.

12. Предусмотреть в бюджетах на 1940 г. и 1-й квартал 1940 г.:

а) выделение дополнительных ассигнований по смете НКВД СССР в сумме 17,5 миллионов рублей на расходы по переселению осадников из западных областей УССР и БССР;

б) выделение Наркомлесу СССР 14 миллионов рублей на расходы по хозяйственному устройству спецпереселенцев-осадников.

*[Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР). – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 54. – Арк. 31–32] *.*

Опубл.: Літопис нескореної України. Документи, матеріали, спогади. Кн. 1. – Львів: «Просвіта», 1993. – С. 26.

№ 26

1939. – Грудня 29. – Інструкція Наркомату внутрішніх справ СРСР про депортацію населення західних областей України і Білорусії

Совершенно секретно

Постановление СНК Союза ССР
от 29 декабря 1939 г. № 2122–617 сс.

ИНСТРУКЦИЯ
Народного Комиссариата внутренних дел Союза ССР от 29 декабря 1939 года
«О порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР»

1. Выселение осадников из западных областей УССР и БССР проводится одновременно по УССР и БССР в день, назначенный НКВД СССР.

---

* Тут і далі у квадратних дужках вказано назви архівів на час публікації їх матеріалів у зазначених нижче виданнях. – *Ред.*

2. При выселении осадников все недвижимое имущество, сельскохозяйственный инвентарь, домашний скот остаются на месте и принимаются по акту местными управлениями.

3. Осадникам разрешается брать с собой следующее имущество и мелкий хозяйственный инвентарь:

1) одежда, 2) белье, 3) обувь, 4) постельные принадлежности, 5) посуда столовая (ложки, ножи, вилки), чайная и кухонная, ведра, 6) продовольствие из расчета месячного запаса на семью, 7) мелкий хозяйственный и бытовой инструмент (топор, пила, лопата, мотыга, коса, грабли, вилы, молоток, клещи, зубило і т. п.), 8) деньги (сумма не ограничивается) и бытовые ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигары и т. п.), 9) сундук или ящик для упаковки вещей.

4. Общий вес указанных вещей не должен превышать 500 кг на семью. Примечание: Громоздкие вещи, в том числе хозяйственный инвентарь перевозятся в специально выделенных вагонах.

5. Отправка осадников к месту поселения производится эшелонами в составе 55 вагонов, оборудованных по зимнему для людских перевозок (в том числе один классный вагон для охраны и один оборудованный санизолятор.) В каждый вагон помещается 25–30 чел. взрослых и детей с их вещами. Для громоздких вещей на каждый эшелон выделяется по 4 товарных вагона.

6. На каждый эшелон НКВД СССР назначает начальника эшелона и соответствующую охрану. Наркомздрав СССР обеспечивает эшелоны медицинским персоналом в составе одного медфельшера и двух медсестер на каждый эшелон и соответствующими медикаментами. За 10 дней до подачи вагонов НКВД СССР представляет НКПС заявку на эшелоны с точным указанием дня подачи эшелонов, станции погрузки и станции назначения. Подача эшелонов обеспечивается НКПС не позднее 3-х дней с момента поступления заявки НКВД СССР.

7. В пути следования по железной дороге спецпереселенцы – осадники получают бесплатно один раз в сутки горячую пищу и 800 г хлеба на человека. Изготовление и выдача пищи в пути следования производится по заявкам Начальников эшелонов НКВД трестами железнодорожных ресторанов и буфетов Наркомторга СССР. Оплата расходов на питание спецпереселенцев-осадников в пути следования производится НКВД СССР.

8. Спецпереселенцы-осадники направляются на лесоразработки Наркомлеса в Кировскую, Пермскую, Вологодскую, Архангельскую, Ивановскую, Ярославскую, Новосибирскую, Свердловскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Коми АССР и размещаются на месте работ в отдельных поселках от 100 до 500 семей в каждом.

Подготовка к приему спецпереселенцев-осадников, представление им помещений и трудовое устройство их возлагается на Наркомлес СССР.

9. Перевозка спецпереселенцев-осадников от станции прибытия до места поселения организуется НКВД СССР. Наркомлес СССР выделяет в распоряжение НКВД СССР необходимый автогужтранспорт и продовольствие в количествах, обеспечивающих одновременно переброску прибывающих спецпереселенцев-осадников.

В случае необходимости краевые и областные комитеты обязаны представить в распоряжение НКВД СССР дополнительный автогужтранспорт путем привлечения местных организаций и колхозов.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

Верно:
Начальник отдела трудовых поселений
ГУЛАГ НКВД – ст. лейтенант госбезопасности Конрадов

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 52. – Арк. 8–10].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 27.

№ 27

1939. – Грудня 29. – Положення Наркомату внутрішніх справ СРСР про спецпоселення депортованих із західних областей України і Білорусії

Совершенно секретно

Утверждено
постановлением СНК Союза ССР
от 29 декабря 1939 года
№ 2122–617 сс

ПОЛОЖЕНИЕ
о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР

1. Осадники и их семьи, переселенные НКВД СССР из западных областей УССР и БССР, размещаются для трудового использования в спецпоселках, организуемых в районах лесных разработок Наркомлеса СССР.

2. Спецпоселки для спецпереселенцев-осадников организуются НКВД СССР из расчета от 100 до 500 семей на один поселок.

3. Отвод жилых помещений и коммунально-бытовое обслуживание спецпереселенцев-осадников производится Наркомлесом СССР по нормам, установленным для рабочих лесной промышленности. При этом каждой семье спецпереселенца-осадника предоставляется отдельная комната или отдельное место в бараке из расчета не менее 3 кв. м жилой площади на 1 чел.

4. Административное управление спецпоселками осадников осуществляется районными и поселковыми комендатурами НКВД СССР. Поселковые комендатуры НКВД СССР организуются в каждом спецпоселке, а районные комендатуры НКВД СССР – в административных районах с размещением их в центре территории, на которой расположены спецпоселки.

5. Комендатуры НКВД СССР в спецпоселках осуществляют учет спецпереселенцев-осадников, ведут борьбу с побегами, следят за соблюдением установленного в поселках общественного порядка и правил трудового использования спецпереселенцев.

6. Расходы на содержание районных и поселковых комендатур, а также расходы, связанные с административным обслуживанием спецпереселенцев-осадников (средства передвижения, почтово-телеграфные расходы и др.) производятся по сметам комендатур за счет средств, образуемых в порядке ежемесячных отчислений от заработной платы спецпереселенцев-осадников, в пределах не свыше 10%. Указаные отчисления производятся предприятиями Наркомлеса СССР по месту работ спецпереселенцев-осадников и перечисляются отделам исправительно-трудовых колоний соответствующих УНКВД.

7. Сметы районных и поселковых комендатур НКВД СССР утверждаются начальником ГУЛАГа НКВД СССР по представлению областных/краевых отделов исправительно-трудовых колоний УНКВД.

8. Коменданты спецпоселков обязаны:

а) следить за соблюдением установленного в поселке порядка;

б) наблюдать за точным выполнением договоров о трудовом использовании спецпереселенцев, заключаемых отделами исправительно-трудовых колоний УНКВД с предприятиями Наркомлеса;

в) принимать необходимые меры к предупреждению побегов, обнаружению и задержанию правонарушителей;

г) вести борьбу с пьянством, хулиганством, шинкарством и другими нарушениями общественного порядка в поселках;

д) систематически производить проверку наличия спецпереселенцев;

е) производить регистрацию актов гражданского состояния.

9. Правила внутреннего распорядка в спецпоселках утверждаются начальником отдела исправительно-трудовых колоний УНКВД и доводятся комендантом до всеобщего сведения населения поселка.

10. За нарушение установленного в спецпоселках порядка, недобросовестное отношение к государственному имуществу, нарушение трудовой дисциплины и прогулы спецпереселенцы подвергаются комендантами поселков штрафу до 25 рублей или аресту до 5 суток.

Районным комендантам НКВД предоставляется право подвергать наиболее злостных нарушителей штрафу до 50 рублей или аресту до 10 суток или привлекать их к уголовной ответственности.

Привлечение спецпереселенцев к административной или уголовной ответственности производится на основании предварительного расследования, проводимого комендантом.

Суммы, поступающие от штрафов, комендантами спецпоселков сдаются в доход государства.

11. Районным и поселковым комендантам предоставляется право, по согласованию с администрацией предприятий Наркомлеса СССР, переводить нарушителей дисциплины на более тяжелые работы.

12. В случае побега спецпереселенцев комендант спецпоселка немедленно принимает меры к розыску и задержанию бежавших с одновременным извещением местного управления НКВД для объявления розыска.

13. Коменданты спецпоселков обязаны принимать от спецпереселенцев жалобы как в письменном, так и в устном виде и разрешать их на месте. В случае невозможности разрешения на месте вопросов, затронутых в жалобах, комендант обязан направ-

лять их на разрешение отдела исправительно-трудовых колоний УНКВД. Заявления и жалобы спецпереселенцев, адресуемые вышестоящим органам государственной власти, комендант обязан направлять по принадлежности.

14. В районных комендатурах ведется персональный учет спецпереселенцев.

«Учетная карточка» (см. прилагаемую форму) заполняется в трех экземплярах; один экземпляр карточки хранится в районной комендатуре НКВД, второй экземпляр направляется в отдел исправительно-трудовых колоний НКВД и третий экземпляр – в ГУЛАГ НКВД СССР.

15. В комендатуре спецпоселка ведется книга посемейного учета спецпереселенцев, составленная в алфавитном порядке. В книгу записывается глава семьи с припиской к нему всех членов семьи. Члены семьи спецпереселенцев, имеющие другие фамилии, записываются в книгу под своей фамилией.

16. В учетных карточках и книге посемейного учета должны отражаться все изменения в составе семьи спецпереселенца.

17. Все трудоспособные спецпереселенцы-осадники обязаны заниматься общественно-полезным трудом на работах, предоставляемых им предприятиями Наркомлеса.

18. Условия и порядок оплаты труда спецпереселенцев-осадников устанавливаются НКВД СССР по согласованию с Наркомлесом СССР.

19. Спецпереселенцы-осадники и их семьи, вселенные в спецпоселки, не имеют права выезда за пределы административных районов вселения. Отлучка из спецпоселка или места работы на время свыше 24 часов, а также перемещение в пределах поселка из одного барака (дома) в другой допускается только с разрешения коменданта поселка.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 52. – Арк. 4–7].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 29.

№ 28

1940. – Січень. – Оперативний план Наркомату внутрішніх справ УРСР виселення родин осадників і лісників Дрогобицької області

Совершенно секретно

«Утверждаю»
Народный комиссар внутренних дел УССР
Комиссар Гос. безопасности 3 ранга Серов
«___»_________1940 г.

ПЛАН
оперативных мероприятий Дрогобычской области
Тройки НКВД по выселению осадников и лесной стражи

1. Всего подлежит выселению – 2058 семей, 11502 человека из них: осадников – 1565 семей, – 8943 человека, и лесной стражи – 493 семей, 2559 человек.

Подлежит выселению по области из 308 населенных пунктов.

2. Исходя из наличия подлежащих к выселению осадников и лесной стражи, создать на территории Дрогобычской области 11 оперативных участков.

Первый оперативный участок, центр г. Перемышль.

Всего подлежит выселению – 338 семей, 1710 чел. из 30 населенных пунктов: с. Бахова, 43 хозяйства, 220 человек, с. Купна, 5 хозяйств, 28 человек, с. Терновцы, 19 хозяйств, 99 человек, с. Крачкова – 4 хозяйства, 22 человек, с. Вильшанык, 3 хозяйства, 17 человек, с. Пикуличи – 25 хозяйств, 107 человек, с. Зеленка – 14 хозяйств, 77 человек, с. Селиска – 7 хозяйств, 33 чел., с. Коровники – 4 хозяйства, 24 чел., с. Негрибки – 7 хозяйств, 30 человек, с. Рокшичи – 7 хозяйств, 49 человек, с. Княжичи – 19 хозяйств, 119 человек, с. Купятичи – 8 хозяйств, 50 человек, с. Мальговичи – 6 хозяйств, 25 человек, с. Рожубовичи – 14 хозяйств, 77 человек, с. Хрипичи – 1 хозяйство, 5 человек, с. Хитковичи – 1 хозяйство, 7 человек, с. Щуткив – 14 хозяйств, 48 человек, с. Боратичи – 9 хозяйств, 39 человек, с. Страшевичи – 3 хозяйства, 7 человек, с. Дроздовичи – 1 хозяйство, 3 человек, с. Германовичи – 17 хозяйств, 75 человек, с. Пашковичи – 10 хозяйств, 50 человек, с. Миженец – 3 хозяйства, 20 человек, с. Зоротовичи – 36 хозяйств, 156 человек, с. Борщовичи – 12 хозяйств, 75 человек, с. Гдешичи – 3 хозяйства, 16 человек, с. Саночаны – 1 хозяйство, 4 человека, с. Грушатичи – 22 хозяйства, 124 человека, с. Библо – 19 хозяйств, 95 человек.

Погрузка производится на 3-х станциях:

Ст. Бакуница – 132 хозяйства, 666 человек, ст. Нижанковичи – 125 хозяйств, 699 человек, ст. Германовичи – 81 хозяйство, 385 человек.

Для руководства выселением создать участковую оперативную тройку в составе: начальника 3-го отдела УНКВД лейтенанта госбезопасности – тов. Клименко, начальника Перемышльского уездного отдела лейтенанта госбезопасности – тов. Хименко и начальника Перемышльской уездной милиции мл. лейтенанта милиции – тов. Павлюченко.

Для производства операции по этому участку необходимо создать 131 оперативную группу.

Второй оперативный участок, центр г. Турка.

Всего подлежит выселению – 108 семей, 571 чел. из 48 населенных пунктов: с. Потик-Великий – 1 хозяйство, 6 человек, с. Лавров – 5 хозяйств, 24 человека, с. Новосилка Мала – 2 хозяйства, 8 человек, с. Тиха – 2 хозяйства, 9 человек, с. Линина Мала – 2 хозяйства, 10 человек, с. Мшанец – 1 хозяйство, 6 человек, с. Головецкое – 2 хозяйства, 9 человек, с. Топильница – 4 хозяйства, 21 человек, с. Тершив – 2 хозяйства, 12 человек, с. Лужок Горышний – 3 хозяйства, 22 человека, с. Недильна – 6 хозяйств, 40 человек, с. Линина Великая – 4 хозяйства, 31 человек, с. Спас – 3 хозяйства, 10 человек, с. Стрелки – 2 хозяйства, 14 человек, с. Грозьова – 1 хозяйство, 5 человек, с. Головское – 5 хозяйств, 24 человека, с. Лимна – 6 хозяйств, 28 человек, с. Исай – 3 хозяйства, 21 человек, с. Лопушанка Хомина – 1 хозяйство, 4 человека, с. Зворец – 1 хозяйство, 8 человек, с. Стрий – 1 хозяйство, 4 человека, с. Волье – 1 хозяйство, 5 человек, с. Киндратив – 1 хозяйство, 7 человек, с. Явора – 1 хозяйство, 5 человек, с. Ясинка Мосьова – 4 хозяйства, 16 человек, с. Молдавское – 1 хозяйство, 2 человека, с. Либохора – 2 хозяйства, 11 человек, с. Красное – 1 хозяйство, 5 человек,

с. Довжки – 1 хозяйство, 4 человека, с. Турочки-Нижние – 1 хозяйство, 5 человек, с. Гусне Вижне – 2 хозяйства, 7 человек, с. Завадивка – 1 хозяйство, 5 человек, с. Борыня – 7 хозяйств, 32 человека, с. Радич – 1 хозяйство, 4 человека, с. Ильник – 1 хозяйство, 5 человек, с. Кривка – 2 хозяйства, 12 человек, с. Багноватое – 1 хозяйство, 4 человека, с. Высоцке-Нижнее – 1 хозяйство, 5 человек, с. Яворов – 2 хозяйства, 18 человек, с. Ивашковцы – 1 хозяйство, 6 человек, с. Шумяч – 1 хозяйство, 9 человек, с. Яблонька-Нижняя – 4 хозяйства, 13 человек, с. Шандровец – 1 хозяйство, 5 человек, с. Боберка – 4 хозяйства, 19 человек, с. Тарнава Нижняя – 2 хозяйства, 17 человек, с. Яблонка-Вижня – 1 хозяйство, 9 человек, с. Соколики – 4 хозяйства, 19 человек.

Погрузка производится на 3-х станциях:

Ст. Тершов – 227 чел. 40 хоз., ст. Яблонка – 222 чел. 44 хоз., ст. Волосянка 122 чел. 24 хоз.

Для руководства выселением создать участковую оперативную тройку в составе: зам. нач. след. части УНКВД лейтенанта госбезопасности – тов. Филимонова и нач. Стрелковского рай. отделения НКВД ст. лейтенанта – тов. Ананенко.

Для производства операции по этому участку необходимо создать 108 оперативных групп.

Третий оперативный участок, центр г. Лиско.

Всего подлежит выселению – 159 семей, 884 чел. из 48 населенных пунктов: с. Яворник-Русский – 12 хозяйств, 71 человек, с. Пятково – 27 хозяйств, 144 человека, с. Рудавка-Бирчанская – 25 хозяйств, 150 человек, с. Бжежава – 8 хозяйств, 61 человек, с. Добра-Шляхецкая – 4 хозяйства, 19 человек, с. Тирява-Сильная – 5 хозяйств, 27 человек, с. Семушова – 1 хозяйство, 7 человек, с. Тирява-Волосска – 2 хозяйства, 10 человек, с. Раково – 1 хозяйство, 1 человек, с. Ропенка – 1 хозяйство, 5 человек, с. Ваньково – 1 хозяйство, 7 человек, с. Станкив – 2 хозяйства, 18 человек, с. Пашова – 1 хозяйство, 11 человек, с. Бреликов – 2 хозяйства, 9 человек, с. Завадка – 1 хозяйство, 7 человек, с. Лещеватое – 2 хозяйства, 9 человек, с. Ольшаница – 4 хозяйства, 24 человека, с. Стефкова – 1 хозяйство, 4 человек, с. Угерцы – 1 хозяйство, 1 человек, с. Мычковцы – 1 хозяйство, 5 человек, с. Солинка – 2 хозяйства, 9 человек, с. Залуж – 10 хозяйств, 55 человек, с. Буковцы – 1 хозяйство, 2 человека, с. Ольховцы – 4 хозяйства, 16 человек, с. Буйске – 1 хозяйство, 9 человек, с. Гелеско – 3 хозяйства, 20 человек, с. Янковцы – 1 хозяйство, 5 человек, с. Безмихова-Долишня – 2 хозяйства, 8 человек, с. Безмихова Горишня – 1 хозяйство, 5 человек, с. Монастырец – 3 хозяйства, 15 человек, с. Хревт – 2 хозяйства, 13 человек, с. Выдрене – 1 хозяйство, 6 человек, с. Средне-Мале – 2 хозяйства, 16 человек, с. Росолин – 1 хозяйство, 9 человек, с. Россохате – 2 хозяйства, 9 человек, с. Поляна – 2 хозяйства, 15 человек, с. Хмель – 1 хозяйство, 6 человек, с. Дверничек – 1 хозяйство, 3 человека, с. Кривка – 1 хозяйство, 6 человек, с. М. Лютовиско – 1 хозяйство, 8 человек, с. Чарна – 2 хозяйства, 4 человека, с. Сокольe – 1 хозяйство, 4 человека, с. Телешница-Ошварова – 3 хозяйства, 15 человек, с. Лобозев – 1 хозяйство, 4 человека, с. Бандров-Народовое – 2 хозяйства, 10 человек, с. Рябе – 1 хозяйство, 8 человек, с. Задвирье – 1 хозяйство, 8 человек, с. Береги Долишни – 4 хозяйства, 12 человек.

Погрузка производится на 3-х станциях:

Ст. Ольшаница – 104 хоз. 596 чел., ст. Залуж – 26 хоз. 135 чел., ст. Устрики – 29 хоз. 156 чел.

Четвертый оперативный участок, центр г. Дрогобыч.

Всего подлежит выселению – 142 семейства, 724 чел. из 24 населенных пунктов: с. Майдан – 6 хозяйств, 30 человек, с. Рыбники – 2 хозяйства, 9 человек, с. Новый Крапивник – 2 хозяйства, 10 человек, с. Старый Крапивник – 3 хозяйства, 15 человек, с. Мражница – 2 хозяйства, 7 человек, с. Тустановичи – 6 хозяйств, 15 человек, с. Нагуевичи – 3 хозяйства, 4 человека, с. Трускавец – 2 хозяйства, 8 человек, с. Стебнык – 2 хозяйства, 4 человека, с. Рыхтичи – 3 хозяйства, 23 человека, с. Старе Село – 8 хозяйств, 43 человек, с. Лишня – 2 хозяйства, 4 человека, с. Вацевичи – 4 хозяйства, 19 человек, с. Снятынка – 10 хозяйств, 48 человек, с. Солониско – 3 хозяйства, 17 человек, с. Летня – 6 хозяйств, 31 человек, с. Долге – 26 хозяйств, 145 человек, с. Опоры – 22 хозяйства, 121 человек, с. Медынычи – 15 хозяйств, 79 человек, с. Бильче – 1 хозяйство, 4 человека, с. Добривляны – 1 хозяйство, 3 человека, с. Липовичи – 8 хозяйств, 46 человек, с. Рыбчичи – 5 хозяйств, 23 человека.

Погрузка производится на 3-х станциях:

Ст. Борислав – 29 хоз. 118 чел., ст. Рыхтичи – 99 хоз. 534 чел., ст. Добривляны – 14 хоз. 72 чел.

Для руководства выселением создать участковую оперативную тройку в составе: пом. нач. УНКВД по Дрогобычской области ст. лейтенанта госбезопасности – тов. Гринько, нач. Дрогобычского уездного отдела НКВД лейтенанта госбезопасности – тов. Осадчего и начальника Дрогобычской уездной милиции – тов. Воробьева.

Для операции по этому участку необходимо создать 56 оперативных групп.

Пятый оперативный участок, центр г. Стрый.

Всего подлежит выселению – 161 семейство, 929 чел. из 31 населенного пункта: с. Синевидско Вижне – 7 хозяйств, 33 человека, с. Сопит – 1 хозяйство, 9 человек, с. Подгородцы – 3 хозяйства, 19 человек, с. Крушельница – 1 хозяйство, 2 человека, с. Корчин – 1 хозяйство, 6 человек, с. Каменка – 1 хозяйство, 9 человек, с. Побук – 1 хозяйство, 5 человек, с. Райлив – 10 хозяйств, 47 человек, с. Голобутово – 1 хозяйство, 5 человек, с. Нежухово – 14 хозяйств, 72 человека, с. Розгирча – 3 хозяйства, 17 человек, с. Семегинов – 14 хозяйств, 82 человека, с. Жулин – 46 хозяйств, 269 человек, с. Конюхив – 2 хозяйства, 9 человек, с. Колодница – 2 хозяйства, 11 человек, с. Жижава – 3 хозяйства, 21 человек, с. Кавское – 1 хозяйство, 6 человек, с. Пятнычаны – 2 хозяйства, 11 человек, с. Лысятычи – 1 хозяйство, 8 человек, с. Пукиничи – 1 хозяйство, 5 человек, с. Вивня – 2 хозяйства, 15 человек, с. Добривляны – 3 хозяйства, 28 человек, с. Кавчий-Кут – 1 хозяйство, 8 человек, с. Татарское – 3 хозяйства, 20 человек, с. Лотатники – 2 хозяйства, 11 человек, с. Сихов – 15 хозяйств, 100 человек, с. Угольна – 1 хозяйство, 5 человек, с. Ланы Сокол. – 11 хозяйств, 64 человека, с. Коколов – 3 хозяйства, 11 человек, с. Бильче Зар. – 2 хозяйства, 12 человек, с. Дедуш. Мал. – 3 хозяйства, 15 человек.

Погрузка производится на 4-х станциях:

Ст. Синевидско-Вижне – 15 хоз. 77 чел., ст. Райлив – 25 хоз. 124 чел., ст. Стрый – 81 хоз. 490 чел, ст. Ходовичи – 40 хоз. 238 чел.

Для руководства выселением создать оперативную участковую тройку в составе: нач. 1-го спецотдела УНКВД лейтенанта госбезопасности – тов. Назаренко, нач. Стрыйского уездного отдела НКВД батальонного комиссара – тов. Григорьева и нач. Стрыйской уездной милиции – мл. лейтенанта милиции – тов. Алпеева.

Для операции по этому участку необходимо создать 66 оперативных групп.

Шестой оперативный участок, центр м. Медика.

Всего подлежит выселению – 172 семейства, 1010 человек из 8 населенных пунктов: с. Стебник – 20 хоз. 115 чел., с. Буцив – 10 хоз. 64 чел., с. Медика – 36 хоз. 216 чел., с. Новоселки – 41 хоз. 190 чел., с. Плешевичи – 27 хоз. 229 чел., с. Быкив – 20 хоз. 112 чел., с. Поповичи – 3 хоз. 13 чел., с. Яксманичи – 15 хоз. 71 чел.

Погрузка производится на 1-ой станции Медыка – 172 хоз. 1010 чел.

Для руководства выселением создать участковую оперативную тройку в составе: начальника отделения 3-го отдела УНКВД мл. лейтенанта госбезопасности – тов. Шойхет, зам. нач. Перемышльского уездного отдела НКВД капитана – тов. Сизова и нач. Медыкской милиции лейтенанта милиции – тов. Терышкина.

Для операции по этому участку необходимо создать 58 оперативных групп.

Седьмой оперативный участок, центр г. Мостиска.

Всего подлежит выселению – 191 семейство, 1122 чел. из 24 населенных пунктов: с. Рудники – 4 хоз. 19 чел., с. Твиржа – 7 хоз. 33 чел., с. Малинов – 2 хоз. 16 чел., с. Кальников – 5 хоз. 24 чел., с. Мостиска – 1 хоз. 4 чел., с. Радохонцы – 2 хоз. 5 чел., с. Гориславичи – 19 хоз. 117 чел., с. Золотковичи – 11 хоз. 59 чел., с. Боевичи – 17 хоз. 83 чел., с. Раденичи – 5 хоз. 32 чел., с. Чишки – 9 хоз. 54 чел., с. Тщенец – 3 хоз. 23 чел., с. Бояновичи – 1 хоз. 4 чел., с. Лыса Гора – 1 хоз. 4 чел., с. Липники – 14 хоз. 72 чел., с. Пидлиски – 4 хоз. 25 чел., с. Орламовска-Воля – 1 хоз. 4 чел., с. Вовчищевичи – 1 хоз. 5 чел., с. Верховцы – 40 хоз. 260 чел., с. Никловичи – 26 хоз. 162 чел., с. Долгомостиска – 2 хоз. 9 чел., с. Тулиголовы – 1 хоз. 18 чел., с. Голодивка – 3 хоз. 18 чел., с. Бортятин – 2 хоз. 7 чел.

Погрузка производится на 2-х станциях: ст. Мостиска – 116 хоз. 656 чел., ст. Судовая Вишня – 75 хоз. 466 чел.

Для руководства выселением создать участковую оперативную тройку в составе: зам. нач. 3-го спецотдела УНКВД лейтенанта госбезопасности – тов. Зайцева, нач. Мостиского уездного отдела НКВД капитана – тов. Кекало и нач. Судово-Вишнянского рай. отделения НКВД капитана – тов. Кульпина.

Для операции по этому участку необходимо создать 73 оперативных группы.

Восьмой оперативный участок, центр г. Жидачив.

Всего подлежит выселению – 174 семьи, 1010 чел. из 17 населенных пунктов: с. Зузановка – 37 хоз. 224 чел., с. Которыны – 12 хоз. 65 чел., с. Монастырци – 1 хоз. 11 чел., с. Мельнич – 3 хоз. 14 чел., с. Адамово (Журавно) – 1 хоз. 4 чел., с. Баковцы (Журавно) – 9 хоз. 44 чел., с. Журавков – 6 хоз. 42 чел., с. Заболотивци – 3 хоз. 18 чел., с. Королевка – 21 хоз. 119 чел., с. Людвиковка – 7 хоз. 40 чел., с. Черница – 3 хоз. 14 чел., с. Волица – 14 хоз. 93 чел., с. Жидачовка – 4 хоз. 22 чел., с. Корчивка – 1 хоз. 6 чел., с. Владимировцы – 10 хоз. 56 чел., с. Ливчицы – 13 хоз. 86 чел., с. Воля-Любомирская – 29 хоз. 152 чел.

Погрузка производится на 2-х станциях: ст. Жидачив – 121 хоз. 710 чел., ст. Гнездычев – 53 хоз. 300 чел.

Для руководства выселения создать оперативную участковую тройку в составе: начальника отделения 2-го отдела УНКВД мл. лейтената госбезопасности – тов. Тимченко, нач. Жидачевской уездной милиции сержанта милиции – тов. Воронова.

Для операции по этому участку необходимо создать 64 оперативных группы.

Девятый оперативный участок, центр г. Самбор.

Всего подлежит выселению – 195 семейств, с общим количеством 1118 чел. из 25 населенных пунктов: с. Бисковичи – 5 хоз. 26 чел., с. Вильшаник – 3 хоз. 13 чел., с. Ковынычи – 27 хоз. 160 чел., с. Боратичи – 3 хоз. 16 чел., с. Берестяны – 4 хоз. 24 чел., с. Садковичи – 1 хоз. 3 чел., с. Пацковичи – 36 хоз. 221 чел., с. Рейторовичи – 9 хоз. 49 чел., с. Раково – 14 хоз. 78 чел., с. Рагизно – 18 хоз. 108 чел., с. Фильштеин – 6 хоз. 31 чел., с. Глубока – 2 хоз. 11 чел., с. Березив – 8 хоз. 49 чел., с. Чапли-Волы – 32 хоз. 190 чел., с. Буково – 1 хоз. 4 чел., с. Шумино – 1 хоз. 4 чел., Ст. Силь. – 1 хоз. 4 чел., с. Ляшки-Мурованe – 2 хоз. 12 чел., с. Биличи – 3 хоз. 14 чел., с. Созань – 2 хоз. 7 чел., с. Страшевичи – 1 хоз. 9 чел., с. Кобло Старое – 6 хоз. 32 чел., с. Торгановичи – 4 хоз. 28 чел., с. Старая Ропа – 4 хоз. 19 чел., с. Монастырец – 2 хоз. 6 чел.

Погрузка производится на 4-х станциях: ст. Бисковичи – 88 хоз. 512 чел., ст. Надыбы – 32 хоз. 186 чел., ст. Глубоке – 56 хоз. 319 чел., ст. Созань – 19 хоз. 101 чел.

Для руководства выселения создать оперативную участковую тройку в составе: нач. Самборского уездного отдела НКВД мл. лейтенант госбезопасности – тов. Дронников, нач. отделения ЭКО УНКВД мл. лейтенанта госбезопасности – тов. Каширкин и нач. уездной милиции мл. лейтенант милиции – тов. Боциценко.

Для проведения операции по этому участку необходимо создать 85 оперативных групп.

Десятый оперативный участок, центр г. Добромиль.

Всего подлежит выселению – 233 семейств, с общим количеством 1333 чел. из 26 населенных пунктов: с. Посада (Новое Мисто) – 17 хоз. 108 чел., с. Грабивница – 13 хоз. 84 чел., с. Товарна – 32 хоз. 181 чел., с. Конев – 25 хоз. 144 чел., с. Воля Долишня – 32 хоз. 154 чел., с. Губичи – 13 хоз. 70 чел., с. Лищины – 3 хоз. 15 чел., с. Сопит – 1 хоз. 6 чел., с Попотное – 1 хоз. 2 чел., с. Городовичи – 15 хоз. 87 чел., с. Сохини – 2 хоз. 14 чел., с. Сушица Велика – 8 хоз. 44 чел., с. Сушица Мала – 5 хоз. 29 чел., с. Посада-Хировская – 1 хоз. 5 чел., с. Стыжава – 2 хоз. 13 чел., с. Тарнава – 1 хоз. 6 чел., с. Тростянец – 34 хоз. 216 чел., с. Войткивка – 13 хоз. 72 чел., с. Смеречка – 1 хоз. 5 чел., с. Шляхецкое Терло – 3 хоз. 12 чел., с. Рудавка – 1 хоз. 7 чел., с. Стебник – 1 хоз. 3 чел., с. Коростенко – 2 хоз. 10 чел., с. Лопушанка – 2 хоз. 8 чел., с. Мигово – 2 хоз. 16 чел., с. Квасинино – 3 хоз. 21 чел., с. Арламив – 1 хоз. 4 чел.

Погрузка производится на станциях Новое-Мисто – 137 хоз. 764 чел., ст. Хирово – 34 хоз. 198 чел., ст. Коростенко – 64 хоз. 374 чел.

Для руководства создать участковую оперативную тройку в составе: нач. след. части УНКВД лейтенанта госбезопасности – тов. Побережного, нач. Добромильского рай. отдела НКВД сержанта госбезопасности тов. Басалаева и нач. отделения 3-го отдела УНКВД сержанта госбезопасности – тов. Васина.

Для производства операции на этом участке создать 108 оперативных групп.

Одиннадцатый оперативный участок, центр г. Рудки.

Всего подлежит выселению – 184 хозяйств, с общим количеством 1088 чел. из 25 населенных пунктов: с. Конюшки-Семеновские – 17 хоз. 110 чел., с. Долобово – 2 хоз. 8 чел., с. Хлопчицы – 2 хоз. 8 чел., с. Угеры-Венявские – 7 хоз. 39 чел., с. Мильчицы – 2 хоз. 13 чел., с. Ятвяги – 14 хоз. 87 чел., с. Шоломиничи – 8 хоз. 54 чел., с. Гошаны – 18 хоз. 115 чел., с. Хишевичи – 1 хоз. 5 чел., с. Коропуж – 3 хоз. 15 чел.,

с. Яремково – 2 хоз. 18 чел., с. Бенькова Вишня – 7 хоз. 34 чел., с. Михалевичи – 2 хоз. 10 чел., с. Подгайчики – 25 хоз. 136 чел., с. Остров Новый – 7 хоз. 48 чел., с. Поричье Задвирне – 8 хоз. 49 чел., с. Поричье Грунтове – 5 хоз. 36 чел., с. Чуловичи – 1 хоз. 4 чел., с. Клицко – 32 хоз. 188 чел., с. Якимчицы – 11 хоз. 61 чел., с. Ясенив – 1 хоз. 6 чел., с. Сусолив – 1 хоз. 2 чел., с. Колодрубы – 4 хоз. 21 чел., с. Тершакив – 1 хоз. 4 чел., с. Новоселки Опарские – 3 хоз. 17 чел.

Погрузка имеется на 2-х станциях: ст. Коропуж – 117 хоз. 770 чел., ст. Бучалы – 67 хоз. 388 чел.

Для руководства создать участковую оперативную тройку в составе: нач. 3-го спецотдела УНКВД лейтенанта госбезопасности – тов. Мороза, зам. нач. уездного отдела ст. политрука – тов. Аверьянова и нач. Рудковского рай. отдела НКВД лейтенанта госбезопасности – тов. Долматова.

Для проведения операции на этом участке создать 73 оперативных группы.

Для выполнения специальных заданий участковых оперативных троек в период операции создать резервные группы в гор. Лиско – 2 опер. работника и 10 бойцов, г. Турка – 2 опер. работника и 10 бойцов, г. Дрогобыч – 2 опер. работника и 10 бойцов, г. Самбор – 2 опер. работника и 15 бойцов, г. Мостиска – 2 опер. работника и 10 бойцов, г. Медыка – 2 опер. работника и 15 бойцов, г. Стрый – 2 опер. работника и 10 бойцов, г. Перемышль – 2 опер. работника и 10 бойцов, г. Жидачив – 2 опер. работника и 15 бойцов, г. Добромыль – 2 опер. работника и 15 бойцов, г. Рудки – 2 опер. работника и 15 бойцов.

Кроме резервных групп, указанных выше, учитывая особые условия наличия бандитизма в ряде сел, засоренность ряда населенных пунктов враждебным к. р. [контрреволюционным] элементом и близость границы, необходимо дополнительно создать резервные группы по следующим населенным пунктам:

По Лисковскому оперативному участку с. Пятково – 1 опер. работник, 5 бойцов, с. Яворник-Русский – 1 опер. работник, 5 бойцов, с. Тернава-Волосская – 1 опер. работник, 5 бойцов, с. Лютовиско – 1 опер. работник, 8 бойцов, с. Мичковцы – 1 опер. работник, 5 бойцов, с. Домбровка – 1 опер. работник, 5 бойцов.

По Турковскому оперативному участку с. Лавров, Спас, Волосянка, Бориня и Яблонка по 1 оперативному работнику и по 5 бойцов.

По Дрогобычскому оперативному участку с. Долге и Опоры по 1 оперативному работнику и по 5 бойцов.

По Мостискому оперативному участку с. Мышлятичи и Никловичи – по 1 оперативному работнику и по 5 бойцов.

По Стрийскому оперативному участку с. Угерско и Жулин по 1 оперативному работнику и по 5 бойцов.

По Перемышльскому оперативному участку с. Бахив 1 опер. работник и 10 бойцов.

Расчет потребного количества оперативного состава УГБ, милиции, войск НКВД, рабочей гвардии и партактива для проведения операции по выселению осадников и лесной стражи по Дрогобычской области.

№ п/п	Наименование оперативных участков	Оперативный состав			Вооруженная сила		
		Требуется	Имеется	Недостает	Требуется	Имеется	Недостает
1.	Жидачив	66	18	48	128	116	12
2.	Перемышль	133	53	80	262	254	8
3.	Мостиска	77	24	53	146	88	58
4.	Медыка	60	–	60	116	2	114
5.	Стрий	68	44	24	132	102	30
6.	Турка	114	17	97	216	45	171
7.	Дрогобыч	57	22	35	130	112	20
8.	Самбор	87	26	61	170	170	–
9.	Лиско	81	26	55	156	103	53
10.	Добромиль	106	15	91	206	91	115
11.	Рудки	75	12	63	140	112	28
12.	УНКВД	–	132	–	–	–	–
13.	Обл.парт.актив	–	–	–	–	165	–
	Итого:	924	389	667	1802	1368	609

1. Для резерва и охраны по всем оперативным участкам требуется 238 человек, имеется – 120, недостает – 118 человек.

2. Учтено сельского актива – 620 человек.

Областная тройка: Зачепа
Диомидов
Машлятин

«___» января 1940 г.
г. Дрогобыч

Архів Управління Інформаційних технологій Головного управління МВС України у Львівській області (АУІТ ГУ МВСУЛО). – Ф. 110. – Оп. 1. – Спр. 102. – Арк. 1–13.

Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 72–79.

№ 29

1940. – Січень. – Довідка начальника відділу ГУЛАГу НКВС Союзу РСР про розміщення та використання осадників і біженців

Секретно

Отдел трудовых поселений

В первом и втором квартале 1940 года перевезено и расселено спецпереселенцев (польских осадников и беженцев) в количестве:

Категория спецпереселенцев	Семей	Человек	Колич. респ., краев и областей	Колич. поселков
Польских осадников	28612	137132	22	317
Беженцев	26220	77920	14	269
Всего:	54832	215052	36	586

Отделом разработано и утверждено СНК СССР положение о спецпоселках, штаты и оклады поселковых и районных комендатур. Для трудового использования спецпереселенцев Отделом разработаны и заключены генеральные договора с НКЛес, НКЦветмет, НКстроительства, НКПС, на основе которых ОИТК на местах заключаются локальные договора. Для трудового использования спецпереселенцев Отделом разработан и разослан на места типовой договор. Трудовое использование за третий квартал 1940 г. выразилось: польских осадников 86,4%, беженцев 78,8% и трудпоселенцев 85,3% от числа трудоспособных. На основании представленных Отделом материалов СНК РСФСР вынес следующее постановление:

а) об отпуске кредитов спецпереселенцам на жил. строительство, наравне с постоянным кадром рабочих;

б) об отпуске 10 миллионов рублей на приобретение молочного скота;

в) об организации 11 специальных инвалидных домов на 2600 мест;

г) об охвате обучением всех детей спецпереселенцев;

д) об улучшении медико-санитарного обслуживания спецпереселенцев.

Проведен учет спецпереселенцев-беженцев. Организована картотека персонального учета спецпереселенцев, вложено по сквозному алфавиту 200 тысяч карточек. Соединено разрозненных членов семей спецпереселенцев в количестве 1476 человек по республикам, краям и областям. Отделом разработана и преподана ОИТК инструкция по учету и рассмотрению жалоб и заявлений труд и спецпереселенцев. В целях упорядочения учета и отчетности по труд и спецссылке, Отделом разработан табель срочных и внеочередных донесений на 1941 год, даны ОИТК новые формы отчетности и схемы докладов по труд и спецссылке. Отделом разработаны указания о проверке и оформлению личных дел труд и спецпереселенцев. На 1-е января 1941 года оформлено 45 тысяч личных дел. Рассмотрено отделом 15 тысяч жалоб, заявлений и личных дел труд и спецпереселенцев. Разработаны Отделом и разосланы на места типовые правила внутреннего распорядка в спецпоселках. Рассмотрены Отделом штаты ОТП ОИТК и комендатур труд и спецпоселений на 1940 год по 29 ОИТК республик, краев и областей и на 1941 год – по 20 ОИТК. В части руководства периферией Отделом произведены обследования труд и спецссылки 8 ОИТК и лагерей и проведено совещание районных и поселковых комендантов, обслуживающих спецссылку Молотовской, Архангельской, Свердловской областей и Марийской АССР. Получено 48 докладов с мест о состоянии труд и спецссылке и даны по ним заключения. Составлены Отделом 2 обзора о состоянии трудссылки и об освоении спецпереселенцев.

Задачи Отдела на 1941 год.

1. Упорядочить трудовое использование трудпоселенцев и спецпереселенцев.

2. Перезаключить договора со всеми хозорганизациями на трудоиспользование трудпоселенцев.

3. Закончить оформление личных дел труд и спецпереселенцев.

4. Переселить трудпоселки, расположенные в пятикилометровой зоне от железной дороги, согласно приказа НКВД СССР.

5. Изыскать возможности к дополнительному расселению нового спецконтингента.

6. Улучшить руководство и оказать практическую помощь ОТП ОИТК путем выезда сотрудников Отдела на места.

7. Разработать и разослать на места перечень действующих постановлений и приказов по труд– и спецссылке.

Начальник ОТП УИТК и ТЦ ГУЛАГ НКВД
Капитан государственной безопасности Кондратов

«___» января 1941 г.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 61. – Арк. 47–49.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 124–126.

№ 30

1940. – Лютого 2. – План наркоматів внутрішніх справ СРСР і УРСР про виділення оперативних працівників, радпартактивістів Управлінню НКВС Дрогобицької області для виселення родин осадників і лісників

Совершенно секретно

Областной оперативной тройке
гор. Дрогобыч
тов. Зачепе,
тов. Диомидову,
тов. Машлятину

В результате уточнения совместно с Вами, Вашей потребности в людях и имеющихся у Вас людских ресурсов установлено: потребность в оперативных работниках 850 чел., в совпартактиве и рабочей гвардии 1819 чел., местном сельактиве 1664 чел.

Имеется у Вас оперативных работников 389 чел., совпартактива и рабочей гвардии 1219 чел., местного сельактива 1609 чел.

Вам выделяется нами оперативных работников 461 чел., красноармейцев войск НКВД 200 чел., молодняка с учебных пунктов погранотрядов 400 чел., а всего 1061 человек.

Таким образом Ваша потребность в оперативных работниках удовлетворена полностью.

В ближайшие дни выделенные для Вас оперативные работники и красноармейцы начнут прибывать в Ваше распоряжение. Примите меры к их приему и размещению до начала операции.

Исходя из изложенных выше цифровых данных составьте для себя точный план распределения всех имеющихся в Вашем распоряжении людей по каждому оперативному участку отдельно в соответствии с планами.

Распределение людей производите не механически, а с учетом потребности каждого оперативного участка в отдельных категориях людей: красноармейцах, младшем комсоставе, ответственных работниках, совпартактиве и т. д.

Сделайте все необходимое для возможного полного и всестороннего удовлетворения конкретных потребностей Ваших оперучастков. Копии плана распределения людей по участкам вышлите нам.

Свяжитесь с командирами соответствующих частей войск НКВД и договоритесь с ними о наиболее целесообразном распределении выделяемых контингентов красноармейцев с тем, чтобы отдельные подразделения по кратчайшим маршрутам поступали непосредственно в распоряжение участковых оперативных троек Вашей области.

Предупредите участковые оперативные тройки о командировании в их распоряжение людей, чтобы они могли подготовиться к приему.

Никаких дополнительных контингентов людей от нас Вы не получите. Если имеется возможность, мобилизуйте внутренние ресурсы для усиления оперативных групп, направляемых для проведения операции.

О времени и количестве прибывших в Ваше распоряжение людей сообщите телеграфно. Разнарядка при этом прилагается.

Зам.Наркома внутренних дел СССР
Комиссар госбезопасности 3 ранга: Меркулов
Народный Комиссар внутренних дел УССР
Комиссар госбезопасности 3 ранга: Серов

2 февраля 1940 г.
№ 382/сн гор. Львов

АУІТ ГУ МВСУЛО. – Ф. 110. – Оп. 1. – Спр. 102. – Арк. 19–20.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 82–83.

№ 31

1940. – Лютого 2. – План наркоматів внутрішніх справ СРСР і УРСР про виділення оперативних працівників, радпартактивістів УНКВС у Львівській області для виселення родин осадників і лісників

Совершенно секретно

Областной оперативной тройке
гор. Львов
тов. Краснову,
тов. Лангфангу,
тов. Громовенко

В результате уточнения, совместно с Вами, Вашей потребности в людях и имеющихся у Вас людских рессурсов установлено: потребность в оперативных работниках 1525 чел., в совпартактиве и рабочей гвардии 3050 чел., местном сельактиве 4575 чел.

Имеется у Вас оперативных работников 473 чел., совпартактива и рабочей гвардии 1490 чел., местного сельактива 6375 чел.

Вам выделяется нами оперативных работников 1052 чел., красноармейцев войск НКВД 1050 чел., молодняка с учебных пунктов погранотрядов 200 чел., а всего 2302 человек.

Таким образом Ваша потребность в оперативных работниках удовлетворена полностью.

Имеющийся недостаток в рабочегвардейцах и красноармейцах покройте за счет имеющегося у Вас излишка местного сельактива.

В ближайшие дни выделенные для Вас оперативные работники и красноармейцы начнут прибывать в Ваше распоряжение. Примите меры к их приему и размещению до начала операции.

Исходя из изложенных выше цифровых данных составьте для себя точный план распределения всех имеющихся в Вашем распоряжении людей по каждому участку отдельно в соответствии с планами. Распределение людей производите не механически, а с учетом потребности каждого оперативного участка в отдельных категориях людей: красноармейцах, мл. комсоставе, ответработниках, совпартактиве и т. д.

Сделайте все необходимое для возможного полного и всестороннего удовлетворения конкретных потребностей Ваших оперучастков. Копию плана рапределения людей по участкам вышлите нам.

Свяжитесь с командирами соответствующих частей войск НКВД и договоритесь с ними о наиболее целесообразном распределении выделяемых контингентов красноармейцев с тем, чтобы отдельные подразделения по кратчайшим маршрутам поступали непосредственно в распоряжение участковых оперативных троек Вашей области.

Предупредите участковые оперативные тройки о командировании в их распоряжение людей, чтобы они могли подготовиться к приему.

Никаких дополнительных контингентов людей от нас Вы не получите. Если имеется возможность, мобилизуйте внутренние ресурсы для усиления оперативных групп, направляемых для проведения операции.

О времени и количестве прибывших в Ваше распоряжение людей сообщите телеграфно. Разнарядка при этом прилагается.

Зам. Наркома внутренних дел СССР
Комиссар госбезопасности 3 ранга: Меркулов
Народный Комиссар внутренних дел УССР
Комиссар госбезопасности 3 ранга: Серов

2 февраля 1940 г.
№ 382/сн
гор. Львов

АУІТ ГУ МВСУЛО. – Ф. 110. – Оп. 1. – Спр. 104. – Арк. 20–21.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 83–84.

№ 32

1940. – Лютого 2. – Інструкція заступника наркома внутрішніх справ СРСР, наркома внутрішніх справ УРСР оперативній «трійці» НКВС у Дрогобицькій області про кількість виділених оперативних працівників, радпартактивістів, бійців робітничої гвардії та сільського активу для виселення населення області

Совершенно секретно

Областной оперативной тройке
тов. Зачепе,
тов. Диомидову,
тов. Машлятину

В результате уточнения совместно с Вами Вашей потребности в людях и имеющихся у Вас людских ресурсов установлено: потребность в оперативных работниках 850 чел., в совпартактиве и рабочей гвардии 1819 чел., местном сельактиве 1664 чел.

Имеется у Вас оперативных работников 389 чел., совпартактива и рабочей гвардии 1219 чел., местного сельактива 1609 чел.

Вам выделяется нами оперативных работников 461 чел., красноармейцев войск НКВД 200 чел., молодняка с учебных пунктов погранотрядов 400 чел., а всего 1061 человек.

Таким образом Ваша потребность в оперативных работниках удовлетворена полностью.

В ближайшие дни выделенные для Вас оперативные работники и красноармейцы начнут прибывать в Ваше распоряжение. Примите меры к их приему и размещению до начала операции.

Исходя из изложенных выше цифровых данных составьте для себя точный план распределения всех имеющихся в Вашем распоряжении людей по каждому оперативному участку отдельно в соответствии с планами.

Распределение людей произведите не механически, а с учетом потребности каждого оперативного участка в отдельных категориях людей, красноармейцев, младшем комсоставе, ответственных работниках, совпартактиве и т. д.

Сделайте все необходимое для возможно полного и всестороннего удовлетворения конкретных потребностей Ваших оперучастков. Копии плана распределения людей по участкам вышлите нам.

Свяжитесь с командиром соответствующих войск НКВД и договоритесь с ними о наиболее целесообразном распределении выделяемых контингентов красноармейцев с тем, чтобы отдельные подразделения по кратчайшим маршрутам поступали непосредственно в распоряжение участковых оперативных троек Вашей области.

Предупредите участковые оперативные тройки о командировании в их распоряжение людей, чтобы они могли подготовиться к приему.

Никаких дополнительных контингентов людей от нас Вы не получите. Если имеется возможность, мобилизуйте внутренние ресурсы для усиления оперативных групп, направляемых для проведения операции.

О времени и количестве прибывших в Ваше распоряжение людей сообщите телеграфно. Разнарядка при этом прилагается.

Зам. Наркома внутренних дел СССР
Комиссар Госбезопасности 3 ранга   Меркулов

Народный Комиссар внутренних дел УССР
Комиссар Госбезопасности 3 ранга   Серов

АУІТ ГУ МВСУЛО. – Ф. 110. – Оп. 1. – Спр. 102. – Арк. 19, 20.
Опубл.: Літопис нескореної України. Документи, матеріали, спогади. Кн. 2. – Львів: «Галицька видавнича спілка», 1997. – С. 56.

№ 33

1940. – Лютого 10. – Доповідна записка УНКВС у Львівській області наркоматам внутрішніх справ СРСР і УРСР про хід виселення родин осадників і лісників

Сов. секретно

Зам. наркома внутренних дел СССР
Комиссару государственной безопасности 3 ранга
тов. Меркулову

Наркому внутренних дел УССР
комиссару госбезопасности 3 ранга
тов. Серову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о ходе операции по осадникам и лесникам

В 6 час. 30 мин. утра 10 февраля, согласно Вашего приказания, все участковые оперативные «тройки» приступили к операции.

К 11 час. 30 мин. утра на пункты погрузки начали прибывать первые колонны выселяемых осадников и лесников.

На 12 часов выселили 1534 хозяйства, с 9150 членами семьи.

Не выселено по болезни 1 член семьи.

В с. Кремеривка до начала операции бежало 5 глав семей осадников. Принятыми мерами все они разысканы и задержаны на соседнем хуторе.

В оперативных участках №№ 1 и 13 имели место отказы осадников одеваться. Принятыми мерами все они доставлены к пункту погрузки.

Операция продолжается.

Никаких заслуживающих внимания эксцесов не было.

Об отобранных: оружий и к/р литературы сообщим сводкой к 20 часам.

Поддерживаем беспрерывную связь со всеми участковыми оперативными «тройками».

Начальник Управления НКВД ЛО
Капитан госбезопасности   Краснов

Зам. нач. 3 отдела ГУГБ НКВД СССР
Капитан госбезопасности Лангфанг

Начальник 3 отдела УГВ НКВД УССР
Ст. лейтенант госбезопасности Громовенко

10 февраля 1940 г.
г. Львов
№ 1450112-с

АУІТ ГУ МВСУЛО. – Ф. 110. – Оп. 1. – Спр. 104. – Арк. 172–173.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 85.

№ 34

1940. – Лютого 11. – Доповідна записка заступника наркома внутрішніх справ УРСР наркому внутрішніх справ СРСР про розселення біженців з Польщі і Західної України

Совершенно секретно

Наркому внутренних дел Союза ССР
Комиссару государственной безопасности 1-го ранга
Берия Л. П.

№ 592 СП от 11.02.1940 г.

В IV квартале 1939 года на территорию Украины прибыло 32 775 чел. беженцев и 15 000 чел. безработных, ранее проживавших в городах и селах бывшей Польши. Беженцы и безработные были расселены в 11 областях Украины, при сем все безработные устроены на работу в предприятиях угольной промышленности в Сталинской и Ворошиловградской областях.

Преимущественное число беженцев направлено на работу: в Винницкую область – 11 500 чел.; в Житомирскую – 8 636; в Черниговскую – 3865; в Полтавскую – 3583, Кировоградскую – 2 279 чел.

В остальные четыре области – Николаевскую, Одесскую, Сумскую и Каменец-Подольскую беженцы прибыли в количестве от 850 до 400 чел. в каждую. В перечисленные области беженцы и безработные прибыли в порядке набора рабочей силы для угольного бассейна Донбасса и ряда других отраслей народного хозяйства Украины.

Для набора рабочей силы в западные области Украины были командированы представители организаций и отдельных хозяйственных предприятий.

Эти представители, вербуя рабочих не учитывали их специальности, трудоспособности, социального политического прошлого и настоящего, политубеждений и партпринадлежности вербуемых. В результате этого на предприятия Донбасса, во все отрасли народного хозяйства других областей, а ровно и на строительство оборонного значения, в числе вербованных проникли различные антисоветские элементы

и нетрудовые, шпионско-диверсионные кадры бывшей польской разведки и члены антисоветских политпартий.

Так, в Сталинской области среди безработных выявлено 157 чел. членов разных антисоветских политпартий; в Николаевской – 111 чел. торговцев и владельцев коммерческих предприятий; в Ворошиловградской – 34 торговцев и 16 купцов и т. д.

По национальности:

1. По Станиславской области из 4 586 чел.: евреев – 2 793; украинцев – 1 072; поляков – 647; русских – 47; белоруссов – 10; немцев – 9; прочих – 8.

2. По Николаевской области из 1 239 чел.: евреев – 978; украинцев – 138; поляков – 109; мадьяр – 11; прочих – 3.

3. По Черниговской области из 3 868 чел.: евреев – 208; украинцев – 3 418; поляков – 153; русских – 171; белоруссов – 10; немцев – 7; прочих – 1.

Аналогичные данные о национальной прослойке и засоренности среди безработных и беженцев имеем и по другим областям Украины.

Проникшие в среду безработных и беженцев, прибывших из западных областей Украины, враждебные элементы ведут активную антисоветскую работу как среди массы прибывших рабочих, так и среди рабочих предприятий, распространяя всевозможные клеветнические слухи о жизни и порядке в Советском Союзе, выхваляя порядки и жизнь в бывшей Польше и Германии […].

В результате деятельности врага многие из прибывших беженцев и безработных самовольно оставляют работу на шахтах и предприятиях, кочуют из области в область, возбуждают ходатайство о выезде обратно на родину, а в большинстве случаев – на территорию бывшей Польши, занятую немцами. В значительной степени этому также способствует то обстоятельство, что в ряде областей беженцы и безработные не были обеспечены жилплощадью, ютились в неприспособленных к жилью помещениях, направлялись на работы не по специальности. А ровно и то обстоятельство, что многие из них на родине оставили свои семьи и имущество […].

В целях пресечения контрреволюционной деятельности, проводимой антисоветским элементом, прибывшим в числе безработных и беженцев, а также прекращения перемещений по городам Украины в поисках работы и ходатайств о выезде на прежние места жительства, нами приняты следующие меры:

1. Начальникам УНКВД даны указания выявленный антисоветский элемент арестовывать, дела оформлять для направления на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР;

2. Усилить агентурно-оперативную работу среди них. Документируем контрреволюционную разложенческую деятельность выявленных антисоветских элементов и проводим дополнительные аресты.

Этими вопросами занимается экономическое управление НКВД УССР.

Заместитель наркома внутренних дел УССР
капитан государственной безопасности Горлинский

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 9. – Арк. 248–263.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 86–88.

№ 35

1940. – Лютий. – Доповідна записка Управління НКВС у Дрогобицькій області наркому внутрішніх справ УРСР про завершення операції виселення родин осадників і лісників

Народному Комиссару внутренних дел УССР
Комиссару Госбезопасности III Ранга
тов. Серову

ДОКЛАД
Дрогобычской Областной Тройки НКВД
об итогах оперции по выселению осадников и работников сторожевой охраны лесов.

Время начала и окончания операции.

Операция по выселению осадников и лесников началась с рассветом 10 и закончилась 11 февраля к 16-ти часам; вечером 11 февраля с пунктов погрузки были отправлены последние эшелоны.

Намечалось выселить по плану и фактически выселено.

По плану, утвержденному НКВД УССР, намечалось выселить 2057 хозяйств, 11355 человек из них: осадников – 1648 хозяйств, 9287 человек и лесников – 409 хозяйств, 2068 человек. Непосредственно перед операцией и в момент самой операции было вновь выявлено осадников 304 человека, лесников – 109 человек, а всего – 413 человек.

За этот же период – непосредственно перед операцией и в момент операции отсеялось по разным причинам 462 чел., из них: осадников 307 чел., лесников – 155 человек.

В результате произошедших изменений выявления и отсева – выселению подлежало 2046 хозяйств, 11306 человек, из них осадников – 1656 хозяйств, 9284 человека, лесников – 390 хозяйств, 2022 человека.

Фактически выселено, погружено в эшелоны и отправлено – 1990 хозяйств, 10593 человека из них 1607 хозяйств, 8697 человек, лесников – 383 хозяйства, 1896 человек.

Не выселено 56 хозяйств, 713 человек, из них: осадников – 587 человек, лесников – 126 человек.

Невыселение произошло по причинам:
а) болезни – 332 человека
б) отсутствие в момент операции – 354 человека
в) побега – 9 человек
г) арестовано – 4 человека
д) смерти – 14 человек.

Количество людей, участвовавших в операции

Исходя из количества осадников и лесников, подлежащих выселению на территории области, было образовано 11 оперативных участка и 902 оперативные группы.

Всего участвовало в операции 6155 человек, из них:
а) опер. работников НКВД и нач. состава милиции 915 чел.

б) партийно-советского актива	737 чел.
в) рядовых милиционеров и рабочегвардейцев	734 чел.
г) красноармейцев войск НКВД	484 чел.
д) сельского актива	3285 чел.

Изъято оружия, к-р листовок и иновалюты

В процессе операции изъято: винтовок – 14 шт., револьверов – 25шт., охотничьих ружей – 31 шт., холодного оружия – 16 шт., патронов разных – 879 шт.

К-р листовок – 50 шт., немецких марок – 204, долларов американских – 23, польских злотых в серебре – 1018.

О происшествиях во время операции.

В с. Ковыничи Самборского уезда перед отправкой выселяемых на пункты погрузки, собралось 300 чел. родственников и знакомых выселяемых, и в том числе председатель сельского комитета Городомский Михаил, брат жены которого тоже выселялся. Собравшиеся подняли шум и стали препятствовать отправке выселяемых.

В ответ на требование оперативного состава: «Разойтись», из толпы послышались выкрики: «Давайте их бить». По прибытии в село резервной группы красноармейцев в количестве 10-ти человек, собравшиеся разошлись, а изъятые семьи осадников были направлены на пункт погрузки.

В с. Средне Мала Лисковского уезда, где в прошлом имелась большая организация «Стрелец», изъятию подлежало 2 семьи лесников и в том числе близкие друзья председателя сельского комитета Скарецкого.

С прибытием в это село оперативной группы, Скарецкий организовал вокруг себя человек 60 местных жителей (преимущественно женщин) и стал препятствовать выселению. Руководитель оперативной группы, оперуполномоченный Одесского УНКВД – Баршай, вместо решительного отпора сопротивлению, струсил, и оставив опергруппу в селе, отправился за помощью на ближайшую заставу погранотряда. С помощью пограничников подлежащие выселению семьи лесников были изъяты, а в отношении действий председателя сельского комитета ведется расследование на предмет его ареста.

В с. Расхоже того же Лисковского уезда, в числе других, выселялся брат председателя сельского комитета Гонтаря. Узнав об этом, Гонтарь организовал жителей села и выселению было оказано сопротивление. Подлежащие выселению были изъяты только после прибытия в село группы (человек 20–25) пограничников.

Аналогичные случаи сопротивления выселению имели место и в некоторых других уездах области, которые также быстро были ликвидированы без каких либо серьезных последствий […].

Заключение

Операция по выселению осадников и лесников в общем прошла организованно и без сколько-нибуть серьезных эксцессов, при активной поддержке основных масс трудящегося крестьянства области. Наряду с этим, необходимо отметить нечеткую работу транспорта (в ряде случаев вагоны под погрузку подавались необорудованными и несвоевременно) и конвойных частей НКВД, которые не всегда своевременно присылали своих представителей на пункты погрузки и тем самым задерживали работу по погрузке и отправке спецпереселенцев.

Областная тройка:
Капитан госбезопасности Зачепа
Ст. лейтенант госбезопасности Диомидов
Капитан госбезопасности Машлятин

АУІТ ГУ МВСУЛО. – Ф. 110. – Оп. 1. – Спр. 102. – Арк. 131–137.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 88–91.

№ 36

1940. – Доповідна записка Наркомату внутрішніх справ СРСР ЦК ВКП(б) про кількість, умови праці і проживання виселенців із західних областей України і Білорусії, які використовуються на лісорозробках

Совершенно секретно

ЦК ВКП(б)
Товарищу Сталину

По сообщениям краевых и областных Управлений НКВД Наркомлес СССР до сего времени не принял необходимых мер к полному трудовому использованию осадников и беженцев, переселенных из западных областей УССР и БССР. В леспромхозах Архангельской области из 29660 трудоспособных спецпереселенцев используются на работе 25192 человека. В леспромхозах Свердловской области из 9226 трудоспособных работает только 6012 человек. В леспромхозах Красноярского края из 8770 трудоспособных работает 7297 человек. В тресте «Запсибтранслес» Алтайского края из 1708 трудоспособных занято на работе 1440 человек. В трестах «Краслес» Красноярского края и «Запсибтранслес» Алтайского края имеют место невыходы на работу вследствие отдаленности спецпоселков (10–15 км) от лесоразработок.

Наркомлес СССР не обеспечил в достаточном количестве леспромхозы инструментами, пилами, топорами, напильниками, центровками, самотасками, теплой спецодеждой и обувью. В Подосиновском районе Архангельской области вместо 120 лучковых пил, необходимых для работы спецпереселенцев, имеется только 10, в Леуновском лесоучастке Пенежского района выдается 1 топор на 5 человек плотников-спецпереселенцев, одна пила и одно долото на две бригады плотников.

В Нейском леспромхозе Ярославской области вместо 60 пил имеется 30, а топоров вместо 100 штук – 33. В Ключанском механизированном лесопункте Молотовской области осадники не обеспечены инструментами.

Из-за недостаточной в леспромхозах сети детских садов и школ женский труд используется в незначительном количестве.

В Няндомском районе Архангельской области из 1549 спецпереселенцев, используемых на работе, 737 человек не имеют обуви, в Виноградовском районе той же области из-за отсутствия обуви не работает свыше 100 человек, в Марийской АССР – 126 человек.

Аналогичное положение с организацией труда, использованием осадников и беженцев на работе, со снабжением инструментами и спецобувью имеется в Кировской, Вологодской, Иркутской, Новосибирской, Горьковской областях и в Коми АССР.

Положение с обеспечением жилплощадью, ремонтом бараков, общежитий остается по-прежнему в неудовлетворительном состоянии. В спецпоселках большая скученность, антисанитарное состояние, во многих бараках нет переборок, дети, женщины и мужчины спят на тапчанах или нарах все подряд на голых досках без постельных принадлежностей. В среднем на каждого спецпереселенца приходится жилплощади от 1,5 до 2 кв. м. Ремонт бараков и общежитий к зиме проводится медленно.

В спецпоселках Подосиновского, Вельского, Опаритского, Няндомского и других районов Архангельской области осадники и беженцы расселены в сушилках, кладовых, дезинфекционных камерах и в бараках с протекающими крышами, с ветхими стенами.

Во всех спецпоселках Алтайского края бараки к зиме не подготовлены: печи не сложены, окна не застеклены. Такое же положение с ремонтом бараков в Свердловской, Молотовской, Ярославской, Вологодской, Иркутской, Кировской областях и в Коми АССР.

Снабжение продуктами питания в спецпоселениях организовано неудовлетворительно. В спецпоселках Пинежского, Вилегодского, Няндомского районов Архангельской области, Тюбиль, Черемушки Красноярского края в продаже имеется только хлеб. Зарегистрированы случаи заболевания спецпереселенцев цингой. Столовые обеспечивают обедами только 60–70% спецпереселенцев.

Санитарное наблюдение за спецпоселками и медицинская помощь спецпереселенцам организованы неудовлетворительно. В спецпоселках трестов «Краслес», «Севполярлес» в июле – сентябре с. г. от тифа, дезинтерии и др. болезней умерло 298 спецпереселенцев.

В Прилузком районе Коми АССР в октябре зарегистрировано 45 случаев заболевания брюшным тифом. Имеют место заболевания брюшным тифом в Свердловской, Горьковской и других областях.

НКВД просит Ваших указаний Наркомлесу и Наркомздраву СССР.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

Разослано:
т. Сталину
т. Молотову

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 73. – Арк. 20].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1.– С. 31.

№ 37

1940. – Лютий. – Доповідна записка обласної «трійки» НКВС наркому внутрішніх справ УРСР про результати операції щодо виселення населення Львівської області

Сов. секретно

Народному комиссару внутренних дел УССР
Комиссару Государ. Безопасности 3 ранга
тов. Серову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О результатах операции по выселению осадников и лесников государственных и помещичьих лесов из Львовской области

По плану намечалось к выселению 4123 семьи осадников и лесников с 21964 членами семьи.

Для проведения операции было создано 1662 оперативных группы, в которые входили:

а) оперработники НКВД	– 1387 чел.
б) комполитсостав милиции	– 200 чел.
в) рядовой состав милиции	– 1356 чел.
г) внутренние войска НКВД	– 800 чел.
д) жел. дор. войска НКВД	– 250 чел.
е) погранвойска НКВД	– 200 чел.
ж) партактива	– 1288 чел.

Помимо этого, к участию в операции был привлечен местный сельский актив в количестве 7145 чел. В большинстве своем этот актив был использован в качестве переписчиков выселяемых осадников и лесников и подводчиков.

В связи с операцией по осадникам и лесникам, территория Львовской области была разделена на 16 оперативных участков, которые возглавлялись участковыми «тройками».

Операция на территории Львовской области началась 10 февраля с рассветом.

Всего было выселено 4029 семей с 20966 членами семей, в том числе:

а) семей осадников – 3704

б) членов семей осадников – 19718

в) семей лесников – 325

г) членов семей лесников – 1248

Не выселено – 998 человек

В том числе:

а) больных – 567 чел.

б) отсутствовало во время операций – 333 чел.

в) скрылось до операции – 47 чел.

г) скрылось во время операции – 47 чел.

д) бежало в пути – 4 чел.

В число «больных» входит подавляющее большинство здоровых членов семей осадников и лесников, например, дети, которые были оставлены вместе с больными.

Во время операции было изъято:

I. Оружия:

а) винтовок – 50

б) револьверов – 35

в) боевых патронов – 1188

г) охотничьих ружей – 23

д) холодного оружия – 17 экз.

II. К-р литературы и листовок – 18 экз.

III. Валюты:

а) американских долларов – 6

б) золотых рублей – 80

Областная «тройка»:
Капитан Гос. безопасности подпись (Краснов)
Капитан Гос. безопасности подпись (Лангфанг)
Ст. лейтенант Госбезопасности подпись (Громовенко)

«___» февраля 1940 г.

АУІТ ГУ МВСУЛО. – Ф. 110. – Оп. 1. – Спр. 104. – Арк. 176–179.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 57–58.

№ 38

1940. – Не раніше 5 березня. – Доповідна записка народного комісара внутрішніх справ Союзу РСР ЦК ВКП(б) з пропозицією фізичного знищення інтернованих польських офіцерів та ув'язнених із західних областей України і Білорусії

ЦК ВКП(б)
товарищу Сталину

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжить к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками к-р шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) – 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков – по национальности свыше 97% поляки.

Из них:
Генералов, полковников и подполковников – 295
Майоров и капитанов – 2 080
Поручиков, подпоручиков и хорунжих – 6 049

Офицеров и младших командиров полиции, – 1030
Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков – 5 138
Чиновников, помещиков, ксендзов и осадников – 144.

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18 632 арестованных (из них 10 685 поляки), в том числе:
бывших офицеров – 1 207
бывших полицейских, разведчиков и жандармов – 5141
шпионов и диверсантов – 347
бывших помещиков, фабрикантов и чиновников – 465 членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента – 5 345
перебежчиков – 6127.

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11000 человек членов различных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков.

– рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения – в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных – по справкам, представляемых Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц, арестованных – по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе т. т. Меркулова, Кабулова, Баштакова (Начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

На доповідній записці свою згоду з пропозицією розстріляти інтернованих та ув'язнених власними підписами ствердили: Й. Сталін, К. Ворошилов, В. Молотов, А. Мікоян. Є приписка: «т. Калинин – за, т. Каганович – за.»

Опубл: Поклик сумління. – Львів, 1993. – № 15 (123).

№ 39

1940. – Березня 5. – Постанова ЦК ВКП(б) про розстріл інтернованих польських офіцерів та ув'язнених із західних областей України і Білорусії

Подлежит возврату в течение 24 часов
во вторую часть Особого Сектора ЦК

Строго секретно

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)
Центральный Комитет

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК

Решение от 5. III. 40 г.
144 – Вопрос НКВД СССР

Тов. Берия

1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения – в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных – по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц, арестованных – по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение и вынесение решения возложить на тройку в составе т. т. Меркулова, Кабулова, Баштакова (Начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК

Опубл.: Поклик сумління. – Львів, 1993. – № 15 (123).

№ 40

1940. – Квітень. – Доповідна записка начальника відділу ГУЛАГ НКВС СРСР народному комісару внутрішніх справ Радянського Союзу про розселення осадників із західних областей України та Білорусії

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР
Комиссару Государственной безопасности
тов. Берия Л. П.

О приеме и расселении осадников

Операция по переселению осадников из западных областей УССР и БССР началась 10 февраля 1940 года. Для оказания помощи в подготовке и приему осадников на места в УНКВД были командированы 18 сотрудников НКВД СССР. Всего переселено 139590 человек осадников, которые расселены в 21 краях и областях в 115 спецпоселках.

Вологодская область	– 1586 сем[ей].
Коми АССР	– 2191 сем.
Кировская область	– 110 сем.
Молотовская область	– 1737 сем.
Свердловская область	– 2809 сем.
Омская область	– 1422 сем.
Новосибирская область	– 574 сем.
Горьковская область	– 530 сем.
Красноярский край	– 3279 сем.
Акмолинская область	– 414 сем.
Семипалатинская область	– 300 сем.
Челябинская область	– 314 сем.
Чкаловская область	– 159 сем.
Башкирская АССР	– 61 сем.
Алтайский край	– 1250 сем.
Павлодарская область	– 221 сем.
Кустанайская область	– 186 сем.
Ярославская область	– 102 сем.
Архангельская область	– 8084 сем.
Ивановская область	– 25 сем.
Иркутская область	– 2114 семей.

Большинство личных дел на осадников оформлено крайне небрежно: анкеты не заполнены нормально, в ряде случаев карандашом и без подписи заполнявшего их. Большинство личных дел состоит только из этих анкет, других документов о выселении – нет.

Многим осадникам не было предоставлено время на сборы, некоторые были погружены в вагоны в то время, как члены их семей находились на работе, в гостях, в школе и т. д. Багаж погружался в вагоны без маркировки.

В результате значительное количество переселенных семей разрознено: члены одной семьи расселены в разных областях, розыск багажа до сих пор еще не закончен.

Значительное количество осадников прибыло без личных дел. Без личных дел прибыло в Коми АССР 108 семей (310 чел.), в Свердловскую область – 23 семьи, в Красноярском крае по эшелону 4028 не оказалось 46 личных дел, по эшелону 4081 – 18 личных дел, по эшелону 4028 прибыло 258 семей, на большинство которых личных дел нет.

Выявляются случаи переселения лиц, имеющих на руках справки о том, что они выселению не подлежат […].

Осадники переданы для трудового использования в систему Наркомлеса – 17.077 семей (85.779 чел.), Наркомцвета – 3.951 семьи (19.458 чел.), ЦЕЛЕСА НКПС – 4.573 семьи (23.026 чел.) и разным организациям: Наркомместпрому, Наркомчермету, Наркомстрою, НКВД, Наркомату стройматериалов, Тайшетлагу, Севураллагу и Унжлагу НКВД – 1.867 семей (11.336 чел.). Хозяйственные организации к приему подготовились плохо.

В Архангельской области осадники из-за недостатка жилплощади в большинстве поселков размещены по 2–3 семьи в одной комнате или по 15–20 семей в бараках, не имеющих комнатной системы. Жилая площадь в среднем не превышает 1–2 метров на человека. Установить койку на каждого человека из-за скученности нет возможности.

Такое же положение в ряде поселков Красноярского края, Кустанайской, Омской и др. областей.

По предварительным данным, 7 краев и областей (Алтайский край, Вологодская, Кировская, Павлодарская, Омская, Челябинская и Семипалатинская области) средний процент трудоспособных из общего количества осадников составляет 43%, а по отдельным поселкам снижается до 35%.

Хозяйственные организации к полному использованию рабочей силы из числа осадников не подготовились: значительное количество осадников продолжительное время находились и находятся без работы (Горьковская, Чкаловская, Архангельская области и др.).

Особенно плохо обстоит дело в предприятиях Наркомлеса. В Архангельской области и Красноярском крае из-за нехватки инструмента большое количество осадников находилось и находится без работы.

По ряду краев и областей предприятия Наркомлеса не организуют работу осадников, не подготовляют рабочее место, не знакомят их с элементарными правилами техники безопасности, нормами выработки и расценками. Результатом этого является крайне низкий заработок (от 2 до 5 рублей в день) и травматизм. Ряд хозорганов не заботится о повышении производительности труда.

Приняв осадников, считают, что ответственность за материально-бытовые условия лежит на органах НКВД.

Так, например, руководитель треста «Ярославлес» обратился в НКВД с предупреждением: так как осадники плохо выполняют нормы (15–40%), он прекращает их авансировать и ставит об этом в известность НКВД.

Отдельные организации пытаются объяснить неполное использование осадников сокращенным объемом работы сезонного порядка.

Плохо поставлено снабжение и организация общественного питания. Несмотря на это, хозорганы не принимают мер к созданию подсобного сельского хозяйства, к оказанию помощи в развитии индивидуального огородничества. Выражением бездушного отношения к вопросам питания осадников, является поведение директора Блявинского рудника (Чкаловская область) тов. Валькова, отказывающего в предоставлении транспорта осадникам, чтобы отвезти имеющееся у них зерно для помола на мельницу, находящуюся в 10 км от рудника.

Совершенно неудовлетворительно организовано медико-санитарное обслуживание осадников. Наркомздрав СССР ограничился присылкой в январе месяце директивы областным отделам здравоохранения, причем, выполнение своих указаний до апреля месяца (до вмешательства НКВД) не проверил. Имеющиеся данные свидетельствуют о явном неблагополучии в этом деле.

Так, в Архангельской области в поселках Виноградовского и Красноборского районов зарегистрировано 64 случая заболеваний сыпным тифом. Наличие инфекционных заболеваний отмечено также в Иркутской, Чкаловской и других областях. Наркомпрос РСФСР лишь в апреле месяце послал директиву об организации школьного обучения детей и об определении безнадзорных детей в детские дома.

НКВД СССР поставил перед Наркомлесом СССР, Наркомцветметом и ЦОЛЕСом НКПС вопрос о создании необходимых жилищных условий для осадников, работающих в предприятиях этих наркоматов о максимальном использовании трудоспособных осадников-мужчин, женщин и подростков, об организации курсовых мероприятий и инструктировании по техминимуму, о расширении существующей сети детских учреждений в целях высвобождения многодетных матерей для работы на производстве и т. п. Наркомлес СССР разослал приказ и телеграфное распоряжение по всем этим вопросам. Перед Наркомпросом РСФСР поставлен вопрос о немедленном охвате детей школьного обучения. 2/IV с/г Наркомпрос РСФСР разослал директиву об этом. Перед ВЦСПС поставлен вопрос о культобслуживании осадников наравне с остальными рабочими. Наркомздрав СССР предупрежден о необходимости немедленной организации медико-санитарного обслуживания осадников и о срочном проведении профилактических и противоэпидемических мероприятий (прививок, дезокамери и т.д.). Наркомздравом даны указания местам об организации медицинского обслуживания осадников.

Проводится уточнение дислокации номенклатур спецпоселков, проверяется личный состав районных и поселковых комендатур. Организован розыск багажа и разрозненных семей осадников для их объединения. УНКВД мест выселения осадников запрошены об оформлении личных дел на выселенных.

Начальник ОТП ГУЛАГ НКВД СССР
ст. лейтенант госбезопасности Кондратов
«___» апреля 1940 года

ГАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 61. – Арк. 34–39.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 97–99.

№ 41

1940. – Червня 25. – Рознарядка НКВС УРСР про скерування оперативних працівників у м. Львів для участі у виселенні біженців

Совершенно секретно

Утверждаю
Нарком внутренних дел УССР Серов

25 июня 1940 г.
г. Киев

РАЗНАРЯДКА
оперативного состава для посылки в спецкомандировку в г. Львов
для участия в операции по выселению беженцев

1. Киевское УНКВД	– 70 чел.
2. Черниговское УНКВД	– 40 чел.
3. Полтавское УНКВД	– 30 чел.
4. Харьковское УНКВД	– 75 чел.
5. Николаевское УНКВД	– 50 чел.
6. Кировоградское УНКВД	– 35 чел.
7. Днепродзержинское УНКВД	– 70 чел.
8. Запорожское УНКВД	– 50 чел.
9. Ворошиловградское УНКВД	– 60 чел.
10. Сталинское УНКВД	– 60 чел.
11. Сумское УНКВД	– 35 чел.
12. Житомирское УНКВД	– 40 чел.
13. НКВД УССР	– 40 чел.
из них по оперативным отделам и управлениям	– 20 чел.
Всего:	– 650 чел.

Заместитель начальника отдела кадров НКВД УССР
старший лейтенант госбезопасности Григорьев

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 10. – Арк. 24.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 100–101.

№ 42

1940. – Червня 25. – Додаткова рознарядка НКВС УРСР про направлення оперативних працівників у м. Львів для участі у виселенні біженців

Совершенно секретно

Утверждаю
Начальник УРКМ НКВД УССР
старший майор милиции Горбенко

25 июня 1940 г.
г. Киев

РАЗВЕРСТКА
об откомандировании оперработников в город Львов
для участия в операции по выселению беженцев

1. Харьковская школа	– 200 чел.
2. Харьковские курсы ж. д. милиции	– 125 чел.
3. Харьковские лагеря	– 580 чел., из них:
а) работники розыска	– 161 чел.;
б) участковые уполномоченные	– 359 чел.;
в) командиры взводов	– 60 чел.
4. Полтавская школа	– 150 чел.
5. Ворошиловградские курсы	– 75 чел.
6. Ворошиловградское УРКМ	– 70 чел.
7. Днепропетровские курсы	– 75 чел.
8. Днепропетровское УРКМ	– 50 чел.
9. Сталинское УРКМ	– 100 чел.
10. Запорожское УРКМ	– 45 чел.
11. Сумское УРКМ	– 30 чел.
Итого:	– 1550 чел.

Временно исполняющий должность начальника
отдела кадров УРКМ НКВД УССР лейтенант милиции Кальненко

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 10. – Арк. 25. – № 38.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 101–102.

№ 43

1940. – Червня 29. – Доповідна записка УНКВС у Львівській області в НКВС УРСР про самогубство селянина під час примусового виселення

Совершенно секретно

Заместителю наркома внутренних дел УССР
капитану госбезопасности Горлинскому

ЗАПИСКА ПО ВЧ

В 5 часов утра 29.06.40 года в квартиру бывшего домовладельца Янк Кароля Михайловича, 61 год, явилась группа в составе 3 человек: командир войск НКВД, работник милиции и красноармеец войск НКВД, которые объявили домовладельцу Янку, что он как беженец подлежит выселению. Одновременно командир и работник милиции вышли в другую комнату, оставив для охраны красноармейца. Янк выхватил бритву и пытался зарезаться, однако красноармеец ее отобрал. Тогда жена Янка схватила другую бритву и начала резаться. Красноармеец выбежал за командиром, тогда Янк вынул револьвер и застрелился. Его жену удалось спасти.

УНКВД Львовской области.
Записка по ВЧ

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 10. – Арк. 43.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 103.

№ 44

1940. – Червня 30. – Інформація начальника Львівської залізниці наркому шляхів сполучення УРСР про хід відправки спецпереселенців

Совершенно секретно

Наркому путей сообщения УССР Л. Кагановичу
Наркому внутренних дел УССР Серову
После передачи ленту изъять и уничтожить.

СВЕДЕНИЯ
об отправке спецпереселенцев

За сутки 29.06.40 года под погрузку спецпереселенцев подано 1282 вагона; погружено на 18.00 час. 29.06.40 года – 1008 вагонов.

Под погрузкой осталось 274 вагона; план выделения 1635 порожняков обеспечен. Погрузка идет медленно, медленное снабжение продовольствием.

Так, эшелон № 57 по Львову – станция Подзамче приняла в 11.25 час, а эшелон № 58 – в 8.25 час.

Начальник Львовской железной дороги Донченко
Передано по телеграфу 30.06. 40 года в 15 час. 52 мин.

АГІБ МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 10. – Арк. 52.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 103–104.

№ 45

1940. – Липня 1. – Доповідна записка УНКВС у Дрогобицькій області Наркомату внутрішніх справ УРСР про підсумки виселення біженців з області

Совершенно секретно

Заместителю наркома внутренних дел УССР
старшему майору госбезопасности Горлинскому

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
об итогах операции по выселению беженцев, изъявивших желание выехать в Германию, но не принятых германским правительством, – по Дрогобычской области

На основании Ваших указаний 29 июня сего года ночью была проведена операция по выселению беженцев, изъявивших желание выехать в Германию, но не принятых германским правительством. Операция была произведена в соответствии с инструкцией, утвержденной Народным Комиссаром внутренних дел СССР, комиссаром государственной безопасности 1-го ранга тов. Берия от 4 апреля 1940 года и дополнительных Ваших указаний. По учетным данным выселению подлежало 1985 семей, в них 6710 человек, одиночек – 1172 чел.; итого подлежало выселению – 7882 чел.

В результате проведенной операции выселено 1520 семей, в них 5262 человек, одиночек – 1038 чел. Итого выселено – 6295 чел. Из числа не выселенных 1587 чел.: больных – 52 чел. и 1535 чел. отсутствовали во время операции. Большинство из них выехали за пределы нашей области и установить место их нахождения не представилось возможным. Во время проведения операции серьезных происшествий не было, не считая таких, как:

1. В гор. Добромиле при входе опергруппы в дом, где проживал беженец Вольф Л. А., 47 лет, последний дверь не открыл и выпрыгнул в окно со 2 этажа, в результате чего сломал ногу и был доставлен в больницу. Семья Вольфа, состоящая из жены и одного ребенка, – выселена.

2. Беженец Гофман, выселенный из гор. Стрия, находясь в вагоне, пытался порезать вены на руке, но цели не достиг. Во время проведения обысков у выселяемых оружия и контрреволюционной литературы не обнаружено. При обыске изъято иностранной валюты 72 американских доллара, 36 германских марок и 15 в белом металле. Кроме того, изъято 72 бывших польских злотых в металле и 805 злотых в бумагах. С целью дальнейшего выявления беженцев этой категории и привлечение их к уголовной ответственности как нарушителей паспортного режима, даны указания начальникам горрайорганов НКВД и милиции. Итоговые данные проведения операции при этом прилагаю.

Начальник управления НКВД Дрогобычской области
капитан государственной безопасности Зачепа

1 июля 1940 г.
№ 1650673

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 10. – Арк. 26–27.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 106–107.

№ 46

1940. – Липня 3. – Довідка НКВС УРСР про виселення біженців із західних областей України

Совершенно секретно

Народному комиссару внутренних дел
Комиссару госбезопасности 3-го ранга Серову

ИТОГОВАЯ СВОДКА
об изъятых и выселенных беженцах по западным областям Украины
на 2 июля 1940 года

№ п/п	УНКВД области	Изъято семей	Изъято человек	Изъято одиночек	Средств на 10 суток	Средств на 15 суток
1.	Львовская	25606 20606 15007	50582 38850 32896	13792 7732 6649	1011640	1896825
2.	Ровенская	397 297 773	1563 1264 1957	299 299 113	31260	58612
3.	Волынская	7452 5452 4149	16590 12623 12001	1750 1750 841	331800	722125
4.	Тернопольская	1520 1070 1200	3426 2087 2646	822 822 557	68520	128475
5.	Станиславская	1170 1020 1018	2519 2208 1979	612 612 82	50380	94462
6.	Дрогобычская	1787 1787 2553	8527 5527 6295	2201 1201 1033	174540	319662
	Итого:	37532 30232 24700	83207 3559 57774	19476 12416 9275	1664140	3120262

Примечание: сведения о количестве отправленных беженцев в таблице даны по нарастающему итогу снизу вверх по каждой из областей. Средства для питания выселенных беженцев в пути следования составлены из расчета: 2 рубля на одни сутки для беженцев, путь следования которых не превышал 10 суток и 2 рубля 50 копеек – 15 суток (в последних колонках указаны суммы денежных средств из расчета 10 и 15 суток следования к месту высылки).

ВИО начальника дорожно-транспортного отдела НКВД
Львовской железной дороги
капитан государственной безопасности Буторов

Заместитель начальника 10-го отделения 1-го отдела
главного транспортного управления НКВД УССР
капитан государственной безопасности Тамаров

03 июля 1940 г.
№ 5885/1

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 10. – Арк. 31, 37–38.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 108–109.

№ 47

1940. – Не раніше серпня. – Довідка Наркомату внутрішніх справ Союзу РСР про підсумки операції щодо виселення біженців із західних областей України і Білорусії

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАЦИИ
по выселению беженцев в 1940 г. и их трудовому использованию

Народному комиссару внутренних дел Союза СССР
тов. Берия Л. П.

О приеме и расселении беженцев из УССР и БССР

Операция по выселению беженцев из УССР и БССР начата 29 июня с/г. Все беженцы доставлены к местам своего нового жительства. Всего выселено из УССР и БССР 24772 семьи, 77710 чел., в том числе и одиночки.

Все они поселены в 14 республиках, краях и областях:

№ п/п	Наименование республики, края, области	Количество	
		семей	человек
1.	Алтайский край	1115	4085
2.	Архангельская обл.	4016	12309
3.	Вологодская обл.	1599	4816
4.	Горьковская обл.	292	901
5.	Иркутская обл.	547	2370
6.	Коми АССР	2778	9035
7.	Красноярский край	398	1459
8.	Марийская АССР	2020	5831
9.	Молотовская обл.	523	1542
10.	Новосибирская обл.	6921	21840
11.	Омская обл.	500	1278
12.	Свердловская обл.	2728	8186
13.	Челябинская обл.	203	583
14.	Якутская АССР	1211	3523
	Итого:	24772	77710

Беженцы переданы для трудового использования предприятиям Наркомлеса – 33927 чел., ЦОЛЕСА НКПС – 9816 чел., НАРКОМЦВЕТМЕТА – 7184 чел., Лесным лагерям НКВД – 21375 чел.

Справка

Операция по выселению беженцев началась в БССР и УССР 29-го июня и была закончена во второй половине июля. Всего переселено 25682 семьи, 76382 человека. Расселены в 14-ти республиках, краях и областях (251 поселок, 158 комендатур).

№ п/п	Республика, край, область	Всего	
		семей	человек
1.	Алтайский край	1115	4085
2.	Архангельская обл.	4584	12838
3.	Вологодская обл.	1712	4956
4.	Иркутская обл.	551	2338
5.	Горьковская обл.	291	900
6.	Коми АССР	2778	8985
7.	Красноярский край	345	1255
8.	Марийская АССР	2020	5831
9.	Молотовская обл.	499	1421
10.	Новосибирская обл.	5706	16007
11.	Омская обл.	797	1604
12.	Свердловская обл.	4203	13247
13.	Челябинская обл.	183	535
14.	Якутская АССР	898	2371
	Итого	25682	76382

Жилищные условия

Жилищные условия весьма тяжелые. Подавляющее большинство находится в летних временных помещениях. Ставили вопрос перед Наркомлесом и Наркомцветом. Перевели на места средства на ремонт и строительство новых домов (за освоением средств не следили, средства не освоены). По Наркомцвету из 400000 освоено 175000 рублей.

21 сентября дано указание УНКВД проверить подготовленность к зиме и принять необходимые меры. В результате положение несколько улучшилось (по Свердловской области выделили 170 строительных рабочих, в Омской области ликвидировали двухярусные нары, улучшились жилищные условия в поселках Беляйка, Новоягодный). На сегодняшний день жилищные условия неудовлетворительные (особенно в Архангельской области: спецпоселок Сухона, где спецпереселенцы размещены в сушилках, кладовых и бараках, не пригодных к зиме. Отсюда антисанитария, вшивость, рост заболеваний).

В Красноярском крае и в Якутии отсутствует элементарная необходимая мебель, помещения не освещаются.

Трудовое использование

В основной массе беженцы не занимались ранее физическим трудом (бывшие фабриканты, торговцы и др.).

Трудовая интеллигенция (медики, агрономы, учителя) составляют 8261 человек (по 10-ти областям) из них высококвалифицированных специалистов 551 человек. Большой процент беженцев занят на предприятиях Наркомлеса и Наркомцвета.

Трудовое использование беженцев неудовлетворительное (по охвату и качеству работы). В Горьковской области – 48%, Иркутской – 47%.

Специалисты, за исключением медперсонала, используются не по специальности. Причины плохого трудоиспользования:

1) недостаточная подготовленность к приему беженцев;

2) отсутствует инструктаж и необходимое руководство (не знают работы и предоставлены самим себе);

3) недостаток инструментов (в спецпоселке «Колос» на бригаду в 5 человек выдали один топор, в Подосиновском районе вместо 120 пил выдали 10 и ни одного напильника). Часть беженцев сопротивляется использованию на физической работе. Надеются на скорое возвращение, ссылаются на нездоровье, саботируют работу (Марийская АССР – Датнер, заявивший о наличии у него 70000 рублей).

Меры:

1. Предложено за саботаж и прогулы привлекать по указу от 26 июня.

2. Поставили вопрос перед НКЦМ и НКЛ об усилении необходимого руководства и внедрении техминимума.

3. Проведен учет специалистов, выяснены возможности использования их по специальности, но в пределах спецпоселков.

Снабжение

Снабжение беженцев поставлено неудовлетворительно. Особенно плохо по жирам, овощам. Запасы в отдаленных районах не создаются, даже хлеб, соль, мыло завозятся с перебоями. Особенно неудовлетворительно поставлено питание детей и снабжение школьников одеждой и обувью. Значительная часть беженцев зимней одеждой и обувью не обеспечены.

Меры:

1. Перед НКЛ и НКЦМ поставлен вопрос.

2. Наркомлес 16/Х разбронировал 34,8 комплексов зимней одежды и обуви.

3. Перед Экономсоветом поставлен вопрос о выделении дополнительных фондов.

Культурное обслуживание

Обеспечение инвалидов – один из самых тяжелых вопросов. Наркомсобес вначале отказывался от приема инвалидов-беженцев в общие инвалидные дома. Сейчас перед СНК РСФСР поставлен вопрос об организации инвалидных домов на 3000 человек. Вообще заострено внимание Правительства на недостатках хозяйственного устройства беженцев. Профсоюзные организации на местах стоят в стороне, несмотря на решение ВЦСПС от 27/VIII, обязывающие вести работу среди беженцев наравне с членами профсоюза.

Личные дела

Фактически личных дел у беженцев нет. Имеющиеся содержат в себе анкеты, иногда без печати и подписи лица, заполнявшего его. Документов, подтверждающих правильность выселения, в личных делах, как правило, нет. Оформление личных дел затянулось по той причине, что УНКВД мест выселения беженцев не смогли документировать это в соответствии с циркуляром № 185. 12/X дано указание (№ 246), упрощающее метод оформления личных дел (справка на самой анкете, заверенной УНКВД). Однако выполнение и этого указания задерживается. Есть опасность, что в срок (к 15/XII) личные дела оформлены не будут.

Вопросы режима

Плохое хозяйственное устройство беженцев, отсутствует должная массово-разъяснительная работа и профилактика – все это способствует росту побегов (в Марийской АССР – 127, в Архангельской области – 35).

В Молотовской области вместо борьбы с побегами создали группы содействия из самих беженцев. В Свердловской области – лояльная сеть.

О хозяйственном устройстве беженцев

Контингенты отдела трудпоселений УИТК и ТП ГУЛАГа НКВД СССР:

Трудпоселенцы 258448 с. 959472 ч. расселены в 36 респ., краях и обл.

Осадники и лесники	– 28569 семей;	137351 чел.	– в 18,
Беженцы	– 25863 семей;	76347 чел.	– в 14.
Всего	– 312880 семей;	1173170 чел.	

Всего комендатур:	поселковых	районных
а) По обслуживанию трудпоселенцев	741	160
б) По обслуживанию осадников и лесников	244	61
в) По обслуживанию беженцев	151	7
Всего:	1136	228

Характеристика контингентов:

а) Освоены трудпоселенцы.

В промышленности работает	318564
В с/х артелях работает	100005

б) Осадники и лесники находятся в стадии освоения (Первый год. Прибыли только в апреле). Работают в подавляющей части хорошо. Лучшее доказательство: хозяйственники дают высокую оценку рабочей силе, так называемой II категории. Работают преимущественно в предприятиях Наркомлеса и Наркомцвета.

в) Беженцы. Большинство из них раньше физическим трудом не занимались. Среди них много бывших торговцев, фабрикантов, содержателей ресторанов, коми-вояжеров и лиц неопределенных профессий. В их числе некоторая часть трудовой интеллигенции и ремесленников. Крупных специалистов, научных работников среди них 551 ч. Из освоения в лесной промышленности и промышленности Наркомцвета на первых порах проходит болезненно: не умеют работать, боятся работы, не хотят

работать, думают, что приехали на время – отсюда чемоданные настроения. Часть из них материально обеспечены и не заинтересованы в работе. Эти ведут себя вызывающе, готовы нанять за себя человека для работы в лесу (Молотовская область), некоторые используют своих прислуг, которые приехали с ними на правах членов семьи (Марийская АССР). Получается двойная эксплуатация: работают за своих хозяев в лесу и, придя домой, обслуживают их, как домашние работницы. Небольшая часть беженцев уже приобщилась к работе и перевыполняет нормы. Специалисты и ремесленники требуют работу по специальности. Разрешить этот вопрос без нарушения принципа расселения в спецпоселках НКВД пока не удается.

Основные документы по вопросам спецпереселенцев:

а) Постановление Совнаркома Союза ССР от 5 декабря 1939 г. за № 1001-558 сс.

б) Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР, утвержденное Совнаркомом СССР 29 декабря 1939 г. № 2122-617 сс.

По этим документам хоз. устройство возлагается на Наркомлес и Наркомцвет. Обслуживание по линии здравохранения, просвещения, социологического обеспечения – возложено на соответствующие наркоматы. На НКВД возложено административное управление поселками, осуществить которое в должной мере невозможно, если в основу работы не положить действенную проверку исполнения хозорганами и другими организациями функций, на них возложенных, и это самая трудоемкая часть работы, требующая неослабного внимания к процессам, происходящим и назревающим среди контингентов на работе и в быту, своевременной постановки вопроса перед руководящими органами и доведения дела до конца.

Жилищные условия

Жилищные условия весьма тяжелые. Подавляющая часть осталась жить в неприспособленных для зимнего проживания помещениях, куда они летом были выселены – временно. Несколько раз вопрос о необходимости улучшить жилищные условия беженцев ставился перед Наркомлесом и Наркомцветом. В результате на места были переведены средства на ремонт и строительство жилищ, но за освоением этих средств Наркоматы не следили, стройматериалов не было отпущено, а, главное, не было в отношении расселения беженцев дано соответствующих категорических указаний. УНКВД на местах этому делу также не придало должного значения. В лучшем случае, переносили вопрос в руководящие областные, краевые, республиканские организации, но за малым исключением, решения этих организаций остались невыполненными в силу того, что ОИТК и УНКВД не занимались этими вопросами в должной мере.

Архангельская область

В Няндомском районе (спецпоселок Сухона) спецпереселенцы расселены не только в общих бараках, но и в бывших сушилках, кладовых и т. п. и средняя норма жилплощади на человека составляет не более 1,9 кв. метра. В ряде поселков Подосиновского, Ленского, Пинежского, Опаринского и других районов недостаточность жилплощади усугубляется тем, что бараки для зимнего проживания не годятся (крыши протекают, нет вторых рам, печей, в стенах огромные щели) и находятся в

антисанитарных условиях. В связи с этим наличие вшивости, рост заболеваний вообще и накожных в особенности.

Свердловская область

В Ревдинском районе, в спецпоселках Уралстроя норма жилплощади едва достигает 1,8 кв. метра. В Ивдельском районе (трест Уралруда) бараки без окон, крыши протекают, норма полезной жилплощади 1,2 кв. метра. В спецпоселках Севураллага, в поселках «Перерождение», «Теська», «Гладковский» бараки не отремонтированы, печей нет, либо в неисправности, окна не заставлены, вторых рам нет, нет топчанов, предметов хозобихода. Севураллагу дано Зам. Наркома категорическое указание устранить недостатки в этом деле (3, папка № 3, стр. 3).

Иркутская область

В предприятиях «Лензолото» 100 семейств живет в летних бараках. По настоянию НКВД НКЦветмет дал указание находящемуся там в командировке ответственному работнику принять на месте необходимые меры (см. стр. папка №).

Красноярский край

В Черемушкинской мехбазе в 3-х поселках проживает 957 человек, установлены сплошные нары. Отсутствуют столы, табуреты, пищу принимают, сидя на нарах. Двойных рам бараки не имеют. Дверь открывается на улицу (нет тамбуров), помещения не освещаются якобы из-за отсутствия ламп. В краях и областях, где к указаниям НКВД №27/9052 от 21 сентября о подготовке к зиме отнеслись серьйозно и с настойчивостью добивались не только решений руководящих органов, но и конкретных результатов, – положение несколько улучшилось.

Свердловская область

Трест «Красноуральскмедь» выделил 170 строительных рабочих для проведения ремонта жилищ и в спецпоселках Н.-Ливенском и Красногвардейском беженцы уже переведены в благоустроенные дома. Трест «Уралзолото» (той же области) направил на поселок «Каментушка» строительные материалы, отсутствие которых тормозило проведение ремонта. Некоторого улучшения жилищных условий удалось достигнуть УНКВД по Омской области (папка №, стр.).

Омская область

Ликвидированы двухярусные нары в спецпоселках «В.Бергамак» и «Ново-ягодном», путем перевода людей во вновь отремонтированные бараки. В результате окончания нового строительства значительно улучшились жилищные условия в поселках «Беляйка», в котором до этого приходилось на одного человека 1,4 кв. метра жилплощади, а после ввода в эксплуатацию нового жилища приходится 3,5 кв. метра.

Соответственно

По спецпоселку «Шадриха»	1,9 кв.м. и 3,3 кв.м.
По спецпоселку «Кузнецова»	1,2 кв.м. и 3,4 кв.м.
По спецпоселку «Белый Яр»	1,6 кв.м. и 4,3 кв.м.

Челябинская область

В Копейском районе проведена внутренняя и частично внешняя штукатурка, устроены печи, годные и для приготовления пищи. Однако, жилищные условия подавляющего большинства неудовлетворительны и свидетельствуют о нетерпимом отношении к этому вопросу со стороны руководителей предприятий.

Вопросы хозяйственного устройства

Наркомздрав, Наркомпрос, Наркомсобес не дали своевременно своей периферии указаний об обслуживании спецпереселенцев до тех пор, пока НКВД не заострил этих вопросов. Более того, Наркомздрав СССР, дав указание, не проверил его реализации и, когда были получены с мест сигналы о неудовлетворительном медицинском обслуживании спецпереселенцев и вспышке эпидемических заболеваний, перед Наркомздравом снова были поставлены эти вопросы и, наконец, добились не только указаний местам, но и отпуска средств, выделения медикаментов и командирования людей на места (см. папку № 3, наши №№ стр. 3, 4, 5).

Эпидемия была ликвидирована в Коми АССР, в Свердловской области, в Иркутской, в Молотовской областях. В настоящее время имеет место вспышка сыпняка в Архангельской области – в Пинежском районе – спецпоселок Кокорная (80 случаев). Это появление сыпняка есть серьезный сигнал о нетерпимом положении с расселением и материально-бытовым обслуживанием в Архангельской области. Причем УНКВД заняло в этом деле роль созерцательную.

Зам. нач. Управления – капитан Госбезопасности тов. Почтовский в ответе на запрос Замнаркома о подготовке к зиме сообщает:

«Благодаря антисанитарному состоянию спецпоселков, поголовной вшивости, скученности, отсутствию необходимых медикаментов, среди спецпереселенцев имеют место массовые заболевания экземой, чесоткой, всевозможными нарывами» (см. папку № 3, стр. 6–9).

Это положение, повидимому, недостаточно оценивается руководством УНКВД. Только этим можно объяснить согласие УНКВД принять дополнительно еще 1250 семей (см. папку № 3, стр. 6/12). Естественно, что такое благодушие привело к вспышке сыпняка (в Пинежском районе, спецпоселок Кокорная 80 случаев заболевания).

Перед Наркомлесом поставлен вопрос об улучшении питания, завозе хозяйственного мыла, о необходимости обязать директоров предприятий лично проверить санитарное состояние спецпоселков и принять меры к бесперебойной работе бань, дезокамер.

Перед Наркомздравом – организовать должное медицинское обслуживание заболевших и профилактические мероприятия против распространения эпидемии на остальные поселки. Школьное обучение детей, в силу плохого руководства этим делом органами Наркомпроса, поставлено плохо. Из общего количества детей осадников и беженцев школьного возраста 38495 – охвачено школьным обучением 23956, что составляет 62,2%. Фактически же с наступлением холодов усиливается отсев детей из школ из-за отсутствия одежды и обуви и % охвата школьным обучением значительно ниже. Данные по отдельным республикам, краям и областям таковы:

Марийская АССР: охвачено школьным обучением	– 17,5%
Архангельская обл.	– 62,3%

Красноярский край	– 68,0%
Молотовская обл.	– 61,6%.

Наркомпрос издал по вопросу о школьном обучении детей спецпереселенцев 3 приказа, обязывающих места обеспечить обучение детей спецпереселенцев, но конкретно этим делом не руководил и не обеспечил это дело материальными предпосылками и педагогическими кадрами.

Свердловская область

В спецпоселках Крутихинского, Курьинского мехлеспунктах вместо 18 учителей имеется всего 2 (папка № 3, стр. 4).

Алтайский край

В школе Косихинской райкомендатуры продолжительное время нет учителя. Его функции по совместительству выполняет врач.

Марийская АССР

Дети 6 поселков (из 14) вовсе не охвачены школами из-за отсутствия помещений.

Социальное обеспечение инвалидов – один из наиболее острых бытовых вопросов. Наркомсобес занял вначале линию на отказ в приеме инвалидов-спецпереселенцев в инвалидные дома общей сети, добился постановления СНК РСФСР и выделения средств на организацию инвалидных домов для спецпереселенцев на 1260 человек в Архангельской, Свердловской, Молотовской, Вологодской областях и Коми АССР. Но средства эти полностью не освоены по вине Наркомсобеса и его местных органов, а также органов УНКВД, которые не оказали необходимой помощи в организации этих домов.

Архангельская область

Долго не могли организовать инвалидный дом из-за отсутствия помещения. В настоящее время, по данным Наркомсобеса РСФСР, уже организован дом на 500 мест, но инвалиды до сих пор не направлены.

Вологодская область

В инвалидный дом уже принято 100 человек и 150–200 чел. можно в ближайшее время направить из других областей.

Молотовская область

Принято в Белогорский инвалидный дом 100 инвалидов и оборудуется Юговский дом на 100 мест. Все это можно было бы сделать скорее и лучше, если бы ОИТК своевременно представили Облсобесу сведения (пришлось напоминать по несколько раз). Наркомсобес выставил отсутствие сведений по ряду областей в качестве основной причины плохого устройства инвалидов. Особенно тяжелое положение инвалидов в Якутской АССР. Там имеется 170 инвалидов.

В настоящее время Совнаркомом РСФСР по представлению НКВД вынесено решение № 822/18с от 12 ноября с/г, «О мероприятиях по обслуживанию спецпереселенцев» (папка № 3, стр. 3). По этому решению к 1 января 1941г. должны быть организованы дома для спецпереселенцев:

в Якутской АССР	на 150 ч.
Марийской АССР	– 100 ч.
Алтайском крае	– 200 ч.
Красноярском крае	– 300 ч.
Свердловской обл.	– 300 ч.
Новосибирской обл.	– 300 ч.
Челябинской обл.	– 100 ч.

К 15 февраля 1941 г. должны быть организованы инвалидные дома для спецпереселенцев:

Омской области	на 250 чел.
Челябинской обл.	– 100 чел.
Алтайском крае	– 160 чел.

Это решение также обязывает СНК АССР, краевые и областные исполкомы Советов депутатов трудящихся в течение ноября–декабря проверить и обсудить вопросы, связанные с организацией медицинского обслуживания, обучения детей и др. и к 15 февраля сообщить о выполнении настоящего решения.

Наши задачи в связи с этим:

а) оказать необходимое содействие и помощь по выполнению этого решения, проявив при этом настойчивость и деловитость.

б) не дожидаясь провала того или иного мероприятия, сигнализировать облисполкомам (копия в НКВД) о ходе выполнения, недостатках и что необходимо предпринять.

Трудовое использование

В массе своей беженцы – люди без определенных профессий, не занимавшиеся ранее физическим трудом. Среди них много бывших фабрикантов, торговцев, коми-вояжеров, содержателей баров и ресторанов. Небольшую часть составляет трудовая интеллигенция (медики, агрономы, учителя, бухгалтера, счетоводы) и ремесленники (портные, сапожники, часовые мастера).

По данным 10 областей, количество их составляет 8261 человек. Среди них специалистов высокой квалификации, имеющих большой стаж работы или научные труды, 551 человек. Большинство беженцев направлено на работу в предприятия Наркомлеса и Наркомцветмета. Исключение предоставлено только медперсоналу, который по специальности для обслуживания спецпереселенцев. Трудовое использование в 3-м квартале, являющемся первым кварталом освоения беженцев, поставлено неудовлетворительно как по охвату, так и по качеству работы.

Горьковская область

Трудовое использование беженцев составляет 47,9% из числа трудоспособных.

Иркутская область – 46,9% («Лензолото»).

Архангельская область – 79,8%

Свердловская область

В предприятиях Наркомлеса – 94,4%, а по предприятиях Наркомцветмета – 90,9%.

Основные причины плохого использования сводятся к следующему. Предприятия, куда направлены беженцы, недостаточно подготовились к их трудовому использованию. Плохо организовано техническое руководство, отсутствует инструктаж и показ работы. Беженцы, не имея никакого опыта, в работе, предоставлены самим себе. В результате этого они плохо осваивают производство, норм не выполняют и зарабатывают чрезвычайно мало. Низкое качество имеющегося инструмента, плохой уход за ним, нехватка его в ряде предприятий.

Красноярский край

На Тюбильской мехбазе рабочие бригады не организованы, беженцы не знают норм и расценок. Производственный план выполнен в июле на 62%, дневной заработок не выше 1р. 50 коп. – 2 руб. Высокий процент травматизма из-за незнания техники безопасности.

Омская область

В спецпоселке «Белый Яр» Омской области бригада, работавшая на отгрузке дров в составе 31 чел., заработала по 81 коп. в день на каждого.

Архангельская область

В Подосиновском районе Лузтранслеса вместо 120 лучковых пил выдали 10. В течение 3-го квартала не выдали ни одного напильника. В том же районе на 62 плотников нет ни одной центровки при нормальной потребности в 15 шт. Вместо 10 стамесок выдали 3. В результате пользуются инструментом по очереди.

В спецпоселке «Колос», Пинежского района, бригаде лесозаготовителей в 5 человек выдали один топор. Часть беженцев сопротивляется приобщению к физической работе по разным мотивам. Одни надеются на скорое возвращение, просят более легкой работы, ссылаются на нездоровье и т.п. Другие, наиболее обеспечены материально, саботируют работу открыто, заявляя, что денег, привезенных с собой, им хватит надолго. Таковы:

Датнер Рудольф Юлианович (Марийская АССР), прибывший в поселок с женой и 2 взрослыми детьми. Заявляет, что привез с собой 70000 рублей.

Шнайдер Соломон Адольфович – бывший юрист. При нем жена и сын 15 лет. Никто из них не работает. Предлагал начальнику лесоучастка 200 руб. в месяц за предоставление хорошей квартиры.

Предложено всех трудоспособных, прибывших в спецпоселки, зачислить на работу предприятия и за саботаж работы, прогул и т. п. привлекать к ответственности, согласно Указа Президиума Верховного Совета ССР от 26 июня с/г. Одновременно поставлен вопрос перед Наркомцветметом и Наркомлесом о необходимости усилить техническое руководство, внедрить техминимум, организовать курсовые мероприятия, чтобы научить людей работать, чтобы они могли в ближайшее время обеспечить себе необходимый прожиточный минимум (папка № 3, стр. 7/1, 8/1).

Наряду с этим проведен учет специалистов и выясняются возможности организации их трудового использования по специальности при условии сохранения принципа расселения в спецпоселках.

Наркомлес издал по всем этим вопросам приказ (папка № 3, стр. 8/1, 8/2). Наркомцветмет дал соответствующие указания (папка № 3, стр. 7/5).

В целях использования ограниченно-трудоспособной рабочей силы, Отдел Трудовых поселений имеет договоренность с Всеколеспромсоюзом этой части спецпереселенцев в его системе на правах наемных рабочих (папка № 3, стр. 9/1).

В этих же целях дано указание при распространении опыта глуховцев в предприятиях, где работают спецпереселенцы, использовать вторых и третьих членов семей для работы в подсобных хозяйствах (папка № 3, стр. 9/4).

Вопросы снабжения

Безответственное отношение к вопросам снабжения беженцев проявлено леспродторгом и его филиалами на местах. Не говоря уже о почти полном отсутствии снабжения крупой, овощами, жирами, в спецпоселки с перебоями завозится хлеб, соль, хозяйственное мыло. Не создается продовольственных запасов в отдаленных районах, которые по климатическим условиям оказываются отрезанными на продолжительный срок от центров снабжения. Совершенно неудовлетворительно поставлено питание детей и снабжение школьников одеждой и обувью. Проверка на местах показала, что значительная часть беженцев не имеет зимней одежды и обуви, а торгующие организации не имеют никаких перспектив на ее получение.

Перед Наркомлесом и Наркомцветметом эти вопросы поставлены и в результате Наркомлес разбронировал часть зимней одежды и обуви для продажи через торговую сеть 34800 комплектов зимней ватированной одежды, валенок, шапок и варежек (приказ НКЛеса СССР № 890/3 от 16 октября 1940 г.). Кроме того, НКВД и Наркомлесом поставлен вопрос перед Экономсоветом при Совнаркоме СССР о выделении для снабжения спецпереселенцев дополнительных фондов зимней одежды и обуви (папка № 3, стр. 10).

Оформление личных дел и учет

Личных дел на беженцев фактически нет. В ряде случаев прибыли только эшелонные списки (Свердловская, Иркутская области и др.). Имеющиеся личные дела представляют собой анкету, часто без обложки, небрежно заполненную, без печати и подписи лица, заполняющего ее. Нередки случаи, когда в личном деле вместо анкеты имеется военный документ или какая-нибудь справка, которая никакого значения в деле документации к выселению и содержанию в спецпоселке не имеет.

Оформление личных дел затянулось в связи с тем, что УНКВД мест выселения оказались не в состоянии документировать это выселение в соответствии с циркуляром НКВД № 185 от 1/VIII. Разъяснением к этому циркуляру № 246 от 12 октября устанавливается более простой метод оформления, но и по этому упрощенному методу УНКВД мест выселения задерживают высылку справок, являющихся единственным документом о выселении и основанием для содержания в спецпоселке. Отсутствие ответов со стороны УНКВД на запросы ОИТК создает угрозу, что к 15 декабря – срок, установленный циркуляром, – личные дела оформлены не будут. Перед НКВД УССР поставлен вопрос о принятии мер по ускорению документации выселения беженцев.

Свердловская область

Почти закончена обработка и посланы запросы на всех и, что очень важно, следят за ходом выполнения. Сообщили в отдел Трудпоселений, что Львовская, Дрогобычская, Тарнопольская области не отвечают на запросы. Указали №, дату запроса, на какое количество людей. Зам. Наркома НКВД дал указание НКВД УССР ускорить высылку справок (папка № 1, стр. 6).

Архангельская область

Из 16126 (8673 осадников, 7453 беженцев) имеется оформленных дел на 2646 и сделано запросов 2940.

Омская область

Закончена обработка и рассылка запросов, но плохо борются за своевременное получение ответов. В очередном докладе сообщают, что нет ответов УНКВД мест выселения, нет указов, из каких областей, на какие запросы.

По вопросу ведения картотеки персонального учета разослана инструкция.

Большим недостатком в деле учета является несвоевременное сообщение о всяких изменениях для отражения их в картотеке, в частности об отправке и принятии беженцев-посадников в порядке объединения разрозненных членов семей. Всего объединено осадников и беженцев 1036 человек (папка № 1, стр. 7).

Вопросы режима

Плохое устройство беженцев, недостаточная разъяснительная работа среди них, отсутствие профилактики, направленной на укрепление режима в спецпоселке, способствует росту побегов.

По Молотовской области	за III кв-л бежало	17 чел.
По Архангельской области	-»-	39 чел.
По Свердловской области	-»-	26 чел.
По Вологодской области	-»-	20 чел.
По Коми АССР	-»-	40 чел.
Марийской АССР	-»-	127 чел.

Если сделать необходимую поправку на неточность сведений по Архангельской, Свердловской и др. областям (плохой учет беглецов, несвоевременное сообщение с поселков и из районов о побегах), то, если учесть количественный состав контингентов по этим вопросам, необходимо сказать, что процент побегов по Марийской АССР самый высокий (папка № 1, стр. 8).

Приказ НКВД № 00444 выполняется плохо. Организация групп содействия по борьбе с побегами недостаточно продумана. В группы содействия в Молотовской области вербуются беженцы без достаточной предварительной обработки. В результате члены групп содействия сами оказываются в бегах или в качестве пособников в деле совершения побегов.

Отлучки из спецпоселков, имеющие широкое распространение в Марийской АССР, Новосибирской, Свердловской областях, используются для облегчения побегов.

Недостаточно быстрое оформление дел на беглецов, в связи с чем задерживается их привлечение к ответственности через Особое Совещание. Не способствует

установлению твердого режима и создает у беженцев впечатление безнаказанности за совершение побега.

По Марийской АССР в ряде случаев ограничивались наложением административного взыскания на пойманных беглецов, вместо предания их суду.

ГАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 61. – Арк. 4–26.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 111–124.

№ 48
1940. – Грудень. – Маніфест Організації українських націоналістів

МАНІФЕСТ
Організації Українських Націоналістів

грудень 1940 р.

Існуючий політичний уклад сил в світі, що насильно здавлює вартісні та життєздатні народи, валиться від їх визвольних ударів.

Московська імперія – СРСР – сьогодні складова частина того укладу.

Ми, українці, підносимо прапор нашої боротьби за свободу народів та людини.

Розвалюючи назавжди жахливу тюрму народів – московську імперію – творимо новий справедливий лад і кладемо основу нового політичного укладу в світі.

I

Боремося за визволення українського народу та всіх народів, поневолених Москвою.

Боремося проти всіх видів московського імперіялізму, а зокрема проти большевизму, що довів національно-політичний, релігійний, культурний, соціальний і господарський гніт до крайніх меж.

II

Несемо новий лад Східній Європі й підмосковській Азії.

Несемо всім поневоленим Москвою народам свободу творити власне життя на рідній землі по своїй вольній волі.

III

Кличемо всі народи, поневолені Москвою, повстати до боротьби за свою волю і самостійність.

Лише повне відділення від Москви й повне державне усамостійнення поневолених Москвою народів Європи та Азії і свобідна співпраця між ними доведе їх до всебічного розвитку.

Кличемо революціонерів усіх народів, поневолених Москвою, до одного спільного визвольного фронту, до спільної боротьби та до дружної співпраці з українськими революціонерами-націоналістами.

Кличемо всіх українців, що живуть на землях інших народів, поневолених Москвою, – будити серед тих народів змагання до власної самостійности, пома-

гати їм всіми силами у визвольній боротьбі та організувати всюди один спільний революційний фронт проти Москви – за волю і самостійність народів та свободу людини.

Україна є правдивим союзником усіх поневолених і загрожених Москвою народів та допоможе їм визволитися і збудувати свої самостійні держави.

IV

Кличемо всіх українців, де вони не жили б, ставати у бойові лави фронту Української Національної Революції, яку веде **Організація Українських Націоналістів (ОУН) під проводом Степана Бандери.**

Кличемо вояків усіх бувших українських армій,

Кличемо усіх козаків, стрільців, запорожців і гайдамаків,

Кличемо усіх українських повстанців,

Кличемо усіх українських політв'язнів і засланців,

Кличемо членів і прихильників усіх українських підпільних організацій, бувших і теперишніх – Центрального Повстаньчого Комітету, Центрального Повстаньчого Козацького Комітету, Вільного Козацтва, Спілки Визволення України (СВУ), Спілки Української Молоді (СУМ), Українського Національного Центру, Української Військової Організації (УВО), Української Воєнної організації (УВО) та всіх інших організацій і гуртів.

Кличемо всіх Шумськістів, Хвильовистів, УКАПістів,

Кличемо всіх українських комуністів, членів і прихильників націоналістичної опозиції,

Кличемо всіх українських комсомольців – націоналістів,

Кличемо членів і прихильників усіх бувших українських партій,

Кличемо всіх українців-самостійників станути в одному революційному фронті до боротьби за самостійність і соборність України та за самостійність усіх народів, поневолених Москвою, – яку організує й веде ОУН під проводом Степана Бандери.

V

Творимо в Україні один спільний фронт боротьби всіх селян, робітників і трудової інтелігенції проти московсько-більшовицького гніту й визиску.

За свою владу, за землю, за людське життя, за свою Самостійну Державу.

VI

Боремося:

проти крайнього пониження людини в її праці та в її хаті,

проти ограблення її з усякої радости життя,

проти поголовного ожебрачування громадян,

проти колгоспів і проти повороту поміщиків,

проти обтяжування жінок найтяжчими обов'язками під брехливою заслоною «урівноправлення»,

проти злочинного оглуплювання дітей і молоді брехливою більшовицькою «наукою», газетою, радіом, театром, мітингами та всією безтолоковою агіткою сталінського режиму.

Боремося:
за гідність і свободу людини,
за право визнавати явно свої переконання,
за свободу всіх віроісповідань,
за повну свободу совісти.

VII

Боремося:
проти тиранії і терору більшовицької кліки,
проти жахливого режиму НКВД у колгоспах, фабриках, заводах, армії, флоті, партії, комсомолі, школі і хаті.
Боремося:
за право працюючих виявляти відкрито свої політичні переконання словом і друком, відбувати прилюдні збори та творити свої політичні, громадські та професійні організації.

VIII

Боремося:
проти економічного визискування України та всіх поневолених Москвою народів,
Боремося проти колгоспів, котрі є найстрашнішою системою кольоніяльного визиску,
Боремося проти невільництва у фабриках і заводах,
проти ограблюванняą громадян із злиденних здобутків важкої праці,
проти насильного виселювання з рідної землі.
Боремося за те, щоб кожний поневолений Москвою нарід міг вповні користуватися багацтвами своєї землі та здобутками щоденної праці.
Боремося під кличем: уся земля селянам, без колгоспів і без поміщиків.
Боремося за те, щоб у Самостійній Українській Державі кожний селянин був самостійним заможним господарем, кожний робітник власником своєї праці, кожний громадянин вільною людиною.

X

Боремося за те, щоб Український народ став повним, незалежним господарем своєї землі і щоб увійшов у велику сім'ю вільних, державних народів світу.
Встане Україна і розвіє тьму неволі!
Через повний розвал московської імперії, шляхом Української Націоналістичної Революції та збройних повстань усіх поневолених народів здобудемо Українську Державу та визволимо поневолені Москвою народи.
Валіть московську тюрму народів!
Свобода всім поневоленим!
Воля і Самостійність України – смерть Москві.

Постій, 1940 р.
Провід Організації Українських Націоналістів.

Центральний державний архів громадських організацій України (ЦДАГОУ). – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 931. – Арк. 161–164.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 61–63.

№ 49

1941. – Квітень. – Із постанови Другого Великого Збору Організації українських націоналістів

Ідея Суверенної Соборної Української Держави стала в нашому столітті основою українського світогляду та нового політичного руху, руху націоналістичного, що в вогні боротьби проти наїзників, оформився в окрему політичну організацію – в Організацію Українських Націоналістів.

Перші почини надати Українському націоналістичному рухові організованих форм сягають 1900 року, коли то Микола Міхновський почав на Лівобережній Україні закладати перші націоналістичні гуртки для боротьби за державно-політичне визволення України з-під ярма царської Росії. Націоналістичні гуртки Міхновського були передвісниками організованої національної сили.

Основи для націоналістично-визвольної організації поклав після упадку Української Держави 1920 року полк. Євген Коновалець, створивши й розбудувавши «Українську Військову Організацію» (УВО), а згодом в 1929 році на І Конгресі Українських Націоналістів – покликавши до життя ширшу організацію – Організацію Українських Націоналістів (ОУН).

ОУН розширила революційну акцію на всі українські землі та повела боротьбу проти всіх наїзників, зокрема на Західних Українських Землях. ОУН, за поміччю широкої організаційної сітки, вела всі масові та всі одиничні протипольські, а після упадку Польщі – протимосковські акції. Основні відмінності умовин революційної праці на Східно-Українських Землях не дали змоги досягти Організації того роду зовнішньо-політичних успіхів, які здобула ОУН з Польщею. Так само на українських землях під румунською займанщиною, головна увага Організації була відведена справі творення та вкорінювання організаційної сітки. На Закарпатті ділом ОУН була боротьба за Українську Державу, акт проголошення самостійности в 1939 р. й сама збройна оборона перед мадярськими наїзниками.

Визвольно-революційну боротьбу за визволення всіх українських земель і за з’єднання їх в одну Соборну й Незалежну Державу вела ОУН, спираючись на власні сили українського народу, відкинувши в принципі орієнтацію на чужі сили, а зокрема на історичних ворогів України.

Наслідком того було, що на різних місцях широкої української землі, у різних роках нерівної боротьби обеззброєного українського народу з перевагою різнонаціональних ворожих сил росло й кріпшало одне, незламне й невмируще бажання: здобути власним трудом владу на своїй землі.

За 20 років визвольно-революційної боротьби українського націоналістичного підпілля ота свідомість стала власністю широких шарів українського народу. Чужинецьке панування в усій основі підтвердило правдивість націоналістичного твердження, що українцеві нема життя без власної держави: «Здобудеш Українську Державу, або згинеш у боротьбі за неї».

Другий успіх нашої дотеперішньої революційної боротьби проти чотирьох держав-окупантів – це зорганізування реальної людської сили, готової й придатної до боротьби за цілі українського націоналізму. Серед успіхів і невдач революційної боротьби проти ворогів України, в ворожих тюрмах і в партизанських лісах, по містах і селах України виростало, гартувалося й набирало бойового досвіду нове покоління

українських націоналістів-революціонерів. Воно вийшло тепер на чоло визвольно-політичного руху цілого українського народу, як єдина політична організація, що за всяких умовин незмінно несе свої бойові прапори. Шлях боротьби й політичні напрямні революційно-визвольної акції для тих націоналістичних залог українського підпілля визначує найвища установа ОУН – Великий Збір ОУН.

Перший Великий Збір відбувся 1929 р. Він покликав до життя Організацію Українських Націоналістів на чолі з полк. Є. Коновальцем і в своїх постановах означив загальні світоглядові заложення, політичні напрямні та устроєві форми ОУН.

Другий Великий Збір відбувся 12 років пізніше в 1941 р. За той час ОУН стала поважним, а то й керівним чинником у визвольній боротьбі українського народу, перетривавши переможньо всі скажені заходи ворогів стерти Організацію з лиця землі. Найтяжчим ударом, що його зазнала в тому часі Організація Українських Націоналістів, була смерть вождя ОУН, полк. Є. Коновальця з руки агента Москви в 1938 році напередодні вирішальних для України подій. Цей удар викликав глибоке стрясення та спричинив різні внутрішні ускладнення в ОУН, але сили Організації не знищив і не послабив. У третю річницю смерти Вождя сили ОУН вже многократно більші, як за його життя. На місце поляглих сотень стали тисячі.

Останні роки принесли основну зміну політичного положення українського народу й започаткували далекосяжні переміни на українських землях.

Упадок польської держави й румунської окупації на Західних і Південно-Західних Українських Землях і включення їх у тимчасовий склад СССР та загорнення Закарпатської України Мадярщиною з одного боку, а з другого європейська війна наполеонського масштабу, нечувано швидка й далекосяжна зміна політичного обличчя цілого європейського континенту, а зокрема безпосередня близькість вирішальних для долі України кінцевих днів війни – ось загально-політичні причини, що створили невідкладну потребу скликати II Великий Збір ОУН, провірити дотеперішні політичні позиції Організації Українських Націоналістів, вирішити й устійнити напрямні визвольної політики в обличчі грядущих подій та достосовувати методи й тактику боротьби до нової зміненої політичної ситуації.

II Великий Збір в 1941 р. являється на шляху нашої боротьби започаткуванням нового етапу дороги до тих же самих найвищих і незмінних ідей українського націоналізму, що за них боролись ми ввесь час. Другий етап боротьби не значить заперечення першого й перекреслення першого. Це дальший конечний ступінь вперед. Без досвіду минулої боротьби він не був би можливий. Нове політичне положення, відмінності умовин революційної праці й далекосяглі наслідки нашої роботи вимагають політичного дозброєння й найдоцільнішої тактики боротьби. Під кутом тих вимог II Великий Збір ОУН виносить свої постанови.

Програмові постанови

1. Організація Українських Націоналістів визнає, що боротьба за силу й добро української нації є основою нашого світогляду; всесторонній розріст, сила, здоров'я й добробут українського народу – це наша найвища ціль.

2. Тільки вповні Суверенна Українська Держава може забезпечити українському народові свобідне життя й повний всесторонній розвиток усіх його сил.

3. Тільки шляхом революційної боротьби з наїзниками здобуде український народ свою державу.

4. Тільки справедливий, націоналістичний суспільний лад буде основою сили Української Держави й основою вільного життя всього народу.

Тому Організація Українських Націоналістів бореться:

1. За Суверенну Соборну Українську Державу, за владу українського народу на українській землі.

2. За Організацію Української Держави на основах сильної влади, сильної національної армії й фльоти та одної політичної організації провідного національного активу.

3. За плянову організацію цілого господарського й суспільного життя на таких основах:

а) рівність усіх українців у правах і обов'язках супроти нації й держави;

б) поділ на рівні заняття й фахи та відповідно до цього виробничі й професійні організації, побудовані на засаді продукційного солідаризму й рівноправности всіх працюючих;

в) власником усієї землі й вод, підземних і надземних багатств, промислу й шляхів комунікації – є сам Український Народ і його держава;

г) українська земля українським селянам, фабрики й заводи українським робітникам, український хліб – українському народові, вільна ініціятива вільних людей;

загальне й повне право власности на продукти своєї праці; обмежене приватне, кооперативне й спілкове право власности на господарювання землею й верстатами для тих, які в них працюють;

державна власність важкого промислу й транспорту; вільна торгівля нижчих ступнів;

законне обмеження зисків, усунення всякої спекуляції та самоволі й недбальства в господарці;

інтенсивна розбудова всіх галузей народного господарства, щоб воно стало основою могутности Української Держави;

пов'язання в цілому житті вільної творчої ініціятиви праці й власности громадян – ініціятивою, власністю, організованістю й контролею держави – в одну нерозривну цілість;

д) законна участь робітників у кермі й зисках підприємств, – за кращу працю – краща платня; забезпечення законом найменшої платні за працю, вистарчальної на повне удержання робітника та його рідні; забезпечення здорових умовин праці в копальнях, фабриках, верстатах та всіх місцях праці; забезпечення платних відпусток і заспокоєння всіх потреб здоров'я й культури;

е) загальне й повне забезпечення на старість та в випадках каліцтва й нездібности до праці всіх громадян є основою багатства народу й у першу чергу здібности й праця всіх членів національної спільноти. Тільки праця й її видайність є мірилом вартости кожної одиниці та основою її суспільного становища.

ОУН бореться:

4. За плянову організацію українською державною владою народного здоров'я, розросту й тугости української раси шляхом:

а) загальної, обов'язкової, безплатної лікарської опіки й використання всіх здобутків лікарських наук та лічничих заведень для цілого народу;

б) допомоги багатодітним родинам;

в) опіки й охорони матерів і дітей;

г) піднесення стану народного відживлення, мешкання й рівня цілого життя;

д) плекання фізичного здоров'я народу.

5. За організацію шкільництва на основі загального, безплатного навчання для всієї української молоді й особливого виховання здібнішої дітвори;

за перевиховання цілого українського народу в дусі власних традицій української історії;

за усунення чужих розкладових впливів;

за новий героїчний зміст української культури.

6. За свободу сумління й релігійних культів не противних моральній силі нації й інтересам Української Держави.

7. ОУН бореться проти комуністичного світогляду, проти інтернаціоналізму й капіталізму та проти всіх поглядів і струй, що несуть ослаблення животних сил народу;

ОУН бореться за знищення неволі, за розвал московської тюрми народів, за знищення цілої комуністичної системи, за знищення всіх привілеїв, поділів і різниць на кляси та всіх інших пережитків і пересудів.

8. ОУН бореться за свободу всіх народів, поневолених Москвою та їхнє право на своє власне державне життя.

9. ОУН змагає до з'єднання всіх українців у одному визвольному фронті Української Національної Революції та організовує й творить політично-мілітарну й визвольну силу, здібну перевести збройний зрив, здобути Українську Державу та кермувати нею.

10. ОУН іде в боротьбі за здійснення заповіту Великого Пророка України – Тараса Шевченка, революційним шляхом Коновальця, шляхом Святослава, Володимира Великого, Хмельницького, Міхновського й Петлюри, шляхом боротьби за славу й велич Золотого Тризуба...

Пропагандивні напрямні

І. Загальні означення

1. Основним завданням нашої пропаганди є поширити серед найширших мас Українського Народу ідеї та політичну програму Українського Націоналізму, змобілізувати їх до боротьби за ідеї Української Революції, дати відпір ворожій пропаганді, явному й замаскованому наступові ворожої політики, та приєднати до протимосковської боротьби також позаукраїнські сили.

2. Розгорнення інтенсивної пропагандивної роботи є одним із найважливіших завдань Організації в сучасному стані її боротьби. Цілість пропагандивної роботи мусить бути зцентралізована й узалежнена від політичної тактики Організації.

3. Наша пропаганда, її зміст, методи, тактика й організація ділиться на відділи:

а) пропаганда протибольшевицька для українців в Україні й цілому СССР;

б) пропаганда для українців поза московською займанщиною;

в) пропаганда для поневолених і загрожених Москвою народів;

г) закордонна пропаганда для чужинців.

4. Зосереджувати головну увагу пропаганди на справах для визвольної боротьби найважніших, а не розпорошувати її надмірно на різнородних середовищах, що для справ визвольної боротьби мають значення другорядне.

II. Протимосковська пропаганда

А. Для українців.

1. Основним завданням української революційної пропаганди є поширити ідеї українського націоналізму серед найширших мас українського народу на Україні й усюди, де живуть українці, та зібрати довкола політичної програми Української Національної Революції ввесь актив.

2. Негативне наставлення українських мас проти большевицького режиму змінити моментом ворожого наставлення проти Москви та дати їм позитивну програму національного визволення. Розкладова, протирежимна пропаганда має для справи нашої революції повну вартість, оскільки вона йде в парі з нашими позитивними гаслами.

3. Протидіючи всім місцевим партикуляризмам і загумінковости, скріпляти свідомість, що тільки від долі Києва залежить доля всіх українських земель.

4. Виказати найширшим колам населення слабість кремлівського режиму й можливість його повалення та визволити їх від психози страху, розбуджуючи віру у власну силу народу.

5. Опановуючи всі українські середовища, наша пропаганда мусить звернути особливу увагу на молодь в Червоній Армії й робітництво з огляду на їх ролю й вагу в революційній боротьбі.

Б. Для поневолених Москвою народів.

Наша пропаганда для поневолених Москвою народів, крім протирежимного фронту, мусить рівнож дуже сильно звертатись проти панування Москви, взагалі за національну свідомість кожного народу бути суверенним власником своєї землі й керівником своєї долі, виказуючи спільність інтересів поневолених Москвою народів з Україною в одному фронті боротьби.

В. Для всього населення московської тюрми народів.

Тереном діяння української пропаганди є дальше ціла московська імперія в кожночасних її межах. Серед усіх москалів, обмосковлених елементів поневолених народів та комуністичних низів наша пропаганда звертається передусім проти режиму, виказуючи брак політичної й особистої свободи, економічний та соціяльний гніт, переслідування релігії, шкідливість імперіялізму, облуду інтернаціоналізму, забріханість цілого режиму та панування кремлівської кліки над партією й її прихвоснів над мільйонами громадян. У загальному звертати особливу увагу на Червону Армію й більші промислові осередки.

III. Пропаганда поза московською займанщиною.

1. Пропаганда ОУН поза московською займанщиною мусить бути тісно й нерозривно зв'язана з цілістю визвольної боротьби, яку веде ОУН на українських землях під московською займанщиною.

2. Мобілізувати всі здорові елементи української суспільности довкола боротьби з наїзником і до всесторонньої допомоги нашій революційній боротьбі в Україні під ворожими займанщинами. Пропагувати, як одиноку визвольну концепцію у противагу нереальним надіям, на самочинний розвал большевизму – творення української політичної й мілітарної сили передусім на Українських Землях.

3. Мобілізувати еміграційні елементи інших поневолених Москвою народів до спільної боротьби зі спільним ворогом – Москвою.

4. Здобути в громадянській опінії народів загрожених московським імперіалізмом та в опінії чужинецьких кіл взагалі прихильність для української революції, вказуючи спільність інтересів з нашою боротьбою.

5. Протидіючи протибольшевицькій пропаганді, демаскувати насильницький експлуататорський, антикультурний, протипоступовий, реакційний характер московського імперіялізму взагалі, а большевизму, як його сучасного воплочення, зокрема, між українцями, еміграцією інших поневолених Москвою народів і чужинцями.

6. Демаскувати невірну й тенденційну пропаганду польську, мадярську й іншу, ворожу українській справі.

7. Поборювати українські нереволюційні, опортуністичні, масонські організації, групи й течії, розкривати їх шкідницьку роботу та демаскувати їх всюди, де вони появляться.

8. Демаскувати всі ті групи й течії, які хоч виступають проти сьогоднішнього большевицького режиму, але є в дійсності замаскованими московськими імперіялістами й як такі є ворогами визволення України та поневолених Москвою народів.

9. Головну увагу мусить звернути наша пропаганда на опанування молоді й робітничих осередків.

10. Завданням пропаганди в Закарпатській Україні є: загально-освідомлююча праця, політична пропаганда проти мадярського й московського окупанта та ширення ідей та гасел (зокрема соборницьких).

IV. Окремі постанови

Зовнішні форми, вживані в Організації, не були до цього часу узгіднені в однородний й обов'язуючий спосіб. Вводиться в цьому напрямі деякі точніші устійнення й зміни відносно зовнішніх символів та організаційного привіту.

1. Організацію обов'язує тільки загально-національний Тризуб Володимира Великого в формі, введеній Центральною Радою. Касується звичай вживати Тризуб з мечем, як відзнаки Організації.

2. ОУН уживає свойого окремого організаційного прапору чорної й червоної краски. Уклад і обов'язуючі прапорці будуть ухвалені окремою комісією.

3. Обов'язуючі організаційні свята є: Свято Соборності 22 січня, Свято Героїв Революції дня 23-го травня і день боротьби 31 серпня. Всі інші річниці подій, обходжені членами Організації, є пам'ятковими днями, що не мають загально-обов'язуючого значення на всіх теренах і для всіх членів.

Опубл.: ОУН у світлі постанов Великих Зборів, Конференцій та інших документів з боротьби 1929–1955 рр. Збірник документів. Видання ЗЧ ОУН. – С. 24–30, 40–45;
Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 63–69.

№ 50

1941. – Червня 23. – Телеграма заступника народного комісара внутрішніх військ НКВС СРСР наркомові внутрішніх справ УРСР про негайну евакуацію в'язнів з тюрем західних областей УРСР і маршрути транспортування

ТЕЛЕГРАММА
из Москвы

Киев
Наркому внутренних дел УССР
тов. Сергиенко
23/6-41 год 24 час

Нарком приказал приступить немедленно к эвакуации заключенных из тюрем Западных областей УССР. Для эвакуации заключенных из тюрем НКГБ и НКВД УССР НКПС (Наркомату путей сообщения – *Ред.*) сделано распоряжение начальникам дорог о выделении 778 вагонов. Первое – Львовской дороге четыреста девяносто четыре вагона назначением 35 – Фрунзе Туркестано-Сибирской дороги, 20 – Канск Красноярской, 15 – Ачинск Красноярск, 35 – Ворошиловск Ворошиловской, 35 – Архангельск, 35 – Иваново, 35 – Молотов Пермской, 35 – Новосибирск, 35 – Елец, 35 – Орел, 50 – Саратов, 35 – Калуга, 70 – Златоуст, 24 – Новочеркасск. Второе – Ковельской дороге сто семьдесят шесть вагонов назначением 35 – Вологда, 20 – Омск, 15 – Тюмень, 35 – Нерчинск, 35 — Владимир, 20 – Астрахань, 16 – Камышин. Третье – Кишиневской дороге сто восемь вагонов назначением 35 – Туринск дороги Кагановича скоба тюрьма Нижняя Тура Свердловской области скоба, 35 – Харьков, 38 – Илецк Оренбургской дороги скоба Соль-Илецкая тюрьма скоба весь контингент следует в тюрьмы указанных городов назначении конвоев одновременно дает указание управление конвойных НКВД НР 30/6308/17.

Зам. народного комиссара
внутренних войск НКВД СССР Чернышев

Архів МВС України. – Колекція документів.

Опубл.: Білас Іван. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. – К.: Либідь – Військо України, 1994. – Кн. друга. – С. 225.

№ 51

1941. – Червня 24. – Доповідна начальника тюремного відділення УНКВС у Львівській області начальникові УНКВС у Львівській області про хід «розвантаження тюрем від контрреволюційного, кримінально-політичного елементу»

Совершенно секретно

Начальнику УНКВД по Львовской области
капитану милиции
тов. Дятлову

В соответствии с В[ашими] указаниями, с целью быстрейшей разгрузки тюрем Львовской области от контрреволюционного, уголовно-политического элемента, совместно с Областной Прокуратурой были проверены дела заключенных, по которым было выявлено:

Особо опасные лица, подлежащие расстрелу, по которым было приступлено к приведению приговоров в исполнение, в следующих тюрьмах:

	Подлежало расстрелу	Расстреляно
Тюрьма № 1	1355	924
Тюрьма № 2	471	471
Тюрьма № 4	413	413
ИТОГО:	2239	1808

Отсутствуют данные по тюрьме № 3 Золочева ввиду того, что туда был командирован Оперуполномоченный Тюремного Отделения т. АРСЕЕВ, который в данное время заканчивает там работу. Связь с Золочевым отсутствует.

Продолжаем работу по тюрьме № 1, для чего мобилизованы все необходимые силы, чтобы закончить сегодня эту работу.

Подлежало освобождению из тюрем:

	Подлежало освобождению	Освобождено
Тюрьма № 1	505	320
Тюрьма № 2	31	31
Тюрьма № 4	63	63
ИТОГО:	599	414

Продолжаем работу по освобождению.

Установлены перебежчики, которые по заданиям Следственной части и 2-го Отдела НКГБ будут этапированы в восточные области Союза. Часть из них уже этапирована:

	Наличие перебежчиков	Вывезено
Тюрьма № 1	356	26
Тюрьма № 2	101	35
Тюрьма № 4	128	87
ИТОГО:	585	148

По получении заявки от НКГБ, указанные з/к будут немедленно отправлены.

В тюрьме № 1 имеется еще 350 з/к за уголовные преступления, которые по заключению Прокуратуры освобождению не подлежат, а подлежат оставлению в тюрьмах.

С начала войны в тюрьму № 1 поступают арестованные, которые принимаются без надлежащего оформления, в большинстве по спискам, без указаний мотивов и статей обвинения, в то время, как среди них имеются активные ОУНовцы, шпионы, диверсанты и военнопленные, а также изъятые лица по массовым облавам.

Прошу указаний по существу изложенного.

Начальник тюремного отделения УНКВД по Львовской области
лейтенант государственной безопасности Лерман

«24» июня 1941 г.
г. Львов

Архів МВС України. – Колекція документів.
Опубл.: Білас Іван. Репресивно-каральна система в Україні… – С. 228–229.

№ 52

1941. – Червня 30. – З акта проголошення відновлення Української держави

1. Волею Українського Народу, Організація Українських Націоналістів під проводом Степана Бандери проголошує відновлення Української Держави, за яку поклали свої голови цілі покоління найкращих синів України.

Організація Українських Націоналістів, яка під проводом її творця і вождя Євгена Коновальця вела в останніх десятиліттях кривавого московсько-большевицького поневолення завзяту боротьбу за свободу, взиває увесь український народ не скласти зброї так довго, доки на всіх українських землях не буде створена Суверенна Українська Влада.

Суверенна Українська Влада запевнить Українському Народові лад і порядок, всесторонній розвиток усіх його сил та заспокоєння його потреб.

2. На західніх землях України твориться Українська Влада, – яка підпорядкується Українському Національному Урядові, що створиться у столиці України – Києві.

Українська національно-революційна Армія, що твориться на Українській Землі, боротиметься далі проти московської окупації за Суверенну Соборну Державу і новий справедливий лад у цілому світі.

Хай живе Суверенна Соборна Українська Держава!

Хай живе Організація Українських Націоналістів!

Хай живе провідник Організації Українських Націоналістів – Степан Бандера!

Льва-город,
дня 30 червня 1941 р., год. 20.00.
Голова Національних Зборів Ярослав Стецько в. р.

Опубл.: ОУН в світлі постанов Великих Зборів, Конференцій…. – С. 57–58;
Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 68–69.

№ 53

1941. – Липня 1. – Пастирський лист митрополита Андрея Шептицького до українського народу

З волі всемогучого й всемилостивого Бога в Тройці Єдиного зачалася нова епоха в житті Державної Соборної Самостійної України.

Народні Збори, що відбулися вчорашнього дня, ствердили й проголосили ту Історичну Подію.

Повідомляючи Тебе, Український Народе, про таке вислухання наших благальних молитов, взиваю Тебе до вияву вдячности для Всевишнього, вірности для Його Церкви і послуху для влади.

Воєнні часи вимагатимуть ще многих жертв, але діло, розпочате в ім'я Боже і з Божою благодаттю, буде доведене до успішного кінця.

Жертви, яких потреба конечно для осягнення нашої цілі, полягатимуть передусім на послушному піддаванні справедливим наказам влади, не противним Божим законам.

Український народ мусить у цій Історичній Хвилині показати, що має досить почуття авторитету й життєвої сили, щоби заслужити на таке положення серед народів Европи, в якім міг би розвинути усі Богом собі дані сили.

Карністю, солідарністю, совісним сповненням обов'язків, докажіть, що ви дозрілі до Державного Життя.

Установленній владі віддаємо належний послух. Узнаємо Головою Державного Правління України пана Ярослава Стецька.

Від Уряду Ним покликаного до життя очікуємо мудрого, справедливого проводу та заряджень, які узгляднили б потреби й добро всіх замешкуючих наш край Громадян, без огляду на це, до якого віроісповідання, народности й суспільної верстви належать. Бог нехай благословить усі Твої праці, Український Народе, і нехай дасть усім нашим Провідникам Святу Мудрість з Неба.

Дано у Львові при Арх. Храмі Св. Юра, І.VII.1941 р.
+ Андрей

Опубл.: ОУН в світлі постанов Великих Зборів, Конференцій… – С. 58–59; Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 69.

№ 54

1941. – Липня 4. – Доповідна заступника народного комісара внутрішніх справ СРСР і начальника тюремного управління НКВС СРСР народному комісарові внутрішніх справ СРСР з пропозиціями щодо порядку «розвантаження тюрем» прифронтової смуги

Совершенно секретно

Народному комиссару внутренних дел СССР
тов. Берия

Дальнейший вывоз заключенных из тюрем прифронтовой полосы, как вновь арестованных после проведенной эвакуации тюрем, так и в порядке расширения зоны эвакуации, считаем нецелесообразным, ввиду крайнего переполнения тыловых тюрем.

Необходимо предоставить начальникам УНКГБ и УНКВД (совместно), в каждом отдельном случае, по согласованию с военным командованием решать вопрос о разгрузке тюрьмы от заключенных в следующем порядке:

1. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага.

2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т.п. особо опасных – освобождать.

3. Всех осужденных по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 26.6, 10.8 и 28.12 – 1940 г. и 9.4 с.г., а также тех осужденных за бытовые, служебные и другие маловажные преступления, или подследственных по делам о таких преступлениях, которые не являются социально опасными, использовать организованно на работах оборонного характера по указанию военного командования, с досрочным освобождением в момент эвакуации охраны тюрьмы.

4. Ко всем остальным заключенным (в том числе дезертирам) применять ВМН – расстрел.

Просим Ваших указаний.

Зам. Народного Комиссара внутренних дел СССР Чернышов
Начальник тюремного управления Никольский
«4» июля 1941 г.

ГАРФ. – Ф. 9413. – Оп. 16. – Спр. 9. – Арк. 66–67.
Опубл.: Білас Іван. Репресивно-каральна система в Україні… – С. 231.

№ 55

1941. – Липня 5. – Телеграма начальника тюремного управління НКВС УРСР народному комісарові внутрішніх справ УРСР про евакуацію тюрем західних областей УРСР

Сов. секретно

Народному комиссару внутренних дел УССР
старшему майору государственной безопасности
тов. Сергиенко
г. Киев

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
«Об эвакуации тюрем западных областей СССР»

Львовская область

Подготовительная работа к эвакуации и сама эвакуация тюрем началась с 22 июня с.г. В 4-х тюрьмах содержалось 5424 заключенных. В первый же день вторжения

немцев в СССР в тюрьмах были исполнены приговора по отношению к 108 заключенным, осужденным к ВМН.

...тюрьмами Львовской области было расстреляно 2464 заключенных...

Все расстрелянные заключенные погребены в ямах, вырытых в подвалах тюрем, в гор. Золочеве – в саду....

Дрогобычская область

В двух тюрьмах гор. Самбор и Стрый (сведений о тюрьме в гор. Перемышль не имеем) – содержалось 2242 заключенных. Во время эвакуации расстреляно по обеим тюрьмам 1101 заключенных...

27 июня при эвакуации в тюрьме гор. Самбор осталось 80 незарытых трупов, на просьбы начальника тюрьмы к руководству Горотдела НКГБ и НКВД оказать ему помощь в зарытии трупов – они ответили категорическим отказом.

Из 143 человек личного состава прибыло – 44 человека. 7 человек конвоируют заключенных.

В тюрьме гор. Самбор – надзиратель Либман при эвакуации застрелился. 3 работника из числа обслуживающего персонала (местные жители) остались в гор. Самборе. Надзиратель Савкун дезертировал.

В тюрьме гор. Стрый – 3 человека из местных жителей остались в городе. Об остальных сведений нет.

...По всем тюрьмам западных областей УССР только личный состав тюрем приводил приговоры в исполнение и никакой помощи со стороны НКГБ не было оказано.

Начальник тюремного управления НКВД УССР
капитан госбезопасности Филиппов

№ с/85447
5 июля 1941 г.
г. Киев

Архів МВС України. – Колекція документів.
Опубл.: Білас І. Репресивно-каральна система в Україні… – Кн. 2. – С. 242–245.

№ 56

1941. – Липня 5. – Промова голови Української національної ради д-ра В. Пацлавського, виголошена у Дрогобичі на похоронах жертв більшовицького терору

Громадяни! Від імені Української Національної Ради міста Дрогобича як первинного органу Української Держави приходиться мені прощати тлінні останки наших найдорожчих мучеників, закатованих кровожадною більшовицькою зграєю. Золотий промінь національної волі, що нам засіяв, вкрила чорна хмара суму й жалю. Радісний гомін звільнених рабів пронизує зойк і плач тих, яким пощастило пережити страхіття большевизму.

Жінки і діти оплакують своїх мужів і батьків, мужі своїх жінок, батьки своїх дітей. Всі вони, без винятку, духовні чи світські, мужчини чи жінки, старі чи молоді, стали неповинними жертвами рафінованих тортур і мученичої смерті тільки за те, що не були приналежні до осатанілої більшовицької банди, що були чесними українцями. Немає слів, щоб описати усі страхіття, яких допускалась «чрезвичайка». Подробиці збираємо і будемо збирати, як цінний матеріял до історії мартирольогії українського народу. Нехай наші грядучі покоління пізнають усю підлу мерзоту панування тих, хто називав себе захисником працюючого народу. Збираємо також матеріали більшовицького гнізда, т. зв. НКВД, для викриття ганебних імен тих, що видавали наших людей на муки. Як дисципліновані громадяни української держави передамо винних кровопролиття судовим органам для належного їх покарання. Українські державні органи не спічнуть, поки всі винні не будуть викриті і строго покарані.

Громадяни! Кров неповинних мучеників кличе до неба по пімсту. І пімста буде. Буде кривава. Поллються ще ріки крови. Та наша лють, наше обурення хай спрямовується не проти сліпого меча, а проти руки, що ним керувала і керує. Рука в Кремлі. Там її треба досягнути і відрубати раз назавжди. Треба знищити ту стоголову гидру, що зроджена з божевілля, устами, намазаними медом, одурманювала народи брехливими кличами, щоб лиш закабалити людей у нечуване в історії кріпацтво.

Ми зазнали важких втрат. В одному Дрогобичі стільки заплаканих по втраті найдорожчих, але треба нам приготуватися до нових жертв. Могутня союзна німецька армія прогнала більшовицьку орду, викінчити її є нашим обов’язком. Треба вступати в ряди українського війська і боротись до загину, звільнити цілу Україну. Під більшовиками не жити українському народові. Волю треба здобувати. Настав слушний час. Кожний думай, що на тобі міліонів стан стоїть, що за долю міліонів маєш дати ти одвіт. Настав слушний час організувати українську армію. Твердо віримо, що всі ми, хто тільки здатний носити зброю, вступимо в її ряди. В той спосіб пімстимо найкраще за неповинну смерть мучеників, котрим віддаємо нині останню пошану. Дисципліною, ладом і порядком, муравлиною працею над відновою знищеного нашого громадянського життя покажемося гідними тих, кого кладемо на вічний спочинок.

А тепер до Вас моє останнє слово, до Вас, наші герої, до Вас, закатовані мученики. Ви перейшли важку Голгофу. Та Ваша кров не пішла на марне. Ви стали передвісниками Воскресіння. Ідіть перед престол Всевишнього як свідки нашої слушної справи, як чисті святі духи, що своїм терпінням поклали кінець нашим мукам. Віримо, що ваше мучеництво буде останнім в історії українського народу.

Хай українська земля, яку ви так любили, буде Вам легкою!

Спіть, герої, спіть,
про волю України сніть!

Опубл.: Вільне слово. – Дрогобич, 1941. – № 1. – 5 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 32–36.

№ 57

1941. – Липня 5. – Із доповідної записки начальника УНКВС УРСР народному комісару НКВС УРСР про евакуацію в'язниць західних областей України

Сов. секретно

Народному комиссару внутренних дел УССР
старшему майору государственной безопасности тов. Сергиенко

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
«Об эвакуации тюрем западных областей СССР»

Львовская область

Подготовительная работа к эвакуации и сама эвакуация тюрем началась с 22 июня с.г. В 4-х тюрьмах содержалось 5424 заключенных. В первый же день вторжения немцев в СССР в тюрьмах были исполнены приговора по отношению к 108 заключенным, осужденным к высшей мере наказания.

Согласно поступивших указаний от УНКГБ о том, чтобы по списку, утвержденному прокурором, всех следственных и осужденных за контрреволюционные преступления, по ст. 170 УК, по закону от 7 августа и лиц, совершивших большие растраты, расстрелять, а следственных и осужденных, не проходящих по этим ст. УК, – освобождать, тюрьмами Львовской области было расстреляно – 2464 заключенных, освобождено – 808 заключенных, вывезено перебежчиков – 201 заключенный и оставлено в тюрьмах – 1546 заключенных, причем в тюрьме № 1 оставлено – 1366 человек, в тюрьме № 2 – 66 человек заключенных и в тюрьме № 4 – 114 человек заключенных. Главным образом обвиняемые за бытовые преступления.

Следует отметить, что 23 июня по указанию штаба гор. Львова весь личный состав совместно с конвойной ротой, несший наружную охрану тюрьмы, покинули город и позже возвратились. За время отсутствия охраны сбежало из тюрьмы № 1 около 300 заключенных, в основном уголовный элемент.

Все расстрелянные заключенные погребены в ямах, вырытых в подвалах тюрем, в гор. Золочеве – в саду.

Все документы и архивы в тюрьмах сожжены, за исключением журналов по учету заключенных, картотек и учета ценностей. Все эти документы прибыли в гор. Киев.

На тюрьму гор. Золочев было совершено несколько налетов ОУНовской банды. Личным составом эти банды были отбиты.

Из 106 человек личного состава тюрьмы № 1 – прибыло в г. Проскуров – 79 человек; из 43 человек личного состава тюрьмы № 2 – прибыло 41 человек; из 42 человек тюрьмы № 4 – прибыло 32 человека.

С тюрьмы гор. Золочев весь личный состав прибыл. При отступлении с гор. Львова убит зав. складом тюрьмы № 4 Литуновский и ранены – 2 надзирателя с тюрьмы № 1. Остальной личный состав – 37 человек, пока неизвестно где находятся [...].

Начальник тюремного упр[авления] НКВД
капитан госбезопасности Филиппов

№ с/85447
5 июля 1941 г.
г. Киев

Архів МВС України. – Колекція документів.
Опубл.: Білас Іван. Репресивно-каральна система в Україні… – С. 242–243.

№ 58
1941. – Липня 5. – Кореспонденція «У львівських тюрмах НКВД»

Ні людською мовою, ні письмом ніхто не в силі зобразити тих страхіть і тортур, що перетерпіли загинувші многочисленні жертви большевицького НКВД. Це можна тільки пережити, це треба було бачити. Точного числа і прізвищ закатованих жертв ще не знаємо. Поки що подаємо тільки перші, на швидку руку зібрані, відомості про тих, хто загинув у казематах львівських тюрем НКВД.

В тюрмі при вул. Сапіги і Лонцького знайдено в келіях стоси кількасот постріляних і змасакрованих трупів мужчин, жінок і дітей. Малу частину з них родини розпізнали і поховали, решту поховано у збірних могилах, тіла були вже так розложені, що годі їх було вже розпізнати. Ці жертви люди оглядали вже в суботу 29 і в неділю 30 червня, тобто ще перед приходом німецької армії, коли через Львів проходили вже нечисленні останні частини совєтської армії, і коли львов'яни порозбивали тюрми. Крім цього, на подвір'ї тюрми при вул. Лонцького і Сапіги були закопані на великому просторі трупи, число їх невідоме.

В тюрмі при вул. Замарстинівській добули 36 трупів, а решта, біля 600, як ствердила комісія, лежать ще у пивницях, верствою, висотою до 2-х метрів. Тіла в такому стані розкладу, що їх не можна вже повитягати, тому комісія казала їх там замурувати.

В тюрмі «Бригідки» при вул. Казимирівській кількість трупів невідома. Тільки на подвір'ї земля свіжо зрушена на великому просторі, де теж, мабуть, лежать маси трупів.

Велику кількість людей розстріляно на Повиставовій площі. Шофер, який впродовж цілої ночі возив туди з Бригідок в'язнів, подав, що там вбито понад триста людей. Повідомляють теж про розстріли в Білгорському лісі.

Нижче подається низка імен, розстріляних енкаведистами у Львові людей, родини яких відшукали між убитими своїх родичів і про смерть яких появилися клепсидри на мурах Львова:

1) Юрій Шухевич, відомий співак (тенор) зі Львова, загинув 27 червня 1941 року; 2) Василь Бень, літ 55, підполковник армії УНР, директор школи ім. Шашкевича, арештований 26 червня ц. р. і цього ж дня розстріляний; 3) Григорій Кухар, магістер прав, літ 29, б. ревізор РСУК, головний бухгалтер Медінституту; 4) Євстахій Струк, 32 роки, б. пластун, директор Медінституту; 5) Михайло Лизунець, 43 років, стрілець УСС, старшина УГА, бухгалтер Медінституту; 6) інж. Василь Геник-Березовський, науковий працівник етнографічного інституту; 7) м-р Данило Костецький, 35 років; 8) Орест Фільварків, член ОУН; 9) студ. мед. Іван Савка, 25 років; 10) Ольга Балицька,

26 років, урядничка; 11) Теодор Мацько, студ. мед., 12) Степан Масний, студ. мед., 19 років.

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 1. – 5 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 35–36.

№ 59

1941. – Липня 5. – Кореспонденція «Мучеництво українського духовенства»

У перших днях після визволення наших земель з-під большевицької влади важко ще зібрати усі відомости про те, скільки наших громадян перебувало в большевицьких тюрмах та що з ними в кінці сталося. Гадаємо, що при допомозі громадянства удасться ці відомості зібрати для використання на сторінках нашого часопису.

...Подаємо список українських священиків, що до останнього часу перебували, а то й погинули у тюрмах НКВД.

Арештовані в 1939 р.:

1. о. Йосиф Яримович, парох Настасова, 2. о. Станимір, завідатель Прошови (оба арештовані 26 грудня 1939 р. і по 40 днях випущені на волю), 3. о. Степан Хабурський, парох Кудинович, 4. о. Микола Іванчук, парох Іванчан (в грудні 1939 р. засуджений на 6 літ в'язниці).

Арештовані в 1940 р.: 5. о. Степан Книш, парох в Нивиці, 6. о. Йосиф Яворський, парох у Ляшкові, 7. о. Володимир Харина, парох Знесіння коло Львова, 8. о. Максим Коверко, парох у Бродках, 9. о. Роман Берест, парох у Бишках, 10. о. Йосиф Бучинський, парох у Мишковичах, 11. о. Іван Ждан, сотрудник при Волоській церкві у Львові, 12. о. Віктор Цебровський, парох у Кутах, 13. о. Теодор Чаниш, парох у Вибранівці, 14. о. Йосиф Грицай, парох у Чернихові, 15. о. Іван Татаринський, 16. о. Маріян Фарміга, 17. о. Зенон Ковалик, чина Редемптористів, 18. о. Микола Притуляк, катехит у Сколім, 19. о. Мирон Прийма, катехит у Львові, 20. о. Петро Пастух, парох у Куропатниках, 21. о. Микола Косович, парох у Бишках, 22. о. Перетятко Михайло, ігумен чина Редемптористів, 23. о. Маріян Кашуба, парох у Дубівцях, 24. о. Осип Леміщук, парох Славська, 25. о. Іван Балук, парох Васючина, 26. о. Тимотей Ковалюк, парох Скнилова, 27. о. Аполлінарій Осадца, парох Литвинова, 28. о. Петро Кордуба, парох у Містках, 29. о. Василь Матвієйко, парох у Гумниськах, 30. о. Володимир Бабій, парох у Пустомитах, 31. о. Андрій Бандера, парох Тростянця, 32. о. Іван Прокопчук, парох Вербівчика.

Доля їх невідома.

Зате напевно знаємо, що згинули на стійці або у в'язницях: 1. о. д-р Андрій Іщак, 2. о. Олексій Боднар, 3. о. Микола Конрад, 4. о. Ярослав Чемеринський, а з наведених вгорі арештованих священиків згинули о. Іван Ждан та о. Володимир Харина.

Цей список більш як певно неповний і його доведеться доповнювати. Разом з усім українським народом українське духовенство пройшло за неповні два роки большевицької влади на наших землях хресну дорогу, що зробили його ще ближчим для українських мас.

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 1. – 5 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 33–34.

№ 60
1941. – Липня 10. – Кореспонденція «Як шаліли червоні в Самборі»

Замучили коло 1200 жертв. – Тюрму з жінками висадили в повітря. – В крові й одчайдушності родиться воля...

ЛЮДИНА НЕ З ТОГО СВІТУ

В нашій редакції з'явилася людина, з обличчя якої ще тепер пробивалось якесь несамовите психічне потрясіння. Вона представилася нам, показала свої документи й уривчасто та безладно почала розказувати ось що:

Я українець, інженер. За совєтської влади був надлісничим у Самборі. Органи НКВД арештували мене на початку лютого 1941 р., і я сидів у самбірській тюрмі до 27 червня ц. р. Того дня разом з іншими в'язнями ми виламали тюремні двері і не знаю, яким чудом спаслись від майже неминучої смерті. Розкажу вам про те, що ми бачили і пережили в самбірській тюрмі під час останніх днів червоної влади. Пробачте, розказую хаотично й уривчасто, але я стільки пережив і тепер в такому психічному стані, що не в силі як слід все це представити. Зроблю це пізніше. А поки що слухайте і передайте це загалові до відома.

В самбірській тюрмі було понад 5000 людей, майже самі українці і деякий відсоток поляків. Давніше, перед вибухом німецько-совєтської війни, в'язнів частинно кудись забирали. Вони вже більше не вертались. Ми переконані, що їх порозстрілювали, бо українсько-німецька комісія ствердила, що в пивницях тюрми були закопані вже від кількох місяців людські трупи.

ПОЧИНАЄТЬСЯ КРОВАВИЙ ТАНЕЦЬ...

Почалось це у четвер 26 червня. Енкаведисти підложили динаміт під жіночий відділ тюрми з 2-ох камер і висадили його в повітря. Там сиділо близько 30 жінок. Всі вони загинули. Ніч з четверга на п'ятницю (26–27 червня) пройшла «спокійно». Викликали тільки поодиноких людей, які вже не вертались...

В п'ятницю 27 червня о пів на п'яту почалася на тюремному подвір'ї страшна стрілянина і масакрування людей. Повітря роздирали стріли та несамовиті зойки і благання: «Рятуйте, пощадіть!» З 13-ої «а» камери, вікна якої виходили на подвір'я, в'язні почали кричати: «На подвір'ї стріляють людей!»

РОЗБИВАЙТЕ ТЮРМУ!

Наша, 13-та камера у відповідь закричала: «Розбивайте тюрму! В місті вже є німці!» Півхвилини опісля надлюдським зусиллям ми розбили двері нашої камери і вибігли в коридор. Тут було вже півсотні людей з інших камер. Упродовж 10–15 хв. в коридорах зібралося до 2000 людей. Були й такі, що боялися виходити з камер. Щоб мати чим боронитись, ми почали ламати водопровідні рури. Інші лупали гзимси і брали в руки цегли, а також «кіблі». Так «озброєні» випихаємось на тюремне подвір'я. Навпроти нас націлені скоростріли. А ми – хто з залізом у руках, хто з дошками, хто з цеглами – напираємо на енкаведистів, озброєних до зубів. Зацокотіли скоростріли. Падуть підкошені кулями в'язні. Людська струя пливе все ж таки далі. Силою своєї одчайдушної маси ми виперли озброєних до зубів енкаведистів з першого подвір'я.

Одначе, тюрма, як цілість, все ще була окружена енкаведистами, які кидали ручні гранати у в'язнів. Розшматовані людські тіла...

Частина в'язнів, незважаючи на бомбардування, розбиває другі залізні двері і вдирається на друге подвір'я. Тут розбиває вона залізну браму в мурі і вибігає в напрямі млинівки.

Друга, найбільша група, в якій був і я, виламлює залізні двері на головне подвір'я і напирає на велику залізну браму тюремної огорожі від вулиці Дрогобицької (тепер І. Франка). Один з в'язнів знайшов ключ від брами. Відчиняємо і вибігаємо на вулицю. Тут великий рух. Стрімголов відступають червоноармійці, усякі роди зброї.

«СТРЕЛЯЙТЕ ФАШИСТСКУЮ СВОЛОЧ»

Побачивши нас, один з відступаючих, старший лейтенант, дав наказ червоноармійцям: «Бойци! Стреляйте фашістскую сволоч!». Одначе ніхто з червоноармійців не стрілив ні разу, крім того ст. лейтенанта, який почав строчити по нас скорострілом. Впало від цього понад 25 в'язнів.

Ті, що врятувались, вирвались на місто і порозбігались, хто куди. Я сховався у своїх знайомих...

Коли більшовики відступили, окрема комісія тимчасово підрахувала, що в самбірській тюрмі закатовано і розстріляно близько 1200 людей. Люди, шукаючи за свояками і знайомими, складали порозривані гранатами шматки тіла, щоб розпізнати своїх...

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 14. – 10 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 41–42.

№ 61

1941. – Липня 11. – Із кореспонденції «Як шаліли червоні в Самборі» (публікація друга)

250 трупів у пивницях. – Як тортурували в'язнів. – Кого замордували. – Чим кормили в'язнів. – Червоні втікають. – Хто розстрілював.

СТОСИ ТРУПІВ У ПИВНИЦЯХ

Після провірення тюрем нашою комісією знайдено під житловими кімнатами начальника б. Самбірського НКВД, його заступника і дижурних 2 пивниці, повні помордованих і зложених у стос трупів. В одній пивниці було близько 150 свіжих трупів. Деякі лежали там від початку війни (22 червня), в другій було вісімдесят кілька тіл. Частинно раховано по кількости ніг.

ЖАХЛИВИЙ ВИД...

В загородженні тюрми знайдено 25 помордованих і змасакрованих у жахливий спосіб людей. Деякі з них мали в устах шмати і пісок, інші попідрізувані нігті на пальцях рук, пошматовані і повирізувані пояси з лиць, повиколювані очі, повідрізувані носи, повибивані зуби і т. д. У жінок були повідрізувані груди, порозпорювані животи, повиривані жмути волосся, збезчещення... Були теж помордовані діти, понад 50 осіб...

ЩО ЗНАЙДЕНО В КОТЛАХ І ЧИМ КОРМИЛИ В'ЯЗНІВ...

В кухонних котлах тюрми знайдено розварені руки і ноги... Це вказувало б, що в'язнів кормлено людським м'ясом. В'язні, як каже наш оповідач, одержували вже від березня ц. р. якесь підозріле біле м'ясо. Люди не знали, що їдять, але смак того не був похожий на смак м'яса з тварин... В порціях, що одержували в'язні, ніколи не було костей...

ДОПИТИ І КАРЦЕРИ...

Людей брали на допити ночами 3–4 рази в год. 11-й, 12.30, 2-ій і коло 3-ої. Коли в'язень не признавався, давали до карцеру. Карцери – це були камерки 1 м ширини і 1,80 м довжини. Там напускали води і впихали в'язня тільки в білизні. За першим разом, коли в'язень не признавався, вкидали до карцеру, де було тільки 2 цм води. Там перебували в'язні звичайно 5 днів.

Коли ж в'язень все-таки не признавався, то його кидали до камер, де вода була по кістки. І знову держали там 5 днів. З таких камер викликали на допити щодня і знову вкидали туди та погрожували: «Ми маємо ще кращі способи на вас». Коли ж в'язень все таки не признавався, його тортурували: стискали дверми пальці, ламали ребра, підрізували нігті на пальцях рук... аж до закатування на смерть.

ОЧЕВИДЕЦЬ ЗНЕСИЛЕНИЙ... КІНЧИМО

Наш оповідач, розказуючи про всі ті несамовиті події, що хвилини встає, ходить по кімнаті, перериває уривчасте оповідання, протирає чоло, наче щось собі пригадує, відтак каже:

– Я вже не в силі вам далі розказувати, тому кінчу:

– Багато знав я в'язнів, що сиділи зі мною в тюрмі, і дома маю список 56 знайомих, закатованих енкаведистами. Тепер пригадую собі тільки такі прізвища: 1) селянин-швець Горбатий, звідки не пам'ятаю, 2) о. Турський з сином, 3) червоноармієць-українець Князів, якого замучили за те, що перепускав через кордон українців на німецький бік, 4) один кооператор з Самбора, прізвища не пам'ятаю, шатен, років 45–50. В Самборі залишилось тільки троє наших кооператорів, всі інші замордовані.

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 5. – 11 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 44–45.

№ 62

1941. – Липня 11. – Кореспонденція «Ще про українські гекатомби у Львові. Кілька слів про місця масакри нещасних в'язнів»

Скільки невинних людей закатували нелюди з НКВД у Львові за час від 22 до 29 червня ц. р., себто за перший тиждень війни? Скільки нових жертв зложив український Львів на жертівнику Батьківщини і – невже це останні українські жертви нашого багатостраждального княжого города?

В тюрмі при вул. Лонцького–Сапіги закатовано на смерть кілька сотень нашого цвіту. Тільки кільканадцять помасакрованих жертв розпізнала рідня і похоронила на свій кошт в окремих могилах. Решту – цілі сотні, що після стягнення з келій і вико-

пання з трьох великих ям на подвір'ю були зложені впродовж вівтірка (І. VII) і середи (2. VII) довгими рядами на цілому городі тюрми для оглядин – похоронено у збірних могилах на Янівському цвинтарі (на початку цвинтаря від дороги від головного входу ліворуч). Це були в більшости люди з-поза Львова.

Годі устійнити навіть у приближенні число постріляних озвірілими енкаведистами в'язнів у Бригідках. Знаємо, що частина їх, головно жінки, спаслася втечею у хвилині, коли сторожа поховалася перед німецькими бомбами до пивниць і в'язні встигли виломити двері та випустили один більший гурт арештованих на волю. Жінки, що були на переді, добігли щасливо до брами і їм повелося втекти; коли ж уже добігли до брами мужчини, на них посипався град куль проїжджаючих відділів червоноармійців, які завертали в'язнів назад. Арештованих завернули з подвір'я до келій і хто з них не згинув на подвір'ю чи в коридорах, тих постріляли в келіях та підвалах. Після того масакра нещасних запроторених у величезній тюрмі при вул. Казимирівській продовжалася ще довго так, що всіх замучених там на смерть українців можна теж сміливо рахувати на цілі тисячі.

В найгіршому стані були жертви большевицького садизму в тюрмі при вул. Замарстинівській. Там (як зрештою і в тюрмах при вул. Сапіги–Лонцького та в Бригідках) розходився такий сопух від розложених по підвалах і пивницях тіл, що населенню сумежних вулиць грозила поважна небезпека – морової зарази. Аджеж у днях 30.VI і 1–3.VII десятки тисяч львів'ян і німецьких вояків, що були в околицях згаданих трьох тюрем, особливо ж в околиці тюрми на Замарстинові, не могли спокійно зробити кроку вперед: повітря від розложених трупів було таким дошкульним, що всі з хусточками при носі поспішали чимскоріш і як найдалі від тих місць. Лікарсько-санітарна комісія з німців та українців, що оглядала підвали в Замарстинові в масках, відповідних чоботах та спеціяльній одежі, переконалася, що тіла помасакрованих у пивницях в такому розкладі, що їх повитягати вже неможливо (витягнено всього 36 тіл). Решту – яких 600 трупів – так і залишено по підвалах, при чому замуровано щільно всі вікна, двері і виходи.

Поза цими трьома місцями масакри нещасних в'язнів багато їх розстріляно на б. Повиставовій площі (добре знайомий нам шофер подає число вивезених туди впродовж одної ночі в'язнів з Бригідок і там розстріляних та вкинених до вже готової могили на яких триста). Крім цього, говорять про розстріли якихось людей у Білогорському лісі, на мурах Львова є клепсидра абсольвента IV гімназії Плашинського, застріленого енкаведистами в кошарах б. 5 ПАЦ, і т. д. і т. д.

А оскільки найневинніших у світі людей (як ось інж. Іван Свірський) повбивали вистрашені дикуни-червоноармійці з ріжних родів зброї, проїжджаючи містом повних сім днів та стріляючи кожну стрічну людину, кожного, хто вихилив голову з брами чи з вікна, наче горобців!..

Всі дані, факти й цифри, які тільки можемо зібрати про мучеництво українського народу в цих переломових часах, треба публікувати й реєструвати для історії. Нехай не пропадає марно українська кривава слава!

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 5. – 12 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 42–43.

№ 63

1941. – Липня 12. – З кореспонденції «Ще одна тюрма у Львові»

ЩЕ ОДНА ТЮРМА У ЛЬВОВІ

Вираховуючи львівські тюрми, в яких большевики помордували в'язнів, досі не згадувано чомусь докладніше тюрму при вул. Яховича, до якої веде вхід від вул. Казимирівської, ч. 34, і яка мала назву «Тюрма № 4». У цій тюрмі було коло 1000 в'язнів. Були це в'язні, засуджені на короткі і довгі кари (від кількох місяців за «прогули» і т. зв. «бракоробство» аж до 10 років за «політичні злочини»). Було й багато незасуджених, яких слідство уже покінчено та які мали бути адміністраційно заслані, а то й звільнені. В тюрмі було в останніх до війни днях багато українців, м. ін. відомі українські громадяни ред. Михайло Струтинський, дир. Центросоюзу Орест Радловський, дир. ТОП'у Атаманюк та ін.

Коли в понеділок вранці юрба родин ув'язнених увійшла до тюрми, з якої ще в неділю увечері виломилось і вийшло на волю коло 80 в'язнів, мала такий вид: біля входу з вул. Яховича, на загородженому місці подвір'я, де в'язні відбували прохід, була широка, на яких 5–6 м у проріз, ледве присипана могила з застромленим ще у землю рискалем. З могили стирчав лікоть у синій сорочці і бив уже з неї нестерпний сопух.

У в'язничному корпусі всі келії найдено відкритими й закиданими одежею та всякими речами. В келії ч. І було цього цілі гори. По цих горах білизни, штанів, плащів, горшків, коців ходили жінки й чоловіки, ридаючи над кожним розпізнаним предметом.

Купки одежі були теж і в усіх інших келіях, у низу й на двох поверхах. Вони лежали тут малими купками на землі, там, де спав кожний в'язень на голій підлозі. В келіях не було ні сінників, ні стільців, нічого...

В тюрмі ч. 4 не переводжено розкопів трупів, отже, й нікого не розпізнано. Зараз другої днини тюрму замкнено, бо був тоді план прочистити насамперед Бригідки. Коли ж справа в Бригідках затягнулася на цілий тиждень, дотична військова влада вирішила в порозумінні з військовим санітарним відділом замурувати і яму, і пивниці, обіцяючи родинам в'язнів, які усі ці дні вистоювали під тюрмою, що трупів ексгумують зимою до спільної могили, або на місці зроблять свого роду національний мавзолей.

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 6. – 12 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 45–46.

№ 64

1941. – Липня 12. – Кореспонденція «Як масакрували в'язнів у львівській тюрмі при вулиці Лонцького»

Селянин з Жовківщини, що чудом спасся від смерти з тюрми при вул. Сапіги–Лонцького, оповідає: «Я сидів уже три місяці в тюрмі при вул. Сапіги–Лонцького, в келії на ІІ поверсі. Всіх нас було там в останньому часі 8, самі українці: селяни, робітники й інтелігенти. В понеділок, 23 червня ц. р., біля 6-ї год. попол. (7 год. нім. часу), приказали нам негайно зійти вниз з речами. Я і мої товариші з камери опинились у келії в партері, де всіх нас було точно 20 (в'язні з трьох горішніх камер). Також до інших камер у партері стягнули всіх в'язнів з обох горішніх поверхів.

Нараз двері нашої камери отворились, і в них появилися з револьверами в руках сам начальник тюрми при Лонцького, прізвища якого не знаю, і 3 сторожі-енкаведисти. Начальник крикнув до нас: «Ложісь» і став стріляти негайно по нас усіх, а за ним і згадані енкаведисти. Один з них, здається, спочатку не стріляв, бо начальник крикнув до нього: «Стреляй, чево стоїш?» Я впав відрухово один з перших на долівку, на мене повалились тіла моїх постріляних товаришів. Деякі з них не погинули відразу; але ще мучились; більшість, пострілена кількома кулями, померла на місці.

Потім начальник і три енкаведисти перейшли до інших камер на партері і постріляли людей так само, як у нас. Я не був навіть ранений і не стратив ні на хвилину притомности: я обмазав собі все лице кров'ю, що спливала з голови постріленого тов. Маркуся, який упав на мене і, вже вмираючи, мазав мене сам власною кров'ю, аби я міг урятуватись. За якийсь час енкаведисти вернулися знову до нас і віддали ще кілька стрілів до тих нещасних, що рухалися або давали ознаки життя. Потім – все затихло.

За якої пів години я дуже обережно піднявся і розглянувся по коридорі й суміжних камерах: всюди там лежали помасакровані тіла в'язнів, цілі їх стоси, а нікого з енкаведистів не було. Я пробував сховатися спершу на горі, на стриху, але там було замкнено. Тоді я, ввесь окривавлений, але цілий, перебіг одним махом подвір'я і сховався в густих кущах, що ростуть там від вул. Томіцького. Я пробував спуститись на ту вулицю, але по ній ходила весь час сторожа з енкаведистів і я чекав до ночі.

Вночі я також не міг з тих кущів утекти, бо коли тільки обережно виглянув на вулицю, все бачив сторожу. Зрештою я чув і її кроки. Тої пам'ятної для мене ночі бачив я з кущів також, як енкаведисти закопували помасакровані тіла у спеціяльно на ту ціль викопаній ними могилі зараз при вході до тюрми від вул. Лонцького, попри сам мур в'язниці. Деяких, що ще, видно, давали ознаки життя, добивали.

В кущах пересидів я у смертельній тривозі цілу ніч. Я трохи обчистився від крови та обмив лице землею і власною сечею. Була може 4 година рано, як сторожа (пост) пішла на подвір'я: я скористав з тої хвилини, скочив на ринву сусіднього дому, спустився по ній бистро на діл і пішов криваючи попід доми (я звихнув ногу) до недалекого помешкання свого знайомого.

Так я урятувався чудом – один на кілька сот людей – від певної смерти.

Сам я – голова читальні «Просвіти» і працював також в інших установах свого села. Мене знає багато людей в Жовківщині. Як прийду трохи більша до себе, опишу сам докладно свій побут у тюрмі і всі останні страшні переживання».

Хто ще згинув у тюрмі при вул. Сапіги–Лонцького?

Наш співрозмовець, селянин з Жовківщини, подав нам прізвища постріляних в'язнів з його камери, що їх тіла лежали на ньому або поруч нього. Це згаданий вже 1) Маркусь, родом зі Самбора, що був шофером у Львові; 2) Василь Климчук, господар з Поздимира, пов. Сокаль; 3) Михальчук, інтелігент з Мервич, пов. Львів; 4) Юрко Брей і 5) його товариш – оба селяни з Вороцова, пов. Львів (Товариш Бей був низького росту, лице кругле з веснянками); 6) селянський хлопець Гнатович, літ коло 20, з села Парипси, одинак; був сторожем у банку в Немирові; 7) робітник (технік) з ЕКО при вул. Потоцького, 56, якого привели з війська і він погиб у військовому одностою червоноармійця. Літ мав к. 30, був середнього росту, доволі грубий, здоровий, чорнявий.

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 6. – 12 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 47–48.

№ 65
1941. – Липня 12. – З інформації «У тюрмах Дрогобицького НКВД»

...30 червня 1941 р. громадяни міста вдерлися в брами будинку суду, де урядувало НКВД при вул. Стрийській, розбили тюремні льохи та звільнили тих, які ще остали в живих.

1 липня знайдено на подвір'ю судового будинку велику могилу, повну трупів. Зверху могила була закрита вугіллям, щоб не було легко догадатися, де криються мученицькі жертви большевицьких бандитів. Розкопану могилу, в якій найдено велику кількість жертв, на доручення влади закрито для розслідження військово-лікарської комісії. 2 і 3 липня розкопувано могили на жидівському кладовищі. Серед великого числа жертв знайдено тіла чотирьох німецьких летунів та 51 трупа в нелюдський спосіб замордованих людей. Жертви звірської злоби лежали в могилі безладно. Руки вбитих звернені назад та зв'язані дротом або шнурами. Тіла до невпізнання змасакровані. Деякі голови були обкручені шматами і зверху перев'язані шнурами. Серед покатованих можна було побачити лиця без носів, з повідрізуваними губами, без вух тощо. На всіх тілах виднілися червоно-сині плями від сильних побоїв.

Страшна була смерть тих мучеників за Батьківщину, за Вільну Україну. Стан тіл помордованих виявляє, що нелюдські були тортури, які перетерпіли вбиті перед смертю. Большевицькі кати видумували найстрашніші муки, для яких існувала окрема казня тортур, повна застиглої крові на стінах, вікнах та долівці.

Так ці «визволителі народу» розправилися з «єдинокровними братами». Розпачливий був плач та зойк матерів, батьків, синів та дочок, що оплакували скатованих, неповинних мучеників…

Опубл.: Вільне слово. – Дрогобич, 1941. – № 3. – 12 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 50.

№ 66
1941. – Липня 18. – Кореспонденція «Жертви большевицьких звірств у Золочівській в'язниці»

[…] Знайдено по-звірськи закатованих 649 осіб. В ямі перед в'язницею 432 особи, злиті бензиною і обпалені, тому тільки частину можна було розпізнати. В другій ямі, на подвір'ї, перед одною келією, відкопано 217 осіб.

Около 600 осіб ще могло залишитись в таємничих могилах, яких не відкрито тому, що червоні душогуби в останніх днях застрілили на цвинтарі грабара Спишного, який міг би був виявити місце таємничих могил на Золочівськім кладовищі. У 1940 р. скрито вбитих українців вивозили большевики ночами на цвинтар і засипали могили рівно із землею, не лишаючи насипу, щоб ніхто не відкрив таємниці.

В числі 649 закатованих було приблизно 633 українців і 16 поляків.

Сліди страшних катувань можна знайти в келіях і на коридорах, де залишилося багато крови. Також по повідтинаних частинах тіла, рук, виколених очах, вирізаних язиках, поламаних ногах, повириваному жмутами волоссі можна уявити собі, якою жахливою смертю загинули мученики.

Перед одною з келій під вікном викопано величезну яму, в вікні виломано частину гратів і через вікно викидали закатованих у збірну яму (217 осіб). Також можливо, що недобитим веліли ставати на вікні, стріляли в них і ті падали до ями. Багато з них закопано живцем. На подвір'ї гуділа машина, яка заглушала страшенний крик і стогін мучеників і стріли катів.

[…] Виселено з родинами з м. Золочева в глибоку Росію і на Сибір таких українців (подаємо на основі дотеперішніх даних): 1) суддя Грицак з родиною, 2) суддя Олексюк з родиною, 3) суддя Левицький з родиною; 4) суддя Микитин, 5) служб. Заяць з родиною, 6) старш. УГА Шипайло О., 7) адвокат Безпалько з родиною, 8) дружина б. дир. Українського Банку Кравчука, 9) рільник Троян з родиною, 10) рільник Солтівський з родиною, 11) Безпалько (рільник з Бенева) з родиною, 12) тесля Павлишин Іван з родиною, 13) рідня Сагатих – мати і дві дочки, 14) поштар Дзендровський з родиною, 15) емерит-службовець Гошовський Данило з родиною, 16) Вагула Михайло.

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 11. – 10 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 58–59.

№ 67
1941. – Липня 18. – З інформації «Жертви большевицького терору»

Як відомо, в Стрию так, як і по інших містах західних областей України, лютував і скаженів терор червоних катів Москви, особливо у днях утечі «доблесної» червоної армії. «Доблесна» армія тікала, а в той час партійні енкаведисти та комсомольці цілими сотнями мордували без розбору українське населення, незважаючи ні на вік, ні на стан, ні на стать.

Внаслідок цього терору залишилися сотні трупів по ямах, пивницях, каналах, а то й на голій землі на тюремному подвір'ї. Большевики стріляли свої жертви, різали, кололи, живцем кидали в канали або гаряче гашене вапно. У каналах присипали нещасних цукром і рижом (рисом – *Ред.*), в ямах заливали вапном або прикидували землею. Далеко від тюрми чути було задушливий сопух тіл, що розкладалися.

2 і 3 липня видобуто 55 трупів, з яких 10 трупів забрали селяни на села, а решту, тобто 45 трупів приміщено в домовинах і проголошено демонстративний похорон на 3 липня. З навколишніх сіл зібралися тисячні маси селян. Навіть шкільна сільська дітвора взяла організовану участь у цих похоронах… Жертви поховано в спільну могилу, покриту сотнями зелених, квіткових та тернових вінців…

4 липня і в дальших днях добуто з ями ще 35 трупів і поховано на стрийському цвинтарі. Врешті через загрозу виникнення зарази, бо трупи глибше положені (яма має коло 5 м глибини) були в повному розкладі і вже не можна було відділити одних від других, порішено решту трупів закопати таки в тій ямі на тюремному подвір'ї. Кількість залишених трупів нараховує понад 100.

Зазначуємо, що в тюрмі, на тюремному подвір'ї не всі місця докладно розслідженні і, мабуть, багато ще буде відкрито трупів. В окремих домах міста по пивницях, по каналах багато ще недобутих трупів.

Жертви большевицького терору поза Стриєм будемо подавати в списках в міру напливу матеріалів, які звідусіль належить негайно слати на адресу нашої редакції.

Опубл.: Стрийські вісті. – 1941. – № 1. – 18 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 60–61.

№ 68

1941. – Липня 20. – Інформація «Як совєтська влада «заопікувалася» втікачами із Закарпатської України»

Прикладів про нікчемність червоного наїзника можна наводити безліч. Тут хочу подати тільки один.

Коли большевицькі війська «визволили Західну Україну», багато синів Закарпаття повірили брехливим словам нового наїзника про «щасливе» життя, що мало тепер наступити, і почали перебиратися через мадярсько-совітський кордон. В Галичині стрінула їх прикра несподіванка. Всіх їх негайно по переходу кордону арештувало НКВД та засуджувало кожного за сам факт нелегального переходу кордону на 3–5 літ «ісправительно-трудового лагеря».

З недопалених актів НКВД Дрогобицької области довідуємося про 28 покараних у цей спосіб закарпатських українців. Засуджені майже виключно селяни, в більшості бідняки, наймити і чорнороби з різних місцевостей Карпатської України. Між покараними було аж 18 бувших членів комуністичної партії й 7, що подали себе за «русских».

Так «влада» трудящих опікувалася тими, що шукали в неї захисту.

Опубл.: Вільне слово. – Дрогобич, 1941. – № 6. – 20 лип.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 66.

№ 69

1941. – Липень. – Доповідна записка УВС Красноярського краю начальнику ГУЛАГу НКВС СРСР про розміщення спецпереселенців із Західної України

Секретно

Начальнику ГУЛАГа НКВД СССР
Ст. майору государственной безопасности тов. Наседкину
г. Москва

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о результатах расселения ссыльно-поселенцев из западных областей УССР
по районам Красноярского края

Для приема и расселения ссыльно-поселенцев из западных областей УССР по районам Красноярского края, произведены следующие мероприятия:

По согласованию с Исполкомом Крайсовета, были намечены районы их расселения, с учетом трудового использования и обеспечения жилплощадью. Крайисполкомом было дано указание руководителям Крайздравотдела, Крайторготдела и Енисейского пароходства обеспечить санитарное обслуживание, питание и транспортировку ссыльно-поселенцев от ст. Енисей до мест их поселения.

Председателем Исполкома Крайсовета и Начальником УКНВД КК аналогичные указания были даны Председателям Райсоветов и Нач. райотделений НКВД, для обеспечения приема ссыльно-поселенцев в районах края.

7–8 июня 1941 года в Красноярск прибыло из западных областей УССР ссыльно-поселенцев 940 семей – 3700 чел., в том числе 134 чел. – осужденных по решению Особого Совещания при НКВД СССР, как членов семей изменников родины.

Все прибывшие ссыльно-поселенцы от 16-ти летнего возраста и выше были оформлены в порядке приказа НКВД за № 0143 от 1 июля 1939 года.

Санитарное состояние прибывших эшелонов было удовлетворительное, случаев эпидемических заболеваний не зарегистрировано. Имело место заболевание в пути следования 8 детей корью, которые по прибытии в Красноярск были помещены в отдельном, изолированном помещении.

За время пребывания ссыльно-поселенцев в Красноярске зарегистрировано 8 случаев смертности, из них умерли:

1) Юращук Мария Семеновна, 1856 года рожд.
2) Юращук Василий Максимович, 1860 года рожд.
3) Загаевич Стефан Дмитриевич, 1873 года рожд.
4) Хавинская Михайлина Матвеевна, 1890 года рожд. умерла от порока сердца.
5) Якобец Анна Дорофеевна, 1903 года рожд. умерла от порока сердца.
6) Кицилло Анна Михайловна, 1941 года рожд. умерла от воспаления легких.
7) Шварич Анна Кирилловна, 1940 года рожд. и
8) Данилюк Евгения Павловна, 1939 года рожд. утонули 15/V – 1941 г. во время перевозки ссыльно-поселенцев через Енисей, при аварии катера.

Виновник аварии катера, директор совхоза «Удачный» – Голубев прокуратурой Енисейского бассейна привлечен к уголовной ответственности. В пункте погрузки на ст. Енисей и в пути следования до районов расселения ссыльно-поселенцы были обеспечены медобслуживанием и питанием.

Прибывшие ссыльно-поселенцы в следующих районах края:

№ п/п	Наим. районов, в которых расселены ссыльно-поселенцы	Число семей	К-во человек	Наимен. учр., совхозов, артелей, где использ. на работе ссыльно-поселенцы	Число семей	К-во человек
1	2	3	4	5	6	7
1.	Даурский р-н	100	400	с/х артели	76	280
				Даурская МТС	4	20
				Райкоммунхоз	6	30
				Молмясосовхоз	14	70
2.	Емельяновский	15	60	Стеклозавод	15	60
3.	Советский	75	280	Райлесзаг	60	180
				с/х «Удачный»	15	100

1	2	3	4	5	6	7
4.	Манский	70	240	Райлесзаг	70	280
5.	Новоселковский	80	400	Совхоз	65	325
				Мехзавод	10	50
				Заготскот	5	20
6.	Б. Муртинский	100	400	Мостовская лесоздача	60	268
				Совхоз	40	132
7.	Сухобузимск	100	400	Совхоз, с/х	100	400
8.	Казачинский	200	750	Совхоз	50	200
				МТС	70	230
				Опытное поле	50	200
				с/х артели	30	120
9.	Енисейский	83	350	Подтесово	40	170
				Райлесзаг	43	180
10.	Ярцевский	50	200	Совхоз	50	200
11.	Рыбинский	67	220	Райлесзаг	67	220
	Итого:	940	3700		940	3700

Выездом на места Зам Нач. Отдела Труд и спецпоселений НКВД СССР – лейтенанта госбезопасности тов. Жилова и Нач. 1 Спецотдела УНКВД КК лейтенанта госбезопасности тов. Ефремова для проверки трудового использования и состояния жилищно-бытовых условий ссыльно-поселенцев на месте поселения в 3-х районах, а именно: в Рыбинском, Манском и Советском, установлено следующее:

В 35 км к северу от ст. Заозерная Красноярской жел. дороги, в Усть-Качинском Лесозаготовительном участке Рыбинского Райлесзага расселено 67 семей – 220 чел.

Все трудоспособные ссыльно-поселенцы, в количестве 150 чел. заняты на лесозаготовках (валка леса, раскряжовка, заготовка газогенераторных чурок, постройка лесовозной трассы и жилстроительство).

Оплата труда сдельная по нормам и расценкам НК Леса. Нормы выработки в среднем выполняют на 70–90%.

Продуктами питания ссыльно-поселенцы обеспечены на общих основаниях с кадровыми рабочими лесоразработок.

Ссыльно-поселенцы временно размещены следующим образом:

В поселке Усть-Казачка проживает 17 семей, 67 человек, из них:

а) в школе 5 семей 22 чел.

б) в отдельном доме 2 сем. 5 чел.

в) в Красном уголке 3 сем. 10 чел.

г) в амбулатории 2 сем. 8 чел.

д) в столовой 3 сем. 10 чел.

е) в 2 отд. кварт. 1 сем. 4 чел.; 2 сем. 6 чел.

На лесозагучастке «Казачка» проживает 50 семей – 153 человек, из них в общем бараке проживает 52 семьи – 788 чел. и в бараке № 2 – 18 семей – 654 чел.

Для ссыльно-поселенцев строится жилой дом на 7 квартир, площадью 80 кв. метров и намечено еще построить 4 жилых дома по 120 кв. метров каждый, общей площадью 960 кв. метров.

На лесозаготовках Майского Райлесзага занято 70 семей – 240 чел. ссыльно-поселенцев, из них 15 семей расселены в отдельных квартирах, остальные проживают в общих бараках.

На лесозаготовительном участке Советского Райлесзага расселено 60 семей – 180 человек следующим образом:

барак № 1 проживает 10 семей 29 чел.

барак № 2 проживает 8 семей 23 чел.

барак № 3 проживает 37 семей 128 чел.

В среднем жилплощади на 1 чел. приходится 1,5–2 кв. метра.

Из общего числа ссыльно-поселенцев на лесозаготовках занято 89 чел. Норму выработки выполняют на 40–70%. По заявлению администрации лесоразработок ссыльно-поселенцы к работе относятся добросовестно. Собранный контингент ссыльно-поселенцев к лесным работам пригоден. Однако необходимо отметить, что администрация Райлесзагов к освоению ссыльно-поселенцев, как рабочей силы поворачивается медленно.

В частности не ведется разъяснительной работы по освоению техники заготовки и распиловки леса и нет работы по технике безопасности.

Не до всех ссыльно-поселенцев доведены нормы выработки.

О расселении ссыльно-поселенцев, прибывших с эшелонами № 261 в количестве 1312 чел. на ст. Канск 30-/У1-1941г. и № 269 в количестве 1270 чел., прибывшего на ст. Клюквенная 2-Л/TI-1941 г. сообщим дополнительно.

Приложение: план расселения ссыльно-поселенцев по Красноярскому краю.

Зам. Нач. Управления НКВД КК
капитан государственной безопасности Хмарин
Зам. Нач. отдела труда и спецпоселений НКВД СССР
лейтенант госбезопасности Жилов
Нач. 1 спецотдела УНКВД КК
лейтенант госбезопасности Ефремов

ГАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 87. – Арк. 169–173.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 145–148.

№ 70

1941. – Не раніше 5 серпня. – Про масштаби репресій у тюрмах Львівської і Дрогобицької областей (фрагменти із непідписаного документа)

В тюрьмах №№ 1, 2, 4 гор. Львова расстреляно – 2464, освобождено – 800. Вывезено перебежчиков – 201. Осталось в тюрьмах – 11546. Бежало – 362 (оставлено – 1516 чел. по распоряжению Нач. УНКВД). 23/VI – бежало 362, благодаря ухода охраны войск и надзорсостава из гор. Львова. Материалы на лиц виновных в оставлении тюрьмы без охраны, что привело к побегу заключенных – переданы в следственные органы…

В тюрьмах г. Стрый и Самбор расстреляно 1101, освобождено 250, осталось – 304 и этапировано 715.

Из тюрьмы г. Перемышль подследственные и осужденные за к-р преступления в количестве 67 человек были этапированы в Самбор, где и были расстреляны. Остальные заключенные, будучи эвакуированы из тюрьмы, попали во вражеское окружение, из которого благополучно вышел только надзорсостав.

Архів МВС України. – Колекція документів.
Опубл.: Білас Іван. Репресивно-каральна система в Україні... – С. 267–271.

№ 71
1941. – Серпня 15. – Інформація «Процес тридцяти дев’яти в Дрогобичі»

«Арештували мене підступом, – оповідає автор, – викликавши на засідання заготовачів кооперації, і з місця віддали в обласне НКВД. Слідство тривало без перестанку з 8-ої години ранку до 3-ої години ночі. Обвинувачували мене в приналежності до ОУН і шпигунстві на користь Німеччини. Сиділо нас з таким обвинуваченням 42 чоловіки. Хоча кожний з нас і знає, як проходило енкаведистське слідство, все ж таки хочеться поділитись з читачами своїми переживаннями.

Малесенька камера, а в ній – 42 чоловіки. Страшна тіснота. Вночі, щоб обернутись, треба було тривожити всіх... Щотижня ревізії: шукали, перевертали, розбирали до нага. Раз на день вода, а десь-не-десь з плаваючими гнилими помідорами чи капустою. Такі були наші харчі. Та це ще було не найгірше. Хоча й я був найменше обтяжений і за 4 місяці слідчої тюрми водили мене тільки 6 раз на допит в НКВД, проте пережив, здається, стільки знущань, фізичних і моральних, що немає прямо слів, щоб усе переповісти.

На допиті хапали за волосся, товкли головою об стіни, вбивали під нігті грамофонні голки, електризували, вибивали зуби, били по напруженому карку, саджали на край крісла, несподівано вибивали його і людина в напрузі «сідала» на кам’яну долівку. Збитого й скатованого, знівеченого до невпізнання, ставили під стінку, холодне дуло морозило кров, передсмертний хоровід душевних образів... і знову душна, смердюча камера, і знову тортури перед допитом.

Часто-густо «соколи любимого вождя народів» зміняли свою тактику «подсвідомлювали, жаліли», обіцяли несотворенні речі, на зміну то усміхались дружньо, то знову, мов шалені гієни, кидались на безборонну жертву.

Проте ми добре держались. Всіх нас тридцять дев’ятьох з обвинуваченням за приналежність до ОУН і співпрацю з Німеччиною передали в руки Київського воєнного трибуналу під головуванням генерала Константінова і «предсідателя» Михаськова. Суд відбувався при замкнених дверях, так що навіть найближча рідня про це нічого не знала. Процес тривав цілий день і в кінці пролунав вирок: на розстріл 22, 8-ох по десять літ, 4-ох по 5 літ, а останніх п’ять, між іншими і мене (їм вже ніяк не могли нічого причепити), як то кажуть, щоб не помилитись, з доброї ласки засудили на заслання в далекий Казахстан…

Косик Осип

Опубл.: Вільне слово. – Дрогобич, 1941. – № 17. – 15 серп.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 99–100.

№ 72

1941. – Серпня 23. – Кореспонденція «Як боролося українське селянство»

Українське селянство пережило страшне лихоліття. Село держалося добре, твердо, зберігаючи свою гідність і честь. Кириню заводили та шкодили переважно темняки, яких видвигнула большевицька стихія на поверхню життя. Позатим наші селяни виявили себе здоровим елементом. Назверх старалися задовільнити забаганки большевицьких посіпак, хоч це їм було не під силу. Активісти, накинені большевиками, в подавляючій більшості тільки на око сповняли своє завдання. На ділі були протибольшевицько настроєні. Багато чесних голів та секретарів сільрад рятувало село і окремих людей від усякого лиха, оскільки це було в їх спроможності.

Особливо тяжку боротьбу зводили наші селяни з колгоспними агітаторами. Агітація була шалена, неперебірлива в засобах. Всупереч конституції, за якою колгоспна справа – це річ сумління і добровільна, страшили людей виселюванням, арештуванням та іншими погрозами; покликали щоразу до сільради (навіть серед ночі!) та намовляли підписувати членську заявку. Приобіцювали гори-долини. Як зібрали трохи підписів, присилали трохи підлої мануфактури для заохоти до дальших підписів. Де не повелося заложити колгосп, там спадали, немов манна з неба, непосильні обов’язки – в подвійній і потрійній кількості – возити каміння, дерево і т. п., в часі найгарячішої роботи на полі. За невиконання наказу карали кількалітнім ув’язненням. Карали також за несвоєчасне виконання польових робіт, хоч самі унеможливлювали працю на полі. Сотні коней погинуло з виснаження, поламалися до решти і так дрантиві вози, селяни зруйнували себе матеріально і фізично.

Природа має свої незмінні закони, які большевики захотіли переробити на свій лад. Видавали накази, що, напр., проривку цукрових буряків слід закінчити не пізніше... А в той час бурячки щойно з землі показувалися. Збіжжя треба зібрати найпізніше (це вже останній «строк») до..., а до... звезти на приймальні пункти. Збіжжя ніяк не хотіло пристосовуватися до наказів, щойно молочком наливалось. Часто бувало таке, що завідуючий земельним відділом чи якийсь інший із зварйованих достойників виїжджав на села і так довго сидів, поки бодай кілька господарів під примусом не пожали ще незріле збіжжя. З «удовольствієм» поверталися в «город» і зараз ішли по дротах у верхи і вершки відомісті, що в такому-то районі почали уборку збіжжя, яка масово проводиться. Вже була підстава висилати бурхливі звідомлення і закінчити на папері жнива, які в дійсності лише починалися. За таку дбайливість і сумління «виконування» постанов партії сипалися ордени, а селяни голодували і випродувалися, щоб здати державі обов’язково дорідне, зріле збіжжя.

Сире збіжжя зсипували на пунктах до різних темних льохів, де воно пріло, зігнивало. З такої гіркої, зіпсутої муки випікали хліб для повних «щастя і радості» громадян. В Козовій збіжевий магазин лопнув з великим гуком і збіжжя висипалося на залізничні рейки. В Ходорові на ринку просушували стухле, смердяче збіжжя. З полудня сонечко сховалось, ригнув дощ, який усе збіжжя докладно прочистив... до каналів. А таких випадків було безліч…

Інж. В. Б.

Опубл.: Українські щоденні вісті. – Львів, 1941. – № 42. – 23 серп.;
Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 106–107.

№ 73

1941. – Серпень. – Доповідна записка Наркомату внутрішніх справ Казахської РСР у НКВС СРСР про розміщення спецпереселенців із Західної України

Секретно

Зам. народного комиссара внутренних дел СССР
Комиссару госбезопасности 3 ранга
тов. Круглову
г. Москва

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о приеме и расселении ссыльно-переселенцев
в Южно-Казахстанской области Казахской ССР

Для организации приема и расселения ссыльно-переселенцев на территории Южно-Казахстанской области была организована оперативная группа работников УНКВД, в помощь которой был командирован работник Наркомата.

К 30 мая вся подготовительная работа по приему и расселению была закончена; на местах расселения проверены помещения для жилья, приведены в соответствующий пригодный для жилья вид, но также проверена возможность полного использования на работах.

С 4 по 11 июня прибыло 3 эшелона ссыльно-переселенцев в количестве 636 семей – 2292 человек.

На станции назначения эшелонов (Сыр-Дарьинская) к моменту прихода были подготовлены питание, медсаносмотр и перевозочные средства к пунктам расселения (15 автомашин, 4 трактора с прицепными тележками и 100 пароконных бричек), а также достаточное количество работников местных аппаратов Кировского, Пахта-Аральского и Кзыл-Кумского РО НКВД для охраны порядка, как у места выгрузки, так и предотвращения побегов в пути следования к пунктам расселения.

Прием, выгрузка, снабжение питанием и направление к пунктам расселения каждого эшелона длилось от 6-ти до 10-ти часов. К моменту прибытия ссыльно-переселенцев в пунктах расселения были приготовлены бани с дезкамерой и горячая пища.

Из общего количества прибывших расселены:

В совхозе Пахта-Арал (Кировский район) – 424 семьи; 1552 чел.
В совхозе Каракуль (Арысский район) – 84 семьи; 269 чел.
В совхозе Кок-Су (Кзыл-Кумский район) – 36 семей; 128 чел.
и Каучукпромхоз (Пахта-Аральск. район) – 92 семьи; 342 чел.

Прибывшие ссыльно-переселенцы являются высланными из разных районов Львовской, Ровенской и Тернопольской областей, по национальности украинцы, главы которых являются активными участниками к-р повстанческой организации «ОУН», в большинстве своем репрессированы и частично находятся на нелегальном положении.

В пунктах расселения ссыльно-переселенцы размещены в общих бараках и казахских зимовках, из расчета 3 кв. мтр. на человека. Помещения вполне пригодны для жилья в летнее и зимнее время.

Ссыльно-переселенцы расселены по районам области на расстоянии от 18 до 140 км от линии жел. дороги. Во время приема и расселения никаких инфекционных заболеваний среди прибывших не установлено, а также никаких антисоветских проявлений, эксцессов и происшествий не было.

Из числа расселенных все трудоспособные, после двухдневного отдыха приступили к работе.

Зам. наркома внутренних дел КазССР
капитан госбезопасности Кадяев

ГАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 87. – Арк. 111–113.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 148–149.

№ 74

1941. – Серпень. – Довідка начальника відділу ГУЛАГ НКВС СРСР про розміщення спецпоселенців

Сов. секретно

СПРАВКА
о расселении спецпереселенцев-осадников, лесников и беженцев
по республикам, краям и областям

Республика, край, область	Наименование районов расселения	Осадники-лесники		Беженцы	
		Семей	Человек	Семей	Человек
1	2	3	4	5	6
Казахская ССР					
Акмолинская обл.	Степняк	183	349	–	–
	Шортандинский	92	506	–	–
	Сталинский	135	622	–	–
Южно-Казахст. обл.	Самарский	80	325	–	–
Кустанайская обл.	Джетыгарский	193	884	–	–
Павлодарская обл.	Боян-Аульский	291	1108	–	–
Семипалатинская обл.	Жарлинский	232	1085	–	–
Аджарская АССР	Зилаирский	60	279	–	–
	Сыкдывдинский	533	2687	995	2982
	Сысольский	190	845	840	2532
	Усть-Вымский	55	245	506	1581
	Железнодорожный	221	898	287	854
	Прилузский	1174	5315	–	–
	Каркиросский	245	781	245	781
Марийская АССР	Йошкар-Оланский	–	–	533	1546
	Моркинский	–	212	212	558

1	2	3	4	5	6
	Горно-Марийский	–	–	899	2342
	Юринский	–	–	542	1221
Якутская АССР	Алданский окр.	–	–	912	2345
Алтайский край	Тасихинский	362	1670	–	–
	Троицкий	400	1847	333	1348
	Таллиннский	232	1147	555	1686
	Змеиногорский	237	1385	–	–
	Топчихинский	–	–	268	1686
	Червянский	–	–	47	169
	Тогульский	–	–	59	207
	Барнаульский	–	–	108	374
	Аланбайский	–	–	105	424
Красноярский край	Ниж.-Ингашский	201	1009	80	305
	Даурский	322	1306	131	478
	Манский	547	2712	107	499
	Енисейский	133	912	–	–
	Абанский	266	1113	–	–
	Ширинский	176	862	–	–
	Емельяновский	56	193	–	–
	Советский	205	1267	–	–
	Казачинский	59	264	–	–
	Тасеевский	51	164	–	–
	Новоселовский	106	448	–	–
	Тотемский	339	1697	102	334
	Бабушкинский	371	1888	–	–
	Божегодский	314	1433	–	–
	Харовский	163	843	–	–
	Андомский	200	1019	119	347
	Биряковский	159	753	–	–
	Сокольский	61	303	–	–
	Междуреченский	162	792	–	–
Вологодская обл.	Ковженский	62	252	63	243
	Вытегорский	79	234	–	–
	Нюксенский	–	–	220	671
	Кирилловский	–	–	72	234
	Шольский	–	–	45	163
	Останский	–	–	175	566
	Велико-Котюгск.	–	–	366	807
	Лежский	–	–	110	272

1	2	3	4	5	6
	Никольский	–	–	101	252
Иркутская обл.	Зиминский	109	529	–	–
	Нижнеудинский	42	1872	–	–
	Тулунский	440	2127	–	–
	Тайшетский	1215	6643	–	–
	Шиткинский	323	1401	–	–
	Бодайбинский	–	–	551	2434
Архангельская обл.	Виноградовский	316	1578	93	301
	Верхне-Тоинский	447	2097	483	1264
	Котласский	188	965	240	583
	Менский	569	2547	116	232
	Онежский	194	991	–	–
	Пинежский	346	1579	–	–
	Приозерный	100	464	271	818
	Устьянский	448	2214	–	–
	Черевковский	433	2075	328	735
	Шенкурский	190	929	–	–
	Няндомский	588	2888	309	622
	Плисецкий	843	4279	362	1173
	Коношский	280	1340	257	627
	Первомайский	102	549	–	–
	Красноборский	315	1505	204	601
	Емецкий	388	1830	225	758
	Ровденский	310	1379	79	283
	Вельский	272	1280	458	1173
	Сольвычегодский	752	3753	207	469
	Вилегодский	211	983	–	–
	Холмогорский				
	Каргопольский	241	1254	832	2451
Свердловская обл.	Макарьевский	100	599	–	–
Горьковская обл.	Шарьинский	432	1749	–	–
	Ивановский	–	–	320	899
Свердловская обл.	Кайский	111	514	–	–
	Нагорный	55	196	–	–
	Опаринский	97	559	–	–
	Далекий	134	539	–	–
	Подосиновский	93	435	–	–
Молотовская обл.	Черномосский	–	–	207	585
	Чусовский	106	517	153	479

1	2	3	4	5	6
	Чердынский	–	–	147	451
	Кизеловский	157	657	–	–
	Красновишерский	216	1043	–	–
	Коссинский	173	827	–	–
	Добрянский	305	1558	–	–
	Вер. Городковск.	202	965	–	–
	Кочевский	38	189	–	–
	Юрлинский	508	2451	–	–
	Гаинский	198	935	–	–
Новосибирская обл.	Тисульский	379	770	–	–
	Томский	98	481	719	2121
	Сталинский	92	374	210	616
	Сузунский	101	480	395	1405
	Тегульдецкий	–	–	1300	3558
	Асиновский	–	–	1336	3561
	Зырянский	–	–	1255	3429
	Московский	–	–	41	155
	Барзахский	–	–	79	238
	Тайгинский	–	–	51	169
	Кривошеинский	–	–	50	139
	Масленинский	–	–	100	300
	Чулымский	–	–	108	316
	Крапивинский	–	–	53	210
Тюменская обл.	Муромведский	127	690	–	–
	Знаменский	321	1524	–	–
	Тебрисский	207	995	–	–
	Усть-Ишимский	118	519		
	Дубровный	125	516		
	Ярковский	195	916		
	Тобольский	–	–	101	455
	Уватский	–	–	234	1154
	Юргинский	48	223	–	–
	Самаровский	–	–	170	360
Омская обл.	Киндинский	–	–	193	360
	Микояновский	–	–	156	328
	Ялуторовский	–	–	323	545
Челябинская обл.	Карабашский	324	1662	–	–
	Копейский	–	–	169	510
Свердловская обл.	Медногорский	–	–	119	478

1	2	3	4	5	6
	Кварзинский	41	169	–	–
	Нейский	101	499	–	–
	Алапаевский	–	–	107	361
	Пышменский	229	1100	192	592
	Тугулынский	100	459	162	446
	Ачидский	–	–	115	319
	Серовский	195	1208	1221	3109
	Гаринский	–	–	194	550
	Ишевский	199	983	66	187
	Верхне-Тавдинский	155	300	235	734
	Красноутатский	238	1175	191	327
	Кувшинский	172	859	50	154
	Ревдинский	363	1704	630	2347
	Нижне-Лялинский	137	702	144	366
	Сухоложский	92	465	107	352
	Азбестовский	–	–	125	1067
	Тоборинский	175	753	315	1074
	Березовский	240	1037	148	485
	Ивдельский	–	–	149	530
	Верхотурский	42	209	–	–
	Ирбитский	241	1274	–	–
	Резевский	190	682	–	–
Итого:		27764	131938	26133	78339

Начальник отдела трудспецпоселений ГУЛАГ НКВД
капитан госуд. Безопасности Кондратов

«_____» августа 1941 года

ГАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 61. – Арк. 61–67.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 150–153.

№ 75

1943. – Серпень. – Постанова III Надзвичайного Великого збору ОУН «За що бореться Українська Повстанська Армія (УПА)»

Українська Повстанча Армія бореться за Українську Самостійну Соборну Державу і за те, щоб кожна нація жила вільним життям у своїй власній, самостійній державі. Знищення національного поневолення та експлуатації нації нацією, система вільних народів у власних, самостійних державах – це єдиний лад, який дасть справедливу розв'язку національного і соціального питання в цілому світі.

УПА бореться проти імперіялістів і імперій, бо в них один пануючий народ поневолює культурно і політично та визискує економічно інші народи. Тому УПА бореться проти СССР і проти німецької «нової Європи».

УПА з усією рішучістю бореться проти інтернаціоналістичних і фашистсько-націонал-соціалістичних програм та політичних концепцій, бо вони є знаряддям завойовницької політики імперіялістів. Тому ми проти російського комуно-большевизму і проти німецького націонал-соціялізму.

УПА проти того, щоб один народ, здійснюючи імперіялістичні цілі, «визволяв», «брав під охорону», «під опіку» інші народи, бо за цими лукавими словами криється огидний зміст – поневолення, насильство, грабунок. Тому УПА бореться проти російсько-большевицьких і німецьких загарбників, поки не очистить Україну від усіх «опікунів» і «визволителів», поки не здобуде Української Самостійної Соборної Держави, в якій селянин, робітник і інтелігент могтиме вільно, заможно і культурно жити та розвиватися.

УПА за повне визволення українського народу з-під московсько-большевицького ярма, за побудову УССД без поміщиків, капіталістів та без большевицьких комісарів, енкаведистів і партійних паразитів.

В українській державі влада вважатиме за найвищий свій обов'язок інтереси народу. Не маючи загарбницьких цілей та поневолення країн і пригноблених народів у своїй державі, народна влада України не витрачатиме часу, енергії та коштів на творення апарату гноблення. Українська народна влада всі економічні ресурси та всю людську енергію спрямовує на побудову нового державного порядку, справедливого соціяльного ладу, на економічне будівництво країни та культурне піднесення народу.

В лавах УПА борються українські селяни, робітники та інтелігенти проти гнобителів, за УССД, за національне і соціяльне визволення, за новий державний порядок та новий суспільний лад:

1. За знищення большевицької експлуататорсько-кріпацької системи в організації сільського господарства. Виходячи з того, що земля є власністю народу, українська народна влада не накидуватиме селянам однієї форми користування землею. Тому в українській державі допускатиметься індивідуальне та колективне користування землею, в залежності від волі селян.

2. а) За те, щоб велика промисловість була національно-державною власністю, а дрібна – кооперативно-громадською.

б) За участь робітників у керівництві заводами, за фаховий, а не комісарсько-партійний принцип у керівництві.

3. а) За загальний 8-годинний робочий день. Понаднормова праця може бути тільки вільною, як і кожна праця взагалі, і робітник отримуватиме за неї окрему зарплату.

б) За справедливу оплату праці, за участь робітників у прибуткових підприємствах. Робітник отримуватиме таку зарплату, яка потрібна для забезпечення матеріяльних і духовних потреб цілої його сім'ї. При річних підсумках господарського стану підприємств кожний робітник одержуватиме: у господарсько-кооперативних підприємствах дивіденд, а в національно-державних – премію.

в) За вільну працю, вільний вибір професії, вільний вибір місця праці.

г) За свободу профспілок. За знищення стахановщини, соцзмагань, підвищування норм та інших способів експлуатації працюючих.

4. За вільне ремесло, за добровільне об'єднування ремісників у артілі, за право ремісника вийти з артілі та індивідуально виконувати працю і вільно розпоряджатися своїм заробітком.

5. За національно-державну організацію великої торгівлі, за громадсько-кооперативну дрібну торгівлю та за дрібну приватну торгівлю, за вільні базари.

6. За повну рівноправність жінки з чоловіком у всіх громадських правах і обов'язках, за вільний доступ жінки до всіх шкіл, до всіх професій, за першочергове право жінки на фізично легшу працю, щоб жінка не шукала заробітку в шахтах, руднях та на інших важких промислах і внаслідку цього не руйнувала свого здоров'я. За державну охорону материнства. Батько сім'ї одержуватиме, крім плати за свою працю, додаткову платню на утримання жінки і неповнолітніх дітей. Лише в таких умовинах жінка матиме змогу виконувати свій важливий, почесний і відповідальний обов'язок матері і виховательки молодого покоління.

7. а) За обов'язкове середнє навчання. За піднесення освіти і культури широкої народної маси шляхом поширення мережі шкіл, видавництв, бібліотек, музеїв, кіно, театрів тощо.

б) За поширення вищого і фахового шкільництва, за невпинний ріст висококваліфікованих кадрів фахівців на всіх ділянках життя.

в) За вільний доступ молоді до всіх вищих навчальних закладів. За забезпечення студентства стипендіями, харчами, помешканнями та навчальними приладдями.

г) За всебічний гармонійний розвиток молодого покоління – моральний, розумовий та фізичний. За вільний доступ до всіх наукових і культурних надбань людства.

8. За пошану до праці інтелігенції. За створення таких матеріяльних основ праці, щоб інтелігент, будучи цілком спокійним про завтрашній день та про долю сім'ї, міг віддатися культурно-творчій праці: мав потрібні умовини до праці над собою, постійно збагачував свої знання та підвищував свій розумово-культурний рівень.

9. а) За повне забезпечення всіх працюючих на старість та на випадок хвороби чи каліцтва.

б) За широке запровадження охорони народного здоров'я, за поширення сітки лікарень, санаторіїв, курортів та будинків відпочинку. За збільшення лікарських кадрів. За право працюючих на безплатне користування всіма закладами охорони здоров'я.

в) За особливу державну опіку над дітьми і молоддю, за поширення сітки дитячих ясел та садків, санаторіїв, таборів відпочинку, за охоплення всієї дітвори та молоді державними закладами опіки та виховання.

10. а) За свободу друку, слова, думки, переконань, віри і світогляду. Проти офіційного насаджування суспільності світоглядних доктрин і догм.

б) За вільне визнавання і виконування культів, які не суперечать громадській моралі.

в) За відокремлення церковних організацій від держави.

г) За культурні взаємини з іншими народами, за право виїзду громадян за кордон для навчання, лікування та пізнання життя і культурних надбань інших народів.

11. За повне право національних меншостей плекати свою власну по формі і змісту національну культуру.

12. За рівність усіх громадян України, незалежно від їх національности, в державних та громадських правах і обов'язках, за рівне право на заробіток і відпочинок.

13. За вільну українську по формі і змісту культуру, за героїчну духовність, високу мораль, за громадську солідарність, дружбу та дисципліну.

Серпень 1943 р.
Українська Повстанча Армія

Опубл.: Мірчук Петро. Українська Повстанська Армія. 1942–1952. – Мюнхен, 1953. – С. 269–272.

№ 76

1943. – Вересень. – Політична декларація УПА «За що бореться визвольно-революційна Українська Повстанська Армія»

ПОЛІТИЧНА ДЕКЛАРАЦІЯ УПА
«За що бореться визвольно-революційна Українська Повстанська Армія»
(короткий виклад ідеї і програми УПА)

Ми, українські, націоналісти, боремось за те, щоб кожна нація жила вільним життям у своїй власній самостійній державі. Знищення національного поневолення та експлуатації нації іншою нацією, система вільних народів у власних самостійних державах – це одинокий лад, який дасть справедливу розв'язку національного і соціального питання у цілому світі.

Ми боремося проти імперіялістів і імперій, бо в них один пануючий народ поневолює культурно і політично та визискує економічно другі народи, тому ми проти СССР і проти німецької «Нової Європи».

Ми з усією рішучістю боремось проти всіх інтернаціоналістичних і фашистсько-націонал-соціалістичних програм і політичних концепцій, бо вони є інструментом завойовницької політики імперіалістів. Тому ми проти російського комуно-більшовизму і проти німецького націонал-соціалізму.

Ми проти того, щоби один народ другі народи «визволяв», «брав під опіку», «давав охорону» і тому подібне, бо за цими лукавими словами криється гидкий зміст – поневолення, насильство, грабунок. Тому боротимемось проти російсько-більшовицьких і німецьких загарбників, поки не очистимо Україну від усіх «опікунів», «визволителів», поки не здобудемо народної Української Самостійної Соборної Держави (УССД), в якій, накінець, селянин, робітник, інтелігент справді могтиме вільно, заможно і культурно жити та розвиватись та буде мати владу в своїх руках.

Ми за повне визволення українського народу з-під московсько-більшовицького та німецького ярма, за побудову УССД без панів, поміщиків, капіталістів, без більшовицьких комісарів, енкаведистів і партійних паразитів. В українській національній державі народна влада вважатиме народ за вихідну точку і за мету своєї діяльності. Не маючи

внутрі держави поневолених країн і пригноблених народів та не переслідуючи імперіалістичних цілей у зовнішній політиці, народна влада України не витрачатиме часу, енергії та коштів на творення апаратів насильства, поліції, тюрем, концтаборів тощо. Українська народна влада всі економічні ресурси та всю людську енергію спрямує на побудову нового державного порядку, справедливого ладу, на економічну розбудову країни та культурне піднесення народу.

У рядах Української Повстанчої Армії (УПА) борятьcя українські селяни, робітники чи інтелігенція проти гнобителів, за національне і соціальне визволення, за новий державний порядок і за новий соціальний лад в Україні.

– За знищення більшовицьких колгоспів і німецьких громгоспів. За землю для селян без викупу, за вільне господарство і вільне користування продуктами праці.

– За те, щоб велика промисловість була національно-державною власністю, а дрібна – кооперативно-громадською.

– За участь робітника в керівництві заводами, за фаховий, а не комісарсько-партійний принцип в керівництві.

– За восьмигодинний робочий день. Додаткова надурочна праця може бути тільки вільною, як і кожна праця взагалі, і робітник отримує за неї окрему підвищену плату.

– За справедливу винагороду праці, за участь робітника в прибутках підприємства. При восьмигодинному робочому дні робітник отримуватиме таку зарплату, якої потрібно для забезпечення матеріальних і духових потреб цілої його сім'ї. При річних підрахунках господарського стану підприємств кожний робітник отримуватиме: в господарсько-кооперативних підприємствах дивіденд (належна йому доля річного прибутку), а національно-державних – премію.

– За вільну працю, вільний вибір професії, вільний вибір місця праці.

– За свободу профспілок. За знищення стахановщини, соцзмагань, підвищування норм та інших способів експлуатації робочої сили.

– За вільне ремесло, за добровільне організування ремісників в артілі, за право ремісника вийти з артілі та індивідуально виконувати свою працю і вільно розпоряджатися своїм заробітком.

– За національно-державну організацію великої торгівлі, за громадсько-кооперативну середню та дрібну торгівлю та за дрібну приватну торгівлю, за вільні базари.

– За повну рівність жінки з чоловіком в усіх громадських і державних правах та обов'язках, за вільний доступ жінки до всіх шкіл, до всіх професій. За першочергове право жінки на фізично легшу працю, щоб жінка не шукала заробітку на праці в шахтах, рудниках та інших тяжких роботах і внаслідок цього не руйнувала свого здоров'я. За державну охорону материнства, за звільнення жінки від примусу праці. Батько сім'ї отримуватиме, крім індивідуальної платні, додатково платню на отримування жінки й нелітних дітей. Лише в таких умовах жінка матиме змогу виконувати свій важкий, почесний і відповідальний обов'язок матері, виховательки молодого покоління.

– За піднесення освіти й культури широкої народної маси шляхом розбудови шкіл, видавництв, бібліотек, музеїв, кіно, театрів тощо.

– За розбудову вищого й фахового шкільництва, за невпинний ріст висококваліфікованих кадрів фахівців для всіх ділянок життя.

– За вільний доступ молоді до всіх шкіл, за безкоштовне навчання. За забезпечення студентства стипендіями, харчами, мешканням та навчальними предметами.

– За гармонійний розвиток молодого покоління – моральний, розумовий, фізичний. За вільний доступ до всіх наукових і культурних надбань людства.

– За пошану до праці інтелігенції. За створення таких матеріальних умов праці, щоб інтелігент, без турботи про завтрашній день та про долю сім'ї, міг спокійно віддаватися культурно-творчій праці, мав потрібні умови праці над собою, постійно збагачував свої знання та підвищував свій розумово-культурний рівень.

– За повне забезпечення всіх працюючих на старість та у випадках хвороби чи каліцтва.

– За широку розбудову охорони народного здоров'я, за розбудову лікарень, санаторій, курортів та будинків відпочинку, за збільшення медично-лікарських кадрів. За право працюючих на безкоштовне користування всіма інституціями охорони здоров'я.

– За особливу опіку над дітьми і молоддю, за розбудову дитячих ясел, садків, притулків, лагерів відпочинку, санаторій та спортивних організацій. За охоплення всієї дітвори та молоді державними інституціями опіки та виховання.

– За свободу друку, слова, думки, віри і світогляду. Проти офіційного нагадування суспільності світоглядових доктрин і догм.

– За вільне визнавання і виконування культів, не противних громадській моралі.

– За культурні взаємини з другими народами, за право виїзду за кордон на лікування, навчання чи пізнання побуту, життя та культурних надбань других народів.

– За повне право національних меншин плекати свою власну по формі і змісту національну культуру.

– За рівність всіх громадян України, без огляду на національність, в державних та громадських правах та обов'язках, за рівне право на працю, заробіток і відпочинок.

– За вільну, українську по формі і змісту культуру, за героїчну духовність, високу мораль, за громадську солідарність, дружбу і дисципліну.

Для здійснення своєї політично-державної програми український нарід творить і розбудовує свою власну політику і військову силу. Політичну силу організовує, розбудовує і закріплює Організація Українських Націоналістів (ОУН). Військову силу українського народу становить в сучасний момент визвольно-революційна Українська Повстанча Армія (УПА). УПА здобуде не тільки перемогу в Українській Національній Революції, але, перетворившись в регулярну Українську Народну Армію, закріпить Українську Державу і стане на охороні її кордонів перед зовнішніми ворогами.

Керуючись ідеєю нового справедливого ладу в світі та бажаючи повної перемоги над імперіалістами, веде ОУН український нарід в спільному антиімперіалістичному фронті з другими народами поневоленими чи перебуваючими під загрозою німецького й російського чи іншого імперіялізму. Ця спільна боротьба ведеться під гаслом самовизначення всіх народів.

Українська Самостійна Соборна Держава змагатиме до постійної дружби і співпраці з самостійними державами вільних народів, змагатиме до тривалого миру.

Переможемо тільки шляхом Української Національної Революції, тільки шляхом всенародного повстання і шляхом всенародної збройної боротьби. Тому ніхто не сміє стояти осторонь, приглядатися і чекати.

Усі на фронт боротьби за визволення. Чим швидше якнайширший круг народніх мас стоятиме в рядах УПА і ОУН, тим коротший час буде нашої неволі. Кожний громадянин України мусить взяти активну участь в політичній і збройній підготовці

революції. Ніхто не сміє відмовитись, ніхто не сміє чекати, аж поки його попросять. Робіть самі як можете і як умієте. Поширюйте наші ідеї, лозунги, програму, літературу, допомагайте революціонерам і бійцям морально та матеріально, нещадно винищуйте імперіалістичних вислужників, бо лише знищивши зрадників свого народу, дійдемо до єдності, дружності, сили. Наполегливою працею всіх і кожного зокрема в підготовці Української Національної Революції прискоримо час всенародного повстання, час довгожданного звільнення і перемоги.

Наша сила – в нашій правді, в нашій прогресивній ідеї, в нашій справедливій програмі, а насамперед – в нашому свободолюбивому великому народі. В нашій активності і організованості, в нашій єдності і одностайності, в нашій дисципліні і рішучій дії – запорука нашої перемоги.

Провід Організації Українських Націоналістів (Самостійників)
Вересень 1943 р.

Літопис Української Повстанської Армії. – Торонто, 1989. – Т. 1. – С. 121–126.

№ 77

1944. – Квітня 5. – Інструкція НКВС УРСР про засади і порядок організації заслання родин членів ОУН та активних учасників визвольної боротьби

Совершенно секретно

Утверждаю
Нарком внутренних дел УССР
Комиссар государственной безопасности 3-го ранга Серов
5 апреля 1944 г.

ИНСТРУКЦИЯ
о порядке ссылки членов семей ОУНовцев и активных повстанцев
в отдаленные районы Союза ССР

На основании распоряжения Народного Комиссара внутренних дел СССР – Генерального Комиссара Государственной безопасности тов. Берия от 31 марта 1944 года № 7129, устанавливается следующий порядок ссылки в отдаленные районы Союза членов семей оуновцев и активных повстанцев.

Раздел 1

Ссылке подлежат все совершеннолетние члены семей оуновцев и активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновении, а их имущество подлежит конфискации в соответствии с приказом НКВД СССР № 001552 от 10 декабря 1940 года.

Кроме этой категории подлежат также ссылке семьи актива и руководящего состава ОУН-УПА, скрывающихся и находящихся в данное время на нелегальном положении, как-то: коменданты, помощники комендантов и сотрудники «СБ»; районные и надрайонные проводники ОУН; сотенные/станичные; коменданты ОУН; куренные; господарчие; шефы и референты связи; активные участники банд.

Несовершеннолетние члены семей следуют вместе со своими родными. Имущество ссыльных подлежит конфискации. Ссылку производить в отдаленные районы Красноярского края, Омской, Новосибирской и Иркутской областей.

Раздел 2

Установить следующий порядок оформления документов (материалов) о выселении членов семей оуновцев и активных повстанцев:

а) начальники городских и районных отделов НКВД-НКГБ на основании имеющихся документальных данных о практической бандитской деятельности оуновцев и повстанцев, – составляют списки семей, подлежащих ссылке по каждому району в отдельности, по прилагаемой при сем форме и мотивированные заключения о выселении на каждую семью отдельно.

Примечание: документальными данными являются:

а) справка сельского совета о принадлежности того или иного лица к оуновцам или активным повстанцам;

б) справка оперативного органа НКВД-НКГБ о принадлежности того или иного лица к оуновцам или активным повстанцам, основанная на агентурных материалах, свидетельские показания;

в) показания соучастников по оуновскому или повстанческому движению;

г) списки и мотивированные заключения начальники городских и районных отделов представляют в областные управления НКВД-НКГБ соответственно. Начальники областных управлений НКВД-НКГБ в случае их утверждения составляют мотивированные постановления о ссылке на каждую семью в отдельности;

д) заключение городских и районных отделов НКВД-НКГБ с постановлениями начальников областных управлений (вместе со списками) представляются на утверждение Народного Комиссара внутренних дел УССР, комиссара госбезопасности 3-го ранга Рясного;

е) утвержденные постановления НКВД УССР направляет на последующее утверждение ОСО при НКВД СССР через 1-й спецотдел.

Направление в ссылку членов семей оуновцев и активных повстанцев производить после утверждения постановлений наркомом внутренних дел УССР, не дожидаясь получения решений ОСО.

Раздел 3

Для выселения членов семей оуновцев и активных повстанцев в каждый район выделяется группа оперативных работников, которая совместно с представителем местных органов власти (исполкома) является в дом (квартиру) ссылаемых, объявляет членам семьи решение о ссылке и предлагает собрать вещи, которые им разрешается брать с собой; производит опись имущества, подлежащего конфискации и передает это имущество по акту представителю местных органов власти и под конвоем направляет всех членов семьи, подлежащих ссылке, вместе с вещами на намеченную железнодорожную станцию для погрузки в вагоны.

Примечание:

1. Несовершеннолетние члены семьи следуют вместе со своими родными;

2. Перед проведением операции по выселению семьи, соответствующие органы

НКВД-НКГБ подготавливают конвой, средства транспорта, определяют железнодорожную станцию погрузки и обеспечивают подачу вагонов;

3. В отдельных случаях (отдаленность станции погрузки, задержка с подачей вагонов и т. д.) ссылаемые члены семьи могут на несколько дней быть помещены в ближайшее место заключения (тюрьма, НТК, ДПЗ и т.д.). В этих случаях члены семьи размещаются изолированно от других арестованных в специально выделенном помещении (камера). Администрация тюрем принимает меры, обеспечивающие сохранность имущества, доставленого вместе со ссыльными.

Раздел 4

Ссыльным разрешается брать с собой:

а) одежду, белье, обувь, постельные принадлежности;

б) посуду столовую, чайную, кухонную (ложки, ножи, вилки, ведра и т. д.);

в) мелкий хозяйственный инвентарь, бытовой инструмент и орудия мелкого кустарного или ремесленного производства (топор, пила, лопата, коса, грабли, вилы, молоток, швейная машинка и т. д.);

г) продовольствие из расчета не менее месячного запаса на семью (разрешать брать продукты неограниченно);

д) сундук или ящик для упаковки вещей.

Общий вес указанных вещей не должен превышать 500 кг на каждую семью.

Обратить особое внимание, чтобы выселяемые семьи брали с собой как можно больше одежды, обуви и продуктов питания. Деньги без ограничения суммы и бытовые ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигары и т. д.).

Раздел 5

Конфискации подлежат все принадлежащие ссыльным постройки, сельскохозяйственный инвентарь (за исключением разрешенного к вывозу мелкого инвентаря) и домашний скот.

Имущество, подлежащее конфискации по описи, передается представителям местных органов власти. Один экземпляр описи с распиской в получении представителем местных органов власти отправляется в РО НКВД.

Вопрос о дальнейшем использовании конфискованного имущества сосланных решается Совнаркомом УССР, или областным исполкомом.

Предметы обихода, не подлежащие конфискации и не могущие быть взятыми с собой ссылаемыми, как превышающие норму 500 кг могут быть переданы на месте для дальнейшей реализации по указанию их владельцев.

Раздел 6

Порядок конвоирования ссылаемых в пути следования до железнодорожной станции назначения определяется уставом конвойной службы.

По прибытии на железнодорожную станцию назначения конвой сдает ссылаемых местным органам НКВД-НКГБ, которые организуют дальнейшую отправку их до места ссылки под конвоем милиции. Первый спецотдел НКВД по месту выселения заблаговременно извещает соответствующие управления НКВД-НКГБ по месту ссылки членов семей оуновцев и активных повстанцев об отправке эшелона, с указанием количества ссылаемых (взрослых). Начальнику конвоя каж-

дого эшелона вручается именной список всех ссылаемых, утвержденный наркомом внутренних дел УССР Рясным, по которому он производит здачу ссылаемых по месту назначения.

Все взрослые (начиная с 16 лет) ссылаемые члены семей оуновцев и повстанцев должны быть взяты на учет 1-м спецотделом соответствующего управления НКВД-НКГБ по карточкам формы № 1.

На обратной стороне карточки должны быть произведены отметки когда и куда сослан, а по получении выписок из решений ОСО должны быть произведены дополнительные отметки о решениях ОСО.

Начальник 1-го спецотдела НКВД УССР
подполковник государственной безопасности Смирнов

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 37. – Арк. 1–2.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 234–237.

№ 78

1944. – Квітня 7. – Директивна вказівка НКВС СРСР про організацію виселення членів ОУН та активних учасників визвольної боротьби

Совершенно секретно

Народному Комиссару внутренних дел УССР
Начальникам УНКВД Красноярского края,
Омской, Новосибирской, Иркутской областей

ДИРЕКТИВНОЕ УКАЗАНИЕ
НКВД СССР № 130 от 7 апреля 1944 г.

При оформлении материалов о ссылке членов семей оуновцев и повстанцев, в соответствии с директивой Народного Комиссара внутренних дел СССР – Генерального Комиссара государственной безопасности тов. Берия от 31 марта 1944 года за № 122, – предлагается руководствоваться следующим:

1. В ссылку в отдаленные районы Красноярского края, Омской, Новосибирской, Иркутской областей направлять всех совершеннолетних членов семей осужденных оуновцев, а также активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновении.

Несовершеннолетние члены семей следуют со своими родными.

2. Заключение начальников райгоротделов (отделений) НКВД-НКГБ о выселении семей должны содержать в себе полные установочные данные оуновцев и повстанцев, краткое указание о их практической бандитской деятельности, сведения о составе и местожительстве их семей. К заключениям о ссылке приобщать:

а) протокол опроса старшего (ответственного) члена выселяемой семьи, с перечислением в опросном листе всех остальных членов семьи (форма прилагается);

б) на арестованных оуновцев (повстанцев) – копию постановления на арест;

в) на осужденных – копию приговора судебного органа или решения ОСО об осуждении;

г) на убитых при столкновении – соответствующую справку.

3. На основании представленных согласно пункту 2 документов управлениям НКВД-НКГБ составлять постановления на каждую ссылаемую семью с указанием предполагаемого срока ссылки и в какую из указанных областей подлежат направлению ссылаемые семьи.

Заключение районных отделов и постановления областных управлений НКВД-НКГБ о ссылке составлять в 4-х экземплярах, из которых: 1 – оставлять в делах УНКВД-НКГБ, остальные направлять в НКВД УССР.

Всех совершеннолетних членов семей оуновцев (повстанцев), подлежащих ссылке, отражать в соответствующих учетах УНКВД и в учете 1-го спецотдела НКВД УССР.

4. НКВД УССР по утверждению постановления о ссылке направляет его вместе с заключением, опросным листом и другими документами, предусмотренными пунктом 2, на последующее утверждение ОСО при НКВД СССР через 1-й спецотдел НКВД СССР.

К постановлениям высылаемых на утверждение ОСО при НКВД УССР, приобщать 2 экз. учетных карточек по форме № 1 на каждого совершеннолетнего ссылаемого.

5. Основанием для направления в ссылку является: постановление, утвержденное наркомом внутренних дел УССР и прокурором УССР, которое вместе с заключением составляется районными отделами (отделениями) НКВД-НКГБ.

6. Реализацию описанного имущества, подлежащего конфискации, в соответствии с приказом НКВД СССР № 001552 – 1940 года, производить по получении выписок из решения ОСО.

7. Хозяйственное, трудовое и агентурно-оперативное обслуживание членов семей оуновцев (повстанцев) в местах расселения возложить на отделы спецпоселений УНКВД.

8. Об исполнении решений ОСО о ссылке и конфискации имущества УНКВД сообщить в 1-й спецотдел НКВД СССР в город Москву в установленном порядке.

Заместитель наркома внутренних дел Союза ССР
комиссар государственной безопасности 2-го ранга Чернышов

На цьому документі є резолюція наркома внутрішніх справ УРСР Рясного від 14.04.44 року: «Тов. Резницкий – доделайте чего не хватает. Дайте указания РО НКВД и УНКГБ». В цей час Рясний перебував у Рівному. Різницький – заступник начальника 1-го спецвідділу НКВД УССР, майор державної безпеки.

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 37. – Арк. 32–33.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 237–239.

№ 79

1944. – Квітня 15. – Інструкція НКВС УРСР про організацію виселення родин учасників ОУН-УПА

Совершенно секретно

Утверждаю
Нарком внутренних дел УССР
Комиссар государственной безопасности 3-го ранга Серов
15 апреля 1944 г.
№ 152

ИНСТРУКЦИЯ-УКАЗАНИЯ
о порядке производства выселения семей активных участников ОУН-УПА

1. По получении РО НКВД-НКГБ распоряжения о производстве выселения, районные отделы НКВД-НКГБ выделяют на каждые населенные пункты, в которых находятся семьи, подлежащие выселению, – одного или нескольких оперативных работников, которым вручаются списки лиц, подлежащих выселению.

2. Командование соответствующих частей выделяет необходимое количество бойцов и офицеров, предназначенных для проведения операции по выселению, для каждого населенного пункта в отдельности.

Выделенные войсковые группы передаются в распоряжение старшего оперативной группы РО НКВД-НКГБ.

3. Старшие оперативной группы заранее (до дня выселения) выясняют наличие в населенном пункте, из которого подлежат выселению, перевозочных средств – подвод и в случае если подвод будет недостаточно в данном населенном пункте, то учитывают наличие таковых средств в соседних населенных пунктах.

4. Накануне выселения командный состав войсковых групп тщательно инструктирует бойцов о их задачах.

5. За день до выселения райисполком дает распоряжение сельским советам о доставке в определенное место населенного пункта, в котором будет проводиться операция, к 8.00 час. утра подвод в количестве обеспечивающем перевозку груза и детей выселяемых до железнодорожной станции.

6. В день выселения опергруппа РО НКВД-НКГБ совместно с войсковой группой в населенный пункт прибывает не позднее 5–6 часов утра.

Командование войсковой группы выставляет охранные посты (оцепления) вокруг населенного пункта и внутри его, исходя из задачи не допустить никаких эксцессов, а тем более нападения со стороны банд. Для отражения возможного нападения банды войсковой командир обязан иметь у себя резерв.

Часть бойцов выделяется для выставления часовых у каждой хаты выселяемых.

Во время операции, вплоть до ее окончания, к оцеплению никого не выпускать из населенного пункта и не впускать в него. Всех подозрительных задерживать.

7. По прибытии в населенный пункт одновременно с выставлением вышеуказанных постов оперработники (можно использовать и офицеров) являются в дома выселяемых, проверяют по списку лиц, подлежащих выселению, делают соответствующие отметки, производят тщательный обыск всего дома и личный обыск выселяемых и

объявляют последним, что они по такой-то причине подлежат выселению, и о том, что они могут взять с собой. Дают им 3 часа на приготовление к отправке.

Одновременно с этим оперработник, совместно с представителем райисполкома или сельского совета, составляет опись имущества, подлежащего конфискации.

8. По окончании сборов выселяемых имущество грузится на подводы. Оперработник сдает имущество вышеуказанным представителям, оставляя один экземпляр описи у них, а другой берет с собой.

Выселяемым необходимо особо разъяснить о необходимости брать больше продуктов питания (можно разрешить зарезать овцу, свинью и другой мелкий скот).

9. Груженные подводы концентрировать в одном месте на выходе из населенного пункта и после того, как все будут в сборе, отправить на железнодорожные станции в сопровождении всей войсковой группы и оперработников.

Командиру войсковой группы особо тщательно и продуманно организовать продвижение обоза с выселяемыми в целях недопущения нападения банд. В направлениях возможного нападения со стороны банд выставлять засады на время прохода обоза.

10. Во время операции по выселению всех идущих в данный населенный пункт задерживать и выяснять личность. Не допускать скопления посторонних людей у домов выселяемых, а также в других местах села. Всех подозрительных лиц в населенном пункте задерживать.

11. По прибытии к вагонам, оперработник сдает старшему конвоя поезда доставленных выселяемых по списку и получает от последнего расписку.

После этого операция считается законченой.

12. РО НКВД-НКГБ рапортом доносит начальнику УНКВД-НКГБ о результатах операции.

Ця інструкція була підготовлена у м. Рівному, де знаходився штаб боротьби з ОУН та УПА на чолі з наркомом внутрішніх справ УРСР Рясним. Вона терміново була відправлена у всі області Західної України і під розписку вручена всім начальникам районних відділів НКВС-НКДБ. Про це свідчить запис-резолюція начальника Управління боротьби з бандитизмом НКВС УРСР Задоя.

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 31. – Арк. 18–20.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 239–241.

№ 80

1944. – Травня 11. – Директивна вказівка-рознарядка НКВС СРСР наркому внутрішніх справ УРСР про кількість населення Західної України, яке підлягає виселенню

Совершенно секретно

Народному Комиссару внутренних дел УССР
Комиссару государственной безопасности 3-го ранга Рясному
11. 05. 1944 г.
№185/46

УКАЗАНИЕ-РАЗНАРЯДКА
о количестве населения Западной Украины, подлежащем выселению

Передаю текст, полученный на Ваше имя от заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности 2-го ранга Чернышова от 11. 05 1944 года за № 185/46 следующего содержания:

В соответствии с директивой НКВД СССР № 130 от 7 апреля 1944 года семьи оуновцев и повстанцев должны направляться в Красноярский край, Иркутскую, Новосибирскую и Омскую области.

Для семей оуновцев, направляемых в Красноярский край, устанавливаются следующие железнодорожные станции: Абакан – 200 чел., Енисей – 1400, Канск – 400, Клюквенная – 1300, Камарчага – 1300 (Примітка: рукою дописано – Дрогобич), Мажирская – 400. Итого: 5000 чел.

Все станции Красноярской железной дороги, направленные в Иркутскую область, следуют до станций:

Тайшет – 1500 чел.; Нижне-Удинск – 1200, Черемхово – 2300. Итого: 5000 чел.

Все станции Восточно-Сибирских железных дорог. Все направляемые в Омскую область – 4000 чел. оуновцев, следуют до станции Тюмень – 2000 чел. Свердловской ж. д.; Омск – 2000 чел., Омской ж. д.

Направляемые в Новосибирскую область – 3000 чел. оуновцев, следуют до станции Новосибирск – Пристанский тупик, Томской ж. д.

Питательные пункты в пути следования эшелона организуются при железнодорожных буфетах станций: Ровно, Киев, Полтава, Харьков, Купенск, Валуйки, Лиски, Поворино, Балашов, Ртищево, Пенза, Сызрань, Уфа, Челябинск, Курган, Петропавловск, Омск, Новосибирск, Красноярск.

Прошу вас проследить за подготовкой железнодорожных буфетов и организацией питания проходящих эшелонов при станциях: Ровно, Киев, Полтава, Харьков, Купенск и Валуйки, расположенных на территории УССР. Предупредить всех выселяемых, чтобы они взяли с собою достаточное количество обуви и одежды, а также продуктов питания, необходимых для пути следования.

На первое время после расселения разрешается брать с собою груз, но не более 500 кг общего веса на каждую семью. При погрузке направляемых эшелонов организовать совместно с органами Наркомздрава УССР санитарную обработку отправляемых и выделить для них необходимое количество медперсонала с медикаментами для сопровождения эшелонов в пути следования. Об отправке каждого эшелона со спецпереселенцами немедленно сообщить мне: номер отправляемого эшелона, станцию назначения, количество следуемых семей-человек, в том числе: мужчин, женщин и детей до 16 лет.

Передано из Москвы по телеграфу.
Подписал Бурилин.
Принял Кращенко.

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 37. – Арк. 52.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 241–242.

№ 81

1944. – Травень. – Директивна вказівка Наркомату внутрішніх справ СРСР Львівському транспортному відділу НКВС про збільшення завантаження вагонів із спецпереселенцями

Совершенно секретно

Львов
Транспортный отдел НКВД
Говозову
Начальнику управления конвойных войск НКВД УССР
Бочкову
Начальнику ГУЛАГа НКВД СССР
Наседкину

УКАЗАНИЕ

За последнее время отмечены случаи систематического недоиспользования вместимости подаваемых вагонов под погрузку специальных контингентов и специальных переселенцев НКВД. Начальники эшелонов и конвоев вместо борьбы за максимальное использование вагонов, загружают по 15–20 чел. в вагон.

Приказываю:

В дальнейшем производить погрузку спецконтингентов НКВД назначением Владивосток, Находка, Комсомольск из расчета 30–35 чел. в вагон. Начальникам отделов и отделений спецперевозок НКВД лично контролировать под погрузку других грузов; эшелоны, погруженные спецконтингентом, вопреки установленным нормам, со станций погрузки не отправлять, а начальников эшелонов и конвоя обязать производить уплотненную погрузку с освобождением излишнего подвижного состава.

Заместитель наркома внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 2-го ранга Чернышов
№ 1/18167.

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 55. – Арк. 12.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 262.

№ 82

1944. – Червня 21. – Лист секретаря Львівського обкому КП(б)У секретарю Центрального Комітету КП(б)У про перереєстрацію населення Львівської області

Цілком таємно

Секретарю Центрального Комітету КП(б)У
товаришу Хрущову М. С.
м. Київ

Враховуючи, що Львівська область особливо засмічена українсько-німецькими і польськими націоналістичними елементами і їх посібниками і має різний національний склад населення, обласний комітет КП(б)У вважає за необхідне, після звільнення Львівської області від німецьких окупантів, провести детальну перереєстрацію всього населення.

Проводячи перереєстрацію, ми ставимо собі за завдання одержати точні дані: про чисельність населення і його національний склад, урахувати точну кількість радянських громадян, уведених в Німеччину німцями, і виявити легально мешкаючих ставлеників німецьких окупантів і учасників різних націоналістичних і бандитських формувань не тільки із числа місцевого населення, але й залишених на осідання тих, які втекли з німецькою армією із східних областей УРСР.

Про ваше рішення по цьому питанню просимо нас сповістити.

Секретар Львівського обкому КП(б)У Грушецький
21 червня 1944 р.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 889. – Арк. 18.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 263.

№ 83

1944. – Червня 22. – Наказ по НКВС та НКО Союзу РСР про виселення українців, які перебували під німецькою окупацією, та про нагляд за червоноармійцями, мобілізованими із визволених територій України

ПРИКАЗ № 0078-42

22 июня 1944 года
г. Москва

По Народному комиссариату внутренних дел Союза ССР
и Народному комиссариату обороны Союза ССР

Содержание: О ликвидации саботажа на Украине и о контроле над командирами и красноармейцами, мобилизованными из освобожденных областей Украины.

§1

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдачи хлеба для нужд Красной Армии. Оно для того, чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот. Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывают в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах «зеленые» банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и

нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому, в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины,

Приказываю:

1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживающих под властью немецких оккупантов.

2. Выселение производить:

а) В первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев.

б) Во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации.

в) Выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии.

г) Выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться другим и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль:

а) Завести в особых отделах специальные дела на каждого.

б) Все письма проверять не через цензуру, а через особый отдел.

в) Прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и красноармейцев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12 и 25 карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР Берия

Зам. Народного Комиссара Обороны Союза ССР
Маршал Советского Союза Жуков

Верно: Начальник 4-го отделения полковник Федоров.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 70. – Спр. 997. – Арк. 91;
Опубл.: Шлях перемоги. – 1995. – Ч. 23. – 17 черв.

№ 84
1944. – Червень. – Платформа Української Головної Визвольної Ради

ПЛАТФОРМА УКРАЇНСЬКОЇ ГОЛОВНОЇ ВИЗВОЛЬНОЇ РАДИ

1. Український національно-визвольний рух, створення Самостійної Української Держави та боротьба за її закріплення в 1917–1921 рр. поглибили національну свідомість і посилили політичну активність українських народніх мас.

Упадок української держави внаслідок чужого завоювання, зумовленого недостатнім внутрішнім об'єднанням українських національних сил, полегшив чужинцям запанувати на Україні. Це панування позначилось небувалим гнітом, масовим пограбуванням українського народу, поверненням його селянства й робітництва у справжнє кріпацтво, з нещадною експлуатацією і винищуванням мільйонових мас голодом і терором. Це страшне і криваве лихоліття упродовж 25 років навчило українські народні маси, що ніякий чужий політичний і соціяльний устрій не піде їм на користь і що тільки власна національна суверенна держава є єдиною передумовою та запорукою нормального життя і розвитку нації та її культури, матеріяльного та духовного добробуту народних мас.

2. Сучасна війна між двома тотальними силами, московсько-більшовицьким та німецько-гітлерівським імперіялізмами, ведеться за оволодіння в першу чергу українських земель, як вихідних позицій до панування у східній, а навіть у всій Європі. Вони стоять на позиціях тотальної, колоніяльної експлуатації українських земель та їх населення. Вириваючи українському народові всі матеріяльні й господарські засоби, вони нещадно винищують провідні українські сили, нищать національну культуру і національну свідомість у масах, колонізують край чужим населенням, а українське населення масово вигублюють або вивозять за межі України.

3. Проте ця війна виснажує також ворогів і приводить їх до соціяльного та політичного розкладу. Це створює сприятливі передумови для визвольної боротьби поневолених народів та полегшить їм остаточну перемогу.

4. З уваги на це необхідно:

а) у вирі сучасної тотальної війни оборонити український народ та його провідні кадри від фізичного знищення;

б) повести його до боротьби за своє визволення і власну суверенну державу.

Для здійснення цих завдань потрібний єдиний всеукраїнський національний фронт, організований на основі об'єднання всіх діючих національних українських сил, які змагають до української суверенної держави, і єдиний керівний центр.

Тому за ініціятивою Української Повстанської Армії (УПА), що утворилася в процесі збройної боротьби українського народу проти грабунків і насильств окупантів над мирним українським населенням, зорганізувався з представників усіх українських земель та українських політичних середовищ всеукраїнський провідний центр під назвою: **Українська Головна Визвольна Рада (УГВР).**

І. Цілі і завдання Української Головної Визвольної Ради

1. Об'єднати й координувати дії всіх самостійницько-визвольних сил українського народу на всіх землях України та поза ними для національно-визвольної боротьби проти всіх ворогів українського народу, зокрема проти московсько-большевицького і

німецько-гітлерівського імперіялізмів, за створення Української Самостійної Соборної Держави (УССД).

2. Визначувати ідейно-програмові напрямні визвольної боротьби українського народу.

3. Керувати всією національно-визвольною боротьбою українського народу аж до здобуття державности і створення органів незалежної державної влади на Україні.

4. Репрезентувати, як верховний всеукраїнський центр, сучасну політичну боротьбу українського народу в краю і за кордоном.

5. Покликати до життя перший український державний уряд та скликати перше українське всенародне представництво.

II. Основні ідейно-програмові принципи

Збереження життя нації, національної єдности й культури – це перша й найвища ціль всякого здорового національного організму; національна суверенна держава є головною запорукою збереження життя і нормального розвитку нації та добробуту її громадян.

Тому українська нація в цей час повинна віддати всі свої сили для здобуття і закріплення власної держави.

Всі політично активні українські чинники повинні сконсолідуватися в боротьбі за самостійну українську державу, усунути всякі суперечливі питання соціяльно-політичного порядку, які без здобуття власної держави не мають під собою реального ґрунту.

Боротьба за національну самостійну державу може бути успішна тільки при умові, що вона буде проводитися незалежно від політичних впливів сторонніх сил.

На тій підставі УГВР визнає такі принципи своєї діяльности:

1. УГВР прагне до відбудови Української Самостійної Соборної Держави на всіх землях українського народу засобами революційної боротьби проти всіх ворогів державної самостійности українського народу, зокрема проти большевицьких і німецьких окупантів, та у співпраці з усіма прихильниками такої самостійности.

2. УГВР твориться на принципі повної політичної незалежности своїх прагнень від впливів сторонніх сил і чинників.

3. УГВР об'єднує всі провідні політичні елементи незалежно від їх ідейного світогляду та політично-групової приналежности, що стоять на ґрунті політичної суверенности української держави та політичної незалежности українських визвольних прагнень.

4. УГВР приймає для об'єднання національно-визвольних українських сил у боротьбі за УССД таку політичну соціяльну плятформу:

а) забезпечення народно-демократичного способу визнання політичного устрою в українській державі шляхом загального народнього представництва,

б) забезпечення свободи думки, світогляду й віри,

в) забезпечення розвитку української національної культури,

г) забезпечення справедливого соціяльного ладу в українській державі без клясового визиску і гноблення,

ґ) забезпечення справжньої законности в українській державі і рівности всіх громадян перед законом,

д) забезпечення громадянських прав усім національним меншостям на Україні,

е) забезпечення права рівних спроможностей на освіту для всіх громадян,

є) забезпечення у трудовій господарській діяльності для всіх громадян вільної ініціятиви, регульованої вимогами й потребами цілости нації,

ж) забезпечення вільної форми трудового землекористування з визначенням мінімальних і максимальних розмірів для індивідуального землекористування,

з) усуспільнення основних природних багатств країни: землі, лісу, вод і підземних скарбів з передачею рільних земель у постійне користування трудовим хліборобським господарствам,

и) удержавлення важкої індустрії і важкого транспорту, передача кооперативним об'єднанням легкої і харчевої індустрії, право широкого вільного кооперування дрібних продуцентів,

і) забезпечення вільної торгівлі в унормованих законодавством межах,

ї) забезпечення вільного розвитку ремесла та права на творення індивідуальних ремісничих верстатів і підприємств,

й) забезпечення права на вільну працю для фізичних та розумових працівників і забезпечення охорони інтересів робітництва соціяльним законодавством.

5. УГВР провадитиме свою боротьбу за УССД в союзі зі всіма поневоленими народами Европи й Азії, які борються за своє визволення і визнають право України на політичну незалежність.

6. УГВР змагає до порозуміння і прагне мирного співжиття з усіма сусідами України на принципі взаємного визнання права на власні держави на етнічних землях кожного народу.

Опубл.: Літопис Української Повстанської Армії… – Т. 8. – Кн. 1. – С. 34–38.

№ 85
1944. – Червень. – Універсал Української Головної Визвольної Ради

УНІВЕРСАЛ УКРАЇНСЬКОЇ ГОЛОВНОЇ ВИЗВОЛЬНОЇ РАДИ

Український народе!

Революційним зривом, зброєю твоїх найкращих синів Ти здвигнув у 1917–18 рр. на руїнах тогочасних імперіялізмів, що Тебе віками поневолювали, **Храм Волі – Українську Державу!**

Грізні вітри розвівали Твої переможні прапори над усіма землями України. Рев Славути-Дніпра, прибій чорноморських хвиль, шелест степової тирси і таємний шум карпатських та поліських лісів зливалися в одну симфонію і співали радісну пісню **Перемоги Волі.** Віковічні Твої вороги зруйнували Твій святий Храм, та Ти, Український Народе, зберіг його в своїй душі як священну **Ідею предків.**

Протягом двох десятиліть Ти мужньо відстоював її своєю боротьбою. За волю Української Землі, за власну незалежну державу Ти приніс міліонові жертви.

І знову п'ятий рік шаліє воєнна хуртовина і лавою прокочується через українські землі. Здригається Українська Земля під полчищами ворожих військ. Не за твоє визволення, Український Народе, ведуть вони цю криваву і жорстоку різанину. Вони несуть Тобі тільки руїну, поневолення і смерть. Але ти не піддався, а почав криваву боротьбу з

усіма окупантами України. На сторожі своєї волі Ти поставив – від карпатських верхів по Дон і Кавказ збройні кадри своїх синів – **Українську Повстанську Армію.**

Український народе!

Гряде доба Національних Визвольних Революцій. Поневолені народи Сходу і Заходу в своїй безперервній революційній боротьбі ждуть хвилини, щоб на руїнах ворожих їм імперіялізмів побудувати нове вільне життя.

Український народ входить у **вирішальну стадію** своєї визвольної боротьби. Наближається момент, в якому вирішиться наша доля.

Сучасне українське покоління може бути горде, що саме йому доведеться в героїчній боротьбі **завершити будову Української Держави і здійснити предківський заповіт.**

Велетенське завдання Української Держави вимагає ще більшого завзяття, ще більшої відданості справі, а перш за все об'єднання всіх самостійних революційних сил під одним політичним проводом. Щоб об'єднати всі національно-визвольні сили українського народу, щоб з одного центру керувати нашою визвольною боротьбою, щоб перед зовнішнім світом репрезентувати волю українського народу, та щоб протиставитись спробам ворогів Української Держави розбивати єдиний самостійний український фронт, – створюється **Українська Головна Визвольна Рада, яка від сьогодні бере на себе керівництво визвольною боротьбою українського народу.**

В Українській Головній Визвольній Раді зібрані представники всіх активно діючих революційно-визвольних сил сучасної України та передові одиниці з українських політичних середовищ, що в сучасний момент визнали за єдиноправильну **цілком незалежну плятформу** визвольної боротьби українського народу за Українську Самостійну Соборну Державу, та будуть проводити її в життя.

До Української Головної Визвольної Ради можуть входити всі справді самостійні і незалежні сили України, незважаючи на їх світоглядове та політично-групове визначення, ті, котрі готові боротися за **Суверенну Українську Державу.**

Українська Головна Визвольна Рада є найвищим керівним органом українського народу на час революційної боротьби, аж до створення уряду Української Самостійної Соборної Держави.

Ми, Українська Головна Визвольна Рада, присягаємо Тобі, Український Народе:

Наша мета – Українська Самостійна Соборна Держава на українських етнографічних землях.

Наш шлях – революційно-визвольна боротьба проти всіх займанців і гнобителів українського народу.

Будемо боротись за те, щоб Ти, Український Народе, був **володарем на своїй землі.**

Будемо боротись за те, щоб усьому українському народові забезпечити участь у визначенні майбутнього державного устрою УССД та її Конституції. Будемо **боротись за справедливий соціальний лад** без гніту і визиску.

На вівтарі цієї боротьби кладемо свою працю і своє життя.

Віримо в Твої здорові сили, Український Народе, вони служать запорукою нашої перемоги.

Вітаємо боротьбу інших поневолених народів за своє визволення. З ними, зокрема з нашими сусідами, бажаємо жити в добросусідських взаєминах та співпрацювати у спільній боротьбі при умові пошанування ними визвольної боротьби українського народу.

Всі національні меншини, що живуть на українських землях, закликаємо включатися в українську визвольну боротьбу. Їм забезпечуємо повні громадянські права в українській державі.

Український народе!

Ми свідомі того, що грядуща боротьба буде вимагати від Тебе ще більшого завзяття і героїзму, а перш за все непохитної **віри в свою Правду.**

Віримо, що **не посоромиш землі своєї!**

Віримо, що будеш гідним спадкоємцем княжих дружинників і козацької слави!

Героїчна боротьба твоїх предків за Українську Державу – це для Тебе наказ!

Тому кличемо Тебе:

Єднайсь у своїй боротьбі, кріпись у своїй вірі!

Слава Україні!

УКРАЇНСЬКА ГОЛОВНА ВИЗВОЛЬНА РАДА
Постій, червень 1944 року.

Опубл.: Літопис Української Повстанської Армії… – Т. 8. – Кн. 1. – С. 34–41.

№ 86

1944. – Вересня 8. – Доповідна записка Львівського обкому КП(б)У в ЦК КП(б)У про політичні настрої української інтелігенції Львова в 1941–1944 рр.

Киев, ЦК КП(б)У
тов. Хрущеву Н. С.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о политнастроениях украинской интеллигенции города Львова
в период немецкой оккупации и в настоящее время

Немецкие оккупанты, заняв 30 июня 1941 года город Львов, рассчитывали найти для себя массовую опору в лице националистически настроенной части украинского населения.

Демагогически оперируя лозунгами «самостоятельной и независимой Украины» и ликвидации колхозной системы землепользования, немцы предполагали привлечь на свою сторону украинскую националистическую интеллигенцию, которая, по их расчетам, должна была повести за собой народные украинские массы.

Политические планы немцев в целом потерпели провал, так основные массы украинского населения не пошли за ними, а сохранили верность своей социалистической родине и советской власти.

Однако, националистически настроенная часть украинской интеллигенции сразу же с приходом немцев показала свое антисоветское лицо и пошла на службу к немецким

оккупантам. Все органы профашистской администрации гор. Львова в течение долгого времени комплектовались исключительно из украинских националистов и лишь в самый последний период в администрацию был допущен некоторый процент поляков.

Украинская националистическая интеллигенция, даже наиболее преданная немцам ее часть, весьма скоро получила возможность убедиться в лживости и демагогичности немецких лозунгов «независимой Украины». Львов и почти вся Западная Украина были отделены от Украины и включены в качестве дистрикта «Галиция» в состав Генерал-губернаторства, над украинской, по своему составу, администрацией были посажены немецкие чиновники – губернатор дистрикта, штадтгауптман гор. Львова и другие, во все учреждения были назначены немецкие «шефы», а над всей деятельностью легальных украинских обществ и союзов был установлен контроль гестапо.

И все-таки подавляющая по численности часть украинских националистов до конца оккупации продолжали верно служить немцам и в конце значительная часть из них бежала на Запад при приближении ко Львову частей Красной Армии, показав тем самым свою враждебность к советской власти.

За всю активную помощь немецким оккупантам украинские националисты во Львове получили от немцев некоторые, весьма незначительные привилегии по сравнению с поляками. Так, театр им. Леси Украинки, Украинское издательство, Украинский Центральный Комитет (УЦК) – «орган украинской общественности» – имели более широкие права, нежели соответствующие польские организации. Кроме того во Львове выходили две украинские газеты «Львівські вісті» и «Рідна земля».

Следует отметить, что вскоре после вступления немецких войск во Львов, в город начали возвращаться бежавшие в 1939 году от советской власти в Краков и Варшаву видные деятели украинского национализма (профессор Кубийович, профессор Паньковский, доктор-адвокат Биляк и другие), с другой стороны в начале 1943 года во Львов начали съезжаться крупные украинские националисты, бежавшие из Харькова, Полтавы, Киева от наступающей Красной Армии (писатель Арк. Любченко, журналисты А. Белосветов и А. Веретенченко из Харькова, писатель М. Зеров из Киева и многие другие).

Таким образом, Львов стал местом сосредоточения украинской националистической интеллигенции.

Практическая профашистская деятельность украинской националистической интеллигенции в период немецкой оккупации развивалась по основным направлениям: работа в созданной немцами администрации, работа в УЦК и различных его органах; участие в создании дивизии «СС Галичина» и агитация за добровольное вступление в нее, сотрудничество в профашистской прессе и издание пронемецкой националистической литературы.

Городская администрация Львова в первые месяцы оккупации возглавлялась «городским головой» украинцем профессором Полянским Юрием. В 1939–1941 гг. Полянский был ученым секретарем и заведующим кафедрой Львовского университета.

В июле 1941 года, выступая на «общегородском митинге», посвященном приходу немецких войск, Полянский горячо приветствовал немецкую армию и ее командование, заверял фашистских генералов и оккупационные власти в тесной дружбе и всемерной поддержке со стороны украинского населения.

В июле 1944 года Полянский вместе со своей семьей бежал в Краков.

После назначения немецкого губернатора дистрикта Галиции и штадтгауптмана гор. Львова должность городского головы была упразднена и вместо нее была введена чисто марионеточная должность, так называемого «посадника». В течение более чем двух лет «посадником» гор. Львова являлся адвокат доктор Биляк, также бежавший из Львова при приближении к городу Красной Армии.

Большую помощь немцам в деле ограбления западно-украинского крестьянства оказала так называемая «Хлеборобская палата», являвшаяся, по существу, сельскохозяйственным отделом оккупационного аппарата.

«Хлеборобская палата» состояла исключительно из украинских националистов – агрономов и инженеров. Возглавлялась она доктором Евгением Храпливым, бежавшим в 1939 году в Краков и вернувшимся с немцами во Львов в 1941 году.

Храпливый – типичный представитель украинских фашистов. В своей книге «Нова організація німецького села» (издана в 1942 году во Львове) он восхваляет кулацкую реформу германского сельского хозяйства и, предлагая распространить ее на Украине, гнусно клевещет на советскую власть и колхозный строй.

В июне 1944 года Храпливый бежал в Криницу, как и ряд его ближайших сотрудников Иван Шепарович (зам. директора палаты), Богдан Гнатович (секретарь) и другие. Из числа активных сотрудников «Хлеборобской палаты» установлен во Львове Давидяк Евгений, доцент Львовского университета, доктор юридических наук. Два сына Давидяка служат в дивизии «СС Галичина».

Значительная часть работников украинской адвокатуры и специалистов в области юриспруденции пошли на службу приспособленную немцами для условной оккупации судебно-адвокатскую систему.

Так, например, профессор Вергановский, бывший зам. декана юридического факультета Львовского университета, в течение всего периода оккупации был членом апелляционного суда и летом 1944 г. бежал в Краков.

Профессор Маритчак, бывший зав. кафедрой международного права, уже в 1940–1941 гг. проявлял себя националистически настроенным и незадолго до начала войны публично лицемерно «каялся» в своих националистических ошибках. С приходом немцев во Львов Маритчак сбросил маску и показал себя убежденным сторонником оккупантов. Сначала он был назначен немцами на должность начальника Львовского округа, а после ликвидации округов перешел в адвокатуру. Одновременно Маритчак активно работал в УЦК.

В мае 1944 года Маритчак бежал в Криницу, но в данное время собирается возвратиться во Львов.

Преподаватель юридического факультета Старосельский Стефан был при немцах членом окружного суда и, одно время, заведующим юридического бюро канцелярии штадтгауптмана.

Профессор административного права Дябло Всеволод Корнеевич до 1940 года работал в Москве, а затем был направлен во Львов как советский украинский ученый. Ничем положительным не проявил себя при советской власти, Дябло остался в оккупированном немцами Львове и показал себя ярым украинским националистом и врагом советской власти. Он работал в юридическом бюро штадтгауптмана, затем в антисоветском «восточном трудовом институте» и в адвокатуре.

Дябло афишировал свое исключение из секции научных работников еще в 1930 году за антисоветские высказывания, неоднократно выступал с «научными» доклада-

ми на собраниях судей, прокуроров и адвокатов гор. Львова. Выступая в начале 1944 года с докладом о законодательстве УНР, Дябло всячески восхвалял а/с мероприятия правительства УНР и заявлял: «смертельный враг украинского народа – большевики»... враг № 1 украинцев – коммунистическая партия».

В мае 1944 года Дябло выехал в Прагу и агитировал интеллигенцию Львова за бегство от Красной Армии.

Антисоветскую деятельность проводили в период оккупации также юристы Барболяк, Вороняк и др., бежавшие с немцами.

Об антисоветской националистической деятельности Украинского Центрального Комитета известно, что помимо своего центрального аппарата, окружных комитетов и делегатур УЦК создал среди украинской интеллигенции гор. Львова различные общества и союзы (например, студенческий союз ОПУС (об'єднання праці українських студентів) и артистический союз СУА (Спілка українських акторів).

ОПУС ставил перед собой в качестве основной задачи воспитание кадров националистической интеллигенции для руководящей роли в «будущей украинской державе». В одном из отчетов ОПУС прямо говорит об этом: «Особенно ОПУС добивается того, чтобы украинские студенты... подготовились так, чтобы со временем занять руководящие места в украинской общественной жизни и умело направлять эту жизнь».

ОПУС поддерживал организационный контакт с белоэмигрантской националистической организацией НОУС (националистическое объединение украинских студентов), центр которого находится в Берлине.

Практическая деятельность ОПУСа выражалась в организации различных лекций и докладов на идеологические темы «Психология современной молодежи», «Политическая ситуация в Европе» и т. д., а также в создании многочисленных общеобразовательных кружков и групп.

Вместе с тем ОПУС систематически проводил профашистскую агитацию, в частности на страницах «Студентского прапора», всячески афишировалась дивизия «СС Галичина», возводилась клевета на советское студенчество и положение высшей школы СССР.

Руководителем ОПУСа был доктор права Борис Лончина, украинский националист, автор ряда антисоветских статей. Лончина бежал с немцами, как и его ближайшие сотрудники (Паук, Лемеха, Корчинський, Лесик, Галивен и др.).

Для учащихся украинских гимназий (их было во Львове при немцах две) УЦК организовал молодежно-националистическое общество ВСУМ (Вольный союз украинской молодежи).

После открытия украинского театра в гор. Львове УЦК создал актерский националистический союз СУА (Союз украинских актеров). В СУА входили почти все актеры-украинцы.

Руководство СУА ставило своей главной задачей поддержание националистической линии репертуара и организацию сбора денежных средств для УЦК.

В него входили Паздро (режиссер), Блавацкий (директор театра), Курило (артист оперы), Сорока (режиссер), Крыжановский (администратор), Сподорок (пом. зав. столовой театра), Яромко (зав. буфетом театра) и другие.

Большинство из перечисленных лиц бежало в мае–июле 1944 года в Краков. Сорока в настоящее время является и. о. директора Муздрамтеатра и маскирует свои антисоветские настроения.

Украинские националисты во Львове издавали две свои газеты «Львівські вісті», «Рідна земля». Редактором обеих газет был журналист Иосиф Боднарович, умерший в мае 1944 г.

«Львівські вісті» претендовали на роль «общественной газеты». По своему направлению это была газета открыто профашистского характера, совмещавшая свое угодничество перед немцами и клевету на СССР с пропагандой украинского национализма.

В редакцию газеты «Львівські вісті» входили помимо Боднаровича следующие лица: Евгений Яворовский, Остап Тарновский, Стефан Конрад (он же спецвоенкорреспондент в дивизии «СС – Галичина»), Михаил Семчишин.

Все они из Львова бежали в Краков.

Активное участие в газете «Львівські вісті» принимали журналисты и литераторы-националисты, бежавшие в 1943 году из Харькова (Арк. Любченко, Александр Белосветов, Алексей Веретенченко и др.), из Киева (Николай Зеров и др.).

Эти лица в течение всего периода оккупации систематически сотрудничали в профашистских газетах Харькова («Новая Украина»), Киева («Новое украинское слово»), Полтавы, Ровно, Львова. В период отступления немцев они бежали в Краков и Варшаву.

Газета «Рідна земля» являлась органом «Хлеборобской палаты» и УЦК. Направление ее также было ярко профашистским и с «сельскохозяйственным уклоном». В ее редакцию входили, кроме Боднаровича, журналисты Юлиан Тарнович, Ярослав Шавяк, Глеб Сирко, также бежавшие в Краков.

Характерно отметить, что члены редакций украинских профашистских газет гор. Львова получали чрезвычайно низкое жалование (200–250 злотых в месяц), несмотря на свою преданность немцам и сотни написанных ими антисоветских статей. В связи с этим они в 1943 году направили в отдел печати Управления генерал-губернатора Франка прошение, в котором, подчеркивая свою «верную службу» интересам Германии, просили увеличить им оклады жалования.

Большую антисоветскую работу проводило в период немецкой оккупации т. н. «Украинское издательство» (Українське видавництво), издавшее сотни названий националистической и профашистской литературы.

В этом издательстве выходили массовыми тиражами злобные антисоветские брошюры «Борьба Украины с Москвой», «Освободительная борьба украинского народа» (автор – Емельян Терлецкий), «Семен Петлюра» (автор – Сидор Корбут) и другие, многочисленные псевдонаучные труды вроде «Малой истории Украины» (автор – профессор Крипякевич), «Короткая история Галичины» (автор – доктор Б. Барвинский), «География Украины и смежных земель» (автор – профессор Кубийович) и другие националистические журналы «Наши дни» (литературно-публицистического направления), «Дорога» (для юношества), «Малые друзья» (для детей), а также календари, альманахи, школьные учебники (для украинских начальных школ и гимназий) и т. д.

Из числа активных работников издательства в гор. Львове проживают:

Крипякевич Иван Петрович, 1886 года рождения, уроженец и житель города Львова, украинец, беспартийный, доктор исторических наук, в настоящее время – руководитель отдела Института истории филиала Академии наук УССР. Крипякевич до немецкой оккупации был деканом исторического факультета ЛГУ и депутатом областного Совета депутатов трудящихся.

В период оккупации Крипякевич стал одним из редакторов «Украинского издательства» и в собственных печатных работах показал себя идеологом украинского национализма. Так, например, в фальсификаторной пропагандистской брошюре «Малая история Украины» он писал:

«Теперь настало время, когда ослабленный прежде всего украинским национально-революционным движением СССР, эта страшная тюрьма и застенок народов, падает под могучим натиском революционно-освободительных сил и мощными ударами немецкого оружия».

Крипякевич и при немцах не скрывал своих ярых националистических взглядов. И лишь со временем приближения советских войск ко Львову начал проявлять беспокойство, опасаясь репрессий со стороны органов советской власти за свою националистическую деятельность.

Барвинский Богдан Александрович, 1880 года рождения, уроженец и житель гор. Львова, украинец, беспартийный, доктор исторических наук, старший научный сотрудник библиотеки филиала Академии наук УССР.

Барвинский в брошюре «Короткая история Галичины» писал: «22 июня 1941 г. Великая Германия, имея в руках истинные доказательства того, что СССР тайно готовится напасть на нее, была вынуждена объявить ему войну, немецкая армия по приказу фюрера Адольфа Гитлера начала наступление и беспощадно громя врага, 30 июня освободила гор. Львов от большевистского ярма».

Брат Барвинского – композитор Василий Барвинский, депутат Верховного Совета УССР, которому в 1939–41 г. были созданы прекрасные условия для творческой работы, в период немецкой оккупации также показал свое антисоветское лицо, открыто заявлял о своей нетерпимости ко всему русскому, отправив двух сыновей своих в дивизию «СС – Галичина».

Сейчас Барвинский работает и. о. директора Львовской консерватории.

Третий брат – доктор медицины – Александр Барвинский был назначен немцами на должность зам. заведующего Горздравотделом и пользовался большим авторитетом у оккупантов.

Весной 1943 года, когда германские оккупационные органы разрешили создание украинской «добровольческой» дивизии «СС – Галичина» для борьбы против Красной Армии, все украинские националистические организации УЦК, ОПУС, СУА и др. развернули агитационную работу по этой линии.

При губернаторе дистрикта, докторе Вехтер, была создана «воинская управа» во главе с немецким полковником Бизанц.

В «воинскую управу» вошел целый ряд представителей украинской националистической интеллигенции – доктор Макарушка Любомир, инженер Попик Андрей, магистр Кушнир Иван, инженер Крохмалюк Юрий, доктор Белозер Владимир, учитель Зеленый Зенон, священник Лаба Василий и другие.

«Воинская управа» и профашистские газеты «Львівські вісті» и «Рідна земля» в широких масштабах вели агитацию за вступление украинской молодежи в дивизию «СС – Галичина».

Наиболее прогрессивная часть интеллигенции, как-то: учительство, преподавательский состав высших учебных заведений, врачи, актеры и т. д. сохранили свою преданность советской власти, своей социалистической Родине.

Так, например Березин Николай, украинец, стал одним из руководителей под-

польной партизанской организации города Львова, редактором ее нелегальных газет. Березин 24 июля 1944 г. был убит польскими террористами.

Инженер Путько Михаил также был активным членом указанной организации.

После освобождения гор. Львова от немецких оккупантов основная часть украинской интеллигенции активно включилась в работу по восстановлению научной и культурной жизни города.

Так, например: композитор и диригент Мыкола Колесса организовал работу симфонического оркестра, который выступает с программой советских композиторов и пользуется большой популярностью и любовью среди населения города Львова.

Артист Домбровский с большим желанием организовал лучшие артистические силы польских актеров в Польский театр и начал работу театра постановками «Их четверо», «Бургомистр Стельмонду», которые посещают многие сотни поляков, что в годы немецкой оккупации не могли и мыслить о польском искусстве.

Академик Возняк активно включился в работу института Академии наук УССР.

Профессор Свенцицкий – директор музея украинскорусского искусства – много работает, чтобы возродить работу музея.

Писатели и поэты Карманский и Бжоза – активно участвуют в работе газет, а также в союзе советских писателей, организовуя писателей Львова для активной работы на благо нашей социалистической родины.

Проведенное совещание 18.VIII.44 г. работников науки, культуры и искусства показало, что основная, наиболее прогрессивная часть интеллигенции, которая перенесла тяжелый гнет немецкой оккупации, желает активно работать на благо своей социалистической родины, не жалея сил и знаний для полной победы над немецкими захватчиками.

Секретарь Львовского обкома КП(б)У И. Грушецкий

8 сентября 1944 г.
№ 273/С

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 890. – Арк. 66–72.
Опубл.: Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. – Т. 1. – Київ, 1995. – С. 203–211.

№ 87

1944. – Вересня 16. – Доповідна записка УНКДБ у Львівській області Львівському обкому КП(б)У про політичні настрої інтелігенції

Вх № 1186/с 30/X–44

Совершенно секретно

Секретарю обкома КП(б)У
товарищу Грушецкому
город Львов

СПЕЦСООБЩЕНИЕ
О политических настроениях среди украинской интеллигенции города Львова

За последнее время о политических настроениях среди украинской интеллигенции города Львова нами добыты новые агентурные данные.

Наиболее активно, в узких кругах интеллигенции дискутируется вопрос о том, в какой степени изменился политический строй Советского Государства, каково внутриполитическое положение его, когда конец войны и т. п.

Так, по вопросу об изменениях в политическом строе СССР профессор педагогического института Мительский заявил: «Все мероприятия Советского правительства (погоны в армии, лояльное отношение к религии и т. д.) свидетельствует, что революция надоела всем, и поэтому наблюдается постепенный отход от революции. Если упразднение Коминтерна следует объяснять ситуацией международного характера, то мероприятия в армии и отношение к церкви – результат поправения Советского строя».

Писательница Дучиминская О., одобрительно отзываясь о новых изменениях в Конституции Советского Союза, высказывает свое враждебное отношение к колхозам, говоря: «Одно только вызывает сожаление, что не упразднили злополучные колхозы».

Профессор Свенцицкий в кругу своих коллег сказал: «Сейчас легче стало. Многие из бежавших с немцами возвращаются, массовых расстрелов нет. Сталин, по-видимому, правеет, следует примеру Наполеона».

Несколько иначе реагирует Гордиловская – научный сотрудник библиотеки Филиала Академии Наук УССР – «Очень хитро поступает НКГБ – говорит она – что не чинит особого давления на тех, кто возвращается из эмиграции. Очевидно, либо изменилась советская политика, либо хотят много наловить рыбы и покрупнее».

Интеллигенция, враждебно настроенная к Советскому строю, утверждает, что Советская система государства порочна и нисколько не изменилась, а приобрела лишь иную замаскированную форму.

Так, профессор университета Крипякевич заявил: «...Идея Гитлера – национализм, господство немцев, и интернационализм – господство России, в основном порочны, не жизненны потому, что слишком абстрактны. Отсюда горе народам, вожди которых проводят в жизнь абстрактные идеи. Вожди тогда не считаются с жизнью, действительными свойствами управляемых людей. Гитлер погубил Германию, а (называет имя одного из руководителей ВКП(б) в свое время вводя коллективизацию на Украине, умертвил шесть миллионов украинцев...»

На вопрос – чем же объяснить, что 180 миллионов советского народа охотно защищают сталинскую идею, Крипякевич ответил: «Советский народ умом не богат, распропагандирован крепко и кроме того, встретившись с опустошающей и дикой силой гитлеризма, естественно пошел за (указывает имя одного из руководителей ВКП(б)), потому что иного выбора не было».

По этому же вопросу доктор исторических наук Драган М. заявил: «Большевики исключительные демагоги и доктринеры, говорит он, они более непогрешимы, чем Папа Римский. Я думаю, что только Сталин критически мыслящая личность, проверяет опытом свои указы, а остальные – это безапелляционные догматики.

Принцип большевиков является для них аксиомой политической геометрии, которая в себе самой заключает доказательство. Средний уровень культуры в Советском Союзе – низкий, к тому централизм политической системы привел к централизму умственному. За среднюю массу думают верхи, а про низшие умы и говорить нечего. Таким образом, в Советском Союзе появилась основная господствующая умственная черта – доктринерство, ученическое следование готовому, сказанному в «Истории ВКП(б)» или в «Вопросах ленинизма». Это очень большое зло. Историки утверждают, что нет ничего опаснее, чем то, когда какая-либо идея забирается в головы узкие и пустые. Так как головы пусты, то идея не встретит никаких знаний, тогда она заполняет их совершенно, не оставляя никакой пустоты для чего-либо другого. И получается, что советский человек в плену абстрактной идеи и переубедить его нет никакой силы».

Находясь продолжительное время под влиянием брехливой фашистской агитации о, якобы, неминуемом крахе советского государства, большая часть интеллигенции, трезво оценивая сейчас обстановку на советско-германском фронте, ставит перед собой вопрос: а чем же объяснить, что Красная Армия имеет такие огромные успехи на всех фронтах, каково же внутриполитическое состояние СССР.

Начальник управления НКГБ Львовской области Волошенко

16 сентября 1944 года
гор. Львов.

Державний архів Львівської області (ДАЛО). – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 69. – Арк. 93–95.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 221–223.

№ 88

1944. – Жовтня 14. – Доповідна записка Наркомату внутрішніх справ УРСР в НКВС СРСР про виділення додаткової рознарядки на виселення з західних областей України активних учасників визвольної боротьби

Совершенно секретно

Заместителю Наркома внутренних дел Союза ССР
комиссару госбезопасности 2-го ранга Чернышову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

По состоянию на 15 октября по западным областям Украины учтено для выселения 3329 оуновских семей в количестве 10517 человек. В связи с тем, что имевшаяся у нас разнарядка по расселению семей оуновцев в Красноярский край, Иркутскую и Новосибирскую области заканчивается, прошу Вашего распоряжения о дополнительной нам разнарядке из расчета расселения 5000 семей на 15000 человек, каковые предполагаем выселить в октябре–ноябре месяцах 1944 года.

Справка
о семьях оуновцев и активных участников банд УПА, учтенных для выселения с западных областей Украины по состоянию на 14 октября 1944 года

№ п/п	Наименование областей	Учтено для выселения		Оформлено личных дел		Утверждено для выселения	
		семей	членов	семей	членов	семей	членов
1.	Львовская	541	1077	466	1462	–	–
2.	Тернопольская	525	1500	–	–	254	711
3.	Черновицкая	170	560	–	–	113	420
4.	Дрогобычская	100	300	70	256	–	–
5.	Волынская	781	2630	665	2196	126	433
6.	Ровенская	801	2834	750	2334	–	–
7.	Станиславская	411	586	150	326	–	–
	Итого:	3329	10517	2091	6574	493	1564

Заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД УССР
майор госбезопасности Резницкий

14 октября 1944 года
г. Львов
№ 4644

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 55. – Арк. 14–15.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 315.

№ 89

1944. – Листопада 15. – З інформації М. Хрущова Й. Сталіну про необхідність посилення репресій проти учасників національно-визвольного руху в західних областях України

Секретно

ЦК ВКП(б)
товарищу Сталину И. В.

С 28 октября по 5 ноября с. г. я выезжал в западные области Украины. Был во Львове, районах Львовской области и в г. Ровно, где ознакомился с состоянием борьбы с бандами украинско-немецких националистов.

В результате проведенных мероприятий по борьбе с оуновским бандитизмом, усиления чекистско-войсковых операций и политической работы среди населения количество бандитских групп и бандпроявлений несколько уменьшилось. Если в

августе с. г. на территории западных областей УССР имело место 418 бандпроявлений, то в октябре их было 338.

Со времени освобождения западных областей Украины уничтожено 45742 бандита и захвачено живыми 38000 бандитов.

С целью выяснения настроения участников банд я допросил ряд арестованных бандитов, как рядовых, так и руководителей...

Имели место факты, когда отдельные операции проваливались, так как бандиты заранее узнавали о подготовляемых мероприятиях. Это объясняется тем, что наши работники не всегда соблюдают конспирацию, о подготовляемых операциях знает большой круг работников. Мы поставили задачу – усилить конспирацию, свести до минимума количество лиц, знающих о проводимых мероприятиях. Перед партийными организациями и органами НКВД и НКГБ мы поставили задачу тщательно проверить аппарат, особенно состав технических работников из местного населения.

Считаю необходимым ввести военно-полевые суды при войсках НКВД. Для устрашения бандитов по приговорам этих военно-полевых Судов осужденных к уничтожению не расстреливать, а вешать. Суды необходимо проводить открыто с привлечением местного населения. Результаты судов в печати не освещать. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов производить публично в селах, по возможности там, где совершил преступление осужденный. Это подействует более отрезвляюще на бандитов.

Военные трибуналы задерживают рассмотрение дел на арестованных участников банд украинско-немецких националистов. Есть много случаев, когда осужденные содержатся под стражей в течение 3–4 месяцев.

Вношу предложение временно учредить при областных управлениях НКВД западных областях УССР специальные тройки в составе: секретаря обкома партии, начальника областного управления НКВД и областного прокурора. Этим тройкам предоставить право рассмотрения дел украинско-немецких националистов и их пособников и предоставить право применять к виновным высшую меру наказания – расстрел с приведением приговора в исполнение немедленно. Дела, предоставляемые на рассмотрение троек, должны оформляться со строгим соблюдением норм процесса.

Некоторые бандиты, явившиеся с повинной, и арестованные участники националистических банд показывают, что в последнее время между руководителями ОУН и польскими националистами происходили переговоры о прекращении борьбы между оуновскими бандами и поляками с тем, чтобы все усилия тех и других направить на борьбу против советской власти.

Видимо в ряде районов такая договоренность у них уже имеется, так как в последнее время резко уменьшилось количество террористических актов со стороны банд украинско-немецких националистов против польского населения...

Н. Хрущев
15 ноября 1944 года

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1060. – Арк. 6–18.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 158–159.

№ 90

1944. – Листопада 24. – Донесення старшого оперуповноваженого УНКВС у Дрогобицькій області Обухова та командира радянського партизанського загону Шубина начальнику УНКВС у Дрогобицькій області О. Сабурову про діяльність спецбоївки під виглядом УПА

Сов. секретно

Нач. УНКВД по Дрогобычской области
генерал-майору т. Сабурову

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

25 ноября при выезде из села Стынава-Нижняя нами была организована ложная бандгруппа в количестве 16 человек под руководством Боярского – послана по маршруту Стынава-Выжняя, окраина Орива, Ямельница с задачей установить связи со станичными, через которых по возможности связаться и установить место нахождения бандгрупп. Группа, дойдя до Орива, связалась со связной гр. Мочело Прасковьей, которая дала проводника на Ямельницу.

Придя в Ямельницу, группе удалось установить связных, а также станичного, руководитель группы Боярский вызвал станичного Ключник Степана на двор, представился четовым, и просил, чтобы он дошел до нашей сотни, последний согласился. Отойдя 50 метров, они обезоружили его, при нем находились граната и пистолет парабелум, последний нами арестован и отправлен в Борислав. На предварительном допросе он показал о том, что он связан с военным под псевдонимом «Рен». При аресте Ключник Степана, псевдо «Стевко», взято пропагандистскую литературу.

25–26 ноября партизанским отрядом проведена частичная прочистка Орива, одновременно полную прочистку произвести не удалось, так как село разбросано на протяжении 10 км. При прочистке задержано 113 человек. После проверки арестовано членов УПА 4 человека.

27 ноября партизанским отрядом была проведена прочистка села Ямельница Сколевского района, в результате прочистки было задержано 36 человек, после проверки были выпущены, арестованных нет.

Во время операции было ранено два бандита, которых захватить не удалось из-за рельефа местности, последние были унесены бандитами в лес, нами захвачен бинокль, немецкий ранец с разными вещами, обмундирование и лошадь с седлом.

Завербовано в Стынава-Выжняя 3 человек, Ориве 1 человек.

28 отряд выезжает Урыч и Подгородцы. Остановка в Подгородцы. Для связи со станичными и выявления бандгрупп выделяем группу в количестве 15 человек, которая пойдет под видом бандгруппы по пересеченной местности.

Ст. Оперуполномоченный ОББ УНКВД Д/О
Лейтенант Обухов
Ком. отряда «Им. Сталина» Шубич

ЦДАГОУ. – Ф. 130. – Оп. 1. – Спр. 280. – Арк. 9–10.
Опубл.: Сергійчук В. Тавруючи визвольний прапор. – Київ, 2002. – С. 35–36.

№ 91

1944. – Грудня 2. – Лист народного комісара внутрішніх справ СРСР секретарю ЦК КП(б)У про створення у Львові і Дрогобичі самостійних «других відділів» УНКДБ для боротьби з українським національно-визвольним рухом

Сов. секретно
экз. № 1

Секретарю ЦК КП(б)У
товарищу Хрущеву Н. С.

По существу Вашего письма на имя товарища Сталина И. В. от 15 ноября т. г. о состоянии борьбы с оуновскими бандами в западных областях УССР сообщаю:

1. Для улучшения работы органов НКГБ по борьбе з оуновским и польским националистическим подпольем в городах Львов и Дрогобыч нами дано указание тт. Рясному и Савченко об организации в этих городах самостоятельных вторых отделов УНКГБ.

Работу этих отделов тт. Рясному и Савченко предложено взять под личное руководство.

2. Тт. Савченко и Рясному дано указание разработать специальные мероприятия по активному розыску и безотлагательному изъятию всех лиц, причастных к террористической деятельности ОУН; наладить специальную агентурно-осведомительную работу по предотвращению террористических актов со стороны оуновцев, не оставляя не вскрытым и безнаказанным ни одного террористического акта против советских граждан.

3. Для ускорения рассмотрения дел на арестованных оуновцев в западные области УССР направляется две выездные сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР. Одна из этих сессий будет рассматривать дела УНКВД-УНКГБ Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Черновицкой областей, а другая – Ровенской, Волынской и Тернопольской областей.

Входим с ходатайством о предоставлении этим сессиям прав военно-полевых судов, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года № 160/23.

По-моему, при этих условиях создание областных троек не вызывается необходимостью.

4. В целях сокращения поездок военнослужащих польской армии в западные области УССР, ставится вопрос перед Польским Комитетом Национального Освобождения о максимальном сокращении отпусков солдат и офицеров Польского Войска в западные области УССР, проверки порядка выдачи отпускных документов в польской армии и принятия мер, исключающих возможность злоупотреблений.

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР Л. Берия

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 926. – Арк. 92–93.
Опубл.: Літопис нескореної України. – Кн. 2. – С. 162.

№ 92

1944. – Грудня 12. – З донесення наркома внутрішніх справ СРСР Державному комітету оборони, Раднаркому СРСР, ЦК ВКП(б) про боротьбу каральних органів з українськими повстанцями

Совершенно секретно

№ 1352/б
Государственный Комитет Обороны – товарищу Сталину И. В.
СНК СССР – товарищу Молотову В. М.
ЦК ВКП(б) – товарищу Маленкову Г. М.
Копия: товарищу Хрущеву Н. С.

НКВД Украинской ССР сообщает следующие данные о ходе борьбы с оуновскими бандитами в западных областях Украины.

С 15 по 30 ноября с. г. проведено 656 чекистско-войсковых операций, в результате которых убито 4101 и захвачено живыми 3732 бандита. Задержано 167 дезертиров и 1467 уклоняющихся от службы в Красной Армии. Явилось с повинной 82 бандита и 96 уклоняющихся от службы в Красной Армии. Наши потери: убит 81 и ранены 102 человека.

Всего за время проведения операций по ликвидации оуновских банд (февраль–ноябрь с. г.) убито 50925 и захвачено живыми 42984 бандита.

Захвачено оружия и боеприпасов: пушек 32, станковых и ручных пулеметов 2416, ПТР 192, автоматов 3349, винтовок – 15263, минометов 300, пистолетов и револьверов 1494, гранат – 27557, патронов 3398000, снарядов и мин 31000. Захвачено и уничтожено 677 складов с оружием, боеприпасами и продовольствием. При проведении операций убито 1424 и ранено 1440 оперативных работников, офицеров и бойцов войск НКВД. Во второй половине ноября с. г. имели место следующие наиболее крупные боевые столкновения наших чекистско-войсковых групп с бандами: 15 ноября в погранотряд Прикарпатского погранокруга поступили данные о передвижении бандгруппы в количестве 300 человек. Для преследования банды была выброшена на автомашинах маневренная группа в количестве 100 человек, которая начала преследование банды по следам. При боевом столкновении банда оказывала сильное сопротивление, но в результате боя была полностью уничтожена. Убито свыше 200 и захвачено 20 бандитов.

Наши потери: убито 18 и ранено 27 человек.

16 ноября с. г. при проческе лесных массивов в Войниловском районе Станиславской области наши подразделения столкнулись с бандами «Довбуш» и «Сирко». В результате 6-часового боя убито 148 и захвачено 4 бандита. Взяты трофеи: пулеметов 11, автоматов 14, винтовок 37, патронов 17000. Наши потери: убито 6 и ранено 6 человек.

С 12 по 20 ноября проводилась чекистско-войсковая операция в ряде сел Бережанского района Тернопольской области. В результате операции убито 108 бандитов и задержано 89 уклоняющихся от призыва в Красную Армию.

20 ноября была проведена операция по ликвидации банды, действовавшей в Бережанском районе Тернопольской области. Бандиты организовали круговую оборону в селе Поручин, заняв для этого 3-х этажное здание клуба. Бой длился около 6 часов. Не имея возможности выбить бандитов пулеметным и миноментным огнем, чекистско-войсковая

группа обстреляла здание клуба артиллерийским огнем. В результате артиллерийского обстрела здание загорелось, бандиты погибли под обломками здания.

18–19 ноября была проведена операция в районе Кременецких лесов Ровенской области, в результате которой убито 31 и захвачен 61 бандит.

24 ноября оперативно-войсковая группа 87 погранотряда преследуя банду, совершившую нападение на райцентр Солотвин Станиславской области, убила 66 и захватила 18 бандитов.

Взяты трофеи: пулеметов 4, винтовок 13, автоматов 2, гранат 10, патронов 2000.

С 18 по 21 ноября силами подразделений внутренних войск НКВД в Тернопольской области была проведена операция по ликвидации банды «Аскольда». В результате операции убито 52 и захвачено 6 бандитов.

26 ноября в районе Коломыйского сектора Станиславской области, на границе Дрогобычской области, проведена операция по ликвидации бандформирований Коломыйского округа. В ходе операции наши подразделения вступили в бой с бандой «Казака». Убито 85, ранено 3 и захвачено 38 бандитов.

За последнее время на территории западных областей Украины зарегистрированы следующие наиболее серьезные бандпроявления:

Львовская область

В ночь на 15 ноября бандгруппа неустановленной численности совершила нападение на райцентр Львовской области Выгода. Бандитами подожжен лесопильный завод, здание призывного пункта и 5 домов местных жителей.

В ночь на 18 ноября неизвестная банда совершила нападение на райцентр Тлумач. В результате нападения банда освободила из КПЗ 25 арестованных и 18 арестованных убила в камерах.

29 ноября банда численностью до 180 человек совершила нападение на село Белый Камень Олесского района. Оцепив под видом войск НКВД село, бандиты собрали якобы для проведения государственных хлебопоставок 18 бойцов истребительных батальонов и расстреляли их.

Бандитами убиты также второй секретарь райкому ЛКСМУ, зав. районо, участковый уполномоченный РО НКВД, четыре члена боевки РО НКВД и семь бойцов Красной Армии. Бандиты увели председателя и секретаря сельсовета, захватили оружие и подорвали автомашину, на которой приехали в село упомянутые выше бойцы Красной Армии.

Станиславская область

24 ноября банда численностью до 200 человек совершила нападение на райцентр Солотвин. Бандиты сожгли дом начальника РО НКВД, в котором сгорели начальник РО НКВД Маменко, его жена... и зам. нач. РО НКВД Рабков.

Ворвавшись в здание РО НКВД, бандиты освободили 22 арестованных. Банда была настигнута и разгромлена оперативно-войсковой группой 88 погранотряда.

Волынская область

15 ноября в селе Крымнош Заболотьевского района банда численностью до 200 человек совершила нападение на группу работников райвоенкомата. Бандитами убиты

начальник 2-й части РВК Бражников, два лейтенанта и 2 бойца Красной Армии, а также два бойца истребительного батальона. 15 человек из этой группы бандитами были захвачены в плен, а потом освобождены.

23 ноября с. г. неизвестной конной бандой численностью до 100 человек в селе Бегета Владимир-Волынского района были захвачены управляющий конторой Заготскот, член КП(б)У – Бацик и боец истребительного батальона Кузь. Бандиты перевели их в село Бискупичи. В Бискупичи бандиты собрали митинг местного населения, на котором призывали саботировать мероприятия советской власти, спели несколько националистических песен, после чего повесили захваченого ими Бацика и расстреляли бойца истребительного батальона Кузь.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

ЦДАГОУ. – Ф. І. – Оп. 23. – Спр. 926. – Арк. 175–179.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2.– С. 163–164.

№ 93

1945. – Січня 3. – Довідка Народного комісаріату внутрішніх справ УРСР про кількість виселених родин із західних областей України

Совершенно секретно

СПРАВКА
о количестве высланных семей оуновцев из западных областей Украины
по состоянию на 4 января 1945 года

№ п/п	Наименование областей	Дата выселения	Количество		Номер эшелона	Станция назначения разгрузки
			семей	членов		
1	2	3	4	5	6	7
1.	Ровенская	7.05.44	137	417	1516	ст. Енисей, Красноярский кр.
		2.07.44	193	855	49472	там же
		28.11.44	200	594	49335	ст. Черемхово, Иркутской обл.
		21.11.44	346	881	49347	ст. Князь-Погост, Печерлес
		26.11.44	278	735	47337	там же
	Итого:		1154	3212		
2.	Волынская	7.05.44	11	34	1560	ст. Енисей, Красноярский кр.
		21.05.44	54	184	1516	ст. Абакан,
		2.08.44	150	499	43472	ст. Енисей,
		20.09.44	268	831	48334	ст. Н.-Уденск, Иркутской обл.
		8.11.44	266	175	48454	ст. Глобоцкая, Горьковской обл.

1	2	3	4	5	6	7
		19.11.44	169	555	49345	там же
		31.12.44	260	764	49344	ст. Плесецкая, Двинлес
	Итого:		1178	3582		
3.	Львовская	9.09.44	131	358	48315	ст. Клюквенная, Красноярск
		23.09.44	348	1003	48463	ст. Черемхово,
		15.11.44	436	1244	49343	ст. Менделеево, Коминерлес
		28.12.44	240	560	47340	ст. Князь-Погост, Печерлес
	Итого:		1155	3165		
4.	Тернопольская	18.09.44	209	559	48450	ст. Клюквенная, Красноярск
		30.10.44	289	690	49339	ст. Омск
	Итого:		498	1249		
5.	Станиславская	25.09.44	222	586	48451	ст. Тайшет, Иркутской обл.
6.	Дрогобычская	5.10.44	108	298	49336	ст. Кмарчага,
		22.11.44	123	342	44303	ст. Киллер, Комилес
		30.11.44	229	645	47347	ст. Котлас, Котласлес
	Итого:		460	1285		
7.	Черновицкая	26.11.44	77	241	49380	ст. Менделеево, Комперлес
	Всего:		4744	13320		

Заместитель начальника 1-го отдела НКВД УССР
майор государственной безопасности Резницкий

3 января 1945 г.
г. Львов

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 32. – Арк. 109–111.
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 397–398.

№ 94

1945. – Січня 9. – Інформація заступника народного комісара внутрішніх справ для Раднаркому СРСР про примусове виселення українців

Совершенно секретно

СНК СССР
товарищу Косыгину А. Н.

На Ваш № 34-5 от 31 декабря 1944 года

Переселяемые с Украины 30 тысяч человек спецпереселенцев согласно постановления ГОКО № 684 от 29 октября 1944 года завозятся в Коми АССР, Архангельскую, Молотовскую и Кировоградскую области для трудового устройства в предприятиях Наркомлеса СССР.

В связи с тем, что других спецпереселений не предвидится, а свободных контингентов спецпереселенцев нет, выделить на подсобные работы промысла Наркомлеса СССР 3550 семей спецпереселенцев НКВД СССР возможности не имеет.

Зам. народного комиссара внутренних дел
Союза ССР Чернышов

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 153. – Арк. 11].
Опубл.: Депортації… Т. 1. – С. 399.

№ 95

1945. – Січня 10. – Із стенограми наради секретарів райкомів КП(б)У, начальників НКДБ і НКВС Львівської області про посилення каральних операцій проти українського національно-визвольного руху

Цілком таємно

СТЕНОГРАМА
наради секретарів райкомів, начальників НКВС і НКДБ Львівської області
від 10 січня 1945 року

Головує тов. Грушецький.

Появу в президії Микити Сергійовича Хрущова зустрічають бурхливими довготривалими оплесками.

Тов. Грушецький. Є пропозиція розпочати роботу нашої наради. Питання на нараді «Про стан масової роботи серед населення і стан боротьби з українсько-німецькими націоналістами».

Порядок такий: вислухати інформацію з місць. Доповідають секретарі райкомів, начальники НКВС і НКДБ. Працюватимемо до 4-х годин, з 4 до 6-ти перерва на обід і далі поки закінчимо.

Відповідно до прийнятого порядку дня слово має секретар Городоцького райкому партії тов. Шпітяк.

Тов. Шпітяк. Коли розповісти про боротьбу з ворогом, то у нас убито бандерівців – 140 чол., арештовано – 81, виявлено тих, які переховувались, – 540, ухилявшихся від мобілізації – 602 чол. Це наслідки нашої агітаційної роботи і збройної боротьби з ворогами народу.

Поруч з цим, ми провели ряд виселень бандитських родин. Ми виселили 300 господарств бандитських родичів. Але треба сказати, що ті господарства ми повернули, тому що самі бандити з’явилися, коли їх родини виселяли.

З першого грудня до 10 січня убито бандитів, без тих, що бачив М. С. Хрущов і Ви, 60 чоловік, затримано бандитів 97 і ряд інш.

Крім того, уклоняючихся від мобілізації ряд осіб виявилося, але у нас з'явилося добровільно після звернення 58 чоловік. Є такі характерні приклади: три брати з'являються. Раніш з'явилось 2 брата і кажуть: «Робіть з нами, що хочете, нам уже надоїло бути у лісі». Ми їх відпустили, щоб вони привели 3-го брата.

Привели третього брата. Це один факт, коли вся родина з'явилась, і був такий факт, коли прийшлось всю родину знищити в порядку засади.

Ті, що попали помилково, обманом до банд, вони легко повертаються звідтіль, а ті, які вирішили безповоротно боротися, з тими ми ведемо озброєну боротьбу. За цей час убито 237 бандитів, арештовано 116, легалізовано 698 чол., це ті, які укривались від мобілізації.

Треба сказати так, як воно є. Коли ми наступаємо, тоді бандити менше проводять свою роботу, тому що, крім слов, ми наступаємо і зброєю і не даємо їм змоги провадити свою роботу. Якщо мовчимо ми, то наступають тоді бандити. У нас з початку грудня було негарне явище – було взірвано два спиртових заводи. Операція, Микита Сергійович, до цього часу ще не закінчена. Ми найшли вже склади з спиртом і з іншим і групу, яка займалась підривом заводів.

Тов. Грушецький: Скажіть, який соціальний склад керівників банд?

Відповідь: В більшості – це зажиточні господарства, які мають по 7–10 га землі. Є частина інтелігенції – учителі, адвокати та ін. Я балакав з одним затриманим, у якого завербували жінку в бандити, він показав так: у всьому винний піп, який проводить роботу там і який завербував його жінку і вербує інших людей. Він каже: поки цей піп не буде затриманий, він буде провадити цю роботу по нашому кущу.

Треба відмітити такий факт, що спочатку місцеве населення дуже допомагало нам, приходили і розказували все, а за останній час люди не ідуть, чому це так? При розмові з деякими людьми, вони заявили так, якби нас не визивали свідками і на очну ставку, ми б розказали багато чого. Вони кажуть – ви працюєте, а бандити теж не сидять – працюють, ми тільки прийдемо в село, або з другої якоїсь організації, вони питають: де ви були? що ви там робили? Ми боїмось, що нас заб'ють. У нас є такий Постак, якого три рази викликали на очну ставку і три рази на нього нападали бандити, Екатерина Гук, Шостак Ксенія, яких теж викликали на очну ставку, теж забиті. Це говорить за те, що коли людей викликають на очну ставку, вони бояться, тому що бандити їх знищують, а це має вплив на те, що люди не так охоче йдуть до нас.

В селі Тучапи – це одне з бандитських сіл, арештовано бандита зі зброєю в руках. Він чотири місяці находиться під арештом і від нас вимагає, щоб ми прислали 3–4 чол., які б підтвердили це. Хто ж піде з чесних людей, вони ж бояться, щоб їх не забили?

Я вважаю, що треба якось інакше це робити. Я не спеціаліст по цій справі, але тих людей, які допомагають нам виявляти наших ворогів, треба якось краще оберігати, і тоді вони будуть нам допомагати в цій роботі.

Як працює винищувальний отряд? Отряд нараховує 100 чол. Є також групи сприяння, в яких нараховується 300 чол. Отряд і групи озброєні, проведено 12 засад, 5 прочісувань лісу і одну облаву в населеному пункті. Наслідком цієї роботи – вони забили 14 бандитів, піймали 18 чол. дезертирів Червоної Армії, які вже тепер були забрані до лав Червоної Армії, спіймали відхиляючихся від мобілізації – 48 чол. і без документів спіймали 85 чол. Я сказав би, що істребітельний отряд непогано працює. Особливо виділяється Порецький Петро, Порецький Павло і інші.

Я хотів би зупинитися на тій операції, яка ще не закінчена. Наші органи безумовно вірно нащупали гніздо цієї банди. Але треба сказати, що бандити теж готуються до боротьби з нами. Вони мають кулемети, зброю. Я хочу сказати те, що коли і вести операції проти бандитів, то треба їх вести добрими силами, щоб після операції бандитів не залишалось, а то буває, що операцію провели, наче все нічого, ми відійшли, а вони знов вийшли на світ.

Тобто більш фундаментально треба вести операцію і доводити до кінця. Розгромлювать ворогів народу до жодного.

Як працюють наші органи. Органи НКВД, міліції, ними райком партії задоволений. А щодо органів НКГБ, то райком незадоволений і тільки в останній час, коли цей керівник прочув, що райком поганої думки за нього, то цей керівник почав працювати, а то займались п'янками та поїздками на машинах і т. д.

Тов. Шайн: Товарищи, я не буду повторяться, то, что сказал здесь секретарь райкома партии, я хочу остановиться на положении, какое мы имеем в районе. Как только было проработано и доведено до сведения населения об обращении украинского правительства к народу западных областей Украины, а также участникам ОУНовских банд, то кое-кто начал являться.

Довольно характерный факт, явилось два брата, а их всего три брата находятся в банде. Они являются и заявляют: мы такие-то Малушки, мы решили явиться. У нас есть еще один брат. Но мы не знаем, где он сейчас. Через 10 дней он тоже не являлся. Последнее время братья нашли его в Дрогобычской области, и он явился к нам.

Обращение было разослано. Два раза мы спускали его с самолета, и многие являлись с повинной, а некоторые с оружием. В селе я получил записку: «Товарищ начальник, я нахожусь там-то и там-то, прошу меня задержать. Рассказывать я боюсь, чтобы не была уничтожена моя семья, прийдите меня арестуйте». Мы осторожно взяли его и направили в Красную Армию.

Теперь у нас был взрыв завода. Как это получилось. Примерно в 2 часа ночи на автомашине подъезжает военный лейтенант или капитан, он отъезжает и буквально в продолжении 10–20 минут взорвали завод и уехали.

Как правило, уезжают и приезжают со стороны Дрогобычской области.

В процессе операции, которая проводилась в Люблине Великом, в селе Косвицы было обнаружено 2 бидона спирта у председателя сельсовета. Председатель сельсовета арестован и ведется следствие. Надо полагать, этот председатель был тесно связан с бандитами. Здесь уже товарищ говорил, что когда мы зашли с южной стороны, то из каждого дома на нас стреляли из пулеметов и автоматов. На том участке, где я был 8 чел. вооруженные пулеметами и автоматами, и их удалось уничтожить только зажегши помещение (очевидно йдеться про масове спалення будинків.– Ред.).

Здесь товарищ говорил относительно вызовов людей как свидетелей. Действительно, когда мы людей вызываем, то помощники бандитов следят за ними и их убивают. Например: я одного вызванного должен был оставить у себя на работе. Нужно, чтобы эти люди, которые были допрошены на предварительном следствии, не возвращались в село. Они так и заявляют, что назад мы явиться не можем.

Тов. Хрущов: А кто им угрожает?

Тов. Шайн: Бывший дьяк, он находится подрайонным руководителем бандитов, а банда состоит из 8 человек.

Тов. Хрущов: Узнайте родственников их, кто им помогает, и арестуйте.

Тов. Шайн: Родственники уже все высланы.

Тов. Хрущов: Но кто-то же есть. Кто сообщает им, нужно найти их помощников. Да нас просто не будут уважать, что мы не принимаем мер, всех мало-мальски участников нужно арестовать, кого надо судить, может быть повесить, остальных выслать, вот тогда мы будем знать, что все будет в порядке, и население будет знать, что за одного возьмем сотню (а сейчас получается наоборот...)

Тов. Хрущов: Надо, чтобы нашей мести боялись, а не их, а у нас действительно какое-то христианское отношение. Убьют нашего, а мы хотим, чтобы мир солнцем согреть, а сил не хватает. Вы возьмите село, где убили двух женщин, расковыряйте все село. Вам крестьянин говорит: не вызывайте нас, потому что они знают, кто убивает. Не дьяк убивает. Вы вооруженная сила и надо, чтобы вас враги боялись, а друзья уважали. А вас враги не боятся, а друзья уважают, но тайно. Я за вас, но раз вы дураки (это, конечно, грубо, вы извините), нас не вызывайте, мы будем за вас бога молить.

Тов. Шайн: Это замечание справедливое, но я бы сказал, что либеральности в райотделе у нас нет.

Тов. Хрущов: Если, тов Шайн, не либеральность, то бездеятельность, что-то у вас есть. Я понимаю либеральность так: если враг прийдет, вы его разоружите, у вас рука не дрогнет, а вот найти врага, у вас не хватает энергии или умения. Дьяк имеет 9 человек, а у вас сколько истребков?

Тов. Шайн: 400 человек.

Тов. Хрущов: Так вы можете против немцев выступать, а вас дьяк гоняет, и вы боитесь выйти из квартиры (смех в зале). Это неплохой район. У других еще хуже, поэтому мы и собрались. Ладно, я вас перебил, но на то мы и собрались.

Тов. Шайн: Я хотел бы остановиться по истребительному батальону. Мы имели положительные результаты, но имели и предателей. Вот вчера мы посадили одного из истребительного батальона. На следствии он дал показания, что группа бандитов давала ему задания, которые он выполнял, предавая нас.

Тов. Хрущов: Я бы рекомендовал отдать его под суд, судить и повесить за измену, а то он боится бандитов больше, чем нас.

Тов. Шайн: Ведется расследование, и он, безусловно, предстанет перед судом через 2–3 дня. Второй случай такой же. Был в истребительном батальоне один, который систематически выносил из райцентра все данные. Он через своих знакомых передавал сведения в другое село, откуда он был родом. Такое положение было, и его разоблачили как предателя. В ближайшие 3–4 дня он предстанет перед судом.

Тов. Грушецкий: Вы учтите, что есть перебежчики из банд.

Тов. Шайн: Я еще не полностью проверил всех истребков, но процентов 80 уже проверены, они принимали участие в борьбе с бандитами.

Тов. Грушецкий: Слово имеет секретарь Пониковецкого райкома партии тов. Воронюк:

Тов. Воронюк: Виконуючи постанову ЦК КП(б)У, партійна організація району провела деяку роботу по покращенню політичної роботи серед селян. В районі організовано 11 агітколективів, в яких є 200 агітаторів. Керівниками агітколективів являється районний партійний актив. Кращі агітколективи в селах: Зах. (Назву села написано нерозбірливо. – *Ред.*), Суходол, Висоцьке. Внаслідок політичної роботи, а

також масової роботи, ці села, особливо село Висоцьке, виконало всі державні поставки, виконало завдання по лісу і являється передовим селом.

Крім того, партійна організація району, виконуючи постанову ЦК КП(б)У покращила роботу з інтелігенцією. Робота з інтелігенцією полягає в тому, що кожний місяць ми з нею проводимо відповідну роботу, скликаємо на районні наради, ставимо доповіді, лекції, бесіди. Так в грудні на нараді інтелігенції була поставлена лекція про міжнародний стан і українсько-німецькі націоналісти – найлютіші вороги українського народу...

...**[З виступу начальника райвідділу НКВС Сокальського району]:** В декабре райотделу НКГБ стало известно, что в селе Яструбычи проживает руководитель окружного провода Вира. Была организована там облава, тщательная проческа, в результате которой была вскрыта одна чета, но Вира там не был обнаружен, а был обнаружен районный руководитель. После допроса бандитов, которые были задержаны, второй погранотряд организовал облаву в другом районе, и там был убит Вира и взят ряд ценных документов.

Касаясь вопроса происшествий по району, нужно сказать, что за последнее время до некоторой степени видна активизация оуновского подполья. Вот случай в селе Лучицы и других селах. В Лучице мы имеем 3 человека, в Горбкове 2 чел. и Первятичах 2 чел. Правда, это недостаточное количество, но встречаться с народом этим тяжело. Мы имеем связных, но это представляет большие трудности.

Какие мероприятия практически сейчас намечаются нами для изъятия руководства оуновского подполья? Мною составлен план. Существует договоренность с начальством 2 погранотряда для проведения тщательной прочески. Кроме того, существуют еще другие мероприятия, как выселение родственников для выявления местонахождения бандитов.

Мною намечается провести вербовку с целью создания боевки.

Тов. Хрущов: Из-за границы переходят бандиты?

Да, касаясь положения Забужья: надо сказать, что мы находимся под двумя ударами.

Тов. Грушецкий: Под такими ударами, что вы даже забыли об этом сказать.

Я не забыл, просто еще не сказал. Мною получено донесение из села Дибровы, что на той стороне находится курень. Я поставил об этом в известность начальство, но не знаю, приняты меры, или нет. Имеются данные, что бандиты переходят. Если касаться положения, какое было – 2–3 месяца тому назад, то тогда с боями переходили через Буг...

Тов. Грушецький: Слово має секретар Львівського сільського РК КП(б)У тов. Луговий.

Тов. Луговий: Виконуючи рішення ЦК ВКП(б)У від 27 вересня 1944 р. про недоліки в політичній роботі серед населення західних областей України, наша районна партійна організація проробила слідуючу роботу: крім того, що було проведено дві районних партійних наради, наш партійний актив в кожному селі провів нараду, де стояли питання про українсько-німецьких націоналістів найлютіших ворогів народу, про воєнно-політичне і міжнародне становище нашої країни, про сталінську Конституцію, про зв'язок Радянського Союзу з Америкою і Англією і інші питання. Особливо велика робота проведена по роз'ясненню звернення українського уряду до населення західних областей України.

Крім цієї роботи, ми провели у районах з великим успіхом районну нараду селян, районну нараду знищувального батальйону, районну нараду жінок і вчора провели

районну нараду молоді, яка також пройшла активно. Всі учасники нарад приймали активну участь в обговоренні питань, які стояли на нарадах.

Ми маємо в районі семінар голів сільрад, організовано при парткабінеті районну партійну школу, де проведено уже 9 занять. Ми провели велику роботу по роз'ясненню преси. Ми вирішили, щоб довести до населення наші газети, нами була організована така робота: в кожному селі на 10 дворів була виписана газета. Таким чином, всі 33 сільради на 8 дворів мають одну газету, чи то обласну, чи республіканську. Газети доставляються своєчасно. Населення проявляє велику зацікавленість до газет. На 8 хат у нас є один старший, на його ім'я і виписана газета. Всього ми виписуємо 1453 газети і 195 журналів. Із них 60 газет – «Правда» і 30 газет – «Известия».

Вся ця проведена робота в районі викликає лютість наших ворогів, ворогів українського народу – українсько-німецьких націоналістів, тому що ті показники, яких ми досягли в роботі нашій по виконанню завдань 1944 року, вони направлені проти наших ворогів.

Ми маємо такі прояви ще з боку бандитів. 24 грудня в селі Скнилів, це окраїна міста, бандити спалили дві хати, убили 3-х активістів, бандитів було до 50 чоловік. Причому, обставини такі: що бандити діяли в середині військових частин. З усіх кінців були військові частини, а де горіла хата голови сільради, в 50 метрах, була прожекторна точка, і там було 12 озброєних бійців, але ніхто не вийшов оказати допомогу. Голова сільради сидів у хаті, яка горіла, поки він міг, а потім удвох з жінкою, яка подавала йому гранати, а він відбивався, вийшов з хати і остався живим.

Ми по цьому питанню з начальником НКВД їздили до цих військових частин, переписали номера частин і прізвища командирів, повідомили про це обласний комітет партії. Але на наше запитання, чому вони нічого не діяли, вони мовчать. Вони не найдуть даже відповіді.

Був ще такий випадок. В селі Рясне-Руська голова сільради Лоба по даним, які ми мали, творив на сторону бандерівців. Ми туди послали другого голову сільради. Він пробив там днів 10, до нього з'явилось 4 чоловіка у військовій формі і забили його. На другий день в селі, куди ми перевели голову сільради, – теж забили, як свого ненадійного. Це говорить за те, що вони чистять свої ряди.

Тов. Хрущов: Что вы сделали в том селе, где убили председателя сельсовета?

Ответ: Два человека арестовали, а в селі Скнилів арештували 15 чол.

Тов. Хрущов: И что же, все ведется следствие, на кой чорт нужно такое следствие.

Ответ: Никита Сергеевич, 9 чел., которые в Скнилове, они признались.

Тов. Хрущов: Ну и что же сделали? Если признались, их надо судить, хотя бы эти 9 чел. повесили и то бы другие страшились. Вот христиане, вам только баптистами быть.

Ответ: Это не зависит от райкома. В селе Рудне мається банда до 300 чол. переходяща, вона забрала 13 корів, двох свиней, дві пари коней.

Тов. Хрущов: Ну и что же, зарегистрировали, что в этом селе было нападение банды?

Ответ: В це село начальник райвідділу НКВС тов. Харьковський сам їздив і послав своїх людей.

Тов. Хрущов: Ну, он сам съездил, послал людей, но если вы будете так бездействовать, то с вас и штаны снимут (в зале смех).

Ответ: Микита Сергійович, наші органи, хоч мають і недоліки, але провели і велику роботу.

Тов. Хрущов: А за что человек в партии состоит, что он делает, как это, чтобы село не знало своих участников. Надо их найти, арестовать, а не ждать только тех, которые сами идут регистрироваться. Начальнику НКВС, по крайней мере, нужно объявить выговор за то, что бездействует и вам выговор за бездействие. Как могут смотреть на нас крестьяне, если их обижают, забирают у них скот, убивают их, а наши люди приезжают, расспросили и уехали.

Ответ: Вот, наприклад, відділ НКВС вже 3 неділі їздить по 3 операціям в інші райони, а в районі нічого не зробив. І правда, що бандити гуляють, як хотять. У нас 33 сільради, і думають як у городі. Крім того, у нас неповний апарат, а ще й тих забрали у другі райони на операції. Ясно, що начальник сам нічого не може зробити в цих умовах. Органи НКВД і НКГБ своїми діями забили 9 бандитів, у полон було взято 72 бандита і з повинною з'явилось всього 161 чоловік.

Тов. Хрущов: Все это хорошо, но ни одного проявления малодушия не должно быть. Взять любое село, проверить его внимательно, изучить обстановку и 3–5 чел. арестовать. А у вас как получается, делают нападение, забирают у крестьян скот, имущество, и вы ничего не делаете, как крестьяне могут относиться к вам, вы же не охраняете безопасности народа. Вам свиней пасти и то смирных, а то вас разорвут (смех в зале).

Реплика: Відомості про виселення сімей начальник райНКВД здав в область, і досі нічого не зроблено.

Тов. Хрущов: Ну, это выселение, тут нужны железнодорожные вагоны и т. д., а вот арестовать 5 чел. в этом селе вы можете сами.

Ответ: Можем.

Тов. Хрущов: Так почему не арестовали? Не может быть, чтобы в селе не знали участников. Если в селе украдут лошадь, так вор из соседнего села, крестьяне его находят и бьют.

Ответ: Тут є начальники райвідділів НКВД та НКГБ, если они сделают вывод для себя.

Тов. Хрущов: А вы ответственности не несете? Вот такое положение у вас, людей наших обижают, а вы не можете нанести удар.

Ответ: Нужно, чтобы облотдел оказал содействие нашему райотделу, а то на наш райотдел НКВД не обращают внимания.

Тов. Хрущов: Почему не наносите удар в том селе, где забрали имущество и коров у людей. Где ваш начальник НКВД, давайте его сюда.

Начальник НКВД тов. (Прізвище не вказано. – *Ред.*): Я лично выезжал на это происшествие и арестовал 15 чел.

Тов. Хрущов: Вы говорите о том селе, где забрали коров, лошадей, имущество и т. д.

Нач. НКВД: Самое главное происшествие было...

Тов. Хрущов: Вы за Петра, а я за Ивана. Вот это село, где все забрали у крестьян.

Нач. НКВД: Я свой район знаю прекрасно и всех участников УПА. Это была проходящая банда.

Тов. Хрущов: Меня интересует, почему вы никого не наказали за это?

Ответ: Это была проходящая банда, в моем районе насчитывается...

Тов. Хрущов: Проходящая банда не может не иметь связи в этом селе. Были люди, которые подсказали им, где и что, почему это проходящая банда знает, а вы не знаете. Вы уясните, что за одного нашего человека нужно уничтожить 10.

Ответ: Так и делаем.

Тов. Хрущов: Не делаете.

Ответ: Я вскрыл оуновскую организацию.

Тов. Хрущов: Почему никто не арестован. Некого арестовать? Если не участники, так пособники сидят в селе, приезжает банда, они все указывают, пришла банда, убила, разграбила и уехала. Приезжает секретарь райкома партии, нач. НКВД, собрали крестьян, послушали, поговорили, посочувствовали и уехали. Крестьяне что могут сказать? Они приехали и уехали, а мы здесь остаемся. К вам и на собрания перестанут ходить...

Секретарь Жолкевского РК КП(б)У т. Бычков: Товарищи, Жолкевская парторганизация провела большую работу по тем вопросам, которые ставились Центральным комитетом партии перед нами и те, которые ставил областной комитет партии. В районе было проведено 356 докладов и 47 лекций. Это дало результаты, что мы к 25 числу выполнили все хозяйственно-политические кампании, в том числе выполнили и решение ГКО по вопросу заготовки и вывозки леса. Районный партактив весь принимает активное участие в борьбе с украинско-немецкими националистами. У нас никаких разногласий между органами НКВД и НКГБ нет. Почему нет. Потому что я лично, как первый секретарь РК КП(б)У, руковожу органами НКВД и НКГБ и распоясаться им в районе или нарушать законы я не допущу. Считаю, что те разногласия, которые есть в других районах, виноваты секретари райкомов, это их недостаток. Это относится за их счет.

Жолкевский район очень поражен украинско-немецкими националистами. Он объединяет три района: Куликовский, Велико-Мостовский и Жолкевский. Каждый район разбит на 4 куста.

Товарищи, с самого начала я и весь партийно-советский актив переключились на борьбу с украинско-немецкими националистами. С нами вместе помогают нам и крестьяне, которые не стесняясь и не боясь, смело выступают и на областном совещании крестьян и на районном совещании, и в своих выступлениях призывали население на борьбу с украинско-немецкими националистами. Приведу такой факт: коммуниста в борьбе с украинско-немецкими националистами. Заведующий райземотделом Благовистский, прикрепленный к с. Греково, получил данные, что в это село явился известный руководитель банды и с ним три человека из областного главного провода. Товарищ Благовистский вышел на дорогу, остановил едущую машину с красноармейцами и приказал им встать и пойти с ним в село на помощь. Таким образом были задержаны руководитель банды и три человека с политического областного провода, которые были вооружены автоматами, 6 гранатами и у каждого было по пистолету. Эти бандиты были повешены в этом селе.

Тов. Хрущов: Кто это организовал?

Ответ: Зав. Райземотделом.

Тов. Хрущов: Вот молодец. Может быть его назначить начальником НКГБ (в зале оживление).

Ответ: У нас начальник НКГБ неплохой.

Тов. Хрущов: Не у вас, а там, где начальник НКГБ плохо работает.

Тов. Бычков: Мы за последнее время, Никита Сергеевич, задержали настоящих бандитов, не уклоняющихся от призыва, этих я не считаю. Мы их взяли 1 322 бандита и убили за этот период 480 человек.

В чем я обвиняю органы НКВД и НКГБ, хотя работа у нас контактуется. Может меня осудят. Я считаю, что мы совершенно неправильно подходим к украинско-немецким националистам... Мы берем их в плен. Почему же мы так делаем, мы с ними либеральничаем. Может быть вы меня осудите, но я считаю, что не так надо делать.

Тов. Хрущов: Не осудим, а разъясним. Вы думали, почему бандиты, когда у них выхода нет – убивают себя.

Ответ: Думал.

Тов. Хрущов: Не поможем ли мы ему, убивая его?

Ответ: Надо, по-моему, к нему резче подходить.

Тов. Хрущов: Пожалуйста, убивайте его в ямах, в лесах, но когда он сдается в плен – не трогайте.

Ответ: В ямах мы их убиваем, а приходит их ко мне немало. У меня бывают и из провода, и сотенные и другие. Вот и вчера были. Я знаю каждое их расположение. У них есть большая женская организация, так называемая, жиноча ситка, а у нас в КПЗ очень мало женщин. Это главная их сила, в сигнализации, в снабжении и т. д. Я знакомился с ними, а женщин мы очень мало арестовываем. Надо было бы этими женщинами больше заниматься.

Какие недостатки в органах НКВД? Может быть и за это меня осудят, но я считаю, что долго они раскачиваются. Попала эта женщина и в связи с тем, что эта женщина большая: у нее было много складов и от нее можно много получить, ее начинают дергать – из области дергают ее к себе, Шульженко требует к себе, а я к себе, чтобы скорее узнать, где остальные банды. Я бы считал, что надо здесь действовать быстрее, чтобы, так сказать, расколоть ее.

Мы проводим операции ночью. Шульженко говорит, что он будет ходить днем и ночью, а бандиты приходят в 7 часов вечера и уходят в 2 часа ночи, а мы приходим, когда их уже нет.

Где-то в Карпатах их хорошо гонят, и они идут к нам. К нам пришла сотня. Что они из себя представляют. Мы взяли сегодня этих людей. Завшивленные, грязные, холодные, голодные. И когда они получили от наших агентов воззвание, у них чуть не начался раскол. Они боятся идти в НКВД, а собираются идти в райком.

Я приведу характерный бой, который был в воскресенье. Я вам докладывал об этом. Налетела банда из 80 чел. Наши вступили в бой; наших было 24 чел. Я поднял шум, чтобы дали подкрепление, а что оказалось. Наши 24 чел. убили 55 бандитов, ранили 25 чел. остальные ушли, а наших ранило одного человека и то легко.

(Из зала: Потому они и бандиты).

Поэтому, товарищ полковник, вам надо их бить, тем более, что вы пограничники.

Напрасно мы думаем, что крестьяне нам ничего не говорят. Они много говорят. Я приведу вам факты: лежит убитый мужчина, а жена лежит живая. Когда у нее спрашиваешь – кто убил мужа, она говорит, что ничего не знает, никого не было. Правда, наш начальник НКВД Сиркин иначе поступает. Он сейчас же по следам пошел, и всю банду уничтожил, кроме одного человека. Наш истребительный батальон убил

79 чел. Винтовок взял 37, автоматов 77, рацию взял 1. Может быть я тоже неправ, Никита Сергеевич, но все время состав истребительного батальона находится у нас в бою. Они раздеты и раззуты, а у нас много барахла оуновского. Почему бы нам их не одеть и обуть?

Тов. Грушецкий: У нас есть постановление ЦК КП(б)У, составляйте списки и получите для них обувь и одежду.

Ответ: Я считаю, что если их одеть и обуть за счет тех же самих бандеровцев, то и настроение у них будет лучше.

Почему у нас в районе мы все знаем. Я это говорю без хвастовства.

Тов. Хрущов: Что все – это не так.

Ответ: Ну, не все, но многое. Потому что мы достаточно работаем с агентурой...

Тов. Конивец – секретарь Радеховского райкома: По роз'ясненню звернення уряду і партії до населення західних областей проведена велика робота. Населення Радехівського району це звернення знає, але слід сказати, що члени ОУН і УПА і взагалі бандеровці проводять контрроботу. По-перше, вони проводять работу в тому, що знімають розвішані звернення, наприклад, в селі Шайноги біля сільради п'ять разів вивішували наново звернення. В селі Яструбичі, куди дали більше всього звернень, щоб було в кожному дворі, коли я перевірив, то не оказалось жодного звернення, крім одного розпорядження тов. Грушко. Я запитав: чому нема вивішеного звернення. Мені відповіли: папірців нема, то й покурили.

Тов. Хрущов: Это тоже возможно.

Ответ: Це можливо.

Тов. Хрущов: А вот когда сорвали, на вашем месте следовало бы кое-кого забрать, поискать, кто срывает.

Ответ: Я не вірю в те, що покурили. Там, мабуть, хтось з бандерівців давав завдання, щоб їх знищували. В с. Яструбичах учителька з східних областей, коли проводила роз'яснення, мала можливість балакати з членами УПА, які туди зайшли, вона з ними стала говорити, яка може бути у вас держава, каже вона, у вас же нема нічого гарного, навіть нема промисловості, яка ж це буде ваша держава. Вони її вислухали, погодились з нею і заявили: якщо ти ходиш по білому світу і хочеш ще по ньому ходити, то більше не проводь такої агітації. Ця вчителька розказала про цей випадок.

Тов. Хрущов: Кто это был?

Ответ: Озброєні члени УПА, для неї невідомі, як будто випадково зайшли в село.

Тов. Хрущов: Ну, и что же, вы ждете пока убьют учительницу?

Ответ: В цьому селі була проведена операція нашими сусідами пограничниками днів три тому назад. Це село знаходиться 25 км від райцентру.

Тов. Хрущов: Это недалеко.

Ответ: Да, це недалеко. В цьому селі забито 4 громадянина, чому вони вбиті – невідомо, прийшов голова сільради і повідомив.

Тов. Хрущов: И это там, где учительница. И что же вы после этого сделали?

Ответ: Проводиться розслідування.

Тов. Хрущов: А если организовать расследование о вашей бездеятельности. Бандиты пришли вооруженные, угрожали учительнице, допустили, чтобы убили людей, а вы ничего не предприняли.

Ответ: Це було не так.

Тов. Хрущов: Вы сами говорите так.

Ответ: Це було тільки вчора. А про вчительку – це позавчора, це свіжі факти. Питання ставиться так, щоб ми відповідали і вели боротьбу, а які засоби і сили є в нашому районі.

Тов. Хрущов: Сколько у вас истребительных групп?

Ответ: Три групи кількістю в 110 чол.

Тов. Хрущов: 110 чел. считается мало?

Ответ: Нам полагается 40 чел. милиционеров.

Тов. Хрущов: У нас полагается, чтобы ни одного бандита в стране не было (в зале смех). Что полагается? Вы имеете 150 чел., а к вам пришли два бандита, убили людей, а вы ждете пока к вам дивизию пришлют, они и вас выгонят из района, просто позор, не то войска посылать на немцев нужно, не то сюда. Плохо работаете. Район большой, ответственный.

Ответ: Район великий, засмічений.

Тов. Хрущов: Что значит засмиченный? Если человек не моется, не стрижется, не бреется, у него заводится вошь, а если человек аккуратен, он и на человека похож. Засмиченный. Смотрите, имеете батальон в 195 чел. – 16 групп, вы хотя бы организовали 50 чел. и послали бы хотя в одно село, разметали бы их там, чтобы слух пошел, о том, что начали нас бить.

Ответ: Це діло є. Група знищувального батальйону в с. Голодові, де керує групою місцевий товариш, має успіх. Тільки за грудень місяць провели 6 засад і всі засади проведені успішно.

Тов. Хрущов: Вот видите, местный человек работает, хорошо. Если бы был член партии, можно секретарем партии его поставить (в зале оживление). Нам такие люди нужны, которые умеют бороться за советскую власть.

Тов. Ткаченко, нач. РайНКВД Лопатинского района: На момент освобождения района от немецких оккупантов проделана следующая работа. За этот период времени имело место 40 террористических актов на территории Лопатинского района. Особенно за декабрь месяц имело место увеличение террористических актов со стороны бандеровцев. В первых числах этого месяца между населенным пунктом (Назва відсутня. – *Ред.*)... когда партийные работники в количестве 4 чел. возвращались домой, бандиты в количестве 15 чел. напали и забрали этих четырех человек, и судьба этих 4 чел. нам неизвестна, правда, один из них был освобожден ими, а именно завторготделом спожтовариства.

Вместе с войсковой частью, рота которой находится в местечке Лопатин была проведена операция.

15 декабря банда в количестве 50–60 чел. сделала нападение на 16 человек истребительного батальона в селе Кустино. В момент нападения на эту группу содействия был ранен председатель сельсовета, который на второй день скончался в госпитале. По проведению в этом отношении операции было арестовано 5 чел. вместе с семьями, которые привлекаются к уголовной ответственности.

Тов. Хрущов: Ну, а результаты какие?

Ответ: Это была банда проходящая.

Тов. Хрущов: Вы должны наметить, кого арестовать, а не просто арестовали и все. Бандиты могут нарочно указывать вам на людей, преданных нам. Нужно руководить этим делом. Мало что арестовать. Ну, чем оказались эти люди?

Ответ: Эти люди оказались помощниками бандитов. 22–23 декабря между хутором Полесники (в 6 км от Лопатина) бандиты в количестве 50–60 чел. напали на группу в 18 чел. партийно-комсомольских работников, возвращавшихся после выполнения своих заданий. И в результате было убито 7 чел., убит секретарь комсомола и заведующий заготскотом и т. д. После этого по приказу облуправления НКВД приехал руководитель этой операции полковник С., который созвал наших работников и дал указания. Бывают такие моменты, например, 25 бригада, которая должна была прибыть для проведения операции, прибыла на 2 дня с опозданием и случилось так, что эта 25 бригада прибыла в Лопатин, продемонстрировала не только по местечку Лопатин, а об этом узнали и соседние районы, в Лопатине она просидела целые сутки, ясно, что эффекта эта операция не дала. Около Оглядова банда до 30 чел. в результате перестрелки 18 было убито и 13 взято. Это как раз и была та банда, которая принимала участие в убийстве партийных работников...

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 191. – Арк. 1–10, 23–30, 49–53, 56–58, 74–75.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 210–220.

№ 96

1945. – Січня 30. – Інформація голови Дрогобицького облвиконкому, бюро обкому КП(б)У про організацію боротьби з підпіллям ОУН у Славському районі

О проверке реализации решений ЦК КП(б)У от 10 января 1945 года
и Бюро Обкома КП(б)У от 18 января 1945 года
о борьбе с бандами украинско-немецких националистов в Славском районе

По приезде в район, после областного совещания, Славским райкомом КП(б)У было созвано совещание райпартактива для ознакомления с решениями ЦК КП(б)У от 10 января 1945 года и Бюро Обкома КП(б)У от 18 января 1945 года – о борьбе с бандами украинско-немецких националистов, на котором были намечены конкретные мероприятия по реализации этих решений в районе.

В районе организовано три группы для проведения в жизнь намеченных обкомом партии мероприятий по учету населения и проведения борьбы с бандами. Каждая группа состоит из 45 человек, а всего 135 чел., и люди почти все вооружены.

Все руководящие работники райкома КП(б)У, райисполкома, райотделов НКВД, НКГБ и райвоенкомата включены в эту работу и выехали в составе групп по селам. Эта работа в районе начата 23 января с. г., и по состоянию на 28 января с. г. из 5500 семей – проведен учет населения в 1400 семьях. За этот период явилось с повинной 27 чел. Проведено 6 засад, убито 5 бандитов и арестовано 9 бандитов.

Наряду с проведением операций по изъятию и уничтожению бандитов, оперативными группами проводится и разъяснительная работа среди населения и в первую очередь среди семейств, которых мужья, сыновья и т. д. уклоняются от явки по призыву в Красную Армию и продолжают оставаться в бандах. 63 семьи дали обязательство привести органам власти своих мужей и др. родственников.

Изъято для высылки 5 семейств – главарей банд. Всего уклоняющихся от явки по призыву в Красную Армию по данным райвоенкомата насчитывается около 600 человек.

В районе еще слабо организована работа среди населения по разъяснению значения учета населения. Есть случаи неявки семей на регистрационные пункты. В шести селах района свирепствует эпидемия тифа, в связи с чем призыв в Красную Армию из этих сел временно оттянут.

Установлены такие факты по Сколевскому району, когда бандиты уходят со своими семьями из других сел в села, которые поражены тифом с целью укрытия в этих селах. Имеются и такие факты, например: председатель Крушельницкого сельсовета Сколевского района заявил, что якобы в этом селе свирепствует эпидемия тифа и что уже имеется 70 человек больных, а при проверке оказалось лишь 4 случая заболевания тифом.

В селе Корчин того же района председателем сельсовета было заявлено, что в селе имеется больных тифом 75 человек, а проверкой 25 семейств установлен один случай заболевания. Этим самым украинско-немецкие националистические бандиты пытаются запугивать отряды воинских частей, борющиеся против них, а также укрывать дезертиров и бандитов в этих селах.

Славскому району оказывается значительная помощь со стороны пограничных войск в горных селах, особенно пораженных бандитизмом.

Райкомом приняты надлежащие меры к проведению разъяснительной работы среди населения, для чего, кроме партактива, привлечен комсомольский актив, а также активисты из местного населения.

30 января 1945 года

Леженко

ДАЛО. Ф. Р-2022. – Оп. 2. – Спр. 27. – Арк. 10–11.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 220–221.

№ 97

1945. – Січня 30. – Інформація голови Дрогобицького облвиконкому та бюро обкому КП(б)У про боротьбу з УПА у Сколівському районі

О проверке реализации решений ЦК КП(б)У от 10 января 1945 года
и бюро обкома КП(б)У от 18 января 1945 года
о борьбе с бандами украинско-немецких националистов в Сколевском районе

При проверке на месте выполнения решений ЦК КП(б)У от 10 января с. г. и бюро обкома КП(б)У от 18 января с. г. о борьбе с бандитами украинско-немецких националистов в Сколевском районе выявлено:

– что район к этому важнейшему мероприятию – борьбы с бандитами украинско-немецких националистов, учету населения – отнесся формально. Этой работы по-настоящему не организовал и никаких реальных результатов не добился,

– группы для посылки в сельсоветы по учету населения организованы из второстепенных и технических работников аппарата учреждений, а из руководящих работников партактива никто в села не посылался. Было выделено три группы

– каждая по 7–8 человек, и в эти группы не были влиты вооруженные люди ни из НКВД, ни из НКГБ, ни из райвоенкомата, а лишь были влиты в эти группы по 6–7 чел. из местного истребительного батальйона в то время, когда в районе, при проверке, оказалось 123 вооруженных человека, руководящие работники райотделов НКВД и НКГБ в села не выезжают, а для проведения операций выделяют незначительное количество людей, уполномачивая для руководства операциями второстепенных работников.

После областного совещания не проведена ни одна операция, которая дала бы какие-либо реальные результаты, а наоборот, такая безответственная организация компрометировала работу по проведению борьбы с бандами украинско-немецких националистов. Например, на 22 декабря с. г. была намечена операция в Стынава-Нижняя. Все люди, выделенные в эту оперативную группу, перепились и вместо борьбы с бандитами занялись мародерством и начали громить церковь. В селе Корча при наметке проведения операции – тоже явились пьяные, занялись грабежом, снимали часы у селян. В этом уличаются старший оперуполномоченный райотдела НКВД Благодыр, изымавший полушубки у крестьян. Руководителем группы был выделен тот же самый Благодыр, который по сути дела никакой операции против банды не проводил. В хуторе Ямельников работниками райвоенкомата было изъято у крестьян 4 коровы и 6 овец. Об этом крестьянами было заявлено райисполкому и райпрокурору, но со стороны последних никаких мер принято не было.

В помощь райотделу НКВД был послан т. Шевченко. 23 января с. г. в с. Семигинив, вместо работы по борьбе с бандитами организовал там пьянку, никакой работы по учету населения не проводил, а взятых с собой «ястребков» использовал как личную охрану.

Начальник райотдела НКВД Белоусов не включился в работу по ликвидации банд, не знает состояния в районе, не занимается работой с агентурой, не насаждает проверенных агентов, вследствие чего зачастую эти «агенты» провоцируют их. Например, 26 января с. г. поступило донесение о сосредоточении банды в количестве 700 человек с указанием места нахождения банды, а при проверке этого донесения на месте оно оказалось неправдоподобным.

27 января с. г. начальник РО НКВД Белоусов сообщил, что он наметил провести операцию в селе Каменка. Эта операция была сорвана, т. к. из людей никто не выехал.

За период после областного совещания, можно сказать, что никаких мероприятий по ликвидации банд не проводилось. Явилось самотеком по состоянию на 29 января с. г. 6 человек. Имеется арестованных по линии НКВД 11 человек и ни одного убитого бандита, в то время, когда в районе насчитывается 108 чел., не явившихся по призыву в РККА. Ни одной семьи бандитов не снято. С имеющимися ранее арестоваными никакой работы не ведется по вербовке их на нашу сторону, дела следствием не закончены.

Начальник райотдела НКГБ Авилов также никакой работы, по сути дела, с бандитами не проводит. Систематически пьянствует.

Мною 27 января с. г., будучи в районе, было созвано совещание работников НКВД и НКГБ для намечания мероприятий по борьбе с бандами, но Авилов под предлогом, что ему надо связаться с агентами, ушел с совещания и, как выяснилось, он всю ночь пьянствовал. Имел место и такой факт. В район прибыл из областного управления

НКГБ Андрусенко для оказания помощи на месте. Вместо помощи, вместе с Авиловым, организовал пьянку на квартире Авилова и в пьяном виде открыли стрельбу прямо в квартире.

Как по линии НКВД, так и по линии НКГБ очень плохо поставлена работа с агентурой. В НКГБ мною было просмотрено дело одного агента по кличке «Озорной», заведенное в ноябре 1944 года, в котором указывалось, где и в каких местах скрываются главари банд и их семейства, кто персонально оказывает им помощь продовольствием, а также передерживает бандитов. Этот материал использован не был.

В имеющейся при райотделе НКГБ камере находятся арестованые до 3-х месяцев и до настоящего времени никакого обвинения им не предъявлено. При чем все они арестованы без санкции прокурора.

В аппарат райотдела НКГБ присланы работники для постоянной работы, в том числе некий Ряднов – оперуполномоченный, который в работе симулирует, заявляет, что он прислан временно, заявляет всякие мотивы, чтобы уйти из района. Присланный в помощь представитель областного управления НКГБ Самохвалов решительных мер к налаживанию работы райотдела не принял.

Случаи бездействия и пьянки имеют место и среди райпартактива. Так, редактор райгазеты Богурский, напившись, пьяным был арестован НКВД и, когда его выпустили 28 января, обратно напился.

27 января с. г. мною было проведено совещание с находящимся в районе партактивом, на котором я ознакомил с решением бюро обкома от 25 января по Рудковскому району, а также на этом совещании были намечены мероприятия по перестройке работы, организации мощных оперативных групп, намечен план обработки сел и проведения учета населения с увязкой проведения репрессивных мер.

Отдельно проведено совещание с работниками райотделов НКВД, НКГБ и райвоенкомата. Работники этих органов включены в оперативные группы. Руководить оперативными группами выделен основной руководящий состав: секретари райкома КП(б)У, председатель райисполкома, нач. райотделов НКГБ и райвоенком. План этих мероприятий утвержден райкомом партии, где намечен порядок исправления недочетов, имевших место в деле борьбы с бандами украинско-немецких националистов.

Этим же решением приняты меры партийного воздействия к отдельным работникам района. Начальнику райотдела НКГБ вынесен строгий выговор с предупреждением с тем, если он в течение декады не перестроит работы по борьбе с бандами, то будет исключен из партии и предан суду. Начальнику райотдела НКВД Белоусову вынесен выговор и также предупреждение о персональной ответственности за ликвидацию банд в районе. Райвоенкому Бирюкову поставлено на вид.

Райком партии и его первый секретарь т. Чиников не принял надлежащих мер к выполнению решений ЦК КП(б)У и бюро обкома КП(б)У, не предъявил требовательности к членам партии, руководящим работникам, занимающихся пьянками, недостаточно требовал от членов партии выполнения поручений, даваемых райкомом.

Присланый по решению обкома партии уполномоченный Стрийского ГК КП(б) Украины член партии Дуриманов, работающий в Укргазе, на село ехать отказался и из района сбежал. Уполномоченный обкома партии Плотницкий заболел, а т. Шерстюк не оказал достаточной помощи в налаживании работы. Шерстюк мною предупрежден, что если он не исправит положение дел в районе, о нем будет поставлен вопрос на бюро обкома партии.

28 января с. г. райпартактив совместно с работниками НКВД, НКГБ и райвоенкомата выехал с оперативными группами в намеченные села.

30 января 1945 года

Д. Леженко

ДАЛО. – Ф. Р-2022. – Оп. 2. – Спр. 27. – Арк. 12–14.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 222–224.

№ 98

1945. – Лютого 5. – Лист Дрогобицького обкому КП(б)У та облвиконкому секретарям райкомів КП(б)У, начальникам НКВС та НКДБ, уповноваженим обкому КП(б)У про посилення каральних дій у Дрогобицькій області

Облвиконком, т. Леженко,
секретарям РК КП(б)У,
начальникам райвідділів НКВС та НКДБ,
уповноваженим обкому КП(б)У

Обком КП(б)У посилає Вам листа секретаря ЦК КП(б)У тов. М. С. Хрущова про виконання рішення ЦК КП(б)У від 10 січня 1945 року «Про посилення боротьби з українсько-німецькими націоналістами» для неухильного виконання.

Тов. Хрущов відмітив, що наша область має деякі наслідки в боротьбі з українсько-німецькими націоналістами, все ж таки обком КП(б)У вважає, що відмічені недоліки в реалізації рішення ЦК КП(б)У від 10 січня 1945 року, безумовно, відносяться і до нас, до всіх районів нашої області. Тому обком КП(б)У пропонує негайно вжити більш рішучих заходів по боротьбі з українсько-німецькими націоналістами. 10 лютого 1945 року прислати обкому КП(б)У детальну інформацію про хід боротьби з українсько-німецькими націоналістами.

Секретар Дрогобицького обкому КП(б)У Олексенко

5 лютого 1945 р.

ДАЛО. – Ф. Р-2022. – Оп. 2. – Спр. 16. – Арк. 1.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 224.

№ 99

1945. – Лютого 11. – Інформація заступника народного комісара внутрішніх справ СРСР для ЦК ВКП(б) про примусове виселення сімей із Західної України для лісової промисловості Кіровської області

Совершенно секретно

ЦК ВКП(б)
товарищу Маленкову Г. М.

На Ваш № 07459

По телеграмме секретаря Кировского обкома ВКП(б) тов. Лукьянова – докладываю:

Свободных контингентов спецпереселенцев в данное время не имеется, поэтому удовлетворить просьбу тов. Лукьянова о выделении предприятиям Кировского торфотреста 3000 человек спецпереселенцев – НКВД СССР возможности не имеет.

Завозимые в Кировскую область с Украины 4000 человек членов семей оуновцев, в соответствии с постановлением ГОКО, передаются лесной промышленности.

Считаю возможным выделить спецпереселенцев при расширении числа мобилизуемых немцев (мова йде про військовополонених, яких повертали на батьківщину. – *Ред.*), после комплектования спецпереселенцев с УССР и БССР.

Заместитель Народного комиссара внутренних дел Союза ССР Чернышев

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 153. – Арк. 25].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 225.

№ 100

1945. – Березня 5. – Список наукових працівників-поляків, репресованих радянськими органами в січні 1945 року

5.III.1945 г.
Секретарю обкома КП(б)У
Генералу Грушецкому

Львовское областное правление Союза польских патриотов направляет при сем список научных работников г. Львова, находящихся в заключении.

Председатель областного правления СПП Мазур

Бужинский Владимир Марьянович – инженер, доктор технических наук, член-корреспондент Технической академии в Варшаве, профессор Львовского политехнического института. Научно работал с 1922 г., как профессор с 1934 г., издал около 20 научных трудов по математике. Является не только выдающимся научным работником, но и инженером. Между прочим, запроектировал самый большой в Польше железобетонный мост на реке Сола.

Фризе Станислав Станиславович, инженер, доктор технических наук, профессор Львовского политехнического института. Научно работал с 1923 г., как

профессор с 1925 г., издал в печати в Польше и за границей около 30 научных трудов по электротехнике. Является не только выдающимся научным работником, но и очень способным инженером, спроектировал ряд городских и районных электростанций, электрические станции насосов во Львове и Саноке, между прочим сэлектрифицировал в 1944 г. дрожжевой завод в Лесенице, мастерские здания Львовского политехнического института, а также Львовский пивзавод.

Герман Мечислав Максимильянович, инженер, доктор технических наук, профессор Львовского политехнического института. Научно работал с 1922 г., как профессор с 1944 г., опубликовал в печати около 20 научных трудов по ветеринарии.

Козиковский Александр Касьянович, инженер, профессор Львовского политехнического института. Научно работал с 1907 г., как профессор с 1922 г., опубликовал в печати 60 научных трудов и статей по лесоводству. Выдающийся инженер-лесовод, представительствовал Польшу на многих международных съездах по лесоводству и пчеловодству.

Кучинский Тадеуш Марьянович, инженер, доктор технических наук, профессор Львовского политехнического института. Научно работал с 1911 г., будучи еще студентом, как профессор с 1928 г., опубликовал в печати больше 50 научных трудов по технической химии, является создателем и редактором научного журнала «Химический обзор» (пшегльонд хэмичный). Многие выводы его научных трудов вошли в учебники технической химии, некоторые из них имеют очень важное применение в нефтяной промышленности всего мира.

Лазорик Эмиль Янович, инженер, профессор Львовского политехнического института, научно работал с 1919 г., профессор с 1938 г., опубликовал в печати около 20 научных трудов сухопутного строительства. Приготовил к печати 4 тома труда «Статика стройки». Выдающийся и очень активный инженер, который неоднократно представительствовал Польшу на съездах «Международного общества инженеров», спроектировал и построил ряд железобетонных мостов на железнодорожной линии Стоянов – Луцк, а также большое число государственных зданий.

Минкевич Витольд Юзефович, инженер, доктор архитектуры, профессор Львовского политехнического института. Научно работал с 1910 г., как профессор с 1920 г., опубликовал печатно около 30 научных трудов по сухопутному строительству. Развивал очень активную деятельность, как инженер, создал ряд государственных строек, получил много первых наград на архитектурных конкурсах, много медалей и дипломов.

Плажек Эдвин Эдвинович, инженер, доктор технических наук, профессор Львовского политехнического института. Научно работал с 1924 г., как профессор с 1935 г., опубликовал печатью свыше 40 научных трудов по химии.

Сухарда Эдвард Эдвардович, инженер, доктор технических наук, профессор Львовского политехнического института, член-корреспондент Академии наук в Кракове, член-корреспондент Академии технических наук в Варшаве. Научно работал с 1912 г., как профессор с 1921 г., опубликовал в печати около 400 научных трудов по химии, некоторые из них известные в мировой литературе и вошли в учебники.

Брулинский Марьян Станиславович, инженер, преподаватель Львовского политехнического института, опубликовал печатью ряд статей по мукомольной промышленности, работал как преподаватель с 1937 г.

Домашевский Ян Вацлавович, инженер, заведующий кафедрой во Львовском политехническом институте. Научно работал как адъюнкт с 1924 г., опубликовал печатью 8 научных трудов по железнодорожному строительству.

Януш Марьян Каролевич, инженер, доцент Львовского политехнического института. Научно работал с 1929 г.

Козиковский Казимир Александрович, инженер, доцент Львовского политехнического института. Научно работал с 1935 г., опубликовал печатью 4 научных труда по лесоводству.

Сокальский Здислав Янович, инженер, доктор технических наук, доцент Львовского политехнического института. Научно работал с 1929 г., опубликовал печатью 10 научных трудов по физической химии.

Новацкий Збигнев Станиславович, инженер, ассистент Львовского политехнического института.

Пфицнер Казимир Адольфович, инженер, ассистент Львовского политехнического института.

Жулавский Ян Вацлавович, инженер, старший лаборант Львовского политехнического института.

Макаревич Юльюш Спиридонович, доктор прав, профессор Львовского государственного университета, член Академии наук в Кракове, член Научного общества в Варшаве и Львове, член ряда иностранных научных обществ, почетный [член] доктор университета во Львове. Научно работал с 1896 г., как профессор с 1904 г., написал около100 научных трудов по законодательству, автор ряда блестящих научных трудов, некоторые из них опубликованы за границей.

Пшибыловский Казимир Петрович, доктор прав, профессор Львовского государственного университета, член научного общества во Львове, научно работал с 1923 г., как профессор с 1929 г., опубликовал печатью 40 научных трудов по праву, некоторые из них за границей.

Паздро Здислав Збигневович, доктор геологии, доцент Львовского государственного университета. Научно работал с 1923 г., как доцент с 1934 г., опубликовал печатью около 30 научных трудов по геологии, из числа которых много имеют большое хозяйственное значение.

Пухлик Марьян Марьянович, доктор физики, доцент Львовского государственного университета. Научно работал с 1926 г., как доцент с 1940 г., опубликовал печатью 10 научных трудов по физике, некоторые из них имеют очень большое значение.

Габерле Евстахий, доктор философии, преподаватель Львовского государственного университета и заведующий библиографического отдела библиотеки Львовского государственного университета. Научно работал с 1921 г., опубликовал печатью 16 научных трудов по библиотекарству и ряд статей из этой же отрасли.

Демьяновский Адриан Анатольевич, доктор медицины и философии, доцент Львовского мединститута. Работал научно с 1919 г., опубликовал печатью около 20 научных трудов по психиатрии.

Ганчинец Ричард Германович, профессор кафедры философии Львовского государственного университета, автор 36 научных трудов.

Секретарь Союза польских патриотов Левандовский

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 239. – Арк. 30–34.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 249–252.

№ 101

1945. – Березня 18. – Доповідна записка уповноваженого ЦК КП(б)У в Магерівському районі Львівської області секретарю ЦК КП(б)У і секретарю Львівського обкому КП(б)У про вступ у ряди ОУН вчителів, вихідців із східних областей України

Совершенно секретно

Секретарю Центрального Комитета
Коммунистической партии (большевиков) Украины
тов. Хрущеву
гор. Киев

Копия: Секретарю Львовского обкома КП(б)У
тов. Грушецкому
гор. Львов

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

В дополнение к моей первой докладной записке прошу обратить внимание на следующее:

1. Народный комиссариат просвещения и областные отделы народного образования УССР как Полтавский и другие нарушили постановление ЦК КП(б)У о подборе соответствующих кандидатур для посылки на работу в западные области, в результате чего в Магеровский район Львовской области направлены почти все учителя, находившиеся на временно-оккупированной немцами территории, некоторые из них в период немецкой оккупации возились в Германию. Эти обстоятельства привели к тому, что часть учителей Восточных областей стали участниками банд ОУН, посещают церкви, имеют связь с враждебным элементом. Указанные обстоятельства подтверждаются следующими фактами:

а) РО НКГБ Магеровского района арестовано две учительницы села Погарисско Магеровского района. Одна по фамилии Харченко Екатерина, прибывшая из Восточной области совместно с учительницей Павлик Евгенией – уроженка села Погарисско, Магеровского района, стали участницами банды ОУН, отец учительницы Павлик из банды ОУН убит при проведении операции.

б) В селе Каменка-Гора, Магеровского района работали учителями Крылевец Елена Яковлевна и Корсун Анна Ильинична, прибывшие из Полтавской области, обе находились на оккупированной немцами территории. Корсун неоднократно возилась в Германию.

Крылевец и Корсун завербованы в банду ОУН. К ним на квартиру неоднократно являлись бандиты во главе с руководителем под псевдонимом «Круг» – одеты в воинскую форму советских пограничников, один из них учитель, при посещении бандиты производили проверку методов учебы, отметок успеваемости учеников и вели разговор на разные темы. На вопрос Корсун: чего вы добиваетесь? бандиты ответили: «Самостийной Украины». Корсун подтвердила словами: «Це гарна справа, но вас очень мало?» Бандиты ответили: Нас к весне будет больше, а главное то, что нас поддерживает местное население, бандиты заявляли, что среди них имеются коммунисты, которых они принимают и не убивают, так как они изучают теорию

Маркса–Энгельса, а коммунистов, которые изучают теорию Ленина–Сталина, как и работников НКГБ-НКВД они убивают. По заданию бандитов учительница Корсун систематически подбирала и передавала статьи из газет о действиях ОУН, о явке с повинной и карикатуры Бандеры.

Учительница Крылевец по причине не установленной неоднократно являлась ко мне, к секретарю РК КП(б)У тов. Ковальскому с заявлением о посещении ее квартиры бандитами, о беседе и о действиях учительницы Корсун, последняя об этом знала. 4 марта 1945 года была последняя явка учительницы Крылевец.

7 марта 1945 года на квартиру к учительнице были приглашены работники Магеровского райпотребсоюза, прибывшие в село для закупки мяса, приглашенные свои автоматы поставили в сторону к стенке, в это время учительница Корсун взяла автомат произвела выстрел, убила учительницу Крылевец.

На допросе Корсун заявила, что убийство Крылевец совершила случайно, ее заявление разделяет прокурор Магеровского района тов. Федорович, последний изъял из РО НКВД материал и ведет следствие как за убийство по неосторожности, я считаю, что это не есть неосторожность, а прямое выполнение задания об убийстве учительницы Крылевец, а поэтому прошу Вашего вмешательства, чтобы материал был передан РО НКГБ для производства следствия, учитывая, что при обыске в чемодане Корсун обнаружено: одна граната и немецкие разрывные патроны, по этому же селу арестованы РО НКГБ председатель и секретарь сельсовета как члены ОУН. При допросе последние сдали еще 15 членов ОУН.

Зав. РОНО Логвин беспартийный, никакой работы среди учителей не проводит, сам находился на оккупированной немцами территории, имеет связь со священником, у которого проживал 15 дней, будучи уполномоченным от РК КП(б)У.

2. Учреждения, организации района в большинстве имеют засоренность, а именно:

а) райфинотдел – старшим налоговым инспектором по госбюджету работает Сало-Жуковский, последний в период немецкой оккупации работал в немецкой комендатуре, отправлял крестьян на каторгу в Германию, был активным участником встречи немцев, учавствовал в демонстрациях в период провозглашения «Самостийной Украины».

б) Отдел гособеспечения – зав. отделом Овчаренко оставался в оккупированной немцами территории, инспектор Сидельников при немцах работал начальником контингента, облагал разными налогами крестьян, лично собирал с крестьян немцам продукты. Секретарь Тесляк Анна, муж которой в 1938 году выехал в Польшу в гор. Люблин, в 1942 году с приходом немцев явился в Магеровский район, при отходе немцев выехал в Германию, сама Тесляк член баптистской организации.

в) В промкомбинате работает Долиновская Татьяна, сестра бандита Долиновского Якима, возле мастерских появлялись листовки банды ОУН. Характерно, что все указанные лица жители разных сел Магеровского района оставили свое сельское хозяйство, сами ушли на работу в центр района Магеров.

3. По району как система – нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года о трудовой дисциплине, грубое нарушение ревзаконности и ряд других преступлений.

Прокурор района тов. Федорович соответствующей борьбы не проводит, не объясняется ли это тем, что прокурор является сыном бывшего прокурора и бывшего члена ВКП(б), который отказался эвакуироваться и остался на оккупированной немцами территории.

4. РО НКВД не выполняет указание в части выселения из района семей бандитов, которые на сегодняшний день не все выселены, как например: в селе Погарисско проживает Долиновский Федор Якимович, крупный кулак, сын которого Долиновский Яким Федорович является активным бандитом ОУН.

В части банд ОУН в районе и борьбы по ликвидации изменений против указанного в первой докладной записке мною не произошло, в части политико-массовой работы имеются изменения в сторону увеличения докладов и собраний, об этом будет подробно указано в следующей докладной.

Уполномоченный ЦК КП(б)У по Магеровскому району Русаков

18 марта 1945 года
№ 65
гор. Магеров

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1691. – Арк. 130–132.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 206–208.

№ 102

1945. – Квітня 13. – З протоколу № 49 засідання бюро Дрогобицького обкому КП(б)У про злочинні дії працівників Славського райвідділу НКВС

Цілком таємно

Окрема папка до протоколу № 49
засідання бюро Дрогобицького обкому КП(б)У від 13 квітня 1945 р.

Про факти порушення радянської законності
робітниками Славського райвідділу НКВС

Рішенням РК КП(б)У від 5-го квітня 1945 року відзначені факти грубого порушення радянської законності робітниками райвідділу НКВС, які межують з антирадянськими діями і спрямовані на дискредитацію законів Радянської влади.

Встановлені факти, коли співробітники райвідділу НКВС при допиті заарештованих застосовують фізичні методи, без суду і слідства їх розстрілюють, спалюють хати ні в чому неповинних громадян.

В грудні 1944 року старший оперуповноважений Доля, при допиті заарештованого Дем'яна Василя Миколаєвича, ізбив його і, напівживого, за порадою заступника начальника райвідділу НКВС Зирянова, вивіз за село і розстріляв, а труп кинув у колодязь.

В тому ж місяці був затриманий гр. Дорош Іван Петрович, якого старший оперуповноважений Доля, після допиту, розстріляв у дворі райвідділу НКВС.

31-го березня 1945 року начальник райвідділу НКВС Мірошниченко з групою робітників райвідділу і винищувального батальйону виїхав в села Козьова, Орявчик і ін. по оперативних завданнях. Замість проведення роботи, Мірошниченко зайнявся п'янкою, після чого групі у 20 чол., на чолі з помічниками оперуповноваженого

Мацко і Кислицьким дав завдання прочистити село Тисовець. Група, керована Мацко і Кислицьким, по дорозі до села Тисовець, затримала двох громадян сіл Росток і Тисовець – Гординець Йосипа Петровича, Павковича Миколу Миколаєвича, які від військової служби не скривались, а лише 23 березня закінчили військово-учбові збори при райвоєнкоматі, – їх ізбили і забрали з собою. Підійшовши до села Тисовець, відкрили безцільну стрілянину з двох кулеметів, – в результаті згоріло три хати, 1 кінь, 3 корови. Затримані громадяни Павлович і Гординець тут же були розстріляні.

Тими ж Мацком і Кислицьким, які були в п'яному стані, затриманий учитель села Рожанка Нижня – Васильєв Стефан Федорович, 1928 року народження, брат якого в Червоній Армії, а батько працює головою споживкооперації, і розстріляний без всяких на це підстав.

В той же день оперуповноважений Кислицький намагався застрелити голову сільради села Рожанка Нижня.

Начальник райвідділу НКВС тов. Мірошниченко не вживав заходів до наведення порядку у райвідділі, приховував від партійних і радянських органів антирадянські дії своїх підлеглих.

Факти розкладу особистого складу райвідділу НКВС, п'янки, грубе порушення радянських законів можна пояснити і тим, що з боку РК КП(б)У і його першого секретаря тов. Пурель послаблена партійно-політична і виховна робота серед особистого складу райвідділу НКВС, а також недостатньою роботою райпрокурора тов. Мацеганюка.

РК КП(б)У сліпо вірив начальнику райвідділу НКВС Мірошниченко і достатньо не контролював його роботу.

Бюро Обкому КП(б)У – постановляє:

1. За притуплення політичної пильності з боку РК КП(б)У, що призвело до грубого порушення законів Радянської влади з боку робітників райвідділу НКВС, – указати РК КП(б)У і його першому секретарю тов. Пурель.

Зобов'язати тов. Пурель на закритих районних партійних зборах обговорити питання про факти порушення законів радянської влади і намітити практичні міроприємства по виправленню цих недоліків.

2. Зобов'язати начальника обласного Управління НКВС тов. Сабурова, військового прокурора тов. Александрова, облпрокурора тов. Кригіна до 25.IV.1945 року розслідувати факти порушення радянської законності райвідділом НКВС та діяльності райпрокурора і винних притягнути до суворої судової відповідальності.

Секретар Дрогобицького обкому КП(б)У Олексенко

ЦДАГОУ. – Ф. І. – Оп. 23. – Спр. 1675. – Арк. 68–69.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 208–209.

№ 103

1945. – Квітня 20. – Лист ради у справах Російської православної церкви при Раднаркомі Союзу РСР до М. С. Хрущова про план заходів щодо ліквідації Української греко-католицької церкви

Совершенно секретно
экз. № 1

ЦК ВКП(б)
товарищу Н. С. Хрущеву
г. Москва

Совет по делам русской православной церкви при Совнаркоме Союза ССР, считая, что русская православная церковь в настоящее время может и должна сыграть значительную роль в борьбе против римско-католической церкви и против униатов, 15 марта с. г. входил в Правительство Союза с рядом предложений по проведению некоторых мероприятий на Украине, в Белоруссии, в Литве, Латвии, а также за границей.

Все представленные Советом предложения 17 марта с. г. были одобрены Председателем Совета Народных Комиссаров Союза СССР товарищем Сталиным.

В числе представленных предложений были следующие мероприятия, относящиеся к положению церкви на Украине:

1) Организовать в гор. Львове православную епархию, поставив во главе ее епископа (из украинцев) с титулом епископа Львовского и Тернопольского, который бы и объединил православные приходы Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Тернопольской областей.

2) Предоставить Львовскому и Тернопольскому епископу, а также всем православным священнослужителям данной епархии право на проведение миссионерской работы.

3) Предоставить в распоряжение епархии в гор. Львове в качестве кафедрального собора один из греко-католических (униатских) соборов.

4.) Укрепить Почаевскую православную лавру в гор. Кременце, Тернопольской области, сделав настоятеля ее викарием Львовского епископа.

5) От имени патриарха Московского и всея Руси и Синода русской православной церкви выпустить специальное обращение (на украинском и русском языках) к духовенству и верующим униатской церкви и широко распространить его по униатским приходам.

6) Организовать внутри униатской церкви инициативную группу, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие.

7) Организовать православные братства в городах Луцке и Львове, предоставив этим братствам право на проведение миссионерской и благотворительной деятельности, причем задачей братства будет являться укрепление православия и противопоставление его католицизму.

8) Принять меры к ликвидации автокефалии польской православной церкви, с проведением соответствующих мероприятий по присоединению ее в целом к Московской патриархии.

9) Оформить присоединение к Московской патриархии Мукачевско-Пряшевской православной епархии (Закарпатская Украина), согласно выявленному с их стороны коллективному желанию и согласию Синода сербской православной церкви (в юрисдикции которой до настоящего времени находится Мукачевско-Пряшевская епархия).

10) Для подготовки кадров священнослужителей и миссионеров, по типу и программе Московских пастырско-богословских курсов, открыть курсы в городах Киеве, Луцке, Львове и Одессе.

В порядке исполнения вышеуказанных мероприятий на сегодняшний день проведено следующее:

В качестве епископа на Львовско-Тернопольскую кафедру определен протоиерей одной из киевских церквей, он же профессор, М. Ф. Оксиюк, который 19 апреля с. г. прибыл в Москву и представлялся в патриархии и в Совете.

Сегодня, 20 апреля, состоялось пострижение Оксиюка в монашество, 21 апреля состоится наречение, а 22 апреля – хиротония и отъезд в гор. Львов.

Оксиюку предоставлено право взять, по его усмотрению и по согласованию с экзархом Украины митрополитом Иоанном, несколько украинских православных священников для организации православного братства и развертывания миссионерской работы.

В указе патриарха о назначении Оксиюка епископом Львовским и Тернопольским будет оговорено, что в его ведение передаются также православные приходы в Станиславской и Дрогобычской областях.

Совет считает желательным, чтобы епископу Львова (Оксиюку) были предоставлены в бывшем униатском монастыре покои бывшего митрополита Андрея Шептицкого, а также помещение для епархиального управления и богословско-пастырских курсов.

Совет согласен с мнением патриарха Алексия о предоставлении права Львовскому епископу издавать так называемые епархиальные ведомости.

Экзарх Украины митрополит Иоанн получил соответствующее указание от патриарха Московского о формуле принятия униатских священников в православие и ему же предложено дать соответствующие указания епископам Житомирскому, Волынскому и Каменец-Подольскому.

Совету известно, что внутри униатской церкви, в лице Костельника и других священников, создается инициативная группа, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призывать униатское духовенство к переходу в православие.

Специальное обращение патриарха Московского к униатскому духовенству, воззвание инициативной группы, материалы епархиальных ведомостей Львовского епископа, а также соответствующие проповеди должны будут способствовать скорейшему разложению униатской церкви.

Совет по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР просит Ваших указаний Уполномоченному Совета при Совнаркоме Украинской ССР тов. Ходченко и Уполномоченному Совета при Львовском Облисполкоме тов. Вишневскому об оказании необходимого содействия экзарху Украины митрополиту Иоанну и Львовскому епископу Оксиюку в проведении вышеуказанных мероприятий.

Мероприятия по ликвидации автокефалии польской православной церкви проводятся Московской патриархией путем вызова в Москву представителей польской автокефальной православной церкви, а присоединение Мукачевско-Пряшевской

епархии оформляет церковная делегация Московского патриарха, ныне находящаяся в Белграде (Югославия).

Председатель Совета по делам Русской православной церкви
при СНК СССР Карпов

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1638. – Арк. 97–100.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 259–261.

№ 104

1945. – Квітня 21. – З інформації завідуючого організаційно-інструкторським відділом Львівського обкому КП(б)У для ЦК КП(б)У про арешт митрополита Й. Сліпого, єпископа М. Будки і греко-католицького духовенства

Киев, ЦК КП(б)У
тов. Зленко

ИНФОРМАЦИЯ
о результатах проведения операции по арестам
антисоветского духовенства греко-католической церкви
и реагировании духовенства и населения Львовской области на аресты

В результате проведенной операции по изъятию антисоветского духовенства и церковного актива греко-католической церкви по г. Львову и области арестовано 33 человека, из них:

Митрополитов	– 1
Епископов	– 2
Священников	– 20
Диаконов	– 2
Оуновцев нелегалов, связанных с духовенством	– 4
Студентов духовной академии и семинарии	– 3
Церковного актива	– 1

Кроме того, в ходе операции задержаны и подвергнуты тщательной проверке 17 человек, находившихся на территории резиденции митрополита греко-католической церкви, в основном без документов, укрывавшиеся в различных местах «Юра» и обнаруженные в момент производства обысков. Часть из них скрывалась и на колокольне кафедрального собора.

Из числа арестованных наибольший интерес представляют:

1. **Слепой Иосиф Иванович,** 1892 года рождения, уроженец села Заздристь, Трембовльского района, Тернопольской области, украинец, беспартийный, с высшим духовным образованием, владеет несколькими иностранными языками.

Вышел в священники в 1917 году, произведен в епископы в 1939 году. В 1940 году получил сан архиепископа Сирийского, до ареста был митрополитом греко-

католической церкви на Украине, проживал в г. Львове, по ул. площадь Юра № 5, кв. 1.

После окончания гимназии в г. Тернополе, в 1911 году учился в Львовском университете, затем выехал на учебу в г. Инсбург – Австрия и в г. Рим.

По окончании учебы разъезжал по территории Германии, Франции, Швейцарии, Бельгии и Америки. В 1938 году с заданием митрополита Шептицкого выезжал в Англию для встречи с высшим католическим духовенством.

Являясь с 1929 по 1937 год ректором Львовской богословской академии, воспитывал своих учеников в духе непримиримой ненависти к Советскому Союзу. Наиболее успешно занимавшихся студентов отправлял в Рим, где они проходили специальное обучение в коллегиуме «Руссикум» для проведения миссионерской работы в СССР.

Возглавляя духовную академию, Слепой одновременно руководил националистическими издательствами «Мета» и «Дзвоны», занимавшиеся распространением отдельных клеветнических измышлений по адресу Советского Союза.

Приход советской власти в западные области Украины в 1939 г. встретил враждебно и не прекращал своей антисоветской деятельности, поддерживал связь и укрывал от органов власти прибывшую из-за границы агентуру иностранных разведок.

В период немецкой оккупации Слепой добровольно изъявил согласие сотрудничать с, так называемым, «Правительством украинского самостоятельного государства», во главе со Стецько и вошел в состав президиума «Рады сеньоров», а затем «Национальной Рады», преследовавших цель отражать «единство народа» с «правительством» Стецько.

В том же 1941 году Слепой подписал обращение к украинскому народу (опубликовано в газетах «Самостийна Украина» № 3 от 10.7.41 г. и «Бучацьки висти» № 1 от 27.7.41 г.), в котором... **призывал население к объединению вокруг созданного «Правительства украинского самостоятельного государства», возглавляемого Стецько.**

В 1942 году нелегально выезжал в Берлин для свидания с лидером ОУН Мельником Андреем, от которого получил задания и полномочия вести переговоры с бандеровцами по вопросу объединения украинских националистических мельниковского и бандеровского течений.

В осуществление полученных заданий, являлся посредником в этих переговорах, пытаясь склонить бандеровцев войти в подчинение Мельника.

В апреле 1943 года, после создания, по указанию немецкого командования, украинской дивизии... «Галичина» – совершил во Львове торжественное богослужение и благословил эту дивизию на борьбу против Красной Армии.

В ноябре 1943 года Слепой совместно со всем униатским епископатом подписал «спильне послання» к духовенству и всем верующим с призывом боротьбы с влиянием «безбожников – коммунистов», особенно на молодежь, добиваясь консолидации украинских националистических сил.

После освобождения западных областей Украины от немецких оккупантов, Слепой остался на прежних антисоветских позициях, продолжает поддерживать связь с руководством оуновского подполья, укрывая от репрессий активных врагов советского государства.

2. **Будка Никита Михайлович,** 1877 года рождения, уроженец с. Добромирка, Збаражского района, Тернопольской области, украинец, беспартийный, с высшим

духовным образованием, вышел в священники в 1905 году, возведен в сан епископа в 1912 году. Был епископом в Канаде, после чего настоятелем собора «Святого Юра» в г. Львове и помощником митрополита. До ареста проживал в г. Львове, по ул. Площадь Юра № 5.

По имеющим данным Будка в прошлом офицер австрийской армии, работал в штабе и выполнял особые задания.

До 1930 года проживал в Канаде, где был епископом, после чего прибыл во Львов и остался в резиденции «Юра» в качестве епископа-помощника при митрополите Андрее Шептицком.

Являясь украинским националистом, приход советской власти в западные области Украины в 1939 году встретил враждебно «как временное явление».

Поддерживая связь с одним из лидеров ОУН – Мельником Андреем, которого в близком кругу популяризовал, как «вождя» украинского народа, направлял к нему своих связных по заранее обусловленным паролям.

Будка доказывал, что в недалеком будущем будет создано «самостоятельное украинское государство» от Перемишля до Дона с включением Северного Кавказа, во главе которого станет Мельник, являющийся, по его словам, «украинским Муссолини», у которого Будка пользуется большим доверием.

Будучи связан с Ватиканом занимался сбором разведывательных данных, используя для этого информацию приезжавших во Львов священников и собранные данные направлял в Рим через специальных курьеров.

В 1941 году, в целях влияния греко-католической церкви и активизации антисоветской деятельности, вместе с руководством униатской церкви, принимал активное участие в создании т. н. «пророков» и «святых», которые униатской церковью использовались для антисоветской работы.

Лично принимал и направлял по своим связям одного из таких «пророков» – «апостола Петра» из Станиславской области, которого инструктировал в части распространения среди населения провокационных и пораженческих слухов о скорой гибели советской власти.

Из числа задержанных и подвергнутых тщательной проверке наибольший интерес представляют:

1. **Самуляк Василий Иванович,** 1902 года рождения, уроженец села Купинское, Жовковского района, Львовской области, украинец, гр-н СССР, беспартийный, образование 7 классов, служил диаконом церкви в селе Купинское, где и проживал.

Самуляк активный член организации украинских националистов, вербовщик в подполье ОУН. Будучи завербованным в ОУН получил задание организовать группу украинских националистов в селе Купинское.

Выполняя указания ОУН, Самуляк организовал группу украинских националистов.

2. **Белей Василий Григорьевич,** 1896 года рождения, уроженец села Скоморохи, Станиславской области, проживал в резиденции «Юра», являлся священником и настоятелем школы диаконов.

Во время обыска на квартире у Белей был обнаружены: пишущие машинки, ротатор, националистическая литература и газеты, значки «Трезуб» и другие вещественные доказательства, изобличающие его в принадлежности к ОУН.

3. **Порняк Дмитрий Андреевич,** студент школы диаконов, проживающий в резиденции «Юра» без паспорта и военного билета.

Во время обыска Порняк был найден в катакомбах «Юра» в схроне.

На первичном допросе Порняк дал показание о том, что он является членом ОУН и укрываясь от ареста, поступил в школу диаконов, где проживал на нелегальном положении.

4. **Марков Михаил Антонович,** студент школы диаконов, проживающий в резиденции «Юра» без паспорта и военного билета.

На допросе также показал, что он является членом ОУН и укрывался от ареста в резиденции «Юра».

5. **Романов Иван Осипович,** 1914 года рождения, украинец, беспартийный, гр-н СССР, студент школы диаконов, проживал в резиденции «Юра» без документов.

На допросе Романов показал, что он, будучи мобилизован в Красную Армию, дезертировал, поступил в школу диаконов, где находился на нелегальном положении.

Кроме этого, на второй день операции, на колокольне кафедрального собора «Святого Юра» были обнаружены и задержаны три студента школы диаконов, проживающие без документов.

В процессе операции и обысков по резиденции митрополита, духовной академии и отдельных лиц обнаружено и изъято... значительное количество оуновской литературы, много различных медикаментов, денег совзнаками 78000 рублей, денег американскими долларами – 40 долларов, плакатов с изображением герба «Трезуб» – 9 штук.

Из числа студентов духовной академии, семинарии и школы диаконов лиц мобилизационного возраста в количестве 159 человек нами переданы в Железнодорожный Райвоенкомат, из коих 120 признаны годными для несения военной службы.

Аресты духовенства униатской церкви вызвали среди населения различные толки и суждения.

Директор Украинского национального музея **Свенцицкий** заявил:

«Я ждал большевиков, никогда не симпатизировал немцам и националистам. Меня националисты били за мои московские симпатии. Сейчас я разочарован в большевиках областных. Но вместе с тем не хочется верить, чтобы областные большевики, без согласия сверху решились на такой трюк, как арест митрополита. Признаюсь, что у меня появилась апатия к жизни. Мне безразлично будет, если и меня арестуют.

Я думал вначале дать бой власти, если она прикажет закрыть памятник митрополиту (во дворе музея стоит памятник митрополиту Шептицкому), а сейчас и по этому поводу безразличие. Плетью обуха не перебить».

Академик **Щурат В. П.** высказал:

«Почему советы не заботятся о том, чтобы группировать вокруг себя друзей – сторонников, почему, каждый шаг советской власти направлен на зло массам, почему такое пренебрежение к народу. Ведь, после ареста священников в Галиции, не найдете ни одного человека, который бы одобрил политику советской власти. По-видимому, в советской системе должно быть только одно авторитетное лицо (упоминает фамилию

руководителя партии) и во имя этого убивается авторитет всех живущих на земле. Разве вредит советской власти культ покойного Шептицкого. Мертвые же не в состоянии стрелять, убивать и отбиваться. Разве лежачего бьют?

Чего достигнут арестом Слепого, Будки и других?

Кроме того, что убита симпатия даже у тех, которые любили советскую власть, – ничего. Неужели это в интересах большевиков, чтобы их боялись и не любили».

Старший преподаватель университета **Ярема Ефим Ефимович** говорил: «Вся эта история есть руссифакия Украины и это наибольшее зло». Служащий главпочтамта Сойка заявил: «Костельнику поручено организовать Комитет по реорганизации униатской церкви.

Задача этого комитета – слить униатскую и православную церкви в единую церковь.

Главенство в этом деле будто бы поручено Костельнику».

В связи с этим среди духовенства ходят слухи о том, что материалы в статье «С крестом или с ножем» даны священником Костельником.

Директор электробатарейного завода **Крик Петр** заявил:

«Уже из этого видно, что большевики думают сделать с украинцами – это всех выселят на восток. Это их метод запугивать и тем самым отвлекают от религии».

Зав. Организационно-инструкторским отделом
Львовского обкома КП(б)У Богородченко

934/02
21.VI.45 г.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1691. – Арк. 197–199.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 212–216.

№ 105
1945. – Квітень. – Повідомлення НКДБ УРСР в ЦК КП(б)У про реагування інтелігенції Львівської області на статтю «З хрестом чи ножем»

Совершенно секретно

ЦК КП(б) Украины
товарищу Хрущеву Н. С.
г. Киев

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
о реагировании на статью «С крестом или ножом»,
опубликованную в газете «Вільна Україна»

8.04. с. г. в Львовской областной газете «Вільна Україна» опубликована статья «С крестом или ножом» Ярослава Галана, подписанная псевдонимом «Владимир Росович».

Помещение этой статьи в газете было совершенно неожиданным явлением как для духовенства, так и для львовской общественности, вызвав среди населения, прежде всего среди духовенства и интеллигенции, самые различные отклики и комментарии и, по данным наших источников, произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

Из доступивших к нам материалов видно, что статья вызвала положительную оценку среди части интеллигенции гор. Львова, осуждающей деятельность греко-католической церкви и высказывающейся за воссоединение с русской православной церковью.

Вместе с тем, отдельные лица высказывают недовольство резкостью статьи по отношению Шептицкого.

Униатское духовенство и отдельные лица из числа львовской общественности проявляют особый интерес к установлению автора статьи «С крестом или ножом». Близкий к униатским кругам академик Академии наук УССР, работающий в ее филиале во Львове, Щурат считает, что автором является «зажидивленый» Галан.

Некоторые приписывают авторство статьи неизвестному униатскому священнику, недовольному руководством церкви.

Зафиксировано также заявление, что автором статьи может являться секретарь обкома КП(б)У тов. Тапочка или кто-нибудь из местной власти, в частности НКВД.

Священник-униат Котив, близкий к митрополиту Слипому и другим из резиденции «Юра», приписывает авторство местным властям, высказывая при этом обиду за неправильные факты, изложенные в ней, хотя сам, явившись к уполномоченному культов при Львовском облисполкоме, ни одного фактора в опровержение не мог представить. Как видно из заявления Котива, руководство униатской церкви намерено, в связи с появлением статьи, писать жалобу в Москву или выслать туда своих представителей.

Особого внимания заслуживают реагирования на статью со стороны руководящей верхушки греко-католической церкви, которые были переданы в официальной беседе нашему источнику вышеуказанным Котивым.

Котив заявил следующее: «Статья исходит из недр НКГБ – НКВД, со стороны поляков или евреев, которых там много работает и быть может со стороны «кацапов» – русских. Я лично думаю, что, вернее всего, со стороны поляков и вот почему.

В статье есть абзац о том, что греко-католики пожертвовали 100 тысяч рублей на Красный Крест. Уясняя себе значение пожертвования на Красный Крест в Польше, а в Польше такие пожертвования на Красный Крест носили всегда характер подкупа правительственных лиц, так вот эту особенность могут знать только те, кто подкупал или для кого подкупали, т. е. сами поляки или их контрагенты по подкупам – евреи.

Мы через знакомых людей из Академии наук тщательно изучаем статью с тем, чтобы определить кто ее писал. Ясно одно – это то, что автор статьи несомненно скрыт под псевдонимом «Владимир Росович». Конечно, мы считаем, что это все местное творчество и не придаем статье официального значения. Думаем также над тем, как реагировать на эту статью, но пока этого вопроса мы не решили – писать ли протест или молчать.

Мы хорошо понимаем, что статья толкает нас в сторону православия, но было бы смешно думать, что какая-то резкая статья может смаху разрешить вопрос о воссоединении греко-католиков с православными. Это дело не месяца и не одного года, ибо уния прививалась верующим и духовенству больше 300 лет подряд».

Униатский священник города Львова Кравец Иван, будучи недоволен тем, что униатам приписывают, как несомненно установленный факт, связь с ОУН и активное содействие с оуновскими бандитами, говорил: «Статья была подготовлена несколько месяцев назад. Очевидно, все тайны «Юра» передали каноники – русофилы. Это измена. Их мечта – присоединить нашу церковь к православной.

Пишут, что «Юра» – центр ОУН, что по их выходит, что Шептицкий должен учить коммунизму. Он обучал молодежь любить массы Украины, так он учил и духовенство. Все народы имеют свои державы и мы должны ее иметь.

Наумович умер не своей смертью, но он шел против нас. Если нас продают, то это не наша вина, что они умирают.

Униатов обвиняют, что они вручали знамя Скоропадского дивизии «СС – Галичина». Пишут, что священники, создавая дивизию «СС – Галичина», направляли украинское мясо на фронт. Мы думали создать свое государство, а не помогать немцам.

Об этой статье будут знать в Лондоне и Вашингтоне.

Война еще не закончилась и выиграет ее не сила, а хитрость. После войны с Германией начнется новая война».

Кравец намечен к аресту.

Настоятель униатско-кафедрального собора «Юра» в г. Львове – Горчинский сказал: «Наше духовенство очень обижено этой статьей, мы будем жаловаться в Москву».

Студент Львовской духовной униатской академии Тимош Богдан заявил по поводу статьи: «Статья в газете оклеветала униатов. Нужно это дело передать в суд и автора привлечь к ответственности. Пусть суд разберет».

Магистр Щурак по поводу опубликованной статьи с возмущением заявил: «Большевики не имеют права вмешиваться в церковные дела. Они подняли этот вопрос с провокационной целью, чтобы заставить клерикалов задуматься над создавшимся положением».

Научный сотрудник филиала Академии наук УССР в г. Львове Барвинский Богдан, будучи возмущен появлением статьи и, главным образом, ее содержанием, говорил: «Советам не удастся опозорить святыню и память о нашем митрополите Шептицком. Наш народ очень чтит его. Это праведник, который очень много сделал для украинского народа. Он из своих средств помогал очень многим художникам и писателям.

Наше униатское духовенство стояло и стоит всегда на страже интересов украинского народа. Уния в момент своего создания спасла нас от ополячивания и в настоящий момент наш народ не отойдет от нее.

Если православное духовенство начнет проповедывать среди нас православие, то мы скорее перейдем в римо-католическую церковь, чем будем православными, так как православная церковь находится всецело под влиянием евреев и НКВД. Патриарх, которого недавно избрали, фактически назначен Советами и является не истинным главой православной церкви, а ставленником Советов».

Сам факт появления статьи и острота содержания ее вызвали смятение и растерянность среди верхушки униатского духовенства, ожидающего в связи с этим чрезвычайных мероприятий советских органов как в отношении духовенства, так в отношении церкви, не исключая и возможности ареста лиц, фигурирующих в статье.

В частности они считают, что это первый нажим на униатов, чтобы они переходили в православие.

Доктор богословия – священник униатской церкви Костельник, который упоминается в статье как лицо, надежды которого были всегда обращены на создание «самостоятельной Украинской державы» с помощью немцев, после прочтения статьи сказал: «Шептицкий мечтал о соединении православной и униатской церквей с отдельным митрополитом в Киеве, боялся только, что Москва может не утвердить митрополита в Киеве, что означало бы русификацию церкви. Теперь нечего уже этого бояться, так как Украина одна, нераздельная, следовательно, и церковь должна быть одна.

Мы являемся теми людьми, которые сохранили украинскую нацию. Народы Галиции подвергались колонизации австро-венгерского и польского государств, они хотели уничтожить украинский народ, украинскую культуру и украинский язык. В 1920 году поляки допустили в Галицию армию генерала Галлера, который уничтожал украинцев за то, что они украинцы и хотели присоединиться к Советской Украине. В статье не все правдиво, но даст Бог, мы придем к соглашению и будем жить дружно.

Папу делают святым и безошибочным человеком. Он такой же, как и все. Нам нужно присоединиться к востоку – это больше наша церковь, чем Ватиканская».

Студент духовной униатской академии Кияк Роман, касаясь статьи, говорил: «Униатам брошено тяжелое обвинение. Советское правительство желает перевести униатов в православие. Об этом было бы лучше договориться с высшим духовенством, а низы все пойдут за ним».

Студент 2 курса Львовского политехнического института Загоройко заявил: «Автор статьи, являющийся политическим деятелем Советов, выступил с открытым нападением на униатских священников, осрамив таких видных деятелей, как Шептицкий, Слипый, Костельник. Эта буря является предвестником чего-то чрезвычайного. Думаю, что Советы не сегодня-завтра начнут аресты священников-униатов».

Обсуждение статьи духовенством и общественностью города Львова вызвало к жизни и поставило на повестку дня такой весьма важный вопрос, как переход от униатства к православию, воссоединению с православной церковью в СССР.

В числе откликов и комментариев на статью именно этот вопрос волнует многих священников и интеллигентов, во многих случаях положительно воспринимая возможность воссоединения с православной церковью в СССР.

По этому поводу приводим отдельные реагирования.

Профессор Львовского госуниверситета Крипякевич, остававшийся на оккупированной территории, активно сотрудничавший с УЦК – «Украинским Центральным Комитетом», усматривая в содержании статьи не только разоблачение иезуитской политики униатов, но и толчок к необходимости перехода в православие, говорил: «Автор этой статьи, олицетворяющий власть, умен, ибо ставит большой важности вопрос, вопрос, который волновал всех умных украинцев. Нам давно пора было бы присоединиться к православию, чтобы не отделяться от Великой Украины. С этой мыслью носился Шептицкий, причем, были сторонники решать этот вопрос не откладывая, ибо каждый год входит в историю и укореняются традиции, которые ломать нелегко.

В период наибольшего притеснения поляками украинцев (1936 год) этот вопрос всплыл, но тогда помешали сами советские деятели. Сейчас этот вопрос очень актуален, но нужно было бы обождать конца войны и нужно было бы обрушиться не на Шептицкого, а на польских иезуитов, на такого подлеца, каким был Студинский и на Слепого – агента папы римского.

Больше всего глупостей в этой статье заключается в том, что неизвестно – выступают ли против украинской церкви или против отдельных лиц этой церкви. Нужно быть последовательным и выступать против церкви, а не против личностей. Нужно было сравнить церковь православную, которая проповедует «нет власти не от Бога», а униаты оделись в тогу нейтральности и на словах не вмешивались в дела мирские, а на деле боролись с большевиками.

Плохо, если эта статья только кампанейская, а не программная. Я уверен, что статья вызовет оживление среди оуновцев и послужит для пропаганды еще большей ненависти к Советской власти».

Академик Колесса, работающий во Львовском филиале Академии наук УССР, украинский националист, остававшийся при оккупации в г. Львове, в связи с появлением статьи говорил: «Если бы Шептицкий был ставленником папы римского, то чем тогда объяснить, что в 1920 году его не пускали во Львов, он был интернирован. Рим был недоволен политикой Шептицкого за его отход от унии к православным. В связи с этим будто бы папа вызвал Слепого и «благословил» его на митрополичий престол при жизни «выжившего из ума Шептицкого». Это был удар по сторонникам Шептицкого, какого история еще не знала. Таким образом, Шептицкий не только носился с идеей Наумовича, но осуществлял ее тайно через священника, который был близок к Шептицкому. Не удалось осуществить ничего священнику и Шептицкому только потому, что вспыхнула война».

Доктор исторических наук Степанива, будучи весьма встревоженной появившейся статьей, сказала: «Многое, о чем сообщено в статье, является для меня полной неожиданностью. Большевики затеяли большое дело грубо и неумно, а в принципе я согласна, что нужно поднять вопрос о слиянии церквей».

Заслуживает также внимания реагирование местной художницы Я. М. Музыки, связанной с оуновскими кругами. Музыка заявила: «Грубая, резкая статья. Конечно, многие понимают необходимость воссоединения греко-католиков с православными, но такая статья не поможет этому, а оттолкнет людей на враждебные Советской власти позиции».

Агроном Львовского института советской торговли Солончак, осуждая антисоветское лицо католицизма, считает вполне своевременным вопрос о ликвидации униатской церкви и воссоединении с православными. По этому поводу он сказал: «Статья является весьма серьезным документом, который исторически разоблачает антинародный характер многолетней борьбы униатской церкви, онемечивание и ополячивание украинского и русского народов.

Кроме галицкого населения, которое воспитано униатами в выгодном для католиков духе, все остальные украинские земли и в частности Полесье и Холмщина, являющиеся исконными врагами католицизма и сторонниками православной веры, встретят эту статью как неопровержимый документ, открывающий надежду на победу в этой борьбе с православием.

Я лично убежден, что униаты стоят и стояли на службе у немцев и поляков, выполняя их задания по угнетению украинских народных масс под маской католической веры».

Академик Львовского филиала Академии наук Возняк, украинский националист, в период немецкой оккупации находившийся в г. Львове, касаясь статьи говорил: «Я многих фактов не знал. Статья правильно ставит вопрос, возможно, что только нет надобности противоставлять православных католикам. Все одинаковы и все мракобесы, за крестом держат не нож, а маузер, как и польская иезуитская свора».

Академик Щурат, работающий во Львовском филиале Академии наук УССР, пытается представить умершего Шептицкого в роли поборника православия, якобы стремящегося при жизни отойти от Ватикана и воссоединиться с восточной православной церковью: «Статья «С крестом или с ножом» написана одной ярко красной краской. Я бы написал иначе. Шептицкий последние 20 лет был единственным человеком, который понимал, что уния украинцам вредна и что она сближает украинцев (галичан) с поляками и отделяет от русских украинцев. В связи с этим самосознанием Шептицкий вел политику отхода от унии, отрыва от Ватикана и приближения к Киеву. Этим намерениям Шептицкого все духовенство чинило препятствия и называло его сумасшедшим.

В свое время Костельник в церкви заявлял, что Шептицкий душевнобольной, а немного позже сам поддерживал линию Шептицкого и тогда его называли сумасшедшим.

Шептицкий, чтобы не ассимилироваться с поляками, решительно отклонил предложение папы римского перейти на Григорианский календарь, т. е. праздновать все праздники так, как и католическое духовенство».

Доктор философии Срыбный Федор, после прочтения статьи с удовлетворением заявил: «Поднятые в газете вопросы я глубоко изучал. Я давно выступал против унии. Считаю, что статья соответствует действительности».

Различные суждения вызваны статьей в связи с резкими фактами против иезуитской фигуры украинизированного поляка, умершего митрополита греко-католической церкви Шептицкого.

В связи с этим зафиксирован ряд высказываний со стороны интеллигенции, с одной стороны, осуждающей подозрительную личность этого князька церкви, а с другой – пытающейся представить Шептицкого в роли «защитника» украинского населения в бывшей Галиции как во время австро-венгерской монархии, так и в период существования панской Польши.

Одновременно зафиксированы не весьма лестные отзывы по адресу преемника Шептицкого, нынешнего митрополита греко-католической униатской церкви Слепого.

Особенно болезненно воспринимаются некоторыми представителями интеллигенции факты, показывающие активную связь униатской церкви с деятелями ОУН.

Приводим наиболее характерные высказывания.

Преподаватель музыки Калушняцкий сказал: «Правду написали о Шептицком. Действительно, он, по непонятным для всех причинам, оставил польскую аристократическую среду, блестящую карьеру в армии и стал епископом, переменив привилегированное римо-католическое вероисповедание на менее ответственное тогда униатское.

Это тем более странно, что брат его – Шептицкий Казимир, был поляком, римокатоликом и польским генералом».

Инспектор Львовского городского отдела народного образования по поводу статьи высказался: «Статья написана своевременно и правильно. Материал настолько силен, что вышибли почву из-под униатского духовенства. Я беседовал со многими украинцами, они возмущены поведением духовенства».

Инженер городского совета депутатов трудящихся Галаско сказал: «Статья вся построена на фактах. Возможно, что Шептицкий не был немецким агентом, а исходил из задач папы римского».

Сотрудница обкома союза мукомолов Скавронская сказала: «Шептицкий был честным человеком. При немцах он многим помогал, не взирая на национальность. В этом большевики ошиблись, а вот его заместитель – Слепой, этот кровью народа хочет взять и подчинить себе все».

Научный сотрудник Львовского филиала Академии наук УССР Старчук Иван говорил: «Все как-будто бы началось хорошо. Советская власть разрешила организовать похороны Шептицкого, в Москву выезжала делегация и вдруг из-за статьи выходит, что униатская церковь сотрудничает с бандеровцами.

Часть униатов, которая не признает бандеровцев, но хочет остаться греко-католиками, не знает, что делать. Они не хотят быть православными, для них православие – это связь с Москвой, а они – украинские националисты убеждены, что священников-униатов будут арестовывать».

Директор Львовской государственной консерватории, профессор музыки Барвинский говорил: «Митрополит Слепой собирался обратиться к народу с посланием о действиях банд в лесах. Сейчас же он и все духовенство очутились в новом положении. Его обращение не будет иметь никакой цели, так как народ будет думать, что его принудили большевики».

Сотрудник Львовской научной библиотеки Сохацкий сказал: «Я знаю, что Шептицкий выступал за то, чтобы бандеровцы вышли из лесов и сдались. Не знаю, почему обвиняют униатскую церковь.

Мельник был инженером и работал у Шептицкого, но он тогда не выступал как националист.

Я знаю, что Мельник в то время сидел в тюрьме при польском правительстве».

Отдельные представители львовской интеллигенции появление статьи связывают с началом похода Советской власти против униатского духовенства, за которым, якобы, последуют репрессии украинской интеллигенции.

Профессор-композитор Симович Роман сказал: «Я считаю, что это начало похода органов Советской власти на украинскую интеллигенцию, а церкви скоро перейдут к нашим культурным организациям».

Профессор-композитор Людкевич сказал: «Поляки истребляют наш народ, об этом мне сообщают с моих родных мест – из Ярославского района, а здесь науськивают на лучших представителей нашей интеллигенции».

Приняты меры к дальнейшему сбору реагирований на статью и на наши мероприятия по униатам.

О результатах буду информировать.

Народный комиссар Государственной безопасности УССР Савченко

Снято по «ВЧ»
IV. 1945 г.

Верно: Зам. начальника секретариата НКГБ УССР Литвинов

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1605. – Арк. 33–43. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 267–276.

№ 106

1945. – Квітня 22. – Інформація начальника Старосамбірського РВ НКДБ голові Дрогобицького облвиконкому про українське підпілля і «діяльність» таємних інформаторів НКДБ

Совершенно секретно
Только лично

СПИСОК
учтенного контрреволюционного элемента
и количество негласного аппарата РО НКГБ

1. **гор. Старый Самбор**
учтенного контрреволюционного элемента – 12 чел.
арестовано – 4 чел.
негласного аппарата – 10 чел.
2. **с. Стрильбичи**
учтенного контрреволюционного элемента – 6 чел.
арестовано – 15 чел.
негласного аппарата – 2 чел.
3. **с. Стара Ропа**
учтенного контрреволюционного элемента – 20 чел.
арестовано – 1 чел.
негласного аппарата – 5 чел.
4. **с. Старая Соль**
учтенного контрреволюционного элемента – 6 чел.
арестовано – 5 чел.
негласного аппарата – 6 чел.
5. **с. Гуманец**
учтенного контрреволюционного элемента – 8 чел.
арестовано – 7 чел.
негласного аппарата – 2 чел.
6. **с. Воля-Коблянская**
учтенного контрреволюционного элемента – 28 чел.
арестовано – 13 чел.
негласного аппарата – 8 чел.
7. **с. Кобло-Старое**
учтенного контрреволюционного элемента – 15 чел.
арестовано – 0 чел.
негласного аппарата – 2 чел.
8. **с. Страшевичи**
учтенного контрреволюционного элемента – 15 чел.
арестовано – 9 чел.
негласного аппарата – 1 чел.
9. **с. Торчиновичи**
учтенного контрреволюционного элемента – 12 чел.

арестовано – 1 чел.
негласного аппарата – 2 чел.
10. **с. Торгановичи**
учтенного контрреволюционного элемента – 6 чел.
арестовано – 3 чел.
негласного аппарата – 4 чел.
11. **с. Лютовиско**
учтенного контрреволюционного элемента – 18 чел.
арестовано – 11 чел.
негласного аппарата – 2 чел.
12. **с. Ракове**
учтенного контрреволюционного элемента – 9 чел.
арестовано – 8 чел.
негласного аппарата – 4 чел.
13. **с. Надыби**
учтенного контрреволюционного элемента – 24 чел.
арестовано – 6 чел.
негласного аппарата – 3 чел.
14. **с. Рогизно**
учтенного контрреволюционного элемента – 11 чел.
арестовано – 9 чел.
негласного аппарата – 2 чел.

С момента освобождения района по линии РО НКГБ арестовано 120 чел., негласного аппарата на 20 апреля – 93 чел.

22 апреля 1945 г.
гор. Ст. Самбор

Нач. Старосамборского РО НКГБ
майор госбезопасности Вольский

ДАЛО. – Ф. Р-2022 – Оп. 2. – Спр. 27. – Арк. 25–26.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 236–237.

№ 107

1945. – Квітня 23. – Лист головного представника уряду УРСР голові Львівського облвиконкому про свавілля працівників радянських органів щодо поляків під час їх виселення

Председателю Львовского облсовета
тов. Козыреву
г. Львов

В Главное Представительство Правительства УССР по эвакуации польских граждан поступил со стороны Главного Уполномоченного Польского Временного

Правительства ряд претензий-жалоб на беззаконное действие со стороны отдельных лиц местных и районных властей Вашей области по отношению к польским гражданам, выражающихся в следующем:

1. На собрании польского эвакуируемого населения в с. Родатычи Городокского р-на 9 апреля 1945 г. заместитель председателя Райисполкома и заведующий Райфинотделом т. Шматько заявили польским гражданам, что если они не уплатят налогов – у них отберут за это коров и другое имущество.

Заведующий Райфинотделом т. Шматько отобрал у польских граждан Будзеновского и Конякова лошадей и возвратил их лишь 21/IV-45 г.

Такие деяния отдельных работников являются незаконными и противоречат соглашению, заключенному между польским Комитетом Национального Освобождения и Украинским Правительством.

2. В этом же селе Родатычи часть скота, после ветеринарного осмотра, запрещено было грузить. Этот скот был отобран у польских граждан, а на руки им никаких документов не выдали.

3. Тов. Шматько и Начальник Райотдела НКВД выбросили из вагонов всю домашнюю утварь, погруженную польскими гражданами, и забрали ее в сельсовет. Кроме того, тов. Шматько во время погрузки польских граждан в вагоны, бегал и выгружал вещи и время от времени стрелял в воздух.

4. Есть случаи принудительного выселения из квартир домов польских граждан, зарегистрировавшихся на выезд, но из-за транспортных затруднений пока не выехавших.

Такие действия отдельных лиц, не имеющих абсолютно никакого отношения к эвакуации, коренным образом нарушают соглашение, заключенное между польским комитетом Национального Освобождения и Украинским Правительством об эвакуации.

Кроме этого, польское население после таких дел отдельных лиц уезжает с настроением, что Советская власть недоброжелательно относится к полякам, а это, конечно, неверно и вредно в данный момент, когда создается новая демократическая Польша и когда процветают самые дружественные отношения между Советским Союзом и Польшей.

Прошу Вас:

1. Разъяснить всем советским партийным организациям, что делом эвакуации занимается созданный Правительством специальный аппарат, возглавляемый Главным Представителем Правительства УССР по эвакуации польских граждан, который проводит дело эвакуации через своих Районных Представителей и со стороны Польского Временного Правительства – Главного Уполномоченного и Райуполномоченных.

2. Категорически запретить кому бы то ни было вмешиваться в дела эвакуации польских граждан через голову районного Представителя по эвакуации польских граждан.

3. В соответствии с заключенным соглашением между Польским Комитетом Национального Освобождения и Украинским Правительством запретить финорганам и Райуполнаркомзагам взыскивать налоги и задолженность по налогам, как в деньгах, так и в натуре с польского населения, зарегистрировавшегося на выезд.

4. Наказать вышеупомянутых лиц, занимающихся дискредитацией органов Советской власти.

О принятых мерах прошу поставить меня в известность.

Главный представитель правительства УССР
по эвакуации польских граждан Цоколь

ДАЛО. – Ф. 221. – Оп. 3. – Спр. 15. – Арк. 14–15.

№ 108

1945. – Квітня 26. – Повідомлення Народного комісаріату державної безпеки УРСР в ЦК КП(б)У про реагування населення західних земель України на статтю «З хрестом чи ножем» і арешти уніатського духовенства

Совершенно секретно
ЦК КП(б) Украины товарищу Хрущеву Н. С.

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
о реагированиях на статью «С крестом или ножом»
и аресты униатского духовенства

Вокруг опубликованной во всех республиканских и областных газетах, выходящих на территории УССР, статьи «С крестом или ножом», а также произведенных арестах руководящего униатского духовенства продолжают вестись различного рода суждения, как среди духовенства и националистических элементов, а также среди городского и сельского населения.

Появление статьи «С крестом или ножом», вскрывающей противосоветскую деятельность униатской церкви, духовенство, интеллигенция и другие слои населения связывают с предстоящей ликвидацией униатской церкви и воссоединением с православной.

Сам факт воссоединения греко-католической церкви с русской православной церковью подавляющим большинством воспринимается положительно, не только как факт церковного единения, но и как факт национального воссоединения украинского народа.

Положительно воспринимая появление статьи, отдельные представители украинской интеллигенции отрицательно относятся к произведенным арестам униатского духовенства, заявляя, что ликвидацию церкви и переход в православие можно было бы провести не прибегая к репрессиям, так как в условиях западных областей УССР репрессии духовенства воспринимаются населением болезненно и могут вызвать, в связи с этим, враждебные настроения по отношению к Советской власти.

Академик Академии наук УССР Щурат, работающий во Львовском филиале последней, отрицательно относится к арестам униатского духовенства и в связи с этим говорил: «Почему Советы не заботятся, чтобы группировать вокруг себя друзей-сторонников. Почему каждый шаг Советской власти сопровождается репрессиями.

Ведь после ареста священников в Галиции не найдете ни одного человека, который бы одобрил политику Советской власти.

Что достигнут арестом Слепого, Будки и других? Кроме того, что убьют симпатию даже у тех, кто любил Советскую власть.

Неужели это в интересах большевиков, чтобы их боялись и не любили?».

Щурат является представителем реакционной части Львовской украинской интеллигенции, симпатизировавшей украинским националистам из лагеря Мельника.

Директор Украинского национального музея Свенцицкий, все время проживающий во Львове, отрицательно относясь к аресту униатского духовенства, заявил: «Я ждал большевиков, никогда не симпатизировал немцам и националистам.

Меня националисты били за мои москвофильские симпатии. Сейчас я разочарован в большевиках областных. Но, вместе с тем, не хочется верить, чтобы областные большевики без согласия сверху решились на такой трюк, как арест митрополита и другого духовенства. Признаюсь, что у меня появилась апатия к жизни. Мне будет безразлично, если и меня арестуют».

Доцент кафедры истории среднего века Львовского госуниверситета Терлецкий, 1872 года рождения, украинец, положительно оценивая вопрос воссоединения униатов с православием, говорил: «Возвращение украинцев-галичан в православие будет способствовать консолидации украинских сил, населяющих СССР.

Нам – галичанам, например, нисколько не жалко Станиславского епископа Григория Хомышина, так как он всегда плевал на нашу украинскую литературу, хотел всячески латинизировать нашу украинскую униатскую церковь и совершенно не интересовался украинским вопросом».

Некоторые лица из числа периферийного духовенства униатской греко-католической церкви, касаясь статьи «С крестом или ножом» осуждают антисоветский характер деятельности руководящей верхушки греко-католической униатской церкви.

Священник униатской церкви с. Литыня Дрогобычской области – Спивак заявил: «Факты, приведенные в статье «С крестом или ножом» соответствуют действительности, так считаю я и мои парафияне, ибо об этом нам было известно и раньше».

Монах монастыря «Василиян» Василенко по поводу ареста митрополита униатской церкви Слепого и других говорил: «Дураки они, что связались с немцами, разве мало им было примера, как немцы в 1938 г. поступили с «самостийной» Украиной в Закарпатье».

В предыдущем сообщении мы указывали, что среди верующих воссоединение греко-католической униатской церкви с православной воспринимается положительно. Об этом же свидетельствуют вновь поступающие к нам данные.

Житель гор. Станислава, украинец, Ковальчук сказал: «Мне православная вера роднее будет, чем униатская, ведь Папа Римский говорит по-итальянски и при том, какая от него польза».

Группа крестьян из Ново-Милятинского района Львовской области посетила униатского священника в гор. Львове, нашего агента «Григорьева», который им прочитал статью «С крестом или ножом». После прочтения этой статьи, крестьяне возмущались деятельностью униатского духовенства, заявляя: «Их не жалко, пусть за свои злодеяния отвечают.

Народ до сих пор ничего не знал о грязной, запроданной работе Шептицкого и его клики.

Народ дальше не допустит осквернять церковь окровавленными руками униатских попов».

Житель гор. Станислава, украинец Балько, работающий в коопинсоюзе рабочим, говорил: «Я не знаю причины ареста епископов. Разговор идет разный, одни говорят, что их арестовали, другие говорят, что они поехали в Киев по вопросу перехода из католической в православную веру. Мне все равно, какая бы не была вера, я верю в Бога, а где молиться – мне безразлично».

Рабочий Станиславской кондитерской фабрики Головенко, украинец, положительно оценивая переход в православие, сказал: «Удивляться аресту Хомышина не приходится, народ его не любил за продажность, он служил всем, кто ему платил большие деньги. Во время Польши – полякам, при немцах – немцам. Это правда, что под мантиями скрывались темные дела».

Жительница гор. Станислава Когутяк Анна, украинка, возмущаясь предательской деятельностью епископа Греко-католической церкви, Хомышина, говорила: «Хомышина никому не жалко, это был большой предатель. При польском правительстве он делал все, что ему диктовали польские власти. Везде и всюду, даже при богослужении, украинцев называл скотами и призывал беспрекословно повиноваться польскому правительству».

Среди населения гор. Львова, Станислава и других городов Западной Украины распространяются слухи о том, что при аресте епископов в соборе «Св. Юра» во Львове нашли склады оружия, задержали скрывавшихся немецких офицеров и бандеровцев».

В связи с этим многие считают, что аресты произведены правильно, и видят в этом удар не только по униатам, как церковникам, но одновременно и по оуновцам.

Студент 2 курса Львовского государственного университета Кивак Зиновий среди студентов говорил: «В церкви св. Юра обнаружено оружие, бандеровские агенты и радиостанция. В связи с этим арестовано много духовенства во главе со Слепым. Здесь насаждали унию, чтобы не дать православию объединиться с славянскими народами, населяющими Европу.

Действия униатов во главе с Шептицким были против Советской власти. Украинский народ ближе стоит к православию, и, конечно, когда будет убрана верхушка униатов, всемерно поддерживаемая Ватиканом, православная церковь будет доминирующей среди украинцев и других славянских народов».

Сотрудница Львовского облфинотдела Стояновская, украинка, говорила: «В церкви св. Юра НКВД сделан обыск, нашли оружие и спрятанных бандеровцев, арестовано 18 человек во главе со Слепым. Давно бы Советской власти пора взяться за корни, откуда шли распри. Еще до освобождения западных областей УССР в 1939 году, сколько бывшие польские власти не делали обысков в церкви св. Юра, всегда находили оружие и политических руководителей, но кончалось тем, что Ватикан выступал на защиту и дело потухало».

Заведующий магазином Львовского облфинотдела Единороч говорил: «В храме «Юра» был произведен обыск и арест среди учащихся Духовной семинарии, где были найдены бандеровцы и оружие. В «Юре», кроме ареста высшего духовенства было арестовано два немца».

Архимандрит Климентий Шептицкий, брат умершего митрополита греко-католической церкви Шептицкого Андрея, оппозиционно настроен к вопросу ликвидации унии, воссоединению с православием.

В настоящее время он откололся от прогрессивной группы Костельника, стараясь держаться обособленно.

Касаясь создавшегося положения униатской церкви Шептицкий Климентий говорил: «Вот вам теория и практика Советской власти. Когда в Москве была наша делегация, в Совнаркоме Полянский (уполномоченный совета по делам религиозных культов) заверил делегацию в самом благожелательном отношении Советского правительства к униатской церкви и обещал идти навстречу всем пожеланиям этой церкви.

А теперь органы Советской власти разгромили нашу церковь и намереваются принудительно обратить в православие наших верующих.

Когда мы были в Киеве и Москве, нас так принимали и нам такое говорили, что нам не предвещало той катастрофы, какая сейчас над нами разразилась».

По мнению Шептицкого, аресты духовенства греко-католической церкви являются результатом происков православного патриарха в Москве.

Заслуживает серьезного внимания сообщение нашего агента «Степан», занимающего руководящее положение в «Проводе» ОУН. «В условиях Западной Украины то положение, в какое попала униатская церковь, несомненно вызовет острые реагирования со стороны всех без исключения слоев населения, независимо от того настроен ли человек мистически или атеистически. Совершенно понятно, что поход против греко-католической церкви будет расцениваться с двух точек зрения – первая – это удар по церкви, как националистическому фактору и, второе, – это ликвидировать униатов, как таковых, т. е. ликвидировать влияние Ватикана.

Все слои населения Западной Украины возможность воссоединения греко-католической церкви с православной, в силу своих психологических настроений, будут воспринимать, безусловно, положительно. Особенно положительно будет воспринимать украинская интеллигенция. Оуновцы в принципе также воспримут положительно, однако, они этого не покажут, так как для них будет выгодно использовать это важное событие в Западной Украине для борьбы с Советской властью. Предполагаю, что использование оуновцами и УПА репрессий против греко-католической церкви будет проводиться под лозунгом «обмосковления Западной Украины», т. е. под лозунгом религиозной оккупации».

Аналогичные высказывания исходят от жены агента и других оуновцев.

Вышедший из леса активный оуновец Зубик, касаясь духовенства греко-католической церкви, нашему агенту заявил: «На митрополичий престол влез польский граф, богатый Шептицкий, который неуклонно отрывал нашу восточную церковь и присоединял ее к Риму. Из церкви сделал политическую трибуну, а своих попов – проводниками.

В церкви шли сборы средств для ОУН под прикрытием сборов для бедных.

Я лично знаю, как с приходом фашистов униатский священник Розумный (арестован УНКГБ Львовской области) организовал по селу Стрептов сбор одежды, которую оставили в 1941 г. отступающие войска Красной Армии. Кто из крестьян не подчинялся его приказам, он распорядился безжалостно бить их».

Продолжаем дальнейшее изучение настроений населения в связи с проводимыми нами мероприятиями по греко-католикам.

О результатах будем информировать.

Народный Комиссар Государственной Безопасности
Украинской ССР Савченко

26 апреля 1945 г.
№ 763/с
г. Львов.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1605. – Арк. 73–80.

№ 109

1945. – Травня 7. – З інформації секретаря Львівського обкому КП(б)У секретарю ЦК КП(б)У про реагування населення на арешти греко-католицького духовенства

Секретарю ЦК КП(б)У
тов. Хрущеву Н. С.

О реагировании населения на аресты духовенства униатской церкви

Население города Львова и области продолжает реагировать на аресты духовенства униатской церкви... Житель села Сопошин Жолкевского района Лосаболь А. И. говорил:

«Я читал всю эту статью (йдеться про статтю Росовича (Я. Галана) «З хрестом чи з ножем». – *Ред.*) от начала до конца, но мне что-то не верится, чтобы наши священники занимались такими делами. По-моему, все это выдумки русских для того, чтобы ликвидировать у нас религию, так как они это сделали у себя.

Хотя русские пишут в газете, что у них есть церкви, но, по-моему, они у них по газетам работают, а на деле нет».

Житель села Мацошин Дзюба... говоря о религии в СССР, сказал:

«У них все священники уже коммунистами стали, они им теперь помогают».

Пятнадцать церквей и два монастыря «Василиянов» входят в состав Жолкевского деканата подчиненного Перемышльской епархии. За весь период своего существования, особенно монастыря основной своей задачей ставили миссионерскую работу среди населения с целью распространения унии.

Перемишльский епископ Коциловский 3–4 месяца тому назад назначил для руководства приходами униатской церкви его епархии, находящимися на территории СССР генерального викария Панаса Николая (доктора богословских наук).

Игумен Жолкевского монастыря Пелех и его приближенные считают статью Росовича «С крестом или ножом» неправильной, указывая, что «...Москва будет еще за это отвечать... митрополитов и епископов арестовали неправильно».

Деканом Жолкевского района состоит священник Мухнатский Яков Григорьевич, проводящий свою работу в тесной связи с игуменом монастыря Пелехом.

В период немецкой оккупации Мухнатский открыто выступал с антисоветскими националистическими проповедями, в которых заявлял:

«Воскресла Украина вольная и широкая, которая уже никогда не будет под игом большевизма. Слава павшим героям за самостийну Украину. Память о них вечно будет жить в наших сердцах».

Мухнатский неоднократно принимал участие на различных шествиях, митингах и сооружении памятника «Погибшим борцам за самостийну Украину», а в настоящее время нелегально исповедывает в церкви бандитов из УПА и участвует в похоронах бандитов убитых бойцами советских войск в период операций.

Униатские священники Жолкевского района, слушая сообщения об антисоветской деятельности Львовской архиепархии и касаясь вопроса о присоединении к православию заявляют, что к Львовской архиепархии они никакого отношения не имеют, что их эпископ жив, не арестован и без него вопрос о присоединении они самостоятельно решить не могут, пытаясь при этом доказать что их епископ Коциловский аполитичен.

Продолжительная пропаганда унии нашла свое реальное отражение среди верующих, в результате чего вопрос о воссоединении униатской церкви с православной в Жолкевском районе более усложнен, нежели в других районах области...

Секретарь Львовского Обкома КП(б)У Грушецкий

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1641. – Арк. 3–5.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 216–217.

№ 110

1945. – Червня 18. – Лист Раднаркому УРСР до членів ініціативної групи з ліквідації греко-католицької церкви в Західній Україні

№ 625
Червня, 18 дня, 1945 р.

Членам ініціативної групи по возз'єднанню греко-католицької церкви з руською православною церквою
Д-ру Костельнику
Д-ру Мельнику
Д-ру Пельвецькому

За вказівками Раднаркому УРСР, у відповідь на Вашу декларативну заяву від 28.5.45 р., повідомляю Вас:

1. Ініціативна група по возз'єднанню греко-католицької церкви з руською православною церквою санкціонується в Вашому складі як єдиний тимчасовий церковно-адміністративний орган, якому надається право керувати в повному обсязі існуючої греко-католицької парафії в західних областях України і переводити справу возз'єднання зазначених парафій з руською православною церквою.

2. Ініціативна група по возз'єднанню греко-католицької церкви з православною церквою має право погоджувати надалі всі правові питання в справі керівництва греко-католицькими парафіями і возз'єднання їх з православною церквою з Уповноваженим Раднаркому в справах руської православної церкви при РНК УРСР і відповідно в областях – з місцевими уповноваженими.

3. По мірі переведення обліку деканів парафій і монастирів греко-католицької церкви, ініціативна група має надсилати до Уповноваженого в справах руської православної церкви при Раднаркомі УРСР списки всіх деканів, парохів і настоятелів монастирів, які відмовляються підлягати юрисдикції ініціативної групи греко-католицької церкви по возз'єднанню з православною церквою.

Уповноважений Ради в справах руської православної церкви при РНК УРСР
П. Ходченко

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1638. – Арк. 128–129. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 279.

№ 111

1945. – Червня 24. – Копія відозви ОУН з приводу репресій щодо Української греко-католицької церкви

Копія

СВОБОДА ВІРОСПОВІДАННЯ В СРСР

«Ми не погани, ми настоящі християни. В нас свобода совєсті – свобода віросповідання», – горлали більшовики на цілий світ. Такими словами затуманювала більшовицька пропаганда українське населення в час німецької окупації, захлинаючись від брехні.

І ще не застигло тіло померлого князя української греко-кат. церкви митрополита Шептицького, а вже большевики з ножем в руці почали розправлятися з священиками, повели жорстоку боротьбу з греко-кат. церквою. Вони стремлять до того, щоб вбити в людини совість, влізти з брудними чобітьми в душу українця, випалити чи затруїти його вразливі релігійні почування.

Вістря своїх намагань спрямували вони до того, щоб знищити релігію, або перетворити її в свою агентуру, як це зробили з православною церквою. Православну церкву підпорядкував собі Сталін, а підкоривши її, зробив сліпим знаряддям до здійснення своїх підлих планів. Вся обсада православної церкви на чолі з московським патріярхом складається з підпорядкованих Сталінові енкаведистів та сексотів. Така сама незавидна доля мала стрінути і українську греко-кат. церкву.

Кілька місяців після вступу до Львова зажадали большевики від Екс. Митр. делегації, яка мала б поїхати на «переговори» до Москви. Ціль переговорів – підпорядкування греко-кат. церкви московському патріярхові і перетворення її в свою агентуру. Виринуло ясне питання: здати і відцуратись віри батьків, чи стати непохитно в її обороні. Митрополит сповнив жадання большевиків і вислав делегацію в складі архп. К. Шептицького, о. др. Костельника, о. др. Грицева і о. Котова. Пригноблені лиця делегатів по повороті вказували на те, що справи не пішли так гладко. Греко-кат. церкви вони не зуміли перетворити в

свою агентуру, тому постановили її знищити. Почалась протирелігійна, широко закроєна акція з днем 8-го квітня статтею Росовича п. н. «З хрестом чи з ножем», яку помістила на своїх сторінках «Вільна Україна». Росович – це москвофіл, що за аморальне життя видалений Екс. Сліпим з Львівського Духовного Семинаря, пішов на московський смітник помагати ворогам катувати і розпинати матір. Услід за тим в середу 11-го квітня біля 8-ї години вечора НКВД в силі коло 600 чоловік з трьома танками обложили святоюрську гору, впали до середини і почали сильно «бушувати». З митрополичої скарбниці забрали понад 100 тис. крб., призначених на потреби митрополичого ординаріяту, духовного семінаря і інші. З митрополичої канцелярії зрабували ввесь старинний, як і теперішній, архів, всі акти і т. п. Забрали рівнож друкарню разом зі всіма запасами паперу, перебитих книжок, молитвенників і все інше, що належало до неї. З переплетні вивезли два авта молитвенників та інших духовних книжок, а решту книжок і молитвенників розкинули, потоптали та знищили.

З церкви св. Юра забрали всі золоті речі, не лишили жодних цінностей. Ревізію переводили надзвичайно стисло і докладно. В пивниці під вівтарем розбили гробівець покійного Екс. Митроп. Шептицького. Звідтам забрали ввесь запас вина, призначеного на обслуговування Служб Божих в цілій галицькій дієцезії. Кількість вина перевищувала 1600 літрів. Забрали рівнож понад двісті кг свічок. З митрополичої палати протягом двох тижнів вивозили автами всяке добро: перські килими, меблі, випакувані валізи, паки... Всі кімнати, як також митроп. капличка, запльомбовані та поставлено напис: «Невільно відчиняти, за зірвання пльомби кара смерти». Дотепер енкаведисти дальше господарюють, а в митроп. спальні спить енкаведист «старшина» з нешлюбною жінкою.

В часі ревізії в храмі св. Юра поводил*..., чи на базарі в шапках з папіросками в зубах, викрикували*...ською лайкою так заглядали і до вивата. Тут о. Бричина*... ця час* киньте шапки, це ж Дім Божий. У відповідь зареготал*... ти на вир*... П’яні до безтями зрабованим вином стріляли до*... вата*... зложені тлінні останки Митр. Шептицького, кар*... ядили собі кльозет. Це дикунство і безсор... По ревізії заарештували Експ. Митр. Й. Сліпого, Екс. єп. Будку, о. митр. Куницького, о. Велея, митр. канцеляриста о. Рілика, а з вул. Зибликевича Екс. м. Чарнецького. Всіх заарештованих вивезено на вул. Пелчинську на переслухання, місце дальшого їх перебування не відоме, о. митр. Куницький лежить хворий у в’язничому шпиталі. Тиждень опісля зробили подібну облаву на Духовну семінарію. При тому забрали архів, бібліотеку, всі меблі, постіль та інші приватні речі питомців, словом усе, що було. Деяка кількість питомців втекла, решту в числі 40 арештували, та під конвоєм загнали до воєнкомату, де негайно постригли і вивезли в глиб Росії. Разом з питомцями арештували о. пароха Горчинського, о прел. Ковальського. Український нарід лишиться без священиків, бо їх «всевладний» Сталін пігнав у сирі окопи захищати своє криваве царство.

Крім священиків, забраних з храму св. Юра, арештовано ще о. Рекіцького зі Знесіння, о. Годунька в дорозі до Винник, о. Клюса, ігумена монастиря чину св. Василія Великого, та 6 братів з монастиря чину св. Василія Великого. Отець Костельник, як ходять поголоски, перейшов, мабуть, на православного, бо при відправі Богослуження не згадує про Папу чи митрополита, хіба може в дусі. Сам він твердить, що зрадником не є і не буде. Богослуження в храмі св. Юра після цього відправляється так, як давніше, помимо того, що керми над дієцезією не обняв ще ніхто. Просліджено, що

* Текст пошкоджено.

в часі оголошуваної проповіди в усіх церквах Львова є переодягнений енкаведист. В зв'язку з цими випадками населення міста надзвичайно затрівожене та пригноблене. Воно дуже співчує, бо релігійна струна українця дуже чула. Під час св. Великодних відправ, які проводив отець арх. К. Шептицький, всі вірні плакали, а з очей їх сипались іскри гніву і ненависти. Подібний натиск на греко-кат. церкву ведуть большевики в цілій Галичині. Арештували екс. Й. Коциловського, єп. Лакоту, єп. Лятишевського, Галичина лишилась без архирея.

Подібного випадку не було в тягу цілої історії.

Марні намагання большевиків, не вб'ють вони духа в українськім народі. Він вічний і все живий, як вічний і живий український нарід. Ніяка людська сила не зможе скувати чи знищити душі живої. Вона, як той Прометей, все оживає, все підноситься, і тому дикий окупант в своїх передсмертних судорогах казиться та піниться зі злости та уживає всіх найпідліших засобів, щоб нас знищити.

Хто проти Бога воює – того загибель неминуча.

Слава Україні!
Героям слава!

Копия верна:
Нач. отдела ББ Сокальского РО НКВД
капитан Федючек

Справка: Листовка обнаружена и изъята в с. Горбков Сокальского р-на 24 июня 1945 г. на телеграфном столбе шоссе, идущей м. Тартаков – Сокаль.

Нач. отд. ББ Федючек

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 222. – Арк. 132–133.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 250–252.

№ 112

1945. – Червня 25. – Лист Сокальського райкому КП(б)У до Львівського обкому партії про реагування населення району на ліквідацію Української греко-католицької церкви

Секретарю ОК КП(б)У тов. Грушецкому

Настоящим сообщаю, что среди населения Сокальского района по отношению перехода униатов к православному вероисповеданию существенных разговоров не слышно, но оуновское подполье проводит в этом вопросе немалую работу. 24.6.45 г. на телефонном столбу по дороге Сокаль–Тартаков в районе села Горбков была обнаружена листовка, копию которой прилагаю.

Секретарь Сокальского РК КП(б)У Федоряченко
25/VI–45 г.

Информсектор
К 15.7.45 г. послать информацию ЦК КП(б)У
Грушецкий
11.7.45 г.

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 222. – Арк. 131.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 250–252.

№ 113

1945. – Червень. – Довідка УНКДБ у Львівській області про розслідування грабіжницьких дій, вчинених бандою НКДБ

СПРАВКА
по материалам расследования о нарушении советской законности работниками Подкаменского РО НКГБ Львовской области

Произведенным расследованием установлено:

С марта 1945 года начальник Подкаменского РО НКГБ Булгаков содержал группу бойцов содействия в количестве 5 человек из числа местных жителей, проживающих на временно оккупированной территории, по национальности – поляки, которых использовал для охраны здания РО НКГБ и для проведения операций совместно с оперсоставом. Указанная группа совершила в течение апреля–мая 1945 года 4 грабежа жителей Подкаменского района, из них 2 грабежа совершили без участия оперсостава и 2 грабежа в присутствии ст. оперуполномоченного Черных и пом. оперуполномоченного Юматова.

25 апреля 1945 года указанная группа в х. Бендосы самовольно произвела обыск у гр-на Бойцун и изъяла его личные вещи, закопанные в земле, и вместе с Бойцун доставила в РО НКГБ, доложила начальнику РО НКГБ Булгакову, что Бойцун имеет связи с бандой, и все вещи были зарыты в земле двора Бойцун.

РО НКГБ никакими материалами на Бойцун не располагало, однако начальник РО НКГБ Булгаков незаконно содержал Бойцун в течение 2 суток под арестом и при его допросах применял физические меры воздействия вместе со ст. оперуполномоченным Черных; освободил его только на третьи сутки.

За время нахождения Бойцун под арестом изъятые у него вещи частично были присвоены бойцами группы содействия: Малиновским – 1 платок женский и 4 метра мануфактуры, Левицким – 10 метров сукна домашнего изделия, ст. оперуполномоченным Черных и вахтером Улановым – 10 метров холста.

Что изъято пом. оперуполномоченного Юматовым, установить в связи с его исчезновением не удалось.

Все остальные вещи при освобождении Бойцун были ему возвращены.

В апреле с/года бойцы группы содействия Малиновский, Кохманский и два брата Левицких, находясь в х. Микиты, несмотря на запрещение ст. оперуполномоченного Черных, в его отсутствии у проезжающей жительницы Кременецкого района Тернопольской области отобрали 2 лошадей и изъяли корзину с 70 штук яиц, самовольно объездным путем выехали в райцентр. Лошадей оставили в своих хозяйствах, а яйца принесли в РО НКГБ.

О факте изъятия лошадей скрыли от оперсостава РО НКГБ. Отобранные яйца разделили между бойцами группы содействия и оперсоставом.

6 мая с/года бойцы группы содействия Малиновский, Кохманский, Левицкий Геннадий и Олендер в х. Микиты самочинно произвели обыск у гр. Щерба, где изъяли: костюм мужской, дамские ботинки, дамскую рубашку. Костюм передали пом. оперуполномоченного Юматову, а ботинки и рубашку присвоили себе.

16 мая с/года бойцы группы содействия Малиновский, Кохманский и два брата Левицких совершили ограбление жителя с. Немяч – Мартынюк Ивана Пантилеевича. В том ограблении участвовал пом. оперуполномоченного Юматов, который направил бойцов в хату Мартынюка, а сам находился на улице. В этом грабеже всего было изъято у Мартынюка 19 предметов носильных вещей, которые разделены между всеми участниками ограбления, в том числе часть взял себе и Юматов.

Пом. оперуполномоченного Юматов в ряде других случаев при проведении операций изымал продукты питания и присваивал их себе.

О всех этих грабежах было известно нач. Подкаменского РО НКГБ Булгакову, который в предотвращении их никаких мер не принимал и только лишь в июне с/года после ареста всей группы бойцов содействия направил Юматова в УНКГБ со следственными делами, вместе с ним прислал рапорт, указав в нем о перечисленных фактах незаконных действий бойцов группы содействия и участия в них пом. оперуполномоченного Юматова.

По ознакомлению с рапортом нач. Подкаменского РО НКГБ Булгакова и после допроса пом. оперуполномоченного Юматова, было дано указание следователю особой инспекции Бурлакову выехать на место, в Подкаменский район, для расследования изложенных материалов по рапорту Булгакова.

Однако пом. оперуполномоченного Юматов сдал след. дела, получив расписки, выехал в Подкаменское РО НКГБ, передав расписки о сдаче дела нач. РО НКГБ Булгакову, сам скрылся в неизвестном направлении.

После этого были приняты меры розыска Юматова через всю имеющуюся агентуру в райотделе НКГБ, немедля дали телеграмму по месту его рождения и местожительства до поступления в органы НКГБ и службы в Красной Армии.

Однако, путем допроса свидетелей и через агентуру установлено, что Юматов ушел в бандгруппу, и еще по не совсем уточненным данным Юматов якобы убит этой же бандой при попытке в одном случае якобы убить руководителя СБ «Садовой», а в другом случае при попытке бегства самого из банды.

Кроме того, расследованием установлено, что нач. Подкаменского РО НКГБ Булгаков развалил агентурно-оперативную работу, по сути дела не занимался ею, не руководил подчиненным ему оперсоставом, в результате Подкаменское РО НКГБ не имеет никаких показателей в работе, а личный состав в моральном отношении разложился, ст. оперуполномоченный Черных сожительствовал с несколькими женщинами, заразился венерической болезнью и до сих пор находится на излечении.

Ст. оперуполномоченный Калиниченко также сожительствовал с работницей зам. отдела, имея жену, которая поставила вопрос перед РК КП(б)У о распущенности своего мужа Калиниченко.

На основании изложенного нами приняты следующие меры:

1. Нач. Подкаменского РО НКГБ Булгаков Тимофей Алексеевич с должности нач. Подкаменского РО НКГБ снят, арестован на 20 суток без исполнения служебных

обязанностей и понижен в должности до ст. оперуполномоченного РО НКГБ, отозван в распоряжение ОК УНКГБ Львовской области.

2. Ст. оперуполномоченный Подкаменского РО НКГБ Калиниченко Павел Филипович – арестован на 20 суток без исполнения служебных обязанностей и как скомпрометировавший себя из Подкаменского района отозван в распоряжение ОК УНКГБ Львовской области.

3. Ст. оперуполномоченный Подкаменского РО НКГБ Черных Степан Алексеевич – арестован на 20 суток без исполнения служебных обязанностей, понижен в должности до оперуполномоченного и как скомпрометировавший себя отозван в распоряжение ОК УНКГБ Львовской области.

4. Вахтер Подкаменского РО НКГБ Уланов Александр Дмитрович – арестован на 10 суток без исполнения служебных обязанностей и отозван из Подкаменского района.

5. По делу Юматова Михаила Петровича материалы выделены в отдельное производство, объявлено во всесоюзный розыск.

Обязали нач. Подкаменского РО НКГБ капитана Ананьина продолжать розыск Юматова через агентуру и свидетельские показания с тем, чтобы точно установить его местонахождение, преследуя как главную цель – захватить его живым.

Булгаков, Калиниченко, Черных и Уланов предупреждены, что если они допустят повторение подобных фактов нарушения Советской законности и дисциплины, будут немедленно переданы суду Военного Трибунала.

Зам. начальника УНКГБ Львовской области по кадрам
подполковник В. Шаповалов

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 222. – Арк. 182–185.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 253–255.

№ 114

1945. – Липня 23. – Із стенограми наради секретарів райкомів КП(б)У, голів райвиконкомів, начальників обласних і районних відділів НКВС і НКДБ Львівської області про посилення боротьби з українським національно-визвольним рухом

СТЕНОГРАММА ОБЛАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ
секретарей райкомов КП(б)У, председателей райисполкомов,
начальников РО НКГБ и НКВД

Тов. Грушецкий: Товарищи, прибыли на совещание представители с 29 районов. Нет с Краковецкого и Пониковецкого районов. Есть предложение совещание начать. На данном совещании, где присутствуют секретари РК КП(б)У, председатели райисполкомов и начальники РО НКВД и НКГБ стоит на повестке один вопрос: «О выполнении постановления ЦК КП(б)У о ликвидации банд украинско-немецких националистов и мероприятия по окончательному разгрому и уничтожению не только банд, но и отдельных бандитов». Возражений против такой повестки дня не будет. (Голоса с мест: «Нет»)...

Тов. Грушко, начальник областного управления НКВД: В мае 19 числа нашей партией и правительством было выпущено обращение к населению Львовской области, которым было предложено всем оуновцам, бандитам и нелегалам явиться с

повинной, порвать с бандами и начать мирную работу. Это обращение партии и правительства понудило многих из бандитов прийти к нам с повинной. В течение июня вместо выполнения указания партии по этому вопросу не только не усилили активности борьбы против бандитов, но ее ослабили. Я могу привести ряд цифр, которые будут свидетельствовать об этом. Если мы в мае проводили 15–20 операций, то в начале июня мы проводили только 8–9 операций в день, тем самым снизили явки с повинной, а также физическое уничтожение бандитов. С мая по июль явилось около 200 бандитов.

Стремясь к выполнению указаний ЦК партии, в начале июля мы провели такие мероприятия: мы послали в районы группы наших работников, которые должны были возглавить и провести ряд операций по ликвидации банд. Эти группы помогли нам усилить работу, проводимую по ликвидации бандгрупп, и мы имеем в результате этих мероприятий увеличение – 50–60 операций в сутки по области. Явилось с повинной на сегодняшний день больше 3000 бандитов, мы имеем даже явку бандитов после указанного срока – 20.VII являются бандиты с повинной.

Товарищи! Те, которые не явились до 20 числа, – это в большинстве настоящие бандиты, и их нужно уничтожать. На сегодняшний день у нас больше явилось бандитов, чем числилось по нашему учету. За что это говорит – это говорит за то, что наш учет был не точный. Настоящего учета бандитов, дезертиров и нелегалов у нас не было. Есть такие случаи, как здесь рассказывал один товарищ, что бандит числился в Красной Армии и теперь этот мнимый «красноармеец» явился с повинной, и таких случаев у нас много. Вот потому, что у нас был такой «учет», у нас и получились такие расхождения. Мы проверяем и перепроверяем наш учет и сейчас обращаем на это большое внимание. У нас на сегодняшний день числится около полторы тысячи человек. Когда же этому будет конец?

Что, по-моему, следует сейчас предпринять? Мы должны сейчас обратить внимание на учет и придать ему самое серьезное значение, а то получится так, что когда борьбу с бандитами еще больше усилим, то появится еще много новых бандитов, учет и оценка учета – это самое главное. Мы должны наладить точный учет бандитов, дезертиров и нелегалов. Партия и правительство помогает нам в этом вопросе, кто до 20 июля не явился, тот является бандитом и подлежит уничтожению.

За счет чего у нас возросли цифры новых бандитов и нелегалов. Я считаю, что у нас возросли цифры потому, что в военкомате тоже нет соответствующего учета. Вот они отправляли людей в армию, но кто бежал с эшелонов, не пошел в армию, а вернулся и пошел в лес в банды – у них учета нету. Так вот я считаю, что нам нужно ввести персональную ответственность за ликвидацию той или иной боевки, наладить точный учет, какую боевку, в каком количестве и поименно должны ликвидировать тот или иной товарищ. Советские люди могут нам указать место, где скрываются и находятся бандиты, но сколько конкретно – это должны знать мы и ликвидировать эти боевки.

Нужно сейчас приложить все силы к тому, чтобы окончательно ликвидировать бандитов. Вы помните, как мы раньше говорили еще в феврале, что у нас осталось столько и столько то бандитов, что в ближайшие дни они будут ликвидированы и т. д., а что получилось на деле, что эти банды с февраля существуют и по сей день, так надо, товарищи, помнить, как говорил товарищ Хрущев, если вы наступили на банду, то не отрывайтесь от нее до тех пор, пока ее не ликвидируете... Этого нет у нас до сегодняшнего дня. Надо сказать прямо, у нас много случаев, когда наши оперативные товарищи догонят группу бандитов до стыка с соседним районом и говорят: ну, слава богу, теперь можно возвращаться об-

ратно (в зале оживление). В этом можно, правда, обвинить не всех, нельзя обвинять в этом Магеровский и Жовковский районы, не могу обвинить последнее время В-Мостовский, Перемышлянский и Пониковецкий районы. Но большинство районов делают так.

Вопрос явки с повинной. Много явилось бандитов, но явились без оружия. Одни говорят, что не были в банде, другие, что они были на нелегальном положении. Нужно ли арестовывать их сейчас. Нет. Некоторые говорят, что оружие было, но когда уходили из банды – у них отобрали. Нужно сейчас перепроверять, как ведут себя те, которые пришли из банды, но нельзя допускать арестов направо и налево, этим мы можем наломать дров. Мы не будем останавливаться, если бандит пришел со злым умыслом и будем ликвидировать его, но это нужно делать крайне осторожно и продуманно, не давать материалы бандитам для агитации против нас и для возврата неустойчивых опять в банды. Нужно усилить оперативное обслуживание до максимума тех, кто явился с повинной и особенно тех, которые числились у нас как бандиты, а говорят, что были только нелегалами – уклоняющимися от службы в Красной Армии.

Некоторые товарищи склонны ликвидировать истребительные батальоны. Я с этим не согласен. Я боюсь, что те районы, которые ликвидируют истребительные батальоны, придут через два дня и скажут: «давайте войска». Когда придут войска, тогда другой разговор, а сейчас пока нет, нужно использовать истребительные батальоны, нужно их проверять. Здесь один товарищ говорил, что нужно перешерстить. Это говорит о том, что товарищ этот не выполнял указаний, которые давались, чтобы в повседневной работе проверить бойцов истребительных батальонов.

В отношении групп самозащиты. Я склонен, что некоторые группы там где имеются войсковые гарнизоны, можно разпустить, но операться на эти группы самозащиты необходимо. Если все это выполним, тогда и указания товарища Хрущева о ликвидации бандитов в самый кратчайший срок, и ликвидации не вообще, а под личную ответственность коммунистов, будут нами выполнены.

Тов. Воронин, начальник облуправления НКГБ: Товарищи, совещание партийного актива по вопросу ликвидации бандитизма и оуновского подполья мы проводили неоднократно. Надо отметить, что партийные организации нашей области и органы НКВД и НКГБ провели большую работу. Мы значительное количество бандитов легализовали, репрессировали, ликвидировали крупные банды, но нужно, товарищи, признать, что эта проделанная работа недостаточна, мы еще в ряде населенных пунктов нашей области не создали нормальной обстановки, мы еще до сих пор имеем бандитские проявления и убийства партийно-советских активистов, работников НКВД, НКГБ и офицеров Красной Армии.

Что сейчас от нас требует Центральный Комитет, лично Никита Сергеевич Хрущев. От нас требуют, чтобы мы в ближайшее время полностью ликвидировали бандитизм и навели необходимый порядок в каждом населенном пункте области. Работники НКВД и НКГБ обязаны проявить особую оперативность в деле ликвидации бандитизма. Сейчас имеются все условия и возможности для быстрейшего и окончательного разгрома бандитизма. Эти условия необходимо использовать. Обращение украинского правительства сыграло исключительную роль. Очевидно, Иван Самойлович Грушецкий скажет, какое количество бандитов явилось с повинной, но, товарищи, не все еще украинско-немецкие националисты явились с повинной и сложили оружие, они продолжают вести активную борьбу против Советской власти.

Что сейчас требуется от нас и какая должна быть тактика в борьбе с украинско-немецкими националистами. После 20 июля, т. е. после срока явки с повинной,

тов. Хрущев предложил применить иную тактику в борьбе с врагом. Необходимо точно установить, где находится банда или бандгруппа и преследовать ее до конца, пока она не будет ликвидирована полностью. Составить списки на каждую банду в разрезе села, района, указать, кто является главарем бандитской группы. Эти списки районная тройка в составе: секретаря РК, начальников РО НКВД и НКГБ, должна заверить и представить обкому КП(б) и в областные управления НКВД–НКГБ.

В каждом районе, пораженном бандитизмом, создать войсковые группы, на которые возложить ликвидацию бандитизма. Органы НКВД и НКГБ обязаны обеспечить необходимыми данными о месте нахождения банд и их проявлении. После этого, если не будут ликвидированы банд-группы, войсковой командир, начальники органов НКВД и НКГБ несут партийную и государственную ответственность. За успешную работу по ликвидации банд будут отмечены и получат необходимую оценку.

Мы требуем от начальников райотделов НКВД и НКГБ приступить к ликвидации руководителей оуновского подполья, у нас еще существуют станичные и районные организации ОУН, у нас еще существуют провода. Если мы не ликвидируем подполье, мы не скоро наведем порядок, и у нас будут враждебные проявления.

Мы требуем от начальников райотделов представить планы мероприятий по ликвидации оуновского подполья и разгрому нелегалов ОУН–УПА. Надо, чтобы работники НКВД и НКГБ систематически проводили розыск нелегалов ОУН. Мы имеем немало хороших примеров и опыта действенной борьбы с отдельными бандами. Чаще проводите ночные засады, организуйте войсковые, розыскные группы, во главе их поставьте чекистов. Многие бандиты скрываются в схронах, лесах. Мы имеем данные, где они скрываются, но иногда неумело используем эти данные, и бандиты уходят.

Тов. Грушко в своем выступлении останавливался на изъятии оружия у населения. Вы знаете, что за последнее время явилось с повинной значительное количество бандитов, но они оружия не сдали. Мы имеем данные, что у населения имеется припрятанное оружие и надо у населения все оружие изъять. Мне кажется, что издать специальный приказ о сдаче оружия и тот, кто не будет сдавать оружия, и оно будет найдено, этих лиц привлекать к судебной ответственности. Это надо сделать. Там, где оружие есть, там будут и бандитские проявления.

Мы очень мало проводим в районах показательных судебных процессов над бандитами. Облсуду необходимо продумать вопрос об организации показательных процессов в населенных пунктах, пораженных бандитизмом.

И последний вопрос, на котором я хотел остановиться, – это повышение бдительности. Большое количество бандитов явится с повинной и легализуется, многие легализуются из оуновского актива. В городах и особенно в г. Львове, оуновцы стремятся устроиться на работу. Они не являются в районы и населенные пункты, они идут во Львов и по фиктивным документам поступают на работу в различные предприятия и советские учреждения.

Руководители учреждений должны проверять, кого они принимают на работу. Нужно положить конец разговорам на различных совещаниях в районах о методах нашей работы. Очень много говорят о специальной работе органов НКВД, об этом иногда становится известно украинско-немецким националистам.

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 198. – Арк. 1. – С. 43–51.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 256–259.

№ 115

1945. – Вересня 5. – Доповідна записка Львівського обкому КП(б)У про хід ліквідації Української греко-католицької церкви

Киев – ЦК КП(б)У
тов. Хрущеву Н. С.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о проведенной работе по воссоединению греко-католической церкви с православной на территории Львовской области

После ряда проведенных мероприятий подготовительного характера по вопросу воссоединения греко-католической церкви с православной в конце июля месяца с. г. Инициативная группа, во главе с доктором богословия Костельником, приступила к осуществлению совещаний по деканатам Львовской области с священниками греко-католической церкви.

На все совещания в деканаты выезжает Костельник с представителем отдела культов при СНК УССР тов. Ивановым, где проводят беседы о необходимости отрыва униатской церкви от Ватикана и воссоединения ее с православной церковью.

На 25 августа 1945 года совещания проведены в 12-ти деканатах (всего в области имеется 28 деканатов). В результате этого 156 служителей культа греко-католической церкви дали согласие на воссоединение с православной церковью, из них:

1. Генеральных викариев – 1
2. Священников-деканов – 12
3. Священников-приходов – 125
4. Диаконов – 12
5. Монахов – 6

Характерно отметить, что почти на всех совещаниях священники униатской церкви задавали аналогичные вопросы следующего содержания:

1. Не уничтожит ли Советская власть православную церковь после ликвидации униатской церкви.

2. Какие будут формы покаяния для священников во время перехода в православную веру.

3. Не будет ли репрессий со стороны бандеровцев в отношении лиц, давших согласие на переход.

4. Оставят ли форму и внешний облик униатских священников, воссоединившихся с православной церковью.

Одним из главных вопросов, «волнующих» священников, является, – кто примет на себя снятие присяги, данной ими епископам и Ватикану на верность унии.

После решения вышеуказанных вопросов и ряда других менее значительных священники свое согласие на воссоединение с православной церковью оформляют в письменном виде, подписывая заявления о присоединении к группе по воссоединению.

Во всех 12-ти районах совещания проходили на квартирах у священников, извещались специальными повестками за подписью декана и ответственного секретаря райисполкома, так как вместе с доктором Костельником на совещания выезжает представитель отдела культов при СНК УССР.

Проводимая работа по воссоединению униатской церкви с православной в кругах реакционного духовенства греко-католической церкви встретила упорное сопротивление.

По имеющимся официальным данным и другим документам установлено, что активно выступают против воссоединения монашествующие ордена василианов, во главе с так называемым «Галицким провинциалом» – Градюком Владимиром Павловичем, проживающим в городе Львове и являющимся руководителем василиановских монастырей по всем областям в Западной Украине.

Под его руководством из монастырей священники-монахи выезжают в села и районы на приходы, где нет священников, и ведут активную пропаганду за унию.

Кроме этого, активно выступают против воссоединения церквей священники, проживающие в городе Львове, возглавляемые архимандритом Климентием Шептицким, и священники, проживающие в бывшей резиденции митрополита Шептицкого, на площади Юра, № 5.

Достаточно сказать, что под руководством Климентия Шептицкого, за подписью 62 священников и монахов, в основном проживающих в городе Львове, было направлено письмо в адрес Заместителя Председателя СНК СССР тов. Молотова, в котором они отказываются признать за официальный орган Инициативную группу по воссоединению униатской церкви с православной, а лица, подписавшие заявление, отказываются от воссоединения.

Для противодействия Инициативной группе священник, проживавший в городе Львове Фиголь Владимир Иванович, 1911 года рождения, пытался создать нелегальную организацию из униатских священников, в задачу которых входила борьба против воссоединения и, в частности, против доктора Костельника.

На основании полученных данных об антисоветской деятельности реакционного духовенства за последнее время аресту подвергнуты:

1. Фиголь Владимир Иванович, 1911 года рождения, уроженец города Коломыя, Станиславской области, украинец, гр-н СССР, образование высшее богословское, служил священником в городе Львове.

Фиголь в кругу униатского духовенства открыто выступал против Советской власти, заявляя: «Было бы хорошо, если бы большевики ушли отсюда».

2. Галянт Николай Семенович, 1875 года рождения, уроженец села Куты, Золочевского района, Львовской области, украинец, гр-н СССР, образование высшее богословское, служил священником в церкви св. Юра в городе Львове, бывший канцлер митрополичей капитуллы униатской церкви.

Основанием для ареста Галянта послужили материалы о его активном выступлении против воссоединения церквей и, в частности, против Костельника.

Во время обыска у Галянта изъяты тезисы, написанные его рукой на бумаге из блокнота о социалистическом строе. В тезисах Галянт пошло отзывается о социализме.

В беседе с оперативным работником НКГБ он прямо заявил, что не признает социалистической системы и не согласен с политикой большевиков.

3. Чорняк Иван Иванович, – 1899 года рождения, уроженец города Львова, украинец, гражданин СССР, образование высшее богословское, служил священником в церкви св. Юра, бывший ректор духовной академии, проживал на пл. Юра, № 5, кв. 24, без прописки.

После ликвидации духовной академии Чорняк переехал на жительство в церковь Юра и принял активное участие в работе против воссоединения церквей. Один из

первых подписал заявление антисоветского характера в адрес тов. Молотова. Будучи ректором духовной академии под видом студентов укрывал активных членов ОУН и бандитов УПА, скрывающихся от репрессий органов Советской власти, выдавал им фиктивные справки для получения паспортов и легализации.

За такую же антисоветскую деятельность подвергнут аресту заместитель ректора бывшей духовной семинарии:

4. Сампара Степан Михайлович, 1897 года рождения, уроженец села Прошов, Тернопольской области, украинец, гр-н СССР, образование высшее богословское, последнее время проживал в бывшей резиденции митрополита униатской церкви.

Органами НКГБ арестованы также ряд священников, проживающих в районах Львовской области и активно выступавших против воссоединения униатской церкви с православной. Так например:

1. Костишин Евгений Федорович, 1886 года рождения, уроженец села Волковичи, Львовского района и области, украинец, гражданин СССР, образование высшее богословское, служил священником в селе Балучин, Краснянского района, одновременно являлся деканом Глинянского деканата. Проживал в селе Балучин.

Костишин в период немецкой оккупации активно выступал против Советской власти, агитировал за вступление в дивизию «СС–Галичина», приветствовал немцев за «освобождение от большевиков».

Будучи в свое время воспитанным в Риме, активно отстаивал права папы римского и отказался воссоединиться с православной церковью.

2. Кулинич Василий Семенович, 1895 года рождения, уроженец села Миляво, Магеровского района, Львовской области, украинец, происходит из крестьян-кулаков, служил священником-деканом Рава-Русского района, проживал в селе Каменка-Новая, Магеровского района.

Материалами для ареста Кулинича послужили данные о его причастности к ОУН. На квартире у Кулинича происходили нелегальные сборища членов ОУН-УПА. Использовал амвон церкви, как трибуну для антисоветской пропаганды среди верующих.

3. Казанивский Петр Иванович, 1883 года рождения, уроженец села Нивицы, Лопатинского района, Львовской области, украинец, гр-н СССР, образование высшее богословское, служил священником и временным заместителем декана в Каменка-Бугском районе, Львовской области, где и проживал.

Казанивский в период немецкой оккупации имел связь с подпольем ОУН, активно выступал за создание дивизии «СС–Галичина», пытался бежать с немцами при их отступлении, однако попал в окружение и вынужден был остаться на освобожденной территории. Работал тогда деканом Лопатинского деканата.

При обыске у Казанивского изъяты фотоснимки, где он выступает с проповедью перед дивизией «СС–Галичина», а также фотоснимок с выступлением Казанивского у могилы «жертвам большевизма».

Для того чтобы парализовать вражескую деятельность священников-монахов монастырей ордена василианов, нами подвергнуты аресту наиболее себя проявившие против воссоединения церквей и использовавшие это мероприятие для антисоветской пропаганды.

1. Чепиль Иван Федорович, 1897 года рождения, игумен – настоятель монастыря в городе Львове.

2. Барсо Михаил Антонович, 1908 года рождения, монах – священник монастыря ордена василианов в городе Львове.

Всего органами НКГБ арестовано 78 человек священников униатской церкви и связанных с ними оуновцев и активных верующих греко-католического вероисповедания.

В связи с проводимыми мероприятиями по воссоединению униатской церкви с православной среди населения идут суждения различного толка.

Крестьянин села Балучин, Краснянского района, Кравчук Емельян Васильевич, высказал: «Пришло время, что мы имеем возможность возвратиться к старой православной вере, которая была у нас на протяжении столетий. Пора покончить с католицизмом и папой римским».

Крестьянки Бойко Екатерина, Чайковская Екатерина и Дробач в кругу крестьян высказали: «Как хорошо было раньше, когда была православная религия, не было никаких политик и люди жили мирно. Не было никаких убийств, а сейчас убивают и люди проливают слезы. А все это потому, что каждый поп говорит о той политике, которая ему нужна. Украинскими церквами управляли поляки и итальянцы, а у нас была всегда православная церковь и вера, пусть будет она и теперь».

Священник униатской церкви в селе Женов, Глинянского района Кондратский Василий, 82 лет говорил: «Мы 300 лет назад были православными и сейчас можем быть православными, ждем, когда власть даст распоряжение и даст книги, мы будем верными православной церкви».

Житель местечка Глиняны Пиняжко Михаил Иванович высказал: «Только бы быстрее партия большевиков вернула православную церковь. Зачем нам Рим, Киев нам ближе, православная церковь была и пусть будет».

Крестьянин Лотоцкий Иван заявил: «Давно пора соединить православный народ в одну семью, а чтобы не смотрел на нас Рим, с ним давно надо было бы покончить».

Служащий Рыбак Александр Прокофьевич говорил: «Мы и, вообще, наше население в основном не возражаем против перевода униатской церкви в православную, так как у нас раньше была православная вера. А это все делали австрийцы, а потом поляки, чтобы держать в своем подчинении украинское население. Вот почему советские органы и арестовывают католиков, так яро выступающих против Советской власти».

Священник Щепанский Степан, проживающий в Куликовском районе высказал: «Если действительно государство займется этим вопросом, то можно надеяться, что воссоединение произойдет в самом скором времени».

Аналогичных высказываний положительного характера по вопросу воссоединения униатской церкви очень много. Однако, наряду с этим имеются факты и отрицательных проявлений.

Монахиня ордена василианов в городе Львове Будзинская говорила: «Греко-католическая вера правдивая и я от нее никогда не отступлю, пусть даже меня мучают. Я уверена, что ни один из ксендзов и монахов ордена василианов и других монашеских орденов не перейдут в православную веру, потому что православие исходит из Москвы и руководят им большевики.

Большевики вводят у нас православную церковь для того, чтобы мы отказались от католической веры, а затем они закроют церкви и уничтожат религию. На такую ложь Костельника никто из греко-католиков не пойдет, так как сам Костельник не пользуется доверием».

Верующая Пелех Ирэна Теодоровна высказала: «Почему коммунисты – сами неверующие безбожники вмешиваются в наши религиозные дела и заставляют нас переходить в православную веру. Они лучше сделали бы, если бы оставили нас в покое и принудительно не переводили в православие».

Служащий электростанции в городе Львове Кулик высказал: «Костельник является советским агентом и за ним народ не пойдет. Это напрасная затея».

Профессор Крипякевич И. П. заявил: «Арест священника – это арест духа народного. Арест митрополита – это арест всей Галиции. Советское правосудие теперь должно оправдать себя перед массами – либо осудить священников, либо признать свою полную несостоятельность и этим еще более привлечь к себе недоверие и нелюбовь. Массы борются с Советской властью, правда пассивно, но борются. Если митрополита арестовали, то нужно предъявить обвинение, успокоить не только украинский народ, но и общественную совесть всей Европы».

Священник-монах Жолкевского монастыря ордена василианов Дацишин заявил: «Мы священники-василиане скорее все мучения примем на себя, но своей вере не изменим и в православие не перейдем».

Необходимо отметить, что распространению антисоветских высказываний в большой степени способствует подполье ОУН, так например, в нелегальной оуновской газете «Стрилецки висти» за май месяц 1945 года была опубликована статья под заглавием «Преследование украинской греко-католической церкви». В этой статье пишут: «Среди различных вопросов, которые возникли с момента новой большевистской оккупации, имеется также отношение большевиков к религии и отдельно к украинской греко-католической церкви… Православная церковь в бывшей царской империи была в основном помощником царского режима национального гнета. Большевикам удалось сделать украинскую православную церковь своим агентурным орудием. Православная церковь в СССР не существует, есть только богохульная агентура НКВД, которая издевается над православной верой».

Эта статья оуновцами была перепечатана на пишущей машинке и распространена среди крестьянского населения в районах Львовской области.

Партийно-советские работники в своей практической деятельности среди местного населения проводят большую работу по воссоединению греко-католической церкви с православной. Массово-политическая работа направляется на разъяснение антинародной роли греко-католической церкви, на ее вражескую деятельность против советской власти. Вся эта работа строится на конкретном местном материале. Население в своем большинстве начинает понимать необходимость перехода к православной церкви.

Секретарь Львовского обкома КП(б)У И. Грушецкий

2271/02
5/IX 45

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1639. – Арк. 103–113.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 285–292.

№ 116

1945. – Листопада 22. – З довідки УНКДБ у Львівській області обкому КП(б)У про арешти духовенства під час ліквідації Української греко-католицької церкви

Совершенно секретно

КРАТКАЯ СПРАВКА
о результатах агентурно-оперативной работы Управления НКГБ Львовской области в связи с воссоединением униатской церкви с православной

С первых дней подготовительной работы по воссоединению греко-католической церкви с православной нами было обращено внимание на разработку антисоветского элемента из числа служителей культа греко-католической церкви, активно проявивших в деятельности против Советского государства как в период немецкой оккупации, а также после их изгнания с территории Львовской области.

Параллельно с этим проведена работа по насаждению агентурно-осведомительного аппарата из среды духовенства и связанных с ним активных верующих греко-католического вероисповедания с тем, чтобы в процессе воспитания можно было использовать агентуру в работе по воссоединению униатской церкви с православной. Кроме этого, направить ее на выявление антисоветского элемента.

В результате этого на 20-е ноября 1945 года управлением НКГБ по Львовской области были разоблачены и подвергнуты аресту 104 человека служителей культа и связанный с ними антисоветский элемент из числа верующих греко-католического вероисповедания, из них:

митрополитов – 1
епископов – 2
галицкий-провинциал – 1
священников – 54
деканов и их заместителей – 9
священников-монахов – 5
монахов – 6
настоятелей монастырей – 6
студентов богословия – 6
нелегалов из подполья ОУН – 8
секретарь-руководитель монастырей – 1
диаконов – 2
мирян – 3.

Начальник управления НКГБ Львовской области
генерал-лейтенант Воронин

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 230. – Арк. 28–29.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 296–297.

№ 117

1945. – Листопад. – Довідка УНКДБ у Львівській області про підготовку заборони діяльності Української греко-католицької церкви

[…] Наиболее интересными арестами, кроме епископата и членов капитуллы Львовской архиепархии, находящихся под следствием в НКГБ УССР являются:

1. Групповое дело по обвинению в антисоветской деятельности монахов монастыря ордена василианов, находящегося в городе Жолкев, Львовской области. По делу арестованы и отданы под суд настоятель монастыря Пелех Михаил Иванович, его заместитель Савчин Маркиян Яковлевич, писатель-монах Когут Гавриил Матвеевич, директор монастырской типографии Пасека Павел Ильич и монах Курман Дмитрий Степанович.

Вышеуказанные лица как в период немецкой оккупации, а также после изгнания немцев с территории Западной Украины использовали амвон церкви и свою религиозную прессу для проведения антисоветской работы, направленной на дискредитацию Советской власти и воспитания верующих в духе немецко-украинского национализма.

Игумен монастыря Пелех редактировал антисоветский журнал «Мисионар», распространяя его в большом тираже среди священников и верующих в западных областях Украины. В издании этого журнала активную помощь Пелеху оказывал его заместитель Савчин. Кроме этого, регулярно выступал с проповедями, восхваляя фашистско-немецкий режим и клеветал на Советскую власть. В журнале «Мисионар» неоднократно печатались статьи резко-антисоветского характера священника-монаха Когута. По указанию Пелеха, директор типографии Пасека и монах Курман для главного провода ОУН печатали: манифест ОУН, воззвания УПА, различные антисоветско-националистические листовки и литературу. Кроме этого, в большом тираже издавали портреты Гитлера и художественные открытки антисоветско-националистического содержания.

Под руководством Пелеха монастырь василианов враждебно отнесся к вопросу воссоединения церквей, организовав нелегальную работу среди священников, агитируя их не воссоединяться с православной церковью.

Из этого же монастыря монахи-священники в начале работы по воссоединению церквей связались с подпольем ОУН для совместной работы против Советской власти. Так, например, священник-монах Богун Григорий Михайлович перешел на нелегальное положение, связался с Сокальским окружным проводом ОУН, которым назначен редактором окружной газеты подполья ОУН. Бывший редактор журнала «Мисионар» Тымчук Емельян также перешел на нелегальное положение и работает совместно с оуновцами.

2. В городе Золочеве настоятель монастыря василианов Федорик Иосиф Романович организовал вокруг себя священников Золочевского деканата и при активной помощи декана, арестованного Лыско Владимира Васильевича, дважды провели нелегальное совещание священников, где вынесли решение бойкотировать инициативную группу по воссоединению униатской церкви с православной.

При аресте Федорика на чердаке монастыря были обнаружены и изъяты воззвания священникам и верующим антисоветско-националистического характера, где духовенство и население призывалось не переходить в православную церковь и бойкотировать

инициативную группу. В этом же воззвании возводилась клевета на Советскую власть, что якобы государством нарушается Конституция и договор объединенных наций.

3. Монастырь студитов в селе Униве, Перемышлянского района Львовской области был центром скопления антисоветско-националистического элемента из окружающих сел. Так, например, арестованный монах Матковский Владимир Лукашевич являлся врачом нелегального госпиталя для бандитов УПА, который находился в здании этого же монастыря. Монах Кондратович Григорий Иванович раненых бандитов привозил в город Львов и через настоятельницу монастыря студитов в городе Львове Витер Елену Васильевну устраивал их на лечение во Львовский госпиталь. Кроме этого, установлено, что в монастыре студитов скрывались до последнего времени бандиты из УПА и их жены.

За связь с бандформированиями УПА, перепрятывание бандитов в монастыре и оказание им материальной помощи подвергнут аресту настоятель монастыря студитов Шестюк Иван Теодорович.

4. Арестованная настоятельница монастыря (женского) в городе Львове Витер Елена Васильевна на допросе созналась, что она, будучи еще 1934 года воспитана в националистическом духе, в настоящее время оказывала помощь подполью ОУН и, в частности, имела связи с комендантом СБ в городе Львове Кравчишиным.

Витер на допросе также назвала еще 5 человек известных ей лиц из подполья ОУН, проживающих в городе Львове, указав их псевдонимы.

Необходимо отметить, что во время ареста Витер пыталась скрыться и была обнаружена оперативными работниками на чердаке монастыря, в то время, когда монашки этого монастыря (арестованные Будзинская, Фатыляк) заявили о том, что ее в монастыре нет.

В процессе дальнейшей агентурно-оперативной работы по делам арестованных нами следственным путем добыты материалы, говорящие о том, что митрополит Иосиф Слепой являлся крупнейшим агентом гестапо, имел непосредственную связь с Гиммлером и приезжавшим в город Львов в 1943 году фон-Папеном. Также добыты данные, что арестованный священник в городе Львове Годунько Иосиф Михайлович был завербован гестапо специально для организации антисоветской пропаганды в городе Львове.

Кроме того, установлено, что духовенство греко-католической церкви для организации антисоветской пропаганды среди населения специально субсидировалось деньгами из Берлина.

Разоблачение в антисоветской деятельности арестованного духовенства и взятие в разработку 121 человека из числа священников, дьяков и других служителей культа последовало в результате создания агентурно-осведомительного аппарата на территории Львовской области.

За время работы по воссоединению церквей в области завербовано 187 человек, из них резидентов – 1, агентов – 91 и осведомителей – 95. Наряду с разоблачением антисоветского элемента нами официальным путем и через агентуру велась работа по воссоединению униатской церкви с православной.

После подготовительной работы, опубликования статей в газетах, воззвания руководителя инициативной группы Костельника и обращения ко всем верующим епископа православной церкви Макария во всех 28 деканатах Львовской области были проведены совещания священников, совместно с доктором Костельником и предста-

вителем отдела культов СНК УССР, на которых духовенство давало свое письменное согласие присоединиться к инициативной группе по воссоединению церквей.

Каждое совещание подготавливалось агентурным путем. В результате этого из 296 священников, проживающих на территории Львовской области, дали согласие на переход в православие 255 священников, 19 деканов и их заместителей, 15 диаконов (в области всего насчитывается 22 диакона), 111 дьяков и 3 монаха ордена василианов. Всего 398 человек.

Наряду с этим через агентуру начали открывать православные приходы с непосредственным подчинением епископу Макарию. До начала работы по воссоединению на территории Львовской области насчитывалось всего 3 православных церкви – в городе Львове, в селе Городжеев Магеровского района и в селе Корчин Радеховского района.

За время работы по воссоединению церквей дополнительно открыто 11 православных приходов.

Начальник управления НКГБ Львовской области
генерал-лейтенант Воронин

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 230. – Арк. 28–32.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 297–300.

№ 118

1945. – Грудня 8. – Лист Львівського обкому КП(б)У до М. С. Хрущова про закриття монастирів

Совершенно секретно

Секретарю ЦК КП(б)У Украины
тов. Н. С. Хрущеву

Греко-католическое духовенство и монахи всегда активно выступали против советской власти, используя все средства и возможности для своей подрывной работы.

В последнее время, чтобы помешать воссоединению церквей, монахи ведут среди населения активную антисоветскую пропаганду, заявляя, что якобы в Советском Союзе нарушается Конституция и не выполняется устав Объединенных Наций.

В процессе арестов антисоветского элемента из числа руководящего состава монастырей (игумена монастыря василианов в городе Золочеве – Федорика Иосифа Романовича) изъяты специально приготовленные листовки антисоветского содержания. Во время других арестов из числа монашествующего элемента были изъяты проповеди, призывающие не воссоединяться и быть верными католиками.

На территории Львовской области имеется 11 мужских монастырей и 10 женских монастырей греко-католической церкви с общим количеством монашествующих 480 человек, из них 166 монахов и 314 монахинь.

В последний период многие монахи и монахини организовывают паломничество по области и в особенности среди крестьян, пропагандируют католическую веру и призывают не воссоединяться с православной церковью. Монахи-священники занимают приходы греко-католической церкви, где нет священников, и также ведут аналогичную пропаганду.

Учитывая, что монастыри размещены во многих районах Львовской области и их влияние распространяется на большое количество местного населения, и что дальнейшая работа по воссоединению церквей будет осложнена, прошу разрешить переселение монастырей с таким расчетом, чтобы на территории Львовской области оставить по одному монастырю каждого ордена.

Переселение монастырей намечаем провести в следующем порядке:

1. Все монастыри греко-католической церкви ордена василианов переселить в монастырь – село Крехов, Жолкевского района, Львовской области. Этот монастырь находится далеко от районного центра и населенных пунктов района, куда намечаем переселить:

а) монашествующих лиц из монастыря г. Львова
б) » » » » » » » г. Золочева
в) » » » » » » » г. Пидгирци, Олесского района
г) » » » » » » » г. Жолквы

2. Монастыри ордена студитов переселить в село Унев Перемышлянского района, Львовской области, где находится один из самых больших монастырей этого ордена.

В указанный монастырь намечаем переселить: монастырь студитов, находящийся на улице Петра Скарги № 2-а. Монастырь студитов, расположенный на окраине города Львова (Чернечья гора) также переселить в село Унев.

3. Монастыри ордена редемптористов переселить на окраину города Львова в село Голоски-Великие Львовского района, так как в других районах области монастырей редемптористов нет.

Помещения, которые будут освобождены, мы предлагаем использовать для культурно-просветительных целей.

Аналогичную работу прошу разрешить провести и по женским монастырям греко-католической церкви с таким расчетом, чтобы в город Яворов переселить всех монахинь ордена василианов, а в село Якторов Глинянского района Львовской области переселить монахинь ордена студитов.

На территории Львовской области также имеются женские монастыри сестер служебниц, которые проживают во многих селах и районах Львовской области по 3–5 человек, поэтому прошу разрешения переселить их в город Львов, в монастырь по улице Пасечной, № 2.

Учитывая, что все эти монахини служат в различных предприятиях в большинстве своем в больницах и госпиталях, одновременно имеют подсобные хозяйства, за счет чего и существуют, поэтому их переселение в город Львов лишит эти монастыри продовольственной базы, и монахини вынуждены будут оставить монастырь и перейти на светский образ жизни, устраиваясь на работу в различные предприятия.

* * *

На территории Львовской области из 327 священников к инициативной группе присоединилось 255 чел. Воссоединение произошло в результате проведения сове-

щаний священников по деканатам, совместно с руководителем инициативной группы доктором Костельником.

В настоящее время для того, чтобы не было разрыва между совещаниями священников по деканатам и проведением собора с целью окончательного воссоединения, по районам области проводятся совещания дьяков.

Однако задержка в проведении собора может повлиять в отрицательную сторону, так как реакционные круги духовенства, а главное монашествующий элемент, активизирует свою работу против воссоединения.

Кроме этого, желательно собор провести за месяц-полтора до выборов в Верховный Совет СССР, так как священников, перешедших в православие, можно будет использовать для патриотической работы и, в частности, в вопросах подготовки к выборам в Верховный Совет.

На основании изложенного прошу Вас дать соответствующие указания, чтобы собор униатской церкви, где будет окончательно решен вопрос воссоединения с православной церковью, провести до выборов в Верховный Совет СССР.

Секретарь Львовского Обкома КП(б)У И. Грушецкий

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1639. – Арк. 7–11. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 300–303.

№ 119

1945. – Грудня 27. – Лист голови Раднаркому УРСР М. Хрущова до Й. Сталіна про заходи, спрямовані на розкол Української греко-католицької церкви

Совершенно секретно

ЦК ВКП(б)
товарищу Сталину И. В.

Будучи в Москве, я Вас информировал о проведенной работе по разложению униатской церкви и переходу униатского духовенства в православную церковь. В результате проведенной работы из числа униатского духовенства образовалась «инициативная группа». Эта группа прислала в адрес Совнаркома УССР следующие документы:

1. Письмо в Совет Народных Комиссаров о положении греко-католицкой церкви в Западной Украине.

2. Письмо «Инициативной группы» ко всему духовенству греко-католицкой церкви. Этот документ они разошлют духовенству после того, как мы разрешим существование «инициативной группы».

При вручении документов работнику НКВД, который назвался референтом по делам вероисповедывания при СНК УССР – Даниленко, они просили, при положительном решении вопроса «Письмо в Совет Народных Комиссаров» не публиковать, пока они второй документ не разошлют всему духовенству по епархиям. Все документы составлены самими церковниками, в редактировании их наши люди никакого участия не принимали.

Посылаю Вам текст нашего ответа. Считаю, что следует согласиться с их просьбой, предоставить им возможность разослать письмо духовенству греко-католицкой церкви, после этого опубликовать этот документ в газетах западных областей Украины. Мы разрешили республиканским газетам ввести «сменные полосы» для населения западных областей Украины, в которых также можно опубликовать эти документы. Прошу Ваших указаний.

Если будут у Вас какие-либо указания по тексту униатских документов, мы сумеем, через нашего представителя, эти замечания ввести.

Относительно на его ответ «Инициативной группе», как Вы посоветуете, послать его за моей подписью или же за подписью уполномоченного по делам русской православной церкви при СНК УССР.

Н. Хрущев

ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г. В.
Посылаю копию материалов, которые посланы мною тов. Сталину И. В.
Прошу ознакомиться.
Н. Хрущев

27.XII 1945.

РЦХИДН. – Ф. 17. – Оп. 125. – Спр. 313. – Арк. 28–30. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 303–304.

№ 120

1945. – Приблизний розпорядок дня для в’язнів концентраційних таборів ГУЛАГу

1 Підйом	4.00 – 4.30
2 Сніданок (хліб і чай)	до 5.00
3 Ранкова перевірка і призначення до праці	5.00 – 6.00
4 Перехід до праці і праця	6.00 – 13.00
5 Обід і відпочинок	13.00 – 14.00
6 Праця і повернення до табору	14.00 – 20.00
7 Вечеря	20.00 – 21.00
8 Вечірня перевірка	21.00
9 Кінець табірного дня і відпочинок	22.00

Микулин А. Концентраційні табори в Совєтському Союзі. – [Б. м.] – 1958. – С. 88.

№ 121
1945. – Денна норма харчування в’язнів у концентраційних таборах ГУЛАГу

Продукти	До Другої світової та під час війни	Від 1953 року
Хліб ячмінний найгіршої якості	500 г	600 г
М’ясо	два рази на тиждень 10 г	три рази на тиждень 20 г
Овочі різні, сушені	100 г	150 г
Жири	3 г	15 г
Борошно	15 г	–
Риба солена	три рази на тиждень 50 г	чотири рази на тиждень 60 г
Крупа ячмінна або «сєчка»	80 г	120 г
Цукор «пісок»	8 г	20 г
Вода, сіль	без норми	без норми

Калорійність денної норми харчування в’язнів – 1200 ккал.

Микулин А. Концентраційні табори в Совєтському Союзі. – [Б. м.] – 1958. – С. 90–91.

Від редакції. Згідно з нормами, прийнятими в Совєтському Союзі, калорійність добового харчового раціону робітників, які виконують особливо важкі фізичні роботи без використання механізації (праця під землею, робота на лісоповалі, праця каменярів, вантажників, землекопів та інших) повинна становити від 3900 до 4300 ккал. Крім того, для робітників Крайньої Півночі калорійність добового харчового раціону повинна бути вищою на 10–15% від встановлених норм.

№ 122
1945. – Денна норма харчування сторожових собак воєнізованої охорони в концтаборах ГУЛАГу

Продукти	Кількість
М’ясо волове або свинина	500 г
Крупа	400 г
Борошно	100 г
Картопля	250 г
Капуста	250 г
Хліб	400 г
Вода, сіль	без норми

Микулин А. Концентраційні табори в Совєтському Союзі. – [Б. м.] – 1958. – С. 91.

Від редакції. Як бачимо з двох останніх документів, сторожових собак годували набагато краще, аніж ув’язнених у концтаборах ГУЛАГу.

№ 123

1946. – Січня 9. – Інструктивний лист начальника Головного управління боротьби з бандитизмом НКВС СРСР генерал-лейтенанта Лєонтьєва начальникам оперативних секторів НКВС-НКДБ Литовської РСР про досвід використання спецбоївок під виглядом УПА на території західних областей УРСР

Всем начальникам оперативных секторов
НКВД-НКГБ Литовской ССР

ОРИЕНТИРОВКА
о применяемых методах борьбы с бандитизмом

Органы НКВД Украинской ССР продолжают проводить агентурно-оперативные комбинации по ликвидации антисоветского подполья и его вооруженных банд. За последнее время были проведены следующие более характерные комбинации, давшие положительные результаты.

В декабре 1945 года боевой группой УНКВД Тернопольской области, состоявшей из бывших бандитов, действовавшей под руководством оперативного работника ОББ под видом боевки СБ, по агентурным данным был задержан разведчик ОУН ЛУПИНУС и в лесу допрошен как «предатель» и «агент НКВД». В доказательство своей преданности ОУН ЛУПИНУС рассказал «следователю СБ» о своей антисоветской деятельности, существовании в г. Бережанах оуновской молодежной организации, ее руководителе и составе, а также об оуновской организации в Коропецком районе. На основании этих данных была проведена операция, в результате которой 15 оуновцев арестовано и 5 убито при оказании сопротивления. Среди убитых кустовой комендант ОУН «Тур».

Арестованная Стрийским ГО УНКВД Дрогобычской области, жена скрывавшегося оуновца ДАНИЛКИНА предложила следователю взятку в сумме 10000 рублей за свое освобождение. Когда следователь «согласился» принять взятку, ДАНИЛКИНА сообщила местонахождение мужа и написала ему письмо, в котором просила за деньги или другие услуги органам НКВД помочь ей освободится из-под стражи. 7 декабря 1945 года оперативная группа РО НКВД под видом бандитов СБ, задержала ДАНИЛКИНА и, используя письмо жены, предъявила обвинение в «связи с органами НКВД». ДАНИЛКИН, полагая, что его допрашивает СБ, рассказал, что является членом ОУН, под кличкой «Байтур», содержал конспиративную квартиру, в которой находился пункт связи окружного провода ОУН, а в данное время выполняет задание по наблюдению за работой станичной организации ОУН. ДАНИЛКИН назвал станичного и других членов ОУН, которые могли подтвердить его преданность организации. Оперативная группа, под видом СБ, арестовала этих бандитов и установила, что на 2 декабря 1945 года созывается оуновский актив на хуторе Доброва. Проведенной по этим данным операцией убито 6 бандитов, в том числе надрайонный референт СБ и его заместитель.

На территории Львовской области длительное время оперировала крупная банда, которую возглавлял бандит ГРЕНЬ, служивший ранее в дивизии «СС». Изучив состав банды, Жолкевское РО УНКВД Львовской области, наметило для вербовки бандита, которому было послано письмо с предложением конспиративно явиться с повинной

в РО. Ему была гарантирована безопасность. Бандит явился и был завербован под кличкой «Курчавый». Ему было поручено убить ГРЕНЯ и обещано после выполнения задания освободить брата, арестованного РО НКВД. «Курчавый» задание выполнил, в связи с чем его брат был освобожден. «Курчавому» выдано денежное вознаграждение. Продолжая сотрудничать с РО НКВД, «Курчавый» установил схрон, в котором находилась типография Львовского областного провода ОУН и штаба 2 военного округа УПА. При проведении операции убиты редактор «Мария» и другие бандиты. В схроне изъяты 5 тысяч листовок и другая оуновская литература, станковый пулемет, множительные аппараты.

Гощанскому РО УНКВД Ровенской области стало известно, что надрайонный комендант «СБ» «Запорожец» часто посещает братьев ЛЮВАТЮК П. и М. и, вопреки их желанию, вербует в банду. РО НКВД была организована конспиративная встреча с братьями ЛЮВАТЮК, и им было поручено при посещении «Запорожца» убить его. Для этой цели был выдан автомат с патронами. 5 декабря 1945 года братья ЛЮВАТЮК задание выполнили.

Кроме перечисленных в наших ориентировках агентурно-оперативных комбинаций, органы НКВД Украинской ССР практикуют выставление засад. Засады делались в местах вероятного появления бандитов: у домов легализованных бандитов, бандпособников и родственников бандитов, у трупов убитых бандитов, оставленных в местах боестолкновений, у магазинов потребобществ после завоза товаров, у домов, в которых останавливаются на ночь совпартработники и военнослужащие, в местах заготовки дров в лесу и т. д. Во многих случаях эти засады дают положительные результаты. Практикуются и такие мероприятия: транспорты с продовольствием и обмундированием обеспечиваются охраной под видом возников. Нападающие на транспорт бандиты уничтожаются или задерживаются.

Вызываются на допрос местные жители. К возвращению их у домов выставляются засады. Бандиты, прибывшие к возвратившимся с допросов местным жителям, интересующиеся знать содержание допросов, – ликвидируются.

В некоторых населенных пунктах выставляются засады после проведения митингов и собраний, посвященных выборам в Верховный Совет СССР. Появляющиеся в этих населенных пунктах бандитские агитаторы ликвидируются.

Ожидаются Ваши обзоры по проводимым агентурно-оперативным комбинациям.

П.П. начальник ГУББ НКВД СССР
генерал-лейтенант Леонтьев
№ 7/6/13
9 января 1946 года.

Верно: Майор Ермаков

Державний архів Тернопільської області (ДАТО). – Ф. Р-3432. – Оп. 1. – Спр. 10. – Арк. 1–2.

Опубл.: Сергійчук В. Тавруючи визвольний прапор. – Київ, 2002. – С. 78–81.

№ 124

1946. – Січня 21. – Донесення Львівського обкому партії в ЦК КП(б)У про одну з операцій НКВС і НКДБ проти учасників національно-визвольного руху

Используя последние указания обкома КП(б)У, которые были даны на совещании секретарей РК КП(б)У и начальников райотделов НКВД и НКГБ, Жовковским райотделом НКВД 7 и 8 декабря было вызвано 170 человек подучетного элемента. Один из вызванных рассказал, что вблизи села Ново-Скварово (с. Нова Скварява. – *Ред.*) Жовковского района, имеется схрон, в котором прячутся бандиты.

Реализуя эти данные, оперативная группа райотдела НКВД, совместно с воинским подразделением 10 декабря провела операцию, в результате чего в 2-х километрах от села Ново-Скварово обнаружен схрон, в котором помещалась ОУНовская типография, изъято один множильный аппарат, стеклограф, шрифты, много лозунгов и плакатов, 2 пишущие машинки и ряд других документов. **Находившиеся в схроне в этот момент 3 женщины подорвались на гранатах, личность их устанавливается.**

Типография представляла из себя глубоко в земле хорошо оборудованную большую комнату – обставленную кроватями, столами, стульями. На потолке висели керосиновые лампы.

Во время проведения вышеуказанной операции в селе Ново-Скварово убито 2 бандита, захвачен кущевой господарчий и его помощник. Операция продолжается.

По показаниям, ранее захваченных бандитов, работниками Ивано-Франковского райотдела НКВД разоблачен секретарь сельсовета села Визеника, как активный ОУНовец, по фамилии Лемеш. 8-го декабря Лемеш арестован и об участии его в банде сознался, что он работал секретарем сельсовета, одновременно был станичным и собирал для бандитов деньги, теплую одежду и продукты питания.

Опергруппой Винниковского райотдела НКВД, на основании агентурных данных, была проведена операция в с. Лисарки, в результате – захвачено 2-х членов «АК».

Передал инструктор Львовского обкома КП(б)У Косенко

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1706. – Арк. 39.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 235.

№ 125

1946. – Лютого 1. – Наказ народного комісара внутрішніх справ УРСР про посилення репресивних дій щодо родин воїнів УПА

НАКАЗ НАРОДНОГО КОМІСАРА ВС УРСР

1 лютого 1946 р.
м. Київ

За рішенням Уряду Народний Комісар Внутрішніх Справ УРСР генерал-лейтенант Рясний призначений першим заступником Народного Комісара Внутрішніх Справ Союзу РСР.

Вступаючи в обов'язки Народного Комісара Внутрішніх Справ УРСР, відзначаю:

Органи і війська НКВС при допомозі і активній участі місцевого населення провели велику роботу по розгрому банд українсько-німецьких націоналістів.

З часу визволення героїчною Червоною Армією західних областей Української Радянської Соціалістичної Республіки від німецько-фашистських загарбників ліквідовано майже всі банди, у більшості районів розгромлено підпільні антирадянські націоналістичні організації.

Всіх ватажків українсько-німецьких націоналістів, за невеликим винятком, захоплено або знищено, а ті учасники банд, які були затягнуті в банди шляхом обману, і, головним чином, під силою загрози і терору, з'явилися з повинною до органів Радянської влади і повернулись до мирної праці.

Багато з колишніх бандитів, які з'явилися з повинною, виявили бажання і взяли участь в активній боротьбі з бандитами. Ті, що з'явилися з повинною, своєю активною боротьбою з ворогами українського народу, українсько-німецькими націоналістами, або чесною працею спокутували свою провину перед Батьківщиною.

Враховуючи, що де-не-де є залишки українсько-німецьких націоналістів, які своїми розбійницькими діями заважають мирному життю населення окремих сіл, з метою остаточної ліквідації цих залишків українсько-німецьких націоналістів наказую:

1. Начальникам обласних управлінь і начальникам районних відділів НКВС, прикордонним і внутрішнім військам НКВС і винищувальним батальйонам негайно вжити рішучих заходів для остаточного очищення всіх районів західних областей України від залишків українсько-німецьких націоналістів.

2. Всіх бандитів, що добровільно з'являються з повинною до органів Радянської влади, в тому числі і ватажків банд, учасників ОУН, а також тих, що ухиляються від призову до Червоної Армії, ніяким репресіям не піддавати, а після їх явки з повинною відпускати за місцем проживання.

3. Родини тих бандитів, що не з'являються з повинною, та інших осіб, які перебувають на нелегальному становищі, заарештовувати і висилати.

4. Особам, які мають вогнепальну зброю, негайно здати її органам НКВС.

5. Жителям, які мають схрони у своїх будинках і на території своїх садиб, негайно заявити про ці схрони органам НКВС.

Осіб, які не здадуть зброю і не повідомлять про схрони, що у них є, заарештовувати і віддавати до суду як безпосередніх учасників банд.

6. Особам, які знають про місце перебування схронів, незалежно від того, де ці схрони знаходяться, заявити про це органам НКВС.

Всіх тих, хто знав про місце знаходження схронів і не повідомив про це органи НКВС, притягати до кримінальної відповідальності як підсобників бандитів.

Народний комісар внутрішніх справ УРСР
Генерал-лейтенант Т. Строкач

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 115. – Арк. 186.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 235–236.

№ 126

1946. – Лютого 6. – Доповідна записка секретаря Львівського обкому КП(б)У секретарю ЦК КП(б)У про затвердження матеріалів на виселення родин учасників визвольних змагань

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(б)У
товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Поступающие в последнее время данные о проявлениях украинско-немецких националистов в районах Львовской области свидетельствуют, что в большинстве своем бандпроявления совершаются в особо уязвимых объектах, при чем бандиты зачастую остаются безнаказанными в связи с тем, что укрываются у бандпособников – (кулаков и прочего антисоветского элемента), проживающего вблизи этих объектов.

Пользуясь безнаказанностью со стороны органов Советской власти, пособники продолжают укрывать бандитов, зачастую являясь проводниками и наводчиками. Бандиты же в свою очередь продолжают совершать преступления и наносить вред советскому хозяйству.

В целях очищения особо уязвимых объектов (линии железной дороги, мостов, автомагистралей, новостроек и прочее), считаем необходимым произвести выселение из отдельных сел – районов Львовской области в отдаленные места Советского Союза – 4 394 семейства в количестве 15 388 человек.

В соответствие с постановлением ЦК КП(б)У от 27.XI.45 года направляем на Ваше рассмотрение и утверждение материалы на выселение семей и бандпособников.

Приложение: Списки на 29 листах.

Секретарь Львовского обкома КП(б)У Грушецкий

СПИСОК
населенных пунктов с указанием количества семей бандитов, кулаков-бандпособников, коих в соответствии с решением Политбюро ЦК КП(б)У от 27.XI.1945 года необходимо выселить в отдаленные места Советского Союза

№ п. п.	Наименование села	Кол-во семей, подлежащих выселению	Кол-во чел., подлежащих выселению	Примечание
1	2	3	4	5
Краковецкий район				
1.	с. Бунив	26	107	с. Бунив расположено в 15-ти км от госграницы и 80 км от ж. д. Львов–Варшава–Берлин
2.	х. Росы, Любинского сельсовета	11	57	х. расположен в 12 км от госграницы, в 10 км от ж.д. Львов–Варшава–Берлин

1	2	3	4	5
3.	х. Глухов, Любинского сельсовета	4	17	-»-
4.	с. Любыни	4	19	с. Любыни расположено в 14 км от госграницы, в 9 км от ж.д. Львов–Берлин
5.	Воля-Любинска	4	17	Воля-Любинска, расположена в 12 км от госграницы, в 8 км от ж. д.
6.	с. Морянцы	8	29	с. Морянцы расположено в 8 км от ж. д., в 10 км от госграницы
7.	с. Семеривка	1	7	-»-
8.	с. Чернылява	12	51	с. Чернылява расположено в 15 км от госграницы и в 4 км от ж.д. Львов–Яворов
9.	с. Кохановка	5	18	Кохановка распол. в 9 км от госграницы, в 13 км от ж. д.
10.	с. Вулька-Росновска	8	29	с. расположено в 10-ти км от госграницы и на шоссейной дороге Львов–Краковец
11.	с. Нагачев	5	31	село расположено в 7 км от госграницы
		88	382	
Городокский район				
1.	Городок	7	18	Районный центр предприятия райпромкомбината, железная дорога Львов–Варшава, автомагистраль Львов–Варшава
2.	Дроздовичи	5	12	село расположено у шоссейной дороги Львов–Варшава–Берлин
3.	Тучапы	4	8	Расположено село в 5 км от ж. д. Львов–Варшава–Берлин
4.	Милятин	6	15	Расположено в 4-х км от ж. д. и от шоссейной дороги Львов–Варшава–Берлин
5.	Добряны	4	7	Расположено село в 5 км от ж. д. и шоссейной Львов–Варшава
6.	Годвишня	3	7	Расположено село в 5 км от ж. д. и шоссейной Львов–Варшава
7.	Угорцы-Вынявски	7	19	– » –
8.	Мавковичи	4	9	Расположено село в 10 км от ж. д. Львов–Варшава
9.	Керныця	6	13	Село расположено в 6 км от ж. д. Львов–Варшава
10.	Бартатив	5	14	Село расположено по шоссейной дороге Львов–Варшава в 3-х километрах от ж. д.
11.	Братковичи	4	9	Село расположено по железной и шоссейной дороге Львов–Варшава–Берлин
12.	Артыщив	5	13	Село расположено вблизи райцентра и автомагистрали Львов–Варшава
13.	Морги	4	11	Село расположено по шос. дороге Львов–Варшава вблизи райцентра в 4-х км от ж. д.
14.	Любинь Малый	7	21	Село расположено в 12 км от ж. д., в 9 км от шоссейной дороги Львов–Варшава–Берлин
15.	Заставье	6	18	Село расположено у станции ж. д. и шос. дороги Львов–Берлин
		77	194	

1	2	3	4	5
Пониковецкий район				
1	с. Гаи Смоленски	4	16	Село расположено в одном километре от автотрассы
2.	с. Ясенив	2	5	Через село проходит автотрасса
3.	Пониковица	2	15	Село расположено в 1/2 км от ж. д. линии Львов–Киев
4.	Чехи	4	9	Село расположено в 4-х км от автотрассы
5.	с. Дубье	4	10	Село расположено в одном километре от автотрассы и телефонно-телеграфной линии
6.	с. Заболотцы	6	12	Село примыкает к ж. д. станции, через село проходят телефонная, телеграфная линии
		25	67	
Жовкивский район				
1.	с. Глинске	40	123	Село расположено по ж. д. Львов–Рава-Русская, прилегают к шоссейной дороге Мосты-Великие и Янов
2.	с. Мокротин	33	99	-»-
3.	с. Замочок	33	102	-»-
Глинянский район				
1.	с. Задвирье	3	9	Поименованные села расположены в 3-х километрах и 5-ти от шоссейных дорог 3-х направлений и 2-х ж. дорог
2.	с. Полонице	5	15	-»-
3.	с. Пельтов	4	21	-»-
4.	с. Печения	3	11	-»-
5.	с. Куровичи	6	18	Поименованные села расположены в 3-х километрах и 5-ти от шоссейных дорог 3-х направлений и 2-х ж. дорог
6.	с. Солова	2	6	-»-
7.	с. Двожиска	8	25	-»-
8.	с. Пидгайчики	3	9	-»-
9.	с. Якторив	4	13	-»-
10.	с. Словита	7	20	-»-
11.	с. Станимир	9	27	-»-
12.	с. Полюхив Великий	3	8	-»-
13.	с. Глиняны	10	31	-»-
		65	213	
Винниковский район				
1.	с. Винники	7	21	Районный центр, в котором расположены: табачная ф-ка, гвоздильный завод и др. предприятия
2.	с. Гаи	5	15	Вся группа сел расположена от гор. Львова от 4-х до 12 км., от ж. д. от 3-х до 5 км
3.	с. Глуховичи	6	18	-»-
4.	с. Дмитровичи	4	12	-»-
5.	с. Пидбирцы	4	15	-»-
6.	с. Пидберезцы	10	32	-»-
7.	с. Черепин	5	18	-»-
		41	131	

1	2	3	4	5
Сокальский район				
1.	с. Горбкив	50	150	Село расположено в 5 км от госграницы, в 3-х км от МТС
2.	с. Ксаверивка	12	36	Село расположено в 6 км от госграницы, в селе имеется спиртзавод
3.	с. Тартакив	10	30	Село расположено в 9 км от госграницы, в нем же имеется МТС
4.	с. Тартаковец	5	17	Село расположено до 1 км от села Тартакив, в 10 км от госграницы
5.	с. Копытив	15	45	Село расположено на расстоянии до 1 км от села Тартакив и Тартаковец
6.	с. Бирки	3	10	Село расположено в 10 км от госграницы
7.	с. Бобятин	30	90	Село расположено в 9 км от госграницы, в селе имеется спиртзавод
8	с. Первятычи	30	95	Село расположено от госграницы 15 км
9.	с. Спасив	40	120	Село расположено в 14 км от госграницы
10.	с. Переспа	15	45	Село расположено в 15 км от госграницы, в селе имеется мельница, спиртзавод и проходит автотрасса
11.	с. Бараньи Перетоки	10	35	Село расположено в 2-х км от госграницы, в селе имеется спиртзавод
		220	673	
Немировский район				
1.	с. Салаши	12	46	Село расположено в 6 1/5 км от госграницы
2.	с. Смолин	10	32	Село расположено в 10 км от госграницы
3.	с. Вербляны	15	55	Село расположено в 12 км от госграницы
4.	г. Немирив	18	64	город Немирив – райцентр расположен в 12 км от госграницы и на шоссейной дороге
5.	с. Щеплоты	8	26	Село расположено в 9 км от госграницы
6.	с. Завадив	13	42	Село расположено в 10 км от госграницы, и в 4-х км от шоссейной дороги
7.	с. Вежбины	7	25	Село расположено в 15 км от госграницы и прилегает вплотную к шоссейной дороге
8,	с. Порубы	18	45	Расположено село в 10 км от госграницы и в 6 км от шоссейной дороги
9.	с. Дацки	7	24	Село расположено в 12 км от госграницы и в 4-х км от шоссейной дороги
10.	с. Коты	14	42	Село расположено вплотную с шоссейной дорогой
11.	с. Ярив-Старый	13	49	Село расположено по шоссейной дороге
		132	450	
Магеровский район				
1.	с. Бобровики	4	13	Село расположено в зоне железной дороги
2.	с. Бышкив	6	21	Вся группа сел расположена в зоне железной дороги, шоссейной, телефонно-телеграфной линии от 2–10 км
3.	с. Каменка-Нова	3	13	-»-
4.	с. Голокаменка	5	16	-»-
5.	с. Новикив	8	24	-»-
6.	с. Пирятин	4	14	-»-

1	2	3	4	5
7.	с. Горычев	2	7	-»-
8.	с. Окопы	3	10	-»-
9.	с. Монастырок	4	12	-»-
10.	с. Думичи	5	16	-»-
11.	с. Погариско	6	18	-»-
		50	164	
Рава-Русский район				
1.	с. Забирье	–	21	Село расположено в 14 км от госграницы и в 3-х км от автотрассы
2.	с. Рички	9	38	Село расположено в 5 км от госграницы и в 1/2 км от ж. д.
3.	с. Михайловка	7	19	Село расположено в 4-х км от госграницы и возле села проходит ж. д. линия.
4.	с. Карив	10	44	Село расположено в 3,5 км от госграницы
5.	с. Синковичи	4	6	Село расположено в 15 км от госграницы и в 5 км от автотрассы
6.	с. Тяглив	16	50	Село расположено в 3-х км от госграницы.
7.	с. Гийче	10	46	Село расположено в 1/2 км от автотрассы
8.	с. Рава-Русска	4	6	Райцентр, где находится ж. д. станция, через райцентр проходит автотрасса, есть промышленные объекты
		69	230	
Велико-Мостовский район				
1.	с. Гура	4	15	Село расположено в 2-х км от госграницы
2.	с. Ванив	2	7	-»-
3.	с. Глухив	6	28	-»-
4.	с. Бендюх	4	18	-»-
5.	с. Пархач	8	23	Село расположено в 6 км от шоссейной дороги и телефонно-телеграфной линии
6.	с. Реклинец	5	15	Село расположено в 6 км от шоссейной дороги и телефонно-телеграфной линии
7.	с. Стреминь	3	12	-»-
8.	с. Купча Воля	2	7	Село расположено от шоссейной дороги в 4 км
3.	с. Боянец	6	20	Село расположено понад шоссейной дорогой
10.	с. Туринка	2	9	-»-
11.	с. Деревня	3	11	Село расположено в 2-х км от шоссейной дороги
12.	с. Селец Бенькив	5	15	Село расположено в 1 км от ж. д. и шоссейной
13.	с. Пристань	2	8	-»-
14.	с. Бутыни	4	13	Село прилегает вплотную к шоссейной дороге, которую перерезает ж.д., телефонная, телеграфная связь
		60	210	
Куликовский район				
1.	с. Мервичи	15	45	Село расположено в 1/2 км от ж. д. станции и нефтебазы
2.	с. Смереков	12	37	Село расположено на автомагистрали и в 5 км от ж. д.
3.	с. Блищиводы	18	44	Село расположено на автомагистрали и в 5 км от ж. д.

1	2	3	4	5
4.	с. Передремы-хи-Вел.	19	52	Село расположено в 9 км от ж. д. и в 2-х км от шоссейной дороги
5.	с. Зиболки	12	36	Через село проходит автотрасса
6.	с. Артасов	10	27	Село расположено в 4-х км от ж. д.
7.	с. Жовтанцы	60	195	Село расположено в одном км от ж. д. По селу проходит автотрасса
8.	с. Колодне-Велыке	5	18	Село расположено в 1 км от автотрассы, по селу проходит ж. д.
9.	с. Колодзенки	9	30	Село расположено вблизи ж.д. и по селу проходит автотрасса
10.	с. Выхопки	6	19	-»-
11.	с. Пычихвосты	7	18	Село расположено вблизи ж. д. и в 1,2 км от шоссейной дороги
12.	с. Честыни	6	15	Село расположено в одном км от автомобильной и ж. д. дорог
13.	с. Новый Став	5	12	Село расположено в 1,2 км от ж. д.
14.	с. Дальнич	13	30	Село расположено в 5 км от автомобильной и ж. д. линии
15.	с. Воля-Жовтанецкая	6	23	Село расположено в 1 1/2 км от автотрассы
16.	с. Желдец	30	85	Село расположено в 3-х км от автодороги и в 9 км от ж. д.
17.	с. Сокол	8	20	Село расположено в 4–5 км от автотрассы
18.	с. Верены	5	14	-»-
19.	с. Звертов	12	32	Село расположено в 4-х км от автотрассы и в 5 км от ж. д.
20.	с. Сулимов	11	25	Село расположено в 3-х км от автотрассы и в 7 клм от ж. д.
21.	с. Ундов	5	16	Село расположено в 5 км от автотрассы, в 8 км от ж. д.
22.	с. Гребенцы	6	18	Село расположено в 3 км от автотрассы и вблизи МТС
23.	с. Нове Село	10	33	Село расположено в 3-х км от автотрассы и в 14 км от города Львова
24.	с. Дорошив-Великий	5	18	Село расположено в 13 км от города Львова, через село проходит автотрасса
25.	г. Куликов	15	50	Районный центр расположен в 3-х км от ж. дороги. На окраине райцентра расположен МТС и в райцентре промышленные предпр.
		310	812	
Ивано-Франковский район				
1.	с. Лозина	10	23	Село расположено в 6 км от ж.д. и шоссейной дороги Львов–Яворов
2.	с. Мшана	17	54	Село расположено на ж. д. линии Львов–Варшава–Берлин
3.	с. Лелиховка	15	54	Село расположено понад ж. д. линии Львов–Яворов и в 2-х км от шоссейной дороги
4.	с. Добростаны	5	28	Село расположено в 3-х км от ж. д. Львов–Варшава
5.	с. Ясниска	8	44	Село расположено в 4-х км от ж. д. Львов–Яворов

1	2	3	4	5
6.	с. Дубровица	10	40	Село расположено в 8 км от ж. д. Львов–Яворов, Львов–Рава-Русская
7.	с. Сторона	1	1	Село расположено в 1 км от ж. д. Львов–Варшава
8.	с. Жорниска	9	36	Село расположено в 1 км от ж. д. Львов–Яворов
9.	с. Лисновичи	12	57	Село расположено в 4-х км от ж. д. Львов–Варшава–Берлин
10.	с. Цунив	6	27	Село расположено понад ж. д. Львов–Варшава
11.	с. Зушица	7	33	Село расположено в 1 км от ж. д. Львов–Варшава
12.	с. Великое Поле	14	50	Село расположено понад ж. д. Львов–Варшава
13.	с. Каменный Брод	7	21	Село расположено понад ж. д. Львов–Варшава
14.	с. Мальчицы	4	17	Село Мальчицы расположено над ж. д. Львов–Варшава
15.	г. Ивано-Франков	6	18	Ивано-Франков – районный центр, стоит над ж. д. и шоссейной дорогой Львов–Яворов
		129	506	
Радеховский район				
1.	г. Радехов	21	63	г. Радехов – райцентр, стоит на железной дороге Львов–Ковель
2.	с. Пиратин	59	177	с. Пиратин расположено в 6 км от железной дороги Львов–Ковель
3.	с. Тетевчицы	27	81	с. Тетевчицы расположено в 5 км от железной дороги Львов–Ковель
4.	с. Середпольцы	22	66	с. Середпольцы расположено в 6 км от жел. дор. Львов–Ковель
5.	с. Розжалив	21	63	с. Розжалув расположено в 13 км от гос. границы и в 9 км от жел. дороги Львов–Ковель
6.	с. Станин	26	78	село Станин расположено в 4 км от жел. дороги Львов–Ковель
7.	с. Виткив-Старый	14	42	с. Виткив-Старый расположено в 18 км от гос. границы и в 8 км от жел. дороги Львов–Ковель
8.	с. Полове	67	201	с. Полове расположено в 3 км от жел. дороги Львов–Ковель
9.	с. Виткив-Новый	50	150	с. Виткив-Новый расположено в 17–18 км от гос. границы и в 8–9 км от жел. дороги Львов–Ковель
10.	с. Дмитрив	104	302	с. Дмитрив расположено в 5 км от жел. дороги Львов–Ковель
11.	с. Нестанычи	64	92	с. Нестанычи расположено в 4 км от железн. дороги Львов–Ковель и гос. границы 18–19 км
12.	с. Шайноги	15	45	с. Шайноги расположено на жел. дороге Львов–Ковель

1	2	3	4	5
13.	с. Поздымыр	29	87	с. Поздымыр расположено в 4 км. от гос. границы
14.	с. Торки	15	45	с.Торки расположено в 6 км от жел. дороги Львов–Ковель
15.	с. Сушно	32	66	с. Сушно расположено в 3 км от железной дороги Львов–Ковель
16.	с. Ордив	44	134	с. Ордив расположено в 18 км от гос. границы и в 5 км от ж. дор. Львов–Ковель
17.	с. Бышив	29	87	с. Бышив расположено в 18–19 км от гос. границы и в 5 км от жел. дороги Львов–Ковель
18.	с. Корчин	29	87	с. Корчин расположено в 7 км от гос. границы
19.	с. Холоив	29	88	с. Холоив расположено на железной дороге Львов–Ковель
20.	с. Бабичи	71	210	с. Бабичи расположено у железной дороги Львов–Ковель
21.	с. Павлив	79	234	с. Павлив расположено в 3 км от железной дороги Львов–Ковель
22.	с. Немылив	30	95	с. Немылив расположено в 9 км от жел. дороги Львов–Ковель
23.	с. Радванцы	24	72	с. Радванцы расположено в 9 км от жел. дороги Львов–Ковель
24.	с. Забава	13	39	с. Забава расположено в 3 км от железной дороги Львов–Ковель
25.	с. Гоголив	14	42	с. Гоголив расположено в 10 км от гос. границы
26.	с. Криве	26	78	с. Криве расположено в 4-х км от железной дороги
27.	с. Яструбичи	28	92	с. Яструбичи расположено в 6 км от гос. границы
28.	с. Муканы	8	24	с. Муканы расположено в 8 км от жел. дороги Львов–Ковель
29.	с Стоянив	8	24	с. Стоянив расположено у дороги Львов–Ковель
30.	с. Андриивка	25	75	с. Андриивка расположено в 14 км от гос. границы
		1050	3020	
Олесский район				
1.	с. Загирцы	11	33	село расположено на трассе Львов–Ровно
2.	с. Пидгирцы	35	80	село расположено в 2 км от трассы Львов-Ровно. Отмечались факты нападения на проезжающих представителей Сов. власти.
3.	с. Побич	12	36	то же
4.	с. Сасив (с хуторами)	5	12	Их родственники – бандиты. Терроризировали местный советско-партийный актив, делали налёты на проезжих дорогах, родственники же скрывали их от органов Советской власти.

1	2	3	4	5
5.	с. Соколивка	9	27	Скрывали бандитов, способствовали совершению ими преступлений.
6.	с. Ожидив и хутора	25 8	104	с. Ожидив стоит на трассе между г. г. Львов–Киев–Перемышль. Имелись факты нападений на автомашины, на другие виды транспорта. Село поражено бандитами.
7.	с. Чишкив	8	24	Присутствие в селе членов этих бандгрупп отрицательно влияет на ход хозяйственно-политических кампаний на селе, поскольку родственники являются прямыми пособниками бандитов, являясь их разведчиками. По их указаниям производятся теракты, которых в этих селах было большое количество.
8.	с. Куты	6	18	-»-
9.	с. Закомарье	6	18	-»-
		126	352	
Поморянский район				
1.	с. Подусильна	7	21	Район находится на границе 3-х областей. Село Подусильна и близлежащие села Дусанив, Бачив, Болотня, Янчин поражены бандитизмом, в этих селах имелись ряд бандитских проявлений и в частности большое количество террористических актов.
2.	с. Дусанив	6	18	-»-
3.	с. Бачив	6	18	-»-
4.	с. Болотня	18	54	-»-
5.	с. Янчин	4	12	Поражено бандитизмом
6.	с. Белое	17	51	Поражено бандитизмом
7.	с. Полюхив	11	33	Тоже
8.	с. Новосилка	12	36	Имелся ряд террористических актов
9.	с. Поморяны	10	30	Имелись активные выступления бандитов
10.	с. Угорцы	12	36	Поражено бандитизмом
11.	с. Шпиколосы	5	15	То же
12.	с. Коропец	5	15	То же
13.	с. Чемеринцы	21	63	Расположено на границе 3 областей. Имелись террористические акты и другие проявления.
14.	с. Вишнивчик	21	63	Поражено бандитизмом
15.	с. Дунаив	19	57	Тоже
16.	с. Паланники	3	9	Поражено бандитизмом
17.	с. Крапивное	6	18	В конце декабря бандитами разгромлен спиртзавод
18.	с. Бибшаны	9	27	Поражено бандитизмом
19.	с. Жукив	16	48	Поражено бандитизмом
		203	624	

1	2	3	4	5
Ново-Милятинский район				
1.	пос. Новый Милятин	1	3	Все нижепоименованные села находятся на главной автомагистрали Львов–Киев и на линии железной дороги. Там же проходит правительственная связь. В ряде сел имелись крупные террористические проявления, в том числе убито 5 сотрудников НКГБ.
2.	с. Стрептив	5	15	-»-
3.	с. Убынь	1	3	-»-
4.	с. Неслухив	2	6	-»-
5.	с. Банюнин	2	6	-»-
		11	33	
Золочевский район				
1.	с. Плугив	17	51	Ниже поименованные села находятся на линии жел. дороги и линии прохождения правительственной связи.
2.	с. Рыкив	5	15	–»–
3.	с. Зарваница	4	12	Находится в 5 км от линии жел. дороги Львов–Тернополь–Киев и автомагистрали.
4.	с. Зозули	9	27	Находится вблизи вновь строящейся шахты, куда прокладывается линия жел. дороги.
5.	с. Обертасив	2	6	то же
6.	с. Бенив	3	6	то же
7.	с. М-Тростянец	10	30	то же
8.	с. Ясеновцы	9	27	Находится на линии жел. дороги Львов–Тернополь–Киев
		59	174	
Ново-Ярычевский район				
1	с. Старый Ярычев 280 дворов	36	141	Проходит через село автотрасса, в селе спиртзавод, МТС, 2 железных дороги в радиусе до 6 км., телеграфная линия
2.	пос. Новый Ярычев 280 дворов	37	110	Проходит через село автотрасса, 2 железных дороги в радиусе 7 килом., правительственная телеграфная линия в радиусе 1 км
3.	с. Запытив 360 дворов	38	146	Проходит через село автотрасса, железная дорога над селом, правительственная линия в радиусе полкилометра
4.	с. Вислобоки	25	92	Автотрасса-шоссе, Львов–Каменко-Бугск, через село железная дорога в 5 км. Львов-Киев, правительственная линия в радиусе 3 километров
5.	с. Ременив 390 дворов	98	333	Проходит автотрасса Львов–Киев, через село железная дорога в радиусе 1 км., правительственная телефонная линия в радиусе 2-х км
6.	с. Руданцы	77	280	Проходит железная дорога в радиусе 1 км. Автотрасса в радиусе 5 км, телеграфная правительственная линия в радиусе 3-х км

1	2	3	4	5
7.	с. Кукезив	26	97	Железная дорога в радиусе 2-х км, автотрасса в радиусе 3 км, телеграфная правительственная линия в радиусе 3-х км
8.	с. Цеперив 130 дворов	37	83	Автотрасса в радиусе 2-х км, правительственная линия в радиусе 1 км, железная дорога 6 км
9.	с. Пидлиски-Великие	35	100	Автотрасса в радиусе 1 км, правительственная линия в радиусе 1 км. Железная дорога в 4 км
10.	с. Борщовичи	15	54	Железная дорога проходит над селом, телеграфная линия в селе, телефонная станция
11.	с. Пикуловичи	20	56	Железная дорога понад селом, телефонная линия понад селом, шоссейная дорога в селе проходит Ярычев–Львов
12.	с. Пруссы	13	62	Железная дорога в 2-х км., телефонная линия в 2-х км., шоссейная дорога через село Львов–Ярычев
13.	с. Каменополь	8	35	От города Львова 8 км, железная дорога до 3-х км
14.	с. Миклашив 460 дворов	95	317	Жел. дорога ст. Пидбирцы, Борщовичи до 3-х км. Республиканская дорога через село
15.	с. Билка-Короливская	19	52	Железная дорога в 3 км, телефонная линия, дорога республиканского значения
16.	с. Билка-Шляхецкая	28	80	Железная дорога в 3 км, шоссейная дорога Львов–Золочев в 3 км
17.	с. Зухожице	17	114	Железная дорога ст. Полоничи 4 км, телеграф, идущий Львов–Киев в 4-х км
18.	с. Журавники 190 дворов	33	85	Шоссейная дорога в 2-х км Львов–Золочев, аэродром в 5 км. Железная дорога в 8 км.
19.	с. Чернушовичи	33	134	Шоссе Золочев–Львов в 5 км. Железная дорога в 4 км, аэродром 7 км.
20.	с. Германив	46	156	Железная дорога в 2-х км. Шоссейная дорога Золочев–Львов в 2-х км. Аэродром 2 км.
		746	2527	
Бусский район				
1.	гор. Бусск	6	13	Стоит на линии ж. д. Львов–Киев. Через город проходит автострада Львов–Киев.
2.	с. Побужаны	9	22	В селе имеется Купчинская МТС.
3.	с. Соколя	22	88	Проходит линия ж. д. Львов–Киев.
4.	с. Грабова	6	23	Вблизи находится лесопильный и скипидарный завод. В январе убит директор лесозавода.
5.	с. Яблунивка	16	70	Находится вблизи лесозавода и скипидар-завода.
6.	с. Гумниско	6	18	Через село проходит линия правительственной связи
7.	с. Чучманы-Гумниска	6	18	-»-

1	2	3	4	5
8.	с. Вербляны	5	24	Через село проходит линия правительственной связи
9.	с. Чучманы-Заболотные	10	36	Через село проходит линия правительственной связи Киев–Львов
10.	с. Чаныж	14	51	В селе имеется спиртзавод пос. «Адамы», из которого в январе с. г. бандиты забрали 900 литров спирта
11.	с. Гута-Полонецкая	8	29	Находится вблизи спиртзавода
12.	Пос. «Адамы»	2	12	В поселке спиртзавод (см. выше)
13.	с. Ракобовты	5	14	Вблизи находится МТС, на которую бандиты совершали нападение
14.	с. Журатин	1	4	То же
		122	450	
Бобрский район				
1.	с. Городиславичи	6	18	Села расположены на автомагистрали и линии ж. д. Львов–Станислав. Села поражены бандитизмом. В селе существовала «Кативня СБ». Все жертвы, захваченные бандитами в других селах, доставлялись в Городиславичи.
2.	с. Подсоснив	6	18	-»-
3.	с. Звенигород	б	18	-»-
4.	с. Глибовичи-Великие	6	18	Место концентрации банды «Довбуша». Были факты нападения бандитов на крупные войсковые подразделения. Имели место террористические акты, повешены зам. предсельсовета и др.
5.	с. Суходол	3	9	Стоит в лесистой местности. Перепрятывают бандитов «Мороза», который делает набеги на другие села района.
6.	с. Лопушное	5	15	То же, что и в Суходоле. Кроме того имелось несколько случаев террористических актов. Терроризировали местное население. Бандиты вешали односельчан по подозрению в помощи Сов. власти.
7.	с. Вильховец	1	3	В 1945 г. в одну ночь бандой уничтожен актив села. Убито 6 чел., в том числе пред. с/с. Были факты нападения бандитов на войск. подразделения. Дают приют банде «Мороза».
8.	с. Любешка	5	15	Место дислокации банды «Калины», откуда делал он налеты на Ново-Стрилыщанский район Дрогобычской обл. Здесь же концентрировались другие банды, в т. ч. «Сироманцы».
9.	с. Ланы	7	21	Находится на трассе Львов–Станислав. Население поддерживает связь с бандитами из Дрогобычской области. Хоз. политкампании выполняются неудовлетворительно.

1	2	3	4	5
10.	с. Сирныки	3	9	Находится на трассе Львов–Станислав. Население поддерживает связь с бандитами из Дрогобычской области. Хоз. политкампании выполняются неудовлетворительно.
11.	с. Стоки	3	9	-»-
12.	с. Пидъяркив	8	24	Села на трассе республиканского значения. Имели место нападения со стороны бандитов на войсковые подразделения. В этих селах скрывается областной «провод» ОУН.
13.	с. Селиска	7	21	Отмечены факты террорист. актов над сов. партактивом и военнослужащими.
14.	с. Романив	9	27	В с. Романив в одну ночь уничтожен весь актив села. В с. Пидъяркив были случаи убийств военнослужащих.
		75	220	
Сокольницкий район				
1.	с. Полянка	11	32	Село расположено от г. Львова в 14 км, через него проходит жел. дорога Львов-Самбор и автотрасса.
2.	с. Мистки	8	40	Село находится от г. Львова в 14 км от жел. дороги в полкилометра и от автотрассы в 3 километра.
3.	с. Лисневичи	7	24	Село расположено от жел. дороги в 3 км и от автотрассы в 8 км.
4.	с. Солонка	6	20	Село расположено от г. Львова в 6 км, через село проходит автотрасса с телеграфной линией правит. связи в 2 км от спиртзавода и в 10 км от аэродрома.
5.	с. Поршна	22	66	Село расположено в 13 км от г. Львова, в 3 км от автотрассы, в 2 км от высоковольтной электролинии и 8–9 км от жел. дороги.
6.	с. Пустомыты	4	16	Райцентр расположен от г. Львова в 13 км в 4 км, от жел. дороги, от автотрассы и телеграфной линии в 8 км, по центру проходит высоковольтная электролиния.
7.	с. Ставчаны	24	121	Село расположено в 13 км от г. Львова, в 1 км от жел. дороги, через село проходит автотрасса.
8.	с. Жировка	11	47	Село расположено от г. Львова в 8 км, на расстоянии 2,5 км от автотрассы и телеграфно-телефонной линии.
9.	с. Оброшино	13	49	Село расположено от г. Львова в 12 км, в 1 км от жел. дороги, через село проходит автотрасса.
10.	с. Пидсадки	5	19	Расположено от г. Львова в 13 км, в 5 км от автотрассы, телефонно-телеграфной линии, в 4 км от ж. дороги, в 2 км от высоковольтной линии.

1	2	3	4	5
11.	с. Милошевичи	1	4	Село расположено в 3 км от автотрассы и телеграф., телефон. линии, в 6 км от ж. дороги и высоковольтн. линии в 2 км.
12.	с. Нагоряны	20	50	Село находится от г. Львова в 9 км, в 4 км от железной дороги. В селе имеется спиртзавод.
		132	488	
Краснянский район				
1.	с. Красне	10	30	Район расположен на линии железной дороги
2.	с. Остров	6	18	Указанные ниже села поражены бандитизмом. Имелись факты террористических проявлений, разбрасывание антисоветских листовок, направленных против выборов в Верховный Совет СССР.
3.	с. Куткир	3	9	-»-
4.	с. Безброды	4	12	-»-
5.	с. Балучин	6	18	Находится на линии ж. д. Киев–Тернополь
6.	с. Русилив	7	21	Находится в 3-х километрах от ж. д. узла ст. Красне.
7.	с. Стороныбабы	13	39	Находится на линии ж. д. Львов–Киев–Тернополь.
8.	с. Утишкив	26	58	То же
9.	с. Петричи	13	39	То же
10.	с. Скварява	12	36	То же
11.	с. Ферлиивка	10	30	То же
12.	с. М.Ольшанка	5	15	То же
13.	с. Скнилив	6	18	То же
14.	с. Стадня	8	24	То же
15.	с. Борткив	16	48	То же
16.	с. Ольшаница	12	36	То же
17.	с. Новосилки	2	6	То же
18.	с. Митулин	3	9	То же
		162	466	
Бродский район				
1.	гор. Броды	14	28	г. Броды расположен на линии Ковельской ж. д., на автотрассе Львов–Киев, правит. связь, поражен бандитизмом.
2.	с. Берлин	27	72	Село расположено в 10 км зоне от Ковельской ж. д., от автотрассы Львов-Киев, правительств. связи, наличие бандпроявлений – минирование дорог, срезание телефонных проводов, в том числе были факты в конце января с. г.
3.	с. Большие Фильварки	5	8	-»-
4.	с. Смильно	16	29	Село Смильно расположено в 10-километровой зоне от Ковельской ж. д., автотрассы Львов–Киев и правительственной связи.

1	2	3	4	5
5.	с. Ражнив	18	42	Село Ражнив расположено в 10-километровой зоне от Ковельской ж. д., от автотрассы Львов–Киев и правительственной трассы.
6.	с. Руда-Бродская	13	32	Руда-Бродская в 10-километров. зоне от Ковельской ж. д. Поражено бандитизмом.
7.	с. Панкивцы	10	22	Панкивцы расположено в 10 километровой зоне от Ковельской ж. д., от автотрассы Львов–Киев и правительственной связи.
8.	с. Язливчик	3	13	Село расположено в 5 километрах от Ковельской ж. д., в 3 километрах от автотрассы Львов–Киев и правительственной связи.
9.	с. Клекотив	4	9	В 10 км. от Ковельской ж. д., в 5 км от автотрассы Львов–Киев и правительственной связи.
10.	с. Лагодив	6	10	Расположено в 10-километровой зоне от Ковельской ж. д., автотрассы Львов–Киев, правительственной связи.
11.	с. Лагодив	1	2	То же
12.	с. Старые Броды	4	10	Село расположено на линии Ковельской ж. д. и автотрассы Львов–Киев
13.	с. Билявцы	6	19	То же
14.	с. Шнырив	3	8	Село расположено в 10 км зоне от линии ж. д., автотрассы Львов–Киев, правительственной связи
15.	с. Конюшкив	4	10	Село расположено в 10 км зоне от линии ж. д., автотрассы Львов–Киев, правительственной связи
		134	314	
Лопатинский район				
1.	с. Мыколаив	3	9	Место концентрации бандбоевки «Прудкого», терроризирующей местное население.
2.	с. Трийця	4	12	Место концентрации банды «Марко».
3.	с. Руденко-Ляцко	1	3	То же
4.	с. Топорив	3	9	Местопребывание банды «Сапилко».
5.	с. Гутиско-Турянске	2	6	То же
6.	с. Щуровичи	2	6	То же
		15	45	
Щирецкий район				
1.	с. Глуховец	9	22	Находится в 4-х км от линии железной дороги.
2.	с. Бродки	10	26	В 8-ми км от линии ж. д.
3.	с. Красив	5	18	В 7-ми км от линии ж. д.
4.	с. Лубяна	3	6	В 5-ти км от линии ж. д.
5.	с. Попеляны	3	8	В 8-ми км от линии ж.д.

1	2	3	4	5
6.	с. Хоросно	6	41	В 8-ми км от линии ж. д.
7.	с. Писки	10	37	В 3-х км от линии ж. д.
8.	с. Раковец	7	31	В 7-ми км от линии ж. д.
9.	с. Дорнфельд	3	17	В 7-ми км от линии ж. д.
10.	с. Добряны	5	28	В 8-ми км от линии ж. д.
11.	с. Пидтемне	7	24	В 7-ми км от линии ж. д.
12.	с. Середица	3	8	В 5-ти км от линии ж. д.
13.	с. Гонятичи	1	3	В 8-ми км от линии ж. д.
14.	с. Острив	3	10	В 1 км от ст. Щирец
15.	с. Сороки	1	5	В 6-ти км от линии ж. д.
		79	289	
Перемышлянский район				
1.	г. Перемышляны	5	15	Нижепоименованные села находятся на линии ж. д. Села поражены бандитами.
2.	с. Вовкив	25	75	-»-
3.	с. Борщив	14	42	Место концентрации бандгруппы Манько, которая делала нападение на совхозы, на спиртзаводы, терроризируя местное население.
4.	с. Унив	13	39	-»-
5.	с. Глибовычи	7	21	Село поражено бандитизмом. Некоторые жители в 1945 г. принимали участие в разгроме спиртозавода и подсобного х-ва 145 артбригады.
6.	с. Липивцы	9	27	Находится в 10-ти км от линии ж. д.
7.	с. Коросно	8	24	В 3-х км от линии ж. д.
8.	с. Пнятин	7	21	В 10-ти км от линии ж. д.
9.	с. Неделиски	4	12	В 10-ти км от линии ж. д.
10.	с. Ушковичи	5	15	В 5-ти км от линии ж. д.
11.	с. Брюховичи	6	18	В 8-ми км от линии ж. д. Поражено бандитизмом.
12.	с. Мерещив	3	18	В 2-х км от линии ж. д.
13.	с. Ладанцы	6	18	В 2-х км от линии ж. д.
14.	с. Плетеничи	13	39	Стоит на линии ж. д.
15.	с. Кимир	4	12	В 5-ти км от линии ж. д.
		129	387	
Каменко-Бугский район				
1.	с. К.-Бугск	8	29	Находится на линии ж. д. Ковель–Киев–Вильнюс. В январе м-це с. г. сожжено 2 моста ч/р. Буг бандитами. Срезаны столбы.
2.	с. Зубив-Мост	6	24	В 1,5 км от линии ж. д.
3.	с. Стриганка	6	21	Находится на линии ж. д.
4.	с. Ланы-Польские	7	24	В 1-м км от линии ж. д.
5.	с. Добротвир	6	22	Находится на линии ж. д.
6.	с. Константиновка	6	23	В 6-ти км от линии ж. д.
7.	с. Рокеты	6	18	Находится на линии ж. д.
8.	с. Браташи	7	22	В 4-х км от линии ж. д.
9.	с. Незнанив	5	17	В 6-ти км от линии ж. д.
10.	с. Ясеница-Русская	5	18	Находится на линии ж. д.

1	2	3	4	5
11.	с. Руда-Селецкая	6	18	В 1 км от линии ж. д.
		72	246	
Яворовский район				
1.	с. Новосилки	20	96	Находится в 2-х км от республ. дороги Львов–Перемышль. В 4-х км от ж. д. Львов–Варшава–Берлин, по которой проходит телефонно-телеграфная линия правительственной связи. Село является базой снабжения проходящих бандитов и пунктом их концентрации.
2.	с. Ляшки	1	6	В 3-х км от республиканской автомагистрали Львов–Перемышль и в 5 км от ж. д. Львов–Варшава.
3.	с. Мужиловичи	3	12	Расположено от райцентра г. Яворов и автомагистрали Львов–Варшава–Берлин в 15 км от ж. д. Львов–Краков–Варшава и телегр.-телефон. линии в 10 км. Поражено бандитизмом и заселено кулацким элементом.
4.	с. Бердыхив	6	30	Группа этих сел расположена от автомагистрали Львов–Варшава–Перемышль и правительственной телеграфно-телефонной линии на расстоянии от 3-х до 10 км.
5.	с. Пидлубы	2	15	-»-
6.	с. Чирчик	10	30	-»-
7.	с. Чернокунцы	3	14	-»-
8.	с. Вижомля	13	65	Группа этих сел расположена в зоне автомагистрали Киев–Варшава–Берлин и правительственной телеграфно-телефонной линии, в этом же направлении на расстоянии от 1 до 3 км. Эти села являются продовольственной базой для бандитов.
9.	с. Циповки	6	28	-»-
10.	с. Залуже	2	5	-»-
11.	с. Шкло	6	35	-»-
12.	с. Наконечное	1	5	Находится на центральной магистрали Киев–Варшава–Берлин и телеграфно-телефонной связи.
13.	с. Порудно	1	5	Группа этих сел расположена вокруг спиртзавода в с. Рогизно, являются концентрацией банд и укрытия для них.
14.	с. Селиски	4	9	-»-
15.	с. Шутово	6	18	-»-
16.	с. Рогизно	34	93	-»-
17.	с. Стадники	13	48	-»-
18.	г. Яворов	44	173	Через г. Яворов проходит главная магистраль Киев–Львов–Варшава–Берлин и правительственная телеграфно-телефонная линия связи.
19.	с. Лис	2	7	-»-
		177	650	

1	2	3	4	5
Львовский сельский район				
1.	с. Збойск	8	8	Данная группа сел расположена в зоне Львовско-Ковельской ж. д и на расстоянии от 5 км до 15 км от г. Львова, где имеются промпредприятия.
2.	с. Малехив	14	42	-»-
3.	с. Ляшки-Мурованы	23	69	-»-
4.	с. Сороки-Львовские	22	66	-»-
5.	с. Дубляны	8	25	-»-
6.	с. Жидатычи	5	15	Данная группа сел расположена в зоне Львовско-Ковельской ж. д. и на расстоянии от 5 км до 15 км от г. Львова, где имеются промпредприятия.
7.	с. Пидлиски-Малые	7	22	-»-
8.	с. Сетихив	8	24	-»-
9.	с. Стронятин	6	19	-»-
10.	с. Конопница	3	12	Данная группа сел находится в зоне железнодорожной дороги Киев–Львов
11.	с. Скнылив	7	21	-»-
12.	с. Зимна-Вода	7	23	-»-
13.	с. Рудно	9	27	-»-
14.	с. Рясна-Польска	4	12	-»-
15.	с. Рясна-Русска	4	15	-»-
16.	с. Кожичи	4	14	-»-
17.	с. Брюховичи	4	16	-»-
18.	с. Вулька-Гомулецька	8	24	Группа этих сел находится в зоне шоссейной дороги на Львов и на расстоянии до 15 км от г. Львова
19.	с. Грыбовичи	28	84	-»-
20.	с. Гряда	6	19	-»-
21.	с. Бирки-Яновские	2	7	-»-
22.	с. Бирки-Доминиканские	4	13	-»-
23.	с. Рокитно	14	42	-»-
24.	с. Завадив	5	17	Группа этих сел расположена в зоне шоссейной дороги и находится вблизи г. Львова.
25.	с. Зашкив	3	10	-»-
26.	с. Зарудцы	12	36	-»-
		225	702	

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 2959. – Арк. 61–88.
ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 424. – Арк. 36, 208–235.
Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 26–54.

№ 127

1946. – Лютий. – Лист секретаря ЦК КП(б)У секретарям обкомів КП(б)У, начальникам УНКВС і УНКДБ західних областей УРСР про посилення боротьби з українським національно-визвольним рухом

Секретарям обкомов КП(б)У,
начальникам УНКВД и УНКГБ
западных областей УССР

ЦК КП(б)У располагает данными о том, что за последнее время в отдельных районах Станиславской, Дрогобычской и других областях ослабили борьбу с остатками банд украинско-немецких националистов; неудовлетворительно используются воинские гарнизоны, расположенные в селах для борьбы с бандитами; секретари райкомов КП(б)У, начальники райотделов НКВД и НКГБ редко бывают в гарнизонах и не направляют их работу в проведении боевых операций; во многих случаях офицерский и личный состав воинских гарнизонов не привлекается для организации истребительных батальонов и групп самозащиты, их боевой выучке и организационного укрепления; организация засад с приманками во многих местах не применяется.

Несмотря на указание ЦК КП(б)У о закреплении партийно-советского актива, посланного из городов и райцентров в села, Дрогобычский обком КП(б)У и многие райкомы КП(б)У Волынской и других областей многих работников отозвали, тем самым ослабили массово-политическую роботу среди населения. Учитывая то, что воинские части Красной Армии, расположенные в селах, остаются до 1 апреля 1946 г., после чего будут отозваны, ЦК КП(б)У обязывает Вас в оставшиеся дни до 1 апреля 1946 года усилить повсеместное проведение чекистско-войсковых операций; немедленно направить во все районы областной партийно-советский актив, а в села – райпартактив, поставив перед ним конкретную задачу: до 1-го апреля ликвидировать все банды украинско-немецких националистов в каждом районе и в каждом селе.

ЦК КП(б)У предупреждает секретарей обкомом КП(б)У, начальников УНКВД и УНКГБ, что они несут персональную ответственность за окончательную ликвидацию остатков банд украинско-немецких националистов и что за неудовлетворительное выполнение постановления ЦК КП(б)У от 21 февраля 1946 года виновные будут привлечены к строгой партийной и государственной ответственности.

ЦК КП(б)У обязывает секретарей обкомов западных областей представить в ЦК КП(б)У к 1 апреля 1946 года полный отчет о выполнении постановления ЦК КП(б)У от 21 февраля 1946 года.

Секретарь ЦК КП(б)У Н. Хрущев

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 175. – Арк. 30–31.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 239.

№ 128

1946. – Березня 19. – Довідка про кількість справ на виселення членів родин активних учасників ОУН-УПА у Львівській області за 1944–1946 рр.

Совершенно секретно

СПРАВКА

о количестве оформленных и утвержденных дел на выселение бандитских семей за период 1944, 1945 и 1946 гг., направленные в РО НКВД для розыска и задержания, как скрывшихся от выселения и утвержденных дел на выселение в марте месяце 1946 года

№ п/п	Наименование районов	Колич. ранее утвержденных дел на семьи скрывшихся от выселения		Колич. утвержд. дел на мартовскую операцию		Всего:	
		семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Бобрский	55	140	4	13	59	153
2.	Бродский	55	139	–	–	55	139
3.	Бусский	39	98	30	75	69	173
4.	Винниковский	18	45	8	23	26	68
5.	В-Мостовский	76	190	7	18	83	208
6.	Городокский	32	82	20	55	52	137
7.	Глинянский	49	124	1	5	5	129
8.	Жолкевский	12	42	–	–	12	42
9.	Золочевский	20	48	9(27)	25	29	73
10.	Ив.-Франковский	30	101	13	44	43	145
11.	Краковецкий	21	52	12	35	33	87
12.	Куликовский	59	170	15	53	74	223
13.	Краснянский	54	139	8	21	62	160
14.	К-Бугский	20	75	6	25	26	100
15.	Львовский	42	101	9	25	51	126
16.	Лопатинский	34	82	37	132	71	114
17.	Н-Милятинский	28	71	–	–	28	71
18.	Н-Ярычевский	97	265	1	3	98	268
19.	Немировский	46	113	9	36	55	149
20.	Олесский	32	80	–	–	32	80
21.	Поморянский	91	228	2	5	101	233
22.	Пониковецкий	78	204	2	6	80	210
23.	Перемышлянский	22	56	61	191	83	247
24.	Подкаменский	30	75	16	49	46	124
25.	Магеровский	22	55	1	4	23	59
26.	Рава-Русский	106	265	9	30	115	174
27.	Радеховский	54	135	33	126	87	161

1	2	3	4	5	6	7	8
28.	Сокальский	66	168	7	23	73	191
29.	Сокольницкий	36	94	2	7	38	101
30.	Щирецкий	27	71	2	6	29	77
31.	Яворовский	41	110	29	98	70	208
	ИТОГО:	1392	3618	353	1133	1745	4751

Начальник 1-го спецотдела УНКВД по Львовской обл.
подполковник Володарский

19 марта 1946 г.
гор. Львов

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 436. – Арк. 67.
Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 64–66.

№ 129

1946. – Березня 27. – Довідка про заходи щодо виселення родин учасників УПА у Львівській області за лютий–березень 1946 р.

Совершенно секретно

СПРАВКА
о мероприятиях по выселению бандсемей во Львовской области
за период февраль–март м-ц 1946 г.

№ п/п	Наименование районов	Подлежит выселению	Выслано	Подготовлено к выселению	Находится в стадии оформления
1	2	3	4	5	6
1.	Бобрский	52/121	9/26	10/33	–
2.	Бродский	80/199	3/9	29/81	–
3.	Бусский	44/110	30/70	4/12	–
4.	Винниковский	35/94	10/27	1/3	–
5.	Велико-Мостовский	50/125	7/21	23/91	25/75
6.	Городокский	103/304	21/55	2/8	–
7.	Глинянский	136/381	4/9	–	1/3
8.	Золочевский	55/162	10/22	5/18	–
9.	Жолковский	50/133	–	21/63	2/6
10.	Ивано-Франковский	107/392	11/31	2/9	–
11.	Куликовский	20/59	11/29	6/18	–
12.	Краснянский	33/85	7/18	14/50	8/24
13.	Краковецкий	40/120	7/21	9/33	7/21
14.	Каменко-Бугский	238/693	5/13	16/46	–
15.	Львовский	77/195	8/19	5/14	–

1	2	3	4	5	6
16.	Лопатинский	48/154	18/58	18/66	1/3
17.	Магеровский	65/160	1/4	1/2	–
18.	Радеховский	100/305	22/46	–	–
19.	Рава-Русский	15/43	12/39	2/8	2/6
20.	Сокальский	173/446	8/23	5/15	–
21.	Сокольницкий	33/106	2/8	5/20	–
22.	Щирецкий	35/93	4/5	14/25	–
23.	Яворовский	146/393	20/56	24/86	5/15
24.	Немировский	30/72	9/30	1/5	–
25.	Ново-Ярычевский	45/140	1/2	3/8	–
26.	Ново-Милятинский	46/115	5/11	17/55	–
27.	Поморянский	35/87	1/2	–	–
28.	Пониковецкий	68/170	12/24	9/27	1/3
29.	Подкаменский	72/251	2/8	13/38	–
30.	Перемышлянский	218/686	48/114	40/143	–
31.	Олесский	59/115	–	20/56	25/75
	Итого:	2313/6472	315/806	319/1033	77/228

Пом. начальника ОБВ УМВД Л/области
Полковник Космачев

27 марта 1946 г.
г. Львов

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 436. – Арк. 70–71.
Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 66–67.

№ 130

1946. – Червня 20. – Довідка Львівського обкому КП(б)У для Ради Міністрів УРСР про архівні цінності у Львові

20 червня 1946 р.

У м. Львові зберігається більше як 10 млн. виключно цінних архівних одиниць, які являють велику наукову вартість при вивченні історії України, зокрема Західної України. Є багато документів-унікумів – 14–15 ст.

З першого дня звільнення м. Львова і Львівської області від німецьких окупантів працівниками Облдержархіву було збережено і упорядковано біля 120 тонн документів періоду тимчасової німецької окупації. Одночасно, внаслідок вжитих заходів з боку уряду УРСР, були повернуті до Львова з Польщі, Чехословаччини і Німеччини цінні архівні документи, вивезені в свій час німцями, загальною вагою біля 100 тонн. Всі архівні цінності розміщені в 9-ти приміщеннях, в монастирях «Домініканів», «Бернардинів», «Францішканів», «Кармелітів» на вул. Підвальній 13, Руставелі 11 і інш. приміщеннях...

В квітні 1946 р. на території архівного сховища при монастирі «Бернардинів» трапився надто неприємний випадок. Після того як монахи залишили приміщення монастиря, в ніч з 26 на 27 квітня, група червоноармійців з курсів поварів, які розміщуються на території монастиря, ввірвалася в архівосховище філіалу Центрального державного історичного архіву і знищила ряд цінних історичних документів. Після півторамісячної перевірки і ревізії удалось установити відсутність 326 грамот польських королів, руських князів і інших документів періоду 1357 р. – 1800 р.

Встановлено, що винними в пограбуванні цінних архівних документів являється група червоноармійців – курсантів 3 курсів поварів (Львівська військова округа), начальником яких являється гвардії майор тов. Забелін.

Заст. зав. відділом пропаганди і агітації
Львівського обкому КП(б)У П. Йова

20.6.46 р.

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 485. – Арк. 140–141. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 336–337.

№ 131

1946. – Червень. – Відозва УПА «До української молоді Східної України!» із закликом чинити опір репресивним органам радянської влади

Воля народам!
Воля людині!

За Українську Самостійну
Соборну Державу!

До української молоді Східної України!

Ми зустрічалися з Вами в сумний час загарбання большевиками Західної України, а потім у часі німецької окупації. І хоч один і другий окупант далі розділювали нас штучними кордонами, люто переслідували, арештовували і розстрілювали українських революціонерів, попід дротяні загорожі ми приходили до Вас.

Ми оповідали, як бундючна шляхетська Польща точила нашу кров протягом довгих 20-х повільних років. Та те, що почули ми од Вас про сталінські злочини, про злодійський грабіж України, – далеко лишило позаду все, що знала дотепер історія.

Ви розказували нам, що за 20 років поневолення України Сталін і його кліка:

Задушили садистичним терором самостійно-державне життя України, вимордували і закатували сотні і тисячі українських повстанців-революціонерів і патріотів-самостійників, штучним голодом в 1932–33 рр. винищили мільйони мирного українського селянства, «освоїли» сніжний і дикий Сибір і Соловки примусовими переселенцями з української, молоком і медом текучої землі.

Розстріляли явно і скрито і замучили у середньовічних келіях тортур сотні українських комуністів, що хотіли власними народними силами будувати хоч комуністичну, але самостійну Україну,

вбиваючи і виселюючи українських учених, митців і поетів, знищили українську науку, мистецтво і літературу,

зфальшували і вкрали нашу славну історичну минувшину,

загнали українське селянство в колгоспне ярмо, чим вернули давнє кріпацтво, ще гірше за панське,

закували українську робітничу клясу кайданами, т. зв. трудової дисципліни та потогінними «соцзмаганнями» і приневолили її працювати на нового, найжорстокішого експлуататора – совєтську державу. Так приковували колись на суднах – галерах рабів-невільників,

розреклямованою, підступно продуманою своєю індустріалізацією, грабіжницько-злодійським господарюванням, сировиною і продукцією України зробили її **колонією червоного Кремля.**

У ХХ-му сторіччі, сторіччі правного визнання прав націй і людини, Україна стала «Індією» нового імперіалізму большевицької Москви.

Так кривавий Сталін «виконав» і «перевиконав» свої написані п'ятирічки поневолення України.

Так сказали нам одні з Вас, брати!

А другі з Вас, які вийшли з большевицької школи, з піонерів, комсомолу, не пам'ятали вже своїх батьків, нагодовані шматком чорного окупантського хліба, забули про голод, були глухі на зойки криваво катованих рідних братів. Такими сліпими і глухими зробили їх большевицькі організації, що їх підло продумала партійна кліка для винародовлення української молоді та для використання її в своїх імперіалістичних цілях.

І хоч в 1941–1945 рр. перемішались у лавах українських революціонерів українці сходу і заходу, і хоч спільно гинули від гестапівських катів та їх наймитів сини Східної і Західної України на вулицях Києва, Одеси, Харкова, Львова, на полях Поділля і лісах Волині, – друга большевицька окупація знову стала серйозним випробуванням єдності і патріотизму цього українського молодого покоління від Кавказу до Карпат.

І в той час, коли сотні і тисячі української повстансько-революційної молоді всіх земель з найбільшим геройством і посвятою покинули рідні доми, школи, верстати праці, щоб відстояти права Українського народу у лютому змаганні з варварським окупантом, щоб відбудувати Українську Самостійну Соборну Державу, коли сотні і тисячі українських юнаків і вдень і вночі не сходять з важкого партизанського посту, – багато з Вас, брати, **не з нами,** багато з Вас **проти нас.**

Ми знаємо: Вам так верескливо кричать, горлають, грають, співають, агітують, репетують, римують, малюють, «демонструють» про «силу» і непереможність Совєтського Союзу, що Ви, нарешті, повірили в це. І хоч Ви мусите самі признати, що наша ідея **справедлива, Ви вірите** в силу танків і авіації, **боїтеся** пазурів НКВД, зради їхніх сексотів, коритеся перед пагонами, орденами і всією бундючною помпою сталінського новоцарського двору. Цей страх запаморочує і паралізує Вас. Ви волієте сирий огірок і оселедець, ніж тюремну юшку політв'язня, волієте стакан сивухи, ніж відважне шукання правди, «мрієте» про те, щоб прожити до старості, не будучи зачепленим НКВД.

Ви стаєте покірними цуциками, що повзають перед нахабною силою бандитського чобота!

Це ж дякуючи Вашій покорі і страху поневолених міліонів побудували партійні хижаки нинішній червоний від крові СРСР.

Людськими невільницькими руками збудовано нову тюрму народів СРСР – і руками людей-борців буде повалено її!

Чи ж не керує сталінським танком боєць-червоноармієць, людина тільки? Відкрийте йому очі, покажіть йому, – хто його справжній ворог, і цей боєць направить хід свого танка в протилежний бік.

Наш старий Хмель говорив колись козакам перед неприступною польською фортецею Кодаком: «Людські руки його збудували, і людські руки його в порох обернуть». Так сказали про СРСР українські революціонери і от, непереможні, **вже два роки б'ють сталінських імперіалістів на землях України.** Сотні і тисячі наших «бандерівських» дітей, підлітків і стариків не ломляться, не зраджують, не відступають на чортівських енкаведівських тортурах.

А Ти, Українська Молоде? Чи не сором Тобі перед їхнім геройством?

Є ще другі серед Вас, що чекають бути «директорами», вельможними партійцями, готують груди на ордени і погони і снять, щоб «потиснув» їм руку «сам найрідніший батько».

Ми народними зрадниками назвемо їх тепер. Це ж вони своїми вислугами щоденно продають свій народ, свою людську гідність. Як же можете Ви, одягнені в награбоване, спокійно дивитися на кіно та по-п'яному співати, коли Ваша батьківщина стікає кров'ю на лютих муках, коли її доля і ліси грають кулеметами народних месників, коли могутньою ходою дзвенить Українська Національно-визвольна Революція. Як можете Ви чіпляти «зірки» і безоглядно пнятися по партійній драбині, кожний щабель якої – це нова зрада Україні, це новий кривавий злочин щодо працюючих, нові трупи Ваших ровесників та важкі прокльони матерів?

Зрозумійте це і стережіться, щоб тавро проклятого зрадника не прилипло назавжди до Вашого чола. Ще час повернутися!

Ми зустрічали ще інших поміж Вами. У свойому молодечому ідеалізмі, у своїй вірі у вселюдський прогрес, деякі з Вас дали себе обдурити сталінській партії, яка і спрепарувала для Вас **«передові ідеї»** сучасного большевизму.

Які ж це «передові ідеї» принесли сталінські партійні верховоди для Тебе, Українська Молоде?

Чи ж цією ідеєю є жорстокий **національний гніт десятків народів СРСР** і, передусім, нашої української нації партійною імперіалістичною верхівкою?

Чи цією ідеєю є підкорення ще інших європейських і позаєвропейських народів, що ще живуть поза сталінським імперіалістичним ярмом? Адже хіба лише для цього готує Сталін нову багатомільйонову армію та видає на її озброєння міліардові суми, заморюючи голодом працюючі маси?

Чи може цими «новими ідеями» є голодні «п'ятирічки», що знову і знову налягають на нас маревом довгорічних злиднів.

Чи може манить кого **колгоспне ярмо, рабський робітничий станок або сухітливий службовецький пасок,** що ними сталінська кліка руйнує життя і здоров'я народу?

Сталінські людоїди чваняться, що дали Тобі, Українська Молоде, **«щасливе дитинство».** А ти запитай їх:

Яка молодь світу стільки втратила батьків убитими і помордованими за те тільки, що вони боронили своїх слушних прав?

В якій країні світу «народними» судами рік-річно по-нелюдськи засуджується стільки безпритульних дітей?

В якій це країні одягають підлітків у військову форму і женуть на далекі фронти як гарматне м'ясо?

Яку чоловічу і жіночу молодь так рано навантажують непосильною працею, заганяють у темні шахти, рудники, каміноломні, на виснажливі будівельні роботи?

Яку ж це молодь так по-деспотськи позбавлено вільної наукової, літературної, мистецької творчості, вільного шляху своєї думки і примушено до негідного людини ідолопоклонства божкові з Кремля?

Перед якою ж це моលоддю так по-шахрайськи закрито три чверті дорібку розумів світових геніїв: науковців, письменників, політиків, економістів?

І в якої, нарешті, молоді світу так безжально забрано її власну батьківщину та заступлено її такою хижою мачухою, як СРСР?

За це «щасливе дитинство» конче треба подякувати кривавому Сталіну, але, так, по-нашому, по-українському міцно, як колись дякували царській Москві під Конотопом козаки гетьмана Виговського. І не тільки «подякувати», а помститися так, щоб захлиснувся власною кров'ю кат Сталін, щоб висолопили брехливі язики партійні верховоди, щоб зазнали смаку смерті енкаведівські душогуби.

За таку «подяку» і за таку помсту взялися ми, повстанці Української Повстанчої Армії (УПА).

Українська Молоде, послухай!

По всій Україні із зойками катованих мішається гострий гомін спротиву. Це весь український народ під проводом ОУН і УПА веде революційну боротьбу, щоб вибороти собі право на життя. Патріотична молодь соборних земель України вхопилася за зброю.

Міста і села, поля і ліси широкої України стали тереном переможних боїв українських повстанців, прийняли святу кров народних героїв.

Тисячі і сотні тисяч українських селян саботують «державні» хлібопоставки.

Тисячі і сотні тисяч робітників зривають працю на підприємствах.

Тисячі і сотні тисяч українських дітей і молоді очищують школи від сталінських портретів, лозунгів і іншої погані, бойкотують «сталінські вчення», самостійно вивчають історію рідного краю та революційну програму.

Тисячі і сотні тисяч людей читають наші кличі, листівки, пресу, літературу.

Мільйони українців бойкотують сталінські шахрайські «вибори».

Сотні і тисячі українських матерів твердими руками благословляють своїх дітей на святу боротьбу за волю України.

З кожним днем все ширше розгортається Українська Національно-визвольна Революція.

Брати! Досить крові напилися кремлівські душогуби! **Готуйтеся струснути сталінський престіл у Москві, перевернути нікітчин підніжок у закованому Києві!**

Не дозволяйте панувати в Україні імперіалістичній партійній кліці, саботуйте її звірячі закони і постанови!

Не давайте багатіти на українських землях червоним партійним вельможам – не давайте їм своєї панщизняної праці в колгоспах, свого рабського труду на заводах, своєї криваво запрацьованої копійки на їхні податки і позики!

Не йдіть на гарматне м'ясо, не давайте себе мобілізувати на нові імперіалістичні війни! Не допомагайте Сталінові «перевиконати» план винищення української нації.

Не вірте партійним крутіям! На кожному місці розкривайте большевицьку брехню, розкривайте шахрайське «керівне ядро», криваву партію. Ні кроку в сталінський комсомол та інші організації яничарсько-зрадницького виховання!

Інформуйтеся про революційно-визвольну боротьбу українського народу, про повстанські бої, акції саботажу, про геройську поставу національно-свідомих та революційно наставлених широких мас українського населення!

Читайте революційні заклики, листівки, пресу! Викривайте большевицьку забріхану дійсність! Читайте твори небольшевицьких українських письменників, поетів, публіцистів, учасників визвольної боротьби українського народу, читайте твори передових світових розумів заборонених большевиками!

Поширюйте українські революційні видання з хати до хати, з рук до рук, бо вони насіння правди, дороговказ у майбутнє!

Налагоджуйте зв'язки дружби і співпраці з українським революційним виставленим громадянством, з українським підпіллям.

Не переслідуйте свого брата, молодого революціонера, на всяких сталінських «забавах». Саботуйте накази про переслідування українського революційно-визвольного підпільного руху! Помагайте йому в кожному кроці!

Вступайте в лави борців-революціонерів, вступайте в ОУН, УПА!

Хай живе Соборна визвольно-революційна боротьба всієї української молоді!

Хай живе Українська Самостійна Соборна Держава без національного більшовицького гніту!

Хай живуть самостійні держави всіх поневолених народів!

Смерть імперіалісту Сталіну і його партійним вельможам!

Українські Повстанці Західної України

В червні 1946 р.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4972. – Арк. 22–25.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 245–248.

№ 132

1946. – Липня 1. – Витяг із звіту комісії Управління пропаганди і агітації ЦК ВКП(б) про перевірку стану ідеологічної роботи в Україні

Секретно

Начальнику Управления пропаганды и агитации
ЦК ВКП(б) тов. Александрову Г. Ф.

О недостатках и ошибках в идеологической работе на Украине

Отъявленные националисты, выступавшие во время немецкой оккупации с погромными фашистскими брошюрами, Крипякевич, Кордуба, Терлецкий и другие имеют возможность и сейчас с кафедр институтов проводить свои враждебные

теории. Проф. Крипякевич, книжонка которого «Малая история Украины» и сейчас продолжает распространяться украинско-немецкими националистами в западных областях, назначен заведующим кафедры истории Ураины во Львовском университете и директором Львовского отделения Института истории Украинской Академии наук. Бывший профессор Варшавского университета Кордуба назначен заведующим кафедры славяноведения. Их лекции, в которых проводятся националистические взгляды, вызывают возмущение студентов. Декан исторического факультета университета т. Горбатюк в письме во Львовский обком партии поставил вопрос о снятии этих профессоров с занимаемых должностей, но у Львовского обкома и в Управлении пропаганды ЦК КП(б)У другое отношение к ним, они ограждают этих профессоров даже от критики.

Крипякевич и Кордуба выступили 15 февраля с. г. на заседании кафедры исторического факультета Львовского университета с открытой защитой буржуазно-националистических взглядов Грушевского, возносят последнего, как «борца против порабощения и всяких усилий денационализации со стороны агрессивных народов» (подразумевается под этим русский народ). Проф. Кордуба выразил сожаление, что, дескать, Грушевский подвергается критике со стороны некоторых его земляков-украинцев. Проф. Крипякевич восхвалял «заслуги» Грушевского, открыто заявляет, что советская историография положила в основу его труды без сколько-нибудь существенных изменений. Критика этих установок со стороны советских историков университета была расценена Львовским обкомом и агитпропом ЦК КП(б)У как «слишком резкая» и по существу была осуждена.

Не получив отпора, Крипякевич, Кордуба и другие выступили в мае с. г. с теми же утверждениями на сессии отделения общественных наук АН СССР. Выступления Крипякевича, Кордубы и других вызвали возмущения среди многих научных работников Львова. Доцент Львовского университета Горбатюк попытался выступить с критической статьей об ошибках западно-украинской историографии, но Львовский обком КП(б)У запретил редактору газеты публиковать статью на том основании, что в ней слишком резко критикуются Крипякевич, Кордуба, Терлецкий и другие...

С. Ковалев – зав. отдела Управления
М. Яковлев – зам. зав. отдела
А. Лихолат – консультант
В. Подкурков – зав. сектором

1 июля 1946 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А.
2. VII 46. Г. Александров

Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 340–341.

№ 133

1946. – Серпень. – Відозва ОУН із закликом допомоги голодуючому населенню східних областей України

Воля народам!
Воля людині!

З хати до хати, з рук до рук!
За Українську Самостійну Соборну Державу!

Українці західних областей!

До нас багатотисячними валками приїжджають за хлібом наші брати із східних областей. Сюди їх жене голод!

Голод у східних областях виник унаслідок бандитського грабежу зерна з України большевицькими експлуататорами в попередньому році. Цей грабіж не припиняється і сьогодні, незважаючи на загальний неврожай в східних областях внаслідок посухи, яка цього літа охопила ці землі. В той час, коли на цілих ланах стирчать лише ріденькі недорідні колосочки пшениці, жита, – большевицькі визискувачі змушують колгоспи в першу чергу виконати «свою першу заповідь – здати хліб державі», ні трохи не зменшуючи раніше встановлених розмірів хлібопоставок. Большевицькі грабіжники забирають увесь хліб, зовсім не турбуючись тим, чи колгоспники матимуть що їсти. Большевицькі прокурори карають багаторічним ув'язненням всіх тих, хто відважиться зірвати колосок збіжжя з колгоспного лану. Українське селянство стоїть перед новими 1932–33 рр., в яких на Україні з голоду згинуло 5 мільйонів чоловік.

Українці західних областей!

Оце вдруге за 28 років большевицького господарювання в Україні український народ стоїть перед маревом голодної смерті. В час першого голоду на Україні 1932–1933 рр. ми були відтяті від східних областей польсько-большевицьким кордоном на Збручі. Ми й тоді старалися нашим братам допомогти харчовими збірками, висланими через Міжнародний Червоний Хрест. Але ж большевицькі варвари навіть не допускали цих посилок до СРСР.

Сьогодні не існує збручанський кордон. Наші брати, рятуючись від голодної смерті, ідуть до нас за хлібом. **Нашим святим національним обов'язком є – допомогти нашим братам в нещастю, допомогти останнім шматком хліба, який ми ще маємо.**

Нашим національним обов'язком є зустріти своїх братів щирим, одвертим серцем, сердечним словом, братерською порадою в тому, як за нашим прикладом вони повинні боротися перед большевицьким визиском, поневоленням, як бити московсько-большевицьких окупантів та їх агентів. Нашим національним обов'язком є використати широко зустріч з братами-наддніпрянцями для того, щоб вказати їм, що єдиний вихід з нашого трагічного становища поневоленого, колоніального народу – **це революційна боротьба усього українського народу за Українську Самостійну Соборну Державу.** Тільки в Українській Самостійній Державі український народ не буде помирати з голоду, не буде боятися голодної смерті, а буде вільно, згідно лише зо своїми власними інтересами, розпоряджатися з незчисленними багатствами української землі, продуктами своєї праці.

Ми мусимо пояснити нашим братам, що те, що ми сьогодні ще маємо шматок хліба, що ми ще не голодуємо так як вони, є наслідком успішної нашої народної революційно-визвольної боротьби – боротьби ОУН, УПА. Ми повинні розповісти все, що знаємо про боротьбу ОУН і УПА.

Українські чоловіки і жінки!

Хай ніхто з нас не посміє відмовити в допомозі хлібом нашим з-над Дніпра. Не сміємо дивитися на те, що ми сьогодні вже ограблені, що завтра може і ми підемо з торбами! В даному становищі мусимо ділитися з нещасними останнім шматком хліба!

Запрошуйте своїх братів до своїх хат. Гостім їх, «чим хата багата». Покажім їм справжні братські співчуття. Широко інформуймо їх про боротьбу ОУН і УПА.

Українські жінки! Покажіть свою гостинність, своє співчутливе серце приїжджим з-над Дніпра. Обдаруймо їх чим можемо. Пам’ятайте, що вдома на тих жінок і чоловіків, з якими ми будемо говорити, чекають голодні їх діти. Подбаймо, щоб ці мами і батьки мали що привезти своїм голодним дітям.

Українські юнаки і дівчата! Запрошуйте до себе наших ровесників зі східних областей. Допомагайте їм матеріально. Розповідайте їм про все, що знаємо про УПА. Давайте їм наші революційні листівки, заклики, газети. Встановлюймо з ними переписку.

Українці західних областей!

Наша зустріч з голодуючими братами з-над Дніпра – ще одна перевірка нашої національної свідомості і політичної зрілості. Збережім щодо цього добру славу про себе. Докажім на ділі, що ми соборники.

Все і всі на допомогу голодуючим братам зі Східних областей!

Смерть поневолювачам, визискувачам України – Сталіну і його кліці!

Хай живе вільний і заможний український народ в Українській Самостійній Соборній Державі!

Хай живе національно-визвольна революційна боротьба усього українського народу!

Організація Українських Націоналістів

Серпень, 1946 р.

Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 262–263.

№ 134

1946. – Вересня 6. – З виступу секретаря парторганізації філіалу Академії наук УРСР І. П. Гнипи на пленумі Львівського міськкому КП(б)У про діяльність гуманітарних установ

...На засіданні 2 серпня в Інституті історії України Кордуба висловлюється так, що в Західній Україні через те розвинувся український шовінізм, що тут був розвинений польський шовінізм. Карпинець каже, що Грушевський, на його погляд, ніякого впливу не мав, але мав вплив Донцов. Коли взяти Возняка, він каже, що Наукове товариство

ім. Шевченка – це найстаріший заклад на Україні, в якому треба вчитись. Бібліотека Грушевського, яку він організував в 1918 році у Львові, до цього часу знаходиться по вул. Чернецького, 24, в окремій кімнаті. Коли стало питання, що цю бібліотеку потрібно забрати в спецфонд, її переховували 28 років, і зараз Возняк намагається її спасти, він купує за 17 тисяч цю бібліотеку і цим самим підтримує дружину Грушевського, яка живе ще в Києві. Ось яка поведінка академіка Возняка.

Коли йому прийшла виписка з постанови Президії Академії наук про те, що він обраний членом Української Академії, відділу суспільних наук, він бере і дзвонить: «Товаришу секретар, я думав цілу ніч над цією постановою і додумався, що я з Академією наук рву назавжди, я не хочу далі в ній працювати, там сидять люди, які мені зовсім не по душі, і я цю записку відсилаю назад». Ось вона поведінка академіка.

Є у нас етнографічний музей. До нього руку ще приклав Грушевський. В цьому музеї ви не побачите нічого іншого, як стару українську хату, гуцульський одяг, в якому зараз не ходять, щоб розвинути націоналізм, щоб показати населенню хату, яка існує 100 років, замість того, щоб показати колгоспне життя, перебудову міста Львова, ставлять українську хату, запорожця – і на цьому кінчається.

ДАЛО. – Ф. П-4. – Оп. 1. – Спр. 70. – Арк. 79. – Стенограма.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 343.

№ 135
1946. – Вересня 9. – З виступу М. П. Бажана на нараді інтелігенції м. Львова

...Ми бачимо, що ворожі вияви є і в нас на Україні, де вони здебільшого мають тенденції буржуазно-націоналістичні. В журналах «Вітчизна» і «Дніпро» повісті Кундича, поезії Масенка, оповідання Чередниченка, дворянські спогади Лозаревського, літературознавча розвідка Л. Коваленка є творами, які несуть в собі шкідливе зерно українських буржуазно-націоналістичних поглядів.

Журнал «Радянський Львів» також через примиренське ставлення віддав свої сторінки для подібної творчості. За це примиренське ставлення в першу чергу несу відповідальність я, як відповідальний редактор журналу. Журнал «Радянський Львів» не виконав поставлених перед ним завдань, не допоміг ідейно-творчому зростанню письменників Львова, не зумів здоровою більшовицькою критикою допомогти цьому зростанню і перевихованню інтелігенції такого великого радянського індустріального і культурного центру, як м. Львів. Журнал мусить рішуче перебудувати свою роботу, зміцнити, згуртувати біля себе радянську інтелігенцію західних областей України, активно взятися за розгром і боротьбу проти всіх і всіляких виявів та впливів буржуазно-націоналістичної ідеології і допомогти мільйонам молодих радянських громадян західних областей України стати свідомими передовими будівниками соціалістичного суспільства.

Скажімо, навіть таке явище в українській радянській літературі, яке ми зараз спостерігаємо, як селянська обмеженість тематики в творчості частини українських радянських письменників, мусить бути, з погляду нашого прогресивного світогляду, світогляду більшовицького, розглянуте і піддане суворій критиці. Адже селянську об-

межену тематику деяких з українських радянських письменників, небажання відбити в своїй творчості подвиги робітничого класу, тематику індустріалізації України, зокрема тематику Донбасу, можна зіставити з поглядами М. Грушевського на український народ, як на «мужицький з голови до п'ят», як на народ, який не має свого робочого класу. Письменники мусять подолати цю селянську тематику, яка переростає в національну обмеженість творчості.

Так само і в галузі театру. Передові діячі українського театру вже давно засудили етнографізм, так звану «Малоросійщину», яка принижувала і викривляла ідейно-творче обличчя нашого театру. Проте це захоплення всілякими «Циганками Азами», «Запорізькими кладами», які, поряд зі своєю антихудожністю, дуже часто несуть в собі буржуазно-націоналістичну тенденцію, ще й досі спостерігається в деяких наших театрах.

Поряд з «циганками азами» деякі наші театральні діячі захоплюються і західноєвропейською клубничкою, отими всілякими «Лисичками», «Шляхом до Нью-Йорку» тощо, в яких пропагується звіряча ідеологія буржуазного суспільства: «людина людині вовк». Нам треба рішуче переробити репертуар наших театрів. Нам треба на правильний шлях скерувати творчість наших українських радянських драматургів....

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 414. – Арк. 39–40. – Стенограма.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 344–345.

№ 136

1946. – Не раніше 11 вересня. – Інформація відділу науки Управління пропаганди і агітації ЦК КП(б)У секретареві ЦК КП(б)У К. З. Литвину про ліквідацію відділів інститутів АН УРСР у Львові

Секретарю ЦК КП(б)У
Товарищу ЛИТВИНУ К. З.

ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ
«О ликвидации отделов институтов Академии наук истории, экономики и литературы в гор. Львове и переводе основных кадров этих отделов в г. Киев»

11 сентября 1946 г. президиумом Академии наук УССР были вызваны из г. Львова первая группа основных работников отделений институтов истории, экономики и литературы Крипякевич, Возняк, Терлецкий, Кордуба и Степанив.

На приеме у вице-президента АН УССР академика Лаврентьева, где был поставлен перед ними вопрос о необходимости их переезда для сосредоточения научных сил при институтах в г. Киеве, вся группа отнеслась к такому предложению отрицательно. Мотивы выдвигались следующие:

Возняк – излагал мысль, что необходимости в его переезде нет, т. к. он достаточно загружен работой во Львове (работа над Франком и в университете), кроме этого, он не может работать без наличия архивных материалов и библиотечной литературы, которая сосредоточена во Львове.

И при этой беседе он выразил неудовлетворение работой и руководством Института истории АН УССР заявив, что «Інститут історії являє собою барило пива, де 90% піни і тільки 10% пива».

В заключении его заявления было: «Я покараю себе смертю, якщо примусите мене переїхати до Києва».

Крипякевич – также выставлял ряд причин, главным образом, бытового порядка (большая семья и, кроме того, родственники, которые также находятся на его иждивении). В дальнейших разговорах Крипякевич согласился на переезд, но при условии, если его семья останется во Львове.

Терлецкий – свои возражения начал с ошибок, допущенных им во время временной оккупации немцев на Украине и, в частности о книге, которая была издана при его согласии. Нецелесообразность их переезда в г. Киев Терлецкий мотивировал также тем, что за границей их переезд будут расценивать как принудительный и как стремление украинского правительства изолировать и оторвать их от галичан.

Он выражал сомнение в его личной пользе в г. Киеве как работника, т. к. состояние здоровья (сердечное заболевание) и его 73 года не дадут возможности работать нормально. Его заключительными словами было: «їхати до Київа не можу, дайте можливість дожити на рідній землі. Якщо примусите їхати – піду на пенсію і порву з роботою в академії».

Кордуба – начал свои возражения с того, что «старе дерево не пересаджують, бо плодів не буде». Основываясь на своей старости и глухоте просил «дати змогу вмерти біля могили рідної доньки, що похована у Львові в 1917 році». Как и Терлецкий, Кордуба поставил вопрос об уходе из академии, если будет категорически решен вопрос о его переезде.

Вызванные для дополнительной беседы в ЦК КП(б)У к товарищу Назаренко Крипякевич, Возняк и Степанив уже вели себя совершенно иначе.

В частности, Крипякевич подтвердил у товарища Назаренко мнение, сложившееся в их группе и других работников г. Львова, что вызов в г. Киев связан с их изоляцией и, своего рода «ссылкой». Крипякевич дал согласие на переезд вместе с семьей в г. Киев.

В беседе с Возняком долго пришлось убеждать в необходимости проведения такой реорганизации. Ни один из мотивов, выдвинутых Возняком, не мог удовлетворить постановку вопроса.

Степанив – выразила удивление, что ее вызвали в г. Киев, т. к. она не считает себя заметным работником среди экономистов. Кроме ошибок, допущенных ею во время пребывания немцев во Львове (выпуск книги о г. Львове), ничего не дала.

13 сентября 1946 г. был поставлен официально вопрос на президиуме АН УССР о ликвидации отделов институтов общественных наук во Львове.

По этому вопросу президиум информировал вице-президент Лаврентьев.

Высказались: Савин – уполномоченный президиума АН УССР в г. Львове, Булаховский, Белецкий, от львовской группы Крипякевич, Рыльский, Лось и Киселев.

Все выступавшие в обсуждении подтвердили целесообразность ликвидации отделений институтов АН УССР истории, экономики и литературы.

Правда, в выступлении Крипякевича проскальзывают мысли «о двух центрах: один в Киеве, другой во Львове» и о целесообразности «ликвидации отделов»,

однако дополнительным разъяснением по этому вопросу общее мнение было положительным.

Приложение: Стенограмма выступления Крипякевича на заседании президиума АН УССР 13/IX 46 г. (У справі не виявлено. – *Ред.*).

Зав. отделом науки
Управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)У Алентьев

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 2843. – Арк. 13–16.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 345–347.

№ 137

1946. – Вересня 21. – Лист президії Академії наук УРСР до заступника Голови Ради Міністрів УРСР М. П. Бажана про ліквідацію у Львові відділів гуманітарних інститутів АН УРСР

Щоб покращити роботу інститутів Відділу суспільних наук, Президія Академії наук УРСР вважає за доцільне сконцентрувати у м. Києві провідні наукові сили Відділу суспільних наук.

У зв'язку з цим Президія Академії наук УРСР просить санкціонувати ліквідацію у м. Львові відділів інститутів: літератури, історії та економіки і перевод основного складу наукових робітників цих відділів для роботи в інститутах Відділу суспільних наук у м. Києві.

Крім того, Президія Академії наук УРСР вважає за бажане перевести з Львівської бібліотеки до Бібліотеки Академії наук у м. Києві значні контингенти книжок та архівних матеріалів.

Отже, Президія Академії наук УРСР просить Раду Міністрів УРСР санкціонувати і ці заходи.

В. о. Президента Академії наук УРСР М. О. Лаврентьєв

ЦДАГОУ. – Ф. 2. – Оп. 7. – Спр. 3934. – Арк. 142.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 347.

№ 138

1946. – Вересня 27. – Інформація Львівського обкому КП(б)У для ЦК КП(б)У про відгуки наукових працівників Львова на критику концепцій М. Грушевського і його школи та на постанову президії АН УРСР про ліквідацію у Львові відділів науково-дослідних інститутів

Киев
Секретарю ЦК КП(б)У тов. Н. С. Хрущеву

ИНФОРМАЦИЯ
об отзывах научных работников города Львова на критику буржуазно-националистической концепции Грушевского и его школы, и постановление Президиума Академии наук УССР о ликвидации в г. Львове отделов научно-исследовательских институтов истории Украины, литературы и экономики, и перевод части научных работников этих отделов в г. Киев

Критика буржуазно-националистической концепции Грушевского и его школы, которая развернулась последнее время в печати и на собрании интеллигенции, вызвала активное реагирование интеллигенции города Львова.

Интеллигенция города, за исключением некоторой части местной интеллигенции, целиком и полностью одобряет постановление ЦК КП(б)У об учебнике «Очерки истории украинской литературы», статьи в печати, выступления на собраниях, особенно доклад тов. Бажана на собрании интеллигенции города Львова, направленные на вскрытие и ликвидацию остатков буржуазно-националистической концепции Грушевского и его школы.

Об этом свидетельствуют выступления местных интеллигентов профессора Зарицкого, доцента Дулибы, доцентов Лукьяновича, Дудикевича и других. Они призывают к упорной работе над изучением марксистско-ленинской теории, над идеологическим перевооружением и к борьбе против враждебных остатков буржуазно-националистической концепции Грушевского и его школы.

Вместе с тем, часть местных научных работников неправильно, даже враждебно реагируют на критику буржуазно-националистической концепции Грушевского, проявляют недовольство в связи с закрытием некоторых филиалов научно-исследовательских институтов Академии наук в г. Львове.

Прежде всего, это относится к академику Возняку и профессору Кордубе, которые упорно не хотят выступать в печати и на собраниях с осуждением своих буржуазно-националистических взглядов.

Профессор Кордуба в своих выступлениях снова настаивает на антинаучной враждебной мысли о том, что на украинские земли имела очень большое влияние Западная Европа (немцы, австроугорцы), одновременно умалчивая о влиянии и братской связи украинского народа с русским. Украинский буржуазный национализм, заявляет он, возник как реакция на польский шовинизм. В госуниверситете он выразил мысль о том, что университет – не средняя школа, поэтому в нем можно допускать преподавание разных исторических концепций, а студенты пусть выбирают, какая правильная. Профессор Кордуба явно недоволен критикой буржуазно-националистической концепции Грушевского и его школы. В разговоре с уполномоченным президиума Академии наук тов. Савиным заявил: «Я сейчас живу, как горох на разбитой дороге».

Директор института литературы Львовского филиала Академии наук УССР, действительный член Академии наук УССР академик Возняк Михаил среди работников университета заявил: «Почему мы (Терлецкий, Кордуба и я) должны «каяться». Это было наше убеждение, когда мы в свое время писали. Принимайте нас такими, какими мы есть. Теперь мы стараемся иначе писать, но все же пишем, а вы не печатайте нас, если мы плохо пишем. Я убедился, что среди коммунистов нет умных людей, а все только рупоры абстрактных доктрин, которые изготовляются на кухне в Кремле. Китайские стены Кремля отгородили кремлевских поваров от всего мира».

Старший научный сотрудник института истории Львовского филиала Академии наук УССР Терлецкий, высказывая свои взгляды о Возняке, заявил:

«Возняк совсем не глуп, как о нем думают. Он умный, дальновидный человек. Он пошел в партию, чтобы ее изнутри исправлять, направлять, учить. Ведь и там есть хорошие украинцы, но только мозги у них направлены на московский строй. Если бы у нас было больше Возняков, то мы бы не были так избиваемы, как сейчас».

Старший научный сотрудник Львовского филиала Академии наук УССР, доктор философии Барвинский Богдан, говоря о Грушевском среди сотрудников филиала, высказал: «Мне вся эта борьба напоминает эпоху римского Августина, когда партии дрались за уничтожение культуры. Ведь кто сейчас выступает в прессе против буржуазного национализма. Возьмем в газете «Культура и жизнь» выступил какой-то Ковалев. Кто его знает? Мне рассказывали, что это студент, который ровно ничего не понимает, а выступил со статьей против Грушевского… Весьма характерно, что никто из порядочных ученых и деятелей не выступает по этому поводу, а все шантрапа».

Действительный член Академии наук УССР, академик Колесса Филарет, говоря о защитниках Грушевского, заявил: «Я никогда не был поклонником Возняка, но с тех пор, как он выступил в защиту Грушевского, а теперь упорно отбивается от своих врагов и не хочет самокритиковаться, то я считаю его героем не только дня, но вообще героем. Он таки умный человек и мыслит глубже, видит дальше. Ведь если, скажем, придут сюда завтра англичане и американцы, то Возняк снова будет герой и вождь, а мы все будем страдать за то, что связали себя с большевиками».

Характерным явлением в Львовских отделах Академии наук есть отказ научных работников от перевода в Киев, объясняя это старостью, болезнью, семейными обстоятельствами, научной работой, связанной с местными материалами, одним словом ищут разных поводов к тому, чтобы остаться во Львове.

Действительный член Академии наук УССР, академик Щурат, украинец, заявил: «Под видом концентрации научных украинских деятелей в Киеве, происходит уничтожение города Львова как культурного украинского города. Это очевидно на языке советском называется ликвидация украинского буржуазного национализма. Я уверен, что если бы об этом диком и глупом мероприятии знал Сталин, то никогда бы не разрешил делать этого. А что сейчас скажут враги Советского Союза. Конечно скажут и совершенно верно, что ликвидация гуманитарных научных учреждений во Львове – это не только русификация города, а уничтожение его украинской физиономии, всего того, за что боролся Иван Франко и другие».

Старший научный сотрудник Львовского филиала Академии наук УССР – Генсерский Антон, украинец, по этому поводу заявил: «И так, украинцы из Западной Украины начали передвигаться ближе к Сибири. Ликвидация трех отделов во Львове и перевод галичан в Киев – это только первый размах. За ним последуют другие и произойдет то, что с ка-

бардинцами и крымскими татарами. Началось наступление на украинскую литературу. Теперь фронт стал шире – наступление идет на все украинское движение».

В связи с переводом в Киев, профессор Крипякевич заявил: «Я не возражаю переезжать в Киев, мне нужно работать вместе с марксистами, чтобы навсегда прекратить делать ошибки».

Академик Возняк также говорит о своем согласии переезжать в Киев, доволен тем, что ему в Киеве дают хорошую квартиру. Вместе с тем, все научные работники, которые собираются в Киев, оставляют за собой квартиры во Львове.

Отдельные работники институтов экономики, литературы жалуются на то, что их в Киев не берут, а во Львове сейчас работы нет (Нечиталюк, Чумак).

Переезд академика Возняка, профессора Крипякевича и других в Киев вызвал разговоры среди работников университета. Технический персонал рассматривает это как наказание. «А он так любил Украину», говорят они о Крипякевиче.

Профессорско-преподавательский состав университета и студенты одобряют перевод в Киев академика Возняка, профессора Крипякевича и других. Они неоднократно ставили вопрос об извращениях в преподавании истории Украины и высказывали свое возмущение в связи с тем, что эти научные работники не выступают с критикой своих извращений, заблуждений и ошибок в предыдущих работах. Местные научные сотрудники Тисе, Луцев и другие заявляют, что нужно было это сделать еще раньше.

Секретарь Львовского обкома КП(б)У И. Грушецкий
27.IX–46 г. 3208/21

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 2843. – Арк. 17–22.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 348–352.

№ 139

1946. – Жовтня 14. – Розпорядження відділу преси ЦК КП(б)У Головному управлінню у справах літератури і видавництв при Раді Міністрів УРСР про вилучення книг М. Грушевського і В. Винниченка

Начальнику Главного управления по делам литературы и издательств
при Совете Министров УССР
тов. Полоннику

На Ваше письмо № 614-с от 14.10. 1946 г.

Всю националистическую литературу М. Грушевского и В. Винниченко, выявленную при проверке органами цензуры в библиотеках общественного пользования и в книготорговой сети Украины, необходимо изъять.

Зам. зав. отделом печати ЦК КП(б)У Сыромолотный

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 2814. – С. 7. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 353.

№ 140

1946. – Жовтня 20. – З виступу секретаря ЦК ЛКСМУ Костенка на Львівській обласній комсомольській конференції про творчість письменників

а) Що значить писати про перелаз і не бачити МТС, що значить, як собака гавкає і не чути, як гуркотить трактор або комбайн. Де ж тут музика. Треба бачити сучасність. І іноді дехто котиться назад, тому що не розуміє сьогоднішнього дня, тому що у нього кінці з кінцями не сходяться. Треба молодим письменникам активно іти вперед, писати про сучасний світ, а не захоплюватися минулим. Так завжди робили прогресивні передові письменники, так завжди робила наша передова література;

б) ...Ми вважаємо, що хто ідеалізує старовину, захоплюється минулим, це є людина, яка плететься в хвості нашої літератури. Ми ставимо питання так, що хто хоче і може справитися, хай іде вперед, хто не справиться, повинен зійти, їм з нами не по дорозі.

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 66. – Спр. 100. – Арк. 175. – Стенограма.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 356–357.

№ 141

1946. – Жовтня 24. – Довідка про укомплектування оперативних груп МДБ і МВС для ліквідації ОУНівського підпілля

Совершенно секретно

СПРАВКА
об укомплектовании оперативных групп по ликвидации так называемых центрального и краевых проводов ОУН

В соответствии с решением ЦК КП(б)У от 4 октября с. г. для координации действий органов МВД-МГБ из числа руководящих работников Министерств Внутренних Дел и Государственной Безопасности УССР, созданы и направлены в западные области для разработки и ликвидации краевых проводов и членов центрального провода ОУН совместные оперативные группы:

По ликвидации членов центрального «Провода» ОУН:

от МВД УССР –	нач. управления МВД УССР по ББ (*боротьба з бандитизмом. – Ред.*) – полковник –-	Сараев
	начальник отдела УББ МВД УССР – подполковник –	Каганович
	начальник отделения I отдела УББ МВД УССР – капитан –	Винниченко
	зам. нач. отделения I отдела УББ МВД УССР – ст. лейтенант –	Коваль
	ст. оперуполном. I отдела УББ МВД УССР – мл. лейтенант –	Черно-книжников
От МГБ –	начальник отдела 2 управления МГБ УССР – майор –	Мазин

По ликвидации краевых «проводов» ОУН

а) По краевому «Проводу» ОУН «Одесса»

От МВД УССР –	зам. нач. УМВД Николаевской области – подполковник –	Сахаров
	зам. нач. Управления МВД Ровенской области – майор –	Гаврилов
	нач. отделения ОББ УМВД Ровенской области – майор –	Кудельник
От МГБ УССР –	начальник отдела МГБ УССР – подполковник –	Волошин
	зам. нач. отдела 2 упр. МГБ УССР – майор –	Шурувалко
	нач. 2 отдела УМГБ Ровенской области – подполковник –	Гуреев

б) По краевому «Проводу» ОУН «Москва»

От МВД УССР –	начальник оперотдела МВД УССР – полковник –	Швец
	зам. нач. ОББ УМВД Волынской области – майор –	Литвинов
От МГБ УССР –	нач. отдела Упр. МГБ УССР – майор –	Александров
	зам. нач. 2 отдела УМГБ Волынской области – гв. полковник –	Нечаев
	зам. нач. отдела МГБ УССР – майор –	Кезиков

в) По краевому «Проводу» ОУН «Подилля»

От МВД УССР –	начальник отделения I отдела УББ МВД УССР – майор –	Чепак
	зам. нач. УМВД Тернопольской области – полковник –	Матвеев
От МГБ УССР –	зам. нач. УМГБ К-Подольской области – полковник –	Чобото
	нач. 2 отдела УМГБ Тернопольской области – подполковник –	Хорсун

г) По краевому «Проводу» ОУН «Буг-2»

От МВД УССР –	зам. нач. УББ МВД УССР – генерал-майор –	Асмолов
	зам. нач. ОББ УМВД Львовской области – подполковник –	Матвеев
От МГБ УССР –	начальник отдела 2 упр. МГБ УССР – майор –	Мазин
	начальник Горотдела УМГБ Киевской области – майор –	Слепов
	нач. 2 «А» отдела УМГБ Львовской области – подполковник –	Воробьев

д) По краевому «Проводу» ОУН «Карпаты»

От МВД УССР –	зам. нач. Управ. МВД УССР по ББ – майор –	Пастельняк
	нач. след. отдела УББ МВД УССР майор –	Спиваковский
	начальник ОББ УМВД Станиславской области –	Костенко
	нач. отделения ОББ УМВД Станиславской области – капитан –	Яценко
От МГБ УССР –	нач. отдела 2 Упр. МГБ УССР – полковник –	Конушко
	нач. отделения 2 Упр. МГБ УССР – подполковник –	Алексеев

	нач. отделения 2 отдела УМГБ Станиславской области – капитан –	Форманчук

е) По Буковинскому окружному «Проводу» ОУН

От МВД УССР –	зам. нач. УМВД Черновицкой области – подполковник –	Биленко
	зам. нач. отделения I отдела УББ МВД УССР – ст. лейтенант –	Омельченко
От МГБ УССР –	зам. нач. Упр. МГБ УССР – полковник –	Фокин
	зам. нач. 2 отдела УМГБ Черновицкой обл. – майор –	Воронов

Начальник Управления МВД УССР по ББ полковник Сараев

24 октября 1946 г.
гор. Киев

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 119. – Арк. 52–55.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 264–265.

№ 142

1946. – Грудня 24. – З довідки інструктора відділу ЦК КП(б)У заступнику секретаря ЦК КП(б)У про грабежі і вбивства українців працівниками МВС і МДБ

Зам. секретаря ЦК КП(б)У
товарищу Стоянцеву

СПРАВКА
о выполнении особыми инспекциями УМВД и УМГБ по Львовской области решения ЦК КП(б)У от 24.VII.1946 года

Львовский обком КП(б)У, УМВД и УМГБ, а также прокуратура войск МВД провели значительную работу по доведению до сознания личного состава указанных органов решения ЦК КП(б)У от 24.УII.1946 года «О недостатках в работе органов МВД, МГБ, суда и прокуратуры по борьбе с нарушителями советской законности в западных областях Украины»...

В результате проведенных мероприятий с момента решения ЦК КП(б)У значительно снизилось количество нарушений советской законности со стороны личного состава органов УМВД и УМГБ. Если в апреле–мае–июне было вскрыто 35 нарушений советской законности работниками органов МВД-МГБ, то за август–сентябрь–октябрь их было 23. Наиболее резкое снижение нарушений советской законности наблюдается по УМГБ, где за 3 месяца до решения ЦК КП(б)У нарушений имелось 12, а за этот же период после решения – 5.

Однако, несмотря на это, в области все же продолжают иметь место грубейшие нарушения советской законности со стороны отдельных работников органов УМВД-УМГБ.

К наиболее характерным нарушениям советской законности, совершенных после решения ЦК КП(б)У можно отнести следующие:

В ночь на 31 октября с. г. начальником Поморянского РО МВД Шабатурой, ст. оперуполномоченным РО МВД Заседкиным, пом. оперуполномоченного РО МГБ – Глазыриным, командиром 2 СБ 88 сп ВВ МВД Уйлиным и бойцами этого же батальона Фролиным и Леоновым были незаконно задержаны по подозрению в убийстве председателя сельсовета жители с. Болотня Чепик Д. Н., Чепик М. В., Лисовский И. К., Иваникив Д. С. и Олексив Н. А. После задержания указанные лица Шабатурой и остальными оперработниками были подвергнуты допросу. Не добившись нужных показаний, оперативная группа, вдохновляемая Шабатурой, сговорилась между собой вывести задержанных крестьян за село и там их расстрелять с последующим сообщением в область о, якобы, имевшем месте столкновении с бандгруппой, в результате которого названные выше жители с. Болотня были убиты.

После принятого такого «решения» Чепик Д., Чепик М., Лисовский, Иванкив и Олексив были выведены за село, снова подвергнуты допросу и избиению, после чего выстроены в ряд по два и зверски расстреляны, за исключением Иванкива (Останньому вдалося втекти. – *Ред.*).

В настоящее время следствие по делу Шабатуры, Глазырина, Уйлина и др. закончено, а нарушители советской законности арестованы и днями предстанут перед судом.

Продолжают также иметь место случаи незаконных задержаний и избиений задержанных отдельными работниками органов УМВД-УМГБ.

Так, 22 августа с. г. оперработник ОТО МГБ ст. Рава-Русская Михайлов незаконно задержал гр. Петрик. Без санкции на арест Петрик в течение 3-х суток содержалася в КПЗ и была подвергнута избиению по лицу и голове.

25 августа с. г. пом. начальника 5 отделения милиции гор. Львова Лобанев и командир взвода 5 отделения милиции Мурашов нанесли побои гр. Буляк и нескольким военнослужащим, одновременно нанеся незаслуженные оскорбления члену ВКП(б) Бродскому.

24 сентября с. г. уч. уполномоченный Краснянского РО МВД Соломонов, будучи пьяным, избил на станции сотрудника райконторы связи Кисиль, после чего незаконно задержал и отправил его в РО, где вторично нанес побои Кисиль.

Аналогичные случаи нарушения советской законности не единичны.

Одной из причин, порождающих нарушение советской законности является невыполнение особыми инспекциями УМВД и УМГБ Львовской области решения ЦК КП(б)У о сроках ведения расследования по делам о нарушителях советской законности. Как правило, расследование по указанным делам недопустимо задерживается и ведется крайне медленно, а подчас не совсем доброкачественно. Случаи нарушения законности своевременно не пресекаются. В отдельных случаях особые инспекции от расследования нарушений уклоняются, передоверяя эту работу работникам районных отделов.

Вот несколько примеров, подтверждающих это:

Еще 11 июля с. г. пом. оперуполномоченного ББ Краснянского РО МВД Селивестров, находясь на выполнении оперативного задания в с. Бортков, напившись водки поздно ночью под предлогом поиска бандитов сорвал дверь квартиры гр-ки Кохан Евы, произвел незаконный обыск ее квартиры, а не найдя ничего, избил дочь Кохан и без всяких на то оснований увел ее в помещение истребительного

батальона. Начальник РО МВД немедленно провел по этому вопросу расследование и все материалы 18 июля направил в особую инспекцию УМВД. Несмотря на то, что особая инспекция по данному делу абсолютно никаких дополнительных мероприятий не проводила, дело длительное время находилось под спудом и лишь 28 октября, то есть, спустя 3 месяца и 17 дней после совершения нарушения, по представлению особой инспекции был издан приказ нач. УМВД о наложении на Селиверстова дисциплинарного взыскания – 10 суток ареста.

12 сентября с. г. в облпрокуратуру поступило заявление крестьян с. Мельничи Ивано-Франковского района о том, что уч. уполномоченный Ивано-Франковского РО МВД Трубко 25 августа с. г., встретив на улице села инвалида Отечественной войны Микитинского, подверг его незаконному задержанию и устному опросу, в процессе которого стал наносить ему побои кулаком, а затем ударил пистолетом по лицу. На крик Микитинского сбежались жители села Мельничи, но Трубко, не допуская их к себе, бросил в них гранату.

26 сентября с. г. по этому поводу облпрокурор написал представление начальнику УМВД. Особая инспекция к данному сигналу отнеслась несерьезно, не выслала на место своего представителя, а все материалы направила на расследование начальнику РО МВД, в результате чего расследование было закончено только 16 декабря.

15 сентября с. г. пом. оперуполномоченного Ново-Милятинского РО МВД Затюна незаконно задержал жителя с. Якимив Скильского и принимал активное участие в его избиении. Материалы об этом нарушении советской законности в особую инспекцию УМВД поступили вполне своевременно. Между тем расследование велось до 22 ноября, т. е. больше двух месяцев.

Еще 6 марта с. г. в особую инспекцию УМВД от автоинспектора гор. Львова поступили материалы расследования на командира взвода дивизиона РУД – Карташева и старшину дивизиона Ястремского, которые избили ни в чем неповинных работников строительно-монтажного управления гор. Львова Балашова и Ямпольского. Особая инспекция с момента поступления к ней указанных материалов никаких мероприятий по делу не проводила, а между тем, свое заключение вынесла только спустя 7 с половиной месяцев, т. е. 22 октября с. г.

О подчас недоброкачественном ведении расследования о нарушителях советской законности говорит следующий пример:

27 мая с. г. в Особую инспекцию УМГБ поступили материалы о нанесении побоев гр-у Финицкому со стороны пом. оперуполномоченного Жовкевского РО МГБ Калинина. Работники Особой инспекции УМГБ несерьезно отнеслись к расследованию настоящего дела, целый ряд существенных моментов в процессе следствия не был установлен, ввиду чего 28 августа особая инспекция МГБ СССР возвратила дело на доследование. Вследствие такого безответственного отношения к расследованию важных материалов, нарушитель советской законности Калинин в течение шести месяцев не был наказан.

Непартийное отношение к важнейшему решению ЦК КП(б)У, недопустимая затяжка сроков расследования фактов нарушения советской законности и медленное реагирование на такие факты зачастую проводят к повторению нарушений законности одними и теми же лицами. Подтверждением этого может служить такой пример: еще в октябе 1945 года в Особую инспекцию УМВД поступили материалы от нач. Поморянского РО МВД о систематических пьянках и нарушениях законности со

стороны оперуполномоченного РО МВД Клименко. Однако, на этот сигнал в УМВД никто не реагировал.

30 января 1946 года нач. РО МВД сообщает о новом нарушении Клименко. Особая инспекция продолжает оставаться безразличной и к этому сигналу и только лишь 11 апреля нач. Особой инспекции возвращает все материалы начальнику РО МВД с требованием произвести тщательное расследование.

23 июня с. г. начальник РО МВД снова сообщает в особую инспекцию о новых пьянках, бытовом разложении и связях Клименко с бандитом Зварич. Вместо выезда на место начальник особой инспекции Родионов телефонограммой требует от нач. РО МВД исполнить его задания от 11 апреля. Начальник райотдела требование исполняет и одновременно сообщает, что 23 июня Клименко с группой других работников сорвал операцию по ликвидации бандгруппы, а 21 июня, находясь на операции в с. Вацень, пьянствовал и изнасиловал жену инвалида Отечественной войны.

Однако и после этого особая инспекция не проявляет никакого реагирования. И только лишь после того, как 8 сентября с. г. Клименко избил жителя с. Ремизовцы Дацкива Федора, Особая инспекция 30 октября «расследование» заканчивает (все же без выезда работника инспекции на место), и выносится приказ нач. УМВД о наложении на Клименко дисциплинарного взыскания – 20 суток ареста с последующим увольнением из органов.

Наряду с медленным реагированием на случаи нарушения советской законности, следует отметить также, что отдельные факты остаются совершенно вне поля зрения особой инспекции и руководства УМВД.

Так, начальник Радеховского РО МВД Просвиров в сентябре с. г. незаконно изъял мебель у гр. с. Передпильци Мотлюк Марии. Решением бюро РК КП(б)У Просвирову объявлен выговор и предложено возвратить мебель. Между тем по линии УМВД к Просвирову никаких мер не принято. 24 сентября с. г. Просвиров незаконно выселил из квартиры инвалида Отечественной войны Заварзина; нанес побои ему, его жене и однолетнему ребенку. В особую инспекцию жалоба Заварзина поступила через облпрокурора еще 11 ноября, но до сих пор, т. е. полтора месяца лежит без какого-либо расследования и реагирования.

Абсолютно неудовлетворительная работа особой инспекции УМВД по борьбе с нарушителями советской законности объясняется прежде всего недооценкой работниками особой инспекции и руководством УМВД всей важности решения ЦК КП(б)У от 24.VII с. г.

Значительным тормозом в этом является также неукомплектованность аппарата особой инспекции. С 10 октября не имеется начальника и около полгода – следователя. Работники инспекции Маркеев и Терентьев на следственной работе находятся непродолжительное время, нуждаются в квалифицированной помощи и руководстве, а между тем учебы по повышению их деловой квалификации не организовано.

После решения ЦК КП(б)У значительно улучшила свою работу по борьбе с нарушителями советской законности и прокуратура войск МВД.

Все 5 дел на нарушителей советской законности рассмотренных в уголовном порядке после решения ЦК КП(б)У рассматривались в показательных процессах с участием работников МВД-МГБ и военнослужащих и с выступлением прокуроров. Прокуратурой проводились среди оперативного состава и военнослужащих ВВ МВД беседы о социалистической законности.

Однако необходимо отметить, что прокуратура еще недостаточно осуществляет контроль за сроками ведения следствия, слабо помогает личному составу УМВД-УМГБ в деле изучения основ советской законности.

Инструктор отдела ЦК КП(б)У
по западным областям Липоватый

24 декабря 1946 года

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 177. – Арк. 74–83.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 273–276.

№ 143

1946. – Довідка в. о. прокурора Дрогобицької області уповноваженому ЦК КП(б)У про злочинні дії партійно-радянського активу над українцями

Уполномоченному ЦК КП(б)У тов. Нырко

СПРАВКА
о нарушении социалистической законности в Дрогобычской области партийно-советским активом

I. В Самборском районе в селе Высиковичи доверенный избирательного участка тов. Иванов подвергнул аресту гражданина упомянутого села Поротина Андрея Станиславовича, якобы за то, что последний не выполнял его распоряжение поехать за елкой для украшения участка. Поротин заключен на два дня в холодное помещение.

II. В Судово-Вышнянском районе капитан милиции Зуев, во время выезда на операцию по борьбе с бандитизмом, будучи в пьяном виде едучи на подводе по дороге повстречал идущего навстречу рабочего железной дороги Шпилько Алексея Петровича, которого забрал на свою подводу и избил прикладом винтовки до смертельного состояния, после чего произвел выстрел в последнего, после этого Шпилько был доставлен в больницу, где и умер.

Материал на Зуева направлен прокурору войск МВД.

III. В Крукеничском районе работники РО МВД Пемпусож В., Гульб и работник связи Шетерняк ограбили гражданина села Буховичи Турчика Евстафия, забрав у последнего носильные вещи и продукты питания, которые отправили для продажи в город Львов. При продаже Пемпусож, Гульб и Шетерняк были арестованы, материал передан особой инспекции.

IV. В Добромильском районе начальник РО МГБ Ткаченко в монастыре лично для себя и своих работников изъял ковры, часы, мебель, кухонную посуду и другое имущество. Материал на последнего передан особой инспекции.

V. 16 апреля 1946 года участковые уполномоченные Судово-Вышнянского РО МВД Счастливый и Ручкин, будучи в селе Микловичи по оперативным заданиям, вместо выполнения задания поручили зам. председателю сельсовета достать им литр водки и 20 шт. яиц, после чего напившись пьяными сломали дымоходную трубу в хате гражданина Дитич и затем зашли в хату бывшего председателя сельсовета села

Микловичи гр-ну Курницкому. В это время в хате находилась только жена Курницкого – беременная. Участковый уполномоченный Счастливый схватил эту женщину и положил на кровать, но ей удалось вырваться от него и убежать из дома. Выйдя из дома Курницкого, Счастливый и Ручкин зашли в квартиру Шептицкого, избили его жену Шептицкую Антонину.

VI. В ночь с 28 на 29 марта 1946 года группа, возглавляемая работником Старо-Самборского районного отдела МВД Васильевым, в селе Кобло-Старе совершила ограбление квартиры: взяли мануфактуру, муку, водку, патефон и другие вещи.

VII. 31 марта 1946 года, при выполнении оперативного задания в селе Страшевичи Ст. Самборского района, оперативные работники РО МВД Макаренко, Кругловой, Васильев с помощью военных оцепили дом, послали в этот дом под видом бандитов 4 человека бойцов истребительного батальона, которые забрали из этого дома личные вещи жильцов, после чего оцепление было снято и все ушли.

VIII. В ночь с 4 на 5-е мая 1946 года в селе Сазаны Ст. Самборского района на квартиру к Мисько Марии Ивановны явились работники Ст. Самборского РО МВД Пославский Станислав и Ковалев. Мисько в это время спала в сарае с Мисько Юлией Ивановной. Послабский и Ковалев схватили девушек и пытались их изнасиловать, но девушки вырвались. Послабский и Ковалев догнали девушек в хате и ругаясь нецензурными словами предложили следовать за ними, девушки отказались, после чего Послабский в упор из автомата прострелил грудь Мисько Марии Ивановны, которая в тяжелом состоянии была доставлена в санчасть военного гарнизона.

На предложение райпрокурора начальнику РО МВД арестовать Послабского и Ковалева, последний ответил, что это дело особой инспекции. Послабский и Ковалев до сих пор остаются на службе.

IX. 31 мая 1946 года прокуратура области послала материал о вышеизложенных случаях нарушения социалистической законности военному прокурору войск МВД по Дрогобычской области для проверки и привлечения виновных к ответственности, ответа от него облпрокуратура не получила.

X. 12 июня 1946 года от граждан села Роздол Николаевского района Дрогобычской области Пастерняк Марии, Шаран Стефании Петровны, Хомякевич Иосифа Михайловича, Наткевич Ольги Ивановны, Игурского Петра Ивановича, поступили заявления о том, что они в период с 19–24 апреля по 25 мая 1946 года находились под стражей, были арестованы РО МВД и содержались под стражей около месяца и свыше, и за время нахождения под стражей во время допросов работниками РО МВД подвергались избиению и разным другим издевательствам. Избиение производили работники РО МВД Юрченко и Малахатка. Из заявлений видно, что избиение производилось в РО МВД и ряда других арестованных, аресты производились без санкции прокурора.

13 июня 1946 года указанное заявление передано начальнику облуправления МВД генерал-майору тов. Сабурову для производства расследования и привлечения виновных к ответственности. При этом необходимо отметить, что на работника РО МВД Юрченко в производстве особой инспекции УМВД имеется дело по обвинению его в убийстве арестованного во время допроса.

XI. Работником ОБХСС УМВД младшим лейтенантом Васильевым, производилось расследование по делу зав. универмагом военторга Кривко Изабеллы Людвиговны допустившей растрату вверенных ей ценностей. В связи с этим делом был 18.XII.45 года арестован ее муж Кривко Иван Васильевич, арест в отношении последнего был

произведен незаконно. 24.IV.46 года дело в отношении Кривко Ивана Васильевича прекращено за отсутствием состава преступления.

После ареста Кривко И. В. 20.XII.45 года была занята Васильевым его квартира, одновременно им во время ведения расследования была произведена опись имущества и часть, как-то: столы, стулья, картины, подушки, перины и прочее было взято Васильевым под сохранную расписку в личное пользование, причем опись изъятого в пользование имущества была произведена с грубым нарушением правил, не было отражено примет качества, стоимости и прочие вещи. Как квартира, так и вещи Васильевым по принадлежности гр-ну Кривко не возвращены. Начальник ОБХСС УМВД, зная о данном нарушении, никаких мер не принял. Возбуждено против Васильева уголовное преследование и материал передан военному прокурору войск МВД.

XII. 11 марта 1946 года начальник Подбужского ОББ РО МВД лейтенант Нечаев совместно с гражданином Чапля С. М. (в прошлом был в банде) произвели незаконные обыски в селе Нагуевичи у граждан Рубел Евы, Каменского Романа и других с изъятием имущества, во время чего последних избили.

XIII. При выселении в админпорядке семей бандеровцев начальник Подбужского РО МВД Комаров дал распоряжение все имущество выселяемых свозить в РО МВД, что и было сделано, в результате чего часть изъятого имущества была разбазарена и частично присвоена работниками РО МВД.

XIV. В Журавновском районе и. о. начальника РО МВД Алексеев и майор этого же отделения Бабурин в январе с. г. произвели арест гражданки Сикирко Ирины, якобы подозреваемой в преступлении, предусмотренным ст. 54-1-«а» УК УССР. Алексеев под предлогом допроса забрал Сикирко в свой кабинет, споил спиртными напитками, после чего изнасиловал и отправил в КПЗ. Майор Бабурин арестовал гр-ку Яремко Катерину и взял ее к себе на квартиру с целью использования в половом отношении. Он же задержал гр-ку Смык 1930 года рождения, забрал ее к себе на квартиру и использовал ее в половом отношении, после чего отпустил ее без всякой проверки.

Материал на указанных лиц направлен особой инспекции для расследования. Дело до сих пор не окончено и нарушители на свободе.

XV. В Дублянском районе в сельсовете Дубляны-Озимина, Корналовичи, Дорожев широко применялась незаконная трудгужповинность, привлекались к трудовой повинности старики свыше 60 лет и женщины, имеющие малолетних детей, а также производились незаконные мобилизации гужтранспорта на разные работы местного значения без оплаты.

XVI. Уполномоченный Министерства Заготовок по Нижне-Устриковскому району Андросов разрешил представителям воинских частей самостоятельно производить заготовку мяса в счет выполнения мясопоставок, в результате незаконно в отдельных хозяйств были изъяты последние коровы. На ряду с этим Андросов незаконно отдельных лиц предавал суду, в частности предавал лиц своевременно выполнивших молокопоставку, за изложенные действия по представлению прокурора на Андросова наложено дисциплинарное взыскание.

XVII. В Подбужском районе секретарь райкома КП(б)У Мацук арестовал дежурную машинистку, сторожа и избил их за то, что у него на квартире не работал телефонный аппарат.

XVIII. Уполномоченный Меденичского РК КП(б)У в селе Ребчики в списках подписчиков на 4-й Военный заем увеличил сумму подписки от 150 до 500 руб. 50 подписчикам и предложил сельсовету взыскать с подписчиков заем не на те суммы,

на которые они подписались, а увеличенные им. За означенные действия Лепешко привлечен к партийной ответственности.

XIX. 6 мая 1946 года заведующий отделом агитации и пропаганды Меденичского РК КП(б)У Федорова была командирована в качестве уполномоченного по распространению займа в с. Поповичи, где во время распространения займа Федорова арестовала и посадила в подвал гр-ку Гончар, за отказ от подписки на заем. Федорова привлечена к партийной ответственности.

Одним из наиболее характерных нарушений представителями местных органов государственной власти необходимо отметить нарушение постановления СНК СССР от 21.V.1938 года об организованном наборе рабочей силы и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13.11.1942 года. В ряде районов Добромиль, Дубляны, Рудки, Турка организованный набор рабочей силы в предприятия местные районные органы государственной власти превратили в прямую мобилизацию с применением угроз и насилия над гражданами.

XX. В Дублянском районе в июне с. г. должен быть произведен организованный набор рабочей силы для работы в предприятия гор. Стрий. 9 июня 1946 года по предложению секретаря Дублянского РК КП(б)У Черноморца была создана комиссия из 15 человек и направлена в ряд сел района для проведения организованного набора рабочей силы. В этот же день комиссия вооруженная автоматами прибыла в село Дорожев и под руководством зав. оргинструкторским отделом Дублянского РК КП(б)У Слободчука окружила церковь, в которой было большое скопление народа в связи с престольным праздником троицы. Народ увидев, что церковь окружена вооруженными людьми, стал разбегаться в разные стороны, перебрасываясь через ограду церкви. Члены комиссии в это время открыли автоматно-оружейную стрельбу. Из неразбежавшихся граждан отобрали 90 человек женщин и мужчин и под вооруженной охраной увели в соседнее село Луки, где из 90 человек отобрали 27 на работу в предприятия. Среди этих 27 человек была оставлена для отправки на работу гражданка Шрамко Анна, имевшая 3-х малолетних детей, которые соседями были доставлены комиссии для доказательства в село Луки, после чего только гр-ка Шрамко была освобождена комиссией от отправки.

В этом же числе был задержан Нижак Иван – 63-х лет, больной; Лагуш – инвалид Отечественной войны 2-й группы; Шрамко Гринь – имеющий больную жену, которая нуждалась в посторонней помощи и 3-х малолетних детей. Также был задержан ряд других граждан, которые не могут быть мобилизованы на работу по своим семейным обстоятельствам и по состоянию здоровья. За сделанное замечание комиссии председателем сельского совета Кундур за незаконное проведение мобилизации последний был избит зам. начальника РО МВД – Нога.

В результате проверки жалобы гр-ки Генишар Марии Петровны, поступившей в прокуратуру, установлено, что секретарь Дублянского РК КП(б)У Черноморец К. Г., будучи секретарем Нижне-Устриковского райкома КП(б)У воспользовался тем, что гр-н Генишар Матвей Васильевич был задержан органами МВД, приехал в село Поймы Нижне-Устриковского района к жене Генишар М. В. – Генишар М. П. без всяких на то оснований изъял корову, телку полутора лет и двух восьмимесячных свиней. Указанный скот в райфинотдел не сдал, а присвоил себе.

Гражданин Генишар через некоторое время органами МВД из-под стражи был освобожден. При неоднократном обращении к Черноморцу К. Г. гражданин Генишар о возвращении скота последний скот не возвратил.

XXI. 3 июня 1946 года по указанию инструктора обкома КП(б)У Козакова в Добромильском районе была произведена мобилизация населения через уполномоченного РК КП(б)У и работников МВД. В ряде сел района уполномоченные с оружием в руках насильно вытаскивали людей с квартир и отправляли в районные центры.

XXII. Уполномоченный Добромильского РК КП(б)У Шматко напившись пьяным при проведении мобилизации в селе Тарково открыл бесцельную стрельбу из автомата. В результате чего тяжело ранил местную гражданку Гейда.

По указанным нарушениям прокуратурой области 21 июня 1946 года внесено представление в обком КП(б)У. Представление обкомом КП(б)У 28.VI.46 года рассмотрено и вынесено постановление, которым наложено партийное взыскание на зав. оргинструкторским отделом Дублянского РК КП(б)У Слободчука строгий выговор со снятием с этой работы. Секретарю Дублянского РК КП(б)У Черноморцу вынесен выговор, секретарю Добромильского РК КП(б)У объявлен выговор. Инструктор Добромильского РК КП(б)У Шматко из членов ВКП(б) исключен, снят с работы и предан суду. Зам. начальника РО МВД Нога арестован, дело в расследовании.

XXIII. В Турковском районе незаконно были мобилизованы Сокол Василий 67 лет, Сокол Михаил – 60 лет, Павлик Анна Николаевна – 65 лет, Гашевский Владимир – инвалид Отечественной войны 2-й группы. Таким образом незаконно было мобилизовано по Турковскому району 45 человек.

XXIV. В порядке трудгужповинности в Рудковском районе незаконно был мобилизован 41 рабочий. Прокуратурой области внесено представление Дрогобычскому облсовету по вопросу отмены незаконной мобилизации и возвращения незаконно мобилизованных граждан с предприятий.

XXV. В июне 1946 года прокуратурой области внесено представление в исполком облсовета об отмене мобилизации, проведенной в Рудковском районе, вместо организованного набора рабочей силы для работы на строительство Жидачевского бумкомбината. При проведении мобилизации в Рудковском районе имели место факты запугивания. Кроме этого, мобилизованных насильно сажали на автомашину и отправляли на работу при помощи вооруженных бойцов истребительного батальона.

XXVI. 7 июня с. г. секретарь Крукеничского РК КП(б)У Сафонов совместно с бригадой работников райпартактива выехал в село Гусаков по вопросу выполнения государственного плана и молокопоставок. Зайдя к гражданину Пославскому Михаилу Васильевичу и Пославскому Василию Михайловичу произвели незаконный обыск. При производстве обыска у указанных граждан изъяли 7 штук телячих шкур, которые по заключению комиссии оказались негодными, двух кабанов весом по 90 кг каждый, бычка годового, сала свинного 95 кг, мяса свинного свежего – 30 кг.

Во время обыска избит хозяин двора Пославский Михаил Васильевич 1863 года рождения и Пославская Анна. Сын их Пославский Андрей Михайлович – инвалид Отечественной войны на время обыска был посажен в подвал. Все изъятое имущество сложили на подводу и увезли в Крукеничи, после чего часть сала и мяса была разделена между участниками бригады.

XXVII. В Самборском районе в ночь на 5-е мая 1946 года в село Ваневичи группа военнослужащих 665 стрелкового полка в лице сержанта Семенова Н. А., рядовых бойцов Алексенка Петра Николаевича, Акулова Михаила Даниловича совершили убийство граждан – Сорохманова Ивана Ивановича, Сорохманову Ольгу, Сорохманову

Марию Ивановну, Темник Юрия Алексеевича, Темник Марию. Убийство совершено после изнасилования и ограбления.

XXVIII. В это же время в том районе группой военнослужащих воинской части 04686 в количестве 4-х человек под руководством шофера Вольского совершили 7 ограблений с убийством 3-х человек. На совершение ограбления и убийств упомянутая группа бойцов выезжала на грузовой автомашине, принадлежавшей воинской части 04686. Выезды были без оформления путевок. Все вышеуказанные преступники преданы суду военного трибунала и осуждены. Семенов и Алексеенков осуждены к высшей мере наказания – расстрелу.

XXIX. При проверке 19/II-46 года в КПЗ Старосамборского райотдела МВД выявлено содержание без санкции прокурора 30 человек в течение 19 суток.

XXX. В Боринском районе на 19/II-46 года содержалось под стражей без санкции прокурора в течение 12 дней – 50 человек. Аналогичное положение было выявлено при проверке и в других КПЗ.

XXXI. В Нижне-Устриковском районе по распоряжению зам. председателя райсовета незаконно было передано 6 шт. коров, изъятых по приговорам судов у семей бандитов и переданы райпотребсоюзу для столовой.

И. о. прокурора Дрогобычской области
Советник юстиции Кравченко

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 126. – Арк. 112–116.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 280–284.

№ 144

1946. – Довідка військового прокурора військ МВС Дрогобицької області про злочини працівників органів МВС і МДБ проти українського населення за 1946 рік

Совершенно секретно

СПРАВКА
о нарушениях социалистической законности сотрудниками МВД и МГБ по Дрогобычской области за 1946 год

Всего нарушений социалистической законности в 1946 году (январь–июль) было 12, привлечено по ним 16 человек.

Помесячно нарушения выражаются в следующем виде:

Месяцы	по МВД	по МГБ	Всего случаев	Привлечено лиц
Январь	4	1	5	7
Февраль	1	–	1	1
Март	1	–	1	1
Апрель	2	–	2	2
Май	1	–	1	2
Июнь	2	–	2	3
Июль	–	–	–	–
Всего	11	1	12	16

Характерные факты нарушения социалистической законности.

1) Милиционер каввзвода областной милиции Пузанов М. К. рождения 1926 года, служивший с апреля месяца 1943 года в немецкой армии, а с августа 1943 года по август 1944 года добровольцем Власовской Армии «РОА».

30 марта 1946 года при возвращении с операции из села Волоща Меденичского р-на самовольно выехал в село Грушево, где напился пьяным и проезжая верхом на лошади по селу Литыня задержал г-ку Химяк Анастасию 1905 года рожд., а в пути следования по селу расстрелял ее с автомата.

27 мая сего года дело Пузанова рассмотрено Военным Трибуналом в присутствии личного состава сотрудников милиции (присутствовало до 100 чел.) с участием сторон (адвоката и военпрокурора). Пузанов подвергнут Военным Трибуналом на 15 лет каторжных работ с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

2) Уполномоченный уголовного розыска Комарновского РО МВД ст. сержант милиции Григорьев Г. К., 1914 года рожд. 27 января 1946 года будучи в нетрезвом состоянии при допросе гр-н Михайлича Андрея, Карась Анастасии и Дуда Пелагеи применял угрозы и физические меры воздействия, наносил удары ногой и стулом, а г-на Заворинского Ф. А., 45 лет, не добившись нужных ему показаний застрелил в кабинете из револьвера «Наган».

Дело Григорьева рассмотрено Воентрибуналом среди личного состава с участием сторон 22 марта 1946 года. Григорьев подвергнут по ст. 206-17б УК УССР к ВМН – расстрелу.

3) 10 мая 1946 года Журавновским РО МВД в подозрении к оуновской организации был задержан заведующий райземотделом Яцишин П. Г.

14 мая Яцишин был допрошен начальником Журавновского РО МВД капитаном Федоровым и зам. начальника ОГБ УМВД по истребительным батальонам (находившимся в командировке) лейтенантом Сильченко, но так как Яцишин никаких показаний не давал, свою связь с оуновцами отрицал, Федоров и Сильченко применяли к Яцишину физические меры воздействия, избивали по голому телу резиновым прутом, и тогда когда Яцищин находился без сознания спровоцировали ему побег и застрелили. Труп увезли и сбросили в реку Днестр.

Виды нарушения

Самочинные расстрелы	6
Убийства, ранения	6
Грабежи	1
Избиения	3
Изъятие и присвоение имущества	2

Сроки разрешения материалов от момента совершения нарушения до момента возбуждения дела

До 5 дней	2
До 15 дней	2
До 1 мес.	2
До 2 мес.	2
Свыше 2 мес.	4

Как видно, сроки от момента совершения нарушения до момента возбуждения являются слишком длительными.

Причинами к этому является –

1. Слишком длительное время материалы находятся на санкции в Министерстве.

2. Позднее получение информации с районов.

Примеры:

1. Начальник Судово-Вишнянского района капитан милиции Зуев 9 января 1946 года, будучи в селе Дидятычи, находясь в состоянии опьянения, задержал рабочего железнодорожной станции, возвращавшегося с работы гражданина Шпилька, 1906 года рождения и, несмотря на предъявление последним удостоверения личности и военного билета, посадил его на подводу, избивал прикладом винтовки, после этого произвел выстрел и тяжело его ранил. Через сутки гражданин Шпилька от ранения умер.

Материал на истребование санкции с Министерства Внутренних Дел УССР находился около 2-х месяцев. Арестован Зуев после совершения преступления только 18 марта 1946 года. Таким образом, после совершения преступления Зуев привлечен и осужден почти через 5 месяцев.

Необходимо отметить, что нарушения социалистической законности в основном связаны на почве пьянства и морального разложения сотрудников МВД. Так, например:

1. Пьянство и моральное разложение	8 чел.
2. Незнание своих прав и обязанностей	1 чел.
3. Политическая и культурная отсталость	1 чел.
4. Месть врагам	2 чел.
5. Небрежность и халатность	1 чел.
6. Извлечение материальных выгод	2 чел.
7. По антисоветским мотивам	1 чел.

Карательная практика

Каторжные работы	1 чел.
ВМН – расстрел	2 чел.
10 лет лишения своб. в ИТЛ	1 чел.
От 5 до 10 лет лишения свободы в ИТЛ	5 чел.
От 5 до 1 года лишения свободы в ИТЛ	нет.

Из прошедших дел на 9 человек с судебной перспективой в основном карательная практика Военного Трибунала является правильной. На 7 человек дела находятся в стадии следствия.

Военный прокурор войск МВД Дрогобычской области
майор юстиции Александров

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 126. – Арк. 109–111.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 284–286.

№ 145

1947. – Січень. – Донесення зав. сектором відділу ЦК КП(б)У у західних областях України секретарю ЦК КП(б)У про боротьбу з українськими повстанцями і про злочини окупаційного режиму

ДОНЕСЕНИЕ
о борьбе с бандами в западных областях УССР за 1946 год

Органами МВД-МГБ, внутренними и пограничными войсками в течение 1946 года проведено **97.903 оперативно-чекистских мероприятий,** в результате которых разгромлено до 100 бандгрупп и ОУНовских организаций, при этом **убито 10.774, арестовано 9.541 бандитов и членов ОУН, а также явилось с повинной 6.120 бывших бандитов.**

Среди убитых и захваченных членов центрального провода – 3 чел., краевых проводников ОУН «Данило», «Роберт», «Арсен» и другие.

Бандитами за это время совершенно 2598 бандпроявлений, из них:
в Тернопольской области – 912
Станиславской – 457
Львовской – 284
Волынской – 277
Дрогобычской – 265
Ровенской – 250
Черновицкой – 153

Большим существенным недостатком в работе партийных организаций органов МВД и МГБ является то, что в западных областях УССР имело место большое количество нарушений советских законов:

Таких было:

Области	в I полугодии 1946 г.	во II полугодии 1946 г.	Всего
Волынская	111	97	208
Дрогобычская	73	57	130
Львовская	174	86	260
Ровенская	168	85	260
Станиславская	108	176	356
Тернопольская	196	157	353
Черновицкая	27	15	42
	929	673	1602

Зав. сектором отдела ЦК КП(б)У
по западным областям Богомолов

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 221. – Арк. 94–95.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 286–287.

№ 146

1947. – Січня 8. – Доповідна записка Міністерства державної безпеки УРСР в ЦК КП(б)У про рукописний відділ Львівського філіалу Академії наук УРСР

Совершенно секретно
Экз. № 1

Секретарю ЦК КП(б) Украины
тов. Литвин К. З.

Министерство Государственной Безопасности Украинской ССР располагает данными, что в рукописном отделе Львовского филиала Академии наук УССР хранятся совершенно секретные документы бывшего Каменец-Подольского жандармского управления о большевиках, анархистах и эсерах.

Среди документов о большевиках имеются жандармские справки о Ленине, Крупской, Плеханове и др.

Кроме того, имеются альбомы, фотографии политических деятелей, альбомы арестованных, а также на тех лиц, которые разыскивались полицией.

Там же хранится архив профессора Старосольского Владимира, известного националистического деятеля в Западной Украине (умер в ссылке в Казахстане), о действиях украинских националистов в Лондоне, Париже в период 1918–1920 гг., а также стенограммы бесед украинских делегаций с иностранными представителями.

В свое время этот отдел возглавлял известный враг украинского народа Дорошенко Владимир Викторович, который сконцентрировал в нем все секретные документы Петлюры, Винниченко и других буржуазных националистов.

Таким образом рукописный отдел богат различными интересными материалами, представляющими большое политическое значение.

В настоящее время отдел возглавляется националистически настроенной Деркач Марией Демьяновной, 1896 года рождения, старшим научным сотрудником Львовского филиала Академии наук УССР, располагающей большими связями с различными лицами, проживающими в областях Западной Украины, посещающими ее по вопросам документов, находящихся на хранении в рукописном отделе.

До сих пор эти архивные документы, имеющие важное историческое значение, не приведены в порядок и не все взяты на учет.

Сообщая вышеизложенное считаю целесообразным создать квалифицированную научную комиссию для разработки и изучения вышеупомянутых архивов.

О Вашем решении прошу меня уведомить.

Министр Государственной безопасности Украинской ССР Савченко

8 января 1947 р.
№ 74/с
г. Киев

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4517. – С. 1–2. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 362–363.

№ 147

1947. – Лютого 13. – Лист ЦК КП(б)У в ЦК ВКП(б) про книгосховище Наукового товариства ім. Т. Шевченка

ЦК ВКП(б)
товарищу Александрову Г. Ф.

Недавно Архивным Управлением МВД УССР произведена по поручению ЦК КП(б)У проверка содержания книгохранилища бывшего товарищества им. Т. Г. Шевченко в гор. Львове. Среди большого количества рукописей и документов, сосредоточенных в этом хранилище, найдены материалы и переписка М. Грушевского, В. Винниченко, Старосольского, О. Назарука, К. Студинского, А. Крушельницкого, а также ряда других украинских националистических деятелей, контрреволюционных организаций и партий.

В материалах и рукописях В. Винниченко обнаружены оригиналы нескольких адресованных ему писем М. Горького. Копии этих писем направляю Вам при этом.

К. Литвин

№ 121/16
13.11 1947 г.
Мг 2

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4517. – С. 4. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 365.

№ 148

1947. – Лютого 26. – Доповідна записка начальника відділу УМВС у Львівській області інструктору ЦК КП(б)У про грабіжницькі дії керівних осіб каральних органів області, знущання над заарештованими українцями

Совершенно секретно

Инструктору ЦК КП(б) Украины
товарищу Ткач – (лично)

На поставленные мне вопросы в отношении нарушения советской законности, расхищения социалистической собственности, присвоении материальных ценностей и использование своего служебного положения в личных интересах, допущенных некоторыми работниками управления МВД по Львовской области, могу пояснить следующее:

1. О нарушении советской законности.

В погоне за внешними показателями в карьеристических целях бывшим начальником управления МВД по Львовской области комиссаром милиции 2-го ранга Грушко неоднократно давались указания работникам управления МВД и райотделам

МВД по работе, явно противоречащих директивам и распоряжениям МВД СССР и МВД УССР.

Факты: а) несмотря на неоднократные протесты с моей стороны, заместителя начальника ОББ по следствию майора Абрамова и бывшего начальника 1-го спецотдела подполковника Володарского, по распоряжению Грушко райотделам МВД до 15-го августа 1945 года была предоставлена возможность производить самостоятельные аресты без всякого, даже последующего согласования с управлением МВД.

В результате этого указания райотделами МВД были допущены незаконные аресты и другие виды нарушения советской законности. Эти указания еще до сих пор дают себя чувствовать в следственной работе;

б) в конце 1944 и начале 1945 года было получено распоряжение МВД УССР произвести операцию по изъятию контрреволюционного элемента.

До начала операции Грушко на совещании руководящих работников УМВД дал явно нарушающие советскую законность указания:

1. Арестовать по городу Львову не менее 7 тысяч человек, не имея на это никаких оснований и материалов (в действительности в эту операцию было арестовано по материалам только 497 человек).

2. Арест производить по спискам с последующим оформлением.

3. Опись имущества арестованных в момент операции не производить, а произвести таковую позднее.

В результате такой установки были допущены недостаточно обоснованные аресты. Оформление следственных дел затянулось. Процессуальные нормы УПК нарушались. Кроме того, были созданы условия для присвоения материальных ценностей арестованных. На указанном выше совещании присутствовали быв. начальник 1-го спецотдела УМВД – Володарский, его заместитель Логинов, быв. зам. начальника ОББ – Свиридов и другие.

в) Министр внутренних дел УССР генерал-лейтенант тов. Строкач неоднократно предупреждал о недопущении случаев применения физического воздействия при допросах арестованных. Несмотря на это, Грушко давал начальникам райотделов МВД указания применять физические методы допросов. Это, по-моему, и привело к прямому произволу в ряде райотделов МВД – (самовольные расстрелы и избиения). Достаточно указать на такой факт, который подтверждает этот произвол: в Олесском РО МВД во время допроса был избит арестованный до такого состояния, что тут же умер на стуле (Йдеться про замордованого повстанця Левка Якимовича Дмитріва («Нечая») із с. Ожидова. – *Ред.*). **Вместо расследования этого возмутительного факта и привлечения виновных к ответственности, Грушко ограничился примерно следующей резолюцией на шифртелеграмме начальника РОМВД – Рябова и заместителя начальника УМВД – Курищенко.**

«ОББ – Заставь дураков богу молиться, они и лоб рады разбить». Об этом факте я информировал инструктора ЦК КП(б)У тов. Богомолова и парторганизацию УМВД.

Характерно, что быв. начальник Олесского РО МВД – Рябов все время находился под защитой Грушко и Курищенко, в таком же положении находились и некоторые другие начальники РО МВД. Поэтому творимые преступления Рябовым и другими оставались долгое время без реагирования. Это я объясняю только тем, что Грушко

и Курищенко задобривались материальными ценностями, изъятыми у арестованных (ковры, аккордеоны, продукты питания и другие предметы). **Грушко сам лично неоднократно в присутствии сотрудников избивал задержанных и арестованных, чем давал повод и другим.**

В конце 1946 года мною проводилась операция в селе Ново-Яжув Яворовского района, где после перестрелки были убиты четыре бандита. Арестованный мною и доставленный в РОМВД гр-н Петришин Иван – хозяин дома, где были бандиты, был избит Грушко в присутствии меня, нач. РО МВД, его заместителя и других.

2. Расхищение социалистической собственности.

а) На протяжении 1945–1946 гг. по распоряжению Грушко имели место неоднократные выезды работников хозо УМВД на машинах за границу, главным образом в Германию. Ездили за границу быв. комендант УМВД – Майстеров, быв. начальник АТО хозо УМВД – Муратов, механик АТО хозо – Кобзев и другие.

Помимо автомашин, из заграницы привозились: ковры, шерстяные ткани и другие промтовары, куда эти товары девались, покрыто мраком неизвестности. Часть ковров и других предметов переданы или «проданы» Грушко, Степанченко и Чумакову. Для того, чтобы избежать вокруг этого разговоров и скрыть действительное растранжирование ценностей, по указанию Грушко комендантом Майстеровым были проданы работникам УМВД, в том числе мне, несколько отрезов клеенки на плащ по 50 рублей отрез.

б) Для руководства работой по изъятию промышленных товаров, привозимых из заграницы, в эшелонах и поездах военнослужащими сверх установленных норм, был назначен Грушко, его заместитель Курищенко. Зная о том, что Курищенко вообще не чист на руку, все же ему была поручена эта работа. В результате чего, Курищенко присвоил на сотни тысяч рублей изъятых материальных ценностей. За что был исключен из партии. Много изъятых предметов до поступления в реализацию были подменены. Вообще с этим делом не плохо было бы подробно разобраться, т. к. такие как Грушко, Курищенко крепко погрели здесь руки, хапали все, что попадалось. Некоторые подробности порядка изъятия, по-моему, известны быв. работнику отдела спецперевозок МВД тов. Гуляеву, ныне находящемуся в том же отделе в Киеве.

Об этих и многих других расхищения и присвоениях неоднократно ставился вопрос перед Грушко, но мер никаких принято не было до разбора Курищенко в партийном порядке.

в) Имели место случаи, когда Курищенко, пользуясь своим положением, брал со склада хозо ценные предметы – фотоаппараты, аккордеоны и другие, и на это никто не обращал внимание.

При выездах в районы Грушко и Курищенко не стеснялись забирать предметы, которые им понравились. В Рава-Русском РОМВД Грушко был взят ковер у бывшего начальника Малышева, несмотря на предупреждение, что этот ковер из конфискатов. Изымались предметы, спирт и т. д. в Олесском, Поморянском и других райотделах МВД. По непроверенным данным, Курищенко во время операции в Олесском районе присвоил крупную сумму денег. Подробности об этом известны заместителю начальника УМВД полковнику Седову. Эти действия со стороны Грушко и Курищенко давали повод к злоупотреблениям некоторых работников РОМВД и УМВД.

3. Использование своего служебного положения в личных интересах.

На службе Грушко окружил себя подхалимами, которые прикрывали свою бездеятельность, а зачастую и преступления подачками.

Факты: В УТЛК УМВД неоднократно совершались массовые побеги, незаконные освобождения заключенных и т. д. Все это оставалось без реагирования, т. к. начальник УТЛК УМВД – Петровский «снабжал» всем чем угодно Грушко и его семью. Такие же «снабжения» производились за счет государства начальником ОДББ УМВД – Мачера, начальником ХОЗО УМВД – Чумаковым, ответственным секретарем «Динамо» Сичиневичем.

Здесь наличествовала полная семейственность. Грушко попал в материальную зависимость указанных лиц. А поэтому, вполне естественно, эти лица находились на лучшем счету и поощрялись по службе.

Совершенно не случайно весь аппарат УМВД называл начальника ХОЗО УМВД Чумакова первым заместителем Грушко, а Петровского вторым. Помимо полагающего снабжения, Грушко получал из ХОЗО УМВД и спецторга сразу десятки промтоварных ордеров и отбирал лучшие товары. В то время, когда сотрудники УМВД обеспечивались очень плохо, Грушко ухитрялся получать, вернее хапать везде. По неизвестной причине Грушко весьма часто менял своих адъютантов, как видно, тоже с определенной целью. Причем некоторые из них быстро продвигались по службе (Тканич, Демидов, Краснов, Долгий, Плетенец и др.).

Характерно отметить такой факт, когда пойманный с поличным взяточник и проходимец бывший инспектор ХОЗО УМВД – Вильф не был привлечен к уголовной ответственности и скрылся по непроверенным данным за границу.

Оперативной работой Грушко не интересовался. Оперативной обстановки в области по существу не знал. За все время ни разу не руководил операциями по борьбе с бандитизмом, да ему и некогда было этим заниматься. В районы выезжал редко, помощи в работе по борьбе с бандитизмом и оуновским подпольем не оказывал. Зачастую результаты хорошо проводимой операции присваивал себе, в то время когда сам никакого участия не принимал.

Иногда некоторые факты доходили до анекдотов. Так, Грушко имел в своем распоряжении 4–5 автомашин для личного пользования, в то время когда в ОББ для оперативной работы не было ни одной.

Грушко часто бравировал своими связями среди ответственных работников Москвы и Ленинграда, своим званием и положением, чем по существу прямо запугивал работников УМВД, чтобы не вскрывали указанных безобразий.

Изложенные мною факты отражают только незначительную часть всего того, что творилось в УМВД по Львовской области. Многие факты мне неизвестны, т. к. в большинстве случаев я находился в районах.

В управлении МВД по Львовской области я работал с августа 1944 года по май 1946 года в должности ст. нач. ОББ.

Член ВКП(б) Костачев
партбилет № 2214194

26 февраля 1947 года

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 115. – Арк. 45–51.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 290–292.

№ 149

1947. – Березня 31. – Інформація військового прокурора військ МВС Дрогобицької області обкому КП(б)У та військовому прокурору військ МВС Українського округу про притягнення до кримінальної відповідальності учнівської молоді у 1946–1947 рр.

Секретарю Дрогобычского обкома КП(б)У тов. Горобец
Копия: Военному прокурору войск МВД Украинского округа
полковнику юстиции тов. Семашко

Обзор
по данным о привлечении к уголовной ответственности учащихся за совершение контрреволюционных преступлений за 1946 г. и некоторых фактов 1947 года

Изучение прошедших через военную прокуратуру войск МВД Дрогобычской области дел спец. подсудности за 1946 г. и начала 1947 г. показывает, что основным видом контрреволюционных преступлений со стороны учащихся являются – участие в контрреволюционной националистической организации Украинско-немецких националистов, участие в бандах «УПА» и пособничество бандитам УПА и ОУН.

За 1946 г. привлечено к уголовной ответственности и осуждено по области –

1) учащихся 6–10 классов	– 43 чел.
2) учащихся техникумов	– 27 чел.
3) учащихся пед. училищ и школ	– 9 чел.
4) учащихся школ ФЗО и ж-д училищ	– 8 чел.
5) учащихся торгово-кооперативных школ	– 5 чел.
6) учащихся курсов	– 3 чел.
Итого	– 95 чел.

Отдельно по районам эти данные составляют:

1) Стрыйский район и гор. Стрый	– 22
2) Дрогобычский район и гор. Дрогобыч	– 20
3) Жидачевский район	– 12
4) Николаевский район	– 10

Среди привлеченных учащихся из сельхозтехникума с. Черницы Николаевского района – 8 человек, учащихся стрыйских педшкол и педтехникумов – 8 человек, учащихся Дрогобычского нефтетехникума – 8 человек, учащихся Бережницкого зоотехникума – 6 человек, учащихся Дрогобычской торгово-кооперативной школы – 5 человек, учащихся Самборской педшколы – 3 чел.

По «окраске» за совершение контрреволюционных преступлений привлечено:

1) участников ОУН	– 61 чел.
2) пособников и соучастников УПА	– 19 чел.
3) участников дивизии СС Юнаки	– 5 чел.
4) участников банд УПА	– 4 чел.

5) участников диверсий и по антисоветской агитации	– 3 чел.
6) полицейских	– 1 чел.
7) недоносителей	– 1 чел.
8) прочих	– 1 чел.
Итого	– 95 чел.

По возрастному составу привлечено 1931 года рождения – 5 человек, 1930 года рождения – 12 человек, 1929 года рождения – 15 человек, 1928 года рождения – 36 человек, 1927 года рождения – 8 человек, 1926 г. р. – 13 человек, 1924 г. р. – 3 чел., старше 1924 г. р. – 3 человека...

Военный прокурор войск МВД Дрогобычской области
майор юстиции Александров

ДАЛО. – Ф. 5001. – Оп. 8. – Спр. 263. – Арк. 66–66, 69. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 372–373.

№ 150

1947. – Квітня 23. – Із протоколу наради секретарів обкомів КП(б)У і начальників облуправлінь МДБ західних областей УРСР про боротьбу з українським національно-визвольним рухом

Секретно

ПРОТОКОЛ
совещания секретарей обкомов и начальников облуправлений МГБ
западных областей УССР

гор. Львов,
23.IV.47 года

Присутствовало 38 человек

Информация Министра Госбезопасности УССР тов. Савченко
«О ходе борьбы с бандами украинско-немецких националистов»

Тов. Савченко говорит – количество бандпроявлений по западным областям увеличивается. Особенно проявления растут по Дрогобычской, Станиславской, Тернопольской, Ровенской и др. В западных областях насчитывается 221 бандитско-террористических групп, в которых свыше 1700 человек. Одновременно следует отметить, что наши органы ослабили нажим на украинско-немецких националистов. Нарастание проявлений объясняется тем, что после проведенной большой работы во время подготовки к выборам, наши органы МГБ успокоились, допустили благодушие. В связи с передачей дела борьбы из МВД в МГБ много времени ушло на оргперестройку, долго длился процесс передачи дел. Некоторые воинские части и подразде-

ления работают еще неудовлетворительно, не оперативно. В Станиславской области войска используются на охране разных объектов, которые должны охранятся не ими. Войска МГБ не проявляют гибкости, не изучают обстановки. Войска не охватывают всех населенных пунктов, пораженных бандитизмом. Войска МГБ не увязывают как следует свою работу с органами МГБ. Наши органы и войсковые командиры, во многих случаях, плохо готовят операции, не изучают подходов, не создают внезапности, действуют медленно. Во многих районах не проводится оперативная работа в субботу и воскресенье, а в эти дни бывает больше всего бандпроявлений. Истребительные батальоны в ряде случаев плохо используются, среди них не ведется политическая работа, в некоторых случаях они предоставлены самими себе. Этим пользуются ОУНовцы и разоружают отдельные истребительные батальоны...

Тов. Крутов – (Начальник обл. управления МГБ Станиславской области). Станиславская область засорена. **521 подполье и 450 бандитов.** Эти бандиты действуют разрознено, без руководства. За последние 3,5 месяца обезврежено около 900 чел. (убито, захвачено, явилось с повинной). Однако это не дало ощутительного результата, который нам нужен. Много бандпроявлений. В третей декаде марта особенно резкое увеличение количества бандпроявлений, в результате чего имели большие потери (101 чел. за 3 месяца 20 дней). В истребительных батальонах 4500 человек. Они провели некоторую работу, но очень слабую. До сих пор мало уделяли внимания истребительным батальонам. Нач. райотделов, как правило, забывают об истребительных батальонах. Там, где хорошо работают с истребительными батальонами, они громят бандитов. Надо почистить, освободиться от сомнительных людей, от тех, кто связан с бандитами. Нужно упорядочить вопрос о явке с повинной.

Л. М. (Каганович – *Ред.*) – Как вы думаете ликвидировать банду, которая сделала налет на с. Яблоница? Как вы думаете бандитов забрать, поймать? Расскажите план ликвидации этой группы в 5 чел., какими методами, конкретно.

Крутов – Посылаем маршрутные отряды, оперативных работников. Основной упор – работа на селе. У нас наиболее слабые н-кй в 10 районах, все это горные районы поражены.

т. Каганович – Может быть помочь людьми?

Крутов – Очень прошу помочь людьми.

т. Хрущев – Вы не ответили на все вопросы Л. М. Проявлений много. Почему нет тревоги в обл. руководстве, когда проявления. «Выслана опергруппа» – это бюрократическая отписка. Не рассматривают как происшествие.

Крутов – Это правильно. Дальше тов. Крутов говорит, что очень долго, годами оформляются дела на выселение бандитов.

Слонь – Наши главные недостатки – слабая работа сельсоветов.

Предложения: к оставшимся бандитам применять строгие меры, ликвидировать. Дать срок месяц – кто не явится – не щадить, судить. Семьи репрессировать, как изменников родины. Выслать семьи осужденных как ЛМИ. Отдельные населенные пункты, где много бандитов и пособников, выселить...

Слонь – Нужно, чтобы кулаки отвечали за бандпроявления. Предупредить кулаков, если есть проявления, привлекать к ответственности кулаков. Усилить истребительные батальоны, улучшить политическую работу, улучшить материальное положение бойцов истребительных батальонов. Выделить промтовары. Отпустить средства для премирования наиболее отличившихся в борьбе. Награждать орденами.

Провести паспортизацию. Помочь закончить в 1947 году телефонизацию сельсоветов. Обеспечить райотделы МГБ транспортом, хотя бы по одной грузовой машине и 5 машин для облуправления. Просить помочь кадрами чекистских работников. Прошу наградить людей, отличившихся в борьбе с бандами.

т. Каганович – Когда кончите? У вас и дальше будут расти проявления?

Слонь – У нас силы есть. Если санкционируете те мероприятия, которые мы предлагаем, мы улучшим дело, бандпроявления ликвидируем.

Майструк – нач. обл. управления МГБ (Дрогобыч). – За 1947 год убито в области 1006 бандитов, полностью ликвидировано 3 районных провода. За это время ликвидировано 39 бандгрупп и ОУНовских организаций – полностью и частично. В Дрогобыче раскрыта крупная молодежная организация. Также была раскрыта террористическая группа в Стрие.

Дрогобычская область одна из активных по бандпроявлениям. В марте в Комарновском районе в одну ночь убито 13 чел. Мы плохо вскрываем бандпроявления. Из 81 бандпроявлений раскрыто полностью и частично 34. Через агентуру частично уничтожена бандгруппа, проводившая теракт в Комарно.

В апреле 16 бандпроявлений. Что собираемся делать дальше? После решения ЦК КП(б)У – разработали свой план по оперативной и войсковой работе, а также по отдельным бандам и проводам...

т. Горобец – Население Дрогобычской области относится хорошо к мероприятиям советской власти. (Успешная реализация – заем, хлебопоставок). По бандпроявлениям мы идем на уровне прошлого года. В марте бандпроявления резко возросли. Причины: передача дел от МВД в органы МГБ.

Намечены мероприятия:

а) затянули разработку бандбоевок и проводов, сейчас эти мероприятия составлены.

По политической работе мы также составили мероприятия. Осужденные националисты в 1946 году распределяются так: мужчин – 40%, женщин – 60%. Это указывает на наличие большой женской прослойки среди подполья. По УПА женщин – 8%. По возрасту из 780 человек членов ОУН, около 100 чел. – молодежь до 25 лет. Необходимо усилить внимание на улучшение работы с молодежью и в особенности с учащимися.

Из 416 человек осужденных молодежи кулаков – 28 чел., середняков – 150 чел., около 30 чел. бедняков... Участковых уполномоченных иметь в каждом селе или на два села уполномоченного. Установить сроки явки с повинной. Больше не продлять срок. Дать еще один документ и на этом закончить. Семьи активных ОУН и их пособников надо выселить.

т. Каганович – Много ли задерживают дел в особом совещании. Все ли секретари утверждают, что долго задерживают. Совещание у нас деловое, а не научное. Мы хотим знать, когда вы уменьшите банды, вы (т. Горобец) должны нам сказать об этом?

т. Горобец – Намеченные мероприятия позволяют нам уменьшить бандпроявления.

т. Каганович – т. Горобец, какие Вы берете на себя обязательства?

т. Горобец – К середине июня мы ликвидируем банды, а в мае ликвидируем 35 банд.

т. Воронин – нач. УМГБ (Львовская область) – Мы полностью не ликвидировали банды и ОУНовское подполье. В 1947 году полностью ликвидировано более 30 банд и ОУНовских групп, дальше перечесляет, что было сделано. Накануне выборов была ликвидирована ОБЗУ (Організація бійців за волю України. – *Ред.*). За последнее время начинают поднимать голову реакционеры-интеллигенты. Во Львове мы имеем среди интеллигенции, которые призывают к террору. Львовский краевой провод имеет 25 чел. Остались фанатики и их надо уничтожить. За последнее время бандпроявления увеличились... Среди странников из восточных областей много агитируют против колхозов. Основная масса арестованных – молодежь... Легализованные бандиты, в ряде случаев, поддерживают связь с подпольем. В западных областях надо провести одновременную операцию по выселению.

т. Грушецкий – В последнее время бандпроявления увеличиваются. Причины: ослабление борьбы с бандами, отсутствие конкретности в политической работе. Районные работники МГБ не сумели возглавить борьбу с бандами. Они не сумели обеспечить войска необходимыми мероприятиями. Работники МВД больше держали связь с партийными организациями. Имеется изменение засекреченности.

т. Каганович – Работники МГБ обязаны информировать партийных руководителей о политическом положении, агентуры не надо раскрывать. Нет большевистского взаимодействия между пограничниками и МГБ.

т. Грушецкий – Сейчас проявления идут, главным образом, где имеется подполье. Надо штабы войск перебросить в пораженные села. Не все войска принимают участия в борьбе с бандами, по Жовковскому району из 35 чел., только 11 чел. активно ведут борьбу. Политические мероприятия: проверяем состав с/с, намечаем послать коммунистов и КСМ в села. Отношение к кулаку должно быть более решительным. Село надо освобождать от кулака. Львовская интеллигенция: реакционная часть сейчас начинает рассуждать – большевики с колхозами в восточных областях не справились, надо, чтоб здесь не допустить создание колхозов.

т. Матвиенко – нач. обл. управления МГБ по Волынской области. В области количество бандпроявлений возрастает. Уничтожено за время с 1.1. – 631 чел. В области действует около 400 бандитов и подпольщиков. Недостатки: слабая работа с бойцами истребительных батальонов. Надо некоторых пойманых бандитов судить особым совещанием, т. к. на обычном суде свидетели боятся давать показания. Нужны собаки.

т. Каганович – Надо помочь т. Савченко.

т. Савченко – Собак было мало, скоро получим больше.

т. Матвиенко – Часть состава нужно использовать ночью, создавая подвижные ночные группы. Организовать засады в местах вероятного нападения бандитов на актив и др. объекты.

т. Профатилов – Некоторые операции проводятся формально и много отвлекается сил. **Из 100 операций 22 удачных, из 1070 засад три удачных.** Засады проводят плохо, толка никакого. Много шума, бандиты знают, засада уходит, бандиты приходят и убивают хозяина. Прочески лучше организовывать. У нас не оправдали себя рейдовые группы. За тремя человеками ходит рота. Надо пересмотреть. Нужно заставить наших оперработников работать в одиночку. Они боятся бывать в селах в одиночку. На засады посылать 2–3 чел. и даже одного. Неправильно, что органы МВД совершенно ушли от борьбы с бандами.

Нужно участковых уполномоченных МВД оставить во главе истребительных батальонов. Весной бандиты будут пытаться активизировать свою работу, нам нужно не допускать активизации и разгромить окончательно...

т. Цветухин – Нач. облуправления МГБ по Ровенской области.

Рассказав об итогах борьбы с бандами по области, т. Цветухин остановился на мероприятиях, намеченных обкомом и облуправлением. До сих пор не было внимания, т. н. стыкам. На границах районов и областей банды долгое время безнаказанно действуют, т. к. нет увязки между районами и областями. Этот недостаток надо устранить. Нужно укрепить истребительные батальоны, особенно усилить руководство, подобрать хороших начальников. Отсутствие транспорта отражается на работе. Много уделяем внимания на проведение операции в ночное время, т. к. днем они дают мало результатов.

т. Бегма – В Ровенской области также в последнее время ослаблена борьба с бандами. 4 месяца не было твердого решения кто будет начальником облуправления МГБ. В с. Голышев убито 18, арестовано 43, действуют 8 чел. (воїнів УПА – Я.Л.).

Органы прокуратуры очень часто отклоняют дела без всякого основания, вследствие чего многие пособники остаются безнаказанными. Судьи и прокуроры формалисты.

т. Каганович – А что вы не можете придерживаться порядка и оформлять, как следует? Пособником можно сделать и того, кто не виноват. Поэтому судья требует, чтобы все законы были соблюдены и вы их придерживайтесь. Вносит предложение о награде отличившихся.

т. Коломиец – нач. облуправления МГБ (Тернополь).

За 1947 год ликвидировали 31 организацию. Физически уничтожено 300 бандитов. Считаю целесообразным отметить наградами отличившихся. Раскрываемость слабая из-за плохой связи, сообщения получаем с большим опозданием. О истребительных батальонах – вместе в ОК КП(б)У мы оказали материальную помощь (семена, промтовары). Органы работают методами 1945–1946 гг. – это крупный минус. Считаю, что на селе должен быть либо истребительный батальон, группа самоохраны, но не две организации сразу. Руководство операциями часто поручается второстепенным людям. Отсутствует нужная ответственность за проваленную операцию. Не производятся вызовы населения. Я бы не сказал, что истребительные батальоны отжили, но сейчас они обезглавлены. **Участковые уполномоченные теперь тройками ходят, а вечером идут в райцентр...**

т. Вовк – секретарь Черновицкого обкома КП(б)У.

Установлено, что бандиты действуют в одних и тех же селах, где их поддерживают. Содержание ОУНовской агитации – клянут колхозы. В одной из операций мы захватили инструкцию о воспитании ОУНовцев.

т. Строкач – После передачи дела борьбы с ОУН перед нами была поставлена задача улучшить деятельность милиции. Теперь, в результате принятым мерам сбили уголовную преступность. Отстранить органы МВД – массовые органы от борьбы с бандами нельзя, т. к. они находятся на селе, в городе. После передачи нами ликвидировано 60 групп бандитов и т. д. За это время мы потеряли больше 60 человек. Причину увеличения бандпроявлений надо искать в ослаблении борьбы с бандами. Не согласен с тем, что упадок борьбы произошел из-за передачи. Я советовал не производить реорганизацию, пересмотр кадров. Надо дать совместный приказ о координации, обмене мнениями между МВД и МГБ.

О истребительных батальонах – не согласен с т. Бегма о роспуске истребительных батальонов, ликвидировать их это значит идти по линии наименьшего сопротивления. Надо дать право участковым уполномоченным, в зависимости от оперативной обстановки, командовать истребительными батальонами.

Выселять надо только семьи тех, кто находится на нелегальном положении. Выделение участкового уполномоченного на каждый сельсовет я приветствую. Проводить во всех селах паспортизации не следует. Во всех селах надо провести учет населения. Ликвидировать бандитизм без ликвидации подполья невозможно.

т. Дроздов – Наши работники не заметили происшедших процесов. ОУНовцы перешли к мелким группам, к террору. Не учитываются также одиночки. Надо крепко взяться за одиночек, наряду с ликвидацией банд. Надо за бандитами гонятся до уничтожения – эта возможность сейчас имеется. С оперативными уполномоченными мы плохо работаем. Надо, чтобы тт. Савченко и Строкач дали совместный приказ о руководстве истребительными батальонами, участковыми уполномоченными.

Выступление товарища Хрущева

Вопрос борьбы теперь приобретает особое значение, кончилась война, много пришло работников из армии (СМЕРШ). Значит есть больше условий для разгрома ОУН. Обстановка стала лучше, но это самолюбование нам ничего не дает. Надо думать о том, почему мы до сих пор терпим ОУН. Нового в методах ОУН ничего нет, были у них директивы перейти к мелким группам, неустойчивых отсеять, перейти к мелким группам и уйти в глубокое подполье.

На сегодня нам войска полевые мало могут помочь. Если увеличить воинские части – это значит в каждом селе поставить гарнизоны, но это мы позволить не можем. Надо сказать главное – создать условия, т. е. иметь аппарат, который бы освещал положение в селе. Противник находится среди населения. Без упорной работы МВД, МГБ нам трудно будет справиться.

Заминка при передаче была и это отразилось на работе, надо на периферии, может быть, кое-кого и заменить. Мы не требовали, чтобы партийным работникам давали список агентуры, но мы требовали того, чтоб они все знали о положении дел. Мы усилим наши возможности, если соединим усилия парторганизаций и органов МГБ. Положение требует, чтоб у нас на работе нач. РО МГБ были партийные люди, но можем ли мы поручиться за каждого нач. МГБ, нет, не можем. Сейчас контроль только по вертикали, мне думается, что надо время от времени парткомитетам проверять и агентуру. Не так давно мы своей неумелой работой много загубили ценной агентуры.

Сейчас никакая атомная бомба не поможет, если не возьмемся за агентуру. Надо организовывать и контролировать – я считаю это главное. **Нам стыдно, что у нас два года сидит Шухевич и мы не можем с ним справиться.**

О высылке семей бандитов, если вопрос туго проходит, то это надо ускорить, надо ударить по этой линии, более активных пособников ОУН надо выселить.

Об истребительных батальонах – они сыграли положительную роль. Я считаю, что ликвидировать их не следует. Видимо надо пойти на их уменьшение. Может быть их оставить т. Строкачу. В наших условиях ОСОБМИЛы надо рассматривать и как средство борьбы с бандитами.

Об амнистии, мы ее ограничили сроком до 20 июля 1945 года, она бесконечно не может быть. Давайте сейчас решим этот вопрос. Может быть еще придется издать

какой документ – все средства хороши, о явившихся с повинной разговор не серьезный, надо чтоб наши органы все предусмотрели и не дали бы себя одурачить.

Суды и прокуратура – вполне законный антагонизм между ними, не надо регулировать это. Иной раз формально к этому подходят. Может быть нам придется с этими работниками и более подробно разобраться, органы прокуратуры когда их ударили – они стали перестраховываться...

Выступление товарища Кагановича

Выдвинуто две группы вопросов:

1. Ликвидация бандитизма.

2. **Полное завершение советизации в западных областях.**

Война нас немного отбросила назад.

1. О борьбе с бандитизмом – мы должны правильно оценить силы противника. Теперь нет того противника, который имелся в прошлом. Основные силы ОУН-УПА разгромлены, **но есть еще сильный противник, который нам будет мешать...**

Безусловно мы сильней стали, но в чем же наша слабость – что мы по-прежнему по инерции действуем. Смысл передачи дела борьбы с бандами в органы МГБ связан с изменением тактики. Нельзя рассчитывать на массовые действия войск. Я хочу сказать – нам надо знать, где мы должны силы расставить. Ведь известно, что не все районы поражены, а на пораженных следует сосредотачивать силы и составлять в заслоны вне пораженных. Я бы хотел, чтоб товарищи улучшили использование собственных сил, умело эти силы использовать, чтоб покончить с бандитами. Для этого, во главе этого дела, должны стоять опытные работники, а у нас часто в села выезжают малоопытные работники. Как это делается на фронте – на прорыв лучшие силы бросаются. В органах МГБ в районах стоят слабые люди, надо собрать все лучшее на Украине, послать 50 человек опытных чекистов и бросить для борьбы с бандами, вместе с ними послать 100 чел. менее опытных. Больше напряженности, нанести сильнее удар, сейчас очень трудно отличить где ОУНовец, а где уголовный елемент, из истребительного батальона надо вербовать в милицию. Привлечь органы МВД, истребительные батальоны для борьбы с бандами, лучше организовать работу МГБ.

Легко распустить истребительные батальоны, но трудней их создать. **Агентура – центральный вопрос, надо качество. Подбирать более квалифицированную агентуру. Я думаю, без ОК и РК КП(б)У, МГБ не справится. Партия – руководящая сила, она координирует работы.** Во все мелочи нет надобности влезать, а в случае надобности должен партийный руководитель залезть и контролировать.

2. В области общественно-политической работы мы не закрепили успехов выборов.

Что надо сделать?

Прежде всего надо знать положение на селе, создать актив, они языки развяжут...

Работу в деревне необходимо подтянуть на новую ступень. Таким образом, если более остро поставить вопрос, то положение будет совершенно другим, а сейчас пока много непорядков, для меня странно, что в воскресенья нет борьбы с бандами – это характерный штрих.

Чекистскими делами мы обяжем ОУН сдаться. Мы советовались и думаем, надо сказать бандитам, что если вы к такому-то времени не сдадитесь – мы вас уничтожим.

Ликвидация борьбы – дело чести парторганизации, что касается постановки всей работы, мы будем иметь более глубокое суждение...

Я думаю, что после этого совещания результаты будут лучше. Сейчас мы вступили в новую полосу и требуется другое качество, то, что было терпимо раньше, не терпится теперь. С этим надо кончать. Если чекисты возьмутся вместе с военными, то мы с этой задачей с честью справимся.

Будем проверять.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 75. – Арк. 147–168.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 298–303.

№ 151

1947. – Травня 16. – Довідка начальника 1-го спецвідділу МВС УРСР про кількість виселених сімей учасників українського підпілля в 1944–1946 рр.

Совершенно секретно

СПРАВКА
по выселению семей участников банд УПА и движению дел на эти семьи, выселенных по решению особого совещания по их делам
по состоянию на 15 мая 1947 года.

Наименование УМВД	Всего выселено семей за период 1944–1946 гг.*	Рассмотрено дел Особым Совещанием при МВД СССР	Находится на рассмотрении Особ. Совещания МВД СССР	Находится в УМВД на доследов. и дооформ.	Находится на заключ. в прокурат. и УББ	Прекращено УМВД за смертью
1. Ровенской обл.	2991–7345	2816	72	80	18	5
2. Тернопольской	1741–3780	1649	36	50	3	3
3. Волынской	2534–7438	2421	94	14	5	–
4. Дрогобычской	1977–5272	1782	93	69	33	–
5. Станиславской	2493–5590	2118	198	115	7	55
6. Львовской	2531–5927	2091	321	100	19	–
7. Черновицкой	461–1256	403	25	26	7	–
Итого	14728–36608	13280	839	454	92	63

Приложение: Указанные 14728 семей бандитов выселены органами МВД в течение 1944–1946 гг.

Начальник 1 спецотдела МВД УССР подполковник Смирнов

г. Киев, 16 мая 1947 г.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4663. – Арк. 8.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 307.

* У правій колонці зазначено кількість членів сімей.

№ 152

1947. – Травня 23. – Доповідна записка заступника секретаря ЦК КП(б)У секретарю ЦК КП(б)У про прискорення насильницького виселення сімей учасників руху Опору

Товарищу Кагановичу Л. М.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
по вопросу письма секретаря Дрогобычского обкома КП(б)У тов. Горобца
о ходе выселения бандитских семей

Секретарь Дрогобычского обкома КП(б)У тов. Горобец прислал 27.IV с. г. на Ваше имя письмо, в котором просил дать указание МГБ и МВД об ускорении оформления дел семей бандитов ОУН-УПА для высылки в отдаленные места СССР.

По существу этого вопроса сообщаем следующее: по состоянию на 15 мая 1947 года особым совещанием МВД СССР рассмотрено и утверждено на выселение из западных областей УССР – 13.626 дел, 845 дел до сего времени находится на рассмотрении особого совещания и 602 дела находятся на доследовании в областях и МВД УССР. Всего за период с 1944 года по 15 мая 1947 года по всем западным областям выселено 14.862 семьи. Из дел Дрогобычской области, на 15 мая 1947 года находится на рассмотрении особого совещания МВД СССР – 93, на доследовании – 102 дела, при чем, все эти дела были представлены до 1 января 1947 года, а после этого дел в МВД УССР из области не поступало, вследствие задержки в оформлении на местах.

После перехода отделов борьбы с бандами ОУН-УПА из МВД в органы МГБ, в январе 1947 года, оформление дел и выселение бандитов, бандпособников и их семей из западных областей фактически прекратилось, ввиду отсутствия указаний МГБ УССР о переходе этой работы к областным управлениям и районным отделам МГБ. 14 мая 1947 года директивой за № 50 такое указание Министерством госбезопасности областям дано и оформление дел на выселение сейчас производится органами МГБ.

Министр внутренних дел УССР т. Строкач шифротелеграммой от 7.V.47 г. за № 10078/1154 также дал указание всем управлениям МВД западных областей оказывать всемирную помощь органам в оформлении дел на выселение семей бандитов и бандпособников.

Таким образом, вопрос, по существу письма т. Горобца, считаем исчерпанным. Обращаться с письмом в особое совещание при МГБ СССР нет необходимости.

Со стороны отдела ЦК КП(б)У по западным областям установлен контроль за отселением семей бандитов.

А. Стоянцев

23/V – 47 г.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4969. – Арк. 11–12.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 308.

№ 153

1947. – Червня 2. – Розписка старшого оперуповноваженого УМДБ у Львівській області уповноваженому у справах культів Львівського облвиконкому

2 червня 1947 р.

РАСПИСКА

Я, старший оперуполномоченный отделения «О» УМГБ Львовской области лейтенант Копнин, получил от уполномоченного по делам культов при Львовском облисполкоме тов. Вишневского одиннадцать комплектов церковного облачения для нужд отделения «О» УМГБ Львовской области.

Ст. оперуполномоченный отделения «О» УМГБ
лейтенант Копнин

ДАЛО. – Ф. Р-1332 (Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров УССР по Львовской области). – Оп. 1. – Спр. 7. – Арк. 29.

Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 309.

№ 154

1947. – Червень. – Довідка начальника Управління 2-Н МДБ УРСР про результати боротьби з українським підпіллям у червні 1947 р.

Сов. секретно

СПРАВКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ)
о результатах борьбы с бандитизмом и бандпроявлениями
на территории Западных областей УССР за июнь месяц 1947 г.

№	Наименование областей	Всего ликвидировано	В том числе:						Наши потери:			
			арестовано бандитов	убито бандитов	явилось с повинной	изъято оружия	разрыто бункеров	учтено бандсопротивлений	убито	уведено	ранено	в оруж.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Волынская	179	154	21	4	54	53	19	17	7	2	4
2	Дрогобычская	425	303	118	4	154	39	14	21	2	–	–
3	Львовская	463	401	61	1	144	64	30	20	3	7	7
4	Ровенская	423	347	68	8	122	150	24	25	2	4	33
5	Станиславская	576	467	106	3	179	71	35	60	6	16	36
6	Тернопольская	500	393	99	8	193	57	15	25	1	1	12
7	Черновицкая	122	110	12	–	25	8	1	2	–	–	–
8	Закарпатская	12	11	1	–	–	–	4	1	–	–	4
транспортными органами МГБ		310	306	3	1	21						

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Всего:	3010	2492	489	29	892	442	142	171	21	30	96
	май	1877	1376	470	31	1017		184	204	49	47	117
	апрель	1136	717	392	27	860		166	184	14	41	222

Зам. нач. Управл. 2-Н МГБ УССР *подпись*

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 75. – Спр. 119. – Арк. 5.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 312.

№ 155
1947. – Липня 24. – Із стенограми наради інтелігенції Львова

Мануїльський Д. З. – Я буду говорити відверто, як можна розмовляти з радянськими людьми без жодної дипломатії...

Коли тепер часом чуємо голоси української галицької інтелігенції, що почалася колективізація й великі труднощі, то що знають ці люди. «Забрали, кажуть, худобу, коней, а працювати ніхто не хоче». Що знають ці люди, коли говорять.

Я можу сказати, що один дуже важливий вчений західних областей каже: «ви хочете колгоспів, а в колгоспах ніхто не хоче працювати, багато начальства, а ніхто не робить». А чи бачив цей учений колгоспи, чи ходив, чи їздив так, як я їздив по західних областях, по колгоспах і бачив колгоспи. Де чув він, що там нікому робити, а тільки є ті, що адмініструють...

Приїхав до М. С. Хрущова. Я сидів в його кабінеті. Раптом приходить композитор Барвінський, хоче бачити Микиту Сергійовича. Микита Сергійович на другий день каже, що нема часу, але треба прийняти композитора, і т. д. Приходить Барвінський, каже: «Микита Сергійович, я хотів Вам сказати, я схоронив два портрети Леніна й Сталіна за часів німецької окупації».

Дуже добре. А тепер дозвольте мені щось сказати більше, що ми знаємо про композитора Барвінського.

Портрети Ви заховали, а два сини, яких Ви маєте, працювали у німців в розвідці, чи ні. Це так. Це факт. За німецької окупації ваша квартира була явочною квартирою гестапо. Він дає можливість їм працювати, а сам несе два портрети.

Обійдемося без цього, громадянине Барвінський.

І візьміть ще далі: був такий журнал «Червона калина», фашистський журнал. Ви думаєте, що ми не знали, хто там працював. Карпинець, Крип'якевич, Олена Степанів.

Ось це я мусив вам сказати, щоб показати Вам, що не треба думати, що ми не знаємо. Все це ми знаємо, не можете ви обдурювати народ, вам цей номер не пройде...

Я говорю вам чесно і відверто, що в боротьбі проти українсько-німецьких націоналістів в ідеологічній боротьбі проти цих ворогів народу ви намагалися збити з толку нашу молодь, а не допомагати Радянській владі.

Я маю на увазі не всю галицьку інтелігенцію, до якої я відношуся з повагою, а говорю про ту купку, про невеличку групу людей...

Ви піднімали на щит Шептицького, цього польського магната, який, натягнувши рясу, підтримуваний Ватіканом, з одного боку, і націоналістичними колами, з другого боку,

проводив свою реакційну ворожу народові політику, а ви його підтримували, ви його піднімали на щит, і у вас не знайшлося мужності тепер, щоб виступити перед молоддю, просто стати перед нею на коліна і сказати: «Судіть нас, ми вас обдурювали, ми вас зраджували, ми винні, але ми просимо нас простити, ми визнаємо свої помилки».

Цього всі не заявили.

Які я роблю висновки, ще раз скажу, що я звертаюсь до тої невеличкої частини галицької інтелігенції, я говорю.

Я звертаюсь до цієї частини інтелігенції: треба кинути двурушництво. Ви не талейрани, ви прості радянські люди, ви не думайте, що як ви нам щось говорите, ми все приймаємо на віру. Навпаки. Навіть, коли ви мовчите, ми розуміємо значення цього мовчання. Нам треба в нашій радянській більшості кинути благодушність та не дозволювати себе обдурювати...

Дальше треба розуміти й навчатись на ідеології сталінської дружби народів...

Треба виховувати радянський патріотизм. Любити свою країну, свій Дніпро, але не можна не бачити з-за Львова, із-за Дніпра весь Радянський Союз, яким стверджується наша політична єдність.

Треба виховувати радянських громадян – це розрішите вам сказати. Я вас критикував й критикував слушно.

Мені скажуть, що це може не стосуватись інтересів окремої особи. Де йде справа про суспільство і інтереси народу, там можна відступати від інтересів окремих людей. Значить треба вам сказати, що ми думаємо й попередити треба за ці хитання, які треба вам кінчати.

І скажу вам, хочете – український народ приймає вашу допомогу і піде разом з вами. Хочете вичікувати і мовчати, і український народ пройде повз вас, а ті, що захотять чинити опір, – тих український народ роздавить.

От, що я хотів сказати. (Бурхливі оплески).

Желяк – секретар Львівського обкому КП(б)У. Скажемо, виступ проф. Барвінського, який каже, що «я не такий, яким ви мене уявляєте, це було колись дуже давно».

Професор Барвінський, це було зовсім недавно, це було в 1947 р., коли ви на цих зборах говорили, що «я розумію, що таке червоний прапор, але для мене й жовто-блакитний прапор – не ганчірка». Це відноситься до 1947 р. Що це – непорозуміння? Ви були надзвичайно плодюча людина, як кажуть про це всякі архіви наукознавців.

Він півтонни паперу списав на ім’я фюрера, щоб за ним визнали, що він «фон-Барвінський», а не просто «Барвінський», а коли прийшла радянська влада, коли треба галицькому селянину допомогти перебудуватися, перебудувати своє одноосібне господарство на соціалістичний лад, професора Барвінського ви ніколи не почуєте й не побачите на сторінках нашої преси, а вони свої книжечки маленькі, які писав і проф. Крип’якевич, і Кордуба, і Барвінський, ці книжечки не можуть зміцнити трудящих нашої області.

Мова йде не про маленькі книжечки, а про ті, отруйні іноді твори, які ви, проф. Крип’якевич, проф. Барвінський і інші, писали.

ДАЛО. – Ф. П-4. – Оп. 1. – Спр. 155. – Арк. 34, 81–82. – Стенограма.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 414–417.

№ 156

1947. – Липня 30. – Інформація Львівського обкому КП(б)У для ЦК КП(б)У про реагування інтелігенції Львова на доповідь Мануїльського «Проти українського буржуазного націоналізму»

Строго секретно

Киев – ЦК КП(б)У
тов. Л. М. Кагановичу

ИНФОРМАЦИЯ
«О реагировании интеллигенции города Львова на доклад тов. Мануильского на тему «Против украинского буржуазного национализма»

24 июля 1947 года на собрании актива интеллигенции города Львова Зам. Председателя Совета Министров УССР тов. Мануильский сделал доклад на тему: «Против украинского буржуазного национализма» и подверг резкой критике националистическую деятельность профессоров Крипякевича и Рудницкого, композитора Барвинского и поэта Карманского.

В связи с докладом среди местной интеллигенции имели место следующие реагирования:

Заместитель директора Мединститута Музыка, беседуя по поводу доклада тов. Мануильского, заявил: «...Все, что говорил тов. Мануильский, имеет под собой известную почву, но все же многое следовало бы отнести к прошлому, когда лица, которых упомянул тов. Мануильский в своем докладе – Рудницкий, Барвинский и Крипякевич, были вынуждены так действовать, хотя их доброй воли не было».

В отношении Крипякевича Музыка заявил: «...Крипякевич видный ученый, который много сделал в отношении советизации. В прошлом он был учеником своего учителя Грушевского и ему тяжело порывать с ним установившиеся связи».

В заключении беседы Музыка заявил, что он всех этих лиц знает и может сказать, что они не могут быть причастными к антисоветским людям, так же как и он, они тупые политики и занимаются только наукой.

Обсуждая доклад тов. Мануильского, научный сотрудник Исторического музея Бандривский заявил: «...Заключительное слово тов. Мануильского было направлено в цель, далеко интереснее для местной интеллигенции, чем сам доклад, ибо в этом слове он правильно проанализировал изменническую роль реакционной интеллигенции. Особенно правильными были выводы в отношении оценки борьбы против угнетателей украинского народа – польских фашистов, которая является прогрессивной со стороны украинской интеллигенции Западных областей до того времени, пока она не продала себя полякам, став их лакеями, как это сделали Дмитрий Левицкий, Иван Рудницкий (Кедрин) и другие члены «УНДО»». Далее Бандривский говорит: «..Выступление тов. Мануильского имеет свое значение и по той причине, что там поставлены конкретные требования ревизии своего положения, в первую очередь для лиц, о которых говорил т. Мануильский. Оценка, сделанная в отношении Рудницкого, немного острая, если взять во внимание, что во время немецкой оккупации националисты считали Рудницкого советским человеком и относились к нему с недоверием».

Анализируя доклад тов. Мануильского, главный энергетик Политехнического института Кибальчич заявил: «...Доклад является подготовкой местной интеллигенции к вовлечению ее в своеобразную революцию на селе, т. е. коллективизации, преградой которой является деятельность террористов-бандитов бандеровского покроя. Намек на вражеские последствия работы Рудницкого, Крипякевича, Барвинского и Карманского сделан с целью вовлечения их в разворот такой работы, которая сделала бы деятельность бандеровцев безвредной и создала возможность проведения коллективизации».

Преподаватель Львовского Госуниверситета Тисса в беседе по поводу доклада тов. Мануильского и его критики профессора Рудницкого и других заявил: «...Рудницкий стал похож на новокрещенного, он совсем изменился, из него может быть полезный человек, если к нему подойдут правильно. Рудницкий сказал мне, что он будет делать все только то, что полезно Советской власти, а все свое прошлое он считает зарытым.

Карманский человек честный, после собрания он заболел, на него сильно подействовало это, я думаю, что он никогда не будет ни о чем говорить.

Крипякевич тоже знает свою ошибку и он сам вчера о ней сказал, что он страшно боится и все время думает, что его вышлют.

Профессор Белякевич близорукий, давно уже можно было направить их всех на истинный путь и использовать в интересах советской власти. Нет сомнения, что они могли бы повлиять и на «лес» своими идеями, ибо они все же как ученые известны в Западных областях и среди украинцев, которые находятся в Канаде и Америке».

Обсуждая доклад тов. Мануильского, старший научный сотрудник Львовского филиала Академии наук УССР Мечник Петр, в кругу близких ему лиц заявил: «…Начинается гонение на украинскую интеллигенцию, этому являются подтверждением слова тов. Мануильского: «Мы Вам этого никогда не забудем». Выступает он неплохо, только слишком резко, нельзя так оскорблять людей, хотя бы Карманского, зачем его трогать, он уже старик и защитить себя не может».

Беседуя по поводу доклада тов. Мануильского с заведующим кафедрой Пединститута Зевериным, академик Возняк заявил: «...Пусть что хотят со мной делают, но самооплевывать я себя не буду».

Встретившись после собрания и обсуждая с одним из своих собеседников доклад тов. Мануильского, поэт Карманский, сильно перепугавшись его критики, заявил:

«...Прощайте, не знаю увидимся ли мы с Вами еще после сегодняшнего вечера. Я хочу продолжать свою трудную работу по переводу Данте на украинский язык, но не уверен теперь, что мне дадут это сделать».

Профессор Крипякевич одному из своих знакомых заявил: «...Я не знаю, что мне нужно еще сделать, чтобы прекратились обвинения по моему адресу. Я работаю над историей Украины, так как это требуют, переехал в гор. Киев».

На замечание собеседника о том, что в 1947 году нужно выпустить новое издание «Краткой истории Украины» и довести ее до широких кругов украинцев – галичан, Крипякевич ответил: «...может быть это и так».

25 июля с. г. группой работников Львовского университета обсуждался доклад тов. Мануильского. В процессе беседы пом. проректора Калинович Владимир Иванович заявил: «...Жалко, что я вчера не был на собрании; говорят, что Мануильский разгромил наших ученых Крипякевича, Терлецкого, Зарицкого и Барвинского и прямо заявил, что именно они являются виновниками, что молодежь западных областей Украины пошла в лес, и предложил, чтобы они прямо на коленях просили молодежь

выйти из леса и стать на правильный путь пока не поздно, а то скоро придет время, что их самих народ отбросит от себя и осудит».

Присутствующий при этом главный инженер Госуниверситета Базилевич Роман высказался: «...Короче говоря, Мануильский сказал, что скоро они могут надеяться на арест. Вот счастливый Кордуба, его уже никто не будет судить, он сам себя осудил и умер».

После собрания к писателю Галану Ярославу подошла Степанив Олена и заявила: «Благодарю Вас за то, что Вы хотите моей смерти, я Вашей не хочу».

Говоря о выступлении секретаря Обкома КП(б)У по пропаганде тов. Желяка, Галан Ярослав высказал возмущение выступлением т. Желяка и заявил: «...Выступление Желяка является неправильным, упомянув мою фамилию в своем выступлении, он поставил меня в один ряд с раскритикованными представителями местной интеллигенции. Он упрекал меня в недостаточной активности на страницах печати, а сам он что написал за два года работы во Львове, – ни одной статьи».

Секретарь Львовского обкома КП(б)У И. Грушецкий

1705/21
30.7.47

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4559. – Арк. 1–4.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 423–426.

№ 157

1947. – Серпня 18. – Інформація Львівського обкому КП(б)У про інтелігенцію Львівщини та контингент вступників у львівські вищі навчальні заклади

Строго секретно
Особая папка

18 августа 1947 г.

Киев, ЦК КП(б)У
тов. Кагановичу Л. М.

Во Львове работает 15 вузов, 30 техникумов, филиалы институтов Академии наук УССР, 4 музея, 7 научно-исследовательских института и др.

В области насчитывается 17 275 человек интеллигенции. Из общего числа интеллигенции более 5 тыс. из числа местного населения. Подавляющая часть интеллигенции, свыше 12 тысяч, работает в г. Львове.

Основная масса местной интеллигенции прочно стоит на позициях активного участия в общественно-политической жизни области и города, уверенно и осмысленно переходит на позицию советского мировоззрения. Особенно это показательно на примере работы тт. Дудыкевич, Пелехатый, Козланюк, Галан, Третяк, Ковальчук и много других.

Есть также часть интеллигенции, которая разными путями, постепенно, иногда неуверенно становится на советскую платформу, проходит сложный с внутренней

борьбой процесс превращения в советскую интеллигенцию в полном смысле этого слова. Местная интеллигенция, как правило, является выходцами из среды мелкобуржуазных слоев общества и, естественно, переживает и сейчас еще период идейной ломки своих старых взглядов.

Наряду с этим имеют место и явления приспособленности и маскировки, когда внешним поведением и лояльностью к советской власти некоторая группа местной интеллигенции прикрывает свое националистическое враждебное советской власти лицо. Представители этой группы стараются не участвовать в советской общественно-политической жизни, никогда не выступают по собственной инициативе.

Среди этой группы интеллигенции заметно враждебное отношение к тем представителям местной интеллигенции, которые безоговорочно стали на советской платформе, как к людям, «продавшимся большевикам».

Представители этой части местной интеллигенции сохраняют влияние на известную часть колеблющейся интеллигенции, задерживая полный переход ее на советские позиции.

Несмотря на критику враждебных позиций этой части интеллигенции и создание необходимых условий для выступления публично или в печати с разоблачением своих националистических взглядов и украинско-буржуазного национализма, они не только отмалчиваются, а продолжают занимать антисоветскую позицию и уходят в более глубокое подполье.

К числу таких представителей местной интеллигенции относятся прежде всего Барвинский Богдан – старший научный сотрудник библиотеки Львовского филиала Академии наук УССР, Барвинский Василий – профессор и директор консерватории, Барвинский Александр – врач, Карманский Петр – поэт, Крих – профессор консерватории.

Указанные лица в прошлом активно пропагандировали антисоветские реакционные взгляды, сотрудничали с немецкими разведывательными органами против СССР и сейчас продолжают свою антисоветскую деятельность, не порывают связи с украинскими националистами, эмигрантами и подпольем ОУН, а некоторые работают по заданию иностранных разведок. Все они являются отъявленными украинскими фашистами.

Поэтому я считаю, что назрела необходимость изоляции указанных лиц.

(Подробные материалы об их антисоветской деятельности прилагаются).

Вопрос об аресте указанных лиц неоднократно ставился начальником областного управления МГБ т. Ворониным перед министром МГБ УССР, однако до сего времени он не решен.

Проведение этого мероприятия поможет партийным организациям до конца разоблачить их враждебную деятельность против советской власти и будет способствовать колеблющейся части интеллигенции быстрее порвать с прошлым и включиться в нашу активную политическую работу.

Одновременно с этим обком КП(б)У наметил ряд мероприятий по дальнейшему усилению идеологической работы среди интеллигенции и овладению марксистско-ленинской теории путем организации и проведения лекций, консультаций, теоретических конференций, семинаров и т. д. Все это поможет интеллигенции активнее включаться в разоблачение своих националистических взглядов, а также в борьбу против украинского буржуазного национализма.

* * *

В городе Львове имеется 15 высших учебных заведений, в которых на протяжении 1946/47 учебного года обучалось 10 559 студентов, из них местных – 3056 чел.

В связи с тем, что в условиях панской Польши и немецкой оккупации среднее образование могли получать в большинстве дети кулаков, служителей культа и буржуазной интеллигенции, в ряды учащихся вузов из местного населения проникла значительная часть классово-чуждых элементов. Среди них, как это было выявлено органами МГБ, были активные участники и даже руководители, особенно женских и молодежных националистических организаций ОУН и УПА. Наиболее засоренными оказались: медицинский институт, политехнический институт и госуниверситет.

В этом году по плану набора львовские вузы должны принять 3955 студентов. Подало заявлений и держат экзамены свыше 5000 человек. Среди поступающих около 50% местной молодежи, уроженцев Львовской и других западных областей Украины. Среди этой части поступающих во львовские вузы имеется, как это показала проверка, много детей кулаков, священников, участников антисоветских бандитских организаций ОУН и УПА, бывших участников дивизии «СС–Галичина», детей, братьев и сестер бандитов, активных бандпособников. Причем, выявлены даже такие, которые подлежат аресту и пытаются скрыться от него в стенах вузов среди общей массы студентов.

Например, из Яворовского района Львовской области в числе 15 человек, подавших заявления во Львовский мединститут, 9 человек детей кулаков, священников и ближайших родственников оуновцев, один из них арестован в августе этого года. Из 7 человек, подавших заявление из этого же района во Львовский госуниверситет, 4 человека – братья и сестры бандитов, а одна – Масюк Е. А., активная бандпособница, собирала продукты для бандитов.

Во Львовский пединститут подал заявление Хархалис Г. С. – член молодежной оуновской организации, подлежащий аресту.

В политехнический институт подал заявление Волк В. С. который был арестован в августе 1947 г., т. е. во время испытаний. Это только по одному Яворовскому району.

Из Бобрского района во львовские вузы подали заявления 6 дочерей и сыновей кулаков, одна – дочь попа и трое детей активных бандпособников.

Из Магеровского района пытаются поступить в вузы г. Львова 9 человек детей кулаков, оуновцев и даже активных участников оуновской организации. Среди них: Пидкуймуха В. А., который разыскивается органами МГБ, как имеющий связь с кущевой боевкой СБ и непосредственный участник поджога здания сельсовета и колхозного сарая.

Кульчицкий М. М. – сын священника, брат политвоспитателя сотни УПА, убитого погранвойсками в 1945 году.

Вовк Н. М. – сын кулака, брат разыскиваемого активного связного оуновцев.

Губка В. М. – сын крупного кулака, осужденного за утайку земли, брат его активный участник УПА, а второй – служил в дивизии «СС–Галичина», сейчас неизвестно где.

Сало М. С. – связная ОУН-УПА кущевого провода.

Из Радеховского района поступает в вузы Сайкевич Л. С, имевшая связь с подпольем ОУН-УПА, ходившая в лес на связь с бандитом Гончаренко.

С Ново-Милятинского района пытается поступить в госуниверситет Крыль Д. А., сын кулака, бывший бандит УПА, явившийся с повинной, брат которого тоже был бандит и убит в июне 1946 года.

Подобные примеры можно было бы значительно продолжить.

Очень много молодежи поступает в вузы г. Львова из других областей (всего около 2000 человек). Среди них также имеется много классово-чуждых антисоветских элементов. Например, из Тернопольской области поступают Процык Е. И., связная ОУН Гримайловского района, Иванчук П. И. – член ОУН, Заянчковская О. В. – активный член ОУН, Матвейков А. – активный член ОУН, собиравший продукты для УПА, и многие другие.

Учитывая данные предварительного ознакомления с составом поступающих в вузы города Львова, Львовский обком КП(б)У, не нарушая Сталинской Конституции, с целью обеспечить при приеме в вузы преимущество детям колхозников, бедняков, середняков и советской интеллигенции, наметил провести проверку социального положения всех поступающих – жителей районов Львовской области и города Львова, и этим самым закрыть доступ в советские вузы враждебно настроенной к советской власти молодежи.

Это мероприятие даст эффект, ибо обеспечит проведение приема в вузы молодежи из местного населения и прежде всего за счет детей колхозников, бедняков и середняков.

Прошу дать указание всем обкомам КП(б)У западных областей Украины об оказании нам содействия в проведении такой предварительной проверки.

Секретарь Львовского обкома КП(б)У Грушецкий

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 181. – Арк. 33–35.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 438–432.

№ 158

1947. – Не пізніше 19 серпня. – Інструкція Львівського обкому КП(б)У про проведення чистки педагогічних і культосвітніх кадрів

ПАМЯТКА
уполномоченному обкома КП(б)У, командированному в район для решения вопроса совместно с РК КП(б)У об укреплении руководящими работниками школ и культпросветучреждений

Уполномоченный направляется в РК КП(б)У для осуществления совместно с райкомом КП(б)У решения бюро обкома КП(б)У от 14 июля с. г. об укреплении кадрами учреждений народного образования и школ, а также для проверки выполнения решения бюро обкома КП(б)У от 24 января с. г. об укреплении кадрами культпросветучреждений.

Уполномоченный обкома КП(б)У по приезде в район должен обратиться в райком КП(б)У и вместе с первым секретарем РК КП(б)У наметить план, каким путем будет выполнена эта работа. При обсуждении этого вопроса с секретарем РК КП(б)У нужно иметь в виду следующее:

а) Надо пересмотреть всех руководящих работников учреждений народного образования – райОНО, райметодкабинетов, школ, детских домов, детских садов, а также работников культпросветучреждений – зав. райотделами, зав. райклубами, зав. райбиблиотеками, зав. сельскими клубами и зав. избами-читальнями.

б) Для лучшего изучения этих работников надо связаться с соответствующими организациями.

в) После изучения этих людей сразу же наметить, кто из них подлежит замене.

Заменить нужно тех, кто не внушает политического доверия, кто по своей деловой квалификации не соответствует занимаемой должности.

г) Вместо намеченных к освобождению сразу же подобрать других людей из числа местного партийно-советского и комсомольского актива.

д) Вновь подобранных утвердить на бюро РК КП(б)У. Уполномоченный о проделанной работе к 25 августа с. г. должен представить в отдел кадров обкома КП(б)У подробный отчет.

В отчете обязательно указать о замененных – фамилию, имя, отчество, год рождения, образование, занимаемая должность, местный ли, краткая характеристика. О вновь выдвинутых указать – фамилию, имя, отчество, год рождения, образование, занимаемая должность, местный ли, краткая характеристика.

Секретарь обкома КП(б)У по кадрам Дзюба

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 238. – Арк. 82.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 442–443.

№ 159

1947. – Вересня 27. – З виступу зав. кафедрою історії України В. Горбатюка на засіданні вченої ради Львівського держуніверситету

Останніми часами на фронті історичних наук, як і взагалі в галузі ідеологічної роботи, Центральний Комітет партії прийняв ряд важливих рішень, спрямованих на рішуче піднесення всієї ідеологічної роботи нашої країни в сучасних умовах.

В цих рішеннях дані вичерпуючі обгрунтовані програми, в яких накреслені завдання для науковців і працівників історичних наук.

В тих рішеннях ми маємо конкретні завдання, які стоять перед працівниками історії України.

В умовах нашого Львівського державного університету ті рішення зробили, можна прямо сказати, цілий переворот, вони націлили нас на перегляд всієї своєї продукції, своєї роботи, на перебудову цієї роботи з метою її покращення. І цю роботу ми почали у себе на історичному факультеті в 1945 р. В основному вона відома членам Ученої ради і зводиться вона в першу чергу, ураховуючи особливу обстановку і зокрема умови нашого Львівського державного університету, який працює тут, на Західній Україні, і який має більше поповнення з місцевої молоді, ураховуючи ці обставини, наше перше завдання полягало в тому, щоб викорінити особливо буржуазні, націоналістичні погляди на історію, зокрема на історію українського народу, серйозною критикою нанести розгром залишкам цих антинародних концепцій історичного процесу...

Кафедра України в 1945 р. працювала в складі 3-х чоловік: проф. Крип'якевич, проф. Кордуба – небіжчик і доц. Горбатюк.

Не пройшло дуже багато часу, як виявилось, що в такому складі кафедра не може справитись з завданнями, які перед нею стояли. Стало питання про поповнення кафед-

ри, про зміни її складу, як в розумінні людей підготовлених в дусі нашої радянської історіографії. Кафедра була поповнена. Зараз кафедра працює в складі: доц. Горбатюка, доц. Назаренко і проф. Крип'якевича на половину ставки.

Кафедра забезпечує курс загальної історії України, курс історіографії, загальний курс державознавства і спец. курс: архівознавча справа... і спецкурс – західноукраїнські землі під гнітом Австро-Угорщини.

Одна штатна одиниця доцента вакантна...

Зокрема проф. Крип'якевича не зуміла кафедра привести до такого стану, щоб він був роззброєний і поставлений до стінки, щоб він і другі йому подібні сказали, що вони відказуються від своїх поглядів попередніх, що їх погляди неправильні і не тільки на словах, але й на ділі, в пресі. Не можна сказати, щоб кафедра проявила таку настирливість, щоб це зробити, і повинен сказати, що ми і зараз не все зробили. Ми, правда, позбавили Крип'якевича можливості читати лекції, тому що, не дивлячись на його декларацію, він по суті стоїть на своїх старих ворожих позиціях. Він читав лекції по старій типовій схемі Грушевського. В роботах, які давав нам проф. Крип'якевич до наукового збірника, було все те ж, і ми повинні були відклонити їх...

Після того, як стало очевидним, що проф. Крип'якевич не може забезпечити читання курсу в дусі радянської історіографії, ректорат примушений був звільнити проф. Крип'якевича від читання курсу і залишити його в підготовці аспірантів, але проф. Крип'якевич і тут не зробив належних для себе висновків. Коли ми в червні місяці взяли плани аспірантів, переглянули їх і внесли в них зміни, ми побачили, що проф. Крип'якевич і в них спирався на схему Грушевського. Грушевський обмежував історію України XVIII століттям, як будто історії України не було в XX столітті. І дуже багато таких грубих недоліків у проф. Крип'якевича.

Кафедрою в цій справі було багато зроблено для того, щоб і тут відстоювати і плани переглянути, і тепер аспіранти читають свої реферати не тільки проф. Крип'якевичу, а всій кафедрі, і їх роботу оцінює кафедра, а не їх керівник проф. Крип'якевич...

ДАЛО. – Ф. Р-119. – Оп. 8. – Спр. 3. – Арк. 122–124, 126–127.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 453–454.

№ 160

1947. – Жовтня 15. – Постанова Ради Міністрів УРСР і ЦК КП(б)У про передачу державі землі і майна виселених родин із Західної України

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ПБ-148/14з
Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У от 15 октября 1947 г.

«О порядке использования земель и имущества,
оставленных после выселения семей националистов и бандитов».

Совет Министров Украинской ССР и Центральный Комитет КП(б) Украины постановляют:

1. Обязать облисполкомы и обкомы КП(б)У обеспечить должный учет, охрану и правильное использование имущества, оставляемого после выселения.

2. Облисполкомам и обкомам КП(б)У выделить работников для обласного и районного актива для проведения точного учета имущества.

3. Выделенные работники из областного и районного актива в качестве представителей райисполкомов, составляют в 2-х экземплярах акты-описи имущества совместно с представителями: сельского совета, земельного общества и понятыми.

4. В акте-описи перечислить всё имущество, оставленное на месте, как-то: постройки, промышленные предприятия, сельскохозяйственные машины и сельскохозяйственный инвентарь, скот, сельхозпродукты, предметы домашнего обихода, посевы.

5. Все имущество, указанное в акте, должно быть оценено.

6. Райисполкомы и райкомы КП(б)У при рассмотрении актов должны представить облисполкому и обкому КП(б)У свои предложения о конкретном использовании имущества.

Облисполкомы и обкомы КП(б)У, при рассмотрении актов и предложений районов, должны определять использование имущества следующим образом:

а) Все жилые здания и надворные постройки должны быть использованы для удовлетворения нужд: школ, больниц, родильных домов, детских яслей, клубов, хат-читален, размещения сельских советов, кооперативов, колхозов и жилья работников села, сельского актива и бедноты;

б) Промышленные предприятия: мельницы, крупорушки, маслобойки – передать колхозам, а где таковых нет – земельным обществам;

в) Сельскохозяйственные машины: сложные молотилки, двигатели, макомолки – передать МТС; конные молотилки – 13-рядные и выше – передать МТС, ниже 13-рядных – колхозам, а где таковых нет – земельным обществам. Весь остальной сельскохозяйственный инвентарь, в том числе и возы, передать колхозам, а где таковых нет – земельным обществам;

г) Весь рабочий и продуктовый скот – передать колхозам, а где таковых нет – рабочий скот передать Заготжилконторе министерства сельского хозяйства УССР для реализации, а продуктовый скот – потребительской кооперации;

д) Все зерно-бобовые и масличные сельскохозяйственные продукты и незерновые – передать потребительской кооперации для реализации по указанию Совмина УССР;

е) Предметы домашнего обихода передать больницам, детским домам, школам, родильным домам, яслям, кооперативным артелям и колхозам;

ж) посевы передать колхозам, а там где их нет – земельным обществам;

з) земля передается колхозам, или зачисляется в государственный фонд.

7. Установить, что жилые дома, хозяйственные постройки, промышленные предприятия, сельскохозяйственный инвентарь, продуктовый и рабочий скот, предметы домашнего обихода – передаются МТС и бюджетным организациям (школы, больницы, детские дома) по оценочной стоимости с зачислением их на их балансы: колхозам и земельным обществам – по оценочной стоимости с выплатой государству в следующие сроки:

– за жилые дома, хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь – в течение 5 лет,

– за рабочий, продуктовый скот и птицу – в течение 3 лет.

Крестьянским хозяйствам, отселенным с пограничной полосы, а также с земель, передаваемых военному ведомству, жилые дома и хозяйственные постройки – передаются бесплатно.

Сельхозпродукты, зерно и другое передается потребительской кооперации по заготовительным ценам и средства поступают в доход государства.

Рабочий и продуктовый скот передается Заготживконторе и потребительской кооперации по заготовительным ценам и средства от реализации поступают в доход государства.

8. Облисполкомам и обкомам КП(б)У обеспечить охрану всего имущества до момента его реализации, для чего установить порядок, по которому представители райисполкомов по окончании составления акта-описи всего движимого и недвижимого имущества, возлагают ответственность за охрану имущества на председателя колхоза при передаче колхозу, на понятых и сельский совет – при оставлении в селе, передавая им под охрану имущество под расписку.

Весь скот (лошади, крупный рогатый скот, свиньи, овцы, козы, и птица), кроме скота, оставленного под охрану в колхозе, сводится сразу же после составления акта в отведенные специальные дворы в районном центре, обеспечивается кормами, ветеринарным надзором и передается под охрану и уход Заготживконторам и Райпотребсоюзам до реализации.

9. Установить, что реализация имущества должна быть проведена не позднее 10 дневного срока с момента составления акта-описи.

10. Облисполкомам и обкомам КП(б)У выделить ответственных уполномоченных по каждому району, на которых возложить ответственность за проведение всего учета имущества и скота, за обеспечение его охраны и ухода за ним до его реализации.

11. Министру внутренних дел УССР тов. Строкачу обеспечить охрану оставленного имущества и скота, для чего выделить в селах комендантов по охране имущества и надзора за лицами, охраняющими имущество, а также установить охрану за скотом.

12. Для оказания практической помощи областям – командировать уполномоченными Совета Министров УССР и ЦК КП(б) Украины товарищей:

– Сахновского Г. Л. – министра финансов УССР – во Львовскую область,

– Воронов – зам. министра юстиции УССР – в Дрогобычскую область (намечали Таболевича И. Т. – министра коммунального хозяйства УССР);

– Толкунова – зам. министра финансов УССР – в Станиславскую область;

– Грицай – зам. нач. управления по поставкам ЮНРРА – в Ровенскую область;

– Маликова С. Ф. – зам. министра торговли УССР – в Тернопольскую область;

– Адаменко П. И. – зам. министра сельского хозяйства УССР – в Волынскую область;

– Антощенко И. И. – зам. министра мебельной промышленности и столярных изделий УССР – в Черновицкую область.

13. Обязать облисполкомы и обкомы КП(б)У представить полный отчет об учтенном имуществе и его использовании в Совет Министров УССР и ЦК КП(б) Украины до 5.11.1947 г.

Председатель Совета Министров Украинской ССР Н. Хрущев
Секретарь ЦК КП(б) Украины Л. Каганович

Архів МВС України. – Ф. 15. – Оп. 1. – Спр. 51. – Арк. 1–5.
Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 282–285.

№ 161

1947. – Жовтня 17. – З інформації Львівського обкому КП(б)У про політичні настрої інтелігенції Львівської області

№ 2428/21
17 октября 1947 г.

Киев – ЦК КП (б)У
тов. Кагановичу Л. М.

ИНФОРМАЦИЯ
о политическом настроении трудящихся Львовской области

За последнее время отмечается значительный рост политической сознательности местной интеллигенции, часть которой искренне примкнула к советской интеллигенции и ведет решительную борьбу против буржуазно-националистической «школы» Грушевского и его последователей и учеников в лице академика Возняка, профессоров Крипьякевича, Рудницкого, Барвинского, доцента Терлецкого и др. Во главе этой части интеллигенции стоят представители революционной в прошлом интеллигенции, как тт. Дудыкевич, Пелехатый, Максимович и др., которые пошли за партией большевиков и ведут непримиримую идеологическую борьбу с буржуазным национализмом, открыто выступая в печати, на собраниях интеллигенции с докладами и т. п.

Значительная часть местной интеллигенции еще не имеет своего твердого взгляда, еще не окончательно определила свой путь, но с каждым днем все ближе становится к советской власти, коммунистической партии. Например, писательница Ирина Вильде на пленуме Союза писателей прямо заявила: «считайте меня партийным человеком», зав. кафедрой немецкой филологии госуниверситета т. Гузар на ученом совете выступила с критикой проф. Рудницкого, заявив о том, что Рудницкий скептически к ней относился потому, что она в своей работе пользовалась трудами Маркса – Энгельса, Ленина – Сталина. Примеров проявления активного участия в проводимой идеологической борьбе с остатками буржуазно-националистических пережитков среди интеллигенции г. Львова уже немало.

Однако есть еще часть местной интеллигенции, которая продолжает стоять на буржуазно-националистических позициях и ничем не проявила своей лояльности к советскому строю, не желает отказаться от своих взглядов и убеждений.

К этой части интеллигенции относятся прямые последователи и ученики идеолога буржуазного национализма Грушевского – профессор Барвинский (бывший директор госконсерватории), профессор Рудницкий, доцент Терлецкий (госуниверситет) и др.

Особенно острая идеологическая борьба среди интеллигенции ВУЗов развернулась в связи с обсуждением на партсобраниях закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Раскина, решений ЦК КП(б)У о мерах по улучшению преподавания и идеологической работы в вузах Украины, о политических ошибках и неудовлетворительной работе института истории Украины Академии наук УССР и на заседаниях ученых Советов по обсуждению приказа Управления по делам высшей школы при Совете Министров УССР.

Так, в госуниверситете заседание ученого Совета продолжалось 5 дней и выступило 50 человек.

Выступавшие на собрании Рудницкий, Терлецкий, Давидяк пытались защищать свои старые националистические позиции.

Выступавший на этом собрании проф. Попов (член-корреспондент Академии наук УССР) отрицал партийность в науке и свел свое выступление к тому, что действительные ученые должны руководствоваться методологией здравого смысла и двигать науку вперед, а политикой должны заниматься другие люди.

Среди интеллигенции есть еще часть таких, которые не могут отказаться от преклонения перед буржуазной наукой и культурой, например, доцент Ковальчук (Политехнический институт), читая лекцию по электротехнике, все внимание обращал на американскую, английскую, немецкую электрификацию, восхваляя ее темпы развития и качество, а о нашей стране, о гениальном ленинском плане ГОЭЛРО не сказал ни слова. Профессора мединститута Пшековский и Колтунович на заседаниях ученого Совета твердят о невозможности вести научную работу в условиях Львовского мединститута, восхваляя оснащенность научного процесса в Америке. Подобные примеры низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной не единичны.

За период июль – сентябрь месяцы 1947 г. проведены Управлением МГБ аресты участников украинской националистической организации, их пособников и агентуры иностранных разведок среди местной интеллигенции.

Проведенные аресты расцениваются среди националистически настроенной местной интеллигенции, как гонение и уничтожение галицкой интеллигенции.

Так, артист театра им. Заньковецкой Сорока П. С. заявил: «Из Москвы получен секретный приказ от ЦК партии о массовых арестах и ссылках украинской интеллигенции по Западной Украине. В общем, я это уже давно предвидел, что украинцев в Западной Украине ждет судьба русской интеллигенции, которая репрессировалась и высылалась в России, как элемент, не поддающийся перевоспитанию».

Зам. директора музея украинского искусства Драган М. Д. говорил: «Советская власть является такой же, как и царская власть Петра I. Русские коммунисты ведут себя на Западной Украине, как жестокие империалисты, только прикрываются флагом единокровного братства».

В 1947–1948 учебном году повысился уровень политико-воспитательной работы среди студенческой молодежи.

Партийные, комсомольские и профсоюзные студенческие организации активно включились в работу по подготовке к проведению 30-летия Октября. Проводятся лекции, беседы. Готовится художественная самодеятельность.

В ряде вузов начали свою работу студенческие лектории, в 10 вузах готовятся теоретические конференции. 12-го октября в госуниверситете открыт студенческий университет выходного дня и т. д.

Учитывая то обстоятельство, что остатки оуновского подполья всеми мерами пытаются проникнуть в высшие учебные заведения, чтобы усилить свое влияние среди студенческой молодежи, обком КП(б)У организовал предварительную проверку абитуриентов, благодаря чему в ВУЗы не были допущены 133 чел. оуновцев и бандпособников, а в некоторых случаях в числе абитуриентов были скрывавшиеся бандиты, которых разыскивали органы МГБ.

Однако в политическом воспитании студентов вузов и техникумов имеется много серьезных недостатков.

Студенты вузов еще слабо вовлекаются в общественную работу в качестве докладчиков, беседчиков на стройках и предприятиях города.

Очень мало уделяется внимания со стороны партийных, комсомольских организаций и руководства учебными заведениями вопросам изучения студентов, их настроений и улучшения материально-бытовых условий, а поэтому среди студенчества имеют место нездоровые высказывания. Например, в ветеринарном институте до сих пор не изжито вредное разделение на «местных западников» и приезжих «восточников». Среди студентов из местного населения многие посещают церковь и не скрывают своих религиозных убеждений...

Выполняя постановление Политбюро ЦК КП(б)У об идеологической и организационной работе в комсомоле, бюро обкома КП(б)У 16 октября 1947 года приняло развернутое решение, выполнение которого обеспечит дальнейшее организационное и политическое укрепление комсомольских организаций, повышение их авторитета среди молодежи и быстрейшее создание комсомольских организаций во всех селах области. 13–14 октября с. г. был проведен пленум обкома комсомола, который обсудил решение Политбюро ЦК КП(б)У и наметил практические мероприятия, обеспечивающие коренную перестройку работы комсомольских организаций и активное участие всех комсомольцев в политической и хозяйственной жизни.

Выполнение намеченных мероприятий позволит областной партийной организации в ближайшее время устранить все отмеченные недостатки и поднять выше политическую сознательность местного населения до уровня тех задач, над выполнением которых работают трудящиеся нашей Родины.

Секретарь Львовского обкома КП(б)У Грушецкий

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4558. – Арк. 44–48, 52.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 468–472.

№ 162

1947. – Жовтня 27. – Доповідна записка Дрогобицького обкому КП(б)У про депортацію та політичні настрої населення області

№ 592/СС
27/Х-1947 г.

Секретарю ЦК КП(б)У
товарищу Коротченко Д. С.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о выселении семей активных участников ОУНовско-бандитского подполья из Дрогобычской области

В соответствии с решением правительства, в Дрогобычской области органами Министерства государственной безопасности при помощи областной партийной организации проведено выселение семей активных участников ОУНовско-бандитского подполья.

В результате проведенной работы выселено из области в отдельные районы Советского Союза 4 559 семей, в составе 14 486 человек, в том числе: мужчин – 3613 чел., женщин – 6410 чел., детей – 4463 чел.

В составе выселенных семей 2 698 семей осужденных бандитов и ОУНовцев, в количестве 8 356 чел., 916 семей убитых бандитов в количестве 2 912 человек, 672 семьи (2 338 чел.) бандитов, находящихся на нелегальном положении и 273 семьи (909 чел.) бандпособников.

По социальному составу выселенные бандитские семьи распределяются следующим образом: семьи кулаков – 432 или 1 459 чел.; семьи середняков – 3 146 или 10 182 чел.; семьи бедняков – 792 или 2 458 чел.; семьи колхозников – 6 или 20 чел.; семьи служащих – 53 или 156 чел.; семьи рабочих – 78 или 99 чел.

Выселение семей активных участников ОУНовско-бандитского подполья в районах и городах области проведено организованно, без эксцесов и каких-либо бандпроявлений.

Население городов и сел области встречало с одобрением мероприятия по выселению семей бандитов, о чем свидетельствуют многочисленные положительные факты реагирования местного населения.

Так, рабочий нефтеперерабатывающего завода № 1 г. Дрогобыч т. Синейко в цеху среди рабочих заявил: «Правильно поступило наше правительство, что вывозит тех, кто идет против советской власти, кто мешает нам честно трудиться на благо нашей Родины».

Механик нефтеперерабатывающего завода № 1 г. Дрогобыч т. Михеев заявил: «Советская власть очень хорошо делает, что выселяет тех, кто мешает спокойно нам жить. Раньше нельзя было слова сказать открыто о советской власти, нельзя было спокойно пройти по улице. Теперь я понял, что советская власть заботится о честном народе».

Рабочий лесопильного завода «Большевик» Турковского района т. Хомич в кругу рабочих заявил: «Правильно поступают, что выселяют кулаков. Ведь они же обеспечивали бандитов хлебом, салом и деньгами, они были прямыми пособниками бандитов».

Оператор нефтеперерабатывающего завода № 2 г. Дрогобыч т. Петров – житель с. Модрычи, Дрогобычского района, в кругу рабочих сказал: «Сегодня у нас в с. Модрычи вывезли много бандитских семей. Правильно советская власть делает, что вывозит кулаков и пособников бандитов, а то в селе дышать они не давали. Теперь каждый крестьянин подумает пускать в хату или не пускать бандитов. Но еще мало вывезли, пособников бандитов много, но их почему-то не всех вывезли. Уже надоело жить под страхом. Выселили бы всех кулаков и пособников бандитов, тогда в селе было бы спокойно».

Крестьянин села Гаи Ныжни Дрогобычского района т. Софьяник среди селян сказал: «Советская власть долгое время разъясняла украинско-немецким националистам, хотела дать им возможность стать на правильный путь, но они не хотели этого понять. Поэтому правильно поступили органы советской власти, что их выселяют».

Крестьянин села Дидушичи Велики т. Илькив заявил: «Этим бандитским отросткам давно место в Сибири. Теперь и другим не будет повадно пускать к себе в квартиру бандитов или снабжать их продуктами питания».

Рабочий нефтеперерабатывающего завода № 2 т. Голдарчак, житель села Млынки-Шкильни Дрогобычского района по поводу выселения семей бандитов заявил: «У нас

в Млынках теперь никто не пустит к себе бандита. Сегодня пришел к Шкильному Ярославу его брат – Шкильный Теодор, который скрывается от советской власти, так он его не пустил в дом и заявил, – ты хотя и брат мне, но я тебя прошу уйти от моего дома, из-за тебя вывезут и меня в Сибирь. Иди лучше с повинной в МГБ».

Наряду с положительным реагированием населения имеют место и отдельные факты и отрицательного реагирования. Так, энергетик электростанции г. Дрогобич Волярский, в разговоре с механиком Олейниковым по вопросу о выселении заявил: «Сколько я прожил на свете, а такой власти еще не видел. Это не люди, а варвары. Не разбираясь хватают детей, женщин, стариков, и, несмотря на зиму, вывозят их в Сибирь. Но ничего, это им так не пройдет. Мы не одиноки, с нами Америка».

Жительница гор. Дрогобыч Федяк Ксения по поводу выселения заявила: «Пусть не радуются русские и все восточники. Сегодня выселяют нас, а завтра будут выселять их».

После выселения семей бандитов партийно-советским активом области с 21 по 25 октября проведена широкая разъяснительная работа среди местного населения о причинах выселения семей, активных участников ОУНовского бандитского подполья путем проведения собраний актива по всем селам районов области.

По состоянию на 24 октября взято на учет рабочих лошадей изъятых у выселенных семей – 974, лошадей-молодняка –134, молочных коров – 3220, бычков и телят – 1972, свиней – 720, овец и коз – 387.

Работа по упорядочению изъятого у выселенных семей имущества будет закончена к 27 октября.

Секретарь Дрогобычского обкома КП(б)У Горобец

ДАЛО. – Ф. П-5001. – Оп. 8. – Спр. 262. – Арк. 54–57.
Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 285–287.

№ 163

1947. – Жовтня 29. – Доповідна записка Міністерства внутрішніх справ СРСР заступнику Голови Ради Міністрів СРСР про виселення із Західної України родин учасників визвольних змагань

29 октября 1947 г.

Совершенно секретно

Товарищу Берия Л. П.
Товарищу Кузнецову А. А.

Министерство внутренних дел СССР докладывает о проведенной работе по выполнению решения о выселении из западных областей Украинской ССР 25000 семей активных националистов и бандитов, убитых при вооруженных столкновениях, осужденных и находящихся на нелегальном положении. Согласно постановлению Совета Министров СССР № 3214–1050 с от 10 сентября с. г. из числа переселяемых 20000 семей подлежат направлению на работу в угольную промышленность восточных районов СССР. Остальные 5000 семей направляются Министерством внутренних

дел СССР в Омскую область, где будут переданы промышленным предприятиям и трудоустроены в сельском хозяйстве.

По состоянию на 27 октября с. г. из западных областей Украины вывезено 26682 семьи спецпереселенцев или 76192 человека, в том числе: мужчин – 18866, женщин – 35152, детей – 22174. Из них направлено предприятиям угольной промышленности восточных районов СССР 21380 семей или 60814 человек, в том числе:

Направлено	при плане
комбинату «Кузбассуголь» 10273 семьи	10000 семей или 30251 человек
комбинату «Челябинскуголь» 3728 семей	3000 семей или. 10495 человек
комбинату «Молотовуголь» 1743 семьи	2000 семей или 4976 человек
комбинату «Карагандауголь» 3143 семьи	3000 семей или 8191 человек
комбинату «Востсибуголь» 1834 семьи	1500 семей или 5203 человека
предприятиям угольной промышленности Красноярского края 659 семей	500 семей или 1698 человек.

В Омскую область при плане 5000 семей фактически направлено 5302 семьи или 15378 человек.

В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР № 14733 рс от 6 октября 1947 года МВД СССР совместно с Министерством торговли СССР организованы пункты питания спецпереселенцев в пути следования эшелонов.

Министерством здравоохранения УССР на каждый эшелон выделен врач и две медсестры с необходимым количеством медикаментов.

Для сопровождения эшелонов со спецпереселенцами МВД СССР выделено 1250 бойцов и офицеров конвойных войск. Каждый эшелон сопровождается до места назначения начальником эшелона из числа офицеров МВД.

Для организации погрузки и охраны переселяемых в западные области УССР был командирован начальник конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенант Бочков с группой офицеров.

Органы МВД оказывали активную помощь органам МГБ в проведении операций по выселению семей активных националистов и бандитов, для чего было выделено свыше 13000 человек из оперативного состава и войск МВД. В местах расселения спецпереселенцев органами МВД произведена проверка возможности приема и размещения их предприятиями угольной промышленности.

Бюро по топливу и транспорту при Совете Министров СССР, при обсуждении 8 октября с. г. хода выполнения постановления Правительства об обеспечении угольной промышленности рабочей силой, признало неудовлетворительной подготовку жилых помещений для спецпереселенцев и обязало Министра угольной промышленности восточных районов СССР ускорить разрешение этого вопроса.

Своевременно информировать обкомы ВКП(б) и руководителей хозорганов, на предприятия которых прибывают спецпереселенцы, об отправленных эшелонах.

По договоренности с обкомами ВКП(б) создать комиссии с участием представителей обкомов ВКП(б), УМВД и соответствующих хозорганов для проверки и обеспечения полной готовности последних к приему и размещению спецпереселенцев и снабжения их продуктами питания.

Обеспечить переброску спецпереселенцев со станции разгрузки к месту расселения.

Перед расселением произвести санобработку всех прибывающих спецпереселенцев и обеспечить немедленную госпитализацию больных через местные органы здравоохранения.

В пункты прибытия эшелонов со спецпереселенцами направлены группы оперативных работников МВД для организации приема прибывающих эшелонов и оказания необходимой помощи хозорганам в расселении спецпереселенцев.

МВД СССР приняты также необходимые меры по обеспечению надлежащего режима для спецпереселенцев в местах их расселения.

Министр внутренних дел СССР С. Круглов

ГАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 342. – Арк. 51–53.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С.292–293;
Депортації… Т. 2. – С. 282–285.

№ 164

1947. – Листопада 19. – Розпорядження голови Дрогобицького облвиконкому голові Ново-Устрицької міськрайради, облбанку, облзаготконторі, облспоживспілці, облуправлінню сільського господарства про нерозголошення постанов Ради Міністрів УРСР і рішення облвиконкому щодо конфіскованої у виселених селян худоби

19 ноября 1947 г.

Совершенно секретно

Председателю исполкома
Ново-Устрикского городского совета депутатов трудящихся тов. Пизнак,
облбанку, облуправлению сельского хозяйства

Совет Министров УССР телеграммой от 14.XI. 1947 г. за № 193 указал, что все присланные ранее постановления Совета Министров УССР «О завозе продуктивного скота и лошадей колхозам Киевской, Черниведкой областей из числа оставленных после выселения семей националистов и бандитов из западных областей УССР» – считать совершенно секретными, а следовательно и решение исполкома облсовета от 12.XI.1947 г. за № 1306/30 «Про передачу конфіскованої рогатої худоби облживконторі для вивозу до Київської області» нужно считать совершенно секретным, которое необходимо немедленно изъять из общей части и передать в Вашу спецчасть.

Председатель исполкома облсовета депутатов трудящихся И. Яворский

ДАЛО. – Ф. Р-2022. – Оп. 2. – Спр. 58а. – Арк. 68.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 294.

№ 165

1947. – Листопада 20. – З редакційної статті «Буржуазних націоналістів – на смітник історії» про виключення із Спілки радянських письменників України П. Карманського, М. Рудницького, А. Патрус-Карпатського

Президія СРПУ одностайно виключила буржуазних націоналістів П. Карманського, М. Рудницького і А. Патрус-Карпатського з лав Спілки радянських письменників.

Ці так звані «літератори» протягом багатьох років стояли на чужих, антинародних позиціях.

Ці зрадники безсоромно продавали український народ, його національну культуру, аби тільки вислужитись перед своїми господарями. Вони не гребували ніякими методами і засобами, ставали диверсантами і шпигунами, провокаторами і катами, лакеями і трубадурами німецького фашизму.

Одним з таких трубадурів реакції завжди був П. Карманський. 50 років його свідомого життя – це 50 років свідомої боротьби проти українського народу. Пройшовши школу ненависті до народу в панській єзуїтській колегії у Ватікані, він з перших років своєї діяльності став на шлях ганебної зради і холуйського прислужництва ворогам трудящих. Недаром вже в 1905 році Карманський у Львові редагує войовничо-націоналістичний тижневик «Гайдамаки», сторінки якого мають виразно жовто-блакитний колір.

В своїх поезіях удавано сумує за долею українського народу, марить про прихід німецьких загарбників на українську землю. В 1915 році Карманський стає єфрейтором від літератури у кайзерівській армії. Він бере найактивнішу участь в редагуванні німецьких брудних листівок для полонених українців. Карманський докладає всіх сил, щоб ідеологічно підготувати майбутніх «січовиків» – петлюрівських бандитів. В 1918 році йому доручають редагувати націоналістичну газетку в Тернополі «Голос Поділля». Карманський проклинає революцію на всі лади, оспівує Петлюру, Скоропадського, Грушевського. Він стає агентом для особливих доручень і посланником петлюрівського «уряду» при Ватікані.

Після розгрому кайзерівських окупантів і петлюрівських банд рухнули націоналістичні сподівання Карманського. Порвалися пути, якими він хотів закути наш народ. Та коли Гітлер зі своєю бандою вдерся на нашу землю, старий німецький запроданець знову подав свій голос. В часи тимчасової окупації України він співає оди Гітлеру – людоїдові і катові народів. Карманський як вірний слуга, в догоду своєму «вельможному» панові, вихваляє не тільки німців, але й їхніх союзників – японських самураїв.

Достойним поплічником Карманського і ревним служакою буржуазно-націоналістичного табору завжди був львівський «літературознавець» М. Рудницький. В роки, коли на землях колишньої Західної України наростало революційне піднесення, коли трудящі боролись за возз'єднання з Радянською Україною, М. Рудницький стає пліч-о-пліч з жандармами Пілсудського і агентами дефензиви. Замість нагая і пістолета Рудницький бере перо. В 1932 році він випускає книжку під назвою «Між ідеєю і формою», в якій з перших сторінок намагається опорочити марксизм. Він силкується довести самобутність українського народу і слідом за Антоновичем і Грушевським у книзі «Від Мирного до Хвильового» твердить про виключний, безбуржуазний характер української нації, в історії якої нібито ніколи не було протиріч і класової боротьби.

Свої «догми» він підтверджує горезвісними «теоріями» про єдиний потік в розвиткові української літератури. Для цього він злісно перекручує історичну правду, фальсифікує факти, безсоромно бреше.

Рудницький викреслює з творчості Івана Франка, Лесі Українки, М. Коцюбинського, В. Стефаника все те, що мало революційний характер, що відбивало народні думи, народну боротьбу проти гнобителів і експлуататорів. В унісон з Хвильовим він намагався орієнтувати літературу на «психологічну Європу», активно пропагуючи теорію «чистого мистецтва». Він паплюжив радянських письменників, підносячи на щит зрадника Хвильового.

В часи німецької окупації М. Рудницький бере діяльну участь в редагуванні націоналістичного журналу «Вечірня година», в якому друкувалися наклепницькі антирадянські твори.

В Закарпатті на націоналістичних дріжджах виріс інший запроданець, фашистський авантюрист А. Патрус-Карпатський. В часи, коли гітлерівці створили горезвісну «закарпатську козявку» – бандитський «уряд» німецького гестапівця Волошина – Патрус-Карпатський всіляко вихваляв українсько-німецьких націоналістів.

Під час Вітчизняної війни він маскувався під друга радянського народу. Але свою націоналістичну підлу душу він показав у ряді творів, в яких викривив історичну правду, свідомо обминув показ боротьби українського народу з націоналістами.

П. Карманський, М. Рудницький, А. Патрус-Карпатський протягом довгого часу служили ворогам радянського народу. Вони не раз лицемірно клялися в любові до нього, а на ділі зраджували його. Вони до останнього часу не відмовились від своїх антинародних позицій, не тільки не переозброїлись, а ще більше виявили себе як махрові буржуазні націоналісти.

Спілка радянських письменників України виключила з своїх лав Карманського, Рудницького і Патрус-Карпатського. Радянська громадськість одностайно засуджує їхні брудні діла, їхню брудну писанину.

Їх місце – на смітнику історії!

Опубл.: Літературна газета. – 1947. – № 47. – 20 листоп.

№ 166

1947. – Листопада 28. – Інформація заступнику Голови Ради Міністрів СРСР про тяжке становище спецпоселенців із західних областей України

28 ноября 1947 г.

Совершенно секретно

Заместителю Председателя Совета Министров Союза ССР
Товарищу Берия Л. П.

Согласно постановлению правительства из западных областей Украинской ССР переселено 26 460 семей активных националистов и бандитов. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 3214–1050с от 10 сентября с. г. из числа переселенных 21197 семей / 61066 человек) направлены на работу в угольную промышленность восточных районов СССР. Остальные 5264 семьи или 15202 человека

направлены в Омскую область и используются на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве.

Семьи переселенцев, трудоспособные члены которых переданы на предприятия угольной промышленности или трудоустроены на других промышленных предприятиях, получают от указанных предприятий авансом помощь продовольствием и денежные пособия.

Семьи спецпереселенцев, не имеющих в своем составе трудоспособных членов, которых можно было бы использовать на предприятиях угольной промышленности или на других предприятиях, испытывают крайнюю нужду помощи продовольствием, одеждой и обувью. Проведенной органами МВД проверкой среди спецпереселенцев из западных областей Украины выявлено 3 536 семей (7 186 чел.), в составе которых не имеется трудоспособных членов, из них:

в Кемеровской области – 1089 семей или 2 079 человек;
в Карагандинской области – 991 семья или 1 935 человек;
в Омской области – 541 семья или 1 099 человек;
в Иркутской области – 327 семей или 961 человек;
в Челябинской области – 281 семья или 475 человек;
в Читинской области – 89 семей или 105 человек;
в Молотовской области – 191 семья или 467 человек;
в Красноярском крае – 27 семей или 65 человек.

В связи с тяжелым положением указанных семей спецпереселенцев МВД СССР считает необходимым на первое время в течение декабря 1947 года и 1-го квартала 1948 года оказать им безвозмездную помощь продовольствием из расчета в день на одного человека: муки –150 граммов, крупы – 50 граммов, соли –15 граммов и сахара (только детям) –15 граммов. Всего для этого потребуется: муки 133,6 тонны, крупы 43,6 тонны, соли 13,5 тонны и сахара 5,6 тонны.

Для обеспечения только крайне нуждающихся спецпереселенцев в одежде и обуви (не более 30% учтенных семей) на зимний период 1947–48 гг. необходимо выделить: хлопчатобумажной ткани 6500 метров, кожаной обуви 2 200 пар, в том числе детской 800 пар и детских пальто 800 штук (из расчета на одного человека ткани 3 метра, обуви одна пара и детское пальто). Одежду и обувь выдавать за наличный расчет.

Министерство внутренних дел СССР считает также необходимым обязать Совет Министров Казахской ССР, Красноярский крайисполком и облисполкомы Кемеровской, Молотовской, Омской, Иркутской, Челябинской и Читинской областей в течение декабря 1947 года и января 1948 года принять все необходимые меры по устройству указаных семей в колхозах, совхозах, а также в промысловых артелях подсобных предприятий местной промышленности.

Прилагая по этому вопросу проект постановления Совета Министров СССР, прошу Вашего решения.

Министр внутренних дел СССР С. Круглов

ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 372. – Арк. 74.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 294–295.

№ 167

1948. – Квітня 14. – З постанови бюро Львівського обкому КП(б)У «Про стан антирелігійної пропаганди і агітації в області»

Бюро обкома КП(б)У отмечает, что антирелигиозная пропаганда и агитация в области развернута слабо. Некоторые партийные организации самоустранились от работы по окончательному разрушению религиозных верований среди отсталой части рабочих, крестьян, а также интеллигенции, предали забвению программные требования партии о ведении систематической антирелигиозной работы в массах.

Это способствовало тому, что среди отдельных молодых членов партии сложилось неправильное представление о том, что якобы партия изменила свое отношение к религии и церкви и теперь считает нецелесообразным ведение наступательной разоблачительной антирелигиозной пропаганды и агитации.

Это представление чуждо большевистской партии и ее программе.

Оно стало возможным не только в силу того, что некоторые партийные организации предали забвению программные требования партии по антирелигиозным вопросам и ослабили глубокую систематическую антирелигиозную работу в массах, но также в силу того, что некоторая незначительная часть молодых коммунистов, не обладающая еще достаточной теоретической подготовкой, не поняла, что религия по своему характеру является реакционной, которая исходит из ее классовой природы и переоценила тот факт, что православная церковь в период Отечественной войны, боясь быть изолированной и в целях закрепления своих позиций среди верующих, вынуждена была поддержать борьбу трудящихся против немецко-фашистских захватчиков, что сейчас, когда наша страна успешно строит коммунизм, работу по освобождению от религиозных верований среди отсталой части населения нужно не отодвигать на второй план, а, наоборот, усилить ее, как средство повышения сознательности широких масс, мобилизации их на выполнение послевоенной Сталинской пятилетки в 4 года и завершения построения коммунистического общества.

Октябрьская революция и весь ход социалистического строительства в нашей стране разоблачили реакционную роль религии, в корне расшатали религиозные предрассудки трудящихся.

Из всех религиозных организаций в Западной Украине наиболее реакционно и контрреволюционно проявила себя греко-униатская церковь. На протяжении всей своей истории она выступала в роли пособника колонизаторов западноукраинских земель, в интересах Ватикана помогала душить прогрессивные силы украинского народа, стремящиеся к освобождению от иноземного владычества.

Вокруг греко-униатской церкви группировались и группируются буржуазные украинские националисты, находящиеся, как и сама греко-униатская церковь, на службе мировой реакции...

Все это требует от партийных организаций усиления бдительности и неослабной борьбы с греко-униатским подпольем.

После объединения греко-униатской церкви с православной, происшедшего в 1946 г., в нашей области до сих пор она располагает рядом церквей и монастырей,

являющимися по-прежнему вдохновителями антисоветской клеветы, опорой украинско-немецких националистов и кулачества.

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 387. – Арк. 104–106.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 543–546.

№ 168

1948. – Квітня 16. – Характеристика на Миколу Колессу щодо його звільнення з роботи у Львівській консерваторії

ХАРАКТЕРИСТИКА

на Колессу Николая Филаретовича, 1904 г. рождения, местный украинец, б/п, доцент.

Окончил Чешскую консерваторию в Праге в 1933 году по классу композиции у композитора Новака. Окончил Чешский университет в Праге (философский факультет).

Сын композитора Филарета Колессы.

С 1940 г. работает дирижером симфонического оркестра Львовской областной филармонии. Во время Отечественной войны работал во Львове дирижером и преподавателем.

В 1940 г. был избран депутатом Городского Совета депутатов трудящихся.

С 1947 года по 1948 год был главным дирижером и художественным руководителем хоровой капеллы «Трембита». В 1948 году награжден орденом «Знак Почета».

В госконсерватории работает преподавателем на дирижерском факультете с 1944 года. Все время дружил с бывшим директором Барвинским В. Тщательно скрывает свое враждебное отношение ко всему советскому, а также к партийной организации. В случайных высказываниях проявляет несогласие с политикой партии в искусстве. Убежденно преклоняется перед западным буржуазным искусством. С момента ареста Барвинского особенно замкнулся, совершенно не принимает участия в реализации последних решений партии и правительства.

Необходимо освободить от работы в Консерватории как политически неблагонадежного.

Директор Львовской гос. консерватории им. Лысенко Павлюченко

Секретарь парторганизации Шепитько

16.4.48 г.

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 611. – Арк. 33. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 550.

№ 169

1948. – Квітня 16. – Характеристика на С. Крушельницьку щодо її звільнення з роботи у Львівській консерваторії

ХАРАКТЕРИСТИКА

на Крушельницкую Соломею Амброзиевну, 1876 г. рождения, украинка, окончила Львовскую консерваторию в 1894 г.

Бывшая итальянская подданная, перешедшая в Советское подданство в 1947 году. Имеет недвижимое имущество в Италии, бывшая оперная певица, разъезжавшая с гастролями по странам Европы, Африки, Северной и Южной Америки. Бывшая знаменитость.

Во время войны оставалась в г. Львове и нигде не работала, ввиду продолжительной болезни (перелом ноги).

Политические взгляды неясные. Никакого участия в общественной жизни консерватории не принимает.

Как педагог потеряла необходимый для вузовского преподавателя уровень. На практике не осуществляет какую-либо методическую систему. Как воспитатель – аполитична. Желателен перевод на пенсию.

Директор Львовской госконсерватории им. Лысенко Павлюченко

Секретарь парторганизации Шепитько

16.4 48 г.

ДАЛО. – Ф. П-8. – Оп. 2. – Спр. 611. – Арк. 35. – Копія.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 553.

№ 170

1948. – Квітень. – Доповідна записка уповноваженого Державної планової комісії Ради Міністрів СРСР у Львівській області секретарю Львівського обкому КП(б)У і голові Львівського облвиконкому про хід призову молоді для шкіл ФЗН Донбасу і Львівської області

Выполнение постановления Совета Министров СССР № 238 от 10/Н 1948 г. о призыве молодежи в школы ФЗО угольной и металлургической промышленности в Львовской области проходит совершенно неудовлетворительно. Первоначальный срок окончания призыва (15/III 1948 г.), предусмотренный постановлением Совета Министров СССР, был сорван: при плане мобилизации по Львовской области 3000 человек фактически было отправлено в школы ФЗО гор. Ворошиловграда на 15/III с. г. только 700 чел. – 23,3%. На 1/IV с. г. отправлено 1318 чел. – 44%.

Срок призыва молодежи был продлен до 25/III с. г., но в последней декаде марта численность молодежи, отправляемой в гор. Ворошиловград, еще более сни-

зилась: если с 10/III по 20/III с. г. было отправлено 653 чел., то с 21/III по 1/IV с. г. отправлено всего 265 чел. Прибытие мобилизованной молодежи на сборный пункт в гор. Львове почти прекратилось: 27/III прибытия не было, 28/III – прибыло 49 чел., 31/III – 18 чел. Эти факты указывают на то, что в большинстве районов работа по мобилизации молодежи свернута. Уполномоченные обкома КП(б)У, выделенные в помощь районным организациям для проведения призыва, выехали из районов, не закончив работы по призыву, а оставшиеся работники управления Трудрезервов сами, без поддержки Райисполкомов, не в состоянии провести эту работу.

Ни один район в области на 1/IV с. г. не выполнил полностью план мобилизации молодежи, утвержденный Бюро Львовского обкома КП(б)У и Облисполкома, – Пустомытовский район выполнил план мобилизации на 22%, Городокский – на 21%, Яворовский – на 13%, Краковецкий – на 14%, а Брюховицкий район – не призвал ни одного человека.

Невыполнение плана призыва молодежи объясняется следующими основными причинами:

1. Облисполком установил отправку молодежи из районов области на сборные пункты Львова в четыре срока – (8 районов – 28/II с. г., 5 районов – 9/III, 10 районов – 17/III, 8 районов – 19/III). Ориентируясь на эти сроки, во всех районах области (за исключением Перемышлянского района) организационная работа по призыву была развернута с большим опозданием,– за несколько дней до назначенных Облисполкомом сроков отправки молодежи на сборные пункты гор. Львова.

2. В области имеет место массовое уклонение молодежи от мобилизации, как результат враждебной агитации со стороны украинских националистов и как следствие отсталой психологии местного населения, а райисполкомами и райкомами КП(б)У во многих районах вместо организационной и агитационно-массовой работы среди населения по разъяснению условий учебы в школах ФЗО Донбасса – применялись методы голого администрирования с вызовом призывников через райвоенкоматы, привлечением органов милиции и даже применением методов облавы (Рава-Русский, Глинянский, Ново-Ярычевский, Ново-Милятинский и др. районы). После того как призывники узнавали, что вызваны для отбора в школы ФЗО Ворошиловграда – еще до осмотра медицинской комиссией – немедленно возвращались домой с тем, чтобы избежать призыва. Так, в Рава-Русском районе, при плане призыва 130 человек повестки РВК были разосланы 200 призывникам: почти все они явились в районный центр для осмотра медкомиссией, но после информации о целях медицинского освидетельствования более 100 человек возвратились домой и в настоящее время скрываются. Такое же положение в Ново-Ярычевском, Ново-Милятинском и других районах области.

Призывники скрываются в своих селах, в соседних селах и районах, а также во Львове. Часть призывников, чтобы избежать мобилизации, поступают на работу на предприятия гор. Львова и области. Только в Золочевском шахтоуправлении, на заводе № 17 МВС, на электростанции и на отдельных объектах Львовской ж. д. выявлено 23 чел., уклонившихся от призыва.

3. Ряд районов (Краковецкий, Сокальский, Золочевский, Радеховский и др.) направляли на сборные пункты Львова молодежь без документов (паспортов, свидетельств о рождении). Молодежь по 10–15 дней находилась на сборном пункте, неприспособленном для ночлега, в ожидании оформления документов. На 28/III с. г. из

102 чел., находящихся на сборном пункте в г. Львове, 79 чел. не имели документов. Были случаи отправки в г. Ворошиловград больных призывников. Из первой партии, отправленной 29/II с. г. (239 чел.), после вторичного медосмотра на месте – гор. Ворошиловград – были возвращены 22 чел.

4. Призывники, уклоняющиеся от мобилизации, в районах области не привлекались к ответственности. Районные прокуроры, ссылаясь на отсутствие указаний в законодательстве, дающих право привлекать к ответственности лиц, уклоняющихся от призыва в школы трудовых резервов, никаких мер на месте не предпринимали. Областная прокуратура также осталась в стороне от призыва и до сего времени не дала на месте указаний по этому вопросу.

Совершенно неудовлетворительный ход призыва в школы ФЗО гор. Ворошиловграда не является случайностью. На протяжении 1946–47 гг. большинство районов Львовской области также не выполнили планов мобилизации молодежи в школы Трудрезервов (комплектование проходило в большей части за счет добровольцев и детприемников), но виновные в систематическом срыве мобилизации к ответственности не привлекались.

Такое положение является следствием того, что райисполкомы и райкомы партии не уделяли вопросам призыва должного внимания, а отдел кадров Обкома КП(б)У, видимо, недостаточно контролировал ход призыва и не принимал необходимых мер к обеспечению выполнения плана мобилизации молодежи.

Уполномоченный Госплана СССР В. Голтвянский

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 534. – Арк. 111–112.
Опубл.: Культурне життя в Україні… Т. 1. – С. 555–557.

№ 171

1948. – Серпень. – Інформація Української Головної Визвольної Ради про більшовицький терор на українських землях

Для ілюстрування розмірів і характеру терору більшовицьких окупантів, що вони вже впродовж чотирьох років чинять в Україні, зокрема у Західній, наведемо деякі зведені дані. При цьому мусимо зазначити, що райони, про які йдеться, не типові в цьому відношенні. Для підтвердження цього скажемо, що в Західній Україні є села, де число вбитих більшовиками дорівнює, а то й перевищує число вбитих у наводжуваних нами цілих районах (напр., в с. Орів Дрогобицької обл. від 1944 р. до 1947 р. більшовики вбили 72 жителів). Та, навіть будучи не типовими, ці дані дають певний конкретний образ того, як більшовицькі злочинці розправляються з повсталим до боротьби за свою волю українським народом.

В р-ні Краковець Львівської обл. (дані з с. Любині, Вілька Руснівська, Морянці, Наконечне II., Вовча Гора, Серни, Бунів, Передвір’я, Семирівка, Любинська Воля, Чернилява, Іваники, Гнійниці, Нагачів, Липовець – разом 15), в часі з 20.VII.44 р. – до 20.VII.47 р. московсько-більшовицькі окупанти:

арештували	1 074 чол.
заслали в Сибір та вивезли на примусові роботи в Донбас	149 чол.
вбили	139 чол.
насильно мобілізували в ЧА	1 488 чол.
з того загинули	394 чол.
стали інвалідами	190 чол.
повернулися здоровими	792 чол.
провели облав у селах	426
провели облав у лісах й на полях	222

(Примітка. В подане тут, як і скрізь нижче, число арештованих не входять особи, що були арештовані на короткий час, а тільки ті, що отримали судові вироки чи перебували в тюрмі довше. Особи арештовані й після короткого часу звільнені становлять у кожному р-ні західних областей України 50–75% усього населення, особи затримані й поліційно переслухані – 75–100%. Коли йдеться про Краковецький р-н, то для ілюстрації наведемо, що 1946 р. перед «виборами» у Верховну Раду СРСР в с. Чернилява було арештовано 315 селян).

В р-ні Судова Вишня Дрогобицької обл. (дані із с. Дмитровичі, Макунів Шишоровичі, Мокряни Великі, Мокряни Малі, Голодівка, Дидятичі, Орховичі, Волостків, Стоянці, Мистичі, Санники, Вуйковичі, Королин, Тулиголови, Арламівська Воля, Твіржа – разом 17) в часі 20.VII.44 р.–20.VII. 1947 р. московсько-більшовицькі окупанти:

арештували	824 чол.
заслали в Сибір і вивезли на примусові роботи в Донбас	153 чол.
вбили	52 чол.
насильно мобілізували в ЧА	1114 чол.
з того загинули	228 чол.
стали інвалідами	95 чол.
повернулися здоровими	690 чол.
провели облав у селах	340
провели облав у лісах й на полях	194

В районі Мостиська Дрогобицької обл. (дані із с. Годині, Черневе, Малнів, Соколя, Малнівська Воля, Підгать, Ляшки-Гостинні – разом 7) в часі 20.VII.44 р.–20.VII.1947 р., московсько-більшовицькі окупанти:

арештували	380 чол.
заслали в Сибір і вивезли на примусові роботи в Донбас	150 чол.
вбили	28 чол.
насильно мобілізували в ЧА	1 040 чол.
з того загинули	348 чол.
стали інвалідами	76 чол.
повернулися здоровими	529 чол.
провели облав у селах	112
провели облав у лісах й на полях	57

В р-ні Крукеничі Дрогобицької обл. (дані з с. Вишенька, Раденичі, Підліски, Чижевичі, Буховичі, Ганьковичі, Тамановичі, Гориславичі, Йорданівка, Радохинці, Гусаків, Боєвичі, Золотковичі, Мишлятичі, Мочеради, Ляшки, Зав'язанці, Кропильники, Ятвяги, Ніговичі, Княгиничі, Костільники, Острожець – разом 23) в часі 21.VII.44 р.– 20.VII.1947 р. московсько-більшовицькі окупанти:

арештували	1 434 чол.
заслали в Сибір та вислали на примусові роботи в Донбас	116 чол.
вбили	39 чол.
насильно мобілізували в ЧА	2 534 чол.
з того загинули	502 чол.
стали інвалідами	251 чол.
повернулися здоровими	1 550 чол.
провели облав у селах	385
провели облав у лісах й на полях	165

В р-ні Яворів Львівської обл. (дані з с. Наконечне, Порудне, Поруденко, Селиська, Рогізно, Шутова, Черчик, Підлуби, Бердихів, Ляшки, Віжомля, Новосілки, Мужиловичі, Вільшаниця, Ліс, Залужжя, Цетуля, Яжів Новий, Стадники, Чолгині, Молошковичі, Брухналь – разом 22) в часі 22.VII.44 р.– 20.VII.47 р. московсько-більшовицькі окупанти:

арештували (з 8-ми сіл – тільки неповні дані)	779 чол.
заслали в Сибір і вивезли на примусові роботи в Донбас	278 чол.
вбили	244 чол.
насильно мобілізували в ЧА	1 452 чол.
з того загинули	304 чол.
стали інвалідами	218 чол.
повернулися здоровими	740 чол.
провели облав у селах	946
провели облав у лісах й на полях	442
В с. Рогізно (р-н Яворів): спалили	112 госп.

В 12 р-нах Львівської обл. – Лопатинському, Радехівському, Сокальському, Великомостівському, Рава-Руському, Немирівському, Магерівському, Жовківському, Куликівському, Новояричівському, Кам'янко-Бузькому, Ново-Милятинському – в часі від 1.VII.1944 р.–17.VII.1945 р. більшовицькі злочинці:

вбили	1 817 чол., у тому числі 120 стариків, 99 жінок, 68 дітей
арештували	3 479 чол.
заслали в Сибір	2 123 чол., в тому числі 624 чол. переважно стариків, 898 жінок, 601 дитину
вивезли в Донбас	649 чол.
спалили	2 706 госп.
пограбували і здемолювали	2 650 госп.
зруйнували і здемолювали	40 церков
знищили	136 бібліотек

В р-ні Золотники Тернопільської обл. за травень–червень 1945 р. начальник МВД зі своїми опричниками знищив 73 мирних селян, причому більшість з них була садистським способом замучена.

У концтаборі МВД в с. Берегомет (р-н Вижниця Чернівецької обл.) весною 1945 р. емведівські опричники знищили голодною смертю 200 політв'язнів.

Жертвою голоду, викликаного більшовиками також у західноукраїнських землях зимою 1946/47 р. і весною 1947 р., стали (неповні дані):

в р-ні Коломия Станіславівської обл.	– 70 чол.
в р-ні Печеніжин Станіславівської обл.	– 49 чол.
в р-ні Коршів Станіславівської обл.	– 32 чол.
в р-ні Обертин Станіславівської обл.	– 311 чол.
в р-ні Снятин Станіславівської обл.	– 98 чол.
в р-ні Заболотів Станіславівської обл.	– 20 чол.
в р-ні Гвіздець Станіславівської обл.	– 40 чол.
в р-ні Городенка Станіславівської обл.	– 55 чол.
в р-ні Заліщики Тернопільської обл.	– 14 чол.
в р-ні Борщів Тернопільської обл.	– 11 чол.
в р-ні Золотий Потік Тернопільської обл.	– 45 чол.
в р-ні Журавно Дрогобицької обл.	– 20 чол.

Під час масового вивезення українського населення в Сибір 19–21.Х.1947 р. депортовано (неповні дані):

з р-ну Берестечко Рівенської обл.	– 110 родин
з р-ну Верба Рівенської обл. (з 17 сіл)	– 127 родин
з р-ну Радивилів Рівенської обл. (з 17 сіл)	– 108 родин
з р-ну Демидівка Рівенської обл. (з 10 сіл)	– 38 родин
з р-ну Самбір Дрогобицької обл. (з 29 сіл)	– 141 родину (493 чол.)
з р-ну Устрики Дрогобицької обл. (з 10 сіл)	– 75 родин (250 чол.)
з р-ну Ст. Самбір Дрогобицької обл. (з 22 сіл)	– 149 родин (448 чол.)
з р-ну Стрілки Дрогобицької обл. (з 24 сіл)	– 176 родин
з р-ну Добромиль Дрогобицької обл. (з 17 сіл)	– 118 родин
з р-ну Нижанковичі Дрогобицької обл. (з 12 сіл)	– 73 родини
з р-ну Турка Дрогобицької обл. (з 12 сіл)	– 77 родин
з р-ну Рогатин Станіславівської обл. (з 30 сіл)	– 136 родин (479 чол.)
з р-ну Букачівці Станіславівської обл. (з 19 сіл)	– 151 родину (432 чол.)
з р-ну Бурштин Станіславівської обл. (з 22 сіл)	– 83 родини (287 чол.)

Бюлетень Бюро інформації Української Головної Визвольної Ради, вип. 2, серп. 1948 р.

Опубл.: Мірчук Петро. Українська Повстанська Армія… – С. 347–351.

№ 172

1948. – Листопада 23. – Довідка Міністерства внутрішніх справ УРСР про кількість виселених з території західних областей України у 1944–1948 рр.

Совершенно секретно

СПРАВКА
о количестве выселенного контингента с территории Украины за приод 1944–1948 гг.

1. Всего выселено семей бандитов за период операций 1944–1946 гг.: семей – 15040, человек – 37145.

Из них по городам и областям:

№ п/п	Наименование областей	1944		1945		1946		За три года	
		семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.
1.	Ровенская	1159	3227	1443	3257	389	861	2991	7345
2.	Волынская	1178	3582	1357	3857	нет	нет	2535	7439
3.	Львовская	1130	2586	689	1576	712	1765	2531	5927
4.	Тернопольская	498	1249	940	1896	303	635	1741	37 80
5.	Станиславская	222	586	1985	4368	286	636	2393	5590
6.	Черновицкая	77	247	311	797	73	212	461	1256
7.	Дрогобычская	460	1285	668	1746	849	2241	1977	5272
	ИТОГО:	4724	12762	7393	17497	2612	6350	14729	36609

За период 1947–1948 гг. этапировано к местам ссылки по решениям ОСО при МВД СССР членов семей участников банд УПА: 311 в них 536 чел.

2. Выслано органами МГБ в октябре 1947 года семей оуновского подполья:

семей – 26332, человек – 77791; из них:

мужчин – 18866 чел.; женщин – 35441; детей – 22279 чел.

Для их переселения было использовано 44000 железнодорожных вагонов и задействовано сил:

сотрудников внутренних дел и военнослужащих – 13592 чел., из них:

офицерского и оперативного состава – 5143 чел.; рядового и сержантского состава – 8449 чел.;

Количество высланных органами МГБ по областям:

1.	Ровенская	– 3768 семей,	в них – 11347 чел.
2.	Волынская	– 2711	9050
3.	Львовская	– 5223	15920
4.	Тернопольская	– 5001	13508
5.	Станиславская	– 4512	11883
6.	Черновицкая	– 613	1627
7.	Дрогобычская	– 4504	14456
	ИТОГО:	26332 семьи	77791 чел.

3. Выслано немцев-репатриантов за период 1945–1947 гг. – 6255 чел.

4. Выслано за 1944–1946 гг. осужденных членов семей изменников Родины – 2894 чел.

5. Выслано в сылку осужденных «фольксдойч» и членов их семей – 3631 чел.
6. Выслано бывших полицейских, власовцев и других лиц, служивших в немецких строевых формированиях (директива МВД СССР № 97 от 20.04.1946 г.) – 4216 чел.
Всего выселено из Украины спецконтингента – 131935 чел.

Начальник 1-го спецотдела МВД УССР
Подполковник Смирнов

Составила: заместитель начальника отдела старший лейтенант Великанова.

23.11.1948 г.
№ 15/23497

Архів МВС України. – Ф-15. – Оп. 1. – Спр. 48. – Арк. 76–77; Спр. 51. – Арк. 96. Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 299–300.

№ 173

1948. – Відозва ОУН до осіб, яких радянська влада насильно вивозила на заслання та каторжні роботи

ДО НАСИЛЬНО ВИВОЖУВАНИХ НА СИБІР
І НА БОЛЬШЕВИЦЬКІ КАТОРЖНІ РОБОТИ!

Московсько-большевицькі окупанти, що насильно загарбали Україну, намагаються навіки закріпити її за собою шляхом масового фізичного винищування українського народу.

Одним із засобів фізично винищити український народ є широко застосовуване масове вивожування українського населення на Сибір, на каторжні роботи в Донбас, Урал і т. д.

Зокрема, масові вивози проводить окупант на західньоукраїнських землях, де найширше розгорнулася визвольна протибольшевицька боротьба українського народу.

Московсько-большевицькі імперіялісти думають, що, вирвавши Вас із рідного середовища і кинувши на люту каторгу, вони послаблять визвольну боротьбу на наших землях. Вони думають, що між чужими людьми Ви не зможете «бунтуватися»; що, не маючи підтримки з боку своїх однодумців, Ви не відважитеся боротися проти СССР; що будете боятися говорити слова правди своїм незнаним співдрузям, що забудете на чужині про свій народ і його змагання.

Вони думають, що в снігах Сибіру і в темних підземеллях рудників і шахт зламається Ваш волелюбний дух і згасне, здушений морозним вітром, Ваш патріотизм.

Большевицький окупант задумує, врешті, Вашими руками, руками тих, яких він жорстоко скривдив, позбавив рідних хат і яким мордував дітей – будувати свою криваву імперію. Своєю непосильною працею глибоко під землею, в понурих лісах і тундрах Сибіру Ви, як німі новітні раби, маєте будувати царство для ката Сталіна. На Ваших кістках і крові має ще більше зміцніти совєтська тюрма народів, щоб у найближчій війні ще більше поширитись коштом загарбання і поневолення нових народів.

Загрожені вивозом! Не давайте ловити себе й виарештовувати! Якщо сподієтеся вивозу – тікайте й у всілякий спосіб скривайтеся!

Коли ж Ви батьки дрібних дітей, старики чи неспосібні до втечі, або не маєте змоги втекти, то, насамперед, не впадайте в розпуку. До вивозу, по можливості, підготовтеся. Не залишайте ворогові свого майна! Беріть зі собою те, що можете взяти, а решту знищуйте, роздавайте тим, що залишаються.

У холодних, брудних вагонах, на далеких шляхах ви згадуйте тих, які вже довгі роки мучаться у тюрмах та інших большевицьких катівнях і не ломляться, витримують. Ви згадайте там своїх дітей, братів і сестер – повстанців, що, будучи вже цілі роки вічно гоненими і переслідуваними, часто голодними, без даху над головою і спокійного місця, де можна було б перев'язати задану ворогом рану, – не падають на дусі, не кидають з рук зброї. Вони пам'ятають про Вас і за Вас борються. Будьте їх гідні!

На місцях – у шахтах, рудниках, у лісах, на «стройках» – будьте і далі тими українцями, героїчну боротьбу яких подивляє нині ввесь світ. У всіх, навіть найважчих умовах, Ви збережіть свою українську душу і вірте в нашу перемогу. Учіть своїх дітей української мови й українського «Отченашу». Виховуйте в них безсмертну любов до України і закляту ненависть до її большевицьких окупантів.

Дружньо ставтеся до своїх братів-українців зі Сходу і до всіх співдрузів з-поміж інших поневолених Москвою народів. Говоріть їм про боротьбу українського народу, про українських повстанців і революціонерів, про їхні бої, роботу, героїзм. Говоріть, як борються проти сталінських колгоспів українські селяни ЗУЗ, як ненавидять і саботують совєтську владу українські робітники, як борються з розперезаними енкаведистами українські жінки і діти, як усі вони люблять і підтримують УПА, ОУН. Роз'яснюйте їм, що це за організації і за що вони борються.

Говоріть їм про це все обережно, не називайте імен живих осіб. Зате про полеглих Героїв розповідайте багато й широко.

У своїх розмовах не будьте надто боязливі, хоч завжди стережіться сексотів і провокаторів. Пам'ятайте, що Ви вже і так покарані і не маєте вже нічого до втрачення.

Отже, несіть зі собою, Брати, нашу Україну, наші змагання – скрізь туди, куди кине Вас ворог. Хай не вмирає Україна в Ваших серцях. Могутнім полум'ям любови до волі і ненависти до окупантів Ви запаліть серця Ваших співдрузів – українців та інших поневолених народів.

Хай за Україну, за повалення сталінської тюрми народів, за власні вільні національні держави бореться ввесь український 40-мільйоновий народ, ввесь Сибір, Кавказ, Середня Азія! Допомогти розпалити таку боротьбу – це теж і Ваше завдання, Брати!

Перебуваючи далеко від рідної землі, Ви пильно прислуховуйтеся до того, що на ній діється, що діється в усьому СССР і всьому світі. Ми, борці за Самостійну Україну, незадовго закличемо Вас вертатись із Сибіру на вільну українську землю.

Смерть Сталінові і його партійно-енкаведівській кліці – організаторам сибірських каторг!

Хай живе незнищимий український народ!

Хай живе боротьба українського народу за самостійну Україну!

Не припинемо боротьби за самостійну Україну ніде – ні в сибірських тайгах, ні в середньоазійських степах!

Українські Повстанці

Опубл.: Причинки до суспільного мислення (Збірка статей). – Торонто, 1989. – С. 89–191; Депортації… Т. 2. – С. 301–302.

№ 174

1948. – Грудня 31. – Доповідна записка військового прокурора військ МВС Українського округу міністру Держбезпеки УРСР і секретарю ЦК КП(б)У про вбивства співробітниками органів МДБ мирних жителів, фальсифікацію матеріалів про виселення українців

31 декабря 1948 г.

Совершенно секретно

Министру Государственной Безопасности УССР
генерал-лейтенанту товарищу Савченко
Здесь

Копия: Секретарю ЦК КП(б)Украины
товарищу Епишеву А. А.
Здесь к № 3/005326 от 20.VII.1948 г.

В процессе расследования дела по обвинению ст. сержанта* 91 с. п. войск МГБ Оганян Сарибек Ерамовича в преступлении, предусмотренном ст. 206–15 п. «б» УК УССР, Военной Прокуратурой было установлено, что пом. оперуполномоченного Дрогобычского райотдела МГБ мл. лейтенант Кружалов и находившиеся у него в подчинении работники органов МГБ, прикомандированные из других областей СССР, в сентябре–октябре 1947 года, в селах Гаи-Выжни, Гаи-Нижни и Делява, Дрогобычского района, систематически допускали грубейшие нарушения социалистической законности, а именно:

1. В октябре 1947 года Кружалов, вместе с мл. лейтенантом Оганян задержал без всяких к тому оснований гр-ку Борис Терезу, рожд. 1930 г., которую во время допроса садистски истязали: раздели до нага, связали ремнем руки, душили за горло и избивали.

Спустя два дня, Борис Тереза была освобождена из-под стражи.

2. В ночь на 24 октября 1947 года в с. Гаи-Выжни Кружалов организовал провокационный расстрел неизвестного гражданина, а затем сфальсифицировал акт о том, что, якобы, задержанный, являвшийся бандитом УПА Гук Михаилом Павловичем, был убит при попытке к бегству.

3. 17 сентября 1947 г., по указанию Кружалова, солдатом 91 с. п. Федотовым была убита учительница села Делява – Владычина Н. М., подозревавшаяся в связях с ОУНовским подпольем, а принадлежавшее ей имущество было разграблено Кружаловым, Щербаковым и другими работниками МГБ.

4. Находясь в селах Делява, Гаи-Выжни и Гаи-Нижни, Кружалов предлагал подчиненным ему оперативным работникам, прикомандированным из других областей СССР, совершать провокационные убийства граждан, а затем подкладывать к трупам оружие, антисоветские листовки и списывать убитых, как бандитов УПА.

5. В этих же селах, оформляя дела на выселение семей участников ОУН и УПА, Кружалов давал указание прикомандированным оперработникам и лично сам фальсифицировал документы, составлял протоколы допроса и агентурные донесения от имени несуществующих лиц.

Материалы, изобличающие Кружалова, Карпова и других лиц в совершении указанных выше преступлениях, 23 марта 1948 года были направлены в Особую инспекцию УМГБ Дрогобычской области, а соучастник преступлений Кружалова, военнослужащий Оганян С. Е. был предан суду и 15 февраля 1948 г. военным трибуналом осужден к 10 годам лишения свободы.

Вместо объективного и оперативного расследования материалов о преступной деятельности Кружалова и других лиц, Особая инспекция УМГБ Дрогобычской области следствие по настоящему делу заволокитила.

Расследование было закончено лишь 17 ноября 1948 г., т. е. спустя 8 месяцев с момента поступления материалов в Особую инспекцию, причем, в процессе следствия не были использованы имеющиеся в деле улики для изобличения преступника, который в корыстных, карьеристических целях грубо попирал советскую законность и провоцировал подчиненных ему оперативных работников на совершение тяжких преступлений.

Тем не менее, в результате расследования, Особая инспекция УМГБ Дрогобычской области все же вынуждена была прийти к выводу, что Кружалов совершил следующие преступления:

а) Составил фиктивный акт об убийстве «при попытке к побегу» задержанного «участника банды Гук М. П.», тогда как провокационный расстрел задержанного был организован заранее и осуществлен в присутствии Кружалова сержантом Оганян и солдатами Хорошайловым и Федотовым.

б) Склонял подчиненных ему оперработников Щербакова, Карпова и Довганюка совершать провокационные убийства местных жителей и к трупам подбрасывать антисоветские листовки и оружие;

в) Требовал от прикомандированных к нему оперработников Щербакова, Нестерова, Карпова и других фальсифицировать материалы учетных дел на выселение членов семей участников ОУН, УПА.

Несмотря на доказанность совершения Кружаловым перечисленных выше тяжких уголовных преступлений, Особая инспекция УМГБ дело в отношении Кружалова в уголовном порядке прекратила, ограничившись дисциплинирным его арестом на 20 суток.

Подобное решение Особой инспекции и руководства УМГБ Дрогобычской области мотивировалось тем, что Кружалов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1948 г. награжден орденом Отечественной войны I степени.

Однако, ссылаясь на награждение Кружалова правительственной наградой, Особая инспекция, признанием вины Кружалова в фальсификации акта об убийстве задержанного и в совершении других провокационных действий, признала и факт незаконного представления руководством УМГБ преступника Кружалова к правительственной награде.

Как уже указывалось выше, материалы о преступной деятельности Кружалова поступили в Особую инспекцию отдела кадров УМГБ Дрогобычской области в марте 1948 года. Следовательно, к моменту рассмотрения в Президиуме Верховного Совета СССР наградных материалов, руководству УМГБ было известно, в каких преступлениях обвиняется Кружалов.

Что же касается существа дела Кружалова, то из прилагаемых при этом материалов расследования видно, что Особая инспекция УМГБ вовсе не была заинтересована в

разоблачении злостного фальсификатора и нарушителя социалистической законности, каковым является Кружалов.

Из показаний солдат Хорошайлова и Федотова, непосредственных исполнителей убийства неизвестного задержанного, видно, что неизвестный, которого Кружалов искусственно сделал «бандитом ГУК М. П.», не являлся местным жителем, а прибыл в Дрогобычскую область из другой местности и называл себя молдаванином.

О том, что неизвестный не являлся местным жителем, подтвердил на допросе и сержант Патока, который лично проверял документы задержанного, у которого имелся паспорт, выданный в Коми АССР.

На то, что расстрелянный не являлся бандитом Гук М. П., также указывает и тот факт, что в с. Гаи-Выжни неизвестный находился не один, а с несовершеннолетним братом, которого Кружалов, после убийства задержанного, немедленно выдворил из села.

Уже после окончания расследования, по моему предложению, была проведена графическая экспертиза, которая установила, что надписи на листовке, якобы изъятой у неизвестного, и подписи на протоколе допроса Гук М. П. исполнены одним лицом левой рукой и есть основание полагать, что все эти надписи и подписи исполнил Кружалов.

Таким образом, я считаю установленным, что Кружалов не только сфальсифицировал акт об убийстве неизвестного (названного им Гук М. П.), но и сфальсифицировал протокол допроса от имени Гук М. П., учинил подложенные надписи на листовке и фотокарточках и организовал расстрел незаконно задержанного неизвестного.

Обстоятельства убийства учительницы Владычной так же расследованы плохо. Основной свидетель по этому эпизоду – сотрудник МГБ Карпов допрошен поверхностно. Как и по другим эпизодам Карпову нужно было бы провести очную ставку с Кружаловым, чего сделано не было. В связи с тем, что протокол допроса от имени Гук сфальсифицирован, необходимо провести экспертизу подписей Владычиной и т. п.

В процессе расследования дела Особой инспекцией искусственно затушеван вопрос о фальсификации Кружаловым материалов на выселение членов семей участников ОУН. Допрошенные в качестве свидетелей сотрудники МГБ Карпов, Нестеров и другие утверждают, что Кружалов и они по указанию Кружалова фальсифицировали материалы. Тем не менее, созданная для проверки комиссия, к проверке этих дел подошла формально и по существу их не проверила.

Суммируя изложенное выше, прихожу к заключению, что дело о преступлениях Кружалова прекращено совершенно необоснованно и что вместо уголовного наказания по закону, преступник Кружалов был незаконно представлен к правительственной награде и вследствие этого награжден орденом Отечественной войны I степени.

Направляя Вам дело по обвинению Кружалова, прошу поручить Особой инспекции МГБ УССР провести доследование дела Кружалова и предать суду Военного Трибунала […]

Военный прокурор войск МВД Украинского Округа
полковник юстиции Кошарский

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 5983. – Арк. 2–5.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 329–331.

№ 175

1949. – Січня 3. – З інформації відділу спецпоселень МВС СРСР про контингент спецпоселенців, підстави їх переселення і утримання на спецпоселенні

Сов. секретно
экз. № 1

ПЕРЕЧЕНЬ
контингентов спецпоселенцев с указанием оснований к их переселению и содержанию на спецпоселении, а также их численность

Наименование контингентов	Основание к переселению на спецпоселение	Численность контингентов		Места расселения спецпоселенцев
		было переселено	состоит на 1/Х-48 г.	
«Оуновцы» (члены семей «оуновцев» и активных повстанцев как арестованных, так и убитых при столкновениях)	Директива НКВД СССР № 122 от 31.III.44 г. о ссылке в отдаленные районы Красноярского края, Иркутской, Омской, Новосибирской обл. членов семей «оуновцев» и активных повстанцев как арестованных, так и убитых при столкновениях. Пост. Совета Министров СССР № 3214-1050с от 10.IX.47 г. о высылке из западных областей УССР членов семей «оуновцев».	100310 (в 1944–47 гг.)	96584	Казахская ССР, Коми, Удмуртская ССР, Красноярский край, Архангельская, Вологодская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Молотовская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Тюменская, Челябинская и Читинская обл.
	ВСЕГО:	3241236	2247113	

Нач. Отдела спецпоселений МВД СССР
Полковник Шиян

«3/11» января 1949 г. № 38/с-879

ДАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 432. – Арк. 4, 8, 10.
Опубл.: Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). – Москва, 1992. – Ч. I. – С. 107, 114, 118–119;
Депортації… Т. 2. – С. 303.

№ 176

1949. – Січень. – Із зведень МВС СРСР про кількість спецпоселенців, розселених у республіках, краях і областях СРСР за IV квартал 1948 року

Сов. секретно
Экз. № 1

СВЕДЕНИЯ
о количестве выселенцев-спецпоселенцев, расселенных по республикам, краям и областям за IV квартал 1948 года

Сводная справка
о количестве всех выселенцев-спецпоселенцев, состоящих на учете спецпоселений МВД-УМВД по республикам, краям и областям

№ п/п	Наименование республик	Всего выселенцев-спецпоселенцев	
		семей	человек
1	2	3	4
1.	Казахская ССР	234162	820165
2.	Карело-Финская ССР	–	7564
3.	Киргизская ССР	35711	128727
4.	Таджикская ССР	7790	30630
5.	Туркменская ССР	305	3797
6.	Узбекская ССР	46443	177099
7.	Башкирская АССР	4038	18332
8.	Бурят-Монг. АССР	1699	8470
9.	Коми АССР	8529	313115
10.	Марийская АССР	3051	10478
11.	Татарская АССР	320	2180
12.	Удмуртская АССР	2237	9183
13.	Чувашская АССР	28	255
14.	Якутская АССР	985	10401
15.	Алтайский край	31401	105482
16.	Красноярский край	28701	108070
17.	Приморский край	–	3676
18.	Хабаровский край	3025	15086
19.	Амурская обл.	1366	8387
20.	Архангельская обл.	5554	16869
21.	Вологодская обл.	3559	10363
22.	Горьковская обл.	789	4946
23.	Днепропетровская обл.	120	1806
24.	Ивановская обл.	571	2373
25.	Иркутская обл.	8183	36853
26.	Кемеровская обл.	38547	153674

1	2	3	4
27.	Кировская обл.	3138	8779
28.	Костромская обл.	2311	9219
29.	Курганская обл.	274	606
30.	Куйбышевская обл.	1206	5895
31.	Молотовская обл.	32366	84749
32.	Московская обл.	1184	8402
33.	Мурманская обл.	1110	3887
34.	Новосибирская обл.	30326	92041
35.	Омская обл.	19162	61272
36.	Рязанская обл.	318	1442
37.	Сахалинская обл.	871	3904
38.	Свердловская обл.	14502	61281
39.	Томская обл.	24815	67148
40.	Тувинская автон. обл.	–	320
41.	Тульская обл.	2565	18440
42.	Тюменская обл.	15591	53522
43.	Челябинская обл.	10249	45238
44.	Читинская обл.	962	5126
45.	Чкаловская обл.	2512	11879
46.	Ульяновская обл.	158	668
47.	Херсонская обл.	117	379
48.	Дальстрой (Магадан)	44	29845
	ИТОГО:	620895	2300223

Справка
о наличии и движении выселенцев-спецпоселенцев, состоящих на учете
спецпоселений МВД республик и УМВД краёв и областей

№ п/п	Наименование контингентов	Состоит в наличии на 1/1-49 г. (челов.)	Из них:				Следует на объединение с семьями	Движение	
								Прибыло:	
			Числится в бегах	Находится в местах лишен. свободы	Находится в домах инвалидов	Находится в детских домах		Всего (чел.)	В т. ч. вновь прибыло
9	«Оуновцы»	96191	5703	3539	1307	64	–	445	372
	ИТОГО:	2300223	26764	45455	2127	115	110	19100	8158

Сведения
о количестве выселенцев-спецпоселенцев, используемых на работах
по республикам, краям и областям

№ п/п	Наименование контингентов	Выселенцев за IV кв.				
		Родилось	Убыло всего (человек)	в т. ч.		
				Освобождено	Умерло	Арестовано
9	«Оуновцы»	73	1285	221	685	379
	ИТОГО:	10942	23302	10762	8479	4061

Сводная справка
о количестве выселенцев-спецпоселенцев, используемых на работах

№ п/п	Наименование контингентов	Всего расселено		В том числе			Всего трудоспособных человек	Всего используется на работах
		Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет		
9	«Оуновцы»	36390	96191	22326	46628	27237	43051	49358
	ИТОГО:	620895	2300223	688829	816479	794915	1195500	1282004

Справка
о количестве выселенцев-спецпоселенцев, используемых на работах
по отраслям промышленности

№ п/п	Наименование министерств	Всего расселено (челов.)	Всего используется на работе (челов.)	из них по контингентам «Оуновцы»
1	2	3	4	5
1	Мин-во сельского хоз-ва	895160	466317	5008
2	-»- совхозов	141906	80238	3560
3	-»- угольн. промыш.	243207	161388	24216
4	-»- лесной и бумажной промыш.	201279	117953	7130
5	-»- металург. промыш.	67515	37575	55
6	-»- легкой промыш.	30078	18236	162
7	-»- лесного хоз-ва	1514	742	–
8	-»- местн. промыш.	106529	59001	1340
9	-»- путей сообщения	41873	20506	345
10	-»- рыбной промыш.	12319	12486	–
11	-»- внутренних дел	120853	99872	1126
12	-»- пищевой промыш.	38183	21095	313
13	-»- нефтяной промыш.	32625	23048	–
14	-»- вооружение	16875	8936	132
15	-»- промстройматер.	17085	10955	1233
16	-»- речного флота	11098	6331	651
17	-»- торговли	15835	8201	36
18	-»- стр-ва предприят. тяжелой индустрии	28900	19509	42
19	-»- здравоохран.	12910	6903	201
20	-»- химич. промыш.	13117	7446	481
21	-»- сельхозмашиностр.	9965	6619	160
22	-»- електростанций	7048	4302	44
23	-»- просвещения	13365	6814	67
24	-»- заготовок	14817	7392	68
25	-»- комун. хоз-ва	8594	4931	450

1	2	3	4	5
26	-»- електропром.	7777	4830	–
27	-»- мясо-молочн. промыш.	8598	4431	97
28	-»- тяжелого машиностроения	3392	1296	–
29	-»- транспортн. -»-	3495	2261	1
30	-»- авиапромыш.	6439	3902	1146
31	-»- станкостроен.	3621	2123	–
32	-»- машиностроен. и приборостр.	4868	3068	543
33	-»- гражданского строительства	7210	3608	93
34	-»- геологии	717	497	40
35	-»- автомобильн. промыш.	1533	998	–
36	-»- местной топл. промыш.	5523	3189	–
37	-»- финансов	1454	698	–
38	-»- социальн. обеспеч.	733	141	44
39	-»- вооруженных сил	176	130	–
40	-»- связи	1068	505	–
41	-»- автотранспорта	1865	940	–
42	-»- стр-ва предприят. машиностроения	3228	2251	–
43	-»- кинематограф.	420	268	–
44	-»- водного хоз-ва	698	415	–
45	-»- судостроит. промыш.	271	181	–
46	-»- госуд. безоп.	2897	1703	95
47	-»- промыш. средств связи	255	193	–
48	-»- морского флота	884	462	–
49	-»- юстиции	30	14	–
50	-»- трудовых резервов	764	336	12
51	-»- внешней торговли	1536	821	8
52	-»- высшей школы	147	89	–
53	Главное Управл. Промкооперации при Сов. Министров	1866	1042	125
54	Главн. Упр. Севморпуть при Сов. Министров	1146	767	256
55	Комитет по делам искусств	111	92	–
56	Центросоюз	2219	1110	–
57	Главное Упр. Дорожного Стр-ва	2230	1445	–
58	Гос. и сов. учреждения	35422	21343	78
59	Единоличники	1904	59	–
	ИТОГО:	2225652	1282004	49358

ДАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 432. – Арк. 163, 166, 168, 187–190.

Опубл.: Депортации народов СССР (1930-е–1950-е годы)... – С. 122, 125–130, 143–152; Депортації… Т. 2. – С. 304–307.

№ 177

1949. – Липня 13. – Донесення М. Хрущова Й. Сталіну про засудження Військовим трибуналом МВС українських юнаків і дівчат за участь у національно-визвольному русі

Товарищу Сталину И. В.

В детских трудовых колониях и других местах заключения Украинской ССР по состоянию на 1 мая с. г. содержатся 176 юношей и 232 девушки, осужденные в 1944–46 гг. военными трибуналами войск МВД за принадлежность к организациям украинско-немецких националистов или за пособничество им, сроком от 5 до 25 лет.

В числе этих осужденных есть 161 человек, в том числе 131 девушка по происхождению, как правило, из семей крестьян-бедняков или середняков западных областей Украины, по возрасту от 16 до 19 лет включительно (рождения 1929–1933 годов).

Находясь в детских трудовых колониях от 2 до 4 лет и больше, указанные преступники с первых дней были приобщены к полезному труду, общеобразовательному и производственному обучению. Многие из них уже получили семилетнее образование и приобрели специальности слесаря, токаря, столяра, портного, швеи, вышивальщицы, принимают активное участие в общественной жизни колонии, являются отличниками учебы и выполняют производственные задания.

Учитывая, что эти малолетние преступники, попавшие в трудовые колонии в возрасте 12–13 и 14 лет совершили преступления, зачастую, под влиянием или по принуждению со стороны враждебных элементов, считаю нецелесообразным дальнейшее их содержание в заключении и вношу на Ваше рассмотрение предложение о досрочном освобождении этих 161 чел. от дальнейшего отбывания наказания. (Список прилагается).

Учитывая также, что родители части этих заключенных административно высланы с их семьями в восточные области СССР в связи с осуждением их детей, – вношу предложения и прошу Вашего решения о возврате этих семей из восточных областей СССР по месту их прежнего жительства […]

Н. Хрущев

13 июля 1949 г.

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 5681. – Арк. 159–184.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 335.

№ 178

1949. – Підпільне видання ОУН-УПА, яке розповсюджували серед населення члени підпільної молодіжної організації – учні львівських середніх шкіл

Дата на обкладинці: 1949 рік

Свобода народам!
Свобода человеку!

К БОЙЦАМ И КОМАНДИРАМ СПЕЦВОЙСК МВД, НАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ БОРЬБЫ С УКРАИНСКИМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Бойцы и командиры спецвойск МВД!

На Ваших глазах вот уже четвертый год проходит упорная противобольшевистская борьба. Борются против большевистской власти отряды Украинской Повстанческой Армии (УПА), революционное подполье Организации Украинских Националистов (ОУН), весь украинский народ. От 1944 г. и до сегодня пролилось на Украине, особенно Западной, море крови, погибли тысячи-тысячи людей. Вам часто приходится встречаться с украинскими повстанцами и революционерами с глазу на глаз в бою. Разве Вы никогда не задавали себе вопрос, стреляя в украинских повстанцев, о том, что это за люди, почему они пошли в лес, в подполье, во имя чего они в состоянии стать на такую героическую борьбу, во имя чего они, часто с песней на устах, умирают? Такой вопрос должен себе поставить каждый мыслящий человек.

Большевистская пропаганда Вам лжет, что украинские повстанцы – это будто бы гитлеровские слуги, украинско-немецкие националисты, кулаки или просто бандиты. Все это подлейшее в мире вранье!

В УПА, в ОУН борются украинские крестьяне, рабочие, интеллигенция, то есть представители всех общественных классов и прослоек украинского народа. Борьба УПА, ОУН – это чисто политическая борьба.

Эти организации, а с ними и весь украинский народ, борются за полное политическое, экономическое и культурное освобождение украинского народа, за построение украинского государства, но не такого, как УССР, которая является лишь бесправной губернией сталинской империи, а государства фактически совершенно самостоятельного. ОУН, УПА с немцами никогда не сотрудничали, а от самого начала немецкой оккупации и до самого ее конца активно боролись против немцев. Про это скажет вам каждый самый маленький ребенок, каждый старик не только в западных, но и в восточных областях Украины. Основной лозунг борьбы революционного украинского движения – «Свобода народам и человеку!». УПА, ОУН борются за построение системы свободных национальных государств всех народов СССР, всех народов мира, за построение в украинском государстве действительно бесклассового общества, за настоящую демократию, за теснейшее сотрудничество всех действительно свободных и независимых народов.

Таковы действительные цели революционного украинского движения, таков его действительный характер. За такие цели борются украинские повстанцы, революционеры.

И вот против таких людей заставляют Вас бороться Сталин и его партийная клика. Против таких людей – борцов за свободу и счастье украинского народа, борцов за свободу и счастье всех народов, борцов за высочайшие идеалы народов и человека – заставляют Вас биться те, которые установили в СССР режим неслыханной диктатуры и террора. Те, которые душили в СССР все свободы, те, которые во имя своих империалистических интересов не по-человечески эксплуатируют миллионы трудящихся, те, для которых добро и счастье человека, добро и счастье каждого из Вас – ничто, а личная алчность господства над миром – все.

Бойцы и командиры спецвойск МВД!

Если Вы не хотите очутиться в таком позорном положении, в котором сегодня находятся гитлеровские эсэсовцы, если не хотите стянуть на себя гнев и проклятия народных масс, – то уже сегодня Вы ответьте перед своей совестью на вопрос: за кого Вы стоите? За палача народов Сталина и шайку бандитов из ЦК ВКП(б), которые вот уже в продолжение 30-ти лет жестоко угнетают все народы СССР, – или за украинских повстанцев и революционеров из УПА и ОУН, которые борются за справедливейшее дело в мире – за свободу народов и человека?

Каждый человек, в котором живет хотя бы капля человеческого достоинства, человеческой совести, должен ответить: я за украинских революционеров! Я стыжусь помогать Сталину и уничтожать борцов за свободу и счастье народов. Я не буду помогать Сталину душить справедливую освободительную борьбу украинского народа.

Не стреляйте в украинских повстанцев!

Если кто-нибудь в другом месте наткнется на наш след и никто, кроме Вас, не увидит, – никого об этом не извещайте и сами след маскируйте.

Отказывайтесь идти на облавы против повстанцев! Если Вас гонят силой, то всячески саботируйте приказы своих командиров или партийных подгонщиков. Не старайтесь «перевыполнять» эти приказы. Делайте, в крайнем случае, лишь то, от чего увернуться нет никакой возможности, лишь то, за невыполнение чего угрожает Вам наказание.

Старайтесь извещать подполье о планированных облавах, наскоках, засадах. Всячески содействуйте нашей борьбе. Ищите и читайте подпольную литературу революционного украинского движения. Относитесь по-человечески к населению. Не грабьте его!

Бойцы и командиры спецвойск МВД – украинцы!

Призадумайтесь над своим положением. Вас заставляют убивать Ваших братьев, наивысшим лозунгом жизни которых является «Свобода Украины или смерть!». Вас, украинцев, московско-большевистские оккупанты принуждают убивать Ваших братьев, которые борются за счастье всего украинского народа, а значит и за Ваше счастье. Разве можно терпеть такое позорное положение! Довольно издевательств империалистической Москвы над Украиной! Не выступайте против украинских повстанцев из УПА, против революционеров из ОУН! Усваивайте себе наши идеи! Вступайте в ряды борцов за освобождение украинского народа из-под господства империалистической Москвы. Кто из Вас будет выступать против нашего движения, – тот является подлейшим изменником Украины, имя которого долго будет проклинаться украинским народом.

Бойцы и офицеры – русские!

Вы совершенно справедливо стыдитесь традиций душителя народов – русского царизма. Неужели Вы не видите, что Сталин и его клика так же само душат народы, как и русский царизм?! Неужели Вы не видите, что Сталин, опираясь в этой своей реакционной политике на русский народ, стягивает на русских ненависть всех народов СССР, всех народов мира?! Неужели Вы не видите того, что Вы, помогая Сталину душить нерусские народы, покрываете позором весь русский народ?!

Если Вы хотите встречать среди украинского народа не ненависть, а симпатии к себе, – не выступайте против нашей освободительной борьбы. Мы боремся лишь против агентов Сталина, его слуг среди русского народа, против русских империалистов, а не против русского народа в целом. С прогрессивной, демократической, вольнолюбивой частью русского народа мы готовы бороться сообща, плечо-в-плечо, против общего врага – Сталина и его клики за свободную Украину и за свободную Россию!

Сыны народов Кавказа, Средней Азии и других угнетенных народов СССР!

Украинские повстанцы борются за то, чтобы каждый народ Советского Союза имел право построить свое независимое государство и за уничтожение национального и социального угнетения в СССР. Не выступайте против революционного украинского движения. Помогая большевистской Москве подавлять революционное украинское движение, Вы гоните еще в более тяжелое рабство свои собственные народы.

Бойцы и командиры спецвойск МВД!

Мы знаем, что многие из Вас очутились в воинских частях МВД не по своей воле. Вас загнали туда силой, а потом террором гонят против нас. Мы знаем, что многим из Вас не чужды идеалы свободы, национальной и социальной справедливости. Многим из Вас дороги счастье народов и счастье трудящихся. Кто хочет в настоящее время сделать что-нибудь полезное для собственного народа, для трудящихся, – пусть не выступает активно против украинского национально-освободительного движения, пусть не выступает против ОУН и УПА. Включайтесь, таким образом, в справедливейшую борьбу в мире – в борьбу против Сталина кровавого и его бандитской шайки!

Да здравствует революционная борьба народов СССР против реакционного режима Сталина и его клики!

Смерть Сталину и его партийной клике!

УКРАИНСКАЯ ПОВСТАНЧЕСКАЯ АРМИЯ

Октябрь, 1947 г.

Із домашнього архіву Петра Франка – одного з авторів видання. Тепер П. М. Франко – голова Львівського обласного товариства політв'язнів і репресованих.

№ 179

1950. – Січня 30. – З виступу ректора Львівського держуніверситету Г. Савіна на міській партконференції про виключення з філологічного факультету студента Сергія Пущика

…На сьогодні виключено з університету 10 осіб. Ось характеристика деяких з них. Пущик С. П. – вчився на другому курсі української філології, народився в 1924 р. в с. Дроздки Ковельського району Волинської області. Під час окупації перебував на окупованій території, вчився в середній школі в м. Ковелі. Після визволення від німецько-фашистських окупантів Ковельського району Пущика було покликано до Червоної армії, а після демобілізації його було прийнято до університету.

Комсомольські збори 13.XII. поставили питання перед ректором про виключення Пущика з університету за прояви антирадянської націоналістичної пропаганди. Пущик подавав провокаційні запитання викладачам на лекціях, як, наприклад: «Чи можна в курсову роботу вносити антирадянські приказки і анекдоти», «Чому Рилєєв висвітлив Мазепу як позитивного героя, а ми його висвітлюємо негативно», «Чому ми все читаємо про Москву, а не про Київ». Пущик навмисно подавав викладачам запитання про якісь протиріччя в роботах тов. Сталіна – чому товариш Сталін говорить в одному місці, що армій непереможних немає, а про Червону Армію говорить в другому місці, що вона непереможна.

Пущик поширював антирадянські і аморальні анекдоти серед студентства, пробував підбурити студентів проти університетської газети «За радянську науку», яка справедливо критикувала його аморальні вчинки. Батьки Пущика до цього часу не вступили до колгоспу.

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 334. – Арк. 118.

№ 180

1950. – Березня 17. – Доповідна записка МВС СРСР щодо проекту постанови Ради Міністрів СРСР про заборону повернення спецпереселенців із західних областей України у місця їх попереднього проживання

17 марта 1950 г.
Совершенно секретно

После освобождения территории Украинской ССР от немецких захватчиков, по решению Правительства СССР, с 1944 года органами МВД и МГБ проводится выселение из западных областей Украины в отдаленные районы страны членов семей «оуновцев» – украинских националистов, бандитов, а также бандпособников.

Направление на спецпоселение «оуновцев» производилось в 1944–1946 годах по решениям Особого Совещания при НКВД СССР сроком на 5 лет, а в 1947–1949 годах – по решениям Особого Совещания при МГБ СССР сроком на 8–10 лет и на бессрочное поселение. По состоянию на 1 января 1949 года, всего на спецпоселении находится 112 633 человек членов семей активных «оуновцев», из них выселенных в 1944–1946 годах сроком на 5 лет 24 730 человек, выселенных в 1947–1949 годах сроком на 8–10 лет и на бессрочное поселение 87 903 человека.

Министерство внутренних дел СССР, исходя из нецелесообразности возвращения их к месту прежнего жительства и в целях укрепления режима в местах поселения членов семей «оуновцев», считает необходимым:

отменить сроки выселения членов украинских националистов, бандитов и бандпособников и установить, что они переселены в отдаленные районы СССР навечно и возвращению в места прежнего жительства не подлежат;

распространить на этих лиц действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». За самовольный выезд (побег) из мест обязательного

поселения виновных привлекать к уголовной ответственности и определить меры наказания за это преступление 20 лет каторжных работ.

Министр внутренних дел СССР С. Круглов

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 525. – Арк. 5–6].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 300.

№ 181

1950. – Квітня 11. – Доповідна записка секретаря Львівського обкому КП(б)У про ситуацію у Львові після переселення українців із Польщі і поляків зі Львова

11 апреля 1950 г.

Совершенно секретно

Секретарю ЦК КП(б)У
тов. Мельникову

В связи с тем, что паспортизация в г. Львове была проведена в 1944 году, органы МГБ, МВД и милиции к тому времени не располагали сколько-либо полными данными о засоренности города социально-чуждым и общественно-опасным элементом.

В последующие годы состав населения г. Львова значительно изменился за счет выезда в Польшу поляков, переселения из Польши украинцев, возвращения в Советский Союз репатриантов и реэмигрантов, а также значительного числа лиц, в разное время прибывших с восточных областей Советского Союза, осевших на жительство в г. Львове.

Так из 378552 человек населения г. Львова украинцев – 144583 чел., в том числе коренных жителей г. Львова 80179 чел., русских 90379, поляков 29893 чел., евреев 18614, других 14894 чел.

В числе проживающих в городе репатриантов, реэмигрантов и переселенцев Польши до 12000 чел.

В процессе оперативно-чекистской работы устанавливается, что среди населения города имеется значительное число лиц, не занимающихся общественно-полезным трудом, и другого преступного элемента.

Для каждой из указанных выше групп населения характерным является значительная засоренность оуновским элементом и бандпособниками коренного местного населения и украинцев, прибывших из Польши, наличие немалого числа пособников немецких оккупантов среди прибывших с восточных областей и осевших на жительство в г. Львове, а среди репатриантов и реэмигрантов лиц, серьезно подозреваемых в принадлежности к агентуре иностранных разведок.

Изложенное подтверждается проведенными за последние два года оперативно-чекистскими мероприятиями.

Так, за период с 1948 года по настоящее время органами МГБ в г. Львове вскрыто и ликвидировано 29 антисоветских националистических организаций и групп, по которым вместе с одиночками арестовано 1108 чел. За это же время органами милиции

ликвидировано 228 групп преступно-уголовного элемента, по которым арестовано 700 человек, а всего органами милиции изъято 1700 чел. уголовного элемента.

В порядке очистки от враждебного элемента органами МГБ, кроме того, выселено из г. Львова 522 семьи и одиночек в количестве 1238 чел.

В г. Львове и в населенных пунктах, расположенных в непосредственной близости к городу, органами МГБ ликвидированы и захвачены ряд главарей оуновского подполья, содержателей конспиративных квартир и связных центрального «провода» ОУН.

Несмотря, однако, на проведенную и проводимую органами МГБ и милиции работу по изъятию преступного и антиобщественного элемента, в г. Львове продолжают находить себе убежище лица, представляющие общественную опасность, чему в немалой степени способствует слабость паспортного режима и отсутствие режимной пригородной зоны.

Дело в том, что постановлением СНК № 1667 от 10. IX. 1940 г., которым г. Львов отнесен по паспортному режиму к городам первой категории, не предусмотрено установление режимной полосы вокруг г. Львова, а поэтому удаляемый из города преступный элемент оседает в пригородных Брюховичском, Пустомытовском и Винниковском районах и фактически продолжает находиться во Львове, занимаясь преступной деятельностью.

Кроме этого, эти пригородные районы сами по себе в значительной степени засорены националистическим и уголовно-преступным элементом.

За период с 1948 года и по настоящее время органами МГБ в Брюховичском, Пустомытовском и Винниковском районах убито, захвачено и арестовано 239 участников бандподполья и активных бандпособников и выселено 310 семей с общим количеством 1215 чел.

Необходимо отметить, что именно в этих пригородных районах разселилась основная масса переселенцев из Польши, которых насчитывается здесь 30778 чел., а вместе с репатриантами и реэмигрантами 32170 чел.

Наличие столь большого числа переселенцев из Польши, которые проживают по переселенческим документам, как теперь устанавливается, широко используется оуновским подпольем и другим преступным элементом для проживания в этих пригородных районах по фиктивным документам под видом переселенцев из Польши.

Кроме того, выявлено ряд фактов, когда немало лиц, разыскиваемых органами МГБ и милиции или подлежащих задержанию или удалению из города, различными незаконными путями приобрели паспорта и, пользуясь ими, укрываются в г. Львове.

Так, арестованный органами МГБ в 1949 г. активный бандпособник, пробравшийся в представители промартели «Червона Зирка» – Мрихин Владимир, пользуясь своим служебным положением, по лично им выданным незаконным и фиктивным справкам легализовал свыше 70 чел. нелегалов, в том числе активных оуновцев, которые по этим справкам получили паспорта, прописались и до их разоблачения, устроившись на различных работах, укрывались в г. Львове.

Арестованный УМГБ в феврале с. г. бывш. научный работник Госархива УМВД – Сиротинский Василий, пользуясь доступом к архивным материалам, начиная с 1944 года, систематически похищал из архива различного рода документы и продавал их оуновским нелегалам, которые при помощи этих документов устраивались на учебу в высшие учебные заведения, а также на работу в г. Львове.

Таким образом, Сиротинский дал возможность нескольким десяткам оуновских нелегалов, по фиктивным документам проживать в г. Львове.

Во время ареста Сиротинского, у него на квартире изъято 120 различных документов, в том числе 15 чистых бланков трудовых книжек, предназначенных для продажи.

Аналогичные факты приобретения преступным элементом фиктивных или незаконно полученных документов и использования этих документов для легального проживания в г. Львове, установлены и по делам ряда других арестованных участников ОУН.

В связи с изложенным и в целях установления строгого паспортного режима, прошу Вас:

а) Разрешить произвести в г. Львове перепрописку всего населения;

б) Установить для г. Львова режимную зону в радиусе 20–25 километров и провести паспортизацию всего населения, проживающего в пределах этой зоны.

Проведение этого мероприятия при условии тщательной предварительной проверки всех перепрописываемых и получаемых паспорта, а также при установлении надлежащего порядка в выдаче паспортов и соблюдении строгого режима прописки вновь прибывающих на работу и жительство в г. Львов и пригородные режимные районы, даст возможность серьезно очистить город и эти районы от преступного и антиобщественного элемента.

Секретарь Львовского обкома КП(б)У Грушецкий

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 24. – Спр. 103. – Арк. 187–192.
Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 309–311.

№ 182

1950. – Червня 3. – Доповідна записка міністра внутрішніх справ УРСР секретареві ЦК КП(б)У про роботу збірних пунктів, створених для виселення сімей з рідних місць

3 июня 1950 г.

Совершенно секретно

Секретарю Центрального Комитета
Коммунистической Партии (большевиков) Украины
товарищу Мельникову Л. Г.

О сборных пунктах выселяемых бандитских семей из западных областей УССР

По состоянию на 3 июня 1950 г. на территории западных областей УССР действует девять сборных пунктов по приему выселяемых оуновских семей, емкость одновременного содержания – 10550 чел.

С момента организации (январь 1949 г.), сборные пункты приняли – 14786 оуновских семей, в составе – 51060 человек и отправили в места спецпоселений – 12280 семей, в количестве – 41898 человек.

В данное время на сборных пунктах содержится – 2506 семей с количеством в них – 9162 человека. Выписок из решений Особого Совещания МГБ СССР на выселение имеется всего только на 359 человек.

Несвоевременное поступление выписок из решений Особого Совещания МГБ СССР приводит к тому, что изымаемые оуновские семьи содержаться на сборных пунктах свыше установленного 25-дневного срока.

По состоянию на 3.VI. с. г. на сборных пунктах с нарушением сроков содержится 6071 чел., из них:

свыше 25 суток – 4118 человек;

свыше 35 суток – 921 человек;

свыше 45 суток – 1032 человека.

Такое положение приводит к большой перегруженности пунктов, а также к инфекционным заболеваниям, главным образом, среди детей выселенцев.

По этой причине в текущем году находились на карантине свыше месяца Коломыйский пункт Станиславской области и Бориславский Дрогобычской области.

В настоящее время в связи с заболеванием детей корью и скарлатиной на двух сборных пунктах УМВД Львовской области не могут быть отправлены – 339 выселенцев.

Имеют место случаи, когда после продолжительного времени содержания на сборных пунктах выселяемые семьи органами МГБ освобождаются.

Так, только за 1950 год по всем сборным пунктам западных областей освобождено 177 семей с количеством в них 606 человек.

В разрезе областей освобождено из сборных пунктов изъятых:

	семей	человек
Станиславская	48	149
Львовская	43	174
Тернопольская	37	99
Ровенская	23	83
Дрогобычская	16	65
Волынская	10	36
	177	606

Некоторые из освобожденных семей содержались на сборных пунктах довольно длительное время.

Только по Львовскому сборному пункту были случаи когда:

Семья Милян Марии Михайловны, 1909 года рождения, уроженки с. Великополе, Ивано-Франковского района, Львовской области, состоящая из 8-ми человек, содержалась на сборном пункте с 29 января по 19 мая, т. е. 4 месяца и освобождена согласно постановлению УМГБ Львовской области без мотивировки причины освобождения.

Семья Чмиль Евгении Михайловны, 1921 г. рождения, уроженки села Сбойск, Брюховичского района, Львовской области, состоящая из 3-х человек, содержалась на сборном пункте с 4 января по 20 апреля с. г., т. е. 3 с половиной месяца и освобождена решением Особого Совещания МГБ СССР, датированным 11 января 1950 года.

Семья Кук Марии Васильевны, 1923 г. рождения, уроженки Краснянского района, Львовской области, состоящая из 3-х человек, содержалась на сборном

пункте с 3 марта по 17 мая с. г., т. е. 2 месяца и 14 дней, освобождена постановлением УМГБ Львовской области с формулировкой: «Исходя из оперативных соображений».

Семья Паска Анны Семеновны, 1894 г. рождения, уроженки села Доброхино, Жолковского района, Львовской области, состоящая из 5 человек, содержалась на сборном пункте с 1 января по 3 марта, т. е. свыше 2-х месяцев и освобождена постановлением УМГБ Львовской области без какой-либо мотивировки.

Аналогичное положение имеет место и по другим сборным пунктам УМВД западных областей.

Одновременно докладываю, что в составе отправляемых в места спецпоселений имеется большое количество нетрудоспособных.

Так, только по возрастному признаку из 41898 человек выселенных, имелось: мужчин старше 55 лет – 2501, женщин старше 50 лет – 4320 и детей до 16-ти летнего возраста – 12174 человека.

Таким образом, всего выслано нетрудоспособного контингента – 18995 человек или 45,3% к общему числу выселенных.

Об изложенном сообщено Министру Государственной Безопасности УССР.

Министр внутренних дел Украинской ССР Строкач

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 24. – Спр. 103. – Арк. 213–216.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 350–351.

№ 183

1950. – Червня 19. – Доповідна записка міністра внутрішніх справ УРСР секретарю ЦК КП(б)У про виселення сімей членів ОУН та УПА із західних областей України

За станом на 3 червня 1950 року на території західних областей УРСР діє дев'ять збірних пунктів по прийому оунівських родин, які виселяються, що одночасно вміщують для утримання – 10550 чоловік. З моменту організації (січень, 1949 р.), збірні пункти прийняли – 14786 оунівських родин, в складі – 51060 чоловік і відправили до місць спецпоселення – 12280 сімей, кількістю – 41898 осіб. На цей час на збірних пунктах утримується – 2506 сімей, кількістю – 9162 особи. Виписок із рішень Особливої Ради МДБ СРСР на виселення є всього лише на 359 осіб.

Несвоєчасне поступання виписок із рішень Особливої Наради МДБ СРСР призводить до того, що оунівські родини утримуються на збірних пунктах понад установлений 25-денний строк. За станом на 3.VI. ц. р. на збірних пунктах з порушенням строку утримуються – 6071 особа, з них:

Понад 25 діб – 4118 осіб
Понад 35 діб – 921 особа
Понад 45 діб – 1032 особи

Таке становище спричиняє велике перевантаження пунктів, а також призводить до інфекційних захворювань, основним чином, серед дітей виселенців.

З цієї причини в поточному році перебували на карантині понад місяць Коломийський пункт Станіславської обл. і Бориславський Дрогобицької області.

На сьогодні через хворобу дітей на кір та скарлатину на двох збірних пунктах УМВС Львівської області не можуть бути відправлені 339 виселенців.

Є випадки, коли після тривалого утримання на збірних пунктах, сім'ї виселенців органами КДБ звільняються.

Наприклад, лише за 1950 рік у всіх збірних пунктах західних областей звільнено – 177 сімей, кількістю 606 осіб.

Деякі із звільнених родин утримувалися на збірних пунктах досить тривалий час. Лише по Львівському збірному пункту були випадки, коли:

родина Мілян Марії Михайлівни, 1909 р. н., уроджена с. Великополе Івано-Франківського району Львівської області, що складається із 8 осіб, утримувалася на збірному пункті з 29 січня до 29 травня, тобто 4 місяці і звільнена згідно з постановою УМДБ Львівської області без мотивування причини звільнення.

Родина Кук Марії Василівни, 1923 р. н., уродженка Краснянського району Львівської області, що складається із 3-х осіб, утримувалася на збірному пункті з 3 березня по 17 травня ц. р., тобто 2 місяці і 14 днів, звільнена постановою УМДБ Львівської області з формулюванням: «Виходячи із оперативних міркувань».

Таке становище і в інших збірних пунктах УМДБ західних областей.

Одночасно доповідаю, що в складі тих, хто відправляється в місця спецпоселення, є велика кількість непрацездатних.

Наприклад, тільки за віковою ознакою із 41898 осіб виселених є: чоловіків, старших за 55 років, – 2501, жінок, старших за 50 р., – 4320 і дітей до 16-річного віку – 12174 особи.

Таким чином, усього висланого непрацездатного контингенту – 18995 осіб або 45,3 % до загального числа виселених.

Про викладене вище повідомлено міністрові Державної безпеки УРСР.

19.VI.1950 р.

Опубл.: Микола Бичек, Олена Лодзинська. Більшовицький терор проти населення Західної України. Акт № 2. // Час-Time. – 1996. – 25 жовтня. – С. 4;
Депортації… Т. 2. – С. 311–312.

№ 184

1950. – Серпень. – Із зведень відділу спеціальних поселень МДБ СРСР про роботу серед спецпоселенців

Совершенно секретно

МГБ СССР
Отдел специальных поселений

СВЕДЕНИЯ
о работе среди спецпоселенцев в 1950 году

Перечень
контингентов спецпоселенцев с указанием оснований к их выселению, содержанию на спецпоселении и численности их по состоянию на 1.7.50. г.

10. Спецпоселенцы «Оуновцы»
Было выселено в 1944–47 гг. – 100310
Состоит на 1.VII-1950 г. – 136998

Основание и места высылки: Директивы НКВД СССР № 122 от 31/III-1944 г. и № 130 от 7/IУ-1944 г. о высылке в отдалённые районы Красноярского края, Иркутской, Омской и Новосибирской областей членов семей «оуновцев», активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновениях.

Постановление Совета Министров СССР № 3214-1050с от 10/IX-1947 года (На уголь, разовое) (от руки) – о высылке из западных областей УССР членов семей «оуновцев» и активных бандитов, как арестованных, так и убитых при столкновениях в Карагандинскую, Архангельскую, Вологодскую, Кемеровскую, Кировскую, Молотовскую, Свердловскую, Тюменскую, Челябинскую и Читинскую области (Иркутскую – от руки).

Постановление Совета Министров СССР № 3728-1524сс от 4/X-1948 г. (постоян. – от руки) о высылке в северные районы страны в порядке ответных мер членов семей «оуновцев», активных бандитов из западных областей УССР – Якутская, Иркутская, Томск (от руки – приказ МВД СССР № 001396 от 23/XI-1948 г.).

Постановлением Совета Министров СССР № 1398-508 сс от 6/IV-1950 г. спецпоселенцам-«оуновцам» отменены сроки спецпоселения, и они вместе со своими членами семей переведены на спецпоселение навечно.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1950 года на спецпоселенцев-«оуновцев» распространено действие Указа Президиума Верховного Совета от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Союза в период Отечественной войны» (приказ МВД СССР № 00248 от 15 апреля 1950 г.) – Распоряжение МГБ и Прокуратуры 13/213сс/64 от 25.IX.50. Перевод остальных прибывающих – (от руки).

Всего первоначально было выселено на спецпоселение	3486701 чел.
Состоит на учете спецпоселений по состоянию на 1.7.50 г.	2607950 чел.
от руки (Дописано чорнилом. – *Ред.*):	677589 семей
В местах лишения свободы	– 55635
В бегах	– 5246
В домах инвалидов и дет. уч.	– 2874
Прочие убытия	– 1726
Находится налицо	– 2542469
Занято на работах	– 1469455

Сведения
о количестве спецпоселенцев, состоящих на учете спецпоселений по республикам, краям и областям по состоянию на 1.7.50 г.

Наименование республик, краёв и областей	Всего выселено (чел.)	В том числе «оуновцев»
1. Казахская ССР	895109	7349
8. Бурят-Монгольская АССР	13629	1018
10. Коми АССР	43747	3924
12. Удмуртская АССР	11778	1359
14. Якутская АССР	16422	1801
15. Приморский край	4688	1218
16. Алтайский край	132622	3
17. Красноярский край	137876	8446
18. Хабаровский край	33544	19370
19. Амурская обл.	20497	5633
20. Архангельская обл.	17143	4441
22. Вологодская обл.	9702	247
26. Иркутская обл.	70567	9093
28. Кемеровская обл.	154134	28516
29. Кировская обл.	9265	1950
32. Молотовская обл.	90860	11057
35. Новосибирская обл.	104983	226
36. Омская обл.	84016	13915
39. Свердловская обл.	71150	72
42. Томская обл.	56604	7309
43. Тюменская обл.	59749	198
44. Челябинская обл.	52664	6163
46. Читинская обл.	10548	4677
49. Дальстрой (Магадан)	28343	13

В целом по контингентам и категориям учета:
6. «Оуновцы» – 136998.

Кроме того:
Принято от ГУЛАГа МВД СССР 20531
Осталось в обслуживании ГУЛАГа МВД СССР 24464
Всего: 2607950 ч.

От руки: на 1.VII.50 г.
Резидентов – 2059
Агентов – 1969
Осведомителей – 80344
групп содейств. – 18440/82809
старших 10-ти дворок – 99873

Сведения
о количестве спецпоселенцев, принятых от ГУЛАГа МВД СССР
по состоянию на 1.4.50 г.

№ п/п	Наименование областей и ИТЛ МВД	Общее количество спецпоселенцев	в том числе «оуновцев»
	Молотовская обл.		–
1.	Усольлаг	579	–
2.	Кизеллаг	228	–
3.	Ныроблаг	900	–
		1707	–
	Красноярский край		–
4.	Краслаг	520	–
5.	Сев. Упр. ж.д. стр.	344	–
		864	–
	Свердловская обл.		–
6.	Севураллаг	728	–
7.	Востокураллаг	634	–
8.	Ивдельлаг	728	–
9.	ИТЛ стр-ва 313	295	–
		2385	–
	Вологодская обл.		–
10.	Вытегорстрой	130	–
	Хабаровский край		–
11.	Нижамурлаг	1210	–
	Челябинская обл.		–
12.	Челяблаг	310	–
13.	ИТЛ стр-ва 247	4078	–
		4388	–
	Иркутская обл.		–
14.	Ангарлаг	299	–
15.	ИТЛ стр. № 16	889	–
		1188	–
	Кемеровская обл.		–
16.	Южкузбасслаг	2174	–
17.	Севкузбасслаг	2040	–
		4214	–
	Кировская обл.		–
18.	Вятлаг	316	–
	Ульяновская обл.		–
19.	Сельхоз л/о ГУВС	227	–
	Горьковская обл.		–
20.	Умжлаг	181	–
	Читинская обл.		–
21.	Борский ИТЛ	521	21
	Ростовская обл.		–
22.	Цимлянский ИТЛ	261	–
	Сталинградская обл.		–
23.	Калачевский ИТЛ	152	–
	Удмуртская АССР		–
24.	ИТЛ стр. № 384	2524	–
	Башкирская АССР		–
25.	ИТЛ стр. № 18	263	–
	Итого:	20531	21

Сведения
о количестве спецпоселенцев, оставшихся в обслуживании ГУЛАГа МВД СССР

Наименование областей и ИТЛ МВД	Общее количество спецпоселенцев	В том числе «оуновцев»
Коми АССР	14336	173
Красноярский край	9440	96
Тюменская обл.	688	–
Всего:	24464	269

Из общего числа 24464 спецпоселенцев:
мужчин – 18334
женщин – 6130
Примечание:

1. 2574 чел. спецпоселенцев, прибывших в Енисейстрой в апреле–июне 1950 г., по категории учета не расшифрованы из-за отсутствия данных.
2. В общее количество спецпоселенцев не вошли дети до 16-ти лет – 6900 чел.
3. Сведения составлены по состоянию на 1 апреля 1950 г.

Сведения
о количестве трудоспособных спецпоселенцев, занятых на работах
по отраслям народного хозяйства по состоянию на 1.8.50 г.

Наименование министерств	Всего используется на работах (чел.)	Из них по контингентам («оуновцы»)
1	2	3
Мин. сельск. хоз-ва	520992	6485
Мин. хлопководства	45727	–
Мин. совхозов	105623	4570
Мин. угольной пром.	153369	25501
Мин. лесной и бум. пром.	135432	22076
Мин. металлург. пром.	41578	164
Мин. легкой промыш.	19097	63
Мин. лесного хоз-ва	1654	–
Мин. местной пром.	48718	1950
Мин. путей сообщения	21759	519
Мин. рыбной промыш.	11289	51
Мин. внутренних дел	126374	8402
Мин. пищевой пром.	24568	367
Мин. нефтяной пром.	27031	–
Мин. вооружения	7609	160
Мин. промстроймат.	8996	1210
Мин. речного флота	7164	625
Мин. торговли	7947	68
Мин. стр. предпр. тяжелой индустрии	22276	65
Мин. здравоохранения	8868	193
Мин. химической пром.	7777	621
Мин. с/х машиностроен.	5062	16

1	2	3
Мин. электростанций	6155	49
Мин. просвещения	8456	76
Мин. заготовок	10696	40
Мин коммунальн. х-ва	4946	746
Мин. электропромышл.	2308	22
Мин. мясо-молочн. пром.	4369	26
Мин. тяжелого машиностр.	2627	–
Мин. транспор. машиностр.	2478	–
Мин. авиапромышленности	3196	1080
Мин. станкостроения	2769	–
Мин. машиностр. и приборостроения	974	–
Мин. гражданского стр.	6707	81
Мин. геологии	1028	14
Мин. автомобильн. пром.	2564	499
Мин. местн. топ. промыш.	2202	57
Мин. финансов	544	–
Мин. социального обесп.	77	7
Мин. связи	1551	68
Военное министерство	53	–
Мин. стр. пред. маш. стр.	541	–
Мин. автотранспорта	291	–
Мин. кинематографии	260	–
Мин. водного хоз-ва	1191	–
Мин. судостроит. пром.	214	–
Мин. гос. безопасности	3549	928
Мин. промыш. средств связи	572	50
Мин. морского флота	228	–
Мин. юстиции	16	–
Мин. трудовых резерв.	562	26
Мин. внешней торговли	140	9
Мин. высшей школы	702	–
Гл. Упр. Кооперац. при Совете Министров СССР	878	24
Гл. Упр. Севморпути при Совете Министров СССР	505	–
Комитет по делам искусств	94	–
Центросоюз	942	–
Гл. Упр. дорожного строительства	57	–
Гос. и Сов. учреждения	36103	4571
Всего:	1469455	81536

ДАРФ. – Ф. 9479 с. – Оп. 1. – Спр. 641. – Арк. 360, 362, 367, 369–384, 387–392.

Опубл.: Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е)… – С. 153, 160–161, 165–167, 169–200;

Депортації… Т. 2. – С. 312–317.

№ 185

1951. – Квітня 6. – Рішення Дрогобицького облвиконкому про виселення селян, які не вступили до колгоспів

Виконавчий комітет Дрогобицької обласної Ради депутатів трудящих

6 квітня 1951 р.

Окрема папка
Таємно

№ 590/17–130 с
м. Дрогобич

Про виселення куркульських родин за межі області

В зв'язку із закінченням суцільної колективізації сільського господарства області, куркульські родини, залишившись поза колгоспами, живуть одноосібно, вороже ставляться до колгоспного ладу і намагаються шкодити в організаційно-господарському зміцненні колгоспів. З метою очищення населених пунктів області від куркульських родин, які вороже поставились до колгоспів, виконком обласної Ради депутатів трудящих – вирішив:

1. Виселити за межі області 19 куркульських родин згідно із списком. (Додається).

2. Доручити облуправлінню МДБ провести виселення куркульських родин.

Голова виконкому облради депутатів трудящих Яворський
В. О. секретаря виконкому облради депутатів трудящих Тишовницький

Совершенно секретно

СПИСОК

№ п/п	Фамилия, имя, отчество главы семьи, степень родства, фамилия, имя и отчество членов семьи	Год рождения	Место жительства семьи	Место работы, занимаемая должность, единоличник или колхозник	Краткая экономическая и политическая характеристика
1	2	3	4	5	6
	Рудковский район				
1.	Килик Петр Дмитриевич	1899	г. Рудки	г. Рудки, отделение госбанка, конюх	Имел 10 га земли, 4 коровы, 2 лошадей, на летний период до 6 лошадей, имел мясной и колбасный магазин, буфет и пекарню, содержал постоянных и сезонных батраков.
	жена – Килик Анна Ивановна	1894		домохозяйка	
	сын – Килик Константин Петрович	1923		временно не работает	
	невестка – Килик Галина Леонтьевна	1925		домохозяйка	
	дочь – Килик Станислава Петровна	1932		учащаяся	
	дочь – Килик Ирина Петровна	1935		–»–	
	внук – Килик Игорь Константинович	1949		иждивенец	

1	2	3	4	5	6
2.	Сивак Владимир Йосифович жена – Сивак Каролина Йосифовна дочь – Сивак Стефания Владимировна	1906 1899 1933	с. Подгайчики	г. Рудки, подвозчик кирпичного завода домохозяйка не работает	Имел 13 га земли, 4 лошади, 4 коровы, конную молотилку, веялку, содержал постоянно 1 батрака и сезонно до 5 человек. За саботаж госпоставок в 1947 году был судим на 3 года.
3.	Походжай Илья Николаевич Походжай София Васильевна – жена	1921 1932	г. Рудки	временно не работает портниха райпромкомбината гор. Рудки	Имел 15 га земли, 6 лошадей, 8 коров, конную молотилку, в 1946 г. установил преступную связь с бандитами ОУН. Его брат Иван осужден на 25 лет ИТЛ за связь с бандитами. Отец Николай за срыв госпоставок в 1947 г. осужден на 10 лет ИТЛ.
4.	Попиль Филипп Иванович дочь – Попиль Мария Филипповна	1903 1924	с. Чайковичи	чорнорабочий торфоразработок в с. Колбаевичи домохозяйка	Имел 12 га земли, 4 лошади, 4 коровы, 3 свиньи, молотилку, двигатель внутреннего сгорания, содержал постоянно 1 батрака и сезонно до 15 чел. Два родных брата арестованы органами МГБ, а сын брата за бандоуновскую деятельность осужден на 20 лет ИТЛ.
5.	Белюх Мирон Йосифович жена – Белюх Мария Петровна сын – Белюх Ярослав Миронович сын – Белюх Владимир Миронович	1913 1920 1947 1950	г. Рудки, ул. Набережная, 8	г. Рудки, кладовщик плодоовощного завода домохозяйка иждивенец –«–	Имел 10 га земли, 4 пары лошадей, 4 коровы, конную молотилку, содержал постоянно 2 батраков и сезонно до 15 человек. В период немецкой оккупации являлся начальником полиции, принимал участие в арестах и обысках граждан.

1	2	3	4	5	6
Дрогобычский район					
6.	Гриник Григорий Федорович жена – Гриник Мария Николаевна сын – Гриник Любомир Григорьевич	1896 1891 1934	с. Медвежье	лесник Лишнянского лесничества домохозяйка не работает	Имел 8 га земли, 2 лошади, 7 коров, племенного быка, веялку, содержал постоянно 1 батрака и сезонных 3–4 человека. В 1945 г. установил преступную связь с бандитами ОУН, которым оказывал материальную помощь.
7.	Варывода Степан Йосифович жена – Варывода Наталия Семеновна сын – Варывода Осип Степанович	1907 1920 1949	с. Стебник	с. Стебник конюх больницы домохозяйка иждивенец	Имел 15 га земли, 4–5 коров, 3–4 головы молодняка, одного племенного быка, 2 лошади, конную молотилку, веялку, большой двухэтажный дом, содержал постоянно 2 батрака и сезонно до 10 человек.
8.	Дединский Степан Леонович сын – Дединский Игнат Степанович невестка – Дединская Людвина Васильевна внук – Дединский Богдан Игнатьевич	1898 1926 1924 1950	с. Ясеница-Сольная	единоличник иждивенец	Имел земли 20 га, 5 га леса, 5 лошадей, 5 коров, молотилку, содержал постоянно 3 батрака и сезонно до 10 человек. При немцах служил старостой села, в 1944 г. установил преступную связь с бандитами ОУН.
Жидачевский район					
9.	Костырко Михаил Николаевич жена – Костырко Мелания Васильевна сын – Костырко Николай Михайлович дочь – Костырко Мария Михайловна	1904 1906 1932 1934	с. Заболотовцы	рабочий бумкомбината единоличница маляр Жидачевского бумкомбината учащаяся	Имел 12 га земли, 3–5 лошадей, 5–7 коров, содержал постоянно 1 батрака, сезонно 3–5 человек. Поддерживал связь с бандитами ОУН, которым предоставлял свой дом для укрытия.

1	2	3	4	5	6
10.	Лесив Василий Гаврилович жена – Лесив Екатерина Васильевна сын – Ремиз Василий Антонович дочь – Лесив Мария Васильевна	1902 1890 1927 1931	с. Ливчицы	рабочий ж. д., г. Стрый единоличница монтажник Стрыйского сажевого завода единоличница	Имел 20 га земли, 3 лошади, 3 коровы, 2 свиньи, конную молотилку, содержал постоянно 1 батрака и сезонно до 15 человек. Его жена ведет переписку с американским посольством и ходатайствует о выезде в Америку.
11.	Иванкив Степан Прокопьевич жена – Иванкив Евдокия Иосифовна дочь – Иванкив Екатерина Степановна сын – Иванкив Прокофий Степанович сын – Иванкив Иосиф Степанович	1891 1888 1925 1929 1942	с. Облазница	единоличник –«– –«– –«– иждивенец	Имел 17 га земли, 3 га леса, 5 лошадей, 6–8 коров, конную молотилку, 2 веялки, содержал постоянно 2–3 батрака и сезонно до 12 человек. С 1949 г. поддерживает связь с бандитами ОУН.
Славский район					
12.	Хомин Василий Петрович сын – Хомин Петр Васильевич дочь – Хомин Анна Васильевна дочь – Хомин Стефа Васильевна сын – Хомин Степан Васильевич сын – Хомин Василий Васильевич	1895 1928 1934 1937 1940 1943	с. Лавочное	единоличник –«– –«– иждивенка –«– –«–	Имел 25 га земли, 2 лошади, свыше 9 коров, до 30 овец, содержал постоянно 3–4 батрака и несколько человек сезонно.
Нижанковичский район					
13.	Труш Стефания Михайловна сестра – Труш Олимпия Михайловна	1906 1913	пос. Нижанковичи	единоличница –«–	Имела 15 га земли, 2 лошади, 4 коровы, использовала сезонных рабочих 10 человек.

1	2	3	4	5	6
14.	Сидорская Анна Петровна дочь – Сидорская Ярослава Михайловна	1900 1941	с. Радо-хинцы	единоличница иждивенка	Имела 15 га земли, 3 лошади, 3 коровы, племенного быка, содержала наемную рабочую силу до 15 человек. Поддерживала преступную связь с бандитами ОУН, которых укрывала в своем доме.
Боринский район					
15.	Стебивка Юрий Константинович жена – Стебивка Анастасия Андреевна дочь – Стебивка Екатерина Юрьевна дочь – Стебивка Анна Юрьевна	1892 1901 1928 1935	с. Яво-ров	единоличник –«– –«– –«–	Имел 20 га земли и сенокос, 1 лошадь, 2 вола, 3–4 коровы, 15 голов мелкого скота, содержал 1 постоянного батрака и сезонно 3 человека. В 1950 г. исключен из колхоза. Поддерживал преступную связь с бандитами ОУН, укрывал их в своем доме и снабжал продовольствием.
Самборский район					
16.	Лобос Ваврин Матвеевич жена – Лобос Варвара Васильевна дочь – Пертимут Мария Ивановна	1893 1891 1912	г. Сам-бор	единоличник домохозяйка единоличница	Имел 12 га земли, 3 лошади, 4 коровы, содержал постоянно 2 батрака и сезонно 6–8 человек. В 1949 г. судился за хищение колхозного имущества. В августе 1950 г. из колхоза исключен.

1	2	3	4	5	6
Нижне-Устрикский район					
17.	Яцынич Андрей Михайлович жена – Яцынич Гонората Максимовна дочь – Яцынич Мария Андреевна сын – Яцынич Владимир Андреевич дочь – Яцынич Екатерина Андреевна сын – Яцынич Иван Андреевич дядя – Яцынич Игнат Иванович	1900 1903 1930 1936 1941 1943 1884	с. Лодино	единоличник –«– –«– иждивенец –«– –«– –«–	Имел 11 га земли, 4 га выпаса, 3 коровы, 9 овец, 10 ульев пчел, 10 голов мелкого рогатого скота, конную молотилку, маслобойную, сапожную мастерскую, содержал постоянно 4 батрака. В период немецкой оккупации активно помогал немцам. Его брат Яцынич Петр в 1942 году добровольно поступил на службу в дивизию «СС Галичина» и находился за границей.
Стрелковский район					
18.	Бутрий Леон Иванович жена – Бутрий Матрена Васильевна дочь – Бутрий Анна Леоновна сын – Бутрий Василий Леонович дочь – Бутрий Мария Леоновна	1900 1910 1936 1938 1943	с. Михновец	единоличник –«– иждивенка –«– –«–	Земли имел 15 га, 2 лошади, 4 коровы, 2 свиноматки, содержал сезонно до 3-х батраков, в течение 1948–49 гг. поддерживал преступную связь с бандитами ОУН и снабжал продуктами питания.
Сколевский район					
19.	Залищук Николай Степанович жена – Залищук Петруня Ивановна дочь – Залищук Мария Николаевна дочь – Залищук Ольга Николаевна мать – Залищук Текля Николаевна	1906 1916 1938 1942 1882	с. Стынава-Нижняя	единоличник –«– иждивенка –«– –«–	Имел 12 га земли, 3 лошади, 5 коров, до 10 голов мелкого рогатого скота, содержал 10 человек сезонных рабочих. Поддерживает преступную связь с бандитами ОУН.

5 апреля 1951 года
город Дрогобыч

ДАЛО. – Ф. Р-2022. – Оп. 2. – Спр. 110. – Арк. 1–10.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 31–36.

№ 186

1952. – Березня 11. – Указ Президії Верховної Ради СРСР про скерування на спецпоселення засуджених осіб, що відбули покарання в концтаборах та тюрмах

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных,
члены семей которых находятся на спецпоселении

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Отбывших наказание за разные преступления в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР карачаевцев, ингушей, чеченцев, калмыков, балкарцев, немцев, крымских татар, греков, иранцев, турок, кулаков – жителей западных областей Украины и Белоруссии, Молдавской ССР и Прибалтики, участников и пособников националистическо-бандитского подполья, иеговистов и других лиц, члены семей которых выселены по специальным постановлениям Правительства СССР на вечное поселение, – по истечении срока наказания направлять этапом на спецпоселение, под надзор органов Министерства государственной безопасности СССР, по месту жительства их семей.

2. Распространить на лиц, перечисленных в статье 1, действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдельные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР Н. Шверник
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР (А. Горкин)

Верно – подпись – Ларичева
Москва, Кремль,
11 марта 1952 г. д. № 68/10.

Резолюции и надписи:
1) в дело.
2) Верно – подпись – Ларичева 14.3.52

Примітка: *На документі зазначено: «Без публикации».*

Опубл.: Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы)… Ч. I. – С. 74–75; Депортації… Т. 2. – С. 344–345.

№ 187

1952. – Листопада 6. – Проект Постанови Ради Міністрів СРСР про скерування на вічне спецпоселення учасників національно-визвольних змагань, звільнених з ув'язнення

Совершенно секретно

6 ноября 1952 г.

Отбывших наказания в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах участников и пособников бандитско-националистического подполья, по истечении срока наказания, направлять этапом на спецпоселение с распространением на них действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдельные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

Председатель Совета Министров Союза ССР
Управделами Совета Министров Союза ССР

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 611. – Арк. 305].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 307.

№ 188

1952. – Листопада 6. – Довідка начальника 9-го управління КДБ СРСР про скерування на вічне спецпоселення учасників національно-визвольного руху, звільнених з ув'язнення

6 ноября 1952 г.

Совершенно секретно

СПРАВКА
об участниках и пособниках бандитско-националистического подполья,
находящихся в местах заключений

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 11 марта 1952 года, отбывшие наказание в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах участники и пособники бандитско-националистического подполья, члены семей которых по решению правительства СССР выселены на вечное поселение, по истечении срока наказания, направляются под надзор органов МГБ по месту поселения семей.

Наряду с этим, в местах заключений находятся украинские, белорусские, литовские, латвийские и эстонские бандиты, националисты и их пособники, которые родственников в местах поселений не имеют, в связи с чем большинство из них по отбытии срока наказания освобождается из лагерей, колоний и тюрем на общих основаниях.

Учитывая, что некоторая категория участников и пособников бандитско-националистического подполья к уголовной ответственности не привлекалась, а, в соответствии с решением правительства, направлялась на вечное поселение под надзор

органов МГБ, считал бы необходимым всех участников и пособников бандитско-националистического подполья по отбытии срока наказания в лагерях, колониях и тюрьмах, независимо от наличия у них в местах поселений семей или родственников, направлять на спецпоселение навечно, с распространением на них действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года об уголовной ответственности за побег с мест поселений.

Начальник 9 управления МГБ СССР полковник госбезопасности Шиян

Сейчас некоторых из таких лиц из лагерей и тюрем направляли под надзор с последующим оформлением дел через ОСО.

Сколько таких лиц, данных нет.

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 611. – Арк. 303].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 307–308.

№ 189

1952. – Доповідна записка Міністерства державної безпеки в бюро Президії Ради Міністрів СРСР про довічне спецпоселення учасників національно-визвольних змагань

Совершенно секретно

В бюро Президиума Совета Министров Союза ССР

В местах заключения содержатся украинские, белорусские, литовские, латышские и эстонские бандиты, националисты и их пособники, которые родственников в местах поселения не имеют, в связи с чем большинство из них по отбытии срока наказания освобождается из лагерей и тюрем на общих основаниях. Учитывая особую опасность указанной категории лиц, а также и то, что некоторые участники и пособники бандитско-националистического подполья к уголовной ответственности не привлекались, а, в соответствии с решением Правительства, направлялись на вечное поселение, МГБ СССР считает необходимым всех участников и пособников бандитско-националистического подполья по отбытии срока наказания в лагерях, колониях и тюрмах, независимо от наличия у них в местах поселений родственников, направлять на спецпоселение навечно, с распространением на них действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года об уголовной ответственности за побег с места поселения.

Проект постановления Совета Министров СССР представляется.

С. Игнатьев

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 611. – Арк. 304].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн.1. – С. 308;
Депортації… Т. 2. – С. 345–346.

№ 190

1953. – Січень. – Із зведення відділу спеціальних поселень МДБ СРСР про кількість спецпоселенців, засланих і висланих, які стояли на обліку в органах МДБ у республіках, краях і областях станом на 1 січня 1953 року

Совершенно секретно

СВЕДЕНИЯ
о количестве спецпоселенцев, ссыльно-поселенцев, ссыльных и высланных, состоящих на учете органов МГБ по республикам, краям и областям по состоянию на 1 января 1953 года

Сведения о количестве спецпоселенцев по контингентам

№ п/п	Наименование контингентов	Состоит на учете	в том числе:					
			Находится в наличии	из них:			Числится в розыске	Отбывает наказание в местах лишения свободы
				Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет		
	Всего:	2753356	2694197	769484	1040656	884057	2808	56351
4.	«Оуновцы»	175063	171566	47414	83905	40247	358	3139

Сведения
о количестве спецпоселенцев, находящихся в обслуживании ГУЛАГа МВД СССР

Наименование республик, краев и областей	Наименование контингентов	Находится в наличии:				Кроме того:		Всего состоит на учете
		Семей	Человек	Из них:		Числится в розыске	Находится в местах лишения свободы	
				Взрослых	Детей до 16 лет			
	Всего:	5542	22207	16568	5639	27	1141	23375
Красноярский край								
	ИТОГО:	1985	10586	8453	2133	6	135	10727
	в том числе:							
	«Оуновцы»	959	4241	3177	1064	1	3	4245
	Местные	109	410	272	138	–	6	416
	«Оуновцы»	39	238	177	61	–	1	239
Воркутлаг МВД								
	ИТОГО:	2797	7539	5086	2453	–	95	7634
	в том числе «Оуновцы»	39	233	174	59	–	1	234
Печорлаг МВД								
	ИТОГО:	86	473	379	99	11	284	773
	в том числе «Оуновцы»	–	3	1	2	–	–	3
Минераллаг МВД								
	ИТОГО:	67	262	194	68	–	30	292
	в том числе «Оуновцы»	–	2	2	–	–	–	2
Енисейстрой МВД								
	ИТОГО:	1619	8040	6427	1613	6	61	8107
	в том числе «Оуновцы»	954	4199	3142	1057	1	3	4203
Норильлаг МВД								
	ИТОГО:	366	2546	2026	520	–	74	2620
	в том числе «Оуновцы»	5	42	35	7	–	–	42
Тюменская область (Обский ИТЛ)								
	ИТОГО:	29	304	288	16	–	31	335
	в том числе «Оуновцы»	4	6	4	2	–	–	6

Сведения
о количестве спецпоселенцев, расселенных в республиках, краях и областях
(по контингентам)

Наименование республик, краев и областей	Наименование контингентов	Находится в наличии: Семей	Находится в наличии: Человек	Из них: Взрослых	Из них: Детей до 16 лет	Кроме того: Числится в розыске	Кроме того: Находится в местах лишения свободы	Всего состоит на учете
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего:		711728	2694197	1810140	884057	2808	56351	2753356
в том числе:								
Казахская ССР								
	ИТОГО:	259169	974900	613412	361488	330	13143	988373
	в том числе «Оуновцы»	3074	7866	6192	1674	8	137	8011
Таджикская ССР								
	ИТОГО:	9492	45227	33987	11240	44	1121	46392
	в том числе «Оуновцы»	–	6	6	–	–	–	6
Бурят-Монгольская АССР								
	ИТОГО:	3709	13227	9534	3693	3	678	13908
	в том числе «Оуновцы»	625	2253	1674	579	–	4	2257
Коми АССР								
	ИТОГО:	7181	22852	15990	6862	100	1468	24420
	в том числе «Оуновцы»	1516	3473	2667	806	28	234	3735
Удмуртская АССР								
	ИТОГО:	2911	11091	7597	3494	42	374	11507
	в том числе «Оуновцы»	201	728	596	132	30	204	962
Якутская АССР								
	ИТОГО:	3371	17104	15317	1787	53	632	17789
	в том числе «Оуновцы»	1030	3115	2462	653	–	18	3133
Алтайский край								
	ИТОГО:	38727	136811	88565	48246	33	1742	138586
	в том числе «Оуновцы»	3	7	6	1	–	–	7
Красноярский край								
	ИТОГО:	35736	148913	106863	42050	208	2381	151502
	в том числе «Оуновцы»	3942	13860	10807	3053	35	427	14322
Приморский край								
	ИТОГО:	245	1546	1321	225	11	532	2089
	в том числе «Оуновцы»	224	924	701	223	–	2	926
Хабаровский край								
	ИТОГО:	8287	34852	26497	8355	29	685	35566
	в том числе «Оуновцы»	7020	26029	19117	6912	1	68	26098
Амурская обл.								
	ИТОГО:	3794	16391	12754	3637	3	509	16903
	в том числе «Оуновцы»	1506	5768	4275	1493	–	27	5795
Архангельская обл.								
	ИТОГО:	5126	16355	11300	5055	35	1026	17416
	в том числе «Оуновцы»	1717	4036	3200	836	25	247	4308
Вологодская обл.								
	ИТОГО:	2883	9588	6170	3418	8	493	10089
	в том числе «Оуновцы»	23	26	26	–	–	111	137

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Иркутская обл.								
ИТОГО:		23657	90365	69042	21323	66	1514	91945
в том числе «Оуновцы»		4484	17386	13023	4363	25	300	17711
Кемеровская обл.								
ИТОГО:		32565	116270	84683	31587	368	4960	121598
в том числе «Оуновцы»		8368	28181	21931	6250	68	328	28577
Кировская обл.								
ИТОГО:		3216	10423	7478	2945	61	669	11153
в том числе «Оуновцы»		497	1793	1459	334	29	173	1995
Костромская обл.								
ИТОГО:		1978	8273	5353	2920	35	395	8703
в том числе «Оуновцы»		–	1	1	–	–	–	1
Куйбышевская обл.								
ИТОГО:		1701	5675	3912	1763	4	180	5859
в том числе «Оуновцы»		–	1	1	–	–	–	1
Молотовская обл.								
ИТОГО:		23301	82965	58562	24403	221	3985	87171
в том числе «Оуновцы»		3820	10677	8382	2295	17	276	10970
Новосибирская обл.								
ИТОГО:		33202	108090	71362	36728	82	1992	110164
в том числе «Оуновцы»		102	191	154	37	7	22	220
Омская обл.								
ИТОГО:		26445	86013	60346	25667	75	1221	87309
в том числе «Оуновцы»		4456	12426	9755	2671	62	324	12812
Свердловская обл.								
ИТОГО:		16698	76202	50709	25493	62	1196	77460
в том числе «Оуновцы»		29	107	79	28	–	–	107
Томская обл.								
ИТОГО:		24858	79369	57511	21858	58	666	80093
в том числе «Оуновцы»		3319	11644	8766	2878	3	32	11679
Выселенные в 1941 году из Западных областей УССР и БССР								
		305	775	622	153	–	–	775
Тюменская обл.								
ИТОГО:		19381	67696	45011	22685	41	942	68679
в том числе «Оуновцы»		1522	5885	4245	1640	7	12	5904
Выселенные в 1941 году из Западных областей УССР и БССР								
		1326	3476	2926	550	–	3	3479
Челябинская обл.								
ИТОГО:		11362	52464	37105	15359	54	479	52997
в том числе «Оуновцы»		1865	6118	4783	1335	12	90	6220
Читинская обл.								
ИТОГО:		1894	9252	7867	1385	8	894	10154
в том числе «Оуновцы»		1484	4556	3629	927	–	99	4655
Дальний Север								
ИТОГО:		206	6096	6061	35	14	124	6234
в том числе «Оуновцы»		2	24	24	–	–	–	24
В ИТЛ и спецстройках МВД								
ИТОГО:		5542	22207	16568	5639	27	1141	23375
в том числе «Оуновцы»		1002	4485	3358	1127	1	4	4490

ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Д. 641. – Лл. 22–68.

СПРАВКА
о национальном составе спецпоселенцев

Национальности Союза ССР Всего: 905742 чел.
в том числе: Украинцы – 163653 чел.

«Оуновцы» (выселены в 1944–52 годах)

№ п/п	Наименование республик, краев и областей	Находится в наличии	
		Всего	из них взрослых
	ВСЕГО:	171566	131319
	в том числе:		
1.	Казахская ССР	7866	6192
2.	Таджикская ССР	6	6
3.	Бурят-Монгольская АССР	2253	1674
4.	Коми АССР	3473	2667
5.	Удмуртская АССР	728	596
6.	Якутская АССР	3115	2462
7.	Алтайский край	7	6
8.	Красноярский край	13860	10807
9.	Приморский край	924	701
10.	Хабаровский край	26029	19117
11.	Амурская обл.	5768	4275
12.	Архангельская обл.	4036	3200
13.	Вологодская обл.	26	26
14.	Иркутская обл.	17386	13023
15.	Кемеровская обл.	28181	21931
16.	Кировская обл.	1793	1459
17.	Куйбышевская обл.	1	1
18.	Курганская обл.	1	1
19.	Молотовская обл.	10677	8382
20.	Новосибирская обл.	191	154
21.	Омская обл.	12426	9755
22.	Свердловская обл.	107	79
23.	Томская обл.	11644	8766
24.	Тюменская обл	5885	4245
25.	Челябинская обл.	6118	4783
26.	Читинская обл.	4556	3629
27.	Дальний Север	24	24
28.	В ИТЛ и Спецстройках МВД	4485	3358

Семьи кулаков из западных областей Украины (выселены в 1951 году)

№ п/п	Наименование республик, краев и областей	Находится в наличии	
		Всего	из них взрослых
1.	Иркутская обл.	1445	1115

ДАРФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 641. – Арк. 2, 9–10, 13–14, 16–17, 19, 21–23, 27, 31–32, 34, 36–44, 46–48, 50–51, 53–54, 57–59, 61–63, 67–68, 87, 91, 96.
Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 346–351.

№ 191

1953. – Інформація архієпископа І. Бучка про наслідки ліквідації більшовицьким режимом структур Української греко-католицької церкви у 1939–1947 рр.

Після ліквідації Української Католицької Церкви в Україні і насильного прилучення її до Російської Православної Церкви у Ватикані під керівництвом архієпископа Івана Бучка підбито підсумок втрат Української Католицької Церкви. Дані ці були опубліковані в 1953 р. італійською мовою, а в 1956 р. – українською.

Підсумок втрат Української католицької церкви на етнічній території України

1939 рік:	1947 рік:
Єпархій – 5	Всі єпархії зліквідовані комуністами.
Апостольські Адміністратори і Візитатури – 2	Зліквідовані комуністами.
Єпископів – 10	Всі заслані, засуджені, померли в ув'язненні або повбивані. 50% ув'язнені, 20% живуть нелегально або емігрували на Захід, 30% примушені перейти на режимне російське православ'я.
Священики – 2950	Розігнані, ув'язнені враз із трьома протоігуменами.
Монахи – 520	Розігнані або виїхали на Захід.
Богослови – 540	Розігнані.
Монахині – 1090	Розігнані.
Вірні – 4283000	Багато ув'язнено або заслано за віру; більшість ставить пасивний опір
Парафії – 3040	Зліквідовані або зайняті представниками Російської Православної Церкви.
Церкви – 4400	Позакривані або зайняті Російською Православною Церквою.
Монастирі – 195	Поконфісковані, закриті або зайняті Російською Православною Церквою.
Інші католицькі заклади:	Всі зліквідовані.
Католицькі школи: народні – 9900 середні – 380 вищі – 56	
Католицькі організації – 41	Всі закриті.
Католицька преса – 38	Вся закрита.
Католицькі видавництва – 35	Всі закриті.

Опубл.: Мартирологія українських церков. Українська католицька церква. Т. 11. – Торонто–Балтимор, 1985. – С. 49–50; Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 309–310.

№ 192

1955. – Липня 16. – Доповідна записка завідуючого відділом ЦК КПУ, голови КДБ при Раді Міністрів УРСР, заступника міністра внутрішніх справ УРСР секретарю ЦК КПУ з пропозицією не допустити повернення в Україну колишніх вояків ОУН-УПА та їх сімей

Секретарю Центрального Комітету КП України
товаришу Кириченко О. І.

Проведеною за Вашим дорученням перевіркою встановлено, що в 1954–1955 роках в західні області Української РСР після звільнення з місць ув'язнення прибуло 15269 осіб, які раніше були засуджені за контрреволюційні злочини, в тому числі: 1) за активну участь в оунівських організаціях – 4562 чоловіки, 2) за пособництво оунівцям і німецько-фашистським загарбникам – 6896 чоловік, 3) за зраду Батьківщини – 1478 чоловік, 4) за антирадянську агітацію та інші контрреволюційні злочини – 2333 чоловіки.

Звільнення цих осіб з місць ув'язнення проведено судовими органами за поданням адміністрації таборів і колоній МВС відповідно до Указів Президії Верховної Ради Союзу РСР від 24 квітня 1954 року і 14 липня 1954 року про введення дострокового і умовно-дострокового звільнення з місць ув'язнення, за ухвалами військових трибуналів, рішенням Центральної Комісії по перегляду кримінальних справ спеціальної підсудності, а також в зв'язку з відбуттям строків покарання.

В ході перевірки встановлено, що судові органи та адміністрація місць ув'язнення порушують Указ Президії Верховної Ради Союзу РСР від 11 березня 1952 року «Про направлення на спецпоселення осіб, що відбули строк покарання, члени сімей яких знаходяться на спецпоселенні та постанову Ради Міністрів Союзу РСР від 5 липня 1954 року «Про зняття деяких обмежень в правовому положенні спецпоселенців».

З всієї кількості осіб, які прибули в західні області України, повернулось 535 чоловік бувших бандитів і активних оунівців, сім'ї яких знаходяться на спецпоселенні, в зв'язку з чим в керівні радянські органи поступає значна кількість заяв від членів сімей цих осіб з проханням повернути їх з спецпоселення. Крім того в ці області повернулось понад 5 тисяч осіб, що були засуджені за особливо небезпечні державні злочини і частина з них після відбуття міри покарання також підлягала направленню на спецпоселення.

Частина осіб, що повернулись в західні області УРСР з місць ув'язнення ухиляється від трудовлаштування і стає на шлях продовження ворожої діяльності, поновлює між собою зв'язки, погрожують місцевим активістам та особам, які раніше допомагали у викриті їх контрреволюційних злочинів.

Вважали б за необхідне просити ЦК КПРС дати вказівки Генеральному Прокурору СРСР, Міністру юстиції СРСР та Міністру внутрішніх справ СРСР про вжиття заходів щодо усунення допущених судово-прокурорськими органами МВС недоліків при вирішенні питань про звільнення з місць ув'язнення осіб, засуджених за контрреволюційні злочини.

Проект листа до ЦК КПРС додається. *(В архіві не виявлено. – Ред.)*

Зав. адміністративним відділом ЦК КП України Кузнецов

Голова Комітету державної безпеки
при Раді Міністрів УРСР Нікітченко
Заступник міністра внутрішніх справ УРСР Булдович

16 липня 1955 року

ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 24. – Спр. 4087. – Арк. 370–371.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 375.

№ 193

1956. – Лютого 10. – Інформація начальника 4-го спецвідділу Міністерства внутрішніх справ СРСР про кількість спецпоселенців і колишніх засуджених, які знаходяться під наглядом каральних органів

Совершенно секретно

ПЕРЕЧЕНЬ

спецпоселенцев, ссыльно-поселенцев и ссыльных, состоящих под надзором органов Министерства внутренних дел СССР по состоянию на 1 января 1956 года

На 1 января 1956 года в местах поселений находятся 970129 человек. Количественный состав, места поселения и основания к содержанию под надзоров; органов МВД спецпоселенцев, ссыльно-поселенцев и ссыльных характеризуются следующими данными:

Категории спецпоселенцев	Количество	Места поселений	Основание к выселению
1	2	3	4
Бывшие помещики, фабриканты, торговцы, члены буржуазных правительств и их семьи, члены семей участников контрреволюционных организаций, выселенные в 1940–1941 годах из западных областей Украины и Белоруссии, из Латвийской, Литовской, Эстонской и Молдавской ССР	24163	Казахская ССР, Алтайский и Красноярский края, Коми и Якутская АССР, Кемеровская, Кировская, Омская, Томская и Тюменская области	Постановление СНК СССР от 2 марта 1940 года № 289– 127. План НКВД СССР от 14 июня 1941 года. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 года № 1299–526 сс.
Иноподданные, выселенные из Краснодарского края, Ростовской области и Крыма в 1942–1944 годах	5107	Казахская ССР	Постановление ГОКО от 29 мая 1942 года и от 24 июня 1944 года

1	2	3	4
Чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, крымские татары, армяне, болгары и греки, выселенные за связь с немецкими оккупантами и пособничество им.	492380	Казахская, Киргизская, Узбекская, Таджикская ССР, Башкирская, Марийская АССР, Кемеровская, Костромская, Молотовская, Свердловская, Тульская обл.	Указы Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года, 27 декабря 1943 года. Постановления – ГОКО от 31 января 1944 года, от 5 марта 1944 года, от 11 мая 1944 года и от 2 июня 1944 года. Распоряжение СНК СССР от 11 марта 1944 года № 5475
Иноподданные, лица без гражданства, граждане СССР из числа бывших иноподданных (турки, греки, иранцы), хемшилы, курды, дашнаки и антисоветские элементы, выселенные из Грузии в 1944–1951 гг.	35837	Казахская, Киргизская, Узбекская ССР, Алтайский край, Томская обл.	Постановление ГОКО от 31 июля 1944 года, Постановления Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214– 856с, от 21 февраля 1950 г. № 727–269 и от 29 ноября 1951 г. № 4893–2113
«Оуновцы», члены семей националистов, бандитов и пособников бандитов с семьями, выселенные из западных областей Украины в 1944–1952 годах	136228	Казахская ССР, Бурят-Монгольская, Коми и Якутская АССР, Красноярский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Иркутская, Кемеровская, Молотовская, Омская, Томская, Тюменская, Челябинская и Читинская обл.	Указания НКВД СССР от 31 марта 1944 года № 122 и от 7 апреля 1944 года № 130. Постановления Совета Министров СССР от 10 сентября 1948 года № 3214–1050, от 4 октября 1948 года № 3728–1524 и от 6 апреля 1950 года № 1398–508, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1950 года
Члены семей бандитов, националистов, пособников бандитов и кулаки с семьями, выселенные из Прибалтики в 1945–1951 годах	115905	Бурят-Монгольская АССР, Красноярский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Молотовская, Новосибирская Омская, Свердловская, Томская и Тюменская обл.	Указание НКВД СССР от 16 июня 1945 года № 323, – Приказ НКВД СССР от 18 декабря 1946 года № 001164, Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 417–160, от 29 января 1949 года № 390–138, от 29 декабря 1949 года № 5881–2201 и от 5 сентября 1951 года № 3309–1568

1	2	3	4
Кулаки с семьями, выселенные из западных областей Украины и Белоруссии в 1948–1952 годах	5456	Казахская ССР, Иркутская и Томская обл.	Постановления Совета Министров СССР от 6 октября 1948 года № 3785–1538, от 23 января 1951 года № 189– 88 и от 18 сентября 1951 года № 3538–1654
Бывшие помещики, фабриканты, торговцы, кулаки, участники антисоветских организаций и их семьи, выселенные в 1949 году из Молдавской ССР	17554	Бурят-Монгольская АССР, Алтайский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Тюменская и Читинская обл.	Постановление Совета Министров СССР от 6 апреля 1949 года № 1290–467
Басмачи с семьями, выселенные в 1950 году из Таджикской ССР	1226	Казахская ССР	Постановление Совета Министров СССР от 11 января 1950 года № 135–26
Андерсовцы и их семьи, выселенные в 1951 году	3046	Иркутская обл.	Постановление Совета Министров СССР от 13 февраля 1951 года № 377–190
Иеговисты, выселенные в 1951 году из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии	7449	Красноярский край, Иркутская и Томская обл.	Постановление Совета Министров СССР от 3 марта 1951 года № 667–339
Выселенные за антиобщественный и паразитический образ жизни в сельском хозяйстве	9545	Карело-Финская ССР, Якутская АССР, Красноярский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Молотовская, Тюменская и Читинская обл.	Указы Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года и от 2 июня 1948 года
Лица, выселенные за бродяжничество и попрошайничество	260	Красноярский край	Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 года

1	2	3	4
Члены семей осужденных участников антисоветской религиозной организации «Истинно православные христиане», выселенные из Орловской, Воронежской и Рязанской областей в 1944 году	601	Красноярский край, Томская и Тюменская обл.	Распоряжение НКГБ и НКВД СССР от 14 июля 1944 года № 2683 (М–1) 12938
Интернированные с территории Польши в 1951 году	66	Якутская АССР	Постановление Совета Министров СССР от 6 марта 1951 года № 684–343 сс
Выселенные в 1954 году члены семей осужденных врагов народа Берия и других	27	Казахская ССР и Красноярский край	Решение директивных органов
Ссыльно-поселенцы (особо опасные государственные преступники, отбывшие наказание и отправленные в ссылку на поселение)	61216	Казахская ССР, Коми и Якутская АССР, Красноярский край, Магаданская, Новосибирская обл.	Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года
Осужденные к ссылке (основная и дополнительная мера наказания) по приговорам судов	4063	Казахская ССР, Коми АССР, Красноярский край, Магаданская, Новосибирская обл.	Приговоры судебных органов

П р и м е ч а н и е : Кроме того, после освобождения из мест заключения передано под опеку родственникам и надзор органов МВД инвалидов и лиц, страдающих тяжелым неизлечимым недугом – 3152 человека, помещено в специальные дома инвалидов за неимением родственников 845 человек.

Начальник 4 спецотдела МВД СССР   Новиков

10 февраля 1956 года

[ЦГАОР СССР. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Спр. 925. – Арк. 345–348].
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 310–313.

№ 194

1957. – Травня 24. – Звернення громадян села Верещиця Яворівського району Львівської області до Ради Міністрів УРСР з приводу примусового їх виселення

В СОВЕТ МИНИСТРОВ УКРАИНСКОЙ ССР
от граждан села Верещица Ивано-Франковского района Львовской обл.

1. Жинчин Владимир Васильевич
2. Слобода Лука Алексеевич
3. Гануляк Михаил Евстахович
4. Слобода Максим Федорович
5. Дроцик Иван Семенович
6. Садовый Иван Иванович
7. Гануляк Иван Гаврилович
8. Микитюк Василий Илькович
9. Гануляк Николай Иванович
10. Лишак Николай Иванович
11. Жинчин Антон Демкович
12. Жинчин Пилип Евстахович
13. Сидяк Харитон Иванович
14. Гошко Илья Иосифович
15. Фолюш Роман Степанович
16. Гануляк Юрий Иванович
17. Слобода Петро Федорович
18. Трач Давид Семенович
19. Трач Степан Петрович
20. Слобода Григорий Якимович
21. Трач Лука Иванович
22. Дзвоник Потап Юркович
23. Слобода Иван Михайлович
24. Дзвоник Федор Прокофьевич
25. Слобода Парасковия Ивановна
26. Гануляк Процко Константинович
27. Жинчин Григорий Федорович
28. Дроцик Павел Панькович
29. Гануляк Оксана Максимовна
30. Богдан Карп Иванович
31. Садова Агафия Ивановна
32. Мисько Анастасия Ивановна
33. Жинчин Юрий Федорович

Заявление

Все мы вышеуказанные граждане проживали со своими семьями в с. Верещица на протяжении 40–60 лет. Каждый из нас в этом селе имел свое собственное хозяйство, состоявшее из жилого дома, стайни и др. хозяйственных построек.

В 1940 г. по решению Правительства территория, на которой находилось село Верещица, была отведена под военный полигон и согласно этого же решения все жители села подлежали переселению.

Условия переселения были таковы, что все наши домостроения оставались на месте и переходили в собственность или государства, или военного ведомства, а взамен оставленного имущества каждому из нас на новом месте, куда нас переселяли, должны были предоставить в собственность и закрепить в установленном порядке домостроения равноценные тем, которые оставались в с. Верещица.

В январе 1941 года все мы, т. е. 33 семейства в организованном порядке были переселены в село Клешница Тарутинского района Одесской области.

При переселении нам на руки никаких документов об оставленном имуществе не дали, а таковые находились у сопровождавшего нас уполномоченного и эти документы он должен был отдать в Тарутинский райисполком.

По приезде в село Клешница Тарутинский райисполком ни за кем из нас не закреплял на право собственности дома, взамен оставленных в селе Верещица, как требовало решение Правительства.

В апреле 1957 года через райисполком Ивано-Франковского района обратились в Тарутинский райисполком, который своими письмами № 59 от 24 мая 1957 г. (копии прилагаются) подтвердил, что дома за нами в Тарутинском районе не закреплялись, а также не проводились никакие денежные выплаты за имущество, оставленное в Львовской области.

Таким образом, на новом месте никто из нас не был компенсирован ни деньгами, ни в натуре за оставленные в с. Верещица домовладения.

В селе Клешница мы прожили до 1945 года и так как у нас там не было домов, возвратились в село Верещица, где и проживаем до настоящего времени в ведомственных квартирах.

По возвращении в 1945 г. в село Верещица мы выяснили, что наши дома военным ведомством были розобраны и использованы на нужды артполигона.

В результате, взамен домов оставленных в с. Верещица мы до сего времени ничего не получили, т. е. как-будто бы наша личная собственность пропала, что безусловно является неправильным.

Райисполком Ивано-Франковского района, куда мы обращались, признавая справедливость нашей просьбы, содействия оказать не может из-за отсутствия необходимых средств.

Факт владения домами в с. Верещица на день переселения, т. е. на 1941 г., можно установить путем проверки на месте.

Учитывая изложенное, все мы убедительно просим Вас, проверив наше заявление, вынести решение о возврате нам домов или выплаты их стоимости.

Приложение: Копии писем от 24.V.57 г. Всего 33 экземпляра.
Подписи: (Всього 33 підписи заявників).

ДАЛО. – Ф. Р-221. – Оп. 3. – Спр. 223. – Арк. 102–106.
Опубл.: Депортації… Т. 2. – С. 377–378.

№ 195

1958. – Серпня 15. – Лист начальника УМВС у Львівській області голові облвиконкому про дозвіл на прописку Софії Багрій, учасниці повстанського руху

15 августа 1958 г.

Секретно

Председателю исполкома
Львовского облсовета депутатов трудящихся
тов. Стефанику С. В.

гор. Львов

На основании постановления бывшего особого совещания при МГБ СССР от 14 декабря 1949 года из села Пидьяркив Бобрского района Львовской области была выселена на спецпоселение за пособничество участникам банды «ОУН» Багрий София Михайловна, 1927 года рождения. Основанием к выселению послужило, что Багрий С. М. в период немецкой оккупации села Пидьяркив Бобрского района Львовской области являлась участницей женской сетки ОУН, собирала с населения для бандитов ОУН продукты питания и теплую одежду. В 1946 году Багрий, боясь быть разоблаченной за оуновскую деятельность, выехала в город Львов, где свою квартиру предоставляла для встреч участникам ОУН.

Багрий, находясь на спецпоселении, 28 марта 1952 года Читинским областным судом по ст. 58–10 УК РСФСР осуждена на 10 лет ИТЛ. Комиссией Президиума Верховного Совета СССР по Кемеровскому областному управлению ИТЛК и Сибирскому ИТЛ в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 года Багрий из-под стражи освобождена как необоснованно осужденная.

После освобождения из заключения Багрий к месту спецпоселения не выехала, а выехала на жительство в Бобрский район. 18 июня 1957 года УВД Львовской области Багрий арестована и этапирована к месту обязательного спецпоселения в Читинскую область. УВД Читинской области Багрий разрешен отпуск, в связи с ее беременностью, с выездом во Львовскую область к родным.

В УВД исполкома Львовского облсовета депутатов трудящихся поступило заявление от гражданки Багрий Софии Михайловны о том, чтобы ей разрешили проживать постоянно вместе со своими родными.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 года Багрий снята со спецпоселения без права проживания на территории Львовской области и без возврата конфискованного имущества. Учитывая, что Багрий имеет грудного ребенка, в настоящее время она проживает у своих престарелых родных, которые занимаются еще полезным трудом, поэтому УВД Львовской области против прописки Багрий не возражает.

Начальник УВД исполкома
Львовского облсовета депутатов трудящихся Ангелов

ДАЛО. – Ф. Р-221. – Оп. 3. – Спр. 233. – Арк. 320.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 318.

№ 196

1959. – Березня 3. – Доповідна записка голови Комітету державної безпеки при Раді Міністрів СРСР першому секретарю ЦК КПРС про доцільність знищення всіх документів розстріляних у 1940 році інтернованих польських офіцерів та ув'язнених із західних областей України та Білорусії

Совершенно секретно

Товарищу Хрущеву Н. С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21857 человек из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4421 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6311 человек и 7305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белорусии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них, как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т. е. с 1940 года, никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21857 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именовавшейся: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства, можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета Государственной Безопасности
при Совете Министров СССР А. Шелепин

3 марта 1959 года

Проект

Совершенно секретно

Постановление Президиума ЦК КПСС

Разрешить Комитету Государственной Безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции, проведенной в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР.

Опубл.: Поклик сумління. – Львів, 1993. – № 16 (124);
Депортації… Т. 2. – С. 403–404.

№ 197

1959. – Жовтня 1. – Інформація Львівського облвиконкому Раді Міністрів УРСР щодо виконання постанови уряду про розгляд заяв депортованих про повернення на попередні місця проживання

1 жовтня 1959 р.

Таємно

Голові Ради Міністрів Української РСР
товаришу Кальченку Н. Т.

ІНФОРМАЦІЯ
про виконання постанови Ради Міністрів УРСР № 938 від 18 червня 1959 р. «Про впорядкування справи розгляду виконкомами обласних рад депутатів трудящих клопотань бувших спецпоселенців про надання дозволу на проживання в місцях, звідки вони були виселені»

На виконання постанови Ради Міністрів УРСР № 938 від 18 червня 1959 р. виконком обласної Ради депутатів трудящих повідомляє, що в відповідності з Указом Президії Верховної Ради СРСР від 28 березня, 19 травня і 2 серпня 1958 року зняті з обліку спецпоселення посібники національного підпілля бувші кулаки, бувші військовослужбовці армії Андерса і члени їх сімей, а також особи, яким на час виселення не було 16 років.

Зазначена категорія осіб знята з обліку спецпоселення без повернення конфіскованого майна і без права повернення в місця, звідки вони були виселені.

Питання про дозвіл на в'їзд цих осіб у місце, звідки вони були виселені, вирішуються тільки виконкомом обласної Ради депутатів трудящих. З метою правильного і

своєчасного розгляду клопотань бувших спецпоселенців про дозвіл на проживання в місцях, звідки вони були виселені, Львівський обком КП України своїм листом від 9 березня ц. р. рекомендував вирішувати це питання по погодженню з райкомами партії, райвиконкомами, райапаратом КДБ і відділами міліції. Свою думку про клопотання бувших спецпоселенців районні радянсько-партійні органи подають на рішення облвиконкому.

До відома виконкомів районних Рад депутатів трудящих була доведена постанова Ради Міністрів УРСР № 938 від 18 червня 1959 р. і роз'яснено порядок розгляду клопотань бувших спецпоселенців. За станом на 30 вересня 1959 р. робота по виконанню зазначеної постанови характеризується слідуючими даними: виявлено проживаючих на території області бувших спецпоселенців, які повернулись самовільно, – 7392 чоловіка.

Із числа виявлених районними радянсько-партійними органами розглянуто клопотань бувших спецпоселенців на 5978 чоловік. Порушено клопотань:

а) про дозвіл на проживання – на 3280 чол.

б) про відмову в проживанні – на 2698 чол.

Знаходяться на розгляді в районних радянсько-партійних органах клопотання на 1414 чол.

За матеріалами, які надійшли із районних органів, виконкомом обласної Ради депутатів трудящих прийнято рішення на 3436 чол.:

а) дозволено проживання 2452 чол.;

б) відмовлено в проживанні 984 чол.

Підлягають розгляду справи на 2334 чол.

Із числа виявлених, яким відмовлено в проживанні, виїхало з території області 831 чол.

Незважаючи на те, що в постанові Ради Міністрів УРСР від № 18 червня 1959 р. вказувалось на несвоєчасний і неуважний розгляд клопотань бувших спецпоселенців з боку окремих виконкомів райрад депутатів трудящих, після виходу в світ цієї постанови припускались випадки відмови в клопотаннях значній кількості бувших спецпоселенців.

Наприклад, в Яворівському районі позитивно розглянуто матеріали щодо 20 чол. із 381, в Лопатинському районі – 106 із 303, Дрогобицькому – 101 із 230.

Виконком обласної Ради депутатів трудящих 23 вересня 1959 р. вказав райвиконкомам на недоліки і постановив персонально підходити до кожної особи при розгляді клопотань.

Клопотання, які були відхилені місцевими радянсько-партійними органами, в даний час переглядаються вдруге відповідно до постанови Ради Міністрів УРСР від 18 червня 1959 р.

Робота по виявленню бувших спецпоселенців і розгляду їх клопотань продовжується.

Голова виконкому облради депутатів трудящих С. Стефаник

ДАЛО. – Ф. Р-221. – Оп. 3. – Спр. 246. – Арк. 149–151.
Опубл.: Літопис нескореної України. Кн. 1. – С. 336–337.

№ 198

1960. – Жовтня 10. – Вирок Верховного Суду УРСР у справі керівників підпільної організації «Об'єднання»

Таємно

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.
1960 року жовтня місяця 10 дня в місті Києві
Верховний Суд Української РСР у складі:
Головуючого Збаражченка О. Н.,
народних засідателів Ярмоленко М. Ф., Царика Г. Я.,
при секретарі Коваль А. С.
З участю прокурора Янковського І. Й.
і адвокатів Кульберга Я. М., Богачова П. Я.

розглянув у закритому судовому засіданні кримінальну справу по обвинуваченню Леонюка Володимира Гнатовича, 1932 року народження, уродженця села Критишин Іванівського району Брестської області, білоруса, походженням з селян-куркулів, з освітою за 9 класів, безпартійного, одруженого, судимого в 1952 р. Військовим трибуналом військ МВС Пінської області за статтями 70, 72«б» Карного кодексу БРСР до позбавлення волі строком на 25 років, в 1956 році за постановою Комісії Президії Верховної Ради СРСР від відбуття міри покарання звільнений достроково зі зняттям судимості;

Гасюка Ярослава Михайловича, 1926 року народження, уродженця міста Станіслава Станіславської області, українця, походженням з робітників, з середньою освітою, безпартійного, одруженого, у 1948 році за постановою Особливої наради при МДБ СРСР був ув'язнений у виправно-трудовому таборі за антирадянську діяльність строком на 10 років, міру покарання відбув;

Христинича Богдана Теофіловича, 1929 року народження, уродженця села Озерна Зборівського району Тернопільської області, українця, походженням з селян-середняків, з незакінченою вищою освітою, безпартійного, одруженого, судимого в 1952 році Військовим трибуналом військ МДБ Львівської області за статтями 54-1«а», 54-11 Карного кодексу УРСР до позбавлення волі у виправно-трудовому таборі строком на 25 років, в 1956 році за постановою Комісії Президії Верховної Ради СРСР від відбування міри покарання звільнений достроково;

Кобилецького Ярослава Володимировича, 1928 року народження, уродженця села Ясениця-Сільна Дрогобицького району Львівської області, українця, походженням з селян-середняків, з середньою педагогічною освітою, безпартійного, одруженого, в 1950 році за постановою Особливої наради при МВС УРСР був ув'язнений у виправно-трудовому таборі за антирадянську діяльність строком на 10 років, в 1956 році за постановою Комісії Президії Верховної Ради СРСР від відбування міри покарання звільнений достроково;

Затварського Володимира Миколайовича, 1931 року народження, уродженця села Стара Ропа Старосамбірського району Львівської області, українця, походженням з селян-бідняків, з освітою за 9 класів, безпартійного, одруженого, в 1948 році судимого Військовим трибуналом військ МВС Дрогобицької області за статтею 54-1«а» Карного кодексу УРСР до позбавлення волі у виправно-трудовому таборі строком на

25 років, у 1955 році за постановою Комісії Дрогобицької області по перегляду справ на осіб, відбуваючих покарання за контрреволюційні злочини, міра покарання знижена до 10 років позбавлення волі, в 1956 році по заліку робочих днів з місць ув'язнення звільнений;

всіх у злочинах, передбачених ст.ст. 1, 9 Закону про кримінальну відповідальність за державні злочини, –

у с т а н о в и в:

Леонюк, Гасюк, Христинич, Затварський і Кобилецький, будучи засудженими в різний час за вчинення контрреволюційних злочинів і відбуваючи міру покарання в інтинському таборі, продовжували залишатися на позиціях українського буржуазного націоналізму, проводячи антирадянську діяльність, яку не припинили й після звільнення їх з місць ув'язнення.

Вороже відносячись до радянської влади, розповсюджували серед ув'язнених різні статті, реферати антирадянського змісту, в яких возводили злісний наклеп на радянський суспільний устрій, радянську національну політику і радянську дійсність, вихваляли ідеї українських буржуазних націоналістів.

В 1956 році, будучи звільненими з місць ув'язнення, Леонюк, Гасюк, Затварський, Кобилецький і Христинич активізували свою контрреволюційну діяльність і з метою розгортання ворожої роботи на одному з нелегальних зборищ поставили питання про утворення контрреволюційної організації, яка й була ними утворена в липні 1956 р. в місті Інті під назвою «Об'єднання».

Маючи намір утворити підпільну контрреволюційну організацію, Леонюк, Христинич і Затварський ще в червні 1956 року склали проекти програми і статуту майбутньої контрреволюційної організації, які обговорили і прийняли в липні 1956 року на нелегальному зборищі учасників зазначеної організації, на якому обрали керівником Гасюка Ярослава. З приєднаних до справи речових доказів – програми і статуту (а. с. 118, 119, т. 14) встановлено, що створена підсудними контрреволюційна організація «Об'єднання» вважала себе складовою частиною ОУН і ставила перед собою завдання – продовження боротьби за відторгнення Української РСР від Радянського Союзу і утворення т. зв. «Української Самостійної Соборної Держави» (УССД).

«Об'єднання» також вважало своїм непримиренним ворогом Комуністичну партію Радянського Союзу, радянський суспільний устрій і прийняло рішення провадити активну боротьбу за здійснення своєї мети шляхом злиття в єдине ціле всіх антирадянських елементів з числа українських буржуазних націоналістів, які мешкають на території Української РСР.

По справі також встановлено, що всі підсудні після обговорення і прийняття програми і статуту дали клятву про виконання завдань, зазначених у програмі «Об'єднання», а для утворення коштів на потреби контрреволюційної організації постановили проводити відрахування з заробітку всіх учасників «Об'єднання».

Будучи допитані в судовому засіданні всі підсудні визнали себе за винних в тому, що вони дійсно були учасниками контрреволюційної організації і ставили перед собою завдання провадити боротьбу з радянською владою, але лише шляхом складання і розповсюдження антирадянських листівок та рефератів, заперечуючи при цьому мету відторгнення Радянської України від Радянського Союзу і утворення т. зв. «Української Самостійної Соборної Держави». Однак останнє заперечення являється неспромож-

ним, оскільки підсудні викриваються речовими доказами, приєднаними до справи (т. 14, а. с. 117, 118, 119). Даючи пояснення в судовому засіданні підсудні заявили, що вилучені 21 грудня 1959 р. у вулканізаційному цеху шахти № 9 міста Інти програма, статут їхній організації не належать, що ніхто з них авторами цих документів не був і хто заховав там ті документи, їм невідомо. Однак, зазначене заперечення являється безпідставним, оскільки лише за показами підсудного Затварського Володимира на попередньому слідстві від 16 грудня 1959 року (Т. 7, а. с. 357) програма, статут та інші документи антирадянського змісту були виявлені на шахті № 9 в місті Інті 21 грудня 1959 року (Т. 13, а. с. 159).

В судовому засіданні Затварський показав, що він нічого про знаходження зазначених вище антирадянських документів на шахті № 9 не знає, однак його заперечення не заслуговує уваги, оскільки лише за його показами це сховище було винаружено (Так в тексті. – *Ред.*). Крім того, в зазначеному сховищі була винаружена також і друкарська машинка системи «Ундервуд Стандарт» № 4-В-222200, яка була привезена Затварським з України в місто Інту і передана Леонюку.

Таким чином по справі безперечно доведено, що винаружені 21 грудня 1959 року програма, статут та інші антирадянські документи, які приєднані до справи, як речові докази (Т. 14, а. с. 4), належали організації «Об'єднання». Даючи пояснення в судовому засіданні підсудні заявили, що хоча обговорення проектів програми та статуту мало місце, але остаточне рішення про утворення контрреволюційної організації не було прийняте. Такі пояснення підсудних являються неспроможними і спростовуються тим, що ніхто з них не заперечував того, що після обговорення програми і статуту всі учасники нелегального зборища дали урочисту клятву на вірність виконанню завдань утвореної контрреволюційної організації. Зазначене знаходить ствердження свідками, допитаними в судовому засіданні, які були присутніми на цьому зборищі. Крім цього, ряд документів, які приєднані до справи, як речові докази, повністю викривають підсудних в тому, що вони, очолюючи контрреволюційну організацію, активно провадили в життя завдання, зазначені в програмі та статуті.

Судом встановлено, що Леонюк, являючись організатором контрреволюційної організації «Об'єднання» і знайшовши в особі Гасюка, Христинича, Затварського і Кобилецького своїх однодумців, після утворення «Об'єднання» і обрання Гасюка керівником, який був призначений на цю посаду за його ж пропозицією, розгорнув активну роботу і в першу чергу по складанню різних антирадянських документів і розповсюдження таких серед ув'язнених в інтинському таборі і на Україні.

Переслідуючи мету виготовлення антирадянських документів у великій кількості, Леонюк запропонував Христиничу, який в цей час був звільнений і мешкав на Україні, придбати друкарську машинку і за допомогою Затварського доставити її в місто Інту. Зазначене доручення було виконано.

Оскільки друкарська машинка не забезпечувала виготовлення антирадянських документів масовим тиражем, Леонюк виготовив підпільну друкарню, для якої мети залучив Бучковського. Після того як друкарня була устаткована (Так в тексті. – *Ред.*) і почала друкувати різні антирадянські листівки масовим тиражем, Леонюк наприкінці 1957 року передав Банацькому, засудженому за націоналістичну діяльність по іншій справі, більш 1200 екземплярів антирадянських листівок під назвою «Колгоспнику», «Громадянине!» для розповсюдження в місті Олександрії Кіровоградської області через Булавського. На виконання завдання Леонюка Банацький передав біля 700 штук

листівок Булавському, більш 350 штук листівок заховав в місті Б. Церква, а решту передав своєму родичу Шепелю. З одержаних листівок від Банацького Булавський частину розповсюдив у місті Аджамці Кіровоградської області за допомогою Оленича, Рябчуна та Слабіни. Зазначене стверджується показами Леонюка в судовому засіданні та свідка Банацького.

Таким чином, по справі безперечно доведено, що контрреволюційна організація «Об'єднання» не обмежувалася розповсюдженням антирадянських документів на території міста Інти, а розповсюджувала їх і на Україні.

Про організаторську роль Леонюка свідчить складання ним відповідного шифру з обумовленим ключем «Чортомлик» для використання цього шифру як листовного зв'язку в організаційних питаннях.

Як ідейний натхненник організації «Об'єднання» Леонюк особисто написав ряд статей антирадянського змісту, а саме: «Від авторів», «Дорога до комунізму чи на Голгофу», «КДБ і Хамелеони», «Відгомін», «Наша енциклопедія» та багато інших антирадянських документів.

Для розгорнення антирадянської діяльності на Україні Леонюк організував у Львові на квартирі Мельник Дарії конспіративний пункт зв'язку і за згодою Гасюка переслав Христиничу через Мельник Дарію 5000 крб. для організації підпільної друкарні і зразки антирадянських документів.

Будучи допитаним в судовому засіданні Леонюк визнав, що автором зазначених вище антирадянських документів був він, Леонюк також визнав, що гроші в сумі 5000 крб. та антирадянські документи під назвою «Декалог» дійсно були направлені Мельник Дарії для Христинича, заперечуючи лише ту обставину, що 5000 крб. були призначені для організації підпільної друкарні, оскільки ці гроші були вислані Христиничу як матеріальна допомога йому особисто. Зазначене пояснення Леонюка не можна визнати обгрунтованим, оскільки разом з грошима Христиничу були направлені й зразки антирадянського документа.

Гасюк, будучи обраним на нелегальному зборищі керівником контрреволюційної організації «Об'єднання» і виконуючи завдання, які були поставлені в програмі й статуті, активно виконував свої обов'язки. Так, на нелегальному зборищі, де були обговорені й прийняті програма і статут, Гасюк зачитав текст клятви, після чого присутні прийняли в урочистій формі цю клятву на вірність справі контрреволюційної організації «Об'єднання». По справі також встановлено, що після обрання Гасюка керівником він розподілив обов'язки серед решти учасників організації Леонюка, Христинича, Затварського і Кобилецького.

З показів Леонюка в судовому засіданні встановлено, що пропозицію про обрання Гасюка керівником подав він – Леонюк, а також ствердили Христинич, Затварський і Кобилецький. Не заперечував і сам Гасюк.

Про те, що Гасюк являвся учасником розробки спеціального шифру для підтримки організаційного зв'язку з іншими учасниками антирадянської організації, ствердили Христинич і Леонюк.

Дбаючи про забезпечення організації засобами розмноження антирадянських документів, Гасюк разом з Леонюком направили шифрований лист Христиничу про придбання друкарської машинки, паперу та іншого приладдя для друкування.

Так Гасюк допомагав Бучковському у виготовленні підпільної друкарні. Він же доручив свідку по справі Клим'юку придбати олово для відливання стереотипів та

шрифту. Гасюк також вислав свідку по справі Островській 200 крб. грошей на придбання різних хімікатів для потреб друкарні. Він же дав завдання свідку Гулю виготовити рамку для набору друкарського шрифту. Про зазначене ствердили в судовому засіданні свідки Бучковський, Клим'юк і Островська.

З показів Гасюка в судовому засіданні встановлено, що особисто ним були складені ряд антирадянських документів під назвою: «Світанок», «Україні з приводу сорокаріччя», «З думок колгоспника», «З вогню революції», «Окупанти пруться в космос» та інші злобні по відношенню до радянської влади документи.

Залучивши до виготовлення антирадянських документів Гуля і Джуса, за вказівками Гасюка вони надрукували значну кількість листівок під назвою «Карпати обвинувачують», «12 прикмет українського революціонера», «Українська молодь».

Про зазначене ствердили свідки Клим'юк, Гуль, а також визнав і сам Гасюк.

Гасюк також визнав, що він, маючи домовленість з Леонюком, відправив до міста Львова на конспіративний пункт для Христинича 51 примірник «Декалогу», шифрований лист і 5000 крб.

Христинич, являючись активним учасником контрреволюційної організації «Об'єднання» і будучи однодумцем інших підсудних по справі, як під час перебування в ув'язненні за минулу контрреволюційну діяльність, так і після звільнення з місць ув'язнення, не припинив своєї ворожої роботи, про що визнав у судовому засіданні.

Так, ще до створення «Об'єднання» Христинич займався складанням різних рефератів антирадянського змісту.

З показів інших підсудних встановлено, що Христинич був одним з учасників створення в м. Інті контрреволюційної організації.

Він же приймав також участь в розробці програми і статуту організації «Об'єднання», повністю схвалюючи завдання, що їх було визначено в цих документах.

По справі встановлено, що Христинич залучив до контрреволюційної організації Булавського, який засуджений по іншій справі.

На виконання завдання Леонюка Христинич придбав у місті Львові друкарську машинку «Ундервуд Стандарт», кілька пачок паперу і в лютому 1957 року передав придбане Леонюку в м. Інту за допомогою Затварського. Зазначене ствердив сам Христинич, а також Леонюк, Гасюк, Затварський.

По справі також встановлено, що Христинич за завданням Леонюка організував конспіративний пункт зв'язку в м. Львові на квартирі свідка Мельник Дарії, де мав одержати 5000 крб. грошей і антирадянську літературу, переслану Леонюком і Гасюком.

Про те, що гроші та література були надіслані до м. Львова, ствердили Леонюк, Гасюк та свідки Клим'юк і Мельник Дарія.

Затварський, являючись одним з учасників організації «Об'єднання» і поділяючи погляди інших підсудних по цій справі, приймав активну участь в складанні та розповсюдженні різних антирадянських документів. Так, по справі встановлено, що особисто Затварським було складено ряд рефератів, в яких пропагувалися ідеї українських буржуазних націоналістів.

Визнаючи свою належність до контрреволюційної організації «Об'єднання» Затварський показав, що жодного з рефератів він не складав. Однак заперечення ним останнього не заслуговує уваги, оскільки він викривається речовими доказами, приєднаними до справи.

Про те, що Затварський був активним учасником «Об'єднання», свідчить та обставина, що він мав завдання про встановлення зв'язку з українськими націоналістами, які знаходилися в м. Воркуті.

В судовому засіданні Затварський заперечував і цю обставину. Однак з показів свідка Данилихи, допитаної в судовому засіданні, встановлено, що Затварський дійсно приїжджав у м. Воркуту для встановлення такого зв'язку, де в присутності Водинюка та інших вів про це розмову.

З показів Затварського встановлено, що він, вилучивши в селі Стара Ропа зі схрону антирадянську націоналістичну літературу, яка зберігалася з 1948 року, привіз таку в м. Інту і вона була використана учасниками «Об'єднання». Затварський також визнав, що дійсно він доставив в м. Інту друкарську машинку системи «Ундервуд Стандарт», яку придбав Христинич для організації «Об'єднання». Належність Затварського до організації «Об'єднання» стверджується також і тим, що він особисто знав про місце знаходження антирадянської літератури та друкарської машинки, де за його показами й були вилучені 21 грудня 1959 року зазначені речові докази злочинної організації «Об'єднання».

Кобилецький, являючись учасником антирадянської організації, неодноразово приймав участь у нелегальних зборищах, де на одному з них були прийняті програма і статут та прийнята клятва на вірність виконання завдань «Об'єднання». По справі встановлено, що Кобилецький разом зі свідком Вінтонівим переписував складені Затварським різні реферати антирадянського змісту, а також і сам склав рукопис, в якому з антирадянських націоналістичних позицій виклав історичні події на Україні в 1921–1939 рр.

Кобилецький також приймав участь в обговореннях на нелегальних зборищах про утворення грошового фонду для «Об'єднання», а також мав розмови зі свідками Слив'яком і Жовтяком щодо залучення їх до антирадянської діяльності. Зазначене стверджується показами Кобилецького в судовому засіданні та показами ряду свідків, допитаних по справі.

На підставі вищенаведеного Верховний Суд вважає, що пред'явлене всім підсудним обвинувачення, за виключенням застосування індивідуального терору і намагання встановити зв'язок з націоналістичними елементами поза межами Радянської України, повністю доведене, злочинні дії їх за ст.ст. 1, 9 Закону про кримінальну відповідальність за державні злочини кваліфіковані правильно.

Переходячи до обрання міри покарання та враховуючи конкретні дії кожного з підсудних у вчинених ними злочинах, а також те, що вони повністю засудили свої вчинки і розкаялися, керуючись ст.ст. 296, 297 КПК УРСР, Верховний Суд УРСР

п р и г о в о р и в :

Леонюка Володимира Гнатовича і Гасюка Ярослава Михайловича за ст.ст. 1, 9 Закону про кримінальну відповідальність за державні злочини, з санкції ст. 1 цього ж закону до позбавлення волі у виправно-трудовій колонії строком на дванадцять (12) років кожного, з конфіскацією належного їм майна, без обмеження в правах.

Христинича Богдана Теофіловича за ст.ст. 1, 9 Закону про кримінальну відповідальність за державні злочини, з санкції ст. 1 цього ж закону до позбавлення волі у виправно-трудовій колонії строком на десять (10) років з конфіскацією належного йому майна, без обмеження в правах.

Затварського Володимира Миколайовича за ст.ст. 1, 9 Закону про кримінальну

відповідальність за державні злочини, з санкції ст. 1 цього ж закону, з застосуванням ст. 37 Основ кримінального законодавства Союзу РСР і союзних республік, до позбавлення волі у виправно-трудовій колонії строком на вісім (8) років, з конфіскацією належного йому майна, без обмеження в правах.

Кобилецького Ярослава Володимировича за ст.ст. 1, 9 Закону про кримінальну відповідальність за державні злочини, з санкції ст. 1 цього ж закону, з застосуванням ст. 37 Основ кримінального законодавства Союзу РСР і союзних республік, до позбавлення волі у виправно-трудовій колонії строком на п’ять (5) років, з конфіскацією належного йому майна, без обмеження в правах.

Стягнути з засуджених Леонюка, Гасюка, Христинича, Затварського і Кобилецького на користь держави судові витрати по 1482 крб. 54 коп. з кожного.

Початок строку відбуття міри покарання рахувати: Леонюку Володимиру Гнатовичу з 29 липня 1959 року,

Гасюку Ярославу Михайловичу з 12 січня 1960 року,

Христиничу Богдану Теофіловичу з 26 жовтня 1959 року,

Кобилецькому Ярославу Володимировичу з 1 липня 1960 року,

Затварському Володимиру Миколайовичу з 9 вересня 1959 року.

Речові докази – антирадянські листівки та іншу антирадянську літературу залишити при справі.

Друкарську машинку системи «Ундервуд Стандарт» передати фінансовим органам для реалізації на прибуток держави. Решту речових доказів, а саме: жерстяну і скляну банки, листи сирої гуми, мішечок, рамку, фанерний ящик, два чемодани, шрифт, стереотипи, насос, залишки друкарської машинки – знищити.

Міру запобігання засудженим залишити попередню – утримання під вартою.

Вирок являється остаточним і до касаційного оскарження не підлягає.

Головуючий – Збаражченко.

Народні засідателі – Царик, Ярмоленко.

Архів СБУ. – Спр. П-69861. – Т. 21. – Арк. 186–194.

Опубл.: Христинич Богдан. На шляхах до волі. Підпільна організація «Об’єднання» (1956–1959). – Львів, 2004. – С. 403.

№ 199

1961. – Травня 20. – Вирок у справі Лук’яненка Л. Г., Віруна С. М., Кандиби І. О., Луцківа В. С., Лібовича О. С., Кіпиша І. З. і Боровницького Й. Ю.

ВИРОК

Ім’ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

1961 року травня 20 числа судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду, в складі

Головуючого – Рудика С. І.

Народних засідателів – Любарець Н. Ф., Гершуненко К. А.

При секретарі – Любащенко В. Г. З участю прокурора – Нетименка І. І.

та адвокатів: Огранович С. М., Коваль Я. Т., Ткаченко Г. Г., Юрко А. Ф., Сипович Т. В., Бардякова В. А., Гончарова В. В.

розглянула у закритому засіданні в місті Львові справу про обвинувачення

ЛУК'ЯНЕНКА Лева Григоровича, народження 24 серпня 1927 р., українця, уродженця с. Хрипівка Городнянського району Чернігівської області, із селян, з вищою юридичною освітою, виключеного із членів КПРС в зв'язку з даною справою, одруженого, не судимого, громадянина Союзу РСР, до арешту працював адвокатом юридичної консультації Глинянського району, під вартою з 21 січня 1961 р. в злочинах, передбачених ст.ст. 56 ч. 1 і 64 КК Української РСР;

ВІРУНА Степана Мартиновича, народження 3 січня 1932 р., українця, уродженця с. Стримільче Лопатинського району Львівської області, із селян, з незакінченою вищою освітою, виключеного із членів КПРС в зв'язку з даною справою, одруженого, не судимого, громадянина Союзу РСР, до арешту працював заступником директора Радехівської заготконтори, під вартою з 20 січня 1961 року в злочинах, передбачених ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК УРСР;

КАНДИБИ Івана Олексійовича, народження 7 червня 1930 року, українця, уродженця с. Стульно Влодавського повіту Люблінського воєводства (Польська Народна Республіка), із селян, з вищою юридичною освітою, безпартійного, не одруженого, не судимого, громадянина Союзу РСР, до арешту працював адвокатом юридичної консультації Перемишлянського району, під вартою з 20 січня 1960 р. в злочинах, передбачених ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК УРСР;

ЛУЦКІВА Василя Степановича, народження 6 жовтня 1936 р., українця, уродженця с. Павлів Радехівського району Львівської області, із селян, освіта 9 класів, виключеного із членів КПРС в зв'язку з даною справою, не одруженого, громадянина Союзу РСР, до арешту ніде не працювавшого, під вартою з 20 січня 1961 р. в злочинах, передбачених ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК УРСР;

ЛІБОВИЧА Олександра Семеновича, народження 14 липня 1935 р., українця, уродженця с. Глудно Березівського повіту (Польська Народна Республіка), із селян, з вищою сільськогосподарською освітою, безпартійного, одруженого, не судимого, громадянина Союзу РСР, до арешту працював інженером-землевпорядником Львівського обласного управління сільського господарства, під вартою з 25 січня 1961 р. в злочинах, передбачених ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК УРСР;

КІПИША Івана Захаровича, народження 17 липня 1923 року, українця, уродженця с. Глудно Березівського повіту (Польська Народна Республіка), із селян, освіта 6 класів, безпартійного, одруженого, не судимого, громадянина Союзу РСР, до арешту працював в органах міліції, під вартою з 23 березня 1961 р. в злочинах, передбачених ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК У РСР;

БОРОВНИЦЬКОГО Йосипа Юліановича, народження 3 квітня 1932 року, українця, уродженця м. Сянок (Польська Народна Республіка), з вищою юридичною освітою,

виключеного із кандидатів в члени КПРС в зв'язку з даною справою, одруженого, не судимого, громадянина Союзу РСР, на час арешту ніде не працював і проживав в м. Перемишляни Львівської області, під вартою з 24 березня 1961 року в злочинах, передбачених ст.ст. 19, 56 ч. 1 КК УРСР.

Розглянувши матеріали справи, допитавши в судовому засіданні підсудних та свідків. Судова колегія Львівського обласного суду

встановила:

Підсудний ЛУК'ЯНЕНКО Л. Г., будучи вороже антирадянськи настроєний, з 1957 р. виношував ідею відриву Української РСР від Союзу РСР, підриву авторитету КПРС, зводив наклепи на теорію марксизму-ленінізму.

Знаючи про розгром українських буржуазних націоналістів і зокрема організації українських націоналістів (ОУН) в західних областях Української РСР після Великої Вітчизняної війни і надіючись знайти сприятливе середовище для своєї ворожої діяльності, ЛУК'ЯНЕНКО Л. Г. добився призначення на роботу в Львівську область. Лук'яненко Л. Г. в час роботи в Радехівському районі ввійшов в злочинний зв'язок з підсудним Віруном С. М., так само антирадянськи настроєним, з яким в 1959 р. договорився про створення націоналістичної організації – Української робітничо-селянської спілки (УРСС).

Програму пізніше склав Лук'яненко Л. Г.

Як видно з програми, УРСС своїм завданням ставила:

боротьбу проти радянського державного ладу і суспільного устрою, проти КПРС і Радянського уряду, за відрив Української РСР від Союзу РСР і створення так званої «самостійної» України, в програмі зводився наклеп на КПРС і теорію марксизму-ленінізму, грубо фальсифікувалась історія України, оправдовувалась діяльність бувшого націоналістичного підпілля, в програмі вказувалось на глибоку конспіративність всієї діяльності УРСС.

Підсудні Лук'яненко Л. Г. та Вірун С. М. погодили між собою текст програми УРСС. Лук'яненко на друкарській машинці віддрукував текст програми і разом з Віруном С. М. розгорнув організаційну роботу по розширенню УРСС, втягли в її склад підсудних Кандибу І. О., Луцківа В. С., Лібовича О. С.

Будучи членами УРСС і розділяючи її програму, підсудні Лук'яненко, Вірун, Кандиба, Луцків, Лібович між собою вели розмови на антирадянські теми, підбирали з нестійких людей і бувших членів ОУН осіб для вербовки в УРСС, роз'яснювали програму УРСС і шляхи її реалізації.

З метою розробки форм і методів боротьби проти радянського ладу, активізації ворожої антирадянської націоналістичної діяльності 6 листопада 1960 р. в м. Львові на квартирі підсудного Кандиби було проведено зборище керівних учасників УРСС, в роботі якого взяли участь Лук'яненко Л. Г., Вірун С. М., Кандиба І. О., Луцків В. С.

На зборищі була обговорена програма УРСС, завдання та методи боротьби організації.

В виступах на зборищі Лук'яненко, Вірун, Кандиба, Луцків погодились, що кінцевою метою УРСС є відірвання Української РСР від Союзу РСР, на зборищі робились наклепи на теорію марксизму-ленінізму, на даному етапі учасники зборища особливу увагу приділяли організаційним питанням, розширенню організації і створенню осеред-

ків на підприємствах, установах, районах і областях Української РСР, підсудний Луцків закликав до посилення роботи в армії і збройної боротьби проти радянського ладу.

Друге зборище учасників УРСС було призначене на 22 січня 1961 р., але не відбулося в зв'язку з арештом її керівників.

Таким чином, Лук'яненко Л. Г., Вірун С. М., Кандиба І. О., Луцків В. С., Лібович О. С. зрадили Батьківщину – Союз РСР, створили ворожу націоналістичну організацію УРСС, ставили своєю метою боротьбу проти радянського державного ладу, КПРС і її марксистсько-ленінської теорії, відірвання Української РСР від Союзу РСР і створення так званої «самостійної» України.

Підсудні Кіпиш і Боровницький від членів УРСС (перший – Лібовича, а другий – Кандиби) одержали тексти програми УРСС, заздалегідь знаючи про їх антирадянську суть і таку, що направлена проти радянської держави і КПРС, читали програму і переховували як знаряддя і засоби вчинення злочину, направленого на зраду Батьківщини – Союзу РСР, відірвання Української РСР від Союзу РСР і створення так званої «самостійної» України.

Допитаний по справі на попередньому та судовому слідстві, підсудний Лук'яненко повністю себе визнав винним в пред'явленому обвинуваченні і показав, що він антирадянські націоналістичні погляди виношував з 1957 р., з метою націоналістичної діяльності по закінченні юридичного факультету Московського держуніверситету добився призначення в Львівську область, в час праці в Радехові домовився з підсудним Віруном про створення УРСС, написав та віддрукував ворожу за змістом програму УРСС, залучив до членства в організації підсудних Луцківа, Лібовича, після розмов антирадянського змісту з підсудним Кандибою залучив останнього в УРСС, сам займався та вимагав від інших членів УРСС вербувати в організацію нестійких громадян та бувших членів ОУН, з метою вербовки в УРСС давав програми Лук'яненко В. Т., Лук'яненко О. Г., Хоменко П. С. та іншим, був ініціатором скликання і учасником зборища керівних членів УРСС 6 листопада 1960 року. По результатах зборища написав «нотатки», мав намір організувати 22 січня 1961 р. друге зборище, але був заарештований.

Крім власних показів, вина Лук'яненка Л. Г. стверджується вилученими рукописним та друкованим текстами програми УРСС та вилученим рукописним текстом «нотаток» та переписки організаційного змісту з підсудними. Як видно з висновку графічної експертизи, вищевказані тексти написані власноручно підсудним Лук'яненком Л. Г.

Підсудні Луцків, Лібович ствердили, що вони були втягнуті в УРСС, одержували доручення по організаційних питаннях від підсудного Лук'яненка, при цьому підсудний Лібович ствердив, що Лук'яненко Л. Г. йому неодноразово погрожував смертю на випадок видачі організації.

Підсудні Вірун і Кандиба ствердили, що вони стали членами УРСС завдяки знайомству з Лук'яненком Л. Г.

Свідок Лук'яненко Н. Н. ствердила, що текст програми УРСС на друкарській машинці друкувала вона та її чоловік – підсудний по справі Лук'яненко Л. Г.

Свідки Лук'яненко В. Т. та Лук'яненко О. Г., Хоменко П. С. ствердили, що програму УРСС вони одержували від підсудного Лук'яненка Л. Г.

Свідок Кожем'яченко Б. С. ствердив, що підсудний Лук'яненко Л. Г. вів з ним переписку націоналістичного змісту і за дорученням останнього свідок Лук'яненко В. Т. давав йому для ознайомлення текст програми УРСС.

Підсудні Вірун, Кандиба, Луцків ствердили, що підсудний Лук'яненко Л. Г. був керівником УРСС, організатором і учасником зборища 6 листопада 1960 року, де обговорювалась програма УРСС, методи і тактика її діяльності.

Як видно з показів підсудних Лук'яненка, Віруна, Кандиби, Луцківа, тексту програми УРСС та «нотаток», підсудний Лук'яненко та інші члени УРСС ставили своєю метою боротьбу проти радянського державного та суспільного ладу, боротьбу проти КПРС і марксистсько-ленінської теорії, за відірвання Української РСР від Союзу РСР і створення так званої «самостійної» України та інші ворожі антирадянські дії.

При цих обставинах Судова колегія вважає вину підсудного Лук'яненка Л. Г. в скоєнні злочинів, передбачених ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК УРСР, повністю доведеною.

Допитаний по справі на попередньому та судовому слідстві підсудний Вірун С. М. повністю визнав себе винним в пред'явлених злочинах і показав, що на грунті антирадянських настроїв зблизився з підсудним Лук'яненком Л. Г., прийняв пропозицію останнього про створення УРСС для боротьби проти радянського державного і суспільного ладу, за вихід Української РСР з складу Союзу РСР і створення так званої «самостійної» України, одобрив програму УРСС, складену підсудним Лук'яненком, знайомив з програмою свідків Ващука та Серватинського, останньому пропонував вступити в УРСС, неодноразово обговорював з Лук'яненком Л. Г. питання роботи і тактики УРСС, був учасником зборища керівних членів УРСС 6 листопада 1960 р.

Крім власних зізнань, вина підсудного Віруна стверджується показами Лук'яненка про активну участь Віруна в створенні та діяльності УРСС, свідки Ващук і Серватинський ствердили, що Вірун давав їм програму УРСС та вів розмови антирадянського змісту, другому з них пропонувалось вступити в організацію.

Свідок Ващук ствердив, що Вірун обманним шляхом запросив його на зборище 6 листопада 1960 р., де обговорювалась програма УРСС, організація і тактика її діяльності.

При цих доказах кваліфікація злочину, вчиненого Віруном С. М. по ст.ст. 56 ч.1, 64 КК Української РСР, є вірна.

Підсудний Кандиба, допитаний на попередньому та судовому слідстві, визнав себе винним в пред'явленому обвинуваченні і показав, що весною 1960 р. в м. Глиняни на ґрунті націоналістичних антирадянських розмов зблизився з підсудним Лук'яненком, одержав від нього програму УРСС, одобрив її і став членом УРСС. З цього часу разом з Лук'яненком приймав участь в роботі УРСС, проводив роботу по вербовці нових членів організації і з цією метою давав текст програми підсудному Боровницькому, свідку Красовському, Козаку, з цією метою завів переписку з Ярошенко та іншими особами, для організації зборища 6 листопада 1960 р. надав свою квартиру в м. Львові.

Крім власних зізнань, вина підсудного Кандиби стверджується показами Лук'яненка Л. Г. про активну участь Кандиби в діяльності УРСС, підсудний Боровницький, свідок Красовський ствердили, що Кандиба давав їм програму УРСС, свідок Ярмоленко ствердив, що Кандиба давав йому програму УРСС та вів антирадянські розмови про створення так званої «самостійної» України.

Підсудні Вірун, Луцків, Лук'яненко ствердили, що на зборищі 6 листопада 1960 р. Кандиба виступав з наклепом на КПРС і марксистсько-ленінську теорію, вимагав активізації роботи і скорішого здійснення мети УРСС.

При цих обставинах вина Кандиби І.О. в скоєнні злочинів, передбачених ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК Української РСР, повністю доведена.

Допитаний по справі на попередньому та судовому слідстві підсудний Луцків В. С. винним в пред'явлених злочинах визнав і показав, що на ґрунті антирадянських розмов в 1958 р. зблизився з підсудним Лук'яненком, а після створення організації по пропозиції останнього в 1959 р. вступив в УРСС, виконував різні доручення Лук'яненка, давав програму та вів вербовку про вступ в УРСС з Пенцаком, Чорномаз, вів розмову з Стельмащуком про організацію друкування друкарським способом програми УРСС, був учасником зборища 6 листопада 1960 р. і закликав до збройної боротьби.

Крім власних зізнань, вина Луцківа стверджується показами підсудного Лук'яненка про активну участь Луцківа в діяльності УРСС, свідки Пенцак і Чорномаз ствердили, що підсудний Луцків показував їм програму УРСС, свідок по справі студент поліграфічного інституту Стельмащук ствердив, що Луцків просив організувати друкування брошур і листівок. Як видно з «нотаток» підсудного Лук'яненка (т. 7 а. с. 79–90) Луцків на зборищі 6 листопада 1960 р. закликав до збройної боротьби проти радянської влади.

При цих обставинах вина підсудного Луцківа В. С. в злочинах, передбачених ст.ст. 56 ч.1, 64 КК Української РСР, вважається повністю доведеною.

Підсудний Лібович О. С., допитаний на попередньому та судовому слідстві, визнав свою вину в пред'явленому обвинуваченні і показав, що в 1959 р. на ґрунті антирадянських розмов зблизився з підсудним Лук'яненком, а згодом за пропозицією останнього вступив в УРСС, переписував програму з метою її розмноження, виконував завдання по вербовці нових членів організації, обробляв в антирадянському дусі Колтуна, давав програму і вів роботу по вербовці Кіпиша, виконував інші доручення Лук'яненка.

Крім власних зізнань, вина підсудного Лібовича стверджується показами Лук'яненка Л. Г. про активну участь у роботі УРСС Лібовича, свідок Колтун ствердив, що його Лібович обробляв в антирадянському націоналістичному дусі, познайомив з Лук'яненком. Підсудний Кіпиш ствердив, що Лібович дав йому програму УРСС і намагався завербувати в організацію.

Як одного з керівників УРСС Лук'яненко інформував Лібовича про роботу зборища 6 листопада 1960 р. та через Кандибу запрошував Лібовича на зборище, яке мало відбутися 22 січня 1961 р.

Тому Судова колегія вважає вину підсудного Лібовича О.С. в злочинах, передбачених ст.ст. 56 ч.1, 64 КК УРСР, повністю доведеною.

Підсудний Кіпиш І. З., допитаний на попередньому та судовому слідстві, визнав, що, будучи громадянином Польщі, в 1939 р. вступив в ОУН, після початку Великої Вітчизняної війни з червня по серпень 1941 року був у складі похідної групи ОУН, яка мала своїм завданням на окупованій території організувати сільуправи з націоналістично настроєних осіб, в с. Лиховка Дніпропетровської області перед селянами виступав з промовою про новий порядок організації сільського господарства, коли зрозумів, що ОУН діє в союзі з німецько-фашистськими властями, в серпні 1941 р. втік з похідної групи, в 1945 р. переселився в Союз РСР і прийняв радянське громадянство.

Підсудний Кіпиш ствердив, що одержав від Лібовича програму УРСС, знав про її направленість проти радянського державного ладу, читав і зберігав програму, згоди вступити в організацію не давав.

З огляду на те, що Кіпиш вступив в ОУН в 1939 р., коли йому було 16 років, не будучи громадянином Союзу РСР, на протязі червня–серпня місяців 1941 р., по суті, був посібником німецьких окупантів, відмовився від участі в ОУН і співробітництва

з німецькими окупаційними властями ще в серпні місяці 1941 р., до 1945 р. громадянином Союзу РСР не був, тому Судова колегія вважає, що він по цьому епізоду обвинувачення не може нести відповідальність як за зраду Батьківщини Союзу РСР і цей епізод підлягає виключенню з обвинувачення Кіпиша відповідно до ст. 48 КК УРСР.

Як видно з протоколу обшуку (т. 5 а. с. 184–188), у квартирі Кіпиша вилучено програму УРСС. Підсудний Лібович ствердив, що він вів з Кіпишем розмови антирадянського змісту, розказував Кіпишу про антирадянську направленість програми УРСС і дав таку для вивчення, Кіпиш знав про конспіративність УРСС, обіцяв допомагати організації, але вступити в члени відмовився, програму зберігав біля року до її вилучення слідчими органами.

Поскільки підсудний Кіпиш І. З. знав, що програма УРСС є знаряддям вчинення такого злочину, як зрада Батьківщині, заздалегідь обіцяв вивчити та переховувати її, Судова колегія вважає можливим кваліфікувати злочин Кіпиша по цьому епізоду по ст. 19, 56 ч. 1 КК УРСР.

Підсудний Боровницький Й. Ю., допитаний в судовому засіданні, винним себе в пред'явленому злочині не визнав і показав, що програму УРСС одержав від Кандиби, читав її, а коли зрозумів антирадянську направленість програми, то її знищив.

Допитаний по справі підсудний Кандиба ствердив, що коли він з розмов на антирадянські теми впевнився, що Боровницький розділяє його погляди, розказав останньому про антирадянську направленість програми, дав програму для вивчення і попередив про повну конспірацію.

Поскільки підсудний Боровницький знав про антирадянську направленість програми УРСС, будучи попереджений Кандибою про конспіративність, зберігав і вивчав програму сам, давав її для читання дружині – свідку Боровницькій Р. С., то Судова колегія вважає його злочин доведеним і кваліфікованим по ст.ст. 19, 56 ч.1 КК Української РСР вірно.

При обранні мір покарання Судова колегія враховує, що підсудний Лук'яненко на час організації УРСС був штатним пропагандистом Радехівського РК КП України, його керівну і організуючу роль в УРСС, виключний цинізм, з яким він вів боротьбу проти радянської влади і КПРС.

При обранні мір покарання ВІРУНУ, КАНДИБІ, ЛУЦКІВУ, ЛІБОВИЧУ, КІПИШУ, БОРОВНИЦЬКОМУ Судова колегія враховує особливість підсудних, ступінь їх вини і небезпечність скоєних злочинів.

Керуючись ст.ст. 324, 334–335 КПК Української РСР, Судова колегія Львівського обласного суду

п р и г о в о р и л а :

ЛУК'ЯНЕНКА Лева Григоровича на підставі ст. 56 ч. 1 КК УРСР до смертної кари – розстрілу, з конфіскацією належного йому майна, на підставі ст. 64 КК УРСР до 15 років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях, а по сукупності вчинених злочинів на підставі ст. 56 ч. 1 КК УРСР вважати засудженим до смертної кари – розстрілу з конфіскацією належного йому майна.

КАНДИБУ Івана Олексійовича на підставі ст. 56 ч. 1 КК УРСР на 15 років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях, з конфіскацією належного йому майна, на підставі ст. 64 КК УРСР до 12 років позбавлення волі в виправно-трудових коло-

ніях, а по сукупності вчинених злочинів на підставі ст. 56 ч. 1 КК УРСР вважати засудженим до 15 (п'ятнадцяти) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях з конфіскацією належного йому майна.

ВІРУНА Степана Мартиновича на підставі ст. 56 ч. 1 КК УРСР на 11 (одинадцять) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях, з конфіскацією належного йому майна, на підставі ст. 64 КК УРСР на 10 (десять) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях, а по сукупності вчинених злочинів на підставі ст. 56 ч. 1 КК УРСР вважати засудженим до 11 (одинадцяти) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях з конфіскацією належного йому майна.

ЛУЦКІВА Василя Степановича на підставі ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК УРСР по кожній з них зокрема на 10 (десять) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях з конфіскацією належного йому майна, а по сукупності вчинених злочинів на підставі ст. 56 ч. 1 КК УРСР вважати засудженим до 10 (десяти) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях з конфіскацією належного йому майна.

ЛІБОВИЧА Олександра Семеновича на підставі ст.ст. 56 ч. 1, 64 КК УРСР по кожній з них зокрема на 10 (десять) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях з конфіскацією належного йому майна, а по сукупності вчинених злочинів на підставі ст. 56 ч. 1 КК УРСР вважати засудженим до 10 (десяти) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях з конфіскацією належного йому майна.

КІПИША Івана Захаровича та БОРОВНИЦЬКОГО Йосипа Юліановича на підставі ст.ст 19, 56 ч. 1 КК УРСР кожного на 10 (десять) років позбавлення волі в виправно-трудових колоніях з конфіскацією належного їм майна.

Термін відбуття міри покарання рахувати ВІРУНУ С. М., КАНДИБІ І. О., ЛУЦКІВУ В. С. з 20 січня 1961 р., ЛІБОВИЧУ О. С. з 25 січня 1961 р., КІПИШУ І. З. з 23 березня 1961 р., БОРОВНИЦЬКОМУ з 24 березня 1961 р.

Стягнути з майна засудженого ЛУК'ЯНЕНКА Л. Г. та з засуджених ВІРУНА С. М., КАНДИБИ І. О., ЛУЦКІВА В. С, КІПИША І. З., БОРОВНИЦЬКОГО Й. Ю. по 50 (п'ятдесят) крб. судових витрат в дохід держави.

Міру запобіжного заходу відносно всіх засуджених залишити попередню – тримання під вартою.

Вирок може бути оскаржений до Верховного суду Української РСР в 7-денний термін з дня вручення копії даного вироку.

Головуючий – Рудик С. І.
Нар. засід. – Любарець і Гершуненко

З оригіналом згідно:

Голова Львівського облсуду (С.Рудик)

Опубл.: Лук'яненко Левко. Вірую в Бога і в Україну. – Київ: МП «Пам'ятки України», 1991. – С. 32–42.

№ 200

1966. – Березня 23. – Вирок Львівського обласного суду у справі Михайла Масютка

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

1966 року, березня 23 дня, судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду в складі:

Головуючого Назарука К. П.

Народних засідателів Попадіна М. П., Галя І. М.

при секретареві Юрко А. О.

З участю прокурора Садовського І. М.

та адвоката Сергієнка О. П.

розглянула у закритому судовому засіданні в місті Львові справу про обвинувачення Масютка Михайла Савовича, 18-го листопада 1918 року народження, уродженця села Чаплинки Чаплинського району Херсонської області, мешканця міста Львова до серпня місяця 1965 року, а після цього дня до арешту мешканця Феодосії Кримської області, де і працювавшого на Феодосійській фабриці іграшок художником, українця, громадянина СРСР, безпартійного, з вищою освітою, виходця з родини релігійного культу (батько псаломщик), знятого з військового обліку, не судимого, одруженого, у злочинах, передбачених статтями 62-ю, частина перша та 64-ю Кримінального кодексу УРСР.

Матеріалами попереднього і судового слідства

у с т а н о в и л а :

Підсудний Масютко Михайло Савович, будучи незадоволений існуючим радянським ладом на протязі 1949–1964 років систематично займався написанням на різні теми статей антирадянського змісту під назвами: «Кістки не мовчать», «Білокіньлюдоїд», «Судити не можна», «Сила золота», «Страшно», «Мирний допит», «Гумова рукавичка», «Химера» та інші, чого не заперечується особисто і це стверджується речовими доказами, які вилучено у його квартирі 4 вересня 1965 року та долучено до кримінальної справи (том 1-й а, сторінки 206–212, 334, 347, том 2-й а, сторінка 286, том 4-й а, сторінка 252).

У 1964-му – 1965-му роках Масютко М. С. особисто написав статтю антирадянського змісту під назвою «Сучасний імперіялізм», а також статтю під назвою «Мета статті не та», а також з участю інших осіб, його однодумців, написав статті антирадянського змісту під назвами: «12 запитань для тих, хто вивчає суспільствознавство», «Класова та національна боротьба на сучасному етапі розвитку людства», «Стан і завдання українського визвольного руху», «Про сучасне і майбутнє України», «Українська освіта в шовіністичному зашморзі», «Відповідь матері Василя Симоненка, Щербань Ганні Федорівні», «З приводу процесу над Погружальським».

Масютко М. С. свою причетність до вище іменованих статей антирадянського змісту в судовому засіданні заперечував, але його вина у скоєному ним злочині в повній мірі доведена в судовому засіданні висновками філологічної експертизи, показами свідка Гориня Богдана, ствердившого про те, що в березні місяці 1965 року Масютко М. С. передав йому статтю під назвою «Сучасний імперіялізм», яку він передав

своєму брату Гориню Михайлу Миколайовичу, а через деякий час передав від брата Масюткові М. С. з приводу згаданої статті його зауваження. Горинь Богдан ствердив і про те, що він одержав від Масютка М. С. написану ним статтю під назвою «Мета статті не та», частково визнавшими свідченнями Гориня Михайла Миколайовича та речовими доказами (т. 1-а, с. 11–25, т. 4-а, с. 132–138).

Масютко М. С., маючи у своєму власному користуванні друкарську машинку «Ундервуд» № 102963, він у 1965 році на згаданій друкарській машинці друкував по декілька екземплярів антирадянські націоналістичного змісту документи, з яких у березні–травні 1965 року передав з метою їх розповсюдження Гориню Богдану Миколайовичу по декілька екземплярів: «Відповідь матері Василя Симоненка Щербань Г. Ф.».

«Українська освіта в шовіністичному зашморзі», «Сучасний імперіялізм», «З приводу процесу над Погружальським», «Повстаньте гнані і голодні», «Виступ Дуайта Ейзенгауера у Вашингтоні на відкритті пам'ятника Т. Г. Шевченка».

Масютко М. С. в цій частині скоєного ним злочину винним себе не визнав, але його вина у повній мірі доведена показами свідка Гориня Б. М., ствердившого в судовому процесі обставини одержання ним у 1965 році від Масютка М. С. вищезгаданих антирадянських за своїм змістом документів, які він передав своєму брату Гориню М. М., а також висновками кримінальної експертизи, ствердивши факт надрукування документів на друкарській машинці «Ундервуд»–102963, яку вилучено на квартирі Масютка (т. 3, с. 23, 92–94, 128–138).

Розповсюдження Масютком М. С. серед інших осіб документів, надрукованих на його друкарській машинці стверджується показами свідка Гориня Б. М., ствердившого в судовому засіданні той факт, що він у 1965 році одержав від Масютка М. С. документи антирадянського змісту, передав їх не лише Гориню Михайлу, а й Морозу Валентину, який мешкає у місті Луцьку. Показами свідка Гориня М. М. стверджується той факт, що у 1965 році він, Горинь Михайло, передав окремі документи антирадянського змісту Косіву М. В., Зваричевській М. В., Менкуш М., Гелю І. О., Озерному М. Д., у яких органи попереднього слідства їх вилучили, а правдивість показів останнього стверджується не лише показами Гориня Б. М., а й речовими доказами (т. 2-а, с. 146–148, 152–154, 162–166).

Спільність антирадянської діяльності Масютка М. С., Гориня М. М., Гориня Б. М. стверджується не лише показами в судовому засіданні останніх, а й речовими доказами, вилученими у Гориня М. М. (т. 2-а, с.169–274, 3–7).

Ті ж обставини стверджуються і тим, що весною 1965 року Масютко М. С. одержував від Гориня Б. М. фотоплівку з текстом антирадянського змісту передмови до книги Кошелівця «Панорама найновішої літератури в УРСР», виданої в Мюнхені націоналістичним видавництвом «Пролог», з якої зробив дві фотокопії, які у нього були вилучені під час обшуку, про що не заперечує Масютко М. С., а також про це в судовому засіданні ствердив свідок Горинь Б. М., а також про це стверджується і речовими доказами (т. 4а, с. 99–130).

Виходячи з того, що Масютко М. С., Горинь Б. М., Горинь М. М. на протязі тривалого часу спільно діяли по виготовленню і розповсюдженню серед інших осіб, які мешкали не лише у Львові, а й в інших областях, документів антирадянського змісту, спрямованих на дискредитацію радянської дійсності, а також при повній доведеності вини Масютка М. С., в інкримінованих йому злочинах, судова колегія вважає,

що Масютко М. С. скоїв державні злочини, які повністю підлягають кваліфікації за ознаками ст.ст. 62 ч. 1, КК УРСР. Керуючись ст. 323, 324 КПК УРСР, судова колегія приговорила:

Масютка Михайла Савовича визнати винним по ст. 62 ч. 1 і 64 КК УРСР і за санкцією ст. 62 ч. 1 КК УРСР підвергнути його позбавленню волі строком на 6 років, з яких визначити відбуття три роки в тюрмі і три роки у виправно-трудовій колонії суворого режиму, без заслання.

Строк відбуття покарання засудженому Масютку М. С. числити з зарахуванням попереднього його ув'язнення з 4 вересня 1965 року.

Міру запобіжного заходу до набуття вироку законної чинности Масютковi М. С. залишити попередній – під вартою.

На підставі ст. 93 КПК УРСР стягнути з засудженого Масютка М. С. судові витрати на користь держави 1483 карбованці 50 копійок.

Речові докази, друкарську машинку «Ундервуд» № 102963, як знаряддя злочину конфіскувати в прибуток держави, зошити та документи антирадянського змісту, які долучені до справи, залишити при справі (т. 2а, с. 286, т. 4а, с. 1–130, 255).

Вирок може бути оскаржений в касаційному порядку протягом семи діб з дня вручення його копії підсудному до Верховного Суду УРСР.

Опубл.: Масютко Михайло. В полоні зла. – С. 503–506.

№ 201

1966. – Березня 25. – Вирок Львівського обласного суду у справі Івана Геля і Ярослави Менкуш

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

1966 року березня 24–25 дня Судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду, в складі:

Головуючого – Романця,

народних засідателів – Шевчук П. С., Мальчицького Я. Ю.,

при секретарі – Юрко,

з участю прокурора Старікова

та адвокатів Сергієнка і Малік

розглянула у закритому судовому засіданні в місті Львові справу про обвинувачення ГЕЛЬ Івана Андрійовича, 18 липня 1937 року народження, уродженця села Кліцко Городоцького району Львівської області, проживаючого до арешту в місті Львові, походження із селян, українця, безпартійного, громадянина СРСР, з незакінченою вищою освітою, неодруженого, несудженого, до арешту працювавшого слюсарем Львівського електровакуумного заводу, по ст. 64 та 62 ч. 1 КК УРСР.

МЕНКУШ Ярослави Михайлівни, 16 лютого 1923 року народження, уроженки міста Пустомити Львівської області, проживаючої у місті Львові, українки, громадянки СРСР, позапартійної, з середньою спеціальною освітою, до арешту працювавшої конструктором-модельєром Львівського проектно-конструкторського інституту легкої промисловості по ст. 62 ч. 1 КК УРСР.

Вислухавши підсудних, покази свідків, судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду

в с т а н о в и л а :

Підсудний Гель Іван, проживаючи і працюючи в місті Львові – слюсарем електровакуумного заводу, вступив в злочинний зв'язок з обвинуваченим по іншій справі Горинем Михайлом і в змові з ним, протягом 1964–1965 років, з метою підриву Радянської влади, займався організаційною діяльністю, направленою на проведення антирадянської агітації шляхом розмноження і розповсюдження антирадянських націоналістичних документів з наклепницькими вигадками, порочащими радянський державний і суспільний лад.

З цією метою підсудний домовився з Горинем Михайлом про необхідність придбання друкарської машинки і весною 1964 року вони на спільні кошти придбали портативну друкарську машинку системи «Москва» Н 138595, а літом 1965 року притягнув для проведення злочинної діяльності підсудну Менкуш Ярославу для друкування на ній антирадянських документів. З цією метою разом з друкарською машинкою передав підсудній Менкуш статті антирадянського змісту: «Сучасний імперіялізм» і «Зауваження» на цей документ, отримані від Гориня Михайла.

Протягом 1964–1965 років підсудний Гель одержав від Гориня Михайла антирадянські націоналістичного змісту книжки: «Вивід прав України», «Україна і українська політика Москви», «Дві українські енциклопедії», видані українськими націоналістичними центрами за кордоном, а також антирадянські націоналістичні документи «Стан і завдання українського визвольного руху», який перефотографував в трьох примірниках, «Відповідь матері Василя Симоненка – Щербань Г. Ф.», «12 запитань для тих, хто вивчає суспільствознавство». Останній документ, літом 1965 року, передав Менкуш Ярославі, а фотокопію книги «Дві українські енциклопедії» (Книжку «Дві українські енциклопедії» опублікувало видавництво «Пролог» у 1961 році, її авторами є Володимир Кубійович і Василь Маркусь. – *Ред.*) тоді ж передав для ознайомлення Наконечному Євгену.

Крім того, підсудний Гель зберігав антирадянський націоналістичний документ «Стан і завдання українського визвольного руху» у виді фотокопії, а також машинописний антирадянський документ «Відповідь матері Василя Симоненка – Щербань Г. Ф.», які вилучені в час обшуку.

Допитаний в судовому засіданні Гель Іван винним себе визнав повністю.

Крім визнання своєї вини, вина його у вчиненому злочині доведена:

– показами підсудної Менкуш Ярослави, яка пояснила, що в 1965 році встановила злочинний зв'язок з підсудним Гель і по його дорученні розмножувала антирадянські націоналістичні документи, одержавши з цією метою друкарську машинку і три антирадянські документи: «Сучасний імперіялізм», «Зауваження» та «12 запитань для тих, хто вивчає суспільствознавство»;

– показами свідка Гориня Михайла, який показав, що в 1964–1965 роках разом з підсудним розмножував і розповсюджував антирадянські націоналістичні документи;

– показами свідка Зваричевської Мирослави, яка підтвердила, що знайомила підсудного з антирадянським документом «З приводу процесу над Погружальським»;

– показами свідка Наконечного Євгена, який показав, що брав у Гель Івана фотокопію книжки «Дві українські енциклопедії»;

– висновком криміналістичної експертизи, згідно якої слід папілярного візерунку на першому листі фотокопії антирадянського документа «Стан і завдання українського визвольного руху» залишений великим пальцем лівої руки підсудного Гель Івана (а. с. 128–130, т. 3);

– речовими доказами, вилученими при обшуку на квартирі: фотокопією антирадянського документа «Стан і завдання українського визвольного руху» та машинописного тексту «Відповідь матері Василя Симоненка – Щербань Г. Ф.».

При таких обставинах суд вважає, що злочин підсудного Гель Івана доведений, а кваліфікація його по статті 6 та 62 ч. І КК УРСР є вірною.

Підсудна Менкуш Ярослава літом 1965 року вступила в злочинну змову з підсудним Гель Іваном і разом з ним з метою підриву Радянської влади до дня арешту займалася проведенням антирадянської агітації шляхом розмноження і розповсюдження націоналістичних документів, які містять наклепницькі вигадки, що порочать радянський і суспільний лад.

В серпні 1965 року в своїй квартирі в місті Львові отримала від підсудного Гель друкарську машинку «Москва» Н 138595, а також антирадянські документи «Сучасний імперіялізм» та «Зауваження» з метою їх розмноження, які надрукувала лише частково в зв'язку з арештом. Тоді ж отримала від підсудного Гель документи антирадянського змісту «12 запитань для тих, хто вивчає суспільствознавство», з якого передрукувала одну сторінку і передала для ознайомлення Яремко Яніні.

З цим же документом в її квартирі ознайомився Боднар Роман.

До дня арешту зберігала в себе на квартирі названі антирадянські документи, а також друкарську машинку.

Допитана в судовому засіданні підсудна Менкуш в пред'явленому обвинуваченні визнала себе повністю.

Крім того, вина її у вчиненому злочині підтверджена:

– показами підсудного Гель, який підтвердив, що притягнув Менкуш до розмноження антирадянських документів, забезпечивши її для цієї мети друкарською машинкою, папером, копіркою та вручив їй антирадянський документ «Сучасний імперіялізм» та «Зауваження», «12 запитань для тих, хто вивчає суспільствознавство»;

– показами свідка Боднар Романа, який читав цей документ в квартирі Менкуш;

– висновками криміналістичної експертизи, згідно яких вилучені в квартирі Менкуш 4 сторінки машинописного тексту «Сучасний імперіялізм», «Зауваження» і одна сторінка машинописного тексту «12 запитань для тих, хто вивчає суспільствознавство», надруковані на друкарській машинці Н 138595 марки «Москва», вилучені у Менкуш.

Крім того, вилучено у підсудної 1023 листи паперу і 250 листів копірки.

При таких обставинах колегія вважає, що злочин, вчинений Менкуш, доведений і по ч. 1 ст. 62 КК УРСР кваліфіковано вірно.

При обранні міри покарання колегія враховує як тяжкість вчиненого злочину, так і чистосердечне визнання підсудними своєї вини та розкаяння, що являється пом'якшуючою обставиною.

На підставі викладеного і керуючись ст.ст. 323, 324 КПК УРСР, Судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду – приговорила:

ГЕЛЬ Івана Андрійовича на підставі ст.ст. 64 і 62 ч. 1 КК УРСР та санкції ст. 62 ч. 1 КК УРСР до трьох років позбавлення волі у виправно-трудовій колонії суворого режиму, без заслання.

МЕНКУШ Ярославу Михайлівну на підставі ст. 62 ч. 1 КК УРСР до 2 (двох) років – і шість місяців позбавлення волі у виправно-трудовій колонії суворого режиму, без заслання.

Строк відбуття покарання засудженому Гель І. А. рахувати з 24 серпня 1965 року, а засудженій Менкуш Я. М. з 25 серпня 1965 року.

Міру запобіжного заходу до вступлення вироку в законну силу відносно обох засуджених залишити попередню – тримання під вартою.

На підставі ст. 93 КПК УРСР стягнути з засуджених по 55 крб. 95 коп. судових витрат в дохід держави.

Речові докази: друкарська машинка «Москва» Н 138595, папір та копірку конфіскувати.

Вирок може бути оскаржений до Верховного Суду УРСР протягом 7 діб з дня вручення копії засудження.

Головуючий – Романець
Народні засідателі – Шевчук, Мальчицький

З оригіналом згідно:
Заст. голови Львівського облсуду (В. Романець)

Опубл.: Українська інтелігенція під судом КГБ: Матеріяли з процесів В. Чорновола, М. Масютка, М. Озерного та ін. // Сучасність. – 1970. – С. 163–168.

№ 202
1966. – Липня 8. – Документи суду над В. Чорноволом

ОБВИНУВАЛЬНИЙ ВИСНОВОК

По кримінальній справі № 119 по обвинуваченню Чорновола В'ячеслава Максимовича у вчиненні злочину, передбаченого ст. 179 КК УРСР.

Судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду своєю ухвалою 18 квітня 1966 року порушила кримінальну справу по ст. 179 КК УРСР проти Чорновола В'ячеслава Максимовича.

У процесі слідства по справі встановлено:

Управлінням КДБ при Раді Міністрів УРСР по Львівській області з серпня 1965 року по лютий 1966 року розслідувалася справа по обвинуваченню Гориня М. М., Осадчого М. Г. та інших у вчиненні злочину, передбаченого ст. 62 ч. 1 КК УРСР.

Обвинувачений Осадчий М. Г. на попередньому слідстві ствердив, що документи антирадянського змісту «З приводу процесу над Погружальським» та «Промова Д. Ейзенхауера на відкритті пам'ятника Т. Г. Шевченку у Вашингтоні» він отримав навесні 1965 р. від Чорновола В'ячеслава Максимовича. Тоді ж на слідстві допитаний як свідок Чорновіл В. М. частково ствердив покази обвинуваченого Осадчого М. Г. (а. с. 21, 25–28).

Під час розгляду судовою колегією в кримінальних справах Львівського обласного суду справи по обвинуваченню Гориня М. М. та інших 15 квітня 1966 року в судове засідання був викликаний для допиту як свідок Чорновіл В. М. Будучи попередженим у судовому засіданні про кримінальну відповідальність за дачу завідомо неправдивих показань по ст. 178 ч. II КК УРСР та відмову від дачі показань по ст. 179 КК УРСР, свідок Чорновіл В. М. без поважних причин відмовився давати суду покази по суті справи (а. с. 4–20). Незважаючи на повторне роз'яснення Чорноволу В. М. обов'язків давати правдиві покази суду про відомі йому обставини по справі та застереження, що на випадок відмови від дачі показань він буде притягнутий до кримінальної відповідальності по ст. 179 КК УРСР, Чорновіл В. М. категорично відмовився давати покази суду по суті справи (а. с. 4–20).

У пред'явленому обвинуваченні по ст. 179 КК УРСР обвинувачений Чорновіл В. М. винним себе не визнав і показав, що в судовому засіданні 15 квітня 1966 року він відмовився давати покази суду по суті справи тільки тому, що суд розглядав справу по обвинуваченню Гориня М. М. та інших по ст. 62 ч. 1 КК УРСР в закритому судовому засіданні (а. с. 32–37).

У вчиненому злочині обвинувачений Чорновіл В. М. достатньо викривається показами свідків: Мигалева М. С. (а. с. 4–7), Гориня М. М. (а. с. 8–11), Осадчого М. Г. (а. с. 12–15), Іванова О. М. (а. с 16–19), а також документами (а. с. 20).

На підставі зібраних по справі доказів обвинувачується:

Чорновіл В'ячеслав Максимович, народжений 1 січня 1938 року в селі Єрки Звенигородського району Черкаської області, українець, громадянин СРСР, безпартійний, з вищою освітою, сімейний, працюючий тимчасово в Карпатській геологічній експедиції АН УРСР, проживаючий у м. Києві, Вишгород, «Берізки», 1/17, у тому, що:

15 квітня 1966 року, будучи викликаним як свідок у судове засідання судової колегії в кримінальних справах Львівського обласного суду по справі по обвинуваченню Гориня М. М. та інших по ст. 62 ч. 1 КК УРСР та попередженим про кримінальну відповідальність за дачу завідомо неправдивих показань по ст. 178 ч. II КК УРСР та відмову від дачі показань в судовому засіданні по ст. 179 КК УРСР, відмовився від дачі показань по суті справи, тобто у вчиненні злочину, передбаченого ст. 179 КК УРСР.

Обвинувальний висновок складений 18 червня 1966 року в місті Львові.

Згідно до ст. 225 КПК УРСР, дану справу направити прокурору Львівської області.

Старший слідчий УКДБ при Раді Міністрів УРСР по Львівській області
Капітан (Клименко)

Згідні:
Начальник слідчого відділу УКДБ Львівської обл.
Підполковник (Сергадєєв)

Начальник Управління КДБ при Раді Міністрів УРСР по Львівській області
Полковник (Полудень)

«___» червня 1966 року

СПИСОК

осіб, які підлягають виклику в судове засідання:

1. Обвинувачений Чорновіл В'ячеслав Максимович – м. Львів, вулиця Спокійна, № 13.

Свідки:

1. Мигалев Микола Степанович – м. Львів, вул. Дзержинського, 38/37.
2. Іванов Олег Миколайович – м. Львів, вул. Толбухина, 4/2.
3. Горинь Богдан Миколайович – тримається під арештом у слідчому ізоляторі УКДБ Львів[ської] обл.
4. Осадчий Михайло Григорович – тримається під арештом у слідчому ізоляторі УКДБ Львів. обл.

Старший слідчий УКДБ при Раді Міністрів УРСР по Львівській області
Капітан (Клименко)

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

8 липня 1966 р. народний суд Ленінського р-ну м. Львова в складі:

головуючого – народного судді	Якібчука,
народних засідателів	Новічкової, Смолякової,
при секретарі	Рахічейдлер,

розглянувши у відкритому судовому засіданні в місті Львові справу про обвинувачення Чорновола В'ячеслава Максимовича, 1 січня 1938 р. народження, уродженця села Єрки Звенигородського р-ну Черкаської області, мешканця м. Києва, Вишгород, «Берізки», № 1/17, українця, б/п, освіта вища, одруженого, походження із службовців, по соц. стану службовець, працює в Карпатській геологічній експедиції, раніше не судимого, громадянина СРСР, обвинувачується по ст. 179 КК УРСР, суд

у с т а н о в и в :

підсудний Чорновіл В'ячеслав Максимович 15 квітня 1966 р. був викликаний у судове засідання судової колегії по кримінальних справах Львівського обласного суду, по кримінальній справі про обвинувачення Гориня М. М., Осадчого М. Г. та інших, які обвинувачувалися по ст. 62 ч. 1 КК УРСР.

У судовому засіданні головуючим по справі підсудному Чорноволу було роз'яснено, по якій справі він викликаний, та було його попереджено по ст. 178 ч. 11 КК УРСР за дачу завідомо неправдивих свідчень та по ст. 179 КК УРСР за відмову давати покази суду, але підсудний Чорновіл категорично відмовився давати суду показання по справі Гориня, Осадчого та інших, унаслідок чого ухвалою судової колегії Львівського облсуду від 18 квітня 1966 р. проти нього була порушена кримінальна справа за ст. 179 КК УРСР.

Підсудний Чорновіл в судовому засіданні визнав ту обставину, що він дійсно відмовився давати покази на засіданні судової колегії в кримінальних справах Львівського облсуду тому, що він уважає, що облсуд неправильно слухав справу в закритому судовому засіданні.

Крім цього, вина підсудного Чорновола повністю стверджується слідуючими доказами:

а) Показами свідків Мигалева й Іванова, допитаних у судовому засіданні.
б) Показами свідків Гориня й Осадчого, допитаних на попередньому слідстві (а. с. № 8, 12).

А тому, керуючись ст.ст. 323–324 КПК УРСР, суд

приговорив:

Чорновола В'ячеслава Максимовича визнати виновним по ст. 179 КК УРСР та засудити до виправних робіт по місцю праці терміном на 3 м-ці (три) з відрахуванням 20% від заробленого в прибуток держави.

Вирок може бути оскаржений до Львівського облсуду на протязі 7 діб з дня оголошення вироку з 8.VII. 1966 р.

Головуючий: Підпис
Нарзасідателі: Підписи
Копія вірна.
Нарсуддя: Підпис

Опубл.: В'ячеслав Чорновіл. Твори в десяти томах. Т. 1. – Київ: Смолоскип, 2003. – С. 759–763.

№ 203

1967. – Лютий. – Звернення М. Масютка до Верховної Ради УРСР

ЗВЕРНЕННЯ

Верховній Раді Української РСР
від громадянина МАСЮТКА МИХАЙЛА САВОВИЧА,
що перебуває тепер в ув'язненні в таборі для політв'язнів н. 11 Мордовської АРСР.

Коли б якомусь подорожньому поза усі категоричні заборони вдалося побувати в таборах для політв'язнів Мордовії, яких тут є аж шість, то він би був надзвичайно вражений: тут, за тисячі кілометрів від України, на кожному кроці він почув би виразну українську мову на всіх діалектах сучасної України. У подорожнього мимоволі виникло б питання: що діється на Україні? Заворушення? Повстання? Чим пояснюється такий високий процент українців серед політв'язнів, який досягає до 60, а то і до всіх 70 відсотків? Коли б такий подорожній скоро після цього побував би ще і на Україні, то він відразу переконався б, що ніякого повстання, ніякого заворушення на Україні нема. Але тоді б у нього виникло нове питання: чому в містах України так рідко чути українську мову і чому так густо чути її в таборах для політв'язнів?

Перше ніж відповісти на це питання, варто встановити, чи допустимі репресії взагалі в час, коли минає півстоліття з дня встановлення радянської влади.

Про те, що прогресивні (Репресивні? Тут, мабуть, помилка в рукописі. – *Ред.*) дії в соціалістичному суспільстві та ще і у час, коли минає півстоліття з дня соціалістичної революції, не допустимі, говорить не тільки марксистсько-ленінська теорія побудови соціалізму, а і практика нашого суспільного життя.

«Велику шкоду справі соціалістичного будівництва, розвитку демократії всередині партії та держави нанесла помилкова формула Сталіна про те, що нібито в міру просування Радянського Союзу до соціалізму класова боротьба буде все дужче і дужче загострюватись. Ця формула, вірна для певних етапів перехідного періоду, коли вирішувалося питання «хто кого?», коли ішла уперта класова боротьба за побудову основ соціалізму, була висунута на перший план у 1937 році, в момент, коли соціалізм уже переміг у нашій країні, коли експлуататорські класи та їхня економічна база були ліквідовані. На практиці ця помилкова формула послужила обґрунтуванням найгрубіших порушень соціалістичної законності та масових репресій» (Постанова ЦК КПРС «Про подолання культу особи та його наслідків»).

Спостерігаючи теперішні репресії на Україні, виникає враження, що органи держбезпеки України навмисне ігнорують теорію марксизму-ленінізму, навмисне шкодять будівництву соціалістичного суспільства. Ну, а якщо допустити все-таки правдивість тієї думки, що в країні потрібна сила, яка б протидіяла ворожим зовнішнім силам, то в такому разі дії цих органів повинні мати цілком певне спрямування, а не спрямування проти українського народу.

У одній із своїх скарг Йовчик Мирослав (а всього Йовчик написав 268 скарг!!!) розкриває справжню причину, яка послужила для репресії його. Йовчик пише, що слідчі органи з ходу слідчого процесу скоро зорієнтувалися, що ніякої вини його ні в чому нема, але вони підійшли до справи за теорією імовірності: Йовчик – українець, а оскільки всі українці, за переконанням органів держбезпеки, якщо не вчинили злочинів проти радянської влади, то можуть вчинити їх, тому Йовчика треба засудити.

1962 р. Львівський обласний суд засудив групу громадян м. Ходорова за сфабрикованою справою, подібно до групи Коваля–Грицини, обвинувативши їх у націоналізмі і терорі, хоч ні фактів, ні ґрунтовних доказів такої діяльності цих людей у матеріалах слідства не було. Однак Процiва Миколу було засуджено до розстрілу (було розстріляно), Процiва Михайла до 15 років ув'язнення, Дроня – до 15 років, Ханаса – до 12 років, Нагробного Йосипа – до 12 років, Капітоненка – до 8 років ув'язнення.

Може скластись враження, що тільки львівське КДБ фабрикує так справи і тільки Львівський обласний суд на Україні так щедро наділяє строками покарання людей. Але ні. 1956 р. в м. Києві (столиці України) було засуджено до 10 років ув'язнення громадянина Кулька Павла; 1960 р. у тому ж Києві було засуджено групу громадян: Гасюка Ярослава до 12 років ув'язнення, Леонюка Володимира до 12 років, Христинича Богдана до 12 років ув'язнення, Затварського Володимира до 7 років, Кобилецького Ярослава до 5 років ув'язнення. У тому ж Києві було засуджено братів Тихих до 10 років кожного лише за те, що вони відстоювали правомірність української мови.

У м. Тернополі 1960 р. обласним судом було засуджено Струса Петра до 10 років ув'язнення. 1962 р. у тому ж Тернополі було засуджено групу громадян: Гогуся Богдана до розстрілу (замінено на 15 років: 5 років тюрми і 10 років табору суворого режиму), Ковалишина Грицька до 10 років ув'язнення, Куликовського Володимира до 15 років, Пундика Павла до 5 років, Палихату до 4 років ув'язнення.

У м. Чернівцях 1962 р. було засуджено Ковальчука Дмитра до 10 років ув'язнення і Шершеня до 6 років ув'язнення.

У м. Рівному 1957 р. було засуджено громадянина Кобринчука Василя до 10 років ув'язнення. 1963 р. у тому ж Рівному було засуджено Куриляка Степана до 6 р. ув'язнення.

У м. Луцьку 1963 р. було засуджено гр. Сачука Юрка до 5 років ув'язнення, у тому ж Луцьку 1957 р. було засуджено гр. Шумука Данила до 10 років ув'язнення на підставі абсолютно фальшивих, провокаційних свідчень. У тому ж Луцьку 1962 року було засуджено до різних термінів покарання групу Шуста і Романюка.

У м. Донецьку 1958 р. було засуджено гр. Тихого Олексія до 5 років ув'язнення. 1963 р. у тому ж Донецьку було засуджено до різних строків ув'язнення групу Бульбинського, Рибича, Трасюка.

У м. Луганську 1958 р. було засуджено до 10 років ув'язнення гр. Кияна Бориса.

У м. Дніпропетровську 1958 р. було засуджено до 10 років ув'язнення гр. Кичака Ігоря. У тому ж Дніпропетровську 1957 р. було засуджено до розстрілу гр. Турика Андрія (пізніше замінено на 15 років ув'язнення в таборах особливо суворого режиму). Хоч Турик проходив по справі сам, це не пошкодило обвинувачувати його в організаторській діяльності.

У м. Запоріжжі 1962 року було засуджено групу громадян: Савченка Володимира до 6 років ув'язнення, Ришковенка Валерія до 6 років, Покрасенка Юрка до 6 років, Воробйова Олексу до 4 років, Чернишова Володимира до 4 років та Надтоку Бориса до 3 років ув'язнення.

У м. Сумах 1960 р. було засуджено гр. Полозка Івана до 4 років ув'язнення.

У м. Донецьку 1961 р. було засуджено групу громадян на чолі з журналістом Гайовим Грицьком, якого було засуджено до 6 років ув'язнення.

У м. Чернігові 1963 р. було засуджено гр. Приймаченка до 4 років ув'язнення і багато і багато інших.

Більшість цих громадян було репресовано на Україні в часи, коли уряд Радянського Союзу офіційно об'явив, що в СРСР тепер нема фактів притягання до судової відповідальності з політичних міркувань. Органи держбезпеки та суди України таким громадянам пред'являють звинувачення здебільшого в провадженні антирадянської націоналістичної пропаганди та інших націоналістичних діях. Що це за антирадянська пропаганда?

Пропагувати можна якусь ідеологію, якусь наукову думку. Чи є радянська ідеологія, радянська наукова думка? Ні, такої ідеології, такої наукової думки нема. В Радянському Союзі є пануючою ідеологією комуністична ідеологія. Нема радянської пропаганди, є пропаганда комуністичних ідей. Отже, не може бути і антирадянської пропаганди. Означення «радянський» виражає тільки форму державного правління, а державне правління не може бути ідеологією. Проте цей термін навмисне, штучно введений у Кодекс УРСР державними юристами для того, щоб можна було формально виправдати необгрунтовані репресії.

В чому ж заключається друга частина обвинувачення українських громадян – *націоналістична* пропаганда (чи діяльність)? Яким кодексом чи якими законами обгрунтовані обвинувачення за націоналістичну пропаганду (діяльність)? Таких законів нема. Навпаки, є Конституція СРСР, яка гарантує право націй на самовизначення, є Програма КПРС, яка визнає право націй на самовизначення, є ленінська національна політика, яка повністю гарантує право націй на самовизначення, не обмежену, при повному виводі військ приєднуючої країни, пропаганду за відокремлення, вирішення національних проблем шляхом референдуму всього народу.

«Націоналізм – є відповідь на існуючий шовінізм. Нема шовінізму – нема націоналізму. Чи може бути націоналізм у албанців до румун, коли румуни ніяк не

пригноблюють албанців? Всякий національний гніт викликає протидію в широких масах народу, а тенденція всякої протидії національно пригнобленого населення є національне повстання» (Ленін, т. XXIII, 4-е рос. вид., стор. 49). У книзі Сукарно «Індонезія обвинувачує», яка офіційно видається в Рад. Союзі, а значить її ідеї признає комуністична ідеологія, написано: «Без націоналізму нема прогресу, без націоналізму нема нації. Націоналізм є та дорогоцінність, яка дає державі силу прагнути до прогресу, дає даному народові сили відстоювати своє існування», говорить доктор Сун Ят-Сен (стор. 108).

1956 року в Норильську і Воркуті, Караганді і Джезказгані, в багатьох таборах Крайньої Півночі і Сибіру було засуджено численні групи українців-в'язнів за те, що вони добивались покращення свого побутового становища. Ті люди, які в той час не були розстріляні, знаходяться ще й тепер в таборах Мордовії. Українці, які серед народів Радянського Союзу ледве становлять 15 процентів, у таборах для політичних в'язнів становлять 60–70%. Росіяни, які серед народів Радянського Союзу становлять 52%, в таборах Мордовії ледве становлять 10%, а якщо від них відкинути поліцаїв та засуджених за релігійні переконання, яких аж ніяк не можна вважати політичними в'язнями, то відсоток росіян у цих таборах ледве чи буде перевищувати цифру 1–2. Уряд РРФСР потурбувався про своїх співвітчизників, про долю українців потурбуватись нема кому. Та де там! У 1965, 1966 роках, коли в інших союзних республіках майже не відбувалося репресій, на Україні ці репресії йшли повним ходом.

Мене, Масютка Михайла, було заарештовано в м. Феодосії. (Було засуджено до 6 років ув'язнення). Над всіма нами велося таємне слідство, і більшість з нас було засуджено таємним судом. Нас також обвинувачували в «антирадянській націоналістичній пропаганді». Вона виявилася в тому, що під час трусу наших квартир у нас було знайдено матеріали, які було віддруковано на друкарських машинах в обхід цензури, яка, за законами радянської влади, не повинна існувати тепер. Всі матеріали, вилучені в нас слідчими органами КДБ, носять виразно національний характер, характер боротьби за право націй на відокремлення.

У зв'язку з останніми таємними судовими процесами на Україні, звертаючись до прокурора УРСР, голови КДБ УРСР, голови Верховного Суду УРСР, український радянський журналіст Чорновіл В'ячеслав писав, що він обурюється разом з усією громадськістю України такими злочинними діями репресивних органів, що не заявити свого протесту з приводу таких дій – це значить розділити ту злочинність, яка твориться репресивними органами. Чи можна не визнати рації журналіста? Якщо депутати Верховної Ради УРСР тримають у своїх руках депутатські мандати не тільки заради власного благополуччя, вони не повинні затуляти собі очі на те свавілля, яке твориться на Україні, вони не мають права повністю вручати долю українського народу тим силам, які ні за теорією побудови соціалістичного суспільства, ні за досвідом практики побудови соціалістичного суспільства не мають права на існування. А від того, як депутати поставляться до пекучих життєвих потреб українського народу, відповідно буде й оцінена їхня діяльність у найближчому майбутньому.

Жовтень 1966 – лютий 1967

Опубл.: Українська інтелігенція під судом КГБ… – С. 228–234.

№ 204

1967. – Липня 7. – Вирок Львівського обласного суду у справі Григорія Прокоповича

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

1967 року липня 7 дня Судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду в складі:

Головуючого Зубера

Народних засідателів: Кригіна, Малюка

При секретарі Юрко з участю прокурора Старікова та адвоката Златопольського

розглянула у закритому судовому засіданні в м. Львові справу про обвинувачення ПРОКОПОВИЧА Григорія Григоровича, 21 жовтня 1928 року народження, уродженця с. Уріж Дрогобицького району Львівської області, жителя с. Межиріччя Сторожинецького р-ну Черновіцької обл., українця, безпартійного, з середньою освітою, одруженого, громадянина СРСР, у 1950 році судимого Військовим Трибуналом військ МВС Дрогобицької області за ст.ст. 54-I «а» і 54-II КК УРСР та ст. 4 Указу від 4.06.1947 року «Про кримінальну відповідальність за розкрадання державного і суспільного майна» на 25 років позбавлення волі, відповідно до Указу Президії Верховної Ради СРСР від 24 березня 1956 року покарання знижено до 10 років позбавлення волі, 25 вересня 1958 року звільнений за відбуттям покарання з зарахуванням зарахункових днів, відповідно до п.7 ст. 55 КК УРСР судимість погашена.

Перевіривши в судовому засіданні матеріали справи, вислухавши показання підсудного, свідків, промови державного обвинувача, адвоката та останнє слово підсудного, Судова колегія

у с т а н о в и л а :

Підсудний Прокопович Г. Г., у 1958 році звільняючись з місць позбавлення волі, де він відбував покарання за вчинення ним особливо небезпечного злочину, маючи антирадянські переконання, з метою ослаблення Радянської влади, знову став на шлях проведення антирадянської діяльності, для чого в лютому 1967 року вступив в злочинний зв'язок з обвинуваченими по іншій справі МЕЛЕНЕМ М. О. і ГУБКОЮ І. М.

Останній час не займаючись суспільно-корисною працею, в лютому 1967 р. за проханням Меленя М. О., з яким зустрівся в селищі Моршин Львівської області, виїхав до Львова для зустрічі з Губкою І. М. з метою придбання друкарської техніки для виготовлення антирадянської літератури типографським способом.

18 березня 1967 року Прокопович Г. Г. знову в селищі Моршині Львівської області зустрівся в Меленем М. О., якому розповів про наслідки зустрічі з Губкою І. М., де з метою проведення антирадянської діяльності і розповсюдження антирадянських документів наклепницького характеру одержав у Меленя М. О. саморобний журнал антирадянського змісту під назвою «Воля і Батьківщина» за № 16 виданий від імені так званого «Українського національного фронту», саморобний журнал з віршами антирадянського змісту під назвою «Месник» і п'ятнадцять «бофонів» вартістю по 10 крб. кожний з метою їх реалізації для потреб видання антирадянських документів.

20 березня 1967 року Прокопович Г. Г. в м. Львові вдруге зустрівся з Губкою І. М., з яким мав розмову про придбання друкарської техніки, а через Крису Б. Т. намагався реалізувати «бофони».

Підсудний Прокопович Г. Г. на попередньому слідстві і в судовому засіданні вину свою в проведенні антирадянської діяльності визнав і пояснив, що з цією метою мав зв'язки з Меленем М. О. і Губкою І. М., одержав у Меленя М. О. документи антирадянського змісту з метою розповсюдження їх і проведення антирадянської діяльності, виконував доручення по придбанню друкарської техніки.

Крім показань Прокоповича Г. Г., вина його стверджена показаннями свідків: Меленем М. О., Губкою І. М., Красівським З. М., Крисою а також речовими доказами, вилученими у нього при затриманні.

На підставі наведеного Судова колегія визнає Прокоповича Г. Г. винним у проведенні антирадянської діяльності, в зберіганні і розповсюдженні антирадянської літератури наклепницького змісту з метою послаблення Радянської влади, тобто в злочині, передбаченому ст. 62 ч. I КК УРСР.

При визначенні покарання і виду режиму підсудному Прокоповичу Г. Г. Судова колегія виходила з особливої суспільної небезпеки злочину: особобовості засудженого, який раніше судимий за аналогічний злочин, недивлячись, що і судимість погашена, висновку з минулої судимості не зробив, тому вважає необхідним обрати покарання у вигляді позбавлення волі в межах санкції закону з відбуттям покарання у виправно-трудовій колонії суворого режиму.

Керуючись ст.ст. 323 і 324 КПК УРСР, судова колегія

п р и г о в о р и л а :

ПРОКОПОВИЧА Григорія Григоровича на підставі ст. 62 ч. I КК УРСР на 6 років позбавлення волі у ВТК суворого режиму із засланням на 5 років.

Запобіжний захід засудженому Прокоповичу Г. Г. залишити попередній тримання під вартою. Строк відбуття покарання рахувати Прокоповичу Г. Г. з урахуванням попереднього ув'язнення з 21 березня 1967 року.

Речові докази – саморобний журнал «Воля і Батьківщина» за № 16, «Месник», лист паперу з п'ятнадцятьма відбитками «бофонів» на 150 крб., вилучені при особистому обшуку Прокоповича, залишити при справі. Записну книжку і газету «Нове слово» № 5 і 11, як немаючі (Так у документі. – *Ред.*) цінності, знищити. Книжку «Україна сміється» повернути власнику Міленя (Так у документі, потрібно – Меленю. – *Ред.*).

Вирок Судової колегії може бути оскарженим до Верховного Суду УРСР протягом 7 діб з дня його оголошення, а засудженим – з дня вручення йому копії.

Головуючий Л. ЗУБЕР
Народні засідателі: КРИГІНА
МАЛЮК
З оригіналом згідно:
Член Львівського облсуду Л. ЗУБЕР

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-29504. – Т. 2. – Арк. 176–178.

Опубл.: Український Національний Фронт: Дослідження, документи, матеріали / Упоряд. М. В. Дубас, Ю. Д. Зайцев. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2000 (Далі – Український Національний Фронт…). – С. 371–372.

№ 205
1967. – Серпня 1. – Вирок Львівського обласного суду у справі Івана Губки

Копія

Справа № 2.03.67

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

1967 року, серпня 1-го дня, Судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду, в складі:

Головуючого Лисенко М. П.,

народних засідателів: Корнієнко Г. А., Осельської Г. Г.,

при секретарі – Квартенко А. В.,

з участю прокурора – Садовського І. М.

та адвоката Бардякова В. А.

розглянула в закритому судовому засіданні в місті Львові справу про обвинувачення Губки Івана Миколайовича, народження 24 березня 1932 року, уродженця с. Боброїди, х. Губки Нестерівського району Львівської області, українця, громадянина СРСР, з сім'ї кулаків, мати була розкулачена та засуджена до п'яти років позбавлення волі, з вищою освітою, безпартійного, одруженого, маючого на утриманні сина 3-х років, мешканця м. Львова, проживавшого на вул. Миру, 83, кв. 15, працювавшого інженером-економістом на Львівському заводі низьковольтних ламп, раніше судимого, а саме: 23/VII-1949 року Військовим трибуналом військ МВС по Львівській області за ст.ст. 20, 54-1 «а», 54-10 ч. 1 КК УРСР до 25 років позбавлення волі; Ухвалою народного суду Середниканського району Магаданської області від 3-го вересня 1954 року на підставі Указу Президії Верховної Ради СРСР від 24/IV-1954 року міра покарання Губки І. М. скорочена наполовину. Постановою комісії Президії Верховної Ради СРСР від 21 /VIII-1956 року Губка був звільнений від відбуття міри покарання за недоцільністю дальнійшого утримання зі зняттям судимості; у вчиненні злочинів, передбачених ст.ст. 62 ч. 1 і 64 КК УРСР.

Судова колегія, вислухавши покази підсудного, свідків, виступ прокурора і адвоката, останнє слово підсудного,

установила:

Губка І. М. з метою підриву Радянської влади протягом 1965–1967 років до дня його арешту проводив антирадянську діяльність шляхом розповсюдження серед свого оточення антирадянських документів з наклепницькими вигадками, що ганьблять радянський державний і суспільний лад.

Будучи настроєним проти Радянської влади та ставши на шлях проведення антирадянської діяльності, Губка на початку 1965 року одержав від Корольчука С. І. статті антирадянського змісту: «Дві українські енциклопедії» на фотоплівці і фотопапері і статтю «З приводу процесу над Погружальським», передав їх для ознайомлення Могитичу І. Р., а останню – Барандію Д. Г.

Восени 1965 року Губка передав Вардинцю С. М. фотоплівку з текстом антирадянської статті «Дві українські енциклопедії» для розмноження її фотоспособом з метою дальнійшого розповсюдження.

З відома Губки І. М. Вардинець восени 1965 року передав ці фотоплівки для ознайомлення Меленю М. О.

Восени 1965 року Губка І. М. вступив в злочинний зв'язок з Меленем М. О. і Красівським З. М. і на протязі 1965–1967 років отримав від них з метою розповсюдження надруковані на машинці журнали «Воля і Батьківщина» (Тут і далі в цьому документі слово «батьківщина» написане з малої літери. – *Ред.*) антирадянського змісту, видані від імені Українського національного фронту.

В цих журналах були поміщені програма Українського національного фронту, в якій ставилося питання про організацію боротьби проти Радянської влади, відмежування України від СРСР, зміну державного устрою та поміщені інші статті з наклепницькими вигадками на Радянський державний та суспільний лад, а також інша література антирадянського націоналістичного змісту.

Внаслідок цього зв'язку Губка восени 1965 року одержав від Меленя М. О. через Вардинця С. М. 7–8 журналів «Воля і Батьківщина», листівку «Вищим урядовим чинникам на Україні», надруковані від імені Українського національного фронту, дві брошури: «Кто такие бандеровцы и за что они борются», «Бюро інформації УГВР», видані ОУН в 1948 році.

Всі ці документи ярого антирадянського змісту.

На початку 1966 року Губка, з метою надрукування статті «З приводу процесу над Погружальським» в журналі «Воля і Батьківщина», передав її через Вардинця С. М. Меленю М. О. для Красівського З. М., яка і була надрукована в журналі № 16 «Воля і Батьківщина» за червень 1966 р.

Одержав в той же час Губка від Меленя через Вардинця С. М. слідуючі п'ять журналів «Воля і Батьківщина» для їх розповсюдження.

На початку 1967 року Губка одержав від мешканця м. Львова Криси Б. Т. залишені йому Меленем 5 журналів «Воля і Батьківщина».

Отримані від Меленя і Красівського через Вардинця С. М. і Крису Б. Т. журнали «Воля і Батьківщина», оунівські брошури та інші документи антирадянського змісту Губка І. М. зберігав і систематично розповсюджував серед свого оточення.

Протягом 1966–67 рр. тричі давав по 3–6 журналів «Воля і Батьківщина» і антирадянську листівку «Вищим урядовим чинникам на Україні» своєму знайомому Віхотю В. Т. та пропонував йому ознайомити з цією літературою інших осіб та писати відзиви на них.

Виконуючи завдання Губки І. М., Віхоть давав читати журнали «Воля і Батьківщина» своїм знайомим Гвоздюку Є. П. і Бобку Є. О. та прохав їх написати відзиви на зміст журналів та поміщені в них статті.

На протязі 1965–1966 років Губка давав читати Могитичу І. Р. за два рази вісім журналів «Воля і Батьківщина», які останній після ознайомлення повернув Губці.

Зимою 1965–1966 років Губка давав читати три журнали «Воля і Батьківщина» Гурському В. І.

Літом 1966 року Губка дав Корольчуку С. І. п'ять антирадянських журналів «Воля і Батьківщина» за № 11–15, які останній зберігав протягом 8 місяців, були вони знайдені і вилучені 13 квітня 1967 р. в будинку його матері в с. Глинськ (У документі тут і далі – Глинськє. – *Ред.*) Здолбунівського району Ровенської області.

В лютому 1967 року Губка І. М. передав для ознайомлення 5 журналів «Воля і Батьківщина» Барандію Д. Г., який після ознайомлення з ними знищив журнали.

Зимою 1966–1967 років Губка І. М. давав для ознайомлення 7–8 журналів «Воля і Батьківщина» Волошину М. С.

Одержані від Меленя М. О. брошури націоналістичного, антирадянського змісту «Кто такие бандеровцы и за что они борются», «Бюро інформації УГВР» Губка зберігав з метою розповсюдження понад рік, а потім спалив.

Восени 1965 року і літом 1966 року Губка зустрічався з обвинуваченими по іншим справам Красівським З. М., Меленем М. О. і Прокоповичем Г. Г., з якими обговорював питання вдосконалення форми і змісту антирадянського журналу «Воля і Батьківщина», видання цього журналу друкарським способом з метою більш широкого розповсюдження не лише на західній, а і в інші області України.

Виконуючи завдання Красівського і Меленя, Губка вживав заходи до придбання шрифту через Віхотя В. Т., але не дістав, бо шрифт на особому обліку і Віхоть відпустити не міг.

Допитаний в судовому засіданні підсудний Губка І. М. повністю визнав себе винним і пояснив, що він дійсно зберігав та розповсюджував серед свого оточення антирадянську літературу, обговорював з Красівським, Прокоповичем і Меленем питання удосконалення форми і змісту журналу «Воля і Батьківщина» і більш широкого його розповсюдження, з'ясовував у Віхотя можливість придбання шрифту для виготовлення журналу друкарським способом.

Винність Губки І. М. в проведенні антирадянської пропаганди з метою підриву чи ослаблення Радянської влади шляхом розповсюдження та зберігання літератури антирадянського змісту, що порочить Радянський державний і суспільний лад, повністю встановлена зібраними по справі та перевіреними в судовому засіданні доказами.

Показами в судовому засіданні свідків Могитича І. Р., Віхотя В. Т., Барандія Д. Г., Гурського В. І., Корольчука С. І., що вони дійсно одержували в 1965–1967 роках від Губки І. М. літературу антирадянського змісту, причому Губка пропонував їм знайомитись з цією літературою, знайомити інших осіб та писати свої відзиви на журнали «Воля і Батьківщина» та іншу літературу антирадянського змісту.

Свідок Корольчук також ствердив, що він дав Губці І. М. для розповсюдження в м. Львові статті антирадянського змісту «Дві українські енциклопедії» і «З приводу процесу над Погружальським».

Одержані від Губки 5 журналів він зберігав в селі Глинськ на квартирі матері, де вони були знайдені слідчими органами. (Журнали «Воля і Батьківщина» № 11–15 за 1966 р.)

Свідки Мелень і Красівський ствердили, що вони через Вардинця С. М. протягом 1965–1966 років одержали від Губки фотоплівки з антирадянською статтею «Дві українські енциклопедії» і антирадянську статтю «З приводу процесу над Погружальським», яка Красівським була надрукована в 16 номері журналу «Воля і Батьківщина», а також ствердили, що систематично передавали йому журнали «Воля і Батьківщина» для розповсюдження.

Свідок Вардинець показав, що він за дорученням Губки і Меленя проводив обмін між ними антирадянської літератури. Передавав антирадянську літературу від Губки Меленю та від Меленя Губці.

Свідки Красівський, Прокопович, Мелень ствердили, що вони зустрічались з Губкою, вели з ним розмови про вдосконалення антирадянського журналу «Воля і Батьківщина», зміну його форми, змісту, видання друкарським способом і більш широкого розповсюдження.

Вина підсудного Губки стверджується приєднаними до справи речовими доказами та вилученою при обшуках слідчими органами антирадянською літературою.

Злочинні дії Губки слідчими органами кваліфіковані ст.ст. 62 і 64 КК УРСР.

Судова колегія вважає, що вчинені Губкою І. М. злочинні дії повністю охоплюються ст. 62 ч. 1 КК УРСР.

Зустрічі з Красівським, Меленем, Прокоповичем, Віхотем, розмови з ними про вдосконалення журналу і більш широкого його розповсюдження були спрямовані на більш активну роботу по розповсюдженню антирадянської літератури.

По даній справі не зібрано достатніх доказів, що стверджували б існування антирадянської організації Український національний фронт та належність до неї Губки як члена цієї організації.

Журнали «Воля і Батьківщина» писав Квецко (У документі – Крицька. – *Ред.*), друкував Красівський.

Губка, крім розмов, фактично нічого для удосконалення та більш широкого видання журналу не зробив.

Вказані вище дії не можна кваліфікувати, як організаційну діяльність.

Тому кваліфікація ст. 64 КК УРСР злочинних дій Губки є зайвою, ст. 64 КК УРСР підлягає виключенню з обвинувачення.

Переходячи до обрання міри покарання, судова колегія враховує як суспільну небезпеку вчиненого злочину, так і дані про особу підсудного, що він вже був судимий за особливо небезпечний державний злочин, тому заслуговує суворого покарання.

Судова колегія також ураховує, що Губка в судовому засіданні щиро розкаявся, повністю визнав свою вину, тому вважає можливим не обирати до нього максимальної міри покарання.

Виходячи з вищенаведеного і керуючись ст.ст. 323, 324 КПК УРСР судова колегія

п р и г о в о р и л а :

ГУБКУ Івана Миколайовича визнати винним та обрати покарання за ст. 62 ч. 1 КК УРСР – шість років позбавлення волі у виправно-трудовій колонії суворого режиму з засланням на п’ять років.

Міру запобіжного заходу [щодо] Губки І. М. залишити попередню – тримання під вартою.

Строк відбуття покарання рахувати з 27 березня 1967 року. Вирок може бути оскаржений через 7 діб з дня вручення його копії засудженому, а для інших учасників процесу з дня його оголошення.

Головуючий – Лисенко,
народні засідателі – Корнієнко, Осельська

З оригіналом згідно:
Член Львівського облсуду М. Лисенко

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-27490. – Т. 4. – Арк. 129–135.
Опубл.: Український Національний Фронт… – С. 379–384.

№ 206

1967. – Серпня 26. – Вирок Львівського обласного суду у справі Мирослава Меленя

Копія

26 серпня 1967 року

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

Судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду, в складі:

Головуючого – Городовіченко В. Я.,

народних засідателів – Кудриної К. С., Галя Й. М.,

при секретарі – Квартенко А. В.

з участю прокурора – Старікова Є. Б.

та адвоката – Сіпович Т. А.

розглянула в закритому судовому засіданні в м. Львові кримінальну справу про обвинувачення МЕЛЕНЯ Мирослава Олексійовича, 13 вересня 1929 року народження, уродженця села Фалиш, а мешканця села Моршин Стрийського району Львівської області, громадянина СРСР, із селян, з вищою освітою, одруженого, має на утриманні 2 малолітніх дітей, до арешту працювавшого керівником художньої самодіяльності санаторію № 1 курорту Моршин, раніше не судимого, – в злочині, передбаченому ст. 62 ч. 1 КК УРСР.

Матеріалами попереднього та судового слідства судова колегія

у с т а н о в и л а :

Підсудний Мелень М. О., проживаючи в селищі Моршин Стрийського району Львівської області, маючи антирадянські погляди, став на шлях антирадянської діяльності та з метою ослаблення Радянської влади протягом з серпня 1965 року по день його арешту – 28 березня 1967 року проводив антирадянську агітацію і пропаганду, яка полягала в слідуючому:

Установивши в 1965 році злочинний зв'язок з обвинуваченим по іншій справі – Красівським З. М., підсудний Мелень одержував від нього документи антирадянського змісту, що містять наклепницькі вигадки, які порочать Радянський державний і суспільний лад, і розповсюджував їх серед знайомих.

Так, у вересні 1965 року підсудний Мелень, зустрівшись в селищі Моршин з своїм знайомим Вардинцем С. М., матеріали відносно якого виділено в окреме переведення, одержав від нього фотоплівки з текстом антирадянського змісту під назвою «Дві українські енциклопедії», які тоді ж передав для ознайомлення Красівському З. М. та проінформував останнього, що його колишні знайомі Губка І. М. (засуджений по іншій справі) і Вардинець С. М. продовжують дотримуватись антирадянських поглядів і поширюють документи антирадянського змісту.

В зв'язку з цим Мелень М. О. домовився з Красівським З. М. зустрітись у м. Львові з Губкою І. М., щоб залучити його до спільного проведення антирадянської діяльності, обговорити з ним форми і методи цієї діяльності та зміст антирадянських документів, які видавались від імені так званого «Українського національного фронту».

З цією метою, ще до зустрічі з Губкою І. М., підсудний Мелень одержав від Красівського З. М. біля 10 саморобних журналів антирадянського змісту під назвою: «Воля і Батьківщина», «Тактика УНФ», саморобну брошуру з віршами антирадянського змісту під назвою «Месник» та оунівські брошури «Кто такие бандеровцы и за что они борются», «Бюро інформації УГВР», листівку антирадянського змісту «Вищим урядовим чинникам на Україні» і все це через Вардинця С. М. передав для ознайомлення Губці І. М.

Тоді ж на початку осені 1965 року підсудний Мелень разом з Красівським З. М. в його квартирі в селищі Моршин обговорювали наслідки зустрічі Красівського З. М. з Губкою І. М.

На початку весни 1966 року підсудний знову зустрівся у себе на квартирі у селищі Моршин з Вардинцем С. М., одержав від нього передані Губкою І. М. 3–4 зошити з різними текстами, в тому числі і з статтею антирадянського змісту під назвою «З приводу процесу над Погружальським» і все це передав Красівському З. М., який в червні 1966 року надрукував згадану статтю антирадянського змісту в номері 16 саморобного журналу «Воля і Батьківщина».

Тоді ж, весною 1966 року Мелень М. О. одержав від Красівського З. М. п'ять послідуючих номерів саморобного журналу антирадянського змісту під назвою «Воля і Батьківщина» і через Вардинця С. М. з метою розповсюдження передав їх Губці І. М.

Весною 1966 року підсудний Мелень М. О. особисто зустрівся в м. Львові з Губкою І. М., де обговорював з ним питання вдосконалення форми і змісту журналу «Воля і Батьківщина», прагнув одержати від Губки І. М. друкарське знаряддя для видання цього журналу антирадянського змісту друкарським способом з метою більш широкого його розповсюдження.

Восени 1966 року, зустрівшись в селищі Моршин з своїм знайомим – свідком по справі Гериновичем О. В., підсудний Мелень дав останньому для ознайомлення журнал антирадянського змісту «Воля і Батьківщина».

В грудні 1966 року при зустрічі у м. Львові з своїм знайомим Крисою Б. Т., матеріали відносно якого виділені в окреме переведення, підсудний Мелень пообіцяв ознайомити його з журналами антирадянського змісту під назвою «Воля і Батьківщина», що видаються від імені так званого «Українського національного фронту».

Про свої наміри дати Крисі Б. Т. журнали «Воля і Батьківщина» Мелень М. О. проінформував Красівського З. М., тоді ж отримав від нього 5 згаданих журналів «Воля і Батьківщина» і в січні 1967 року, знаходячись у м. Львові, віддав їх для ознайомлення Крисі Б. Т.

В лютому 1967 року на підставі спільності антирадянських переконань Мелень М. О. установив злочинний зв'язок з засудженим по іншій справі Прокоповичем Г. Г., проінформував його про розповсюдження антирадянських документів, надрукованих від імені так званого «Українського національного фронту» і запропонував йому зустрітись у м. Львові з Губкою І. М. та вияснити у останнього, що ним зроблено по придбанню шрифту для виготовлення антирадянських документів друкарським способом.

18 березня 1967 року підсудний Мелень знову зустрівся у себе на квартирі з Прокоповичем Г. Г., обговорив з ним наслідки зустрічі останнього з Губкою І. М., тоді ж передав Прокоповичу Г. Г. з метою розповсюдження отримані від Красівського З. М. журнал антирадянського змісту «Воля і Батьківщина» за № 16, брошуру віршів анти-

радянського змісту під назвою «Месник» і 15 так званих «бофонів» – документів, на які збираються кошти для проведення антирадянської діяльності вартістю 10 крб. кожний, з метою їх розповсюдження, які були вилучені у Прокоповича Г. Г. 21 березня 1967 року.

Підсудний Мелень М. О. свою вину в пред'явленому йому обвинуваченні визнав повністю та заявив про своє розкаяння. Крім особистого зізнання, його вина доведена показаннями допитаних по справі свідків Красівського З. М., Губки І. М., Прокоповича Г. Г., Вардинця С. М., Криси Б. Т. і Гериновича О. В., які підтвердили викладені вище обставини, при яких вони зустрічалися з підсудним, а також речовими доказами по справі документами антирадянського змісту (т. 3, а. с. 99–237).

Обмірковуючи питання про кваліфікацію злочинних дій підсудного Меленя М. О., судова колегія вважає, що такі органами слідства кваліфіковані за ст. 62 ч. 1 КК УРСР вірно.

При обранні Меленю М.О. міри покарання і виду виправно-трудової колонії судова колегія враховує як велику суспільну небезпеку вчиненого ним злочину, так і його особовість, визнання ним своєї вини, його родинний стан.

Керуючись ст.ст. 323, 324 КПК УРСР, судова колегія

приговорила:

МЕЛЕНЯ Мирослава Олексійовича за ст. 62 ч. 1 КК УРСР на 6 років позбавлення волі у виправно-трудовій колонії суворого режиму з засланням строком на 5 років.

Строк відбуття Меленем М. О. покарання рахувати з 23 березня 1967 року. Міру запобіжного заходу Меленю М. О. залишити попередню – тримання під вартою.

Речові докази по справі – документи антирадянського змісту залишити при справі, 2-й і 3-й томи книжки «Україна сміється» повернути дружині засудженого. Вирок може бути оскаржений до Верховного Суду УРСР на протязі 7 діб з моменту вручення його копії засудженому.

Головуючий Городовіченко,
народні засідателі Кудрина, Галь
З оригіналом згідно:
Член Львівського облсуду Городовіченко

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-25986. – Т. 4. – Арк. 204–207.
Опубл.: Український Національний Фронт… – С. 384–387.

№ 207
1967. – Жовтня 30. – Лист В. Чорновола з львівської в'язниці

До ЦК КПУ, в Президію Верховної Ради УРСР,
в Прокуратуру УРСР

Копія: Львівському обласному судові
від гр. Чорновола В. М.,
незаконно арештованого і звинуваченого за ст. 187-1 КК УРСР

ЗАЯВА

З серпня 1967 року я був заарештований за розпорядженням прокурора Львівської області. Мені пред'явлено цілком безпідставне звинувачення в поширенні наклепницьких вигадок, що порочать радянський державний і суспільний лад. Таким способом зі мною звели рахунки за критику закритих судів і незаконних дій слідчих і судових органів під час арешту і засудження групи української інтелігенції в 1965–66 рр. Адже в переданих мною в республіканські інституції матеріалах не було жодного факту, який би я вигадав. Все написане грунтувалося на документах та свідченнях громадян.

Під час слідства, незважаючи на мої вимоги, не було розглянуто жодного з конкретних фактів беззаконня, що я їх наводив у поданих заявах. Не було допитано жодного свідка з тих громадян, які мені давали дані. Нарешті, слідство не встановило жодного факту розповсюдження мною особисто моїх заяв, якщо, звичайно, не вважати таким «розповсюдженням» гарантоване радянською Конституцією право звертатися до республіканських партійних та радянських органів. Але, як це не парадоксально, тільки на цьому і тримається все звинувачення. Виявляється, об'єктами своєї так званої «наклепницької» діяльності я обрав першого секретаря ЦК КПУ П. Ю. Шелеста, голову КДБ при Раді Міністрів Української РСР Нікітченка, голову Спілки художників УРСР, депутата Верховної Ради В. І. Касіяна, бо саме їм я послав свою заяву. За логікою Львівської прокуратури, я, очевидно, мав намір якось вплинути своїми «наклепами» на незміцнілий світогляд цих керівних товаришів.

Більше того. Мені у вину ставиться навіть, що я, виконуючи прохання одного із засуджених, переслав його заяву чотирьом депутатам Верховної Ради УРСР (в тому числі голові й секретарю Президії Верховної Ради УРСР). За тією ж дивною логікою мене роблять відповідальним за зміст цієї не мною написаної заяви, а депутатів Верховної Ради – ідейно підозрілими особами, що на них я разом із автором заяви політв'язня Мороза скерував свою наклепницьку діяльність.

Все це не можна розцінювати інакше, як відвертий затиск критики знизу, як намагання відбити у радянських громадян бажання звертатися із скаргами в партійні, радянські органи. Але як це в'яжеться із недавньою постановою ЦК КПРС про роботу з листами та скаргами трудящих? Де в цій постанові написано, що на критичні сигнали дозволено відповідати тюрмою? Як це, нарешті, в'яжеться з ленінськими настановами?

Невдовзі після арешту я післав листа в ЦК КПУ, до Президії Верховної Ради УРСР, просив втрутитися в дії Львівської прокуратури і припинити свавілля. Але мені не знайшли за потрібне відповісти. Моя «справа» вже передана до суду, і в мене є підстави побоюватися, що Львівський суд і на цей раз не порушить своєї традиційної солідарності з Львівською прокуратурою. Я вичерпав усі можливості протесту проти сваволі і змушений тепер вдатися до останнього заходу. Зараз преса і радіо приносять звістки про трудову вахту на честь 50-річчя радянської влади. Я ж змушений в передсвяткові та святкові дні стати на вахту голоду... Оголошуючи з 1-го листопада переджовтневу голодівку протесту, я сподіваюся, що хоч цим приверну увагу до залишків сталінської-берiївської «законності» і, зокрема, до сваволі щодо мене особисто.

30.X.1967
Львів, тюрма

Опубл.: Українська інтелігенція під судом КГБ… – С. 226–228.

№ 208
1967. – Грудня 19. – Ухвала Верховного Суду УРСР у справі Чорновола В. М.

УХВАЛА
Верховного Суду УРСР по справі Чорновола В. М.

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.
Судова колегія в кримінальних справах Верховного Суду УРСР у складі:
головуючого т. Ярославського В. Д.,
членів суду т. т. Загороднюка В. М., Омельяненко Г. М.,
за участю прокурора т. Біліченко М. Ф.
та адвоката т. Вєтвінського Л. О.
розглянула в судовому засіданні від 19 грудня 1967 року кримінальну справу за касскаргою засудженого Чорновола В. М., адвоката Вєтвінського Л. О.

Вироком Львівського обласного суду від 15 листопада 1967 р. Чорновіл В'ячеслав Максимович, 1 січня 1938 року народж., українець, з вищою освітою, б/п, службовець, працював інструктором Львівського обласного відділу охорони природи, одружений, судимий у 1966 р. народним судом за ст. 179 КК УРСР на 3 місяці виправних робіт, за ст. 187-1 КК УРСР засуджений на 3 роки позбавлення волі у ВТК загального режиму.

На підставі ст. 4 Указу Президії Верховної Ради СРСР від 31 жовтня 1967 р. міра покарання Чорноволу В. М. скорочена наполовину.

У касаційній скарзі засуджений посилається на те, що він засуджений необгрунтовано. За доводами Чорновола, заяву Мороза В. Я. він в адресу чотирьох депутатів Верховної Ради УРСР послав не з власної ініціативи, а за проханням Мороза, не поділяючи змісту цієї заяви, уважає, що по цьому епізоду в його діях відсутні ознаки злочину.

Що стосується його заяви «Лихо з розуму», Чорновіл уважає, що надіслав цю заяву вдруге лише тому, що не одержав відповіді на першу заяву від компетентних органів та що висновок про наклепницький зміст цієї заяви зроблено на підставі неправильного тлумачення окремих фраз і некомпетентною для цього комісією.

За доводами засудженого, цей документ складений ним на підставі конкретних фактів, повідомлених йому особами. На думку Чорновола, у вироку неправильно зазначено про розповсюдження його заяви, хоча він відправив її лише в 4 офіційні інстанції.

Доводячи, що й докази у вироку аналізовано невірно, що протокол судового слідства складено неповно. Просить вирок обласного суду скасувати, а справу переведенням закрити.

У касаційній скарзі адвокат Вєтвінський Л. О. вважає, що по справі не встановлено основних елементів, які необхідні для кваліфікації дій Чорновола: розповсюдження вмінених йому у вину творів, як і завідома для засудженого неправдивість цих матеріалів.

Адвокат просить вирок скасувати, а справу переведенням закрити за відсутністю ознак злочину.

Заслухавши доповідача, пояснення адвоката Вєтвінського Л. О., який підтримував подану ним касскаргу, висновок помічника Прокурора УРСР Біліченко М. Ф. про залишення вироку, судова колегія Верховного Суду УРСР

у с т а н о в и л а :

Чорновіл визнаний винним у тому, що на протязі 1966–1967 років займався виготовленням та розповсюдженням документів, в яких завідомо для нього мали місце наклепницькі вигадки, що порочили радянську дійсність.

У квітні 1967 р. Чорновіл В. М. виготовив твір «Лихо з розуму», в якому завідомо неправдиво наводив факти, які порочили державні органи та зводився наклеп на радянську дійсність. Цей твір Чорновіл влітку 1967 р. в надрукованому вигляді розповсюдив шляхом розсилки поштою різним органам, організаціям та окремим особам.

Улітку 1967 р. Чорновіл нелегальним шляхом одержав з місць ув'язнення написаний ув'язненим Морозом В. Я. твір під назвою «Репортаж із заповідника імені Берії», в якому зводився наклеп на радянську дійсність.

Щоб опорочити державний та суспільний лад, Чорновіл В. М. розмножив цей твір на друкарській машинці й розповсюдив його шляхом розсилки поштою в адрес різних органів, організацій і окремих осіб. Касаційна скарга засудженого Чорновола В. М. та касаційна скарга адвоката Вєтвінського Л. О. задоволенню не підлягають.

Посилання адвоката та засудженого про відсутність у діях Чорновола ознак злочину не ґрунтується на матеріалах справи.

Указівка засудженого Чорновола, що він розіслав твір, складений Морозом, не з власної ініціативи, а за проханням останнього та що він не поділяв змісту цього твору, не виключає, як уважає засуджений, в його діях ознак злочину по цьому епізоду.

Для наявності складу злочину, передбаченого ст. 187-1 КК УРСР, немає ніякого значення: з власної ініціативи чи за проханням інших осіб винна особа розповсюджувала твори, які порочать державний та суспільний лад. Указівка засудженого, що він не поділяв змісту цього твору, не переконлива, бо в такому разі засуджений не повинен був особисто передруковувати цей твір та розсилати його адресатам.

Доводи засудженого, що висновок про наклепницький на державний устрій зміст виготовленого ним твору «Лихо з розуму» зроблено неправильно, не заслуговують на увагу. Обласний суд сам управомочений робити висновки про характер змісту творів, які розповсюджуються, і створювати для цього спеціальну комісію не потрібно.

Посилання Чорновола В. М., що він виготовив цей твір на підставі вірогідних фактів та розсилав для вжиття заходів, є неправильним.

У судовому засіданні Чорновіл В. М. сам заявив, що про достовірність фактів, поміщених до твору, він не знав. Про те, що факти ці не відповідають дійсності, свідчать показання Осадчого.

Сам підбір фактів у творі, їх виклад, висновки з цих фактів, коментарі та подана передмова від укладача, як і ілюстрація до твору та узагальнення, зроблені з фактів, обсяг твору вказують на те, що цей твір виготовлявся не для надсилки його в компетентні інстанції для вжиття заходів, а для розповсюдження.

Посилання засудженого та адвоката, що по справі не встановлено завідомо для засудженого неправдивість змісту зазначених творів, не заслуговує на увагу, бо ця обставина випливає з самого змісту творів.

Розповсюдження згаданих творів по справі установлено, у вироку приведені дані, з чого виходив суд, роблячи такі висновки.

Засуджений сам визнав, що твір «Репортаж із заповідника імені Берія» він особисто розмножив на друкарській машинці та надіслав його в різні адреси.

Виготовлення твору «Лихо з розуму» засуджений сам не заперечує. У відповідності з точним змістом ст. 187-1 КК УРСР сам факт виготовлення творів із завідомо неправдивими вигадками, що порочать державний і суспільний лад, складає ознаку злочину, передбаченого ст. 187-1 КК УРСР.

Керуючись ст. ст. 363, 364 КПК УРСР, судова колегія

у х в а л и л а :

касаційну скаргу засудженого Чорновола В. М. та адвоката Вєтвінського Л. О. залишити без задоволення.

Вирок Львівського обласного суду від 15 листопада 1967 р. відносно Чорновола В. М. залишити без змін.

Головуючий	Ярославський
Члени суду	Загороднюк,
	Омельяненко
Згідно:	
Член Верховного суду УРСР	Ярославський

Опубл.: В'ячеслав Чорновіл. Твори в десяти томах. Т. 1. – С. 774–778.

№ 209
1967. – Заява української інтелігенції на захист В. Чорновола

ЗАЯВА

Першому секретареві ЦК КПУ П. Ю. Шелесту

Копії:
Голові Комітету в справах державної безпеки
депутатові В. Ф. Нікітченкові,
Голові Спілки письменників України
депутатові О. Т. Гончару,
Голові Спілки художників України
депутатові В. І. Касіяну,
Голові Президії Верховної Ради УРСР
депутатові Д. С. Коротченку,
Секретареві Президії Верховної Ради УРСР
депутатові А. Зленку,
Депутатові С. В. Стефанику,
Депутатові М. Кіх

Шановний Петре Юхимовичу!

Звертаємося до Вас у справі, яка нас глибоко хвилює й непокоїть.

15-го листопада 1967 року ми були присутні на судовому процесі в справі В. М. Чорновола у Львові. На відміну від політичних процесів, проведених у 1965–

1966 роках, ця справа слухалася у відкритому судовому засіданні. Підсудному була надана можливість висловити свою точку зору на суть розглядуваної справи, спростовувати висунені проти нього звинувачення; суд не заважав підсудному виголосити останнє слово й не обмежував його при цьому в часі. Власне, усе це гарантується радянськими законами, і, здавалося б, не доводиться висловлювати особливого задоволення з приводу того, що має бути само собою зрозумілим. Але ж відомо, що під час політичних процесів 1965–1966 років ці елементарні процесуальні норми неодноразово порушувалися. Отже, відновлення законності хоча б у таких межах, якщо воно стане загальною нормою, слід розцінювати як серйозний поступ нашої судової практики.

Тим прикрішими були інші порушення процесуальних норм, і як наслідок – разюча невідповідність вироку до ваги матеріалів, які фігурували на процесі, і до ступеня обґрунтованості та доказовості звинувачення. Ось на це ми й хочемо звернути увагу, оскільки тенденція, яка тут виявилася, виходить далеко за межі одного конкретного випадку або ж принаймні може послужити поганим прецедентом.

Порушення процесуальних норм почалося із самого початку судового засідання. Підсудний В. М. Чорновіл попросив дати відвід прокуророві Садовському та голові суду Назарукові на тій підставі, що вони в даному разі не є особисто незацікавленими людьми. У матеріалах, написання яких йому інкриміноване і які саме і є предметом судового розгляду, В. М. Чорновіл різко критикував названих осіб за ті грубі порушення соціалістичної законності та процесуальних норм, яких вони припустилися на попередніх політичних процесах. Отже, вони прямо причетні до даної справи й могли б виступати на її розгляді, скажімо, як потерпілі, але ніяк не в ролі прокурора та судді. За радянськими кримінально-процесуальними нормами, в таких випадках учасники судового процесу зобов’язані заявити самовідвід, але ні прокурор, ні суддя цього не зробили, а законне й умотивоване прохання підсудного, цілком підтримане адвокатом (з посиланням на відповідну статтю Процесуального кодексу), не взяли до уваги. Воно було відхилене без усякої юридичної аргументації. Певно, це й стало однією з причин того, що весь хід судового засідання не був скерований на об’єктивний розгляд матеріалів справи, а багатьма моментами скидався на зведення потерпілими рахунків з людиною, яка зважилася їх критикувати.

В обвинувальному висновку В. М. Чорноволові інкримінувалося «виготовлення й розповсюдження» свідомо наклепницьких вигадок про дії державних органів. Фактично ж ішлося про те, що він оформив і розіслав чотирьом адресатам – першому секретареві ЦК КПУ П. Ю. Шелесту, голові Комітету в справах державної безпеки депутатові В. Ф. Нікітченку, голові Спілки письменників України депутатові О. Т. Гончару та голові Спілки художників України депутатові В. І. Касіяну – матеріали про політичних в’язнів, засуджених у 1965–1966 роках, під назвою «Лихо з розуму», а також переслав на прохання автора статтю-заяву В. Я. Мороза також чотирьом адресатам – депутатам Д. С. Коротченку, А. Зленку, С. В. Стефанику та М. Кіх. Ніяких інших адресатів на суді названо не було, не було наведено жодного факту про те, що Чорновіл передавав ці матеріали ще комусь, ні один свідок цього не підтвердив (до речі, на суді фігурувало всього двоє свідків, і показання обох не мали ніякого відношення до суті звинувачення, тобто не підтверджували ні того, що Чорновіл розповсюджував свій матеріал, ні того, що він удався до «свідомо наклепницьких вигадок», тобто вигадував неіснуючі речі, видаючи їх за дійсні факти). І все ж В. М. Чорновола обвинувачували саме в «розповсюдженні» згаданих матеріалів.

Легко бачити, що всі адресати – люди офіційні й поважні, і тому – незалежно від змісту написаного – уважати, що таким чином В. М. Чорновіл «виготовляв і поширював наклепницькі вигадки, що порочать радянський державний і суспільний лад», було б великим перебільшенням, якщо не сказати – неприпустимим гріхом проти істини. Хіба радянські громадяни не мають права звертатися до своїх депутатів і державних діячів з будь-якими справами, проханнями й пропозиціями? А ніяких інших фактів про розповсюдження В. М. Чорноволом своїх матеріалів на суді не було наведено. Не кажемо вже про те, що ні прокурор, ні суд зовсім не цікавилися перевіркою фактів і не пробували встановити, що з написаного В. М. Чорноволом є документальним, а що – вигаданим. Жоден матеріал справи В. М. Чорновола не був розглянутий, перевірений, стверджений або спростований з погляду його фактичності й істинності. Жодне з прохань підсудного – викликати свідків та долучити до справи додаткові матеріали, що ствердили б документальність зібраних ним матеріалів, – не було задовільнене. Тим часом саме за «наклепницькі вигадки» суд виніс В. М. Чорноволові найбільше, передбачене статтею, за якою його судили, покарання – 3 роки ув'язнення у виправно-трудових таборах. І це – незважаючи на те, що в ході судового засідання всі висунуті проти В. М. Чорновола звинувачення і всі «докази» прокурора й слідства були спростовані підсудним та його адвокатом, незважаючи на те, що суд не знайшов жодного конкретного свідчення про те, що В. М.Чорновіл займався «розповсюдженням» указаних матеріалів, і, отже, усе звинувачення лишилося голослівним.

Можливо, що суд був справді переконаний у вині В. М. Чорновола. Але ж суб'єктивний настрій учасників суду не може мати об'єктивної юридичної ваги й не повинен впливати на судове рішення. Вину підсудного суд зобов'язаний довести неспростовними фактами, свідченнями та іншими юридичними доказами.

Ми, присутні на судовому засіданні в справі В. М. Чорновола, побачили, що суд цього свого обов'язку не виконав. Він проводився некваліфіковано й необ'єктивно. Його вирок перебуває в разючій невідповідності до матеріалів слідства й звинувачення й скидається на особисту помсту, розправу наділених владою осіб над людиною, що по-інакшому думає й насмілюється критикувати дії окремих представників радянських установ, тобто здійснює своє конституційне право.

Ось чому ми звертаємося до Вас з проханням особисто втрутитися в справу В. М. Чорновола й не допустити ще одного грубого порушення соціалістичної законності, не допустити ще одного зловісного прецеденту. До цього нашого листа додаємо заяву В. М. Чорновола від 30.X.1967 р. та текст його «Останнього слова».

І. Дзюба
І. Світличний
Н. Світлична
Ліна Костенко
А. Горська

Опубл.: Українська інтелігенція під судом КГБ… – С. 209–212; Петро Шелест: «Справжній суд історії ще попереду» / Ред. Ю. Шаповала. – К.: Генеза, 2003. – С. 480–482; «Ferment in the Ukraine» / Ред. М. Боровка. – Нью-Йорк – Вашингтон. – С. 166–168.; В'ячеслав Чорновіл. Твори в десяти томах. Т. 1. – С. 797–801.

№ 210
1968. – Заява Івана Геля до Президії Верховної Ради СРСР

ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
політв'язень Гель І. А.

ЗАЯВА

Адміністрація табору для політичних в'язнів (Явас, п/с 385/11) відмовилась переслати мою відповідь до редакції «Известий», мотивуючи, по-перше, тим, що в листі, адресованому редакції, вжите слово «політв'язень», тоді коли в Радянському Союзі нібито нема такої категорії в'язнів, а, по-друге, тим, що листи, в змісті яких вживається слово «політв'язень», є державною таємницею і тому не можуть висилатися звичайною поштою (приватно). Логіка замполіта (замісник по політичних справах) табору, як то кажуть, «залізна». Те, що нібито не існує в першому пункті, то стається державною таємницею в другому пункті. Мене особисто не цікавить компетентність майора в юридичних питаннях (аж до того часу, поки він не надуживає законів і не перебільшує свою владу), але загальновідомо, що особи, засуджені по політичним мотивам, незалежно від форми їхньої політичної діяльності (легальна, нелегальна, індивідуальна чи групова); а також її зміст за міжнародним і державним правом кваліфікуються як політичні в'язні і відповідно до того користуються визначеними тієї категорії в'язнів правами (радянські юристи так кваліфікують засуджених за кордоном політичних діячів за аналогічні дії і вимагають надати їм таких прав). Якщо ж держава і її правовий інститут не признають політичним в'язням належного їм права і кваліфікують їх як «державних» або кримінальних «злочинців», то цілком зрозуміло, що робиться це, виходячи не з юридично-правових норм, а з політичних або ідеологічних міркувань для дискредитації в'язнів і дезінформації внутрішньої та міжнародної громадської думки. Вже на протязі багатьох років з політичними в'язнями (за винятком короткої перерви) знову поводяться і кваліфікують їх так, як поводились і кваліфікували у відомий так званий незабутній культівський період. Виходячи з вищесказаного та протестуючи проти заіснувавшого положення, вимагаю:

1. Ліквідації дії статей 62 КК УРСР і аналогічних статтей у кодексах союзних республік, як антиконституційних та юридично неправильних, це значить звільнення і повної реабілітації всіх засуджених по цій статті.

2. У випадку, якщо вищеназвана стаття (пункт 1) не буде вилучена з кодексів, осіб, засуджених по ній та інших статтях, які входять у категорію політичних, кваліфікувати як *політичних в'язнів*.

3. Всіх в'язнів-українців перевести в політичні табори на території України. Адже номінально Україна називається державою з своєю конституцією, навіть має свого представника в ООН, а фактично Київська адміністративна влада не володіє навіть такими мінімальними юридичними правами (я не говорю про інші і більші), які необхідні для утримання політичних в'язнів на території України. Виснажуючись у таборах Мордовії, українці становлять 50% загальної кількости всіх в'язнів. А з боку адміністрації постійно відчувається і на практиці проявляється шовіністична нетерпимість та неприязнь, перевищення свого права, довільне у всіх відношеннях тлумачення і застосування правил та інструкцій; набута, а може, передана «по наследству» патологічна необхідність кари; свавільна зміна і посилення режимів, вже

встановлених судом, коли вдруге скликаний районний суд міняє рішення обласного суду, виконує роль ширми на бажання таборової адміністрації і цілу низку інших порушень, ні в якій мірі не сумісних з нормами поводження з в'язнями.

4. Скасування примусової і непосильної праці в таборах для політв'язнів.

5. Скасування дій повторних судів у таборах з метою зміни і посилення режиму.

6. Скасування дискримінації і обмеження листування з рідними та близькими.

7. Дозволу займатися творчою і науковою працею з можливістю відсилати свої праці в творчі і наукові організації, а також приватним особам для рецензії і консультації.

8. Скасування обшуків і конфіскації рукописів та конспектів.

1968 рік проголошений Організацією Об'єднаних Націй роком прав людини. У зв'язку з тим вимагаю опублікувати цей документ в органі Верховної Ради СРСР – газеті «Известия» з метою публічно обговорити правомірності деяких діючих законів і скрутний стан політичних в'язнів у таборах.

І. Гель

Опубл.: Українська інтелігенція під судом КГБ… – С. 168–170.

№ 211

1971. – Липня 10. – Заява Дідик Галини Томівни до Президії Верховної Ради СРСР з вимогою звільнення учасниць національно-визвольної боротьби Катерини Зарицької і Одарки Гусяк

10 липня 1971 р.

24 березня цього (1971) року рішенням виїзної сесії Верховного Суду Мордовської АРСР мене достроково звільнено після відбуття 21 року ув'язнення (з них 19 років тюремного). Не знаю, чому мене вибрано для звільнення із групи політв'язнів-двадцятип'ятирічних. Я не просила помилування, не засуджувала свого минулого і не зрікалася своїх переконань. Тому почуття обов'язку перед моїми товаришами по ув'язненню примушує звернутися до Вас із цією заявою.

Я хочу ще раз піднести питання, яке ми в ув'язненні ставили неодноразово: про фактичне скасування жорстокого 25-річного терміну, формально скасованого ще 1961 р.

Звертаюся до всесоюзної інстанції тільки тому, що Верховна Рада України, на жаль, позбавлена можливості самостійно вирішувати такі питання.

Під впливом односторонньої, а часом відверто неправдивої пропаганди у вас, як і у багатьох необізнаних, може скластися думка, що хоч 25-річний термін ув'язнення позазаконний і негуманний, але для «особливих злочинців», які «мордували невинних», «співпрацювали із фашистами» і т. п., варто справді робити виняток і лишити для них дійсним сталінський закон.

Я, очевидно, один із «найстрашніших» злочинців, бо, на відміну від більшості 25-річників, мене, жінку, навіть утримували не в таборі, а у в'язниці. Тому, очевидно, по моєму житті і по моїх «злочинах» ви можете скласти собі уявлення і про інших

українських політв'язнів-двадцятирічників та про суспільні умови, які привели нас у тюрми і табори.

Я народилася 1912 року на Тернопільщині в селянській родині. Мала 27 років, коли Галичину прилучили до Радянського Союзу. Хоч у Західній Україні велася перед тим активна національно-освітня праця, існували українські партії, підпілля ОУН, ніхто однак не чинив збройного опору радянській владі. Дехто із галичан зустрічав армію із-за Збруча навіть квітами. Як же сталося, що ці самі люди у 1944 році панічно тікали на Захід або зустрічали ту ж саму армію скорострілами і гранатами?

Я переконана, що такі зрушення в уявленнях, як і поведінці моїх земляків, були викликані деспотичною політикою, проводжуваною у 1939–41 роках на землях Західної України органами НКВД.

Я особисто не виступала проти радянської влади, сумлінно працювала в кооперативі. Але через 1,5 місяця після приходу радянської влади мене заарештували за сфабрикованим звинуваченням і цілий рік нізащо протримали у Бережанській тюрмі. Щоб уникнути дальших переслідувань, я змушена була після звільнення жити під чужим прізвищем. По Галичині тоді прокотилися масові арешти. В тюрми кидали за колишню діяльність при Польщі, за необережно сказане слово, взагалі нізащо. В одну камеру разом із політично нейтральними людьми потрапляли колишні ідейні противники – члени ОУН, УНДО і КПЗУ. В тюрмах катували і розстрілювали без суду.

Я досі не можу спокійно згадувати страшних картин, які довелося побачити в перші дні війни. Тоді, після відступу радянських військ, розшукуючи близьких мені людей, я була у тюрмах Львова, Тернополя, Бережан, Нараєва. Я бачила витягнені із катівень і потаємних ям і виставлені для опізнання рідними і друзями тисячі трупів – постріляних, помордованих, часом із слідами варварських знущань: вирізаними на тілі тризубами, виколотими очима, повідриваними носами, вухами, грудьми. Таке не забувається ніколи, таке карбується в серці і передається поколінням.

При німцях я також була у підпіллі під постійною загрозою викриття і жорстокої кари за приналежність до ОУН. Це брехня, що ми активно співпрацювали з німцями. Після розпуску німцями проголошеного у Львові українського уряду з ними працювала тільки невелика група людей, що відкололася від руху. Можливо, з чисто тактичних міркувань були також якісь локальні спроби окремих керівників руху (але такі ж заходи робилися спочатку, наприклад, і щодо порозуміння із партизанами Ковпака). Але ми, рядові члени ОУН, швидко навчилися бачити ворога у всякому чужинцеві, що самозванно прийшов на нашу землю. Жертвами боротьби з німцями впали відомі діячі українського руху Дмитро Мирон, Василь Бандера, десятки й сотні інших.

Енкаведистський терор 1939–41 років був великою і важкою школою. Тому при наближенні фронту в підпілля пішли і за зброю взялися не тільки члени ОУН. Як вам не прикро це сьогодні чути, але **то був масовий рух, в якому брали участь сотні тисяч і який підтримували мільйони. Без такої підтримки при насиченні Західної України регулярними і спеціальними військами кількарічний спротив був би неможливий. Це не був виступ проти радянської влади і соціалізму, а насамперед всенародна боротьба проти російської окупації і терору. Це був рух самооборони,** в якому я знайшла місце, найбільш прийнятне для жінки-патріотки. Спочатку я організовувала і очолювала Український Червоний Хрест на Тернопільщині, пізніше керувала всією організацією УЧХ. В останній час перед арештом була зв'язковою Центрального проводу.

Я часто спілкувалася з керівниками Руху, зокрема з генералом Романом Шухевичем, і я знаю, як вони, будучи безкомпромісними в боротьбі, водночас рішуче виступали проти сліпого терору, як наказували карати винних у безпідставних жорстокостях. Цілком зрозуміло, що в умовах глибокого підпілля траплялися безконтрольні вчинки, були випадкові у Рухові люди, які вдавалися навіть до зведення особистих рахунків. Але блюзнірством є звинувачення у цьому всіх, особливо перейнятої ідеєю молоді, що саможертовно й безстрашно дивилася в очі смерті. До речі, не треба забувати і про численні провокації, що їх чинили беріївці – створення провокаційних «партизанських» загонів, що безчинствували по селах, вбивства, які приписували «бандерівцям», шантаж мирного населення і т. п.

Щедро пишучи про «звірства бандерівців», сьогоднішні автори впадають у дивну односторонність, не згадуючи, що виробляли тоді на Західній Україні беріївці: **як фабрикували «справи» на невинних людей, як цілі села насильно вивозили на Сибір, як людей убивали без суду й слідства, як катували заарештованих по тюрмах. Тут уже не було безконтрольности, це була свідома політика, яка викликала належну реакцію.**

Особисто я нікого в житті не вдарила, ні на кого не підносила зброї. Найбільше часу й енергії у визвольному русі я віддала збиранню медикаментів, лікуванню та переховуванню хворих і поранених. У 1944 році на Рогатинщині, я так само перев’язувала поранених німцями у бою радянських солдатів, як і українських партизанів. Зате на мою долю випали найжорстокіші тортури і знущання.

Мене заарештували 5.III.1950 року у селі Білогорщі під Львовом, це була остання криївка генерала Шухевича. При цьому генерал Шухевич застрелився, а я вжила отруту. Мене врятували від смерті для того, щоб ще напівпритомну почати мордувати. Мене нещадно били. Перших півроку робили це щодня, удень і вночі мені не давали спати. Таке «слідство» тривало понад два роки. Якби й хотіла, ніколи не змогла б забути тих, хто мене катував, втрачаючи при цьому людську подобу, – слідчих МГБ Гузєєва, Солопа, Пивоварця, Клименка, Леніченка. Були й інші, непостійні, які приходили познущатися наді мною задля п’яної розваги. Мордування заарештованих на слідстві – злочин, який карається законом. Однак навіть пізніше, коли вголос сказали про незаконність таких дій, я не зустріла жодного із своїх катів ні у Володимирській в’язниці, ні у Мордовії.

У грудні 1952 року після 2,5 року катування «тройка» ОСО заочно «засудила» мене на 25 років табірного ув’язнення. Пізніше ОСО було визнане незаконною інстанцією, але не визнані незаконними штамповані «тройкою» вироки. Через кілька днів після прибуття в табір мені було оголошене чергове рішення ОСО: без якогось нового слідства мені замінили табірне ув’язнення на тюремне. Якби ви могли уявити, що таке 25 років тюрми, особливо для жінки, то визнали б гуманнішим мене розстріляти.

1961 року було прийнято новий кримінальний кодекс, за яким 25-річний термін ув’язнення скасовано. Згідно із законом всяке полегшення в кодексі має зворотню дію, тобто поширюється на раніше суджених. Для мене і для кількох десятків інших учасників українського національно-визвольного руху спеціальним указом було зроблено виняток. Закон на нас не поширився.

Після 1961 року, а особливо останніми роками, різко посуворішав режим у тюрмах і таборах. Він тепер суворіший навіть за той, що був у останні сталінські роки. Згідно з законом всяке посилення режиму тягне за собою зменшення терміну ув’язнення або

зміну виду покарання. Цей закон до нас також не застосували. Тільки 1969 року мене та ще двох жінок 25-річниць – Катерину Зарицьку та Одарку Гусяк перевели із в'язниці у табір суворого режиму в Мордовії, звідки мене й звільнено. За ґратами однак лишилося ще кілька десятків українських політв'язнів із 25-річним термінами, серед них – мої товаришки по ув'язненню К. Зарицька й О. Гусяк, засуджені за те ж, за що і я.

Я виклала вам типову біографію українського політв'язня-двадцятип'ятирічника. Якщо керуватися здоровим глуздом, а не інерцією сталінської жорстокості, треба було б задуматися над питанням, що дає дальше утримання в тюрмах і таборах старих хворих людей, учасників руху, який був спричинений об'єктивними умовами і відійшов у минуле? Чи становитимуть вони сьогодні на волі хоч якусь загрозу існуючому ладові? І чи не більшу шкоду цьому ладові приносить демонстрація перед лицем усього світу незагнузданої жорстокості?

Виходячи з того, що:

1. 25-річний термін ув'язнення скасований радянськими законами;

2. незастосування нового кодексу до політв'язнів є грубим порушенням положення про зворотню дію законів, які пом'якшують кару;

3. теперішній режим в тюрмах значно важчий за той, який був під час винесення вироків;

4. 25-річний термін спрямований не на передбачене радянським судочинством перевиховання в'язнів, а на цілковите духовне й фізичне знищення людської особистості;

5. 25-річний термін позбавляє в'язня після закінчення ув'язнення можливості мати родину, працювати, одержувати пенсію і прирікає на перебування в інвалідному будинку або на роль нахлібника у далеких родичів чи чужих людей;

6. звільнення в'язнів з 25-річними термінами було б гуманним актом, який знайшов би розголос і розуміння у цілому світі, – я ставлю питання перед Верховною Радою СРСР про фактичне скасування досі існуючого 25-річного терміну ув'язнення для політв'язнів. Вважаю, що ще до вирішення цього питання Президія Верховної Ради разом з прокуратурою СРСР повинні знайти можливість негайно звільнити жінок, засуджених на 25 років, а саме – Катерину Зарицьку (відбула 24 роки, з них 22 – в тюрмі) та Одарку Гусяк (21 рік ув'язнення, з них 19 – тюремного).

Галина Дідик

Український вісник. – 1987. – № 8. – С. 187–192;
Літопис нескореної України. Кн. 2. – С. 377–379.

№ 212

1971. – Вересня 7. – Вирок Львівського обласного суду у справі Семена Корольчука і Євстахія Пастуха

Копія

Справа 2.04.71
1971 рік

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.
1971 року, вересня, 7 дня

Судова колегія в кримінальних справах
Львівського обласного суду в складі:
Головуючого – Зубера Л. С.
Народних засідателів – Рекуненко О. І., Корнієнка Г. А.
При секретарі – Мурській Х. В.
З участю прокурора – Волочагіна П. І.
та адвокатів – Малик М. С. і Федорищевої Л. І.
розглянула у закритому судовому засіданні в м. Львові – в приміщенні облсуду – справу про обвинувачення

КОРОЛЬЧУКА Семена Ісидоровича, 11 листопада 1930 (Насправді – 1928. – *Ред.*) року народження, уродженця с. Глинськ Здолбунівського району Ровенської області, жителя м. Львова, українця, безпартійного, розлученого, з вищою медичною освітою, громадянина СРСР, не судимого, – в злочині, передбаченому ст. 62 ч. І КК УРСР, – та

ПАСТУХА Євстахія Івановича, 1 жовтня 1936 року народження, уродженця с. Чолгині Яворівського району Львівської області, жителя с. Петричі Буського району Львівської області, українця, безпартійного, одруженого, з вищою освітою, громадянина СРСР, судимого 13 жовтня 1967 року за ст. 166 ч. ІІ КК УРСР на 5 років позбавлення волі, Ухвалою Верховного Суду УРСР від 24 вересня 1968 року вирок суду скасовано, а справу переведенням закрито за спливом давності, в злочині, передбаченому ст. 187-1 КК УРСР,

у с т а н о в и л а :

Підсудний Корольчук С. І., проживаючи у м. Львові і працюючи лікарем-акушером-гінекологом Львівської обласної лікарні Охматдит з 1965 року по березень 1970 року з метою підриву Радянської влади проводив антирадянську пропаганду шляхом розповсюдження документів антирадянського змісту, в яких зводиться наклеп на радянський суспільний і державний лад, а також поширював їх зміст в усній формі.

У1965 році Корольчук С. І. встановив злочинний зв’язок з мешканцем м. Львова Кобилюхом В. О., від якого одержав статтю антирадянського змісту «З приводу процесу над Погружальським», яку після ознайомлення передав Губці І. М. (засуджений по іншій справі), в свою чергу Губка І. М. ознайомив з нею жителів м. Львова Могитича І. та Барандія Д. Г., а пізніше передав її мешканцю м. Моршин Львівської області Вардинцю С. М. для передачі через Меленя М. О. Красівському З. М., який текст цієї статті надрукував в нелегальному антирадянському журналі «Воля і Батьківщина» № 16 за 1966 рік, що видавався від імені так званого «Українського національного фронту».

З метою розповсюдження антирадянських документів Корольчук С. І. літом 1965 року у м. Львові на квартирі гр. Гузь І. М. від Юськіва Р. В. – жителя м. Києва одержав два антирадянського змісту журнали «Сучасність» видавництва Українського товариства закордонних студій у м. Мюнхені (ФРН), які також передав для розповсюдження Губці І. М.

Підтримуючи злочинний зв’язок з Губкою І. М., Корольчук С. І. у 1965 році також передавав йому фотоплівку з антирадянським змістом «З енциклопедії україністики» (Насправді – «Дві українські енциклопедії» – *Ред.*), а літом 1965 року одержав від Губки І. М. п’ять номерів нелегального антирадянського націоналістичного змісту журналу «Воля і Батьківщина», з якими в кінці 1966 року чи початку 1967 року, перебуваючи в

командировці в селищі Підкамінь Бродівського району, ознайомив підсудного по цій справі Пастуха Є. І. і особливо про статутні принципи створення так званого «УНФ», а після літературу антирадянського змісту завіз в с. Глинськ Здолбунівського району Ровенської області, де схороняв в будинку на горищі своєї матері до 13 квітня 1967 року.

Перебуваючи в селищі Підкамінь Бродівського району, Корольчук С. І. з осені 1966 року і до кінця цього року, знаходячись в близькому знайомстві з підсудним Пастухом Є. І., систематично впливав на нього в антирадянському націоналістичному дусі, висловлюючи антирадянські вигадки, що порочать радянський суспільний лад.

Після вилучення антирадянських нелегальних журналів «Воля і Батьківщина» та попередження про припинення антирадянської діяльності, Корольчук С. І. не припинив, а літом 1967 року продовжував впливати на Пастуха Є. І. в антирадянському дусі, розповідаючи йому зміст антирадянського документа «З приводу процесу над Погружальським», а також прослуховуючи передачі західних радіостанцій, передавав антирадянський зміст виданої книжки Чорновола «Лихо з розуму», схвалюючи її твердження про ніби репресії творчої інтелігенції органами Радянської влади, стверджуючи вигадки за правду.

Знаходячись у відрядженні в м. Турка Львівської області у вересні 1968 року Корольчук С. І. в розмові з жителем м. Турка Салій І. Я. намагався переконати його про ніби навмисний підпал у м. Києві Центральної наукової бібліотеки Академії наук УРСР з метою знищення історії і культури України, а в березні 1970 року в розмові з мешканцем м. Львова Яворським І. П. переконував, що на Україні відбувається русифікація, зводячи наклеп на діяльність державних радянських органів.

Підсудний Пастух Є. І., проживаючи в с. Петричі Буського району і працюючи вчителем восьмирічної школи, будучи ознайомленим у підсудного Корольчука С. І. з антирадянськими документами, протягом 1967–1970 рр. поширював наклепницькі вигадки, які порочать радянський суспільний і державний лад.

Серед знайомих м. Львова і вчителів Петричівської восьмирічної школи поширював вигадки про ніби безправність УРСР в складі СРСР, що ніби радянські органи безпеки безпідставно репресують представників творчої інтелігенції, що на Україні відбувається русифікація, при цьому вихваляючи західну демократію і свободу та життя людей, твердячи тлумачення деяких творів Т. Г. Шевченка до сучасних умов та малий тираж творів українських письменників і кінофільмів на українській мові.

Підсудний Корольчук С. І. як на попередньому слідстві, так і в судовому засіданні вину свою визнав, що одержував у Кобилюха В. О. антирадянські документи, у Губки І. М. п’ять антирадянських націоналістичних журналів та у Юськіва Р. В. журналу «Сучасність», з якими частково знайомив підсудного Пастуха Є. І., а потім переховував на горищі будинку своєї матері в с. Глинськ Здолбунівського району Ровенської області, а також пояснив, що фотоплівки під назвою «З енциклопедії українiстики» від Кобилюха В. О. не одержував і не передавав Губці І. М., що не впливав в антирадянському дусі на Пастуха Є. І., не поширював антирадянських вигадок про радянський суспільний і державний лад.

Підсудний Пастух Є. І. також на попередньому слідстві і в судовому засіданні винним себе визнав, що після знайомства з Корольчуком С. І. розділяв його антирадянські погляди, знайомився з антирадянськими документами та особисто серед своїх знайомих і вчителів Петричівської восьмирічної школи поширював наклепницькі вигадки про радянську дійсність, мову і демократичні свободи.

Вина підсудного Корольчука С. І. та Пастуха Є. І. в інкримінованому їм злочині доведена як визнанням ними своєї вини, так і іншими зібраними доказами.

Так, свідок Губка І. М. ствердив, що в 1965 році він одержав від Корольчука С. І. антирадянського змісту статтю «З приводу процесу над Погружальським», фотоплівку під назвою «З енциклопедії українiстики» та два журнали антирадянського змісту «Сучасність», та що в свою чергу він в 1966 році передав Корольчуку С. І. п'ять журналів антирадянського змісту, нелегально виданих від імені «УНФ», висловлював йому свої думки по змісту цих антирадянських документів, розділяв його антирадянські погляди, в свою чергу розповсюджував такі документи серед своїх знайомих – Вардинця С. М., Меленя М. О. та Красівського З. М., що з фотоплівки Вардинцем С. М. були виготовлені фотовідбитки, та що літом 1966 року передав Красівському для друкування в журналі антирадянську статтю «З приводу процесу над Погружальським», одержану від Корольчука С. І.

Свідки Салій І. Я. та Яворський І. П. також ствердили, що у вересні 1968 року та березні 1970 року в розмовах з ними Корольчук С. І. займався антирадянською пропагандою.

Вина Корольчука С. І. стверджена також вилученими речовими доказами, антирадянськими журналами «Воля і Батьківщина», «Сучасність», «Лихо з розуму», радіоприймачем, на якому він прослуховував закордонні програми (т. 5, а. с.1, 4, 116, 117, 115).

Поширення наклепницьких антирадянських вигадок, які порочать радянський і суспільний лад, підсудним Пастухом Є. І. стверджено, крім визнання ним своєї вини, свідками Лясковським З. І., Бучковським Б. С., Савенко В. І., зокрема:

Свідок Лясковський З. І. ствердив, що в 1967–1969 рр. Пастух Є. І. доводив йому, що на Україні відбувається русифікація, малими тиражами видаються твори письменників на українській мові, вихваляв демократичні права і свободи Західних держав.

Свідок Бучковський Б. С. ствердив, що в 1968–1969 рр. в бесіді з ним Пастух Є. І. доводив йому про безправність УРСР в складі СРСР, закликав тлумачити твори Т. Г. Шевченка з позицій не часу їх написання, а до сучасних умов.

Свідок Савенко В. І. ствердив, що Пастух Є. І. висловлював наклепи на сучасну українську культуру і закликав вивчати твори «Історію України» буржуазного українського теоретика Грушевського.

Таким чином, пред'явлене підсудним Корольчуку С. І. та Пастуху Є. І. обвинувачення в повному обсязі стверджено зібраними доказами.

На підставі наведеного судова колегія визнає винним Корольчука С. І. в антирадянській агітації і пропаганді та зберіганні літератури такого змісту, тобто в злочині, передбаченому ст. 62 ч. І КК УРСР та Пастуха Є. І. в поширенні завідомо неправдивих вигадок, що порочить радянський державний і суспільний лад, тобто в злочині, передбаченому ст. 187-1 КК УРСР.

Обираючи підсудним покарання, судова колегія враховує як суспільну небезпеку вчиненого злочину, так і особовість засуджених, визнання ними своєї вини і розкаяння, вважає можливим не застосовувати максимальної міри покарання.

Оскільки Корольчук С. І. вчинив особливо небезпечний державний злочин, режим ВТК йому слід визначити суворий.

На підставі наведеного, Судова колегія, керуючись ст.ст. 324, 325 і 327 КК УРСР, –

п р и г о в о р и л а:

КОРОЛЬЧУКА Семена Ісидоровича на підставі ст. 62 ч. 1 КК УРСР на 4 (чотири) роки позбавлення волі у виправно-трудових колоніях суворого режиму без заслання.

ПАСТУХА Євстахія Івановича на підставі ст. 187-1 КК УРСР на 6 (шість) місяців позбавлення волі у виправно-трудовій колонії загального режиму. Оскільки Пастух Є. І. в час попереднього слідства знаходився під вартою з 27 січня по 29 липня 1971 року, визначене покарання вважати відбутим.

Запобіжний захід засудженому Корольчуку С. І. залишити попередній – тримання під вартою, а строк відбуття покарання з зарахуванням попереднього ув'язнення рахувати з 21 квітня 1971 року.

Речові докази – антирадянські документи і журнали залишити при справі, а радіоприймач ВЕФ-12 – конфіскувати в прибуток держави.

Вирок судової колегії може бути оскаржений до Верховного Суду УРСР протягом 7-ми діб з дня його оголошення, а засудженим – з дня вручення копії цього вироку.

Головуючий – Зубер Л. С.
Народні засідателі – Рекуненко О. І., Корнієнко Г. А.

З оригіналом згідно:
член Львівського облсуду Л. Зубер

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-21659. – Т. 4. – Арк. 365–371.
Опубл.: Український Національний Фронт… – С. 408–413.

№ 213

1971. – Вересня 22. – Доповідна записка відділу пропаганди Львівського обкому КПУ про обговорення книги І. Калинця «Поезії з України» у Львівській організації Спілки письменників України

22 вересня 1971 р.

Таємно

Вх. №1130/14
31.12.1971

Першому секретарю Львівського обкому КП України
тов. Куцеволу В.С.

ДОПОВІДНА ЗАПИСКА
про обговорення книги І. Калинця «Поезії з України» на засіданні правління Львівської організації Спілки письменників України.

17 вересня 1971 р. на розширеному засіданні правління Львівської організації Спілки письменників УРСР відбулося обговорення збірки поезій І. Калинця «Поезії з України» (видавництво «Література і мистецтво», Брюссель,1970) в присутності автора. В обговоренні взяли участь всі присутні члени правління

тт. І. Гребенюк, Р. Лубківський, І. Вільде, П. Інгульський, Р. Федорів, Я. Стецюк, а також письменники: Т. Мигаль, І. Сварник, А. Буличова, В. Колодій. Виступаючі з принципових позицій зробили аналіз творчості І. Калинця, дали вірну оцінку факту виходу збірки «Поезії з України» і вказали Калинцю на його місце у цій справі. Було підкреслено, що причиною видання його творів за кордоном є відхід автора у далеке минуле, ігнорування радянської дійсності, з боку художньої форми його вірші умисне ускладнені, завуальовані, начебто автор призначав їх не для широкої аудиторії, а для своїх близьких однодумців, тому деякі з віршів позначені двозначністю і їх можна пояснювати по-різному. Письменники П. Інгульський, В. Колодій, І. Сварник показали це на прикладі окремих віршів вищезгаданої збірки. І. Вільде, Т. Мигаль, Р. Федорів, А. Буличова говорили про те, що І. Калинець виріс, виховувався і сформувався як поет за часів радянської влади, а у своїх творах весь час підкреслює думку, що тільки в традиціях минулого людина знаходить поживу для душі, уболіваючи за церкви, ікони та інші релігійні атрибути. В той же час в окремих своїх творах автор заявляє, що він взагалі не визнає сучасного життя, в ряді картин і образів навколишнє життя виступає похмурим, непривітним, чужим. Через це і «полюбляють» І. Калинця різні реакційні і буржуазно-націоналістичні видавництва.

Усі виступаючі пропонували І. Калинцю висловити своє ставлення до факту появи його збірки «Поезії з України» і радили йому виступити в офіційній пресі з приводу цих публікацій за кордоном.

І. Калинець виступав двічі – на початку обговорення і в кінці. Він заявив, що поскільки його віршів у нас не друкують, а Львівська письменницька організація порвала з ним будь-які зв’язки і стосунки, то він сам розмножує і роздає свої твори друзям і знайомим, своїх віршів за кордон не висилав і нікому не доручав цього робити. На запитання, чи знав він про вихід збірки «Поезії з України» в Брюсселі, відмовився дати відповідь. Заявив, що в сучасному українському літературному процесі існує дві течії «офіційні письменники», яких всюди друкують, і «найбільш талановита молодь», яка не друкується (Л. Костенко, Я. Павличко, Г. Чубай, Шевчук і інш.). «І для того, щоб нас не друкували за кордоном, заявив він, нас треба друкувати на Україні». Складається враження, що І. Калинець виступає від певної частини початкуючих письменників України, тісно зв’язаних між собою і твори яких по зрозумілих причинах не з’являються у нашій пресі. На початку обговорення І. Калинець попередив присутніх, що він не даватиме відповіді на «прокурорські» запитання і залишає за собою право піти з засідання правління, коли вважатиме це необхідним для себе. В кінці обговорення сказав, що всі виступаючі по-дружньому поставилися до нього, дали йому багато порад, які він врахує в майбутньому, ще раз заявив, що збірка поезій в Брюсселі і окремі вірші в інших закордонних виданнях друкувалися без його відома, передмови до збірки поезій він не писав, нічого спільного з автором передмови не має і відмежовується від того, що сказано в цій передмові про Тичину, Рильського і Бажана (тобто відмежовується не від усієї передмови, а невеликої її частини).

Відділ пропаганди і агітації обкому партії планує провести відповідну роботу з Калинцем, викликати його на бесіду у відділ з тим, щоб організувати виступ в обласній пресі щодо публікацій його творів за кордоном. При доброзичливому ставленні І. Калинця до цих заходів разом з Львівською організацією Спілки письменників

підготувати до друку збірку його творів, уважно розглянувши і ретельно підібравши вірші до цієї збірки.

Зав. відділом пропаганди і агітації
Львівського обкому КП України В. Подольчак
22. IX. 1971р.

2-ая.
Другий примірник знищено
В. Подольчак 6.Х.71.

Примітка:
В лівому верхньому куті документа (арк. 25) є напис:
«До справи
2.Х.71. поінформовано першого секретаря ОК тов. Куцевола В. С.
6.Х.71. надіслано інформацію в ЦК КП України.
Робота з І. Калинцем продовжується.
В. Подольчак. 6.Х.71»

ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 19. – Спр. 203. – Арк. 25–26.
Опубл.: Українська поезія під судом КГБ… – С. 84–86.

№ 214

1971. – Грудня 28. – Постанова про арешт поштово-телеграфної кореспонденції Ірини Калинець

Наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию КАЛИНЕЦ (СТАСИВ) Ирины Онуфриевны и ее выемку
«Санкционирую»

Зам. Прокурор Украинской ССР
Государственный советник юстиции I класса
(печатка, підпис) Ф. Глух

«28» декабря 1971 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и ее выемку

г. Киев
«28» декабря 1971 года

Старший следователь следственного отдела КГБ при СМ УССР капитан ТКАЧ, рассмотрев материалы уголовного дела № 42 и принимая во внимание, что в корреспон-

денции КАЛИНЕЦ (СТАСИВ) Ирины Онуфриевны могут быть выявлены документы, имеющие отношение к настоящему делу, руководствуясь ст. 187 УПК УССР,

постановил:

Наложить арест на внутрисоюзную и международную почтово-телеграфную корреспонденцию, которая поступает на имя КАЛИНЕЦ (СТАСИВ) Ирины Онуфриевны, проживающей в г. Львове по ул. Кутузова, дом 118, кв. 12, а также исходящую от нее корреспонденцию (письма, телеграммы, бандероли, посылки), производить ее осмотры и в случае необходимости – выемку.

В соответствии со ст. 118 УПК УССР осмотры и выемку корреспонденции поручить сотрудникам следотдела УКГБ по Львовской области.

Предложить начальнику главпочтамта г. Львова задерживать указанную корреспонденцию и немедленно извещать следователя об этом для производства ее осмотра и выемки, направив ему копию настоящего постановления.

Старший следователь следотдела КГБ при СМ УССР
Капитан Ткач

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 1.– Арк. 117–118.
Опубл.: Українська поезія під судом КГБ… – С. 97–98.

№ 215

1972. – Січня 14. – З кримінальної справи 1965–1966 рр. на Михайла і Богдана Горинів, Мирославу Зваричевську та Михайла Осадчого

ПРОТОКОЛ ОГЛЯДУ
(архівної кримінальної справи № 56876 по обвинуваченню
Гориня Михайла Миколайовича і інших)

14 січня 1972 року
місто Львів

Старший слідчий УКДБ при РМ УРСР по Львівській області майор Малихін з участю понятих Крутько Любові Сергіївни, що мешкає в місті Львові, вул. Журавлина, 5, кв. 7, і Мілінчук Ольги Кузьмінічни – мешкає в місті Львові, вул. Куйбишева, 16, кв. 7, в своєму службовому кабінеті, з додержанням вимог ст.ст. 190, 191 і 195 КПК УРСР провів огляд кримінальної архівної справи № 56876 по обвинуваченню, – ГОРИНЯ Михайла Миколайовича, 1930 року народження, ГОРИНЯ Богдана Миколайовича, 1936 року народження, ЗВАРИЧЕВСЬКОЇ Мирослави Василівни, 1936 року народження, ОСАДЧОГО Михайла Григоровича, 1936 року народження всіх – по ст. 62 ч. І КК УРСР.

Понятим роз'яснено їх право бути присутніми під час проведення огляду, робити зауваження з приводу цього огляду, які вносяться до протоколу, а також, згідно ст. 127 КПК УРСР, їх обов'язок підтвердити підписами зміст та наслідки цього огляду.

Огляд почато в 9 годин.

Оглядом встановлено:

Кримінальна справа по факту розповсюдження в місті Львові документів антирадянського змісту була порушена 9 серпня 1965 року Управлінням КДБ по Львівській області з метою виявлення осіб, що займалися цими злочинними діями, і притягнення їх до відповідальності.

Попереднім слідством було встановлено, що виготовленням, розмноженням та розповсюдженням документів антирадянського змісту в м. Львові займалися ГОРИНЬ Михайло, ГОРИНЬ Богдан, ЗВАРИЧЕВСЬКА Мирослава, ОСАДЧИЙ Михайло і інші. Під час проведення обшуків у вищезгаданих осіб була знайдена і вилучена значна кількість документів антирадянського змісту, а також засоби розмноження: друкарські машинки, фотоприладдя, папір, копірка, велика кількість літератури та документів антирадянського націоналістичного змісту.

Матеріалами попереднього слідства та судового розгляду було встановлено, що притягнуті до кримінальної відповідальності ГОРИНЬ Михайло, ГОРИНЬ Богдан, ЗВАРИЧЕВСЬКА Мирослава і ОСАДЧИЙ Михайло на основі спільності антирадянських поглядів стали на шлях проведення антирадянської пропаганди і, намагаючись надати цій справі більш широкий розмах, на власні та зібрані кошти придбали засоби для розмноження антирадянських документів, виявляли нестійких ідейно та політично незрілих осіб, яких притягали та використовували в розмноженні та розповсюдженні ворожих антирадянських документів, «створювали» наклепницькі пасквілі та поширювали їх серед свого оточення.

Так, в 1964 році до проведення злочинної діяльності були притягнуті МЕНКУШ Ярослава (засуджена по іншій справі), САДОВСЬКА Ганна, подружжя КАЛИНЕЦЬ Ірина і КАЛИНЕЦЬ Ігор, КОБИЛЮХ та інші.

При допомозі названих осіб ГОРИНЬ Михайло і його брат ГОРИНЬ Богдан розмножували та розповсюджували антирадянські документи, в тому числі програмного характеру, а також книжки антирадянського змісту, видані українськими націоналістичними центрами за кордоном.

Для розмноження антирадянських документів обвинувачені ГОРИНЬ Михайло, ГОРИНЬ Богдан і притягнутий по іншій справі ГЕЛЬ Іван в квітні 1964 року купили портативну друкарську машинку марки «Москва» № 138595, на якій подружжя КАЛИНЦІВ Ігор і його жінка Ірина та МЕНКУШ Ярослава розмножували антирадянські документи.

Так, на допиті 1 листопада 1965 року обвинувачений ГОРИНЬ Богдан показав, що весною 1965 року він передав КАЛИНЕЦЬ Ірині печатну машинку № 138595 марки «Москва» і передав їй для передрукування статтю антирадянського змісту «Українська освіта в шовіністичному зашморзі», документ такого ж змісту під заголовком «З приводу процесу над Погружальським», «Відповідь матері Василя Симоненка Г. Щербань», щоденник Симоненка під назвою «Окрайці думок». Всі названі документи Калинець Ірина передрукувала в кількох примірниках і віддала йому (т. 5 а. с. 52–65).

На допиті 9 листопада 1965 року обвинувачений ГОРИНЬ Богдан показав, що для розмноження антирадянських документів він передав КАЛИНЕЦЬ Ірині не тільки друкарську машинку, але й копірку і папір.

На допиті 16 листопада 1965 року обвинувачений ГОРИНЬ Богдан показав, що крім того, що він давав передруковувати КАЛИНЕЦЬ Ірині деякі документи антирадянського змісту, він давав читати подружжю КАЛИНЕЦЬ і деякі книжки такого ж змісту, видані за кордоном. Так, літом 1965 року він передав книжку «Сучасна літера-

тура в УРСР» Ігорю Калинцю. Крім цієї книжки, весною 1965 року він давав читати Ігорю і Ірині Калинцям фотокопію передмови до книжки Івана Кошелівця «Панорама найновішої літератури в УРСР».

На допиті 10 грудня 1965 року обвинувачений ГОРИНЬ Богдан показав про знайомство з КАЛИНЦЕМ Ігорем і про свої з ним стосунки. В своїй заяві на ім'я начальника УКДБ по Львівській області обвинувачений ГОРИНЬ Богдан вказав:

«Отруївши свою свідомість націоналістичними ідеями, я почав дбати про розмноження та розповсюдження націоналістичної антирадянської літератури. З цією метою я дав перефотографувати націоналістичного змісту передмову до книги І. Кошелівця «Панорама найновішої літератури в УРСР» і виготовлені фотографом Ольхов'яком два екземпляри цієї передмови віддав один Зваричевській, а другий передав у Луцьк Іващенкові. Я втягнув у розмноження антирадянських документів Ірину КАЛИНЕЦЬ, віднісши до неї на квартиру машинку марки «Москва», придбану моїм братом Михайлом разом із його знайомим Гелем спеціально з метою розмноження ідейно невитриманої і антирадянської націоналістичної літератури. Передруковані І. КАЛИНЕЦЬ «Українська освіта в шовіністичному зашморзі» і «З приводу процесу над Погружальським» я віддав для розповсюдження братові Михайлу».

На допиті 17 січня 1966 року обвинувачений ГОРИНЬ Богдан знову показав про те, як він весною 1965 року передав КАЛИНЕЦЬ Ірині друкарську машинку марки «Москва», а потім передав їй документи антирадянського змісту, які вона розмножила на машинці і повернула йому. Крім того, він передав їй і КАЛИНЦЮ Ігорю антирадянські книжки.

Притягнута до кримінальної справи ЗВАРИЧЕВСЬКА Мирослава на допиті 31 серпня 1965 року показала, що КАЛИНЦЮ Ігорю вона давала читати антирадянський документ під заголовком «З приводу процесу над Погружальським».

В своїх власноручних показах від 25 жовтня 1965 року обвинувачена ЗВАРИЧЕВСЬКА Мирослава показала, що під час обшуку у неї була вилучена стаття «Радянізація Тичини», що цю статтю вона одержала від СТАСІВ Ірини (дівоче прізвище КАЛИНЕЦЬ Ірини), що від Ігоря КАЛИНЦЯ вона одержала статтю «З приводу процесу над Погружальським».

На допиті 27 жовтня 1965 року обвинувачена Зваричевська Мирослава уточнила, що статтю «Радянізація» Павла Тичини» їй передав в травні 1965 року КАЛИНЕЦЬ Ігор. Трохи раніше від нього ж вона одержала книжку, видану за кордоном, в якій викладено про історію радянської української літератури.

На допиті 2 листопада 1965 року обвинувачена ЗВАРИЧЕВСЬКА М. В. показала, що передруковані статті «З приводу процесу над Погружальським» і «Відповідь матері В. Симоненка» (Так у документі. – *Ред.*) вона одержала також від КАЛИНЦЯ Ігоря.

На допиті 17 листопада 1965 року ЗВАРИЧЕВСЬКА М. В. знову підтвердила свої покази відносно подружжя КАЛИНЦІВ.

На допиті 15 грудня 1965 року обвинувачена ЗВАРИЧЕВСЬКА М. В. уточнила свої покази відносно статті «Відповідь матері В. Симоненка» і заявила, що цю статтю вона одержала від ГОРИНЯ Михайла, а не від КАЛИНЦЯ Ігоря.

На допиті 23 грудня обвинувачена ЗВАРИЧЕВСЬКА М. В. розповіла про свої стосунки з КАЛИНЦЕМ Ігорем, з усіма уточненнями.

На допиті 9 січня 1966 року ЗВАРИЧЕВСЬКА показала, що документи антирадянського змісту «З приводу процесу над Погружальським» і «Радянізація» Павла Тичини» вона одержала від КАЛИНЦЯ Ігоря.

По цій справі, як свідок 15 вересня 1965 року був допитаний КАЛИНЕЦЬ Ігор Миронович, який показав, що особисто він не друкує на машинці, що друкує його дружина КАЛИНЕЦЬ Ірина.

На допитах 10 і 11 листопада 1965 року КАЛИНЕЦЬ Ігор показав про стосунки, які існують між ним і його дружиною, з одного боку, і ГОРИНЕМ Богданом і ЗВАРИЧЕВСЬКОЮ Мирославою, що ці стосунки є добрі, що в травні 1965 року ГОРИНЬ Богдан приносив до них друкарську машинку і КАЛИНЕЦЬ Ірина надрукувала на ній деякі вірші В. Симоненка, виступ критика І. Дзюби на вечорі, присвяченому пам'яті В. Симоненка, та ще якісь матеріали для ГОРИНЯ Богдана.

На допитах 12 і 13 листопада 1965 року КАЛИНЕЦЬ Ігор показав про те, що в 1965 році він кілька разів отримував від ГОРИНЯ Богдана, ГОРИНЯ Михайла, ЗВАРИЧЕВСЬКОЇ Мирослави і КОЗАКА Степана[1] деякі матеріали антирадянського змісту, які він читав разом з КАЛИНЕЦЬ Іриною, і що деякі з цих матеріалів були передруковані на машинці його дружиною.

На допиті 26 листопада 1965 року КАЛИНЕЦЬ Ігор показав про те, що він особисто написав статтю під назвою «Радянізація» Павла Тичини», використавши для цього книжку антирадянського змісту автора Меженка[2], видану за кордоном.

29 листопада 1965 року КАЛИНЕЦЬ Ігор був допитаний про друкування документів антирадянського змісту його дружиною КАЛИНЕЦЬ Іриною.

На допиті 10 січня 1966 року КАЛИНЕЦЬ Ігор показав, що статтю антирадянського змісту «Радянізація» Павла Тичини» він написав з власної ініціативи.

Свідок КАЛИНЕЦЬ Ірина Онуфріївна була допитана 10, 11, 12 листопада і 9 грудня 1965 року.

На першому допиті КАЛИНЕЦЬ Ірина показала, що ніяких документів нікому не друкувала і не читала документів антирадянського змісту. На допиті 11 листопада 1965 року КАЛИНЕЦЬ Ірина змінила свої покази і заявила, що на машинці, яку приносив до неї ГОРИНЬ Богдан, вона надрукувала для нього деякі вірші В. Симоненка, виступ І. Дзюби на річницю смерті В. Симоненка і антирадянську статтю «Українська освіта в шовіністичному зашморзі».

На допиті 12 листопада 1965 року КАЛИНЕЦЬ Ірина уточнила свої покази відносно друкування нею статей антирадянського змісту «Українська освіта в шовіністичному зашморзі» і «Радянізація» Павла Тичини», а також про ознайомлення з журналом «Сучасність», який видається за кордоном українськими буржуазними колами.

На допиті 9 грудня 1965 року КАЛИНЕЦЬ Ірина показала, що на друкарській машинці марки «Москва», яку приносив до неї ГОРИНЬ Богдан, вона з власної ініціативи переробила шрифт, щоб можливо було друкувати на українській мові.

---

[1] Козак Степан, син Петра, 1937 р. н. (с. Вербиця Замойського воєводства, Польща), українець. Виселений за акцією «Вісла». Вступив до Варшавського університету і був скерований для навчання на філологічний факультет Київського державного університету (1957–1962). Працював публіцистом газети «Наше слово» (Варшава). Навчався в аспірантурі КДУ (1964–1967). За участь у русі шістдесятників зазнав переслідувань. Доктор філологічних наук (1968), президент Польської асоціації україністів (1990). Нині – професор, зав. кафедри української філології Варшавського університету.

[2] Меженко Юрій Олексійович (1902–1969) – бібліограф, літературознавець. Зібрав велику колекцію матеріалів про Т. Шевченка. Праці про книгознавство та з історії українського театру. Похований у Києві. Книжки Ю. Меженка за кордоном на той час не видавалися.

Обвинувачений ГОРИНЬ Михайло Миколайович на допиті 4 січня 1966 року показав, що він не знав про те, що на його машинці подружжя КАЛИНЦІВ друкували антирадянські документи.

Під час слідства друкарська машинка марки «Москва» № 138595, на якій літом 1965 року Калинець Ірина друкувала документи антирадянського змісту, була вилучена у притягнутої до кримінальної відповідальності по іншій справі МЕНКУШ Ярослави Михайлівни[3]. Для дослідження, на якій саме машинці були надруковані антирадянські документи, по справі 14 жовтня 1965 року була призначена криміналістична експертиза.

Експерти прийшли до висновку, що документи «Радянізація» Павла Тичини», «З приводу процесу над Погружальським» надруковані на машинці «Москва» № 138595.

До справи приєднані речові докази – документи антирадянського змісту, в тому числі такі як: «З приводу процесу над Погружальським», «Радянізація» Павла Тичини», «Українська освіта в шовіністичному зашморзі».

Машинка марки «Москва» № 138595 постановою від 15 лютого 1966 року приєднана як речовий доказ до кримінальної справи по обвинуваченню МЕНКУШ Я. М.

На допитах КАЛИНЕЦЬ Ігор і КАЛИНЕЦЬ Ірина розкаялися в скоєному злочині, засудили свої дії і з огляду на це вони не були притягнуті по цій справі до кримінальної відповідальності. Матеріали відносно них були виділені з кримінальної справи і направлені в оперативний відділ УКДБ по Львівській області для проведення додаткової перевірки.

Під час розгляду цієї справи 13–18 квітня 1966 року Судовою колегією Львівського обласного суду, як свідки, були допитані КАЛИНЕЦЬ Ігор і КАЛИНЕЦЬ Ірина, які показали, що в 1965 році одержували від ГОРИНЯ Богдана і ЗВАРИЧЕВСЬКОЇ Мирослави документи антирадянського змісту, крім того, КАЛИНЕЦЬ Ірина одержала від ГОРИНЯ Богдана друкарську машинку і передрукувала на ній антирадянські документи «З приводу процесу над Погружальським», «Українська література в шовіністичному зашморзі» і інші.

Вироком від 18 квітня 1966 року ГОРИНЬ Михайло і ГОРИНЬ Богдан, згідно зі ст.ст. 62 ч. I і 64 КК УРСР засуджені, перший – на 6 років позбавлення волі, а другий – на три роки позбавлення волі. ОСАДЧИЙ Михайло – по ст. 62 ч. I КК УРСР на два роки, а ЗВАРИЧЕВСЬКА – по ст. 62 ч. I КК УРСР на 8 місяців позбавлення волі.

Судова колегія Львівського обласного суду винесла окрему ухвалу відносно ЧОРНОВОЛА В'ячеслава Максимовича, на якого в грудні 1965 року матеріали про його злочинну діяльність були виділені і направлені для розслідування в УКДБ по Київській області, але, не дивлячись на те, що він не припинив своєї злочинної діяльності, його не притягнуто до кримінальної відповідальності.

Ухвалою від 17 травня 1966 року Судової колегії в кримінальних справах Верховного Суду УРСР виключено з вироку ст. 64 відносно ГОРИНЯ Михайла і ГОРИНЯ Богдана. Крім того, скасована окрема ухвала відносно тяганини в ви-

[3] Менкуш Ярослава Михайлівна, нар. 1923 р. у Пустомитах на Львівщині. До 1955 р. перебувала у підпіллі ОУН. Здобула середню спеціальну освіту і працювала конструктором-модельєром у Львівському проектно-конструкторському інституті легкої промисловості. Передруковувала і поширювала самвидав. У березні 1966 р. засуджена Львівським облсудом на 2,5 року таборів суворого режиму. Верховний Суд УРСР зменшив термін до одного року таборів.

рішенні питання про притягнення до кримінальної відповідальності ЧОРНОВОЛА В. М.

...Архівна кримінальна справа № 56876 в 20-ти томах знаходиться в УКДБ по Львівській області.

Огляд справи проводився:

12 січня 1972 року від 9 до 12 години.
13 січня 1972 року від 10 до 16 години.
14 січня 1972 року від 9 до 14 години.
Заяв і зауважень від понятих з приводу огляду справи не поступило.
Протокол нами прочитан (так у документі. – *Ред.*), записано правильно.

Поняті: Крутько
Мілінчук

Ст. слідчий УКДБ при РМ УРСР по Львівській області
майор Малихін

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 3. – Арк. 176–183.
Опубл.: Українська поезія під судом КГБ… – С. 18–26.

№ 216

1972. – Липня 5. – Довідка УКДБ про зарубіжні публікації Ірини та Ігоря Калинців

СПРАВКА
по материалам зарубежной националистической прессы
на КАЛИНЕЦ Ирину Онуфриевну.

Из просмотренных националистических газет и журналов, издаваемых за рубежом за 1966–1971 годы, видно, что заявление КАЛИНЕЦ И. О., направленное ею на имя Председателя Верховного Суда УССР, в «защиту» осужденного за антисоветскую деятельность МОРОЗА В. Я. печаталось на страницах этих газет и журналов. Так, в газете «Гомін України» от 23 января 1971 года, на третьей странице напечатано письмо КАЛИНЕЦ И. О. и ее супруга – КАЛИНЕЦ Игоря к Председателю Верховного Суда в «защиту» МОРОЗА. Третья часть четвертой страницы отводится поэзиям Игоря КАЛИНЦА, посвященным МОРОЗУ, где последний изображен «героем мучеником», сравнивается с Исусом Христом.

Журнал «Визвольний шлях» № VII–VIII за июль–август 1971 года печатает на стр. 802 обращение супругов КАЛИНЕЦ на имя Председателя Верховного Суда УССР в отношении судебного процесса над МОРОЗОМ.

В газете «Гомін України» от 6 февраля 1971 года, стр. 4, в дополнении «Література і мистецтво» напечатана заметка: «Видання захалявних поезій». В ней говорится, что это издательство выпустило в Европе два сборника захалявной поэзии, переправленных

с Украины для опубликования за границей. Первый сборник И. КАЛИНЦА «Поезії з України», 144 стр., а второй сборник В. СТУСА «Зимові дерева», 212 стр.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА УКГБ ПРИ СМ УССР
ПО ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ А. Киричук

5 липня 1972 р.

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 4. – Арк. 131.
Опубл.: Українська поезія під судом КГБ… – С. 89–91.

№ 217
1972. – Серпня 2. – Вирок Львівського обласного суду у справі Ірини Калинець

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

1972 року серпня 2 дня Судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду в складі:

Головуючого – члена Львівського обласного суду Крючкова-Дворецького Є. І. Народних засідателів Львівського обласного суду Печенко Є. С., Маркіна С. Я., при секретарі Новосад Г. І., з участю прокурора Куценка П. М. та адвоката Федорищевої Л. І.,

розглянувши у закритому судовому засіданні в м. Львові кримінальну справу про обвинувачення

КАЛИНЕЦЬ Ірини Онуфріївни, народження 6 грудня 1940 року, уродженки і мешканки м. Львова, вул. Кутузова, 118, кв. 12, українки, громадянки СРСР, безпартійної, з вищою філологічною освітою, одруженої, на утриманні маючої дочку 1963 року народження, по спеціальності викладача української мови і літератури, працювавшої вихователькою групи продовженого дня в середній школі № 31 м. Львова, в скоєнні злочину, передбаченого част. І ст. 62 КК УРСР, Судова колегія

у с т а н о в и л а:

підсудна Калинець І. О., проживаючи в м. Львові, внаслідок націоналістичних переконань, починаючи з 1965 року до дня арешту в січні 1972 року, з метою підриву Радянської влади, займалася виготовленням, розповсюдженням і зберіганням літератури антирадянського, наклепницького змісту, а також проводила антирадянську пропаганду в усній формі.

Весною 1965 року Калинець отримала від свого знайомого Гориня Б. М. (засудженого в 1966 році за антирадянську діяльність) друкарську машинку марки «Москва» № 138595, на якій за домовленістю з ним розмножила в декількох примірниках антирадянські документи: «З приводу процесу над Погружальським» і «Українська освіта в шовіністичному зашморзі», в яких зводиться наклеп на національну політику КПРС та Радянського уряду, на радянську дійсність, радянське судочинство.

В цих антирадянських документах стверджується, що нібито Радянський Союз є «колоніальна імперія», український народ образливо називається рабами, ставиться під сумнів існування суверенної Радянської України.

Ці документи антирадянського змісту, розмножені в декількох примірниках, Калинець передала Гориню Богдану, який в свою чергу розповсюдив їх серед однодумців.

Незважаючи на попередження органів слідства в 1965 році, Калинець злочинних дій не припинила і продовжувала виготовляти, зберігати з тією ж метою антирадянські наклепницькі пасквілі та поширювати їх серед оточення.

З метою пропаганди антирадянських націоналістичних ідей Калинець в 1969–1971 роках написала значну кількість віршів, які проникнуті антирадянською націоналістичною ідеологією, ворожим ставленням до радянської соціалістичної системи, закликом до боротьби за «відродження України».

Всі ці вірші Калинець розмножила на друкарських машинках та зібрала в саморобні збірки у вигляді «самвидаву».

В 1969 році Калинець виготовила збірку віршів під назвою «Оранта», в першому розділі якої під назвою «З пустині ночі» помістила ряд віршів, що мають виразне антирадянське націоналістичне спрямування.

Поширюючи цю збірку віршів, Калинець давала її читати у себе на квартирі в 1969 р. гр. Чубаю та в 1969–1970 роках також у себе на квартирі особисто читала її Катерині Горбач, туристці з ФРН, та туристам з Югославії.

Один примірник цієї збірки вилучено під час обшуку на квартирі Калинець.

В 1970 році Калинець в збірку віршів під назвою «Дорога вигнання» помістила написані нею вірші, які мають антирадянський націоналістичний зміст, яку присвятила Чорноволові В. М., засудженому в 1967 році за розповсюдження наклепницьких вигадок на радянський державний та суспільний лад. В цій збірці Калинець зображає Чорновола як «мученика», «героя», який постраждав за їх спільну справу. «Пустинею», «зчорнілою землею» вона називає сьогоднішній Радянський край. Вся збірка проникнута антирадянським змістом.

В 1969 році Калинець, поширюючи документи антирадянського змісту, на квартирі Чорновола В. М. начитала для нього на його магнітофон вірші з цієї збірки, а в 1970 році віддруковану збірку цих віршів «Дорога вигнання» подарувала Чорноволові В. М.

Влітку 1971 року Калинець окремі вірші з цієї збірки у себе на квартирі передала також гр. Саврон Г. Б.

Вказана збірка віршів, магнітофонна стрічка з записом віршів з цієї збірки вилучені під час обшуку квартири Чорновола В. М., ряд віршів з цієї збірки вилучені у Саврон Г. Б., а також ряд віршів з цієї збірки «Дорога вигнання» Калинець зберігала у себе на квартирі, де вони були вилучені під час обшуку.

В 1970–1971 роках Калинець виготовила вірш «Плач Ярославни», в якому зводить наклеп на радянський лад, стверджуючи, що нібито український народ знаходиться «в полоні страху і зневіри», радянський лад називає «ордою чужою», яка нібито держить в страху 40 мільйонів українців.

Цей вірш Калинець зберігала в своїй квартирі до дня вилучення його по справі.

В 1971 році Калинець виготовила збірку віршів під назвою «Дзвони», яку присвятила засудженому в 1970 році за антирадянську діяльність Морозу В. Я. В цю збірку Калинець помістила вірші з закликом до боротьби проти радянської влади, вихваляючи осіб, що займалися антирадянською діяльністю, вважаючи їх своїми однодумцями.

З метою поширювання цієї збірки Калинець в тому ж році в м. Львові передала один примірник збірки Чорноволу В. М., а також навесні 1971 року на своїй квартирі в м. Львові подарувала цю збірку жителю м. Києва Плахотнюку М. Г., який в свою чергу передав її Рокецькому В. Ю., також притягнутим до кримінальної відповідальності за антирадянську діяльність.

Окремі вірші з циклу «Слово до побратимів», а саме: «Катерині Зарицькій», «Ніні Караванській», «Раї Мороз» і «Аллочці Горській», Калинець передала влітку 1971 року у себе на квартирі гр. Савронь Г. Б. Всі примірники збірки «Дзвони» та названі окремі вірші з цієї збірки були вилучені під час обшуків по справі у Чорновола В. М., Рокецького В. Ю., Савронь Г. Б. та особисто у Калинець.

На початку 1971 року Калинець виготовила збірку віршів під назвою «Гротески», в якій зводить наклеп на радянську дійсність, радянську інтелігенцію, працівників радянських установ, на все радянське суспільство.

В 1971 році Калинець передала по одному примірнику цієї збірки Чорноволу В. М. та Осадчому М. Г., які у них були вилучені під час обшуку.

Поряд з цим, Калинець, проживаючи в м. Львові, в 1968–1971 роках серед свого оточення з тією ж метою проводила антирадянську пропаганду в усній формі, розповсюджуючи антирадянські наклепницькі вигадки, що порочать радянський державний і суспільний лад.

Так, в 1968–1969 роках, працюючи у 63-й середній школі м. Львова, Калинець в розмовах з учнями Синєоким Володимиром та Колясою Ярославом зводила наклеп на Радянську владу, стверджуючи, що нібито підпал Київської бібліотеки здійснено з метою знищення пам’ятників (Так у документі. Треба – пам’яток. – *Ред.*) української літератури, що Погружальський був лише знаряддям скоєння злочину, що слідство і суд по справі Погружальського проводились необ’єктивно. Суд нібито визнав Погружальського психічно хворим з тим, щоб навмисно приховати мету скоєння злочину.

В 1968 році під час подій в ЧССР у розмовах з учнями Синєоким і Колясою Калинець, підтримуючи антирадянську діяльність Чорновола В. М., заявила, що на випадок його нового арешту вона поступить з собою так, як це зробив Ян Палах в Чехословаччині, тобто спалить себе.

В 1968 і 1971 роках Калинець на своїй квартирі в м. Львові в розмовах з гр. Рузановим О. М. заявляла, що засуджений за антирадянську діяльність Мороз В. Я. являється нібито «борцем» за український народ, є його національним «героєм». Калинець стверджувала, що Україна повинна бути «самостійною і незалежною» від Росії державою, не входити до складу СРСР.

В 1968 році у себе на квартирі в м. Львові Калинець в присутності гр. Чубая Г. П. зводила наклеп на національну політику Радянського уряду, роблячи висновки, що нібито українцям в капіталістичних країнах живеться краще, ніж в нашій країні.

Влітку 1971 року Калинець в присутності гр. Савронь Г. Б. при зустрічі у себе на квартирі в м. Львові з туристом з ФРН Марком Горбачем заявляла, що нібито Україна може успішно розвиватися лише окремо від СРСР, що для цього необхідна збройна боротьба за так звану «самостійну Україну» з допомогою добре озброєної та дисциплінованої армії.

В грудні 1971 року Калинець разом з Чорноволом В. М. приймала участь у створенні так званого «Комітету захисту Ніни Строкатої», притягнутої до кримінальної

відповідальності за антирадянську діяльність, увійшла до складу цього «Комітету», стала співавтором заяви «Комітету», в якій зводиться наклеп на органи Радянської влади та на радянську дійсність, стверджується про нібито безпідставні арешти та судові процеси в СРСР. Один примірник цієї заяви Калинець в січні 1972 року передала в м. Львові жителю м. Києва Стусу В. С., також притягнутому до кримінальної відповідальності за антирадянську діяльність.

Поряд з цим, Калинець 9 січня 1972 року у себе на квартирі в м. Львові отримала від Стуса В. С. та зберігала до вилучення по справі збірку його віршів «Зимові дерева» і його рукопис під назвою «Феномен доби», в яких зводиться наклеп на радянський державний та суспільний лад.

З 1959–1964 років до дня арешту в січні 1972 року Калинець зберігала у себе на квартирі в м. Львові книжки антирадянського націоналістичного змісту: «Історія України» Антоновича, «Світова революція» Масарика, «Вертеп» Любченка та «Гей видно село» Голубця.

Допитана в судовому засіданні по суті пред'явленого їй обвинувачення за част. І ст. 62 КК УРСР Калинець І. О. винною себе не визнала і пояснила, що вона не займалася виготовленням, розповсюдженням літератури антирадянського наклепницького змісту, а також не проводила антирадянську пропаганду в усній формі.

Калинець пояснила, що весною 1965 року вона дійсно отримала від Богдана Гориня та зберігала у себе на квартирі друкарську машинку марки «Москва» і статті «З приводу процесу над Погружальським» і «Українська освіта в шовіністичному зашморзі», але ці статті за дорученням Богдана Гориня передрукувала не вона, а незнайома для неї дівчина. Визнаючи виготовлення збірок віршів «Оранта», «Дорога вигнання», «Дзвони», «Гротески», вірша «Плач Ярославни», факти розмножування та розповсюдження нею вказаних збірок і віршів, зберігання у себе на квартирі збірки віршів В. Стуса «Зимові дерева», його рукопису «Феномен доби», книжок різних авторів «Історія України», «Світова революція», «Вертеп» і «Гей видно село», Калинець пояснила, що вона нічого антирадянського чи наклепницького в них не вбачає. Даючи оцінку своїм віршам, Калинець заявила, що всі вони ліричного характеру.

Не заперечуючи своєї участі в створенні так званого «Комітету на захист Ніни Строкатої», співавторство у виготовленні заяви від імені «комітету», його підписання та розповсюдження цього документа, Калинець пояснила, що в цій заяві немає жодного наклепу на органи Радянської влади та радянську дійсність.

Вина Калинець І. О. в скоєнні інкримінованих їй злочинних дій доведена повністю зібраними на попередньому слідстві та перевіреними під час судового слідства доказами по справі: речовими доказами, вилученими під час слідства та приєднаними до матеріалів справи, показами свідків, висновками проведених експертиз та іншими матеріалами справи.

Так, обставини, пов'язані з розмножуванням в 1965 році Калинець І. О. антирадянських документів «З приводу процесу над Погружальським» і «Українська освіта в шовіністичному зашморзі», досліджувались на попередньому слідстві та в судових засіданнях по кримінальній справі відносно Гориня Богдана та інших в 1965–1966 роках. Факт розмноження Калинець І. О. цих антирадянських документів підтверджувався показами Гориня Б. М., свідком Калинцем І. М. та особистими поясненнями підсудної Калинець І. О. (том 3, а. с. 176–222, 247–314).

З висновку криміналістичної експертизи по справі Гориня Б. М. та інших від 20 жовтня 1965 року вбачається, що текст антирадянського документа «З приводу процесу над Погружальським» надрукований на друкарській машинці «Москва» № 138596, яка, як визнає підсудна Калинець, була передана їй Горинем Богданом (том 3, а. с. 319–322).

Факт розмножування Калинець антирадянських документів «З приводу процесу над Погружальським» і «Українська освіта в шовіністичному зашморзі» визнаний доведеним вироком Львівського обласного суду по справі Гориня Б. М. та інших від 18 квітня 1966 року, який набув законної чинності (том 3, а. с. 337–343).

Підсудна Калинець стверджувала факт розмножування зазначених антирадянських документів і передачу їх для розповсюдження Гориню Б. М. і під час її допитів на попередньому слідстві по цій справі (том 1, а. с. 163–166, 170–173, 174–177).

Тільки перед закінченням попереднього слідства і в судовому засіданні по цій справі підсудна Калинець частково змінила свої покази по цьому епізоду обвинувачення, заперечуючи свою безпосередню участь в розмножуванні антирадянських статей «З приводу процесу над Погружальським» і «Українська освіта в шовіністичному зашморзі».

Допитані в судовому засіданні свідки Горинь Б. М. та Калинець І. М. відмовилися дати покази по цьому епізоду обвинувачення підсудної Калинець І. О.

Судова колегія, оцінюючи всі докази, зібрані і перевірені по цьому епізоду обвинувачення, вважає повністю доведеною вину Калинець І. О. в розмножуванні зазначених антирадянських статей, а зміну нею показів по цьому епізоду обвинувачення, а також відмову свідків Гориня Б. М. та Калинця І. М. від дачі показів Судова колегія вважає направленими на те, щоб дати можливість підсудній Калинець уникнути кримінальної відповідальності за скоєння цього особливо небезпечного державного злочину.

Вина підсудної Калинець у виготовленні, розповсюдженні і зберіганні значної кількості віршів антирадянського націоналістичного змісту, які відзначаються ворожим ставленням до радянської соціалістичної системи, закликом до боротьби за так зване «відродження» України доведена повністю слідуючими доказами.

З висновків лексико-стилістичної експертизи на попередньому слідстві від 26 квітня 1972 року і в судовому засіданні від 1 серпня 1972 року вбачається, що автором збірок віршів «Оранта», «Дзвони», «Гротески», «Дорога вигнання» є підсудна Калинець і що в ряді віршів цих збірок на перший план виступає їх антирадянська, націоналістична спрямованість, ненависть до соціалістичного ладу (том 4, а. с. 7–11). З висновку криміналістичної експертизи почерку підсудної Калинець за № 202/10-с від 28 березня 1972 року вбачається, що автором-виконавцем вірша «Плач Ярославни» є підсудна Калинець (т. 2, а. с. 20–22).

З висновку криміналістичної експертизи за № 389/24-с від 17 травня 1972 року вбачається, що збірки віршів «Дзвони» і «Гротески» віддруковані на машинці марки «Оптіма» № 986800, якою користувалася підсудна Калинець, друкуючи свої вірші (том 4, а. с. 30–32). Речовими доказами, приєднаними до матеріалів справи, які вилучені під час слідства у підсудної Калинець (збірка віршів «Оранта», «Дзвони», «Гротески», окремі вірші із збірки «Дорога вигнання» та вірш «Плач Ярославни»), у обвинуваченого по іншій справі Чорновола В. М. (збірки «Дорога вигнання», «Дзвони», «Гротески» і магнітофонна стрічка з записом віршів із збірки «Дорога вигнання», які читає Калинець І. О.), у обвинуваченого по іншій справі Осадчого М. Г. (збірка вір-

шів «Гротески»), у обвинуваченого по іншій справі Рокецького В. Ю. (збірка віршів «Дзвони»), у свідка Саврونь Г. Б. (окремі вірші із збірок «Дзвони», «Дорога вигнання») (том 3, а. с. 150, 155, 157–170, пакети № 2, 7 речових доказів, том 1, а. с. 54, 57, 59, 95, 104–105, 107, 109, пакети №№ 1, 2 речових доказів, том 3, а. с. 94, 97, пакет № 7 речових доказів, том 3, а. с. 172–175, пакет № 7 речових доказів).

Допитаний в судовому засіданні свідок Чубай Г. П. пояснив, що підсудна Калинець в 1969 році у себе на квартирі в м. Львові давала йому читати свою збірку віршів «Оранта» та в 1969–1970 роках також у себе на квартирі особисто читала цю збірку віршів Катерині Горбач – туристці з ФРН та туристам з Югославії.

Свідок Савронь Г. Б. на попередньому слідстві пояснила, що в період з 1969 року по 1971 рік Калинець у себе на квартирі в м. Львові читала їй збірку віршів «Оранта», «Гротески», «Дорога вигнання», а влітку 1971 року подарувала їй окремі вірші із збірки «Дзвони», «Дорога вигнання» (том 2, а. с. 15, 35–37).

Ці обставини свідок Савронь Г. Б. ствердила і в своїй заяві начальнику Управління КДБ по Львівській області від 28 січня 1972 року (том 2, а. с. 10–11).

Допитана в судовому засіданні свідок Савронь Г. Б. відмовилась дати покази по цьому епізоду обвинувачення.

Судова колегія, оцінюючи всі докази, зібрані і перевірені по цьому епізоду обвинувачення, вважає покази свідка Савронь Г. Б. по цьому епізоду на попередньому слідстві правдивими і переконливими, а відмову свідка Савронь Г. Б. від дачі показів в судовому засіданні Судова колегія розцінює як таку, що направлена на вигородження підсудної Калинець від кримінальної відповідальності за розповсюдження літератури антирадянського змісту.

Допитаний в судовому засіданні свідок Осадчий М. Г. пояснив, що Калинець наприкінці 1971 року передала йому свою збірку віршів «Гротески».

Вина підсудної Калинець І. О. в проведенні антирадянської пропаганди в усній формі доведена повністю слідуючими доказами.

Допитані в судовому засіданні свідки Синєокий В. П. і Коляса Я. В. пояснили, що підсудна Калинець в 1968–1969 роках в розмовах з ними зводила наклеп на Радянську владу, стверджуючи, що нібито підпал Київської бібліотеки здійснено з метою знищення пам’ятників української культури, що Погружальський був лише знаряддям цього злочину, що слідство і суд по справі Погружальського проводились необ’єктивно.

Свідки Синєокий і Коляса пояснили також в судовому засіданні, що Калинець в 1968 році під час подій в ЧРСР заявила їм, що на випадок нового арешту Чорновола В. М. вона спалить себе, як це зробив Ян Палах в Чехословаччині.

Свідок Рузанов О. М. пояснив на попередньому слідстві, що підсудна Калинець в 1968 і в 1971 роках на своїй квартирі в м. Львові неодноразово заявляла, що Україна повинна бути «самостійною і незалежною» від Росії державою і не входити до складу СРСР. Калинець заявляла також, що засуджений за антирадянську діяльність Мороз В. Я. являється «борцем» за український народ, є його «національним героєм» (том 2, а. с. 90–92, 96, 100, том 3, а. с. 71–85, пакет № 9 з магнітофонною стрічкою записів показів свідка Рузанова О. М.).

Покази свідка Рузанова О. М. в зв’язку з його неявкою в судове засідання з поважних причин були оголошені і перевірені в судовому засіданні.

Судова колегія вважає ці покази свідка Рузанова О. М. на попередньому слідстві правдивими і переконливими, а покази підсудної Калинець по цьому епізоду обви-

нувачення такими, що направлені на уникнення від кримінальної відповідальності за антирадянську пропаганду в усній формі.

Допитаний в судовому засіданні свідок Чубай Г. П. пояснив, що Калинець в 1969–1970 роках у себе на квартирі в м. Львові неодноразово заявляла при зустрічі з іноземними туристами, що українська культура в Радянській Україні занедбана і не розвивається, що в капіталістичних країнах українцям живеться краще, ніж в нашій країні.

Свідок Савронь Г. Б. пояснила на попередньому слідстві, що влітку 1971 року Калинець в її присутності у себе на квартирі в м. Львові в розмові з туристами з ФРН Марком Горбачем заявляла, що нібито Україна зможе успішно розвиватися лише окремо від СРСР, що для цього необхідна збройна боротьба за так звану «самостійну» Україну з допомогою добре озброєної та дисциплінованої армії (том 2, а. с. 17, 40).

Ці свої пояснення свідок Савронь Г. Б. ствердила і у своїй власноручній заяві на ім'я начальника Управління КДБ по Львівській області від 2 лютого 1972 року (том 2, а. с. 12–13).

Допитана в судовому засіданні свідок Савронь Г. Б. відмовилася дати покази по цьому епізоду обвинувачення.

Оцінюючи всі докази по цьому епізоду обвинувачення, Судова колегія вважає покази свідка Савронь Г. Б. і її власноручну заяву на попередньому слідстві правдивими і переконливими, а відмову свідка Савронь Г. Б. від своїх показів в судовому засіданні Судова колегія вважає такою, що направлена на вигородження підсудної Калинець від кримінальної відповідальності за антирадянську пропаганду в усній формі. Вина підсудної Калинець І. О. в створенні так званого «Комітету захисту Ніни Строкатої», в співавторстві у виготовленні заяви цього «комітету», в якій зводиться наклеп на органи Радянської влади та на радянську дійсність, яка підписана підсудною Калинець, стверджується слідуючими доказами.

Речовими доказами, вилученими під час слідства по цій справі і приєднаними до матеріалів справи: «Бюлетенем № 1» цього «Комітету» (пакет № 8 речових доказів).

Допитана в судовому засіданні підсудна Калинець по цьому епізоду обвинувачення пояснила, що їй відомо про притягнення Ніни Строкатої до кримінальної відповідальності за антирадянську діяльність і що в зв'язку з цим вона погодилася на пропозицію Чорновола В. М. створити так званий «Комітет захисту Ніни Строкатої» і підписала заяву цього «Комітету».

Вина підсудної Калинець І. О. в тому, що вона з метою підриву та ослаблення Радянської влади зберігала у себе на квартирі в м. Львові літературу антирадянського змісту: «Зимові дерева», «Феномен доби», «Історія України», «Світова революція», «Вертеп», «Гей видно село», стверджується, крім особистих показів підсудної Калинець, речовими доказами (том 1, а. с. 50, 53, 56–57) та іншими матеріалами справи (том 4, а. с. 47–48, 171–178, 201–204, пакети №№ 3, 4, 5 речових доказів).

При огляді речових доказів в судовому засіданні підсудна Калинець ствердила, що вилучена у неї на квартирі зазначена література дійсно зберігалася нею.

При таких обставинах, оцінюючи всі зібрані на попередньому слідстві і перевірені в судовому засіданні докази, судова колегія вважає вину підсудної Калинець І. О. в скоєнні антирадянської агітації і пропаганди доведеною повністю.

Злочинні дії підсудної Калинець І. О. вірно слід кваліфікувати за част. 1 ст. 62 КК УРСР, оскільки вона на протязі 1965–1972 років систематично займалася ви-

готовленням, розповсюдженням і зберіганням літератури антирадянського наклепницького змісту, а також проводила антирадянську пропаганду в усній формі. Ці дії були вчинені підсудною Калинець І. О. з прямим антирадянським умислом і продовжувались нею, не дивлячись на неодноразові попередження з боку органів слідства про припинення злочинної антирадянської діяльності. Про це свідчить антирадянський наклепницький зміст літератури, яку виготовляла, розповсюджувала і зберігала підсудна Калинець.

При обранні міри покарання підсудній Калинець Судова колегія врахувала суспільну небезпеку вчиненого підсудною Калинець особливо небезпечного державного злочину. Разом з тим, Судова колегія врахувала, що Калинець судиться вперше та на своєму утриманні має неповнолітню дитину.

При визначенні виду утримання Калинець в місцях позбавлення волі Судова колегія вважає необхідним у відповідності з вимогою закону обрати їй суворий режим утримання, оскільки вона вчинила особливо небезпечний державний злочин.

На підставі наведеного, керуючись ст.ст. 323, 324 КПК УРСР, Судова колегія в кримінальних справах Львівського обласного суду

п р и г о в о р и л а :

Калинець Ірину Онуфріївну визнати винною та обрати покарання за част. 1 ст. 62 КК УРСР шість років позбавлення волі у виправно-трудових колоніях суворого режиму з засланням після відбуття основної міри покарання строком на три роки в місцях, що визначаються органами, які відають виконанням вироку.

Строк відбуття покарання з врахуванням попереднього ув’язнення рахувати засудженій Калинець І. О. з 12 січня 1972 року.

Міру запобіжного заходу залишити без змін – утримання під вартою в слідчому ізоляторі УКДБ при РМ УРСР по Львівській області. Судові витрати по справі в сумі 160 крб. стягнути з засудженої Калинець на користь держави.

Речові докази: документи антирадянського змісту та магнітофонні стрічки з записами віршів засудженої Калинець І. О. та з записами допитів – залишити при справі.

Вирок може бути опротестований і оскаржений до Верховного Суду Української РСР на протязі семи діб з дня його оголошення, а засудженою Калинець І. О. в той же строк з дня вручення копії цього вироку.

Головуючий Крючков-Дворецький Є. І.
Народні засідателі Печенко Є. С.
Маркін С. Я.

З оригіналом звірено
Член Львівського облсуду
Є. Крючков-Дворецький

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 5. – Арк. 136–145.
Опубл.: Українська поезія під судом КГБ… – С. 314–326.

№ 218

1972. – Вересня 5. – Вирок Львівського обласного суду у справі Михайла Осадчого

Справа № 2.08
за 1972 рік

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.
5 вересня 1972 року
судова колегія в кримінальних справах
Львівського обласного суду в складі:
Головуючого – Хомюка І. Ю.,
народних засідателів – Ковальчука Г. М., Рекуненко О. І.,
при секретарі – Мурській Х. В.,
з участю прокурора – Садовського І. М.
розглянула в закритому судовому засіданні в м. Львові в приміщенні облсуду кримінальну справу про обвинувачення ОСАДЧОГО Михайла Григоровича (далі йдуть короткі анкетні дані) і

в с т а н о в и л а:

В 1967–68 рр. Осадчий з метою наклепу на радянську дійсність написав повість під назвою «Більмо», в якій шляхом перекручення фактів та зображення осіб, які відбували з ним покарання за ворожу Радянській владі діяльність, звів злісний наклеп на органи державної влади, на радянський державний та суспільний лад. Зазначену повість він зберігав в себе, а на початку 1969 року передав громадянину Світличному в Києві для ознайомлення. Внаслідок передачі цієї повісті Світличному вона була передана за кордон і надрукована антирадянськими націоналістичними видавництвами – журналами «Сучасність» №№ 11 і 12 за 1971 рік, «Визвольний шлях» №№ 2 і 3 за 1972 рік, газетою «Шлях перемоги» за 10 жовтня 1971 року. Написана Осадчим повість також поширювалася в місті Києві і була вилучена у Світличної.

Підсудний Осадчий в судовому засіданні винним в пред'явленому обвинуваченні себе не визнав. Він пояснив, що дійсно написав зазначені вище збірки (збірки віршів), але антирадянських цілей не переслідував. Повість «Більмо»... надрукована (на Заході) без його згоди...

З приєднаних до справи журналів, газет, ксерокопій журналу «Визвольний шлях», машинописного тексту повісті «Більмо» та ознайомлення з текстом цієї повісті вбачається, що її виготовив Осадчий. Цього факту він сам по суті не заперечує. Із змісту цієї повісті вбачається, що вона містить наклепницькі вигадки на радянський лад.

Керуючись ст.ст. 323, 324 КПК УРСР, судова колегія засудила: ОСАДЧОГО Михайла Григоровича визнати винним і покарати за ст. 62 ч. 2 КК УРСР на 7 (сім) років позбавлення волі у виправно-трудовій колонії особливого режиму з засланням на 3 (три) роки...

На підставі ст. 26 п. 1 КК УРСР Осадчого М. Г. визнати особливо небезпечним РЕЦИДИВІСТОМ.

Стягнути з Осадчого судових витрат 200 крб. на користь ДЕРЖАВИ!

І. Хом'юк

Опубл.: Осадчий М. Г. Більмо. – Львів: Каменяр, 1993. – С. 13–14.

№ 219

1972. – Листопада 15. – Вирок Львівського обласного суду у справі Ігоря Калинця

Справа № 2-09

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки.

15 листопада 1972 р.

судова колегія в кримінальних справах

Львівського обласного суду в складі:

Головуючого – члена Львівського обласного суду Сопілки Л. В.

Народних засідателів – Рекуненко О. Ф., Соколової Т. Г.

при секретарі – Новосад Г. І.

з участю прокурора – Буніна О. М.

та адвоката Федорищевої Л .І.

розглянувши в закритому судовому засіданні в м. Львові справу про обвинувачення:

КАЛИНЦЯ Ігоря Мироновича, народженого 9 липня 1939 р. в м. Ходорові Жидачівського району Львівської області, гр-на СРСР, українця, безпартійного, з вищою освітою, одруженого, має на утриманні доньку 9 років, до арешту працював старшим науковим працівником у Львівському обласному архіві, проживав в м. Львові по вул. Кутузова № 118, кв. 12, в минулому не судимого, в скоєнні злочинів, передбачених ч. 1 ст. 62 та ст. 179 КК УРСР, –

в с т а н о в и л а :

Підсудний Калинець І. М., проживаючи в м. Львові, внаслідок націоналістичних переконань, починаючи з 1965 р. до дня арешту в серпні 1972 року, з метою підриву Радянської влади займався виготовленням і зберіганням літератури антирадянського наклепницького змісту та провадив антирадянську агітацію і пропаганду.

Влітку 1965 року, з метою розповсюдження антирадянських наклепницьких вигадок, що порочать Радянський державний та суспільний лад, Калинець передав гр-ці Зваричевській (нині Мороз) в приміщенні Львівського обласного державного архіву кілька примірників антирадянських наклепницьких документів під назвами «Радянізація» Павла Тичини» та «З приводу процесу над Погружальським».

В цих документах зводиться наклеп на Радянський державний та суспільний лад, на національну політику КПРС та Радянського Уряду на Україні, на радянську дійсність та судочинство. З метою антирадянської пропаганди протягом 1967–1971 рр. Калинець

написав ряд віршів, які упорядкував у п'ять збірок у вигляді «самвидаву», під назвами: «Відчинення вертепу», «Коронування опудала», «Спогад про світ», «Підсумовуючи мовчання», «Віно для княжни».

Для всіх цих збірок властиве неприйняття, пряме чи завуальоване заперечення сучасної радянської дійсності, вихваляння націоналістів М. Сороки, В. Чорновола, В. Мороза, протиставлення України іншим народам СРСР, зображення її поневоленою, зруйнованою, нещасною, ідеалізація минулого, протиставлення його сучасності, невдоволення соціалістичним суспільством.

В 1967 р. Калинець в збірку під назвою «Відчинення вертепу» помістив вірші, в яких зводить наклеп на радянську дійсність, зображує наше життя похмурим і непривітним.

В вірші «Кам'яні баби» закликає до боротьби з Радянською владою. У віршах «Чорти під бузиною», «Архітектура», «Будинок», «Щастя», «Криниця», «Стріха», «Дитинство» Калинець виступає за оживлення уніатства. В них проводяться: наклепницька ідея пригноблення українського народу Радянською владою, націоналістична ідеологія та прагнення до «самостійницької» України.

Збірку «Відчинення вертепу» читали Кісь Р. Я., Саврон Г. Б.

Ряд віршів Калинець начитав на магнітофонну стрічку для жителя м. Києва Селезенка Л. В. Збірка потрапила до засудженої за антирадянську діяльність Шабатури С. М.

В 1970 р. ця збірка вийшла з друку в антирадянському українському буржуазно-націоналістичному видавництві в м. Брюсселі (Бельгія) під назвою «Поезії з України».

В 1969 р. Калинець в збірку під назвою «Коронування опудала» вмістив вірші, в яких протиставляє радянську дійсність минулому на користь останнього, виявляє осуд та ненависть до Радянської влади.

Цю збірку Калинець в липні 1969 року, в день святкування свого 30-річчя, читав для Кіся Р. Я., Чубая Г. П. та для нині засудженого за антирадянську діяльність Осадчого М. Г.

В 1970 р. Калинець склав збірку під назвою «Спогад про світ», в якій зводить наклеп на Радянську владу.

У віршах «Земля», «Вода», «Вогонь» Калинець зводить наклеп на російський народ, який нібито загарбав Україну, злоститься з приводу возз'єднання західних областей України в 1939 р. з Українською РСР, паплюжить радянську Вітчизну, стверджуючи, що в ній «палають храми і люди», що вона переживає тяжкі часи.

В інших віршах він вдається до наклепницьких ототожнень царизму і Радянського уряду в вирішенні національного питання та висловлюється проти дружби народів. Радянську країну змальовує як пустелю або в'язницю, натякає на якусь силу, що звільнить автора та його однодумців.

Збірку «Спогад про світ» Калинець передав Музиці Я. Л., а також арештованому за антирадянську діяльність Світличному І. О.

Восени 1970 р. Калинець склав збірку під назвою «Підсумовуючи мовчання», яку присвятив націоналістові Морозу В. Я., двічі судимому за антирадянську діяльність.

В цій збірці Калинець прославляє Мороза як національного героя, порівнює його з Христосом, змальовує як мученика Радянської влади.

Оплакуючи націоналістів, Калинець виявляє осуд до радянського правосуддя. У вірші «Обеліски диму» він змальовує радянський устрій як сучасну інквізицію.

У цій збірці Калинець зводить наклеп не лише на радянську дійсність, але і на Радянську Україну, український народ, ображає його, називаючи «юродивий народцю» за те, що він не підтримує націоналізму.

Окремі примірники збірки «Підсумовуючи мовчання» Калинець передав Чорноволу В. М., Стусу В. С., Світличному І. О. та Плахотнюку М. Г.

У збірці «Віно для княжни», складеній в 1971 році, Калинець проводить антирадянські націоналістичні ідеї.

Вірші «Вигнання», «Смерть» і «Безсмертя» він присвячує А. Горській, відомій своїми націоналістичними переконаннями.

У циклі віршів «Розмова з княжною» Калинець проповідує націоналістичні ідеї, презирливо називає український народ «невірним Хомою».

У вірші «Вежа твоєї печалі», висловлюючи націоналістичні ідеї, Калинець спотворює історичні факти.

В збірці «Віно для княжни» він підносить націоналістів до рівня героїв. Чорновола і Мороза називає «новітніми архангелами», а двічі судимого за антирадянську діяльність М. Сороку – «Калнишевським XX віку».

З метою поширення антирадянських націоналістичних ідей Калинець передав окремі примірники збірки «Віно для княжни» Світличному та Чорноволу, частина збірки потрапила до Світличної Н. О.

Внаслідок виготовлення і розповсюдження Калинцем своїх антирадянських націоналістичних віршів та збірок значна їх частина потрапила за кордон, де друкувалася антирадянськими українськими буржуазно-націоналістичними видавництвами.

Так, в ФРН, у Мюнхені, в оунівській газеті «Шлях перемоги» в 1968 р. був надрукований антирадянський вірш Калинця «Вітражі», а в газеті «Християнський голос» наклепницький щодо СРСР вірш «Церкви».

Як зазначалося вище, в 1970 р. в Бельгії вийшла з друку збірка антирадянських віршів Калинця «Поезії з України».

В 1972 р. (треба – 1971 р. – *Ред.*) у Мюнхені, в націоналістичному видавництві «Сучасність» вийшла з друку збірка віршів Калинця «Підсумовуючи мовчання».

Розповсюджуючи антирадянську збірку «Підсумовуючи мовчання» Калинець ознайомив з її змістом «редактора» самвидавницького журналу «Скриня» Чубая Г. П.

З метою дальшого розповсюдження Калинець зберігав у себе дома в кількох примірниках збірки своїх віршів та інші антирадянські документи: вірші «Елегії теорії відносності», «Височилася кров», «Стежкою мрій» та книжку «Український впоряд».

31 липня 1972 року Калинець, викликаний в судове засідання для допиту в якості свідка по кримінальній справі Калинець Ірини, попереджений про кримінальну відповідальність за злісне ухилення від виконання обов'язків свідка, без поважних причин відмовився давати покази суду.

Допитаний в судовому засіданні підсудний Калинець І. М. визнав себе винним частково, пояснивши, що дійсно протягом 1967–71 рр. він виготовив та розповсюджував в письмовій та усній формі серед своїх однодумців вірші, впорядковані в п'ять збірок: «Відчинення вертепу», «Коронування опудала», «Спогад про світ», «Підсумовуючи мовчання» та «Віно для княжни». Складаючи та розповсюджуючи свої збірки «Відчинення вертепу», «Коронування опудала» та «Спогад про світ» він не мав на меті провадження антирадянської агітації та підриву радянської влади. А до ознайомлення з висновком експертизи по справі не думав, що ці збірки можуть бути витлумачені як антирадянські.

Збірки віршів «Підсумовуючи мовчання» і «Віно для княжни» склав під впливом засудження В. Мороза, з яким приятелював і тому дуже важко сприйняв його арешт. Визнає, що в цих збірках є елементи критики радянської дійсності, але мети підриву Радянської влади не переслідував. До надрукування своїх віршів та збірок за кордоном не мав відношення. В 1965 році документів антирадянського змісту «Радянізація» П. Тичини» та «З приводу процесу над Погружальським» Зваричевській не передавав. 31 липня 1972 р. дійсно відмовився від дачі показів в суді по справі своєї дружини, оскільки вважав це незручним.

Покази підсудного, в яких він заперечує вчинення злочинних дій, не заслуговують на увагу, а його вина у виготовленні, зберіганні і розповсюдженні віршів, збірок та окремих документів антирадянського, націоналістичного змісту, які закликали до боротьби з радянською владою, доведено слідуючими доказами.

Свідок Селезненко Л. В. в судовому засіданні ствердив, що з подружжям Калинців познайомився років зо три тому. Бував у них дома. Підсудний Калинець ознайомлював свідка з своїми віршами, а Селезненко охоче їх перечитував, бо вважав себе прихильником поезій Калинця. Одну збірку віршів під назвою «Підсумовуючи мовчання» Калинець подарував йому особисто. Перебуваючи у Львові, Селезненко переписав ряд віршів з збірки Калинця «Відчинення вертепу». Потім сам передрукував ці вірші і ознайомлював з ними Коцур Ганну.

Дома у Калинця Селезненко бачив збірку віршів, видану в м. Брюсселі в Бельгії під назвою «Поезії з України». Вона була гарно ілюстрована. Яким чином збірка потрапила до Калинця, не знає.

Безпосередньо через Селезненка підсудний двічі передавав збірки своїх віршів в м. Київ для Світличного в 1970 та 1971 роках.

В 1970 р. Калинець І. М. та його дружина начитали по декілька своїх віршів на магнітофонну плівку для Селезненка особисто. Це були вірші із збірки «Відчинення вертепу». Збірку Калинця «Підсумовуючи мовчання» та магнітофонну плівку вилучили слідчі органи під час обшуку у Селезненка.

Свідок Чубай, допитаний в судовому засіданні, ствердив, що знайомий з підсудним з 1968 р. Середовище, в якому обертався Калинець, становили Шабатура, Осадчий, Чорновіл, Світличний, Дзюба, Стус, Селезненко та багато інших їм подібних.

В цьому середовищі часто точилися дискусії, висловлювалися антирадянські ідеї та невдоволення національною політикою Радянської влади.

В присутності іноземних туристів Горбач Ганни, Горбач Катерини, Горбача Марка читалися вірші та точилися дискусії про те, що українцям за кордоном живеться краще, ніж на Україні. З віршами і збірками підсудного Чубай знайомий. Калинець читав свої вірші в присутності великої кількості людей, в тому числі і Чубая. Давав Чубаєві знайомитися з власними збірками «Відчинення вертепу», «Коронування опудала», збірку, видану в Бельгії під назвою «Поезії з України». Всі вони за змістом антирадянські. Найбільш ворожа, на думку Чубая, збірка «Підсумовуючи мовчання», присвячена двічі судимому за антирадянську діяльність В. Морозу. Ці поезії Чубай називав «шароварними» через те, що вони суто націоналістично обмежені.

З висновків лексико-стилістичної та літературознавської експертизи на попередньому слідстві від 18 вересня та в судовому засіданні від 14 листопада 1972 р. вбачається, що автором п'яти збірок: «Відчинення вертепу», «Коронування опудала», «Спогад про світ», «Підсумовуючи мовчання», «Віно для княжни» та надрукованої в Бельгії «Поезії

з України» є підсудний Калинець, що ідейно-художня спрямованість збірок підсудного Калинця націоналістична за змістом та антирадянська за політичним напрямком.

Речовими доказами, приєднаними до справи, які вилучені під час обшуку 12 січня та 11 серпня 1972 р. на квартирі підсудного – збірками віршів «самвидаву» «Відчинення вертепу», «Коронування опудала», «Спогад про світ», «Підсумовуючи мовчання» та «Віно для княжни»; збірками Калинця, вилученими при обшуку 4 лютого 1972 р. у Світличного І. О., «Спогад про світ», «Підсумовуючи мовчання» і «Віно для княжни»; магнітофонною плівкою з записом віршів Калинця з збірки «Відчинення вертепу», вилученою 12 січня 1972 р. при обшуку на квартирі у Селезненка Л. В.; збірками віршів Калинця «Підсумовуючи мовчання», вилученими при обшуку у Стуса В. С. 11 січня, у Чорновола 12 січня, у Рокецького 14 березня 1972 року; збірками віршів «Віно для княжни» та «Відчинення вертепу», вилученими при обшуку 12 січня 1972 р. у Шабатури С. М. та Світличної Н. О.

З висновку криміналістичної експертизи № 622 від 14 серпня 1972 р. вбачається, що рукописні тексти збірки «Відчинення вертепу» та віршів, автором яких є підсудний Калинець, вилучені при обшуку на квартирі підсудного – виконані Калинцем І. М.

З висновків криміналістичних експертиз № 647 від 15 серпня 1972 р. та № 639 від 8 вересня 1972 р. вбачається, що тексти збірок «Підсумовуючи мовчання», вилучених у підсудного Калинця та у Рокецького і Чорновола, а також тексти збірок «Віно для княжни», вилучених у Калинця і Чорновола, друкувалися на одній машинці. А дарчі написи та рукописні тексти на збірках, вилучених у Чорновола і Рокецького, вчинені підсудним Калинцем.

Свідок Кісь, допитаний в судовому засіданні, також ствердив, що підсудний Калинець розповсюджував написані ним вірші та збірки, тобто читав свої вірші особам, що його відвідували.

Сам підсудний в судовому засіданні ствердив, що він розповсюджував свої вірші та збірки серед знайомих та друзів. Дав збірки своїх віршів Селезненкові, Чорноволу, Світличному, Плахотнюку, Стусу, Музиці та іншим, хто цього бажав.

Допитані на попередньому слідстві Музика та Плахотнюк ствердили одержання збірок віршів Калинця від автора.

Судова колегія, оцінюючи докази по епізоду, пов'язаному з розмножуванням та розповсюдженням підсудним Калинцем антирадянських документів «Радянізація» Павла Тичини» та «З приводу процесу над Погружальським», вважає вину підсудного Калинця доведеною.

Одержання антирадянських документів від Калинця стверджено вироком по справі Зваричевської від 18 квітня 1966 р., який набув законної сили.

Зміна показів Калинцем та свідком Зваричевською-Мороз з цього приводу пояснюється бажанням Калинця уникнути відповідальності за вчинений ним злочин, а Зваричевської-Мороз – бажанням допомогти йому в цьому. Тому судова колегія не надає цим показам віри.

Покликання підсудного Калинця на те, що він не бажав видання своїх віршів антирадянськими націоналістичними видавництвами за кордоном, що це сталося всупереч його волі, а також на те, що він не мав на меті створення націоналістичних, направлених на підрив Радянської влади збірок та віршів, не заслуговують на увагу.

З матеріалів справи вбачається, що після надрукування реакційними антирадянськими видавництвами «Смолоскип», «Шлях перемоги», «Християнський голос» та іншими

закордонними видавництвами віршів Калинця, йому було запропоновано висловити осуд на їх адресу з приводу використання творів Калинця з метою підриву та ослаблення Радянської влади. Але, як вбачається з матеріалів справи, Калинець не тільки не висловив осуду, а, навпаки, розповсюджував в усній формі матеріали іноземних видань.

В ряді творів та збірок, укладених Калинцем в 1970–71 рр., він відверто вихваляє засуджених за антирадянську діяльність націоналістів М. Сороку, Чорновола та В. Мороза, вбачає в них героїчні образи сучасності, висловлює образи на адресу радянських органів правосудця.

Така направленість його творчості та використання творів Калинця реакційними закордонними видавництвами в Бельгії, ФРН, США з метою підриву Радянської влади свідчить про те, що окремі вірші підсудного та укладені ним збірки носять відвертий антирадянський характер та були направлені на підрив радянського державного та суспільного ладу.

З матеріалів справи вбачається, що М. Сорока і В. Мороз двічі судимі за антирадянську діяльність, а Чорновіл, в минулому судимий за антирадянську діяльність, знов притягнутий за це до кримінальної відповідальності.

З долучених до справи газети «Шлях перемоги», ксерокопії закордонного видання «Смолоскип» та фотокопії реакційних видань газет «Християнський голос» і «Дукля» («Дукля» – журнал. – *Ред.*) вбачається, що вірші Калинця з 1965 р. використовувалися реакційними антирадянськими видавництвами з метою підриву Радянської влади.

Злісне ухилення Калинця від обов'язків свідка по справі Калинець Ірини, крім показів самого Калинця І. М., стверджується витягом з протоколу судового засідання від 31 липня 1972 р. по справі Калинець Ірини, тому ухвалою Львівського обласного суду від 2 серпня 1972 року проти Калинця І. М. порушено кримінальну справу за ст. 179 КК УРСР.

Оцінюючи всі зібрані по справі на попередньому слідстві і перевірені в судовому засіданні докази, судова колегія вважає, що вина підсудного Калинця І. М. в скоєнні антирадянської агітації і пропаганди та злісному ухиленні від обов'язків свідка – доведена.

Злочинні дії Калинця І. М. за ч. 1 ст. 62 та ст. 179 КК УРСР кваліфіковані вірно, оскільки він протягом 1965–1972 рр. систематично займався виготовленням, зберіганням та розповсюдженням в письмовій та усній формі літератури антирадянського наклепницького змісту, тобто проводив антирадянську агітацію, яка не припинялась, незважаючи на неодноразові застереження, та злісно ухилявся від виконання обов'язків свідка.

При обранні міри покарання підсудному судова колегія врахувала як ступінь суспільної небезпеки вчиненого ним злочину, так і те, що він судиться вперше, частково визнав свою вину, має на своєму утриманні неповнолітню дитину.

При визначенні виду утримання Калинця в місцях позбавлення волі, судова колегія вважає необхідним у відповідності з вимогою закону обрати йому суворий режим, оскільки ним вчинено особливо небезпечний державний злочин.

На підставі наведеного, керуючись ст.ст. 323, 324 КПК УРСР, судова колегія

п р и г о в о р и л а :

Калинця Ігоря Мироновича визнати винним та обрати покарання за ч. 1 ст. 62 КК УРСР – шість років позбавлення волі з засланням після відбуття основної міри

покарання строком на три роки в місцях, що визначаються органами, відаючими виконанням вироку; за ст. 179 КК УРСР – три місяці виправних робіт з відрахуванням 20% з його заробітку в дохід держави; у відповідності з ст. 42 КК УРСР остаточно до відбуття Калинцю І. М. призначити – шість років позбавлення волі у виправно-трудовій колонії суворого режиму з засланням, після відбуття основної міри покарання, строком на три роки в місцях, що визначаються органами, відаючими виконанням вироку.

Строк відбуття покарання рахувати засудженому Калинцю І. М. з 11 серпня 1972 р.

Міру запобіжного заходу залишити попередню – утримання під вартою.

Судові витрати по справі в сумі 138 крб. стягнути з засудженого Калинця І. М. на користь держави.

Речові докази по справі: документи та збірки антирадянського змісту і магнітофонні стрічки з записами віршів засудженого Калинця І. М. – залишити при справі.

Вирок може бути опротестований і оскаржений до Верховного Суду Української РСР протягом семи діб з дня його оголошення, а засудженим – в той же строк з дня вручення копії цього вироку.

Головуючий Сопілко Л. В.
Народні засідателі: Рекуненко О. Ф.
Соколова Т. Г.

З оригіналом звірено
Член Львівського облсуду Л. Сопілко

Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19917. – Т. 4. – Арк. 241–248.
Опубл.: Українська поезія під судом КГБ… – С. 501–510.

Розділ другий

СПОГАДИ І ПУБЛІКАЦІЇ

«КНИГА ДЛЯ ВСІХ ГРЯДУЩИХ НАЩАДКІВ НАШИХ – РЕКВІЄМ НАРОДУ…»*

Із щоденника Олександра Довженка

12/IV. 1942

Написати новелу чи оповідання про трагедію Західної України останніх часів. Наше визволення, радість, і пафос, і розчарування, і біль, і неоднаковість цілей...

2/VII. 1942

...У тисяча дев'ятсот тридцять дев'ятому році возз'єдналася Україна, східна і західна. Шість довгих століть колихали роз'єднані у катастрофі половини у бурях, у крові, у поті.

Шість століть різні чужинці точили з половин соки і кров, учили по-різному молитися, думати.

Шість століть отруювано різними трутами, нагрівано різними огнями, освітлювано різними світлами і печено на різних сковородах, і смажено по-різному.

Половинні сестри забували одна одну, не пізнавали часом, гнобили несвідомо чи мимоволі.

Нарешті розідралося небо, попадали, зникли вороги, сестри знайшли одна одну, збіглися близнята, крикнули од радості, заплакали, обнялися.

Вибух півтисячолітньої приспаної правди був такий сильний, що на мить одну ніби освітив увесь світ. Щасливий був той, хто це бачив, хто плакав тут од радості, у кого палало серце.

Обнялися. Зітхнули, притиснулись одна до одної й... не зійшлися. Розімкнулись обійми, радість поступилася місцем ненависті, непевність – сумніву, сумнів змінився здивуванням, здивування – розчаруванням, а потім гнівом і обуренням.

Хтось сказав – сказано було, що треба ув'язнювати, гнобити, стріляти у спину, висилати, зневажати, плювати в душу, ганьбити, не прощати, нічого не простити!!!...

2/VII. 1942

Ах, коли б вистачило мені сили й часу, написав би я роман про визволення Західної України, про возз'єднання наших народів і про все, про все, що з цього вийшло, що говорили і говорять, кому влетіло. І як народ український фактично був тут ні при чім.

---

* У публікаціях збережено орфографію першодруків. – *Ред.*

...Про цю трагедію написати б роман, на тисячі три градусів температури і вилити в нього увесь свій біль, усю тугу, усі свої скорботи і поради, якщо б подумати було ще можна, що тут, мо', є таки щось не безпорадне.

Це могло би вийти величезне полотно, голос тисячоліття, всесвітній крик, новий кобзар у прозі. Настольна книга мільйонів, що ще не втратили вміння плакати. Це була б книга для всіх грядущих нащадків наших – реквієм народу, коли присуджено йому вмерти в цім двадцятому сторіччі, чи кормча книга для борців, що вірять у життя і роблять його...

Боже, поможи мені написати оцю книгу: кричав би я і просив би я. Та Бога вже немає, а є утома в голові, і хворе серце…

31/VII. 1942

– Те, що ви нас не любите, а це ми почуваємо всією душею, нас не лякає. Ви думаєте, що ми націоналісти, буржуї, шпики, не знаємо марксизму і т. ін., – сказав мені був якось у Львові один громадянин. (Далі Довженко подає низку фрагментів із розмов у Львові восени 1939 року. – *Ред.*).

– А скажіть нам, чому ви так не любите і не поважаєте один одного? Ми це бачимо, і це нас лякає найбільше. Ми більш шануємо один одного, які б ми не були. А вас ми боїмося. Ми боїмося вашої гордості, пихи, фальші, ми боїмося вашої брехливості, окозамилювання і грубості. Нас лякає те, що ви не хазяїни свого слова, у вас нема почуття гідності, і ви не знаєте, що таке пошана до самого себе.

– Ми боїмося вашої роздвоєності і вашої звички до умовної неправди. Скажіть мені, чому у соціалістичній країні Рад ви так не шануєте і ненавидите один одного? Ми ж це бачимо.

Ці слова я чомусь часто згадую, дивлячись навколо останніми часами…

6/XI. 1945

...До Сибіру вислали ж перед війною півтора мільйона з Західної України, та й зараз висилають немало. А народження ввійде в норму хіба лише в 1950 році.

Таким чином, Велика Удовиця втратила сорок відсотків дітей своїх убитими, спаленими, покатованими, засланими в заслання, вигнаними в чужі землі на вічне блукання. А до війни, з початку Великої Соціалістичної революції, вона втратила, крім мільйонів загиблих в боях і засланнях політичних, ще 6 мільйонів од голоду в урожайний 1932 рік. За двадцять з чимось довоєнних років в ній не прибавилося населення, хоч і стояла вона майже на першому місці в Європі по народженню, так вельми жаждали боги. Зараз вона важко, коли не смертельно, поранена. Таких утрат, замовчаних через жахливу свою правду, не знав і не знає ні один народ у світі. І жодна людина ще не сказала мені про сей історичний жах з плачем чи бодай би з сумом. Ні. Або мовчать, замовчують, або байдужі, або якось всміхаються між іншим, щоб не подумав часом хто, що їм жалко, бо се було б «політично шкідливим»…

Опубл.: Олександр Довженко. Україна в огні. Кіноповість. Щоденник.– К.: Рад. письменник, 1990. – С. 132, 196–199, 208, 237, 290.

«ВИХОВНІ ГОДИНИ» ДЛЯ ЛЬВІВСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ

Із спогадів поета Романа Купчинського про осінь 1939 р.

Тяжкі хвилини переживав кожний українець у Галичині чи Волині, коли дізнався, що большевики займають край по Сян і Буг. Український Львів онімів з жаху… Потішала думка: прийдуть українці із Східної України, усе ж таки свої люди. Живуть якось, то й нам прийдеться жити. Будемо разом, а це вже велика річ!

Письменники цікаві були на товаришів пера, що творили й творять серед тяжких умовин, віддаючи Сталінові, що кесареве, а народові, що Боже. Знані імена Тичини, Рильського, Бажана, Сосюри, Ле, Панча, Яновського й ін. притягали увагу, загострювали цікавість. Твори багатьох з них здавна були відомі в Галичині, не лише серед літературних кіл, а й серед найширшого загалу. Чи приїдуть? Як будуть поводитися? Що скажуть і про що запитаються?

Зараз другої днини після входу до здобутого німцями Львова розташувалися письменницькі люди в «Ділі» (редакція провідної української газети. – *Ред.*). Там примістилась редакція «Вільної України» – фронтового часопису, там резидував і шеф пропаганди Корнійчук. Звідтіля вийшли перші накази, інструкції і перші інформації про письменників, їх твори та умовини творчости.

Розповідав сам Корнійчук: «В нас, товариші, письменник служить трудящим масам, не так як у вас було – буржуазії!»

Говорив це помалу, холодно, дивлячись примруженими синіми очима на слухачів.

Корнійчук – людина тридцятилітня, середнього зросту, чорнявий, вродливий, з високим чолом, на якім п’явками прилипли дві довгі брови. Час од часу густі чорні вії прислоняли синяву очей і тоді робив враження причаєного кота. Поганили лице масні, викопилені губи, що складалися часто в легковажну гримасу.

«В нас, – казав, – від письменника багато жадають, але й багато письменникові дають!»

І описував, як чудово живеться письменникам в Україні, скільки заробляють і як тими грішми користуються. Треба признати, що говорити вмів і не занадто перебільшував. Але вже з його оповідання можна було вичути погрозу. «Радянська влада пильно стежить за всіма літературними проявами, щоб вони не йшли врозріз з інтересами трудящих». Без і з додатком «маси» повторювалось у нього, а згодом і в інших промовців, дуже часто, бо була параваном для усього, що большевики робили. «Для трудящих мас», «проти інтересу трудящих» і т. п. пролазило мало не в кожному реченні.

Під час одної такої гутірки впало питання:

– Товаришу, а де тепер поет Загул?

Корнійчук ліниво підвів вії і глянув кутиком ока на того, що питав:

– Загул помер.

– А Савченко?

– Котрий?

– Яків!

Корнійчук повернув уже й голову до розмовця.

– Ну, Савченко теж не живе.

– А поет Бобинський?

– Бобинський... Не чував про такого.

– Як же ж? Він дістав навіть державну нагороду за поему «Смерть Франка».

– Не чував... А чому ви питаєте? – спитав тим разом Корнійчук і відкрив зовсім очі.

В тих очах засвітив якийсь такий вогник, що інтерпелянт зовсім розгубився.

– Я... припадково тільки спитався про тих, що не живуть чи десь виїхали. Але знаю ще й інших, наприклад: Зеров, Филипович, Тичина, Рильський, Бажан.

– Тільки їх разом не треба ставити. Тичина, Рильський, Бажан – працюють, орденоносцями стали, а Зеров і Якубський виїхали в Росію. Тепер вони зовсім неактивні. (На той час письменники Микола Зеров, Василь Бобинський, Антон Крушельницький, режисер Лесь Курбас та інші видатні постаті української культури були розстріляні, і про це Корнійчук, безумовно, знав. – *Ред.*).

І на тім покінчив розмову, відійшовши у другу кімнату – на превелику радість таки добре перестрашеного галичанина, який зарікся на будуче не питати про людей із Східної України, не розвідавши перед тим, чи вони втішаються ласкою, чи, може, уже пішли в «расход».

Корнійчук почав зараз по приїзді дуже живу пропагандивну діяльність. Він узяв передовсім письменників. У кімнатах «Наукового товариства» влаштував перші сходини українських письменників Західної України, на яких було 32 людей, чоловіків і жінок, себто всі письменники Галичини й Волині, а навіть більше як усі. На сходини з'явилися люди, про яких ніхто не чув, що вони письменники, або коли чув, то дуже слабо. Причепилися до письменників і неполітичні журналісти, бо зразу зміркували, що журналістична фірма не має доброї слави. «Ох, ці українські журналісти! Багато вони нашій справі нашкодили. Радянська влада їм цього не забуде!»

На сходинах був Корнійчук, Панч, Бажан і Малишко, а крім них кінорежисер Довженко.

Сходини відкрив Корнійчук добре обдуманою промовою про долю українського письменника під Польщею. Хвалив Франка, Стефаника, Кобилянську (про Федьковича не знав навіть, що такий існував). Жалів, що письменники Західної України були відділені китайським муром від матірного пня і через те «не могли ознайомитися з величезною українською радянською літературою». Що вже, врешті, скінчилося, і тепер будуть усі разом працювали для добра трудящих мас... А все це відбудеться під сонцем Сталінської конституції, в країні, якою опікується, як батько, найбільший, найгеніальніший і т. д.

Після нього встав Довженко. Мужчина під сорока літ, дуже енергійний, рішучий, білявий, запальний, як сірник, поява скоріш американська, ніж українська.

Він дуже чистою українською мовою розповів про свою поїздку по Галичині, про фільмування спалених поляками сіл та про розстріляних чи замучених українців.

– Я постараюся вже, щоб це все не пропало, як пропадало не раз у нашій історії. Кожне звірство я маю на фільмі, і воно по віки-вічні свідчитиме, що панська Польща виробляла з вами…

Додаток про українських націоналістів і про вождя Сталіна (в кожній промові ці додатки повторювались!) не ослабив враження його промови.

Після того один з письменників хотів дати вислів своєму інтернаціоналізмові:

– Я, товариші, не маю ненависти до польського народу. Народ не винен, а винні пани, буржуазія і їх прихвосні!..

Думав: що торкнув саме найліпшу струну, і тому страшенно вдоволений був із своєї промови.

Але встав поет Бажан і дуже гостро накинувся на нього:

– Дивує мене, що ви, товаришу, можете торочити такі теревені. Якась кволість б’є з ваших слів. Ви повинні і мусите почувати зненависть до всіх, хто приклав руку до ваших мук, хто палив села, зв’язував колючим дротом руки, вирізував язики, виколював очі...

Промова була в шовіністичнім тоні, а кінцева фраза про сонце конституції і геніального трималася промови тільки одною тонкою ниточкою.

Ні Панч, ні Малишко в дискусії голосу не забирали. Малишко, малий, сірий хлопчина, цікаво розглядав обличчя присутніх письменників, а Панч, худощавий 45-літній чорнявець, сидів весь час зі спущеними очима – і майже непорушно. На його лиці блукала якась невловна, загадкова усмішка. Не знати було, чи підсміхається він із галицьких письменників, чи зі слів Корнійчука, чи взагалі з цілої ситуації.

На цій першій стрічі Корнійчук подав до відома, що скоро відбудуться вибори управи «Комітету письменників Західної України» та казав намітити й подати йому кандидатів-українців. «У нас, – закінчив він, – немає партійних ключів, а є найдемократичніший (це довге слово вони всі залюбки вживали) спосіб вибору: більшістю голосів».

…Незадовго після наради з українськими письменниками відбувся загальний збір усіх письменників міста Львова. […]

Вибравши управу, почали письменники шукати за домівкою. Знайшли її у палаці графа Бєльського на вул. Коперника. Там зразу перевели ремонт, натаскали всілякої мебелі, і почалися одні за одними зустрічі й літературні вечори. Здебільша читали свої твори поети із Східної України: Бажан, Малишко, Гончаренко, Сосюра, Агата Турчинська. Були це твори, написані досить «на коліні» з нагоди зайняття Галичини. Все ж таки культура вірша висока, бо творили їх талановиті поети, а декотрі (Бажан і Сосюра) знані серед усіх українців. Патріотизм, любов до рідної землі довго не мали змоги виявити себе, аж знайшла нагоду в розвалі Польщі. То й поїздили собі поети на цім коні, скільки їх душа забажала...

Кожний з поетів читав свій вірш особисто, тільки вірші Тичини й Рильського були відчитувані кимсь іншим – здається, Малишком. […]

Але найцікавіший був виступ поета Сосюри. Він почав з того, що насварив на галичан:

– Ех ви! Чому не приїжджаєте в наш прекрасний Київ? Я, наприклад, спати не міг, так хотів дістатися до вас. Приїжджайте, товариші, не дрімайте!

– Коли ж не пускають! – сказав хтось відважніший.

– А ви гадаєте, що мене теж так зразу пустили. Я ноги сходив, заки виходив дозвіл!

Другої днини Сосюра не прийшов на умовлену гутірку, бо... мусив відлетіти літаком у Київ. Напевно, його одвертість наробила йому клопоту і приспішила від’їзд.

Приїхали були один раз і корифеї української поезії – Тичина та Рильський. І ні один не пустив пари з уст. Сиділи у президії, немов на виставі і, очевидячки, сердечно нудились. Тичина навіть очей не підніс, увесь час дивився уперто в якусь книжку чи записник. Рильський якийсь час розглядався цікаво по залі, потім теж опустив голову і слухав. Те саме робив і Панч, коли сам не промовляв. Видко, така вже вироблена маніра, практика чи, може, найкращий спосіб перетерпіти довжелезний час усяких нарад, зустрічей чи інших академій.

Не знаю, чи говорив з ким Тичина, бо Рильський зараз після зустрічі пішов на вечерю з двома давніми знайомими. Сосюра дуже радо балакав з кожним, просив зайти до нього, хоч і забував сам ставитися на умовлене місце й умовлену годину. Бажан теж балакав з не одним з галичан, багато розпитував і всім цікавився. Письменник Ле (повість «Міжгір'я»), як тільки приїхав, то зараз кинувся шукати доброї рушниці, бо любив ловецтво, так як Рильський рибальство. Турчинська дуже раділа з приїзду в Галичину, все її тут захоплювало, все хотіла пізнати і всюди побувати. Карпати, Гуцульщина, Бойківщина, а там і взагалі Галичина з її побутом та виглядом. Поет Малишко тримався від галичан осторонь, і тільки на зустрічах чи нарадах багато й палко говорив. Писав багато принагідних бойових віршів і – ждав на «відзнаку заслуги».

Це була якась червоно-золота бляшка, що носили її на грудях майже всі більше знані і признані письменники, а Тичина, Рильський і Корнійчук мали найвищі відзначення – ордени Леніна. Видко, всяка відзнака мала неабияке значення, бо письменники залюбки їх носили і дуже ними пишалися…

Поводились письменники всі дуже елегантно, так і видно було, що хочуть показати свою товариську огладу.

Але...

Але ні один з них за весь час щиро, сердечно не засміявся, не був ні один із них хоч раз безжурно веселий, а вже про одвертість то й мови нема. Немовби всюди і все ходив за кожним з них якийсь опікун і здержував вияв щирости.

Загальне враження:

Крім Корнійчука і деяких наймолодших – усі вони пригнічені якимсь великим, нечувано великим гнітом, що, мов олов'яна хмара, висить над їх головами…

Опубл.: Ілюстровані вісті. – 1941. – № 7. – С. 5–8;
Дзвін. – 1991.– № 10.– С. 133–136.

КНИЖКИ… НА ПАЛИВО

Із статті Володимира Дорошенка, довголітнього директора бібліотеки Наукового товариства ім. Шевченка у Львові

Большевики хвалилися своєю пошаною до пам'яток культури, до бібліотек і архівів. Як тільки вони зайняли західноукраїнські землі, ми були переконані, що вони візьмуть під свою опіку державні і приватні збірки, які залишились без догляду або без власників під час німецько-польської війни. Але вчинки большевицької армії й цивільних адміністраторів та окремих совєтських громадян заперечили їхні перехвалки й наші сподівання.

Вже під час пересування Червоної армії в Західну Україну гинули по дорозі цінні збірки рукописів, книжок, картин. У першу чергу, очевидячки, нищено збірки по поміщицьких дворах. Совєтські старшини забирали цінні картини для прикраси своїх клубів або просто для своїх хат, а рукописи і книжки, мови яких не розуміли, по-варварському розкидали. Так пропало багато вартісного у відомому замку в Підгірцях, у Медиці, в Хирові, у Прилбичах, родинному гнізді Митрополита Шептицького, де між збірками були староукраїнські пергаменові рукописи. Пропали архіви й бібліотеки різних василіянських монастирів, особливо цінний архів у Крехові.

Але й по містах доля пам'яток культури була жалюгідною, і то не лише по малих, але й по більших. Так, у Перемишлі понищили большевицькі варвари цінні бібліотеки й рукописи. Вони виривали з тяжких шкуряних оправ старі рукописи або стародруки, а шкуру забирали на свої потреби. Навіть у Львові не було краще. Тут цілком згинув архів т. зв. «Стрільниці» з актами й документами XVII–XVIII ст., пропали збірки латинського капітулу й латинського архієпископа після закватирування червоноармійців у палаті архібіскупа і в курії. Спроби рятувати цінні пам'ятки зустрілися з грубим спротивом большевицької солдатески. Дуже потерпіла й т. зв. Потуржицька бібліотека гр. Дідушицького з цінним архівом. Військо зайняло палату графа, яку червоні командири дочиста ограбили, погрожуючи спалити книжки та рукописи. Але тоді вже існувала у Львові філія бібліотеки Академії наук УРСР і туди перевезено залишки збірки Дідушицьких. Зате бібліотеки по інших панських палатах (Ґолуховських, Потоцьких) зовсім понищилися, – ці палати перемінено у «палац піонерів», а піонери ані самі, ані їх комуністичні наставники не шанували книжок.

Нічого й казати, що збірки українських установ скрізь по всій Західній Україні, а навіть у Львові, впали жертвою червоних варварів, що свідомо їх нищили як збірки українські. Розгромлені були всі українські редакції («Діло», «Новий час», «Українські вісті» та інші), видавництва («Червона калина»), установи – «Українська бесіда», «Рідна школа», «Союз українок», а особливо «Просвіта», де знищено цінний архів (від 1868 р.) та не менш цінну бібліотеку, покрадено або знищено образи, поламано й попалено шафи й бюрка, як зрештою і в Народнім домі. Добре упорядкований архів «Просвіти» скинено з полиць на підлогу й зроблено з нього кашу. Всі сходи були устелені верствами рукописів та відірваними сторінками книжок, що їх виносили большевики з «Просвіти» та редакції «Діла» на знищення. Бібліотека «Просвіти» в переважній частині теж була знищена. Управа бібліотеки Наукового т-ва ім. Шевченка, бажаючи рятувати ці збірки, наліпила на дверях оповістку, що всі ці збірки резервуються для НТШ, але «культурні» большевицькі редактори не пошанували претензій бібліотеки. Клішами (фотографіями. – *Ред.*) й книжками палили в печах.

Займаючи мешкання людей, що повиїздили, а не встигли зліквідувати свої книгозбірні, або людей вивезених чи ув'язнених, большевицькі урядовці, здебільшого енкаведисти, з правила нищили всякі книжкові чи рукописні збірки, дерли, палили їх тощо. Багато бібліотек і цінних приватних архівів пішло на паливо під час суворої зими 1939/40 р. Тільки вряди-годи вдавалося керівникам бібліотеки НТШ та університетської, довідавшися про загрожені «безгосподарські» книгозбірні, врятувати їх. Але часто їх інґеренція приходила запізно: бібліотека вже була знищена. Та що вже говорити про приватні збірки, коли раз-у-раз гинули цінні громадські, особливо на провінції, де совєтські правителі поводились ще більш безшабашно, ніж у Львові. Тут про охорону пам'яток культури, зокрема бібліотек і архівів, майже не доводиться говорити.

Чимало лиха накоїли також різні совєтські мародери, що шастали по всій Західній Україні й, надуживаючи свого становища та лякаючи й так уже переляканих громадян своєю військовою уніформою, грабували приватні й публічні збірки. Багато лиха накоїли большевицькі урядовці, розташовуючись по колишніх польських урядах. При цій нагоді понищили вони цілу низку різних урядових архівів, або так їх поперемішували,

так порозкидали папери, що пізніше самі не годні були нічого знайти. Розуміється, багато паперів пропало при цьому безповоротно. Така сама доля стрінула й бібліотеки при урядах.

Правда, згодом завели большевики державні архіви, куди почали стягати урядові архіви, але робили це так неохайно, недбайливо, що при перевозках і розташуванні фондів гинули цінні пам'ятки. На довершення лиха архівне управління не довіряло місцевим фахівцям, зокрема цуралося українців, а послуговувалося майже виключно зеленою молоддю, принагідними неуками, апльомб і зарозумілість яких рівнялися їх глупоті та незнайству.

На окрему згадку заслуговує руїнницька діяльність большевицької цензури, т. зв. «обліту» («облік літератури»). В першу чергу «обліт» кинувся перевіряти книжки по книгарнях та випозичальнях, яких до покінчення перевірки закрили. Перевірку випозичалень переводили цілі юрби («бригади») місцевих малограмотних хлопців і дівчат, які часто-густо не вміли гаразд читати по-українському. Книгарні провіряли урядовці «обліту», виключно совєтчики. В першу чергу взялися вони цензурувати українські книжки. В результаті їх діяльности була вилучена майже вся українська національна та релігійна література, навіть ноти видатних композиторів на релігійні теми. Вилучені друки кілька тижнів дерли на шматки окремі бригади, які подерті друки укладали в стоси, в'язали дротом та відвозили на фабрику паперу. Жертвою інквізиторів з «обліту» впало багато невинних навіть з большевицького погляду книжок, як от, напр., «Граматика церковно-слов'янської мови» проф. М. Возняка – виключно через слово «церковна». Пікантне тут те, що цю книжку Наркомат освіти дозволив уживати в університеті, але ні професори, ні студенти не могли вже її добути.

Після книгарень прийшла черга й на наукові бібліотеки. І тут перший удар упав якраз на українську національну бібліотеку Наукового товариства ім. Шевченка. Майже рік, від літа 1940 р. аж до приходу німецьких військ, бушували в бібліотеці спеціальні бригади працівників «обліту» й т. зв. спецфонду, себто спеціального відділу при львівській філії бібліотеки Академії наук. В цім відділі, щільно заґратованім грубими ґратами і під трьома замками, складалася вся заборонена большевицькою цензурою література. Без дозволу НКВС нею не можна було користуватися навіть самому директорові. (До речі – цього дозволу ніхто так і не одержав). Службовці тут були виключно комуністи або комсомольці, керівник – комуніст. Бригада «обліту» і спецфонду під проводом спеціаліста переглядала книжку за книжкою, вилучуючи до спецфонду признані за ворожі, а сумнівні, які ще не стояли в совєтських індексах заборонених книжок, відсилаючи на цензуру до «обліту». Внаслідок цієї чистки бібліотека НТШ втратила кількадесят тисяч книжок, які помандрували за ґрати. Пішла майже вся українська національна продукція від року 1917, белетристика, публіцистика, вся споминева література, та й наукові книжки, особливо з історії України, навіть усі календарі, всі букварі й шкільні читанки, друковані де-небудь за кордоном СРСР, різні статути, церковно-релігійні видання, нарешті майже вся українська преса, журнали й газети від 1917 р. аж до приходу Червоної армії. Вилучувано не тільки книжки, що критично або вороже відносилися до совєтів і до їх режиму та вождів, але й книжки з протимосковською тенденцією, навіть видані ще до жовтневого перевороту, а також твори т. зв. «ворогів народу» незалежно від змісту й року видання, хоч би це були

книжки про годівлю худоби або садження картоплі чи капусти. Рівночасно усунено з бібліотеки силу-силенну книжок, давніше виданих на радянській Україні, або тому, що їх автори стали «ворогами народу» (всі твори Чупринки, Івченка, Фальківського, Хвильового, Слісаренка і т. д.), або тому, що містили статейки про розстріляних пізніше большевицьких діячів та взагалі про «ворогів народу» чи їх твори (всякого роду читанки, альманахи, антології тощо).

З вилучуваними книжками службовці «обліту» та спецфонду поводилися по-варварськи: кидали їх на брудну підлогу, писали свої зауваги на обкладинках або заголовних картках, а то й у середині книжок. Нищили їх також, неуважно перев'язуючи шнурками. А коли керівник бібліотеки звернув їм на це увагу, дістав відповідь: «Та ці книжки все одно до вас не повернуться». Проте це ще не все. Робили вони ще гірші речі: з книжок, самих собою цензурних (відноситься це здебільшого до класиків красної літератури), виривали передмови або коментарі редакторів, що встигли стати «ворогами народу», або замазували їх прізвища чорнилом, чи витинали їх з титулових карток. Робили це навіть на збірних виданнях творів Леніна або в «Історії громадянської війни в СРСР»…

Большевики любили хвалитися культурністю свого читача. А втім, як ми мали неодноразову нагоду переконатися з власного досвіду, совєтському читачеві дуже далеко до культури західноєвропейської людини. Позичені книжки совєтські люди повертали неакуратно, часто понищені. Зокрема партійні достойники, що їм з наказу директора позичалося книжки, не раз рідкі й цінні, звичайно їх не повертали, на рекламації, користаючи з свого урядового становища, не звертали жодної уваги, затрачували, або навіть вивозили позичені книжки десь до Києва, Москви тощо.

Чимало видань пропало при втечі большевиків зі Львова (у червні 1941 р. – *Ред.*). Неакуратність з поверненням книжок і недбайливість з обходженням із ними проявляли і службовці великих центральних бібліотек Москви й Ленінграда. В порядку т. зв. міжбібліотечного обміну книжки зі Львова йшли до бібліотек Києва, Харкова, Москви, Ленінграда тощо. Пам'яткою «культурного обходження» з книжкою лишилося в бібліотеці НТШ одно видання НТШ, вислане до публічної бібліотеки в Ленінграді. Нова й цілком нерозтята ще книжка вернулася до бібліотеки НТШ понівечена – розсипана й пописана. Совєтський «учений» (якийсь тов. Мишастов), видно, розтинав її сторінки олівцем та, крім того, попідкреслював різні місця червоним олівцем, а управа бібліотеки не посоромилася повернути таку знищену книжку без жодного оправдання.

…Ось звичаї большевицьких бібліотекарів, ніде на Заході ніяк неможливі. А вони раз-у-раз лаяли той гнилий Захід та аж надривалися, вихвалюючи культуру «радянської країни». Але ці їх запевнення – це була така сама брехня, як і в інших випадках. Привикши до західноєвропейських форм життя, ми тішилися, що позбулися нарешті московсько-большевицької культури і в бібліотечній галузі.

Опубл.: Західня Україна під большевиками. IX. 1939 – VI. 1941. Збірник за редакцією Мілени Рудницької. Наукове товариство ім. Шевченка в Америці. – Нью-Йорк, 1958. – С. 235–242.

ПРЕМ'ЄР-МІНІСТР ЗУНР – В'ЯЗЕНЬ ЛУБ'ЯНКИ

Із спогадів голови уряду Західноукраїнської Народної Республіки д-ра Костя Левицького

Коли Червона армія зайняла Львів, зголосилася до представників радянської влади депутація місцевого громадянства під моїм проводом. Депутацію прийняли дуже прихильно генерал Іванов, дивізія якого перша ввійшла до нашого міста, та перший уповноважений для цивільної адміністрації Мищенко. Вони просили переказати населенню, що радвлада прийшла визволяти Західню Україну, просити підтримати радянський уряд і співпрацювати з ним. Запевнювали, що всякі реформи будуть переводитись тільки поступово і згідно з волею народу. Та найбільше заспокоїла мене заява обидвох високопоставлених осіб, що совєтська влада не думає притягати кого-небудь до відповідальности за його політичне минуле й дотеперішню діяльність.

Дня 24 вересня 1939 р. почув я ці запевнення з уст совєтських достойників і мушу признатися, що дав їм віру. Бо хоч довго живу і по світі ходжу та всякі зміни за мого життя бачив, але досі не трапилося мені, щоб представники армії й уряду якоїсь держави офіціяльну депутацію населення свідомо оббріхували.

Не минуло й тижня від цих урочистих заяв представників совєтської влади, як мене арештували. І, як я пізніше довідався, одною з головних причин мого арешту було саме те, що я на чолі депутації… вітав у Львові радвладу.

Дня 30 вересня надвечір прийшли до мого помешкання при вул. Підвальній, 7 умундировані енкаведисти з наїженими штиками й заявили мені, що мають наказ перевести в мене ревізію. Говорили по-російськи. Казали відчинити велику залізну касу, яка стояла в моїй робітні, і забрали з неї гроші. Потім перекинули бюрко. Забрали з нього всі мої записки, зокрема кільканадцять зошитів мого щоденника. Записки з останніх днів, в яких я передавав переживання, відколи до Львова увійшли большевики, прочитали зараз при мені. З них могли бачити, що моє становище до совєтів не було вороже, навпаки, що я радів упадком Польщі та об'єднанням українських земель і ставився з довір'ям до заяв уряду СРСР щодо Західньої України. Прочитавши мої записки, командир сказав, що має наказ забрати мене з собою «для вияснення» і що я, певне, зараз вернуся. Але на це «вияснення» довелось мені чекати майже 20 місяців...

Вантажним автом завезли мене до будинку при вулиці Льва Сапіги, де колись була австрійська жандармерія, згодом польська поліція, а тоді примістилось там було большевицьке НКВС. Залишили мене в передпокою і там чекав я кілька годин. Вночі викликали мене і, без жодного пояснення, завели до в'язниці (в задній частині того ж будинку, на 1-ому поверсі, камера ч. 4). Впустили мене до камери, де я застав колишнього президента міста поляка Островського. Камера мала, призначена на одну особу, без жодної обстанови, навіть без нар і без сінника, лише з невеличкою лавкою. Бурмістр Островський хотів відступити мені цілу лавку, але я не погодився, сказав йому, що в тюрмі мусить бути рівність, – і так ми обидва, поділившися лавкою, куняли до ранку. За мого довгого, 80-річного життя була це моя перша ніч у тюрмі.

Наступного дня дали до нашої камери ще двох в'язнів. Двох з нас сиділи на лавці, а двох на долівці, і в таких обставинах просидів я в цій камері три тижні: до 20 жовтня 1939 р. Жодної постелі ні білизни я з собою не взяв, бо ж мене забрали лише «для вияснення» і зараз мали пустити. Їсти у в'язниці майже не давали, а моя родина

присилати мені харчів з дому не могла, бо нічого про мене не знала. Через ці умови й, головно, через недостачу свіжого повітря мав я 20 жовтня мозкову атаку, внаслідок чого попав на кілька годин у в'язничний шпиталь. Але про це згодом. Наперед хочу ще розказати про початкове слідство.

Перше переслухання відбулось наступного дня після мого арешту. Переслухував мене москаль, який не знав ні української мови, ні історії, і взагалі не орієнтувався в місцевих політичних відносинах. Він говорив по-російськи, а я по-українськи. Почав переслухання від довшої поуки про засади большевицької ідеології і питався, чи вони мені відомі. Коли я сказав, що лише загально, тоді він заявив, що хто цього не знає, той «заприсяжений ворог народу». Також заповів мені, що мушу «все» сказати і признатися до «всього»: «Ви мусите сказати все, що ми хочемо, бо інакше... Пам'ятайте, що ми дуже мстиві». Про мстивість говорив з притиском кілька разів. Я відповів: «Що буду знати, те скажу, чого не знаю, того видумувати не буду».

Головний закид, що з ним я зустрівся, був: чого я ходив з депутацією до тов. Іванова і тов. Мищенка? Я відповів, що депутація хотіла вияснити, як нова влада думає поводитися в Західній Україні, та хотіла запевнити українському населенню безпеку й охорону життя та майна. Я, як найстарший український парляментарист, уважав за свій обов'язок взяти це завдання на себе. Але мій слідчий сказав: «Ні, це брехня! Ви пішли з депутацією, щоб обдурити нашу владу. Ви хотіли захопити провід. Депутація – це була з вашого боку лише хитрість». Я був обурений такими інсинуаціями й відповідав: «Це не місце і не час на жарти. Я людина старша і поважне моє становище, щоб бавитись у хитрощі. Найкращим доказом моєї доброї волі є те, що коли тов. Мищенко заявив депутації, що громадянство мусить бути лояльне до радянської влади та притримуватися радянської платформи, тоді ми рішили УНДО (Українське національно-демократичне об'єднання, політична партія, яка легально існувала на землях Західної України, окупованих Польщею. – *Ред.*) розв'язати і закликали всіх членів ставитись лояльно до Совєтів». Дальше роблено мені закид, що я, як член Надзірної ради Видавничої спілки «Діло», є буцімто відповідальний за протисовєтські статті «Діла». Закидали мені теж, що я був адвокатом, отже, визискував народ, що я – капіталіст. Таких переслухань відбулося за перші три тижні мого сидіння кільканадцять. Переслухував мене завжди той самий слідчий.

Коли зо мною трапився мозковий припадок, про що я вже згадав, і мої товариші з камери повідомили тюремну канцелярію, що я захворів, мене відвезли до в'язничного шпиталю при Казимирівській вулиці. Там поклали мене до ліжка, лікар дав мені уколи. Сказав, що повідомить зараз родину, щоб мені присилали з дому харч, і обіцяв скликати на другий день лікарський консиліум. Але недовго я втішався теплим ліжком і надією на лікарську опіку та на смачну страву. Як тільки пішов лікар, приїхало по мене НКВС, насилу стягнули мене з постелі й вдягли. Нічого не помогли мої просьби і протести. Мене кинули на вантажне авто, кажучи, що везуть мене на «допрос». Фактично ж завезли мене на залізничну станцію.

На бічних рейках поміж вантажними вагонами стояв довгий зелений поїзд, до якого мене всадили. Куди мене везуть, нічого не сказали. Замкнули мене самого в малому переділі, перед дверима поставили сторожу. Я з усіх сил протестував, заявляючи, що належу до юрисдикції львівського суду, що невільно вивозити мене поза мій суд, ані позбавляти суду. Поїзд стояв довгі години, енкаведисти підкріплялися їдою, носили пиво, котлети, яєшню, а мені давали лише пісний хліб. Я просив дати мені склянку

чаю, але мені не давали. Припроваджували раз-у-раз нових в'язнів, українських громадян. Хто з українців мене бачив, просив за мене. Наступного дня я зголосився до коменданта поїзда. Він прийшов до мого переділу. Я сказав: «Я є хворий чоловік, мене взяли з шпиталю, я не можу їсти цього хліба. Будь ласка, скажіть мені дати чаю або якоїсь юшки». «Ви досить крові напилися з народу, я вам дам таку юшку, що вас чорт побере!» – відповів мені комендант. Деякі в'язні чули цю розмову й обурились: «Як вам не сором, старий хворий чоловік просить вас ложку страви, а ви так поводитеся». Відтоді в'язні давали мені дещо з своїх харчів, і це тримало мене при житті, бо влада про мене не дбала. Зате дали мені до переділу якогось шпигуна. Він приніс мені на станції в Тернополі склянку содової води.

Поїзд стояв у Львові яких три дні; інколи їхав одну-дві зупинки і знов вертався. Вкінці рушив у дорогу. Подорож була довга й томлива. Жодної подушчини, жодного коца, жодних ліків я з собою не мав. По кількох днях ми приїхали до Москви. Там всадили мене в тюремне авто без вікон, з окремими кабінами для кожного в'язня. Сидиться немов у темній клітці, нема як порухатися, перед очима чорно, нема чим дихнути. Я мав враження, що душуся. В кабіні є лише шпара, через яку говорять до в'язня, коли йому дають прикази. Так я заїхав до «внутренньої тюрми» (Луб'янки) в Москві, призначеної для найтяжчих злочинців. Тут мені судилося провести більш півтора року, від 29 жовтня 1939 до 14 травня 1941 р.

«Внутренняя тюрма» – це один з будинків, що творять немов окрему дільницю тюрем. Вона прилягає безпосередньо до Верховного Суду СРСР, що міститься в другій половині тієї ж будівлі. Мене примістили спершу в камері 109. Було нас у камері сімох. Келія чиста й доволі простора, кожний в'язень мав свою причу й постелю. Але тюремний режим був дуже суворий. Вікна забиті ґратами і шухлядами, цілу ніч в камері яскраве світло, не вільно мати папірця ні олівця, повна ізоляція. До туалети водили кожну камеру зокрема, так що ніхто не знав про товаришів з сусідніх камер. Прохід відбувався вночі на подвір'ї або на даху. Деякі в'язні не хотіли вночі вставати, але їх силували. Їсти давали ранком солоджений «кип'яток» (3 кусники цукру на два дні) і хліб, опівдні юшку й кашу, ввечері кашу. Мені, з уваги на вік і ослаблення, давали склянку молока денно, а пізніше теж правдивий чай. Тюремна сторожа поводилася дуже суворо, але не била. Пам'ятаю такий інцидент. Одного разу я домагався, щоб мені віддали окуляри, що їх ввечері в нас забирали і повинні були вранці назад віддати. Тоді сторож каже: «Пощо вам читати?», а я відповів: «Це я вже знаю, чи мені треба читати». (Була тюремна бібліотека і в'язням вільно було з неї користати). Він поскаржився начальникові тюрми, а мені сказав: «Поки я маю ключ від вашої камери, доти я є паном вашого життя».

Хоч камера була чиста, проте було в ній хробацтво. Я набрався вошей з в'язничної білизни, бо її не виварювали, лише натирали якимсь крохмалем, і саме в цім крохмалі були воші. Санітарні відносини лишали багато до бажання: на цілу тюрму був тільки один лікар. Санітарами були здебільшого жінки. З одною з них мав я раз таку пригоду. Я просив її дати мені ліки до натирання ніг, бо вони мені дуже боліли, – просив дуже чемно, промовляючи до неї: «Ласкава пані, будь ласка, дайте мені...» На це вона каже: «А ви мало нажилися на світі, пощо вам ще ліків?» Я не втерпів і відповів: «Чи ви людина, чи звір?» Зате головний лікар відносився до мене прихильно, на привітання казав мені завжди «гаразд», з чого я догадувався, що він – українець. Прізвища лікаря ні слідчих не вільно було в'язням знати. Українця я пізнавав по тому, як він до мене

ставився. Одна санітарка була зо мною дуже ввічлива, питалася мене завжди про стан мого здоров'я. Одного разу заговорила до мене кілька слів по-українськи, отже я не помилявся, коли вважав її за українку…

Слідство в моїй справі переходило різні фази. Не раз здавалося, що мене ось-ось випустять, пізніше воно знов затягалося безнадійно на довгі місяці…

Після кількох місяців мої судді заявили, що я буду звільнений, але мушу замешкати в Москві. Я сказав, що не можу на це погодитися, бо я – український громадянин і, коли нема підстави вести проти мене судове поступовання, то лиш уряд УРСР міг би визначити мені місце побуту, якби вважав, що я небезпечний у Львові, але місцевість не могла б лежати поза межами України. По цих конференціях я вніс писемну скаргу до народного комісара внутрішніх справ, що мене, старого хворого чоловіка, тримають довший час у в'язниці, хоч нема проти мене жодного обвинувачення. Три дні пізніше кличуть мене на переслухання. На бюрку слідчого бачу мою скаргу. Питаюся: – «Може ви на мене гніваєтеся, що я вніс заяву до народного комісара?» Він заперечив. Від цього часу переслухували мене частіше і поводилися зо мною краще, давали мені кращий харч, як іншим в'язням. Здавалося, що слідство зближається до кінця. Побачивши, що моя тактика дала добрі наслідки, я написав народному комісарові нову заяву, цим разом подяку. Це знов справу прискорило. Я був, мабуть, один з небагатьох в'язнів, який мав відвагу звертатися до народного комісара з писемними заявами, хоч тюремний правильник передбачав за в'язнями це право.

Але місяці минали, а я далі сидів. Я зголосився до начальника тюрми і сказав, що маю щось важне подати до відома судді, а цьому сказав, що маю важну інформацію для Мануїльського. Але мене не допустили ані до Мануїльського, ані до галичан, які приїхали, як депутати, до Верховної Ради. Зате дістав я нових двох суддів. Коли я упоминався, чому мене не звільняють, вони казали: «Як вас пустимо на волю, то ви зараз до Германії підете». «Я не тікав з рідного краю у вересні 1939 р. і тепер не думаю – хочу вмерти на рідній землі», – відповідав я.

Згадаю ще такий інцидент. Коли були вибори до Верховної Ради, питалися мене, чи я хочу кандидувати. На це я сказав: «Ніколи я не старався за мандат сам, ані не приймав мандату від уряду. Коли виборці хотіли мене мати послом і ставили мою кандидатуру, тоді я заявляв «так» чи «ні». Потім пустили поголоску, що була виставлена моя кандидатура до Верховної Ради, але я зрікся. Я знов написав до народного комісара, протестуючи проти фальшивих відомостей.

Такий стан тривав довгі місяці. Судді були чемні, час-від-часу кликали мене на допит, питали мене про інших в'язнів з Західньої України, казали, що ніби я їм потрібний для вияснення слідства над ними. Головний лікар, мабуть на доручення згори, опікувався моїм здоров'ям. Але минали дні, минали довгі безсонні ночі, минали тижні й місяці, і я не міг діждатися звільнення. Я вступив у 82-ий рік життя – невже доведеться мені вмерти в московській тюрмі? Я понаглював справу звільнення заявами до народного комісара. Раз я йому написав, що коли б він мене раз переслухав, то справа була б вияснена за один день. Слідчі натякали на звільнення, але завжди висували всякі труднощі: «З чого ви будете жити, чи не вмрете з голоду, вас німці можуть убити» – та інші такі глупощі.

В травні 1941 р. будять мене раз уночі і кличуть на допит. Я прийшов, слідчий подав мені руку; я знав, що це означає звільнення. Слідчий скерував мене до старшого судді, а цей сказав, що я вільний. Але я завважив, що сам до Львова не можу їхати. На

другий день перевезли мене до готелю і сказали, щоб я чекав, аж приїде по мене хтось з родини. Депешували до мого сина, але текст телеграми був такий заплутаний, що син зрозумів, що я помер і йому кажуть забрати мою домовину. Від дня мого арешту родина нічого про мене не знала і ніхто не думав, що я ще живий. Вкінці до Москви приїхала по мене моя внучка. Дали нам місце у спальному вагоні, рівночасно дали доручення до Львова підготовити для мене моє давнє помешкання з цілою обстановою. Але моє помешкання було розграблене і зайняте совєтськими урядовцями. Коли я в них домагався, щоб звільнили моє помешкання, покликуючись на Москву, мені відповіли: «Москва робить своє, а ми своє робимо».

До Львова я приїхав 19 травня, себто за місяць перед початком німецько-совєтської війни. Коли б мене були звільнили місяць пізніше, я вже був би не побачив рідного краю.

Опубл.: Західня Україна під большевиками… – С. 380–392.

ДОПИТИ МАТЕРІ-ІГУМЕНІ

Із задокументованої розповіді ігумені українського греко-католицького монастиря Сестер Студиток у Львові Олени Вітер

Мене заарештували 11 червня 1940 р. До нашого монастиря впали з витягненими револьверами агенти НКВС, 8 чоловіків і одна жінка. Я вийшла їм назустріч і в першій хвилині подумала, що це бандити. Я поспитала: «Що це таке?» «Ми шукаємо за Оленою Вітер», – сказали енкаведисти. Вони мали з собою мою фотографію і зараз мене пізнали. Я була в черничій одежі. Агенти кинулися на мене, почали мене шарпати, здирати з мене рясу й лаяти: «Скинь це, ти сволоч митрополича, сволоч петлюрівська!» Я пішла до своєї кімнати й переодяглась у чорну сукню. Заявили мені, що поїду з ними, але не дозволили мені нічого з собою взяти, навіть плаща. «Ми тебе переодягнемо й пересвятимо», – казали. Також не дозволили мені видати сестрам жодного розпорядження. Поки мене випровадили з дому, агентка (її називали Зіна) пішла до каплиці, збезчестила її та вкрала з престолу літургічну золоту ложечку. Мені казали сідати в авто. Коло мене сіла Зіна, тримаючи весь час звернений в мою сторону револьвер. Я сказала: «Сховайте револьвер, я не втечу». «Мовчи, бо як скажеш ще слово, порахуєш усі зуби», – почула я відповідь.

Мене завезли до будинку НКВС при Пелчинській вулиці; запровадили до якоїсь кімнати, і там я просиділа більш-менш 3–4 години. До кімнати входили різні люди, оглядали мене та глумились наді мною. «Монашка, монашка», – насміхалися. В 8-ій годині ввечері взяли мене на допит, що тривав до 4-ої години ранку. Мені казали сидіти непорушно на стільці. Слідчі змінялися тричі, й кожен з них вимагав, щоб я «призналася». Ставили мені три запитання: «1. Чим ти провинилася супроти совєтської влади? 2. Відколи належиш до Організації українських націоналістів та які маєш зв'язки з закордоном? 3. Де ти сховала зброю?» Я, очевидячки, заперечувала всі ці закиди. Коло 2-ої вночі казали мені скинути верхню одежу, я залишилася в білизні. Тягнули мене за волосся, били головою об мур, кулаками в лице. Згодом один енкаведист вхопив мене за руки, другий за волосся, третій за ніс і влили мені в уста дві склянки урини.

«Маєш, це твоє святе Причастя», – казали. Вранці відвезли мене до в'язниці при Замарстинівській вулиці.

Коли мене впустили до камери, моїм очам представився жахливий вид. В маленькій кімнаті лежали одна побіч одної жінки, збиті в одну масу. Сім з них примістилися на двох ліжках, десять на голій долівці, без матраців, без сінників, навіть без коців. Їх обличчя були несамовито бліді. Повітря було густе-прегусте, просто годі було дихати. В камері було неймовірно брудно. Проте ті жінки, які находилися в таких страшних обставинах, виявилися напрочуд зрівноважені й благородні. Всі прийняли мене дуже сердечно, почали мене потішати, хоч я їм не казала, що зо мною робили.

Наступного дня мене сфотографували і зробили відтиски моїх пальців. На переслухання взяли мене по 4 днях, вночі. Слідчий питав мене про мої родинні обставини: чому я не вийшла заміж, чому вступила до монастиря. Потім слідчий поклався на канапу й почав поводитися дуже непристойно. Говорив безсоромні речі про Митрополита Шептицького та його брата, ігумена Студитів. Я обурилась і спитала: «Чи ви знаєте отця Митрополита?», а коли він заперечив, тоді я завважила: «Якщо ви культурна людина, то не говоріть того, чого не знаєте». Слідчий сказав, що я «хитра морда», і на цьому докінчився цей допит.

Дня 29 червня мене знов викликали вночі. Переслухував інший слідчий. Прийняв мене буцімто чемно: «Як вам спалося? Чи ви молилися?». Згодом змінив тон і вимагав, щоб я призналася, що належу до Організації українських націоналістів. Коли я заперечила, мене сконфронтували (очна ставка. – *Ред.*) з одним в'язнем, який мене при зізнаннях «всипав». В'язень твердив мені до очей, що те, що він про мене сказав, – правда, а я категорично заперечувала. При конфронтації били мене в лице й по голові, а коли в'язня випровадили, тоді кинули мене на землю і двох енкаведистів били мене гумовими палицями. При тому кричали, що я мушу признатися, бо НКВС не має пощади ні для кого.

Два тижні пізніше мене знову викликали й відтоді допити відбувалися щодругу, або щотретю ніч. При кожному допиті мене катували. Били то гумовою, то залізною палицею, видирали з голови волосся, вішали мене шнуром на гак, викручували руки. Одного разу під час побоїв бухнула мені устами кров. Енкаведист схопив брудну ганчірку, що лежала коло сплювачки, і запхав мені її до вуст. Раз при переслуханні трапився такий інцидент. Слідчий спитав, чи я знаю, що НКВС славне на весь світ.

– «Знаю, але з чого?»

– «НКВС твоя найвища влада».

– «Для мене найвища влада Бог і свята Церква».

Тоді слідчий силою відкрив мені вуста і сплюнув до них своє харкотиння.

Слідство продовжувалося впродовж усього літа, аж до дня 1 вересня 1940 року. Від дня арештування в червні мене допитували 47 разів і при кожному допиті тортурували, вимагаючи, щоб я «призналася». Примушували мене підписати протокол, що нібито Митрополит належав до Організації українських націоналістів та що я носила до нього зброю. Час від часу старалися намовити мене признатися до вини іншим способом. Вдавали, нібито вони мене жаліють та хотіли б мене рятувати, а до того треба тільки, щоб я допомогла їм моїми зізнаннями: «Він старик, себе боронить, на тебе звалив вину. Ти молода, тобі треба жити». Але я, розуміється, їм не повірила й не далася взяти на їх брехні.

Коли мене викликали на допит вночі з 1 на 2 вересня, я застала іншого слідчого, який поводився чемно й, навіть, висловлював своє здивування та обурення, що попередні слідчі могли мене бити. НКВС, мабуть, прийшло до переконання, що фізичними знущаннями не досягне своєї цілі, й хотіло спробувати, яку реакцію викличе в мене страх перед смертю. Завезли мене автом на горішню Личаківську й сказали: «Веземо вас на розстріл, бо не хочете нічого говорити». Вивели мене в дебри й відіграли комедію, ніби мене зараз розстріляють. Але я не боялася.

З цього часу змінили поведінку супроти мене, поводилися по-людськи. Завезли мене, навіть, до мого монастиря і дозволили взяти до тюрми постелю, білизну і харчі.

Таким чином слідство було закінчено. Мене перевезли до тюрми «Бриґідки». Я чекала терміну судової розправи. В травні 1941 р. відновили проти мене слідство й мені довелось переживати знов не одну тяжку годину. Раз завезли мене з «Бриґідок» до тюрми при вулиці Лонцького на допит. Питалися, чи я хочу самостійної України. Я сказала, що так. Мене кинули в льох, де мене обскочили щурі. Потім взяли мене знов до кімнати до слідчого, скинули з мене сорочку і дротом пустили електричний струм по тілі. Допит тривав увесь день. Раз-у-раз мене переконували, що я маю ще останню нагоду рятуватися, бо інакше буду засуджена на смерть. Пропонували, щоб я погодилася працювати для НКВС, себто стати донощицею, тоді мене випустять на волю. Запевнювали, що про це ніхто не буде знати. Я відповіла, що чесно жила й чесно хочу вмерти.

29 червня 1941 р. мав бути суд наді мною. Але дня 22 червня почалася війна між Совєтами й Німеччиною, а дня 26 червня в’язні розбили двері нашої камери, і я вийшла на волю. Аж до приходу німецької армії до Львова я скривалася в льохах митрополичої палати на горі св. Юра. Я сиділа в тюрмі рік і два тижні.

Опубл.: Західня Україна під большевиками… – С. 399–403.

ДРУЖИНА «ВОРОГА НАРОДУ»

Із свідчень журналістки і громадської діячки Марії Струтинської

Сьогодні, коли ми наочно пізнали всі страхіття, що діялись за мурами львівських в’язниць НКВС, ця думка (про терор НКВС у Західній Україні) видається нам божевільною, однак тоді, дивлячись на ці мури ззовні, ми не раз думали, що краще було б перебувати там, усередині.

Хто може передати сьогодні словами всю напруженість, усю тривожну глибину хвилювань дружини, матері чи сестри арештованого в СССР? Самий спогад про це викликає нервозне тремтіння…Увесь цей час пережили ми, як у якомусь жахливому, злому сні, що не хоче скінчитися.

Коли ми підписали протокол переведеного у нашому домі руйнуючого, а все таки вповні безсистемного й безглуздого трусу, «слєдователь» (слідчий) заявляв нам з виглядом експонента якоїсь чудово зорганізованої і доброзичливої установи, яка має завдання тільки «перевірити» політичне обличчя нашого арештованого, що вже завтра вранці о 10-ій годині ми можемо зголоситись у прокурора НКВС, де нам скажуть, як піде дальше справа. Ми, річ ясна, не сплячи, ждали ранку, щоб бути на місці перед означеною годиною.

В передпокої одного з відділів НКВС ми натрапляли на солдата в зеленій шапці прикордонника, або так добре знайомій нам потім синьо-червоній шапці енкаведиста. Якщо ми мали щастя добре настроїти його нашим «пролетарським» виглядом, або якщо у нього був того дня добрий настрій узагалі, він показував вам рукою на другі двері. Та не дай Бог, щоб ви помилилися й замість до почекальні повернулись у двері праворуч, що вели у внутрішні кімнати НКВС! При самому вашому зближенні до цих таємничих дверей він попадав у скаженість, навіть цей, добре настроєний.

Енкаведист-дижурний у поганому настрої – це означало бути з місця відправленою. Нема й не буде прокурора. Коли прийти? Це не його діло. «Пашла!» Справа покінчена. Коли ми опиралися, нас виштовхували в підсінок. Кінець, треба пробувати завтра. Ця церемонія повторялася потім так часто, що не робила вже на нас ніякого враження. Часом ми були сміливіші, ми зважувалися сказати енкаведистові, що він саме для інформації тут і є. Я зробила так раз і почула:

– «Ти што, разгаварівать со мной будеш? Я тебя в Сибір, я тебя...»

З правила дижурні відправляли всіх, кажучи, що сьогодні прийому не буде. Дарма, що часто саме в моменті такого інформування з'являвся прокурор. Це їх ні трошки не бентежило.

Я мала щастя цей перший раз бути допущена в прийомну і мала щастя, що саме цього дня прийшов прокурор. (Дуже часто він справді не з'являвся цілі дні). Стояння в черзі тривало до пізнього пообіддя. Врешті я станула перед прокурором. Це був 20-річний хлопець, енкаведист, який сказав мені, що за тижнів два я можу попробувати дати «передачу» у бувшу гарнізонну тюрму при вул. Замарстинівській.

Під «передачею» розуміли пакунок, в якому можна було подати в'язневі дві пари білизни, одежу, коц, мило, а також (спочатку це дозволяли, а потім заборонили) тютюн і сірники. По закінченні слідства, за окремим дозволом прокурора і за згодою начальника тюрми, можна було передати й харчові продукти, як хліб, сало, цукор. Передача мала для в'язнів та їхніх родин величезне значення через те, що це був одинокий засіб правдивої інформації та обопільного зв'язку. Аж подавши пакунок та побачивши на клаптику паперу підпис нашого близького, яким він посвідчав відбір передачі, ми були певні, що він живе та що знаходиться в тюрмі; з другого боку й він тільки через пакунок і записку з нашим прізвищем міг довідатися, що ми не поділили його долі та що знаємо місце його побуту. Передачу для в'язня приймали раз у місяць. Передачі в тюрмі йшли за абеткою, значить, треба було виждати не тільки два тижні, але й на свою букву. Однак тільки в ідеальному випадку дозволяли передати зразу пакунок. Таких випадків було дуже мало. Важко означити, що мало тут рішальний вплив: обтяження в'язня, чи його поведінка в тюрмі, тобто темпо, в якому він заломлювався і признавався до всіх закидуваних йому проступків?

В моєму випадку справа малася так, що мій чоловік одинадцять років тому відійшов був зовсім від політики (був в одній каденції послом до польського сойму від партії УНДО, потім вийшов з неї і працював у редакції інформаційного українського щоденника, врешті останній рік був безробітним), а першу передачу я подала аж після п'яти місяців. Правда, по трьох місяцях я попала була вперше на його слід: прокурор НКВС, якому надокучили мої щораз нові заяви, сказав мені, що він таки тут у тому самому будинку, в якому находилися ми. (Це значило, що він сидів у жахливих умовах тієї перехідної тюрми, де в'язні спали в підвалах на бетонній долівці). Однак про передачу сюди не могло бути мови. На всі мої благання прокурор відповідав, що про

це не варто навіть говорити, бо... тут немає людини, яка б могла це від мене перебрати. Він сказав, що мого мужа хутко заберуть звідсіля, а тоді я зможу передати йому білизну. Та це сталося аж після двох дальших місяців і то не без великих труднощів: незважаючи на те, що я мала перепустку на білизну й одіж від прокурора обласного суду, начальник тюрми відмовив мені прийняти передачу. Прийняв її аж після інтервенції депутата Верховної Ради СССР, колишнього університетського професора мого чоловіка, Кирила Студинського. Після чотирьох місяців мій чоловік знову пропав без вісти, і потім я отримала від нього лаконічну записку: «Находжуся в тюрмі № 4». Це була перехідна тюрма, де перебували в'язні, яких слідство було покінчене. Про скінчення слідства сказав мені і прокурор обласного суду. Однак мій муж сидів тут шість дальших місяців і тут застала його німецько-совєтська війна.

Прокурор, а властиво прокурори обласного суду (бо їх було багато і щораз інший з них провадив справу), це була окрема сторінка наших заходів. Вони сиділи рядочком у кімнатах колишнього вибагливого Краківського готелю, а в коридорах і внизу у вестибюлю товпилися родини арештованих. Раз у тиждень секретарки записували на прийом до прокурорів. Такі прийоми відбувалися всього раз у місяць. На тисячу людей – записаних було 150–200. Та сам прийом у прокурора був смішною комедією. Прокурор нишпорив у паперах і казав неухильно: «Слідство ведеться, більше нічого не можу вам сказати». Пізніше, по місяцях, він заявляв, що слідство скінчене. Часом додав ще, що буде суд, або що його не буде. В'язня зішлють адміністративним порядком. А все ж таки це було єдине місце, де можна було принаймні щось довідатися. Жінки облягали суд.

Про реченець судової розправи довідувалися родини арештованих часом у секретаріяті на третьому поверсі. Це діялося один–два дні перед розправою й тоді можна було взяти адвоката, який мав зрештою функції статиста. Він щонайбільше міг переказати родині два слова від в'язня або навпаки. Коли в'язнів привозили на суд, з вулиці перед судом розганяли публіку. Зібрані у вестибюлі родини в'язнів могли бачити їх здалеку, говорити ні передати нічого не було можна. Так прощалися жінки з своїми чоловіками, матері з синами, засудженими на 8–10–15 років, або на кару смерті.

Вертаючись до прокурорів, треба згадати, що вони часом, у приступі доброго гумору, давали перепустки на передачі. Тому що правильний прийом у прокурора відбувався раз у місяць і рідко коли можна було на нього попасти, публіка радила собі інакше: прокурора можна було інколи застати самого в його кімнаті, навіть при незамкнених на ключ дверях. Це було рідко, але траплялося. Треба було мати сміливість і щастя, щоб увійти в кімнату без зголошення. Були між ними такі, що не викидали зразу за двері, що дали говорити. Часом можна було випросити у них перепустку. За одною треба було ходити 5, 10, 20 разів. У початковій стадії слідства дістати її було майже неможливо. Я дістала свою аж після п'яти місяців, та й то вона сама, без листа професора Студинського, не була б нічого помогла.

Рівнобіжно з усіма муками шукання й передач ішли ще інші, може найбільш дошкульні шикани й переслідування. Забравши з хати арештованого, НКВС запечатувало всі, окрім одної, кімнати. До цих кімнат спроваджувалися енкаведисти з сім'ями. Займали їх, річ ясна, разом з меблями, постіллю й усім, що було там у хвилині арешту. Все це вважали своєю незаперечною власністю. Вони обкрадали нас і в нашій кімнаті, незважаючи на те, що ми завжди замикали її на ключ. У мене вкрадено так золотий годинник чоловіка та його убрання, а також дещо з моєї власної одежі. Жінки енкаве-

дистів господарювали на кухні нашим посудом, витісняючи нас із кухонної плити й газового решо, вони брали у виключне посідання купальню, і ми ставали інтрузами у нашій власній хаті, де в додатку слідкували за нами пильні очі енкаведиста та його близьких. Ясна річ, що вони скоріш чи пізніш уміли вислідити щось, що давало їм змогу позбутися з хати завади й стати повними панами всього мешкання й меблів. А втім, для цього був у большевицьких законах один знаменитий параграф, який і без того вирішував справу в їхню користь: це був параграф про вивіз.

Страх перед вивозами – це було завершення всіх тортур. Впродовж двох років, а зокрема від фатального 13 квітня 1940 року, коли одної ночі виволікли з ліжок тисячі людей, увесь край жив під враженням, що кожної хвилини кожного громадянина можуть вирвати з його рідного ґрунту й кинути кудись у безмежні азійські простори; тим більше в нас, членів родин арештованих, це враження зростало у страшну певність. Всі ми спакували наші необхідні речі вже тоді, у квітні, і всі ми чекали дня й години. Заповідають затемнення? (НКВС залюбки оперувало в затемненому місті) – ми вже лаштуємо собі місце, де б сховатися. Мобілізують авта? (ми знали про це від шоферів) – ми вже дома не спимо. Та яке це мало значення, що могло це помогти? Не сьогодні, то завтра, не тут, то там. Життя було одною мукою, одним жахом.

Ми бачили їх, як вони їхали туди на схід, вагітні жінки, поражені паралічем старці, маленькі діти, цвітуча молодь. Зірвані з ліжка вночі, під енкаведистськими штиками укладали купку найбільш необхідних речей і досвіта їхали на автах, на підводах або йшли пішки туди, до приготованих за містом вагонів. Тих, яким не стало місця у вагонах (і тут «перевиконувано» план), держали на подвір'ях участків міліції «на спеці» і стужі під голим небом декілька днів. Ми читали потім їх кинуті десь по дорозі картки, ми читали страхітливі листи, які вони писали сюди до рідних. Одна моя знайома дістала листа від своєї доні: «Десять пастухів є моїми чоловіками. Пришли мені отрути». Усе це ми знали, і знали, що одного дня з математичною точністю така доля зустріне нас.

Вона нас не зустріла. Однак те, що сталося, було у тисячу раз жахливіше. Коли 30 червня, з приходом до Львова німецьких військ, ми розбили львівські тюрми і ввійшли в їх брами, ми застали в них замість наших найдорожчих великі могили на подвір'ї та повні трупів підвали. Так було й у перехідній тюрмі ч. 4, де я ще 18 червня передала мою останню передачу. Порожні в'язничні корпуси відкрили нам увесь жах життя в'язнів.

Вбиті чи вивезені? А якщо вивезені, то чи й там не вбиті?

Ось думки, якими ще й тепер переслідує нас спогад большевицького режиму.

Опубл.: Західня Україна під большевиками… – С. 445–452.

БЕЗПЛАТНА ПОДОРОЖ У НЕВІДОМЕ

Із свідчень осіб, депортованих у перші місяці радянської влади у Львові

Кожний з нас під час війни звик до думки про смерть. Коли на наше місто падали бомби та гранати, багато людей скоро звикало до них, кажучи: «Що кому призначено», «Це справа випадку». І, замість сидіти по льохах, сновигали по вулицях, байдужі на стріли.

А проте ті самі люди втрачали свій спокій, коли чули звістки про те, що «більшевики в найближчих днях будуть вивозити». Це одне слово «вивозити» набирало таємниче-страховинної сили. І недаром: за ним ховався один з найжахливіших засобів большевицького терору.

Минуло кілька тижнів від хвилини, як большевицька влада вибрала за центр свого осідку на західньоукраїнських землях Львів. На святочних зборах, мітингах, у радіо, із шпальт газет люди почули, що совєти прийшли як визвольники трудового народу і що принесли йому «радість» і «щастя». Та скоро, занадто скоро, почули вони теж, що «радвлада мусить нещадно розправитись з найлютішими ворогами трудового народу». Хто ж були ці вороги? Капіталісти, поміщики, священики... хто ще? Про це ми мали нагоду незабаром дізнатись. В грудні 1939 р. почало НКВС вивозити «ворогів», поки що спорадично. Вивезено тоді зі Львова 3500–4000 осіб. Перші масові вивози відбулися у Львові вночі з 13 на 14 квітня 1940 р. Відтоді на ціле місто впав жах, бо ніхто, буквально ніхто не був певний, чи найближчої ночі не прийде черга на нього.

Нічого люди так дуже не лякались, як «вивезення». Це було гірше від наглої смерті. Вночі облягали хату висланці «чрезвичайки» й наказували присутнім одягатись. Перед хатою чекали авта: особові й вантажні, залежно від того, скільки людей треба було взяти й які «машини» були під рукою. Залякані люди питались: куди їх забирають і завіщо? Відповіді були різні. Це залежало від урядовців, від їх серця, настрою, звички. Якоїсь точно означеної методи чи офіціяльних вказівок, що саме треба казати призначеним на заслання, тут не було. І так одних енкаведисти заспокоювали, що беруть їх тільки на допит і зараз їх випустять. Для підтвердження своїх слів не дозволяли їм брати з собою навіть необхідних речей, мовляв, це зайве. Люди їхали тисячі кілометрів, не маючи з собою білизни для зміни ні плаща. Іншим дозволяли спакувати в куфри і клунки, що завгодно: постелю, теплий одяг, білизну, кухонний посуд.

Кого вивозили? На перший огонь пішли судді, навіть такі, що не засудили в житті ні одного комуніста і вже давно були на емеритурі. За ними колишні старшини, також резервові, які довгі роки з ніякою армією нічого спільного не мали. Далі вивезли власників підприємств, купців, промисловців, ремісників, але вже тільки «по вибору». До проскрибованих, яких скоріше чи пізніше чекало заслання, належали родини політичних в’язнів і родини тих, які втекли перед большевиками на Захід. Попали теж між депортованих такі, які зовсім випадково опинились у гостях у даної родини; їх брали «через помилку», а може для помсти, що, мовляв, у таких «контрреволюціонери» бувають дома. (Тому небезпечно було заходити не тільки до знайомих, а навіть до близьких свояків. А ну ж хтось уночі стане «ворогом народу», тоді доведеться покутувати за зв’язок з ним. Люди замкнулися в собі, порвали всякі контакти, один одного боявся).

Якщо можна говорити про якийсь принцип, то він був такий: вивезти могли кожного, на кого впав донос, що він справжній контрреволюціонер, буржуй, націоналіст, фашист, шпигун, експлуататор трудящих, коротко кажучи, ворог народу. Ці різні назви бували перемішувані в найдивнішій формі так само, як жертви депортації, позбирані без розбору на одне авто, поскидані на одну купу у вагоні. Тисячі між вивезеними було таких, які ні самі, ні про яких знайомі не могли б сказати, чому їх заслали в дикі степи Казахстану, в льодові простори Півночі чи Сибіру. Мав хтось, наприклад, когось з родини на чужині і той з чужини прислав йому листа з кількома невинними фразами. Цензура НКВС дошукалась поза звичайними словами «глибшого» змісту. «Шпигун – рішила – вивезти!..» Ніхто не знав, чи заберуть усю рідню, чи тільки деяких: кого

саме, кого першого та чи дозволять узяти з собою на дорогу теплий кожух, подущину і хліб хоч на кілька днів. Усі знали, що кожного може це зустрінути сьогодні вночі, але ніхто не хотів думати про цю можливість. Проте всі тільки про це одне й думали, і ця думка чаїлася в очах кожного мешканця, вона лежала тягарем на його похиленій спині, покривала зморшками його обличчя, визирала з його дрижачих рук. Люди лягали в постелю так, наче б мали востаннє проспати у власному ліжку, і часто, дуже часто, не могли всю ніч заплющити очей. Одні заздалегідь спакували на дорогу необхідні речі, інші, навпаки, забобонно боялися робити яку-небудь підготовку до далекої подорожі.

За 21 місяць свого панування зорганізували большевики три велетенські транспорти «виселенців» із Львова. Кожний такий транспорт мав по кілька і кільканадцять тисяч людей. Докладної статистики ніхто подати не в силі, але це певна річ, що число тих нещасних треба рахувати на кількадесят тисяч. Останній масовий вивіз відбувся в перших днях червня 1941 р. Але й він був тільки інтродукцією до поголовного вивозу, який мав охопити загал автохтонного населення. Большевики зовсім не ховали своїх планів, що вони задумують виселити з Західньої України всю її людність – не лише інтелігенцію з міст, але й українське простолюддя з сіл – та на її місце мають спровадити москалів з глибини Росії.

Кого енкаведисти забрали з собою як призначеного на висилку, той пропадав мов камінь, кинений у воду. Минало кілька місяців і нараз приходила від засланого листівка з якоїсь далекої екзотичної місцевості. Приходили й довгі листи з точним описом їх недолі. Цензура, мабуть, не переглядала цих листів, бо деякі з них змальовували такі страхіття, що люди здригались, перечитуючи їх. Ці листи були для нас єдиним джерелом інформації про умови життя на засланні, бо ніхто з вивезених досі додому не вернувся.

Як жили засланці? Працювали як чорнороби в лісі, в степах, в колгоспах, на фабриках, на копальнях. Жили в найпримітивніших, найнужденніших умовах, як в Європі не живе ніякий жебрак. Умирали з голоду, з холоду, від хвороб, не маючи лікаря ні ліків. Вже по дорозі гинули як мухи від бруду та недоїдання. Мусили дивитись, як їх діти вмирають їм на руках або як виконують важку службу дорослих: носять дрова, працюють у фабриці, пасуть худобу на безлюдних степах, або як блукають серед пустиря, щоб знайти щось їстивне: гриб, зілля, польову мишу. Були випадки, що батьки померли на засланні, й сироти залишались самі, мов палець, серед суворої природи й диких людей. Дві молоденькі сестри писали до знайомих у Львові: «Рятуйте нас, бо згинемо! Маму поховали ми ще в домовині, для брата вже не стало, так зашили ми тіло в покривало і зложили в могилу серед киргизьких степів». Їх мати і брат померли на засланні в Казахстані на якусь пошесну недугу, а батько сидів у Львові в тюрмі.

Коли в краю залишалась на волі частина родини і дбала про вивезеного, посилаючи йому гроші і харчі та підтримуючи його морально на дусі своїми листами, то ще півбіди. Але були виселенці, позбавлені зовсім опіки свояків і знайомих. Були родини «зліквідовані» большевиками поголовно: їх члени каралися кожний в іншій тюрмі або кожний в іншому куті СРСР на засланні, розділені один від одного безмежними просторами, нічого один про одного не знаючи.

Траплялися випадки зворушливого прив'язання і жертовної любові, коли на заслання добровільно йшла мати з сином, дочка з матір'ю, суджена з нареченим, щоб ділити недолю близької людини. Не завжди це вдавалося, але часом любов і завзятість поборювали всі труднощі.

Колись, коли впаде царство сатани й оставші при житті засланці зможуть вернутись на Рідну Землю, вони розкажуть нам докладно про свою геєнну. Буде це напевне страшний акт обвинувачення проти большевиків і всіх, хто так чи інакше їх підтримував, боронив і солідаризувався з ними.

Перед нами жмут листів, писаних засланцями до родини і приятелів у Львові. Хто коли-небудь бачив листи з СРСР, той знає, який їх зовнішній вигляд, який листовий папір. Листи засланців роблять ще жалюгідніше враження. Писані вони на якихось нещасних клаптиках паперу, загорнені в конверти власного виробу. Але куди трагічніший від зверхнього виду їх зміст. Кожний з них – це безодня людської трагедії. Скільки сліз, скільки горя, нужди й розпачу криється за їх стриманими словами!

Ось уривки з кількох листів,написаних кров'ю серця:

«...У квітні, саме перед Великодніми святами, всадили нас до вагона у Львові, разом 32 душі: 4 чоловіки, 20 жінок, 3 підростки, 5 дітей (з них одно 5-тижневе), і так ми їхали 17 днів. Можеш собі уявити, яка це була подорож в духоті і тісноті. По дорозі давали нам тільки воду і хліб, часом цукор і три рази юшку на обід. На щастя, я мала з собою примус і бензину, так це була благодать для всіх. Ми їхали здебільшого ніччю, вдень довго стояли на станціях, але звичайно поміж вантажними вагонами, так що мало бачили світу. Зараз за кордоном (мається на увазі кордон між Польщею і СРСР, що існував до 17 вересня 1939 р. – *Авт.*) побачили ми людей запущених, оброслих, страшних на вид. На станціях вивантажували вагони з гнилими буряками, від яких заходив нестерпний сморід. Нашу кохану Україну переїхали ми, навіть не бачивши її. Коло Самари піски, а люди – не люди, радше кістяки-примари. Поза Уралом безмежні простори – попросту їх вид аж пригнітає душу. Їдеш, їдеш, і тільки де-не-де якась оселя чи село. Оселі страшні: домівки занедбані, нема коло них ніяких садочків чи городчиків, рідко навіть якась стайня чи хлів. Загнали нас до такого проклятого казацького колхозу, де хіба прийдеться загибати».

«...Наша подорож тривала 16 днів. За весь цей час ми дістали чотири рази пісну кашу, завжди вночі під час постою на станціях. Води майже не давали, хоч була жахлива спека. Природні потреби ми долагоджували у вагоні через діру в підлозі... Найгірше було з немовлятами, для яких не було ні молока, ні води. Із станції, де нас висадили, до місця нашого заслання віддаль 18 кілометрів. Треба було йти пішки з усіма клунками. Була ніч і в повітрю була попросту каша комарів. А що руки наші були зайняті клунками і відганятись від комарів ми не могли, то ж, заки ми дійшли на місце, наші обличчя виглядали, як скривавлені напухлі маски. Мешкаємо в бараках, де нема ні нар, ні підлоги. Від великих, дуже кусливих блощиць стіни аж червоні».

«...Тато й Оля працюють землекопами при будові греблі. Вертаються ввечері обліплені шкаралущою засохлої глини. Я з Юрком у лісі при обробці дерев. Віддаль до лісу 10 км – треба вставати о 4-ій вранці, щоб встигнути на час на роботу. В лісі страшна комашня. Мама і Ганнуся звільнені з праці. Ті, що працюють, мають право купити півтора кілограма хліба денно. Крім хліба, нічого більше в робітничій крамниці дістати не можна. Хліб і вода, вода і хліб. Голодуємо страшно. Як довго можна так жити?..»

«...Після тритижневої дантейської подорожі ми опинилися в киргизьких степах. На сотні кілометрів не видко деревини ні трави. Живемо в розваленій землянці. Коли падуть дощі, вода в ній вище кісток. Спимо й сидимо на долівці, бо нема ні ліжок, ні крісел. Нема тут лікаря, ні аптеки. До міста далеко, їхати туди нам заборонено. Поводяться з нами гірше, ніж з худобою. Працюємо від досвіту до пізнього вечора, а вночі мільйони хробацтва не дають нам спати. Місимо руками гній, з якого роблять паливо. За місяць важкої праці ми обидві дістали 13 рублів, а пуд муки коштує 100 рублів. Як не дістанемо від вас помочі, згинемо з голоду...»

«...Пишеш, що Твоє вивезення в 1915 р. на Сибір було романтикою супроти нашого теперішнього. Воно, мабуть, так і є. Життя тут попросту страшне. Нічого не можна дістати, бо самі нічого не мають. За кожною найменшою річчю треба йти до Ґеорґієвки, 6 км звідсіля. Навіть сірників тут нема, бо крамаря і всю управу засадили в тюрму за крадіж і непорядки. Але тепер і до Ґеорґієвки не дістанешся через воду і болота».

«...Найбільше боюся, щоб ми не набралися якоїсь тяжкої недуги. І так одна тут пані, жінка адвоката з Галичини, і один медик, працюючи на овечій фермі, принесли собі звідтіля бруцельоз. Це якась бацила, яка спричиняє страшні спустошення в організмі. Ця жінка ніби вже вилікувана, але недуга вдарила їй на суглоби в ногах, а бідний медик ледве чи вийде, бо недуга поселилася в шлунку. При цьому є гарячка понад 40°. Тут в колхозі є одна жінка, яка також захворіла на бруцельоз, ніби виздоровіла, але згодом осліпла».

«...Дорожнеча страшна. Картоплі доходять до 40 рублів за пуд (себто майже три рублі за 1 кг) і за нею треба їхати до Ґеорґієвки. Пуд разової муки від 100–150 рублів, літр молока 5 рублів, масло невидальщина, солонина 40–50 рублів. Тут цього року була велика посуха, через те і недорід. А ще таку силу народу сюди привезли, що один одному з рук видирає, коли на базарі щось з'явиться. За гроші нічого не можна дістати, лише на заміну, а ціна на одяг упала дуже низько і виселенці найліпший свій одяг міняють, щоб не згинути з голоду».

«...Мерзнемо, але здорові. Палива нам не стає, бо коштує горендальні ціни, а коло нас з грішми тепер дуже круто. Так ми по праці з Катрею їдемо саночками над ріку за талом, себто лозою. На саночках привеземо завжди палива на три–чотири дні. В хаті в нас при морозах 6–8°С, а при буранах 3–5°С. Під час буранів я один тільки виходжу з хати відчинити і заткати комин. А ці бурани справді страшні, я сам мало не погиб у дорозі, як тут один інженер, що заблукав ввечері під час бурану.

Морози тут теж нелегкі. Колись ми з Катрею вибрались 60 км від нашого колхозу за м'ясом. День був гарний, але мороз –50°. Поки ми перейшли 6 км, я відморозив щоки, а Катря ніс. Але ми таки пішли дальше і аж на третій день вернулись додому, зробивши 120 км. Як бачите, ми тут гартуємося і дякуємо Богу, що ця біда не впала на кого іншого з нашої родини, який не вмів би так з нею боротися, як ми».

«...Степан працює в лісі, дрова рубає. Я мушу ходити на роботу в поле. Страшна спека – якби можна воду мати і трохи хліба, а то сил не стає. Наші малі залишаються

дома, приладжують якусь юшку. Щовечора, як вертаюсь, б'ється мені серце: чи застану їх живими. Не одну дорослу людину з'їли в нас вовки, що підходять близько до осель. Степан ще все має надію, що його візьмуть на інженера, бо таких спеціалістів тут нема. Пришліть трохи цукру, як маєте, бо ми його тут не бачимо, йоду, пудри, вати (всі маємо рани і боляки), може які старі черевики – все одно, на кого будуть».

«...Природа тут чудова, аж дивно, що звертаю на це увагу, коли життя таке страшне, що треба боротись щодня з нею і з чужими людьми, щоб не вмерти. Живемо як печерники: в ліплянці, без меблів, без постелі, без посуду – накриваємось лахміттям. Не віримо, що ми так далеко. Не знаємо, як зможемо тут перебути зиму без відповідних харчів та одягу. Нам не дали часу захопити теплі речі на дорогу».

«...Тут нас лякають зимою. Поки-що морози ще нам не дуже надокучили. Правда, було вже раз 45° морозу, але було тоді дуже тихо і приємно. Зате бурани дуже нам дошкулюють. Цього року, як літом не було краплі дощу, так знову восени падали вічно дощі, а тепер нападала маса снігу. Як зірветься буран, як почне тим снігом мести з одного місця на друге, то щось страшне, що за сила. Як нас сніг завіє, то не можемо з хати видістатись».

«...Чи не відомо Вам, що сталося з моїм чоловіком? Я в розпуці, бо від 5 місяців нічого про нього не знаю і не можу з ним скомунікуватись. Телеграма, яку я надала з заплаченою відповіддю, вернулася з допискою «адресат виїхав». Будь ласка, розвідайтеся і напишіть, чи стрінула його така сама доля, як і мене. Якщо можете розпитати його місце побуту, то подайте йому вістку про мене і дітей. Ми перебули щасливо дорогу і поки що здорові, я працюю на копальні і, поки жива, дітям голодувати не дам»

«...Мамо, найдорожча Мамо, не плач за мною. Може ми ще побачимось, а якщо ні – молись за мою душу. Повір мені, що смерть – це не є найстрашніше лихо, яке може стрінути людину. Я така безмежно втомлена, що часто думаю про смерть, як про спасення. Чи життя варте стільки зусиль, коли воно таке жорстоке?»

Опубл.: Західня Україна під большевиками… – С. 453–454.

МАСАКРА В ТЮРМІ «БРИГІДКИ»

Із свідчень адвоката Михайла Рослява про масові екзекуції у Львові в червні 1941 р.

Дня 22 червня 1941 р. коло 6-ої години вранці вийшов я з хати при вулиці Кульпарківській 29, щоб купити хліба. На Городецькій вулиці довідався я від знайомого, що між Німеччиною і Совєтським Союзом вибухла війна. Я рішив поїхати до приятеля, що мав радіо, щоб послухати новин.

Вертаючись додому трамваєм ч. 8, коло костела св. Єлисавети я висів з трамвая, щоб дальше йти пішки додому. Та ледве я зробив кілька кроків, як наткнувся на відомого мені з Чорткова Йонаса Бухберґа, кравця, літ коло 28, більш як середнього

росту, добре збудованого й порядно одягненого. Я перейшов на другу сторону дороги і приспішеним кроком ішов дальше, коли по хвилині почув, що хтось за мною біжить. Раптово вхопив мене хтось ззаду сильно за праву руку й одночасно почув я, що Йонас Бухберґ каже по-російськи: «Гражданін, я задержіваю тебя, ти арестован». Я почав випрошуватись, запитуючи, за що мене арештують, та на це впала відповідь: «Узнаєш в НКВД». Одночасно згаданий Йонас Бухберґ задержав двох стрічних міліціонерів словами: «Товаріщ міліціонер, ето контрреволюціонер з Чорткова, он здєсь укриваєтся, вазьмітє єво». Міліціонери вилеґітимували Бухберґа, який показав їм якийсь папірець, після чого мене під револьверами відвели до І-го відділу міліції при вул. Яховича. Там Йонас Бухберґ щез, а дижурний міліціонер заявив мені, що Бухберґ зложив на письмі заяву, що мене шукає в Чорткові НКВС та що я від довшого часу скриваюсь у Львові.

В тюрмі при вул. Яховича перебував я до понеділка 23.VI. до 4-ої год. пополудні. Потім нас коло 70 в'язнів відставили до тюрми в Бриґідках. Там попав я до такої камери, де сиділи здебільшого кримінальні злочинці та 15 совєтських військових дезертирів (між ними один лейтенант та один російський поет, арештований за контрреволюційні поезії, які при ньому випадково знайшли).

Вночі з 23 на 24 червня органи НКВС покинули тюрму «Бриґідки», і в'язні розбили майже всі камери та повиходили на подвір'я. На вулицю годі було видістатися, бо всі брами були зачинені, а проїжджаюче військо, почувши великий гамір за мурами тюрми, де зібралися тисячі в'язнів, почало зі всіх сторін нас обстрілювати. Потім військо виломило браму і, діставшися на подвір'я в'язниці, огнем з крісів загнало людей знову до камер. Багато в'язнів згинуло тоді на подвір'ї та на коридорах в'язниці, і тільки декому пощастило втекти через в'язничні мури. Згинув тоді також російський поет. У нашій камері, яка містила за польських часів 12 в'язнів, було 65 в'язнів, а повернулось 50; решта згинула. Коло 10-ої год. повернулися сторожі енкаведисти й почали вивозити автами трупи з коридорів та з подвір'я і змивати кров, що лежала скрізь великими плямами.

Незабаром перевели нас до камери ч. 41 на першому поверсі, куди прибуло двох військових прокурорів, які питали кожного в'язня його прізвище, де працював та за яку провину сидить у тюрмі. Я подав, що не знаю, бо мене ніхто не слухав, та що арештовано мене на вулиці. Прокурор не дав мені докінчити оповідання про те, як мене арештовано, та заявив, що я відповідаю за провину, підведену під статтю 54, точка 1. Товариші недолі почали мені співчувати і жаліти мене, що так без причини причіплено мені такий страшний злочин, за який присуджують тільки кару смерті. Мені стало на душі лячно. Таких «злочинців», як я, зі статтею 54, точка 1, було в камері тільки трьох.

На моє несподіване щастя військові прокурори раптом від'їхали й забрали, мабуть, з собою протоколи нашого переслухання, бо пізнім вечором кликали нас знову одинцем з усіх майже камер на коротке переслухання до прокурора в цивільнім убранню. Всіх в'язнів ділили тоді – як я завважив – на дві групи: 1) звичайних злочинців і 2) політичних. При цьому переслуханні питали мене знов, за яку провину сиджу. Я розказав прокуророві видуману історію, що в черзі перед хлібною крамницею повстала між покупцями бійка, міліція почала хуліганів арештовувати, а що я випадково стояв при тій групі, що билася, мене теж за хуліганство арештували. Мене завели до камери, де були самі звичайні злочинці. Військові дезертири й політичні в'язні до нас більше не вернулись: усіх їх розстріляли на подвір'ї. Таким чином я врятувався від смерті.

В четвер 26 червня весь день випроваджували з різних камер більші групи політичних в'язнів і на подвір'ї їх розстрілювали. Крики, зойки, страшний плач невинних жертв заглушували стріли крісів та револьверів. Такі дантейські сцени відігравалися до пізньої ночі з 26 на 27 червня. А ми сиділи в камері, чи точніше лежали, як колоди дерев, один при одному та з острахом вичікували своєї черги. Підо впливом несамовитих сцен, що відігравалися під вікнами нашої камери, одні в'язні плакали, другі молилися гаряче до Бога, а треті, закам'янілі, видавали з себе час від часу важкі стогони безсилої розпуки. Що якийсь час заїздили авта й вивозили тіла розстріляних.

День 27 червня (п'ятниця) минув спокійно. До полудня випроваджували різні групи в'язнів з камер на подвір'я, але ані стрілів, ані гуркоту моторів авт не було чути.

Вночі з 27 на 28 червня НКВС знову покинуло в'язницю, цей раз остаточно. Прийшли люди з міста з сокирами й ломами, помогли нам розбити двері та залізні брами і ми опинились на волі.

Тільки завдяки ласці Всевишнього я по тяжких, хоч і коротких, моральних і фізичних терпіннях, щасливо повернувся до своїх найближчих, до дальшої праці.

Опубл.: Західня Україна під большевиками… – С. 460–463.

ПІСЛЯ КРИВАВОЇ НОЧІ

Із спогадів Івана Кіндрата, в'язня львівської тюрми у червні 1941 р.

…З початком німецько-більшовицької війни 22 червня 1941 року я мав 18 літ. Закінчивши тиждень перед тим 10-річку в колишній академічній гімназії, жив я в студентському гуртожитку по вул. Скарбківській, ч. 10, колишнім монастирі.

Німецькі війська вже 29 червня були коло Львова. У Львові наступив хаос. Совєтські військові підрозділи в безладді і паніці залишили місто. Але не всі. Залишились відділи окремого призначення НКВС – щоб «гідно» і «чесно» розпрощатися з братами і сестрами українцями-галичанами, «визволеними з пансько-польського ярма» в 1939 році...

У цій ситуації небезпека, щонайменше депортація, загрожувала доктору Панчишину – депутату тодішньої Верховної Ради УРСР і нашому духовному провіднику Митрополиту Андрею Шептицькому. Отож оунівськими зверхниками було створено і озброєно гвинтівками і гранатами студентський курінь (біля 40 осіб), щоб боронити їх.

Я опинився в групі 28 оборонців Митрополита і його резиденції при соборі св. Юра. Забарикадувавшись у церкві і резиденції, ми чекали... Правдоподібно, що НКВС не стало часу або відваги нас атакувати і так обійшлося без конфронтації між нами.

Того ж дня, тобто 29 червня, прийшла до нас вістка від мешканця будинку напроти тюрми по вулиці Лонцького: про глухі постріли і божевільні крики, що долинали в ніч з 28 на 29 з в'язничного будинку. А тепер, мовляв, звідти чути тихі зойки. Тут же була визначена група з чотирьох студентів (включаючи мене), аби перевірити сповіщене. Підкравшись під велику закриту браму на вул. Лонцького (ця брама тепер замурована), ми в'язкою із 4 гранат висадили її в повітря і обережно просунулись у в'язничне подвір'я.

При вході у подвір'я перед тюремним будинком лежали рядом 8 мертвих чоловіків і жінок, а недалеко коло муру – 2 жінки, ще живі, але скривавлені і непритомні. Як пізніше виявилось при розпізнаннях трупів, всі ці люди навіть не були в'язнями, а найманими робітниками в'язниці. Їх знищили останніми, щоб не залишати свідків доконаних злочинів. На жаль, жоден з них не вижив. Одна жінка вмерла в нашій присутності, друга пару годин пізніше в шпиталі на вул. Курковій.

До речі, всі десятеро були вбиті уколами багнетів. Деякі мали по 12–17 ран на грудях і животах.

Двері з подвір'я провадили до великого приміщення. Там нам відкривсь жахливий вид: гора трупів аж під високу стелю. Деякі в нижній верстві були ще теплі (може, недострілені при екзекуціях, вдавали вбитих). Жертви різного віку, від 15–16 до 60 літ, але переважно між 20–35 роками. В більшості своїй це були чоловіки, але немало між трупами містилось жінок. Лежали один на одному в різних позах з жахливими, скорченими в останній муці обличчями і широко відкритими очима.

На лівій стіні було розп'ято трьох чоловіків, ледь покритих з плечей одягом. Всі з відрізаними статевими органами. Під ними на підлозі у напівсидячій похиленій позі знаходились дві монашки старшого віку з... вставленими у роти тими відрізаними статевими членами.

Виявлені нами жертви енкаведистського садизму були вбиті пострілом в рот або в потилицю, але більшість загинула від багатьох ударів багнетами в живіт. Деякі трупи – голі або майже голі, інші в порядному вуличному одязі. Я бачив одного в краватці: мабуть, був арештований в останні години перед кривавою розправою...

З центрального приміщення, затопленого калюжами зціпілої свіжої крові, вели два коридори – один вліво, другий направо. Я подався направо в надії, що може знайду когось живим.

Перша келія: на гаку, вбитім у стіну, шнур і на ньому повішений середнього віку чоловік у військових штанях і чоботах. Мабуть, опричники мусили тягнути його за ноги, щоб задушити, бо гак був досить низько. На стіні вишкрябаний напис: «Да здравствует свободная Россия». Так, жертвою був майор совєтської авіації.

До однієї з наступних келій було тяжко підступитись. По другій стороні дверей знаходилось кільканадцять в'язнів. Всі притулилися-прилипли лицями до щілини дверей. Стояв важкий дух зігнилих яєць. Недалеко вигорали рештки отруйного газу.

Кидаюсь далі. В наступній келії – дві дуже молоді, навіть по смерті вродливі, жінки (а може й незаміжні дівчата). Лежать задушені, зі шнурами на шиї. Біля них на підлозі – двоє немовлят з розтрощеними черепами. На одвірках – свіжі плями з розлитого мозку немовлят…

Ще в одній келії знаходились трупи 12–16 в'язнів. Всі поколоті багнетами в животи. Вони лежали в калюжі власної і чужої крові, серед власних і чужих нутрощів, котрі повилізали з розпорених багнетами животів.

Я звернув увагу на ще один доказ звірства слідчих НКВС: повідтинані пальці, обрізана шкіра на спинах. Кати різали вертикально паси на плечах і завивали-закручували на короткий патик – щодня потрошки. Як один пас навинули, різали скальпелем другий і знову навивали... Робили це старанно і стерильно: забинтовували порізане місце, щоби в'язень не помер передчасно від інфекції чи гангрени ще до закінчення допиту. Адже їм, слідчим НКВС, потрібні були зізнання «ворогів народу», щоби опісля «легально» зліквідувати (таки там на місці, в пивницях в'язниці, пострілом в потилицю) чи, в

кращому випадку, показати «людяність» совєтського режиму і вислати їх на повільну, але певну смерть в краю північних льодів.

...А коридор був такий довгий, а вздовж його було так багато кімнат. Влітаю в порівняно велике приміщення. Посередині стоїть щось мовби операційний стіл. На ньому – прив'язаний ременями і шнурами голий чоловік. Обличчя скривавлене неймовірним скорчем. Від шиї майже до ніг покритий високим, випуклим скляним ковпаком. Живіт в ранах і з дивними дірами. Нараз з тих дір вилазять один, другий, третій щур!..

Пізніше я довідався, що це була іще одна форма тортур, що застосовувалась при допитах слідчими НКВС. Під щільний ковпак впустили голодних щурів, які гризли в живому тілі прив'язаної людини діри аж до кишок.

Далі, далі... в'язниця ще така велика, а під нею ще неперевірені пивниці!

Ні, я більше вже не можу. Не в силі! Для неприготованого 18-літнього юнака це вже було забагато. Я відчув, що за цю годину став 30-літнім чоловіком. Стратив 12 літ свого життя... Мої троє старших товаришів ще продовжували пошук можливих живих в'язнів. Та марно... Як розповідали потім, у Казимирівській в'язниці деяким жертвам НКВС пощастило вижити. На Лонцького – нікому...

Вибігаю півпритомний від жаху щойно побаченого з в'язниці. На вул. Сикстуській у розбитій і пограбованій крамниці беру фотоапарат і ще раз вертаю до тюрми. Фотографую гору трупів, розп'ятих священиків і монахинь у головному приміщенні. До келій зайти не зміг...

Тиждень–два пізніше мої фотографії появились у «Краківських вістях». Але не всі. Деякі були визнані нецензурними. Та хіба я винен, що енкаведисти творили такі злочини, що й показувати неможливо? Пізніше, у 1943 році я закопав фотографії на городі коло родинної хати…

Після пережитого совєтського пекла, після депортацій, арештів, тортур і розстрілів ми вітали німецькі військові частини квітами як визволителів. Словом, диявол став другом, раз він був ворогом нашого ворога – ворогом комуністичного імперіалізму, який так жорстоко нищив наш народ. Та недовго ця ідилія тривала: «юберменші» не хотіли мати «унтерменшів» за союзників – їм потрібно було рабів. Мури тюрми на Лонцького знову наповнились стогонами і прокльонами наших патріотів. Єдине тільки, що гестапо не настільки по-садистськи катувало всіх підряд, як НКВС, – але катувало. Зрозуміло: Гітлер ще усього не навчився від учителя Сталіна, прийшовши до влади 15 літ пізніше.

Отже, змінилась варта, всевладні зайди-кати з НКВС передали владу іншому окупантові, тобто німецькому гестапо. Не змінились лише їхні жертви – кращі сини і дочки України.

Напевно, ще прийде час, коли тюрма на вулиці Лонцького у Львові стане музеєм героїв і мучеників нашого многостраждального українського народу. А може, ненависний мур в'язниці буде зрівняний з землею і на його місці постане гігантський пам'ятник жертвам окупантів нашої дорогої Батьківщини.

У вільній, самостійній Українській державі це буде символом невгнутості, жертвенності, самопосвяти і безсмертя українського народу.

Опубл.: Поклик сумління. – 1991. – № 1.

«ПЛАХА»

Із статті про репресованих спортсменів товариства «Україна» (м. Львів)

«Совєтська» система була унікальною і максимально вдосконаленою в єдиному – у своїй злочинності. Особливо – стосовно нашого народу, української нації. Лише тепер вдається збагнути масштаби злодіянь, на що ідеологи більшовицького тотального геноциду благословили армію вишколених злочинців. Діючий безвідмовно принцип – була б людина, а стаття знайдеться, означав на практиці те, що відповідна стаття підбиралася для кожного, хто становив собою хоч якусь генетичну цінність. Уже цим він був небезпечний для режиму повновладних неуків більшовицького тоталітаризму.

Саме критерій генетичної цінності брався до уваги більшовизмом у Галичині перед «звільненням» у 1939. Саме на цих засадах і було вичислено для галичан «квоту» жертвопринесення на вівтар більшовицької свободи близько півтора мільйона людей. Переслідувалося все, що сприяло національному відродженню. Поряд з репресованими політиками, науковцями, духовенством постали і юнаки, причетні до спортивного руху в Галичині...

Спортивне товариство «Україна» разом з іншими спорттовариствами передвоєнних років робило велику справу. Фізичне відродження крокувало поряд з духовним. Великої слави зажила львівська футбольна дружина «Україна». Особливо вагомими були перемоги «України» над елітарними польськими футбольними дружинами в передвоєнні роки становлення польського шовінізму, що сприяло формуванню національної свідомості та національного самоствердження нашої молоді.

Зрозуміло, така діяльність розцінювалася «совєтською» системою як небезпечна для неї. Тому більшість гравців «України» разом з просвітянами, кооператорами та іншою організованою молоддю була, очевидно, ще перед «визволенням» у 1939 році віднесена до потенційних ворогів більшовизму…

А тепер – факти, які не потребують коментування. Ось гравці «України», життя яких було обірвано в розквіті сил більшовиками і нацистами:

Богурат Мирон, 1921 р. н. – особливо талановитий і перспективний гравець, гімназист з робітничої родини. Арештований в 1940 р., закатований більшовиками в 1941 р.

Гнура Петро, 1921 р. н. – не закінчив гімназії, робітник, з робітничої родини. Арештований в 1940 р., закатований більшовиками в 1941 р.

Гриців Роман. За неперевіреними відомостями – розстріляний чекістами як член УПА.

Завадівський Володимир, 1921 р. н. – гімназист, син священика. Арештований і засланий в Казахстан, помер у таборах.

Краєвський Ярослав, 1920 р. н. За неперевіреними відомостями, загинув, як член УПА в бою проти нацистів.

Короць Богдан, 1921 р. н. Арештований у 1940 р., закатований більшовиками в 1941 р.

Кузьма Богдан, 1920 р. н. – закінчив гімназію. Арештований в 1940 р., закатований більшовиками у 1941 р.

Сенів Ярослав, 1921 р. н. – син священика. Арештований в 1940 р., закатований більшовиками в 1941 р.

Тихоріз Євстахій, 1920 р. н. – провідний гравець, службовець з робітничої родини. Арештований 1940 р., закатований більшовиками в 1941 р. Тоді ж були страчені і два старші його брати.

В уяві більшовиків не могло існувати нічого українського, навіть українського спорту. «Україна» перестала існувати. Правда, в 1946 р. гравці «України», котрих пощадила доля, зібралися у львівському «Спартаку». Львів'яни знову побачили Ю. Зубача, К. Мікльоша, М. Турка. Виступали декілька років також Я. Хитрий, Р. Хробак, Я. Шпиталь. Перемоги «Спартака» в ті часи страшного більшовицького терору у багатьох львів'ян розвіювали безнадію, вселяли віру. Та недовго. У 1950 р. «Спартак» було розформовано.

Поліцейський нагляд за колишніми гравцями «України» не припинявся. Совєтська охранка переслідувала Ю. Зубача, викликали його начебто через сестру Ірину. Її, 16-річну студентку гімназії, в 1940 р. засудили до страти. Таким був вирок за непокірний виступ в останньому слові. Правда, після двомісячного знущання у камері смертників смертну кару замінили десятирічним ув'язненням.

У час арешту сестри Юрія не було вдома. Взяли б тоді і його. Але в квітні 1950 р. таки забрали. Як «посібника». Забрали і повезли до Томська з 60-річною мамою і клуночком у руці. Усе надбане конфіскували «на користь народу». Примусили підписатися на довічне перебування в Сибіру. Знав Юрій, що таке станеться, але не міг, хоча була нагода, податися на Захід – думав, куди подінеться Ірина після ув'язнення. Надіялися, що десь живе, хоч не було ані вісточки. Юрій рік працював на лісоповалі, потім грав у Томську в «Динамо». Опісля – тренерська робота до 1955 р. Повернувся Юрій Зубач до Львова у 1957 р., а сестра Ірина аж... у 1978-му.

А ось як «дописали» більшовики біографію ще одного гравця «України» Олеся Малюхи (1916 р. н.). Про нього розповіли його дружина пані Володимира, її сестри пані Ірина та пані Дарія, а також пан Ю. Зубач і пан К. Мікльош. Олександр був людиною освіченою, висококультурною. Через скромність та особливе розуміння товариськості часто грав у другому складі, хоча високо цінувався, як нападник. Вихований на Богданівці, грав у просвітянському оркестрі і дуже захоплювався футболом. Спершу виступав у дружині «Тризуб», а потім – в «Україні». Після 1939 р. вчився в консерваторії та медінституті. Був одружений. Мав двоє дітей: восьмирічну Зоряну і сина, якому було лише кілька тижнів – не встигли навіть охрестити.

...Квітневої ночі 1950-го Олександр повернувся додому після чергування в лікарні. Біля його будинку (вул. Хасанська) стояла вантажівка, вешталися тіні в картузах. Двері до хати відчинені. Енкаведистів було п'ятеро, з пістолетами в руках. Наказали всім швидко збиратися. Куди? «Куда надо. Там разберутся».

Як з'ясувалося згодом, майор НКВС, котрий керував «операцією», вирішив зайняти квартиру О. Малюхи. Мабуть, дуже йому не терпілося, і тому «хазяєва» поспішали. Підганяли розгублену дружину Олександра. Плакала Зоряна, заходилося криком немовля. Олександр стояв закам'янілий і страшний. Враз відхилив руку енкаведиста з пістолетом і сів за рояль. Грав востаннє. Прощався з домом, з родинними реліквіями, з надіями. Туга злітала з струн... І раптом – «Вічний революціонер». Сильно, владно, переможно. Останній вибух свободи, непокори. Увірвався терпець в майора. Збагнув своє безсилля, свою ницість. Вдарив наганом по накривці, змовкла музика. Струни вже самі доспівували сумну мелодію прощання...

Сім'ю завезли в Замарстинівську тюрму, в переповнену смердючу камеру. П'ять тижнів тримали. Голі нари, затхле повітря. Чим годувати дітей, як мити, як лікувати, де прати? Відпрошувалася Володимира у тюремників до умивальника пелюшки прати. Пускали, а самі на цілий день зникали. Дитина зачинена в камері кричить голодна, а мати в коридорі ридає. Пристосувалася Володимира годувати дитину через ґрати. Як припадало, тулилося дитя личком до бридких холодних ґрат!..

Якось примітила Володимира, що в коридорі уже кілька днів сидить в'язень і постійно молиться. З'ясувалося – греко-католицький священик. Вблагала тюремників, щоб до їх камери впустили, аби на бетоні не спав. Отець Сенета – так звати було священика – відразу виконав свій обов'язок, охрестив немовля. За хресну була Зоряна, за хресного батька – хтось випадковий. Хрестили, молилися, плакали. Уся камера плакала. Знайшли кусник паперу, роздобули чорнило, і отець Сенета виписав метрику. Тюремну метрику... В Івано-Франківську нині працює лікарем Володимир Олександрович Малюха, якому тоді було виписано метрику.

У кінці травня повантажили у «воронок» – і на поїзд. Два довгих місяці дороги. Через увесь «Союз нерушимый республик свободных». У щільно забитих людьми товарняках... У добу – одне відро води на вагон, одна миска риб'ячої похльобки на особу. У вагоні з дорослими було шестеро дітей, серед них немовлята. Пелюшки батьки сушили намотуючи собі на тіло. Воші, короста, розлади шлунку, простуда. Але ніхто не вмер завдяки лікарській допомозі Олександра. В інших вагонах вмирали. Вмирали переважно діти. Їх конвоїри залишали на зупинках або просто викидали з вагонів.

У Томську зупинилися, організували «пропарку» речей. Людей також «пропарювали». Загнали до великої лазні і поливали окропом зі стелі. Врешті, довезли до Хабаровська. Вивантажили і вишикували для показу «купцям». Від голодування та нерухомості ноги не тримали. А «купці» з палками вибирали «товар», мінялися вже вибраними. Як у давній Кафі. Лише грошей не платили. «Найгуманніша» в світі влада, керуючись «найгуманнішими» в світі законами, віддавала будівникам комунізму рабів безплатно і навічно. І розписку від спецпоселенців брали про «згоду» на вічне поселення в Хабаровському краї.

Родина Малюхи більшість часу прожила в селищі Джонка. Олександр працював фельдшером. У 1951 р. отримав диплом лікаря. На державні екзамени до Хабаровська під конвоєм возили.

Влаштувалися наші люди і в тих нанайських краях. Були там вчителі, лікарі, священики. Побудували собі хати, поволі обжилися. Зжилися із корінним населенням – нанайцями. Ті швидко забули про страх перед «бандерівцями», який нагнали їм «блюстителі».

Минали в безнадії роки. Надія з'явилася після 1953-го року. Та для О. Малюхи вона як засвітилася, так і згасла. Туберкульоз косив наших людей в тих проклятих болотах. У 1955 р. зліг Олександр. Згасав швидко. І найбільше жалів, що не побачить вже Україну. Сам вирізьбив собі табличку, котра й досі, мабуть, висить на хресті його могили там, на вершині сопки: «Малюха Олександр...» У даті смерті написав 1955 рік, а згодом дописав і місяць жовтень. День дописали вже без нього. Прощалося з Олександром все селище, відправляли всі одинадцять греко-католицьких священиків. Везли на санках. Копали могилу жінки, бо чоловіки були «на сучках».

На цій страшній цвинтарній сопці досі багато могил з хрестами, з табличками і без них. Половина Галичини на тих диких теренах, на тих великих жертовниках.

Поряд з Олесевою – могила о. Венгриновича із Самбора, чия трагічна біографія теж закінчилась на цій сопці. Як зберегти пам'ять про них усіх, замучених на чужині, замучених за велику ідею? Де, на якому пам'ятнику виписати їхні імена?

...Поверталася родина Малюхи додому довго, поодинці. Пані Володимира – аж у 1960 р. Домагалася реабілітації разом із сестрою Іриною. Скільки було написано подань, скільки було поїздок до Києва, до генерального прокурора!.. Скільки поневірянь, скільки знущань мусили витерпіти ці жінки!.. Не забуде п. Ірина в'їдливої репліки колишнього львівського прокурора, коли попросила кілька бланків для подання про реабілітацію: «Берите много бланков. Мы вам напечатаем много-много бланков, чтобы хватило вам, вашим детям и вашим внукам».

Отаку долю готували вони нам... За нашу непокору, за прагнення до свободи, за те, що любили свою Україну…

Опубл.: Західна Україна. – 1991. – № 7. – 20–26 жовтня.

Оксана ПАЛАМАРЧУК*

НА МЕЖІ БОЛЮ…

Вересень 1939 року. Війна: німці, окупувавши Польщу, почали займати і західноукраїнські землі. З приходом до Городка фашистів тата заарештували, наче мало насидівся у львівських тюрмах, ніби мало зазнавав різних репресій і заборон за польської влади. Не був ніяким злочинцем, а постійно розплачувався за свою ідейність і національний дух…

Коли наприкінці вересня на «заміну» німців прийшли більшовики, тато мусив виїхати на Захід. Бо вже «совєти» його – солдата петлюрівської армії – повісили б першим. З ним виїхала і найстарша донька Ірина. Сім'я розкололась навпіл.

Вийшли ми з мамою зустрічати визволителів, які сунули дорогою зі Львова. Якісь непривітні, дивились на всіх з підозрінням. Браму при вході до міста, прибрану синьо-жовтими стрічками, наказали відразу розібрати, а городоцьких ініціаторів такої імпрези відправили на «перевиховання». Така була перша «подяка» за те, що місцеве населення щиро хотіло привітати «братів зі сходу».

Йшли дні за днями. Ми з сестрою Галиною вчились у школі, мама тримала квартирантів. Сиділи тихо. Жодних відвідин і виходів у люди. Розформовано філію Вищого музичного інституту, де я перед тим пройшла прослуховування і хотіла там вчитися. Це було для мене великою дитячою трагедією. Пошепки мама потішала нас, що це все тимчасове.

12 квітня 1940 року я прийшла зі школи в доброму настрої. Співала, а так мріяла грати, співати – «Інтернаціонал». Гарною здалась мелодія, але в тексті, який треба було вивчити на наступний день, багато дечого було неясним. Як це – «стирати на порох»?

* Спогади Оксани Паламарчук та інших в'язнів ГУЛАГу, подані у цьому розділі, підготовлені редакцією спільно з Львівським обласним товариством політичних в'язнів і репресованих. Упорядники висловлюють подяку голові товариства, членові обласної редакційної колегії серії книг «Реабілітовані історією» Петрові Франку за надані матеріали.

Що за «військо злидарів»? Чи ж ті, що у празники стояли під церквою? То чому вони мали повстати? А чому нищити панів? Це означало: мою маму «паню інженерову» чи тата «пана інженера», до яких так усі звертались? Так у роздумах і заснула.

Та спати довго не довелося. Стурбована мати збудила. В кімнаті були чужі люди, нишпорили, скрізь заглядали. Зібрали якісь речі, а тоді всіх вивели з хати. Квартирантів також. На подвір'ї стояла фіра із запряженими кіньми. Мама ніяк не могла сісти. Дивилась на хату. А коли стали забивати двері, вхопилась за одвірок і заревіла, наче пристрелений, у передсмертній агонії, звір. Більше ніколи такого відчаю я не бачила і, взагалі, мати рідко плакала.

...Їхали в невідоме. На зупинках давали по порції чорного-пречорного глевкого хліба і якусь баланду, названу «супом», а також окріп, мутний і дуже смердючий. Він слугував за чай чи компот. Конвой нікого не допускав і не випускав. І так – до Уралу. Часом траплялись конвоїри людяні, то називали станцію або місце перебування, бо, взагалі, їм це заборонялось. І щоразу під гучну музику оптимістичних радянських маршів поїзд рушав далі на північний схід.

Протягом двох тижнів нашим помешканням був вагон. Вдень стояли на глухих перестанках. А якщо ешелон рухався, то з-за вікна проглядали чужі краєвиди. Обабіч колії миготіли червоні п'ятикутні зірки, вистелені битою цеглою. Обмальовані свіжим білим вапном, як і гасла «ТРУД, МИР, МАЙ!», виглядали ніби святково: країна Рад готувалась до Першотравня. Мама відверталась від тих «зірок», а я займалась підрахунком тих «красивих символів» Радянського Союзу. Та ніч збивала з ліку… А чи спали наші матері? Вже ніхто не плакав. Більше мовчали в очікуванні кінця дороги чи кінця життя. Нарешті тупик. «Выходи!» – кричали охоронці. І знову: «Быстрей!» Мама, мужня і витривала жінка, мимоволі прикладала до серця руку. Не могла чути цих слів і, очевидно, боялась, що серце «вискочить». Із жалю. Так про це розповідала вже після шестилітнього заслання своїм рідним у Львові.

Вивантажили нас у Кустанаї. Перед вагонами стояли підводи і відкриті вантажівки. З кожного вагона брали окрему сім'ю, щоб і там нас усіх розрізнити. Їхали 150 км на схід. Нас скинули край села Торське. Степ. Його безмежжя лякало і насторожувало. Все чуже і незнайоме. «Хоча б когось з городківчан мати поруч», – тихо промовила мама. Вантажівка від'їхала. Ми якийсь час сиділи на клунках. Голодні, холодні. Почали сходитись люди. Чистенькі, в білих хусточках, і темношкірі, в небачених нами дотепер тюрбанах, жінки. Деякі говорили по-українськи, правда, суржиком, але порозумітись можна було. Ті в тюрбанах, з масою дітвори, що трималась їхніх спідниць і ховалась за них від чужинців, спілкуватись з нами не могли. «Моя твоя не понімат», – говорили. Не знаючи російської, ми й того не розуміли. Сидимо на пакунках і ніхто не знає, що далі. Надвечір, після «обговорення» хто ми і що з нами робити, нас розібрали селяни по домівках. На підмогу прийшло кілька чоловіків. Дотепер, пристрасно затягуючись самосадом, стояли осторонь. Спілкуватись з «ворогами народу», як нас охрестили ті, що звантажували, не наважувались. Швидко під'їхали «тєлєжкі», мужики покидали наш крам і поїхали.

Село було недалеко. Фактично одна вулиця з 25-ти хат. При кожній з тильного боку був город. Вже пробивались перші сходи бур'яну, чорніла острівцями ще не оброблена господарями невелика ділянка, чи не єдина годувальниця торського колгоспника. Нас взяла говірка, рухлива, худорлява, «не першої молодості» баба Антониха. Дід Антон, істинний «хохол», як сам називав себе, сивий, зарослий до страшного, чекав нас біля

хати. Через стайню увійшли ми у сіни, а потім у кімнату саманної хати. Ідеальна чистота. Відразу привабили нас господарі. Далекі «від світу», жили своїм замкнутим життям. Вони випромінювали щирість, у них ще жевріла десь українська гостинність.

Життя пливло. Мама написала «додому». Довго довелось чекати. Але час від часу щось від рідних надходило, навіть якісь провіантові пачки. Звичайно, всі розпечатані та переконтрольовані, а іноді «переполовинені». В кожному дворі тримали корову, 2–3 овечки, свиню, курей, багатші мали пару волів, а здебільшого їх виділяв селянам колгосп імені Шевченка (!!!). Взимку пряли, катали валянки, доглядали худобу, а влітку працювали на своїх ділянках і в колгоспі. Від зорі до зорі орали, жнивували, молотили, мололи і складали в державні комори. Щось перепадало на трудодні. Отак жили вони і ми з ними. Люди були роботящі, нерозбещені, покірні перед «владою». Трудодні заробляли чесно. І хоча платня за них не була належною, голоду не відчували. Мама ходила по хатах шити, латати, сестра пробувала плести якісь торбинки на дротах, а я байдикувала. До школи не ходила. Не знала мови, не було в що взутись, а школа була аж за три кілометри. Часто траплялось, що в степу, по дорозі до школи, на учнів нападали вовки… Мама робила все, щоб перевестись до райцентру.

За рік я змужніла і стала якоюсь зовсім дорослою. Почала прислухатись і придивлятись, може, й аналізувати. Захоплювали люди, їх чудові імена: Мотря, Катерина, Горпина, Макар, Назар – в українців, Кси, Капіза, Нургалі – у казахів. З цікавістю пізнавала обряди останніх, їжу. Навчилась пити кумис, їсти біжбармак, чаювати на килимі довкола самовара, сидячи на підлозі з підігнутими ногами.

Пізнала музику Сходу, зокрема дивовижні тужливі пісні казахів, оперті на пентатоніку (п’ятиступеневий лад), побачила домбру і почула під її акомпанемент, як кажуть тепер, співану поезію казаха. Уперше в тій стороні почула прекрасні українські пісні, яких у нас не співали: «Посіяла огірочки», «В кінці греблі шумлять верби»... Спрагла музики і співу, ішла в гурт селян, які не розлучались з піснею вечорами, або в полі в часі перепочинку. Швидко осягнула специфіку того старовинного мелосу Великої України. Люди, втікаючи від голоду, їхали світами, кидаючи білі хатки і вишневі садочки. Лишилась тільки пісня. Тужили за вишнями й яблуками, які там росли, а тут їх замінював пасльон, польові суниці та розкішні солодкі кавуни. І звучала пісня чистенько і вправно, на два-три голоси. Бувало, як розспівається жіноцтво, аж серце радіє.

Мама працювала в колгоспі… Минув рік нашого заслання. І раптом війна: Німеччина напала на СРСР. Плаче все село. Мама в розпачі, що вже надій на повернення додому жодних немає. З кожної хати на фронт ідуть двоє, троє чоловіків, переважно батько й син, або самі сини. В селян забирають усе, на трудодні не видають нічого. Вся робота в селі упала на жіноцтво та дітей. Почали приходити похоронки (по війні до села вернулися живими лише двоє чоловіків). Настали чорні, голодні дні і для місцевих мешканців, і для нас. Збіжжя забирали до зернини, їли картоплю, часом баранину і коржі з висушених картопляних лушпайок.

«Польські родини», а нас так називали, забирають у Кайбагор на будівництво залізниці Акмолінськ – Картали. А оскільки сестрі виповнилося 16 років, отже, в сім’ї є дві робочі одиниці, а я одна утриманка – забирають і нас. Поселяємось у бараках, варимо на «триніжці» у дворі. Нема ні хліба, ні круп, ні борошна. Картопля і картопляні «пляцки» замість хліба. Десь ще вдається роздобути якогось жиру, виміняти на якісь речі молока і мила. Під зиму наказують повертатись. Куди? Знов у це вже голодне забите село?

Мама почала оббивати пороги усіляких інстанцій, щоб нас відпустили в район. Спрацювали довідки щодо сестриного поганого зору і мого недокрів'я. В районі є аптека і лікарня, і там можна очікувати якоїсь допомоги. Знайшлися вирозумілі люди і допомогли мамі забрати нас до району. Очевидно, був цей переїзд спасінням. Там у трикотажній артілі ми зі сестрою виробляємо дві норми: я пряду вовну, а Галина плете на фронт рукавиці. На зароблені 600 рублів купували дві склянки солі і пудпівтора картоплі (2–3 відра). Мама ходила по селах шити. Тільки навесні, коли розтанули снігові кучугури заввишки з хату, вона могла пішки прийти до нас з якимись заробленими пожитками.

Районний центр Урицькоє – невелике селище з чотирьох вулиць: Ворошилова, Сталіна, Леніна і Набережної – був найбільш приступним для нас великим містом. Дві школи, лікарня, клуб, перебудований з дерев'яної церкви – ознаки найвищої цивілізації. Туди прагнула переїхати мама. Знову писала в різні інстанції. Переконувала у невинності нашої родини. Так тривало три роки. А коли звернулася, як радили місцеві, до Калініна, «дуже доброго чоловіка», прийшов якийсь урядовець і попередив, щоб нікуди більше не писала, бо «буде ще гірше». Так ми жили з тавром «ворогів народу».

Нарешті мама добилася дозволу. Ми в Урицькому. Знову нові проблеми із житлом, роботою. Взяла нас молода господиня Надя Василенко. Мешкала край села з двома хлопчиками-близнюками, чоловік на фронті… Весна і осінь – кілька днів. Розтане сніг, попливе водою і відразу літо. Мама поверталась із «заробітків». Віддаль між селами була 18–20 км. Тож добратися до нас могла лише пішки степом і в теплу погоду.

Вдень я вчилась у школі. За плечима мала два класи польської школи, півроку української радянської і три роки перерви. Вечорами, а то й ночами при каганці, який самі навчилися робити, ми пряли і плели. Забули смак хліба, а не те, що булки чи чогось іншого, «дитячого». З настанням весни ми, діти, а іноді й дорослі, йшли на поле збирати колоски, які залишились після збору осіннього врожаю. Потім їх «молотили» (м'яли руками), мололи на жорнах і мали кілька пригорщів борошна або крупи. Це було святом… Пригадую, якось я з сусідською дівчинкою назбирала шапку колосків і щаслива поверталась додому. На коні під'їхав бригадир, вибив батогом шапку з рук, побив мене, вигукуючи: «Вас, врагов народа, привезли сюда, чтоб вы выздыхали! Вон, а то убъю!»…

За шість років заслання змістились виміри добра і зла. Портрети городківчан «казахстанського періоду» сприймалися під іншим кутом зору, зі зміненим освітленням: мами, Ольги Андрущишин, Оксани Біrецької, Марії Карачевської. Проживаючи в різних «посьолках», ці жінки підтримували одна одну листовно, іноді матеріально. Протягом життя шукаю нагоду, щоб розповісти про пані Андрущишин. Жоден тлумачний словник не подає таких окреслень, які б охарактеризували цю жінку. Перебуваючи на засланні, практично без жодних прибутків, вона час від часу висилала нам по 100–200 рублів. За них можна було купити пуд картоплі. «Пані Паламарчукова, – писала вона, – маєте малі діти, а я сама. То ж прийміть від мене кілька рублів...» Мама перечитувала листа по декілька разів. Тоді плакала...

У якому б оточенні ми не були, не втрачали надій на повернення в Україну. Боліло мене принизливе ставлення до всього українського. У школі нам забороняли по-українськи говорити на перервах, хоч «російська» була диким суржиком, рідко хто розмовляв чистою російською мовою. Перекручували всі українські прізвища і вчителі, і самі учні, які «вимушені» були соромитися своєї нації та свого похо-

дження. Наприклад, Жовтоножки ставали Желтоножскими, Ковалі – Ковалевыми, Сови – Савіними, Кравці – Кравцовыми... Коли доходило до паспортного віку, усіх підлітків записували «русскими».

…Після закінчення війни Городоцька парафія вислала нам т. зв. «виклик» на право повернення до Львова. Великою, складною та довготривалою виявилась тяганина з оформленням документів. Польські родини організовано відправили до Польщі, а нас, українців, залишили напризволяще. Попутними машинами поїхала сестра в Кустанай. Загубила, але, на щастя, за день знайшла документи. Нарешті «віза» є! Обдерті, в якихось лахах, повертаємося через багатотисячні простори додому. Народу усюди тьма-тьменна. На кожній станції сидимо на своїх клунках по кілька днів. Виснажливі черги до кас. Щоб квитки закомпостувати, стоїть мама з сестрою навпереміну, цілодобово. У Челябінську сиділи чотири дні, в Москві – тиждень… На Львівський вокзал приїхали 14 квітня 1946 року. У цій даті – гіркий символ: вивезли нас 13 квітня 1940 року. Рівно шість років заслання…

Час тоді був страшним. Кожен боявся власної тіні. Ми й такі, як ми, переселенці, не мали жодних засобів до життя, навіть кутка, хоч всіх вивезли із власної домівки. Ми, «репатріанти», перебивалися в рідних чи знайомих. Довго на одному місці затримуватися не могли. Кожен: і ті, хто приймав, і ті, кого приймали, боялися «засвітитися». І так тривало роками…

Стефанія ДАНЧУК-БЕРЕЗІЦЬКА

ДОЛЕ МОЯ, ДОЛЕ...

У кожної людини своя доля – для одних вона лагідна й добра, а для інших сувора, неначе мачуха. Для нашої родини з приходом «перших совєтів» вона, наша доля, стала дуже й дуже важкою.

Наша родина: батько Роман Данчук, мати Ганна Данчук, їхні діти – Ярослава, Григорій, Йосиф, Євгенія, Богдан та я, Стефанія, проживали на хуторі Потоки тодішнього Радехівського повіту на Львівщині. Проживали затишно, батьки займалися господарством, а ми, діти, в усьому їм допомагали. Було у нас двоє коней, якими обробляли свої 13 моргів землі, три корови, свині, гуси, кури й усе, що потрібне було на такій господарці. Два старші мої брати та дві сестри ще з 1938 р. були членами ОУН.

Настав 1940 р. У старшої сестри Євгенії через тиждень мало бути весілля – уже все було до нього готовим. Вранці, 10 лютого, тато вийшов з хати, щоб нагодувати коней, бо сестра мала їхати в сусіднє село просити діда на весілля. І тут тато побачив, що наша господарка оточена військовими, які скомандували йому повернутися до хати, відтак зайшли за ним та наказали: «За полчаса чтобы были собраны, поедете в Сибирь!»

Тієї півгодини ми усі стояли, як вкопані в землю. Енкаведисти самі покидали дещо з наших речей на сани і повезли нас на збірний пункт, аж до залізничної станції в Радехові. На кожних других санях сидів вартовий. Був дуже морозний день, снігу лежало по пояс...

Коли валка саней проїжджала долину, сестра Євгенія непомітно зісунулася з саней і скрилася у глибокому снігу. Лежала у ньому, по голосу дзвіночків, які мали в упряжі коні, чула, як транспорт все далі й далі віддалявся від неї. Вибравшись із снігу, дійшла до однієї хати, яка виднілася неподалік, там зігрілася й пробула аж до вечора. А ввечері

прийшов з хлопцями її наречений і забрав до свого дому в селі Завидче. Тієї ж ночі в сільській церкві Євгенія повінчалася з Павлом Олендієм. Отаке то було весілля. За сестрою весь час шукали енкаведисти, випитували всіх про неї, тому Євгенія змушена була переховуватися.

По дорозі вдалося ще втекти братові Йосифу та сестрі Ярославі. Брата Йосифа ми так більше й не бачили. Він боровся в рядах УПА, потрапив у руки енкаведистів. Наприкінці 1944 року знаходився у в'язниці міста Кременця, але до суду не дожив, закатували його. А сестра Слава вийшла заміж за провідника служби безпеки УПА Миколу Ковальчука із села Топорова Буського району; 1946 року він поліг смертю героя, виконуючи бойове завдання…

Нас везли в ешелоні майже три тижні. І нарешті дотягли до станції Задува Архангельської області. Навкруг ліс – тайга безкрая. Нас вивантажили і повезли на санях кілометрів 3–4 до будиночків, які були поквапом підготовлені. До нас там перебували в'язні, яких перевезли в глибину тайги. Було цих будинків вісім, усі вони мали по два поверхи і в кожному з них по 80 малесеньких кімнаток. А посередині подвір'я – великий туалет.

Усі працездатні мусили йти на роботу – сплавляти ліс. Десь далеко в тайзі в'язні вирубували дерева, очищали їх від гілок і сплавляли стовбури по річці Вичегді. Нашим «переселенцям» належало ці поліна гаками стягувати докупи і формувати плоти, які пароходом-баржею буксували в призначене місце. Працювати доводилося по пояс у воді, отож багато наших людей простуджувалося, хворіло на запалення легень або просто топилося.

Мої батьки та й ми, діти, дуже тужили за своїм рідним краєм, за своєю хатою і господаркою. Було мені тоді 13 років, а братові – сім! Тато любив дуже співати, співала і я разом із ним, і завжди сумних і тужливих пісень. Не витримавши неволі, 1943 р. помер наш дорогий тато. А за ним пішов і мій брат, проживши тільки 22 роки! Перестудився, до лікарні було далеко, поки довезли, помер по дорозі. Залишилися ми втрьох: мама, я та брат Богдан. Як виживали, всього не опишеш – бідували, мерзли й голодували. Зими були лютими, мороз, температура нижче 50°, з лісу потрібно було носити дрова на спині. Мама ходила по селах, помагала своєю працею місцевим людям і так заробляла на скибку хліба.

І ось 1945 рік, закінчилася війна. Нас перестали охороняти, ніхто вже не затримував, та ми почали думати про повернення в Україну. Але як поїдеш, коли грошей нема ні копійки – сюди привезли, та ще й з охороною, а назад – роби що хочеш. Їхали на свій страх і ризик, пересідали з поїзда на поїзд, просиджували на вокзалах, обманювали провідників і залізничних контролерів і врешті, тижнів через два, а може й більше, допленталися до рідної землі. Від нашої хати й господарки, навіть і від садочка й сліду не залишилося – усе зруйнували. Довелося починати життя на порожньому місці. Так наша велика, побожна, національно свідома, працьовита українська родина була остаточно зруйнована більшовицькими «визволителями». Батько з братом Григорієм навічно залишилися в чужій землі.

Тим часом сестра Євгенія, яка вийшла заміж за Павла Олендія, перебуваючи в підпіллі, 2 жовтня 1940 року народила сина Мар'яна. А вже 12 жовтня Павла заарештували, запроторили до Замарстинівської в'язниці у Львові, де в перші дні німецько-совєтської війни його замордували енкаведисти. Коли підріс їхній син Мар'ян, сестра розповіла йому про долю батька, ця розповідь його дуже вразила, говорив, що,

коли виросте, відплатить катам за свого батька. Але доля розпорядилася по-іншому. Перебуваючи на службі в совєтській армії, при загадкових обставинах він загинув. Євгенія дуже важко все це пережила, залишившись самотньою.

Сестра Ярослава із своїм чоловіком Миколою Ковальчуком зазнавали переслідувань і від німецької влади, і від більшовиків. Мали вони дочку Роману та двох синів – Євгена та Василька. У 1949 р., після того, як Микола Ковальчук загинув у бою з більшовиками, сестру разом з маленькими дітьми вивезли в Сибір, в Амурську область, де вони промучилися аж до 1956 року.

Марія АНДРУШКО

ДО СТІН ВАГОНА ПРИМЕРЗАЛО ВОЛОССЯ…

Висилали мене серед зими, 23 грудня 1944 р., та й не одну, а з двома синами: одному – три роки, другому – три місяці. Молодший через кілька днів помер у вагоні.

Везли нас у товарняках. Вночі до стін вагона примерзало волосся, було дуже холодно. Хоч залізна пічка стояла у вагоні, але палити було нічим.

У нашому вагоні їхали немічні жінки та діти – всього 21 особа. По два-три дні не відчиняли вагон, на зупинках не випускали. Діти плакали – їсти хотіли. Не давали нам нічого, аж десь за Москвою видали буханець хліба на людину.

Привезли нас серед полярної ночі в Архангельську область. Це було 25 січня 1945 р. Майже місяць везли нас. З продуктів мали лише те, що вдалося взяти з собою. У мене було трохи білої муки і збіжжя.

У лютий мороз нас завезли в бараки, що знаходилися за 25 кілометрів від станції. Я закутала свого хлопця в перину і посадила на сани, а сама бігла за ними.

Привезли у лісопункт Паломишевський в Архангельській області. Люди, котрі там жили, повибігали дивитись: їм говорили, що привезуть «бандерів», і вони були налякані. А як побачили, що прибули старі жінки, діти, здивувалися.

Годували нас супом з гороху (одна вода). Видавали 500 грамів хліба на дорослого і 300 – на дитину. Голод і тиф косив людей, вони масово хворіли. Я також захворіла, але пролежала в лікарні лише 10 днів. Потім туди потрапив мій синок Михась, пробув у лікарні тридцять п’ять днів, ледве живий залишився. Як почала одержувати посилки від батьків, то хоч вже ми з сином не голодували.

Мене відправили на роботу – рубати ліс, хоч ще була хвора. Лікарка дала мені звільнення. Але директор наполягав, щоб йшла до роботи. Не послухала, за що в мене забрали хлібну карточку.

Доводилося працювати на різних роботах: лазню розпалювати, дрова різати, воду з ріки носити. Увечері в молитві Господа Бога просила, щоб дозволив повернутися на рідну землю – Україну. Багато разів я лежала в лікарні, а синок залишався з чужими людьми. То були добрі жінки з-під Самбора.

Навесні 1947 р. дізналася, що в березні вбито мого чоловіка Максимовича Миколу Михайловича, за котрого мене з дітьми вивезли. Я вирішила втікати додому – мені це вдалося! Приїхала в рідне село, жила у батьків. Минуло чотири місяці, і мене почав розшукувати уповноважений з міліції. Довелось переховуватися. Люди порадили вийти вдруге заміж, так під чужим прізвищем, можливо, і не знайдуть.

У жовтні 1947 р. вивезли у Сибір (Омську область) моїх батьків: татові було 70 років, а мамі – 63. Куди мені подітися з дитиною? Вийшла заміж за Василя Андрушка. Та це не врятувало від арешту. Правда, в тюрму не посадили, пожаліли, бо була вагітною. Наказали: щоб за межі району не виїжджала.

Коли ж 1950 р. оголосили про добровільне переселення у східні області України, ми з чоловіком і двома дітьми, аби уникнути нового заслання, завербувалися в Одеську область. Жили в селі Кримідовці, працювали у колгоспі: чоловік у кузні ковалем, а я на полі. Хоч моя дочка мала всього рік, я залишала її на опіку жінки, яка доглядала ще одну дитину.

Довго не довелося там пробути – від квітня до липня. З райцентру приїхав міліціонер і забрав мене. Я мусила взяти доньку, а сина, котрому було 9 років, залишила чоловікові. Через чотири дні мене відправили знову в Сибір.

Коли ми вже сиділи у вагоні, то донечка вигукнула: «Тато!» Я глянула у вікно і побачила чоловіка. Він дещо спродав, решту узяв із собою і з хлопцем вирішив їхати зі мною. Але ж ті, що мене супроводжували (двоє у цивільному), не дозволили їм їхати зі мною. Чоловік з сином залишилися. Виїхали через добу, щоб наздогнати мене у Вологді. Так і сталося.

В Архангельськ ми приїхали разом. Звідси пароплавом нас відвезли у селище Орлеци, де ми працювали у каменоломнях. Тут пробули до 1956 року, поки не видали мені паспорт. Того ж року повернулася додому. Хату мені не повернули…

Син, коли підріс і закінчив школу, поступив в авіаційне училище, став льотчиком. Двадцять сім років відслужив на Уралі і в Казахстані. Освоював військові літаки. Підполковник. Звання полковника не присвоїли, бо довідалися, що він «бандерівський» син. Не раз йому цим докоряли.

Марія ГРИЦИНІНА (КИСІЛЬ)

«УТІКАЙ, ДИТИНО, БО ПО ТЕБЕ ПРИЙШЛИ!..»

Коли мені виповнилося 11 років, я вступила у юнацьке спортивно-просвітницьке товариство «Луг». Ми, діти, любили проводити фестини. Це були виступи з відтворенням народних звичаїв, обрядів, з танцями, співами. Молодь масово залучалась до таких гуртків. Було все добре продумано, щоб дітей привчати до праці, прищеплювати їм хліборобські навики, збагачувати їх духовно… Усе це нам так знадобилося потім, у нелегких умовах сибірського заслання.

Осінь 1944 р. Ми з татом пішли на поле косити отаву. Мама залишилася вдома. І раптом бачу: летить вона до нас у поле! Вона ніколи не ходила без хустини, а то бачимо – простоволоса біжить до нас і кричить: «Втікай, дитино, бо по тебе прийшли!». Я тільки намірилася втікати, та енкаведисти на підводі мене наздогнали і повезли в селищну раду. «Уточнили» всі дані і сказали: «Эта самая!». Посадили в машину і в одній блузочці, босу, повезли до Львова в тюрму на вулиці Лонцького. У камерах було багато людей. Сиділи один біля одного. Вночі ніколи не давали спати. Якщо хтось трошки приляже, а ми його прикриємо, щоб відпочив, то зразу наглядачі кричать: «Ану, раздвинься, не толпись!»

Почалися допити і страшні побої. Одного разу мене так побили, що я не витримала тих знущань і зомліла. Мали ті душогуби вишукані методи і знаряддя допитів. Одним

з таких знарядь була дерев'яна ручка, по боках якої відходили шкіряні ремінці, які по кінцях були зав'язані вузлами. Дуже болісними були удари такого батога. Не раз били аж до втрати свідомості. Я була на допитах 66 разів. Це був жах!

Навесні 1945 р. мене перевели в тюрму на вулиці Замарстинівській. Там просиділа я десь 5 місяців. Потім завезли у Золочівську тюрму. Це найстрашніша тюрма, яку я бачила в житті. В Золочеві тримали два місяці, вже не допитували. Думала, тут мене чекає смерть. Відбувся суд, зачитали вирок: 8 років таборів. Після того почали нас формувати на етап. Загнали у товарні вагони і повезли в Сибір.

Привезли в бухту Находка. Загнали в бараки, де були так звані «блатні», які тероризували нас страшно. Були ми там 2–3 тижні. Потім прийшов пароплав, нас запхали в трюм, як оселедців у бочку. Дорога була важка, люди хворіли і вмирали від виснаження.

Прибули в Магадан навесні 1947 р. У таборі ми пройшли так звану «санобробку». Кожного дня нас виганяли на сільськогосподарські роботи. Навесні і влітку працювали в полі. Хоч і тяжко було, але терпіли. Восени і взимку визначали нам роботу на лісоповалі. Це вже була справжня каторга для жінок. Ми все робили вручну з допомогою пили та сокири, копирсаючись у снігу по коліна. За день кожна жінка повинна була «заготовити» 4 кубометри деревини.

Восени 1949 р., працюючи на лісоповалі, я важко захворіла на менінгіт. Зі страшною температурою, без пам'яті, лежала в бараку. Ніхто не знав, що зі мною робити. Добре, що наш шофер, теж політв'язень, почувши, що я так тяжко хвора, наробив крику, і мене відвезли до лікарні.

Завідуюча тією лікарнею, оглянувши мене, сказала, що «не стоит тратить на нее лекарства». Та мною почав заопікуватися лікар Мінін (який, до речі, сам відсидів 25 років). Лежала я в лікарні 6 місяців, не встаючи з ліжка. Ледве повернулася до життя.

Лишень я виписалася, знову забрали мене на лісоповал. Там ми працювали, як воли: вручну рубали величезні дерева, розпилювали їх, а потім на собі тягли величезні стовбури. Навіть чоловіки не витримували такої тяжкої роботи. А ми працювали від ранку до пізнього вечора. А ще й треба було принести дров: і собі, і для начальства.

Єдиною відрадою було те, що можна було перекинутись словом зі своїми дівчатами-землячками. Ми підтримували одна одну як могли… Згодом перевели нас на рудники у шахту Бугудуйчак. Робота там була ще тяжча, ніж у лісі. Ми працювали у вибоях, підривали породу, бурили відбійним молотом, тягали важкі вагонетки, навантажені рудою. У штольнях було дуже багато пороху, ми там мало не задихалися. Ходили на роботу під конвоєм. Неподалік працювали також жінки-каторжани.

На рудних шахтах я була до кінця ув'язнення, тобто до 12 лютого 1952 р. Але до волі було ще далеко: після заслання мене привезли у селище Устюмчин Магаданської області на спецпоселення. Кожного місяця треба було зголошуватися в органи міліції… Потім я вийшла заміж. Чоловік мій, Грицинін Григорій, 1913 року народження, з Донецька, також був політичним в'язнем, засуджений на 10 років таборів.

Одного разу вдалося у відпустку поїхати в Україну, відвідати рідні краї. Яке то було щастя! Аж в липні 1963 р. ми повернулися додому… З гіркотою згадую ті молоді літа, змарновані у магаданських таборах непосильною працею.

Софія ДРАГОМИРОВА (КОРОЛИК)

ПІД ГОЛИМ НЕБОМ СИБІРУ

Було це в неділю 4 вересня 1944 р. Ми ще всі спали, як прийшли енкаведисти, підняли нас і сказали, що вивозять у Сибір, бо ми неблагонадійні і нібито підтримуємо зв'язок з бандерівцями. Відділення НКВС було по сусідству з нашим будинком, на одній вулиці, то ми в них були, як кажуть, на очах. Потім з'ясувалося: причиною вивезення стало те, що моя сестра Ольга (1923 р. н.) була заміжня за повстанцем УПА Йосипом Зачкевичем.

Наша сім'я стала першою в числі тих, кого вивозили з Яричева. Пам'ятаю, мама дуже плакала, голосила, не знала, що робити. Повантажили ми дещо з майна на фіру і під конвоєм рушили до Львова. У тюрмі на Замарстинівській вулиці зустріли ми багато сімей з навколишніх сіл. Нас тримали три дні на подвір'ї тюрми. Дощ падав, а ми сиділи на своїх клунках під відкритим небом. Потім нас повантажили на машини і повезли на станцію Підзамче до поїзда. Молодша сестра Романія (1934 р. н.) зуміла втекти зі станції. Але вона дуже бідувала, змушена була переховуватися від енкаведистів. Їла, що Бог пошле, і спала, де доведеться.

Загнали нас у товарні вагони і повезли в далекий Сибір. Вагони буквально забиті людьми. Їхали дуже довго, наші вагони по декілька днів стояли на запасних коліях. За весь час нам дали лише 2–3 рази їсти якусь баланду. 26 жовтня 1944 р. привезли в Іркутськ. А потім відправили в бараки у Нижній Удінськ.

На роботу гнали аж за 6 кілометрів на слюдофабрику. Це було підприємство для постачання сировини на військові заводи. Працювали ми по 10 годин, норми були дуже високі. Видали нам робочі карточки, на які ми отримували 600 грамів хліба щоденно, два кілограми крупи та 2 кілограми м'яса або риби на місяць.

Взимку 1945 р. я дуже простудилася при розвантаженні вугілля на станції. Почалося запалення легень, і всю зиму після того я прохворіла. Дотепер відчуваю наслідки цієї хвороби.

На спецпоселенні у жовтні 1947 р. мене і моїх подруг – Олю Підгайну з Милятина, Стефу Сокальську з Черниці, Агнію Муравську з Пикулович (вона в той час мала двох дітей, які залишилися з чужими людьми), заарештували. Те, що ми не раз добрим словом згадували Україну і говорили про наш благодатний край, розцінювалося як антирадянська пропаганда. Судив нас виїзний обласний суд. Дали термін за статтями 58/10,11 КК РРФСР і відправили в Магадан.

Там ми працювали спочатку на лісорозробках, а потім у вибоях на видобутку костеріту. Це була каторжна робота для жінок. Жили ми в бараку, складеному з каменю, бо там – скрізь камінь…У березні 1954 р. мене звільнили, однак додому не дозволяли їхати. Я мала ще п'ять років «позбавлення прав»… В Удінську зустріла свого майбутнього чоловіка. Він був військовополоненим і також відбував покарання у таборах. Там, у Сибіру, і зустрілися наші знедолені серця.

Ганна ЮРКІВ (СТЕЦЬКІВ)

ПРОМІНЧИК СОНЦЯ КРІЗЬ ТЮРЕМНІ ҐРАТИ

Я виросла у багатодітній сім'ї. У батьків нас було восьмеро – п'ять братів і три сестри. Жили ми не багато, але дружно. Допомагали батькам по господарству, ходили на заробітки до пана. Через нестатки я закінчила лише початкову школу.

1939 р. почалася польсько-німецька війна. Пригадую, над селом пролетів совєтський літак і розкинув летючки: «Українці! Чи знаєте, що таке воля? Пора здобути її!» Ми жадібно читали ці слова, передавали летючки іншим, радіючи, що ось надійдуть брати зі сходу і принесуть нам волю.

Однак «визволителі» виявилися не братами нашими, а екзекуторами. Почали розкрадати панські маєтки, організовувати колгоспи, агітувати молодь до комсомолу. Вечорами вони влаштовували банкети, співали, пили. Хоч тоді ми ще мало знали російську мову, але зрозуміли, що це не ті «визволителі», яких ми чекали. Ми, молоді, спочатку раділи, що, може, нам пощастить десь вчитися, здобути освіту. Але 1941 р. почалася друга війна – совєтсько-німецька. Втікаючи, більшовики знищили тисячі невинних людей, багатьох українських патріотів.

Німецькі чиновники появилися у нас дуже скоро. Стали заводити нові порядки, вивозити людей на роботу до Німеччини. Молодь у нашому селі все більше гуртувалася. До нашої свідомості доходило, що волі нам ніхто не принесе, якщо її не здобудеш сам. Спочатку до ОУН вступили наші хлопці, а в скорому часі в організацію записалися і ми, вісім дівчат. Мене вибрали станичною. Кожний мав псевдо. Вказівки щодо роботи ми отримували від проводу. Всі завдання виконувалися точно, бездоганно. Ми сповна віддавали себе для великої справи – волі і добра рідного народу. Для нас понад усе став клич: «Здобудеш Українську Державу або згинеш у боротьбі за неї». Ця ідея захоплювала нас, і ми старалися якнайкраще виконувати свої обов'язки.

Не раз доводилося ночами переносити в сусідні села записки (грипси), переводити по зв'язку хлопців з інших теренів. Було страшно, боялися потрапити в руки німцям. Та минав страх, а патріотичний порив надавав снаги.

Обов'язком моїх дівчат стало збирання лікувальних трав, замовлення у населення продуктів, одягу для повстанців. Люди все розуміли і не відмовляли ні в чому.

Мені бракувало досвіду підпільної роботи, досить важко було писати різні звіти – організаційний, політичний, господарський, санітарний. Поступово все засвоїла, і вищий провід був задоволений з моєї роботи. Пізніше послали мене на курси. Багато наших сільських хлопців пішло в УПА, а у дівчат додалося роботи.

У серпні 1944 р. німці відступили, знову встановилася радянська влада. Над нами нависла нова небезпека, тому треба було продовжувати справу ще обережніше.

Мені запропонували стати продавцем, і я почала працювати в нашому сільському магазині. Та недовго це тривало. Через кілька днів заарештували наших двох хлопців – Дробота і Михайлишина, а через тиждень взяли мене і мою подружку Олю Антонів. Всіх нас відвезли у районний відділ НКВС. Начальником там був капітан Пустовалов, старий кат з досвідом. Його помічником – старший лейтенант Попонь. Це були справжні садисти, люди без сердець. Яких тільки мук вони не придумували для мене. Били скажено. Я мовчала, а в душі молилась: «Боже, забери моє життя або поможи мені витримати, не здатись». Потім кинули мене у підвал і сказали: «Иди, там хорошо».

Там було сиро, темно, лише через маленьку щілинку пробивався промінчик сонця. Цілу ніч стояла, зіпершись до стіни, бо все тіло було побите, не можна навіть було ворухнутись. Стояла і думала, які ще тортури чекають мене.

Вранці привели і кинули до мене мою подругу, котра також витерпіла муки. Ми вже були вдвох. Протримали нас увесь тиждень, а потім відправили до Львова, в тюрму на вулиці Лонцького. В листопаді відбувся суд. Нас чотирьох (двох хлопців і двох дівчат) Військовий трибунал засудив «за измену родине» на 10 років позбавлення волі і 5 років позбавлення громадянських прав.

Не раз доводилося бачити у камерах-одиночках наших бідних хлопців, засуджених на кару смерті. Їх розстрілювали просто в подвір'ї тюрми, а всі вони були такими молодими…

Не забуду день 8 грудня 1944 р. Надворі падав перший сніг, а нас, одягнутих політньому, везли на станцію. Почалась моя сумна дорога у Сибір.

Привезли нас у Печору (Комі АРСР), в табір № 16. Натягнуті намети, 40-градусний мороз. Наступного дня погнали на лісоповал у тайгу. Тяжко було різати і виносити з глибокого снігу дерева. Люди відморожували руки, обличчя. Переодягнули нас у старий одяг, і ми стали подібними на якихось потвор. Сміялися, плакали... Попереду – 10 років душевної і фізичної каторги. Кожний день здавався вічністю. Іноді хотілося померти, але не судилося. Віддавали свої молоді сили не для України, а для ворога, якого ми так ненавиділи. Мучилися, жадібно чекали вісточки з дому, боялися за родину, щоб не вивезли в Сибір.

Часто нас розлучали, переводили в інші табори, щоб ми не зближувалися. В Комі АРСР я пробула п'ять років. У травні 1950 р. мене відправили у Норильськ, де побутові умови були кращі, але режим суворішим. Листи до рідних, які проходили через цензуру, дозволялося писати тільки два рази на рік. Кожна з нас мала свій номер. Мій номер – Ф-386. Працювали на будові, копали у вічній мерзлоті котловани. Якщо мороз перевищував 40°, працювали у зоні. Норильськ будувався нашими людьми, в'язнями, хоч у газетах писали, що це – комсомольська будова. Знаємо, які там були «комсомольці». Одні – наглядачі, інші – ліниві заробітчани. Коли нас виводили чистити вулиці, то нерідко з будинків відчинялися вікна і чувся крик: «Немецкие овчарки!» Хто був добріший, той кидав шматок хліба, який ми тут же ділили між собою.

Залишився мені рік до волі, коли у норильських таборах почався страйк. В одному з таборів вивісили чорний прапор з написом: «Смерть або воля». Страйк підтримали всі. Спочатку, у перші два дні, «пани-начальники» нас вмовляли, а потім наказали вийти всім із бараків. Повиходили, взялися за руки і стояли (нас було понад п'ять з половиною тисяч в'язнів). Почали лити на нас воду, а ми стояли далі. Потім відкрили брами і загнали багато війська, яке било нас і силоміць виганяло за зону. Тут нас за списками розділили… Приїхав з Москви якийсь начальник. Скасували номери на нашому одязі, вже не закривали бараків, але все інше залишилося, як було.

Через рік, 11 липня, я вийшла на волю. Нам не дозволяли виїжджати, оскільки я мала 5 років позбавлення прав. У той час звільнилося багато дівчат і хлопців. Але яка ж то воля, коли за тобою всюди шпигують. Але ми сходилися, згадували Україну, справляли свята, співали повстанських пісень, одне слово, жили, як одна дружня сім'я. Почали одружуватись.

1955 р. я вийшла заміж. Через рік у нас народився син, який у тих суворих умовах захворів і помер. Там залишилася часточка мого серця…

Марія ГРЕНДИШ

ЖІНКИ – НА ЛІСОПОВАЛІ ТА В ШАХТАХ

Це було 1945 р. Мені йшов тоді 19-й рік.

Одного разу я поверталася додому з магазину і побачила фіру, на якій їхав слідчий Платов – відомий кат зі своїми «ястребками». Вони везли двох хлопців, руки і ноги в яких були пов’язані. Фіра догнала мене, і слідчий наказав: «Сідай, голубко, з нами».

Привезли мене додому, вибігла мати і зомліла, побачивши мене з ними. Вже кілька разів Платов приїжджав по мене, але повертався ні з чим. А тут йому пощастило, як вовку на поживу.

Привезли мене в райцентр, кинули в камеру, де по стінах стікала вода. На допити викликали тільки вночі. У кабінет страшно було зайти, все тіло й серце мліло від страху. На стінах видно було плями від крові.

Платов допитувався, щоб призналася, де переховую «бандітов». Бив мене по голові, по плечах, ногах, обличчю, рвав волосся на голові, обзивав нецензурними словами. Одного разу покликав якогось рудого слідчого, зачинив кабінет на ключ. Той хотів мене зґвалтувати, але я оборонялася, скільки могла, і дуже кричала. В ту хвилину надійшов якийсь офіцер і визволив мене з рук нечестивця. Сили мене покинули. До камери йти вже не могла, мене волокли, як мертву собаку.

Наступного дня відправили мене в Львівську тюрму НКВС на вулиці Лонцького. Мене вкинули в камеру-одиночку і впустили туди щурів, які вночі мене покусали. На добу давали лише 300 грамів хліба. З’їдала малу скибку, а решту давала щурам, щоб не кусали. Я дуже плакала в тій камері. Із сусідньої камери постукав в’язень і запитав, чому я так сильно плачу. Я пояснила, що зі мною робиться. Тоді він почав стукати в свої двері, вимагаючи прокурора. Виявилося, що мій сусід був юристом, який сидів за якусь провину. Сказав, що тюремники чинять не за законом, назвав їх варварами. Чи це допомогло – не знаю, але мене перевели в 43-ю камеру, де було четверо дівчат. Я лежала дуже вимучена, рани нили від побоїв.

Через деякий час, коли мені трохи полегшало, прийшов наглядач і завів мене на кухню чистити картоплю. Тут, на кухні, мені розповіли, що крізь вентиляційну трубу можна побачити, хто приходить з передачами. Для мене ж передач від мами не приймали, їй казали, що мене тут немає. Але одного разу я побачила маму через вентилятор. Вона стояла і плакала, позираючи на вікна. Я крикнула: «Мамо! Я тут!» Мама пішла до начальника тюрми і дуже просила, щоб прийняли передачу.

Після того мене повезли на суд. Судили групами, по десять осіб відразу. Тривало те судилище 5–10 хвилин. Усім дали по 10 років заслання. Після суду відправили на пересильний пункт. Наш етап направлявся в Молотовську (нині Пермську) область. На дорогу дали тільки соленої риби; виявилося, що конвоїри пропили всі виділені нам на дорогу продукти. Одного разу вони так напилися, що почали бешкетувати, били молотками по вагонах, щоб ми не спали. Поводилися з нами гірше, ніж з худобою.

Коли ми приїхали в м. Молотов, то в багатьох людей відняло ноги від холоду, і їх на носилках заносили в лікарню. Дехто залишився калікою. З тих, хто ще стояв на ногах, формували бригади і посилали на лісоповал, на розвантаження вугілля, залізної руди і коксу. За зміну кожній жінці треба було навантажити 11 тонн.

У бараках спати було неможливо, бо вночі заїдали блощиці. Годували супом з якоїсь трави та гнилого гороху, від якого боліли животи.

У 1948 р. вийшов наказ про формування спецтаборів. Нас відправили в м. Тайшет Іркутської області. Там посилали на лісоповали різати і штабелювати шпали або копати траншеї глибиною до двох метрів. Увесь день доводилося стояти у воді в гумових чоботах. Увечері, знесилені, поверталися в табір до свого барака, і вже не було сили дійти до нарів. На лісоповал нас возили у відкритих машинах по 50–60 осіб. Стояв мороз до 50°. Валянки були з дірами, із них виглядала солома. Хоч ноги обмотували онучами, але все одно обморожували їх. Видавали також якісь обрізані старі шинелі і шапки-вушанки.

Через два роки нас зігнали в пересильний «лагпункт». Там почалася епідемія тифу. Дуже багато людей повмирало тоді, особливо чоловіків. Коли вивозили мертві тіла з табору, то на прохідній червонопогонники проколювали трупи шомполами, перевіряли, чи справді мертвий.

Якось на початку березня 1953 р. мене з бригадою в'язнів послали за межі табору по продукти. Біля прохідної ми стояли і чекали, поки наглядач відчинить нам ворота. Хтось з дівчат сказав щось смішне, і я засміялась. До мене підійшов наглядач і каже: «Що? Радієш, що Сталін помер?» Ми тоді ще зовсім нічогісінько не знали про смерть Сталіна! Наглядач завів мене до оперуповноваженого. Той мене довго сварив, навіть погрожував додати мені новий термін.

Перед закінченням строку нас перекинули у Братськ. На різних роботах доводилось працювати: на будівництві, на залізниці, на лісоповалі, на сінокосах. Будували міст через Ангару. Той міст, без перебільшення можна сказати, стоїть на людських кістках.

Опишу епізод, який трапився на сінокосі. Одного разу конвойні привели нас на місце сінокосу, окреслили зону і попередили, якщо хтось вийде за неї, то будуть стріляти. На кожному куті тої «зони» стояв конвоїр, а дівчата косили траву. Один з конвоїрів почав приставати до дівчини, вона йому відповіла: «Що ти тріпаєш язиком, як собака хвостом. Тобі зі мною розмовляти не можна. Виконуй свою роботу!..» Щоб помститися, ображений охоронник із прутів лози сплів щось подібне до клітки. Всю бригаду (24 дівчини) загнали в оту клітку-огорожу. Конвоїри взяли її в руки і погнали нас, вигукуючи: «Бігом! Бігом!» У цій клітці ми бігли по ямах, по калюжах, а охоронники все підганяли нас. До табору прибігли ми ледве живі. На це свавілля ми поскаржилися начальству. Нам відповіли: «А вы что думаєте, что пришли на кондитерскую фабрику конфеты есть? Не забывайте, что вы спецконтингент, надо было сюда не попадать».

Нарешті настало довгождане звільнення з табору. Але ще чекало нас спецпоселення на 5 років у Красноярську область. Там працювали на будівництві. Видали нам «вовчі білети», з якими кожного тижня мусили ходити в комендатуру «на відмітку»..

Настав 1956 рік, почалася «хрущовська відлига». Нам видали паспорти з відміткою КДБ. І лише тоді скінчилися мої муки… Дуже тяжкою була моя доля. Найкращі роки життя минули далеко від дому, на каторжних роботах, у голоді і холоді.

Ярослава ГРЕНДИШ

У ДАЛЕКІЙ ЧУЖІЙ СТОРОНІ

Мій батько Грендиш Дмитро Іванович, 1896 р. н., був сотником армії Української Народної Республіки. Вернувся додому, в Галичину, після розгрому цієї армії під Маріуполем. Добирався пішки протягом місяця.

У 1922 р. був заарештований польською поліцією і сидів у львівській тюрмі «Бригідки», звідки утік. За панування Польщі працював у молодіжних організаціях «Сокіл», «Луг», «Пласт», був членом ревізійної комісії одного українського кооперативу, займався працевлаштуванням безробітних українців. Був знайомий з відомими українськими докторами Надрагою і Панчишиним. Під час німецької і совєтської окупації в 1939–1944 рр. батько належав до ОУН. Восени 1944 р. енкаведисти його заарештували і відправили у Воркуту. На допитах вибили йому майже всі зуби. Був міцної фізичної будови, та у тюрмі став інвалідом. 1956 року був висланий у Красноярськ, а потім у Джезказган, де перебувала на спецпоселенні сім'я. Помер 1964 р. на рідній землі.

Батько ніколи не міг розповідати про пережиті тортури спокійно. У Джезказгані він сидів із в'язнями, які були засуджені навічно. 80 відсотків політв'язнів мали 25 років каторги, носили на одязі букву «К» (каторжани) і номер.

У нашій родині зазнали більшовицьких репресій мої сестри Надія (1925 р. н., заслання відбувала у Воркуті) та Марія (1926 р. н., Молотов, Тайшет), а брат Степан (1921 р. н.), вояк УПА, в лютому 1943 р. загинув у бою з німецькими фашистами.

Мою маму Софію Дмитрівну (1900 р. н.) вивезли 14 жовтня 1947 р., на саме свято Покрови, разом з дітьми, у Прокоп'євськ Кемеровської області. Крім мене, з мамою поїхали Зіновія (1928 р. н.), Петро (1934 р. н.), Остап (1936 р. н., згодом помер з голоду), Катерина (1939 р. н.) та Ольга (1942 р. н.).

…Перед страшною бідою людина завжди має передчуття. Після голоду 1946 р. наступного року був великий урожай. Ми, малі діти, збирали все, щоб нічого не пропало в полі. Скрізь були вінки з кукурудзи. Ми накопали 300 центнерів картоплі, вирубали капусту і перед Покровою, 12 жовтня, почали квасити її. Як завжди, увечері співали. І раптом до нашої хати зайшов начальник облави, присів на лавці і каже: «Как хорошо украинские соловьи поют! Долго ли они будут петь?» Мати глянула на нас усіх і каже: «Діти, збираймося, нас будуть вивозити в Сибір». Того вечора нас ще не вивезли. Це сталося наступної ночі, з 13 на 14 жовтня. Нашу господарку оточили і наказали: «Собирайтесь, вы поедете в Сибирь».

У першу чергу мама одягнула нас у новий одяг і взяла все, що можна було, з харчів. Ми жили в центрі села, на наше подвір'я почали звозити інших репресованих людей. Підігнали машини, і о 6-ій годині ранку почали завантажувати на них людей. Падав мокрий сніг. Ми всі намокли. У Золочеві нас запхали у товарний вагон без будь-яких санітарних умов. У ньому ми їхали місяць до Прокоп'євська. Було холодно. Волосся примерзало до стін. Вирубали у кутку вагона в підлозі діру для туалету. Люди хворіли, багато померло в дорозі, особливо діти. Трупи конвоїри викидали через вікна.

У Прокоп'євську нас загнали у «санпункт». Від пропарювання одяг знищився, ми залишилися босими та роздягнутими на 50-градусному морозі. Нас поселили у бараках, збудованих німецькими військовополоненими. Барак нагадував хлів з довгим земляним коридором, поділеним на секції, серед кожної стояло 4 плити для приготу-

вання їжі. Коли запалювали ці плити, у барак заповзали вужі і висіли на стінах, грілися. Спочатку люди їх боялися, а потім звикли.

Комендант в особливий журнал записав дані про всіх спецпоселенців. Комісія відібрала «робочу силу». Дітям роки визначали за кількістю зубів. Усім підліткам ставили 14 років.

Після переселення нам постійно говорили таке: «Ви виселені навічно. Тут вам і помирати». Моя мама потішала нас, мовляв, нічого вічного нема.

Чоловіки і навіть підлітки працювали на шахті, де досить часто траплялися обвали, гинули люди. Тим, хто працював у лаві, видавали по кілограму хліба на день, іншим тільки 200 грамів. Щоб одержати пайку, доводилося вистоювати чергу. Як мали вижити в таких умовах сім'ї, де не було «робочої сили» і дужих захисників? Моя мати пішла якось у комендатуру і занесла заяву, щоб нас переселили у колгосп. Лише там можна було врятуватися від голодної смерті. Нам дозволили. Ми продали дещо з майна, щоб купити квитки, і під наглядом представника комендатури поїхали до залізничної станції. А далі на санях у хуртовину нас повезли у глухий і відсталий колгосп, у село Новослов'янівку.

У дорозі діти захворіли на тиф. Заночували в якійсь мечеті. Я вийшла, щоб попросити у людей хоч що-небудь з харчів для хворих. Але в селі всі ворота були зачинені, вікна завішані ряднами. Енкаведисти налаштовували місцевих людей проти нас: їм говорили, щоб нас не жаліли, не допомагали нам, тому що ми «людоїди і розбійники»… Та ось в одній хаті мені відчинили. Не вміючи просити милостиню, мовчки стала біля порогу. Спочатку господиня почала на мене кричати, обзивати, але, побачивши, що перед нею немічна дитина, вийняла з казана кілька картоплин і дала мені. Я швидко понесла їх хворим.

Поселили нас у якісь холодні комори. Німці, вивезені з Поволжя, жили тут у землянках. Пам'ятаю, родина Шнайдерів змилосердилась і впустила наших людей з малими дітьми у свою землянку. Решта залишилась у коморі. Щоб не замерзнути, почали будувати і собі землянку. В Сибіру землянки робили без покрівель, тому навесні туди затікала вода.

Я і мама виявилися найсильнішими в нашій родині, бо не захворіли на тиф. Коли землянки були готові, ми пішли в тайгу, нарубали дров, покрили гіллям землянку, поставили піч і пішли у поле видовбувати замерзлу ще з осені колгоспну картоплю. Напекли паляниць і майже всі отруїлися. Зайшла до нас сусідка з місцевих і, побачивши, що ми майже напівмертві, побігла додому по молоко. Так вона нас врятувала.

Через деякий час голова колгоспу доручив нашій сім'ї пасти колгоспних свиней. Ці свині були такі худі і голодні, що коли їх вигнали пастись на луг, вони, наївшись молодої трави, почали здихати. Ми ж повинні були увечері всіх свиней доставляти у кошару, навіть здохлих, яких здавали завідуючому фермою.

У тому селі люди їли тільки капусту і картоплю. На трудодень колгоспникам видавали 100 грамів хліба. На все село було тільки 3 чоловіки, решта загинула на фронті. Восени нам доручили пасти корів. За цю працю раз на день нам дозволялося видоїти корову і принести меншим дітям молока.

Гірко згадувати, як ми відзначали там наші свята. На Великдень йшли на цвинтар і там плакали за рідними краями і рідними людьми. У тій далекій чужій стороні туга за Україною була велика і гірка. Це може зрозуміти лише той, хто пережив таке.

Займалися виселенці і деяким промислом. За виплетену пухову хустину, наприклад, давали відро картоплі. Потім нам виділили город. Ми почувалися найщасливішими людьми, коли з того городу зібрали перший урожай.

У 1953 р. з Воркути була звільнена найстарша моя сестра Надія; її вивезли на «спецпоселення» в Акмолінську область. У той час почав діяти указ про возз'єднання родин, вивезених з рідних місць. На клопотання Надії ми мали переїхати з Сибіру в Казахстан. Комендант на прощання зробив нам ще одну прикрість. Він заявив, що можемо їхати в Казахстан тільки за свій рахунок, хоч на дорогу повинні були видати гроші.

У Казахстані всі ми влаштувалися на роботу в меблевий комбінат, почали будувати власну хату. Згодом до нас прибув батько (вже інвалідом), потім – сестра Марія.

…І ось, нарешті, 1956 рік, звільнення з каторги! В один день ми продали все майно і виїхали додому. Коли повернулися до рідного гнізда, мама цілувала землю і поріг своєї хати…

Меланія ГРИЦІВ (КОЗАК)

ГІРКЕ ЛІТО 1945-го…

Як сьогодні пам'ятаю: 15 травня 1945 р. ми з мамою прийшли з поля і тільки-но сіли обідати, як з'явилося двоє енкаведистів і мене забрали з хати. Я не була членом ОУН і з УПА ніяких зв'язків не мала, але, як потім вияснилось, на мене фальшиво донесли. Цього дня заарештували ще п'ятьох дівчат.

Слідство провадилося у Журавному. Нас били гумовими нагайками, від чого шкіра тріскала і кров бризкала по стінах. У кабінеті слідчого завжди стояло відро з водою, бо ми часто втрачали свідомість під час таких допитів. Мені на той час було лише 16 років (худенька дівчинка з двома кісками). Коли стали притискати пальці в дверях, я не витримала і поставила свій підпис на підсунутих протоколах. Пізніше дізналася, що в тих протоколах було подописувано набагато більше, ніж я говорила, але читати мені того ніхто не дав.

Суд відбувся в Дрогобичі. До того нас кудись везли машиною, а потім гнали до Дрогобича пішки. Я вже не пам'ятаю дороги, бо була зовсім знесилена недоїданням і побоями. Надворі серпень, спека, ми падали по дорозі, але, підтримуючи одна одну, йшли далі, бо конвой підганяв. Суд відбувся 10 серпня. Мене засудили на 10 років позбавлення волі з конфіскацією майна.

У Львові в пересильній тюрмі довго не тримали: відправили у Мордовію. Мордовські табори – це 36 табірних пунктів, розкиданих по лісах. Я сиділа в № 1, згодом – у № 3. Спочатку довелося жити разом із «битовиками» (бандитами та злодіями). Це було жахливо. Вони не пропускали жодної можливості познущатись над нами. Часом ішли навіть на вбивство. Одна дівчина (здається, вона була родом з Тернополя) отримала з дому посилку. Про те, щоб залишити всі продукти собі, не могло бути й мови, оскільки все найкраще завжди забирали собі «битовики». І ця дівчина (не пам'ятаю її прізвища) теж поділилася з ними. Але вони були настільки зухвалі, що захотіли забрати все, та дівчина не віддала. Тоді блатні прийшли на роботу з палицями і просто за швейною машинкою (ми працювали на швейній фабриці) збили її так, що вона там і померла…

Працювати доводилося по 12 годин та ще й у нічну зміну. (О 6-ій годині вечора йшли на роботу і о 6-ій ранку поверталися). Вічно голодні, бо що то є 600 грамів хліба на день та ще якась чорна водичка, в якій зрідка пшениця плавала. Ми все з'їдали, однак залишалися голодні. І так не один день, а 9 років і 3 місяці. Уже після смерті Сталіна нам почали платити якісь копійки, і ми, одержавши цю мізерну платню, могли купити в кіоску хліба і джему, щоб хоч трохи вгамувати голод.

Були в нашому таборі литовки, росіянки, німкені, латишки. Всі жили дружно, навчилися розуміти одна одну. Я навіть дотепер багато слів по-литовськи пам'ятаю, бо мала подругу Ірину з Литви. Часом збирались і співали своїх пісень. Розраджували одна одну, як могли, бо всі молоді були і сподівались на краще. Думали, що більше, ніж три роки, сидіти не будемо.

Перед самим звільненням, як стали наїжджати комісії з Москви і переглядати наші справи, в таборі виникла епідемія дизентерії. Я й без того була виснажена – одна шкіра і кості, а тут ще й захворіла. Лежу на тих нарах і плачу. Так мені тяжко на душі, бо чую, що наших дівчат звільняють, а мені, певно, тут померти доведеться.

Але якось одужала. А 1954 р. повернулася додому.

Мама, як побачила мене, то казала, що з мене уже нічого не буде. Я навіть їсти не могла, настільки організм був виснажений. Але вдома я повільно почала набиратись сил.

Через півтора року уже й на роботу вийшла. Правда, і в рідних краях тяжко мені було заробляти на хліб. Я працювала на каменоломні (завод «Каменяр», від нашого села 7 кілометрів). Щодня полем пішки туди і назад. Уже самою ходою змучувалась. Та й робота була не з легких – ми вручну полірували каміння. Я пропрацювала там чотири роки.

Потім з таборів повернувся Гриців Василь. Ми познайомились і одружились. Його не хотіли прописувати, бо він був засуджений за «політичною статтею» без права проживання у Львівській області. І ми… виїхали в Магадан. Уже «добровільно-примусово», бо ж треба було якось жити… Там народилися наші діти. Та нам дуже хотілося додому. І 1978 р. ми знову повернулися в Україну. Батько збудував за той час нову хату, але нам її переписати не хотіли. Секретарка з сільської ради прямо сказала татові, що для того, щоб переписати хату таким людям, як ми, «потрібні тисячі». Хабарів ми не дали, гордість не дозволяла. Але Бог милосердний, ми таки домоглися справедливості. Право на проживання у рідному краю ми здобули нашою понівеченою молодістю, каторжною працею і вічною тугою…

Стефанія ТИМЧИШИН

ХТО НЕ ПІДВІВСЯ, ТОЙ ЗАГИНУВ НА МІСЦІ

До ОУН я вступила ще до 1939 р., коли Західна Україна фактично була на правах колонії у тодішній польській державі. У 1942 р., під час німецької окупації наших земель, я стала кущовим, пізніше підрайоновим провідником ОУН. Вишколювала дівчат для військової служби в УПА. Працювала з відомими діячами повстанської армії. У післявоєнний час, коли загуляла в нашому краї кривава «червона мітла» НКВС, багато з моїх товаришів-патріотів загинуло. Я ж залишилася живою, бо була на той час у Львові. Після смерті друзів я перейшла у підпілля і переїхала на Радехівщину.

Заарештували мене у листопаді 1945 р., коли навідалась до своїх батьків. За мною вже стежили енкаведисти. Тільки-но ступила на батьківське подвір'я, як мене схопили. Коли пригнали в район, то збіглися всі місцеві більшовики, щоб подивитися на ту «страшну бандерівку», за котрою вони так довго чигали. Знущались наді мною, як хотіли. Пригадую, як вони посадили мене біля розігрітої печі і я, мліючи, падала, а вони відливали мене водою, кричали: «Говори! Говори, а то убьем!» Вимагали, щоб призналася, видала друзів, але нічого з того не вийшло. Декілька разів викликали на очну ставку свідків. Вони говорили на мене все, що їм наказували, а я мовчала.

Через місяць мене відвезли до Львова в тюрму на вулиці Лонцького. Там я сиділа рік. І так, як і в районі, приводили різних свідків, які говорили, що заманеться. Після цього мене судила «трійка». На суді, як і на допитах, цікавилися різними подробицями мого життя, наприклад, чому я не пішла лікувати цивільних людей, а лікувала «бандьорів», або чому я, коли знайшла кулемет, не передала його властям чи в НКВС, а віддала партизанам з УПА. Після цього оголосили вирок: 10 років тюрми і 5 років позбавлення прав. Відтак перевезли мене на пересилку на вулицю Полтв'яну, а опісля призначили на етап.

Важка дорога через Україну, через всю Росію… Коли привезли мене в бухту Находка, було вже дуже холодно (55° морозу). Нас спеціально виганяли по два рази надвір, де нас обкрадали «блатняки».

Там мене мало не вбили, стріляли зблизька, казали, нібито я хотіла втікати. Через місяць після цього випадку повезли у Магадан. В морі корабель збився з курсу. Ми простояли шість днів. Нам майже нічого не давали їсти, а коли привезли в Магадан і погнали на пересилку, то знесилені ослаблі люди падали по дорозі. Хто не впав, той вижив, а хто вже не міг підвестися, той загинув на місці.

Кинулася епідемія. Люди масово хворіли на дизентерію або тиф. Після карантину я потрапила на скляний завод. Там працювала недовго: забрали в «Берлаг». Там нам приліпили номери на хустках, на плечах і на колінах. Мій номер був 499. Після нумерування нас почали виганяти на роботу під вартою. Що три кроки – то конвоїр з псом.

Місцеві люди стояли, дивилися на нас і кивали головами: хто співчував нам, може, а хто казав: «Так вам и надо, бандеры!» Працювали ми на будові. Одного разу траншея обвалилася і задушила 12 дівчат. Вони були з Львівщини та інших областей Західної України. Я тоді ногу зламала.

Пам'ятаю, розгулялася завірюха. Прийшов якийсь полковник і сказав: «Собирайтесь и выходите к воротам!» Мене, правда, не взяли, бо тоді ще ходила на милицях. За воротами людей вишикували, тоді той садист сказав: «Нам не нужна ваша работа, нам нужны ваши мучения». І наказав марширувати до сопки. Люди обморозилися. Багатьом згодом повідрізали пальці – кому на руках, кому на ногах. Отак знущалися кати над нами.

Після лікування мене перевели на лісоповал. Там я працювала, поки не звільнилась. А далі – спецпоселення. Так було аж до 1958 р. Того року я повернулася до Львова. Мене спитали: «Чего ты приехала? Уезжай назад, а то арестуем!» Я, правда, не мовчала, але не могла нічого зробити, бо їх влада була. Мусила їхати туди, звідки приїхала. Там працювала до 1962 р., а тоді знову повернулася в рідні краї. Та й цього разу нічого не добилася, бо у Львові треба було дати великого хабара, щоб «полагодити справу». Тоді я поїхала в Луцьк до знайомих і там з тяжкими бідами прописалася. Чоловік мій залишився в Магаданській області, там же й помер, не діждавшись волі…

Віра-Марія ФРАНКО

І РАВЕНСБРЮК, І ВОРКУТА…

Одіссея мого в'язничного життя почалася зі Львова у вересні 1941 р., коли за надуманим політичним звинуваченням гестапо заарештувало і посадило мене у сумнозвісну тюрму на вулиці Лонцького. Там після численних допитів я чекала вирішення своєї долі. У камері було ще кілька жінок, котрі, як і я, сиділи у тривозі і гірких передчуттях. Усі ми боялися начальника охорони Мартенса, який своєю появою з грізним псом навіював страх, а на допитах скаженів, мов справжній садист. Проте одного дня наші тривоги та страх перекрили інші почуття. Спочатку ми почули неймовірний сморід. Невдовзі дізнались, що німці розвалили якусь стіну і звідти випали трупи живцем замурованих в'язнів – жертв сталінських енкаведистів. Потім через вікно ми бачили, як натовпи львів'ян розшукували серед них своїх рідних. Шукала там свого чоловіка й письменниця Ірина Вільде, а знайшла його, мертвого, аж у Станіславі.

У жовтні з невеликою групою жінок мене переправили до Варшави, у тюрму «Пав'як». Проти Львова там був рай. Польський комітет дуже піклувався про ув'язнених: ми отримували краще харчування та медичну допомогу. Ніколи не забуду лікаря Бодека, який перев'язував мені руки після випадкового поранення. Там я зустріла і Янку Мацієвську, з котрою була вже до самого звільнення. По війні вона стала письменницею, перекладачем, жила у Польщі.

…Через кілька тижнів нас відправили до Берліна в центральну тюрму, а відтак у Равенсбрюк, найбільший жіночий концтабір Німеччини. Майже чотири роки, прожиті мною у Равенсбрюку, залишили незагоєні рани на моєму тілі, а ще більше в душі. Молодою дівчиною, котра тільки що ступила на шлях самостійного життя, яке, здавалося, стелиться переді мною, одержала освіту, знала кілька іноземних мов, якій місце в суспільстві забезпечив авторитет Івана Франка, мого дідуся, і праця батька, педагога, ученого, журналіста, українського громадського діяча, я раптом опинилась у фашистській тюрмі з політичним звинуваченням. Воно хоч і не підтверджувалось моїми діями, зате зосереджувалось на моєму родоводі, що й був єдиним свідченням проти мене. Так у свої 19 років я потрапила за колючий дріт табору смерті, за яким сиділи тисячі таких самих жертв фашистського тоталітаризму, жінок різних національностей. Для нас всіх мовою порозуміння була мова ненависті до окупантів і любов до своєї батьківщини, мова страждань і відчаїв, а водночас якоїсь нескореності та сильної віри.

Перша зустріч із табором була страшна. Попередня зона – медичний огляд, купання, стриження волосся та смугастий одяг з номером (у мене 34297). І з того часу я уже не була людиною, а номером. Уся обслуга концтабору – самі жінки у службі СС. Виняток – бараки «кроликів», де лікарями були чоловіки. Щодня о шостій ранку – перевірка, а тоді до праці в підземелля, на завод Сіменса. На сніданок – 100 г хліба та кава з сурогату. На заводі працювали шведи і бельгійці, які підкидали нам шматочки хліба, виводили з ладу машини на 10–15 хвилин, щоб могли відпочити, та переповідали нам новини зі світу. Вони були вільніші. В моєму бараці були Густа Фучик, Жеруев Перванш де Голь (небога де Голя). Була і Роза Тельман. Траплялись у таборі і спроби втеч, які ми болісно відчували на собі: нас виводили босими на сніг і ми стояли доти, доки не зловили втікачки. Стояли так, щоби жодна з нас не впала, бо тоді кінець. Одного разу після чергової втечі ми стояли аж три дні.

Здоровим дівчатам прищіплювали на тілі якісь бактерії, використовували їх як піддослідний матеріал. На моєму тілі такі порізи та шрами залишились уже на все життя.

У 1944 р. з'явилися перші в'язні з України. Вони були в окремих бараках та носили на рукаві букву «У». Мені нашили літеру «П», тому що я походила з території колишньої Польщі.

Закарбувався в пам'яті і такий епізод з наших тюремних буднів. Нам стало відомо, що мають спалити Розу Тельман – дружину відомого комуніста. Ми вирішили її врятувати. Якраз у тому бараці померла жінка. Ми взяли з неї смугасту робу і надягли на Розу, а в її лахміття одягли покійницю з номером Рози. Так Роза під іншим номером і прізвищем дожила до визволення.

Найбільше запам'ятались мені останні тижні війни, особливо 7 травня. Ми знали, що наступає час розплати з фашистськими катами і водночас серцем відчували: своїми останніми жертвами вони захочуть зробити нас – в'язнів концтаборів. І це незабаром підтвердилося. Замість куль наші кати підготували нам іншу смерть – від отрути. Неповнолітній син ув'язненої хорватки, якого ми звали Васильком, підгледів, як до їжі підсипали отруту (а до кухні він заглядав, бо там працювала його мати). Ми вилили їжу, а маленького хлопчика застрілив постовий, коли той пробирався до матері. Ми довго оплакували нашого рятівника – це була та остання грань, яка відділяла нас від волі.

8 травня нашу частину табору звільнили американські війська. Приїхала лікарська комісія: дуже хворих забрали до шпиталю, а здоровіших розібрали по домах.

За декілька днів приїхала комісія, яка складалася з представників різних країн, кожен з яких реєстрував своїх в'язнів і відсилав їх додому. За нами ніхто не приїхав, ми були нікому не потрібні. Я поверталася додому разом з Яніною. Вона їхала до Варшави, а я – до Львова. Їхала, чим довелося. Мене зупинили у Бресті та скерували на ПФП («проверочно-фильтрационный пункт»), а там: «Чому ти їдеш? А може ти шпигун? А де твої награбовані маєтки?» Два місяці я відсиділа в такому таборі. З Бреста мене відпустили до Львова. І тоді я собі подумала: «Куди я їду? Навіщо?»

Яка коротка була моя воля! Усього лише три місяці! А далі ув'язнення за тим самим звинуваченням, яке я мала у фашистському таборі. У вересні 1945 р. мене літаком привезли до Києва. Знову тюрма (цього разу – совєтська), камера-одиночка, допити вночі, а вдень не дозволяли ані сидіти, ані лежати.

Мій слідчий дуже часто зустрічав мене словами: «Як поживає ненька-Україна?», а я йому відповідала: «Так, як матушка-Росєя!» Найбільше звинувачення полягало в тому, що я приїхала до Львова, очевидно, як американська шпигунка, що я зрадила Батьківщину, бо дозволила себе взяти до фашистського табору, та подібні нісенітниці. З великим задоволенням я підписала 100-у статтю про закінчення слідства, і мене, разом із донькою Нестора Махна Оленою відправили до Москви в Бутирку. 31 січня 1946 р. я була засуджена «особым совещанием» на п'ять років таборів та довічне заслання у Сибір.

З Бутирки нас відправили до Воркути, на цей дивний клаптик нашої планети, де, як кажуть, десять місяців – зима, а решта – літо. Шахта № 1. Для нас вже чекали нові бараки. У них до ранку волосся примерзало до нарів. Якщо у Равенсбрюку було завжди дуже чисто, бо німці боялися інфекційних захворювань, то у Воркуті, навпаки, – страшенно брудно. Ми мусили дбати про воду, щоб якось помитися та попрати одяг. Хоч їжі і було більше, та цинга нам далася взнаки. Морози, пурга, подерті валянки та вітром підшиті бушлати...

Шахта. Я на відкатці вугілля. Страхіття. Усе тріщить і кожної хвилини може впасти на голову. За чотири місяці в шахті я, на радість, дістала запалення легенів. Мене поклали до стаціонару. Там врятувала мене лікар Тарнавська, дочка прославленого генерала, командира Українських січових стрільців. Вона знала про мого батька, допомогла мені. Навчила робити уколи, перев'язки, давати ліки, і я залишилась у стаціонарі.

Одного дня у наш табір привезли полонених німців, які отримали по 20 років каторги. Між ними були дві жінки. Коли вони прийшли до мене на медогляд, то одна з них почала пильно придивлятися на мене. Я її відразу впізнала – фрау Еріка із Равенсбрюку, старша нашого барака. Вона запитала: «Що ти тут робиш?», а я відповіла: «Сиджу!» Вона тричі заохала і майже зомліла, вражена почутим. Це була зустріч на найвищому рівні!

У Воркуті від цинги та недоїдання мене врятував стрийко Тарас Іванович Франко. Посилав мені сало, часник та інші продукти. Зіновія (сестра) згадувала потім, як на базарі купували найкраще сало, солили та відправляли мені посилками. На усі державні свята мене та ще кількох ув'язнених садовили в карцер. Очевидно, виконували вказівку начальства.

Кілька слів про Олену Махно. Її з мамою привезли з Берліна, підступно забравши із західної окупаційної зони. Мати її, дружина Нестора Махна Марія, померла в київській тюрмі після тяжких побоїв. Олена народилася у Варшаві 1920 р. Жила в Парижі, мала французьке підданство, закінчила художню школу з рисунку на тканинах. Під час війни їх вивезли під Берлін на роботу. Нестор Махно вчителював у Парижі, де 1934 р. помер від туберкульозу. Олена з великою любов'ю згадувала свого батька і тому обурювалася на слідчого, який називав батька бандитом. У Воркуті вона пробула не більше року. Олена писала до посольства в Москві, і якось за нею та ще за двома полоненими французами, яких «помилково» забрали в табір, приїхали, і незабаром вона опинилась у Франції.

Я була у Воркуті до 12 липня 1951 р., а опісля на спецпоселенні в Усть-Кані Красноярського краю. 27 листопада 1953 р. мене звільнили. Тарас Іванович багато разів звертався до вищих інстанцій, писав навіть до Сталіна. Кінець страхам принесла лише амністія після XX з'їзду КПРС, але повну реабілітацію я отримала тільки за рішенням київського суду 14 грудня 1959 р. Важко сказати, кому я завдячую своїм поверненням до Львова, але, можливо, не останню роль у цьому відіграли клопотання стрийка Тараса, сина Івана Франка.

Мені повернули свободу, однак ніхто не зможе повернути молодості, проведеної у таборах та в'язницях, ніколи ніхто не поверне втраченого здоров'я, не дасть спокою безсонним ночам, коли будишся з жахом, що тебе викликають на страту.

Євгенія ХОМІЙ-КАМІНСЬКА

ВОРКУТА БУДУВАЛАСЬ НА НАШИХ КІСТКАХ

Пишу ці рядки від свого імені і від імені моїх ровесників, які разом зі мною пройшли крізь пекло комуністичних катівень.

Коротко про себе. Народилася у селянській сім'ї. Мій старший брат вісімнадцятилітнім вступив до лав борців за волю України. Декілька років воював із більшовиками як воїн. 1949 р. він поліг на полі бою. Було йому лише 28 років.

1942 р., коли німецькі окупанти нищили наш край, я, шістнадцятирічна дівчина, вступила в ОУН. А через два роки, коли прийшла Червона армія, уже була районовим провідником юнацтва.

17 грудня 1944 р. до мене з'явилася кур'єр проводу ОУН у Карпатах і сповістила, що мені слід пройти вишкіл медсестер. Навчання відбувалося у Сколівському районі при сотні «Вікторія», яка охороняла вишкіл і була розташована у селах Труханів, Кам'янка, Бубнище. Нас було 10 дівчат і двоє хлопців. Вів вишкіл лікар, родом зі Східної України, якого ми всі кликали «Доктор». Він учив нас надавати хворим і пораненим першу медичну допомогу, оскільки глибоких знань з медицини за місяць навчання ми набути не могли.

В кінці січня 1945 р. сотня «Вікторія» майже вся полягла біля села Корчівки Жидачівського району у нерівному бою з енкаведистами.

Ми добули вишкіл у селі Кам'янка, після чого були розподілені по відділах УПА. Я і моя подруга «Маківка» (Катруся Майкут) отримали направлення у Дрогобицький район, в розпорядження повітового провідника «Полтавки» (Ганна Миколин із села Гаї Нижні). Працювати доводилось в екстремальних умовах: не вистачало медикаментів, бинтів, дезінфікуючих засобів. Мене призначили надрайоновою медсестрою (псевдо «Уляна»), а «Маківка» була мені до помочі.

Одинадцять разів я була у таких сутичках з ворогом, що не сподівалась вийти живою… На одному місці ніколи довго не сиділа, бо лікарів не вистачало, а треба ж було обслуговувати весь район. Я доглядала поранених і тифозних, доводилося бувати в криївках, де поранені і хворі задихались від нестачі повітря, марили. Це страшне видовище! Було тяжко і фізично, і морально, не кажучи вже про небезпеку, яка ходила за нами по п'ятах.

Одного разу я пішла відвідати бійця «Блакитного» з групи «Донського», він мав тяжку форму тифу і лежав в одній із хат у селі Уличному. Тільки-но я почала оглядати хворого, як хазяйський хлопчик, років одинадцяти, повідомив, що йдуть совєти. Втікати було пізно. Хлопчина заховався під лавку, а я, закривши хату зсередини, поклала біля себе гранату-«лимонку», щоби підірвати себе, як тільки облавники ввійдуть у хату – іншого виходу не було. На щастя, це була не «червона мітла», а якась господарська частина, що приходила заготовляти сіно. Погримавши у вікно і двері, совєти пішли.

Я вилікувала 15 хлопців, хворих на тиф, а незабаром і сама злягла. Спочатку лежала на хуторі Зимівки, а потім мене перевели у село Орів (це 2 км від Борислава). А невдовзі у селі розташувався гарнізон енкаведистів. Перевіряли кожну хату. Від облавців мене врятувала господиня, яка намотала на тичку віхоть соломи і застромила біля воріт: це означало, що в хаті є хворий на тиф. Більшість енкаведистів боялася заразитися і не заходила, але декотрі все ж вступали. Тоді бідна жінка видавала мене за свою родичку. Робила вона це з великим страхом, адже я часто марила в гарячці і все просила дати мені зброю.

…9 квітня 1946 р. я йшла до Стебника, щоб поповнити медикаментами свою аптечку. На дорозі зустрілася із загоном «стрибків», серед яких був колишній повстанець «Ярко», що перейшов на бік ворога. Я його не впізнала, але він мене добре розгледів і видав більшовикам. При собі я мала посвідку на чуже ім'я. Не знаючи, що мене зраджено, я продовжувала твердити свою легенду про те, що живу в Уличному, що мій чоловік служить у Радянській армії. Мене збили штахетами так, що з рота пішла

кров, і повезли в Уличне. Я зрозуміла, що зараз приведуть жінку, за яку я себе видала, і все виясниться, ту жінку заарештують. Тому вирішила зізнатись.

Вісім місяців я відбула у Дрогобицькій тюрмі під слідством. Страшно згадувати ті часи! Слідчі були спеціально натреновані для катування людей, вони застосовували страшні тортури. Мені заганяли голки під нігті, затискали пальці в дверях, а як били гарячими шомполами по п'ятах, то били рівномірно, щоб дужче боліло, – вони розумілися на тому.

Енкаведисти не пропускали нагоди принизити нас морально, поглузувати з наших ідей і переконань, бо знали, що це боліло нас найдужче. Коли у коридорі зустрічалися два конвоїри, які вели в'язнів на допит, то вони віталися таким чином:

– Слава Україні! – кричав один.

– Героям слава! – відповідав другий і обидва голосно реготали. Серце обливалося кров'ю, але ми мусили мовчати.

Нарешті слідство скінчилось. Відчиняються двері нашої 13-ї камери, і я чую команду:

– Собираться с вещами!

Маленька полотняна торбинка в одній руці, під пахвою – невеличка подушка. Ось усе моє тюремне «добро». Маю досить смішний, навіть жалюгідний вигляд, бо на ногах у мене замість моїх гарних чобіток (їх забрали наглядачі) – старі подерті кирзаки з широкими халявами.

На подвір'ї тюрми – три четвірки виснажених мужчин, у четвертій бракує однієї людини. Кулак у спину – і я вже стою четверта. Спереду, збоку і ззаду – чотири конвоїри, собака.

Поволі рушаємо до брами. За нею багато жінок, чоловіків старшого віку зустрічають нас плачем, розв'язують вузлики, щоб нас пригостити. Однак конвой стріляє вверх, прикладом відганяє людей від брами.

Під'їхав «чорний ворон», і нас повезли на суд. Він короткий. В кімнаті, куди мене завели, сидить «трійка». Швиденько зачитують «обвинительный акт», а ще через 5 хвилин і вирок – 10 років позбавлення волі, 5 років позбавлення громадянських прав. Відбувати покарання доведеться у далеких таборах Воркути.

В коридорі зустрілась із стрільцем УПА, який показав на пальцях, що йому дали 15 років каторги, два інших показали на хрестик. Це означало смерть.

Після суду перевели у Самбірську тюрму, а через місяць у Львів на пересильний пункт. Тут довелося особливо нелегко, бо ми, політичні, перебували разом із в'язнями різних мастей – від дрібних злодіїв до рецидивістів.

Наприкінці грудня в товарних вагонах повезли на північ. Увесь конвой ставився до нас по-садистськи. У перервах між п'яними оргіями, які регулярно влаштовувалися у пасажирському вагоні, конвоїри часто серед ночі робили обшук у наших вагонах, знущалися над нами, били. Офіцери постійно вдовблювали в голови молодих солдатів, що ми «враги народа», «изменники Родины, бандеры, фашисти», хоча самі вони поводилися з нами гірше фашистів. Звіряча ненависть, свідомо розпалювана в молодих солдатських душах, жорстокими ударами лягала на нас.

Та, правда, залишився і маленький світлий спогад про той страшний період. У Святвечір, на Різдво Христове, у когось знайшлася свічка, на розстелену хустку виклали хто що мав – сухарі, сушені груші, кусочки риби. Молилися, вмиваючись сльозами, згадували рідних, близьких, друзів по боротьбі, стихенька колядували.

...До Воркути прибули в середині січня. Зустріла вона нас сильними морозами і глибокими снігами. Вночі піднялася хуртовина. Бараки по комини позаносило снігом. З самого ранку почалася перевірка. Рахували нас цілий день. Під вечір виявилося, що одного в'язня бракує. Але третього дня, коли вщухла хуртовина і ми розчищали сніг, щоб можна було ходити, хтось лопатою наштовхнувся на щось тверде. Це був труп саме тієї жінки, якої не дорахувалися. Перша жертва, перше усвідомлення того, куди ми потрапили і що нас чекає.

Піднімали нас о шостій годині ранку, а о сьомій уже розводили на роботу. Робочий день тривав по 12–14 годин. Увечері, промерзлі, знесилені, ми поверталися в бараки. Знову перевірка – годинне вистоювання на морозі. Потім – у барак, і двері – на ключ. Майже через день начальство влаштовувало обшуки. Наші речі перекидали, як кажуть, догори ногами, шукаючи заборонену літературу, зброю, яким, одначе, не було звідки взятися.

Тяжка робота чекала на нас, жінок, у копальнях, кар'єрах. Ломами довбали мерзлу землю, тачками возили глину. Пригадую, біля селища Безимянки земля була вкрита кістками арештованих. Разом з піском і каміннями кидали їх у дробилку, а потім із цієї суміші випалювали цеглу. Так що Воркута будувалась на наших кістках: і в прямому, і в переносному значенні.

Я була цілком виснажена, і мене перевели до тюремної лікарні, де працювала медсестрою. І тут нелегко було. На моїх очах щоденно вмирало по 20–30 осіб. Пекучий біль залишався у моєму серці. Адже вмирали молоді хлопці, жінки, яким би жити і жити... Скільки їх тут було, мучеників! Померлим чіпляли таблички (бірки на ноги), щоб знати рахунок. Їх сяк-так закопували у сніг. Навесні кістки померлих знову лежали на верхньому шарі ґрунту.

…Перед очима і в снах знову зринають табори, у два ряди колючий дріт, чотири вишки, на кожній з них вартові з кулеметами. У тринадцяти заґратованих бараках жили в'язні різних національностей. Між ними різниці не було ніякої чи ворожнечі щодо ідейних переконань, віросповідання. Горе було для всіх одне. Тому і не дивно, що між в'язнями панувала злагода і взаємоповага. Тяжкі хвилини тюремного життя нас ще більше з'єднували в одну громаду.

Не забуваються картини, коли каторжани і каторжанки йшли на роботу. У тих, кого засуджено було на десять років, на лівому рукаві табірні номери (на білому фоні вибиті фарбою). Засуджені на 25 років мали такий номер через усе плече. Мій табельний номер – 1-0-551. Збоку йшли конвоїри з собаками. Від них тільки й чути було: «Прекратить разговоры, бандитки». Якщо зробив крок вправо або вліво – конвоїр застосовував зброю…

Звільнили мене з воркутинських таборів у 1956 р. уже інвалідом (наполовину втратила зір). Працювала у колгоспі. 1957 р. вийшла заміж за в'язня таборів Магадана – «25-літника-каторжанина». Після повернення додому побудували хату на старому згарищі. Я знову захворіла. Простуда і каторжна праця давалися взнаки. 1985 року раптово від інсульту помер мій чоловік – Володимир Камінський, колишній воїн УПА. Я залишилась зі старенькою мамою, яка також свого часу натерпілась від «найгуманнішої» в світі влади: тричі була заарештована, потім вивезена в Омськ на спецпоселення.

Стефанія АНТОНЮК

«ЛІЧУ В НЕВОЛІ ДНІ І НОЧІ...»

Народилася я 9 січня 1925 р. в місті Радехові на Львівщині. Сім років вчилася в місцевій українській школі. Дуже тепло і з великою любов'ю згадую свої роки навчання та своїх учителів, які засівали в наші серця зерна любові до рідної України. У 1942 р., в час німецької окупації, я пов'язала своє життя з Організацією українських націоналістів. Тоді я вже мала закінчену середню школу і працювала телеграфісткою. Всі завдання, доручені мені організацією, виконувала чесно і добросовісно.

У 1944 р. закінчилась німецька окупація. Червона армія фронтом пішла на захід, а в Радехові, як і в усій Україні, запанували війська НКВС… У грудні 1945 р. мене заарештували і кинули до підвалу районного відділення НКВС. Почалося страшне життя: пивниця була малою й низькою, не було змоги стояти, а коли сідала, то по мені бігали голодні щурі. Допитували мене завжди по ночах, немилосердно били. Але від мене вони нічого не дізналися, я нікого не зрадила. Тому через два місяці мене відправили в тюрму до Львова. Тут також були жахливі умови: камера маленька, а в'язнів багато. Спали на голому цементі, на другий бік поверталися по команді. Заїдали нас воші. Знову почалися нічні допити, катування. Допити були страшними: стоїть зо три слідчі й кожний задає одне і те ж питання, тільки кожний в іншій формі, заходить з іншого боку. Тут і шланг гумовий іде в дію, і копають чоботами куди попало, запихають пальці в двері, беруть за волосся і б'ють головою об стіну, поки не побачать крові або поки жертва не втратить свідомості. Важко все це згадувати.

У 1946 р. Військовий трибунал засудив мене за статтями 54-1а та 54-11 КК УРСР на десять років концтаборів та п'ять років позбавлення прав. У жовтні 1947 р. вивезли на Сибір моїх тата, маму і брата. Згодом і мене вивезли етапом в концтабір до Челябінська. Там нас одягнули в закривавлені шинелі, видали продірявлені кулями шапки-вушанки та старі валянки (один чорний, другий сірий). Розділили на бригади і послали на роботу – викладати на вулицях бруківку. Видали рукавиці з розрахунку одна пара на три місяці, а вони подерлися вже першого тижня. Працювати було важко – каміння тяжке, а мороз до 30°!

На початку 1950 р. нас розподілили по різних таборах. Мене з Сибіру етапували в Казахстан, Джезказганський район, табір «ОЛП-32» в Кенгірі. Ми носили на спині й на спідниці з лівого боку номери. Я мала – «737-СО». Табір був дуже великим, близько 12 бараків по 250 в'язнів у кожному, це більше двох з половиною тисяч каторжан!

Я потрапила в бригаду, яка будувала на ріці греблю. Копали котловани в скелястій землі, заливали бетоном, потім піднімали опалубку вище й знов заливали бетон... Так ми працювали і взимку, в мороз і снігові заметілі, і влітку, в бурі та дощі. Прийдемо з роботи промоклі, а в бараці нема де висушитися, тому вранці йдемо до праці в мокрому одязі. Ще й конвой завжди знущався. Ведуть, бувало, на роботу колону 100–150 в'язнів (4–5 бригад), доходимо до якогось болота, а нам командують: «Ложись!» Лягаємо в це болото, а потім весь день працюємо мокрими і брудними. Нарешті приведуть з роботи під прохідну, а там усіх обшукують, аби часом хтось не приніс у табір чогось недозволеного… Щонеділі гнали ще в поле на збирання турнепсу (щось подібне до ріпи), з якого варили нам «баланду». Під дощем у болоті збирали ми той турнепс, руки мокрі, шкіра на них тріскається до крові. Вранці піднімаємося, а руки як дерев'яні, пальці болять. Годували погано. Важка непосильна праця, моральне приниження – все це доводило нас, каторжан, до відчаю. Кожного

літа спалахувала епідемія дизентерії. Хворі лежали в двох-трьох спеціально виділених бараках, їх ніхто ніколи не лікував. Скільки молодих дівчат тоді померло – ніхто тоді не рахував! Їхні трупи вночі вивозили за територію табору й скидали у якісь ями, про які ніхто не знав. Бували в мене такі дні, коли занепадала морально, але в такий час згадувала слова нашого Тараса Шевченка: «Лічу в неволі дні і ночі. І лік забуваю. О Господи, як то тяжко тії дні минають...» Десять років каторги – ох, як це багато! Вся моя молодість минула в голоді, холоді та приниженні.

Час від часу дізнавалися ми про події, які відбувалися поза табором. Коли ми будували велику збагачувальну фабрику, то на цій будові чоловіки працювали в денну зміну, а ми, жінки, в нічну. Чоловіки, коли мали якісь новини, залишали нам про них записки в потаємних місцях. Так ми дізналися, що по таборах страйкують і що нам потрібно теж організуватись і повстати проти каторжної праці і беззаконня.

І ось однієї ночі в травні 1954 р. чоловіки розвалили мури між зонами і увійшли у жіночу зону. Вони розбили замки на наших бараках і закликали нас вранці не виходити на роботу. Табір застрайкував. Начальство заметушилось і через радіопідсилювачі просило вийти на роботу, обіцяючи за це каторжанам «золоті гори». Але ніхто не виходив з бараків майже сорок днів! Від голоду рятувало нас те, що між чоловічою і жіночою зонами були продуктові склади. Чоловіки розбили їх, порахували усі продукти і прикинули, скільки ми можемо протриматися. З розвалених мурів в'язні звели біля прохідної барикади і встановили цілодобове чергування. Створили комітет, який вів переговори з керівництвом табору. Але табірне начальство не хотіло задовольнити жодної нашої вимоги. Страйк тривав, на роботу ніхто не виходив.

І раптом одного дня, о четвертій ранку, військо на танках вдерлося в зону, бараки закидали газовими гранатами. Всюди стояв вогонь і дим. У бараках спершу виникло сум'яття, в'язнів охопила паніка. Хто вибігав з бараків, в того стріляли або давили гусеницями танків. Почалося справжнє пекло. Я залізла під нари: все одно як вмирати – від газу чи під гусеницями танків. А солдати, як звірі, – їм тоді все дозволили!.. Врешті все якось втихомирилось. Нас повиганяли на вулицю, перерахували і зачинили в одному із бараків, а самі карателі зайнялися трупами. Через якийсь час усіх вигнали з речами за зону, від основної групи відділили здоровіших і відправили в інші табори…

Однак, наш страйк і жертви не були даремними. Після придушення повстання почали в'язнів краще годувати, застосовувати заліки трудових днів «один за три». Я на той час уже відбула 8 років і 6 місяців. Згодом приїхала комісія, яка почала переглядати наші справи. Кому залишався малий строк, того звільняли. Мене звільнили в жовтні 1954 р. і під конвоєм відправили до мами у Сталінськ Кемеровської області. Поставили на облік у спецкомендатурі, в якій потрібно було постійно «відмічатися». Дівчат, у яких батьки не були вивезені та перебували в Україні, зовсім не відпускали.

На спецпоселенні почалось для мене нове «вільне» життя. Мене, як колишнього політв'язня, ніде не приймали на роботу. Довелося працювати на різних «чорних» роботах, бо мусила якось заробляти на хліб. Там, у Сталінську, я познайомилась із своїм майбутнім чоловіком, який також був репресованим. Мій батько та брат померли в Сибіру 1953 р., коли я була ще в таборі. Сестра померла в Радехові ще 1948 року. Молодший брат загинув в автоаварії. З нашої великої родини залишилась тепер тільки я одна. До Радехова повернулася аж 1993 р. Сорок вісім років вимушена була жити на чужині – це половина століття!..

Дарія БІЛА-ЗЕЛЬМАН

Я ТРИЧІ ВТІКАЛА З СИБІРУ…

Народилася я 1934 року в селі Великі Грибовичі колишнього Брюховицького району на Львівщині в родині селян. Сім'я наша, крім мене, складалася з батька Олексія, матері Ксенії, старших сестер Ганни та Марії, брата Михайла.

Жили ми в мирі й спокої до 1944 р., коли вперше відчули смертоносний подих війни – загинув наш батько, підірвавшись на міні. А далі почалися для нас тяжкі часи утисків з боку новоявлених начальників, обшуки, виселення, поневіряння в далеких краях. Це був час, коли у нашу домівку могли просто увірватися, зробити обшук, забрати, що сподобалося, понищити майно, шукати невідомо кого і невідомо що – і все це безкарно.

Найстрашніший день для села Великі Грибовичі, його мешканців та нашої родини настав 3 травня 1946 року. Мені тоді було лише 11 років. Енкаведисти викрили криївку з бійцями УПА з нашого села. Трьох із них захопили, а двоє не далися живими в руки: Іван Білий застрелив спочатку свого молодшого брата Ярослава, а потім себе. Їх мертві тіла поклали біля сільради, щоб ми усі дивилися та боялися, мовляв, ось що буде «бандерам».

Після тієї події селом прокотились арешти, серед заарештованих був мій вуйко Григорій Качор, сестра Ганна, яка була станичною, двоє її подруг-односельчан – Ганна Жельман та Марія Ленько, дівчата із сусіднього села Гряда – Катруся Ковалишин та Марія Магулян. Був серед них якийсь Федьо з Волині, який свідчив проти них: на очній ставці з фальшивою добротою вмовляв: «Ганю, признайся, совєтська влада все простить». Але сестра Ганна, плюнувши йому в обличчя, відповіла: «Перший раз тебе бачу!» Ганну засудили на десять років і повезли етапами по тюрмах Совєтського Союзу – в Естонію, в Томськ, а далі Казахстан, на шахти Джезказгану.

Після суду над нею вся наша родина була приречена на поневіряння. У жовтні 1947 р. нас вивезли у Сибір, не дали нічого взяти з речей, маму побили за те, що брат Михайло втік. Мама, передчуваючи вивезення, вислала в цю ніч його з дому… Куди нас везуть в арештантських вагонах, ми не знали. А привезли в Анжеро-Судженськ, шахтарське містечко в Сибіру. Поселили в дерев'яному бараку з однією кухнею на всіх. Холод неймовірний, теплого одягу не було, заїдали блощиці. Мама вночі плакала над нами, оглядаючи наші покусані тіла. За хлібом вставали в чергу о 4-ій годині ранку, і то не завжди він нам діставався.

Згодом нас повезли в колгосп і поселили на холодному горищі. Це був жах: холод неймовірний, голод, не знали ми, що нас жде, де наш 16-річний брат Михайло. І думка – додому, додому, додому. Втікати! За всяку ціну втікати додому!..

Продавши все, що в нас було, ми дістали квитки на поїзд і поїхали на захід. Але мама до України не доїхала. Ми ховалися на вокзалах по туалетах, дуже мерзнули і хотіли їсти. І нас все-таки зловили. Мама захворіла на тиф, тому при затриманні її відправили до лікарні. Дітей же забрали на обстеження до іншої лікарні. Через тиждень, після тривалої гарячки, 11 лютого 1948 р., в п'ятдесятидворічному віці, наша мама померла на чужині, в далекому Челябінську, так і не доїхавши додому.

Як ми натерпілися потім! Пішли ми з сестрою в морг, відшукали тіло мами, одягнули її в одяг, який принесли з собою. Чорні від горя, сидимо і плачемо. Питаємо, як

можна маму поховати, а чергова відповіла, що ховати будуть аж через тиждень, коли назбирається більше трупів… Хто читає ці рядки, хоч на хвилину хай уявить собі нас – 24-літню дівчину і 14-літнього підлітка в морзі далекого Челябінська, над тілом померлої мами. Ми й самі хотіли тоді повмирати. Просиділи ми там весь тиждень...

А далі: куди йти, що робити? Втратили все. Пішли на вокзал, там нас знову заарештували і розлучили. Сестру посадили в тюрму, а мене в дитячий приймальник для безпритульних. Обрізали мої довгі коси, хоч я довго опиралася. Багато дітей там було, з різних місць, але найбільше українців. Сиділа я у заґратованому колючим дротом «приюті» десь з місяць, а потім відправили нас, сімох дітей, у супроводі провожатого в дитячий будинок. Були разом зі мною дві дівчини з Дрогобича, сестрички Оля і Леся, прізвищ не пам'ятаю. То була дорога серед холоду та голоду (продукти провожатий додому собі завіз). Дитбудинок, в який ми прибули, був «на суворому режимі», написані листи проходили доскіпливу цензуру, все контролювалось. А ночами я плакала, молилася і думала: «За що? Чому?» А в голові весь час була одна думка: «Втечу все-таки в Україну! До рідних!»

І таки наважилась. Поклала в торбину кілька пайок чорного глевкого хліба, зошит, олівець. Кликала з собою Олю і Лесю, але вони не наважились на втечу. Пішла сама шукати доріг до залізничної станції. Вже на початку дороги проломився піді мною лід на ріці, я пішла під воду, але якась сила до життя підштовхувала мене, я схопилась за суху траву і вибралася на берег. Траплялись на моєму шляху й добрі люди, вказували дорогу, часом нагодували. І так я сама, 14-річний підліток, пройшла 120 кілометрів до Челябінська. Сідаю на московський поїзд, він уже рушає, і раптом надбіг міліціонер й почав стягувати мене з підніжки. Поїзд набирав швидкість, тож міліціонер таки не стягнув мене! Ноги мої волочилися по шпалах, але якимсь чудом я підтягнулась і так на підніжках вагона доїхала до Уфи. Зійшла з поїзда, шукаю щось поїсти. А тут така цікава жіночка випитує мене, куди я їду та до кого. Я наївно відповіла, що мама померла, а я їду до бабусі в Україну. І знову мене забрали. Очевидно, в Уфі й очікували на мене! І знову «приют», і знову дитячий будинок, але тепер уже в Башкирії, Дуванський район, с. Мисегутово. Звідти втекти було уже неможливо.

А все-таки думка повернутися додому не покидала мене. Написала листа до родичів і довідалась, що братові Михайлові вдалося отримати паспорт і влаштуватися на роботу. І він дав собі слово повернути мене додому. Очевидно, навіть у той пекельний час були на світі і людська доброта, і безкорисливість: брат домовився з родичем свого начальника, який їхав у відрядження до Москви, що він заїде в дитбудинок і забере мене. І він приїхав по мене, з собою мав якісь такі довідки та документи, що мене відпустили! Діти з дитбудинку і плакали, і тішилися за мене… Стоїть перед моїми очима той день, щасливий день мого повернення на Україну. Як тоді шалено билося серце в грудях, коли доїжджала до Львова, коли побачила своїх рідних!

Але недовгим було моє щастя: через три тижні мене заарештували. Ще не встигла розповісти бабці все про той страшний Сибір, ще не встигла відійти від тих потрясінь, які пережила за ці два роки, а вже знову – тюрма. Наче небезпечну злочинницю, повезли мене в Брюховичі і запроторили в КПЗ. Декілька разів возили звідти до Замарстинівської тюрми у Львові, але оскільки я була худенькою, маленькою й виглядала років на десять, в тюрмі сказали, що дітей до неї не приймають. Завели на мене «дєло», зняли відбитки пальців, зробили фотографії. І ятрили мені душу – допитували, де мама, не вірили, що вона померла. Мій біль, моє горе, моя туга за мамою загартували

мене, і я не боялась тепер вже нічого. Кричала їм в обличчя: «За що? За що тримаєте мене, дитину, в тюрмі, за який злочин?» Вони мовчали, не мали що відповісти. Зрештою все ж таки завезли мене до тюрми на Замарстинові. І там під час «прогулки» (я ніколи не слухалась команди «лицом к стене») зустріла свого брата Михайла. Він крикнув: «Данусю!» Ця зустріч була для мене дуже болючою, я зрозуміла, що забрали його через мене, через те, що він організував мою втечу з дитбудинку в Башкирії... Сили покинули мене, я плакала і думала про те, що сталося з нашою родиною. Усі четверо дітей в тюрмі: ми з братом у Львові, сестра Марія у тюрмі вже дев'ять місяців, сестра Ганна теж в ув'язненні, тільки не знати де, а мами нема…

Відбула я у тюрмі на Замарстинові майже чотири місяці. Під час однієї з перевірок, коли начальник спитав: «Есть жалобы?», я виступила й почала кричати: «За що ви мене тримаєте тут? Чому?» На третій день мене етапом, на саму Йорданську святу вечерю 1949 р., відправили на залізничну станцію. Почалось нове коло пекла по Сибірах. Я не знала, куди мене везуть цього разу. На «пересилках» тримали в місцевих тюрмах. Найгіршою була тюрма в Новосибірську, де мене посадили в одну камеру із злодійками, які все у мене позабирали. Мені тоді нічого не було жаль. Мені було все одно. Згодом залишилася одна в камері. Для мене це було найстрашнішим, ця нестерпна самотність. Я не витримувала, стукала в двері, але хто мене слухав?.. Нарешті привезли в Анжеро-Судженськ. Там вже були сестра Марія та брат Михайло. Ніби насміхаючись, поселили… в той самий барак, що і першого разу, але тепер ми були вже без мами. Знедолені, змучені, знищені тюрмами діти, загнані більшовицькою злою волею в цей далекий, холодний край. Єдиною сумною втіхою було те, що тепер ми вже разом. Ми дуже любилися в родині, а вийшло так, що довгі роки були в розлуці.

…Сестру Ганну звільнили 1955 р., тоді ж вона вийшла заміж за колишнього в'язня Василя Стецьківа, народила троє дітей. Повернулись у рідне село, працювали, починаючи на порожньому місці, бо майно, придбане і нажите батьками, совєти забрали… У 1957 р., разом з чоловіком та двома дітьми, повернулася додому сестра Марія. Ми з братом Михайлом приїхали на Україну 1958 р. Довго нам ще не знаходилось місця на рідній землі, наші «ходіння по муках» тривали, поки нарешті ми знову могли замешкати там, де народилися, де жили наші батьки і звідки нас з корінням виривали, але не вирвали…

Микола ПЕЛЕХАТИЙ

ЛЮДСЬКОГО ДУХУ НЕ ЗЛАМАТИ!

На долю мого покоління випали тяжкі випробування. Вони не обминули й мене. Народився я 1928 р. в селі Опори на Дрогобиччині. В родині було четверо дітей, три сестри: Наталка, Марія і Ганна та я, найстарший. Мої батьки Григорій і Тетяна Пелехаті були свідомими селянами. Батько був секретарем сільської читальні «Просвіта», вдома було багато цікавих книжок. Змалку привчали нас батьки до праці та любові до Бога й Батьківщини.

Під час німецької окупації навчався я у Дрогобицькій українській гімназії. Бачив, як окупанти знущалися над нашим народом та принижували його гідність. На магазинах, кінотеатрах і в парках появилися таблички: «Тільки для німців!» Вхід туди

нашим людям був суворо заборонений. Одного разу я бачив, як на площі біля ратуші гестапівці вішали українських патріотів, а іншим разом на цьому ж місці розстрілювали повстанців, між якими були дві дівчини – дочки священика.

Восени 1944 р. батька забрали на фронт, і мені довелося заміняти його на господарстві. Часи були тривожні. Всім відомо, якими неперевершеними провокаторами були більшовицькі каральні органи, намагаючись ліквідувати українське підпілля. Пам'ятаю провокацію чекістів у січні 1945 р. Одного вечора під виглядом повстанців вони зайшли до нас і почали розмову з мамою. Мама засумнівалася і відмовила їм у «допомозі харчами», зіславшись на бідність. Ми знали, що з повстанцями завжди приходив наш односельчанин, якому довіряли. Наступного дня вранці у село приїхали енкаведисти і викликали тих, у кого вчора ввечері нібито були «повстанці». На щастя, одна селянка впізнала серед них вчорашнього «партизана» і сміливо вигукнула: «А то ви були вчора, і ми думали, що ви збираєте харчі на Червону армію!» Провокація не вдалася, енкаведисти мусили покинути село…

Я навчався тоді в сьомому класі в селі Медениця. Вчився добре. Як відміннику навчання на демонстрації 1 травня 1945 р. мені «довірили» нести на чолі колони великий портрет Сталіна. Такі «почесті» були не для мене, і після закінчення демонстрації я залишив цей портрет біля клубу. Мій вчинок розглядали в школі. Особливо старалася тоді інспектор районо Ковальова. Вона довго говорила про наше щасливе дитинство, яке дала нам радянська влада й особисто великий Сталін, а за свій вчинок я мушу відповісти «по закону». Врятувало мене лише те, що батько був на фронті. На цьому гамір закінчився, і я мав щастя ще два роки побути на волі.

У 1946 р., після повернення батька з фронту, я перейшов у 9-й клас Дрогобицької середньої школи № 1. Того ж року в цій школі була створена підпільна молодіжна організація «Крути», яка ставила мету – розповсюджувати серед людей антирадянську літературу та надавати посильну допомогу повстанцям. Керівником організації був Юліан Бунь, його заступником – Роман Щербак, секретарем обрали мене. Членами організації були: Михайло Василюк, Петро Мамчин, Микола Лоцуняк, Ярослав Яворський, Ярослав Хлопик, Володимир Рабків. На жаль, за давністю подій, усіх членів організації не пам'ятаю. 5 лютого 1947 року в нас відбулися останні збори, де ми отримали листівки, які закликали населення бойкотувати вибори до Верховної Ради, що були призначені на 9 лютого.

Зранку вулиці міста були заліплені нашими прокламаціями. І того ж ранку у наш клас зайшов директор школи з двома особами в цивільному. Згодом ми дізналися, що то були офіцери служби безпеки. Один із них взяв класний журнал і почав викликати членів нашої організації і обшукувати їх. А на вчительку різко крикнув: «Воспитали бандитов, бандеровцев, радуйтесь!» У коридорі вже чекав конвой, який відправив нас у в'язницю.

Вже на початку слідства стало зрозуміло, що нас хтось видав. Слідство тривало більше двох місяців. За цей час ми пройшли великий екзамен на витримку і мужність. 15 квітня 1947 р., якраз на Великдень, розпочалось засідання військового трибуналу, на якому всіх нас засудили на 10–15 років. А далі була тюрма в Стрию, пересилка у Львові і, нарешті, двотижневий етап в «телячих вагонах» до Росії, до міста Ухти в Комі АРСР.

В Ухті потрапив на будівництво нафтопроводу Войвож-Ухта, в бригаду землекопів. Копали траншеї під труби. Умови жахливі: голод, холод і безліч блощиць у бараках. Адміністрація нафтопроводу вела шалену агітацію: це – урядове завдання, а після закінчення робіт усім будуть знижені терміни покарання, можливі й звільнення. Багато хто

повірив обіцянкам, віддаючи будові останні сили. Коли будівництво було закінчене, то дійсно змінили терміни покарання, але не політичним в'язням, а кримінальникам.

У лютому 1951 р. мене відправили етапом до Воркути, де тоді створили режимні табори для політв'язнів під загальною назвою «Речлаг». З пересилки відправили на шахту № 29 комбінату «Воркутуголь». Це була каторга: в чому спускалися в шахту, в тому ходили у зоні. Бараки на ніч закривали на замок, на вікнах ґрати, одяг тільки табірний з нумерацією (мій – ІХ-132), листування з рідними – два рази на рік. Знущання наглядачів, голодне існування, виснажлива праця… Здавалося, що цьому не буде кінця. Якась надія блиснула аж після смерті Сталіна. Сподівалися на краще, але час минав, а свавілля тривало. Нічого не змінилося і після розстрілу Берії.

У липні почалися страйки на шахтах. Наша шахта № 29 застрайкувала 25 липня. Був створений страйковий комітет, до якого ввійшли представники багатьох національностей. Члени страйкового комітету пройшлись по бараках і попередили: хто співпрацює з «кумом» (так звали оперуповноваженого), нехай іде в шахту, бо за їх безпеку ніхто не відповідатиме. Чекісти вимагали припинити страйк. Страйковий комітет поставив вимогу, щоб приїхала комісія із ЦК КПРС для переговорів. Але коли наші «рабовласники» відповіли, що це не в їх компетенції, переговори припинилися. З тієї ночі почалося постійне чергування в'язнів біля в'їзду в табір. З 26 липня начальник табору видав наказ про переведення табору на норму харчування для непрацюючих (400 гр. хліба і «баланда» вранці і ввечері). Але, незважаючи на те, що продуктовий склад був на території зони, страйкком суворо заборонив вимагати щось у їдальні чи на складі. До цього я не бачив такої дисципліни і порядку в жодному таборі. Не виникало ніяких непорозумінь між в'язнями різних національностей. Найкращі стосунки були між українцями і прибалтами, особливо литовцями.

Всі ці дні була чудова погода. Одного дня під'їхала машина до воріт зони, щоб вивезти продукти зі складу, але в'язні не дозволили. 30 липня по внутрішній радіомережі повідомили в'язнів, що приїхала комісія з Москви і наказали всім вийти на футбольне поле перед шахтою. Там уже стояв довгий стіл, накритий червоним сукном, за яким сиділи «чини» на чолі з генералом Масленніковим. Поруч з ним – начальник «Речлага» генерал-майор Дерев'янко (через дев'ять років в газеті «Заполярье» про нього буде стаття «Самодур в чине») і багато нижчих табірних чинів. Був тут і генеральний прокурор Руденко, який почав зі слів, що найважчим злочином є відмова в'язнів від праці, що ми повинні вийти негайно на роботу і тоді вже вести переговори. А якщо хтось знущався над в'язнями, той буде покараний згідно з нашими гуманними законами. Після виступу Руденка генерал Масленніков дав слово в'язням. Виступив член страйккому, який охарактеризував побут в'язнів і зачитав наші вимоги із семи пунктів:

1. Звільнити всіх іноземних в'язнів і відправити їх на батьківщину.
2. Зняти ґрати з вікон.
3. Зняти замки з дверей.
4. Зняти номери з одягу в'язнів.
5. Гарантувати недоторканість страйкуючих.
6. Надати в'язням право вільного листування.
7. Розформувати табори політв'язнів.

Після останнього пункту генерал Масленніков зірвався зі стільця, немов обпечений, вирвав з рук виступаючого письмову вимогу і крикнув: «Кто еще хочет выступать?» І в'язні почали виступати. При цьому деспотичному режимі я ніколи ще не чув таких смі-

ливих виступів. Один із виступаючих змалював страшну картину терору, висловившись про чекістів, що їх іменами матері лякають дітей. Останнім виступив колишній студент Харківського університету, член страйккому Матюшенко, але генерал грубо зупинив його. Тоді Матюшенко сказав: «Громадянине генерале, ви приїхали до нас, щоб вислухати наші скарги та пропозиції, а не командувати. Сьогодні тут командуємо ми!» Це було як грім з ясного неба. Такого зухвальства генерал не міг простити і закричав: «Возьмите свои слова обратно!» У відповідь прозвучало: «Ні!» Генерал нахилився до своїх офіцерів, дав якусь команду, усі чиновники піднялися і вийшли за зону.

На той час усі шахти Воркути припинили страйк, крім нашої. День 31 липня минув спокійно, але відчувалася тривога. 1 серпня вранці ми почули гамір за зоною. Марширували червонопогонники і співали: «Всех фашистов перебьем!» Відомо, що політв'язнів називали фашистами. О 10-ій годині ранку з гучномовців пролунало, що до політв'язнів звертається начальник «Речлага». Він сказав, що всі скарги політв'язнів московська комісія уважно розглянула і зробила для них ряд пільг. Пропонувалось негайно виходити до центральних воріт. А у випадку відмови будуть застосовані надзвичайні заходи.

Ще зранку в зону заїхало кілька пожежних машин. В'язні сміялися, що нас будуть розганяти водою, як на Заході. Всі були впевнені, що стріляти не будуть, не той час. Якими ми були наївними! Відчинили центральні ворота. І в той самий момент полковник грубо схопив політв'язня і почав тягнути його за ворота, але інший в'язень в цей же час вирвав штахетку із паркану і вдарив нею полковника. Злетіла в небо червона ракета, прогриміли залпи з кулеметів і автоматів із усіх «вишок». Коли стихли постріли, наглядачі почали виганяти в'язнів за зону, а солдати відводили їх у тундру. Думалось, що ведуть на розстріл…

Під вечір нас привели в зону. Там уже навели «порядок». Пожежними машинами змили кров, поранених доставили в табірну лікарню, трупи винесли за зону, в приміщення пилорами. Протягом декількох днів для опізнання вбитих водили туди в'язнів із бригад. Мій товариш Петро Живолук впізнав нашого сусіда по нарах литовця Віталія Мартинавічуса, обличчя якого було страшно знівечено розривною кулею.

Згодом в'язнів, яких звільняли з табору, суворо попереджували, під загрозою позбавлення волі, щоб не розголошували про ці криваві події.

Я був звільнений в червні 1955 р., однак залишений на «спецпоселення», без права покидати район Воркути, знову ж під загрозою позбавлення волі…

1956 року я одружився із сестрою свого побратима Михайла Василюки – Катрусею. В Україну повернулися ми аж 1979 р…

Олександра ВЕРЕС (ШТУНДАК)

ПРАЦЮВАЛИ, ЯК НЕВІЛЬНИКИ

У 1941 р., не закінчивши й восьми класів, пішла я вчитися в ательє індпошиву капелюхів у Стрию. Там і працювала до кінця війни.

Добре пам'ятаю червень 1941 р. Містом прокотилася новина, що німці відкрили тюрму, де НКВС катувало людей. Мешканці кинулись туди, щоб розпізнати замучених. Побігла і я, сподіваючись впізнати когось із знайомих.

На подвір'ї тюрми лежало багато понівечених мертвих людей, обличчя їх важко було впізнати. Зупинилась я біля одної вбитої жінки. Струнка, молода, одягнена у вишневу блузочку, на обличчя нависало кучеряве волосся. Мені здалося, що я її знаю, що це моя шкільна учителька. Але я помилилась. До неї підійшов місцевий священик з жінкою. Вони впізнали в цій дівчині свою доньку. Страшно було дивитись на матір, яка припала до доньки, ридала, рвала на собі волосся.

Далі в ямах рядами лежали замордовані інші люди. Скільки їх там було, не знаю. Більше дивитись не могла. Бігла додому, не озираючись. Перед очима постійно миготіло тіло молодої дівчини в вишневій блузочці, ввижались ями із закатованими. Вже вдома не могла віддихатись. Батько сварився, чого я пішла туди. Не чула. В голові – плач людей.

Одного разу, це було вже 1943 р., під час німецької окупації, пішла я з подругою на міський базар. Ательє наше було недалеко, тому ми часто в обід туди навідувались. Там, на базарі, зібралась велика юрба людей. Ми підійшли до натовпу. Дивимось, а на шибениці висять восьмеро чоловіків. Казали, що це були партизани і ті, хто їм помагав...

З приходом совєтів працювала я в сільраді рідного села. Згодом пішла у підпілля, рятуючись від масових репресій.

Мене заарештували у вересні 1947 р., коли я прийшла додому провідати батьків. Спочатку посадили в КПЗ у Стрию. На першому ж слідстві почали бити. Брали за волосся і товкли головою до стіни. Використовували й інші методи, про які не хочеться згадувати. Ті, хто пройшов це, добре знають, як знущалися слідчі над арештантами. Так тривало майже два місяці.

В листопаді 1947 р. була засуджена «трійкою» за «співробітництво з ОУН» на 10 років тюрми і 5 років позбавлення громадянських прав...

Скільки днів везли мене у товарному вагоні, не знаю. Втратила лік дням. Вагони темні, без вікон, посередині «буржуйка», коло стін нари. Завезли в Ухту (Комі АРСР), в табір № 12.

Працювали ми, невільники, на лісоповалі, рили канави в замерзлому ґрунті, влітку працювали на сільськогосподарських роботах, корчували пні і різали ліс. Згодом – цегельний завод. Будували дорогу, ноги по коліна в багні, так в'язли в ньому, що відривались підошви черевиків. На лісоповал ходили пішки за 5–6 км від табору. У ватних штанах, куфайці і валянках, до споду яких прив'язували гуму від коліс автомашини. Працювати було важко. Однак, у 40–50° морозу не роздягнешся. Сніг сягав до пояса. Відгортали його і тоді різали ручною пилою дерева.

Голодували, мерзли. Мокрі штани і куфайка до ранку в бараку не висихали. Доводилось одягати мокре. За невиконану норму зрізали пайку, а то й зовсім нічого не давали. Денна норма – 600 грамів хліба.

Під час робіт у полі навколо в'язнів ставили таблички, виходити за які заборонялося. Іноді конвой задля розваги просив когось з арештантів поставити табличку далі. Хто піддавався на провокацію і витягав табличку, того конвоїр вбивав. Це класифікувалось, як спроба до втечі. Якось при садінні картоплі я сховала кілька картоплин і принесла їх у табір. За це просиділа тиждень у карцері.

Гірше від голоду і холоду було те, що ми змушені були сидіти разом з «блатними». Багато з них взагалі не ходило на роботу, оскільки були в добрих стосунках з наглядачами. «Блатні» змушували політичних в'язнів виконувати їх норму, а адміністрація

дивилась на це крізь пальці. Через них часто нам не додавали до норми пайку, старий одяг не міняли на новий. Начальство табору також крало. Після від'їзду начальника з табору ревізори знайшли велику кількість продуктів і одягу, які він приховував від в'язнів і персоналу.

«Блатні» знущалися над політичними й фізично. Одного разу в наш барак увірвався один з них і на наших очах завдав жінці дев'ять ножових ран, від яких вона померла. Крім того, «блатні» відбирали в нас їжу і посилки. Щоб не бути зненацька захопленими і побитими, ми спали по черзі. Для захисту тримали біля себе залізні прути…

У таборі я довідалася про долю рідних. Нас, кількох дівчат, забрав до себе на роботу завідувач продовольчим складом Зарицький. Він також був в'язнем, походив зі Східної України. Зарицький нам дозволяв варити їсти, трохи нас підгодовував. Він мені і влаштував побачення з односельчанином, котрий також був ув'язнений. Той повідомив, що моїх батьків, братів і сестер вивезли в Омську область, в Усть-Ішимський район. Переселили без права повернення. Батько дорогою помер.

У 1955 р., відбувши в таборах вісім років, я була звільнена. Додому, на Стрийщину, не поверталась, а поїхала до своїх в Омську область. Там познайомилась зі своїм майбутнім чоловіком. Є у нас діти.

Лише 1984 р. вдалося нам повернутися на рідну землю. Більшість моїх родичів з Омської області переїхала в Казахстан, у Караганду. В Омську залишився лише син, котрий там одружився і працює. Так комуністичний режим понівечив долі людей, розкидав їх далеко від рідної землі…

Ярослав ДРАГУН

БАТЬКО – У КОНЦТАБОРІ, СИН – У КОНВОЇ…

Мене заарештували 13 серпня 1947 р. в Стрию. У тюрмі нещадно катували. Засудили за приналежність до ОУН. З 1947 до 1949 рр. перебував у таборі на Ургалі. Ми прокладали залізничне полотно між станціями Ізвєсткова – Комсомольськ. У 1949 р. всіх політв'язнів відправили на пересильний пункт у бухту Ваніно. Там стався драматичний випадок з в'язнем Чуприною зі Східної України, з яким ми були на Ургалі. Одного дня він переніс справжнє потрясіння: серед конвоїрів упізнав свого сина, який зі зброєю стояв на вищці, охороняв його і нас. Можна уявити, що пережив у душі нещасний батько!

У липні 1949 р. нас відправили в Магадан, а звідти ще далі – на Бутугичаг, де я працював на заводі. Коли завод закрили, нас відправили у квітні 1954 р. на рудник імені Бєлова (Теньківський район Магаданської області).Там зустрівся з людиною, яка залишила глибокий слід у моїй душі на все життя. Це був професор Антонович.

Був він розумною, інтелігентною людиною, великим українським патріотом. Не забуду його лекцій, якщо можна так назвати розповіді професора. Після перевірок ми нерідко ходили з ним «по лінійці» (така доріжка з одного кінця табору в інший). Під час цих так званих прогулянок він розповідав нам про столиці європейських та інших країн, про пам'ятки історії, визначні місця. А головне: переповідав нам історію України, і то так захоплено, що не можна було його не слухати. Всі історичні дати називав чітко. Пам'ять у нього була феноменальна.

Професор працював на іншій дільниці в шахті. Одного разу, коли їх бригаду везли з роботи вночі (машина набрала вже великої швидкості), відмовили гальма, водій вискочив з кабіни, а машина на пеньках перекинулася кілька разів. Тоді багато в'язнів загинуло, деякі були покалічені. Залишилися живими тільки двоє, яких викинуло з машини. Вони й розповіли, що професор загинув…

Мирослав КОСТІВ

ПРИСУД ЮНАКОВІ – 25 РОКІВ КАТОРГИ

Коли у західних областях України шаленіли масові репресії, я навчався у школі «фабрично-заводського навчання» (ФЗН) № 6 м. Львова. Заарештували мене 28 жовтня 1947 р. співробітники 9-го відділення міліції м. Львова. Слідчі звинуватили у зв'язках з ОУН-УПА. Через місяць відбувся суд. Вирок стандартний – 25 років таборів. Такий присуд винесли 16-річному хлопчакові.

На початку 1948 р. привезли нас на будівництво залізниці в Комі АРСР, на станцію Єлець, звідти гнали по снігу ще 10 кілометрів. З собою ми принесли намети, розтягнули їх на снігу, а відтак почали робити насип. Я дуже здивувався, що сонце тут не світить, сказав про це вголос. На те хтось зауважив: «Если ты в своей жизни еще увидишь солнце, будешь очень счастлив». Я зрозумів усю безвихідь нашого становища. Намети не опалювалися. Їсти нам давали дволітровий казанок пророслої пшениці і одну гнилу рибину.

Навколо тундра, засипана не менш як метровим шаром снігу. З-під снігу ми викопували мох-ягель і їли його. Хто цього не міг їсти, той до місяця якщо не замерзав, то помирав! Кожного разу, коли вранці робили «підйом», у наметі залишались лежати 7–10 замерзлих. Про повернення на Україну вже й не мріяли і про це ніхто не говорив. Нашою їжею були також гілочки з північної карликової сосни, яку ми видобували з-під снігу… Скільки там загинуло молодих хлопців, які не досягли й 18 років, не пізнали радості любові і життя! Мені і сьогодні ще сняться ці каторжні дні.

З нами був чоловік, якого звали Аптекарем. Він був ув'язнений в Москві «у справі Максима Горького». До нашого товариства входив і «дядя Василь», мордвин, засуджений військовим трибуналом на 10 років. Вони взяли нас, молодих хлопців, під свою опіку. В гурті легше було вижити, один за одним наглядали, боронилися від кримінальних злочинців... Минав четвертий місяць перебування в таборі. Аптекар з дядею Василем про щось довго радились і прийшли до висновку, що наш насип і місце, де стоять палатки, весняні води затоплять. А, крім того, навесні почнуть розкладатися трупи, комарі, гнус-мошка будуть розносити різні захворювання, тоді смерті не минути. Отже, слід при першій можливості, як тільки почнеться віхола, покинути це смертельне місце, перебігти в інший – стаціонарний табір і там пояснити, що начебто під час завіїв заблудилися.

Якось вночі справді зірвалася сильна заметіль, справжній ураган. Три наші палатки зірвало. Про втечу і думати не можна було. Під час бурі в'язнів підхоплювало вітром і несло в обійми пекла й морозу, назустріч смерті. Люди кричали, благаючи про порятунок, але ураганний вітер заглушував їхні крики й ридання, поглинав у безвість усіх необачних.

Аптекар, який лежав біля нас, крикнув, щоб ми не піднімались, а заривались у сніг. Дядько Василь, як тільки зірвало намети, почав чимось вигортати сніг, під нами виникла яма. Я хотів вилізти зі спального мішка, але дядько Василь наказав: «Не вилазь, я сам все зроблю».

Скільки часу минуло, як ми заглибились, не знаю. Лежали обличчям один до одного. Я відчув, що дядько Василь плаче. Спитав його, чому. Він відповів: «Згадав трьох синів, які воювали і загинули. Наймолодший Олексій був подібним до тебе. Хлопцеві й 18 років ще не виповнилося». Я зрозумів його горе і розпуку. Він з першого і до останнього дня, як і мій батько, був на війні, мав кілька поранень. Дядько Василь сказав тоді: «Потрібно тобі, синку, вижити. Мусиш звідси вийти, постарайся обхитрити клятих більшовиків, отримати освіту, тоді ти зрозумієш усю сутність комуністичного злочинного режиму».

Нас уже добряче засипало снігом, ми позасинали. Коли прокинулись, вітер дуже не шумів, лише де-не-де хтось розпачливо кричав, кликав когось. Дядько Василь сказав: «Підіймаймось!». По снігу злегка мела поземка, на небі мерехтіло північне сяйво, полярна зірка освічувала все навкруги. Хтось порпався в снігу. Коли ми підійшли, то той, хто шукав, плачучи сказав: «Ось тут він десь має бути!». Я його впізнав: це був Михайло Хонкевич зі Львова. Ми спитали його, хто під снігом. «Генек», – ледве простогнав Михайло. Я знав Генека, він також був зі Львова. Долучились і ми всі до пошуку, але з-під снігу діставали лише замерзлих…

Почали збиратися в'язні, які вціліли. З'явилися нарядчик з наглядачем. Вони наказали йти до насипу, куди вітром занесло намети. Притягли ми ті «брезентові халабуди», встановили на попередньому місці. На очищеній від снігу галявині ув'язнені почали рвати мох-ягель і їсти, дехто їв гіллячки карликової берізки. Я викопав з-під снігу соснинку і почав жувати колючі гілки…

І ми таки вирішили втікати з цього польового пекла у стаціонарний табір, хоч розуміли, що нас може чекати. Але й тут нас чекала смерть: якщо не від кулі, то від снігів і морозів… Дорога була тяжка. Холод і голод сильно дошкуляли нам. Сніг був спресований, його ми розгрібали з великими зусиллями, щоб дістатися до рослинності. Іноді натрапляли на замерзлих куріпок, в одному місці натрапили на замерзлого песця… Ішла шістнадцята доба нашої втечі. Не раз тоді ми прощалися з життям під час знавіснілих буревіїв. Через якийсь час Аптекар сказав, що до табору вже недалеко. Справді, на горизонті ставало світліше. Далі вирішили йти тільки вночі, бо вдень нас могли помітити і спіймати, а відтак, не повіривши, що ми просто шукаємо стаціонарний табір, засудити нас за спробу втечі з Сибіру.

Якось уночі ми помітили на обрії контури табору, прожектори і сторожові вежі. Було радісно і водночас боязко: чи повірять нам, що не додому ми зібралися втікати, а всього лише… із тюрми в тюрму? Ми підійшли до прохідної і відчули запах їжі. Хтось прокричав: «Чуєте, як хлібом пахне?». Від загибелі ми врятувалися, але чи врятуємось від «нового терміну»?.. На щастя, нам повірили, оскільки на тому місці, яке ми покинули, згодом було знайдено безліч замерзлих трупів…

А до справжньої волі ще був дуже довгий шлях. Багато з нас не дійшло до цієї солодкої мети. Спочив у вічній мерзлоті біля Печори славний дядько Василь. Помер у лазареті товариш Аптекаря – Костя, потонули під час лісосплаву Хоменко Василь із Полтави, Шмигельський з Одещини, росіянин Орлов, латвійська дівчина Марінайте… Під час бунту в Дудінці прошили кулеметною чергою Малиновського з Гуцульщини,

який перебував у зоні зі своїм дядьком, засудженим на 25 років каторжних робіт. Загинув у руднику Пігочов Пашка. Ніж у руках кримінального злочинця обірвав життя Ретьку Івану з Донбасу… Про долю інших побратимів з нашої групи мені невідомо.

Осипа СЕМЕНИХІНА

«МИ МУСИМО ПОВЕРНУТИСЯ В УКРАЇНУ!»

В УПА я виконувала обов'язки зв'язкової, розвідниці. Проводила агітацію, розвідку, передавала записки. На початку 1947 р. була заарештована. Прийшли за мною міліціонери і забрали нібито для з'ясування «деяких сімейних обставин». На допитах мене били, мордували, але, нічого не добившись, змушені були відпустити. Проте стежити за мною продовжували.

17 травня 1947 р. знову заарештували. Все повторилося: допити, тортури, умовляння. Секретар райкому партії пробував умовити мене дати свідчення і виступити з покаянням, обіцяв помилування.

Не добившись нічого на допитах, чекісти пішли на провокацію. Мене посадили на підводу, приставили охорону і повезли. Куди – не знаю. Їхали через ліс. Раптом здійнялася стрілянина. Я заплющила очі і впала на днище підводи. Коли постріли стихли, побачила, що сиджу одна. Раптом підходять два хлопці у військовому одязі, в мазепинках. Назвали свої псевда, бачу, намагаються втягнути мене в розмову. Один показує золоту печатку з тризубом. Але я не повірила їм. Втрьох ми пішли у криївку, де вони знову намагалися зав'язати розмову, просили, щоб я розказала про себе. Я зрозуміла, що це провокація.

Не дізнавшись нічого, псевдопартизани мене знову привезли в тюрму. Кинули у підвал, що нагадував кам'яний мішок, на хліб і воду. Допити вели вночі, по кілька разів викликали в кабінет слідчого. Внаслідок перестукування між камерами я дізналася, що заарештували двох моїх сестер – Софію і Соню. Не приховували цього й на допиті наступного дня. Слідчий так і сказав: «Ми все знаємо про тебе».

Привели сестер. Слідчий нібито вийшов з кабінету, залишивши нас самих. Ми й не помітили, як він сховався в шафу. Сиділи, розмовляли між собою, а він, негідник, все записував. Потім враз вискакує звідти і як закричить: «Вот и попались голубчики! Ну-ну, продолжайте, продолжайте».

Сестер відпустили, а мене дальше мордували, вимагали виказати партизанів. Тортури тривали чотири місяці. 8 серпня відвезли мене в Стрий у тюрму. Вона була переповнена. 6 вересня в Дрогобичі відбувся суд військового трибуналу. Нас було четверо: я, Оля Вуйціцька, Оля Івашко, Уляна Макаруха. Ми вели себе гідно, відкидали всі звинувачення. Вирок – 10–11 років ув'язнення. Прокурор сказав: «Більше вам не бачити Львова і своєї землі».

Після суду місяць просиділа в Дрогобичі, потім перевезли у Львів, у пересильну тюрму. Спали під відкритим небом. Передач не дозволяли. Тут же розподілили нас по таборах. Відтак загнали у вагони і повезли. Привезли у Печору, де знову потрапила на «пересилку». Там бачила митрополита Йосифа Сліпого. Був він дуже худий, одягнений у якусь брудну шинель. Ми підійшли до нього. Він нас поблагословив і сказав: «Не тратьте надії, моліться Господу. Ми мусимо повернутися додому, на Україну».

На пересилці нас переодягнули в табірний одяг, присвоїли кожному номер (в мене був П–369) і повезли далі. Серед ночі приїхали ми в табір Косьо. Загнали нас у бараки. Першу ніч довелося спати на голих нарах. Було дуже холодно, на ранок стіни вкрилися інеєм. У таборі нас було понад 500 осіб. Розподілили на бригади, по 15 в'язнів – у кожній. Будували ми дорогу на Воркуту. Режим суворий. Вранці о четвертій підйом, сніданок: вівсяна каша і марш на роботу. Корчували дерева, вирівнювали дорогу під залізницю – все вручну. І в спеку, і в 40-градусні морози, під снігом і під дощем. Часто вночі приходили вагони з баластом, шпалами, рейками – нас піднімали з постелі і ми спішно змушені були їх розвантажувати. Годували нас препогано – мерзла капуста, каша, хліб – 200 г. От і все. Від такої їжі багато людей хворіло і вмирало.

Пробула в концтаборі Косьо два роки. За цей час зовсім знесиліла, захворіла. Не я одна. Багато нас було таких. Одного разу зібрали всіх «доходяг» і пішки, по груди в снігу, погнали у лазарет за 30 км від табору. Тут стало трохи легше, хоч теж доводилося працювати. Робота, щоправда, була не така тяжка, як у зоні, краще годували. Ми відзначали навіть релігійні свята, з хліба пекли торти. Після встановлення контактів з рідними вдавалося отримувати з дому посилки. Мені було важче, бо чекати допомоги було нізвідки. Батьків моїх вивезли в Сибір, у Кемеровську область. Батько по дорозі замерз у поїзді. Його просто викинули з вагона. Ми й дотепер не знаємо, де його могила.

…Коли трохи оклигали, так би мовити, «відпочили в лазареті», нас знову забрали на лісоповал. Тепер вже в Лім'ю. Їхали туди два дні. Сніг був заввишки 2 метри. Везли на причепах, які тягнули трактори, дорога була встелена з колод. І знову бараки, знову каторжна праця на лісоповалі. У 1952 р. перекинули в Інту. Працювали на викорчуванні лісу під залізницю. Носили землю носилками, возили тачками. Часто доводилося розчищати вулиці від снігу в Інті. Якось під час такої роботи знайшли на смітнику збірку віршів С. Єсеніна. Пізніше зачитували їх багато разів…

Після смерті Сталіна в нашому житті відбулися певні зміни. Краще почали одягати, поліпшилося харчування, дозволили необмежене листування. Почали переглядати справи на звільнення. Проте я, засуджена за статтею 54–1а, змушена була відбувати весь термін ув'язнення. Звільнили в 1956 р. Додому відразу не відпустили, ще цілий рік залишалася в Інті. Працювала в лікарні санітаркою, одержала звістку з дому про повернення мами і сестри із Сибіру. У квітні 1957 р. повернулася додому, рівно через десять років після арешту… 1970 р. КДБ раптом знову нагадав про себе. До мене на квартиру прийшов слідчий. Почав згадувати про моє ув'язнення, врешті запропонував працювати на «органи», тобто стати донощиком. Я, зрозуміло, рішуче і різко відкинула ці домагання.

Марія ДУЖА

«МОЯ» КОЛИМА

Сахалін. Татарська протока. Охотське море... Вперше я зустрілася з цими назвами на уроках географії в українській народній школі імені Маркіяна Шашкевича у Львові. Учитель був добрим оповідачем, і в нашій дитячій уяві легко вимальовувались картини далеких країв. Здавалося, що це так неймовірно далеко. Важко було навіть собі уявити, що зможу колись все це побачити своїми очима. Але сталося так, що доля закинула мене саме в ці далекі краї...

1948 р. мене заарештували, звинуватили у так званій «зраді» Батьківщини, хоч своєї Батьківщини – України – я ніколи на зраджувала. Після довготривалого слідства «Особое совещаніє» засудило мене на 10 років ув'язнення з відбуванням терміну на Колимі.

…Довезли до Охотського моря, до бухти Ваніно. Наприкінці вересня політв'язнів доправили в трюм великого вантажного корабля «Міклухо-Маклай». Кожен влаштовувався як міг: хто на нарах, хто під нарами. Яка різниця? Ось так, вперше в житті, я зустрілася з морем, і саме з Охотським морем, про яке так цікаво розповідав учитель географії.

Подорож тривала п'ять днів. Море було, на диво, спокійним. Але голодним і знесиленим в'язням важко було переносити хитавицю. Не могли нічого їсти. Пам'ятаю, як капітан корабля просив: «Дєвушкі, заставте себя кушать, а то не доєдєтє!». Аж не вірилося, що знайшлась якась добра душа, яка поспівчувала нам. Третього жовтня прибув «Міклухо-Маклай» у Магаданський порт. Ми настільки були виснажені, що не мали сили зійти по трапу на берег. У Магадані вже випав сніг, з моря дув холодний вітер. На другий день нас сортували, як товар кращої та гіршої якості. Я була молодою, здоровою, тому вже п'ятого жовтня потрапила на лісоповал 23/15, тобто 23 кілометри по трасі від Магадана і 15 кілометрів у глиб тайги.

Табір наш був невеликим: один довгий барак, кухня з дерев'яних брусів, дерев'яна «баня» і два довжелезні намети. В кожному наметі було по 100 жінок. Підлоги тут не було, по боках – збудовані з обтесаних кругляків нари. Дали нам «матраци», тобто довгі мішки, які треба було напхати сухим листям або хвоєю. Але де ж було взяти листя, коли навколо лежав сніг? Для обігрівання було встановлено дві металеві бочки з вирізаними віконцями для підкидання дров. «Уніформа», яку нам видали в таборі, складалась з полотняних спідниці та блузки чорного кольору, ватяних штанів, «тілогрійки», бушлата, шапки-вушанки і валянок, підшитих гумою з автомобільних шин. Все це було брудним, поношеним, протертим, а тому не дуже «гріло». Валянки були важкими, часто не того розміру, в них важко було ходити, вони деформували ноги. На тілогрійці ззаду був пришитий шматок білої тканини з особовим номером в'язня. Такий самий номер був пришитий і на спідниці внизу з лівого боку. Мій номер був Д2-530. На перекличці нас викликали за номером, а нам потрібно було сказати своє прізвище, за якою статтею засуджена і на який термін.

Наступного дня начальник табору познайомив нас з нашими обов'язками, з нормами, які ми повинні були виконувати. Зимова норма становила 4,5 кубометра деревини «на одну пилу», тобто на двох в'язнів. У норму входило також відкидання снігу від дерева, щоб можна було розмахнутись пилою. Спилявши дерево, треба було обрубати гілля, розкрижувати його, тобто розпиляти приблизно по два метри і заштабелювати висотою в 1 метр, щоб бригадир міг заміряти. Літня норма була 9 кубометрів, бо не треба було відкидати снігу. Дуже часто пили були тупими, а ми вкрай знесилені та голодні, і тому не могли виконати норми. А це відбивалося на наших харчах – пайку хліба зменшували наполовину.

Годували нас дуже погано. Пайку хліба, яку нам видавали ранком, ми ділили на три частини. Одну частину з'їдали вранці з «баландою», другу – залишали собі на вечерю, а третю частину брали зі собою до лісу. На обід ми в зону не повертались, бо ділянка була далеко від табору. В обідню перерву, коли конвой дозволяв грітися біля вогнища, ми витягали з кишень замерзлий на камінь шматочок хліба і розморожували

його над вогнем. Яким смачним був той хліб! Пригадую собі, як одного разу трактор, що віз продукти для начальства та охоронців до їхньої кухні, розгубив дорогою трохи буряків. А ми, повертаючись з лісоповалу, знайшли їх. Як тішилися цим: повитирали буряки снігом і тут же з’їли їх...

Навесні стало ще гірше. Почав танути сніг. Валянки у нас забрали, а видали черевики – старі, латані-перелатані. Вранці, коли ми йшли на роботу, був ще заморозок. Але поки ми добирались до ділянки, що звичайно була розташована за кілька кілометрів від зони, сонце підіймалося вище і починало пригрівати. Сніг, що сягав нам по пояс, підтоплювався знизу, так що весь день доводилось стояти у воді і пиляти дерева. Поверталися ввечері в табір по коліна мокрі, а з черевиків через дірки били фонтанчики води.

Через погане харчування та непосильну працю я стала повним дистрофіком. Влітку, вкрай виснажену, мене відправили в Магадан. Маючи ще дещо з домашнього одягу, я виміняла його на кухні на хліб і сало з «морзвіра», тобто моржа. Сало це було не особливо смачним, тхнуло рибою, смалець з нього не застигав. Але і цьому була рада. Я тоді зустріла на пересилці свою товаришку з торговельної гімназії у Львові Олену Швець. Обидві були раді з такої зустрічі. Поселились на одних нарах. Завжди мали тему до розмови, завжди розуміли одна одну. Ділилися хлібом і тим «салом» з моржа…

Взимку, після «перекомісовки», мене знову відправили на лісоповал. Нашим завданням було зносити в зону сирий кругляк довжиною 6–7 метрів. Зима, сніги, дороги ніякої. Де-не-де лежать спиляні дерева, які треба було на своїх плечах волокти в табір. Ми ділилися на ланки, в кожній ланці було четверо дівчат. Підмінна ланка йшла за нами. Найбільше могли пройти 100–120 метрів, далі ноги починали трястись. Тоді друга четвірка підставляла свої плечі, звільняючи нас. Потім ми знову підмінювали їх. І так аж до самого табору.

Одного разу до лісу прийшов якийсь прораб з Магадана. Подивився, як ми мучимось, щось собі поміркував і каже: «Дєвушкі, а может бить взять волокушу і лошадь? Ви погрузітє несколько штук на волокушу, а лошадь потянет!» Привезли до лісу цю «волокушу», привели коня. Як намучилися ми, поки поклали на ту «волокушу» кілька важких колод. Поганяємо коня, а він кілька кроків пройшов, оступився зі стежки, яку ми вже собі добре витоптали, та й застряг у снігу. Подивився прораб, що з коня діла не буде, помахав головою і почав нам далі радити: «Дєвушкі, а єслі би вам самім взять ету волокушу і тянуть?»…

Богдан НАДРАГА

СИБІРСЬКЕ ТАНГО

Тієї ночі з 20 на 21 жовтня 1947 р. я, аспірант Львівського медінституту, засидівся вдома за письмовим столом. Мати чергувала у лікарні, батько і сестра вже відпочивали. Із задуми вирвав мене різкий тривалий дзвінок та стукіт до вхідних дверей.

У квартиру ввійшли підполковник, озброєні солдати та кілька молодих людей у цивільному одязі. Автоматники зупинилися біля батьківського ліжка, інші непрохані гості розпочали обшук, що мав, очевидно, формальний характер. Закінчивши ревізію,

веліли нам збирати клунки. Дозволили взяти стільки речей і продуктів, скільки самі зуміємо нести. Поїхали за мамою в лікарню. Пошуки головного лікаря для заміни мами тривали близько години – стільки часу нам було відведено на збирання. Наказали одягнутися батькові, а після цього підполковник заявив, що, згідно з рішенням влади, наша родина виселяється у віддалені області Союзу, а майно конфісковується. Перед образами Ісуса Христа і Богоматері ми голосно помолилися і віддали себе під опіку Пречистої Діви Марії. Нас із пожитками посадили на автомашину і передсвітанковими вулицями рідного Львова повезли у невідому далеку дорогу. Так неждано наступив різкий поворот у долі нашої родини.

...Хто ж ми? Що ми за родина, яка волею «особого совещания» була насильно вирвана з рідного міста, щоб розділити долю сотень, тисяч виселенців-галичан. Ми – типова львівська інтелігентська сім'я. Глава її – Олександр Надрага, уродженець міста Бережан, син дрібного австрійського службовця, з чотирирічного віку (з 1899 р.) проживав з батьками у Львові. Ще гімназистом став сиротою. Незважаючи на нестатки, закінчив юридичний факультет Львівського університету і працював адвокатом. У 1921 р. одружився з Теодозією Туною, донькою священика з Ляшок-Мурованих, що біля Хирова, яка, отримавши ступінь доктора медицини Віденського університету, стала однією з перших жінок лікарів-педіатрів у Галичині. Обидвоє – свідомі українські патріоти, займалися громадською діяльністю.

Батько викладав римське право у Львівському таємному університеті. Згодом став викладачем духовної семінарії за ректорату отця д-ра Йосифа Сліпого. Був членом виділу товариства «Народна лічниця» і вклав свою цеглину у побудову шпиталю ім. А. Шептицького. Мати вела прийом хворих дітей в амбулаторії «Народної лічниці», а з відкриттям лікарні стала одним з її ординаторів. Вона була теж педіатром Порадні матерів Товариства охорони дітей і молоді, шкільним лікарем гімназії для дівчат «Рідної школи» і сестер Василіянок.

Я, закінчивши гімназію 1939 р., вчився у медінституті і після одержання лікарського диплома, з 1945 по 1947 рр. був аспірантом на кафедрі нормальної фізіології. Сестра Оленка покинула Львів як студентка третього курсу класичної філології університету. Після війни батько був доцентом юридичного факультету університету, мати працювала в обласній лікарні.

Ми всі були далекі від політики і вважали своїм громадянським обов'язком сумлінну фахову працю і активну суспільну діяльність. У роки воєнної хуртовини батько категорично відмовлявся від виїзду на Захід, вважаючи, що наше місце у Львові, в Україні, разом з нашим народом на всіх поворотах його історичної долі. Батько гаряче любив рідне місто і намагався прищепити цю любов і своїм дітям, а також широким колам населення. Ця безмежна синівська любов надихала його аматорське перо у створенні ряду нарисів про Львів і львів'ян, які з'явилися у 30–40-х рр. у газеті «Діло» та інших часописах. Ці батьківські дописи, зокрема, фігурували у нашій «справі».

...Через кільканадцять хвилин ми прибули на Клепарівський двірець, де нас помістили у вантажний вагон. Тут було вже кільканадцять осіб, а привозили все нових. Ми постелили ліжники на дерев'яні нари, розмістилися спільно з товаришами по недолі і чекали дальших подій… Подорож тривала 16 діб. Поїзд мчав здебільшого вночі, днями довго простоював на бічних вітках невеликих станцій. Добре запам'яталася перша зупинка у Коростені. Конвоїри дозволили всім вийти. На яскравому білому чи не першому снігу тьма чоловіків і жінок присіла вздовж рейок для залагодження фізіологічних потреб. І лише стан стресу,

безвихідь становища не дозволили збагнути цього жахливого приниження, в яке нас поставили наші «опікуни». На станції я познайомився з колишнім послом Хруцьким, з яким нас тісно звела недоля на багато років.

Нарешті 7 листопада вранці нас привезли в місто Анжеро-Судженськ Кемеровської області, що на транссибірській магістралі між Новосибірськом і Красноярськом. Це один із центрів вуглевидобувної промисловості Кузбасу. Тут спецпоселенців (таке звання було нам присвоєно) почали розселювати по об'єктах майбутньої роботи. Основна маса людей була залишена для роботи на вуглевидобувних шахтах 9–15 і 5–7. Їм відвели для проживання великі дерев'яні бараки, поділені на комірки для кожної сім'ї. Нашу сім'ю з декількома іншими завезли у приміський радгосп «Красная горка», на ферму, що знаходилася за 3–4 км від міста. Першою нашою домівкою стало овочесховище-землянка. Через декілька днів одержали кімнату в хаті, яку ніяк не могли обігріти, тому нестерпно мерзли.

Почали нас «перевиховувати» працею. Мати перебирала з іншими старшими жінками картоплю, сестра стала погоничем бика, який тягнув невеликі сани для перевезення вантажів, я працював у бригаді, яка джиганами розбивала замерзлий перегній на місці колишнього хліва. Стояли, як на галицькі мірки, сильні морози, 30–40°; працювали нелегко, настрій препоганий і було б нестерпно, якщо б нас не підтримував наш неформальний лідер – Олег Хруцький. Він пам'ятав безліч різноманітних анекдотів, майстерно їх розповідав і змушував нас крізь сльози сміятися. Перші дні нашого побуту в Анжеро-Судженську були найважчі, найболючішим був процес адаптації до складних і незвичайних умов існування.

Незабаром нас викликали в комендатуру. Оголосили, що ми виселені «навечно, за содействие бандам ОУН», дали підписатися на звороті документа, який прочитати не дозволили, і ознайомили зі «статусом» спецпоселенця. Не можна було без дозволу переходити в інші райони міста, бувати на залізничному вокзалі, потрібно відмічатися в комендатурі кожних 10 днів, дозволялось працювати за спеціальністю. Ми мали право голосу на виборах, але не були військовозобов'язані. Замість паспортів нам видали тимчасові посвідчення. В перші роки між спецпоселенцями було заарештовано декілька осіб і їх засудили, як говорили між людьми, за таємне навчання дітей, зокрема, історії України. Але справжньої причини арештів ми не знали.

Важка праця у надзвичайно холодну погоду призвела до загострення хронічного папсінуситу, яким я хворів ще у Львові. З високою гарячкою мене поклали у відділення міської лікарні, яким завідував Григор Андрійович Барсегян. Доктор Барсегян, вірменин, працював у Криму і був виселений у Сибір з іншими кримчанами. Висококваліфікований отоларинголог і хірург, він протягом першого року спецпоселення був водовозом, а потім, коли йому запропонували працювати лікарем, спершу відмовлявся. Був обурений бездумним садизмом і глупотою начальства. Я швидко поправився, ходив до рідні, але мудрий колега радив не спішити.

Наприкінці грудня маму, мене і ще двох лікарів, які приїхали з нами, – Йосипа Перуна і Любов Михайлевич – викликали у міськздороввідділ і скерували на роботу за спеціальністю. Йосип Перун почав працювати у тубдиспансері, Любов Михайлевич – у поліклініці терапевтом. Нам дозволили переїхати в місто і ми поселилися у виділеній кімнаті. Мене направили в інфекційне відділення міської лікарні. Однак завідуюча відділенням, навіть не бачивши мене і не поговоривши зі мною, передала: «Нам таких бандитов не надо», – і відправила назад у міськздороввідділ. Завідуючий порадив

звернутися у дитячу консультацію, де вже працювала моя мати. Так я з благословення МВС став педіатром…

Перші роки перебування в Анжеро-Судженську ми працювали з мамою в центральній дитячій консультації. Згодом мене перевели у дитячу консультацію шахти «Фізкультурник». Робочий день починався з прийому, який тривав 3–4 години, а далі – робота на дільниці. В осінньо-зимовий період року мені вдавалося повертатися додому лише близько 8–9 години вечора. Дотепер зберігаю, як реліквії, пожовклі від часу номери газети «Борьба за уголь» (!) з простими, але щирими словами подяки населення за мою скромну працю і посильну допомогу маленьким мешканцям далекого сибірського міста. Прості шахтарські сім'ї бачили в мені не «ворога народу і бандита», а сумлінного лікаря, якого доля закинула з далеких країв у їхню сторону. Населення за національною ознакою було дуже різноманітне. Переважали росіяни, але було багато й українців, німців, татарів, вірменів. Крім автохтонів (росіян і татарів), люди прибували в ці краї ще до революції, освоювали наділи землі і в 20–30-х рр. під час колективізації (репресовані куркулі), в 40-х рр. – німці з Поволжя, після закінчення війни – кримські татари, німці, вірмени, колишні військовополонені і нарешті ми – із Західної України.

Батько, як юрист, не міг знайти роботи за спеціальністю, та й поганий стан здоров'я не давав такої можливості. Завдяки львівським товаришам отримував поштою чимало наукової юридичної літератури, вивчав її, готував підручник римського права українською мовою. Вів широку кореспонденцію, написав спогади про відомого польського літературознавця Юліуша Клайнера. Щоб не втрачати зв'язків з далеким світом, вночі слухав радіоприймач. Сестрі Оленці не дозволили продовжити навчання у Томському університеті, що близько до Анжеро-Судженська. Тому вона закінчила лише гірничий технікум і працювала на шахті 9–15 недовго під землею, а потім на поверхні, на підйомній машині. Вона найкраще пізнала шахтарський люд, його важку, небезпечну працю, нелегкий побут, постійну загрозу нерідко смертельних травм.

Нашим транспортом прибуло в Анжеро-Судженськ близько 2000 осіб. Наша сім'я контактувала із знайомими і не знайомими нам раніше родинами, в основному зі Львова. Це – Володимир Зубрицький з дружиною Оленою і донькою Ольгою, Михайло Скорик з дружиною Соломією і сином Мирославом, Петро Коструба з дружиною Софією, Володимир Мацкевич з дружиною Євгенією, доньками Мирославою і Володимирою, внуком Юрієм, Володимир Панасюк, Сергій Хруцький з дружиною Ольгою і сином Олегом, Андрій Бодник з дружиною, Пелагія Сепіга з доньками Вірою і Асею, Степан Чумак з донькою, Йосип Перун, Ольга Боцюрків з донькою Марусею і ряд інших. Згодом влилися в нашу колонію спецпоселенці з інших областей Сибіру – лікар Микола Тимчишин, Мирослава Петрашек та колишні в'язні, які вийшли на волю: Дмитро Стасів і Платон Лушпинський (теж обидва лікарі), Михайло Петрашек і Ярослав Мазурик (юристи).

Невдовзі у нашому сусідстві поселився Петро Коструба з дружиною. Мама знала його здавна. Обоє працювали разом в гімназії «Рідної школи»: вона – шкільним лікарем, він – учителем польської мови і літератури. Вчительський син з Тернопільщини поєднував педагогічну працю із серйозною науковою діяльністю. За низку цінних праць з лінгвістики професорові Кострубі присвоєно вчений ступінь кандидата філологічних наук без захисту дисертації. Самотужки вивчив англійську, викладав німецьку мову в середній школі №11. Винятково солідною працею, глибокими знаннями, педагогічним

хистом Петро Петрович здобув собі великий авторитет між вчителями і населенням. В сибірських умовах, при відсутності бібліотек, провадив дальшу наукову роботу. Доля не щадила проф. Кострубу. Важко хворів, переніс операцію, а накінець стратив вірну дружину, яку наша громада похоронила в анжерській землі. Після смерті дружини, зовсім одинокий, він ще більше здружився з нами.

Близькою, рідною була для нас родина Зубрицьких. В моїй пам'яті Володимир Зубрицький залишився як дуже проста і знаюча людина. Велич її в кришталевій чесності, безкомпромісності, принциповості, енциклопедичних знаннях, непересічних здібностях, глибокому розумі. А дійсність сорокових років примушувала його бути робітником на лісоскладі, а потім у бухгалтерії шевської артілі. Дружина Олена господарювала, перечитала майже всю літературу місцевої бібліотеки. Донька Ольга, колишня студентка Львівського медінституту, закінчила фельдшерську школу, працювала медсестрою в дитячому відділенні, а в 1956 р. знову вступила на перший курс Томського медінституту, закінчивши студії вже у Львові.

Частими гостями у нашій домівці були Олег Хруцький і Мирослава Мацкевич-Петрашек. Пані Мирослава – магістр права, приїхавши до батьків з Читинської області, які теж були на спецпоселенні, працювала кравчинею у місцевій артілі. Пан Люсьо (так любовно називали О. Хруцького), людина одинока, скромна, великої душі, мрійник, романтик. Великий знавець художньої літератури, музики і одночасно тверезий політик. Він закінчив юридичний факультет, але в органи юстиції потрапив, як «об'єкт». В Сибіру став працівником місцевого шахтарського клубу. Довгими вечорами ми вели безконечні розмови про минуле і про сучасне. Коли ж треба було змінити тему, Олег брав у руки гітару, яка висіла у нас на стіні (він назвав її чомусь «Агнєшка»), і починав співати.

У маленькому городчику мама посіяла матіолу, щоб короткими літніми ночами її п'янкий запах нагадував про Україну. Люсьо склав танго «Матіола», яке закінчувалося словами:

Заквітне матіола в ріднім краю колись,
І згадаєм анжерський дивний долі каприз...

Дуже милими були Михайло Скорик з дружиною Соломією. Деякий час вони проживали на моїй педіатричній дільниці, і я лікував їх сина Мирослава. (Тепер Мирослав Скорик – відомий український композитор, професор, лауреат Національної премії України імені Т. Шевченка). Михайло Михайлович дуже цікаво розповідав про працю в Самборі, учительську семінарію, де був директором, товариство «Бойківщина», етнографічні краєзнавчі дослідження. Його дружина Соломія згадувала про свою тітку Соломію Крушельницьку, батька – Володимира Охримовича та багатьох давніх знайомих. Особливо урочисто ми святкували іменини глави сім'ї. Він складав заздалегідь відповідну програму, виконавцями якої були всі присутні. Відомий етнограф та історик, він був вимушений продавати квитки в міській лазні, а його дружина викладала хімію у медінституті.

Велику радість нам принесли відвідини сестри Наталії Чайковської в 1952 р. Вона разом з чоловіком Миколою Чайковським (відомим математиком, сином письменника Андрія Чайковського) і дітьми Катериною і Юрієм виїхала з Рогатина до Одеси ще у 1929 р. Дядько отримав там посаду професора математики в Інституті народної освіти.

В 1933 р. його заарештували, а дружину з дітьми виселили в Архангельську область. Після звільнення з табору в 1943 р. Микола Чайковський працював у подінститутах у Казахстані, в містах: Семипалатинську і Уральську. З Уральська через Москву тітка Наталка приїхала в Анжеро-Судженськ, щоб після 23-річної розлуки побачитися зі сестрою та рідними. Тернисті шляхи двох віток нашого роду дивним способом на короткий час з'єдналися у холодному Сибіру.

Суворий режим для спецпоселенців змінився в 1953 р. Відмітки проводилися лише один раз у місяць. Поступово почали звільняти людей зі спецпоселення. В першу чергу звільнили вчителів. Наша черга настала аж у 1958 р. Видали паспорти, взяли на облік у військкоматі, дозволили виїхати з Анжеро-Судженська, але без права повернення в область, з якої виселили. Під областю, з якої виселили, практично треба було розуміти всю Західну Україну. В цьому я переконався на власному досвіді…

Не всі із нашої громади дожили до волі. Це, зокрема, Софія Коструба, Володимир Мацкевич, Сергій Хруцький... Вони поховані в сибірській землі. Це болючі, безповоротні втрати. Ми і наші нащадки згадуватимемо їх імена у своїх молитвах.

Ольга СПОДАРИК (ВОВЧУК)

МИ СМІЯЛИСЬ ВОРОГУ В ЛИЦЕ

Нам, дівчатам, які були в УПА, доводилось виконувати різну роботу. Ми прали повстанцям одяг, заготовляли бинти і медикаменти, збирали продукти. Безпосереднього зв'язку із партизанами ми не мали: все робилося потайки. Хлопці самі знаходили нас, якщо їм була потрібна якась допомога. Мене вони знали під псевдом «Заграва».

Одного разу повстанці прийшли в Рудники за продуктами. Тоді ж на село наскочили енкаведисти. Зав'язалася перестрілка. Ворогів було дуже багато, тому хлопці почали відступати до лісу. Але втекти нікому з них не вдалось: більшовики покосили їх з кулемета. Розправившись із повстанцями, енкаведисти взялися за нас, зв'язкових. Я втекла у сусідську хату, але один із енкаведистів мене помітив, вбіг за мною слідом, притулив пістолета мені до чола і почав репетувати: «Ты тоже бандеровка! Расстреляю!»

Однак облавники поспішали кудись і незабаром залишили село.

Не раз доводилося ризикувати життям. Пам'ятаю, 1948 р. я привела партизанів у село Болоню. Інша зв'язкова повела їх далі, а я залишилася в її хаті ночувати. Аж тут облава! Я залізла на піч між хазяйські діти, принишкла. Понишпоривши по господарці, облавники пішли. Зриваюся та й біжу до свого села. Дорога через ліс. Заходжу до лісу, а там засідка.

«Кто такая? Откуда и куда идешь?» – посипались запитання. Я тут же взяла себе в руки і кажу, що носила кутю родичам, бо в нас такий звичай на святий вечір, а тепер от вертаюся додому. Якийсь час солдати йдуть разом зі мною. Дорогою матюкалися, різні паскудства виговорювали. Так я з ними дійшла аж до свого села. Тут наші дороги розійшлися; я побігла додому, а вони пішли далі. Так тричі я уникла лабет облавників. Четвертий раз вони вже не випустили мене зі своїх рук.

Заарештували мене 7 лютого 1948 р. Ніч протримали в пивниці на чиємусь подвір'ї, а зранку фірою повезли до Миколаєва. Отут мені довелось пройти крізь усі

страхіття. Але хоч як мене мордували, я ні до чого не признавалась. Допитували, кого із повстанців я знаю, яку подавала їм допомогу, вимагали назвати імена інших зв'язкових. Я нікого не видала, хоч знала багатьох. Били мене за кожним словом, копали, мучили, як хотіли. Слідчий так вдарив мене кантом руки по шиї, що вона відразу спухла. Потім поставили мене на всю ніч біля розпашілої пічки і не давали пити. Я прошу, молю тої води, хоч краплину, а ніхто не дає. Нарешті один із катів приніс графин із водою, але не встигла я його до уст притулити, як він вдарив по ньому. Графин вилетів з моїх рук і розбився.

Тижнів зо два тривало слідство. Приведуть з темної, вологої камери, де лишень щурі бігають, до кабінету слідчого, а там уже сидить катюга, чекає на тебе. Ой, чи ж то раз він мене так копав, що я на землю падала без пам'яті. Нарешті дали підписати протокол і відправили мене в Дрогобич «на дослідування», бо я ні в чому себе винною не визнала.

Тут почалось усе спочатку: били, знущалися, обзивали негідними словами. А потім посадили в підвал. Була зима, холодно. Сніг на нас через вікно сиплеться – мерзнемо. Зі мною була одна дівчина зі Східниці – Віра Дмитришин. З нею ми просиділи в цій пивниці 7 днів. Я ще хоч блузку мала, а вона лише суконочку тоненьку. Нарешті ми не витримали і оголосили голодовку, після чого нас забрали в загальну камеру. Знову почали на допити викликати, бити, глумитися.

З Дрогобича перевели у Стрий. Справу мою відправили в Москву, і я 8 місяців чекала вироку. На допити уже не викликали. Нас було 15 дівчат. Коло нашої камери була камера смертників. Декотрі дівчата знали азбуку Морзе і перестукувались із тими хлопцями. Раз чуємо брязкіт ключів – відкривають сусідні двері. Один із арештантів підійшов до наших дверей і сказав тихенько, що їх забирають назовсім, а куди, він і сам, напевно, не знав. Мабуть, їх розстріляли.

І ось викликали нас на суд. Зачитали вироки: в основному засуджували на 10 років, але були такі дівчата, що й по 25 отримали. Ми, як почули той присуд, усміхалися, казали суддям «спасибо». Я не знаю, чи то Бог так давав, щоб не перейматися, щоб не переживати, але ми чомусь були впевнені, що не будемо стільки сидіти. Конвоїри злились і шипіли на нас крізь зуби: «Смотри, какие бандеровки! Ты им срок даешь, а они смеются, да еще благодарят».

Після суду забрали до Львова в пересильну тюрму. Був вересень 1949 р., коли нас у «чорному вороні» привезли на вокзал. Там загнали у вагони. У нашому вагоні було понад 50 дівчат і жінок. Дуже хотілося пити, і ми злизували сніг із замерзлих вікон.

Привезли нас у Казахстан – і почалося табірне життя. Працювали спочатку в зоні: сніг відгортали, ходили на склад овочі перебирати. У таборі було 10 бараків, в яких ми розміщалися побригадно. Хоч серед нас були люди різних національностей, проте кожен горнувся до свого: українці до українців, росіяни до росіян і т. д. Були з нами латишки, литовки, полячки, естонки і навіть корейки. Сварок не пам'ятаю – всі жили мирно. Поступово нас почали виганяти на цегельний завод випалювати і вантажити цеглу. На роботу возили машинами з високими бортами та ще три наглядачі завжди стояли над нами. Нічого, крім неба над собою, ми не могли бачити. Конвоїри були різні: одні непогані, ставилися до нас по-людськи, а були й люті, як пси. Деякі бригади пішки ходили на роботу. Якщо їх супроводжували лихі наглядачі, то гнали нещасних жінок снігами, немов худобу. А взимку,

одягнуті у фуфайки, ватяні штани та ще й у валянках величезних, мусили вони бігти 3 км: ні зупинитися, ні заговорити, ні навіть убік глянути не можна. За кожен непослух карали карцером.

На цегельному заводі робота брудна, тяжка та ще й небезпечна. Там я зламала ногу. На нашій зміні завалився підсад з цеглою. Я ледве встигла вбік відскочити, але невдало. Завезли у лікарню, наклали шину. Але ногу добре не склали, то досі травма нагадує мені про ті гіркі часи. Коли виписали з лікарні, працювала у підсобному господарстві, де вирощували огірки й помідори в теплицях.

Отак ми і жили. Нічого, крім роботи, не знали. Правда, деколи дівчата готували вистави. Серед в'язнів були артистки, то вони керували аматорським гуртком. Пам'ятаю, на виставу «Запорожець за Дунаєм» зібралося багато навіть вільнонайманих. Шапки козацькі з хусток робили, а сорочки дівчата самі вишивали. На Різдвяні свята чи на Великдень збиралися всі в бараці, складалися на «святковий» обід чи вечерю, застеляли стіл і святкували! Спочатку за це нас переслідували, але потім побачили, що в цьому звичаї нічого лихого немає і вже не чіпали. Правда, багато в чому це від охорони залежало: були такі конвоїри, що все одно чіплялися, хоч і начальство не перечило.

Взимку і навесні 1953 р. ми працювали на пилорамі. Одного разу конвой наказав зупинити роботу. Нас вивезли з цеху і оголосили про смерть Сталіна. Деякі росіянки плакали, а ми раділи і сподівалися на швидке визволення. Та ще немало нам довелося пережити, поки прийшло те визволення. Не всі його дочекалися… Померла наша подруга Нуся (прізвища не пам'ятаю) з Тернопільщини. Вона хворіла на туберкульоз. Одного разу машина з жінками, які їхали на роботу, зірвалася у прірву: п'ятеро загинуло, решта покалічилась. Одна литовка потрапила у дробилку для каміння…

Звільняти нас почали аж 1956 р. Проте і наостанок з нас не переставали знущатися. Приїхала комісія з Москви, стала вивчати наші справи. Один оперуповноважений КДБ, який постійно викликав до себе, допитував, намагався вивідати, чи нема в нас якоїсь підпільної організації. ГУЛАГ довго не хотів відпускати своїх жертв з холодних обіймів.

Катерина ВІЛІНСЬКА (ХАПКО)

«ДІТИ, ЗА НАМИ ПРИЙШЛИ!..»

Мої родичі – мама Розалія Михайлівна, 1906 р. н., та батько Михайло Гаврилович, 1904 р. н., – виховували своїх дітей чесними, порядними і щирими патріотами свого народу. Я та мої сестри Ольга, Марія, Ярослава почувалися щасливими. Але бурхливі воєнні події та національно-визвольна боротьба українського народу не обминули нашої хати… Якогось дня 1944 р. до нас з'явилися енкаведисти і про щось довго розмовляли з батьком. Незабаром почалися арешти та вивози людей. Однією з жертв став Дмитро Вілінський, батьків брат. Батько тоді уникнув арешту тільки тому, що був попереджений добрими людьми.

Ми змушені були розбігтися поміж людьми. Ночували по чужих хатах, переховувалися, де могли. Через якийсь час на нашу хату налетіли енкаведисти. На щастя, там нікого не було, тож вони забрали все майно, у тому числі й худобу. Але справжнє лихо

було ще попереду. 6 вересня 1945 р. перестало битися серце нашого найдорожчого батька: він загинув у бою з енкаведистами в лісі недалеко від села.

Після смерті батька мама вирішила повернутися до нашої напівзруйнованої оселі. Але мало пощастило нам жити у своїй хаті. В жовтні 1947 р. на світанку облавники обступили садибу. Мама не спала, наче відчувала, що доведеться розпрощатися із рідним селом, родиною та сусідами... Бліда, як стіна, вона промовила: «Діти, за нами прийшли». На подвір'ї почалася метушня, мама бідкалася, бо не було біля неї ще двох доньок Ольги та Марії, які вчилися у Стрийському педучилищі.

Рідня, сусіди, прощаючись з нами, ридали. На вантажній машині вже було повно наших односельчан. Вантажівка рушила до Ходорова, де на нас чекав ешелон, переповнений людьми з навколишніх сіл. З вагона виглядали сестри, яких, як виявилось, конвоїри заздалегідь привезли зі Стрия. Наша дорога стелилася аж у Сибір. Ніхто не знав, яка доля чекає кожного у далекій чужині. Покидаючи рідний край, ми з молитвою звернулись до Божої Матері:

О, Мати Божа,
Мати єдина,
До Тебе лине вся Україна.
Тобі у жертву серця складаєм,
О кращу долю Тебе благаєм.

Цілий місяць їхав ешелон до Омська. По дорозі на станціях до ешелону під'їжджали одна за одною вантажні машини і відвозили бранців до призначеного місця заслання. Багатьох наших односельчан поселили в бараках над рікою Іртиш, інших, у тому числі і нашу сім'ю, – у землянках. В одній землянці проживало п'ять сімей. Вікна ледь-ледь виглядали із землі на світ Божий. Їжу готували за чергою.

Через деякий час я і старша сестра Ольга вирішили втікати на Україну, щоб звідти допомагати мамі і сестрам. Нам вдалося з великими труднощами повернутися на рідну землю. Я продовжила навчання у школі в м. Стрию, а сестра перебувала в родичів.

Але одного разу енкаведисти схопили мене біля тітчиного дому, коли я поверталась зі школи. Мене засудили, хоча я була неповнолітня. Ув'язнення моє почалося із Львівської пересильної тюрми. Пізніше відправили у запорізькі табори, де я тяжко працювала на будівництві. Довелось зазнати лиха у кам'яному кар'єрі – вантажити на вагонетки каміння.

Через три роки у супроводі конвою від однієї пересильної тюрми до іншої мене відправили на заслання в Якутію на рудник Лебединий, де перебували мама, сестри Марія та Ярослава. Там я змушена була підписати попередження, що за повторну втечу буду «нагороджена» двадцятьма роками каторжних робіт. 8 листопада 1958 р. померла наша дорога мама, і якутська земля прийняла її на вічний спочинок. Ми з сестрами залишилися круглими сиротами.

Нам пощастило повернутися в Україну в шістдесятих роках, але ми ще довго відчували пильне кагебістське око. Та муки і поневіряння вічними не можуть бути. Жертви українського народу за свою волю не були марними. Україна стала незалежною державою.

ДИТИНСТВО ЗА КОЛЮЧИМ ДРОТОМ

*Згадує **Богдан Паук** (народився 6 грудня 1935 р. в селі Великі Глібовичі Перемишлянського району. Репресований у травні 1941 р., звільнений у липні 1946 р.):*

«Я, п'ятирічний хлопчик, разом з мамою та своєю однорічною сестричкою Наталею навесні 1941 року були вивезені більшовиками в далекий Сибір. І дотепер запитую себе: хто дав право їм, цим «визволителям», які у 1939 р. принесли в Західну Україну так званий «золотий вересень», без слідства і суду забрати в нас дім, у якому ми народилися, де жили наші батьки та діди наші? Хто дав їм право вивезти нас примусово, під конвоєм, на довгі роки поневірянь у далекі, холодні чужі краї? Хто дав їм право приректи нас на голодне й холодне виживання? І, нарешті, хто дав їм право позбавляти нас дитинства, батьківської ласки й опіки, віри в Господа Бога? Чому карали нас за любов до своєї землі, до України?

Гостре відчуття несправедливості, гіркі спогади дитинства, злочини сталінських сатрапів, що чинились на наших очах, не можна забути ніколи!

...Холодний Новосибірськ. Маму призначили прибиральницею до якогось клубу, а для проживання виділили нам комірчинку, в якій зберігали вугілля. Вона вимила, вичистила її, понаносила якісь дерев'яні скриньки, з яких зробила щось подібне до ліжка, – і це було нашим житлом. У цьому клубі мама прибирала, сторожувала, палила в пічках, щоби ситому завідуючому було тепло сидіти і «командувати культурою». А ми із сестричкою весь час голодували.

Одного разу я вийшов із нашої комірчини надвір й почув духмяний запах хліба, який майже запаморочив мене. Цей запах привів мене до саней, на яких була обладнана будка, в якій перевозили хліб з пекарні до магазину. Сани стояли, їздового поблизу не було, а кінь щось їв із мішка. Вся його морда була у кришках хліба. Я засунув свою дитячу ручку в цей мішок, почав витягувати з нього скоринки хліба і тут же з'їдати їх. А в цей час тихо підкрався до мене їздовий, схопив за горло і почав душити. Я задихався, в очах почорніло. Відтак він підняв мене, з усієї сили кинув на замерзлу землю й почав бити батогом… Не пам'ятаю, як я приплентався до мами, пам'ятаю тільки, як мама клала мені примочки на розсічені батогом рани й розтирала горло...»

*Згадує **Ігор Романюк** (народився 1941 р. в селі Підсадки Пустомитівського району. У шестирічному віці, 19 жовтня 1947 р., його разом з родиною вивезли в Сибір):*

«Привезли нас у Прокоп'євськ і поселили в конюшнях. Наступного дня всіх, хто міг ходити, вигнали на роботи в копальні. Людей, які відмовилися через хворобу або своє каліцтво йти працювати, відразу засудили й етапували в концтабори на вірну погибель. Тут, у Прокоп'євську, ми пробули три жахливі місяці.

У нашій родині серед дітей я був найстаршим, і мене завжди посилали в магазин, у якому я простоював довгими днями в довжелезних чергах за хлібом або сіллю. Найчастіше повертався я «додому», так нічого і не придбавши, бо місцеві мешканці ігнорували черги, нахабно витісняючи з них спецпереселенців. Особливо важко було взимку – великі сніги та морози, часті бурани, а вдягнутися не було в що. На мене надягали, що могли, і я йшов за покупками під насмішливі вигуки місцевих ровесників: «Бандьора идьот!»

Одного разу був сильний буран. Мама вибралася зі мною, щоб придбати хоч

трошки олії. У магазині простояли в черзі понад чотири години, уже дійшли до прилавка, але тут продавець оголосила, що олія закінчується. Черга заворушилася, люди кинулися до прилавка, кожен думав тільки про себе. Мене повалили на землю й мало не затоптали до смерті. Мама з усіх сил намагалася мене врятувати, ридаючи, благала віддати їй дитину, але на це ніхто не звертав уваги...»

*Згадує **Богдан Бариляк** (народився 1941 р. в селі Дроховичі, тепер Жидачівського району. Репресований з родиною 1947 р.):*

«У Ходорові посадили нас у товарні вагони – «телятники». У вагоні по боках були нари, а посередині маленька пічка. Дітей клали на нари, бо там було тепліше. Збоку нар було маленьке заґратоване віконечко. Я заглянув у нього і побачив, що на сусідній колії стоїть такий же поїзд, як наш, завантажений такими ж, як і ми, нещасними невільниками. Поміж поїздами стояла жінка, місцева селянка. Раптом вона підняла руки, і в цю мить із віконечка вагона другого поїзда хтось викинув якийсь білий згорток. Жінка його зловила, але у цю ж хвилину пролунала автоматна черга, жінка впала, а згорток почав червоніти. Я зрозумів, що то була кров дитинки-немовляти, яку хтось хотів таким чином врятувати від сибірської каторги. Але кулі енкаведиста обірвали життя і цій жінці, й немовлятку. Після пострілів охорона заметушилася, у вагонах почалися обшуки, наглядачі кричали і матюкалися, відтак двері вагонів позачиняли і нас повезли».

*Згадує **Роман Долишок** (народився 1944 р. в селі Дуб'є Бродівського району. Репресований 1950 р.):*

«Нас вивезли в Амурську область, Серишевський район, селище Верненське. Батьки мої, як спецпереселенці, мусили важко працювати, а я пішов до школи в перший клас. «Бандерівець!», «Німецький посібник!», «Зрадник!» – такі та інші образи мусив вислухувати кожного дня від місцевих школярів. Ніхто з учителів чи старших людей не став на мій захист...»

*Згадує **Михайло Скалецький** (народився 1947 р. в селі Тяглів, тепер – Жовківського району. Репресований у дворічному віці, 1949 р.):*

«Дорогою на Сибір люди голодували, нам не давали води – діти лизали цвяхи, які були покриті інеєм. Хто вмирав – викидали їхні тіла на станціях у кучугури снігу. Одного разу, як розповідали мені згодом мої батьки, і мене хотіли охоронники викинути з вагона. Був настільки ослабленим, що навіть не виявляв ознак життя, отже, думали, що я вже помер. Але мама, ридаючи, не віддала свою дитинку! А я, коли опритомнів, дуже просив пити... Смерть чигала за мною і в подальші роки перебування в «сибірському раю», який був гірший за пекло…»

*Згадує **Ярослав Жила,** колишній репресований, мешканець Любеня Великого на Львівщині:*

«Родина Ганни Бочківської (Дрібко) із села Розділля Самбірського району після війни знайшла собі притулок у Любені Великому. 1950 року цю родину вивезли спочатку до табору в Бориславі, а через два місяці завантажили в товарні вагони і цілий місяць везли на Сибір. Дорогою через жахливі умови багато людей вмирало, особливо маленькі діти та старші віком дідусі й бабусі.

У двоюрідної сестри Ганни, яку вивозили, дванадцять років не було дітей, а коли її забирали, вона була вагітною. І ось у вагоні-телятнику вона народила дівчинку, яка через декілька днів померла. Молода мама деякий час ховала від охоронців мертву свою кровинку, надіючись, що під час якоїсь зупинки ешелону зможе її по-християнськи поховати. Невідомо як, але кати довідалися, що у вагоні мертве немовлятко, й змусили згорьовану маму віддати тільце. На ходу поїзда ці нелюди викинули мертве немовля у сніг».

«Родину Михайла Кормила із села Сусолів колишнього Рудківського району на Дрогобиччині 24 вересня 1949 р. енкаведисти прийшли вивозити на Сибір. Коли вони зайшли до хати, то в дружини Михайла якраз почалися роди. Кати нетерпляче чекали на появу немовлятка, а може, своїм вторгненням у мирну оселю й прискорили роди. І тоді всю сім'ю разом з немічною жінкою та її новонародженою дитиною повезли аж у Хабаровський край. Важко уявити собі місячну «подорож» в голоді та холоді у вагонах-телятниках усієї цієї родини, на руках батьків якої було семеро неповнолітніх дітей і це немовлятко!»

«А ось ще один приклад «піклування» совєтів про материнство і дитинство спецпереселенців. Коли жінка чи дівчина на спецпоселенні завагітніла, то вона не мала права на декретну відпустку. Така жінка змушена була працювати на примусових роботах аж до появи немовлятка. А це було надзвичайно важко. Після родів – місяць дома і відразу – на роботу. Відпускали тільки на одну годину протягом дня, щоби нагодувати немовля. Але практично цією годиною в селищі Ясная Поляна скористатися було неможливо. Місце праці від селища було віддалене на 5–6 км, а транспортного сполучення не було. Правда, курсували чотири криті автомашини, але це на тисячу шахтарів, які завжди «штурмували» цей транспорт, так що жінкам і дівчатам місця ніколи не діставалося. Чи могла жінка встигнути за одну годину дістатися пішки «додому», нагодувати дитинку і повернутися вчасно на роботу (за запізнення судили!)?»

*Згадує **Євгенія Качмарська,** колишня репресована:*

«Більшовицькі варвари впродовж 1944–1945 років здійснювали масові прилюдні страти повстанців. Пам'ятаю, як нас, діточок-школяриків, цілими класами змушували йти дивитися на такі страти, дивитися на повішених у центрі міста напівроздягнених вояків УПА. Їм на грудях вішали таблички з написами: «Это бандит-бандеровец! Всех их такое ждет!» Ось так навіювали нам, дітям, страх перед совєтською владою... А невдовзі і мене, і багатьох інших дітей, разом з батьками вивезли на заслання…»

*Згадує **Ярослава Козак** (народилася 1940 р. в селі Муроване Пустомитівського району. Репресована 1950 р.):*

«У Львівській пересильній тюрмі нас розвели по камерах. Наша мала номер 10. У камерах – багатоповерхові нари, розміщені таким чином, що створювали відсіки – клітки. Одна клітка – одна родина. Кожного ранку на в'язничному подвір'ї відбувалася «прогулянка» 15–20 хвилин. Одного разу я дуже захотіла побути трошки довше на свіжому повітрі, заховалася за купою чужих речей. Гадала, що зайду в тюремний корпус разом із в'язнями, яких вивели на прогулянку після нас. А в цей час родину, за речами якої я заховалася, почали забирати на етап. І… мене разом з нею! Мені стало дуже страшно, я почала кричати й плакати! Якимось дивом мене повернули у «свою» камеру...»

На «спецпоселенні» нас записали до школи, мене повторно до 3-го класу, сестру – до 5-го, бо через вислання ми пропустили півроку занять. У перші дні в школі я дуже плакала. Вчительці скаржилася, що дуже хочу додому, в Україну. Взагалі, діти українських спецпоселенців часто зазнавали всякої наруги як від вчителів, так і від своїх однокласників з місцевого населення. На перших порах навіть боялися на перервах виходити з класу...»

Записав Юрій Кучабський

Євгенія КАЧМАРСЬКА

СТРАХ НІКОЛИ НЕ ПОКИДАВ МЕНЕ

Закінчивши у 1949 р. середню школу, я поступила у Львівський сільськогосподарський інститут. На канікули після першого курсу поїхала додому до Бурштина, що тепер в Івано-Франківській області. На цей час моєї мами вже не було – померла ще в 1942 році; не було й сестри Ганни – загинула десь у Німеччині на примусових роботах. На господарстві був тато з моїми сестрами. Але «гостювати» вдома мені не довелося довго. Однієї ночі до хати вдерлися енкаведисти. На вулиці вже чекала вантажівка, яка повезла нас разом з іншими родинами у пересильний табір. Тут у жахливих умовах та тісноті тримали нас чотири місяці, домагаючись від усіх письмового підтвердження, що ми переселяємося з рідних місць «добровільно».

Відтак завантажили нас у товарні вагони й повезли на Сибір. Десь через два тижні довезли нас до Красноярська, а далі вантажівками та тракторами з причепними саньми повезли у глибину тайги, неподалік Саянських гір, до одного із «леспромхозов». Поселили у тісних бараках, а через три дні усіх оформили на роботу, вигнавши на заготівлю лісу. Мене з братом Володимиром відправили на каторжні роботи, а молодшу сестру Марію, як неповнолітню, та батька-інваліда залишили «вдома» без щонайменших засобів до існування...

Через рік пригнали до нас мою сестру Стефанію, яка вчилася на четвертому курсі Львівської політехніки. Як взяли її в одній літній сукенці просто з лекції, так і привезли в Сибір. Приїхала вона дуже хворою на якусь легеневу недугу, від смерті врятували її корінні сибіряки. А коли видужала, на деякий час дали їй роботу в конторі, а згодом зі сокирою та багром у руках направили сплавляти ліс рікою Мана, яка впадає в Єнісей. На сплаві ми тяжко мучилися – кожен день до пояса у холодній воді. Після роботи не встигав висушитися одяг, а вже виганяли знову на роботу. І знову шість кілометрів до місця сплаву, й знову весь час у воді...

Після смерті Сталіна спецпоселенці – колишні студенти почали звертатися в різні інстанції у Москві за дозволом продовжувати навчання. Декому це вдавалося, як, наприклад, сестрі Стефанії, яка поступила на другий курс Красноярського лісотехнічного інституту. А мене скерували на бухгалтерські курси, і то з умовою, що після їх закінчення повернуся у той самий «леспромхоз» (про це дала розписку).

Згодом з великими зусиллями вдалося прописатися у Красноярську і влаштуватися на роботу на місцевому комбайновому заводі. Почала вчитися заочно в технікумі радянської торгівлі. Сестра в той час знайшла собі роботу вчителя математики у

вечірній школі. Вдень вчилася в інституті, а ввечері – вчила дітей. Ми почали трохи заробляти, стало матеріально трохи легше жити. Нарешті вдалося забрати з тайги до себе батька, сестру Марію та брата Володимира з дружиною.

Молоді спецпоселенці з України гуртувалися разом, створили навіть самодіяльну хорову групу, якою керував мій брат Володимир. Ми виступали з концертами у себе, а потім нас почали запрошувати також і сусідні «посьолки». Коли наша родина перебралася до Красноярська, то і там ми не покидали української пісні. Познайомилися з режисером І. Євтушенком із Києва, художником Турецьким зі Львова та іншими митцями. Крім концертів, нам вдалося здійснити на 8 березня постановку п’єси І. Карпенка-Карого «Безталанна». Начальству вистава дуже сподобалася, й тому директор Палацу культури дозволив нам ще раз виступити з нею. Ми й виступили 9 березня, але не лише з виставою. Наші хлопці до програми включили вірші Т. Шевченка, а художники намалювали і помістили на сцені великий портрет нашого генія. Завдяки своїм людям цей концерт вдалося транслювати по місцевій радіомережі. А невдовзі за цей виступ ми зазнали переслідувань місцевих можновладців.

Одного разу дівчата-спецпоселенці з Ачинська запросили мене на Зелені свята до себе в гості. Про це довідався наш земляк Василь Каваців. Він вручив мені невеличку бандерольку і попросив передати її там одному хлопцеві, що я й зробила. Це було якраз перед нашим звільненням у 1956 р. Нас звільнили, а Каваціва засудили повторно ще на шість років. Уже пізніше, коли він повернувся в Україну, ми зустрілися у Львові. Він сказав тоді мені: «Я знаю, що ти виконала моє доручення. Але чи знаєш, що було у тому пакунку?» І аж тоді признався, що це були гроші, зібрані серед українців для митрополита Йосифа Сліпого, який перебував у той час в Ачинську у в’язниці…

Катерина МУЦ

ПРОВОКАТОРИ

Це було 18 березня 1950 р., десь близько десятої години вечора. Наша сім’я вже спала. Раптом почувся стукіт у двері: «Відчиняйте, свої!» Мама з острахом відчинила двері. «Катерина є? – пролунало сердите запитання. – Нехай збирається й піде з нами. Потрібно дещо з’ясувати». Мама зайшлася плачем. «Не плачте, тьотю, ми її зараз привеземо». І до мене: «Речей із собою не бери, не потрібно!»

Забрали мене з хати в одній суконці. Було мені тоді 17 років. Вивели мене за садибу, зав’язали очі й повели. Вели всю ніч. Переходили через рівчак, який я не могла перескочити. Я замочилася у воді й уже далі йшла вся мокра. Привели мене аж до Борщовицького лісу. Селяни говорили потай між собою, що в ньому була криївка, в яку водили людей для провокацій. Невже і мене привели в таку криївку? Розв’язали очі. В криївці була ще одна маленька кімнатка-схованка, в якій проводили слідство. Там стояв маленький столик, збитий з дощок, і вузенька лавочка. Мені наказали перелізти у цю маленьку кімнатку. Саме перелізти, бо увійти в неї через маленький отвір було неможливо. Зігнувшись вдвоє, я перелізла. Там сидів чоловік високого росту, дуже неприємний з вигляду. На ньому була звичайна шапка, яку носили наші люди, а на ній написані букви «СБ».

Почався допит. Цей чоловік почав мене залякувати. Він сказав, що коли я щось не так скажу, мене піддадуть страшним тортурам, а потім повісять. Я спочатку мовчала. А потім відповідала на запитання одним словом. Проте він писав дуже багато. Тримали мене там два дні й дві ночі. Між собою ці люди розмовляли українською літературною мовою. Кликали себе: друг «Явір» та друг «Остап».

21 березня ввечері мені знову зав'язали очі й вивели з криївки. Сказали, що поведуть мене на очну ставку до бандерівців. Вели довго. По співу півнів я зорієнтувалася, що була десь четверта година ранку. Привели мене до якоїсь хати. В хаті була гарна, високого зросту жінка і високий чоловік, рудий, як пес. Жінка і чоловік мені на очі не дуже показувалися. Пильнував мене один із тих, котрі привели. Вікна в хаті були з дерев'яними віконницями, які трохи були відхилені. Я глянула і відразу зрозуміла, що опинилася у Старому Яричеві, десь біля лікарні. Я це впізнала по даху лікарні, бо він був пофарбований у зелений колір. Таким він і залишився до сьогодні. У мене майнула думка, що це від мого села приблизно кілометрів п'ятнадцять.

Увечері мені знову зав'язали очі й повели. Але вели вже недовго. Зчинилася раптова стрілянина. Помінялися біля мене вартові. Створили такі обставини, що нібито мене піймали радянські «ястребки», схопили «бандерівку», яка, буцімто, вела бандитів до криївки. Я зняла ганчірку, якою були зав'язані очі й побачила тих, які мене супроводжували. Вони лежали, ніби мертві. Мене таким способом хотіли переконати, що совєтські солдати їх повбивали. Один назвав мене бандиткою. Я відповіла: «Бандити забрали і бандити зловили». Він тоді вдарив мене автоматом по голові. Кров пішла мені носом і ротом. Витертися я не мала чим. І таку закривавлену заволокли мене до Яричева. Привели в міліцію і кинули в якійсь кімнаті на підлогу, а самі пішли. Стеріг мене черговий, молодий хлопець. Я попросила в нього дозволу помитися. Після вмивання я лягла на підлозі й знеможена швидко заснула. У другій половині дня приїхала за мною машина. Мене відвезли до в'язниці у Львові. Там почалися страшні дні і ночі. Вдень спати заборонялося, а вночі виводили на слідство. 28 червня трибунал МВД у Львівській області засудив мене на 25 років виправно-трудових таборів з позбавленням прав на 5 років. Засудили за те, що псевдобандерівцям не вдалося мене обманути й поставити на коліна…

* * *

<u>*Від редакції.*</u> Описаний тут випадок підлої провокації НКВС-МВС не був поодиноким. У цьому томі вміщено ще кілька спогадів людей, які зазнали подібних дій каральних органів. Зрештою, це наочно підтверджує звернення, яким УПА попереджувало населення про підступні дії радянського режиму:

«ПЕРЕСТОРОГА!

Громадяни! В боротьбі проти українського народу большевицькі бандити стосують не тільки дикий терор, але вдаються до найпідліших засобів підступу, до найганебніших провокацій. Вам уже відомий не один такий підступ, але НКВС вишукує щораз нові. Тому бережіться!

Зараз НКВС застосовує такий підступ. Одна група енкаведистів заарештовує підозрілого їм громадянина і везе до району. Друга група енкаведистів, перебраних на повстанців, по дорозі «відбиває» арештованого. Арештований, думаючи, що він направду попав до повстанців, дякує їм і розказує про все, що він робив для підпілля і кого знав з підпільників. Коли ж арештований нічого не говорить, тоді перебрані за повстанців енкаведисти закидають арештованому, що він сексот, б'ють його і грозять розстрілом. Арештований, щоб

виправдати себе, що він не сексот, розказує, як він допомагає підпільникам, хто до нього заходить і все інше, що знає. Коли арештований вже все скаже, тоді перебрані енкаведисти розкривають себе і везуть вже арештованого до району. Буває також так, що після того, як арештований вже про все розкаже, тоді на перебраних енкаведистів «нападає» інша група енкаведистів. Стається стрілянина, перебрані енкаведисти втікають, а арештований знов попадає до цих, що його арештували. Таким чином, арештований сам себе сипить, сам дає НКВС готові зізнання на себе.

Ми перестерігаємо Вас перед такими «звільнюваннями». Пам'ятайте, що це підступ! Ніколи не розказуйте про підпілля перед людьми, яких добре не знаєте! Перед незнаними не признавайтеся про Ваші зв'язки з підпіллям, що б Вам не робили! Пам'ятайте, що справжні повстанці ніколи не питають, кого Ви знаєте в підпіллю і хто до Вас заходить!

СМЕРТЬ БОЛЬШЕВИЦЬКИМ БАНДИТАМ!

1949 рік. Українські повстанці».

Ганна ПАВЛІНСЬКА

ЦЬОГО ЗАБУТИ НЕ МОЖНА

Зимова ніч. Раптом стук у двері. Питаю: «Хто?» Це був дільничний міліціонер, який, увійшовши в хату, почав оглядати кімнати. Тоді я збагнула, що нас прийшли вивозити на Сибір. Я почала плакати. Діти пробудилися й собі плачуть. Навколо будинку стояли військові, а в дверях їх було двоє. Навіть кроку зайвого не дали зробити, скрізь ходили за нами. В хаті почався обшук, який нічого енкаведистам не дав, бо нічогісінько недозволеного не знайшли.

Енкаведисти думали, що проведуть свою операцію тихенько, без зайвого шуму. Але так не вийшло, бо швидко позбігалися сусіди та люди із села. Сусіди просили мене передати їм дитину, щоб залишилася в селі у родини. Я цього зробити не змогла. Посадили нас на вантажну автомашину і повезли в Нові Стрілища. Хотіла взяти для дочки колиску, але мені заборонили. Поки машина з нами рушила, то люди встигли передати зібрані ними гроші та пару зарізаних курей.

Так 24 грудня 1951 року о 4 годині ранку із села Грусятичі, теперішнього Жидачівського району на Львівщині, була вивезена родина Павлінських. Забрали: маму мого чоловіка – Катерину Християнівну Будник, 1882 р. н.; мого чоловіка – Юліяна Йосифовича Павлінського, 1907 р. н.; мене – Ганну Василівну Павлінську, 1921 р. н.; сина Йосифа, 1945 р. н., та дочку Катерину, 1950 р. н. Родина наша була національно свідомою, інтелігентною. Батько чоловіка був у селі вчителем, мав закінчений Віденський університет. Мав дуже велику, як на той час, бібліотеку. Одного разу совєти змусили мене винести із хати усі книжки й журнали, облили їх бензином і спалили.

Молодший брат мого чоловіка Степан був студентом Львівського медичного інституту. Був членом молодіжної ОУН. Молодь села часто збиралася у нас вдома, але про що вони вели розмови, ми так і не знали, як і не знали про те, куди на декілька днів зникав з дому Степан. Це була таємниця підпільників.

У Нових Стрілищах нас по черзі брали на допити. Чоловікові запропонували співпрацю, але він відмовився. На відмову йому сказали: «Сам виноват. Поедешь!»

Маму на допитах теж били, бо одного разу, коли вийшла від них, то хустина в неї була на плечах, лице червоне й вираз очей – переляканий. Її запитували, де син Степан, запевняли, якщо скаже про це, то її відпустять.

Нас і ще одну сім'ю посадили на вантажівку і повезли до Борислава. Там на пересильному пункті ми пробули до квітня 1952 р. Коли нас привезли туди, то на подвір'ї скинули нашу постіль «для санітарної обробки», курей викинули собакам-вівчаркам, а гроші намагався забрати собі якийсь офіцер, але я так кричала, що він повернув їх. У Бориславі перебувало багато, таких, як і ми, родин. Помістили на другий поверх якогось тюремного будинку. В ньому вікна, які виходили на вулицю, були забілені вапном. Кожного дня вранці і ввечері енкаведисти ставили нас в ряд і робили перекличку. Спали ми усі на нарах у великій тісноті. Годували, як свиней, ставилися до нас, як до худоби, а може й гірше. Якщо хтось спізнився на перекличку, то відправляли в карцер. Часто з великої туги ми співали своїх пісень, від чого начальство сатаніло. Енкаведисти постійно знущалися над нами. Був випадок, коли я повісила дитячу перину сушитися, то скинули її в болото, ще й насміхалися з мене.

У Великодню суботу нас завантажили в автомашини і повезли на вокзал. Всі ми співали «Христос воскрес...», а охоронці лютували і кричали: «Прекратить безобразие!» Їхали ми в Сибір у товарняку, і ніхто не знав, куди нас везуть, тільки вночі було чути, як причіплюють до нашого ешелону все нові й нові вагони з невільниками. У вагонах бракувало свіжого повітря. Знесилені люди почали вимагати зупинити поїзд, відчинити у вагонах двері, щоб провітрити їх, а також надати хворим необхідну медичну допомогу. Часом поїзд зупиняли. Коли у вагонах відчиняли двері, то від свіжого повітр'я люди непритомніли й падали у сніг. Мертвих охоронці викидали з вагонів на узбіччя залізничного полотна. Коли я подивилася на ешелон, то побачила, що вагонів було так багато, аж не видно було ні початку його, ані кінця. Скільки нещасних везли в неволю!

У Свердловську на вокзалі до мене підійшли якісь гарно вдягнені мужчини і чемно попросили віддати або продати їм сина: «Вы все погибнете, а так хоть ребенка спасем!» Сина я їм не віддала. Нашу родину привезли в Тюменську область, Абатский район, Конєвську сільраду, село Поротнікове. Кожного місяця комендатура проводила перевірку спецпереселенців. Нас скеровували на різні важкі роботи. Ми голодували й мерзли. Тужили й сподівалися…

При першій же можливості подавали документи на звільнення із спецпоселення і повернення на Україну. Туга за рідною землею, мовою й піснею була дуже великою. Аж у грудні 1957 р. ми повернулися на Батьківщину, правда, без права проживання на Львівщині. А маму поховали в Сибіру. Все, що ми пережили на засланні, не забудемо ніколи!

Іван-Василь БУНДА

ІЗ СТУДЕНТСЬКОЇ ЛАВИ – У ВОРКУТУ

Заарештували мене енкаведисти 18 квітня 1951 р. Тоді я навчався на другому курсі Львівського сільськогосподарського інституту. Після майже чотиримісячних катувань 12 липня 1951 р. був засуджений «трійкою» за статтями 54–1а, 54–11 Кримінального кодексу УРСР до 25 років виправно-трудових таборів і 5 років позбавлення прав з конфіскацією майна. Звинувачували мене у збереженні забороненої націоналістичної

літератури, її розповсюдженні, в членстві у молодіжній організації «Сонце». До таких самих термінів ув'язнення були засуджені ще шестеро осіб.

В ув'язненні я перебував на будівництві концтаборів і вугільних шахт в «Камышлаге» Кемеровської області. Мені присвоїли табірний номер Г-629.

З початку 1953 р. ешелонним етапом я був направлений на Крайню Північ, у Воркуту, куди і прибули ми 5 березня 1953 р., якраз у день смерті Сталіна. Це був найщасливіший і найвеселіший для в'язнів день. «Карантинний термін» відбував на шахтах № 40 і № 8 (рудник), а відтак «за непокору» табірній владі з групою 100 осіб був направлений у новостворений табір (п/я 175/14), який забезпечував будівництво ТЕЦ-2. Тут присвоїли мені новий номер: ІЯ-ІІ.

На будівництві працював землекопом, зварником, монтажником-верхолазом, а в кінці ув'язнення (з пуском в експлуатацію ТЕЦ-2) слюсарем-турбіністом.

Звільнений з ув'язнення 16 червня 1956 р. На ТЕЦ-2 залишився працювати слюсарем-турбіністом як вільнонайманий ще на рік.

1957 р. прибув у рідні Глиняни, де з великими труднощами прописався і дістав роботу в місцевій МТС.

Антон ГЕРАСИМІВ

ВІД ГОЛОДУ ТЕМНІЛО В ОЧАХ

У січні 1950 р. я працював шофером в конторі філіалу № 2 тресту «Укргаз» у селі Опори Миколаївського (тепер Дрогобицького) району. Викликає мене якось оперуповноважений Меденицького відділу МДБ Столяров. Почав випитувати про моїх знайомих, про те, куди я їжджу. Я почав розказувати все, як є, але, мабуть, не те, що б йому хотілось почути. Він раптом вхопив мене за волосся і вдарив головою об стіл. «Будешь говорить?» – закричав.

Я вирвався, залишивши в його руці жмут волосся. «Мені нема до чого признаватись», – кажу. Він побачив, що таким методом зі мною нічого не вдіє, і почав по-інакшому. Мовляв, МДБ мене більше не буде чіпати, якщо я дам згоду працювати на них. Я відповів, що не можу цього зробити. Він мене відпустив, але забрав паспорт і шоферські «права». До самої весни я їздив без документів. Возив тоді головного механіка, який до мене добре ставився, і, коли при техогляді машини у мене не виявилось документів, він сам поїхав до Столярова. Про щось дві години з ним розмовляв, вийшов дуже знервований і так мені сказав: «На, держи, Антоша, свои бумаги, но во второй раз я тебя уже не выручу».

Через місяць передають мені, що дзвонив Столяров і наказував з'явитись до нього. Я пішов у Меденицький відділ МДБ, де мене відразу заарештували.

Мама з татом і мій молодший брат на той час уже були в Сибіру. Їх вивезли через брата, який був в УПА.

Тиждень тримали мене в КПЗ, потім переправили в Дрогобицьку режимну тюрму, а звідти – уже до Львова, у пересильну тюрму. Почались етапи: спочатку до Києва, потім – Москва, Куйбишев, Челябінськ.

Дорогою до Челябінська я захворів на малярію, місяць лежав у лікарні – зовсім охляв. Везли нас у «столипінських» вагонах (це такі, як пасажирські, тільки з ґратами

на вікнах). Потім – Новосибірськ, Іркутськ, Хабаровськ. У дорозі конвоїри мені вкрали «пайок», я три дні їхав голодний, на одній воді.

У Хабаровську кинули нас у пересильну тюрму. Їсти не давали, поки на облік не поставили. Я такий голодний був, що аж в очах темніло. На другий день почали пайок давати, але тут викликають мене в комендатуру. Знову я залишився голодний. На щастя, в комендатурі дівчину зустрів, родом з П'ятничан – Петрів Мирославу. Ми розговорились, і я довідався, що її брат працює разом з моїм батьком на сибірській каторзі. Вона принесла мені кусень хліба і два помідорчики. Я все те скоренько проковтнув, і соромно було признатися, що не наївся…

Увечері мене посадили на поїзд і повезли в Переяславку – районне містечко. Іду під конвоєм по тім «посьолку», як якась жінка огірочки продає. Я в житті ніколи нічого не просив, а тут не втримався. Жінка та, як вчула, що я голодний, не відмовила – дала мені кілька тих огірків. А я до того чотири дні майже нічого не їв, знесилів, з ніг падаю чисто. Конвоїр (якась добра душа) як побачив, що я вже йти не можу, купив мені хліба, але з'їсти на раз не дав: відріже маленький шматок і дасть мені, потім хвилин через десять знову дає маленький кусочок. Отак я ішов за ним, як той пес, а він мене підгодовував.

На попутній машині ми добрались до селища Сіта. Ввечері чую – хлопці наші співають, і веселіше на душі стало! Підійшов ближче, зав'язалася розмова. Серед них був один – Максимів Микола, який жив у тому ж селищі, де мої батьки, знав мого брата. Охоронець довірив мене тим хлопцям, вони їхали туди, куди й ми, і сказав, щоб відвезли мене до батьків, а зранку я мав з'явитися в комендатуру.

З тими хлопцями доїхав я до станції Дурмін, а звідти в селище, що називалося «68-й кілометр». Заходжу в барак, де мої батьки жили. Невеличка кімнатка, а в ній аж п'ять сімей. Тому по черзі вставали посеред ночі й готували їжу. Холодно було. Спали на нарах, тулилися одне до одного, аби тепліше було.

Довго не обживався я – вже на третій день вийшов на роботу. Поставили мене на вантаження вагонних стояків. Старші вантажники по два стояки на раз беруть, а я, молодий, здоровий хлопець, і одного нести не можу, так вимучила мене та дорога. Через три тижні, коли я трохи зміцнів, то вже міг носити й по два стояки, але враз погнали нас вантажити шпали... А та шпала з модрини, майже 120 кг важить. Справжня каторга. Все тіло боліло, а хребет – ну, ніби хтось кіл вбив. Після роботи додому їхати – треба на сходи поїзда підніматися, а я ноги не можу підняти. Але бригада працює, то й я мушу. Людина до всього звикає – втягнувся і я в роботу. Взимку одержали кран, я став кранівником. То вже мені легше стало.

У нашому селищі було до 40 родин із Західної України. Місцеве населення спочатку підозріло до нас ставилося, бо їм наговорили, що ми і такі, і сякі, небезпечні «бандери», людей вбивали. Але люди розібрались, що до чого, і з часом вже нас розуміли. Помагали. І хоч небагато жили, все ж зі своїх земельних ділянок нам хоч по грядочці, а все ж виділяли, бо розуміли, що значить голод.

Комендантом у нас спочатку був Макеєв – непоганий мужик: по-доброму до нас ставився. А заступником у нього був Топоров, який давно мітив на це місце. Одного разу Макеєв отримав гроші на «сексотів», та використовувати їх за призначенням не став. Натомість за ті гроші купив корову. Топоров на нього доніс, і Макеєва зняли з роботи. Відтепер комендантом став Топоров. Паскудна це була людина. Саме він і доконав мого брата. Як став комендантом, так і сказав йому: «Ты у меня подохнешь!» І добився свого.

Пам'ятаю такий випадок. Жив з нами один хлопець – Федуляк Степан. Дуже бідував він з матір'ю і молодшим братом. Батько їхній десь у Воркуті на шахтах тюремних кару відбував, а вони тут з голоду вмирали. Так от, у страшному відчаї дав він Топорову підписку, що буде працювати на органи. Той відразу перевів його на ремонт доріг (тоді ремонтники доріг добре заробляли), а через деякий час почав вимагати доносів. Степан морочив йому голову ціле літо, просив, аби ще почекав, бо «поки-що нічого не вдалось вивідати». А під осінь, коли зложив певну суму грошей, сказав Топорову, що не буде цією брудною справою займатися. Потім у розмові зі мною виправдовувався: «Я мусив так зробити, бо інакше ми б усі з голоду загинули. Але совість моя чиста: я нікого не видав»…

У Сибіру я познайомився із майбутньою своєю дружиною. Її ще неповнолітньою вивезли разом із батьками у Хабаровський край. Працювала вона на пилорамі, де розпилювали величезні стовбури дерев. В їхній бригаді було багато узбеків, які були вислані за якимось указом. Їх так і називали «указниками». Вони працювати не хотіли, бо отримували з дому посилки, і часто спали в робочий час між кущами. А наші дівчата мусили за них працювати. Гроші ж видавали на бригаду і розподіляли на всіх порівну. Отже, моїй Ользі виходило в місяць по 15 крб. Цих грошей навіть на чай не вистачало. А на роботу треба було ходити пішки – 12 км в один кінець.

У той час агітацію між нами проводили: щоб підписати папір, що ми всі проти війни і стоїмо тільки за мир. Як прийшли з тим папером до батьків моєї дружини, то її старенька мама закричала: «Не підпишу! Хай бомби впадуть на ту державу, що примушує мою доньку так тяжко працювати!» І не підписала.

Як Сталін помер, то нам дали три дні вихідних. Росіяни плакали за «батьком всіх народів», а наші люди раділи, що нарешті сконав наш кат.

Незабаром люди додому почали повертатись. Звільнили і нашу родину. Спочатку з батьками дружини жили, а потім свою хату поставили.

Іван ГУБКА

МИ НЕ КОРИЛИСЬ І ПОВСТАВАЛИ

Як відомо, до кінця 1947 р. у Радянському Союзі не було окремих таборів для політичних в'язнів, оскільки кримінальні злочинці і правоохоронні органи не вельми відрізнялися один від одного. Зрозуміло, що в таборах найжорстокіше поводилися з політв'язнями, адже на них лягав тягар подвійних знущань – з боку адміністрації і прислужників. І лише після організації спецтаборів політв'язні розпочали організований опір режимові. Так звані «государственные лагеря» було створено у Воркуті – «Речлаг», на Колимі – «Берлаг», у Тайшеті – «Озерлаг», Мордовії – «Дубравлаг», Казахстані – «Песчлаг», «Степлаг» та ін.

Політв'язні ГУЛАГу почали усвідомлювати, що лише самозахист збереже їх від остаточного знищення. Одним із перших таких таборів став Кенгір. 1949 р. туди привезли великий етап зі Львова, в основному молодь. І вже з перших днів прибулі не дозволили з себе знущатися. Адміністрація відреагувала негайно – кенгірська тюрма та БУР прийняли нових «мешканців». Але джина вже було випущено з пляшки. Хочеться згадати добрим словом відважну молодь, як-от: Горошка Євгена, Пижа

Івана, Горячого Степана, Курчика Миколу, Саранчука, Музичука та багатьох інших. Частину з них вивезли до «Долини смерті», про яку згадує О. Солженіцин у книзі «Архіпелаг ГУЛАГ». У третьому номері журналу «Звезда» за 1991 р. Дмитро Панін пише: «Экибастуз, 1951 год. Свыше пяти тысяч заключенных было сосредоточено в лагере. Начальство надумало разделить лагпункт пополам, выделив всех украинцев-бандеровцев. Так предполагали ослабить общий фронт и выделить руководителей». Того ж року в управлінні Долінка (с. Дубовка) біля Караганди організовано концтабір, куди звозили з інших місць ув'язнення винятково українців.

Ще кілька прикладів. Інта, Заполяр'я. Був грудень 1949 р., наближалося «всенародне торжество» – 70-ліття Сталіна. В ті дні у відділеннях спеціального табору політичного режиму «Мінлаг» лунали поміж в'язнів наївні голоси, які покладали надії на амністію з нагоди ювілею «батька народів». Марноту рожевих мрій добре усвідомлювали українці, особливо «західняки», а також прибалтійці.

Ще на початку вересня 1949 р. у таборі № 1 політв'язні створили конспіративний «мозковий центр» повстання. Було розроблено мобілізаційний план з усіма оперативно-тактичними варіантами для зв'язків з іншими таборами Інти. У таборі № 1 на той час перебувало 4560 в'язнів, з них 60 відсотків – українці з усіх областей України. З їх числа було сформовано три курені по 450 осіб, а також рота смертників-добровольців з 30-ти в'язнів, яку очолив Михайло Загоровський із Запоріжжя.

Не буду описувати деталі підготовки, але керівництво ретельно проаналізувало уроки повстання 1948 р. на «стройке № 501» вздовж залізниці Воркута–Лабитнанги. Було створено докладні схеми та характеристики кожного об'єкта Інти. «Координаційний комітет», план повстання і вся організація одержали назву «Північне сяйво». Крім українських куренів, було сформовано російські, литовські, латиські та білоруські роти.

Підготовку повстання було перервано 3 лютого 1950 р. за «допомогою» провокатора, якого заздалегідь заслали з Москви. Почалося слідство. На щастя, провокатор не зумів довідатися, де знаходиться головний сховок та архів документів «координаційного комітету», зокрема й української його частини.

Слідство очолив начальник УМДБ полковник Желтяков – садист беріївського вишколу, а «наглядав» за справою прокурор «Мінлагу» Шапіс. 15 жовтня 1950 р. в Інті у клубі військ МВС відбувся закритий процес над 31 в'язнем. Він тривав десять днів. 26 жовтня 1950 р. оголошено вирок: 11 осіб засуджено до розстрілу, 15 – до 20 років таборів особливого режиму. Ось імена розстріляних: Братусь Петро Володимирович – українець з-під Борислава; Бритів Анатолій Павлович – українець з Лебедина; Добровольський Михайло Олексійович – українець із Бжевська; Загоровський Михайло – українець із Запоріжжя; Кашуба Адам Андрійович – українець з Житомирщини, Лихинин Олександр – українець зі Львова; Павлов Георгій Тимофійович – росіянин із Ставрополя; Писанко-Лисанко Костянтин Федорович – українець із Закарпаття; білорус Романчук Юліан Володимирович; Романов Петро – росіянин із Ленінграда, Рутковський Валерій Павлович – білорус із Бобруйська.

27 червня 1951 р. Військова колегія Верховного Суду СРСР переглянула цю справу і не знайшла у діях в'язнів складу злочину, оскільки їх було поставлено в умови, що вимагали самооборони від глуму та сваволі. Усіх було реабілітовано, у тому числі і розстріляних.

Норильськ, 1953 р. Норильський ГОРЛАГ («государственный особо режимный лагерь») жив по-своєму. «Губернатором» півострова Таймир був генерал Семенов, який змінив на цьому посту такого самого сатрапа Панікова. Всі роботи економічного комп-

лексу Норильська виконували в'язні. Вони видобували вугілля, руди, будували місто, обслуговували ТЕЦ, працювали на будівництві гіганта кольорової металургії – комбінату ім. Завенягіна. З тих країв політв'язнів не випускали на Велику Землю, а залишали на вічне поселення. У 1952 р. до Норильська привезли з Караганди великий етап і розпорошили його по всіх таборах. Це було зроблено для того, щоб у норильських таборах зліквідувати дух опору, який зродився і зріс у концтаборах «Карлагу». Однак ці заходи мали зворотний результат: в'язні усвідомили, що треба боротися за своє існування.

Після смерті «батька народів» якщо не повіяло свободою, то сподівання на звільнення з'явились. Та й адміністрація якоюсь мірою втратила запал, і це використовували в'язні. Причиною бунту стала автоматна черга, що нею вбито молодого в'язня з Волині Ковальчука. Відтак зупинився Норильськ або, як казали, Норильськ-40. Тобто 40 тисяч в'язнів відмовилися працювати. Це – політичні концтабори, зони каторжан: жіноча, №№ 4 і 5, «Мєдвєдка», «Каеркан» та інші. Було висунуто вимоги: переглянути всі справи, звільнити малолітніх, дозволити побачення з рідними, дозволити писати більше двох листів на рік, скоротити робочий день, зняти номери, не зачиняти на ніч бараки.

Зону негайно оточили війська і почалися... обіцянки. У багатьох місцях військові прорізали виходи у дротяній загорожі і через репродуктори запропонували в'язням виходити: «Выходите, не слушайте кучки бандеровцев. Это люди без роду и племени» і т. ін. Однак їм ніхто не вірив. На 14-у добу страйку приїхала московська комісія, до якої входили начальник конвойних військ СРСР генерал Сєров та інші високопоставлені чиновники. В результаті переговорів було задоволено деякі вимоги.

Проте вже через місяць після від'їзду комісії найактивніших в'язнів почали запроторювати до ізолятора чи вивозити у невідомому напрямку. Тоді перед адміністрацією було поставлено вимогу: повернути затриманих, та, оскільки її не виконали, страйк поновився. Каторжна зона страйкувала під гаслом «Воля або смерть». Знову зупинилося економічне життя Норильська, того разу на 12 днів. Відтак до 5-ї зони ввели військо і застосували зброю. Автоматними чергами вбито 76 осіб, понад 300 поранено. Почалась кривава вакханалія. Зрештою, близько тисячі в'язнів звезли на виселок «Надежда» і через кілька тижнів відправили кого куди – на Колиму чи до Іркутського та Володимирського централів. У інших зонах теж було застосовано зброю: 152 вбитих, скільки поранених – невідомо. В каторжній зоні повстанський комітет очолював Гуль (родом з Луцька). 1 липня 1953 р. – день кривавої розправи у Норильську – назавжди увійшов в історію руху Опору політв'язнів ГУЛАГу…

Воркута, повстання 1953 р. Після смерті Сталіна у багатьох таборах відбувалися акції непокори у зв'язку з тим, що не справдилися сподівання на амністію та полегшення режиму. У 20-х числах липня 1953 р. в таборі № 2 у Воркуті почалося повстання. Туди прибув етап (300 осіб) з екібастузького концтабору, де раніше відбувся страйк, під час якого загинуло близько 50 в'язнів. Екібастузці відмовилися вийти на роботу і оголосили страйк. Навколо цих 300 політв'язнів згуртувалася група однодумців, було створено страйкком і 22 липня 1953 р. розпочався загальний страйк. Очолив його українець Юрко Левада, членами ради від прибалтійців став Генріх Яскунас, від кавказьких і азіатських народів – чеченець Анатолій Мусаєв, від поляків і осіб без громадянства – поляк Фелікс Кінзерський та німець Йоган Урвіх. Група в'язнів-юристів розробила меморандум з політичними і соціальними вимогами, який складався з 16 пунктів. Серед них: перегляд судових справ, негайне звільнення всіх жінок, звільнення тих, хто відбув у засланні більше 5 років, а також чоловіків віком понад 55 років.

Центральний страйковий комітет встановив контакти з іншими концтаборами Воркути та Воркутинської залізниці. Для придушення страйку Москва прислала комісію, яку очолив Генеральний прокурор Радянського Союзу Руденко і представник ГУЛАГу генерал армії Масленніков. Руденко цікавився у керівників страйку, «скільки тисяч доларів вони отримали з-за кордону і хто є зв'язковим у тій справі». Тим часом до Воркути прибули дві нові дивізії МВС.

Перший постріл пролунав на шахті № 29, куди прибули прокурор Руденко і батальйони МВС. Це сталося 1 серпня 1953 р. Там загинуло понад 80 в'язнів і близько 200 було поранено.

Всього, за статистикою політв'язнів Воркути, під час страйків-повстань у липні–серпні 1953 р. загинуло 483 особи і 780 поранено, з них близько 60 відсотків – українці.

Воркутинські страйки мали значний вплив на подальше існування ГУЛАГу і прискорювали розвал системи. Кризу ГУЛАГівського режиму прискорило також наростання масової непокори і зміцнення правозахисного руху у таборах Казахстану, зокрема Кенгіра.

Кенгір, червень–липень 1954 р. Після смерті Сталіна та Берії у концтаборах не припинялися репресії, знущання, розстріли. Хоч головних катів уже не було серед живих, залишилися їхні вихованці. Криваві оргії тривали. В далеких казахських степах, де не цвітуть мальви і червона калина, стоять стовпці з номерами. Це – цвинтарі. Там лежать ті, кого по-звірячому замордували, а також ті, хто помер від голоду та непосильної праці, борці за кращу долю України.

Декілька слів про долю Кенгіра.

У 30-х рр. побудовано залізницю від Акмолінська до Караганди і далі на Балхаш, Джезказган. Будували її депортовані українці, так звані куркулі та інші «вороги народу». Більшість з них назавжди залишилася лежати в цій суворій і дикій стороні. Згодом залізницею потягнулися загони з політичними в'язнями, які неподалік будували табори. Під час війни тут утримували полонених німців, угорців, японців, а з 1948 р. організували спецтабір ГУЛАГу.

17 травня 1954 р. у таборі спалахнуло повстання. Політв'язні поставили вимоги: покарати винних за вбивство і розстріли в'язнів, відпустити усіх малолітніх та засуджених «особливими нарадами», переглянути всі справи, звільнити з табору всіх жінок та ін. Очолили повстання москвич Кузнецов, дрогобиччанин Михайло Келер, учителька із Східної України Ліда Супрун (невдовзі по тому задавлена танком). Акції непокори тривали 40 днів.

Повстанці знали, чим закінчились виступи в'язнів у Воркуті та Норильську. У чоловічу зону привозили учасників тих повстань. Знали про розстріл Михайла Іванціва, чиї вірші, написані у камері смертників, ходили по руках, вивчались напам'ять. Один з них закінчується такими словами:

Все пройшло. Тюрма забрала
Радість, волю і життя.
Серце згинуло, зів'яло,
Все пішло у небуття.
Плинуть спомини, дрімають,
Скоро ранок вже буде.
А десь степом смерть блукає
І мене у гості жде...

Під час повстання діяв пропагандистський центр. В'язні видавали газету, влаштовували концерти, складали листівки, які за допомогою пристрою, подібного до дитячого змія, пускали за сприятливого вітру за зону. Зміст листівок приблизно такий: «Ми побудували місто; в нас стріляють, розкажіть про це усьому світу». Місцеве населення до в'язнів ставилось доброзичливо.

На світанку 27 червня в'язнів розбудила стрілянина, завивання літаків, гуркіт танків. До табору ввійшли автоматники, в'їхали танки. Почали розстрілювати людей. Тих, хто намагався рятуватись, чавили танки. Спочатку загинули охоронці табору, які стояли на варті з ночі. Каторжани вступили в рукопашний бій. Під танками загинули Марія Мантика, Лідія Супрун, Зіновій Рак, Мар'ян Пришляк та багато інших. Однією з перших потрапила під танк латишка Белта. Вродливій молодій дівчині відтяли обидві ноги і руку. Як вона благала, щоб її добили! Вслід за нею принесли в санчастину єврейку Аллу – танком їй розітнуло живіт. Точна кількість жертв і донині є таємницею. За неповними даними, загинуло понад 560 в'язнів, з них 200 жінок. За всі ці звірства відповідають генерали Долгих і Бичков, центральне керівництво, яке послало їх на придушення повстання. Окрім важкоозброєної піхотної дивізії, у ліквідації повстання брали участь танки Т-34 та бойові літаки…

Акції непокори, страйки та повстання, які похитнули всю систему ГУЛАГу, не тільки показали світові незламність політв'язнів, але й змусили більшовицьких сатрапів піти на певні поступки. А оскільки в ГУЛАГу більшість становили українські політв'язні, можна стверджувати, що саме вони зробили найбільший внесок у боротьбу за права людини у таборах і в'язницях комуністичної імперії.

Любомира ЛУЧЕЧКО-ВЕНЧУР

ІЗ КОЛИСКИ ЗМАЙСТРУВАЛИ… ТРУНУ

Хочу передати спогади моїх батьків Івана та Ганни Лучечко, яких разом з моїм дідом (маминим батьком) Василем Жуком та моєю маленькою сестричкою більшовики вивезли на «спецпоселення» у Красноярський край, тобто, як тоді казали, «на Сибір».

Моя мама походила із села Твіржа Мостиського району. Коли вона була ще малою, померла в неї мама. З цього часу все господарство лягло на її молоді плечі. Батько щодня їздив на роботу до Львова й тому мало міг приділити уваги господарюванню. У 1948 р. мама зустрілася з моїм майбутнім татом, який проживав у сусідньому селі Арламівська Воля. 25 вересня 1948 р. вони повінчались, а через рік у них народилася дочка Любомира-Марія, моя старша сестра. Життя йшло своїм звичним руслом аж до Різдва 1950 р.

На Святвечір сім'я повечеряла, поколядувала і лягла спати. Раптом – стукіт у двері й гавкання пса. Дід Василь пішов відчинити двері, і до хати разом з ним ступили четверо військових з автоматами. Вони скомандували: «Быстро собирайтесь, поедем в район, в Судовую Вишню. Берите с собой картошку, зерно и теплую одежду». На вулиці завірюха, мело снігом, мороз, а на руках грудна дитина. Але на плач і лемент мами вони не звертали ніякої уваги, тільки підганяли: «Быстро грузитесь, а то поедете без ничего». Зібрали батьки швиденько на фіру, що могли, і повезли їх у хуртовину в

Судову Вишню. Привезли – і відразу в тюрму. З нашого села тоді забрали 18 родин, запхали усіх в одну камеру й тримали так три доби.

Потім завантажили їх у товарні вагони і повезли до Борислава на так званий пересильний пункт. У вагоні посередині стояла залізна пічка, біля дверей – «параша», а по боках – двоповерхові нари. Розмістилися у вагоні, хто як зумів. Найгірше було тим, хто мав маленьких дітей, бо не було де сушити пеленки. Дідо і батько сушили їх на собі, під куфайками. Через чотири дні прибули до Борислава, а там відразу ж усіх добре перетрясли, забрали, хто що мав кращого і що сподобалось охоронцям, загнали до камер, у яких не було ні стола, ні ліжок. Спали на підлозі, підстелюючи під себе хто що мав. Кожного дня, незважаючи на тріскучі морози, о сьомій годині ранку виганяли всіх на подвір'я, на так звану «перевірку». 18 січня, напередодні Йорданських свят, вигнанців тримали на подвір'ї майже чотири години, а самі робили в камерах «шмон», забирали, що ще не встигли забрати. Люди простудились і почали хворіти. Найслабші вмирали на очах сусідів. Захворіла і моя сестричка. Батьки, як тільки могли, рятували її, але що можна було зробити в умовах в'язниці? У березні вона померла... Мама в розпачі плакала й кричала, а охоронець як копнув її, то вона покотилася сходами з другого на перший поверх. Труп немовляти кинули до стайні, у якій стояли коні. Можна уявити собі згорьовану маму, яка з вікна спостерігала, боячись, щоб коні не розтоптали її покійної донечки. І тільки через тиждень, коли померла ще одна дитина, дозволили поховати і мою сестричку. Батько з дідом змайстрували з колиски труну, «наші визволителі» дали машину, поїхали на цвинтар і разом в одній могилі поховали діточок.

16 квітня 1950 р. знову повантажили всіх у товарні вагони і повезли «на Сибір». 2 травня привезли до Красноярська, на станцію Єнісейськ, де зустріли їх солдати з автоматами. Посадили на вантажівки і завезли в новозбудований наметний табір. Спецпоселенці жили в тих наметах до часу, поки не почав танути сніг та лід на ріці Єнісей. Почалося розподілення на роботу. Одних пароплавом повезли в колгоспи, інших – на вахти, а дві родини, в тому числі й нашу, залишили у Красноярську аж до листопада. Батько працював на будові, а мама заробляла в місцевих людей на прожиття: допомагала обробляти городи, копала картоплю, заробляючи таким чином городину на зиму. Батьки жили в бараці, мали невеличкий город і якось давали собі раду. Батько з дідом змайстрували бочку, в якій наквасили капусту і приготувалися тут зимувати.

Але перед «октябрьскими праздниками» прийшла команда їхати далі, а там стояли вже морози до 25°. Довелося залишити усі заготовлені на зиму продукти. Завантажили нещасних людей знов у товарні вагони і повезли до станції Абакан. Там уже чекали машини, посадили в них старших людей, жінок та дітей і повезли до селища Антовракa Барун-Хемчинського району Тувинської автономії. Чоловіків повезли окремо. Завезли їх в чисте поле, вивантажили й наказали братися до роботи. Надворі стояв сильний мороз, мела страшна хуртовина. Жінки і діти почали плакати, а мужчини взялись за роботу – почали ставити намет на 70 осіб. До вечора роботу закінчили. Всередині запалили залізну піч, з решти дощок поробили нари, і так почалось для них «нове життя». Вранці чоловіків повели на роботу: на будову моста через річку Хемчик, довжиною аж сто метрів. На роботу ходили пішки кілометрів з чотири в один бік, а повертаючись, мусили ще захоплювати з собою трохи дров, щоби було чим палити в пічці. Декільком переселенцям дали завдання побудувати землянку, і 1 лютого три родини поселили туди. Мама була тоді вагітна мною, то потрапили в число «новоселів». Через якийсь

час на Божий світ з'явилася я. Роди у мами приймав дід Кучер, який уже мав досвід, бо приймав на світ своїх онуків. Коли наступного дня приїхала лікарка, то похвалила діда за хорошу роботу акушера. Батьки справили хрестини. Була я першою дитиною, яка народилася в цьому селищі, далеко від України…

У 1953 р., коли закінчились роботи на спорудженні моста, нас перевезли в селище Аредан, на будівництво дороги через гори Саяни. Минув ще один рік… Наприкінці лютого 1954 р. в мами почалися пологи, її поклали у «шляховий медпункт», у якому зовсім не було опалення. Там вона народила мого брата Мирослава. Батька в той час не було, а коли він через декілька днів приїхав і зайшов у цей медпункт, то не впізнав мами. Все її тіло було аж чорне від холоду. Такою ж була і дитина. Тато відразу ж забрав їх звідти, відігрівав і лікував, як лише міг. Помагали йому також добрі люди.

Через рік ми усі переселились у новозбудовану хату. Зразу ж побудували стайню, у якій тримали курей і свиню. Жити стало нібито краще, але однаково батьки тужили за Україною. Хоча й жили ми там побожним життям: хрестили дітей, колядували на Різдво, святили паски на Великдень, все ж дуже хотілося додому, до своїх людей.

Батько писав скарги в Київ, до Верховної Ради. З Києва папери пересилали то до Дрогобича, то до Москви. «Окончательного решения» ми чекали аж до 1956 р. Нарешті, у травні – дорога додому… Але на цьому наші поневіряння не закінчились. Хата у Твіржі, з якої вивезли батьків, була зайнятою, і нас навіть на подвір'я не впустили. Отож, ще тривалий час нам доводилося поневірятися по чужих хатах…

Богдан ЖЕПЛИНСЬКИЙ

РЕПРЕСОВАНЕ КОБЗАРСТВО ЛЬВІВЩИНИ

Українське кобзарство в усі часи, коли Україна втрачала свою незалежність, зазнавало утисків і репресій з боку окупантів. Це тому, що кобзарство користувалося великою популярністю й пошаною серед усіх верств нашого народу. Перед кобзарями схиляли голови визначні діячі та проводирі українського народу. Кобзарі будили народне стремління до волі, будили народ до визвольних змагань. Все це добре розуміли й комуністичні вожді, а тому вживали всіх заходів, щоб фізично знищити кобзарів та бандуристів.

У 1947–1950 рр. комуністичний режим вирішив нанести в Галичині остаточний удар кобзарству – знищити всіх, хто грав на бандурах і кобзах. Відбулися масові арешти всіх кращих бандуристів Львівщини, їхніх родин, а також шанувальників кобзарського мистецтва. Були заарештовані керівники капел бандуристів Олег Гасюк, згодом Михайло Табінський, а також активні бандуристки Мирослава Онуферко-Дерманчук, сестри Марія та Тереза Ваврики, Юрій Гриценяк, я і мій брат Роман Жеплинський, дружина Юрія Сінгалевича – Наталія Сінгалевич та багато інших. Репресовані бандуристи, за заповітами давніх кобзарів, не тільки не піддалися лихій долі. Вони витримали всі зневаги та знущання й в умовах концентраційних таборів, в умовах глухої сибірської тайги, самотужки виготовляли бандури і вчили на них грати своїх побратимів – репресованих українських каторжан.

Подаю короткі відомості про тих, хто у неволі зберіг нашу пісню і нашу українську душу.

Ваврик-Феньвеші Марія Омелянівна. Народилася 1 травня 1930 р. в родині священика. Грати на бандурі навчилася у Юрія Сінгалевича у Львові, грала і співала в його капелі. Після смерті вчителя грала в капелі бандуристів при Львівському будинку вчителя, якою керував Олег Гасюк. Виступала в дуеті зі своєю сестрою – бандуристкою Терезою Ваврик. Закінчила музичне училище. 1949 р. була заарештована і відправлена на каторжні роботи. Після повернення з каторги осіла в місті Золочеві на Львівщині. Вела клас бандури в Золочівській музичній школі, створила капелу бандуристів при Будинку культури, з якою багато виступала на різних святах, оглядах, конкурсах.

Ваврик Тереза Омелянівна. Народилася 31 листопада 1932 р. Сестра Марії. З дитячих років виявила велику любов до пісні й музики, відзначалась великими здібностями. Навчалась у Львівській середній школі № 49. Під керівництвом Юрія Сінгалевича навчалась грати на бандурі й досягла високої виконавської майстерності. В 1946–1947 рр. грала в капелі бандуристів при Львівському будинку народної творчості (керівник Ю. Сінгалевич). Неодноразово виступала на конкурсах і оглядах художньої самодіяльності Львова і області, а також у місті Києві… 1950 р. заарештована і відправлена на Сибір. По дорозі на каторгу, в страшних антисанітарних умовах товарного ешелону, захворіла на тиф і померла. Місце поховання знаменитої бандуристки невідоме.

Гриceляк Юрій Миколайович. Народився 16 квітня 1932 р. в Перемишлі в родині священика. 1949 р. закінчив середню школу № 49 у м. Львові. Ще в школі став учасником ансамблю бандуристів. 1949 р. Юрій Грицеляк поступив до Львівської політехніки, де став учасником капели бандуристів, якою керував Олег Гасюк. Крім цього, виступав ще й з капелою бандуристів Будинку вчителя, якою також керував Олег Гасюк. Обидві капели користувались великою популярністю. Зрозуміло, це не давало спокою енкаведистам. Олега Гасюка заарештували. Керівником капели став Михайло Табінський, але і його згодом теж було заарештовано. У квітні 1950 р. заарештували учасників капели братів Богдана та Романа Жеплинських, Богдана Молчка та бандуристок капели Будинку вчителя Терезу і Марію Ваврик. А 28 березня 1951 р. заарештували і Юрія Грицеляка, якого засудили на 25 років виправно-трудових таборів і на 5 років позбавлення громадянських прав.

Мазура Степан Макарович. Народився 24 грудня 1922 р. в селі Дрогомишль Яворівського району. Ще юнаком співав у хорах «Просвіти» та в сільському церковному хорі. Був активістом місцевої «Просвіти». Заарештований 30 листопада 1947 р. Після дворічного слідства і знущань засуджений на 10 років таборів суворого режиму і позбавлення громадянських прав на 8 років. Термін відбував у Мінлагу міста Інти (Комі АРСР). Перебуваючи в таборі, зустрівся з поетом і музикантом Миколою Сармою-Соколовським, з яким створили ансамбль бандуристів-каторжан. За допомогою столярів-невільників виготовили кілька бандур. Микола Соколовський вчив в'язнів грати на них, спершу таємно і підпільно, а після смерті Сталіна відкрито. Після М. Соколовського, якого забрали на етап, ансамблем почав керувати Осип Сопеляк, а після нього – Олег Гасюк. 1954 р. в ансамблі було вже 8 бандур, на яких грали каторжани Михайло Нім'як, Петро (прізвище не встановлено), Василь Годованець, Григорій Прокопець, Андрій Ковальчук, Осип Сопеляк, Степан Мацура та Олег Гасюк.

Онуферко-Гребенюк Мирослава Семенівна. Народилася 11 квітня 1918 р. в селі Мушкатівці Борщівського району Тернопільської області. 1937 р. закінчила гімназію в Тернополі, далі вчилася у Львові в театральній студії Лесі Кривицької. Одночасно освоювала мистецтво танцю і займалася вокалом у композитора В. Балтаровича. У

1939–1941 рр. – вчителювала. 1941 р. вийшла заміж за музиканта Ю. Онуферка, якого заарештували й закатували більшовики в червні 1941 р. Мирослава пішла в підпілля, була медсестрою УПА. 1945 р. поступила на науку до бандуриста Ю. Сінгалевича. Виступала в капелі бандуристів Будинку народної творчості у Львові у складі тріо бандуристок разом із сестрами Терезою та Марією Ваврик. Після смерті Ю. Сінгалевича ще деякий час виступала в ансамблі «Чорногора» як бандуристка, співачка й партнерка відомого балетмейстера Ярослава Чуперчука. 1948 р. засуджена на 25 років каторги, яку відбувала в Інті та Абезі. Виступала в табірній художній самодіяльності як бандуристка і акторка.

Сінгалевич-Дуцько Наталія Юліанівна. Народилася 11 червня 1911 р. в селі Воля-Якубова Дрогобицького району. За професією – вчителька. 1937 р. вийшла заміж за бандуриста Юрія Сінгалевича і переїхала до Львова. Юрій виступав як соліст-бандурист, вчив гри на бандурі, в роки німецької окупації подружжя було пов'язане з націоналістичним підпіллям. Одного разу на вулиці Львова підпитий гестапівець прийняв пані Наталю за єврейку і побив її. Вона була вагітною і через декілька днів народила мертву дитину. З 1945 р. працювала разом з чоловіком у ляльковому театрі. При Будинку народної творчості Юрій Сінгалевич організував капелу бандуристів. Популярність капели не могла подобатися більшовицькому режимові. Почались переслідування Юрія та Наталі Сінгалевичів. Через деякий час Юрій загинув при загадкових обставинах в «автомобільній катастрофі». 27 квітня 1950 р. Наталію Сінгалевич заарештували і вивезли на заслання в Томську область. Працювала на каторжних роботах. Тут разом з братами Богданом та Романом Жеплинськими, Надією Цюцюрою та іншими побратимами-каторжанами створила капелу бандуристів. Кагебістські інквізитори кидали її на найважчі роботи лісозаготівлі, довго не звільняли зі спецпоселення. Горда бандуристка не хотіла писати заяву про помилування. Тільки в 1966 р. Наталія Сінгалевич, однією з останніх спецпоселенців селища Торби в Томській області, повернулася в Україну.

Сірський Григорій Федорович. Народився 30 вересня 1928 р. в селі Переволочна Буського району. 1948 р. Григорія відправили на відбудову шахт в Донбасі, звідки повернувся через два роки. Та незабаром був репресований і разом з родиною висланий на спецпоселення в Томську область. Працював на важких роботах – був вантажником лісу в селищі Торба Зирянського лісгоспу. Від братів Богдана та Романа Жеплинських перейняв гру на бандурі, сам собі виготовив інструмент з кедрового дерева. Грав у капелі бандуристів каторжан, яку створили брати Жеплинські і Наталія Сінгалевич. Разом з братом Іваном вивчав вокал у диригента капели, репресованої Надії Цюцюри. Виступав серед каторжан з українськими народними піснями.

Сірський Іван Федорович. Народився 17 листопада 1920 р. в селі Переволочна Буського району. 1944 р. мобілізований до Червоної армії, воював у Чехо-Словаччині. 1946 р. демобілізувався, влаштувався на роботу у Львові. У травні 1950 р. його заарештували і разом з родиною вивезли на каторжні роботи в Томську область. Працював на лісозаготівельних роботах Зирянського ліспромгоспу. У селищі спецпоселенців Торбі від засланців-бандуристів навчився грати на бандурі, а згодом з братом Григорієм грав у капелі бандуристів. Писав вірші, на які складав музику Роман Жеплинський.

Цюцюра-Мандзевата Надія Григорівна. Народилася 26 січня 1916 р. у Нью-Йорку. Вчилася в Українському інституті для дівчат у Перемишлі та у Львівському університеті. Одночасно брала уроки диригування у професора Філарета Колесси.

1939 р. вийшла заміж за Ярослава Цюцюру, студента університету. Деякий час вчителювала на Станіславщині, керувала хорами у школах та при церквах. Згодом з чоловіком переїхала до Львова. 27 квітня 1950 р. разом з чоловіком була репресована і вивезена на спецпоселення в Сибір. Працювала на лісоповалі в селищі Торбі Зирянського району Томської області. В цьому селищі навчилася грати на бандурі у братів Богдана і Романа Жеплинських. Згодом стала бандуристкою та хормейстером організованої братами капели бандуристів. Керувала хором репресованих, а її чоловік керував танцювальним гуртком.

Стефанія ЧАБАН

ОСТАННІЙ ВЕЛИКДЕНЬ ЗА ҐРАТАМИ

Таймир – півострів, помережаний колючими дротами, неначе риболовецькою сіткою, і всюди табори, табори з різними чудернацькими назвами. Їх усі годі й перелічити. А вони мали ще й номери. Ті номери тримаються, як реп'ях, навіть коли хтось не хоче думати про них. До 1945 р. там жили, а точніше сказати, животіли якісь людські тіні, про яких потім уже і згадки не було, але з 1945-го півострів «ожив». Заговорив різними мовами. Серед усіх найбільше виділялася українська.

Ось шостий великий жіночий табір: тут 2500 жінок, дівчаток, майже дітей, а поруч, тільки відгороджений колючими дротами, – другий, менший, також шостий, але з іншою назвою. Тут 450 жінок різного віку – від наймолодших до зовсім похилих. Це шостий КТР – каторжанський, страшний. Усі роки, аж до 1953-го, а точніше – до 7 липня 1953, тобто до придушення повстання політичних в'язнів, на кожен Великдень чи Різдво тут цей «контингент» (так нас називали) дотримувався своїх батьківських традицій, суворо заборонених табірним режимом… Ті вперті, невиправні «бандерівки» свого не забували і в найлютіших умовах. Їх карали, а вони все одно на Святвечір перед Різдвом уночі, після тяжкої праці, переодягаються у «Вертеп» і колядують, аж стіни бараків дрижать, згадують молитви, і ніяка покара їх не злякає! Так було і в тій невеликій за розмірами і кількістю невільниць каторжанській частині шостої зони. Була тут дочка православного священика з Волині Ліна Петращук. Вона ще на волі вела церковний хор, а батько її відправляв не старослов'янською, а українською мовою.

А на Великдень жінки-каторжанки прибирають зеленими гілками секції барака, викладають на стіні з гілок «Христос воскрес!», а вночі, поки ще нарядчики не виганяють на роботу, встають сонні, змучені, але з піднесеним настроєм, і на весь барак як загримить хор (під орудою Ліни) «Нехай воскресне Бог!» Навіть атеїсти, які не вірили в Бога і не чули ніколи цих слів, стають з усіма мовчки і витирають сльози. Поки почнуть виганяти людей до праці, то вже Воскресна Утреня закінчилася. Текст Утрені пригадували по крихті з пам'яті, особливо старші, бо будь-які книжечки чи записники були заборонені. А потім, як щодня, сніданок з черпака рідкої баланди і скибки тяжкого, як глина, глевкого хліба, але нам не страшно. Хоча голоду тим сніданком ніхто не вгамував, зате в душі бриніли слова «Христос воскрес!» Вони додавали сили тим голодним, замученим людським тіням. Усі були раді й задоволені, що цього разу їх не розігнали наглядачі і наглядачки, що не позабирали до БУРу, де ще менша пайка хліба, а замість баланди – кухоль брудної води з розталого снігу…

Богу дякувати, усе обійшлося, Господь дозволив «відсвяткувати» Великдень, а тепер нас чекає скеля, кам'яні брили, які треба розбивати важким молотом, кайлом, тачкою відвозити до вагонів і завантажувати. Над забоєм стоять наглядачі, підганяють тих, в яких вагон відстає, щоб не було «простою». А людям, тим ходячим тіням, усе одно сьогодні, що їх лають хамською «триповерховою» мовою – вони в таке свято не реагують на брутальність, у них серце щемить і в душі бринять слова «Христос воскрес!», а перед очима – дитинство і Великдень удома з родиною в Україні.

Так було до 7-го липня 1953 р. Під час повстання наші обидві зони об'єдналися, загорожу рознесли самі, але безборонні жінки не встояли перед п'яною ордою червонопогонників і жорстокими побоями. Про ті події багато написано. Розігнали дівчат – кого куди: по тюрмах, по інших таборах на «материк», але більшість знову повернули в шосту зону. Однак повстання таки дало певні результати: режим помітно пом'якшав…

Наближався Великдень 1954 р. За кілька днів перед святом усі в бараці (дві секції) не з'їдали вечірньої пайки хліба. У Великодню суботу з каші поробили «торти», а з хліба «паски». Писанки зліпили з глини, гарно пофарбували фарбою, якою художники виготовляли лозунги. Принесли зелених гілок, застелили столи, хто чим міг, і все приготовлене розставили на столах, уквітчали зеленню. Настрій у всіх став справді святковий. Тієї неділі дали всім вихідний. Або не знали про Великдень, або може свідомо вирішили «придобритись» до в'язнів. Наглядачки, які часто у вихідні, а інколи і в робочі дні шастали по бараках, чи нема чогось недозволеного, побачили все це в секції і аж ахнули здивовані: «Сматрі, какоє чудо!» – сказала одна одній.

Настав Великдень. Усі вдягнені в чистому, хто що мав ще з дому. В бараці прибрано. Збираються до Служби Божої, хор на місці. Барак повен людей, у коридорі й аж надворі теж забито – кожному хочеться зайти ближче. Дівчина, яка правила за священика, стала в кінці столу перед образочком, який дивним дивом зберігся у когось під час «шмонів», і сильним голосом на повні груди заспівала: «Христос воскрес із мертвих, смертю смерть подолав і тим, що у гробах, життя дарував». Хор і весь народ підхопив ці вічно живі слова Правди і Радості. У всіх на очах виступили сльози. Хор і всі присутні відповідали на спів дівчини: «Воістину воскрес!» Здавалося, що стелядах барака розірвалася від їхнього голосу, і гомін цей потряс усю тундру, вирвався угору і сягнув до небес.

Людям хотілося забути, де вони насправді, хотіли, щоб так усе було, як колись на волі в церкві на Великдень… Попросили ведучу виголосити проповідь. Вона згадала тих, хто загинув у боях, у криївках, кого не змогли поховати, кого замучили; згадала батьків, які сумують за своїми дітьми, і тих, що залишилися у рідній Україні, які часточку від свяченого яйця залишають на тарілці для кожної з них. Згадала незабутні Великодні дзвони і... Раптом всі присутні заворушились, зашептали – усе табірне начальство, наглядачі, наглядачки, офіцери-червонопогонники йдуть сюди. Шепіт затих, наші обличчя з тривогою повернені до дівчини, яка спокійно продовжує «проповідь».

Люди трішки розступилися, дали змогу «гостям» зайти досередини. А дівчина не зупиняється, не звертає уваги на них, не думає, що зараз її схоплять і посадять у БУР; і не тільки її, а й усіх активістів, які організували це свято. Але всі стоять і спокійно слухають. Ні шепоту, ні шереху. Очі знедолених звернені на дівчину, а вона, можливо, подумала, що якщо хоч на секунду завагається, усі можуть злякатися, навіть розбіг-

тися по бараках. Але згадала, що ці люди сьогодні готові на все, як минулого року на Івана Купала, коли стояли перед виритою своїми руками могилою. Вона продовжує: «Скажімо собі: браття, навіть тим, які ненавидять нас, простім усе заради Воскресіння. Христос воскрес!» Хор, невідомо навіть скільки разів, відповів: «Воістину воскрес! Воістину воскрес!..» Усі хотіли відтягнути якнайдовше ту хвилину, коли їх будуть ловити і заганяти до БУРу, а там не обійдеться без побоїв, знущань. Але, на диво, ті, на чолі з начальником табору, стояли, як заворожені. А хор і всі дівчата не переставали співати «Христос воскрес із мертвих...» Дівчина далі керує святом – вона готова кожної хвилини взяти всю відповідальність на себе і віддати себе в руки катам за тих своїх вірних нещасних подруг, які своїм співом розбудили небо тундри. А може і в декого з тих нелюдів у душі згадалося щось святе з дитинства, бо тихо, неначе за якоюсь командою, мовчки вийшли з барака і пішли до воріт прохідної. Дівчата тоді вже дали волю сльозам. «Ми перемогли, – кричали деякі. – Нам допоміг воскреслий Христос! Христос воскрес, воскресне й наша воля!» Хоч усі були голодні, але ніхто не поспішав за стіл, поки не отримав від дівчини маленького шматочка тюремної «паски».

Хіба можна про таке забути?

Ще довго з барака лунали церковні Великодні пісні, за ними повстанські та й свої, табірні, які склали дівчата у своїй тузі за Україною. Підбирали мелодії, і пісні почали жити. Було їх багато, та час позатирав їх у пам’яті...

Розійшлися по бараках, де чекали їх днювальні, черпак баланди та денна пайка чорного глевкого хліба, який того дня був для усіх святою паскою. Вони тоді й не думали, що святкують останній Великдень за колючими дротами, що воскреслий Христос приготував для більшості з них волю через кілька місяців. А там – знову нові випробування, нові непередбачені труднощі на так званій «волі», але бодай без колючих дротів, без ґрат і без конвою з собаками…

Розділ третій

СТАТТІ ТА НАРИСИ

Олександр ЛУЦЬКИЙ,
кандидат історичних наук

ПРИБОРКАННЯ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ (1939–1953)

З кінця XIX ст. і до початку Другої світової війни на західноукраїнських землях, і передусім у Львові, склався потужний інтелектуальний потенціал у політичній, економічній, науковій і церковно-духовній сферах. Інтелігенція краю формувалася на полінаціональній основі, під безпосереднім впливом європейської культури і цивілізації, на традиціях вільнодумства, на засадах приватної ініціативи, демократизму, загальнолюдських цінностей. Краща її частина, вважаючи своїм громадянським обов'язком сумлінну працю і активну суспільну діяльність, сповна виконувала націотворчу функцію, виступала головним носієм духовної енергії своїх народів, служила еталоном моралі і культури. І хоч політичні й економічні умови часто не сприяли повній самореалізації творчих потенцій інтелігенції, саме вона виявилася найбільш діяльною силою у вирішенні найактуальніших проблем життя суспільства[1].

Цілком зрозуміло, що цей інтелектуальний потенціал не міг органічно вписатися у радянську тоталітарну систему, яка утверджувалася тут після вересня 1939 р. У нових політичних умовах від інтелігенції вимагалося стати слухняним знаряддям втілення класових та ідеологічних догм Комуністичної партії, що означало відмовитися від власних переконань, загальнолюдських цінностей і загалом від свого «я». Цю ситуацію львівська еліта відчула практично відразу після вступу Червоної армії на західноукраїнські землі.

Сам факт переходу радянськими військами східного польського кордону, зайняття ними Львова викликало неоднозначну реакцію інтелігенції – від повного несприйняття до палкої підтримки. Чимало підприємців, вищих державних урядовців, функціонерів політичних партій і громадських організацій, поки існувала така можливість, відразу вдалися до еміграції. Усвідомлюючи небезпеку від нової влади, в німецьку зону окупації до кінця 1939 р. перебралося понад 20 тис. українців. На території т. зв. Генерального губернаторства (створеного нацистами в жовтні 1939 р. в центральній частині окупованої польської держави) знайшли притулок чільні представники політичних партій, зокрема: голова Українського національно-демократичного об'єднання

[1] Див.: Сливка Ю. Ю., Луцький О. І. Національна еліта західного регіону України в період становлення тоталітарного режиму (40-і – поч. 50-х років) // Національна еліта та інтелектуальний потенціал України. Тези доповідей Міжнародної наукової конференції 18–20 квітня 1996 р. – Львів, 1996. – С. 41; Луцький О. Інтелігенція Львова (вересень 1939 – червень 1941 рр.) // Львів: місто – суспільство – культура: Зб. наукових праць. – Львів, 1999. – С. 574–591.

В. Мудрий, лідери Української соціалістично-радикальної партії – М. Стахів та О. Павлів, Української соціал-демократичної партії – Л. Ганкевич, Фронту національної єдності із своїм провідником Д. Палієвим, кількасот діячів Організації українських націоналістів на чолі із С. Бандерою.

Основна ж частина львівської інтелігенції залишилась і зайняла загалом вичікувальну (з різними відтінками) позицію, сподіваючись на мирне співіснування з новою владою, тим більше, що спершу вона багатьом (передусім полякам) здавалася тимчасовою. Чимало з інтелігентів-українців підсвідомо сподівалися вижити в «традиційній якості», гадаючи, що влада використає їх, хоча б з огляду на їх близькість і повагу серед місцевого населення. Львівська інтелігенція, зрозуміло, знала про жорстокі репресії проти «ворогів соціалізму», голодомор 1932–1933 рр. у радянській Україні, проте справжніх масштабів трагедії за Збручем вона все ж не усвідомлювала. Багато з українців трактувало вересневу ситуацію на прикарпатських землях як геополітичну неминучість, сподіваючись, що політичний режим у СРСР, дещо еволюціонуючи через воєнний стан та якісно інші суспільно-політичні та економічні умови, буде зважати на місцеві традиції. «Всіх їх, – писав у 1940 р. поет Р. Купчинський, – серед нещастя потішала думка: прийдуть українці із Східної України, усе ж таки свої люди. Живуть якось, то й нам прийдеться. Будемо разом, а це вже велика річ» [2]. Не виняток становили й такі «аристократи духа», які були сповна свідомі небезпеки, що їм загрожувала, але вважали за свій громадянський обов'язок залишитися зі своїм народом і розділити його долю в цей складний час. Провідні діячі українських політичних партій і в першу чергу УНДО, керуючись настроєм, який в ті дні образно сформулював член ЦК УНДО, польський сенатор (1935–1937 рр.) О. Луцький («Вміли ми бути генералами за добрих часів, то мусимо ними бути й за гірших») [3], вирішили засвідчити свою готовність співпрацювати з радянською адміністрацією за умов збереження в Галичині давніх організаційних структур господарського та культурного життя українців, недопущення переслідування духовенства, церкви та ін. Цю позицію авторитетна делегація на чолі зі старійшиною українських політиків Галичини 80-річним К. Левицьким виклала 24 вересня під час зустрічі з офіційними представниками СРСР у Львові. Того ж дня, щоб підтвердити свою лояльність до нової влади і вберегти від можливих переслідувань партійний актив, лідери УСРП і УСДП подали представникам нової влади постанови про саморозпуск. Наступного дня таку ж заяву склали представники УНДО. Проте це не врятувало їх від переслідувань сталінського режиму.

Політика більшовицької влади щодо львівської інтелігенції полягала у двоєдиному завданні: нейтралізувати та ізолювати певну її частину, насамперед явних і потенційних політичних противників, а решту перетворити в покірний засіб реалізації своїх планів форсованого інтегрування Західної України до суспільно-політичної та економічної системи «казармового соціалізму». Насильство стало головним, а стосовно окремих груп інтелігенції єдиним засобом державного впливу. Репресивні заходи (арешти, ув'язнення, депортації, фізичне знищення, звільнення з роботи) найчастіше застосовувалися до так званих «класово ворожих елементів», до яких були віднесені урядовці колишньої польської адміністрації, офіцери армії і поліції, функціонери політичних партій і громадських організацій. Вони вважалися головним гальмом ра-

[2] Культурне життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали / Упорядн. Т. Галайчак та ін. – Київ, 1996. – Т. 1. – С. 126.
[3] Цит. за: Витанович І. Історія українського кооперативного руху. – Нью-Йорк, 1964. – С. 362.

дянських перетворень у регіоні. Ліквідовуючи на західноукраїнських землях усі старі політичні, економічні, культурні структури життя суспільства, які не вписувалися в тоталітарну систему СРСР, сталінський режим одночасно подбав, щоб ліквідувати або депортувати їх організаторів і активних учасників. З іншого боку, угоди 1939 р. між Радянським Союзом і Німеччиною закладали основи недопущення відродження польської держави. У зв'язку з цим здійснювався наступ на польську еліту, яка могла би при певних обставинах стати основою для відновлення польської держави. І нарешті третя обставина полягала в тому, що радянське керівництво розглядало досягнуті між СРСР і Німеччиною домовленості лише як черговий етап підготовки до війни, як початок експансії комунізму в Європу. Тому потрібно було створити санітарний кордон від Балтики до Молдови. Усі ці взяті в сукупності обставини зумовили масове знищення українців, поляків, євреїв.

Репресії на Львівщині розпочалися з кінця вересня 1939 р. і тривали до початку радянсько-німецької війни. Вже у перший день вступу Червоної армії до Львова – 22 вересня, всупереч наданим радянською стороною гарантіям, були затримані, а згодом вивезені в глиб СРСР, де знайшли свою смерть в енкаведистських таборах, 1160 польських офіцерів. Через два дні, 24 вересня, заарештували президента міста, професора-дерматолога С. Островського, а згодом усіх членів міської управи разом з віце-президентами В. Хайесом і Ф. Іжиком. Після кількох днів ув'язнення у Львові С. Островського перевезли до Москви у сумнозвісну внутрішню в'язницю НКВС – Луб'янку, де протягом 19 місяців він зазнав 80 допитів. У травні 1941 р. його засудили до 8 років таборів ГУЛАГу[4].

Наприкінці вересня і початку жовтня 1939 р. спеціальні оперативно-чекістські групи, які перебували у складі Українського фронту, заарештували лідерів УНДО, колишніх послів до польського сейму сенаторів: І. Німчука (25 вересня), В. Целевича (27 вересня), Д. Левицького (28 вересня), К. Левицького (30 вересня), О. Луцького (1 жовтня), В. Кузьмовича (5 жовтня). Згодом були арештовані й інші, з яких лише дехто (посол С. Біляк, сенатор М. Творидло) після тривалого перебування в тюрмі вийшли на волю. Інші заарештовані, серед них К. Левицький, Д. Левицький, В. Целевич, В. Кузьмович, незабаром після арешту опинилися в застінках НКВС у Москві, в сумновідомій Луб'янці, а більшість вивезли до концентраційних таборів на Півночі або Сибіру. Жертвами арештів стали також відомі діячі Української соціалістично-радикальної партії, Української соціал-демократичної партії.

Без розголосу, як правило, за завчасно підготовленими списками заарештували також видатних представників польського і єврейського політичного життя, державних урядовців і офіцерів (включаючи відставників) високого рангу, зокрема колишніх голів уряду Польщі Л. Козловського і А. Пристора, лідерів львівських національних демократів (ендеків) С. Грабського, С. Гломбінського.

Серед потерпілих виявилися навіть місцеві комуністи, які після необґрунтованого розпуску виконкомом Комінтерну в 1938 р. Компартії Польщі, комуністичних партій Західної України і Західної Білорусії були «заплямовані політичною недовірою». На початку жовтня 1939 р. відділ кадрів виконкому Комінтерну направив до НКВС списки майже 500 осіб – членів КПЗУ і КПЗБ, яких підозрювали в провокаціях і дворушництві. Навіть тих, хто сидів у польських в'язницях і був звільнений у вересні 1939 р.,

[4] Ostrowski S. W obronie polskości ziemi Lwowskiej. Dni pohańbienia: 1939–1941. Wspomnienia. – Warszawa, 1986. – S. 84.

розглядали нарівні з іншими «класово ворожими елементами». До середини 1940 р. більше половини з числа львівських комуністів не одержали радянських паспортів, багато з них були звільнені з роботи і… виселені у північні і східні райони СРСР[5].

Наприкінці 1939 р. новостворені органи НКВС, виконуючи вказівки наркома Л. Берії («Очистити міста і села від ворожих елементів, осадників, апарату місцевого самоврядування, від неблагонадійних служителів культу, представників демократичної частини місцевої інтелігенції, всіх національностей за класово-політичною ознакою»)[6], розпочали масові арешти колишніх офіцерів, урядовців, суддів, прокурорів. Усім їм інкримінувалась контрреволюційна діяльність, вислуговування перед капіталістичним устроєм, зрада інтересів пролетаріату. Праця в польській адміністрації прирівнювалась до злочину.

Вже у вересні–грудні 1939 р. затримали і передали в судові та каральні органи 10,2 тис. осіб, в тому числі 4,2 тис. колишніх офіцерів, урядовців, великих землевласників, торговців, 19 священиків, 1,6 тис. представників інтелігенції, зокрема 108 педагогів, 62 інженери, 40 лікарів, 42 діячі літератури і мистецтва, а також 1,3 тис. селян-одноосібників, 665 кустарів. Були ув'язнені практично всі представники політичної еліти, як української, так і польської, єврейської. Багатьох громадських діячів-поляків, хоч вони були людьми цивільними, відправили до сумновідомих таборів для полонених офіцерів – Козельського, Осташківського та Старобільського (15 тис. осіб, які там утримувалися, розстріляли в квітні–травні 1940 р.).

Арештованих кваліфікували як «ворогів народу», «шпигунів», «спекулянтів», «паразитів» і засуджували переважно за статтями 58 і 59 Кримінального кодексу, санкції яких передбачали, як правило, довготривале ув'язнення, заслання в глиб СРСР або смертну кару. За рішенням судових та позасудових органів у справах НКВС у Західній Україні в січні–травні 1941 р. із 5064 засуджених кожний десятий одержав вищу міру покарання, 40,6% були позбавлені волі терміном до 10 років, 34,8% – до 5 років. Усього серед 65 тис. осіб, заарештованих протягом вересня 1939 – травня 1941 рр. органами НКВС у Західній Україні, яким були пред'явлені конкретні обвинувачення, найбільше 32,8 тис. відповідали за так званий нелегальний перехід кордону, 13,4 тис. – за належність до «контрреволюційних організацій», 2,6 тис. – «контрреволюційну агітацію», 748 – за участь в антирадянських змовах[7].

Серед репресованих значну частину складали інтелектуали, високоосвічені, талановиті люди. Жертвами безперервних арештів у Львові стали, зокрема, професори і доктори Л. Дворжак, Є. Яґляж, З. Вахловський, К. Веронський, К. Ґжибовський, інші авторитетні вчені. Арештів не уникли відомі літератори В. Броневський, О. Ват, Т. Пейнер, В. Скужа, А. Стерн, В. Ґрубінський, Т. Парницький, актор Ю. Баліцький.

Репресії не оминули представників жодної професійної групи інтелігенції. В дуже скрутному становищі опинилося духовенство, воно за самою своєю суттю не вписувалося до держави войовничого атеїзму, де релігія сприймалася владою не інакше

[5] Лебедева Н. Коминтерн и Польша. 1939–1943 годы // Международная жизнь. – Москва, 1993. – № 8. – С. 150.

[6] Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. У 2-х кн. – Київ, 1994. – Кн. 1. – С. 136.

[7] Підраховано за: Горланов О. А., Рогинський А. Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. – Москва, 1997. – С. 101–112.

як «знаряддя уярмлення трудящих» і підлягала цілковитому викоріненню. Загалом упродовж вересня 1939 – червня 1941 рр. на західноукраїнських землях радянська адміністрація ще відносно обережно і поступово впроваджувала дискримінаційні заходи щодо християнських церков, зважаючи на те, що вони спиралися на потужну традицію існування і мали великий авторитет у суспільстві. Головний акцент у боротьбі з «релігійними забобонами» тоталітарний режим зробив на матеріально-фінансових і організаційних обмеженнях діяльності церкви. З небаченими труднощами зіткнулися церковні інституції-монастирі, навчальні заклади, видавництва тощо. Монастирі були закриті, ченці розігнані. Монастирські культурні надбання, насамперед бібліотеки й архіви, зазнали нищення. Усі релігійні видавництва були націоналізовані, друкування релігійної літератури і преси було заборонено. 30 жовтня 1939 р. радянська адміністрація закрила теологічний факультет Львівського університету, ще через кілька днів – римо-католицьку семінарію. Змушені були припинити свою діяльність Богословське наукове товариство, Богословська академія, духовна семінарія. Фінансові обмеження зачепили всіх священнослужителів: накладені на них надмірні податки зазвичай перевищували їхні фактичні доходи. Під гаслами утвердження науково-атеїстичного світогляду трудящих здійснювався адміністративний тиск на духовенство, яке намагалося в міру своїх можливостей сконсолідувати віруючих навколо себе, нейтралізувати негативний вплив нової суспільної дійсності на моральний стан населення, протидіяти заходам, спрямованим на насильницьку секуляризацію громадського і особистого життя. То ж не випадково десятки священиків, спершу римо-католиків, а згодом і греко-католиків, потрапили під перші хвилі арештів і депортацій… (Детальніше – див. дослідження Світлани Гуркіної «Репресоване духовенство Львівщини (1939–1989 рр.)», уміщене у цьому розділі. – *Ред.*).

Найбільших втрат зазнала інтелігенція краю під час проведення в західних областях УРСР чотирьох масових депортацій, які влада мотивувала необхідністю очистити регіон від «неблагонадійного елементу». Тисячі представників інтелігенції, включаючи біженців із Закарпаття та Польщі, разом із сім'ями були примусово вивезені в глиб СРСР – у Сибір, Казахстан, північні регіони європейської частини Російської Федерації, де вони не забезпечувалися необхідними житлово-побутовими умовами, продовольчим і промисловим постачанням, медичним обслуговуванням, роботою за спеціальністю. Люди, не підготовлені ні фізично, ні морально до життя в таких умовах, були приречені на голод, хвороби, непосильну працю в каменоломнях чи лісоповалах і смерть.

Під час першого етапу депортацій (10–13 лютого 1940 р.) із західних областей УРСР було виселено 17206 родин, або 89062 особи (існують й інші статистичні дані). Це були переважно родини польських осадників, однак жертвами цієї каральної акції стало багато сімей українців, а також людей, що не підлягали під дію постанови Раднаркому СРСР від 5 грудня 1939 р., яка визначала характер першого контингенту депортованих із Західної України і Західної Білорусії. В ході депортацій, як згадували очевидці, «перед дім нещасної жертви заїжджало вантажне авто, енкаведисти наказували збиратися в дорогу, дозволяли взяти з собою малий клунок, саджали нещасні жертви на авта та під штиками вивозили їх на залізничний двірець [...]. Подорож залізницею тривала кілька тижнів». Під час цієї акції людей часто брутально грабували, органи НКВС вилучали майже всі речі нещасних. Багато вивезених у Кіровську, Молотовську (Пермську), Вологодську, Архангельську, Свердловську області, Алтайський і Красноярський край, Комі АРСР померли дорогою до місця заслання.

Під час другої хвилі депортації в ніч з 14 на 15 квітня 1940 р. зі Львова вивезли головним чином сім'ї військовополонених, які перебували у радянських тюрмах і концтаборах: офіцерів польської армії, колишніх поліцаїв, пожежників, чиновників держапарату, крупних власників та ін. – разом, за різними даними, від 20 до 30 тис. осіб. Людей вивозили за заздалегідь визначеною адресою: до Північного Казахстану (Кустанайська, Акмолінська і Семипалатинська області).

Найбільшою була третя хвиля депортації (30 червня – 2 липня). Зі Львова (станція Підзамче) в 16 ешелонах було вивезено 20770 осіб, переважно біженців з теренів Польщі, окупованих гітлерівцями. Більшість з них були євреї, які втекли до СРСР, а також поляки і українці – кваліфіковані робітники та інтелігенція. Їх вивезли до Красноярського краю, Іркутської, Читинської, Томської, Тюменської областей, на Північ, Урал і до Чувашії на конкретно визначений термін – 20 років.

Під час червневої депортації 1940 р. до Львова прибули заступник наркома НКВС М. Меркулов і керівник НКВС УРСР І. Сєров, які керували акцією. До операції залучили 2200 оперативних працівників з Харкова, Сталіна (тепер Донецьк), Полтави, Одеси та інших міст. Про хід операції доповідали в Москву кожних дві години.

Загалом із західних областей України впродовж 1940–1941 рр. вивезли близько 10 % населення – поляків, українців, євреїв, представників інших національностей. Людські втрати Галичини, за підрахунками польських та українських дослідників, склали понад 400 тис. осіб, у тому числі 100 тис. лише у Львові. Широкомасштабні репресії мали всі ознаки явища, яке у міжнародному праві визначається як злочин проти людяності[8].

У процесі накинутих зверху «реформ» у різних сферах суспільного життя краю, які часто здійснювалися без будь-якого врахування реальних місцевих потреб і можливостей, було поставлено під сумнів саме існування багатьох груп людей інтелектуальної праці. Націоналізація промислових і торговельних підприємств, насильницький демонтаж кооперації, радянізація соціально-економічної і культурно-освітньої сфери позбавили багатьох підприємців, фінансистів, адвокатів, суддів, лікарів, вчителів звичного місця праці й засобів до існування. Під прапором боротьби із «засміченістю» установ і підприємств «класово ворожими елементами» у промисловості та залізничному транспорті Львова й області до 15 квітня 1940 р. було усунуто з роботи близько 10,9 тис. осіб, у першу чергу колишніх власників і керівників. Ще 1820 спеціалістів було звільнено з роботи у навчальних закладах. Проведена до середини травня 1940 р. у Львівській міській раді «чистка кадрів» позбавила роботи 15 колишніх офіцерів польської й австрійської армій, 2 домовласників, 2 управителів фільварку, 4 дітей священиків[9]. Типовим стало явище, коли без достатніх пояснень – з огляду на вузькозрозумілі ідейно-політичні мотиви, саму внутрішню політичну атмосферу з властивою їй шпигуноманією і підозрілістю – високоосвіченим фахівцям взагалі відмовляли в будь-якій роботі відповідно до їхньої кваліфікації.

У ході націоналізації будинків постраждали сотні сімей колишніх урядовців, офіцерів, підприємців, лікарів, адвокатів, учителів. Вони втратили свої квартири, чесно зароблене або успадковане майно, нерідко речі першої необхідності. Фізичні страждання при цьому посилювались моральним приниженням, цинічним розтоптуванням людської та національної гідності.

[8] Литвин М. Р., Луцький О. І., Науменко К. Є. 1939. Західні землі України. – Львів, 1999. – С. 141.

[9] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 4. – Арк. 73–74.

В особливо скрутному становищі опинилися біженці з центральних і західних воєводств Польщі – переважно євреї і поляки. Багато з них, поспіхом втікаючи від небезпеки опинитися під німецькою окупацією, не встигли взяти зі собою найнеобхіднішого: теплих речей, взуття, одягу для дітей. Вони, зрозуміло, не були забезпечені постійним житлом, часто тулилися в переповнених, непристосованих до життя приміщеннях серед холоду, сирості, антисанітарії. Невизначений політико-правовий статус біженців, їх прагнення повернутися додому, де вони залишили свої квартири і рідних, або, як абсолютної більшості євреїв, – виїхати на Захід, зумовлювало щонайменше настороженe ставлення до них органів радянської влади. Надії багатьох біженців-інтелігентів влаштуватися у Львові на роботу за фахом виявилися не більше, ніж ілюзією… Про ешелони депортованих на схід – ішла мова вище.

Непорушним принципом кадрової політики більшовицького режиму в Західній Україні стало те, що на всі важливі керівні посади призначалися працівники, що прибули зі східних областей УРСР, а також з РРФСР за скеруванням центральних партійних органів, всесоюзних та республіканських наркоматів та відомств. Головна причина – недовір'я до місцевої інтелігенції, зокрема до її «політичного минулого», соціального походження, здогадуваного негативного ставлення до радянської влади.

Однак, як відомо, через постійні репресії Радянська країна була позбавлена розумних, висококваліфікованих спеціалістів. Тож не дивно, що серед «уповноважених», зайнятих на відповідальній роботі в партійних, радянських, адміністративних, комсомольських, профспілкових органах, переважали малокомпетентні особи, загальна освіта яких не перевищувала рівень середньої школи. Зате ті люди пройшли сувору школу сталінського виховання, навчилися беззастережно підкорятися партійній дисципліні. Тому саме на них в основному опирався тоталітарний режим у реалізації планів інтеграції новоприєднаного краю в загальнорадянський простір. Формування керівних кадрів з місцевого населення відбувалося переважно з числа осіб пролетарського походження, так званих «висуванців». Більшість серед них складали особи без спеціальної освіти, які, до того ж, тривалий час були безробітними. У Львові за короткий час для керівництва націоналізованими підприємствами призначили 117 робітників, і це при наявності в місті тисяч кваліфікованих спеціалістів (на 5 жовтня 1939 р. у Львові зареєструвались як безробітні 1462 інженери)[10]. У своїй діяльності «висуванці», що не володіли необхідною кваліфікацією і досвідом, потайки спиралися на допомогу і консультації дипломованих спеціалістів, які вимушені були вдовольнятися такими додатковими обов'язками.

Дискримінаційні заходи здійснювалися проти багатьох категорій інтелігенції. Відповідно до постанови політбюро ЦК КП(б)У від 14 грудня 1939 р. «Про виплату пенсій пенсіонерам б[увшої] Західної України» у Львові відмовили в одержанні пенсій колишнім державним урядовцям, зокрема воєводам, високим чиновникам міністерств та інших відомств, директорам, які призначались польським урядом, а також генералам, офіцерам, жандармам, прокурорам, головам і членам окружних судів, священикам – всього 4,3 тис. особам[11]. У не кращій ситуації опинилися й інші пенсіонери, виплата

[10] ДАЛО. – Ф. Р-221. – Оп. 1. – Спр. 34. – Арк. 175.
[11] Там само. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Спр. 2-а. – Арк. 47.

пенсій яким фактично припинилась у жовтні 1939 р. Недосконалість радянського пенсійного законодавства, затримка з організацією місцевих органів соціального страхування, бюрократична «совєтська» тяганина у їх роботі обумовили вкрай повільну процедуру переоформлення старих і призначення нових пенсій. Це викликало потік скарг людей, які втратили засоби для існування. Спостерігалися численні випадки неправильних рішень про призначення пенсій. До початку 1941 р. пенсії у Львові взагалі виплачували не з фактичного заробітку, а за мінімумом, встановленим у СРСР. В цілому рівень пенсійного забезпечення багатьох представників інтелігенції виявився нижчим, ніж за часів Польщі, що за умов товарного дефіциту і дорожнечі болюче вдарило по життєвому достатку їх сімей.

Подібні наслідки мала і грошова реформа, здійснена 21 грудня 1939 р., яка повністю припинила обіг польського злотого на території Західної України. Реформа мала явно виражений конфіскаційний характер і остаточно знецінила заощадження львів'ян. Всі злоті на банківських рахунках і внесках в ощадкасах обмінювалися на карбованці за співвідношенням 1:1, але не більше 300 злотих на особу.

Реальні доходи абсолютної більшості інтелігенції були невисокими, знижувала їх і практика напівпримусового вилучення зарплатні на купівлю облігацій державних внутрішніх позик, які регулярно випускали в СРСР від 1920 р. Уже в 1940 р. влада почала широко практикувати серед мешканців області індивідуальну підписку на державні позики. Спираючись на засаду, що «кожний трудящий мусить підписатися на трьохтижневий заробіток», влада домагалася, щоб інтелігенція підписувалася на місячний заробіток – це давало додаткові суми до бюджету, тобто «перевиконання плану». Вивершували перелік цих поборів пожертви на новостворені так звані добровільні організації «Червоний Хрест», «МОДР» (Міжнародна організація допомоги борцям революції), «ТСО-авіахім» (Товариство сприяння обороні, авіації і хімічному будівництву) та ін., членом яких повинен був бути практично кожний працівник. І хоча більшість членів тільки номінально числилася в цих товариствах, які набули характеру державних установ, їхнє керівництво така обставина мало турбувала, для нього головним було кількісне розширення складу і збільшення фінансових надходжень.

За таких умов основні зусилля інтелігенції були спрямовані на адаптацію до нової соціальної реальності й часто просто на пошук шляхів виживання. Частина її змушена була змінити свою професійну діяльність на нову, що не мала нічого спільного з колишньою роботою. Загалом, великі групи інтелігентів, вибиті в результаті деструктуризації і реконструктуризації суспільства зі своєї звичної соціальної ніші, намагались вести боротьбу за виживання будь-якими засобами, а в окремих випадках не завжди лояльними до традиційної моралі і законів...

Радянсько-німецька війна не перервала процес приборкання західноукраїнської інтелігенції, її «чисток». Відступ Червоної армії супроводжувався масовими розстрілами політв'язнів, значну частину яких становила інтелігенція. Блискавичне наближення німецької армії не давало часу на вивезення арештантів, то ж згідно з чинною інструкцією НКВС, усі засуджені на смерть або до тривалих термінів ув'язнення були розстріляні. Розстріли проводилися без жодних списків, іноді просто у камерах. Енкаведисти живих не залишали. Загалом в останні дні червня – перші дні липня в тюрмах Західної України було знищено близько 22 тис. осіб, із них близько 5 тис. на Львівщині, серед яких на сьогодні вдалося встановити імена лише понад 2500 осіб.

Серед жертв масових страт були українці, поляки, євреї, німці та особи інших національностей[12].

Водночас радянська влада, намагаючись зберегти у своїх інтересах бодай частину львівської еліти і унеможливити її подальше використання в антирадянських цілях у тилу ворога, евакуювала на схід групу відомих письменників та науковців. В окремих випадках ця акція здійснювалася примусово, всупереч волі людей. Деяких з них, як, наприклад, академіка К. Студинського, доцента П. Франка (сина Івана Франка), після від'їзду зі Львова рідні вже ніколи не побачили ні живими, ні мертвими. Існує версія, що вони були страчені дорогою на схід…

Встановлення нацистського «нового порядку» в Галичині супроводжувалося масовими каральними акціями проти цивільного населення, і знову-таки – передусім проти інтелігенції, всіх реальних і передбачуваних противників окупаційного режиму. В ніч з 3 на 4 липня 1941 р. у Львові окупанти розстріляли велику групу видатних учених, серед яких були професори Т. Бой-Желенський, Р. Віткевич, Я. Грек, Р. Лонгшам де Бер'є, А. Ломніцький, Т. Островський, В. Новіцький, Р. Ренцький, К. Ветуляні, А. Соловій, В. Стожек та ін., а кілька з них разом з членами родини[13]. У державних установах розгорнулася тотальна «арієзація», тобто «чистка» від «расово-неповноцінних елементів». Розпочалися єврейські погроми, згодом з'явилися єврейські гетто. Реалізація нацистських планів «остаточного вирішення єврейського питання» призвела до того, що вже до кінця 1943 р. єврейська етнокультурна спільнота Галичини фактично припинила своє існування. Після відходу гітлерівців тут залишилося лише 2 % передвоєнного єврейського населення[14].

Після приєднання Галичини як окремої області (дистрикту) до складу Генерального губернаторства зросли адміністративні обмеження. Вони досить швидко розвіяли ілюзії тих, хто чекав від нового завойовника поступок у суспільно-політичному, економічному і культурному житті. Нова система управління базувалася на примусі, терорі, на відсутності правового захисту підневільного населення. Всі вищі щаблі адміністративної влади опинилися в руках німецьких чиновників. Службовці-українці і поляки могли займати тільки посади нижчого або інколи середнього персоналу. Їх діяльність зазвичай зводилася до безоглядного виконання розпоряджень вищих інстанцій.

Будь-яка політична діяльність ненімецького населення заборонялася. В середині вересня 1941 р. у Львові, як і по всій Україні, були проведені масові арешти членів революційного крила Організації українських націоналістів. За ґратами опинилося понад півтори тисячі оунівців, які від початку радянсько-німецької війни по суті легально працювали, розбудовуючи національне життя в різних куточках України. Репресії проти діячів націоналістичного революційного руху стали систематичними. Для досягнення потрібних результатів нацистський режим не зупинявся перед відвертим насильством, включаючи й публічні страти.

У 1942 р. до економічного грабунку долучився грабунок людських ресурсів: зростаючі потреби райху у робочій силі призвели до масового вивозу працездатного населення в Німеччину. Згідно з останніми підрахунками, з чотирьох областей Галичини на

[12] Федущак І. До 65-ї річниці комуністичного злочину (червень 1941 р.) // Український визвольний рух. Науковий збірник. – Львів, 2006. – № 7. – С. 137.

[13] Культурне життя в Україні… – Т. 1. – С. 235–237.

[14] Коваль М. Нацистський геноцид щодо євреїв та українського населення 1941–1944 рр. // Український історичний журнал. – 1992. – № 2. – С. 31.

примусові роботи вивезли близько 350 тисяч українських «остарбайтерів». Особливо загострилася ситуація в Галичині наприкінці 1943 р., коли німці остаточно втратили ініціативу у ході війни. Застосовуючи у чимраз більших масштабах принцип «колективної відповідальності», окупанти масово ув'язнювали заручників з-поміж різних прошарків суспільства, знищуючи невинних людей.

У 1944 р., з наближенням до Галичини радянсько-німецького фронту, перед інтелігенцією постала дилема: залишитись чи виїжджати. Навчена досвідом 1939 –1941 рр., значна її частина вирішила не випробовувати долю і обрала шлях на еміграцію. Сотник УПА Максим Скорупський, який у квітні 1944 р. нелегально кілька днів перебував у Львові, згадував: «Загал в основному панічно боявся приходу совєтів. Люди пакували свої валізки і з відчуттям якоїсь місії або без цього вибиралися на Захід». Всього за останні місяці нацистської окупації Львів залишили приблизно 30–50 тис. осіб[15].

Винищення гітлерівцями євреїв, помітне зменшення чисельності українців, поляків визначили нове етнонаціональне обличчя західноукраїнської інтелігенції на початках нового приходу радянської влади на Львівщину. Своє «друге пришестя» на західноукраїнські землі радянська влада розуміла як остаточне перетворення регіону на інтегральну частину СРСР та розправу з усіма непокірними, передусім з національною інтелігенцією. Широкомасштабний збройний спротив УПА і підпілля ОУН давав підстави радянській каральній машині розгорнути наступ проти всього населення краю. Переслідувань насамперед зазнали ті, хто перебував на адміністративних посадах у німецьких установах, і діяльність яких нова влада пов'язувала з колаборацією, часом накидаючи їм мало не рівну відповідальність за всі нацистські злочини в Україні. Так, уже в серпні 1944 р. зазнав арешту відомий львівський юрист, вчений, правний радник митрополита А. Шептицького і Львівської греко-католицької консисторії, а у 1941–1944 рр. голова апеляційного суду дистрикту Галичина Ю. Заяць. Його звинуватили у зраді СРСР і співпраці з німецькими окупантами. І хоча у жовтні того ж року він був звільнений з-під варти за відсутністю складу злочину, однак до кінця свого життя відчував адміністративний тиск і упереджене ставлення до себе, зазнаючи при цьому принижень людської гідності і честі.

У травні 1945 р. у Києві, буквально за день до захисту кандидатської дисертації, органи НКВС заарештували співробітника львівського відділення Інституту літератури АН УРСР Г. Нудьгу. Він був засуджений на 10 років ув'язнення і 3 роки позбавлення прав з конфіскацією особистого майна. Військовий трибунал НКВС Полтавської області інкримінував ученому, що він у 1942 р., як командир взводу Червоної армії, потрапивши в оточення під Харковом і вирвавшись з нього, проживав на окупованій території Полтавщини і заради хліба працював деякий час учителем у школі лісників. Покарання Г. Нудьга відбував спершу на відбудовних роботах у Полтаві, а потім у таборах «Дальстрою» в Сибіру[16]…

Загалом на початках повторної окупації краю арешти української інтелігенції, особливо серед вищих її верств, ще мали вибірковий характер. Вагома причина такої «стриманості» радянської влади полягала у потребі використати авторитет діячів української культури і науки для забезпечення легітимації більшовицького режиму на

[15] Hryciuk G. Zmiany demograficzne Ludności polskiej we Lwowie w latach 1931–1944 // Wschodnie losy Polaków. – Warszawa, 1997. – S. 7–76.

[16] Архів Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. – Ф. 1. – Оп. 3 о/с. – Спр. 284. – Арк. 36, 61–62; Нудьга Г. Українська доля // Вісник НТШ. – 1993. – № 5. – С. 16.

західноукраїнських землях. За допомогою апробованої практики «батога і пряника» режим намагався створити з авторитетних представників громадянства свою опору. Як і в 1939–1941 рр., частину українських інтелігентів працевлаштували на відповідальних посадах, частині з них поліпшили житлово-побутові умови. Одночасно їх цілеспрямовано залучали до вирішення пропагандистських завдань щодо підтримки відретушованого образу радянської влади, створення міфологем про справедливий лад, про «вільну свідому працю в ім'я соціалістичної батьківщини». Від них вимагали публікувати викривальні статті проти «українського буржуазного націоналізму», «німецьких прислужників». Їх скеровували у райони і села читати лекції, виступати на мітингах. Цілком зрозуміло, що участь у таких заходах дискредитувала частину інтелігенції в очах населення.

Прагнучи уніфікувати етнонаціональну структуру населення західноукраїнських областей, радянське керівництво у 1944 р. ініціювало переселення поляків з території УРСР у Польщу і водночас – переселення українців з Польщі (з етнічних українських земель) на схід України. Операцію планували завершити 1 лютого 1945 р. Протидія супроти такого рішення виникла зі сторони обох народів. У відповідь на спротив поляків органи НКДБ в ніч з 3 на 4 січня 1945 р. арештували у Львові 772 особи, в тому числі 14 професорів, 6 лікарів, 21 інженера, 3 артистів, 5 священиків. Більшість репресованих професорів Львівського політехнічного інституту вивезли на лісозаготівлі або на шахти Донбасу. Лише у травні–червні 1945 р. частині з них вдалося звільнитися, а потім виїхати до Польщі. Двоє через хвороби і виснаження загинули. Деякі з ув'язнених повернулися наприкінці 1945 р., а ті, хто перебував у виправно-трудових таборах, були випущені на волю аж у 1947–1948 і 1955–1956 рр[17].

Радянізація регіону відбувалася в умовах справжньої війни з національно-визвольним рухом. Терор дедалі більше спрямовувався не проти окремих громадян, а на цілі соціальні групи і категорії українців. Огульне звинувачення в «буржуазному націоналізмі», зраді створювало образ ворога вже в особі всього народу. Влада жорстоко розправлялася з учасниками українського повстанського руху і націоналістичного підпілля: з 1944 до 1953 рр. в західних областях України було репресовано, за неповними даними, понад 500 тис. осіб. З них близько 200 тис. – членів родин учасників УПА і ОУН.

В інтересах спрощення і посилення управлінського контролю все населення західних областей було неофіційно поділене за політичною ознакою на «східняків» – політично свідомих, надійних і відданих радянській владі громадян і «західняків», «місцевих», «бандерівців» – політично відсталих (в розумінні сприйняття ними комуністичної ідеології), ненадійних, а то і ворожих до радянської системи. В результаті цього поділу фактично існував розкол населення за соціально-політичною ознакою. Корінне населення, як і в 1939–1941 рр., не було допущене до управління краєм; відверто зневажались його національно-духовні та економічні інтереси, неприховано нехтувалися мовні потреби. Майже всі відповідальні посади у різних сферах суспільно-політичного і господарського життя займали відряджені зі східних районів СРСР.

За таких обставин досягнення поставлених тоталітарним режимом завдань здійснювалося на основі широкомасштабного застосування насильства: арештів, депортацій, залякувань, принижень людської гідності. Репресії були спрямовані на

[17] Popławski Z. Dzieje Politechniki Lwowskiej. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. – S. 295–296.

утвердження духу несвободи, національної приреченості. Справжнім злочином проти мільйонів українців, наругою над їхніми елементарними правами стала організована сталінським керівництвом ліквідація Української греко-католицької церкви, яка виступала духовним оплотом українства у національно-визвольних змаганнях. Ця акція супроводжувалася масовими арештами і ув'язненнями служителів культу, які відмовилися перейти в лоно офіційно підтримуваної Російської православної церкви. УГКЦ змушена була піти у глибоке підпілля.

Протягом 1944–1953 рр. пряме насильство та ідеологічний диктат залишались основними засобами приборкання західноукраїнської інтелігенції, для більшості якої формальна згода і співпраця з новою владою була вимушеним компромісом. Інтелігенція щиро прагнула служити народу, зблизитися з ним. Загострене почуття національної свідомості, великий вплив європейської культури, традицій, релігії чинили інтелектуальний опір утвердженню сталінізму. Зрозуміло, тоталітарна влада не могла толерувати такий стан речей.

Максимальних обертів репресії проти місцевого населення почали набирати з 1946 р. Репресії не обминули жодної її групи, хоча за силою удару вони були різними.

Коли у 1946–1953 рр. в Україні безпрецедентного розмаху набула надумана боротьба проти «українського буржуазного націоналізму», «схиляння перед іноземщиною», «безродного космополітизму», розгорнулось цькування генетики та кібернетики як «буржуазних лженаук» тощо, то в західних областях звичними стали упередженість в оцінках діячів науки та культури, вольові рішення, підміна справжньої критики начальственним окриком, проявлялося самочинне і некомпетентне адміністративне втручання у творчу діяльність, заперечення елементарних художніх свобод. Протягом вказаних вище років не лише ідеї сталінсько-ждановських постанов у сфері літератури та мистецтва, а й інспіровані статті центральних, республіканських і обласних газет, всі без винятку установки та рекомендації незліченних владних інстанцій вважалися «вказівками до дії». Все, що друкувалося на сторінках преси, на місцях розглядалося як істина в останній інстанції, як остаточний вердикт, який не підлягає ніякому оскарженню. І тому не випадково, що в серпні 1946 р., одразу після появи в газеті «Культура и жизнь» – органі Управління пропаганди і агітації ЦК ВКП(б) – статті завідуючого відділом цього правління С. Ковальова «Виправити помилки у висвітленні деяких питань історії України», в якій автор не лише підкреслив, зокрема, що «окремі професори у Львівському університеті (Крип'якевич, Кордуба та інші) і зараз читають лекції з історії України в дусі Грушевського, дотримуються його концепції, відкрито виступають на захист його позицій», а й закликав «піддати ґрунтовній критиці в газетах і журналах всі і всілякі спроби ревізувати марксистсько-ленінське вчення з національного питання, посилити ідейно-політичне виховання кадрів нашої інтелігенції...», – як відразу зі сторінок львівських газет, у виступах на терміново скликаних нарадах партійно-радянського активу м. Львова та області на ряд відомих представників творчої інтелігенції звалилася жорстока критика, яка, по суті, не мала нічого спільного зі справжньою критикою. Це була брутальна лайка на адресу авторитетних науковців, погрози і неприхований шантаж.

Розпочалася тривала кампанія проти «ідеологічних збочень» багатьох діячів науки і культури. Махровим цвітом розцвіла демагогія. З'явилися охочі безвідповідально кидатися звинуваченнями в буржуазному націоналізмі, космополітизмі, формалізмі,

низькопоклонстві перед буржуазною культурою, огульно приписуючи їх відомим, заслуженим перед народом літераторам, художникам, композиторам, суспільствознавцям. На жаль, навіть професійно грамотні люди, колеги часто повторювали всю цю неоковирність – тому, що їх до цього примушували, чи тому, що ціною фальшу можна було досягти власного «успіху». Щоб відкрити двері до кар'єри, деякі з них самопринизилися до того, що не лише схвалювали, а й «теоретично» обґрунтовували найогидніші, аморальні акти сталінщини стосовно талановитої національно свідомої інтелігенції, зокрема академіка М. Возняка, професорів І. Крип'якевича, М. Кордуби, М. Рудницького та багатьох інших діячів науки і культури.

Навіть довільно повисмикувані і відповідно препаровані цитати з творів, покликаних створити з авторів образ ворога та буржуазного націоналіста, не могли приховати очевидну безглуздість цих звинувачень. Але спростувати, зняти їх з себе виваженими поясненнями в умовах розгортання «справжньої більшовицької критики і самокритики» не було ніякої можливості. Відомих учених і митців просто примушували привселюдно каятися, зізнаватися в неіснуючих гріхах, відмовлятися від досягнутих важкою працею творчих результатів. І чим відомішою була людина, тим більшого каяття від неї вимагали. Відмовчування поверталося неминучими репресіями. Не рятували інтелігенцію і вірнопідданські заяви, вимушене схвалення дій тоталітарного режиму, розправ над колегами. Багатократне і регулярне засудження І. Крип'якевича, М. Рудницького, М. Возняка та інших відомих діячів науки і культури набрало в повоєнні роки форми ритуалу, метою якого було нагадати всім іншим, що всілякі щонайменші відхилення від загальноприйнятої партійної лінії не прощатимуть ніколи і нікому.

Список ненадійних постійно поповнювався новими іменами письменників і науковців, котрі десь необережно скористались словом, зміст якого комусь видався натяком на щось недозволене. В тих обставинах не лише друковане, а й висловлене вголос слово легко можна було при потребі повернути проти тих, хто дозволив собі його вжити.

Прицільна критика не обійшла стороною письменницю Ірину Вільде, яку запопадливі чиновники від ідеології та їхні клеврети з числа літературних критиків та газетярів, покладаючись на власний смак і «класову пильність», звинувачували у спотворенні радянської дійсності. В 1947 р. зі Спілки радянських письменників України виключили М. Рудницького та П. Карманського, інкримінуючи їм «буржуазний націоналізм», тривале перебування на «чужих, антинародних позиціях», «антирадянську поведінку» тощо. За прояви «формалізму», «національної обмеженості» зазнали гонінь художники Р. Сельський, Г. Смольський, С. Гебус-Баранецька, композитори М. Колесса, Р. Сімович, А. Кос-Анатольський, А. Солтис, Т. Маєрський. 1948 р. С. Гебус-Баранецьку, якій з легкої руки деяких її колег було приклеєно ярлик формаліста, перевели з членів Спілки радянських художників у кандидати, офіційно мотивуючи це тим, що «при наявності оволодіння технікою дерevориту у Ваших роботах явно зауважують великі недостатки: життя показуєте фрагментово і поверхово та ідейно роззброєно» [18]. Часто однобічними і необґрунтованими були гострі звинувачення на адресу письменників Д. Лукіяновича, О. Дучимінської, художників Р. Сельського, Г. Смольського, композиторів В. Барвінського, М. Колесси, Р. Сімовича, на долю яких випала не лише розносна критика, а й суворі «оргвисновки».

[18] ДАЛО. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Спр. 63. – Арк. 104; Батіг М. Творчі шукання і знахідки // Ленінська молодь. – 1957. – 3 квітня.

Злі наміри, хибність, ідейна «кривизна» бачились чиновникам скрізь: і у виставах театральних колективів, у роботі екскурсоводів, музейних працівників, бібліотекарів і навіть у роботі львівського цирку. Елементарна турбота про розвиток рідної мови, її чистоту кваліфікувалась як націоналізм. Про який рівень відповідальності та компетентності могла бути мова, коли роботи відомих учених-філологів Л. Гумецької та А. Генсьорського оголосили неактуальними лише на тій підставі, що вони досліджували лінгвістику XIII століття, а серйозну провину літературознавця М. Рудницького вбачали і в тому, що у нього – блискучого дослідника французької літератури – серед улюблених письменників були М. Пруст і А. Жід – класики літератури XX століття. Проте і цього було достатньо, щоб на М. Рудницького на шпальтах газет пришпилити ряд ярликів, звинувативши його в «низькопоклонстві перед буржуазною культурою».

Галас навколо «страховиська» удаваного націоналізму та інших «ізмів» здіймався щоразу, коли влада допускалася серйозних прорахунків, а то й очевидних злочинів, які кидали тінь на адміністративно-командну систему, на форми і методи «діяльності» її функціонерів. Одразу, як правило, на щит піднімались національні питання, переведені з розряду наукових у розряд політичних. Швидко з'являлись розносні статті проти «проявів буржуазно-націоналістичної ідеології» серед творчої інтелігенції, особливо у творчості тих, хто намагався вказати на господарські та морально-правові упущення влади. Виробився навіть певний стандарт в оцінці національно свідомої, патріотично настроєної інтелігенції: їй нав'язувалась «обов'язковість» переборювати «пережитки націоналізму», «буржуазного мислення», «космополітизму» і т. п. І треба визнати – спрацьовувала безвідмовно. Показово, що навіть Я. Галан – відомий прорадянський громадський діяч і публіцист – став об'єктом нападок і помсти чиновників, коли ті побачили, що він виступає проти бюрократичної тяганини, головотяпства, зловживань у роботі місцевих партійних, радянських та господарських органів. Останні його п'єси «Під золотим орлом» (1948) та «Любов на світанні» (1949) так і не побачили сцени за життя автора. Чиновники від «розправи з мистецтвом» (вислів Я. Галана) пришпилили цим творам звинувачення в «слизькій темі», їх здатності «посіяти шкідливі ілюзії». Одночасно ще в друкарні було порізано на макулатуру збірку його репортажів з Нюрнберзького процесу. У вересні 1948 р. Я. Галана «за скороченням штатів» було звільнено з посади власного кореспондента республіканської газети «Радянська Україна» у Львівській області.

Результатом ідеологічних кампаній проти «українських буржуазних націоналістів», «школи М. Грушевського» і т. п. стали не лише публічні звинувачення і образи відомих діячів української науки і культури. Під гаслами боротьби з «ідеологічними збоченнями» їх звільняли з роботи, арештовували, позасудовими рішеннями адміністративно переселяли в північні райони СРСР. Через допити, арешти, заслання, інші форми тиску й переслідувань пройшли художники О. Масляк, Я. Музика, П. Обаль, мистецтвознавець В. Свєнціцька, актор і режисер Й. Стадник, композитори В. Барвінський, Б. Кудрик, письменники О. Дучимінська, Т. Мигаль, Ю. Шкрумеляк, диригент О. Романовський та багато інших. Точне число жертв репресій серед творчої інтелігенції ще й досі не підраховане.

У Львівському державному університеті за час з вересня 1947 р. до квітня 1948 р. було звільнено, як політично неблагонадійних 37 професорів, доцентів, асистентів [18]. Серед

[18] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 610. – Арк. 5.

відчислених були такі відомі вчені та педагоги як: П. Коструба – завідуючий кафедрою української мови, М. Попов – завідуючий кафедрою вищих рослин, М. Гембарович – завідуючий кафедрою теорії та історії мистецтв, І. Забарило – завідуючий кафедрою західних літератур, О. Терлецький – завідуючий кафедрою історії західних і південних слов'ян, І. Крип'якевич – професор кафедри історії України, М. Смішко – доцент кафедри археології, О. Надрага – доцент кафедри державного права, Т. Франко (син І. Франка) – старший викладач кафедри класичної філології, М. Скорик – старший викладач кафедри фольклору, І. Шпитковський – старший викладач кафедри середніх віків. Подібні акції провадилися в інших вузах. 1949/50 навчального року з вищих навчальних закладів Львова за політичними мотивами було звільнено ще 53 викладачів [19]. Ще масштабнішими були репресії проти вчителів та культосвітніх працівників. Величезних розмірів у Львові на зламі 40-х – 50-х років (особливо після вбивства Я. Галана) набули виключення з вузів студентів, їх арешти і вивезення в табори ГУЛАГу. (Детальніше про це див. дослідження Романа Генеги «Репресії проти львівського студентства», вміщене у цьому розділі. – *Ред.*).

Як бачимо, саме проти національно свідомих українців, опір яких утвердженню тоталітарного режиму на західних землях України набув у повоєнні роки масового і організованого характеру, був спрямований головний удар з боку влади. У своїх діях режим не гребував нічим, а кожний вияв невдоволення такою політикою відразу кваліфікувався як прояв «українського буржуазного націоналізму» з усіма наслідками, що випливали з цього. У середовищі інтелігенції швидкими темпами йшла втрата професіоналізму, громадянської активності. Порушилася спадкоємність між поколіннями. На зміну старій інтелігенції, носію національно-культурних традицій, приходила нова генерація людей як за духовним складом, так і рівнем культури. Навіть особисті якості багатьох з них, їхній ентузіазм та практичний досвід ніяк не могли замінити глибини знань і незалежності мислення – усього, що створювалося у духовній сфері кількома поколіннями. Значна частина нової, так званої «соціалістичної інтелігенції», хоч і усвідомлювала антинаціональний характер тоталітарної системи, все ж навіть всупереч своїм переконанням більшою чи меншою мірою ставала втілювачем комуністично-більшовицьких ідей. Інтелігенція поступово втрачала свій культурний і моральний пріоритет у суспільстві.

---

[19] Там само. – Оп. 3. – Спр. 494. – Арк. 84.

Кім НАУМЕНКО,
науковий співробітник
Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України

КАРАЛЬНО-РЕПРЕСИВНА СИСТЕМА СРСР ЯК ГОЛОВНИЙ ІНСТРУМЕНТ РАДЯНІЗАЦІЇ ЛЬВІВЩИНИ (1944–1953)

Після того, як у липні–серпні 1944 р. внаслідок наступальної Львівсько-Сандомирської операції війська 1-го Українського фронту повністю зайняли Західну Україну, в регіоні розпочався перерваний війною процес відновлення тоталітарного більшовицького режиму. Власне, для українського народу вже й сама радянсько-німецька війна 1941–1945 рр. фактично була, за слушним висловом історика Ярослава Дашкевича, боротьбою ворожих для нього режимів Сталіна і Гітлера за володіння Україною: «Дві великі тоталітарні держави воювали за її територію – природно дуже багату. Для України то був просто розбійницький напад як з одного, так і іншого боку. Так зване «визволення» 1944 р. фактично не змінило становище її народу. Тому продовжувалася повстанська боротьба, яка розпочалася ще під час німецької окупації… Саме ця повстанська боротьба і була справжнім виразом бажань та сподівань українського народу, котрий, як і кожен народ світу, хотів бути незалежним і мати свою державу»[1].

Таким чином, на західноукраїнські землі, зокрема на Львівщину, на зміну гітлерівському режиму прийшов сталінський режим, який так само базувався на принципах тоталітаризму, а саме: вся влада належала одній партії, яка підпорядковувала собі усі сфери життя і діяльності суспільства; на чолі партії, держави і народу стоїть вождь (дуче, фюрер, генеральний секретар); панування вождя і його партії забезпечувалося карально-репресивною системою з необмеженою владою. Саме завдяки могутньому репресивному апарату сталінській імперії вдалося утвердити тоталітарний режим в Радянській Україні. Проте відновлення радянської влади в її західному регіоні з відносно невеликою кількістю населення (близько п'яти мільйонів) виявилося досить складним завданням, пов'язаним з масовим опором українців.

Організатором протистояння і боротьби з радянським тоталітарним режимом була ОУН, яка мала у краї багатотисячне підпілля на чолі з Проводом (Р. Шухевич, Д. Маївський, Р. Волошин, Д. Клячківський, В. Кук, Д. Грицай та ін.). А його збройною силою була Українська повстанська армія – 60–80 тисяч вояків у бойових групах:

[1] За вільну Україну. – 2001. – 22–23 вересня.

УПА-Північ (командувач Д. Клячківський), УПА-Захід на теренах Львівщини (В. Сидор), УПА-Південь (О. Грабець, В. Кук)[2].

Москва у ході війни отримувала, насамперед від радянських партизанських командирів, інформацію про існування і діяльність УПА та оунівського підпілля. Ще у січні 1943 р. начальник Українського штабу партизанського руху полковник НКВС Т. Строкач повідомляв про те, що в західних областях «існують великі групи українських націоналістів», що вони «створюють свої нелегальні організації для боротьби з фашистськими окупантами під гаслом «За самостійну Україну без німців»[3]. У січні 1944 р. командир радянського партизанського з'єднання на Волині О. Федоров попереджав М. Хрущова: «ОУН вдалося зібрати значні збройні сили, які входять до УПА, а також підготувати значні резерви, джерелом яких є головним чином селянство та інтелігенція Галичини». Водночас він пропонував скерувати в Галичину два-три партизанських з'єднання, причому із завданням не боротьби з нацистськими окупантами, а «для очистки районів від націоналістичних банд»[4].

У листі до Сталіна в березні 1944 р. М. Хрущов стурбовано відзначав, що «Головне командування УПА оголосило себе «найвищою і єдино суверенною владою на визволених землях України», проводить не лише бойові операції, але й визначає адміністративний «устрій» України... УПА розпочала «наділяти» селян землею... ОУН на своєму III Надзвичайному зборі розробила пункти такої «демагогічної» програми... передати селянам західних областей всі поміщицькі, монастирські і церковні землі, робітникам встановити 8-годинний робочий день, жінкам забезпечити рівні права.., молоді мати обов'язкову середню освіту і вільний доступ у вищі навчальні заклади, хворим безплатну медичну допомогу, всім – свободу слова, думки, переконань та ін.» До листа додавалися документи ОУН і УПА[5].

Бойову і державотворну діяльність УПА та підпілля ОУН в Україні Москва сприймала надзвичайно боляче. Режим розумів, що рух Опору є масовим, він має підтримку широких верств населення краю. У серпні 1944 р. нарком внутрішніх справ СРСР Л. Берія і заступник наркома оборони маршал Г. Жуков підготували таємний наказ, який, за свідченням тодішнього наркома внутрішніх справ УРСР генерала В. Рясного, зокрема передбачав: «Вислати у віддалені райони Союзу РСР усіх українців, які проживали під владою німецьких окупантів». Сталін, стверджує енкаведист, «без вагань наказав виселити всіх українців до відомої матері, а конкретно до Сибіру»[6]. Зауважимо, що нині дехто з істориків і політиків спростовує заяви Рясного. Але М. Хрущов у доповіді XX з'їздові КПРС заявляв, що умовив Сталіна не здійснювати того наміру. До того ж, інший офіцер НКВС-МВС Г. Санников у своїх спогадах писав: «Сталін гуманно віднісся до українського народу. У той період він міг запросто виселити більшу частину населення за межі республіки, як це було зроблено у Чечні 1944 р.»[7]

Про те, як «гуманно» поставилася комуністична система до українців, свідчить процес впровадження тоталітарного режиму на західних землях, зокрема на Львівщині.

[2] Кентій А. В. Українська Повстанська Армія в 1944–1945 рр. – Київ, 1999. – С. 32–36.

[3] Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. – Київ, 1994. – Т. 1. – С. 331.

[4] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. – Кн. 1. – Київ; Торонто, 2002. – С. 127–132.

[5] Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). – Ф.1. – Оп. 215. – Спр. 703. – Арк. 1–19.

[6] Чуев Ф. Солдаты империи. – Москва, 1998. – С. 178–179.

[7] Санников Г. Большая охота: Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. – Москва, 2002. – С. 11.

Ще до зайняття Червоною армією західного регіону ЦК КП(б)У на чолі з М. Хрущовим розгорнув широкомасштабну діяльність щодо «відновлення радянських порядків і законів на території, звільненої від німецько-фашистських загарбників». Спеціальна постанова вимагала звернути особливу увагу і зосередити всі необхідні сили, засоби і методи на боротьбу проти «українсько-німецьких націоналістів». З цією метою «негайно скерувати в зайняті райони Західної України необхідну кількість політично перевірених і підготовлених працівників» [8]. Саме ця вказівка «вождя народів» («Кадри вирішують усе!») поклала початок утвердженню тоталітарної системи в регіоні, системи, яка традиційно базувалася на карально-репресивних методах «радянізації».

Ще 2 лютого 1944 р. Оргбюро ЦК КП(б)У за участю М. Хрущова прийняло постанову «Про відбір керівних партійних і радянських працівників для роботи в західних областях УРСР», яка вимагала «Харківський, Ворошиловградський, Полтавський, Сумський, Дніпропетровський, Сталінський і Запорізький обкоми партії відібрати 450 чол., з них перших секретарів райкомів партії – 140, голів райвиконкомів – 150» [9]. Слід зауважити, ЦК вимагав відряджати в його розпорядження, зокрема у лютому 1944 р., 300 працівників «україномовних» і бажано тих, хто у 1939–1941 рр. працював у західних областях. У березні обкоми зі сходу України були зобов'язані надіслати ще 2510 партійних, радянських і господарських працівників [10].

У Києві ЦК КП(б)У формував так звані оперативні групи обкомів партії по 500–600 партійних, радянських, комсомольських і господарських функціонерів на кожну область. Оперативну групу Львівської області очолив член Військради 40-ї армії 2-го Українського фронту генерал-майор Іван Грушецький. Уродженець с. Комишувахи Запорізької області, він у 1939–1941 рр. керував Станіславським та Чернівецьким обкомами партії, а тепер його було призначено першим секретарем Львівського обкому. Вслід за військами Червоної армії пересувався уже підібраний кадровий апарат. Наприклад, уже були призначені голова Львівського облвиконкому, перші секретарі райкомів та голови райвиконкомів з відповідними кадрами для усіх районів Львівщини, військові комісари. З нетерпінням чекав роботи і генерал НКВС Є. Грушко з вишколеним карально-репресивним апаратом НКВС-НКДБ. Про загальну кількість цієї опергрупи свідчить постанова ЦК КП(б)У від 10 травня 1944 р. про видачу для керівних кадрів 500 одиниць вогнепальної зброї, отриманої від НКВС [11]. У лютому 1945 р. М. Хрущов доповідав Сталінові, що, виконуючи його вказівки, завдяки широкомасштабній роботі у галузі кадрів українського ЦК, в західні області України скеровано 42 тисячі відповідальних перевірених працівників. Новоутворений апарат органів внутрішніх справ і держбезпеки нараховував 22 тис. керівних і оперативних працівників [12].

Таким чином, за кілька місяців у краї було створено систему влади, призначену для впровадження тоталітарного режиму. В результаті такої колонізаторської кадрової політики місцеве українське населення повністю усунули від органів самоврядування й керівних структур. Влада й управління суспільно-політичним, господарським і духовним життям п'ятимільйонного народу знаходилися в руках надісланих зі сходу

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов. Т. 6. – Москва, 1972. – С. 124–129.

[9] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 215. – Спр. 195. – Арк. 30.

[10] Там само. – Арк. 69.

[11] Там само. – Оп. 16. – Спр. 48. – Арк. 54–55.

[12] Там само. – Спр. 185. – Арк. 55–65.

керівників, вихованих тоталітарною системою, яка не сприймала місцевих традицій, звичаїв, психології людей. Саме таким шляхом Кремль розраховував вирішити пріоритетне завдання – ліквідацію потужного національно-визвольного руху на західноукраїнських землях. Головним змістом діяльності влади стала жорстока боротьба Москви з українським населенням регіону. При цьому було використано типові сталінські «надзвичайні методи» – широкомасштабні репресії проти відвертих ворогів, «ненадійних» елементів і проти місцевого населення в цілому.

На Львівщині, як і в інших областях Західної України, у серпні–вересні 1944 р. було створено репресивно-каральний апарат в особі обласних управлінь НКВС (генерал Є. Грушко), НКДБ (полковник І. Воронін) та 35 районних відділів цих відомств [13]. Львівське обласне і районні управління НКВС і НКДБ тісно співпрацювали і постійно залучали для проведення так званих чекістсько-військових операцій проти частин УПА, а також при здійсненні депортацій, і потужні внутрішні війська НКВС Українського округу. На території області діяли чотири стрілецькі бригади і кінний полк, а також три бронепоїзди. Зокрема, 17-а бригада зі штабом і двома батальйонами (696 солдатів) розмістилася у Львові, а решта її підрозділів стояла гарнізонами у Радехові (558 вояків), Перемишлянах (274), Буську (171), Яричеві (237) та в інших містах і райцентрах. 18-а бригада дислокувалася в Глинянах і мала 622 бійці, 24-а – в районі Бібрки (621), 25-а – у Буську, а свої підрозділи – в Золочеві (276), Новому Яричеві (347), Поморянах (182), Кам'янці-Струмиловій (222). 18-й кінний полк мав у Бродах 249 кіннотників, в Олеську – 139, Підкамені – 129, Станіславчику – 123. У березні 1945 р. полк перекинуто до Лопатина разом з 207-ю стрілецькою бригадою. Всього ж у Львівській області нараховувалося в жовтні 1944 р. 6525 солдатів і офіцерів військ НКВС [14].

До цих частин НКВС слід додати частини і підрозділи Прикордонних військ генерала І. Бурмаки, які підпорядковувались в той час Міністерству внутрішніх справ УРСР. Вони досить часто залучалися до військово-чекістських операцій проти УПА. Назвемо декотрі з них: 104-й резервний прикордонний загін у Самборі (1398 бійців), 2-й прикордонний загін у Сокалі (1694), 88-й прикордонний загін у Раві-Руській (1694), 89-й прикордонний загін у Мостиськах (1694) та інші [15].

Чималі сили військ НКВС були задіяні для охорони від можливих нападів або диверсій на залізницях Львівщини. Безпосередньо у Львові дислокувалося управління 32-ї дивізії НКВС зі своїми частинами (328 бійців), а її батальйони з 62-го стрілецького полку загальною кількістю 1813 солдатів і офіцерів складали гарнізони станцій. Курсували на залізницях шість бронепоїздів [16].

Важливу роль у боротьбі з Українською Повстанською армією сталінське керівництво і репресивні відомства відводили вишколеним частинам і з'єднанням радянських партизанів, які ще в часи німецької окупації отримували з Москви першочергове завдання ліквідувати «націоналістичні» збройні формування. Саме для цього їх 1943 р. перекинули на Волинь і Полісся. Враховувалося також те, що вони були пристосовані для маневрених дій у лісовій місцевості, орієнтувалися в регіоні. Ще 15 липня 1943 р.

[13] ДАЛО. – Ф. Зп. – Оп. 1. – Спр. 198. – Арк. 54–106.

[14] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9478 (Особая папка Сталина). – Оп. 1. – Спр. 648. – Арк. 8–14. – ДАЛО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Спр. 23. – Арк. 17.

[15] Там само. – Арк. 51–56.

[16] Там само. – Арк. 84–86.

ЦК КП(б)У вимагав від командирів радянських партизанів: «Усім партизанським загонам більш активно вести боротьбу з націоналістичними організаціями. У листівках і усній агітації викривати українсько-німецьких націоналістів як агентів Гітлера. Засилати у націоналістичні формування і організації спеціально підготовлених людей для розкладу націоналістичних банд» [17]. Командири партизанських частин і з'єднань, зокрема О. Сабуров, О. Федоров, А. Одуха, П. Вершигора, пропонували «зберегти 2–3 партизанські з'єднання в західних областях України після приходу Червоної армії для очистки території від націоналістичних банд». Аналогічне прохання висловлювало партійне і радянське керівництво регіону.

Відтак, улітку 1944 р. партизанські частини переходили у розпорядження репресивних органів УРСР. Зокрема, 18 серпня ЦК КП(б)У ухвалило: «Партизанську дивізію ім. двічі Героя Радянського Союзу Ковпака С. А., яка виконала бойові завдання, поставлені перед нею Центральним Комітетом КП(б) України по боротьбі з німецькими окупантами в глибокому тилу противника, передати у повному складі (3000 бійців і командирів. – *Авт.*), засобами зв'язку та майном Народному комісаріатові внутрішніх справ УРСР для проходження подальшої служби, використовуючи її в першу чергу для найшвидшої ліквідації націоналістичних банд» [18]. Крім того, велика група офіцерів Українського штабу партизанського руху передавалася створеному за наказом Берії республіканському Управлінню по боротьбі з бандитизмом, тобто з національно-визвольним рухом у Західній Україні. Управління очолив генерал Строкач, який зі своїм кадровим апаратом прибув до Рівного. Він очолив розробку і проведення чекістсько-військових операцій проти УПА, а також організацію й використання винищувальних батальйонів. На Львівщині разом з кінними загонами ковпаківців діяли сім партизанських частин генерала М. Наумова (1400 бійців). Про активну участь у боях з частинами УПА 1944 р. доповідали наркому Рясному, який осів зі своїм штабом у Львові, Одуха (2400 бійців), Олексенко (1370), Федоров-Кізя (1460), Маликов (1210) [19].

Оскільки тривала радянсько-німецька війна, використати війська Червоної армії було практично неможливо. А численних сил НКВС для придушення визвольного руху виявилося недостатньо. Тоді радянська влада вдалася до формування з місцевого населення так званих винищувальних батальйонів. Наприкінці 1944 р. в західному регіоні розгорнулося формування 212 батальйонів, які невдовзі нараховували 29,9 тис. осіб [20]. Російською мовою ці утворення називалися «истребительные отряды», тож місцеве населення низивало їх «стрибки». М. Хрущов вимагав від керівництва областей Західної України «утворити винищувальні батальйони з місцевого населення у кожному райцентрі, а де можна, і у великих селах. Домогтися, щоб ядро кожного батальйону складала невелика група з партизан або інших осіб, які мають досвід боротьби з бандитами. Створити у кожному селі групи сприяння, залучати місцевий сільський актив, селян-бідняків та середняків, інтелігенцію і дружин червоноармійців» [21].

Відзначимо, що владі почасти вдалося залучити до репресивного апарату певну кількість місцевих мешканців-добровольців. Більшість з них вступала у батальйони з розрахунком уникнути призову до війська та відправлення на фронт. Часом до них

[17] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 16. – Спр. 25. – Арк. 72.
[18] Там само. – Спр. 27. – Арк. 111–113.
[19] ЦДАГОУ. – Ф. 62 (Український штаб партизанського руху). – Оп. 1. – Спр. 1542. – Арк. 30.
[20] Кентій А.В. Вказана праця. – С. 154.
[21] ЦДАГОУ. – Ф. 3. – Оп. 16. – Спр. 29. – Арк. 1–12. – Спр. 38. – Арк. 154.

УПА засилала своїх агентів та інформаторів. Були серед «стрибків» і щирі прихильники радянської влади, або ті, хто прагнув вирішити певні проблеми чи амбіції. Водночас із винищувальними батальйонами в селах формувалися озброєні групи сприяння чи самооборони, які підпорядковувалися дільничним міліціонерам. Їх чисельність була досить значною: 2336 груп (24025 осіб) на початку 1945 р., проте боєздатність їх була низькою, повстанці часто без ускладнень роззброювали або ліквідовували такі групи. У Львівській області формуванням винищувальних батальйонів керував персонально заступник наркома внутрішніх справ генерал Строкач. На кінець 1945 р. їх було створено 285, тобто не лише у районних центрах, а й у багатьох селах. Згідно з одним із зведень, вони мали 5212 бійців, однак з дуже низькою активністю[22].

Отже, вже у перші місяці радянської влади на повоєнних теренах Західної України для відновлення сталінського тоталітарного режиму було створено могутній репресивний апарат, за допомогою якого влада сподівалася швидко утвердитися, насамперед силою зброї та репресій. В одному з листів до Сталіна М. Хрущов самовпевнено доповідав, що «розмови про сили українсько-німецьких націоналістичних банд» сильно перебільшені, обіцяв до весняної посівної навести у регіоні порядок, покінчити з УПА до 15 березня 1945 р., тобто «до кінця війни», як планував Сталін.

На першому етапі боротьби ставка робилася на широкомасштабні військово-чекістські операції із залученням значних сил[23]. Зокрема, під час операції НКВС в районі «Чорного лісу» на Станіславщині у листопаді 1944 р. проти повстанців (близько 1000 бійців), були залучені енкаведистські полки 19-ї бригади та кілька батальйонів із львівських (17-ї і 24-ї), а також чернівецької (23-ї) і тернопільської (26-ї) бригад. За підрахунками А. Кентія, в операції з радянського боку брали участь щонайменше 15 тис. карателів, за іншими даними – до 8 тисяч. Але й ця операція зазнала невдачі. Часопис УПА «Повстанець» писав: «Ця велика акція сталінських окупантів на виділи УПА потерпіла повну невдачу»[24].

Тоталітарний режим прагнув утвердитися в «молодих областях Радянської України» передусім шляхом масових чекістсько-військових операцій та репресій проти мирного населення. Гасло боротьби проти так званих «українсько-німецьких банд» керівництво Радянського Союзу використовувало насамперед для того, щоб якомога скоріше «перевиховати» населення західних регіонів України і навернути їх на «сталінський спосіб життя». Населення чинило опір такій навальній «радянізації», тож не дивно, що воно масово підтримувало Українську повстанську армію, посилаючи до неї своїх синів і дочок. При такій підтримці народних мас УПА завдавала відчутних ударів системі, гальмуючи радянізацію регіону. Про масштаби цієї боротьби красномовно свідчить один із «радянських» документів – «Особлива папка Сталіна», а саме – доповідна записка наркома Берії Сталінові, Молотову, Маленкову, Кагановичу і Хрущову від 12 грудня 1944 р. У ній відзначалося: «Всього за час проведення операцій з ліквідації оунівських банд (лютий–листопад ц. р.) вбито 50925 і захоплено живими 42984 бандити. Захоплено зброї і боєприпасів: гармат – 32, станкових і ручних кулеметів – 2416, ПТР – 192, автоматів – 3349, гвинтівок – 15263, мінометів – 300, пістолетів і револьверів – 1494… При проведенні операцій (всього 6495) вбито 1424 і поранено

[22] ЦДАГОУ. – Ф. П-3. – Оп. 16. – Спр. 31. – Арк. 36–38, 54.

[23] Марчук І. Гурбенський бій мовою свідчень, фактів, документів // Визвольний шлях. – 2002. – Кн. ІІ. – С. 17–19.

[24] Повстанець. – 1945. – Ч. 3.

1440 оперативних працівників, офіцерів і бійців військ НКВС»[25]. Тут треба зауважити, що наведені цифри у подальших звітах мали немало інших варіантів, що свідчить про маніпулювання ними з боку керівників репресивних органів та партійних комітетів.

Незважаючи на силові заходи, активну діяльність численних структур НКВС, подолати опір українців лобовою атакою енкаведистських частин не вдавалося. Сталін віддав розпорядження генералові М. Булганіну та Генеральному штабові виділити додаткові війська Червоної армії для їх участі у каральних операціях НКВС. Щоправда, командири частин здебільшого намагалися ухилятись від таких акцій. Бували випадки, коли армійські підрозділи навіть ставали на захист мирних мешканців, які постійно потерпали від брутальності енкаведистів[26].

Потужною перепоною для радянської влади у процесі впровадження на західноукраїнських землях тоталітарного режиму була Українська греко-католицька церква. Зважаючи на міжнародний авторитет митрополита УГКЦ Андрея Шептицького, Москва деякий час утримувалася від прямого наступу на церковні інституції. Ситуація змінилася після смерті митрополита у листопаді 1944 р. З активною участю Російської православної церкви репресивні органи навесні 1945 р. почали реалізувати ухвалений Сталіним план ліквідації греко-католицької церкви. (Про це – див. дослідження Світлани Гуркіної «Репресоване духовенство Львівщини (1939–1989)», вміщене у цьому розділі. – *Ред.*).

Хоч Сталін у ті часи звинувачував Хрущова у «м'якотілості», документи свідчать, що секретар ЦК КП(б)У постійно вимагав від керівництва НКВС і керівників західноукраїнських областей рішуче вдаватися до жорстоких репресій. Він часто бував у Львові, збирав наради, заслуховував звіти, вносив пропозиції та віддавав розпорядження «привселюдно вішати полонених повстанців, масово виселяти в Сибір сім'ї учасників визвольної боротьби». Хрущов попереджав: «За безвідповідальне ставлення до такої важливої державної справи винні будуть усунуті з посад, піддані найсуворішій партійній відповідальності і віддані під суд»[27]. У листопаді 1944 р. – січні 1945 р. Хрущов кілька разів відвідав Львівщину. Під час одного з таких приїздів навіть було проведено «показову» триденну операцію енкаведистів у районі села Великої Горожанки, де проти повстанців було кинуто танки й авіацію. На нараді у Львові Хрущов розкритикував керівництво Львівщини за низьку ефективність боротьби з повстанським рухом. Доповідаючи Сталінові про результати поїздки на Львівщину, він у листі від 15 листопада 1944 р. пропонував: «Вважаю за необхідне впровадити військово-польові суди при військах НКВС. Для залякування бандитів за вироком цих військово-польових судів засуджених до смерті не розстрілювати, а вішати… Виконання вироків військово-польових судів здійснювати привселюдно». Крім того, він пропонував для прискорення розправ з повстанцями й підпільниками мережі ОУН сформувати так звані «трійки». Сталін погодився без найменших вагань[28]. Відтак, на Львівщині та в інших областях прокотилася хвиля прилюдних страт учасників руху Опору. Наприклад, 31 грудня 1944 р. у Щирці повішано 19-річного юнака Василя Фітьо, уродженця

[25] ДАРФ. – Ф. 9401. – Оп. 2. – Спр. 68. – Арк. 128–132.

[26] Волкогонов Д. А. Тріумф і трагедія: Політичний портрет Сталіна. – Кн. 2. – Київ, 1990. – С. 483.

[27] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 16. – Спр. 29. – Арк. 83–90, 138, 153–154.

[28] Там само. – Оп. 215. – Спр. 1060. – Арк. 16–18.

села Підтемного. 11 січня 1945 р. у Стрию енкаведисти повісили п'ятьох учасників підпілля – П. Бабія, З. Гайсюка, М. Отецького, І. Рігуса і П. Стефаніва. Сестра Зіновія Гайсюка Катерина згадує: «На міському майдані енкаведисти спорудили шибеницю, зігнали мешканців Стрия і довколишніх сіл, які стали свідками страти п'ятьох українських патріотів. Їх повісили на очах закам'янілих від жаху людей»[29]. Репресивні органи почали заздалегідь планувати такі акції. Наприклад, в одному з донесень із Дрогобича особисто Хрущову повідомлялося: «У найближчі дні передбачається в різних містах і районах виконати до двадцяти вироків, страт активних учасників націоналістичних банд через повішання»[30].

У травні 1945 р. Берія доповів Сталінові, що його наказ ліквідувати повстанський рух у Західній Україні не виконано. Хоч, як зазначав нарком, з цією метою здійснено багато чекістсько-військових операцій, у ході яких було вбито 31157 повстанців, взято у полон 40760 і «з'явилося з повинною» після оголошеної амністії 23166 осіб[31].

Москва сподівалася остаточно вирішити проблему використанням військ Червоної армії, які поверталися з фронту і численними гарнізонами вкривали західний регіон України. З п'яти військових округів, розміщених на території УРСР, два дислокувалися на західних теренах: Львівський та Прикарпатський. У травні вони були об'єднані в один Прикарпатський військовий округ зі штабом у Львові. Хрущов надіслав розпорядження: «Посилити чекістсько-військові операції в областях... використати перебування військових гарнізонів в селах для остаточного розгрому ОУН-УПА»[32]. Однак плани використати у боротьбі з УПА частини Червоної армії на практиці реалізовувалися не завжди. Фронтові командири не надто охоче поспішали кидати своїх солдатів на допомогу енкаведистам.

Партійні керівники областей, зокрема Львівщини і Дрогобиччини, неодноразово скаржилися в центральні партійні органи на пасивне ставлення командирів до каральних акцій. Наприклад, воїни 271-ї стрілецької дивізії, коли їх кинули на допомогу частинам НКВС, усіляко намагались уникати сутичок з повстанцями. В одному з сіл Львівщини командир дивізії особисто звільнив захоплених карателями 80 мирних мешканців, а його солдати навіть вступили в сутичку з підрозділом військ НКВС. Категорично відмовився надати допомогу структурам НКВС і командир стрілецького полку у Бібрці. 22 січня 1945 р. начальник Жовківського райвідділу НКВС звернувся до Хрущова, секретаря Львівського обкому Грушецького і командувача Львівським військовим округом Смирнова зі скаргою на начальника гарнізону Жовкви підполковника Ємченка, який систематично відмовлявся надавати свої військові підрозділи для проведення каральних операцій. Секретар Буського райкому партії скаржився Грушецькому на підполковника Абрамчука, який, мовляв, своєю бездіяльністю «сприяє місцевим бандгрупам» Заболотцівського, Лопатинського і Олеського районів[33]. Про подібні факти говорять й інші документи, у тому числі – і звіти, донесення, протоколи УПА[34]. Однак фактом є те, що

[29] За вільну Україну. – 1992. – 3 жовтня.
[30] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 215. – Спр. 926. – Арк. 72–79.
[31] ДАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Спр. 352. – Арк. 43–45.
[32] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 215. – Спр. 31. – Арк. 81–89.
[32] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 1691. – Арк. 4–5. – Ф. 48. – Оп. 1. – Спр. 82. – Арк. 86.
[34] Шанковський Л. Українська Повстанча Армія // Історія українського війська 1917–1995. – Львів, 1996. – С. 618.

радянське керівництво у боротьбі проти руху Опору активно залучало регулярні війська, в тому числі танкові і авіаційні частини.

У репресивну систему залучалася ще одна ланка – агентура. Поширення агентурної мережі було передбачено, зокрема, постановою ЦК КП(б)У від 10 січня 1945 р. На одній з нарад у Львові Хрущов дав вказівку: постійно викликати у райвідділи НКВС великі групи населення, по 50–100 осіб, і в «індивідуальному порядку» вербувати серед них агентів та інформаторів [35]. Якщо вірити доповідям обласних управлінь НКВС у Київ, цей метод суттєво збільшив кількість агентів у лавах УПА. Однак навіть їх звіти доводять протилежне. Наприклад, у Дрогобицькій області із 777 населених пунктів на допити було викликано 17872 особи, з яких завербувати вдалося тільки 637 осіб; у Львівській області з 9555 допитаних згоду стати інформаторами дали лише 118 осіб. Шляхом розстрілів, репресій, катувань, шантажу органи НКВС намагалися залучити на свій бік все нових громадян [36].

Восени 1945 р. Берія заспокоював Сталіна, що повстанський рух в основному ліквідовано. Почалося скорочення військ Прикарпатського військового округу, і Берія водночас почав скорочувати війська НКВС (в Україні – із 30 тисяч до 23 тисяч). Натомість було здійснено їх реорганізацію: зі стрілецьких бригад утворено дивізії по чотири полки у кожній, причому із трьох дивізій в УРСР дві дислокувалися у західному регіоні [37].

На початку 1946 р. керівники Львівського та Рівненського обкомів партії звернулися до Києва з пропозицією розформувати винищувальні батальйони через низьку боєздатність і неефективність у боротьбі з УПА, а також складність їх утримання. Політбюро ЦК КП(б)У висловило невдоволення: мовляв, замість активнішого залучення місцевого населення до боротьби проти УПА обласні керівники прагнуть розформувати винищувальні батальйони. Київ вимагав: підвищити боєздатність батальйонів, провести їх «чистку», використовуючи для цього агентуру в середовищі формувань, запровадити систему заохочень грішми та цінними подарунками, активних бійців представляти до державних нагород. Визначено, що у Львівській та Дрогобицькій областях слід мати щонайменше 11 тисяч «стрибків», а всього в регіоні – 35 тисяч [38].

28 травня 1946 р. новопризначений міністр внутрішніх справ Строкач доповідав Хрущову: в західних областях перевірено 3626 винищувальних підрозділів із загальною кількістю 63712 бійців; за недовіру звільнено 9911 осіб, а 634 заарештовано; розформовано як ненадійні чи небоєздатні 567 батальйонів, або 6063 бійці. Однак, запевняв міністр, 3138 батальйонів, або 50032 бійці «довели свою лояльність до радянської влади і будуть використані для остаточної ліквідації бандитизму» [39]. Але генерал сприймав бажане за дійсне. Процес розпаду винищувальних батальйонів тривав. Навесні 1947 р. їх кількість зменшилася вдвічі. На Львівщині таких підрозділів залишилося 215, які мали у списках 3976 бійців. Це були залишки підрозділів «стрибків», які, як правило, до бойових операцій не залучалися і несли здебільшого охоронну службу.

У системі репресивних структур особливе місце займають створені ще 1944 р. спеціальні групи енкаведистів, які діяли під виглядом підрозділів УПА. Їх «заснував»

[35] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 215. – Спр. 39. – Арк. 1–12.
[36] Там само. – Спр. 1693. – Арк. 28–37.
[37] ДАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Спр. 352. – Арк. 143–145.
[38] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 16. – Спр. 50. – Арк. 44–45, 90–91.
[39] Там само. – Оп. 215. – Спр. 2967. – Арк. 26–30.

нарком Рясний, який і визначив для цих провокаторських груп спеціальні завдання: виявляти і знищувати провідних діячів ОУН і повстанських командирів, організовувати провокації серед населення, вбивати мирних мешканців, зокрема жінок і дітей, з метою компрометації УПА. 26 липня 1945 р. він доповідав Берії, що розгорнув формування підрозділів «особливого призначення, названих спеціальними групами». Командував такими групами, як правило, оперативний працівник НКВС, а інколи використовувалися, як він писав, «колишні ватажки з членів УПА». Нарком наголошував: «За своїм зовнішнім виглядом і озброєнням, знанням місцевих побутових особливостей, мови і конспіративним способом дій особовий склад спеціальних груп нічим не відрізнявся від бандитів УПА, що вводило в оману апарат живого зв'язку та ватажків УПА й оунівського підпілля». Він задоволено доповідав, що всього створено 156 таких «спецгруп», які нараховували 1785 «бійців і командирів». Нарком вважав їх дії досить успішними і доповідав, що ними знищено 2015 повстанців та підпільників ОУН, причому вони створювали враження, що ці акції здійснили підрозділи чи служба безпеки УПА. Він підкреслював, що саме його «спецгрупи» знищили командувача групи УПА-Північ Д. Клячківського-Савура, начальника штабу військової округи «Заграва» М. Левицького-Макаренка та інших[40].

Одна з таких «спецгруп» під командуванням майора НКВС Соколова за півроку знищила близько ста повстанців і підпільників, захопила десятки зв'язкових. Керівництво представило його до звання Героя Радянського Союзу. Москва ж нагородила його та ще кількох командирів «спецгруп» орденом Червоного прапора. Сталінський режим вважав цілком закономірним застосовувати найпідступніші методи для насильницького впровадження радянської влади в західному регіоні України[41].

В арсеналі репресивної системи сталінської імперії у боротьбі з власним народом, зокрема українцями, був ще один брутальний засіб – масові депортації, виселення з батьківських земель у Сибір, Далекий Схід, Казахстан та Північ. Ще з 1920-х років примусове переселення народів, як одна з форм репресій, стало грізною зброєю «радянізації» суспільства. Депортаціям піддавалися не лише певні групи населення, а й цілі етноси. Жертвами цілеспрямованої брутальної політики тоталітарної держави стали представники 60 народів комуністичної імперії, серед них найбільша частка припадала на українців.

Депортаційні процеси в Україні широко застосовувалися в роки примусової колективізації 1929–1931 рр., згодом – у роки сталінського терору 30-х років, під час короткотривалої окупації західноукраїнських земель 1939–1941 рр., коли «від ворожих і ненадійних елементів» було виселено з рідних місць близько 10% населення. Хвиля депортацій цілих народів прокотилася по території СРСР в час радянсько-німецької війни. Така ж доля чекала й на український народ у 1944 р. Хрущов згодом згадував, що цього не вдалося здійснити лише внаслідок великої кількості населення: мовляв, залізничних ешелонів всього СРСР не вистачило б. Зрештою, як похвалявся тодішній нарком Рясний, «кілька ешелонів мої молодці заповнили і відправили… А потім цей наказ раптом зупинився… Кажуть, українські вожді кинулися в ноги Сталіну, благаючи його зупинити виселення. І Сталін уступив»[42].

[40] ДАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Спр. 400. – Арк. 81–97.
[41] Білас І. Вказана праця. – С. 468.
[42] Чуєв Ф. Вказана праця. – С. 179.

На західноукраїнських землях, зокрема на Львівщині, репресивно-депортаційні акції розгорнулися відразу ж після приходу Червоної армії влітку 1944 р. У розповсюджених листівках і пресі нарком Рясний загрожував: «Коли вони (вояки УПА. – *Авт.*) не складуть зброю і не прийдуть з повинною.., то по відношенню до них і їхніх сімей будуть вжиті такі ж заходи покарання» [43]. Ці «заходи» не забарилися. Своєрідними штабами депортацій стали партійні комітети. Наприклад, партійний керівник Рівненщини В. Бегма 6 червня 1944 р. просив: «У більших розмірах дозволити виселення сімей бандитів у віддалені райони СРСР, а деякі села, найбільш уражені бандитизмом і розміщені безпосередньо біля лісових масивів, виселяти повністю» [44]. У листі до Сталіна Хрущов підтримав ініціативу Бегми та керівників інших областей і пропонував «виселити сім'ї активних учасників ОУН, УПА і УНРА у віддалені місцевості СРСР. НКВС СРСР визначити місця поселення, а визначення осіб і категорій населення, яке підлягає виселенню, покласти на обласні органи НКВС». Крім того, Хрущов доклав проект постанови Державного комітету оборони, який зобов'язував карально-репресивні органи розгорнути масові депортації населення західного регіону України [45].

Цей план Сталін доручив здійснити генералові Сєрову, який мав багатий досвід виселення народів Північного Кавказу, за що був відзначений орденом Суворова (ним, до речі, нагороджувалися винятково воєначальники і полководці Червоної армії за бойові заслуги на фронтах). Досвідчений фахівець брутальних операцій опрацював і впровадив детальну інструкцію про порядок депортацій. Один із її пунктів зазначав: «Виселенню підлягають усі повнолітні члени сімей оунівців і активних повстанців, як заарештованих, так і вбитих при зіткненнях, а їх майно підлягає конфіскації... Крім цієї категорії, підлягають також виселенню сім'ї активу і керівного складу ОУН-УПА, які переховуються... Неповнолітні члени сімей веселяються разом зі своїми рідними» [46].

Нарком Берія надіслав до Києва директиву щодо кількості людей, яку можуть прийняти в Сибіру, зокрема: Красноярський край – 5000 осіб, Омська область – 4000 і т.д. Рознарядка прийшла й до Львова. Але генералові Є. Грушку доведені цифри здалися замалими, і він звернувся безпосередньо до Москви з проханням збільшити квоту для Львова. У жовтні 1944 р. генерал мав «підготовлених» до виселення 10517 осіб (3329 сімей), але, крім того контингенту, він наполягав на виселенні ще «додаткових» 15 тисяч осіб [47]. Навіть далекі від гуманного ставлення до українців, а тим більше до повстанських родин, керівники НКВС СРСР надсилали до Києва телеграми, в яких інформували: ешелони з депортованими не облаштовані для транспортування людей: вагони не мають нарів, вікон, не утеплені. Люди харчами забезпечені погано, що призводить до масової смерті, найчастіше дітей; через незадовільний антисанітарний стан поширюються епідемії тифу та інших інфекційних хвороб.

Масштаби виселення українців збільшувалися з кожним місяцем. У Державному архіві Львівської області виявлено сотні списків мешканців з кожного району, багатьох міст і сіл, у яких – прізвища людей похилого віку, жінок з дітьми, які потрапили під тиск

[43] Сергійчук В. Десять буремних літ. Західноукраїнські землі в 1944–1953 роках. – Київ, 1998. – С. 35–37.
[44] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 215. – Спр. 889. – Арк. 37.
[45] Там само. – Спр. 703. – Арк. 19, 22.
[46] Білас І. Вказана праця. – С. 502–506.
[47] Там само. – С. 512–513.

репресій. Архівні документи свідчать, що, наприклад, лише у жовтні–грудні 1944 р. із Львівської області у Красноярський край виселено 3163 особи. З Дрогобицької області в Комі АРСР виселено 1285 осіб. У першому кварталі 1945 р. із західних областей репресовано 23660 осіб[48]. Але це був лише початок. Масового характеру депортації набули 1947 року, особливо після приходу до влади в Україні Л. Кагановича.

Депортації проводилися як військові операції. Як відзначає М. Бугай, автор книги «Народи України в «Особливій папці Сталіна», до цих «операцій» було залучено понад 20 тисяч бійців внутрішніх військ, більше 18 тисяч бійців винищувальних батальйонів, 26 тисяч бійців Червоної армії та озброєні групи сприяння[49]. На Львівщині, зрештою як і в інших місцевостях, виселення проводили в основному обласні структури МВС, причому вони часто не інформували про свої «операції» навіть керівників області чи району. Наводимо один приклад розгулу карателів: 21 жовтня 1947 р. заздалегідь спланована операція з виселення мирних мешканців охоплювала всі західні області України. Вона розпочалася вночі: о 2.00 у містах і о 6.00 ранку в селах. Сотні населених пунктів потрапили під суцільні облави. Протягом доби лише у Львівській області було депортовано 15950 мирних жителів, або 5223 сім'ї. Всього в регіоні тоді було виселено 77791 особу, або 26332 родини. Репресивні органи пильно стежили за реакцією населення, інформували про це вище партійне керівництво. Відзначалося, що люди, за їх висловлюваннями, не бачили такого навіть у роки німецької окупації. Зокрема, один дрогобиччанин заявив: «Такої влади ще не бачив, це не люди, а варвари. Не розібравшись, вони хапають дітей, жінок, стариків і, незважаючи на зиму, вивозять їх до Сибіру»[50]. Москва була задоволена масштабами цієї акції. Міністр внутрішніх справ СРСР С. Круглов доповідав, що операція, до якої було залучено 13 тисяч оперативних працівників МВС, пройшла дуже успішно та ще й з перевиконанням плану: замість 25 тисяч запланованих на виселення сімей вивезено 26682. Майже всі вони були скеровані на підприємства вугільної промисловості Кузбасу, Караганди і Далекого Сходу як дешева робоча сила[51].

Вивозили не лише членів повстанських родин. У лютому 1946 р. секретар Львівського обкому партії Грушецький звернувся до Хрущова з пропозицією: «З метою очищення особливо уразливих об'єктів (залізниць, мостів, автомагістралей, новобудов та ін.) вважаємо за необхідне здійснити виселення із окремих сіл районів Львівської області у віддалені місцевості СРСР 1588 сімей (4394 осіб)». У додатку визначалися села й кількість у них «куркулів», «ненадійних» та ін., яких слід було виселити[52].

Під час колективізації, особливо у 1947–1948 рр., насильницькому виселенню в Сибір підлягали так звані «куркулі», тобто селяни, які мали 8–12 гектарів землі, 3–5 коней і 3–8 корів і не хотіли вступати до колгоспів й віддавати нажите довголітньою працею добро. Радянська влада ліквідовувала категорію заможних селян «як клас», так само, як вона здійснила це на зламі 1929–1930-х рр. у Наддніпрянщині.

До 1953 р. у віддалених районах СРСР перебували на різних видах поселення 570826 українців[53].

---

[48] ДАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Спр. 849. – Арк. 27–31.
[49] Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – Москва, 2006. – С. 133.
[50] ЦДАГОУ. – Ф. 11. – Оп. 215. – Спр. 4963. – Арк. 28–30, 61–82.
[51] ДАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Спр. 342. – Арк. 51–53.
[52] ДАЛО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Спр. 436. – Арк. 71.
[53] ДАРФ. – Ф. 7523. – Оп. 109. – Спр. 13. – Арк. 50–52.

Для певної частини українців термін виселення закінчувався. Тоді міністр Строкач звернувся до Москви з клопотанням, яке не має аналогів за своїм цинізмом: «Органами МВС УРСР упродовж 1944–1948 рр. із західних областей УРСР за рішенням Особливої Наради МВС УРСР виселено терміном на п'ять років 15350 сімей активних учасників банд ОУН у кількості 37680 осіб, і органами МДБ УРСР – 26332 сім'ї у кількості 77791 особа, термін заслання яким у рішенні не вказані. В лютому 1949 р. закінчують термін заслання 4724 сім'ї у кількості 12760 осіб, виселених у 1944 р. Враховуючи оперативне становище в західних областях УРСР, МВС УРСР вважає недоцільним повернення виселених оунівців до місць попереднього мешкання». Міністр УРСР просив Москву продовжити термін заслання до 20 років. Рада Міністрів СРСР постановою від 6 квітня 1950 р. взагалі скасувала термін заслання, зробивши його довічним, що й відзначалося у наказі Круглова: «встановити, що вони переселені у віддалені райони СРСР навічно» [54].

Створений у середині 1940-х рр. репресивний апарат продовжував діяльність і на початку 1950-х. Щоправда, з нього були вилучені деякі ланки: винищувальні батальйони, скомпрометовані спецгрупи МДБ, частини Прикарпатського військового округу й частково Прикордонні війська, підпорядковані Комітетові держбезпеки СРСР. Хоч довготривала боротьба загонів ОУН-УПА була обезкровлена потужною силою карально-репресивних органів, опір утвердженню тоталітарної системи тривав у всьому регіоні. Колишній керівник служби розвідки і диверсій МДБ генерал Судоплатов у спогадах писав, що Сталін був «вкрай незадоволений роботою органів безпеки у боротьбі з бандитизмом у Західній Україні. За цих обставин мені наказали зосередитися на розшуку керівників бандерівського підпілля та їх ліквідації». З тим завданням він прибув до Львова й упродовж півроку з потужними силами оперативних працівників МДБ розшукував командування УПА. Врешті 5 березня 1950 р. Головнокомандувача УПА генерала Романа Шухевича виявили в Білогорщі під Львовом, де він загинув у сутичці з карателями [55]. Однак повстанський рух не припинявся.

Смерть Сталіна у березні 1953 р. породила нові сподівання на радикальні зміни в суспільстві. Тоталітарна система вступила в період довготривалої кризи. Спадщина померлого диктатора виявилася для його наступників надзвичайно складною, можливості тоталітарного режиму вичерпувалися, і тому певна частина правлячої верхівки почала усвідомлювати необхідність хоч якихось змін. Сформована як політична «еліта» в умовах тоталітарного режиму, партноменклатура засвоїла і визнавала лише сталінську модель організації влади. Проте нові правителі, до того ж в умовах жорстокої боротьби за владу, не могли не рахуватися з необхідністю певної «корекції» курсу внутрішньої і зовнішньої політики Радянського Союзу, особливо у зв'язку з напругою в суспільстві та опору режимові.

Найбільш організований характер рух Опору мав на західних землях. Причому тут він був не лише антитоталітарним за своєю природою, а й національно-визвольним, спрямованим на побудову соборної незалежної Української держави. Для інших народів СРСР і підпорядкованих Москві країн Центрально-Східної Європи ця боротьба аж до самопожертви виконувала роль, за висловом Степана Бандери, «першої лінії і головного бастіону в протибольшевицькому фронті» [56]. Боязнь відповідальності за

[54] ДАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Спр. 525. – Арк. 5–6.

[55] Судоплатов П. Разведка и Кремль. – Москва, 1996. – С. 301–305.

[56] Бандера С. Слово до українських націонал-революціонерів за кордоном // Воля і Батьківщина. – 1999. – № 1. – С. 54.

свої злочини проти власного народу вимусила кремлівську верхівку вдатися до певної лібералізації режиму, у тому числі і щодо політичних в'язнів. Зокрема, вже у березні 1953 р. здійснено широку амністію: з 2,5 млн. в'язнів було звільнено 1,2 млн., серед них 400 тис. жінок, 240 тис. людей похилого віку і 31 тис. неповнолітніх.

Проте до XX з'їзду КПРС було ще неблизько – як у часовому, так і в політичному плані. Сотні тисяч репресованих громадян західних областей України ще мучилися у тюрмах, концтаборах, на «спецпоселеннях» тощо. Мало того, у краї й надалі тривала запекла боротьба проти «українського буржуазного націоналізму», тривали нові арешти, суди, виселення мирних мешканців. Тим, яких начебто відпустили з безмежних просторів ГУЛАГу, було заборонено повертатися до рідних місць, а тих, хто все-таки повернувся, не прописували і «за порушення паспортного режиму» знову депортували на схід…

Світлана ГУРКІНА
Український католицький університет, м. Львів

РЕПРЕСОВАНЕ ДУХОВЕНСТВО ЛЬВІВЩИНИ (1939–1989)

У вересні 1939 р., на момент приєднання Західної України до СРСР, Львів був центром трьох католицьких архієпархій різних обрядів: латинського (Римо-католицька церква), вірмено-католицького і візантійського (Українська греко-католицька церква). В місті діяли також єврейські синагоги та один православний храм. Як відомо, в Радянському Союзі всі релігійні організації переслідувалися і на інституційному рівні вони фактично були знищені [1]. Панівною в СРСР була ідеологія так званого «войовничого» атеїзму. «Золотий вересень» 1939 р. приніс із собою на «визволені» землі відповідну радянську релігійну політику. Всі релігійні конфесії краю відчули її на собі, проте головний удар спрямовано проти Української греко-католицької церкви (назва до початку дев'яностих років – Греко-католицька церква), до якої за віросповіданням належало практично все українське населення Галичини і Львівщини зокрема.

Сьогодні широкому загалу стали доступними документи, які розкривають репресивну політику держави стосовно УГКЦ і активну заангажованість у реалізації цієї політики органів державної безпеки СРСР [2]. Про нищення УГКЦ вже існує значна історіографія [3]. Архівні джерела, історичні дослідження, публікації в пресі, спогади

---

[1] Див.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – Москва, 1999. – С. 98–100; Лиценбергер О. А. Римо-Католическая Церковь в России: историческое и правовое положение. – Саратов, 2001. – С. 294–304.

[2] Див. опубліковані збірники документів: Ліквідація УГКЦ 1939–1946: в 2-х т. – Київ, 2006; Хресною дорогою: функціонування і спроби ліквідації Української Греко-Католицької Церкви в умовах СРСР у 1939–1941 та 1944–1946 роках. Збірник документів і матеріалів / Текст, упоряд. Гайковський М. І. – Львів, 2006; Митрополит Андрей Шептицький у документах радянських органів державної безпеки (1939–1944 рр.). – К., 2005; Сергійчук Володимир. Нескорена Церква. Подвижництво греко-католиків України у боротьбі за віру і державу. – Київ, 2001 (далі – Сергійчук В. Нескорена Церква); Білас Іван. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: у 2-х кн. – Київ, 1994. – Кн. 2. – С. 587–591, 669–679 (далі – Білас І. Репресивно-каральна система). Документи про репресії та переслідування УГКЦ, які виходили на Заході, див.: Мартирологія Українських Церков: у 4-х томах (вийшло 2 томи). – Т. 2: Українська Католицька Церква. Документи, матеріяли, християнський самвидав України / ред. Осип Зінкевич і священик Тарас Р. Лончина. – Торонто-Балтимор, 1985.

[3] Боцюрків Б. Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939–1950). – Львів, 2005 (далі – Боцюрків Б. Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939–1950)); Пащенко Володимир. Греко-католики в Україні від 40-х рр. XX ст. до наших днів. – Полтава, 2002 (далі – Пащенко В. Греко-католики в Україні); Serge Keleher. Passion and Resurrection: The Greek Catholic Church in Soviet Ukraine. – Lviv, 1993.

духовенства дають можливість детально висвітлити радянську репресивну політику щодо УГКЦ аж до насильницької її «ліквідації», що супроводжувалася терором, арештами, ув'язненнями й депортаціями священиків і членів їхніх родин[4].

Перед початком Другої світової війни греко-католицька церква на українських землях, що входили тоді до складу польської держави, складалася з Львівської архієпархії, Станіславської та Перемишльської єпархій, Апостольської адміністратури для Лемківщини і Апостольської візитатури для Волині, Холмщини і Підляшшя. Згідно з даними «Шематизму Львівської архієпархії» за 1938 р., у Львові перебували митрополит та двоє з 9 єпископів. Львівська архієпархія УГКЦ, поділена на 54 деканати, нараховувала 1267 парафій, які обслуговували 1032 єпархіальних священиків та 61 ієромонах; діяли також 52 жіночих і 14 чоловічих монастирів і чернечих домів, у яких перебувало 330 монахинь і 317 монахів. Майбутні душпастирі навчалися і відбували формацію у Львівській богословській академії та духовній семінарії. Греко-католики мали 22 періодичних видання. У Львові діяло 13 храмів УГКЦ[5].

Для повної картини релігійного життя на Львівщині того періоду наведемо відомості і про інші католицькі конфесії. Львівська архієпархія римо-католицької церкви, поділена на 28 деканатів, нараховувала у 1939 р. 1050 костелів і каплиць, 754 священики. Лише у Львівській області було 43 жіночих і 17 чоловічих монастирів та монаших домів. Діяла дієцезіальна семінарія та богословський факультет. У Львові діяло 17 костелів[6]. Вірмено-католиків у Галичині було близько 5,5 тисячі. Вони мали 9 парафіяльних церков, 16 каплиць і один жіночий монастир сестер-бенедиктинок у Львові, при якому діяла приватна школа, яка в 1926 р. була реформована у гімназію[7].

УГКЦ, як і інші церкви краю, відразу ж після приходу Червоної армії в Західну Україну у вересні 1939 р. опинилася, як уже зазначалося, у сфері радянської релігійної політики. Ще до засідання Народних Зборів Західної України (26–28 жовтня 1939 р.), які формально проголосили встановлення радянської влади в Західній Україні й «возз'єднання західноукраїнських земель з Радянською Україною у складі СРСР», було націоналізовано всі навчальні заклади, дошкільні установи, сиротинці, притулки й шпиталі, що перебували під опікою УГКЦ, конфісковано усі церковні видавництва й друкарні, заборонено публікацію періодичних видань, закрито усі духовні семінарії й богословську академію. Згідно з радянським принципом відокремлення церкви від держави і школи від церкви було заборонено навчання релігії, публічне здійснення релігійних обрядів за межами храмів, використання релігійної символіки (ікон, хрестів, розп'ять тощо) у громадських установах. Наприкінці жовтня 1939 р. почалася націоналізація монастирських та церковних земель та маєтностей, чернечі доми ліквідовано, монахів і монахинь розігнано й зобов'язано до світської праці. На парафіяльних священиків накладено великі податки та поставлено у повну матеріальну залежність від парафіян.

---

[4] У представленні процесу возз'єднання із середини та подальшої долі отців опираємося на численні усні інтерв'ю та матеріали Архіву Інституту Історії Церкви Українського Католицького Університету (м. Львів), зібраних у рамках проекту усної історії «Образ сили духу» протягом 1992–2007 рр., а також на опубліковані спогади: Без зерна неправди. Спомини отця-декана Володимира Лиска / Упор. Лідія Купчик. – Львів, 1999.

[5] Шематизм Львівської архієпархії станом на 1938 рік. – Львів, 1938.

[6] Секретарю ЦК КП(б)У тов. Хрущову Н. С. Докладная записка об антисоветской деятельности руководителей римо-католической церкви на территории Львовской области. Секр. Львовского обкома КП(б)У Грушецкий (1946 р.) // ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 426.

[7] Вірмени http://www.kngu.org/KongrUkr/Communit/ObzhArmen.htm

Невід'ємною частиною становлення радянської влади на Львівщині у 1939–1941 рр. стали масові репресії, арешти й депортації населення, які не обминули і духовенство[8]. Серед перших заарештованих у 1940 р. і висланих «до віддалених місць» СРСР на примусові роботи були, зокрема, львівські священики Володимир Харина, Іван Ждан, Мирон Прийма[9]. У січні 1940 р. було заарештовано разом із п'ятьма селянами о. Степана Шкурка, пароха с. Звор Самбірського району. Священика звинуватили… в організації нападу на голову сільського комітету начебто із помсти за розподіл священичого майна серед бідноти, проте за недоведеністю звинувачень він все-таки був виправданий судом. Однак із тюрми його не відпустили, і 19 червня 1941 р. він разом із в'язнями тюрми НКВС у Львові потрапив під розстріл. Священик був лише тяжко поранений, зумів вижити і розповів людям про ту дику оргію[10]. У ніч з 20 на 21 грудня 1940 р. заарештували у Львівському монастирі отців редемптористів о. Зиновія Ковалика, який «дратував» владу своїми проповідями. У в'язниці його 28 разів викликали на допити, під час яких постійно били, але о. Зиновій не втрачав присутності духу і продовжував своє душпастирство серед співв'язнів. У червні під час масового нищення в'язнів тюрем його не просто розстріляли, а, знущаючись, розіп'яли на стіні тюремного коридору[11].

Священика Романа-Мар'яна Береста заарештували у 1940 р. по дорозі до с. Полоничі Перемишлянського району, де він був парохом і мав відправляти Службу Божу. Проходив по т. зв. «процесу 59-ти»[12], звинувачених в організації збройного заколоту проти радянської влади. 17–19 січня 1941 р. у Львові відбувся суд, який виніс о. Роману вирок смертної кари, який виконали через кілька днів. Сім'ю о. Романа, дружину Ірину і двох доньок, 8-и і 15-и років, оголосили «ворогами народу» і 22 травня 1941 р. вивезли на Сибір. На спецпоселенні Ірину Берест, доньку священика і співачку за професією, заарештували за «антирадянську пропаганду» і засудили на 10 років ув'язнення. Після чотирьох років відбуття терміну в тюрмі у Кемерово та тяжкої праці в шахті її звільнили «за амністією». Під час ув'язнення обидві доньки її були покинуті напризволяще і, щоб вижити, тяжко працювали і навіть жебрали. Згодом, коли вони вже були на межі смерті від голоду, місцеві люди змилосердилися над ними, і дівчат відправили у дитбудинок. У 1944 р. сім'я змогла об'єднатися і, як «польські громадяни», переселитися… не на рідні землі, а у Воронезьку область, де працювали у радгоспі. Аж 1946 р. їм вдалося повернутися до Львова[13].

Ще одна сторінка трагедії – кінець червня 1941 року. З початком радянсько-німецької війни здеморалізовані при відступі солдати Червоної армії знущались над місцевим населенням, а особливо – полювали за священиками. Так, 26 червня 1941 р.

[8] Bereza T. Wstęp // Lwowskie pod okupacją sowiecką (1939–1941). – Rzeszów, 2006. – S. 11–12.

[9] Інтерв'ю з о. Володимиром Хариною від 2.12.1992, м. Львів. Інтерв'юер: Пілінкевич А., Смолюк С. // П-1-1-21.

[10] Бабенко Л. «Вжити необхідних агентурно-оперативних заходів…»: спецслужби у справі ліквідації Української Греко-Католицької Церкви (1939–1941 рр.) // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. 2006 рік. – Кн. 1. – Львів, 2006. – С. 159.

[11] Блаженний священномученик Зиновій Ковалик (1903–1941) // Редемптористи. Дев'яносто літ в Україні. – Львів, 2003. – С. 98–100.

[12] Комар Люба. Процес 59-и. – [б. м.]: Сучасність, 1990.

[13] Інтерв'ю з п. Мартою Балтро від 30.12. 1992, м. Львів. Інтерв'юер: Кміть П. // Архів Інституту Історії Церкви (далі – АІІЦ) П-1-1-63.

у лісі біля с. Страдч неподалік від Львова було вбито пароха і викладача Львівської богословської академії о. д-ра Миколу Конрада та дяка Володимира Прийму, які йшли на сповідь до вмираючої жінки. Того ж дня в іншому, Сихівському лісі, вбито пароха с. Сихова і ще одного викладача ЛБА о. д-ра Андрія Іщака. Від рук червоноармійців загинули також о. д-р Станіслав Сярок, парох с. Незнанова[14], та о. студит Януарій Федюк, який душпастирював у с. Кропивна. Його «прив'язали до коня, волочили по кам'яній дорозі, а опісля вкинули до рова і покололи штиками-багнетами»[15].

Під час так званого «розвантаження» тюрем при відступі Червоної армії у червні 1941 р. на Львівщині знищили немало священиків. Так, 30 червня 1941 р. у Перемишлянах вбили о. Олексія Боднара, пароха с. Борщова[16]. У Золочівській тюрмі між 26 і 30 червня замордовано о. Омеляна Дурдела, пароха с. Ляцьке Велике та о. Івана Татаринського, завідателя с. Гаї Дітковецькі[17]. У тюрмі в Стрию вбито о. Осипа Леміщука, пароха с. Славсько[18]. У Львівській тюрмі закатували студитських братів Партенія і Діонісія[19], а у Дрогобицькій – заарештованих 26 червня 1941 р. отців-василіян Якима Сеньківського та Северіана Бараника[20].

Про наслідки 22-місячного перебування радянської влади в Галичині митрополит Андрей Шептицький у листопаді 1941 р. писав: лише у Львівській архієпархії було замордовано або пропали безвісти дванадцять священиків; тридцять трьох було ув'язнено і вивезено на Сибір. Така ж доля спіткала двадцятьох священиків Перемишльської єпархії. А загалом близько 200 тисяч мирян зазнали різних форм репресій – від тюремного ув'язнення, екзекуцій аж до депортації з рідних місць. У «Списі духовенства Львівської архієпархії на 1 січня 1944 р.» названо 27 священиків, вивезених у 1939–1941 рр. і про яких нема жодних відомостей[21]. Таким був перший досвід «духовного життя» у так званій «Країні Рад»…

Друга світова війна та певний тиск союзників щодо дотримання свободи віросповідання в СРСР дещо змінили ставлення Сталіна до церкви, а розширення західних кордонів Радянського Союзу через повторне приєднання територій прибалтійських держав, Західної України, Західної Білорусії та Закарпаття поставило питання про «нову» релігійну політику. Було прийнято рішення: толерувати церкву і її діяльність до того, поки вона відповідатиме… інтересам Комуністичної партії**.**

Другий прихід радянської влади на Західну Україну навесні–влітку 1944 р. характеризувався на початках відносно поміркованим ставленням держави до релігії. Однак це тривало недовго. НКДБ почав ретельно проводити збір тенденційної

[14] Спис духовенства Львівської архієпархії. – Львів, 1944. – С. 16.
[15] Світильник істини. – Торонто-Чікаго, 1983. – Ч. 3. – С. 403.
[16] «Повідомлення Перемишлянського греко-католицького деканату митрополичому ординаріату у Львові про смерть о. Олексія Боднара і о. Володимира Садовського. 7 лип. 1941 р.» // Літопис нескореної України. – Львів, 1993. – Кн. 1. – С. 36.
[17] Романів Олег, Федущак Інна. Західноукраїнська трагедія, 1941 р. – Львів–Нью-Йорк, 2002. – С. 145; Д. Лящук. «Іван Татаринський (1890–1940)» / Броди і Брідщина: Історико-мемуарний збірник/ Редактор Б. Зробок. – Броди: Бібліотека літературно-краєзнавчого журналу «Брідщина», 1998. – Кн. ІІ. – С. 235–238.
[18] Сколівщина. – Зб. 12; Док. 104: Інформація «Наш тернистий шлях». 25 лип. – 15 жовт. 1941 / Літопис нескореної України. – Кн. 2. – С. 160.
[19] Світильник істини. – Торонто–Чікаго, 1983. – Ч. 3. – С. 403.
[20] Церква мучеників. – Львів, 2005. – С. 14, 16.
[21] Спис духовенства Львівської архієпархії. – Львів, 1944. – С. 15–16.

інформації про «співпрацю з фашистами» й «антирадянську діяльність» єрархії та духовенства [22]. Вже у серпні 1944 р. почалися й арешти. Одного з перших 19 серпня 1944 р. було заарештовано о. Петра Табінського, колишнього ректора православної Кременецької духовної семінарії, який ще у 1930-х рр. перейшов на католицтво і переїхав до Львова [23]. Передбачаючи можливість арешту та з огляду на репресивну політику щодо УГКЦ під час першої радянської окупації 1939–1941 рр., на Захід лише з Львівської архієпархії виїхало близько 215 священиків [24]. Майже 740 душпастирів залишилися на рідних теренах.

Основними передумовами «нормалізації» стосунків з УГКЦ держава висувала публічне визнання єрархією радянської влади та, як зазначає дослідник Б. Боцюрків, «сприяння церкви у припиненні збройного опору формувань Української повстанської армії». Прагнучи уникнути конфронтації з новим режимом і зберегти можливість для задоволення духовних потреб своїх вірних, митрополит Андрей Шептицький у виступі на сесії архієпархіального собору 7 вересня 1944 р. дав зрозуміти, що не підтримує насильницьких дій націоналістичного підпілля. Водночас він засудив репресії радянської влади, «від яких страждають невинні» [25]. За наполяганням представника радянського уряду (і водночас полковника НКДБ) С. Даниленка-Каріна митрополит Андрей Шептицький 16 жовтня 1944 р. погодився вислати делегацію греко-католицького духовенства до Москви для з'ясування становища УГКЦ в нових умовах [26]. Проте смерть митрополита 1 листопада 1944 р. змусила на деякий час відкласти поїздку делегації.

12 листопада 1944 р. на митрополичий престол ступив архієпископ Йосиф Сліпий. Його найважливішим завданням залишалася проблема врегулювання статусу церкви в державі. Інформацію про зміни в керівництві УГКЦ опублікувала центральна радянська преса, що у Львові розцінювалося як офіційне визнання державою нового глави церкви [27]. Офіційна делегація УГКЦ у складі, затвердженому ще митрополитом Андреєм, яку очолив архімандрит студитів о. Климентій Шептицький, 17 грудня вилетіла до Києва, а звідти через два дні до Москви [28]. 22 грудня членів делегації прийняв голова Ради у справах релігійних культів Іван Полянський. Йому львівські духовні достойники передали 100 тис. крб., зібраних греко-католицьким духовенством на потреби Червоного Хреста, два листи, адресовані Сталіну (від покійного митрополита Шептицького і нового предстоятеля УГКЦ Йосифа Сліпого), а також меморандум про УГКЦ. На наступній зустрічі посланці з Галичини отримали запевнення, що греко-католикам нарівні з іншими віросповіданнями буде забезпечене «безперешкодне відправлення релігійних обрядів», що фактично означало офіційне визнання УГКЦ урядом СРСР [29]. Справжня ж суть «нової» державної політики щодо Української греко-католицької церкви проявилася дуже скоро.

[22] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 71. – Арк. 20–21.

[23] Щеглюк М. Р. Анафема… за віру: о. Петро Табінський (1888–1949) (рукопис) // АІЦ, П-1-1-675 № 1.

[24] D. Blazheiowskyi. Ukrainian Catholic Clergy in Diaspora (1751–1988). – Rome, 1988.

[25] Див.: Пащенко В. Греко-католики в Україні… – С.74–78.

[26] Див.: Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 41–42.

[27] Правда (Москва). – 4 листопада 1944 р.

[28] Ліквідація УГКЦ (1939–1946)… – Т. 1. – С. 272, 274.

[29] Див.: «Стенографическая запись приема делегации Греко-католической церкви в Совете по делам религиозных культов при СНК СССР» від 27 груд. 1944 р. // Отечественные архивы 3 (1994) 66.

16 березня 1945 р. Сталін затвердив таємну «Інструкцію № 58», яку «відповідно до вказівок товариша Молотова від 2 березня ц. р.» розробив голова Ради у справах Російської православної церкви (далі – РС РПЦ) при Раднаркомі СРСР Г. Карпов (він же – полковник держбезпеки). Перший розділ «інструкції» мав цілком відвертий заголовок: «Заходи щодо відриву греко-католицької (уніатської) церкви в СРСР від Ватикану і подальшого її приєднання до Російської православної церкви». З цього документа і розпочалася трагічна доля УГКЦ, яка тривала аж до розпаду комуністичної імперії. Зокрема, пропонувалось «організувати у місті Львові православну єпархію, надавши її главі титул єпископа Львівського і Тернопільського, котрий об'єднає православні приходи Львівської, Station Станіславської, Дрогобицької і Тернопільської областей». В останньому пункті першого розділу інструкції говорилося про необхідність «організувати всередині уніатської церкви ініціативну групу, яка повинна буде декларативно заявити про розрив з Ватиканом і закликати уніатське духовенство до переходу на православ'я»[30]. Вже 17 березня Г. Карпов передає відповідальність за виконання цього пункту голові Ради у справах релігійних культів І. Полянському[31]. У квітні 1945 р. Карпов таємним листом ознайомлює з положеннями «Інструкції № 58» секретаря ЦК КП(б)У М. Хрущова[32] і просить його дати вказівки уповноваженому Ради у справах РПЦ в УРСР П. Ходченку та його підлеглому у Львівській області А. Вишневському про сприяння православним єрархам у реалізації заходів із «розкладання уніатської церкви». Владні органи повинні були також організувати «спеціальне звернення патріарха Московського до уніатського духовенства, заклик ініціативної групи, матеріали єпархіальних відомостей та відповідні проповіді»[33].

Реалізація «Інструкції № 58» здійснювалася спільними зусиллями партійного керівництва, державних структур та органів держбезпеки при співпраці з православною єрархією. Влада розуміла, що без ліквідації греко-католицького духовенста ніякі «інструкції» не поможуть. І знову запрацювала репресивна машина, розпочинаються арешти. Формальним приводом для репресій стала надрукована 8 квітня 1945 р. у львівській обласній газеті «Вільна Україна» стаття Володимира Росовича (псевдо Ярослава Галана) «З хрестом чи з ножем», в якій він звинувачував єрархію УГКЦ у «прислужництві фашистам». І вже через три дні, в ніч з 11 на 12 квітня, були проведені одночасні обшуки резиденцій та арешти митрополита Йосифа Сліпого, єпископів Микити Будки, Миколая Чарнецького, Григорія Хомишина та Івана Лятишевського. А загалом у ході цієї детально спланованої операції радянських спецслужб лише тієї ночі було заарештовано 26 священиків[34].

У 1945-му та на початку 1946 рр. до в'язниць потрапило багато священиків, зокрема, майже всі крилошани, професори богословської академії та духовних семінарій, найвидатніші душпастирі[35]. На 25 серпня 1945 р. лише на Львівщині заарештували

[30] Білас І. Репресивно-каральна система в Україні… – С. 311–312.
[31] Там само. – С. 317.
[32] Лист голови Ради в справах РПЦ при РНК СРСР Г. Карпова секретареві ЦК КП(б)У М. Хрущову з викладенням плану ліквідації греко-католицької церкви в Україні та протидії впливам Ватикану. 20 квітня 1945 р. – Опубл.: Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 42–45.
[33] Там само. – С. 44.
[34] Ліквідація УГКЦ (1939–1946)… – Т. 1. – С. 461–479, 526.
[35] Мартирологія... – С. 69, 240.

78 священиків[36]. Зокрема, під слідство потрапили о. прелат Леонтій Куницький[37], о. Омелян Гадзевич[38], о. Ярослав Тихий[39], о. Василь Лончина[40] зі Львова та інші. Арешти львівського кліру мали цілком конкретну мету: замінити заарештованих священиків на таких, які були б прихильними до переходу на російське православ'я[41].

Незважаючи на терор і насилля, НКДБ не вдалося зламати волі заарештованих єпископів та схилити когось із них до відречення від УГКЦ і отримання можливостей для кар'єри в «режимній» РПЦ. І тоді радянська влада для реалізації своїх планів вдається до випробуваного методу: «так бажають трудящі». Різними методами (не всі вони відомі й досі) Москва інспірує серед галицького духовенства створення так званої «Ініціативної групи» щодо ліквідації УГКЦ і її «злиття» з Російською православною церквою. Як побачимо пізніше, доля учасників тієї групи склалася дуже трагічно, і насамперед – стараннями тих же радянських репресивних органів. Однак така «Ініціативна група» була створена. Її очолили о. д-р Гавриїл Костельник – настоятель Преображенської церкви у Львові, о. д-р Михаїл Мельник – парох села Нижанковичі і генеральний вікарій Перемишльської єпархії та о. Антоній Пельвецький – гусятинський декан із Станіславської єпархії[42]. Діяльністю кандидатів «групи» займався особисто С. Даниленко-Карін[43]. Він же затверджував датоване 28 травня 1945 р. «Звернення до уряду Української РСР» з проханням сприяти виведенню УГКЦ «зі стану анархії в стан консолідації для перетворення її в православну церкву»[44]. Уповноважений РС РПЦ в УРСР П. Ходченко 18 червня 1945 р. повідомив представників «Ініціативної групи» про визнання їх «єдиним тимчасовим церковно-адміністративним органом, якому надається право керувати в повному обсязі існуючими греко-католицькими парафіями в західних областях України і проводити справу возз'єднання зазначених парафій з РПЦ»[45]. Місцева влада подбала про відповідне забезпечення «ініціаторів» телефонним зв'язком, а уповноважений А. Вишневський 25 липня 1945 р. особисто просив дозволу у начальника оперативного відділу Львівського обласного управління міліції на виготовлення штампу і печатки «Ініціативної групи»[46].

Пропагандистсько-агітаційна діяльність групи за перехід греко-католицького духовенства на православ'я відбувалася кількома етапами за безпосередньою участю

---

[36] Пащенко В. Греко-католики в Україні… – С. 92.

[37] О. прелат Леонтій Куницький. Спогади молодих літ та заслання. – Торонто, 1990. – С. 27.

[38] Головин Б. Мученики та ісповідники… – С. 90–94; Стоцький. Українська Греко-Католицька Церква. – Табл. 3.

[39] Інтерв'ю з отцем Тихим Ярославом від 30.01.1993, м. Львів // Архів Інституту Історії Церкви, П-1-1-80.

[40] Інтерв'ю з п. Зеновієм Лончиною від 7.08.1994, м. Львів // АІІЦ, П-1-1-407.

[41] Див.: Волошин Ю. Гавриїл Костельник: три листи до Московського Патріарха // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. – 2001. – № 2 (17). – С. 423.

[42] Подальша доля засновників «Ініціативної групи» склалася досить трагічно: о. Костельник був застрелений у Львові біля Преображенської церкви 20 вересня 1948 р.; висвячений у сан православного єпископа Самбірсько-Дрогобицької єпархії Михаїл (Мельник) помер у Києві дорогою до Москви 9 жовтня 1955 р.; станіславський православний ординарій Антоній (Пельвецький) помер від інфаркту 3 лютого 1957 р.

[43] Див: Ліквідація УГКЦ (1939–1946)… – Т. 1. – С. 771–775.

[44] Звернення «Ініціативної групи» до Ради Народних Комісарів УРСР // Діяння Собору греко-католицької церкви у Львові 8–10 березня 1946. – Львів, 1946. – С. 16–19.

[45] Діяння Собору… – С. 19–20.

[46] ДАЛО. – Ф. Р-1332. – Оп. 1. – Спр. 3. – Арк. 7, 3.

місцевих органів влади та держбезпеки. Цей процес, розпрацьований і контрольований спецслужбами, мав створити видимість масової підтримки священиками «споконвічного прагнення» до возз'єднання з РПЦ[47]. У державних друкарнях був розтиражований для розповсюдження текст відповідного звернення (28 травня 1945 р.) «До всечесного греко-католицького духовенства в західних областях України»[48]. Далі місцева виконавча влада за вказівками з області мала забезпечити виготовлення спеціальних запрошень на так звані «деканальні конференції», на яких священики мали «обговорити і підтримати» це звернення[49]. Такі деканальні конференції (соборчики) збиралися у призначений час, як правило, в когось із отців деканату вдома. Атмосфера під час таких зустрічей була гнітючою, що підсилювалося присутністю на деяких з них представників МДБ і навіть військових. Зі спогадів очевидця: «Був маленький соборчик [*Яричівського деканату*] в Запитові… Той соборчик відбувався в таких умовах, що церква була обнесена колом солдатів… Соборчик досить довго тривав.., всі переживали і ніхто не знав, чим то все скінчиться – чи «добровільним» підписанням, чи буде якась стрілянина… Всі тяжко переживали моменти тих соборчиків, того підписання. Того ніхто не хотів, але мусили то зробити»[50].

Греко-католицьке духовенство, яке опиралося діяльності «Ініціативної групи», незаконної з канонічної точки зору, незважаючи на арешти, намагалося віднайти справедливість у Москві. У липні 1945 р. 61 священик УГКЦ на чолі з архімандритом о. Климентієм Шептицьким та о. Іваном Котівим надіслали листа заступникові голови Раднаркому СРСР В. Молотову з проханням звільнити заарештованих єпископів, припинити переслідування УГКЦ і примусове «навернення в православ'я»[51]. У відповідь державні органи активізували підготовку до ліквідації УГКЦ. Кінцевою метою тих зусиль було скликання так званого Львівського собору у березні 1946 р. Для контролю за останніми етапами підготовки і перебігом «собору» до Львова прибув полковник НКДБ Сергій Даниленко-Карін[52]. З Києва здійснення акції контролював перший секретар ЦК КП(б) України Микита Хрущов, який узгоджував зі Сталіним всі важливі деталі[53].

Потенційних учасників «собору» спершу визначали самі члени «Ініціативної групи». Проте Наркомат держбезпеки взяв процес у свої руки: було зібрано «матеріали на всіх осіб, яких висувають на собор, що має відбутися, із характеристикою на кожного священика і віруючого»[54]. Для забезпечення стовідсоткової «відданості» делегатів служба безпеки підбирала важелі впливу на кожного учасника, навіть якщо він публічно працював над справою «возз'єднання з РПЦ». Так, у самого о. Гавриїла Костельника син Богдан був заарештований НКВС 30 січня 1940 р. і розстріляний 25 червня 1941 р.[55], двоє інших його синів пішли добровольцями в

[47] Там само… – Арк. 10–12, 19–20.
[48] Текст звернення див.: Діяння Собору… – С. 20–24.
[49] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 230. – Арк. 20.
[50] Інтерв'ю з п. Левом Землинським (про батька, о. Миколу Землинського) від 14.08.1997, м. Львів // АІЦ, П-1-1-403.
[51] І. Білас. Репресивно-каральна система… – С. 329.
[52] ДАЛО. – Ф. Р-1332. – Оп. 1. – Спр. 3. – Арк. 21–23, 28–30, 33.
[53] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве… – С. 300.
[54] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 230. – Арк. 32.
[55] Ліквідація УГКЦ (1939–1946). Документи радянських органів державної безпеки. – К., 2006. – Т. 1. – С. 114, 142–143, 379.

дивізію «Галичина» і про їхню долю батько нічого не знав [56], а донька перебувала за кордоном.

Напередодні «собору», що відбувся 8–10 березня 1946 р. у Львові і повинен був проголосити «ліквідацію унії», обласна газета «Вільна Україна» 1 березня опублікувала повідомлення прокуратури УРСР про закінчення слідства і передачу «справи» українських католицьких єрархів на розгляд військового трибуналу. Їх звинувачували «у проведенні ворожої діяльності проти СРСР; активній зрадницькій і підсобницькій діяльності на користь німецьких окупантів; активній антирадянській агітації із закликом до духовенства і віруючих уніатської церкви чинити опір радянській владі» [57]. Таким чином єпископат УГКЦ був знейтралізований і вже ніяк не міг вплинути на подальший хід подій.

Делегатів звозили до Львова під конвоєм [58]. В архівних документах занотовано свідчення о. Нечая: «На собор священики були привезені у запломбованих вагонах і під охороною НКДБ. Коли ми зупинялися на вокзалі, то з нами не дозволяли розмовляти перехожим і навіть родичам» [59]. Спогади о. Омеляна Івасика підтверджують заангажованість органів безпеки: «Увечорі приїхав до мене до Стинави офіцер Сколівського НКВС з повозкою і мене забрав… Я був певний, що мене везуть або до тюрми, або відразу на Сибір. Привезли до [*Стрийського*] райвиконкому під розписку. Я у Стрию ніч переночував. Привезли з різних сіл [*інших*] священиків. Рано попакували нас до авто, і вже було 18... Приїхав з Дрогобича уповноважений у справах релігійних, якийсь енкаведист… До Львова ми приїхали десь перед вечором… Тоді порозвозили нас по різних готелях. Я тоді щойно з’їв кавалок своєї булки. Добу не їли!» [60].

За таких обставин (створення атмосфери страху, психологічного тиску і постійного нагляду) «собор» прийняв ухвали «відкинути постанови Берестейського собору 1596 р., зліквідувати унію, відірватись від Ватикану і повернутись до нашої батьківської святої православної віри і Руської Православної Церкви» [61]. Цей акт від початку і до кінця був справжнісіньким фарсом, а тому як під оглядом церковного права, так і державного законодавства не мав жодної правочинності [62]. Проте в реаліях сталінського тоталітарного режиму констатувалося, що Галицька митрополія УГКЦ офіційно була ліквідована.

Щоб ніхто з духовенства не плекав жодних ілюзій щодо відновлення УГКЦ, 29 травня – 3 червня 1946 р. в Києві відбулося засідання військового трибуналу: судили заарештованих 11 квітня 1945 р. греко-католицьких єпископів. «Слухання справи»

---

[56] Пащенко В. Греко-католики в Україні… – С. 89.

[57] Повідомлення про арешт українських католицьких ієрархів // Вільна Україна. – 1946. – 1 березня.

[58] Це пояснюється в першу чергу бажанням влади забезпечити присутність на зібранні всіх «визначених» наперед делегатів. В окремих районах через посилену боротьбу військ НКВС-НКДБ проти УПА та вибори до Верховної Ради УРСР вільне пересування з одного населеного пункту в інший було утруднене. Див.: Винниченко Ігор. Україна 1920–1980-х: депортації, заслання, вислання. – Київ, 1994. – С. 51.

[59] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 426. – Арк. 35–36.

[60] Інтерв’ю з о. Омеляном Івасиком від 12.03.1993, м. Дрогобич // АІЦ, П-1-1-322.

[61] Діяння собору… – С. 127–128.

[62] Кожух М. Слідами Львівського собору 1946 р. // Львівські Архієпархіяльні вісті. – 2004. – №№ 2, 3, 5, 6; Боцюрків Б.: Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939–1950)… – С. 156–160.

відбувалося переважно вночі, при зачинених дверях. Митрополита Йосифа Сліпого було засуджено до восьми років виправно-трудових таборів і трьох років позбавлення громадянських прав. Тоді ж отримали суворі вироки єпископи Микита Будка, Микола Чарнецький, Іван Лятошинський. Єпископ Григорій Хомишин помер у київській тюрмі ще перед процесом, 17 січня 1946 р.

Після Львівського «собору» розпочався новий етап у діяльності спецслужб: ліквідація монашества і знищення монастирів. Першими жертвами стали авторитетні особи не лише серед духовенства, але й серед всієї громадськості краю. Так, 5 червня 1947 р. в Унівському монастирі було заарештовано архімандрита Климентія Шептицького (брата покійного митрополита), якому в той час було 78 років. 18 червня 1947 р. у Львові по дорозі на місце праці в бібліотеці на вулиці Драгоманова заарештували редемпториста о. Володимира Стернюка[63], 27 грудня 1947 р. заарештовано і згодом засуджено на 10 років концтаборів отця-студита Даниїла Тимчина[64]. Останній чоловічий монастир на Львівщині (Унівський) зліквідували 6 вересня 1950 р., жіночий (у с. Суховоля біля Львова) – у 1952 р.

У жовтні 1947 р. проведено наймасовішу операцію виселення із Західної України «елемента, пов'язаного з бандами німецько-українських націоналістів»: з рідних домівок вивезли понад 70 тисяч осіб. Серед них було немало священиків і членів їх родин[65]. Тоді ж під час виконання директиви МДБ УРСР № 50 вивезли зі Львова до Кемеровської області навіть православного секретаря «Ініціативної групи» Сергія Хруцького разом з дружиною та сином, яким у січні 1948 р. ОСО винесло вирок: 10 років заслання з конфіскацією майна[66]. 20 вересня 1948 р. спецслужби інспірували вбивство протоієрея Гавриїла Костельника; в атентаті влада звинуватила українських підпільників[67].

Заарештовували духовенство здебільшого на підставі стандартного «набору» звинувачень: співпраця з фашистами, антирадянська агітація, допомога чи співпраця з ОУН-УПА, належність когось із родини до українського підпілля тощо. Всі ці злочини каралися відповідними «політичними» статтями Кримінального кодексу УРСР[68]. З огляду на масовість арештів вироки часто виносилися заочно у Москві сумнозвісним «Особым совещанием»[69]. Найпоширенішими термінами покарання були 25 років

[63] Карапінка Мар'яна. Митрополит Володимир Стернюк (1907–1997) / Редемптористи. Дев'яносто літ в Україні. – Львів, 2003. – С. 175.

[64] Єродиякон Мануїл. Історія Свято-Успенської Унівської Лаври та студійського монашества. – Львів, 2005. – С. 92.

[65] ДАЛО. – Ф. Р-1332. – Оп. 2. – Спр. 10. – Арк. 27.

[66] Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 277–281.

[67] Федорович Й. Свідок істини і мученик за православіє – протопресвітер Гавриїл Костельник (До двадцятиріччя мученицької смерті) // Православний вісник. – 1968. – № 11. – С. 30–32; № 12. – С. 27–32.

[68] Ознаки злочинів із найбільш застосовуваних у вироках параграфів ст. 54 Кримінального кодексу УРСР (1927 р.) стосувалися:

ст. 54-1 «а» – зрада Батьківщини;

ст. 54-2 – політбандитизм;

ст. 54-4 – надання допомоги міжнародній буржуазії;

ст. 54-10 – антирадянська пропаганда і агітація;

ст. 54-11 – участь у контрреволюційній організації, утвореній для підготування або вчинення одного із злочинів, передбачених у цьому розділі.

[69] Див.: Окіпнюк В. Т. Особлива нарада // Юридична енциклопедія. – Київ, 2002. – Т. 4. – С. 361; Білас І. Репресивно-каральна система… – Кн. 1. – С. 102–103.

заслання у виправно-трудових таборах і 5 років позбавлення громадянських прав. Запроваджено й так званий «дитячий термін»: 10 років таборів, 5 років позбавлення громадянських прав з конфіскацією майна.

Формальним приводом для арешту і засудження часто ставало зберігання літератури, яка, на думку слідчих, мала антирадянське спрямування. Так, довоєнний релігійно-популярний василіянський журнал «Місіонар» ставав «вагомим» речовим доказом злочинної діяльності священиків. Саме на цій підставі заарештували «возз'єднаних» священиків о. Івана Цебровського з с. Ремезіців[70], о. Василя Кедринського з с. Дмитрова та о. Ізидора Бутковського, який відкликав свій перехід до РПЦ[71]. Ось як згадує про це Орест Кедринський, син о. Василя: «Моєму татові дуже витикували, що знайшли на стриху «Місіонар», «Ниву» – часописи церковні довоєнні. На суді це було преставлено, що батько тримав, розповсюджував церковну заборонену літературу»[72]. Навіть твори класиків світової літератури вважалися доказами «антирадянщини», як, наприклад, у справі о. Івана Гураля, «возз'єднаного» пароха с. Водники і декана Бібрецького: «В нас була маса книжок. Такі книжки, яких ми боялися, то вже давно попалили, а були такі – Драйзера, Діккенса, і ті всі книжки забрали – десь 13 мішків… Судили за літературу. І в церкві ще робили обшук, знайшли малесенький кусочок синьо-жовтої стяжки, яка була подерта, пом'ята. То вона також фігурувала на суді. І засудили на 10 років»[73].

Приводом до арешту могли стати і «старі провини», наприклад, освячення хреста на могилі січових стрільців, як у випадку возз'єднаного о.-декана Івана Каспрука[74], або проповідь на могилі осіб, замордованих радянською владою в червні 1941 р. Прочитання у церкві під час німецької окупації парохіянам послання митрополита Андрея про проголошення самостійної України, або листів з Ординаріату, в яких нібито закликалося до роботи на користь німців, згідно зі свідченням о. Володимира Лиска, також обтяжувало багатьом священикам їхню провину[75]. В умовах невпинної збройної боротьби ОУН-УПА із радянською владою багато кліру потрапляло за ґрати і за реальну чи підозрювану допомогу українським підпільникам. За такими звинуваченнями, зокрема, були засуджені: о. Антін Бучацький[76], о. Омелян Ваврик[77], о. Володимир-Роман Слоневський[78], о. Степан Мандзик[79], о. Микола Кіндій[80] та багато інших…

У лютому 1947 р. голова РС РПЦ Г. Карпов розпрацював нову програму боротьби проти Ватикану, в якій на першому місці стояло завдання «остаточно ліквідувати

[70] ДАЛО. – Ф. Р-1332. – Оп. 1. – Спр. 9. – Арк. 44–45.
[71] Інтерв'ю з о. Ізидором Бутковським від 28.01.1994, м. Львів // АІЦ, П-1-1-294.
[72] Інтерв'ю з Орестом Кедринським (про батька, о. Василя Кедринського) від 25.10.1996, м. Львів // АІЦ, П-1-1-682.
[73] Інтерв'ю з Надією Малицькою від 01.02.1993, м. Львів // АІЦ, П-1-1-87.
[74] Інтерв'ю з Андрієм Каспруком (про батька, о. Івана Каспрука) від 19.08.1994, м. Львів // АІЦ, П-1-1-370.
[75] Без зерна неправди… – С. 95.
[76] Інтерв'ю з Ярославом Бучацьким від 21.01.1998, м. Львів // АІЦ, П-1-1-867.
[77] Інтерв'ю з Богданом Ввриком (про батька, о. Омеляна Ваврика) від 03.11.1995, м. Львів // АІЦ, П-1-1-596.
[78] Спогади Матешук (Грицини) Ірини (Орисі) Андріївни / Літопис нескореної України. – Кн. 2. – Львів, 1997. – С. 519.
[79] Інтерв'ю з Галиною Бук і Євгенією Панасюк про о. Стефана Мандзика (батька) від 27.04.1995, м. Львів // АІЦ, П-1-1-532.
[80] Кіндій Микола М. Життя Греко-Католицької Церкви (рукопис) // АІЦ, П-1-1-1120 № 11.

уніатську церкву в СРСР»[81]. На той час залишалася діючою на території Української РСР Мукачівська унійна єпархія. З огляду на опір духовенства та непохитність молодого єпископа Теодора Ромжі, спецслужби восени 1947 р. вдалися до спроби вбивства високопоставленого діяча церкви; після невдалого замаху на життя єрарха його все-таки отруїла в Мукачівській лікарні спеціально підіслана агентка КДБ[82]. З 1948 р. почалася активна діяльність уповноважених та спецслужб щодо ліквідації УГКЦ в Закарпатті[83]. «Ініціативної групи» тут створити так і не вдалося, як і скликати собор духовенства. Але влада вже не дуже й дбала хоч би про видимість у дотриманні певних формальностей. Офіційне проголошення возз'єднання Мукачівської єпархії з РПЦ і, відповідно, уневажнення Ужгородської унії 1646 року, відбулося 28 серпня 1949 р. під час традиційного паломництва віруючих на Чернечу гору біля Мукачева[84].

24 вересня 1949 р. той же Г. Карпов доповідав у секретній записці членам Політбюро ЦК ВКП(б) про те, «що накази Уряду про ліквідацію церковної унії, тобто греко-католицької церкви, виконано. Уніатська церква в п'яти областях УРСР (Львівській, Дрогобицькій, Станіславській, Тернопільській і Закарпатській), яка була в підпорядкуванні папи римського, на серпень місяць цього року ліквідована шляхом її возз'єднання з Руською православною церквою»[85].

Наприкінці 1949 р. єрархи РПЦ також констатували, що «перший період святої справи повернення… церковної єдності з усім рідним народом уже можна вважати завершеним. Майже всі парафії галицьких областей і Закарпаття вже возз'єдналися з Православною Церквою. Настав час, закріплюючи досягнення однодушної волі всечеснішого духовенства й церковного народу, всемірно дбати про дальше ствердження нашої відданості Православній Церкві у всьому…»[86]. Остаточно «покінчити з унією» в західноукраїнських областях запланували на першу половину 1950 р. Виконанням цього завдання повинні були зайнятися як Московський патріархат, так і МВС та МДБ. Останні діяли своїми методами – через арешти та депортації.

Офіційним приводом для нової хвилі масових арештів та депортацій стало вбивство 24 жовтня 1949 р. у Львові у власній квартирі «антиуніатського» публіциста Я. Галана. В організації вбивства влада звинуватила «возз'єднаного» священика о. Дениса Лукашевича, пароха с. Сороки-Львівські, і трьох його старших синів Олександра, Мирона та Іларія, студентів вищих навчальних закладів. Їх заарештували наприкінці жовтня 1949 р. Тоді ж депортували на спецпоселення у Хабаровський край дружину о. Дениса Ольгу та п'ятеро інших дітей. У березні 1951 р., після перегляду справи, згідно з вироком, синів о. Дениса розстріляли, а самого о. Лукашевича засудили до 25 років ув'язнення у виправно-трудових таборах із конфіскацією майна[87]. Як відомо, тоді відбулися масові арешти серед львівської інтелігенції та студентства.

---

[81] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве… – С. 300.
[82] о. Ласло Пушкаш. Кир Теодор Ромжа. Життя і смерть єпископа. – Львів, 2001. – С. 146–181.
[83] Див. ряд документів, опубл.: Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 136–188.
[84] Доповідна уповноваженого Ради у справах РПЦ при РМ СРСР по Закарпатській обл. Шерстюка про відзначення свята «Успення» на Чернечій горі в Мукачевому 12 вересня 1949 р. Опубл.: Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 203–210.
[85] Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 226.
[86] Собор єпископів возз'єднаних єпархій Галичини і Закарпаття // Православний вісник. – Львів, 1950. – С. 42.
[87] Інтерв'ю з Зеновієм Лукашевичем від 23.01.1993, м. Львів, та Орисею Лащевською-Лукашевич (про батька, о. Дениса Лукашевича) від 1.09.1995, м. Коломия // АІЦ, П-1-1-79.

Зі звіту голови Ради у справах РПЦ Г. Карпова на ім'я М. Хрущова відомо, що за 1945–1950 рр. із 590 священиків, що «не підписали православ'я», у Західній Україні було засуджено 344 греко-католицьких душпастирів, серед них сім єпископів[88]. На жаль, стан дослідження все ще не дозволяє вивірити наведені Г. Карповим цифри, а також подати точну кількість репресованих владою священиків Львівщини…

Нова сторінка в історії УГКЦ – діяльність душпастирів в умовах підпілля в другій половині 1950-х – наприкінці 1980-х рр. Відновлення УГКЦ в катакомбах на Львівщині, як і на решті території західних областей України, пов'язано в першу чергу з «хрущовською відлигою» та післясталінським періодом амністій і початком повернення людей із концтаборів і спецпоселень (1954–1959). Згідно із звітом уповноваженого у справах РПЦ при Раді Міністрів СРСР по УРСР, на кінець 1956 р. у Львівській області із 158 «невозз'єднаних» і засуджених священиків 130 повернулися із місць ув'язнення[89]. Зокрема, 1956 р. після 11 років позбавлення волі до Львова повернувся єпископ Миколай Чарнецький, який, незважаючи на поважний вік (72 роки) і знищене здоров'я, подбав про організацію навчання кандидатів до священства і здійснив свячення нових греко-католицьких священиків.

Міжнародні події 1956 р. вселяли надію на «вирішення питання про греко-католицьку церкву»[90]. У доповідній записці завідуючого відділом пропаганди і агітації ЦК КП України (1956) відзначалося, що населення Галичини «активізувалося, тут поширюються чутки, що питання про діяльність уніатської церкви уже вирішується урядом Союзу РСР, що відновленням уніатства на Україні займається Папа Римський через дипломатичні канали»[91]. Щоб припинити такі чутки і довести безпідставність сподівань на легалізацію УГКЦ, влада вирішила обмежити присутність «невозз'єднаного» кліру у Львові та області. До тих, хто повернувся із таборів та спецпоселень, почали застосовувати закон про обмеження в прописці. Через скасування прописки були вимушені виїхати за межі Львівської області, а то й взагалі з України кілька десятків священиків[92]. Страждали від такої радянської «справедливості» і священичі сім'ї, які також були змушені покинути рідні місця.

Владні органи вдавалися і до інших заходів. Республіканський уповноважений РС РПЦ Г. Корчовий у грудні 1956 р. радив місцевим органам влади, міліції та прокуратури застосовувати щодо греко-католицьких священиків, які ще не досягли пенсійного віку і не могли влаштуватися на світську працю, Указ Президії Верховної Ради СРСР від 23 липня 1951 р. «Про заходи щодо боротьби з антисуспільними та паразитичними елементами», притягувати «тунеядців» до кримінальної відповідальності, а також підключати фінвідділи для обкладення їх податками[93]. У 1958 р. новий республіканський уповноважений РС РПЦ Г. Пінчук радив місцевим органам «створювати уніатам нестерпні умови. У випадку крайньої необхідності передавати справи на таких псевдосвящеників у народний суд і виселяти з району, області»[94]. «Нова» тактика не виключала і «старих» методів, зокрема арештів[95].

[88] Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 288.
[89] Там само. – С. 291.
[90] Там само. – С. 293.
[91] Там само. – С. 297.
[92] Там само. – С. 321.
[93] Там само. – С. 295–296.
[94] Там само. – С. 304.
[95] Копия. Справка. СССР: Министерство внутренних дел. ИТЛ «ЖХ», лаготделение № 7, 15 июля 1959 г. // Архів монастиря оо. Студійського уставу.

Однак, попри постійні переслідування духовенства, на Львівщині тривало поступове відновлення УГКЦ в підпіллі. До розбудови переслідуваної церкви в 1963 р. активно спричинився підпільний єпископ і місцеблюститель Глави УГКЦ редемпторист Василь-Всеволод Величковський. Йому довелося діяти в непростих обставинах. Активна діяльність на захист прав приреченої на мовчання УГКЦ, розгорнута на Заході митрополитом Йосифом Сліпим (він отримав титул верховного архієпископа і був піднесений папою Павлом VI до гідності кардинала)[96], а також спроби радянського уряду нормалізувати стосунки з Ватиканом у середині 1960-х рр. зміцнили надії греко-католиків на легалізацію церкви. Піднесення активності духовенства і вірних та певна розгубленість влади дозволили владиці Величковському у липні 1967 року відкрито порушити питання про зняття заборони реєстрації УГКЦ. На це йому відповіли, що «у Львові та області є зареєстровані римо-католицькі громади, де задовільняють свої потреби віруючі католики, а тому нема необхідності реєструвати кимось надуману «уніатську католицьку церкву»; порекомендували також «порадити своїм колегам не порушувати радянських законів про культи»[97].

Як зазначав дослідник Б. Боцюрків, у 1960-х рр. існувало три документи, які надавали владі правові підстави для репресій проти греко-католицького духовенства та вірних. 13 березня 1961 р. Рада у справах РПЦ та Рада у справах релігійних культів при Раді Міністрів СРСР видали таємну «інструкцію» щодо застосування радянського законодавства про культи. 23 березня 1966 р. Президія Верховної Ради УРСР затвердила два декрети: «Про адміністративну відповідальність за порушення законодавства про релігійні культи» та «Про застосування статті 138 Кримінального кодексу Української РСР»[98]. Перший декрет передбачав покарання у вигляді штрафів «за відправлення служб у приватних помешканнях та проведення приватних обрядів хрещення, шлюбу та поховання»; другий документ передбачав, крім штрафу у розмірі від 50 крб., ще й виправні роботи терміном від одного до п'яти років з конфіскацією майна за відправу літургій у місцях паломництв, виготовлення релігійної літератури чи образків, підготовку дітей до першого причастя тощо[99]. Ці документи розв'язали руки каральним органам у переслідуванні духовенства. Наприклад, за навчання дітей релігії заарештували редемпториста о. Михайла Винницького зі Львова. Це був уже другий арешт о. Михайла за його релігійні переконання[100]. Над ним вчинили показовий судовий процес, який зафільмували і транслювали по телебаченню на Святий вечір у телепрограмі під назвою «Порванные сапоги»[101]. Вирок (три роки ув'язнення

---

[96] Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 411–412.

[97] О. Стефан Йосиф Бахталовський, ЧНІ. Життя Василя-Всеволода Величковського, ЧНІ, єпископа-ісповідника // Єпископ Василь-Всеволод Величковський, ЧНІ. – С. 26–27.

[98] Боцюрків Б. УГКЦ в катакомбах… – С. 140–141.

[99] Там само. – С. 141.

[100] Вперше його арештували у 1949 р. в Омську на залізничній станції, коли він, демобілізований з лав Радянської армії, повертався до України. Тоді його засудили до 10 р. ув'язнення і він відбув половину терміну – звільнений у 1955 р. Див.: Мартирологія українських церков. Документи, матеріали, християнський самвидав України. – Т. 2. Українська Католицька Церква / Упор. Осип Зінкевич і о. Тарас Р. Лончина. – Торонто-Балтимор, 1985. – С. 114; Лещук Віталій, бр. Отець Михайло Винницький // Редемптористи. Дев'яносто літ в Україні. – Львів, 2003. – С. 190.

[101] Лещук Віталій, бр. Отець Михайло Винницький // Редемптористи. Дев'яносто літ в Україні. – Львів, 2003. – С. 191.

і п’ять – заслання) [102] о. Винницький відбував у Луганську, захворів на сухоти, тому через два роки його звільнили, боячись міжнародного скандалу.

Проти греко-католицького духовенства та чернецтва почали застосовувати і позасудові репресії: побиття, обшуки, конфіскації релігійної літератури та церковних речей, профілактичні бесіди, штрафи тощо.

Не забарилися й арешти. 2 січня 1969 р. вдруге був заарештований владика Василь-Всеволод Величковський за написану ним книгу «Історія чудотворної ікони Божої Матері Неустанної помочі» та за старання «по відродженню уніатства в західних областях України». За це він отримав 3 роки ув’язнення у виправній трудовій колонії суворого режиму [103]. Після відбуття терміну покарання підпільному єпископу «порадили» відвідати сестру в Загребі. Йому видали закордонний паспорт з візою «на неозначений термін» перебування за кордоном [104].

На початку 1970-х рр. влада вдається до ще одного позасудового засобу боротьби – розгортається кампанія цькування греко-католиків у засобах масової інформації. З’являються численні статті у пресі, телевізійні та радіопередачі, друкуються книги антиуніатського спрямування, які очорнювали пам’ять про митрополита Андрея Шептицького, обливали брудом кардинала Йосифа Сліпого та духовенство[105].

Незважаючи на репресії супроти греко-католицького єпископату і духовенства, радянському режимові не вдалося припинити їхньої діяльності. У Львівській області у середині 1970-х рр., за даними влади, діяли у підпіллі 145 греко-католицьких душпастирів та 200 монахів і монахинь.

Під особливим наглядом спецслужб, починаючи з 1972 р., перебував глава катакомбної УГКЦ єпископ Володимир Стернюк, хіротонізований таємно ще у 1964 р. владикою Василем-Всеволодом Величковським. У його помешканні часто проводили обшуки, вилучали речі релігійного змісту, а сам він ставав об’єктом наклепів та шантажу радянських органів безпеки.

У 1975 р., коли керівництво СРСР підписало «Хартію з прав людини» у Гельсінкі, втретє заарештували о. Михайла Винницького[106]. Відкрите судове засідання провели 31 липня 1975 р. у Львові. Отця Михайла засудили «до 5 р. позбавлення волі і 3 роки заслання після відбуття основного покарання з конфіскацією всього особистого майна з відбуттям позбавлення волі у виправно-трудовій колонії

[102] Кобрин В. Про священика Михайла Винницького / Мартирологія… – Т. 2. – С. 609.

[103] Блаженний священномученик Василь Величковський (1903–1973) // Редемптористи. Дев’яносто літ в Україні. 1913–2003. – Львів, 2003. – С. 95.

[104] О. Стефан Йосиф Бахталовський, ЧНІ. Життя Василя-Всеволода Величковського, ЧНІ, єпископа-ісповідника // Єпископ Василь-Всеволод Величковський, ЧНІ. – С. 26–27.

[105] Боцюрків Б. УГКЦ в катакомбах… – С. 148. Зокрема, порівн.: Даниленко С. Т. Дорогою ганьби і зради: історична хроніка. – Київ, 1970; Даниленко С. Т. Униаты. – Москва, 1972. Дмитрук К. Свастика на сутанах. – Київ, 1973; Дмитрук К. Є. Безбатченки: правда про участь українських буржуазних націоналістів і церковних ієрархів у підготовці нападу фашистської Німеччини на СРСР. – Львів,1974; Дмитрук К. Під чорними сутанами: правда про зв’язки ієрархії уніатської церкви з фашистськими загарбниками. – Київ, 1975; Дмитрук К. Під штандартами реакції і фашизму: крах антинародної діяльності уніатської та автокефальної церков. – Київ, 1976. Повніший список антиуніатської літератури, яка з’явилася в той час, див.: Антинародна діяльність уніатської церкви на Україні. Бібліографічний покажчик / Упорядник Ільницька Л. І. – Львів, 1976.

[106] Кобрин В. Про священика Михайла Винницького // Мартирологія… – Т. 2. – С. 609.

загального режиму»[107]. На волю отець вийшов на початку 1983 р., повернувся до Львова. Проте йому відмовили у прописці і саме через її відсутність звільнили з посади кочегара дитсадка, де він пропрацював лише рік[108]. На той час йому залишалося два роки до досягнення пенсійного віку, а відсутність працевлаштування загрожувала черговим арештом за «тунеядство». І в 1985 р. о. Михайла Винницького таки заарештували, уже вчетверте. Вирок – 5 років суворого режиму і 5 років заслання. Отець Михайло повернувся до Львова з далекого Архангельська, де відбував ув'язнення, у 1987 р.[109] Це вже був новий час, коли в Україні пропагувалися ідеї «перебудови» та «гласності», проголошені керівником Радянського Союзу М. Горбачовим.

У серпні 1987 р. невелика група єрархів, духовенства та мирян катакомбної УГКЦ у відкритому листі оголосили про вихід з підпілля[110]. Рух за її легалізацію посилювався, ставши складовою частиною всього громадянського та політичного піднесення в країні, і наприкінці 1989 р. радянський уряд був вимушений надати дозвіл на офіційну реєстрацію греко-католицьких громад. Репресовані священики, які дожили до 1990 р., спричинилися до відбудови УГКЦ на Львівщині. Їхні страждання, кров тих, хто загинув за вірність церкві і священичій присязі, не були марними. Радянська репресивна машина так і не змогла зламати їх. Після майже півстоліття арештів, ув'язнень, депортацій, побиттів, глумління над духовенством та вірними Українська греко-католицька церква вистояла і відновилася у своїх правах.

---

[107] Вирок народного суду Залізничного району м. Львова Винницькому Михайлу Іллічу. 31 липня 1975 р. (ксерокопія) // АІЦ, П-1-1-645.1, арк. 5. Опубл.: Мартирологія… – Т. 2. – С. 591–597.

[108] Там само. – С. 607.

[109] Лещук Віталій, бр. Отець Михайло Винницький // Редемптористи. Дев'яносто літ в Україні. – Львів, 2003. – С. 193–195.

[110] Сергійчук В. Нескорена Церква… – С. 439–442.

Вероніка ЄВТУХ

ЛІКАРІ ПІД ПРЕСОМ ПОЛІТИЧНИХ РЕПРЕСІЙ

Від часу Другої світової війни – цієї великої бойні народів – минуло понад піввіку. Вона пропрасувала українську землю вздовж і впоперек, залишаючи по собі руїну, розпач і людське страждання. А була і ще одна війна – боротьба за справжнє визволення України, за українську державність.

Переглядаю картотеку загиблих, замордованих і репресованих громадян Львівщини напередодні війни, в роки війни і після її закінчення, підготовлену групою видавничого центру «Пам'ять» в архіві УСБУ і УМВС у Львівській області. В цій картотеці прізвища людей різних професій. Серед них – представники найгуманнішої з усіх – лікарі, фельдшери, санітари. Читаємо: загинув під час слідства у тюрмі, розстріляний без суду і слідства, пропав безвісти в тюрмах НКВС після початку війни, загинув під час чекістсько-військової операції, засуджений до вищої міри покарання – розстрілу, через повішення, на 20 років каторжних робіт, на 10 років, на 5 років, вивезений на спецпоселення…

«Друга світова війна вже у своїй початковій фазі була позначена блискавичною перемогою добре оснащеної та модерно озброєної німецької армії над Польщею.… 12 вересня німецька армія вже була під Львовом, але німці до міста не вступали. 17 вересня у Львові пролетіла вістка, що більшовицька армія переступила польський кордон і посувається в напрямі до міста. Українці нічого доброго не сподівалися від гітлерівської Німеччини і водночас з острахом споглядали на більшовицькі військові частини, які вступали до Львова 22 вересня…»

Ці рядки – із спогадів лікаря Романа Осінчука. У 1939 р. він – заступник завідуючого обласним відділом охорони здоров'я, згодом старший асистент клініки шпитальної терапії і заступник директора всіх клінік у лікувальній частині, а в 1940–1941 рр. науковий працівник і викладач Львівського медичного інституту, якому за громадську діяльність тричі довелося відсиджувати у польських тюрмах [1]. Тоді більшовицькі частини на Городоцькій вулиці зустрічав і він, коли у перші дні війни повернувся до Львова, ще переховуючись від польської поліції в монастирі оо. Студитів, що біля «Українського шпиталю», куди після приходу радянської влади знову повернувся до праці.

---

[1] Осінчук Роман. Медичний світ Львова //Лікарський збірник. Нова серія. Т. 4. – Львів–Нью-Йорк, 1996. – С. 44.

У перші дні в госпіталі ще нічого не мінялося: люди, як завжди, спокійно працювали. Але згодом у місті заговорили про арешти. У середовищі лікарів спочатку особливих змін не спостерігалось, хіба що, як згадують учасники тих подій – самі лікарі, – крім окремих викликів до новоприбулих хворих. Пацієнти не стільки скаржились на свої хвороби, як з цікавістю розпитували лікарів про «Народну лічницю», «Український шпиталь» та інші медичні заклади Львова[2].

У жовтні нова влада розпочала заходи з організації охорони здоров'я. Заступник народного комісара охорони здоров'я УРСР І. С. Лукіянчиков запросив до себе трьох провідних українських лікарів Львова професора Мар'яна Панчишина, лікарів Юліана Кордюка та Романа Осінчука. Завідуючим облздороввідділом було призначено професора Панчишина, його помічниками – Кордюка і Осінчука, завідуючим міськздороввідділом – лікаря Олександра Барвінського. На пропозицію М. Панчишина лікаря Максима Музику скерували для допомоги в організації медінституту, а лікар Леонтій Максимонько став директором Дому лікаря (колишній дім Лікарської палати). Наприкінці жовтня 1939 р. було створене Львівське обласне аптекоуправління, керівником якого призначена магістр фармації С. Чижович.

Та вже в першій половині листопада почали з'являтися з Києва нові «товариші» від медицини. Один з них, представник наркомздоров'я України І. Трегуб, за професією фельдшер, але довголітній член ВКП(б), з призначенням на заступника завідуючого облздороввідділом, а О. Макарченко – для організації Львівського державного медичного інституту на базі медичного факультету, виділеного з університету Яна Казимира у Львові й відданого у підпорядкування наркомздоров'я України. Вони та інші представники зі сходу України фактично й перебрали на себе всі повноваження у справі медицини на Львівщині... Наприкінці листопада облздороввідділ поповнився ще одним відповідальним працівником – завідуючим кадрами чи спецвідділом. І хоч прізвище мав українське, але завжди розмовляв російською мовою. Новому завідуючому всі мусили писати великі автобіографії за певним зразком. Зміст їх мав обов'язково співпадати з іншими документами, інакше це не раз призводило до клопотів та додаткових вияснень[3].

Почалася радянізація медичного життя. Насамперед ліквідували Лікарське товариство, Лікарську палату, Наукове товариство ім. Т. Шевченка (останні збори НТШ відбулися 14.01.1940 р., робота товариства була відновлена в еміграції 1947 р., а 1989 р. знову у Львові вже в незалежній Україні) з його лікарською комісією (першою науковою організацією лікарів, заснованою ще в 1898 р.) та інші українські культурно-просвітницькі установи… «Український шпиталь» ім. митрополита Андрея Шептицького у Львові, який дуже сподобався Трегубові, перейшов у власність більшовицької держави. Комуністична влада визначила його заклад для лікування своєї партійної верхівки, перейменувавши на «Госпіталь для отвєтствєнних работніков», хоч усім «товаришам» було добре відомо, що цей госпіталь побудовано завдяки безкоштовній праці українських лікарів для бідного населення Львова й краю, а також на гроші, зібрані з малих оплат пацієнтів, завдяки акції української громади в Галичині під патронатом митрополита Шептицького. З конференцзалу шпиталю винесено статую Шептицького та кілька портретів чільних лікарів цього закладу, зокрема, портрет по-

[2] Осінчук Роман. Медичний світ Львова. – С. 46.
[3] Там само. – С. 56.

кійного доктора Івана Куровця. Таким чином, «Український шпиталь» став осередком лікування комуністичної аристократії[4].

Політична ситуація ставала все напруженішою. Почалися арешти й вивезення на спецпоселення відомих громадсько-політичних діячів: як українських, так і польських, декого почали викликати на допити в НКВС і спонукати до принизливої співпраці з органами, що викликало страх, безнадію і непевність у завтрашньому дні. Багато лікарів, зважаючи на не дуже суворі кордони у перші місяці окупації між СРСР і Німеччиною, почало тікати від переслідувань влади на території, окуповані німцями.

Одним із перших серед інших репресованих представників Західної України був лікар Юліан Дмитрович Єндик, зав. малярійною станцією Комарнівської райполіклініки, член УВО з 1926 р., який тоді тимчасово мешкав у Києві. 25.01.1933 р. він був заарештований Київським ОВ ДПУ (ст.ст. 54-2, 54-11 КК УРСР), а 9.05.1933 р. судовою трійкою при Колегії ДПУ УРСР засуджений на 10 років таборів. Термін відбував у Приморському краї і Магаданській обл. Звільнений у 1948 р. за станом здоров'я. Вдруге 19.08.1950 р. за цими самими статтями заарештований УМДБ у Дрогобицькій обл. Звільнений 7.12.1950 р. з-під варти як інвалід другої групи (хронічний дисимінований туберкульоз) і непридатний до фізичної праці.

За статтями 54-2, 54-11 КК УРСР 29.12.1940 р. Львівським облсудом засуджений до розстрілу лікар-стоматолог Брухнальський Густав Вільгельмович. Вирок виконано 14.04.1941. Без суду і слідства розстріляний 26.06.1941 р. за зв'язок з польським підпіллям студент Львівського медінституту Цєхановський Артур Зигмундович. Пропав безвісти в тюрмах НКВС після початку війни поручник запасу польської армії Солицький Ромуальд Якубович. Як соціально небезпечний елемент у грудні 1939 р. заарештований УДБ УНКВС у Львівській області і засуджений на 8 років таборів лікар Шеміс Зенон Георгійович (закінчив медичний факультет Варшавського університету)…

Багато медичних працівників було постійно під наглядом НКДБ-НКВС, їх час від часу викликали й допитували. Не мали спокою й ті лікарі, зокрема найчастіше українці, хто ще залишався працювати на керівних посадах. Їх також НКВС викликало на різні три-чотиригодинні «розмови» й допити. Переважно це відбувалося вночі.

Львівський медінститут у той час користувався особливо «дбайливою» опікою міського НКВС-НКДБ, яке вважало українських медиків «найгіршою шайкою національних бандитів»[5]. Таке недовір'я нової влади дуже пригнічувало людей, створювало напруження і життєву непевність. Доцент ЛМІ у ті роки Роман Осінчук згадує: «Це особливо пригноблювало мене, хоч здавалося, що я мав велику моральну опору в директора інституту доктора Макарченка, директора клінік доктора Оноприєнка та особливо в політрука клінік товариша Конончука. Але чи могли вони у випадку якогось клопоту справді допомогти? Мабуть, ні. Бо ж за ними також ходила тінь підозріння сталінської влади й НКДБ»[6].

10.02.1941 р. був заарештований заввідділом кадрів Львівського медінституту М. Ф. Павлюк. Пропав безвісти в тюрмах НКДБ після початку війни. Заарештовано на початку 1941 року лікаря Осипа Дзядіва та вивезено в Сибір. Там він і загинув.

[4] Матеріали до історії української медицини. Т. 2. – Чикаго, 1988 (далі – Матеріали до історії української медицини…). – С. 57.

[5] Вмер, щоб жили інші // Львівські вісті. – 1941. – Ч. 34, 17 вересня.

[6] Осінчук Роман. Медичний світ Львова. – С. 64.

На початку німецько-радянської війни був заарештований і замордований у тюрмі лікар Тарас Білинський. Пропали безвісти в тюрмах НКДБ після початку війни лікар Михайло Хомин і фармацевт (завідуючий аптекою № 5 у Львові) Антон Куницький.

Не оминуло всевидяще око НКДБ своєю увагою і родину знищеного ним у 1938 р. керівника УВО, а згодом ОУН Євгена Коновальця. Степан Коновалець, уродженець с. Стремільче Радехівського р-ну, фельдшер за фахом, 4.08.1940 р. народним судом Козинського р-ну в Тернопільській обл. був засуджений на 3 р. позбавлення волі в загальних місцях ув'язнення (ст. 143 ч. 3 КК УРСР). За даними ВЧВ ВВТК УНКВС у Харківській обл. від 21.07.1941 р.: «…перебуваючи на пересильному пункті НКВС у м. Харків, він проводив антирадянську агітацію, вихваляв фашистську Німеччину». І вже 14.08.1941 р. ВТ військ НКВС у Харківській обл. засуджений до ВМП – розстрілу (ст. ст. 54-10, 54-11 КК УРСР). Вирок виконано в тюрмі №1 у Харкові. Реабілітований посмертно 26.08.1993 р.

Як згадують очевидці, вже 26 червня 1941 р. почалися арешти українців-галичан у всьому місті, в тому числі й у медичному інституті, та страшне мордування людей у всіх в'язницях Львова. Більшість страчених взагалі ніякого відношення до політики не мала… Вранці служба НКДБ забрала з інституту головного бухгалтера Григорія Кухаря, голову студентської профспілки Івана Савку. З гурту студентів мединституту назавжди вибули: Крупа, Карашівський, Бійовська, Уманський, Лацик, Вишиваний, Григоришин та багато інших. Того самого дня забрали з однієї клініки адміністративного директора інституту Євстахія Струка. Згодом його тіло знайшли між тисячами закатованих жертв, з обдертою шкірою на плечах, на ногах і на підборідді. Незважаючи на те, що він був попереджений про небезпеку, зігнорував цим, коли почув, що затримали студентів і їм загрожує смерть. Загинув він, щоб урятувати 50 юнаків-студентів, яких синьокашкетники зачинили в підземеллях мединституту «до вияснення».

Згодом його дружина Дарина Струк усе-таки віднайшла понівечене тіло свого чоловіка і поховала за християнським звичаєм. Вже у 1944 р. молода вдова разом із сином Данилом поповнила ряди одного з таборів для переміщених осіб у Німеччині. Там вона познайомилася з Василем Гусарем – дантистом «Зубченком», одним з організаторів Українського Червоного Хреста УПА на Перемишльщині–Лемківщині, з яким створила родину. Вони разом виїхали в Канаду. Син Євстахія Струка, Данило Гусар-Струк, став професором, одним із провідних українських учених діаспори. Був головою Наукового товариства ім. Шевченка на Західну Європу, дійсним членом НТШ, іноземним академіком Національної академії наук України, головою відділу славістики при Університеті Торонто. Та особливе визнання здобув собі Д. Гусар-Струк як головний редактор фундаментальної 5-томної Енциклопедії України англійською мовою [7].

Таке пекло тривало у тюрмах Львова упродовж четверга і п'ятниці, удень і вночі.

До професорів Мар'яна Панчишина і Кирила Студинського, депутатів Верховної Ради СРСР, у п'ятницю 27 червня було приставлено так звану охорону з двох енкадебістів, які постійно супроводжували професорів і вдома, і на роботі. Під час чергового нальоту німецької авіації на місто Мар'янові Панчишину вдалося уникнути конвою

[7] Львівські вісті. – 1941. – Ч. 34. – 17 вересня; Пам'ять про героїв житиме в серцях нащадків // Народне здоров'я. – 2002. – № 10. – Жовтень.

і пересидіти до півночі на другому поверсі однієї з клінік інституту. Але професора Кирила Студинського енкадебісти вивезли із собою. Назавжди… [8].

У червні 1941 р. був заарештований і засуджений лікар-терапевт Тадей Сай, член Української студентської громади в Тернополі, Медичної громади у Львові, Лікарського товариства 1933 р., «Просвіти». Багато років поневірянь у концтаборах за членство в ОУН зазнали фельдшери Михайло Ткачик зі Львова, Олесь Капко з Івано-Франківщини, студентка Львівського медінституту Наталія Шухевич – зв'язкова і кур'єр крайової екзекутиви ОУН, господиня конспіративної квартири (невимовно жорстоким був у січні 1941 р. судовий процес у Львові над 59 молодими членами ОУН, серед яких була і вона), сестра генерал-хорунжого УПА Романа Шухевича та інші.

Українське лікарське товариство наприкінці 30-х рр. налічувало майже 500 членів – представників Галичини, Закарпаття, Волині, Буковини, у самій Польщі та за її межами. І майже всі при можливості намагалися активно співпрацювати не тільки за своїм фаховим покликанням. Було створено філіали у колишньому Станіславові (м. Івано-Франківськ), Коломиї, Тернополі, Перемишлі. У кінці червня 1941 р. під час відступу Червоної армії мобілізували на фронт багато місцевих лікарів, деяких вивезли, а багатьох просто ліквідували.

І ось бруківку вулиць українського Львова вже втрамбовували представники іншого народу. Місто окупували фашисти… Уже перші дні спілкування провідних українських лікарів Львова з представниками так званої арійської раси радості не принесли. І хоч почали розбудовуватись українські школи (на початку 1942 р. в багатьох окупованих гітлерівцями містах Вінниці, Києві і Львові відновлено деякі факультети медінститутів. Зокрема, у Львові відкрито так звані Державні медичні фахові курси, які після приєднання фармацевтичного факультету перейменовано на Державні медично-природничі фахові курси у Львові, на яких навчалось 722 слухачі – українці й поляки), українська преса, українські церкви, але коли робилася спроба розбудувати власний державний апарат, німецький окупант задушив ці прагнення у зародку [9].

У перші дні липня в околиці вулиці Вульки вночі гітлерівці замордували два десятки представників польської інтелігенції, серед яких було багато професорів Львівського медичного інституту: вісімдесятирічний мікробіолог (бактеріолог) Айзенберг, учень Роберта Коха; професор-хірург Генрік Гілярович; професор-терапевт Ян Грек; професори-хірурги щелепно-лицьової хірургії Антон Тишинський (Цишинський) і Владислав Добжанецький; професор-патанатом, декан медичного факультету ЛМІ Вітольд Новіцький; професор-хірург Тадеуш Островський; професор-педіатр Станіслав Прогульський; професор-терапевт Роман Ренцький; хірург Фридерік Руфф (Рулф); професор судової медицини, ректор Львівського університету Володимир Сєрадзький; професори-гінекологи Адам Соловій і Станіслав Мончевський. Лікар Бліць Йосип, єврей, м. Лопатин: німці по-звірячому вбили всю сім'ю, у складі п'яти осіб [10].

Увесь український народ чинив спротив новому окупантові. Було створено мережу національного опору, яка охопила мільйони людей, яка боролася з фашистськими

---

[8] Лікарський збірник. На пошану Маріяна Панчишина. Нова серія. Т. 7. – Львів–Чикаго, 2000. – С. 69.

[9] Лікарський збірник. На пошану Василя Плюща. Нова серія. Т. 11. – Львів–Чикаго, 2002. – С. 117.

[10] Львівський державний медичний інститут. – Львів, 1994. – С. 7.

нелюдами і одночасно проти агентури московсько-комуністичного режиму, що була залишена на землях Західної України і часто співпрацювала з німцями у справі ліквідації українського національного руху[11].

Зазнали жорстоких переслідувань від німецької влади і українські лікарі.

За участь у діяльності ОУН 1942 р. був заарештований гестапо і засланий до концентраційного табору в Заксенхаузен лікар Ростислав Сочинський[12]. Там пробув три роки та служив медичною допомогою іншим в'язням і цим не одного врятував від смерті. Під час війни займався суспільно-політичною діяльністю та відбув тривале ув'язнення в нацистській тюрмі лікар Мирослав Харкевич[13]. Від початку 1942 р. аж до арешту його гестапівцями у грудні цього ж року лікар Тома Лапичак[14] був провідником крайової екзекутиви ОУН західноукраїнських теренів (Волинь, Закарпаття і Буковина). Після арешту його етапували на допити до Берліна, а потім, разом з іншими українськими націоналістами, запроторили до концентраційного табору в Заксенхаузен. У гітлерівських таборах утримувалися також українські лікарі Омелян Волинець, Нестор Процик, Роман Ковальський, Мирослав Куник та інші.

У 1942 р. прилюдно розстріляний гітлерівцями в Белзі на Сокальщині член ОУН, організатор суспільного життя на Жовківщині, студент Львівського медінституту Ярослав Ткачук. У 1943 р. розстріляна гестапо в Лисинецькому лісі студентка фармації Львівського медінституту, член комітету суспільної опіки Калина Іванійчук. Разом з подругами, незважаючи на полювання гестапо за українськими патріотами, вона надавала посильну допомогу і тимчасовий притулок та харчування вчорашнім в'язням «совєтських в'язниць», безпритульним, полоненим червоноармійцям, згодом дістала з в'язниці списки заарештованих не тільки Львова, але й притранспортованих зі східних теренів України. Ця кароока тендітна дівчина знаходила дорогу до впливових українських діячів і домагалася допомоги для ув'язнених. І результативно. Кілька десятків в'язнів було врятовано. Серед них майбутній командир УПА на Волині Клим Савур (Роман Клячківський) та інші. Та після вдалої втечі з тюрми Ярослава Старуха і Дмитра Грицая потрапила в пазури гестапо і юна студентка Калина… Загинула під час слідства у берлінській тюрмі (покінчила життя самогубством, аби не видати друзів) член ОУН студентка медицини Галина Столяр. 23.02.1943 р. у Кременці на Тернопільщині гітлерівцями розстріляно дванадцять осіб, у тому числі українських патріотів лікарів Ганну і Петра Рощинських[15] за допомогу ОУН-УПА і участь у роботі Українського Червоного Хреста.

Окремої сторінки в історії про репресованих медиків заслуговують лікарі – учасники Другої світової війни в лавах Робітничо-Селянської Червоної армії (РСЧА) і рядах польської армії.

---

[11] Лікарський збірник. На пошану Василя Плюща. Нова серія. Т. 11. – Львів–Чикаго, 2002. – С. 118.

[12] Пропам'ятна книга з нагоди 40-ліття УЛТПА (Чиказький період, 1975–1990). – Чикаго, 1990. – С. 167.

[13] Там само. – С. 186.

[14] Там само. – С. 159.

[15] Данилюк М. Спогад про лікарів Ганну і Петра Рощинських // Літопис Української повстанської армії. Т. 23. Медична опіка в УПА. Книга 1. – Торонто–Львів, 1993. – С. 87.

Військовий лікар 3-го рангу Любомир Дмитрович Беч, уродженець с. Уличне Дрогобицького р-ну, член ОУН, у січні 1942 р. заарештований ОВ НКВС Сталінградського ВО (за «антирадянську агітацію, членство в ОУН і недонесення»). Засуджений на 8 років таборів і 21.04.1944 р. помер в Івделі Свердловської обл. Штурмай Василь Дем'янович з Бродівщини. У вересні 1944 р. був мобілізований і відправлений на фронт. Після поранення повернувся додому інвалідом другої групи і вступив до Львівського медінституту. Та в 1949 р. був заарештований за підозрою у співпраці з підпіллям ОУН і засуджений на спецпоселення в Читинську обл. У людини завжди є право вибору. Студент Штурмай вибрав шлях страдницький, важкий і невідомий, не погодившись на співпрацю з органами МДБ. На спецпоселенні працював у комбінаті «Балейзолото», незабаром йому було дозволено продовжити навчання у Читинському медінституті. Закінчив його у 1959 р. вже вільною людиною. Після повернення на Україну працював у Рівненській міській лікарні терапевтом. Максимів Стефанія Йосипівна, фельдшер зі Львова, учасник Другої світової війни в рядах РСЧА. 19.01.1943 р. заарештована за «спробу переходу на бік німців» (ст. 58-2 КК РРФСР). 25.01.1943 р. ВТ Західного фронту засуджена на 6 років таборів з обмеженням у правах на 2 роки. Покарання відбувала в Ярославській обл.

Тадеуш Станіславович Висп'янський, лікар-хірург військового госпіталю, офіцер польської армії. У 1940 р. заарештований і засуджений на 5 років спецпоселення у Красноярський край. Дубовий Михайло Іванович, уродженець Кам'янка-Бузького р-ну, лікар-дерматолог, офіцер-підпоручник польської армії. У 1940 р. заарештований за те, що «захищав буржуазний польський лад». Був етапований у Північнопечорський ВТТ, Комі АРСР. А лікар – капітан польської армії, начальник відділу охорони здоров'я Львівського магістрату (1928–1939) Євген Долинський – у Карагандинський ВТТ, Казахська РСР; Маріїнський ВТТ, Новосибірська обл. Бабонь Ян Антонович, військовий лікар, підполковник польської армії у 1918–1939 рр. Заарештований у грудні 1939 р. як соціально небезпечний елемент, засуджений у травні 1941 р. на 5 років спецпоселення у Красноярський край. За «участь у боротьбі проти революційного руху» заарештовані і засуджені лікар залізничної поліклініки, поручник запасу польської армії Ромуальд Якубович Солицький, лікар – капітан польської армії німець Франц Францевич Цімерман. Вони пропали безвісти в тюрмах НКВС.

Після закінчення Львівського університету працював фармацевтом санітарного складу 375-го НКО Брандлер Віктор Леонтійович. На початку війни був мобілізований у Червону армію і служив разом зі своїми земляками-львів'янами у Свердловську в 777-му будівельному батальйоні 1-ї роти. Через свого знайомого земляка лікаря-хірурга зі Львова поляка Терлецького Станіслава ніби «знав про всі плани цієї втечі за кордон на бік ворога, організатором якої був сам Терлецький, а Брандлер також хотів узяти в ній участь. Обіцяв членам групи дістати польові медичні сумки для надання першої медичної допомоги на випадок поранення кого-небудь з учасників змови під час затримання»… У вересні групу викрили. В 1942 р. Віктор Брандлер був засуджений на 10 років таборів і помер в ув'язненні 8.06.1943 р., Станіслав Терлецький – засуджений до розстрілу. Разом з ними до різних вироків також засудили 8 червоноармійців із Західної України.

Олійник Семен Трохимович, 1914 р. н., з Сумської обл., мешканець Львова, лікар-венеролог. Теж фронтовик. 11.01.1947 р. заарештований ВТ Львівської залізниці (ст. 54-1б КК УРСР) за те, що, потрапивши у німецький полон у 1942 р., був лікарем

військовополонених, навчався у німецькій школі. 9.04.1947 р. ВТ ПрикВО засуджений на 10 років таборів з обмеженням у правах на 5 років. Покарання відбував у Мордовській АРСР. Звільнений 14.03.1955 р.

Учасником Другої світової війни в рядах Червоної армії був і студент фахових курсів Львівського медінституту у 1942–1944 рр. Петро Миколайович Федун – «Петро Полтава». Визначний ідеолог і теоретик українського націоналізму, політвиховник Головного військового штабу УПА, член Центрального проводу ОУН, автор публіцистичних праць, національних ідей і концепції самостійності і соборності України, борець за волю народів і волю людини. Уродженець с. Шнирів Бродівського р-ну, майор Червоної армії (воював проти Фінляндії в 1940 р., проти Німеччини – в 1941 р., потрапив у німецький полон, з якого йому вдалося звільнитися). Згодом член юнацтва ОУН, член УГВР (псевдо «Петро Полтава», «Волянський», «Север», 99). Загинув 23.12.1951 р. під час чекістсько-військової операції на Івано-Франківщині. Наприкінці листопада 1951 р. він перебрався зимувати на базу референта пропаганди Журавнівського надрайонного проводу Станіславщини «Мироничa». 12 листопада біля с. Ямерсталь Болехівського району захопили охоронців П. Федуна – «Вітра» та «Кучера». Від них дізналися про його приблизне місцезнаходження в районі с. Дубрівка Журавнівського р-ну.

4574 бійці внутрішніх військ, працівники МДБ і низка агентурно-бойових груп блокували лісовий масив на межі Дрогобицької й Станіславської областей. Розпочалась оперативно-військова операція. Внаслідок розшукових заходів було локалізовано місце перебування Федуна – лісовий масив Бакоцин. В ході військової операції 21.12.1951 р. там загинув керівник підпілля в Галичині Роман Кравчук. На південному сході від с. Новошин Журавнівського р-ну 23 грудня курсант навчального загону ВВ помітив пару, що піднімалася з-під землі. Так було знайдено капітальний бункер Петра Федуна. Бійці його «залоги» відстрілювалися, палили документи, а потім пострілялися. Серед загиблих в опергрупі МДБ у Львові впізнали Петра Федуна, а також Б. Зибнева («Мироничa»), провідника ОУН Букачівського району Станіславської області «Скритого», охоронця Г. Ярему – «Діброву». П. Федуна було поховано у триметровій ямі з негашеним вапном на території «об'єкта № 39» УМВС у Львові разом з іншими підпільниками[16].

На початку 1944 р. багато громадян зі сходу України, і не тільки українських, а між ними й лікарів, професорів медичних інститутів вирушило на Захід у страху перед відновленням радянської влади, а з нею – сталінських репресій. Втікачі тимчасово осіли у Львові та інших містах Галичини. Наближення фронту гнало їх далі – до Австрії, Німеччини, Чехословаччини. До них долучилися і представники національної інтелігенції Львівщини.

Дорогу на Захід прокладало багато з тих лікарів і студентів медичних вузів, хто у свій час брав участь у національно-визвольній боротьбі, перебуваючи в рядах СВУ, ОУН чи лавах УПА, спочатку в колонах утікачів, а згодом у складі рейдів УПА. Серед них уже згадуваний науковець Роман Осінчук, лікарі Ярослав Воєвідка,

[16] Петро Полтава. Праці. – Мюнхен, 1959. – 124 с.; Содоль Петро. УПА (1943–1949). Довідник. – Нью-Йорк, 1994 (далі – Содоль Петро. УПА…). – С. 128; Повстанська розвідка діє точно й відважно... – К., 2006. – С. 138, 139.

Тома Лапичак – усі зі Львова, Борис Андрієвський з Дніпропетровська, професори Валентина Радзимовська, Василь Плющ з Києва (уродженець Чернігівщини), Осип Клодницький, Володимир Прокопів з Івано-Франківщини**,** психіатр Роман Припхан, студенти медицини Модест Ріпецький, Тома Воробець, Павло Пундій та інші. Під час перебування у Чехословаччині втопився у річці Ваг біля Тренчина лікар Зенон Боднар, загинув під час бомбардування Відня лікар Голубовський, 4.04.1945 р. загинув у Тюрінгії під час бомбардування лікар Мирослав Павлишин… [17].

Понад двісті українських лікарів і ще більше студентів медицини покинули рідні краї. Як говорили у народі в той час, Галичина і Волинь залишилися без лікарів [18]. Декого з тих, хто опинився на території країн Західної Європи, згодом окупованих Червоною армією, було заарештовано, засуджено або знищено новими прорадянськими маріонетковими режимами.

В одному з листів, який ще в 1994 р. надійшов у видавничий центр «Пам'ять» від мешканця Кам'янки-Бузької Омеляна Степчишина, читаємо: «Хочу розповісти Вам про долю мого рідного брата лікаря Михайла Степчишина. Вістку про його арешт і смерть я одержав ще в 1946 р. від свого родича, але нещодавно (як підтвердження) інформація про долю українців у повоєнній Югославії була надрукована в одній з американських чи канадських газет… Мій рідний брат Михайло Степчишин, 1911 р. н., ур. с. Вузлове (кол. с. Холоїв) Радехівського р-ну на Львівщині, гімназійну освіту одержав 1929 р. в Першій Академічній гімназії у Львові… За польської влади не мав можливості здобути вищу спеціальну освіту у Львові і мусив виїхати за кордон. Лікарську справу закінчив студіювати 1935 р. у Загребі (Югославія) і отримав диплом доктора медицини з відзнакою. Одночасно, аби заробити на якийсь прожиток, працював асистентом в одного з лікарів міста. Після закінчення навчання став незабаром одним із провідних лікарів у Вараджіні (Хорватія). Мав власний рентген-кабінет, кварцову лампу та інше медичне устаткування, проводив електротерапію. Великий життєлюб, людина високого інтелекту (володів п'ятьма мовами), він брав активну участь у житті української громади міста. … Та з приходом до влади Броз Тіто за наказом НКВС у числі інших українців, які жили або на той час опинилися в цій країні, був розстріляний і 34-річний український лікар Михайло Степчишин. Разом з ним постраждали лікарі Володимир Скоморовський з дружиною Наталією, Василь Барицький, Володимир Паньків, Ілля Масиник, Роман Стадник, Роман Яцусь та інші представники української інтелігенції: правник Євген Білецький, Василь Войтанівський і його дружина (хорватка), син і дочка; інженери пан Гімбажевський, Гаврило Компанець, Михайло Стрілець, Антін Івахнюк з дружиною Надією, о. Інокентій Тимко (ЧСВВ), о. Микола Бучко, студент ветеринарії Юрко Бараник, студенти Петрів і Яремус, селянин Ярослав Фарина. Дехто з названих також був розстріляний і повішений, дехто засуджений, а декому через багато місяців слідчої тюрми усе ж таки вдалося вирватись на волю. Заарештованих було набагато більше, але про них нема докладніших вісток».

А ті, хто залишився вдома після другого приходу Червоної армії на землі Західної України, сповна розділили долю свого розтерзаного завойовниками і знедоленого

[17] Лікарський збірник. До 80-річчя від дня народження Павла Пундія. Нова серія. Т. 12. – Львів–Чикаго, 2003. – 730 с.; Луцик Д. П. Шістдесят років для народного здоров'я: Спогади лікаря. – Львів: Наутілус, 2003. – С. 120, 121.

[18] Лікарський збірник. До 80-річчя від дня народження Павла Пундія. Нова серія. Т. 12. – Львів–Чикаго, 2003. – С. 519.

війною краю. Серед них лікарі: Олександр Барвінський, Степан Мартинів, Василь Келеман, Володимир Кліпко, Іван Владичин, Ярослав Бачинський, Анатолій Гнатишак, Володимир Паляниця, Роман Бариляк, Мирослав-Андрій Бурачинський, Богдан Галібей, Михайло Дубовий, Володимир Жидак, Юліан Кордюк, Юрій Липа, Максим Музика, Яків Наглян, Михайло Подільчак, Іван Полохайло, Ірина Радченко, Мирослав Романяк, Кирило Рудавський, Ярослава Рудницька-Криштальська, Ілля Сендецький, Богдан Собчук, Михайло Старух, Олександр Techинець, Ярослав Хомин, Михайло Шекета, Стефанія Юсько та інші.

Усього три триместри встиг закінчити до наближення фронтових дій студент Львівського медінституту Любомир Полюга, згодом особистий охоронець генерал-хорунжого УПА Романа Шухевича. У 1944 р. його квартира на вул. Лисенка стала зв'язковою… Підпілля... У вересні 1947 р. був важко поранений, потрапив у руки оперативників МДБ. Допити, тюрми, табір… Дружина Дарина Масюк, студентка медінституту, батько Іван Полюга, працівник бібліотеки медінституту, і мати Іванна Полюга пройшли такий самий тернистий шлях політв'язнів. Сестра Ярослава, також студентка медінституту, після арешту в 1949 р., була на засланні в Якутії до 1955 р. Уся ця славна родина віддала себе до останку служінню українській національній ідеї…

У своїх спогадах колишні чільні працівники служб НКВС-НКДБ – МВС-МДБ СРСР Санніков, Судоплатов, Шорубалка та інші автори приблизно так характеризують ситуацію, що склалася у ті роки в Галичині та на Волині. Кожен мешканець Західної України, прямо або побічно, за невеликим винятком, був пов'язаний із підпіллям ОУН. Майже в кожній західноукраїнській сім'ї прямий чи далекий родич або загинув у збройній боротьбі проти радянської влади, або був заарештований за участь у підпіллі, або засланий до Сибіру за допомогу ОУН-УПА, за переховування підпільників, зберігання зброї, боєприпасів, листівок і націоналістичної літератури, сприяння на оунівських лініях зв'язку, постачання продовольством, медикаментами, збір і передачу інформації, та й просто за недонесення органам держбезпеки про контакти з підпіллям.

Лікар у медично-санітарній службі кожної армії відіграє особливо важливу роль. Ця ділянка є важливою складовою не тільки тим, що несе медичну допомогу пораненим і хворим, дбає про загальний стан здоров'я воїна, має нагляд над харчуванням, запобігає хворобам, зокрема інфекційним, але й тим, що її добре налагоджена діяльність впливає у великій мірі і на моральний стан армії. У ті роки строгої конспірації становище лікаря «було надзвичайно складне ... лікар мусив виконувати свої професійні обов'язки з надзвичайною обережністю та в таємниці перед гітлерівським і сталінським окупантом. Про їхню працю, крім невеликого кола довірених осіб, ніхто не знав. І нині неможливо відтворити повний список їх імен. Деякі з цих лікарів залишилися в Україні, а інші опинилися на еміграції. З уваги на можливий терор супроти родини та близьких вони мовчали. Більшість із них нині не живе. І таємницю способів співпраці з підпіллям узяли з собою» [19].

В УПА працювали такі лікарі, як: Юрій Липа; Матвій Лотович, головний лікар проводу УПА, особистий лікар генерал-хорунжого Романа Шухевича; лікар з

[19] Матеріали до історії української медицини… – С. 102–112.

Харківщини Олександр Давиденко – псевдо «Юрко»; Володимир Врецьона; Яромир Олесницький – псевдо «Ярий»; Богдан Крук – псевдо «Мелодія», надрайонний референт УЧХ на Лемківщині; Євген Лужицький – псевдо «Шувар»; Лев Стефанович – псевдо «Роман», «Дон»; Дмитро Сагайко – псевдо «Бравий», «Еней»; Юстина Робітницька – псевдо «Мавра»; Модест Ріпецький – псевдо «Горислав»; Володимир Манюк – псевдо «Борис»; Богдан Гук – псевдо «Скала»; Остап Волинець – псевдо «Гуцул»; Олексій Зеленюк – псевдо «Пастер»[20] та багато інших.

Олексій Зеленюк розповідає у своїх спогадах, як він разом з фармацевтом «Калиною» працював коло Болехова в підземному бункері – магазині ліків, перев'язувальних матеріалів та інструментів. Згодом у повстанському госпіталі в Карпатських лісах разом з лікарем-грузином лікували вояків УПА, був поранений у боях з німцями. З ними працювала студентка медицини Тоня Король (псевдо «Таня»), дружина Ярослава Мельника («Роберта») – провідного члена ОУН Станіславщини. В околицях Чорного лісу було чимало госпіталів, що розміщувались у селянських хатах. Там «Пастер» проводив операції, опікувався післяопераційними хворими. В той час доля зводила його з багатьма лікарями, яких знав лише під псевдонімами: «Кум», «Вугляр», «Фока», «Лісненко», «Амікус», «Сойка», «Берест» (Ярослав Мартинець з куреня Василя Андрусяка – «Різуна»). Розповідає «Пастер» і про відважних дівчат та жінок, які працювали в підпільному УЧХ: «Уляну» – обласного референта УЧХ Станіславщини, «Звениславу» – окружного референта УЧХ, Ольгу Наконечну – «Степанівну» – референта УЧХ, «Мотрю» – повітову УЧХ Долинщини, «Орелю» – повітову УЧХ Надвірнянщини та багатьох інших.

Юрій Липа[21]. На відстані років ми по-новому оцінюємо цю надзвичайну постать. Прекрасний лікар, винятково талановитий науковець, письменник – людина, яка понад усе любила Господа і Україну. Людина, яка свідомо принесла на жертовник нації найдорожче – життя. Особливо цінними сьогодні для нас є результати наукової і лікувальної діяльності Юрія Липи; його історично-філософські міркування про деякі актуальні фрагменти геополітичної концепції самостійної України; про основні напрямні виховання державницької молоді – еліти України. Все це простежено у працях та організаційній діяльності Юрія Липи.

Коли потрібно було на ділі довести свою відданість Україні, Юрій Липа виконав своє призначення[22]. Працюючи як лікар, він став одним із активних учасників українського руху Опору, організував підпільні курси з підготовки медичних кадрів для УПА, готував тексти листівок та відозв до населення і німецьких солдатів. З липня 1944 р. – інструктор 1-ї старшинської школи УПА в Карпатах, обраний членом УГВР. 19.08.1944 р. обманом був схоплений підрозділом НКВС і наступного дня закатований у с. Шутова на Яворівщині. Юрій Липа був готовий до цього[23]. Він з'явився на арені боротьби вчасно і заявив про Україну як про окрему расу, відкрив українську силу якраз тоді, коли інші повели мову про її слабкість…[24]

[20] Зеленюк Олесь. З пережитого. Спогади. – Львів, 2003 (далі – Зеленюк Олесь. З пережитого…). – С.109.

[21] Лікарський збірник. На пошану Юрія Липи. Нова серія. Т. 9. – Львів–Чикаго, 2001. – С. 234.

[22] Там само. – С. 126.

[23] Там само. – С. 119.

[24] Там само. – С. 202.

Жахливе пекло польських, німецьких і більшовицьких таборів довелося пройти відомому лікареві і письменнику Василеві Кархуту[25]: «Береза-Картузька», львівська тюрма на Лонцького, куди його запроторили гестапівці за підозрою у причетності до ОУН…

Після вступу у липні 1944 р. Червоної армії до Львова Василь Кархут перейшов на нелегальне становище. А згодом, у серпні, став особистим лікарем митрополита Андрея Шептицького і переховувався у митрополичих палатах. Після смерті митрополита під виглядом монаха надавав медичну допомогу українським повстанцям і переховувався в Унівському монастирі, де настоятелем був Климентій Шептицький. У 1945 р. працівники НКВС у церкві св. Юра провели обшук. Заарештовано Йосипа Сліпого і вилучено архів Василя Кархута. І він змушений був перейти у ряди УПА, мав псевдо «Ростислав». Удень лікував у повстанському шпиталику підпільників, а кому не міг допомогти сам, того направляв, користуючись попередніми зв’язками у львівських клініках і мединституті, на стаціонарне лікування чи операції, вечорами провідував у селах хворих селян і надавав їм медичну допомогу. У 1946 р. наздогнав його арешт уже радянською владою, допити в казематах київської «Луб’янки» і вирок: 15 років каторжних робіт. Карався цей чоловік у концтаборах аж повних сімнадцять років!

Лікар УПА Лев Стефанович (псевдонім «Роман», «Дон»), син лікаря Івана і художниці Михайлини Стефановичів, після смерті батька жив у Львові в сестри батька Ганни Стефанович і при значній матеріальній підтримці чоловіка іншої батькової сестри Ярослави – Максима Музики. Член ОУН з 1941 р. Тоді ж був заарештований гестапо, але за відсутністю доказів випущений на волю. У 1943 р. закінчив мединститут. У тому ж 1943 р. почав працювати асистентом кафедри судової медицини. З початку 1944 р. – в УПА: з травня 1944 р. – головний лікар старшинських курсів у Сколівському районі; з червня 1944 р. – у складі повітового проводу ОУН на Івано-Франківщині. Разом з ним працювали лікарі «Максимович», «Пастер», «Вовко», «Амікус», «Дюдю», фармацевтка «Христя» з Волині, фармацевтка «Калина» та інші. У серпні від колеги «Пастера», який тоді працював у госпіталі в селі Липа, отримав повідомлення про дуже важке становище з постачанням хворих і поранених повстанців медикаментами, нестачу лікарів і прохання надати хоч тимчасову кваліфікаційну допомогу. Стефанович вирушив туди разом зі своєю нареченою – друкаркою ОУН-УПА Бурак Оленою («Ксеня»), та був затриманий по дорозі. У вересні 1944 р. Лева Стефановича засудили до розстрілу, його наречену – на 10 років таборів.

Український лікар Матвій Лотович[26]. Доля його вмістилася у два томи архівно-кримінальної справи. З січня 1940 по жовтень 1944 рр. працював старшим лаборантом у Львівському мединституті. А вже з жовтня 1944 до квітня 1948 рр. (дня арешту) Лотович працював асистентом кафедри пропедевтичної терапії та завідувачем терапевтичного відділу Львівського мединституту. У червні 1941 р., коли лінія фронту проходила через Львів, приймав і лікував поранених у Львівській клінічній лікарні мединституту, на даху якого закріпили велику емблему Червоного Хреста.

[25] Лікарський збірник. На пошану Юрія Липи. Нова серія. Т. 9. – Львів–Чикаго, 2001. – С. 35–46.

[26] Вівчар Галина. Велична місія доктора Матвія Лотовича // Лікарський збірник. Нова серія. Т. 13. – Львів–Чикаго, 2004. – С. 212–217.

З 1944 р. Матвій Лотович був тісно пов'язаний з діяльністю Української греко-католицької церкви: лікував ігумена Пелюха – заступника протоігумена Девохта; Смаля і Смолія з Тернопільщини – монахів монастиря ордену «Редемптористів»; Девохта – протоігумена монастиря «Редемптористів»; багатьох монахів, прізвища їх невідомі.

1944 р. Матвій Лотович започаткував співпрацю з підпіллям ОУН-УПА з присяги повстанців. Постійно надавав медичну допомогу членам підпілля, використовуючи ліки зі своєї особистої аптеки. Деякі медикаменти виготовляв сам. Йому вдалося ліквідувати епідемію шкірної хвороби, яка на той час спалахнула в Рожанці-Верхній у Карпатах. Крім того, співпрацював з медичною службою УПА. В організаційних цілях додому систематично приходили зв'язкові-підпільниці Марта Пашковська, Галина Дідик, Ольга Ільків, Дарина Гусяк, а також Катерина Зарицька, яку знав ще зі студентських років. Улітку 1946 р. зв'язкова Галина Дідик передала Матвію Лотовичу пропозицію від Центрального проводу ОУН-УПА взяти на себе обов'язки лікаря проводу. Матвій Лотович погодився. Його помешкання на вул. Острозького, 5 у Львові стало конспіративною квартирою Головного командування УПА. Через своїх зв'язкових генерал-хорунжий Роман Шухевич налагодив контакт з доктором Лотовичем, який згодом став особистим лікарем самого Шухевича, його сім'ї, підпілля загалом.

Згадує донька Матвія Лотовича Галина Вівчар: «Обсяг роботи був великий, складний і небезпечний. Батько лікував вояків і командирів УПА, забезпечував УЧХ медикаментами, проводив лабораторні дослідження на кафедрі проптерапії, а рентгенівські – у клініці факультетської терапії в рентген-кабінеті у доктора Криштальської. І все це здійснював з великим ризиком для життя, під чужими прізвищами влаштовував у лікарню хворих, якщо це було вкрай необхідно. В підпілля віддавав все щиро, без жодної користі для себе і своїх рідних» [27]. 7.04.1948 р. Матвія Лотовича було заарештовано і засуджено на 25 років таборів. Водночас арешти відбувалися і серед родини його дружини Анізії – її сестри Іванни Полюги та її чоловіка, брата Антона Давидовича, брата Михайла і його дружини. Пізніше їх всіх «трійка» засудила у справі генерала Шухевича. А його родину – дружину з двома малолітніми доньками – у 1949 р. депортували у Хабаровський край.

Покарання Лотович відбував у Тайшетському таборі в Іркутській області. Знущання продовжувалися. Ось що згадує російський драматург Борис Дяков про своє перебування у таборі: «У майора захворіла мати. Він привів до себе на квартиру ув'язненого лікаря Лотовича. Лікар застав хвору без свідомості. Почав приводити її в чуття: тер долонями щоки, легенько поплескував. Майор заревів: «Ах ти, негідник! Рукоприкладством займаєшся?» Наскочив з кулаками на лікаря і вибив йому зуб...» [28]

Помер Лотович 9.09.1953 р. в таборі. У листі, який отримала донька Лотовича Зоряна від репресованого лікаря Ноймана, є такі рядки: «Я добре знав вашого батька. Працював з ним у табірній лікарні, де й доктор Бачинський. Матвій Лотович був терапевтом і рентгенологом. Якось зібрали для хворого консиліум. Черга висловитися дійшла до Матвія Лотовича. Тільки почав говорити – дістав інсульт. Вжиті термінові заходи не допомогли. Залишилася скорбота про добру людину і доброго спеціаліста».

[27] Вівчар Галина. Велична місія доктора Матвія Лотовича… – С. 216.

[28] Борис Дьяков. Воспоминания о пережитом. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1966. – С. 202.

Майже одинадцять років мучився у сибірських концтаборах лікар Василь Дмитречко зі Стрия.

У своїх спогадах лікар Леонтій Максимонько (кол. директор Дому лікаря у Львові) згадує про іншого відомого у медичних колах лікаря Ключка і наводить, як приклад, його розповідь про події 1946 р. Самого лікаря Ключка більшовики схопили у Відні і вивезли до Львова. «Він зустрів у тюрмі на Замарстинові 22 лікарів, які очікували судового процесу. Ця тюрма приміщувалась у забудуваннях, де було гетто для євреїв за нацистської влади. Доктор Ключко, зять Івана Франка, вирвався на волю завдяки листові-проханню дружини до Сталіна, який дав згоду на повернення його до Австрії, до жінки і дітей. Він навідався до мене в Ґрацу і в двогодинній розмові докладно розповів про свої переживання. Між іншим, назвав кількох галицьких лікарів – товаришів тюрми на прізвища, між ними доктора О. Барвінського, доктора В. Кархута, доктора В. Стасіва з Миколаєва та інших. В умовах тяжкого тюремного режиму, рідких зустрічей із співв'язнями та через те, що він ніколи не жив у Галичині, а перед війною практикував на Закарпатській Україні, поки не виїхав до Відня, де працював у шпиталі як фтизіолог, не міг знати багато наших лікарів на прізвище. Йому самому старались більшовики причепити ярлик шпигунства, волочили по тюрмах у Відні, Чехо-Словаччині, Угорщині, вкінці запроторили в тюрму у Львові, дарма, що він був постійно на еміграції від Першої світової війни»[29].

Якщо одні з лікарів гинули у бою разом з бійцями УПА, інші були суджені закритими судами на каторжні роботи, то, як бачимо з інформації від 3.02.1948 р. секретаря Львівського обкому КП(б)У Грушецького секретарю ЦК КП(б)У Хрущову, над лікарем Олександром Барвінським 27–29.01.1948 р. ВТ військ МВС у Львівській області за ст. 54-1а КК УРСР було влаштовано ВІДКРИТИЙ судовий процес. Звинувачення полягало в тому, що після загарбання Львова гітлерівцями Олександр Барвінський був обраний до складу уряду Степана Бандери – Ярослава Стецька: заступником міністра з питань охорони здоров'я, названий «німецьким шпигуном, посібником ОУН-УПА» і засуджений на 10 років таборів з обмеженням у правах на 5 років і конфіскацією всього майна. За клопотанням прокурора, трибунал ухвалив також рішення порушити карне переслідування і взяти під варту членів його родини, як «агентів гестапо, українсько-німецьких націоналістів, німецьких шпигунів»…[30].

Важливою ланкою медично-санітарної служби УПА став Український Червоний Хрест (УЧХ)[31]. Він будувався на славних традиціях української військової медицини. Ще від давніх часів Запорозької Січі лікарі завжди вважали своїм професійним обов'язком допомогти пораненим і хворим повернутися у бойові лави.

Український Червоний Хрест при УНР, що був створений (згідно з вимогами Женевської конференції) в 1918 р. за ініціативою Бориса Матюшенка, діяв до 1921 р. – часу втрати державності. За вимогами міжнародного договору, УЧХ не міг далі існу-

[29] Матеріали до історії української медицини… – С. 36–38.

[30] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 458. – Арк. 1–4; Культурне життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали. Т. 1. 1939–1953. – К.: Наукова думка, 1995. – С. 518–521.

[31] Літопис УПА. Т. 23. Медична опіка в УПА. Книга 1. – Торонто–Львів, 1992–1993. – С. 476; Там само. – Т. 32. Медична опіка в УПА. Книга 2. – Торонто–Львів, 2001. – С. 580; Кравець Аретій. Ангели милосердя // Український інформаційний бюлетень здоров'я. – 2004. – № 4. – С. 6–9.

вати і користуватися привілеями Міжнародного Червоного Хреста. Діяльність УЧХ відновилась аж через 20 років.

Ситуація, що склалася на Україні в роки Другої світової війни, була набагато складнішою, ніж в інших поневолених народів: внаслідок сутички обох завойовників на цій території кількість жертв сягала кількох мільйонів людей. Цими жертвами були: сотні тисяч цивільного населення, політичні в'язні, вдови і сироти, евакуйовані і втікачі з інших (поза Галичиною) теренів, хворі на різні інфекційні недуги, згодом поранені бійці УПА. У 1941 р., після початку німецької окупації, українські лікарі відразу створили відділи УЧХ у Дніпропетровську, Києві, Львові, Полтаві, Рівному та інших містах України.

У Києві УЧХ відновив свою діяльність на чолі з Федором Богатирчуком у вересні 1941 р. Активно сприяли діяльності УЧХ на східних землях письменниця Людмила Івченко та лікар зі Львова Марія Ясеницька[32]. УЧХ допомагав політичним в'язням, які втекли з більшовицьких тюрем, пораненим та хворим на інфекційні недуги (тиф), військовополоненим Червоної армії, які потрапили у німецький полон. У лютому 1942 р. гестапо заарештувало все керівництво УЧХ разом з Федором Богатирчуком. І хоч всіх незабаром звільнили, проте діяльність УЧХ довелося припинити. У березні 1942 р. заарештовано професорів медицини О. Лазаренка і Б. Кучеренка, яких у квітні розстріляно в Бабиному яру.

На Полтавщині, зокрема, в самій Полтаві у грудні 1941 р. було відкрито так званий «Готель УЧХ», де знаходили собі притулок після звільнення військовополонені та інваліди війни. На жаль, наступного 1942 р. його діяльність заборонили німецькі окупанти. Декого з лікарів заарештовано.

У Львові наприкінці червня 1941 р. українські лікарі, не питаючи дозволу в нової влади, відразу перебрали до своїх рук будинок і майно радянської організації Червоного Хреста та всіх медичних установ міста. Незабаром із Кракова до Львова прибув член ОУН лікар Володимир Врецьона. Він отримав доручення від керівництва ОУН створити в місті базу для розгортання діяльності УЧХ. У Львові Володимир Врецьона очолив Лікарську палату і впродовж трьох років працював над створенням мережі санітарних пунктів у всій Західній Україні.

Як у жовтні 1941 р. повідомила на своїх сторінках газета «Львівські вісті»: «Вулиці Львова зарояться від збирачів із пушками і карточками в руках… Перед УЧХ стоїть тепер велетенське завдання: допомога раненим і полоненим… треба… подбати для них про харчі, одежу, подбати про їх, можливо, скоре звільнення і повернути до рідні, до праці над відбудовою руїни…»[33]

Головою УЧХ було призначено Леоніда Курчабу. Та незабаром гестапо його заарештувало і закатувало у в'язниці Монтелюпіх (Краків). Після нього обов'язки голови виконувала Галина Біленька-Врецьона (захворіла на тиф), а згодом – Тома Воробець. Налагодити роботу УЧХ допомагали Олександр Барвінський, на початку окупації начальник Відділу здоров'я міста Львова (допомагав централі УЧХ примістити хворих полонених у міських лікарнях), Юрій Липа, Борис Андрієвський, Дмитро Капітан, Ізидор Кліщ, Василь Стефурак, Іван Козій, Юліан Радзикевич,

[32] Пундій Павло. Українські лікарі. Біобібліографічний довідник. Книга 1. Естафета поколінь національного відродження. – Львів–Чикаго, 1994. – С. 254.

[33] День УЧХ // Львівські вісті. – 1941. – Ч. 51. – 7 жовтня.

Омелян Лебедович, Олександр Білинський, лікар-гінеколог, доцент жіночої клініки Львівського мединституту Ярослав Воєвідка, лікар М. Григорчук та інші[34]. Заразились від хворих на тиф і померли Ольга Ціпановська, Марія Олексин, Григорій Джиґало, Михайло Демчик, декан о. Мокрівський, Катерина Кархут. І найважливіше, що за свою працю ніхто з них ніякої матеріальної винагороди не діставав. Єдиною нагородою для них було почуття виконаного християнського обов'язку та національної солідарності.

У Рівному головою УЧХ став М. Корнилів-Василів, а відділ суспільної опіки очолив полковник УНР Леонід Ступницький. З ним співпрацювала відома громадська діячка лікар Харитя Кононенко[35], яка згодом, коли німецька окупаційна влада заборонила вживати назву УЧХ, і вся робота велась у рамках Допомогового комітету, стала головою відділу суспільної опіки. 5 липня 1943 р. Харитю Кононенко заарештувало гестапо і після тримісячного ув'язнення у слідчій тюрмі в Рівному розстріляло. Пізніше діячі УЧХ намагалися створити медичну опіку та санітарне постачання для новостворених відділів УПА. У 1941–1943 рр. на Рівненщині була організована і активно працювала школа медсестер. Після закінчення навчання всі її слухачки вступили в УПА.

Навесні 1943 р. внаслідок постійних сутичок УПА з гітлерівцями збільшилася кількість поранених. Виникла необхідність розширення системи медичної опіки: створення у селах і невеликих містечках, подекуди навіть у лісах у криївках спеціальних приміщень – невеликих госпіталів.

На Волині у квітні 1943 р. в районі Володимира-Волинського також було організовано перші курси медсестер. Зокрема, у Степанському лісі медслужба УПА організувала госпіталь та підпільні вищі центральні шестимісячні курси медсестер (на курси прийняли близько 100 освічених дівчат) для всієї Волині. Тут також діяв вищий центральний медичний курс. Із записів сотника УПА Б. Кіповського бачимо, що курсанток було понад сто, всі з освітою. Загальний нагляд над шпиталем мав «Еней», а керівником курсу була «Уляна». Курсів медсестер і санітарів на Поліссі було декілька. Узимку 1943–1944 рр. Головне командування УПА перенесло вишкіл з Волині в Карпати.

Під тиском німецької окупаційної влади діяльність УЧХ була вимушено припинена, багато його членів репресовано та розстріляно. Український Червоний Хрест перейшов у підпілля.

Організацію підпільного Галицького крайового проводу УЧХ при УПА провід ОУН у 1943 р. доручив особистій зв'язковій генерал-хорунжого УПА Романа Шухевича Катерині Зарицькій (псевдонім «Монета»). Вона очолювала його з 1944 по 1947 рр. Після її затримання органами МВС ці обов'язки виконувала Галина Дідик (псевдонім «Анна», «Молочарка» та ін.), уродженка Тернопільщини, і очолювала цю службу до фатального дня свого арешту (5.03.1950 р. під час чекістсько-військової операції в селі Білогорщі поблизу Львова загинув головний командир УПА Роман Шухевич. До останніх хвилин з ним була і Галина Дідик, вона прийняла отруту, але була відживлена завдяки старанням лікарів МДБ для подальшого слідства…). Обидві самовіддано працювали в оунівському підпіллі ще з 30-х рр., обидві були особистими зв'язковими

[34] Літопис УПА. Т. 23. – С. 57.
[35] Там само. – С. 89–94.; Матеріали до історії української медицини… – С. 125.

«Тараса Чупринки» – Романа Шухевича, обидві були піддані жорстоким катуванням під час слідства і засуджені на 25 років концтаборів, більшу частину терміну відсиділи в тюрмах.

В архівах відклалося чимало цікавого матеріалу про діяльність УЧХ на Західній Україні. Крім Катерини Зарицької і Галини Дідик, керівниками обласних референтур УЧХ були також «Роксоляна» – Ольга Ільків, «Бистра» – Ірина Савицька, «Лада» – Ірина Козак – у Львівській обл., «Галичанка» – в Івано-Франківській обл., «Модеста» – у Дрогобицькій обл.

Підпільний УЧХ діяв протягом всього часу боротьби УПА. Він поділявся на дві галузі: військову і теренову. На військово-санітарні курси висилали своїх кандидатів відділи УПА, відділи СБ та районні і кущові проводи підпілля. На курси для теренових санітарів направляли переважно жінок і дівчат, членів ОУН. Тісна співпраця між санітарною службою УПА і тереновими частинами підпільного УЧХ створювала можливість рятувати життя пораненим і хворим [36].

Організація мережі підпільного УЧХ у роки війни і після її закінчення була нелегкою і відповідальною справою. Доводилось дбати про здоров'я тисяч людей, не допускати епідемій, рятувати життя поранених, забезпечувати їх ліками, організовувати розподіл медичного персоналу: лікарів, медсестер, санітарів у теренах, проводити лікарські огляди.

Окремим пунктом була організація навчання лікарів-хірургів, які поповнювались із числа студентів-медиків, та вишкіл санітарок – молоденьких дівчат, які мали переважно неповну середню освіту, дехто з них – середню, та навіть студенток. До обов'язків голови підпільного УЧХ входила організація розбудови системи малих госпіталів, бункерів, перев'язувальних пунктів, зв'язок з лікарями та медперсоналом у госпіталях клінік, де проводились операції поранених бійців УПА. Вся ця робота, крім суворої конспірації, вимагала чіткої координації, ініціативи і негайного вирішення різноманітних проблем, які виникали в умовах підпільної діяльності відділів УПА.

Допомогу пораненим і хворим бійцям УПА надавали як лікарі і санітари безпосередньо на місцях, так і використовувались інші методи допомоги підпільному УЧХ: часто важкохворих перевозили в офіційно діючі госпіталі під чужими прізвищами або викликали до них місцевих лікарів.

Серед таких лікарів, крім українців, були євреї і поляки: окуліст Тадеуш Крвавіч, Галина Якуб'юк з Томашева-Любельського, хірург Едвард Гак з Ходорова. Ці заходи проводились у глибокій конспірації, бо гестапо, а згодом служба НКВС-НКДБ стежили за лікарями.

Лікарі-українці, ризикуючи життям, розміщували поранених упівців у міських госпіталях та клініках. У львівській клініці з відома хірурга професора Бориса Андрієвського часто рятували поранених бійців УПА, які поступали у клініку з підробленими документами. Професор сам їх оперував, до операцій залучав доцентів Ярему Малиса, Максима Журка, асистентів Зенона Боднара, Ярослава Хомика, Олександра Фаріона, Євстахія Юркевича, Василя Келемана, Миколу Олежка, Яромира Олесницького та інших. Часто лікарі й не знали, кого оперують. Все робилося в таємниці, щоб не дізналося гестапо. Втаємниченими про допомогу воякам УПА, крім професора, були: О. Фаріон, Я. Олесницький (загинув у 1945 р. як лікар УПА), Василь

[36] Літопис УПА. Т. 23. – С. 64–72.

Келеман, Олександр Білинський (учень Мар'яна Панчишина) з Ходорова (в його госпіталі часто рятували упівців і підлітків-євреїв) та деякі інші лікарі[37]. Кожного лікаря, який допомагав УПА, чекала смерть, але, незважаючи на це, наведений факт не поодинокий, він типовий – у багатьох містах лікарі рятували воїнів УПА, сприяли роботі підпільного УЧХ. Їх діяльність залишалась невідомою, бо все проводилось у строгій таємниці і впродовж 50 років безкарно не можна було про те згадувати.

Однією зі складових профілактичної роботи була сувора дисципліна в загонах УПА, профілактика та попередження інфекційних (тиф, туберкульоз, короста, дизентерія та ін.) і, зокрема, венеричних хвороб[38]. У 1946 р. служба НКВС-НКДБ і польські боївки використовували своїх хворих на венеричні хвороби бійців для зараження жінок, які допомагали УПА. Кілька зловлених енкавеесівців у 1-му районі «Холодного Яру» розповіли під час допиту, що під час нападів на українські села їхні хворі бійці ґвалтували жінок та дівчат. Лише після того, як вони «виконали план зараження», одержували дозвіл на лікування в державній установі. Інші «виконували цю службу» в тюрмах, концтаборах, під час допитів у КПЗ.

Більшовицька контррозвідка натрапила на одну лінію зв'язку ОУН з Краковом, звідки надіслали протитифозну вакцину. Вся партія закупленої УЧХ вакцини була замінена на отруту. Лікарі УПА швидко зорієнтувались у підміні ін'єкцій, але кільканадцять хворих після уколів померло.

Забезпечення військових загонів лікарями було організовано із студентів-медиків старших курсів, які проходили вишкіл на Тернопільщині під керівництвом досвідчених лікарів «Софрона» та Я. Олесницького. Вишколювали хірургів, бо ця спеціальність була найважливішою в умовах визвольних змагань. На Сколівщині вишкіл очолював Олександр Давиденко – «Юрко», колишній підполковник Червоної армії (загинув у Чорному лісі на Івано-Франківщині), лекції читав у 1944–1945 рр. Василь Гранас-Ониськів – «Десна»[39].

Згадаємо ще іншу категорію медичних працівників. Вони не були професорами, лікарями. Ці юні селянки мали 4–10 класів освіти, але в грудях їхніх бились палкі серця патріоток, їх вела на смерть безмежна любов до України, співчуття до ближнього. Вони не втікали на Захід, вони пройшли все пекло тюремних тортур і радянських ГУЛАГів або розділили долю поранених бійців у криївках-госпіталях, безвихідно оточені ворогом під час облави, залишаючи для себе останній патрон. Пройшли табори Ольга Мороз – «Мавка-2», «Малуша» з Туринки; Ірина Тимочко-Камінська – «Христя»; сестри Марія Тесля-Павлик – «Мотря» і Катерина Тесля-Шумик – «Ручай» з Добромиля; Тетяна Сидоренко – «Галичанка» з Івано-Франківщини; Марія Балабан-Головата – «Сніжинка» зі Стрийщини; Мирослава Гребенюк – «Барвінок»; Олександра Воробій – «Галя» з Ярослава (Польща); Ольга Баб'як – «Уляна»; Стефанія Станько – «Журба, Софія»; Марія Павлишин-Гаврилів – «Іра, Чайка»; Ярослава Крижанівська – «Ярка» – усі з Перемишля (Польща). Загинули: на Самбірщині Надія Цюпка з Бродівського р-ну, на Івано-Франківщині Надія Савчак – «Христя, Соня» з Глинян на Львівщині; Мирослава Данилюк – «Віра» з Пустомитівського р-ну; Ірина Бабуняк – «Ніна» з Тернопільщини; Ольга Ференц – «Підгірянка» і Марія Попович – «Гуцулка» зі Стрийщини; Олександра Гайдукевич – «Зена, Богдана» з Перемишля та інші.

[37] Літопис УПА. Т. 23. – С. 371, 372.
[38] Матеріали до історії української медицини… – С. 114, 115.
[39] Там само. – С. 207.

Окремої уваги заслуговують документи, спогади очевидців примусової депортації українців з етнічних українських земель т. зв. Закерзоння: Холмщини, Підляшшя, Любачівщини, Перемишльщини, Ярославщини та Лемківщини, що базуються винятково на фактичному матеріалі. 488 тис. осіб було депортовано на схід та близько 150 тис. осіб – на захід Польщі під час акції «Вісла» 1947 р. Українську інтелігенцію без судових вироків було заслано у концтабір Явожно, українських повстанців засуджено до смертної кари і страчено у в'язницях впродовж 1944–1956 рр.[40] Свою подвійну хресну дорогу пройшли й українські лікарі: крім вищеназваних трагічних подій, багатьох із них спіткало примусове виселення на територію СРСР, а тут за патріотичну діяльність або й окремі необережні висловлювання проти влади чекали арешт, тортури, тюрми і табори. Це студенти Львівського мединституту Величкович Роман (член ОУН – псевдо «Іван, Посол»), Вовк Марія, Гайдукевич Олександра, Ганас Емілія, Давидович Ірина, Клебан Семен, Крижанівська Ярослава, Крупа Теодозій, Лятошинська Ярослава, Смуток Іван, медсестри і фельдшери Грега Софія, Даньків Степан (псевдо «Вуйко»), Стародуб Іван, лікарі Савко Теодозій, Трусь Климентій, Іванна Фільц (у 1940-х рр. разом із сином Іваном була депортована в Казахську РСР; другий її син Василь у 1940 р. заарештований УНКВС у Дрогобицькій обл. і в 1941 р. розстріляний) та інші…

Здавалося б, до тих, хто у 1939–1941 рр. з жахом утікав від німецької навали за порятунком на схід, до СРСР, у тодішньої радянської влади не повинно бути ніяких претензій. Однак багатьох із них, зокрема біженців-євреїв, як «буржуазний та ворожий елемент» і «шпигунів», було також засуджено, розстріляно, депортовано в окремі райони СРСР: 29.12.1939 р. Рава-Руським прикордонним загоном військ НКВС за нелегальний перехід кордону був заарештований Рубель Мойзес Файвельович, уродженець Варшави (Польща), мешканець Львова. Він пропав безвісти в тюрмах НКВС після початку війни. За нелегальний перехід кордону в СРСР 1940 р. заарештовані і засуджені також Рубін Юліан Германович з Ряшева (Польща), зубний технік; випускник Львівського мединституту Шехтер Ізидор Йосипович з Чехо-Словаччини та інші лікарі.

Ховаючись від переслідування гестапо, багато євреїв, у тому числі й лікарів, навіть зі своїми родинами знаходило притулок у лісі в загонах УПА. Одночасно своєю високою кваліфікацією лікарі допомагали при лікуванні повстанців. Серед них: Абрагам Штерцер, Грифель, Берензон, Варм Шай Давидович. Часто у відділах УПА працювали лікарі, визволені з гітлерівських або більшовицьких ув'язнень. Самуеля Ноймана разом з мамою СБ УПА звільнила з гетто, а німця Гельмута Краузе викрала з більшовицького полону. Обидва у відділах УПА лікували поранених, опікувались хворими. На жаль, прізвища багатьох із них залишились невідомі, у звітах збереглись лише їх псевдоніми: «Льодовий», «Боско», «Попер», «Білий», «Гіль», «Кум», «Чорний». Узимку 1943–1944 рр. Головне командування УПА перенесло вишкіл з Волині в Карпатські ліси, поблизу Сколе коло села Рожанки-Верхньої. На старшинських курсах викладачем (і одночасно курінним лікарем) був «В. Максимович» (Самуель Нойман). Біля нього завжди була і його мати. Під час однієї з облав у жовтні 1944 року уся група загинула, а Нойман з матір'ю вирвалися з оточення.

[40] Див.: Книга пам'яті. До 60-річчя польсько-українських кривавих подій на Закерзонні. – Львів, 2004. – 738 с.

Ось ще один приклад. Вояк УПА на псевдо «Кум» – єврей за національністю, даних про ім'я і прізвище нема. Освіту здобував в Італії, Відні та Празі. До 1941 р. мав приватну лікарську практику у Дрогобичі. На початку Другої світової війни фашисти заарештували та розстріляли всю його родину, а йому самому вдалося втекти. Взимку 1944 р. налагодив контакт з ОУН-УПА, став лікарем сотні «Щита» у старшинській сотні «Олені». В 1945–1946 рр. завідував шпиталем у Карпатах. Узимку 1946 р. шпиталь було викрито під час боїв з відділами НКВС. Аби не потрапити в полон, він покінчив життя самогубством[41].

Після переможного вступу Червоної армії на території Західної України чимало лікарів-євреїв теж потрапило у м'ясорубку радянської тоталітарної системи. Антисемітського забарвлення набрала кампанія проти «безродного космополітизму». Свого апогею вона досягла у 1949 р. Так, 26.06.1950 р. були заарештовані УМДБ у Львівській області за антирадянську пропаганду і агітацію лікарі Зельцер Єшуа Григорович і Маргуліс Євсій Ісаакович… У 1953 р. радянські газети опублікували повідомлення ТАРС про розкриття «злочинної групи лікарів»: євреї знову стали об'єктом перевірки на політичну лояльність…

У 50–70-х рр. на арені політичної боротьби з'явився прошарок «хрущовсько-брежнєвських» політв'язнів. Вони продовжили традиції тих, хто сидів ще за Сталіна, і був звільнений у 1956 р.

Серед інших борців з'явилася така визначна постать як випускник Львівського медінституту лікар-стоматолог Степан Ількович Хмара з Сокальського району, політв'язень, правозахисник, учасник руху Опору тодішній тоталітарній системі. 31.03.1980 р. затриманий, а в грудні на закритому суді за «антирадянську пропаганду і агітацію» (ст. 62 КК УРСР) засуджений на 7 років позбавлення волі в таборах для особливо небезпечних злочинців та 5 років заслання. Такий «гонорар» отримав автор «Етноциду» за свій твір[42].

Тільки після референдуму у грудні 1991 р. вийшов з підпілля член ОУН колишній студент Львівського мединституту Оберишин Ілля Степанович, 1921 р. н., з Рогатинщини… Член Юнацтва ОУН з 1938 р. Від квітня 1942 р. – студент Львівського мединституту. У квітні 1944 р. з третього курсу інституту пішов у підпілля ОУН (псевдо «Стецько», «Кобзар», «Охрім», Р-5), член референтури СБ у Тернопільській обл. Від жовтня 1944 р. – член окружного проводу ОУН на Тернопільщині, керівник медичної служби, вів санітарні курси. Від вересня 1947 р. – надрайонний керівник Збаражчини в Тернопільській області (куди входили Збаразький, Лановецький, Великобірківський, Підволочиський, Скалатський і Гримайлівський р-ни), одночасно виконував обов'язки окружного вишкільника й надрайонного СБ. У 1951 р. зв'язок з вищим керівництвом було втрачено, діяв далі самостійно. Вижив на нелегальному становищі понад 40 років без ніякого, навіть фальшивого, внутрішнього паспорта. Після референдуму у грудні 1991 р. вийшов з підпілля, в 1992 р. легалізувався. Очолював тернопільський «Меморіал» імені Василя Стуса[43].

Та хіба він один такий…

[41] Зеленюк Олесь. З пережитого… – С. 88.

[42] Степовичка Леся. RARA AVIS, «біла ворона», рідкісний птах...: Роман-есе. – Дніпропетровськ: «Пороги», 2000. – С. 394.

[43] Содоль Петро. УПА… – С. 115.

Пригадуються з цього приводу слова з виступу колишньої студентки Ольги Фаустівни Ільків (члена ОУН і вояка УПА – псевдо «Роксоляна», організатора УЧХ на Івано-Франківщині, зв'язкової Романа Шухевича) на науковій конференції, присвяченій вшануванню пам'яті професора Мар'яна Панчишина: «Дивлюсь я сьогодні на вас, своїх ровесників, вчорашніх студентів, а сьогоднішніх лікарів і відомих учених: професорів, академіків, які користуються повагою і заслуженою шаною як фахівці своєї справи у нашій державі. Я і багато моїх колег також колись були студентами, вчилися успішно, також мріяли стати великими лікарями для нашої майбутньої вільної України. І свято вірили в це. Але не довчились… Доля розпорядилась інакше. Вона послала мені, маленькій і слабкій жінці, не багатство, славу чи заможне і сите життя. Вона послала мені інше призначення: призначення бути борцем. Вона послала мені небезпеку, зраду, тортури, холод і голод. Моя школа пройшла у холодних і вогких бункерах, під автоматними чергами ворога... Задля вільної України, задля блага всіх я не мала щасливого особистого життя, не за своєю волею я розгубила по совєтських притулках своїх коханих дітей, а потім після звільнення з каторги довго і тяжко шукала їх. Сьогодні іноді стає дуже гірко і боляче… Та я, мої побратими і посестри у боротьбі ніколи не жалкуємо за втраченим. Бо немає більшого щастя, ніж покласти своє життя на вівтар Свободи».

Пам'ятаймо про це.

Роман ГЕНЕГА,
кандидат історичних наук

РЕПРЕСІЇ ПРОТИ ЛЬВІВСЬКОГО СТУДЕНТСТВА

«Студентська» сторінка українського опозиційного руху розкриває перед істориком унікальний матеріал для розуміння механізмів утвердження радянської влади на західноукраїнських землях, трансформаційних процесів у сфері національної свідомості українців, рельєфніше розкриває характер міжнаціональних стосунків у Львові в перші повоєнні роки.

Радянізація західних областей України кардинальним чином визначила функціонування освітньої сфери в житті післявоєнного Львова. Ситуацію, що склалася тоді у львівських вузах, ілюструє довідка сектора культури Львівського обкому КП(б)У про укомплектування кадрами вищих навчальних закладів міста станом на 1 квітня 1945 р.[1] та доповідна записка Львівського обкому партії в ЦК КП(б)У від 30 травня 1947 р. про мову викладання у навчальних закладах Львова. Згідно з цими документами, на 1 квітня 1945 р. з 1 870 викладачів вищих навчальних закладів тільки 626 були українцями. Згідно із названою доповідною запискою, у педагогічному інституті з 74 осіб професорсько-викладацького складу лекції російською мовою читали 12 викладачів; в інституті фізичної культури – 18 із 31; у політехнічному інституті з 226 осіб 66 користувалися в роботі зі студентами українською, а 160 – російською мовою; у Львівському державному університеті імені Івана Франка, де працювало 254 викладачі, українською мовою читали лекції 157, а російською – 97 осіб; у поліграфічному інституті з 39 викладачів українську мову використовували 14, російську – 25. Читання лекцій російською мовою керівники вищих навчальних закладів пояснювали відсутністю літератури українською мовою і необізнаністю викладачів з термінологією. До початку 1950-х рр. російська мова стала основною мовою викладання у вищих навчальних закладах Львова.

Водночас місцевий професорсько-викладацький склад звинувачували в націоналізмі й пропаганді буржуазної науки. На засіданні бюро Львівського обкому партії 16 листопада 1948 р. було прийнято спеціальну постанову про викладання навчальних дисциплін у вузах Львова. У параграфі, що стосувався стану викладання біологічних і сільськогосподарських наук у Львівському сільськогосподарському інституті, було відзначено, що значна частина викладацького складу інституту є вихованцями старої

[1] Культурне життя в Україні. Західні землі: Документи і матеріали. Т. 1: 1939–1953. Київ, 1995 (далі – Культурне життя в Україні…). – С. 257.

буржуазної школи і належить до носіїв ідей «реакційного вейсманізму-менделізму», тому боротьба «за матеріалістичний мічуринський світогляд у викладанні повинна зайняти провідне місце у всій ідейно-виховній роботі колективу»[2].

Дискримінація місцевого українського населення проявлялася під час прийому студентів на навчання. У 1946/1947 навч. році у 15 вищих навчальних закладах Львова числилося 10 953 студенти[3], з них тільки 3 056 вихідців із Західної України[4]. Політика радянської влади щодо абітурієнтів відображена в доповідній записці Львівського обкому КП(б)У від 2 вересня 1947 р. Л. Кагановичу про заходи боротьби з підпіллям ОУН: «[…] Ретельно займаючись відбором абітурієнтів, відсіяно більше 106 чоловік, з них народжених у Львівській області – 72 особи, Станіславській – 24, Тернопільській – 10[5]. Партійні комітети разом з органами держбезпеки ретельно перевіряли соціальне походження вступників у вузи, вважаючи, що таким чином закриють доступ в інститути «вороже налаштованій до радянської влади молоді».

Зважаючи на такий розвиток подій, повоєнний студентський рух Опору радянському режиму цілком логічно став важливою складовою частиною загальноукраїнського національно-визвольного руху. Він не був явищем одного лише Львова. Підпільні студентські організації діяли також на Буковині – в Чернівецькому університеті, учительському і медичному інститутах, на Волині – в Луцькому учительському інституті. За формами діяльності вони не відрізнялися від аналогічних студентських організацій Львова: читання і поширення літератури національного змісту, розповсюдження антирадянських віршів, антирадянська агітація, спротив русифікації.

На 20 листопада 1944 р. у Львові навчалося 3 277 студентів, з них 1 132 українці[6]. Але це співвідношення швидко змінювалося через цілорічний набір до вищих навчальних закладів, а також у зв'язку з депортаційними процесами. Тому станом на 1 березня 1945 р. у Львові числилося вже 3 687 студентів, з них 1 677 українців, у тому числі 1 577 вихідців зі Східної України[7]. Попри збільшення чисельності студентів, у вищих навчальних закладах Львова в 1944/1945 навч. році налічувалося тільки 100 вихідців із Західної України, у 1946/1947 навч. році – 120[8].

Львівські студенти цілком логічно стали у перші ряди борців проти тоталітарного, дискримінаційного режиму. Найбільш «неспокійним» для комуністичної влади був університет… Почалося з індивідуальних, стихійних форм протесту. Уже невдовзі після початку навчання, 5 листопада 1944 р., секретар комсомольського комітету виявила анонімний лист у дверях кабінету. У листі була вимога негайно припинити комсомольську діяльність. Самодіяльним підпільником був студент історичного факультету Петро Васьків. Він почав гуртувати навколо себе однодумців, писав вірші зі словами «Слава Україні». Разом з однокурсником Степаном Рохальським взявся виготовляти й розповсюджувати листівки у Львові. Перелякана влада діяла жорстоко: обидва юнаки були звинувачені в державній зраді й засуджені на 10 років виправно-трудових таборів[9].

---

[2] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 409. – Арк. 87.
[3] Там само… – Спр. 107. – Арк. 16.
[4] Культурне життя в Україні… – Т. 1. – С. 440.
[5] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 109. – Арк. 206.
[6] Підраховано за: ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 116. – Арк. 17.
[7] Там само… – Спр. 322. – Арк. 21.
[8] Там само…
[9] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-20566. – Арк. 20, 37.

Індивідуально воліли діяти студенти, котрі в минулому мали зв'язок з оунівським підпіллям. Навіть навчаючись в одному інституті, вони не об'єднувалися, а займалися антирадянською діяльністю самостійно. Студенти, котрі мали досвід підпільної діяльності на рідних теренах, за аналогією намагалися діяти у Львові. Частіше це була спонтанна діяльність, що зводилася до антирадянської агітації, розповсюдження привезених з дому або надрукованих підручними засобами листівок. Показовою в цьому відношенні є діяльність Ганни Бардин – студентки педагогічного інституту. Вона походила зі с. Дмитровичі Мостиського району, де співпрацювала з ОУН. Переїхавши до Львова на навчання, Г. Бардин почала діяти на власний розсуд. Вона організовувала студентські семінари з національної тематики, поширювала заборонену літературу [10].

З боку радянських каральних органів зазнавали репресій насамперед студенти, запідозрені нібито в лояльності до німців. За таким звинуваченням у 1945 р. заарештовано студентів лісотехнічного інституту Зіновія Баб'яка і Євгена Кулика, студента політехнічного інституту Романа Процайла [11]. За підозрою у співпраці з німцями під час перебування на примусових роботах у Німеччині був заарештований під час занять Микола Петрига, студент поліграфічного інституту [12]. З профілактичною метою опинилася за ґратами студентка Львівської консерваторії Олександра Блавацька. Чинячи моральний і фізичний тиск на затриману, органи НКДБ добилися зізнання в антирадянській діяльності. Щойно в 1957 р. справа була переглянута й припинена за відсутністю складу злочину [13]. Водночас збереглися документи, згідно з якими О. Блавацька виступала вже як студентка… Інституту радянської торгівлі й з 1944 р. брала участь у роботі діючої там жіночої мережі ОУН. Для конспірації вона, мовляв, стала комсомолкою, а насправді серед студентів проводила антирадянську агітацію, збирала дані про настрої населення і кошти для підпілля. Це дає змогу припускати, що в гонитві за «планом» радянські каральні органи не гребували й дописками (зокрема, заводячи кілька справ на одну й ту саму особу).

Як підстава для відрахування студентів після їх арешту з навчальних закладів часто виступав «систематичний пропуск занять». З таким формулюванням, наприклад, був відрахований 11 листопада 1944 р. з політехнічного інституту студент лісового факультету Мирон Сойко (у червні 1946 р. він загинув у бою з підрозділом НКДБ) [14]. Загалом за період з 1 січня 1945 р. по 1 березня 1946 р. органами Управління НКДБ у Львівській області було заарештовано 97 студентів, з них 52 особи чинили опір режимові в рамках студентських організацій і груп, 11 осіб були членами «дорослих» організацій, 34 студенти діяли самостійно [15].

Кількість студентських акцій проти влади збільшилася в 1946–1947 рр. у зв'язку зі значним напливом у навчальні заклади Львова сільської молоді. На початку 1946/1947 навч. року секретар Львівського обкому КП(б)У І. Грушецький звернувся з проханням до ЦК КП(б)У про створення у Львові міського відділу НКДБ. Прохання він арґументував значним зростанням у вищих навчальних закладах міста терористич-

[10] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-20304. – Арк. 33.
[11] Там само… – Спр. П-25943. – Арк. 200.
[12] Там само… – Спр. П-6219. – Арк. 53.
[13] Там само… – Спр. П-11644. – Арк. 70.
[14] Там само… – Спр. П-21668. – Арк. 247.
[15] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 441. – Арк. 89–90.

них повстанських організацій і груп з числа сільської молоді[16]. Навколо Львова була запроваджена 30-кілометрова зона посиленого паспортного режиму. На під'їздах до міста ретельно перевірялися поїзди. У гуртожитках працювало чимало агентів, часто завербованих провокативними методами. Місцевих студентів викликали в НКВС і НКДБ, де під тиском погроз змушували до співпраці[17]. Колишній студент сільськогосподарського (у 1949–1954 рр.), а згодом лісотехнічного інститутів Ігор Терпиляк згадує, що його батьки, які надавали помешкання трьом студентам, перебували під постійним наглядом. Одного з цих студентів викликали в Управління МДБ, де під загрозою «неприємностей в інституті» настійно рекомендували повідомляти всі деталі сімейного життя Терпиляків. Студент, навпаки, про розмову розповів господарям[18].

Такі заходи з боку радянських правоохоронних органів мали певний успіх, зокрема у виявленні нещодавно легалізованих у Львові підпільників. Наприклад, у квітні 1946 р. було викрито групу з 28 осіб, які намагалися легалізуватись у Львові. Серед них було два студенти – Дем'ян Демків з політехнічного інституту і Михайло Мамчур з університету. Обидва виготовляли фіктивні документи для легалізованих учасників підпілля. 17 листопада 1946 р. за донесенням агента були заарештовані студентки медичного інституту Люба Гусак і Марія Стецько, колишні члени Українського Червоного Хреста[19].

Особливої гостроти ситуація набула в період виборів до Верховної Ради СРСР у лютому 1946 р. У місті з'явилися листівки з вимогою бойкотувати вибори. Більше 20 листівок було розповсюджено групою молоді в районі Левандівки. Очолював групу студент медичного інституту Омелян Пришляк. Львівський медінститут особливо відзначався активністю учасників руху Опору. Зокрема, були притягнені до відповідальності за поширення листівок з віршами антирадянського змісту студенти-медики Михайло Гарапа, Микола Пасічник, Василь Левицький, Євген Лотоцький[20]. 6 лютого 1946 р. було затримано студента Львівського університету Івана Довбуша – керівника студентської боївки, що діяла в місті на зразок оунівської. Під час арешту в нього було вилучено антирадянські лозунги із закликами бойкотувати вибори, а також печатки й штампи з національною символікою[21]. Студенти робили навіть спроби захоплювати зброю. Так, у січні 1946 р. біля військового складу у Львові було застрелено студента лісотехнічного інституту, який намагався туди проникнути[22].

Аналіз документів Львівського обкому КП(б)У за 1946 р. показує, що у навчальних закладах Львова в той час виразно простежувалося протистояння між місцевими студентами і приїжджими (так званими «східняками»). Влада всяко інспірувала таке протистояння. Зважаючи на поширену тоді систему доносів, місцеві студенти здебільшого трималися відособлено від своїх колег зі Східної України. Навіть академічні групи інколи комплектувалися окремо з місцевих і приїжджих студентів. Хоча в цих стосунках траплялися й винятки. Так, студентка політехнічного інституту Анна Москальова, росіянка за національністю, утримувала конспіративну квартиру студен-

[16] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 445. – Арк. 4.
[17] Там само… – Спр. 439. – Арк. 21.
[18] Інтерв'ю з Ігорем Терпиляком, 1928 р. н., зап. у Львові 27 квітня 2002 р.
[19] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 420. – Арк. 2–3, 41.
[20] Там само… – Спр. 424. – Арк. 31, 34.
[21] Там само… – Спр. 441. – Арк. 99.
[22] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-29796. – Арк. 72.

тів-підпільників. Там зберігалося 10 кг друкарського шрифту та пристрій для ручного друкування листівок [23]. Студентка педагогічного інституту Ганна-Галина Грабовська родом із Сумщини проводила антирадянську агітацію серед однокурсників [24]. Студент ветеринарного інституту харків'янин Ґмиря виступав проти насильної колективізації в Західній Україні, передбачаючи поширення голоду й на ці терени [25].

Хоча голод 1946–1947 рр. у західних областях України не досяг таких катастрофічних масштабів, як у східних, нестача продуктів все ж відчувалася. Значна частина студентів зі сходу України залишала в 1946/1947 навч. році львівські вищі навчальні заклади задля допомоги родинам, які потерпали від голоду, інша ж, навпаки, втікаючи від того ж голоду, приїздила на навчання у Львів. Все ж студентів у Львові помітно поменшало. Якщо на початок 1946/1947 навч. року в політехнічному інституті навчалося 2403 студенти, то під кінець семестру залишилося тільки 1779 осіб [26]. Досить швидко дефіцит продуктів став буденністю й у Львові. Першими відчули це студенти. З 19 вересня 1946 р. у місті почали проводитися збори населення, на яких представники влади намагалися пояснити постанову Ради Міністрів СРСР від 10 вересня 1946 р. про зниження цін на комерційні продтовари й підвищення на планові. Студент політехнічного інституту Олександр Ліцин назвав дану постанову звичайним виманюванням у населення грошей та кроком до погіршення становища студентства, яке комерційними продуктами майже не користувалося [27].

Ще більшу хвилю незадоволення викликало перенесення скасування карткової системи з 1946 на 1947 р. Норми продуктів, які видавалися за картками, були суттєво зменшені. Наприклад, добова норма хліба на одного студента становила тільки 100 г. Але навіть її було нелегко отримати, адже отоварювання карток в середньому не перевищувало 70%. Замість м'ясопродуктів студенти нерідко отримували сухе молоко, а замість жирів – горіхове масло [28]. Така ситуація спричинила в місті паніку. В магазинах з'явилися довжелезні черги, а продукти зникли взагалі з прилавків. Серед студентства кружляли чутки про повну відміну стипендій.

Каталізатором протестів на тлі соціально-економічних негараздів стала зростаюча ідеологізація навчального процесу. Доходило до курйозів. На одній із міських нарад інтелігенції директор педагогічного інституту Сергій Смолінський заявив, що для успішного утвердження радянської влади в регіоні необхідно ідеологізувати навіть такі дисципліни, як математика, фізика й хімія. Виступаючи проти насильної радянізації, студенти масово ігнорували лекції з основ марксизму-ленінізму. Так, 15 лютого 1946 р. із 67 студентів Львівської консерваторії на лекцію з'явилося тільки 27 осіб, а 19 лютого – 20 осіб. В університеті другий курс цілим потоком покинув лекцію. Така ж низька відвідуваність була і в політехнічному інституті [29]. Але навіть ті студенти, котрі відвідували лекції, не завжди відзначалися лояльністю до режиму. Як видно з документа про роботу Львівського державного університету ім. І. Франка за 1946/1947 навч. рік, на лекціях з марксизму-ленінізму нерідко траплялися випадки

[23] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 441. – Арк. 99.
[24] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-23798. – Арк. 26.
[25] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Спр. 577. – Арк. 152 зв.
[26] Там само… – Оп. 2. – Спр. 267. – Арк. 40.
[27] Там само… – Оп. 1. – Спр. 456. – Арк. 239.
[28] Там само… – Оп. 2. – Спр. 264. – Арк. 147.
[29] Там само… – Оп. 1. – Спр. 456. – Арк. 194; Спр. 577. – Арк. 63.

«нерозуміння» студентами сутності «радянського демократизму»[30]. Намагаючись залучити студентів до будівництва «нової соціалістичної батьківщини», місцева влада організовувала різноманітні «політико-виховні» заходи. Однак місцеві студенти ці заходи сприймали негативно (рідше пасивно). На різноманітних зборах і демонстраціях вони не виступали з активними політичними заявами й пропозиціями, за що отримали в пресі назву «молчальники»[31].

Для тотального контролю за суспільними настроями радянська влада в перші повоєнні роки встановила цензуру на приватне листування. Щоправда, Рада Міністрів СРСР 4 лютого 1947 р. формально припинила дію військової цензури на поштово-телеграфну кореспонденцію, але натомість запровадила таємний політичний контроль за листуванням. Це зумовило навіть зростання цензурного відомства. 25 лютого 1947 р. вийшов таємний наказ МДБ СРСР № 0084 про негайне перетворення військової цензури в негласний політичний контроль[32]. Майже кожен лист, де описувалась ситуація в Західній Україні, можна було вважати націоналістичним. Студентка сільськогосподарського інституту Дарина Колодій була репресована за 10 листів до двоюрідної сестри Ірини Клочник, яка відбувала покарання в Челябінську. В листах студентка описувала становище у Львові[33]. Не уникнув репресій студент сільськогосподарського інституту Петро Кизима. Він написав два листи до товариша в Кам'янці-Подільському, в яких критикував лекції з основ марксизму-ленінізму[34]. У ворожій агітації звинувачено й студентку педагогічного інституту Михайлину Езежинську, яка в листах до нареченого в армію відверто висловлювалася про радянську дійсність[35]. Радянськими правоохоронними органами такі дії трактувались як антирадянська пропаганда й каралися 10 роками виправно-трудових таборів…

У результаті примусового переселення українців з Польщі на територію Української РСР частина підпільників потрапила в нові умови, але своєї діяльності не припинила. Наприклад, переселенка з Любачева Ярослава Вахнянин поступила на навчання у Львівський університет, де продовжувала активну підривну діяльність проти радянського режиму. Тільки в лютому 1947 р. разом з товаришкою по навчанню Ярославою Красуляк, котра також походила з Любачева, вона розповсюдила у Львові більше тисячі листівок, виготовлених власноруч. Розповсюджували листівки у Львові й інші вихідці з Любачівщини – студенти політехнічного інституту Іван Жук і Володимир Гвоздецький, студентка медичного інституту Ярослава Лятошинська, студентка університету Розалія Садова. І. Жук, крім того, займався виготовленням фіктивних документів для легалізації учасників руху Опору[36].

Протидіючи національно-визвольному руху, репресивні органи часто вдавалися до провокацій. Через завербованих агентів із студентського середовища вони викликали національно свідомих однокурсників на відверті антирадянські розмови, залишали на зберігання відверто провокаційні матеріали тощо. Наприклад, у вересні 1947 р. студентка університету Ірина Грицина отримала на зберігання від своєї «товаришки»

[30] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 266. – Арк. 44.
[31] Львовская правда (Львов). – 1950. – 13 января.
[32] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 126. – Арк. 36.
[33] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-24150. – Арк. 7.
[34] Там само… – Спр. П-28244. – Арк. 79.
[35] Там само… – Спр. П-8099. – Арк. 32.
[36] Там само… – Спр. П-22281. – Арк. 88, 101, 104, 121.

пачку паперів явного провокаційного змісту, зокрема списки відомих учених, письменників, лікарів, художників, яких нібито потрібно було знищити, заклики вбивати всіх неукраїнців, не віддавати дітей на навчання до радянських шкіл. І. Грицина знала справжні гасла українського підпілля, тому сумнівні листівки спалила. Невдовзі вона була заарештована, а в її помешканні зроблено обшук. Але через відсутність прямих доказів студентку було звільнено [37].

Частина студентів не обмежувала поле антирадянської діяльності Львовом. Незважаючи на постійний контроль з боку НКДБ за шляхами сполучень, студенти знаходили змогу виїжджати для підпільної роботи в райони області. 10 липня 1947 р. у с. Балучин Красненського (тепер Буського) району було вкотре відновлено колгосп, але вже в ніч на 11 липня на будинках сільських активістів з'явилися листівки, спрямовані проти колективізації. За підозрою у скоєному заарештовано студента університету Ярослава Рибака [38]. Тоді ж, 12 липня 1947 р., у с. Макунів Мостиського району при перевірці квартир були затримані студенти Львівського педагогічного інституту Іван Федевич і Люба Котис, які на власний розсуд вирішили зібрати кошти для підпілля, залишаючи взамін своєрідні квитанції – «бофони» (бойовий фонд УПА). При арешті було вилучено 9 «бофонів». Разом з І. Федевичем і Л. Котис була заарештована їхня однокурсниця Ольга Бенцак, на квартирі якої вони пробували заховатися. Слідство виявило, що Л. Котис розповсюджувала «бофони» номіналом 50 крб. і в самому інституті [39]. Студенти планували встановити зв'язок з ОУН і передати їм зібрані кошти. Влітку на канікулах розповсюджували листівки в рідному містечку Красному львівські студенти Роман Протасевич (медичний інститут) і Мирослав Черевко (інститут фізичної культури) [40].

Активізація студентських виступів в літні місяці пояснювалася деяким послабленням контролю за студентами в період канікул. Під час навчання постійні переклички на заняттях, суворий нагляд у гуртожитках значно обмежували свободу студентів. Чи не єдиною можливістю розповсюджувати листівки й залишатися при тому непоміченим були агітаційні тури по області. Підтвердженням цьому може служити доповідна записка секретарю обкому партії І. Грушецькому про неодноразову появу листівок у селах після їх відвідин студентськими лекційними групами [41]. Спроби керівництва області й вищих навчальних закладів повністю контролювати студентство були безуспішними. В кінці 1947 р. у Львівському обкомі КП(б)У відбулася нарада з питань ідеологічної роботи у вищих навчальних закладах. Виступаючи на ній, директор медичного інституту Скосогоренко (та й інші керівники вузів) заявив, що робота зі студентами не дає бажаного ефекту [42].

Новий 1948 р. характеризувався повільним спадом підпільної активності. Дедалі більша частина підпільників усвідомлювала марність сподівань на зміну політичної ситуації в Україні. Несамовито маховик репресій охоплював щоразу ширші верстви національно свідомої молоді. Частина людей просто стомилася від активних бойових

[37] Літопис нескореної України. Документи, матеріали, спогади / Під ред. Я. Ляльки. – Львів, 1993. – Кн. 1. – С. 561–563.
[38] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 116. – Арк. 56.
[39] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-23877. – Т. 1. – Арк. 112, 117–118, 153, 180.
[40] Там само… – Спр. П-24271. – Арк. 40.
[41] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Спр. 96. – Арк. 29.
[42] Там само… – Арк. 12.

дій, постійного переслідування і пробувала пристосуватися до нових умов. З іншого боку, після голоду 1946–1947 рр., коли дещо поліпшився рівень життя значної частини населення й було відмінено карткову систему, виникла ілюзія початку лібералізації комуністичного режиму.

Втім, рух Опору радянському режиму тривав. Вагомим джерелом поповнення рядів підпільників надалі залишалися студенти. Нові умови зумовили зміну методів протистояння. Вони стали більш помірковані, в основному зводилися до кулуарних розмов про радянську дійсність. Студентка Львівського університету Марія Гриців у розмовах з товаришами критикувала радянізацію, за що – через донос однокурсниці – була притягнута до відповідальності органами МДБ[43]. За подібну діяльність були звинувачені студентки Галина Бенедюк (університет) та її шкільна подруга Алла Романюк (медичний інститут). Обидві були звільнені з-під арешту через відсутність доказів[44]. Яскраво свідчить про тодішню атмосферу в університеті такий факт. Під час літніх канікул 1949 р. студенти історичного факультету Роман Гладкий, Зіновій Матисякевич, Михайло Стронціцький вирушили у мандрівку по Карпатах записувати народні пісні. Природно, що до їх колекції потрапили популярні у той час пісні УПА. В одному з сіл, за доносом, студенти були затримані підрозділом МВС і, як результат, виключені з університету[45].

Студент технологічного інституту Євстахій Марчук був примусово депортований із Польщі у м. Рівне. У 1947 р. він приїхав на навчання до Львова, де встановив контакти зі студентами торгово-економічного інституту – Людмилою Негребецькою, Раїсою Судак, Володимиром Кужелевичем і студентом університету Олександром Омельчуком, який очолював своєрідний осередок рівненських підпільників у Львові. 20 червня 1948 р. Є. Марчук разом з В. Кужелевичем були заарештовані органами МДБ[46]. Чимало клопотів радянській владі у Львові завдали студенти Львівського політехнічного інституту Євстахій Медвідь і Мирослав Строцький. Співпрацюючи в минулому з українським підпіллям Золочівського району, вони отримували звідти значну кількість листівок й літератури, яку розповсюджували у парках і скверах Львова. Переважно це були журнал «Ідея і чин» та листівки «Школярам» і «До селян»[47].

Ідеологічний тиск влади викликав спротив навіть студентів-росіян. Студент юридичного факультету Львівського університету Геннадій Ушаков відверто висловлював незадоволення методами радянізації, зокрема колективізації, на західноукраїнських землях. Судовий процес над Г. Ушаковим не змусив його відмовитися від переконань, він продовжував звинувачувати радянський режим у відсутності свободи слова[48]. Підтверджує дану тезу інтерв'ю Євгена Сверстюка, де йдеться про дисидентів-росіян, з якими він товаришував і повністю довіряв їм під час навчання у Львівському університеті[49].

---

[43] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-14525. – Арк. 34, 39.

[44] Там само… – Спр. П-4524. – Арк. 144, 146.

[45] *Чорній В.* Слов'янознавчі студії: статті, виступи та ювілейні матеріали. – Львів, 2002 (далі – *Чорній В.* Слов'янознавчі студії…). – С. 267.

[46] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-11704. – Арк. 71, 75.

[47] Там само… – Спр. П-25019. – Арк. 183.

[48] Там само… – Спр. П-32206. – Арк. 26–27.

[49] *Грицак Я.* «В університеті імені Франка духу Франка по суті не було…»: інтерв'ю з Євгеном Сверстюком // Україна модерна (Львів). – 2001. – Ч. 6. – С. 99–110.

Одним із проявів опозиційних настроїв був опір студентів впровадженню в навчальний процес курсу марксизму-ленінізму. Особливо характерним це було для студентів технічних спеціальностей. У Львівському університеті широкого розголосу набув конфлікт між студентом-фізиком Яровим і викладачем основ марксизму-ленінізму Павлом Головком. Останній звинувачував студента не тільки в ігноруванні дисципліни, але й у підбурюванні до цього інших. На захист Ярового став декан фізико-математичного факультету Олександр Сергійович Praxanko і факультетська комсомольська організація. Вони характеризували Ярового, який був старостою групи, як здібного й сумлінного студента. Однак юнака таки виключили з навчального закладу.

Вбивство Ярослава Галана 24 жовтня 1949 р. дало привід радянським каральним органам розпочати широкомасштабні репресії проти українського підпілля, у тому числі й проти опозиційно налаштованого студентства. За підозрою у причетності до вбивства були заарештовані брати Лукашевичі: студенти сільськогосподарського інституту брати Іларій та Мирон і студент медичного інституту Олександр[50]. Наприкінці 1949 р. із сільськогосподарського інституту було виключено 14 осіб. Але це був лише початок нової хвилі масового переслідування студентства.

2 грудня 1949 р. у Львові відбулися збори партійного активу вищих навчальних закладів міста. На зборах були присутні перший секретар ЦК КП(б)У М. Хрущов і заступник голови Ради Міністрів УРСР Л. Корнієць. У виступах вони піддали нищівній критиці керівництво львівських вищих навчальних закладів за слабку ідейну спрямованість навчання, що спричинило до появи «чужої» ідеології в середовищі львівського студентства[51]. За нібито приховування планів фізичного знищення Я. Галана був заарештований студент політехнічного інституту Андрій Литвин[52]. У 1948/1949 навч. році органами МДБ заарештовано 19 студентів медичного інституту[53]. У політехнічному інституті в 1949/1950 навч. році було відчислено здебільшого за політичними мотивами 344 особи, що становило 8% від загального числа студентів[54]. Місцеве радянське керівництво використало вбивство Я. Галана для широкомасштабного наступу на «ідеологічному фронті». Якщо у перші повоєнні роки прошарок безпартійних студентів у вищих навчальних закладах перебував у відносному спокої, то після вбивства ситуація значно загострилась. У всіх навчальних закладах Львова проводились відкриті комсомольські збори, на яких студенти опинялися перед дилемою: вступ до комсомолу або виключення з вузу. Рішення потрібно було приймати відразу на зборах[55]. Аби уникнути репресій і все ж здобути вищу освіту, студенти вдавалися до хитрощів – часто переводилися з одного навчального закладу в інший. Наприклад, В. Заведнюк, щоб не потрапити в поле зору репресивних органів, у 1949 р. перевівся з другого курсу поліграфічного інституту в лісотехнічний інститут, а коли й

[50] Безпосереднім виконавцем вбивства Я. Галана був Михайло Стахур – бойовик ОУН. Але достеменно стверджувати про пряму причетність українського підпілля до знищення публіциста немає підстав. У той час український рух Опору був настільки просякнутий на всіх рівнях ворожою агентурою, що наказ про знищення Я. Галана могли віддати агенти МДБ з метою виправдати наступні репресії проти українського національно-визвольного руху.

[51] *Ситар І.* До питання про політичні репресії у Львівському університеті в добу сталінізму: причини, етапи, наслідки // Українські варіанти (Львів). – 1999. – № 1–2. – С. 106.

[52] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-11856. – Арк. 7.

[53] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 3. – Спр. 260. – Арк. 82.

[54] Там само… – Оп. 4. – Спр. 314. – Арк. 38.

[55] *Чорній В.* Слов’янознавчі студії… – С. 268.

там розпочалася масова перевірка студентів, перевівся в Ленінградський всесоюзний заочний лісотехнічний інститут, який і закінчив[56].

Мотиви відчислень студентів з навчальних закладів були різноманітними: симпатії до національного, релігійні переконання, підтримування дружніх стосунків з арештованими студентами та ін. Із вищих навчальних закладів Львова було виключено сотні студентів. М. Хрущов навіть запропонував ввести для жителів Західної України спеціальні паспорти[57].

Такі масштабні чистки значно послабили рух Опору. Нові студентські опозиційні групи виникали спорадично й здебільшого не мали контактів з оунівським підпіллям. На початку 1950 р. органами МДБ був розкритий антирадянський молодіжний осередок «С–5» («Союз п'яти») на чолі зі студентом політехнічного інституту Миколою Касьяном. До нього належали студенти лісотехнічного інституту Григорій Чеховський і Євген Горук, а також робітники Степан Базюк і Степан Філіковський. Антирадянська діяльність групи полягала в читанні літератури, яка трактувалася радянською владою як націоналістична, обговоренні політичної ситуації в країні, після чого прочитане й почуте поширювалося серед студентів[58].

На початку 1949/1950 навч. року з вищих навчальних закладів Львова було виключено 120 студентів – учасників антирадянського підпілля[59]. 2 лютого 1950 р. у Львові відбулися міські збори працівників вищих навчальних закладів, де розглядалося питання «Про хід виконання вказівок Політбюро ЦК КП(б)У». А після чергових відвідин міста М. Хрущовим з вищих навчальних закладів було відраховано ще 50 студентів. Багатьох – під претекстом пропусків занять, хоча насправді багато з тих студентів були відмінниками[60].

У квітні 1950 р. радянські каральні органи заарештували 9 студентів вищих навчальних закладів Львова, членів молодіжної організації націоналістичного спрямування «Сонце». Керував організацією студент механічного факультету сільськогосподарського інституту Василь Грицай, який, попри це, був членом бюро комсомолу факультету. До організації також входили: Іван-Василь Бунда – студент цього ж інституту; Ольга Савчак – студентка університету, Дарія Боровна й Ганна Сушко – студентки медичного інституту. Членами організації «Сонце» були ще четверо мешканців с. Грушів Дрогобицького району. Учасники підпільного об'єднання мали членські квитки, у листуванні користувалися шифрами і псевдонімами. Основним засобом протидії радянському режиму вони вважали розповсюдження рукописних листівок і підпільної літератури. 1 травня 1950 р. вони планували провести у Львові широкомасштабну антирадянську акцію – масове розповсюдження листівок-карикатур та прикріплення синьо-жовтого прапора на одному з висотних будинків міста. Акція була зірвана через арешти. Учасники підпільної організації «Сонце» були засуджені за статтями 54–1 «А» і 54–11 Карного кодексу УРСР на 25 років позбавлення волі у виправно-трудових таборах[61].

---

[56] *Заведнюк В.* На Півночі, на Волині створилась армія УПА. Спогади. – Тернопіль, 1996. – С. 170–171.
[57] *Киричук Ю.* Нариси з історії… – С. 244.
[58] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-4891. – Арк. 63.
[59] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 3. – Спр. 261. – Арк. 154.
[60] Там само… – Спр. 434. – Арк. 14, 54.
[61] *Трофимович В.* До питання про рух опору у львівських вузах у 40–50-ті роки // Республіканець (Львів). – 1994. – № 2. – С. 89; Літопис нескореної України. Документи, матеріали, спогади / Під ред. Я. Лялька. – Львів, 1993. – Кн. 1. – С. 437.

У січні 1953 р., коли націоналістичне підпілля у Львові вважалося знищеним, працівники МДБ викрили в місті молодіжну антирадянську націоналістичну організацію «Молвесгурт» («Молодіжний веселий гурток»)[62], члени якої ставили завдання проголосити незалежність України. Згідно з вироком Військового трибуналу МДБ Львівської області від 19–20 березня 1953 р., всі учасники організації були засуджені на 25 років виправно-трудових таборів з конфіскацією майна і позбавленням громадянських прав.

Загалом тільки в 1950–1951 рр. Управління МДБ у Львівській області ліквідувало 8 підпільних організацій і груп, основу яких складали студенти вищих навчальних закладів Львова[63].

Радянський карально-репресивний апарат широко використовував систему доносів, за найменшою підозрою притягав до відповідальності непричетних до підпілля студентів. Великих масштабів сягнули так звані «чистки» у вищих навчальних закладах. Органи МДБ часто вдавалися до провокативних акцій, коли створювалися фіктивні підпільні гуртки, через які виявлялися студенти, котрі симпатизували національному рухові. Українське підпілля, маючи на меті розкрити задуми МДБ, розповсюдило серед студентів міста листівки. Вони мали чітко визначений адресат, про що було зазначено у верху листівки – «Студентам міста Львова!». Одна з них, що з'явилася 1950 р. з гаслом «Пересторога», інформувала, що останнім часом агенти МДБ, вдаючи українських повстанців, намовляють студентів переходити на нелегальне становище, незгідних залякують розстрілом. У листівці наголошувалося, що ОУН-УПА не ведуть такого вербування. Далі в листівці йшлося про дії студента в такій ситуації.

Прикметною рисою антирадянського руху Опору серед студентів вищих навчальних закладів Львова були протести проти зростаючої заідеологізованості навчання, а також відстоювання свободи віросповідання. Як злочин трактувалася навіть відмова студентів брати участь у громадсько-політичній діяльності (в її радянському розумінні). Так, за аполітичність було виключено з лісотехнічного інституту студента Фідика. Студентка університету Євгенія Ланюк була звинувачена в ідейній пасивності, позаяк під час канікул вона не прочитала жодної лекції колгоспникам про переваги радянського ладу[64]. Щоб обмежити інтерес львівських студентів до української тематики, наприкінці 1951 р. у всіх навчальних закладах міста був переглянутий і «перебудований» репертуар художньої самодіяльності[65].

Довідки про стан масово-політичної роботи у вищих навчальних закладах Львова за 1951 р. дають підстави стверджувати, що непоодиноким явищем було переслідування студентів міста за їх релігійні переконання. 27 березня 1951 р. з педагогічного інституту було виключено 7 студентів тільки за те, що ті готували кутю на Різдвяні свята[66]. У тому ж році з Львівської консерваторії виключено Михайла Гринишина й Антоніну Нечай, які співали в церковному хорі[67]. Протестуючи проти обмеження свободи совісті, студентка педагогічного інституту Сивенька на семінарі з основ марк-

[62] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-22752. – Т. 5. – Арк. 118–119.
[63] *Ковалюк Р. Т.* Український студентський рух на західних землях XIX–XX ст. Автореф. дис. […] докт. іст. наук. – Львів, 2003. – С. 23.
[64] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 4. – Спр. 172. – Арк. 48.
[65] Там само… – Спр. 159. – Арк. 40.
[66] Там само… – Спр. 309. – Арк. 45.

сизму-ленінізму відверто заявила про справедливу боротьбу українських націоналістів за релігійні права населення й самостійну Українську державу.

Загалом за період з вересня 1950 р. до лютого 1952 р. з вищих навчальних закладів Львова здебільшого за політичними мотивами було відраховано 1020 осіб [68].

Дедалі більшу роль у студентському житті відігравали комсомольські організації, які намагалися ретельно контролювати всі сфери діяльності студентів. Наприклад, на університетській комсомольській конференції, яка відбулася 9 жовтня 1951 р., було виключено з комсомолу й водночас відраховано з університету 32 особи, з них 22 звинувачено в участі у підпільному русі, веденні антирадянської пропаганди, розповсюдженні забороненої літератури [69]. Комсомол став своєрідним чистилищем з відповідними атрибутами, ритуалами і так званими радянськими традиціями, через яке обов'язково проходили всі студенти [70].

З метою остаточної ліквідації українського національного руху політбюро ЦК КП(б)У закріпило 17 січня 1953 р. всіх своїх членів за західними областями України [71]. Однак і це не розв'язало органам радянської влади всіх проблем, пов'язаних зі студентським опозиційним рухом у Львові. Згідно зі звітом Львівського обкому КП(б)У від 20 лютого 1953 р., «прояви націоналізму» й надалі спостерігалися на юридичному, біологічному, філологічному, історичному, фізичному, геологічному факультетах Львівського університету [72]. Листівки антирадянського змісту з'являлися навіть на кафедрі марксизму-ленінізму університету [73]. Розповсюдження літератури антирадянського спрямування продовжувалося в 1953 р. і в сільськогосподарському інституті, про що свідчить звіт про роботу цього навчального закладу від 20 серпня 1953 р. [74]

…Таким чином, львівське студентство як найбільш радикальна та енергійна верства населення активно включилося в рух Опору насильницькій радянізації західноукраїнських земель. За національністю студенти, які брали участь у підпільному русі, були переважно українцями, хоча траплялися й етнічні росіяни, а за соціальним походженням вони представляли всі верстви та суспільні групи населення. Серед студентства було чимало осіб, які ще перед вступом до навчальних закладів брали участь у повстанському русі. Найпоширенішими формами індивідуального студентського опору були виготовлення і розповсюдження листівок, антирадянська агітація, невступ до комсомолу, критика заідеологізованих лекційних курсів. Як свідчать архіви, половина засуджених Львівським обласним судом відбувала покарання за антидержавну пропаганду [75]. Антирадянська агітація була основним методом протидії радянському режиму серед львівських студентів. Аналіз судових справ щодо студентів дає змогу визначити орієнтовну частку репресованих за антирадянську діяльність. У Львові ця цифра складала в середньому 10 відсотків.

---

[67] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 4. – Спр. 172. – Арк. 21.

[68] Там само… – Спр. 632. – Арк. 70–71.

[69] Там само… – Спр. 633. – Арк. 6–7.

[70] *Сворак С. Д.* Загальноосвітня школа західноукраїнського регіону в контексті суспільно-політичного життя другої половини 40-х – першої половини 60-х років ХХ століття. Автореф. дис. […] доктора іст. наук. – Київ, 1999. – С. 28.

[71] *Сергійчук В.* Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–53 рр.: Нові документи і матеріали. – Київ, 1998. – С. 857.

[72] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 4. – Спр. 917. – Арк. 9.

[73] Там само… – Оп. 4. – Спр. 916. – Арк. 39.

[74] Там само… – Оп. 4. – Спр. 916. – Арк. 144.

[75] Там само… – Оп. 3. – Спр. 470. – Арк. 83.

Петро ФРАНКО,
голова Львівського обласного товариства
політичних в'язнів і репресованих

НЕСКОРЕНЕ ЮНАЦТВО

Збройне вторгнення в Галичину, а справедливіше – совєтсько-польську війну, більшовики з пропагандистських міркувань назвали «возз'єднанням українського народу в єдиній українській радянській державі». Основний загал українства був у той час настільки свідомим, що не міг радісно вітати це горезвісне «возз'єднання». Якщо свідомі українці й виходили «назустріч визволителям», то тільки задля звичайної людської цікавості.

Галицьке свідоме українство, а це була тоді більшість населення Галичини, завдяки своїй Українській греко-католицькій церкві та просвітницькій праці легальних і нелегальних структур Організації українських націоналістів (ОУН), було добре обізнане з тією великою небезпекою, яку несли комуністи, «визволяючи» та «возз'єднуючи» нашу Галичину.

Свідомі галицькі українці добре знали про те, що насправді відбувалося в Совєтському Союзі й на Великій Україні. Вони прекрасно знали і про нищення українців шляхом організації запланованого в Москві штучного голоду, і про винищення української інтелігенції з метою обезголовити відроджену українську націю, і про комуністичні тюрми та концтабори. Знали про все, що приніс Україні комуністичний режим.

Із перших днів і тижнів господарювання сталінської кліки в Галичині ця зграя приступила до силової ліквідації основних осередків суспільно-політичного життя українців. Були розпущені або «самоліквідовувались» усі колишні українські політичні партії, в їх числі й Українське національно-демократичне об'єднання (УНДО). Лише ОУН залишилась діяти в підпіллі. Були розгромлені усі господарські, кооперативні, культурні, фахові, робітничі, селянські, жіночі, студентські і навіть спортивні організації й товариства, серед яких «Просвіта», «Рідна школа», «Маслосоюз», «Соколи», «Луг», «Пласт» та ін.

Були закриті всі українські газети та журнали. Розігнано всі дванадцять українських видавництв у Львові: «Червона Калина», «Сільський господар», «Нова хата», «Дешева книжка» та ін.

Було припинено діяльність Наукового товариства ім. Т. Шевченка – єдиної у світі української національної наукової установи, що означало ліквідацію вільної української наукової думки. Така ж доля спіткала й бібліотеки краю.

Комуністи закрили тоді усі релігійні установи та навчальні заклади: Львівську греко-католицьку богословську академію, Львівську, Перемишльську та Станіславівську єпархіальні духовні семінарії, розігнали Богословське наукове товариство, заборонили усі чернечі чини. Зліквідували українські греко-католицькі видавництва і друкарні. Почалась шалена антирелігійна пропаганда. Зі шкільних програм було вилучено релігію як навчальний предмет, конфісковано усі митрополичі, єпископські, парафіяльні, монастирські землі та маєтки.

Уже в перші години і дні окупації за ґратами опинилось близько 130 керівників та активістів політичних партій, послів до польського сейму, сенаторів, керівних діячів різних українських інституцій, журналістів, священиків, науковців, учителів, лікарів, адвокатів, добрих господарів.

Чи не першою спробою в нашому краї була спроба розправи над сфабрикованою більшовиками «групою націоналістів» у складі семи осіб, що мало місце у другій половині 1940 року в Дрогобичі. Суд у Дрогобичі відміряв усій сімці по 10 років концтаборів на Далекій Півночі та по 5 років позбавлення прав (Богдан Кавків – малолітній, одержав 8 років позбавлення волі)[1].

«Процес 59-ти», знаний також як процес Другої екзекутиви (виконавчого органу) ОУН у західних областях України, відбувся у Львові, в головній квартирі НКВС 17–19 січня 1941 року. Підсудними були переважно студенти й студентки університету та учні середніх шкіл, а також священик о. Роман Берест. Підсудні були заарештовані впродовж вересня 1940 року. Із 59-ти заарештованих було дванадцять малолітніх, а саме: Орест Булка, Мирослав Гаврилишин, Богдан Грицяк, Ірина Зубач, Ганна Кохман, Степан Онуферко, Ольга Попадин, Богдан Старка, Наталя Шухевич – на час арешту їм було по сімнадцять років, а Ліді Світлик і Михайлові Чарковському – по шістнадцять років. Суд засудив 42-х обвинувачених, у тому числі 11 дівчат, на кару смерті. У березні того ж року Верховна Рада СРСР помилувала 10 дівчат і 11 хлопців, замінивши розстріл на 25 і 15 років концтаборів. У «Процесі 59-ти» наймолодшою була Марійка Наконечна, якій на час арешту виповнилося 15 років. Вона була засуджена за ст. 54-2, 54-11 КК УРСР на 10 років концтаборів і 5 років позбавлення прав. Від злиднів, приниження, каторжної роботи ця дитина померла у Сибіру в 1954 році[2].

Третій «Процес 62-х» відбувся у Дрогобичі. Усі, хто проходив у цій справі, були замордовані[3]. Четвертий «Процес 39-ти» – усі розстріляні 24–28 червня 1941 року у Львівській тюрмі № 1[4].

…У липні 1944 року знову прийшла Червона армія. Але населення західних областей України добре пам’ятало «старшого брата», пам’ятало, що цей злочинець-людолов «натворив» у нашому краї. Не довелося довго чекати й на нові репресії.

На 20 червня 1945 року в західних областях України під виглядом бандерівців діяло 156 спецгруп із загальною кількістю учасників 1783 особи[5]. Розроблялися

[1] Хандон І. Я. Процес 7 і моя біографія // Літопис Червоної Калини. – Львів, 1991. – Ч. 5. – С. 57.

[2] Повний список підсудних та засуджених на «Процесі 59-ти» вироком Львівського обласного суду від 18 січня 1941 року // Комар Л. Вказана праця. – Додаток 4. – Сторінка без нумерації.

[3] Про це див.: Літопис нескореної України. – Львів, 1993. – Кн. 1. – С. 81, 82.

[4] Дем’ян Г. Засуд. 39-х українських націоналістів // Воля і Батьківщина. – Львів, 1998. – Ч. 3.

[5] Літопис УПА. – Львів–Торонто, 2001. – Т. 3. – С. 20.

підступні плани на придушення національно-визвольної боротьби. Члени спецгруп переодягалися на повстанців, із садистською насолодою нищили сільське населення, грабували майно, палили будівлі нібито за співпрацю з радянською владою.

Пропоную увазі читачів сповідь колишнього енкаведиста, опубліковану в народному часописі «Прикарпаття» (Тернопільщина, 30 квітня 2005 року):

«Я, колишній солдат спецгрупи НКВС, яка під маркою бандерівців у 1944–45 роках проводила масові вбивства невинних людей на Тернопільщині. Наша група позбавила життя не одному десятку людей, яких ми вбивали ніби за симпатії до совєтської влади. І ось нині, на схилі літ, стоячи над могилою, хочу висповідатись, розповісти правду, хто насправді проводив оті криваві акції. Мені привиджуються ті нещасні, які просили в нас пощади, але пощади їм не було. Часто у снах чую крик чотирирічного хлопчика: «Не бий мого татка!» Він вирвався із рук нашого старшини, при тім вкусив його за палець. Тоді старшина вхопив хлопчика за ніжки і з усього маху вдарив ним об стінку головою... Мозок із розбитої голови дитини бризнув по хаті на нас, на наші руки, на обличчя. Я за той час розстріляв двох сестричок 10–12 років. Вони заціпеніли від жаху і навіть не розуміли, що відбувається. Батько і мати на колінах благали нас, щоб ми пощадили хоча б дітей, і теж не розуміли, за що їм така кара, – просили: «Хлопці, схаменіться, ми ж нічого не винні...» (вони думали, що ми бандерівці).

...Розкажіть... про мого листа. Хай знають люди. Хто насправді знищив їх сусідів... Не бандерівці, ні!!! Це ми, чекісти, так криваво провокували наших людей. А винна в тому сатанинська кривава совєтська влада»[6].

Якби ж то пан Сергієнко і такі як він забажали бодай на схилі літ розкрити лапки своїх правд... Якби були чесними перед власним сумлінням, то чи засуджували б так «яростно» істинних борців за незалежність України?

Зі східних областей України за путівками обкомів комсомолу скеровували комсомольців, які закінчили середню школу, в західні області України вчителювати. Цей захід був спланований із метою дискредитувати населення західних областей України.

Переважно вчителями були молоді дівчата. Їх у Галичині приймали, як рідних дітей. Давали житло, харчі й шану. Та, на жаль, ці молоді дівчата-вчительки не знали сценарію, за яким їх посилали. Ночами у село приходили провокаційні спецгрупи НКДБ, ґвалтували нещасних дівчат і вбивали або вішали їх на деревах. А селом розпускали чутки, що ці жертви нібито були донощиками і їх за це покарали повстанці. Після цього репресивні органи посилали повідомлення до сільських рад, звідки походила жертва. Там викликали батьків і повідомляли про те, що їхня донька «добровільно» поїхала в Галичину «навчати затурканих западенських дітей», а там її вбили бандерівські бандити. У такий спосіб родичі довідувались про трагічну долю своєї дитини. Переважно це були матері, бо батьки, у кращому випадку, ще служили в Червоній армії, а в гіршому – загинули на фронті. Отримавши в сільській раді посмертне повідомлення про свою доньку, матері, ридаючи і проклинаючи Західну Україну, йшли додому і розголошували односельцям, що зробили з їх дитиною бандерівські головорізи. Ось яким методом досягала своєї мети злочинна комуністична зграя. І надовго ця зграя посіяла ворожнечу і ненависть між братами і сестрами Правобережної і Лівобережної України. Боляче, гірко і сумно, але факт.

Наведу ще один приклад, який трапився з моєю двоюрідною сестрою Катериною Франко. У 1945 році вона народила сина, якого охрестила Мироном. Через кілька

[6] Опубл.: Д. Карп'як. Сповідь // Час. – Чернівці. – 2006. – 3 березня.

днів після пологів до неї додому прийшов черговий із сільської ради села Глиниці і повідомив про те, що її викликають до м. Краківця в НКДБ, а ще попередив, щоб вона прийшла зі своїм первістком Мироном. Стривожена сестра вагалася: чи йти, чи не йти з дитиною. Але сусіди переконали бідолашну, що треба йти. І Катерина пішла з сином у пекло.

Енкадебіст назвався старшим лейтенантом Абрамовим. Після цього почав допит, під час якого вимагав від сестри, щоб вона розказала, де знаходяться бандерівці Ханас Василь і Брода Іван. Сестра пояснювала слідчому, що вона не знає нічого про них. Але Абрамов був невмолимий і наполягав на своєму. Результатів ніяких. Тоді слідчий наказав покласти дитину на стіл. Коли маленький Мирон уже лежав на столі, слідчий знову підійшов до Катерини. Він схопив її за вуха і засичав: «Молчіш, бандеровская сука!» Різко повернувся до стола, підійшов до дитини, розпеленав її і знову запитав про Ханаса і Броду. Від Катерини ні звуку. «Молчіш?! Ну, хорошо. Єслі молчиш, я заставлю тєбя говоріть. Теперь я открою окна (а був січень 1945 року) і твой виродок здохнєт!» Катерина стояла на своєму. Тоді Абрамов підійшов до вікна і відчинив його. Маленький Мирон почав дуже плакати. Сестра кинулась до дитини, схопила, притиснула до грудей і заридала… Чи не нагадує нам цей випадок метод слідства нацистів у фільмі «Сімнадцять миттєвостей весни»?

А тепер хочу розповісти про долю юнаків і дівчат, які віддавали свої ще майже дитячі роки життя на відбудову української держави. Із різних архівних джерел і шляхом бесід із малолітніми політичними в'язнями та членами їх родин зібрано матеріали про понад 3 тисячі осіб із Львівщини, які потерпіли за часів комуністичного режиму і на час арешту не досягли повноліття (18 років). Вони зазнали нечуваних репресій у період від 1940 до 1953 років, а деякі і в подальші роки. Це вони ще дітьми брали участь у боротьбі з комуністичним режимом за волю України. Серед юних борців дві особи – Микола Притоцький і Стефанія Турок зі Стрия – були 12-річні, Ярослав Левкулич – 13 років. Богдан Галамай, Володимир Лазурко, Євгенія Мех-Івановська, Володимир Петришак, Василь Рибак, Петро Свідрик, Ольга Тернавська-Мушинська, Ганна Явдощак-Гарун, Марія Зробок, Катерина Шишка-Мітягіна, Володимир Гриник, Софія Качмар, Іван Жижкович, Роман Фурдик, Йосип Незнаковський, Мирон Кміть, Василь Хоркуца, Євгенія Кохан, Степан Трухан – мали лише по 14 років. 97 дітям не виповнилося і п'ятнадцять. Ще 395 осіб – 16-річні і 1143 осіб – 17-річні за віком. До 18 років репресовано 1541 особу. А всього молодого цвіту позбавлено дитинства 3198 осіб. Це тільки ті, чиї прізвища вдалося встановити*.

Малолітні політичні в'язні зазнали під час слідства пекельних мук за повною програмою, запланованою садистами і душогубами НКВС і НКДБ для дорослих політв'язнів. Діти нарівні з дорослими сиділи у слідчих тюрмах, камерах (загальних і одиночках), їх садили в карцери, до них застосовували «усмірітєльниє рубашкі», позбавляли тюремних прогулянок, забороняли отримувати передачі. Після закінчення слідства, а воно могло тривати від 3-х місяців до року і більше, слідчий заздалегідь визначав і рекомендував покарати на певний термін ув'язнення знедоленого. А судові органи – трибунал чи ОСО – підтверджували рекомендацію «славного» чекіста. Тоді в присутності військового прокурора підписувалася 206-а стаття, яка означала закінчення слідства. Після цієї процедури

* Крім того, розстріляно, спалено, по-звірячому замордовано в тюрмах і концтаборах понад п'ятсот підлітків.

прокурор гонорово говорив, що радянський суд ставиться по-батьківськи до малолітніх політичних в'язнів і підсудному «дають» для захисту адвоката. Але малолітні політв'язні категорично відмовлялися від такої «щирої послуги».

А чому? Та тому відмовлялися, що адвокат, призначений катами, замість того, щоб захищати малолітню жертву, ще гірше топтав знедоленого. Про такий сценарій знали всі в'язні, тому і відмовлялися від цієї «послуги». Але кати на відмову не реагували. Зате після суду висилали повідомлення до батьків, щоб ті заплатили визначену суму за «захист» їхнього сина чи дочки. Кожен малолітній політичний в'язень знав, що військові трибунали військ НКВС і ОСО при НКДБ СРСР обов'язково засудять його від 1-го до 25-ти років позбавлення волі. Найбезглуздішим було те, що «найгуманніший суд у світі» ще на додаток конфісковував особисте майно підсудного. Коли підсудний говорив, що він не має власного майна, адже йому всього 12 чи 15 років від дня народження і він до арешту був на утриманні батьків, на це ніхто не зважав. Суддя наказував своїм підлеглим по службі (вони всі були у військовій формі, а за званням нижчі від нього) описати все майно, яке було на в'язневі. Але підсудні – діти (!) – знову протестували. Вони заявляли, що одяг на їхньому тілі купили їм батьки. Тоді головуючий у суді упир говорив: «Нічєво, с тєбя сдєрут шкуру в лагєрє і ти расщітаєшся с государством сполна».

А далі – етапи, особливі концтабори...

Перше: замість прізвища, імені та по батькові адміністрація табору присвоювала політв'язневі номер. Цей номер писали на табірному лахмітті хлорним розчином чи нашивали спеціальні латки. Наприклад, у мене був номер Ц-117. Його великими цифрами писали на спині піджака, фуфайки чи бушлата. Меншими цифрами писали цей самий номер на шапці і правій штанині від паху до коліна.

Друге: нарядчик направляв засудженого у бригаду, яка працювала на лісоповалі, торфорозробках, каменоломнях, шахтах, у цехах чи на рудниках.

Третє: чи міг малолітній політв'язень виконати норму, що встановлена для дорослого? Ні! Тоді його карали за невиконання норми виробітку штрафним бараком або зменшували пайок харчування.

Четверте: тоді що? Тоді наступала повільна смерть. Але наші старші побратими-політв'язні допомагали нам у виконанні норми виробітку. Завдяки їм ми виживали.

П'яте: на ніч бараки, у яких ми жили, зачиняли на замок. Крім цього, нам дозволялося лише двічі на рік писати листи у рідний край. За найменше порушення позбавляли листування. Після закінчення тюремного терміну політичних в'язнів не відпускали додому, а висилали на поселення в Сибір. Лише після смерті тирана народів СРСР Й. Сталіна почали відпускати додому спочатку малолітніх політичних в'язнів. Але й удома емдебісти також створювали великі проблеми: не прописували нас до батьків, від яких колись забрали, не дозволяли влаштовувати нас на роботу на заводи. Не дозволяли нам також поступати у вищі навчальні заклади і т. ін.

У 1945 році Нюрнберзький трибунал вперше ввів юридичну концепцію про державний злочин: артикул № 6 ділить злочини на три головні категорії:

1) злочин проти миру;
2) злочин війни;
3) злочин проти людства.

Усі ці категорії державних злочинів були застосовані різними окупантами в Україні, а особливо комуністичним режимом, не тільки проти дорослого населення, а й проти дітей, які не досягли 18-річного віку. Часто траплялися й 15-річні.

Знаю, вірю і переконаний, що український народ на скрижалях історії викарбує і збереже навіки невмирущу славу, любов, шану і пам'ять про юних героїв, які віддали щойно розквітле життя за багатостраждальну матір Україну.

У невеличкому прикордонному селі Хомичі Шацького району Волинської області ще й досі пам'ятають жахливий день 11 вересня 1944 року. Саме тоді, на Головосіка (Усікновення чесної голови св. Йоана Хрестителя), поблизу лісу на околиці села сталася трагедія, про яку її очевидці не можуть згадувати без сліз. Хоч минуло понад шістдесят літ, люди моляться і плачуть, згадуючи ту трагедію.

11 вересня вдосвіта облавники-енкадебісти прочісували лози (робили зачистку). В оборозі на околиці села спали місцеві хлопчаки, які пасли коней. Вони не раз ходили сюди ночувати усією хлоп'ячою ватагою. Зоряна ніч, романтика, друзі. Хто з нас у дитинстві цього не прагнув? Натрапивши на сонних дітей, облавники почали їх жорстоко бити. Хлопці почали проситись: «Не бийте нас, товариші, не бийте! Ми з цього села». Та розбиратися з ними ніхто не бажав. Катюги в червоних погонах просто підпалили оборіг разом із дітьми. Налякані діти, а їм було від 13 до 15 років, почали стрибати вниз... А внизу на них чекали штики. Діти просто наколювалися на штики-ножі. Коли стихли дитячі крики, вбивці почали замітати сліди. Вони підпалили тіла, а потім обгорілі трупи закопали неподалік. Душогубам було мало тих жертв. На початку 1945 року сім'ї загиблих дітей вивезли в Сибір. Односельці знайшли тлінні останки цих дітей, але не всіх. На сільському кладовищі в Згоранах під одним хрестом покояться Анатолій Прадун, Лукаш Чужевич, Петро Пех. Спільний пам'ятник їм поставили родичі. А всього того дня загинуло 11 дітей! [7]

Ще одна гірка трагічна сторінка моєї нації. У 1949–1951 роках у Львові в Замарстинівській тюрмі № 2 і Бригідках, тюрма № 4, душогубами від МВС і МДБ СРСР було замордовано 26 дітей віком від 1-го дня до 2-х років. Комуністичний окупант відібрав у цих немовлят материнську любов, тепло і ласку. Вони не бачили ні сходу, ні заходу сонця, у них відібрали рідну землю, волю, свободу, Господню опіку. Станьмо на коліна, молімось і просім Господа Бога, щоб прийняв їх душі у царство небесне [8].

На початку розпаду комуністичної імперії, а саме: з 1989 року всі репресовані, хто мав силу і здоров'я, активно включилися в боротьбу за відродження української держави. Як наслідок, почав розвалюватися злочинний комуністичний режим.

Завдяки Господу Богу і незламній героїчній боротьбі українського народу маємо свою молоду незалежну державу. Віриться, що скоро вона підросте, змужніє і стане рівною серед європейських держав.

Тож віддаймо належну шану живим і полеглим юним героям України. Сподіваюсь, що юні герої національно-визвольної боротьби ХХ століття будуть належно визнані матір'ю Україною. Вірю, що стануть вагомим прикладом у вихованні підростаючого покоління. Вірю і переконаний, що юні українці, як справжні патріоти своєї держави, гідно понесуть у віки естафету своїх батьків і дідів.

---

[7] Романюк Н. Не бийте нас, товариші, не бийте! // Україна молода. – Київ, 2005. – Ч. 230. – С. 11. – Грудень.

[8] Архівна довідка. – Львів, 2006. – № 14. – Лютий.

Юрій ЗАЙЦЕВ,
кандидат історичних наук

ОПОЗИЦІЙНИЙ РУХ НА ЛЬВІВЩИНІ 1960–1980-х РОКІВ

Рух Опору комуністичному режимові адекватно відображав суспільно-політичну ситуацію в Україні, зокрема на Львівщині. Мешканці західних областей України, які багато років перебували в складі європейських держав, сподівалися, що «визвольний похід» Червоної армії справді принесе в їх оселі звільнення від утисків і переслідувань з боку польської влади. І заживуть вони щасливо в єдиній українській державі «під зорею радянської демократії». А отримали ще більш страхітливий режим, репресії якого почалися з розгрому українських політичних і громадських організацій, а закінчилися розстрілами, ув'язненням та депортаціями сотень тисяч громадян.

Розгром повстанських загонів на початку 1950-х рр. змусив мислячий прошарок нації шукати нові шляхи в перманентній боротьбі українців за своє національне визволення і державність. Тиск демократичного Заходу змусив КПРС після смерті Сталіна дещо послабити репресії, випустити з концтаборів та тюрем більшість колишніх повстанців. У нових умовах сподіватися на повалення режиму збройним шляхом було марною справою. Тому національно-визвольна боротьба набула форм мирного беззбройного опору всевладдю КПРС.

Хрущовська «відлига», офіційно проголошена нічною доповіддю Генсека на закритому засіданні XX з'їзду КПРС у 1956 р., жодним чином не означала руйнації тоталітарної системи. Десталінізація імперії здійснювалася не стільки з метою лібералізації суспільного життя, скільки задля самоутвердження нового компартійно-державного керівництва та через негативні наслідки тривалого зовнішньополітичного й економічного консерватизму СРСР. Політичну ситуацію в СРСР образно охарактеризував Дмитро Павличко в збірці «Правда кличе!» (1958) останнім рядком вірша «Коли помер кривавий Торквемада»: «…Здох тиран, але стоїть тюрма».

Таємні організації

Серединою 50-х років минулого сторіччя датується початок нового етапу багаторічної національно-визвольної боротьби українського народу. На цей час безперспективність збройного зудару з московсько-комуністичним режимом стала очевидною. Політичні зміни в країні, певна розгубленість владних структур, погром у 1956 р. антитоталітарних заворушень у Польщі та антикомуністичного повстання в Угорщині стимулювали перехід опозиційних сил до реалізації національної ідеї мирним, конституційним шляхом.

Усвідомлюючи загрозу неминучих провалів і розправ, в Україні все ж постало багато підпільних груп. Так, лише протягом 1954–1959 рр. органи держбезпеки УРСР викрили 183 «націоналістичні та інші антирадянські організації» і притягнули до кримінальної відповідальності за антирадянську діяльність 1879 осіб[1]. Чимало їх виявляли й у наступні роки. Одним з найчисельніших був **Український національний комітет**, створений 1957 р. термістом Львівського машинобудівного заводу Богданом Грициною та слюсарем-інструментальником цього ж підприємства Іваном Ковалем. На середину 1961 р. УНК об'єднував близько 170 осіб. Розрахована на 10 років програма комітету передбачала ґрунтовну їх підготовку і переселення в східні області України для піднесення національної та політичної свідомості населення цього регіону.

УНК мав статут, власну «службу безпеки», структурні ланки в районах області. Його учасники мали псевдоніми, облікові картки з присвоєним кожному номером, штампиками зазначалася в них сплата членських внесків. Задля реалізації програмних завдань активісти УНК побудували схрон для друкарні, в якій планували виготовляти летючки, пропагандистську літературу, газету «Робітниче слово». Власне, при передачі чергової партії шрифту стався провал, інспірований КДБ. 19 липня 1961 р. розпочалися арешти. До слідчої в'язниці КДБ у Львові на вул. Миру, 1 потрапили двадцять провідних членів УНК. Слідство провадили 13 працівників КДБ з шести областей. Допитали майже 150 свідків. 18–26 січня 1961 р. у тісній кімнатці тієї ж слідчої тюрми відбувся «відкритий» судовий процес, на який ніхто з родичів чи друзів не зміг потрапити. Активістів УНК Б. Грицину, І. Коваля, Р. Гурного та В. Гнота засудили до страти. Двом останнім через три місяці перебування в камері смертників Верховний Суд УРСР замінив кару смерті на 15 років ув'язнення. Григорій Зельман, Мирослав Йовчик, Павло Климчак, Гнат Кузик, Микола Мелех, Василь Сорока отримали такий самий термін. Василь Кіндрат, Олексій Зельман, Микола Курило, Степан Покора, Олекса Теглівець і Микола Мельничук були засуджені на 12 років таборів суворого режиму, Микола Машталер, Омелян Хом'якевич та Олекса Менько – на 10 і Антон Каспришин – на 5. Так закінчилася спроба молодих львівських робітників створити всеукраїнську організацію для поширення визвольних ідей на схід України та вибороти її незалежність[2].

Українська робітничо-селянська спілка (УРСС) спробувала створити альтернативну політичну організацію в надрах КПРС. За спробу взялися високоосвічені люди: з семи притягнутих до відповідальності п'ятеро мали вищу освіту, четверо були комуністами. На перший план Спілка висувала боротьбу за демократизацію суспільства, а згодом – за вихід України з СРСР і створення незалежної держави конституційним шляхом через референдум. Ініціатором УРСС був випускник юридичного факультету Московського університету, син селянина з Чернігівщини Левко Лук'яненко. Задля реалізації наміру боротися за самостійність України він, як член КПРС з армійських часів, звернувся до Львівського обкому КПУ за призначенням на роботу і з вересня 1958 р. став працівником Радехівського райкому. Водночас зайнявся згуртуванням однодумців та підготовкою проекту програми партії. Навесні 1959 р. він погодив проект

[1] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 16. – Спр. 85. – Арк. 248.

[2] Аудіоінтерв'ю автора з Романом Гурним 27.01.1996 р.; Українське слово. – 1992. – 19 березня; Русначенко А. М. Національно-визвольний рух в Україні: середина 1950-х – початок 1990-х років. – Київ, 1998. – С. 72–84.

з колегою по праці Степаном Віруном і надрукував документ на машинці. З текстом ознайомив також члена УРСС, завідуючого клубом с. Павлів Василя Луцьківа. Задля розширення географії підпілля Лук'яненко в травні 1959 р. перевівся у Глинянський райком КПУ, а з січня 1960 р. – у Львівську колегію адвокатів. У Глинянах залучив до організації адвоката Івана Кандибу, у Львові – інженера обласного управління сільського господарства Олександра Лібовича, згодом до них приєдналися сержант Залізничного райвідділу міліції Іван Кіпиш та слідчий прокуратури з Перемишлян Йосип Боровницький.

На зборах у Львові 6 листопада 1960 р. вирішили утворити осередки партії на підприємствах, в установах, у районах та областях, зокрема східних, і обговорили проект програми. Кандиба різко виступив проти марксистсько-ленінського теоретичного підґрунтя організації. Лук'яненкові доручили проект програми доопрацювати. Повторний її розгляд призначили на 22 січня 1961 р. А 20 січня розпочалися арешти. Під час слідства до обвинувачених підсаджували агентів, які, видаючи себе за націоналістів, провокували потрібні КДБ розмови або розповідали про тортури в разі відмови від зізнань і каяття. Чотири дні тривав закритий суд у так званому «червоному кутку» слідчої в'язниці КДБ на вул. Миру, 1. Відтак, 20 травня, «врахувавши всі пом'якшувальні обставини», Л. Лук'яненка засудили до розстрілу, І. Кандибу позбавили волі на 15 років, С. Віруна – на 11, В. Луцьківа, О. Лібовича, І. Кіпиша та Й. Боровницького – на 10 років. Усіх – з конфіскацією майна. 73 доби очікував страти Л. Лук'яненко в камері смертників. Врешті, Верховний Суд замінив йому кару смерті на п'ятнадцятилітнє ув'язнення[3]. Отже, прагнення усамостійнення України в межах конституційного поля, мирними засобами, зі збереженням соціалістичного ладу й будівництвом комунізму на оновленій демократичній основі каралося компартійним режимом так само жорстоко, як і антиімперські виступи зі зброєю в руках.

У жовтні 1964 р. виходом першого числа машинописного журналу «Воля і Батьківщина» було започатковано таємну діяльність **Українського національного фронту** (УНФ). Замислив його випускник історичного факультету Львівського університету Дмитро Квецко ще 1956 р. під час служби в армії, під впливом антикомуністичних повстань у Польщі та Угорщині й закритої доповіді М. Хрущова на ХХ з'їзді КПРС. На час закінчення вузу (1963) він підготував проекти програми й статуту організації, придумав їй назву, написав низку статей для майбутнього журналу. Того ж року поділився задумом зі своїм земляком з Долинщини, мешканцем Моршина, колишнім нелегалом ОУН у Львові (1948–1949), політв'язнем (1949–1953), бібліографом Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника, випускником філфаку ЛДУ (1962) Зіновієм Красівським. Останній дав згоду на участь у підпіллі, погодився редагувати й друкувати журнал.

Увійшов до організації й швагер Красівського, колишній вояк УПА, політв'язень (1947–1955), учасник Норильського повстання (1953), випускник філфаку ЛДУ (1962) Мирослав Мелень з Моршина. Він спочатку виконував роль зв'язкового, а потім створив одну з груп УНФ, яка діяла переважно за межами обласного центру. З львів'ян до неї входили вчитель Євген Дацюк, директор взуттєвого магазину Тадей Ільницький та редактор музичних передач Львівської телестудії Олександр Геринович[4]. Іншу

[3] Див.: Зайцев Ю. Антирежимний рух (1956–1991) // Львів. Історичні нариси. – Львів, 1996. – С. 557–560; ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 24. – Спр. 5323. – Арк. 7–8.

[4] Архів Управління Служби безпеки України у Львівській області (далі – Архів УСБУ ЛО). – Спр. П-25986. – Т. 4. – Арк. 204–207; Аудіоінтерв'ю автора з Мирославом Меленем 10.02.1997 р.

групу УНФ очолив учасник Норильського повстання 1953 р., інженер-економіст Львівського заводу низьковольтних електроламп Іван Губка. До неї увійшли старший товарознавець Львівської бази «Укоопторгу» Дмитро Барандій, лікар клінічної лікарні «Охматдит» Семен Корольчук, колишній керівник львівської молодіжної націоналістичної організації «Кров України», співв'язень Івана Губки в норильських концтаборах, завідувач магазину одягу Богдан Криса, головний архітектор Львівської міжобласної спеціалізованої реставраційно-виробничої майстерні, член КПРС Іван Могитич, завідувач бази «Головполіграфпостачзбуту» Василь Віхоть, начальник зміни Львівського арматурного заводу Володимир Гурський, технолог заводу низьковольтних електроламп Мефодій Волошин, художник Остап Білик, вчитель з с. Петричі Буського району Євстахій Пастух та ін. Майже кожен з учасників групи підтримував контакт ще з кількома особами, імена яких, за умовами конспірації, Іван Губка не знав. Наприклад, у Василя Віхотя такими були технічний редактор журналу «Жовтень» Євген Бобко та науковий співробітник Українського НДІ поліграфічної промисловості Євген Гвоздюк. Найактивнішим поширювачем журналу «Воля і Батьківщина» був Іван Могитич, який, за специфікою праці, часто виїздив до різних областей України і мав там довірених осіб.

Контакт з проводом УНФ Губка підтримував спершу через Красівського, а згодом – через М. Меленя, Степана Вардинця та Григорія Прокоповича.

Група Губки займалася передруком та розповсюдженням журналу «Воля і Батьківщина» (1964–1966), підпільних видань ОУН та УПА, матеріалів українського самвидаву, збором коштів для видання журналу, готувала базу для його поліграфічного тиражування. Іван Губка підтримував зв'язок з Василем Яременком з Києва, Михайлом Горинем, отримував від них та інших осіб непідцензурні вірші, статті, заяви, окремі з них передавав Красівському для публікації[5].

Лідери УНФ усвідомлювали не лише вірогідність, а й практичну неминучість провалу. Тим паче, що організація за два роки вже налічувала понад 150 осіб. Журнал «Воля і Батьківщина», література ОУН та УПА, самвидав поширювалися в багатьох областях України. У березні 1967 р. чільні члени УНФ були заарештовані. Івана Губку 20 квітня на час кадебістської операції відрядили до Москви, а 27-го затримали у львівському аеропорту. 3 квітня перший секретар ЦК КПУ П. Шелест повідомив політбюро ЦК КПРС про арешти активістів УНФ. Спершу Львівський облсуд 6–7 липня 1967 р. розглянув справу Г. Прокоповича. Вирок – 6 років таборів суворого режиму й 5 – заслання. Наступним 31 липня – 1 серпня судили Івана Губку. Вирок аналогічний. 26 серпня такий самий термін отримав Мирослав Мелень. Основну групу виїзне засідання Верховного Суду УРСР в Івано-Франківську засудило в листопаді. Д. Квецка позбавили волі на 20 років (5 – у тюрмі, 10 – в таборах і 5 – на засланні), З. Красівського і Михайла Дяка – на 17, Ярослава Лесіва і Василя Кулинича – на 6, усіх – з конфіскацією майна. 27 січня 1971 р. заарештували Є. Пастуха. Звинуватили в поширенні неправдивих вигадок про радянський лад. А 21 квітня, підкинувши книжечку Івана Крип'якевича «Михайло Грушевський: життя і діяльність» 1935 р. видання, заарештували С. Корольчука. Його брат книжечку встиг переховати. Психіатрична експертиза в Москві визнала його осудним, Львівський облсуд 7 вересня 1971 р. виніс

[5] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-27490. – Т. 1. – Арк. 90–215; Аудіоінтерв'ю автора з Іваном Губкою 18.08.1996 р. та 9.04.2006 р.; Губка І. У царстві сваволі. Спогади. Част. 1. – Львів, 2001. – С. 349–426.

вирок – 4 роки концтаборів. Пастуха ж 29 липня відпустили до суду на підписку про невиїзд і згаданим вироком засудили на 6 місяців позбавлення волі, тобто на відбутий під слідством термін[6].

На початку 1990-х рр. усі репресовані учасники УНФ були реабілітовані. 1995 р. Львівська обласна організація Конгресу українських націоналістів відновила видання журналу «Воля і Батьківщина» за редакцією Івана Губки.

Шестидесятництво

Функціонери ЦК КПУ не помилялися, вбачаючи у пробудженні національно-духовного життя в Україні під час хрущовської відлиги загрозу тодішньому ладові. Особливо непокоїла владу молода ґенерація інтеліґентів, яка бурхливо заявила про себе на початку 1960-х років. Вона була позбавлена комплексу невільництва і розкуто мислила не лише про минуле і сучасне, а й про майбутнє України. Речниками нової хвилі руйнівників заплїснявілих догматів стали молоді письменники, художники, науковці, літературні критики, митці, за часом свого становлення та діяльності названі шістдесятниками. На Львівщині такими були Ігор та Ірина Калинці, Богдан і Михайло Горині, Іван Гель, В'ячеслав Чорновіл, Михайло Масютко, Михайло Осадчий, Стефанія Шабатура, Григорій Чубай, Роман Іваничук, Ростислав Братунь, Микола Ільницький, Михайло Косів, Володимир Івасюк.

Кара за вільнодумство була жорстокою. За літературні та мистецькі твори, які не вкладалися в регламентовані КПРС ідеологічні чи естетичні рамки, «критики» в судових мантіях запроторювали нестандартно мислячих інтеліґентів у в'язниці й концтабори. Репресували навіть за читання так званої забороненої літератури. Передрук тієї чи іншої статті вважали її розмноженням, а повернення авторові – поширенням. І все ж в Україні було чимало людей, не згідних з догматами панівних світоглядних схем, порушеннями прав людини, обмеженнями слова і друку, забороною вільної думки. Їх почали називати дисидентами, тобто незгодними, хоча поняття це, поширене московськими правозахисниками, неадекватно відображало українські реалії, звужувало сферу опозиційної боротьби до словесної конфронтації. Адже всі інакомислячі й інакодіючі були фактично мозаїчними фрагментами загального вітража під назвою національно-визвольний рух. «Усі ми працювали на ідею України», – твердив В. Чорновіл.

І зазнавали за це переслідувань. Так, 14 травня 1965 р. бюро Львівського обкому партії влаштувало судилище над популярним в Україні журналом «Жовтень» (тепер – «Дзвін»). Ініціював його секретар обкому В. Маланчук. Йшлося про те, що, ставши 1963 р. головним редактором часопису, поет Ростислав Братунь змінив його обличчя, зокрема, друкував твори Б.-І. Антонича, інших проскрибованих письменників, наприклад, роман в'язня сталінських концтаборів Володимира Гжицького «День і ніч», картини модерних художників, розвідки об'єктивних істориків, що, зрозуміло, «суперечило настановам КПРС і ленінським принципам партійності літератури». На вимогу Маланчука бюро звернулося в ЦК КПУ з проханням звільнити Р. Братуня з

[6] ЦДАГОУ. – Ф.1. – Оп. 26. – Спр. 6313. – Арк. 30–32; Архів Управління Служби безпеки України в Івано-Франківській області (далі – Архів УСБУ ІФО). – Спр. П-7536. – Т. 15. – Арк. 243–259; Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-21659. – Т. 4. – Арк. 365–371; Український Національний Фронт: Дослідження, документи, матеріали / Упоряд. М. В. Дубас, Ю. Д. Зайцев. – Львів, 2000. – С. 499–503.

посади редактора, що й було зроблено постановою ЦК КПУ від 6 травня 1966 р. «Про істотні недоліки в роботі журналу «Жовтень»[7]. А за виступ на похороні композитора Володимира Івасюка 22 травня 1979 р. Братуня увільнили ще й від обов'язків голови Львівської обласної організації Спілки письменників України.

Позацензурна творчість

Феномен самвидаву як суспільно-політичного явища утвердився в українському русі Опору з початком 1960-х років. Найвагомішою спонукою появи самвидаву була цензура, яка в умовах тоталітарного комуністичного режиму набула потворних форм заборони будь-якого, особливо політичного, інакомислення, забезпечуючи монополію партфункціонерів на істину в останній інстанції.

Спершу самвидав був суто літературним явищем – поширювалися неопубліковані твори Ліни Костенко, Василя Симоненка, Миколи Воробйова, Василя Голобородька, Миколи Холодного, Івана Драча, Миколи Вінграновського, Ігоря Калинця, Михайла Осадчого, Михайла Масютка, Тараса Чубая, Атени Пашко, Ірини Калинець. Згодом він набув все більш публіцистичного, політичного характеру. Яскравими його взірцями стали твори Івана Дзюби, Євгена Сверстюка, Івана Світличного, Валентина Мороза, Василя Яременка, Євгена Пронюка, Василя Лісового. Їх передруком і поширенням займалися Богдан та Михайло Горині, Іван Гель, Ірина та Ігор Калинці, Людмила Шереметьєва (Дашкевич) та її чоловік, колишній політв'язень (1949–1956 рр.) Ярослав Дашкевич, Ярослав Кендзьор, Ганна Садовська, Василь Кобилюх.

З львівських авторів політичного самвидаву слід виокремити **Михайла Масютка.** Свої статті він передавав для розповсюдження братам Б. і М. Гориням, сестрам Марії та Любі Грималюк, викладачеві університету Любомирі Попадюк, студентці політехніки Людмилі Стогноті. Поширювалися вони всією Україною. Найвідомішими з них були «Сучасний імперіалізм», «Класова та національна боротьба на сучасному етапі розвитку людства», «Література і псевдолітература на Україні», «Відповідь матері Василя Симоненка – Щербань Г. Ф.». Масютко характеризував СРСР як російську комуністичну імперію, показав демагогічну облудність компартійних «народолюбних» гасел, закликав українців «виростити в своїх душах Україну», готувати себе до незалежного життя, створити «єдиний фронт зневаги» до спільного поневолювача. 1965 р. він виїхав з дружиною до Феодосії, де 4 вересня був заарештований і допроваджений назад до Львова для слідства і суду[8].

Самвидавом оприлюднювалися також практично всі збірки Ігоря Калинця, згодом передруковані за кордоном. Їх виготовляв, художньо оздоблював, ілюстрував та поширював інженер-технолог заводу «Кінескоп», фотоаматор Ярослав Лемик. У цих книгах було використано графіку Ярослави Музики, Богдана Сороки, Романа Петрука. Аналогічно видавав Я. Лемик і поетичні збірки Ірини Стасів (Калинець). 1965 р. Ігор Калинець підготував і поширив самвидавом статтю «Радянізація» Павла Тичини», написану ним за мюнхенськими публікаціями Івана Кошелівця. Між іншим, Я. Лемик виготовив фотоспособом у десяти примірниках і багатосторінкову працю І. Дзюби «Інтернаціоналізм чи русифікація?»

[7] ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 9. – Спр. 55. – Арк. 206–207; Ільницький М. Драма без катарсису. Кн. 2. – Львів, 2003. – С. 68–76.

[8] Докладніше див.: Зайцев Ю. «Михайле! Ви молодець!» // За вільну Україну. – 1998. – 5 грудня.

Найактивнішим автором українського самвидаву був В'ячеслав Чорновіл. Досить згадати його книжки «Правосуддя чи рецедиви терору?» (1966), «Лихо з розуму (Портрети двадцяти «злочинців»)» (1967), статтю «Як і що обстоює Богдан Стенчук (66 запитань і зауваг «інтернаціоналістові»)» (1969), заяву щодо захисту стрілецьких могил (1971) і унікальний проект – позацензурний журнал «Український вісник» (1970–1972).

Ґрунтовними самвидавними творами були книги Михайла Осадчого «Більмо» (1968) та Івана Геля «Грані культури» (1976), згодом опубліковані за кордоном. Особливістю книги І. Геля було те, що автор написав її протягом двох місяців після стоденного голодування в камері-одиночці мордовського концтабору. Він один з перших у підрадянській «післяупівській» публіцистиці чітко назвав комуністичну систему тоталітарним режимом, Україну – колонією, а її народ – поневоленим, СРСР – новітньою імперією.

Поет Григорій Чубай успішно поширював через самвидав своїх вірші, зокрема, поему «Вертеп» (1968), опубліковану 1970 р. у власній машинописній збірці «П'ятикнижжя», 1971 р. в чорноволівському «Українському віснику», а 1972 р. – в черговому збірнику українського самвидаву під титулом «Широке море України» («Смолоскип», Париж, 1972). Колишній студент ЛДУ, робітник сцени театру ім. М. Заньковецької Григорій Чубай, переслідуваний допитами КДБ у травні–червні 1970 р. за поему «Вертеп», замислив і реалізував видання неполітизованого й нецензурованого літературного альманаху **«Скриня».** До журналу ввійшли поема Чубая «Марія», вірші Олега Лишеги, Віктора Морозова, Романа Кіся, Василя Гайдучка, оповідання Миколи Рябчука та ін. Альманах потрапив до КДБ. Під час січневих арештів 1972 р. затримали й Чубая. Свій примірник альманаху він надійно заховав, обшуком його не виявили, що 2000 р. дало можливість видавцеві Василеві Габору і Львівській науковій бібліотеці ім. В. Стефаника НАН України його перевидати. Після чотирьох днів арешту Чубая, змученого, пригніченого, виснаженого, відпустили. Він помер у 33 роки. Майже всіх авторів альманаху виключили з вузів[9].

Львівський університет став місцем народження підпільного журналу «Поступ». Ініціатором його заснування був керівник студентської підпільної організації «Український національно-визвольний фронт» Зорян Попадюк. Він був стурбований погромними арештами січня 1972 р., припиненням виходу «Українського вісника», що призвело б до спаду визвольного руху. Про підготовку часопису Попадюк домовився з однокурсником-філологом Григорієм Хвостенком з Сумщини, взявся підготувати кілька теоретичних статей. Врешті, на початку грудня «Поступ» № 1 за листопад–грудень 1972 р. побачив світ. Відкривався віршем І. Франка «Каменярі». Наступною була програмна стаття М. Сьогоденя (Г. Хвостенка) «Наші завдання» з аналізом гегемонізму СРСР, імперських амбіцій Росії, реакційності політики «зближення націй», критикою марксизму, впевненістю в падінні «тюрми народів». Низку статей і матеріалів опублікував З. Попадюк. Окремий підрозділ становила «Хроніка репресій» про арешти й суди 1972 р. у Львові та Києві. Подальший вихід журналу припинили арешти його видавців наприкінці березня 1973 р.[10]

---

[9] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 2. – Арк. 43–76, 122–139; «Скриня» (1971): літературно-мистецький, самвидавний журнал (перевидання). – Львів, 2000. – 48 с.

[10] Аудіоінтерв'ю автора з Зоряном Попадюком 27.03.1996 р.; Русначенко А. М. Національно-визвольний рух в Україні. – С. 199–203.

Осередком духовного, а значною мірою й політичного становлення молодої генерації львівської інтеліґенції став **Клуб творчої молоді «Пролісок»,** який виник у грудні 1962 р. за прикладом київського КТМ «Сучасник». У травні 1962 р. до Львова завітали популярні в молодіжному середовищі поети Іван Драч та Микола Вінграновський, критик Іван Дзюба, які тріумфально виступили у Львівському університеті. Подібні інтелектуальні зустрічі відбулися також у Будинку вчених, Будинку архітектора, в майстернях художників, приватних помешканнях. Наслідком їх приїзду стало не лише те, що вони всі троє одружилися на львів'янках, а й піднесення духовного ентузіазму творчої молоді міста, що власне й реалізувалося згодом у створенні згаданого клубу. Ця подія співпала з приїздом до Львова президента КТМ «Сучасник» Леся Танюка та лідера мистецької секції клубу Алли Горської. Вони, як режисер і художник, з грудня 1962 р. до квітня 1963 р. займалися постановкою в театрі ім. М. Заньковецької п'єси М. Куліша «Отак загинув Гуска». Однак місцевій партноменклатурі театральне новаторство і клубний досвід київських гостей не сподобалися і вона за кілька днів до прем'єри домоглася відкликання митців до Києва.

Ідея створення КТМ втрапила на благодатний ґрунт ще й тому, що у Львові подібну роль відігравав Кабінет молодого автора при місцевій організації СПУ, яким опікувався Ростислав Братунь. Головою ради молодих літераторів був Володимир Лучук. На майдані біля оперного театру щонеділі відбувалися їх творчі звіти і тому назвали його «Площею молодого літератора», а коли в них почали брати участь молоді художники, музиканти, актори – перейменували у «Площу молодого митця». Тут виступали Ігор Калинець, Василь Симоненко, Богдан Горинь, Микола Ільницький, Олександр Зелінський, Дмитро Павличко, Роман Іваничук та інші.

Створення КТМ відбувалося, як тоді належало, під патронатом обкому комсомолу. Опікувався цим молодий письменник, працівник обкому Володимир Квітневий. Там зібралися близько 30 активістів Кабінету молодого митця, які конституювали новопостале товариство та обрали президію в складі аспіранта ЛДУ Михайла Косіва (президент), мистецтвознавця Богдана Гориня (заступник), Володимира Квітневого (секретар-організатор), Юрія Брилинського, Олександра Зелінського, Миколи Ільницького, Марії Крушельницької, Володимира Лучука, Марії Процев'ят. Утворено було й секції – літературну, музично-театральну та образотворчого мистецтва. Одним з перших вечорів, який відбувся у лютому 1963 р. в Будинку актора, вшанували Лесю Українку. На ньому ж вирішили назвати клуб символом весняного пробудження – «Пролісок». Наступні засідання присвячували творчості Тараса Шевченка, Івана Франка, Олександра Довженка, Богдана-Ігоря Антонича, українським перекладам Володимира Маяковського, пам'яті Василя Симоненка, художній гімнастиці та естрадній музиці. У їх проведенні брали участь актори Богдан Ступка, Наталя Лотоцька, Володимир Глухий, Наталя Міносян, художники Стефанія Шабатура, Софія Караффа-Корбут, Любомир Медвідь, Іван Крислач, Еммануїл Мисько, музиканти та співаки Ігор Хома, Мирослав Скорик, Ярослав Матюха, Семен Шкурган, диригенти Іван Юзюк, Іван Гамкало, Ігор Лацанич, викладач ЛДУ Михайло Осадчий, психолог Михайло Горинь, робітник Іван Гель, поет Богдан Стельмах, фізик Роман Крип'якевич, науковець Іван Процев'ят. Наприклад, сценарій засідання клубу на честь Б.-І. Антонича підготували Ігор та Ірина Калинці, слово про поета виголосили літературознавець Богдан Завадка, Ігор Калинець та вчитель Василь Хомик, спогадами поділилася Ірина Вільде, поезії Антонича читали актори Юрій Брилинський та Богдан Козак, музичний супровід ви-

конали Марія Крушельницька та Зіновій Булик. Після зібрання члени клубу розшукали на Янівському цвинтарі та впорядкували «безіменну» до того могилу Антонича.

Секретар обкому КПУ В. Маланчук у неприязній розмові з В. Квітневим назвав КТМ «клубом націоналістів», у якому, мовляв, зростає майбутній уряд незалежної України на чолі з президентом. Арешти окремих членів клубу в серпні 1965 р. припинили його діяльність. Відродити КТМ у Львові та започаткувати проведення семінарів творчої молоді вдалося лише на початку 70-х років [11].

Вільнодумство під арештом

У лібералізації режиму й пробудженні національної самосвідомості правляча партійна еліта побачила реальну загрозу своєму існуванню. Відтак з 24 серпня до 4 вересня 1965 р. Україною прокотилася **перша хвиля новітніх політичних арештів.** У Києві, Львові, Одесі, Івано-Франківську, Тернополі, Луцьку, Феодосії було затримано два з половиною десятки осіб, найбільше – у Львові. До слідчої в'язниці КДБ на вул. Миру, 1 потрапили бухгалтер Будинку вчителя Степан Батурин, Іван Гель, Богдан Горинь, Михайло Горинь, Мирослава Зваричевська, завідувач кабінету франкознавства держуніверситету Михайло Косів, Михайло Масютко, конструктор-модельєр Ярослава Менкуш, Михайло Осадчий, інженер філії Київського інституту «Укооппроект» Ганна Садовська. Декого з них після п'ятимісячного слідства відпустили (Косіва – через хворобу, Садовську та Батурина – за браком доказів і обіцянку лояльності до режиму).

Першою 21–23 березня 1966 р. на закритому засіданні облсуд розглянув справу Михайла Масютка. Три поспіль проведені філологічні експертизи так і не змогли переконливо довести авторство інкримінованих йому самвидавних статей, але це не завадило судові позбавити його волі на 3 роки у в'язниці та 3 – в концтаборі. Івана Геля та Ярославу Менкуш звинуватили у проведенні «антирадянської агітації шляхом розмноження й розповсюдження антирадянських документів». Звідси присуд: Гелеві – 3 роки таборів суворого режиму, Менкуш – 2,5. Верховний Суд УРСР зменшив їй термін ув'язнення до одного року. Після повернення з Мордовії на праці її не поновили, зі Львова виселили.

13–18 квітня 1966 р. відбувався закритий процес Львівського облсуду в справі Михайла Гориня, Богдана Гориня, Михайла Осадчого та Мирослави Зваричевської. Він викликав в Україні численні протести. 15 квітня до Львова приїхали з Києва Іван Драч, Ліна Костенко, Микола Холодний та В'ячеслав Чорновіл, а наступного дня – Іван Дзюба. Вони разом з Ігорем Кудіним, Іриною та Ігорем Калинцями, родичами, друзями підсудних пікетували приміщення суду, скандували «Ганьба!» суду і «Слава» підсудним, кидали їм до ніг квіти. Чорновіл відмовився свідчити на закритому процесі, за що згодом був засуджений на три місяці примусових робіт. Костенко та Драч на зустрічі в редакції журналу «Жовтень» запропонували письменникам та іншим митцям виступити на захист обвинувачених. Лист про взяття на поруки Богдана Гориня підписали голова Львівської організації Спілки письменників України Ірина Вільде, голова Львівської організації Спілки художників України Еммануїл Мисько, письменники Роман Іваничук, Володимир Лучук, Роман Лубківський, Яків Стецюк,

[11] Зайцев Ю. Ті, що не мовчали // Львівщина: історико-культурні та краєзнавчі нариси / Упоряд. Ю. Бірюльов. – Львів, 1998. – С. 339–341; У вирі шістдесятницького руху: Погляд з відстані часу / Упоряд. В. Квітневий. – Львів, 2003. – С. 56–76, 78–94.

Володимир Гжицький, науковець з Інституту суспільних наук Степан Трофимук. Але запрограмований суд не зважив ні на протести, ні на клопотання. Судова колегія визначила покарання: М. Гориню – 6 років таборів суворого режиму, Б. Гориню – 3, М. Осадчому – 2. Через те, що комуністів судити було заборонено, Осадчого ще 18.10.1965 р. бюро Львівського міськкому КПУ виключило з членів КПРС «за буржуазно-націоналістичну антирадянську діяльність». Бюро обкому 6.12.1965 р. затвердило цю постанову. М. Зваричевську засудили на 8 місяців позбавлення волі, тобто на відбутий під слідством термін [12]. Майже всі підписанти листа щодо Б. Гориня отримали суворі партійні догани з занесенням в облікові картки.

Арештами й судами 1965–1966 рр. переслідування опозиційно налаштованих осіб не завершилося. В оперативну «розробку» КДБ було передано багато матеріалів на тих, хто й далі вів складну й небезпечну боротьбу з режимом усіма доступними засобами або був зафіксований у сприянні засудженим, але для притягнення їх до відповідальності компромату не вистачило. Так, лише за справою братів Горинів, Осадчого й Зваричевської в оперативний відділ Львівського УКДБ було скеровано матеріали на 14 осіб. До кандидатів на чергові арешти й суди потрапили: Ольга Горинь, Василь Кобилюх, Любов Максимів, Роман Лещух, Ярослав Кендзьор, Степан Мороз, Ігор Калинець, Ірина Калинець, Іван Остафійчук, Марія Влязло, Євген Наконечний, Іван Гречко, Богдан Шевчук, Теодозій Старак [13]. Методи, яким видобувався компромат, залишилися традиційними: стеження, підслуховування, провокації, обшуки. Наприклад, 8 січня 1969 р. в Я. Кендзьора знайшли й вилучили роман «Чорна рада» П. Куліша та відкритий лист до редакції «Літературної України». 29 квітня 1970 р. у Валентина Мороза обшуком відібрали роман Р. Іваничука «Мальви», дитячу книжечку Ірини Калинець, а ще вірші В. Симоненка, Л. Костенко, М. Вінграновського, І. Драча.

1967 р. обком КПУ заборонив прийняття Ігоря Калинця до Спілки письменників. В 1969–1972 рр. КДБ організував низку компрометаційних рецензій на його твори та «громадський осуд» їх публікації за кордоном. 17 вересня 1971 р. обком КПУ влаштував судилище над поетом на засіданні правління Львівської організації СПУ. 14 грудня 1971 р. Львівська облпрокуратура в письмовій формі попередила Ірину Калинець про недопустимість поширення «неправдивих, наклепницьких вигадок, що порочать радянський державний та суспільний лад», а 28 грудня КДБ за санкцією прокурора УРСР наклав арешт на поштово-телеграфну кореспонденцію, яка надходитиме на її ім'я чи надсилатиметься нею. Начальникові Львівського головпоштамту доручили цю кореспонденцію затримувати та передавати слідчому КДБ для її огляду та вилучення. Того ж дня ідентичні постанови було підписано щодо кореспонденції Ігоря Калинця, В'ячеслава Чорновола та Стефанії Гнатенко (Гулик) [14].

Посилилися **гоніння на мистецькі колективи.** На пленумі ЦК КПУ в листопаді 1968 р. пролунала критика на адресу Львівського обкому партії за недостатній контроль при постановці вистави Ірини Вільде і Богдана Антківа «Сестри Річинські» в театрі ім. М. Заньковецької, під час якої нібито виконувався «націоналістичний гімн». У доповідній записці П. Шелестові 27 грудня 1968 р. перший секретар ОК КПУ В. Куцевол

[12] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 3. – Арк. – 337–343; ДАЛО. – Ф. П-3. – Оп. 9. – Спр. 46. – Арк. 133.

[13] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19917. – Т. 1. – Арк. 123–124.

[14] Див.: Українська поезія під судом КГБ: Кримінальні справи Ірини та Ігоря Калинців /Упоряд. Ю. Д. Зайцев. – Львів, 2003. – С. 47–49, 71–86, 93–94, 97–108.

спершу зазначив: «Ваша настанова щодо посилення політичної пильності та своєчасного реагування на будь-які прояви ворожої ідеології нами сприйнята до неухильного керівництва». Водночас пояснив, що музичне оформлення вистави здійснив член КПРС, зав. кафедри консерваторії Ізраїль Вимер. Виконувався не націоналістичний гімн, а українська народна обрядова пісня «Многая літа» протягом 16 секунд. Але, «враховуючи специфіку ідеологічної роботи серед населення нашої області і те, що мотив цієї пісні міг викликати певну асоціацію і небажану реакцію у деякої частини глядачів старшого віку, на пропозицію відділу пропаганди і агітації обкому партії зразу після вистави 20 жовтня ц. р. згадані слова і музика були замінені українською народною піснею «Де згода в сімействі» [15].

Восени 1971 р. ЦК КПУ був заклопотаний діяльністю вокально-інструментального ансамблю **«Ватра»,** створеного 4 лютого того ж року при Львівській філармонії. Він успішно гастролював у центральних, східних і південних областях України. Але, як зазначалося в повідомленні голови КДБ В. Федорчука в ЦК КПУ від 19.08.1971 р., з боку керівника ансамблю Михайла Мануляка мали місце політично незрілі висловлювання. ОК КПУ запропонував директорові філармонії оновити репертуар ансамблю «за рахунок кращих творів радянських композиторів, нових пісень на сучасну тематику, гострих сатиричних та гумористичних творів», а Мануляка – звільнити. Про це секретар ЦК КПУ Ф. Овчаренко 3.11.1971 р. доповів П. Шелестові, з чим той погодився [16]. Однак, з таким рішенням не погодилася громадськість Львова. Ігор Калинець на початку грудня 1971 р. ініціював листовне звернення до Львівського обкому КПУ, Міністерства культури та редакції газети «Літературна Україна» на захист керівника ансамблю. Лист підписали Ігор Калинець, Стефанія Шабатура, Іван Остафійчук, Леся Крип'якевич, Ірина Карпинець, Роман Бучко, Оксана Сенатович, Роман Лещух, Роман Хоркавий, Марія Качмар, Роман Фіголь, Богдан Завадка, Ярослав Лемик та ін., всього 29 осіб [17].

Пильно стежили компартійно-кадебістські наглядачі й за лояльністю **львівських художників,** а за найменшої нагоди навертали тих, хто відхилявся від генеральної лінії, в потрібне русло. Прикладом може бути обговорення нью-йоркської виставки «Сучасна графіка України» на загальних зборах Львівської організації Спілки художників України 22.09.1971 р. Суть справи виклав перший секретар обкому В. Куцевол в інформації ЦК КПУ. Українська молодіжна організація «Перші стежі» в Нью-Йорку організувала з 24 квітня до 2 травня виставку творів 42-х українських радянських графіків, в т. ч. 16-ти львівських. Графічні листи і книжкові знаки були запозичені з приватних збірок місцевих мешканців українського походження. З погляду закордонних інформаторів КДБ, художні твори для виставки були підібрані тенденційно, в афішах зазначалося, що вона дасть змогу «прослідкувати за назріваючими в Україні національними та політичними проблемами», що «в цих творах знайдете усе те, що турбує сучасну Україну, за що вона бореться і про що мріє». Вочевидь, виставка становила реальну загрозу існуючому в СРСР ладові. На згаданих зборах виступили митці, твори

[15] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 25. – Спр. 20. – Арк. 174–175.

[16] Там само. – Спр. 515. – Арк. 10–11; Досье генерала госбезопасности Александра Нездоли. – Белая Церковь, 2003. – С. 108–109; Аудіоінтерв'ю автора з Михайлом Мануляком 30 квітня 2006 р.

[17] Докладніше див.: Українська поезія під судом КГБ… – С. 89–91; Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Пакет № 6.

яких експонувалися: Л. Левицький, С. Гебус-Баранецька, І. Остафійчук, О. Оброца, М. Андрущенко, С. Коробчак. Висловилися також голова секції графіків З. Кецало, С. Грузберг, В. Рафартарович, Е. Мисько. Збори вирішили факт виставки засудити, опублікувати статтю в обласній газеті з політичною оцінкою виставки й гідною відповіддю її організаторам, «зобов'язати всіх художників піднести пильність» [18].

Судові розправи з опозицією публічно відобразили тільки верхній, наочний зріз руху Опору. Маловідомим залишився **позасудовий терор,** який також скалічив долі багатьох людей. Нагадаємо лише окремі факти. Так, Ольгу Горинь затримали 26.08.1965 р. і привезли у слідчий ізолятор УКДБ на вул. Миру, 1. Але за три дні (дозволений термін ізоляції без пред'явлення обвинувачення) відпустили. Однак з праці в Будинку вчителя звільнили. Ярослава Кендзьора 26 квітня 1966 р. виключили з КПРС і вигнали з університету. 6 липня того самого року позбавили посади Ірину Калинець і вже до самого арешту в 1972 р. вона не могла отримати постійної роботи. У серпні 1965 р. затримали Євгена Наконечного і цілий день допитували в УКДБ, згодом викликали ще кілька разів і примусили свідчити на процесі братів Горинів, Осадчого та Зваричевської. Степана Мороза у 29 років забрали на 3 роки в армію. Позбавили права викладати в університеті Теодозія Старака. Йому не давали можливості працевлаштуватися, поки він не виборов посади сільського вчителя. Здібного художника Івана Остафійчука після закінчення Інституту прикладного і декоративного мистецтва залишили викладачем у вузі, але після негативної згадки про нього у листі ЦК КПУ 1966 р. скерували в Донбас. Любомира Грабовця восени 1965 р. виключили з консерваторії, бо керований ним міжвузівський хор виступав на відкритті погруддя Т. Шевченка в селі Шешорах на Гуцульщині. На початку 1966 р. за виступ на письменницьких зборах з приводу серпневих арештів втратив працю в редакції журналу «Жовтень» поет Роман Кудлик, а поет Микола Петренко, колишній в'язень нацистських концтаборів, за згадку імені Романа Кудлика в телепередачі отримав сувору догану й відмову у виданні готової до друку збірки у видавництві «Каменяр». Ярослава Дашкевича 1966 р. звільнили з посади бібліографа Інституту суспільних наук за несанкціоновану публікацію наукових статей в закордонних виданнях [19].

У серпні 1968 р. повернувся до Львова Іван Гель. Однак замешкати в місті та й навіть у родинному селі Кліцко не дозволили, то ж він оселився у сестри в Самборі. Він відразу ж зайнявся найнебезпечнішою справою – випуском самвидаву. Протягом міжтабірного кількаріччя Гель видав або перевидав «Інтернаціоналізм чи русифікація?» І. Дзюби, «Серед снігів» В. Мороза, «Листи з-за грат» М. Гориня, «Невольницькі плачі» З. Красівського, «Крик з могили» М. Холодного, отримані з-за кордону «Вивід прав України» та «Україна і українська політика Москви», сотні примірників статей «Що таке поступ?» І. Франка, «З приводу процесу над Погружальським», «Стан і завдання українського визвольного руху», брошурку А. Сахарова «Размышления о науке, прогрессе и интеллектуальной свободе», більшість випусків московської «Хроники текущих событий», власний виступ на похороні Алли Горської, збірки В. Симоненка, Л. Костенко, І. Калинця, Г. Чубая, В. Кордуна, В. Стуса, М. Вінграновського. Допомагав В. Чорноволові видавати журнал «Український вісник». Цілком справедливо під час наступного слідства кадебісти називали його самвидавським «Іваном Тиктором» (відомий український видавець у Львові 1923–1939 рр.).

[18] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 25. – Спр. 515. – Арк. 6–7.

[19] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19917. – Т. 1. – Арк. 28–31; Українська інтеліґенція під судом КГБ // Сучасність. – 1970. – С. 194–198.

Своєрідним викликом владі з її атеїстичною пропагандою, забороною відзначення релігійних свят, зокрема Різдва Христового, стало відродження з 1968 р. велелюдних походів нонконформістської молоді з **вертепами**, щоправда, лише в новорічні дні, щоб менше наражатися на переслідування. Заводієм цього дійства у Львові була Олена Антонів. На репетиції сходилися до її помешкання – невеликого особнячка на вул. Спокійній, 13. Туди приносили різноманітний одяг, робили маски, там вивчали колядки і щедрівки, переодягалися. Відтак веселою й гамірною юрбою вирушали містом, заходили з вітаннями-співами до знаних людей, наприклад, до Романа Іваничука, Ростислава Братуня, Миколи Петренка, Володимира Лучука, Євгена Лазаренка, Володимири Чайки, Григорія Нудьги, багатьох інших письменників, митців, акторів, архітекторів. У вертепах брали участь подружжя Калинців, Стефанія Шабатура, Михайло й Ольга Горині, Роман та Леся Лещухи, Богдан і Любов Сороки, Марія Гель, Мар'ян Гатала, Ярослав Лемик, який увічнив вертепи в світлинах, Степан Бедрило, Любомир Криса, Раїса Мороз, Марія Антонів, Марія Ковальська, Ярослав Мацелюх, Микола Білоус, Володимир Іванишин, Любомира Попадюк. В останньому перед другою хвилею арештів вертепі новорічними днями з 1971 на 1972 р. брали участь 45 осіб, з-поміж них і Василь Стус, який спеціально приїхав до Львова з Моршина, де тоді лікувався. Даровані кошти учасники вертепів скеровували на допомогу сім'ям заарештованих і ув'язнених, наприклад, 1972 р. – для оплати адвокатів на судових процесах. Січневі арешти 1972 р. й переслідування учасників вертепів перервали цю традицію на тривалий час.

Пересвідчившись, що розрізнені акції протесту проти кримінального переслідування інакомислячих недостатньо ефективні, ігноруються владними й каральними структурами, В. Чорновіл замислив утворити правозахисну організацію. Приводом для реалізації задуму став арешт у Нальчику 6 грудня 1971 р. дружини політв'язня Святослава Караванського, мікробіолога Одеського медінституту й активної учасниці опозиційного руху в Одесі та Львові Ніни Строкатої. Вона відмовилася зректися чоловіка, на суді у Владимирській тюрмі в квітні 1970 р. рішуче виступила на його захист, за що спершу була позбавлена праці, а згодом і заарештована. До звинувачення додали активне поширення самвидаву. Пропозицію Чорновола про утворення **Громадського комітету захисту Ніни Строкатої** підтримала Ірина Калинець. Після консультацій з киянами та одеситами щодо участі в організації окреслилися підписанти установчої заяви: В. Чорновіл, І. Стасів (Калинець), В. Стус з Києва та матрос буксира «Рекорд» з Одеси, приятель Н. Строкатої Леонід Тимчук. Вони відкрито вказали свої прізвища та адреси. Задля використання досвіду російських правозахисників та можливостей інформування вільного світу про новостворену організацію делегували до Москви Стефанію Гулик (Гнатенко). Вона звернулася до групи історика Петра Якіра, сина розстріляного командарма. Петро Якір і Віктор Красін, син колишнього наркома, документ підписали й залишили текст у себе для передачі за кордон. Так 21.12.1971 р. утворилася перша несанкціонована легальна правозахисна організація в Україні, предтеча Української Гельсінської групи[20].

[20] Див.: Зайцев Ю. Громадський комітет захисту Ніни Строкатої // Воля і Батьківщина. – 1997. – № 3. – С. 31–38; Зайцев Ю. «Я прийшла до вас з неволі» // Донька Одеси: Ніна Строката в документах і спогадах / Упоряд. О. Різників, наук. ред. Ю. Зайцев. – Одеса, 2005. – С. 5–7; Гулик-Гнатенко С. Спогади про Ніну і той час // Там само. – С. 288–289.

В установчій заяві комітету констатувалося, що чимраз більша кількість судових переслідувань за переконання має антиконституційний характер та суперечить прийнятим Генеральною асамблеєю ООН і ратифікованим СРСР міжнародним документам – Загальній Декларації прав людини й Пакту про громадянські і політичні права. Але розгорнути діяльність комітет не встиг. В результаті січневих арештів за грати потрапили всі українські засновники комітету.

Погром початку 1970-х

Антирежимна діяльність опозиційних сил в Україні, зокрема значне поширення самвидаву, який дискредитував «найдемократичнішу» в світі країну, викликали роздратування Москви. 28.06.1971 р. ЦК КПРС ухвалив таємну постанову «Про заходи протидії нелегальному розповсюдженню антирадянських та інших шкідливих матеріалів». За місяць, 27.07.1971 р., таку ж постанову з наведенням місцевих фактів ухвалив ЦК КПУ. В ній зазначалося, що найбільше самвидавом цікавиться творча інтелігенція й молодь, він використовується емігрантськими організаціями й спецслужбами капіталістичних країн на шкоду СРСР. З-поміж особливо дошкульних прикладів було названо журнал «Український вісник», книги «Інтернаціоналізм чи русифікація?» І. Дзюби та «Лихо з розуму» В. Чорновола, статті В. Мороза, Є. Сверстюка. Ідеологічним відділам обкомів і ЦК КПУ доручалося запобігати поширенню такої літератури, виявляти її авторів, розповсюджувачів і читачів. КДБ було запропоновано перекрити канали її вивезення за кордон. Невдовзі, 9.08.1971 р., КДБ порушив кримінальну справу № 42 за фактом виготовлення й поширення «Українського вісника».

Скоординовану акцію ізоляції активних діячів опозиції було здійснено 12 січня 1972 р. Поодинокі арешти відбувалися ще протягом двох наступних днів. Об’єктом переслідування стала інтелігенція Києва, Львова та Івано-Франківщини. Зокрема, у Львові до слідчої в’язниці УКДБ потрапили В’ячеслав Чорновіл, Іван Гель, Ірина Калинець, Михайло Осадчий та художниця Стефанія Шабатура. Затримали також колишнього політв’язня, історика Ярослава Дашкевича, ім’я якого входило до списку заборонених для публікування. Його невдовзі випустили, але вилучених книжок не повернули. Обшуки було проведено в багатьох підозрюваних, у тому числі в працівниці музею етнографії Людмили Шереметьєвої, викладача університету Любові Попадюк, поета Григорія Чубая, інженера Атени Волицької (Пашко), Стефанії Гнатенко (Гулик), а згодом – у Богдана Гориня, Ярослава Кендзьора. Зважаючи на «великий обсяг» та «складність» слідчих дій, УКДБ залучив до їх ведення, окрім восьми своїх працівників, ще по одному офіцерові безпеки з Полтавської, Житомирської, Сумської, Дніпропетровської, Харківської та Запорізької областей.

Насамперед Львівський обласний суд розглянув справу Стефанії Шабатури. На карб їй поставили участь у вертепах, малюнок трираменної соснової гілки на новорічних поштівках, ініціал «Ш» на гобеленах, який слідчим також нагадував тризуб, підписи у заявах на захист заарештованих, зокрема В. Мороза, поширення антирадянських творів. У неї конфіскували понад 200 екслібрисів та ескізів. Вироком від 13 липня 1972 р. Шабатура одержала 5 років колонії суворого режиму з засланням на 3 роки[21]. Ірину Калинець звинуватили у «виготовленні, розповсюдженні і зберіганні

[21] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 1. – Арк. 3–4; Там само. – Спр. П-19917. – Т. 4. – Арк. 19; Аудіоінтерв’ю автора з Стефанією Шабатурою 26.01.2002 р.

літератури антирадянського наклепницького змісту», а головне – у написанні «віршів, які проникнуті антирадянською націоналістичною ідеологією, ворожим ставленням до радянської соціалістичної системи, закликом до боротьби за «відродження» України». Винною себе не визнала. За ці «злочини» 2 серпня 1972 р. суд відправив Ірину Калинець на 6 років у табори суворого режиму та на трирічне заслання. Дев'ятирічна донька залишилася під опікою чоловіка. 25 вересня 1972 р. засуджена етапом відбула в Дубровний табір Мордовської АРСР[22].

Своєю активною публіцистичною та видавничою діяльністю після попереднього ув'язнення Іван Гель заробив новий концтабірний термін. 7 серпня суд відміряв Гелю максимальну санкцію за традиційною 62-ю статтею КК УРСР – 10 років таборів суворого режиму та 5 – заслання[23].

З Михайлом Осадчим у Львівського облсуду взагалі не було особливих проблем. Адже він по свіжих слідах свого слідства та тюремного ув'язнення 1965–1967 рр. написав гостровикривальну повість «Більмо», яка розійшлася самвидавом, кількаразово була опублікована за кордоном. Окрім того, антирадянськими було визнано кілька його поетичних збірок. Цього виявилось більш ніж достатньо, щоб 5 вересня 1972 р. оголосити йому вирок – 7 років таборів особливого режиму з засланням на 3 роки та визнати особливо небезпечним рецидивістом[24].

Найбільшого клопоту слідчим завдала справа В'ячеслава Чорновола. Особливо дошкуляв владі самвидавний журнал «Український вісник». Слідчі здогадувалися, що Чорновіл має стосунок до його видання, але довести це не вдавалося, тим більше, що він спеціальною заявою відмовився брати участь у слідстві. Збила з пантелику слідчих і поява чергового шостого випуску «Вісника», датованого березнем 1972 р. Його здійснили Михайло Косів, Ярослав Кендзьор та Атена Волицька (Пашко). Чорновіл зумів попередити друзів, щоб ті не наражалися на небезпеку й припинили видання. Окрім «Вісника», Чорноволові у вироку зарахували ще лист до ЦК КПУ з «виправданням злочинних дій засудженого Мороза», ініціативу щодо створення Громадського комітету захисту Ніни Строкатої, зберігання віршів Ірини Сеник, Ірини Калинець, Михайла Осадчого та Ігоря Калинця, магнітофонний запис пісні про самостійну Україну, інші «антирадянські» листи та статті. Попри відмову Чорновола визнати себе винним, Львівський обласний суд у закритому засіданні покарав його шістьма роками таборів суворого режиму та трьома – заслання[25].

Погромні акції КДБ не обмежилися згаданими арештами й судами. 26 березня 1972 р. черговий раз було заарештовано багатолітнього політв'язня (1948–1968), сина командувача УПА генерала Романа Шухевича – Юрія Шухевича. Йому інкримінували написання незакінченого документа «Роздуми вголос» (про перспективи національно-визвольної боротьби в найближчі десятиліття), зберігання самвидавної збірки віршів Миколи Холодного «Крик з могили» і статті Валентина Мороза «Мойсей і Датан».

[22] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 4. – Арк. 261–268; Там само. – Спр. П-19917. – Т. 4. – Арк. 20; Українська поезія під судом КГБ… – С. 314–326.

[23] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-26251. – Т. 1. – Арк. 16–17; Т. 5. – Арк. 158.

[24] Вирок у справі Михайла Осадчого // Погром в Україні: 1972–1979. – Сучасність. – 1980. – С. 229–233.

[25] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19483. – Т. 1. – Арк. 2; Касьянов Г. Незгодні: українська інтелігенція в русі Опору 1960–1980-х років. – Київ, 1995. – С. 124; «Заньківчанський вечір» 3.10.1991 р. Зустріч з В. Чорноволом // Запис Ю. Зайцева; ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 25. – Спр. 877. – Арк. 53.

9 вересня його засудили на 10 років таборів особливого режиму та 5 років заслання й визнали особливо небезпечним рецидивістом. Перебуваючи в ув'язненні, Шухевич підготував та переправив на волю звернення до Ліги захисту прав людини ООН. Але копію листа знайшли під час обшуку і в день його сорокаріччя, 28 березня 1973 р., засудили на чергових 10 років ув'язнення. З них 5 років тюрми. Покарання відбував у Владимирській та Чистопільській в'язницях. 1981 р. осліп, але з табору його не відпустили. П'ятирічне заслання Шухевич відбував в інвалідному будинку. До Львова повернувся восени 1988 р.[26]

11 серпня 1972 р. було заарештовано Ігоря Калинця. Найвагомішими звинуваченнями в справі виявилися багатосторінкові рецензії літературознавців з ЛДУ. Як речові докази в суді фігурували фотовідбитки та оригінальні примірники публікацій віршів Калинця за кордоном у газетах «Шлях перемоги», «Християнський голос», пряшівському журналі «Дукля», варшавському «Українському календарі», празькому збірнику «Молода українська поезія». Для підсилення хиткої позиції слідства черговий раз було проведено літературознавчу експертизу. На 25 сторінках «Висновку» стверджувалося, що вірші Калинця становлять велику загрозу існуванню радянської влади та монолітності СРСР. Вироком 15 листопада 1972 р. І. Калинця засудили на 6 років таборів суворого режиму та 3 – заслання[27].

Репресії в науці та освіті

Головною метою репресій 1972–1973 рр. була нейтралізація інтелектуальної еліти України, ув'язнення її лідерів, адміністративна розправа з найактивнішими й залякування решти. Тому не випадково удари каральної машини посипались у Львові передовсім на **Інститут суспільних наук АН УРСР** (нині – Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України) та університет. Підставою для прибуття комісії ЦК КПУ в крамольний академічний інститут був донос у «верхи». Перевірка справді виявила там «кубло українських буржуазних націоналістів» і чимало «неблагонадійних». Більшості з них запропонували звільнитися за «власним бажанням». Унаслідок цього восени 1972 р. залишили інститут відомі літературознавці Марія Вальо та Роман Кирчів, мовознавці Лідія Коць-Григорчук та Уляна Єдлінська. Потрапив під скорочення штатів відомий учений Григорій Нудьга – колишній учасник війни з Німеччиною, а згодом політв'язень (1945–1951), автор понад 200 наукових праць, у тому числі 24 монографій, член двох міжнародних товариств, кандидат філологічних наук з 1956 р. Усунули з інституту й відправили на пенсію видатного франкознавця Степана Щурата. Його ще у 1970 р. позбавили посади завідувача відділу української літератури інституту (1975 р. ліквідували й сам відділ). Не порятували від звільнення ні численні наукові праці, ні захист 1971 р. докторської дисертації. Така ж доля спіткала знаного археолога, доктора

---

[26] Аудіоінтерв'ю автора з Юрієм Шухевичем 18.09.2001 р.; Українська Гельсінська група: 1978–1982: Документи і матеріяли. – Торонто; Балтимор, 1983. – С. 959–960; Анкета репресованого Ю. Р. Шухевича, 18.09.2001 р. // Архів Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України (далі – Архів ІУіК НАНУ).

[27] Архів УСБУ ЛО. – Спр. П-19917. – Т. 1. – Арк. 48–49, 75; Т. 3. – Арк. 49–52, 168–193; Т. 4. – Арк. 104–121, 212, 146, 247–248, 295–307; Аудіоінтерв'ю автора з Ігорем Калинцем 12.04.1995 р.; Аудіоінтерв'ю автора з Юрієм Бачею 28.09.1996 р.; Українська поезія під судом КГБ… – С. 357–512.

історичних наук Маркіяна Смішка. Зазнали нагінок науковці Степан Трофимук, Любомир Сеник та інші[28].

Під колесо репресій з політичних мотивів могла потрапити ледь чи не більшість науковців інституту, навіть далеких за дослідницькою проблематикою від бурхливих подій ХХ століття. Так, кандидат історичних наук (з 1961 р.) Ярослав Ісаєвич досліджував середньовічний Дрогобич, історію культури, українських братств, книговидання. До КПРС, хоч «запрошували», не вступав, щоб не копирсалися в родоводі – батько був діячем Української Центральної Ради, членом делегації УНР на Паризькій мирній конференції (1919–1920), другом Дмитра Вітовського, споборником Михайла Грушевського. На початку 1970-х рр. все ж з'явилася пасквільна стаття про Дмитра Ісаєвича в газеті «Будівник комунізму», передрукована у «Вільній Україні» та «Вістях з України», спрямована не стільки на дискредитацію 80-літнього батька, скільки проти талановитого й перспективного сина. Підстав у спецслужб для цього не треба було довго шукати. Я. Ісаєвич стежив за опозиційним рухом в Україні, постійно прослуховував радіопередачі «Свободи» й «Голосу Америки», близько знався з Зіновієм Красівським, який передрукував для нього спогади сестри Остапа Нижанківського й пропонував для читання підпільний часопис «Воля і Батьківщина», був знайомий з Валентином Морозом, від Любомира Сеника одержував заборонені книжки, приятелював з Леонідом Селезненком, від якого отримував практично всі публікації самвидаву, навіть тимчасово мешкав у київській квартирі дисидента. Безпосередньо перед січневими арештами 1972 р. «один знайомий» приніс до помешкання Ісаєвича твори самвидаву, але, відчувши душок кадебістської провокації, взяти їх Ярослав Ісаєвич відмовився. Тоді ж, на початку 70-х, було вилучено з обігу книгу з історії середніх віків за редакцією Федора Шевченка зі статтею Я. Ісаєвича про вплив освітніх братств на козацтво, а авторові статті Президія Академії наук зробила офіційне зауваження[29]. Низку подібних прикладів можна продовжити. Як щодо Я. Ісаєвича, так і щодо багатьох інших співробітників Інституту суспільних наук АН УРСР.

Львівський державний університет імені Івана Франка давно зажив слави горнила опозиціонерів. Тут постійно витав дух політичного неспокою, нонконформізму. Іноді це виливалося в конкретні форми. Так, у листопаді – грудні 1956 р. студенти В. Дудко та В. Пилявко розповсюджували в приміщенні ЛДУ листівки «антирадянського, націоналістичного змісту». Того ж року до університету на філологічний факультет вступили колишні політв'язні Богдан Завадка, Теодозій Старак, Ольга Мацелюх (за чоловіком – Горинь), Галина Сокіл. До них долучився Ігор Калинець, згодом – Ірина Стасів (Калинець). Вони утворили неформальне товариство, займалися самоосвітою, читали Богдана Лепкого, «Націоналізм» Дмитра Донцова, «Літературно-науковий вісник», твори «молодомузівців», Євгена Маланюка, української діаспори. Водночас існували й інші самодіяльні літературно-мистецькі осередки. На тому ж факультеті 1956 р. стихійно утворилася студентська літературна група «Гомороси», названа за початковими літерами прізвищ кількох її учасників: Голомбйовського, (Ігоря) Моторнюка, Романа (Іваничука) та (Миколи) Солтиса. Таємно збиралися на квартирі одного з най-

[28] Архів ІУіК НАНУ. – Оп.1. – Спр. 923. – Арк. 127, 136, 143, 144; Оп. 3 о/с. – Спр. 248. – Арк. 15–116; Спр. 262. – Арк. 64–196; Спогади Марії Вальо 20.12.1993 р.

[29] Дмитро Ісаєвич: повернення в історію // Шаповал Ю. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. – К., 2001. – С. 359–363; Аудіоінтерв'ю автора з Ярославом Ісаєвичем 28.01.2006 р.

старших студентів Антона Доценка, який перейшов крізь німецькі концтабори. Гострі дискусії провадилися там не лише на творчі, а й на політичні теми. Існував на факультеті й офіційний науково-літературний гурток, очолюваний Романом Іваничуком. У ньому задавали тон Михайло Гончар, Богдан Горинь, Михайло Косів, Ігор Калинець. За читання забороненої літератури, зокрема «Мазепи» Б. Лепкого та інших творів, 1958 р. було влаштовано комсомольське судилище й виключено з університету напередодні державних іспитів Михайла Гончара, Лева Воловця та Юліана Ломницького. На тих комсомольських зборах Мирослава Зваричевська вручила Михайлові Гончару букет квітів. Університет зазнав «чистки» й внаслідок арештів 1965–1966 рр. Було звільнено з роботи завідувача методкабінету філологічного факультету Т. Старака, доцента біологічного факультету Паньківа, виключено з КПРС та університету студента-третьокурсника факультету журналістики Я. Кендзьора.

1968 р. Роман Іваничук у журналі «Вітчизна» опублікував роман «Мальви», який викликав підвищену зацікавленість читачів. Вийшов роман також у Канаді – у вінніпезькому видавництві «Тризуб». Проблема яничарського прозріння хвилювала молодь і професор університету Ігор Юхновський організував на фізичному факультеті студентсько-викладацьку конференцію з обговорення роману за участю автора. На той час в обкомі партії вже добре розуміли, що книжка була написана не про Туреччину, а про совєтчину. Наступного дня Юхновського викликали «на килим» в партком, згодом партзбори оголосили йому сувору догану, а ректорат звільнив з роботи [30].

Відслідковувати політичні настрої та погляди студентів і викладачів університету УКДБ вважало своїм пріоритетним завданням. Тому й інформувало київське керівництво про зміцнення своїх агентурних позицій в ЛДУ за рахунок завербованих у 1973–1974 рр. 32 агентів, а згодом збільшило їх загальну кількість у вузі до 87. В університетському погромі першої половини 70-х років чимала заслуга цих «тайняків». Уже 1970 р. завідувача кафедри історії СРСР Юрія Сливку було звинувачено у безпринципності щодо оцінки ідейно-політичних помилок доцента Олександра Карпенка. В результаті Сливка змушений був повернутися в Інститут суспільних наук, а Карпенко – виїхати до Івано-Франківська. Наступного року звільнили завідувача кафедри історії України професора Миколу Кравця. Черговою жертвою у 1972 р. став економіст Степан Злупко. У січні 1972 р. обком партії передав до університету 140-сторінковий трактат семи «дослідників» під назвою «Научно-критический анализ печатных работ С. Н. Злупко». Головний висновок був такий: вчений виправдовує «ворогів соціалізму». 20 січня вчена рада звільнила Злупка з посади доцента, а партзбори виключили його з членів КПРС.

За січневих арештів 1972 р. відбувся третій обшук на квартирі викладача кафедри іноземних мов університету Любомири Попадюк та її сина, студента 2-го курсу філологічного факультету Зоряна Попадюка (1968 р. він створив у Самборі учнівську підпільну групу «Український національно-визвольний фронт»). Те, що цікавило сім «пошуковців», вдалося приховати, але все ж у лютому Зоряна виключили з університету за не дуже чемне поводження під час обшуку з працівниками держбезпеки. А 22 травня того ж року звільнили з посади Л. Попадюк за переховування «антирадянської» літератури.

[30] Данилюк Ю. З., Бажан О. Г. Опозиція України (друга половина 50-х – 80-х рр. ХХ ст.). – Київ, 2000. – С. 395–396; Одержимість: Інтерв'ю Юрія Зайцева з Ігорем Калинцем. – Львів, 2002. – С. 14–15; Іваничук Р. І. Благослови, душе моя, Господа… – Львів, 1993. – С. 83, 129–130; Інтерв'ю з Мирославою Зваричевською 19.08.1996 р.; Культурне життя в Україні. – Т. 2. – С. 687, 698.

На той час в університеті існувало кілька неафішованих груп студентів, які мало контактували між собою. Зокрема, одну з них утворили другокурсники історичного факультету як альтернативний офіційному гурток з вивчення історії України. З осені 1971 до квітня 1972 р. тривала підготовча робота, яку провадив Степан Слука. До складу гуртка увійшли Ігор Кожан, Роман Козовик та Іван Сварник. У вересні 1972 р. гурток поповнили першокурсники, кандидат у члени КПРС Леонід Філонов та Ігор Худий, а також студентка 4 курсу, відмінниця, член факультетського бюро ЛКСМУ і депутат обласної Ради Мар’яна Долинська. Виявив бажання взяти участь у нелегальній роботі й однокурсник фундаторів гуртка Мирон Олексюк (син директора Інституту суспільних наук Мирослава Олексюка), але не встиг долучитися до неї через арешти.

Після жовтня 1972 р. альтернативний історичний гурток поступово почав набирати обрисів нелегальної організації. Його учасники читали та поширювали самвидав, зокрема, праці В. Чорновола, В. Мороза («Серед снігів»), І. Дзюби («Інтернаціоналізм чи русифікація?»), планували з допомогою Філонова розпочати розвал КПРС, але спершу – КПУ, задумали сформулювати засади створення незалежної Української держави. У листопаді вирішили укласти програму діяльності групи й доручили Слуці та Філонову підготувати її. Проект під назвою «Головні завдання сучасного революційного руху на Україні» визначав групу як молодіжну підпільну організацію, яка прагне незалежності УРСР. Реалізувати програму планували через просвітницьку та наукову діяльність, випуск власного друкованого органу, підривну роботу у владних структурах та партійному апараті.

Група Слуки підтримувала контакти з групою Попадюка через Григорія Хвостенка, який, щоправда, ігнорував конспірацію і цим викликав застереження. Під час шевченківських свят 1973 р. власне він запропонував поширити у Львові летючки з протестом проти адміністративного згортання урочистостей. Попадюк погодився підготувати текст. Любомира Попадюк надрукувала близько 300 листівок і Зорян через Хвостенка передав їх Худому. В ніч на 28 березня всі учасники гуртка Слуки, крім Долинської, яка була на з’їзді археологів у Москві, трьома групами розклеювали летючки по всьому місту. Відразу після повернення в гуртожиток близько третьої години ночі Філонова, Слуку та Козовика заарештували. Перед четвертою забрали з дому Сварника, над ранок – Кожана. Заарештовано було й Худого, а також учасників Українського національно-визвольного фронту Попадюка, Микитка, Сеньківа, Петрину, Вовка, Ковальчука, Радоня.

Через кілька годин про арешти і списки затриманих повідомила радіостанція «Голос Америки». На Заході відбулися мітинги, акції протесту. Правдоподібно, ця обставина вплинула на ухвалу 30 березня відпустити більшість студентів, заявивши про закінчення попереднього слідства. Долинську затримали в аеропорту 3 квітня, але наступного дня також відпустили. Зоряна Попадюка Львівський обласний суд 13 серпня 1973 р. засудив на 7 років таборів суворого режиму та 5 – заслання, тобто на максимально можливий термін за статтею 62 ч. 1 КК УРСР. На тому ж процесі студент лісотехнічного інституту Яромир Микитко отримав 5 років таборів. Усіх членів УНВФ, які навчалися в інститутах у Львові, виключили з вузів та відправили на службу в армію. 13 квітня комсомольські збори історичного факультету виключили з ВЛКСМ усіх членів підпільної групи, а партзбори – Філонова з КПРС. З університету відрахували Степана Слуку, Івана Сварника, Романа Козовика, Леоніда

Філонова, Ігоря Кожана та Ігоря Худого, а за кілька днів – Мар'яну Долинську. За участь сина в підпільній організації з посади головного редактора видавництва «Каменяр» звільнили Івана Сварника. За «ідейні та методологічні помилки», а фактично за порядність сина, втратив посаду директора Інституту суспільних наук Мирослав Олексюк. Хвиля переслідувань, виключень та звільнень зачепила й інші навчальні заклади Львова[31].

Правозахисний рух

Внаслідок великомасштабного погрому опозиційних сил в Україні й, зокрема, на Львівщині компартійній владі вдалося значною мірою виконати поставлене перед репресивними органами завдання: більшість найактивніших учасників руху Опору опинилася за ґратами, річище самвидаву майже висохло, припинився вихід низки підпільних видань, значну частину інтелігенції приневолено пригальмувати творчу активність, письменники та науковці – нонконформісти були змушені писати в шухляду. Політичний спротив режиму перемістився переважно в табори.

За цих обставин опозиціонери, які залишилися на волі, вирішили вдатися до нової тактики. Умови для її зміни заклав Заключний акт Наради з безпеки та співробітництва в Європі, підписаний 1975 р. у Гельсінкі й незабаром опублікований в СРСР. В обмін на визнання повоєнних кордонів Радянський Союз зобов'язався дотримуватися статей згаданого Акта, які забороняли переслідування людей за політичні переконання. Це дало поштовх новому піднесенню опозиційного руху в Україні, зокрема його правозахисного варіанту. Серед національних груп першою заявила про своє створення Українська громадська група сприяння виконанню Гельсінських угод, або скорочено – Українська Гельсінська група (УГГ). В Декларації, оголошеній 9 листопада 1976 р., зазначалося: «Своїм головним завданням Група вважає ознайомлення урядів країн-учасниць і світової громадськості з фактами порушень на території України Загальної Декларації прав людини та гуманітарних статей, прийнятих Гельсінською Нарадою». Свої підписи під нею поставили десять членів-засновників УГГ, серед них Іван Кандиба, Левко Лук'яненко, Мирослав Маринович та інші. Очолив організацію відомий поет і прозаїк, колишній секретар парткому СПУ Микола Руденко. До кінця 1980 р. УГГ оприлюднила 30 меморандумів, декларацій, маніфестів, звернень та інформаційних бюлетенів (почали видаватися 1978 р.).

Незважаючи на публічне підписання Гельсінського акта, комуністичний режим не забарився з розправою над членами УГГ. 23–24 грудня відбулися обшуки в Левка Лук'яненка, Івана Кандиби та інших членів Групи, а 5 лютого 1977 р. заарештували Миколу Руденка й Олексу Тихого, 23 квітня – Мирослава Мариновича, 12 грудня – Левка Лук'яненка. Руденка і Тихого 1 червня засудили відповідно на 12 та 15 років таборів і заслання (максимальні терміни), 27 березня 1978 р. Маринович також одержав 12 років ув'язнення, Лук'яненко 20 липня – 15 років. Але на місце заарештова-

[31] ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 25. – Спр. 877. – Арк. 33–36; Там само. – Арк. 27–29; Там само. – Арк. 49–50; Там само. – Арк. 52; Аудіоінтерв'ю автора з Зоряном Попадюком 27.03.1996 р.; Інтерв'ю автора з Яромиром Микитком 3.09.1996 р. та 7.05.2006 р.; Будзінський Т. В. Діяльність нелегальної групи студентів історичного факультету Львівського університету (1972–1973): Дипломна робота. – Львів, 1995. – С. 47–50, 54–64, 67–74, 84–88; Літературний Львів. – 1993. – № 7. – С. 2.

них приходили нові люди і УГГ функціонувала далі. Керівництво Групою почергово перебирали на себе Олесь Бердник, Оксана Мешко, Василь Стус. У 1979 р. до УГГ вступили, відкрито оголосивши свої імена та адреси, Стефанія Шабатура, Юрій Шухевич, Ірина Сеник, В'ячеслав Чорновіл, Зіновій Красівський, згодом – Михайло Горинь. Загалом кількість членів Групи зросла до 41 особи. Майже всі вони невдовзі опинилися за ґратами.

Двох членів УГГ – Василя Січка та його батька, колишнього політв'язня (1947–1957 рр.) Петра Січка – судили у Львові 4 грудня 1979 р., формально – за виступ на могилі відомого композитора Володимира Івасюка 10 червня 1979 р., а фактично – за їх членство в УГГ. 24 квітня 1979 р. В. Івасюк безслідно зник, а 18 травня його знайшли повішеним у Брюховицькому лісі під Львовом. Чимало людей не повірили в офіційну версію про самогубство, на похорон 22 травня зійшлося близько десяти тисяч осіб. 10 червня, на Трійцю, біля могили Івасюка відбулася громадянська панахида. У своїх виступах батько та син Січки звинуватили владу у смерті композитора. Заарештували їх обох 5 липня. Засудили на 3 роки таборів кожного.

Іншого члена УГГ, В'ячеслава Чорновола, який закінчував свій 9-річний термін на засланні в Якутії, 9 квітня 1980 р. заарештували у м. Мирному, звинувативши в спробі «зґвалтування». Від часу арешту до суду 6 червня Чорновіл витримував голодування в знак протесту проти фабрикації кримінальної справи. Закритим судом 6 червня йому оголосили вирок: 5 років концтабору.

Стефанія Шабатура в грудні 1979 р. повернулася з ув'язнення до Львова. Її відразу поставили під 6-місячний адміністративний нагляд. У зв'язку з участю в УГГ залякували новим терміном і в 1980 р. адміннагляд продовжили.

23 березня 1981 р. взяли під варту Івана Кандибу, останнього з членів-засновників УГГ, хто ще перебував на волі. З поверненням до Львова в січні 1976 р. після 15-літнього ув'язнення йому 9 разів продовжували 6-місячний адміністративний нагляд у визначеному для проживання містечку Пустомитах під Львовом. 24 липня за участь у створенні та діяльності УГГ Львівський обласний суд оголосив його особливо небезпечним рецидивістом і позбавив волі на 10 років у таборах особливого режиму та на 5 – у засланні.

Повернувшись 1971 р. з ув'язнення, Михайло Горинь 6 років працював кочегаром, а на сьомий йому запропонували працю психолога в лабораторії економіки Львівського заводу кінескопів. В УГГ він займався виданням «Бюлетеня Гельсінської групи». Разом з дружиною Ольгою вони збирали, укладали і друкували матеріали, а готові бюлетені передавали до Києва та Москви (підготували чотири номери – від 4-го до 7-го). КДБ знав про це, але кілька обшуків результатів не дали. Тоді у їхнє підсобне приміщення було підкинуто пакунок з провокативними матеріалами, який тут же «виявили» під час чергового обшуку, і 3 грудня 1981 р. Гориня заарештували. Ні протести, ні голодування, ні гостре серцеве захворювання справі не зарадили. До звинувачень додали ще симпатії до польської «Солідарності», тож 24 червня 1982 р. Львівський облсуд оголосив Михайла Гориня особливо небезпечним державним злочинцем-рецидивістом і засудив максимальним вироком – 10 років таборів особливого режиму та 5 – заслання.

Таким чином, місцем перебування і функціонування УГГ стали концтабори та поселення засланців, але й у цих умовах група поповнювалася новими членами, над-

силала заяви, петиції, протести. Вона залишилася єдиною в СРСР правозахисною організацією, яка не заявила про свій саморозпуск[32].

Переможний фініш опозиційного руху

З точки зору влади на початку 1980-х років опозицію було розгромлено: більшість активних учасників руху Опору опинилася в ув'язненні. Та лише окремі з них «стали на путь исправления», тобто не витримали фізичних та моральних тортур і покаялися. Решта зберегла стійкість духу, наснагу для подальшої боротьби. Вони становили велику потенційну силу, яка, власне, й стала рушієм демократизаційного поступу на завершальному етапі національно-визвольної боротьби.

Прагнення Радянського Союзу домогтися міжнародного визнання процесу демократизації комуністичного режиму змушувало уряд СРСР зважати на реакцію світової громадськості щодо дотримання міжнародних угод з гуманітарних питань, зокрема прав людини. Утримування людей у концтаборах лише за розбіжність їх поглядів з ортодоксальними догматами в умовах декларованого плюралізму ідей залишалось анахронізмом тоталітаризму. У квітні 1987 р. делегація урядової Гельсінської комісії США, очолювана конгресменом Стенлі Гоером, вручила В. Щербицькому список 175 українських політв'язнів, вимагаючи їх звільнення.

Посилився й тиск внутрішньої опозиції. 6 вересня 1987 р. утворилася Українська ініціативна група за звільнення в'язнів сумління. До неї увійшли В. Барладяну, І. Гель, М. Горинь, З. Попадюк, С. Хмара та В. Чорновіл. Група звернулася до уряду СРСР з вимогами звільнити й реабілітувати всіх політв'язнів, вилучити з Кримінального кодексу УРСР дискримінаційні антиконституційні статті та повернути в Україну тіла політв'язнів, які загинули в концтаборах[33].

Спільними зусиллями закордонних та вітчизняних правозахисників, урядів демократичних держав вдалося домогтися кардинальних зрушень. Протягом 1987 р. з тюрем, концтаборів та заслань повернулися близько 300 політв'язнів. Однак на початок 1988 р. у в'язницях та психотюрмах ще залишалося не менш як півсотні в'язнів сумління. Це були ті, хто відмовився писати заяви про «помилування». Їх звільняли 1988 р. 7 грудня на сесії ООН М. Горбачов, трішки злукавивши, заявив, що в СРСР політв'язнів немає. Але останні члени УГГ полишили табори лише 1989 р., а засуджений 1979 р. за перехід кордону Богдан Климчак – наприкінці 1990 р.

Повернувшись в Україну, більшість в'язнів сумління без перепочинку і лікування включилася в політичну боротьбу, об'єднавши зусилля з тими, хто був на волі. 5 серпня 1987 р. у відкритому листі М. Горбачову В. Чорновіл заявив про неодмінність існування легальної опозиції, вимагав усунення від керівництва «команди» Щербицького, докорінної перебудови національної політики, правдивого висвітлення історії України, повідомляв про відновлення видання «Українського вісника» і провіщав Горбачову

---

[32] Український правозахисний рух: Документи і матеріяли Української громадської групи сприяння виконанню Гельсінських Угод. – Торонто; Балтимор, 1978. – С. 9, 11–17, 19–28, 63–97; Лепша І. Життя і смерть Володимира Івасюка. – К., 1994. – С. 43; Свобода. – 1980. – 8 лютого; Українська Гельсінська група. – С. 786–787, 940; Українська думка. – 1990. – 15 лютого; Свобода. – 1981. – 30 грудня; Зайцев Ю. Життя в вінок безсмертя України // Красівський З. Невольницькі плачі. – Львів, 1995. – С. 7–9; Аудіоінтерв'ю автора з Іваном Кандибою 20.03.1995 р.; Аудіоінтерв'ю автора з Михайлом Горинем 9.11.2004 р.

[33] Сучасність. – 1987. – Ч. 12. – С. 117.

прокляття ортодоксальних комуністів за зраду їх інтересів[34]. Того ж місяця В. Чорновіл, І. Гель, М. Горинь та П. Скочок відновили випуск журналу «Український вісник».

Стурбована переходом ініціативи до політичних опонентів, партійна номенклатура вирішила скористатися апробованим ще в 1930-х роках методом «всенародного обурення діями відщепенців». Не гребувала й силовими заходами. Щоб зірвати участь української делегації в роботі міжнародного семінару з гуманітарних проблем у Москві (10–15 грудня 1987 р.), під найнесподіванішими приводами (підозра у перевезенні наркотиків або зброї, у спекуляції, грабіжництві чи бродяжництві) затримали, зняли з потягів В. Чорновола, М. Гориня, І. Геля та вірменського політв'язня Паруйра Айрикяна, який перебував тоді у Львові. 4 серпня 1988 р., 12 березня, 28 липня і 1 жовтня 1989 р. відбулися жорстокі погроми багатолюдних мітингів. Затриманих розвозили по судах, штампували вироки: примусова праця до 2 місяців або арешт на 15 діб. Репресій зазнали Ірина та Ігор Калинці, Я. Путько, Я. Лишега, М. Полотнюк та інші. 15 березня 1989 р. за участь у несанкціонованому мітингу на 15 діб засудили Богдана Гориня. За протест проти цього присуду такий самий термін одержав Іван Макар.

Після багаторічної праці «в шухляду» опозиційна творча інтелігенція черговий раз вдалася до створення позацензурних видань. Так, у листопаді 1987 р. побачив світ перший машинописний номер літературно-мистецького та науково-популярного альманаху «Євшан-зілля» за редакцією Ірини Калинець. Зацікавлені читачі дістали змогу ознайомитися з творами Василя Стуса, Ярослава Дашкевича, Ігоря Калинця, Михайла Осадчого, Стефанії Гнатенко, Богдана Гориня. Художнє оформлення часопису виконала Стефанія Шабатура.

7 грудня того ж року у Львові виникла альтернативна офіційним спілкам Українська асоціація незалежної творчої інтелігенції (УАНТІ). Її заснували Михайло Осадчий, Ігор Калинець, Микола Руденко, Ірина Сеник, Степан Сапеляк, В'ячеслав Чорновіл, Євген Сверстюк, Михайло Горинь, Іван Світличний, Ірина Калинець, Опанас Заливаха, Павло Скочок, Стефанія Шабатура, Василь Барладяну та інші. Квиток № 1 виписали на ім'я Василя Стуса (посмертно). Друкованим органом асоціації став редагований М. Осадчим самвидавний журнал «Кафедра», перше число якого з'явилося в січні 1988 р.

Наприкінці 1987 р. відновила призупинену репресіями діяльність Українська Гельсінська група. До її складу з-поміж шести осіб було кооптовано й Б. Гориня. 30 грудня редколегія «Українського вісника» оголосила про своє входження повним складом в УГГ та перетворення журналу в її друкований орган. Головою Групи обрали Л. Лук'яненка. До виконавчого комітету увійшли М. Горинь, З. Красівський, В. Чорновіл. Прагнучи перетворити УГГ з правозахисної у політичну організацію, члени Групи 7 липня 1988 р. проголосили утворення на її базі Української Гельсінської спілки (УГС), до певного часу зберігаючи її правозахисні функції. Головою Спілки обрали Л. Лук'яненка, який на той час ще перебував на засланні, а до виконавчого комітету увійшли В. Чорновіл, М. Горинь, С. Хмара, В. Барладяну, М. Горбаль, О. Шевченко, згодом – Є. Пронюк. Львівську обласну філію УГС очолив Б. Горинь. Починаючи з вересня 1989 р., УГС відкрито стала на шлях боротьби за вихід України з СРСР. На початок 1990 р. вона налічувала близько 1,5 тис. офіційних членів, мала відділення майже в усіх областях України. 29 квітня 1990 р. на установчому з'їзді у Києві УГС перетворилася в Українську республіканську партію (УРП).

[34] Український вісник. Випуск сьомий (серпень 1987). – Сучасність, 1988. – С. 7–25.

Український рух Опору не замикався в національних кордонах, а прагнув координувати свою діяльність з учасниками визвольних рухів в інших країнах. З цією метою М. Горинь та В. Чорновіл брали участь у Міжнаціональному комітеті захисту політв'язнів та Нараді представників національно-демократичних рухів народів СРСР. Одне з перших засідань Наради відбулося 11–12 червня 1988 р. у Львові за участю опозиціонерів з Грузії, Естонії, Латвії, Литви та України. Підсумкова заява констатувала неспроможність КПРС та уряду СРСР розв'язати національну проблему. Передбачалася політична та економічна децентралізація СРСР. Для узгодження дій між черговими нарадами було утворено Координаційний комітет патріотичних рухів народів СРСР. Від українського руху Опору до нього ввійшли С. Хмара та В. Чорновіл[35].

Значний вплив на активізацію опозиційного руху на Львівщині мали суспільно-політичні процеси в сусідній Польщі. Насамперед йдеться про діяльність вільної профспілки «Солідарність», заснованої 17–22 вересня 1980 р. на конференції в Гданську. За рік вона перетворилася в десятимільйонну організацію, яка не визнавала керівної ролі ПОРП. Уважно стежили опозиціонери Львівщини також за антиімперськими демократизаційними процесами у Прибалтиці в 1988–1990 рр., зокрема за діяльністю народних фронтів та литовського руху «Саюдіс». Хоча спроби створення на Львівщині Демократичного фронту сприяння перебудові в 1988 р. через погромні акції влади виявилися невдалими, та все ж у 1989 р. постав більш властивий ментальності українців Народний рух України за перебудову. Установча конференція його Львівської регіональної організації однією з перших в Україні нелегально відбулася 7 травня в будинку архітектора за участю 188 делегатів та 12 гостей. Вона обрала Раду з 57 та її Президію з дев'яти осіб, яку очолили співголови Орест Влох, Михайло Голубець і Любомир Сеник. Десятим її членом за посадою став голова оргвідділу (виконкому) Ради, голова оргкомітету конференції Всеволод Іськів. 8–10 вересня того ж 1989 р. в Києві відбувся Установчий з'їзд НРУ. Головою Руху обрали Івана Драча. На виборах до Верховної Ради УРСР 1990 р. очолені НРУ демократичні сили Львівщини перемогли в усіх 24 округах. Вперше в історії радянської України депутатами Верховної Ради стали кандидати від опозиції[36].

17 квітня 1991 р. Верховна Рада УРСР прийняла Закон про реабілітацію жертв політичних репресій в Україні, згідно з яким підлягали виправданню усі засуджені за статтями 62 і 187[1] та «релігійними» статтями КК УРСР, а також тортуровані примусовими заходами медичного характеру, тобто в'язні психотюрем[37]. Щоправда, реабілітацію здійснювали ті ж інстанції, які ухвалювали вироки, – КДБ та прокуратура. Після проголошення незалежності 24 серпня 1991 р. та підтримки цього Акта всенародним референдумом 1 грудня того ж року реабілітовані учасники руху Опору енергійно включилися в будівництво суверенної Української держави.

[35] Докладніше див.: Історія України / Керівник авт. кол. Ю. Зайцев. – Львів, 1996. – С. 394–400.

[36] Прибалтика: Сообщает ТАСС // Советская молодежь. – 1988. – 20 мая; Установча конференція Народного руху України за перебудову, 7 травня 1989 року // Відеоархів Ярослава Лемика / Упоряд. Олег Іванусів, Зенко Матчак, Юрій Зайцев; Іськів В. Початок діяльності Львівського Руху // Форум. – 2009. – № 2 (17). – С. 15–17, 29; Голубець М. Народний Рух України. Львівщина. Рік перший. – Львів: Поллі, 1998. – С. 9–12, 24–25; Руху Народного поступ сталевий // Поступ. – 1989. – № 3.

[37] Голос України. – 1991. – 8 травня.

Розділ четвертий

ФОТОДОКУМЕНТИ

Будинок колишньої тюрми НКВС у Львові («Тюрма на вулиці Лонцького»)

Пам’ятник жертвам
комуністичних репресій у Львові

Подвір’я «Тюрми на Лонцького»: вид на колишні тюремні камери

«Пам’яті жертв НКВС – гестапо – МДБ 1939–1953 рр.»

У будинку колишньої тюрми НКВС відкрито Музей пам’яті жертв комуністичних репресій

Будинок колишньої катівні НКВС на вулиці Замарстинівській у Львові

«Схили голову перед пам'яттю невинних жертв»

Віра-Марія Франко

Петро Франко

Петро Франко з дружиною Ольгою і дочкою Вірою-Марією (Коломия, 1924 р.)

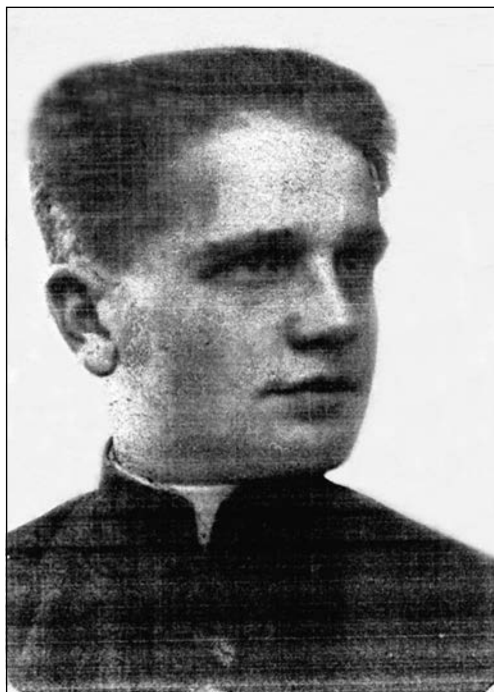
Священик Йосиф Кладочний під час заслання у Мордовії

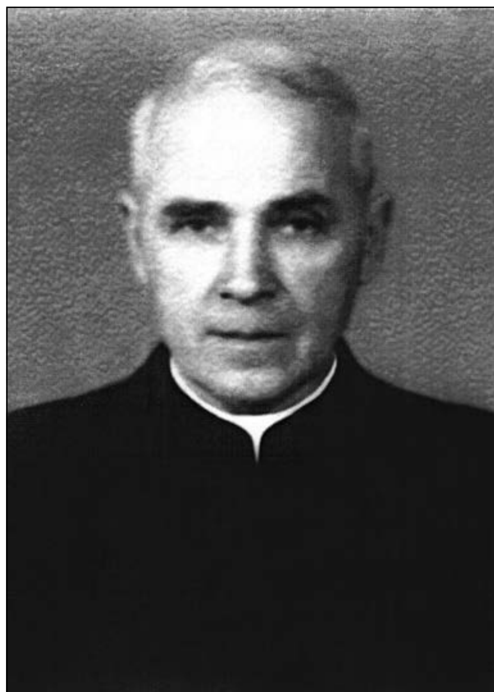
Єпископ Микита Будка; помер у 1949 р. в Карагандинському концтаборі

Священик Андрій Бандера, батько Степана Бандери; розстріляний у 1941 р. в київській в’язниці

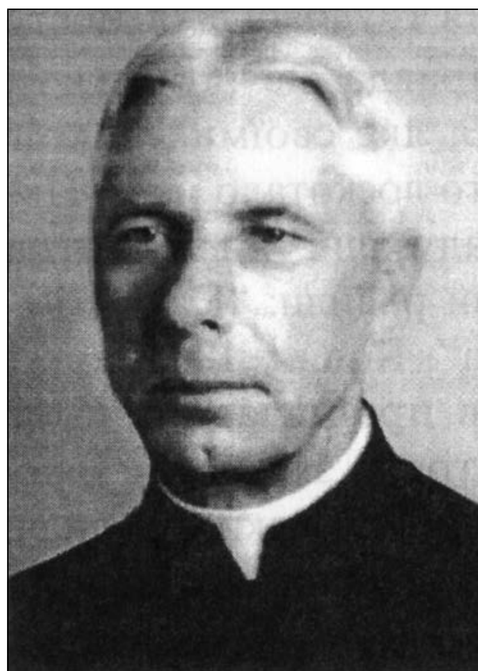
Політв'язень о. Василь Вербовицький

Політв'язень о. Василь Галій

Політв'язень о. диякон Степан Мамчур

Політв'язень о. Теофіл Ковалюк.
Загинув у Сибіру в 1942 р.

Політв'язень Євген Наконечний

Політв'язень Володимир Климчук

Політв'язень Степан Хомин

Політв'язень Михайло Подольчак

Політв'язень Євген Куцик

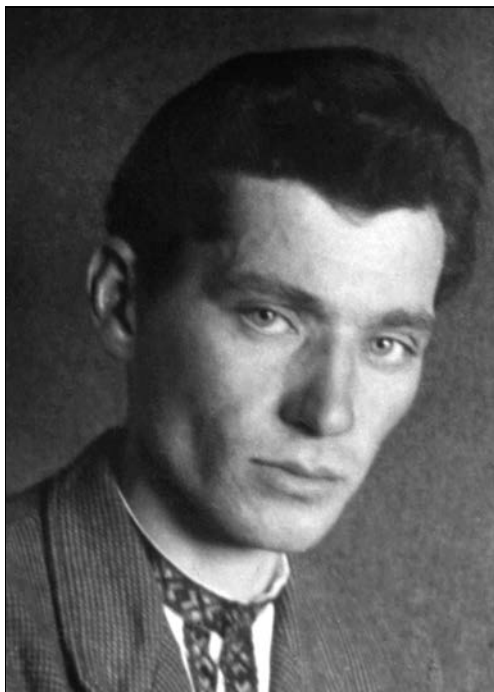
Політв'язень Василь Підгородецький

Політв'язень Михайло Гойсак

Політв'язень Василь Гусак

Політв'язень Михайло Сеньків

Політв'язень Михайло Сорока

Репресований Володимир Самагальський

Політв'язень Василь Макух

Політв'язень
Богдан Чура

Політв'язень
Петро М. Франко

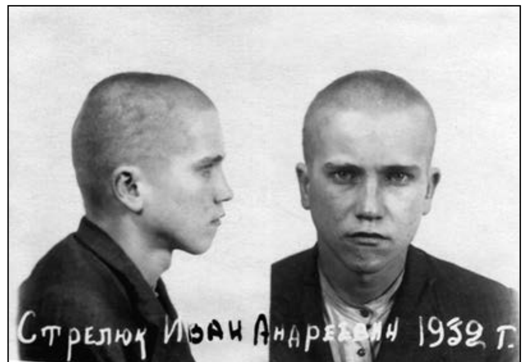
Політв'язень
Богдан Панас

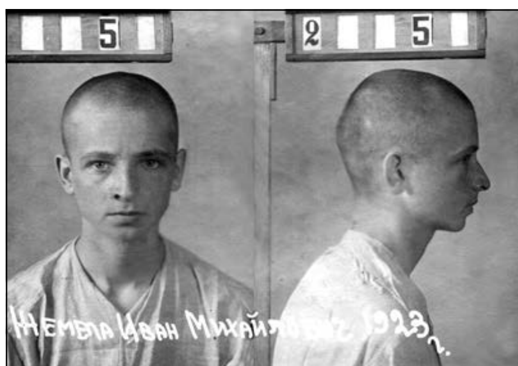
Політв'язень
Іван Зелений

Політв'язень
Розалія Гельмас

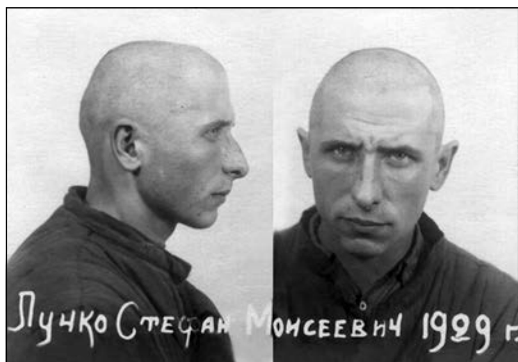
Політв'язень
Іван Стрелюк

Політв'язень
Іван Жемела

Політв'язень
Григорій Барабаш (Чубко-Турків)

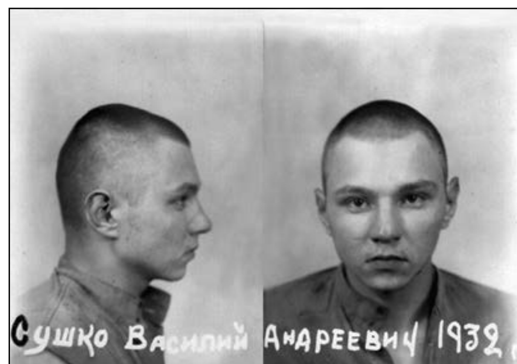
Політв'язень
Стефан Лучко

Політв'язень
Стефанія Савчин

Політв'язень
Стефанія Малецька

Політв'язень
Василь Сушко

«У війни – не жіноче обличчя…»
А яке обличчя у каторги?
Яке обличчя у чужини?..
Ці жінки залишили свою молодість у Сибіру. Із Сибіру ж привезли незагоєний біль, втрачене здоров’я, поламану долю і… ці невеселі фотографії.

Діти політв'язнів на засланні

Стор. 704–705: на лісоповалі

Лісоповал, лісосплав, сіножаті – «робочі місця» спецпоселенців

У таких землянках (Кемеровська область) проживали репресовані

Подружжя Ярослав та Стефанія Савки на засланні (Кемеровська область, 1948 р.)

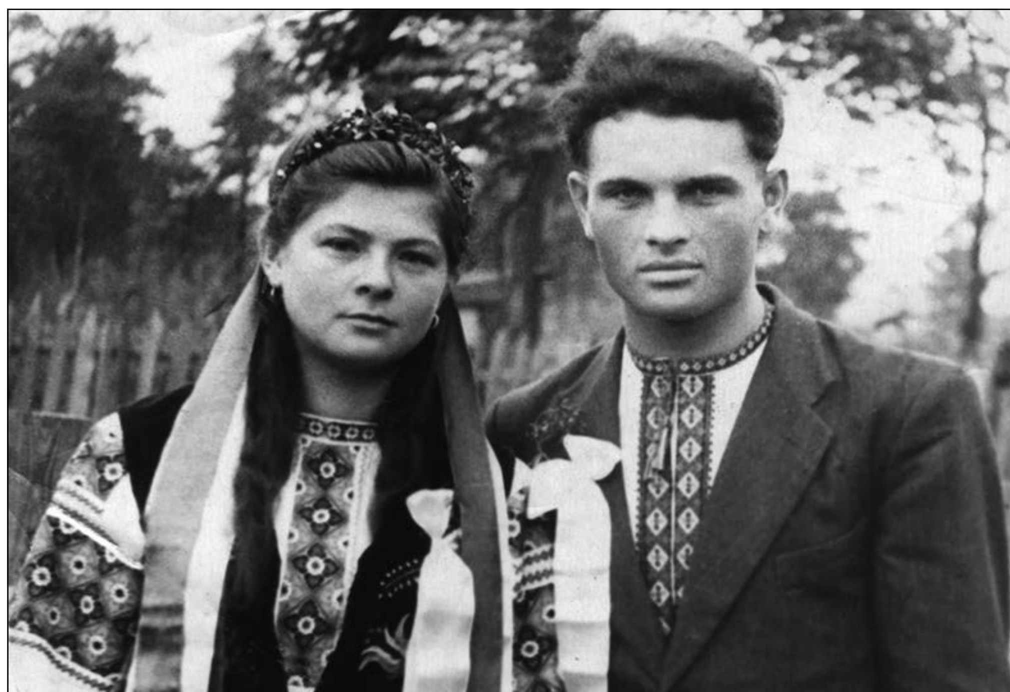
Юрія Ховалку вивезли у Сибір у віці 16 років; на фото – йому вже 28

Репресована Ярослава Кучер.
Хабаровський край, 1951 р.

Репресований Ярослав Посполіта.
Хабаровський край, 1952 р.

Ярослава Кучер і Ярослав Посполіта під час одруження на засланні. 1955 р.

Ганна Корж, Емілія Паук та Катерина Возьна були виселені у Новосибірську область невдовзі після «золотого вересня» (фото 1941 р.)

Галина Андрусів-Волощак (ліворуч) після вистави «Безталанна» (самодіяльний театр львівських спецпоселенців), Амурська область, 1951 р.

Навіть в умовах Сибіру галичани не втрачали сили духу, національної гідності, не зрікалися своїх традицій.
На фото: весілля Володимира Муйли (уродженця Дрогобиччини) в Іркутську, 1957 р.

Різдвяний вертеп у Львові, 1.01.1972 р.: Л. Попадюк, В. Стус, О. Антонів, І. Калинець, Г. Садовська, М. Горинь, М. Садовська, С. Шабатура (циган), М. Гатала, О. Кузьменко

Політв'язні Ольга Горинь, Василь Підгородецький зустрілися на волі з учасницею дисидентського руху Оленою Антонів. 1986 р.

Колишні політв'язні – організатори руху за незалежність України: Михайло Горинь, В'ячеслав Чорновіл, Левко Лук'яненко, Зіновій Красівський. 23.08.1988 р.

Встановлення національного прапора на Високому замку у Львові. 22 січня 1990 р.

Іменний покажчик

В

Г

Д

Е

Є

Ж

З

І

Й

К

Л

М

Н

О

П

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Ю

Я

Географічний покажчик

В

Г

Д

Е

Є

Ж

З

І

Й

К

Л

М

Н

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Ю

Я

Умовні скорочення

авт. – автор(и)
АН УРСР – Академія наук УРСР
АРСР – автономна радянська соціалістична республіка
БРСР – Білоруська Радянська Соціалістична Республіка
бур – барак посиленого режиму (рос. барак усиленного режима)
ВКП(б) – Всесоюзна комуністична партія (більшовиків)
ВМП (рос. ВМН) – вища міра покарання
ВО – військовий округ
в-во – воєводство
ВТ – військовий трибунал
ВТТ (рос. ИТЛ) – виправно-трудовий табір
ВББ (рос. ОББ) – відділ боротьби з бандитизмом
ГУЛАГ – Головне управління таборів (рос. Главное управление лагерей)
зал. ст. – залізнична станція
ЗЗУ – західні землі України
ЗУНР – Західно-Українська Народна Республіка
КДБ (рос. КГБ) – Комітет державної безпеки
концтабір – концентраційний табір
КП(б)У – Комуністична партія (більшовиків) України
КПЗУ – Комуністична партія Західної України
Ліспромгосп (рос. леспромхоз) – лісопромислове господарство
м. – місто
МДБ (рос. МГБ) – міністерство державної безпеки
МВС (рос. МВД) – міністерство внутрішніх справ
НАН України – Національна академія наук України
Наркомат – народний комісаріат
НКВС (рос. НКВД) – народний комісаріат внутрішніх справ
НКДБ (рос. НКГБ) – народний комісаріат державної безпеки
о. – острів
ОДПУ (рос. ОГПУ) – Об’єднане державне політичне управління
ОК – обласний комітет
ОН – Особлива нарада
обл. – область
ОУН – Організація українських націоналістів
ПрикВО – Прикарпатський військовий округ
п.-о. – півострів
р. – ріка
РВ – районний відділ
РК – районний комітет
р-н – район
р. н. – рік народження
РНК України – Рада народних комісарів України
рос. - російський
РРФСР – Російська Радянська Федеративна Соціалістична Республіка
РСЧА (рос. РККА) – Робітничо-Селянська Червона армія
с. – село
СБУ – Служба безпеки України
СЗУ – східні землі України
СМЕРШ («смерть шпигунам») – контррозвідка Червоної (Радянської) армії
смт – селище міського типу
с-пос. – спецпоселення
с-ще – селище
СРСР – Союз Радянських Соціалістичних Республік
УГА – Українська Галицька армія
УГВР – Українська Головна Визвольна Рада
УДК – Український допомоговий комітет
УНДО – Українське народно-демократичне об’єднання
УНР – Українська Народна Республіка
УНФ – Український національний фронт
УПА – Українська повстанська армія
УРСР – Українська Радянська Соціалістична Республіка
ФЗН – фабрично-заводське навчання
х. – хутір

ЗМІСТ

Науково-документальне видання

Реабілітовані історією
Львівська область
Книга перша

Упорядкування, наукова редакція і передмова: В. М. САВЧАК
Вступна стаття: д-р іст. наук проф. М. Р. ЛИТВИН

Відповідальний за випуск: В. М. САВЧАК
Редактор і коректор: К. І. ІВАНОВА
Верстка: Г. Л. БЕГЛЯРОВ
Фотоілюстрації: Архів Львівського обласного товариства політв'язнів та репресованих; архів видавничого центру «Пам'ять»; Г. Л. Бегляров

Підписано до друку 01.09.2009.
Формат 70х100/16. Гарнітура Times.
Папір офсетний. Друк офсетний.
Умовн. друк. арк. 62,22. Замовлення З-010/009.
Тираж 1000 прим.

Видавництво «Астролябія», ТзОВ
а/с 66, Львів 79000 Україна
Тел.: + 38032 243 56 72; Факс: + 38032 243 56 71; Моб. тел.: + 38050 431 54 64.
Ел. пошта: info@astrolabium.com.ua
Web-сторінка: http://www.astrolabium.com.ua
Свідоцтво про внесення до державного реєстру видавців ДК № 967

ISBN 978-966-8657-31-3

Р-31 Реабілітовані історією. У двадцяти семи томах. Львівська область.
Книга перша. – Львів: Астролябія, 2009. – 768 с.

Видання, яке є складовою частиною багатотомної науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією», розповідає про політичні репресії радянської влади у Львівській області впродовж 1939–1980-х рр. Архівні документи, публіцистичні та наукові статті і нариси розкривають політичну та соціально-психологічну атмосферу тих років, механізми терору і насильства комуністичної тоталітарної системи. Спогади жертв репресій відтворюють картини їх каторжного життя у таборах ГУЛАГу, нескореність людського духу, подвижництво і жертовність у боротьбі за незалежність Української держави.

ISBN 978-966-8657-11-5 (Заг.)
ISBN 978-966-8657-31-3 (Книга перша)

УДК 94:323.281.(477.83)"1939/1980"
ББК Т3(4УКР-4ЛЬВ)62-49